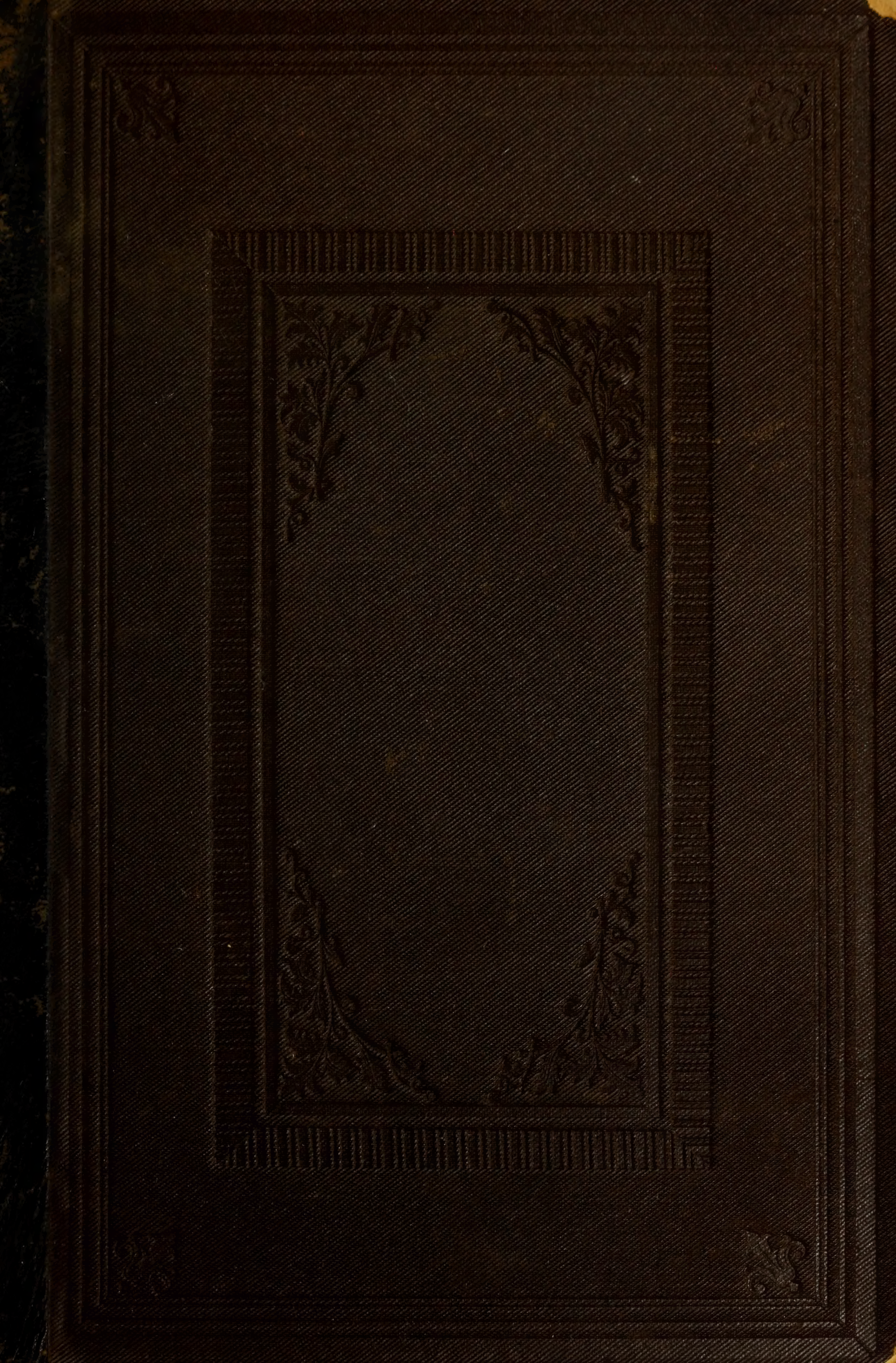
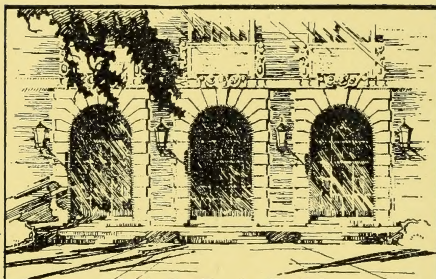




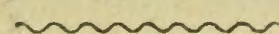
ИСТОРІЯ XIX ВѢКА.

ДИРЕКТОРІЯ

Томъ I.

ПРОИСХОЖДЕНІЕ БОНАПАРТЕ

Мишле.



ПЕРЕВОДЪ СЪ ВТОРАГО ИЗДАНІЯ

М. Цебриковой.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Въ типографіи Ф. С. Сущинскаго.
Екатерининскій каналъ, 168,

1882.

Въ предисловіи я изложу предметъ этого тома, а равно и слѣдующихъ; но прежде мнѣ надо сказать о томъ, какъ онъ былъ заготовленъ и оконченъ при обстоятельствахъ, которыя могли помѣшать ему когда бы то ни было появиться въ свѣтъ.

Въ 1838 г. когда я поступилъ въ Институтъ на отдѣленіе политическихъ наукъ, различные оттѣнки рангій, мнѣній и правительственныхъ системъ, черезъ которыя прошла Франція, были представлены людьми сдѣлавшими и знавшими многое. Тамъ былъ еще конвентъ въ лицѣ Лаканаля, время директоріи въ лицѣ Рэйнгарда. Имперія была тамъ въ лицѣ герцога Бассано. Всѣ они охотно бесѣдовали съ писателемъ, относительно очень молодымъ и который повидимому занимался единственно дневней монархіей. Въ то время я такъ мало надѣялся довести свою исторію до девятнадцатаго вѣка. Однако мой инстинктъ историческаго изслѣдователя побуждалъ меня интересоваться разсказами ихъ и я никогда не возвращался домой послѣ бесѣдъ съ ними безъ какой нибудь любопытной замѣтки, которую я бросалъ въ свои картоны. Замѣтки эти ждали тридцать лѣтъ. Въ архивахъ также, гдѣ я былъ начальникомъ

историческаго отдѣленія, я имѣлъ случай видѣть и слышать другихъ лицъ, которыя приходили дѣлать справки по своимъ дѣламъ и обязательно бесѣдовали со мной. Тамъ я познакомился съ Лагардомъ, остроумнымъ секретаремъ директоріи, и тѣми изъ подрядчиковъ, которые, гораздо болѣе нежели директорія, снарядили молодаго корсиканца и пустили его на свой счетъ въ великую итальянскую кампанію; которые, наконецъ, не смотря на дикую неблагодарность его, привязались къ судьбѣ его и устроили для него, такъ дорого стоившій, 18 брюмеръ.

Замѣтки эти, такъ драгоцѣнныя, мирно покоились въ картонахъ своихъ, и въ тотъ день, когда я захотѣлъ воспользоваться ими, онѣ едва не погибли.

Я живу близь обсерваторіи, въ пустынной и безмолвной части города, никогда не имѣвшей чести быть замѣшанной въ великія событія Парижа. Въ одно утро порѣшили, что необходимо жечь ее для защиты города. Если сжигали центръ части—ратушу, то тѣмъ болѣе слѣдовало сжечь все находившееся на дорогѣ версальской арміи, кварталы Монъ-Парнасъ и Обсерваторіи. Мой домъ находился на углу обѣихъ улицъ и близь Люксембурга, и при такомъ стратегическомъ положеніи долженъ былъ первымъ подвергнуться уничтоженію; но этого не случилось. Упрямые защитники его отсрочили это дѣло. Однако сраженіе приближалось и тогда сожгли нижній этажъ, который былъ обращенъ въ пепелъ. Потомъ жгли первый этажъ, и поднимавшееся пламя спалило второй. Оно проникло въ третій, который я занимаю, сожгло даже кресло, на которомъ я писалъ столько лѣтъ... Но это было все, не хватило времени сдѣлать большее. Всего болѣе вреда этой комнатѣ,

сохранившейся какимъ то чудомъ въ пожарѣ, нанесъ взрывъ пороховаго склада въ Люксембургѣ. Стекла разлетѣлись не въ осколки, но въ мелкіе острые дребезги, въ иглы, которыя вонзились повсюду, и въ особенности въ мое лицо; я хочу сказать въ лицо на моемъ портретѣ, въ которое попала не одна пуля. Это жаль. Лицо это, которое лучше моего, очень хорошо рекомендовало бы меня будущему. Если бы оригиналъ его былъ на мѣстѣ, то навѣрное былъ бы если не убитъ, то ослѣпленъ.—И кто бы тогда могъ разобрать мои рукописи?

Къ счастью, я былъ далеко отъ Парижа. Я выѣхалъ оттуда, когда императрица, вмѣсто того чтобы думать о защитѣ, дозволила войти въ городъ этотъ двухъ милліоннаго населенія цѣлый міръ безполезныхъ ртовъ—четыреста или пятьсотъ тысячъ крестьянъ. Я узналъ въ Лозаннѣ о паденіи имперіи. Никто въ Европѣ не могъ понять правительства до того безумнаго, что оно въ Парижѣ вдвинуло цѣлую Францію, какъ бы для того, чтобы ее могли взять разомъ. Это безуміе выказалось во всемъ свѣтѣ именно въ ту минуту, когда правительству такъ нужно было защищать свое дѣло, отвѣчать на клеветы, на подкупленныя статьи толпы журналистовъ,—когда, говорю я, въ этой бурѣ ругательствъ и свистковъ, оно не отвѣчало, потому что само заперло, заглушило въ четырехъ стѣнахъ самые громкіе голоса свои. Я не знаю, что думали тѣ, которые находились внѣ Парижа съ ихъ воздушными шарами, голубями. Но я знаю, что въ эту мрачную пору—почти шести мѣсяцевъ, міръ гремѣлъ отъ громкихъ ударовъ получаемыхъ безгласною Франціею. Мой семидесятидвухлѣтній возрастъ не позволялъ мнѣ быть тѣмъ сильнымъ голосомъ, который

былъ нуженъ Франціи. Но дѣло было такъ вопіюще, что и не французы могли быть потрясены. Посмѣяніе непріятеля не такъ пронзило мнѣ сердце какъ измѣна нашихъ друзей. Передо мной постоянно носился сонъ 1400 года, времени Карла VI, видѣніе челоеѣка, который видѣлъ побѣдителя возсѣвшаго на тронъ подъ башнями церкви Богородицы и униженную Францію, плачущую въ притворѣ. Среди этого страшнаго молчанія я одинъ заговорилъ въ Европѣ. Книга моя, которую я написалъ въ сорокъ дней, была первой и долгое время единственной защитой отечества. Переведенная на нѣсколько языковъ и въ особенности на англійскій, она разрушала единодушіе зложелательства, которое такъ легко было добыто золотомъ г. Бисмарка. Раздались молодые краснорѣчивые голоса, даже изъ самаго Лондона въ нашу защиту. Общественная совѣсть была пробуждена отъ Темзы до Дуная. Австрія и геноическая Венгрія помѣстили отрывками мою книгу въ своихъ журналахъ. Я назвалъ этотъ крикъ сердца «Франція передъ Европой» *и выставилъ эпиграфомъ этотъ великій совѣтъ будущаго*: судьи да будутъ судимы.

По странной случайности, о которой я нисколько не сожалѣю, издатель моего большаго труда—исторіи издалъ въ этомъ году первый томъ втораго изданія его и въ этомъ томѣ напечаталъ предисловіе, въ которомъ я, отдавая отчетъ въ моемъ предварительномъ изученіи, объяснялъ безъ всякихъ оговорокъ свои симпатіи къ старой Германіи, къ апостолу ея Лютеру, къ народнымъ судилищамъ ея и къ дружбѣ, которою почтилъ меня ученый собиратель Яковъ Гриммъ, умъ проницательный, понявшій хорошо, что позади академической и офиціаль-

ной Франціи есть и другая, не болѣе умная, но болѣе чистосердечная и глубокая.

Моя точка зрѣнія въ отношеніе Германіи была братской. О, какъ я любилъ ее, эту Германію, великую и наивную, Германію Нибелунговъ и Лютера, Бетховена, добраго Фребеля и дѣтскихъ садовъ. Но я несравненно менѣе любилъ ироническую Германію Гёте, софистическую Германію Гегеля, которая создала современный фатализмъ ея. Я ожидалъ большаго отъ Германіи, и я пораженъ тѣмъ, что вижу ее мертвой среди побѣдъ ея, мертвой въ желѣзномъ гробѣ, гдѣ (славянская держава) Пруссія похоронила ее.

Мои симпатіи къ Германіи и вообще ко всѣмъ великимъ народамъ Европы, симпатіи тѣмъ болѣе французскія, чѣмъ болѣе онѣ были европейскими, преимущественно проявились въ Французской Коллегіи. (Collège de France). *Окруженный молодыми людьми, любившими меня, я держалъ тамъ столъ Артура, за который приходили садиться всѣ народы и просить, чтобы я напиталъ ихъ жизнью.*

Все время, пока существовалъ Цезарь, я не думалъ возвратиться туда. Я оканчивалъ громадный памятникъ, который я былъ обязанъ дать Франціи. Но въ 1871 г. я счелъ себя обязаннымъ требовать менѣе ради себя, чѣмъ ради Французской Коллегіи, ради несмѣняемости профессоровъ ея,—право признанное съ основанія ея и не однимъ министромъ.

Г. Жюль Симонъ отвѣтилъ мнѣ, что каѳедра моя была правильно занята. Я отрицаю это. Въ 1852 году г. Альфредъ Мори, библіотекарь пользовавшійся большимъ

довѣріемъ императора, получилъ назначеніе на каѳедру эту и сверхъ того должность директора архивовъ.

То же запрещеніе моихъ учебниковъ, моего руководства Новой исторіи, которое нѣкогда было рекомендовано для университета. До такой степени боялись даже безпристрастныхъ книгъ замѣнившихъ книги имперіи.

Это не жалоба.

Отрѣшенъ на время въ 1847 г. министерствомъ Гизо,

Отставленъ 2 Декабря, безъ просьбы объ отставкѣ и пенсіи,

Подожженъ коммуной,

И снова оттѣсненный отъ каѳедры версальскимъ правительствомъ,

Я не жалуюсь. Ни что не измѣнило мнѣ. Правительства, партіи—всѣ оказались согласными вознаградить меня, провозгласивъ, какъ только могли, мою независимость.

Я вполнѣ заслужилъ это. Я не измѣнялся. Если у меня нѣтъ каѳедры, то тѣмъ болѣе у меня есть трибуналъ, несмѣняемый и настолько высокій, что я могу хорошо видѣть бури, въ которыхъ все мятется и крутится подъ вихремъ революціи. Для государей, для народовъ и для революцій самихъ въ этомъ трибуналѣ послѣдній судъ, окончательное рѣшеніе, приговоръ.

1 Января 1872 г.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Одинъ изъ наиболѣе важныхъ и наименѣе замѣченныхъ фактовъ нашего времени тотъ, что ходъ времени совершенно измѣнился. Время страннымъ образомъ удвоило шагъ свой. Въ продолженіи жизни одного человѣка, (обыкновеннаго срока семидесяти двухъ лѣтъ), я видѣлъ двѣ большія рев люціи, между которыми въ прежнія времена должны бы были истечь два тысячелѣтія.

Я родился посреди великой земельной революціи и въ послѣдніе года, передъ своею смертью видѣлъ зарожденіе великой промышленной революціи.

Рожденный во время террора Бабёфа, я вижу передъ смертью терроръ интернаціонала.

Много разъ та же самая паника создавала и въ мое время то, что считали лекарствомъ — военную диктатуру, цезаря Аустерлица, цезаря Седана.

Великія перемѣны, приковывая вниманіе къ себѣ, отвлекли его отъ факта не менѣе важнаго и болѣе общаго: созданія имперіи, величайшей, какую видѣло солнце, англійской имперіи, въ десять разъ болѣе обширной, нежели имперія Бонапарта и Александра великаго.

Никогда еще смерть не одерживала такаго тріумфа на земномъ шарѣ. Если Наполеонъ въ продолженіи только десяти лѣтъ съ 1804 по 1814 г., убилъ, по собственному исчисленію своему мильонъ семьсотъ тысячь французовъ и, безъ сомнѣнія, столько же нѣмцевъ, русскихъ и пр., то Англія въ значительномъ процессѣ обвинила одного изъ правителей въ томъ, что онъ убилъ голодомъ и въ одинъ годъ мильоны индійцевъ. По одному этому факту можно судить чѣмъ могла быть въ продолженіи ста лѣтъ колоніальная тиранія, господствовавшая безъ контроля, въ неизвѣстности надъ двумя стами милліонами людей.

Но если разрушительныя силы одерживали такіе успѣхи, то и творческія силы не немѣе изумляютъ чудесами своими. И это такъ недавно! Мнѣ кажется, что я грежу, когда я думаю о невѣроятныхъ вещахъ совершившихся въ продолженіи одной человѣческой жизни. Я родился въ 98 г. То было время когда М. Уатъ, давно уже сдѣлавшій открытіе свое, примѣнилъ его на дѣлѣ на своемъ заводѣ Уаттъ и Больтонъ и производилъ безъ числа своихъ желѣзныхъ и мѣдныхъ работниковъ, благодаря которымъ Англія вскорѣ пріобрѣла силу четырехъ сотъ мильоновъ людей. Этотъ чудесный англійскій міръ, родившійся со мною, уже клонится къ упадку. И этотъ ужасный вѣкъ, примѣнивъ къ войнѣ свой механическій геній, создалъ вчера побѣду Пруссіи.

Тѣ, которые думаютъ, что прошедшее заключаетъ въ себѣ будущее и что исторія есть рѣка текущая однообразно, катящая тѣ же самыя воды, должны здѣсь размыслить и увидѣть, какъ часто одинъ вѣкъ бываетъ противоположностью предшествовавшаго и даетъ ему порой рѣзкое опроверженіе. Насколько восемнадцатый вѣкъ, при смерти Людовика XIV, легко двигался впередъ на крылахъ идеи и индивидуальной

дѣятельности, на столько нашъ вѣкъ съ громадными машинами его—фабрикой и казармой, запрягая смѣло массы, ушелъ впередъ въ фатализмѣ.

Замѣтьте какъ на эти великіе факты внизу отзывается на верху и очень вѣрно небольшой колоколъ. Это философія, которая высказываетъ совершенно тоже самое. За фатализмомъ 1815 года и Гегеля идетъ фатализмъ медицинскій, физіологическій Вирхова, Робена и Литтре.

Я останавливаюсь здѣсь на главномъ механизмѣ. И если я буду говорить о фатализмѣ идей, то только при случаѣ и когда меня вызоветъ къ этому прогрессъ естественныхъ наукъ, (какъ Ламаркъ въ этомъ томѣ).

Вообще исторія эта крайне матеріальная, можетъ быть выражена тремя словами: соціализмъ, милитаризмъ и индустріализмъ.

Три вещи, которыя взаимно порождаютъ и разрушаютъ другъ друга.

Терроръ Бабёфа столько же сколько и побѣды создали Банапарте, т. е. зараждавшійся соціализмъ, паникой своею создалъ торжество милитаризма.

А что же встрѣтилъ милитаризмъ въ великой борьбѣ своей? Постоянно англійское золото, созданное промышленной державой, которая покупала и вооружала Европу,—державой, побѣжденной при Аустерлицѣ, побѣдившей при Ватерло.

Нельзя понять вѣкъ иначе, какъ увидѣвъ его во всей совокупности его. Громадные факты нашего вѣка остались бы очень темными, если бы мы не взяли его въ общемъ началѣ его—*машинѣ* и прежде всего въ человѣческой машинѣ: *войскѣ*.

Я предположу что, не имѣя понятія о Европѣ, я смотрю на нее съ высоты, напр., съ воздушнаго шара. Что первымъ

остановитъ мой взглядъ? Явленіе почти тождественное въ цѣломъ западѣ. Я увижу въ нашей Франціи громадныя массы стремящіяся къ обширнымъ и угрюмымъ ульямъ, которые называются казармами, а въ Англіи толпы не менѣе громадныя, скучивающіяся въ мрачныхъ зданіяхъ, которыя называются фабриками. Вся Англія цѣликомъ и сама собой вошла туда и погреблась тамъ. Гдѣ она эта старая Англія съ ея земледѣльческими классами, крестьяниномъ, дворяниномъ—помѣщикомъ?.. Все это исчезло въ три четверти вѣка и очистило мѣсто народу рабочихъ, запертыхъ на фабрикахъ У насъ, вотъ уже восемьдесять лѣтъ, сынъ крестьянина щегольски разубраный лентами каждый годъ принимаетъ распѣвая рабство казармъ и скучныя упражненія ихъ. Зачѣмъ? Чтобы избѣжать труда пахать борозду, однообразія земледѣльческой работы. Англичанинъ принимаетъ вполнѣ эту монотонію, эту безконечную скуку долгихъ часовъ. Если оба дѣйствуютъ такъ противно природѣ, то на это есть разнообразные мотивы. Но самый общій для Англіи вотъ уже цѣлый вѣкъ, а для насъ нѣсколько менѣе, есть перемѣна питательной діэты, потребность пищи болѣе дорогой, которая удвоивала бы силу.

Есть-ли это, какъ то полагаютъ матеріалисты, чистый матеріализмъ? Простая ли чувственность ставитъ міръ на эту покатую плоскость? Нѣтъ, это дѣлаетъ болѣе всего идея, радость считать себя сильнымъ, вѣрить что можешь бо́льшее. Всѣ болѣе и болѣе стремятся къ этому, для того чтобы дѣйствовать и производить. Все было увеличено и ускорено этою перемѣною пищи.

Слѣпое нетерпѣливое желаніе быть сильнымъ увлекаетъ нерѣдко предпочитать самому мясу то, что даетъ немедленно пароксизмъ искуственной силы — перебродившіе напитки,

алкоголь. Отсюда тысячи извѣстныхъ бѣдствій. Довольно будетъ сказать, что эти сильные двигатели, которые такъ усиленно напрягаютъ человѣческую машину, безконечно усилили страсть творить чудеса. получать внезапныя дѣйствія, слѣдовать за великими механиками и за лживыми обольстителями, которые обманываютъ насъ, обѣщая чудеса.

Въ этомъ томѣ я долженъ замѣтить одну вещь и предупредить читателя, который, дойдя до двухъ третей, встрѣтитъ мгновенную перемѣну, громадный скачекъ, ужасающія паденія. Моя ли вина, если этотъ томъ чудовищенъ, дисгармониченъ? Нѣтъ, то вина бога этого вѣка, варварской и убійственной фатальности его.

Проѣзжали ли вы иногда по желѣзной дорогѣ туннель, который вдругъ измѣняетъ видъ мѣстности, пейзажъ; напримѣръ, когда вы изъ улыбающихся окрестностей Ліона вступаете въ міръ рудниковъ, посреди черствыхъ шлаковъ и черныхъ углей Фореза? Эта перемѣна очень слабое подобіе той, которую найдутъ въ этомъ томѣ. Вы очутились внезапно у расщелины глубокой и до того широкой, что вы не можете перескочить черезъ нее. Вы все равно, что на ледникѣ у какого нибудь опаснаго перехода. Все подламывается, все обрушивается. Что вижу я на днѣ? Ужасъ! Прежде всего три мильона мертвыхъ, потомъ 1815, 1870, погребеніе Франціи, завтра — Германіи, которая затрещитъ, сдавленная между Франціею и Россіею.

Но, чтобы возвратиться къ принципу катастрофы, передъ 1800 года, вещь очень трагическая — это головокруженіе, родъ помѣшательства ума. Дурной сонъ террора и всемірной войны перевернулъ всѣ умы, выбилъ ихъ изъ границъ разума и равновѣсія, и сдѣлалъ ихъ болѣе всего жадными до эмоцій. Когда исчерпано и изнасиловано все, что

давала человѣчность, тогда нуженъ какой нибудь миражъ, какой нибудь сонъ, который, кажется свыше ея. Тогда хотятъ чудесъ во что бы то ни стало.

Но какія противорѣчія! Никогда Франція не была такъ умилена какъ на другой день термидора. Внезапно проявилась живая чувствительность и въ системахъ соціальнаго братства и въ наукахъ, доказывающихъ вселенское родство природы отъ человѣка до животнаго. Наконецъ въ искуствѣ проявилась трогательная грація въ Прюдонѣ. Кажется, что ложный героизмъ и комедіи энергіи—всѣ сосредоточились въ картинахъ Давида.

Кто бы повѣрилъ, что въ эту самую минуту сюрпризъ насильственнаго imbroglio, быстрый выходъ на сцену чужеземнаго актера восхититъ зрителей и заставитъ ихъ измѣнить самимъ себѣ? И не только одна масса восторгается передъ этимъ Бонапартомъ. Художники, которые тѣ же дѣти, рукоплещутъ. «Какое счастіе! Превращеніе на сценѣ!.. Какое чудесное, необъяснимое зрѣлище. Человѣчество вдругъ перестаетъ считаться за что нибудь въ дѣлахъ человѣческихъ. Какое упрощеніе на театрѣ! Одинъ актеръ! Ахъ, вотъ это и есть классическое зрѣлище, истинная картина исторіи». Другіе чуютъ подъ этимъ видимымъ единствомъ страшный кавардакъ, но остерегаются выяснить его. Они радуются ему дѣтскою радостью, тою радостью, какую возбуждаетъ въ дѣтяхъ переѣздъ и пожаръ. Это великолѣно! Ничего нельзя въ томъ понять!

И такъ они не только далеко не желали разъяснить это великое усложненіе, но готовы были скорѣе усилить его. Они охотно создали бы изъ этого замѣшательства вавилонское столпотвореніе еще болѣе разногласное. Они хотятъ во что бы то ни стало чуда.

Въ отношеніи Бонапарте, серьезное изслѣдованіе покажетъ, что не только успѣхъ его былъ далеко не чудомъ, но что было бы чудомъ, если бы онъ, при такихъ обстоятельствахъ, не имѣлъ успѣха.

Правительство, которое настало послѣ великаго напряженія силъ 93 г., было погублено однимъ утомленіемъ—слѣдствіемъ такого напряженія; погублено въ финансовомъ отношеніи милліардами фальшивыхъ ассигнацій, фабрикованныхъ англичанами, погублено въ военномъ отношеніи необходимостью, въ какую оно было поставлено, дать въ одинъ годъ отставку 300.000 солдатамъ и 17.000 офицерамъ. Было легко предвидѣть, что получившіе отставку люди эти будутъ искать вождя и послѣдуютъ за нимъ. Они не хотѣли одного изъ своихъ, но охотно взяли иностранца, котораго непроницательный Баррасъ и довѣрчивый Карно возвышали наперерывъ, одинъ передъ другимъ, и который съ чудесной арміей революціи одержалъ очень быстрые успѣхи.

Странное, но легко понятное совпаденіе то, что онъ видѣлъ, какъ независимо отъ арміи пошла къ нему нація. Почему?

Франція имѣла великодушное неблагоразуміе позволить э антамъ возвратиться, поднимался безконечный споръ между возвратившимся эмигрантомъ и покупщикомъ національныхъ имуществъ, между старымъ и новымъ владѣльцемъ. Какъ судить такую тяжбу? Подумали, что каждый французъ будетъ слишкомъ заинтересованъ въ этомъ дѣлѣ. Довѣрились этому итальянцу, который подавалъ надежды всѣмъ.

То же самое видѣли очень часто въ Италіи, когда городъ не надѣявшійся примирить самъ внутренніе раздоры

ввѣрялся какому нибудь чужеземцу, котораго призывали издалека и котораго назначали вооруженнымъ судьею, подестою.

Но здѣсь было нѣчто большее. Измѣненія собственности создали сомнѣнія на счетъ свойствъ и самаго права ея. Бабёфъ, главный творецъ теорій этихъ, имѣлъ за себя часть якобинцевъ. Это вызвало общую тревогу. Подумали, что общество само находится на краю гибели и о спасеніи его молили великаго раздавателя обѣщаній—итальянца, который завладѣлъ двумя классами собственниковъ, давая гарантіи новымъ, а старымъ—мѣста, еще непроданныя имѣнія ихъ и, наконецъ, вознагражденія двора.

Впрочемъ, я вовсе не хочу писать исторію Наполеона. Я хочу только показать происхожденіе его системы и милитаризма, показать какъ война, ставъ при немъ ремесломъ, промышленностью, боролась противъ англійской промышленности. Послѣдняя, такая хищническая въ безконечности колоній, создавъ внутри цѣлый міръ богатствъ, за то разрушила Old England, старую Англію, въ которой была душа страны.

Вотъ въ чемъ смыслъ, главный предметъ томовъ, которые я печатаю. Моя радость въ томъ, что я могу наконецъ призвать справедливось въ исторію, такъ долго затемненную. Побѣдители, побѣжденные, всѣ равно оттого пострадали. И я употреблю всѣ усилія, чтобы воздать всѣмъ должную справедливость. Увидятъ какой заговоръ постоянно составлялъ бонапартизмъ противъ Гоша, Массены и такъ многихъ другихъ

героевъ. Я воздамъ также должное венгерцамъ, славянамъ и другимъ націямъ такъ грубо погубленнымъ въ имени австрійцевъ и которыя столько разъ въ продолженіе этой борьбы спасали Австрію съ такимъ памятнымъ упорствомъ.

Италія также имѣетъ полное право жалобы противъ лукаваго итальянца, который вмѣсто того, чтобы помочь ей въ великую минуту пробужденія ея (95 г.), постоянно оскорблялъ ее погребальными словами, которыя снова бросали ее въ могилу.

Я радуюсь тому, что мнѣ пришлось печатать такъ поздно мнѣнія, которыя я въ разныя эпохи жизни своей имѣлъ о Бонапартѣ—предметѣ, который столько людей разсматривали, не понявъ въ немъ ничего. Это, конечно, самый трудный въ исторіи, самый темный и при свѣтѣ солнца по множеству миражей и фальшивыхъ освѣщеній, которыя вводили въ заблужденіе умы.

Нѣтъ другаго такого примѣра жизни такъ подготовленной и сложенной по хотѣнію. Рожденный отъ пророчества, воспитанный съ дѣтства и самъ воспитывавшій себя, чтобы исполнить пророчество это, онъ очаровывалъ различными средствами *) людей крайне несхожихъ — Барраса и Карно. Затѣмъ успѣхъ сдѣлалъ остальное и онъ ослѣпилъ даже ору-

*) Это очарованіе, очень грубое, не было никогда замѣчено. Франція послѣ террора утратила *смѣхъ*, свое сильное оружіе противъ тирановъ. Бонапартъ много давалъ поводовъ къ нему. Это замѣтили только слишкомъ поздно. Его оглушительная болтовня хвастуна очень часто вульгарнаго дѣлала изъ него лицо траги-комедіи (tragediante-comediante), какъ называлъ его Маріо Гротъ въ въ остроумномъ сочиненіи своемъ; Юпитера Скапена, какъ сказалъ г. де-Прадтъ.

дія свои, героическихъ людей, которые создали успѣхъ его. Въ немъ они удивлялись себѣ и обожали себя въ немъ. Великіе дѣятели этой эпохи, военные или политическіе, не писали ничего, или оставили свои писанія въ рукахъ людей, которымъ выгодно было отложить печатаніе ихъ (Викторъ, Баррасъ, Ревельеръ-Лепо, Реаль, Талейранъ и др.).

Бонапартъ имѣлъ неоцѣнимую выгоду писать и говорить внимающей Европѣ со скалы св. Елены, съ невѣроятнымъ авторитетомъ и трагическимъ интересомъ несчастія. Онъ прославлялъ себя и клеветалъ на весь свѣтъ, безъ возраженій и свысока (in articulo mortis). Враги его повѣрили ему. Англійскіе историки наперерывъ повторили всю ложь его.

Исторія никогда не сдѣлаетъ ничего, если она не откажется отъ почтенія, если, какъ въ старой поэмѣ, она не будетъ подражать Рено де Монтабану, который взялъ черную головню, чтобы наказать бороду Карла Великаго. Кощунства, насмѣшки надъ ложными богами это первая обязанность историка, необходимое оружіе его для возстановленія истины. Но нужно, чтобы насмѣшка была выраженіемъ презрѣнія серьезнаго, глубокаго, твердо основаннаго. Что касается меня, я не щадилъ ничего для того, чтобы придать сужденію моему этотъ характеръ; прежде всего время, цѣлую жизнь свою я обдумывалъ, я готовилъ эту книгу. Европа, я могу это сказать, содѣйствовала мнѣ посредствомъ помощи какую оказывали мнѣ друзья мои разныхъ націй. Благодаря готовности ихъ помочь мнѣ, я могъ работать повсюду. Библіотекари множества городовъ такъ обязательно помогали мнѣ, что повсюду я могъ думать, что я у себя дома. Во Флоренціи и Пизѣ, въ Тулонѣ, Лозаннѣ, Веве, Женевѣ я получалъ драгоцѣнныя пособія, и мнѣ присылали ихъ даже изъ Песта. Оплакиваемый мною другъ, котораго я лишился, ученый эллинистъ Бешанъ, консулъ въ Греціи, принималъ всѣ мѣры, чтобы высылать мнѣ книги въ Женеву. Я могу сказать тоже о г. Вюльименѣ, извѣстномъ историкѣ въ Лозаннѣ. Совершенная неожиданность — изъ этого города, изъ гостепріимной библіотеки его я получилъ элементы труда моего о Корсикѣ, который занялъ у меня цѣлое лѣто. Книги эти были завѣщаны библіотекѣ и помѣщены тамъ великими ваадскими патріотами гг. де Лагарпъ, такими вѣрными друзьями Франціи, которые хотѣли быть Паоли, освободителями своей родины. Можно судить объ удивленіи моемъ, когда я получилъ эту неожиданную помощь отъ знаменитыхъ гражданъ, которые приготовили все это для меня и, такъ сказать, работали для меня. Я заслужилъ имъ это благодарностью и братскимъ чувствомъ.

Этотъ безкорыстный человѣкъ оставилъ огромное состояніе, очень богатую семью, которая на вѣрѣ въ звѣзду его, сильно разрабатывала легенду въ виду реставраціи, работая и для него и такъ, какъ онъ самъ работалъ, во вредъ великимъ дѣятелямъ эпохи (Массенѣ, Нею, и пр.).

Но истина однако жила внизу, хотя и погребенная. Въ продолженіи полувѣка я могъ мгновеніями ловить неожиданные проблески ея, которые проявлялись. Смерть много помогала мнѣ. У нея заключенъ договоръ съ исторіею. Она даетъ ей радость видѣть порою, какъ исчезаютъ лживыя тѣни, которыя такъ долго застилали истину.

Лучше всего то, что *они* разоблачились именно въ минуту полнаго торжества. Въ пору самаго сильнаго опъяненія прошлаго царствованія, литературные спекуляторы увѣрили цесаря, что переписка *другаго* могла быть обнародована, если она будетъ очищена вѣрными руками. Бонапартъ писалъ очень мало; но можно было сдѣлать выборъ въ массѣ писемъ, которыя онъ вдохновлялъ, диктовалъ. Только для такого выбора нужны были глаза; я хочу сказать вниманіе смѣтливое и проницательное, чтобы видѣть то, что̂ надо было скрыть. Мериме и другіе имѣли умъ, но нужны были серьезное изученіе и терпѣніе. Я съ удивленіемъ увидѣлъ, что въ этомъ громадномъ собраніи, подстриженномъ на удачу, уцѣлѣли чудовищные факты, и уцѣлѣли для меня одного. Потому что во всѣхъ исторіяхъ (впрочемъ очень почтенныхъ и прекрасныхъ, которыя были начаты при Наполеонѣ III) ни авторы ни издатели, безъ сомнѣнія не могли ни пользоваться этими фактами, которые все измѣняютъ, ни эксплуатировать ихъ.

Изъ нихъ видны многія странныя и неожиданныя вещи: 1) появленіе банкировъ и подрядчикокъ (которыхъ къ тому же я и самъ зналъ) пустившихъ Бонапарта въ итальянскую

компанію; 2) долгіе мѣсяцы его финансоваго царствованія, тѣ мѣсяцы, когда компанія эта была два раза прервана, когда Бонапартъ выгналъ соглядатаевъ приставленныхъ къ нему директоріею; наконецъ, когда онъ былъ вице-королемъ или королемъ, болѣе чѣмъ когда либо были тѣмъ же въ Индіи Клейвъ и Гастингсъ.

Я останавливаюсь здѣсь, въ этомъ томѣ на той точкѣ, на которой двѣ исторіи, два великіе дѣятеля Англія и Франція, боровшіяся, не зная другъ друга и, можно сказать, ощупью, имѣютъ нѣкоторыя сходныя черты. Невозможно писать исторію Франціи, а еще менѣе жизни Бонапарта, съуживая кругозоръ до этого единственнаго предмета и тѣмъ самымъ сильно преувеличивая его и, слѣдовательно, давая о немъ ложное понятіе.

Въ слѣдующемъ томѣ, описывая конецъ героической и безполезной итальянской компаніи, которая окончилась тѣмъ, что Австріи были отданы ключи Италіи, я надѣюсь выдвинуть рядомъ и великія массы, которыя составляютъ мой главный предметъ—нравственную исторію арміи солдатъ и партіи рабочихъ.

Очень любопытная вещь та, что духъ войны охватилъ тогда весь міръ. Одинъ женевецъ очень вѣрно замѣтиль тогда воинственный пылъ, который выказывали англійскіе работники, работавшіе съ яростью и, быть можетъ, еще болѣе воодушевленные войною нежели солдаты сами. Въ темной мастерской они мечтали о богатствахъ и за своими станками завоевывали Индію или давали сраженія при Трафальгарѣ. И это, въ упорной игрѣ этой, дало имъ возможность постоянно удвоивать ставки до тѣхъ поръ пока не вышелъ большой призъ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

I.

Якобинство кончается. Начинается соціализмъ. Бабёфъ, Сенъ Симонъ, Фурье.

То, что Камиль Демуленъ завидѣлъ съ 92 г., та terra incognita, которую онъ указалъ на горизонтѣ, появляется 9 термидора. Вожди трехъ главныхъ соціалистическихъ школъ, Бабёфъ, Сенъ Симонъ и Фурье вышли почти въ одно и то же время изъ темницъ террора.

Сенъ Симону было тридцать четыре года, Бабефу тридцать, Фурье двадцать два. Сенъ Симонъ былъ заключенъ въ Люксембургѣ, а Бабёфъ въ Аббатствѣ. Фурье въ 93 г. послѣ осады Ліона былъ очень близокъ къ эшафоту, а потомъ въ 94 г. былъ арестантомъ въ Безансонѣ.

Идеи ихъ въ происхожденіи своемъ ничуть не разногласны; онѣ имѣютъ ту же самую точку отправленія: человѣчество, состраданіе, видъ крайнихъ бѣдствій. Пылающимъ очагомъ былъ съ одной стороны Ліонъ, гдѣ жилъ Фурье, съ другой—Пикардія, родина Бабёфа; и глубокій центръ міра

коммуна 93, гдѣ Шометтъ, апостолъ его, принималъ соціалистовъ Пикардіи и Ліона.

Народъ умиралъ съ голоду. Бумаги, законы, клубы оказывались недостаточными. Нуженъ былъ хлѣбъ. Три мысли вырвались изъ сердца. Какого бы мнѣнія ни держаться о трехъ знаменитыхъ утопистахъ, должно сказать что системы, что даже эксцентричностя ихъ вышли изъ сердецъ достойныхъ удивленія, изъ великодушнѣйшаго порыва.

Бабёфъ, въ первыхъ трудахъ своихъ, очень разумный и еще далекій отъ невозможности утопіи, которая повела его къ смерти, требовалъ какъ и Шиллеръ, только раздѣла ненаселенныхъ земель, которыхъ было въ излишкѣ, раздѣла общинныхъ имѣній, чтобы сдѣлать ихъ производительными. *Право* было его единственной основой, всеобщее право человѣка на «жизнь въ довольствѣ».

Сенъ Симонъ хочетъ *Прогресса*. Для него немедленный прогрессъ въ томъ, чтобы перевести землю изъ рукъ благородныхъ и праздныхъ въ руки трудящіяся и плодотворныя, раздѣлить ее на мелкіе участки и сдѣлать ее по низкой цѣнѣ доступной крестьянину. Отсюда спекуляціи его, такъ безкорыстныя, на національныя имущества. Отсюда также фанатизмъ его къ наукѣ, этой положительной религіи, которая усотеритъ силы, орудія и средства къ счастію человѣка.

Фурье мечтаетъ о *Гармоніи*. Родившійся у Юры, онъ зналъ скромныя, но удивительныя ассоціаціи сыроваровъ ея. Въ восемнадцать лѣтъ его осѣнилъ, какъ видѣніе, видъ Пале-Рояля въ Парижѣ, блестящаго искуствами, благороднымъ преподаваніемъ Цирка, и внушилъ ему сонъ о фаланстерѣ будущаго. Но ничто не дѣйствовало на него такъ сильно, какъ жгучая среда Ліона, его рабочія братства. Соціализмъ былъ тамъ у себя дома и уже старымъ другомъ у ліонскихъ

ваадцевъ, у бѣдняковъ Ліона. Онъ имѣлъ, свою легенду въ 93 г., о которой я буду сейчасъ говорить. Ліонъ болѣе чѣмъ что другое создалъ Фурье. Онъ видѣлъ тамъ крайнюю мѣру бѣдствій и тамъ искалъ лѣкарства. Его сны о гармоніи обратились къ земледѣльческому обществу, къ сельскимъ братствамъ, зародышъ которыхъ онъ видѣлъ у Юры. Подъ формою причудливыхъ вычисленій, онъ сталъ великимъ поэтомъ, поэтомъ голода. «Жизнь довольства» Бабёфа не удовлетворила бы его. Въ немъ былъ тысячелѣтній голодъ и столъ Гаргантуи былъ для него жалкимъ. Онъ вызываетъ изъ ассоціаціи чудеса изобилія и сажаетъ всю землю за чудесный пиръ.

Земля! Но это очень мало. Надо, чтобы она была такъ счастлива, что счастье съ нея полилась бы на всѣ сосѣднія планеты и на безконечные міры, въ которые мы должны перейти.

Никогда не поймутъ Францію 93, весь итогъ страданій ея копившихся вѣкъ за вѣкомъ и надавившихъ тогда всею тяжестью прошлыхъ временъ, пока не напишутъ страшную книгу, которой недостаетъ: *Исторія голода.*

«Что же это значитъ? Или то, что говорятъ о прогрессѣ ложно?» возразятъ мнѣ.

Нѣтъ. Но замѣтимъ двѣ вещи.

1) Прогрессъ ничуть не есть прямая линія, неуклонно проведенная; эта линія спиралью, имѣющая изгибы, громадные повороты около самой себя, перерывы на столько сильные, что она послѣ нихъ снова начинаетъ свой путь только медленнымъ трудомъ.

2) Во многихъ вещахъ тамъ, гдѣ бѣдствія уменьшились, чувствительность увеличилась. Человѣкъ сталъ менѣе огрубѣлымъ и потому онъ тѣмъ сильнѣе чувствуетъ впечатлѣнія страданій настоящаго, сожалѣній, заботъ, опасеній.

Вотъ что я замѣтилъ въ продолженіи своего большаго труда—исторіи, проходя черезъ столько головокъ. По мѣрѣ того какъ я подвигался, я видѣлъ, какъ развивалось одно чувство—чувство потребностей, страданій. Да, тѣмъ болѣе страдаютъ, чѣмъ болѣе подвигается время. Правда, лучше предвидятъ, но за то болѣе и болѣе становятся чутки къ страданію.

Животныя умираютъ безшумно. Голодъ часто возвращающійся, очень недостаточная пища изнуряющая, ослабляющая пищеварительные аппараты, дѣлаетъ золотушными, дѣлаетъ чахотными, но убиваетъ довольно медленно. Разучиваются жить. Говорятъ себѣ: «Зачѣмъ ѣсть?» Мы это видѣли, немного позже 1860 г. въ безмѣрномъ вымираніи ткачей Нормандіи. Мы поняли это изъ великихъ вымираній людей, которые съ такимъ слабымъ отголоскомъ умерли въ дали среднихъ вѣковъ.

Около 1300 г., когда крѣпостной платилъ уже не одними припасами, но и деньгами, раны отчаянія были ужасны. Все погибло бы и безъ урока сатаны, который былъ Мальтусомъ того времени: «Меньше дѣтей и больше ржи. Уничтожить безполезные рты. Не родить болѣе для смерти».

Людовикъ XII, немного поднимаетъ насъ. Генрихъ VI, немного поднимаетъ насъ. Но какое страшное паденіе съ тридцатилѣтней войной, съ вампиромъ Мазариномъ. Цифра достовѣрная, подлинная говоритъ, что земля приносившая при Генрихѣ IV 2500 ливровъ, давала при Мазаринѣ 400 (см. Фелье).

Было десять лѣтъ получше, съ вступленія Кольберта до Голландской войны (1661—1670). Но потомъ новое состояніе нищеты и истощенія. Буагильбергъ въ предисловіяхъ своихъ говоритъ мрачно: «нѣтъ болѣе масла въ лампѣ». 1709 годъ

казался годомъ смерти Франціи. То, что разсказываетъ о немъ Дюваль въ запискахъ своихъ, наводитъ ужасъ. Едва оправились, какъ погромъ Лау снова потянулъ насъ къ низу.

Недостаточная пища привела въ восемнадцатомъ вѣкѣ къ тому разстройству нервовъ, которое видѣли въ четырнадцатомъ въ конвульсіяхъ св. Медарда (пляска Вита), такъ близкихъ къ падучей. Насмѣшки англичанъ надъ *французскими лягушками* и худобою народа и пр. были слишкомъ вѣрны. Въ наиболѣе извѣстномъ классѣ писателей, мы видимъ невѣроятную нищету. Руссо, не имѣя пристанища, спитъ въ пещерѣ близь Ліона. Дидеро разсказываетъ, что онъ разъ упалъ въ обморокъ отъ голода и пр.

Между тѣмъ зарождающаяся промышленность, ліонскія матеріи при Кольбертѣ, при Людовикѣ XV, мебель и тѣ изящные предметы роскоши издѣлія Парижа, которые тогда заполонили цѣлую Европу, увеличивали рабочее населеніе въ большихъ городахъ. Работникъ работалъ у себя на дому. Какъ? У него была комната? Мансарда была создана при Людовикѣ XIV. Работники не были скучены вмѣстѣ въ нечистомъ безпорядкѣ. Старому коммунизму былъ положенъ конецъ. Работникъ имѣлъ свой уголъ и съ этихъ поръ, жену и семью, часто множество дѣтей.

И такъ этотъ нравственный прогрессъ былъ прогрессомъ тяготы. О какъ сильнѣе стали чувствовать нищету въ дурное время безработицы! Въ макабрской пляскѣ Гольбейна смерть кажется легкой и веселой, она счастлива тѣмъ, что она не живетъ; но человѣкъ — семья, Боже мой, какъ онъ чувствуетъ схватки голода! Матери... Онѣ прошли бы черезъ огонь и желѣзо!.. Исторія видѣла 6 октября, когда онѣ пошли въ Версаль взять посреди стражи *булочника и булочницу* и привести ихъ въ Парижъ. Это видѣли во всѣ великіе дни рево-

люціи. Женщины, матери сдѣлали дни эти болѣе яростными. И когда мущины утомились, онѣ однѣ упорствовали. Были страшные дни, когда видѣли только однѣхъ женщинъ, тогда не было другаго крика кромѣ крика голода.

Я вполнѣ извиняю Кэне за то, что онъ видѣлъ все въ землѣ, что онъ изъ политической экономіи создалъ какъ бы религію земледѣлія. Но всѣ эти воззванія къ землѣ не могли быть услышаны ею. Фискъ при Людовикѣ XIV захватилъ, продалъ, уничтожилъ всѣ стада; не стало навоза. Истощеніе все росло. Путешественникъ Артуръ Юнгъ проѣзжалъ по обширнымъ заброшеннымъ полямъ. Почему онѣ были заброшены? Одна цифра объяснить это (Doniol, 433). Половина поля каждый годъ должна была оставаться подъ паромъ, а другая обработанная половина приносила всего самъ четвертъ. Вычтите изъ этого налоги, десятину, оброки землевладѣльцу — и ничего не останется ѣсть. Нѣтъ никакого повода обрабатывать землю.

Но вотъ 89... Сомнѣнія нѣтъ — мы спасены! Напротивъ Франція вынесла невѣроятную вещь. Въ продолженіи двухъ лѣтъ не пахали земли. И въ естественной исторіи метаморфозъ перемѣна кожи—страшный процессъ. Есть отчего умирать. Этотъ перерывъ обработки земли насталъ, когда земля не принадлежала уже болѣе духовенству, эмигранту, и еще не была продана крестьянину. На громадныхъ пространствахъ не было работы, было ожиданіе. Но жизнь не ждетъ. Голодъ, въ особенности въ городахъ, достигъ крайнихъ предѣловъ, до какихъ еще никогда не доходилъ.

Видъ этихъ жестокихъ бѣдствій былъ мукой для сердца. Голодъ создаетъ болѣзни; но и видъ голода также создалъ одну болѣзнь новую и свойственную этому вѣку — *ярость жалости*. Человѣчность сдѣлала безумный призывъ къ са-

мому безчеловѣчію, къ смерти — великому врачу, который, казалось, могъ разомъ излѣчить отъ всѣхъ страданій міра. Маратъ, которому безпрестанно пускали кровь и который видѣлъ все въ красномъ туманѣ, былъ звѣрскимъ филантропомъ. Шалье, святой террора, который былъ жестокъ только на словахъ, но носилъ въ сердце безконечную любовь къ бѣднымъ и ко всему страдающиму, ужаснулъ Ліонъ своимъ безумнымъ бредомъ. Другъ его, богачъ Бертранъ, роздалъ все и пріѣхалъ въ Парижъ, примкнуть къ Шометту и Бабёфу.

II.

Бабёфъ.

Бертранъ пріѣхалъ изъ Ліона почти въ то же время, какъ Бабёфъ изъ Пикардіи. Оба примкнули не къ якобинцамъ, но къ коммунѣ, къ Шометту. Они застали его посреди страшнаго кризиса Парижа, который умиралъ съ голоду. Каждый день Шометтъ долженъ былъ отвѣчать отчаяннымъ толпамъ, которыя, какъ слѣпая стихія, напирали на Гревъ, крича: «Хлѣба! хлѣба!» Бюро продовольствія, куда стремились толпы, имѣло секретаремъ Бабёфа.

Невозмутимая кротость, изумительное терпѣніе Шометта нѣсколько ослабляли натискъ этихъ человѣческихъ волнъ. Въ продолженіе трехъ долгихъ мѣсяцевъ, іюня, іюля и августа, когда комитеты не дѣлали ничего, онъ одинъ поддерживалъ эти толпы. Чѣмъ? Словами, проэктами, планами реформъ. Онъ питалъ этотъ несчастный, но умный народъ будущимъ счастьемъ. Регистры коммуны (см. Archives de l'Hôtel de Ville) — вещи удивительныя и священныя. Никогда еще не

было администраціи болѣе заботившейся о благѣ народа, которая бы до такой степени чувствовала и предвидѣла все, съ самого высшаго до самого низшаго. Начиная съ реформы госпиталей и кончая музеемъ Лувра, музыкальной консерваторіей, отеческая заботливость ея обнимаетъ всю народную жизнь; одного только не доставало—хлѣба.

Чтò болѣе всего успокоивало народъ, это было извѣстное безкорыстіе, баснословная трезвость правителей его. Жакъ Ру, членъ коммуны и друзья и ученики его упорно отказывались отъ всякаго вознагражденія, даже отъ того, которое выдавали за присутствіе въ секціяхъ. Они постились съ народомъ. Секретарь бюро продовольствія, Бабёфъ велъ суровую жизнь самаго строгаго стоика. Жена его и сынъ—дитя работали и помогали отцу. Сынъ этотъ (Эмиль, воспитанный по *Эмилю* Руссо) сохранилъ навсегда отпечатокъ этой величавой строгости, самаго пламеннаго патріотизма. Когда чужеземецъ вступилъ во Францію, Эмиль Бабёфъ вошелъ на вандомскую колонну и бросился внизъ.

Бабёфъ былъ уроженцемъ полосы, которую я называю югомъ сѣвера,—Пикардіи, потомкомъ пылкой расы, богатой великими сердцами (назовемъ Камилла Демуленъ, который началъ революцію и Гренвиля, который окончилъ ее эпопеей «Послѣдняго человѣка»). Населеніе Пикардіи очень доброе. Кто когда превзошелъ въ добротѣ, милосердіи и состраданіи женщинъ Пикардіи? Бабёфъ былъ зараженъ недугомъ, который погубилъ Шалье и такъ многихъ еще—жалостью страстной, дѣятельной, которая не тратится въ рѣчахъ, но хочетъ дѣйствіями и дѣломъ водворить на землѣ порядокъ человѣчности и справедливости.

Онъ родился въ Сенъ-Кентенѣ. О семьѣ его извѣстно только, что отецъ его находился въ иностранной службѣ и воспи-

тывалъ филантропа Леопольда герцога Тосканскаго. Значитъ Леопольдъ отъ Бабефа получилъ философскія и экономическія идеи Франціи? Я такъ полагаю, потому что знаю, какъ сынъ его, рано осиротѣвъ, сдѣлался человѣкомъ земли, землемѣромъ и геометромъ, если можно такъ сказать, нарѣзчикомъ участковъ земли. Уже съ шестнадцати лѣтъ онъ погрузился въ архивы аристократовъ и основательно познакомился съ правительствомъ беззаконія, которое вызвало революцію.

Что болѣе всего возмущало Бабефа, что было нестерпимо для него—это чудовищный способъ обложенія земли и распредѣленія налоговъ. Оставя въ сторонѣ привиллегированныя земли, онъ обрушивался всею тяжестью на простаго земледѣльца. Его не призывали давать свѣдѣнія, которыя освятили бы дѣйствія сборщиковъ податей. Сборщики освобождали свои земли, освобождали земли своихъ друзей и обременяли всѣ остальныя. Для повѣрки они собирались въ мѣстномъ кабачкѣ съ мѣстными тузами и рѣшали все посреди кружекъ вина (Бабефъ. Кадастръ 57). Бабефъ въ 89 г. написалъ первую книгу свою *Непрерывный Кадастръ*. Книга очень хорошая и очень умѣренная.

Ничто не указываетъ на то, чтобы онъ зналъ Морелли. Книга его не коммунистическая, онъ признаетъ вездѣ право собственности, онъ объясняетъ цѣль налога. Общество собирающее налоги должно употреблять ихъ на покровительство актамъ промышленности настоящаго времени и плодамъ промышленности прошедшаго, собиравшей капиталы. Только, говоритъ онъ, рентьеръ долженъ платить вдвойнѣ.

Трудъ этотъ, представленный учредительному собранію, былъ хорошо принятъ и одобренъ. Онъ появился въ 89, но очевидно послѣ декретовъ 4 августа и отреченія отъ правъ феодальныхъ. Это единственный пунктъ, въ которомъ Бабёфъ дѣйствительно революціонеръ. Онъ говоритъ объ *обѣщаніяхъ*, которыя должны быть исполнены и не могутъ оставаться тщетными словами.

Есть очень хорошій портретъ его гравированный въ 1790: лицо выражающее рѣшительность, твердый взглядъ, большой носъ энергическаго абриса вполнѣ отличаютъ человѣка дѣла, который хочетъ осуществить право, непреклоннаго геометра вѣрности и справедливости.

Онъ серьезно повѣрилъ законамъ, которые издавало собраніе; онъ не далъ лежать подъ сукномъ знаменитымъ декретамъ 4 августа. Бѣдный пикардійскій крестьянинъ продолжалъ платить. Бабёфъ разъяснилъ ему права его. Тогда поднялось на Соммѣ, то что называли возстаніемъ, но что въ сущности было только исполненіемъ закона. Отмѣна налога на соль была также, благодаря Бабёфу, исполненна буквально; сборщики были прогнаны, отсюда страшный процессъ въ 90 г. Бабёфа судили въ Парижѣ. Оправданный Бафёфъ сталъ популярнымъ. Его назначили администраторомъ Соммы, 10 августа 92.

Но и тамъ онъ съумѣлъ возстановить всѣхъ противъ себя. Въ виду страшной повсемѣстной нищеты, онъ предлагалъ раздѣлить, обработать общественныя земли, ланды, которыя оставляли безплодными. Самые бѣдные, ради того только чтобы сохранить выгонъ для одной козы, хотѣли, чтобы квад-

ратныхъ полъ лье земли оставались жалкимъ пастбищемъ, пустыней. Зажиточная часть населенія подняла противъ него слѣпыя массы. Ярость народа дошла до того, что назначили цѣну за голову его. Его бы преслѣдовали, въ него бы стрѣляли, его бы убили какъ дикаго звѣря.

Въ іюнѣ 93 г. онъ бѣжалъ въ Парижъ въ коммуну, гдѣ ему дали мѣсто въ бюро продовольствія. Но въ это время въ Соммѣ, не предупредивъ его, не вызвавъ его, готовили ему гибель. Интриговали, подстроивали противъ него процессъ о подлогѣ.

Остановимся вмѣстѣ съ нимъ въ бюро продовольствія, на Гревской площади, въ разгарѣ великой борьбы.

Коммуна была раздѣлена. Геберъ мало занимался ею, онъ весь ушолъ въ свой журналъ гнѣва и угрозъ, говорившій только о крови и ни объ одномъ примѣнимомъ средствѣ. Шометтъ и другіе обѣщали народу землю, но это было еще дѣломъ будущаго. Жакъ Ру и ліонцы прибывшіе изъ Ліона, которые примкнули къ нему, хотѣли чтобы дѣлали какъ въ Ліонѣ, какъ въ осажденномъ городѣ, т. е. принудить фермеровъ сосѣднихъ департаментовъ привозить припасы и наполнять общественные магазины. Государство заплатило бы за припасы и продало бы и роздало бы ихъ народу. Управлявшіе комитеты испугались. Робеспьеръ объявилъ Ру войну, страшную, непримиримую, и приказалъ вычеркнуть его изъ списка клуба Кордельеровъ, натравилъ противъ него Гебера, т. е. противъ коммуны употребилъ коммуну же.

Помѣшавъ Ру дѣйствовать, онъ самъ не дѣлалъ ничего. Бездѣйствіе комитетовъ продолжалось три мѣсяца. А непріятель приближался, Парижъ умиралъ. Ру пошелъ въ собраніе обличить бездѣйствіе правительства. Бюро продовольствія,— Бабёфъ, Гаренъ, и др., осажденное, доведенное до крайности,

приняло насильственную мѣру: сказать то, что говорилъ народъ, будто комитеты и министръ ихъ хотѣли морить Парижъ голодомъ.

Министромъ былъ фразеръ Гаратъ, совершенный паралитикъ, а душою комитетовъ былъ Робеспьеръ, который въ эту минуту лавировалъ и ни за что не хотѣлъ дѣйствовать.

Пробужденіе настало въ августѣ. Для важныхъ дѣлъ, для арміи взяли Карно, великаго работника. Для внутреннихъ Роберта Линде, который завѣдывалъ продовольствіемъ города. Онъ потребовалъ именно того, чего требовали, чтобы впредь Парижъ продовольствовался, какъ осажденные города, реквизиціями.

Между тѣмъ голодъ, изступленіе народа заставляли опасаться рѣзни. Нахальство уже торжествовавшихъ роялистовъ раздражало. Постановили законъ о подозрительныхъ лицахъ, захватъ роялистовъ, который наполнилъ всѣ тюрьмы, но предупредилъ новое 2 сентября.

Успокоивъ такимъ образомъ народъ, комитеты могли поразить тѣхъ, кто обвинялъ ихъ. Начальникъ комиссіи назначенный для обвиненія, погибъ по обвиненію въ *модерантизмѣ*. Употребили противъ Ру и противъ Бабёфа средство которое употребляется всѣми полиціями — кричать :«*Это воры*!» Ру въ негодованіи закололся. Бабёфъ пасаженный въ Аббатство и не знавшій за что, узналъ что, враги его въ Амьенѣ, пользуясь отсутствіемъ его, приговорили его за подлогъ.

И такъ коммуна была поражена въ Ру и Бабёфѣ. Ее ждало новое пораженіе въ Шометтѣ. Уже видѣли какъ въ ноябрѣ Робеспьеръ, ополчась противъ нея якобинскимъ оружіемъ, заставилъ постановить: первое, что революціонные комитеты секцій не будутъ отдавать отчетъ коммунѣ въ производимыхъ

ими арестахъ; второе, что церкви не будутъ, какъ то постановили Камбонъ и Шометтъ, отведены для общественной филантропіи, что отняло бы ихъ у культа.

До этой опозиціи Робеспьера коммунѣ, она хотѣла эксплуатировать богатый матеріалъ церквей, напр., продать громадную крышу церкви Богородицы; свинецъ ея пошелъ бы на пули, или проданный, далъ бы деньги. Одинъ человѣкъ явился, великій покупщикъ національныхъ имуществъ; одинъ, только подписался.

То былъ знаменитый Сенъ-Симонъ.

III.

Сенъ-Симонъ въ 93 и 94.

Сенъ-Симоны воображали, будто происходили отъ Карла Великаго, навѣрное же происходили отъ мелкаго фаворита Людовика XIII. Жилища ихъ находились преимущественно на сѣверѣ, темпераментъ пикардійца былъ темпераментомъ семьи. Темпераментъ этотъ двойственен. Съ одной стороны пылкость, гнѣвъ желчный, какъ гнѣвъ Кальвина, Бабёфа; таковъ былъ темпераментъ великаго писателя Сенъ-Симона. Но есть также сангвиники, какъ Камилль Демуленъ, добродушныхъ легкихъ нравовъ. Таковъ былъ знаменитый утопистъ, двоюродный братъ перваго Сенъ-Симона. Онъ мало наслѣдовалъ отъ отца, грубаго и вспыльчиваго человѣка, но вѣроятно болѣе отъ своей матери, которая была также изъ рода Сенъ-Симонъ. Онъ былъ любезенъ и добръ, болѣе—имѣлъ какое то романическое величіе, безстрашное, неподкупное; и

съ этимъ никакой щекотливости, мало приличій и рѣзкую смѣлость ума.

Сынъ энциклопедіи, воспитанный по обширному плану, который далъ Даламберъ, изучивъ разомъ все, онъ къ тридцати годамъ сосредоточился на царившемъ принципѣ—притяженіи Ньютона и сродствѣ Лавуазье. Химическая революція разразилась въ это время съ изумительнымъ величіемъ. У нея были свои фанатики, свои вѣрующіе, какъ и у другой. Сенъ-Симонъ страстно отдался обѣимъ, кинулъ свое имя, свои титулы, сталъ гражданиномъ Симономъ.

Сенъ-Симонъ составилъ грандіозный планъ товарищества для покупки конфискованныхъ земель эмигрантовъ (національныхъ имуществъ), съ цѣлью продажи ихъ по мелкимъ участкамъ въ руки крестьянъ.

Это казалось ему до того справедливымъ, до того простымъ, до того естественнымъ, что по вѣрѣ своей въ ученыхъ, онъ необдуманно пошелъ къ первому изо всѣхъ, Лавуазье, и предложилъ ему, вступить съ нимъ въ товарищество для этого дѣла человѣчества. Самые строгіе граждане, какъ первые якобинцы изъ Руана, о которыхъ я говорилъ въ исторіи 89 г., Роланъ и другіе честные люди, жирондисты, какъ и монтаньеры, нисколько не остерегались этой мысли, напротивъ, видѣли въ ней гражданскую заслугу. Но Лавуазье, осыпанный благодѣяніями стараго правительства, нашелъ это дѣло щекотливымъ. Какъ генеральный откупщикъ и какъ директоръ пороховаго вѣдомства, онъ сильно скомпроментировалъ себя ради короля. Онъ боялся скомпроментировать себя и ради революціи, вступить въ то, что друзья его называли *Черной шайкой*. Онъ отказался при-

нять участіе въ этомъ дѣлѣ, которое, быть можетъ, спасло бы его.

Сенъ-Симонъ не легко находилъ товарищей. У него былъ одинъ, но иностранецъ, пруссакъ графъ Редернъ, который, имѣя бумаги уже упавшія въ цѣнѣ, нашелъ въ этомъ дѣлѣ помѣщеніе для нихъ. Слѣдующее доказываетъ намъ, насколько дѣло это было рисковано; когда продавали національныя имущества на Орнѣ и явился Сенъ-Симонъ, то онъ оказался покупщикомъ всѣхъ имѣній въ департаментѣ. Онъ купилъ въ Парижѣ въ улицѣ Булой обширный отель откуповъ, изъ котораго онъ сдѣлалъ послѣ термидора самое разумное употребленіе.

Другъ мой, г. де Фурси, бывшій тогда ребенкомъ видѣлъ его, а въ 95 г. уже молодымъ офицеромъ поклонялся ему, слѣдовалъ за нимъ гдѣ только могъ, сохранилъ воспоминаніе о немъ такъ живо, какъ будто имѣлъ его передъ глазами. Сенъ-Симонъ былъ красивымъ мущиной, очень веселымъ, съ открытымъ, улыбающимся лицомъ, удивительными глазами и прекраснымъ носомъ, длиннымъ, донкихотскимъ. Онъ жилъ въ Палэ-Роялѣ и окрестностяхъ его, съ цинической свободой вельможи и санъ-кюлота. Одежда его была во вкусѣ Анаксагора Шомета: безъ галстуха, или галстухъ повязанный такъ низко, какъ только возможно; удобный длинный кафтанъ того времени. Въ этой головѣ надъ дѣлами и женщинами—первенствовала идея. И даже дѣла и женщины были очевидно для него матеріаломъ для наблюденій, для смѣлыхъ опытовъ. Онъ былъ удивительно, изумительно любознателенъ, постоянно искалъ, учился, разсыпалъ щедрою рукою все что узнавалъ, передавалъ знаніе другимъ. Отъ него нельзя было оторваться. Два человѣка постоянно повсюду

слѣдовали за нимъ: одинъ—умъ крайне тревожный, маленькій Коёссинъ, впослѣдствіе двусмысленный мистикъ, и — дикій стоикъ политехнической школы, ученый, сумасщедшій герой, Клуе, человѣкъ изъ Арденновъ, который покинулъ Сенъ-Симона только для того, чтобы отправиться въ Гвіану возсоздавать человѣчество, очеловѣчивать дикую жизнь, и который умеръ въ лѣсахъ.

Сенъ-Симонъ имѣлъ слабость вѣрить не только въ науку, но въ ученыхъ, т. е. въ ихъ личности. Онъ былъ поклонникомъ ихъ, и въ особенности фанатичнымъ математиковъ того времени, Лагранжа, молодаго Лапласа, и вскорѣ даже Пуассона, ребенка-счетчика. Люди, которые отправляясь отъ земли, дали намъ вѣсъ и мѣру, изобрѣтатели календаря, которые первые по небу нашли мѣру времени, которые устроили астрономическіе праздники того времени, наконецъ, геометры, которые вычислили божественный культъ разума, были для него отцами церкви.

Въ Парижѣ, Амьенѣ, и пр., убивали святыхъ изъ камня, чтобы не убивать людей. Для готическихъ человѣчковъ преддверія церкви Богородицы было свое 2 сентября. Какая великая жалость для простыхъ сердецъ, для тѣхъ, которые не знали, что это древнее зданіе вышло изъ кровавыхъ добычъ отъ альбигойцевъ, тампліеровъ и такъ многихъ другихъ. Но принадлежавшія къ церкви зданія, но роскошная крыша ея, — и изъ нихъ надо было извлечь выгоду. Кто вызовется купить ихъ? Безъ сомнѣнія только непоколебимо вѣрующій въ разумъ. Я сказанъ уже: то былъ одинъ Сенъ-Симонъ *).

---

*) Я слыхалъ это отъ трехъ лицъ, вполнѣ достойныхъ вѣры, изъ трехъ

И этому нечего удивляться; въ двѣнадцать лѣтъ онъ былъ уже свободнымъ мыслителемъ и упорно отказывался идти къ первому причащенію, что страшно противорѣчило духу семьи, вполнѣ преклонявшемуся передъ приличіями. Отецъ его взбѣсился до того, что засадилъ его въ Сенъ-Лазаръ, откуда ребенокъ съумѣлъ выйти мѣрою рѣдкой энергіи (см. Hubbard). Америка, славная война ея, путешествія сохранили въ немъ эту свободу мысли. Религія его съ этой поры—это притяженіе, связь міровъ и усовершенствованіе нашего міра. Прорѣзать Панамскій перешеекъ, соединить океаны, прорѣзать громаднымъ каналомъ испанскій полуостровъ было для него святымъ дѣломъ. Сомнѣнія нѣтъ въ томъ, что онъ счелъ бы такимъ же дѣломъ уничтоженіе католицизма. Культъ притяженія и разума такъ сильно вошелъ въ кровь и плоть его, что онъ былъ послѣднимъ апостоломъ этого культа и въ тотъ самый 1803 г., когда Бонапартъ открывалъ снова католическую церковь, онъ предложилъ основать вселенскую церковь всего міра на могилѣ Ньютона.

При правительствѣ такъ враждебномъ коммунѣ и культу разума, покупка матеріаловъ церкви Богородицы была смѣлостью, которая могла погубить Сенъ-Симона. Но противъ него должны были принять болѣе осторожную мѣру. Махинаціей этой минуты былъ вымышленный заговоръ иностранцевъ за границей. Въ него запутали Клоца, какъ пруссака; Сенъ-Симонъ, какъ компаньонъ пруссака Редерна былъ арестованъ.

Онъ вовсе не ожидалъ этого. Выходя изъ дома, онъ уви-

различныхъ и однако вполнѣ согласныхъ источниковъ: одного ученика Анфантена, одного ученика Базара и одного фурьериста, который былъ въ школѣ Сенъ-Симона и слышалъ часто объ этомъ фактъ.

дѣлъ у двери агента полиціи, который спросилъ у него самого, дома ли гражданинъ Симонъ?—«Дома. Идите наверхъ».— Пока полиція входила, Симонъ былъ уже далеко; онъ могъ скрыться, но подумалъ, что вмѣсто него возьмутъ лицо, у котораго онъ жилъ. Онъ великодушно вернулся и далъ арестовать себя.

Его посадили въ Сенъ-Пелажи, угрюмую и скучную тюрьму, гдѣ однако г-жа Роланъ написала свои прекрасныя записки. Въ тюрьмахъ, во время бѣгства въ убѣжищахъ производилось много литературы, много республиканской прозы и столько же любовныхъ стихотвореній, сатиръ и проч. Жирондинцы въ мрачныхъ подземельяхъ св. Эмиліана написали драму «Робеспьеръ». Луве началъ мемуары свои въ пещерѣ Юры. Многіе въ этомъ уединеніи нашли самую возвышенную формулу свою. Кондорсе на чердакѣ своемъ въ улицѣ Сервандони написалъ, по просьбѣ жены своей, капитальное произведеніе объ успѣхахъ человѣческаго ума. Томасъ Пейнъ въ Поръ-Роялѣ писалъ «Вѣкъ разума,» (уничтоженіе христіанства), въ то время, какъ рядомъ съ нимъ, легкомысленный и пылкій креолъ Парни риѳмовалъ «Войну боговъ».

Замѣчательно, какъ всѣ они, въ такой великой перемѣнѣ обстоятетьствъ и подъ угрозой смерти, остались тверды въ вѣрѣ своей, вѣрѣ восемнадцатаго вѣка, въ символъ Вольтера, Дидеро. Фанатическій энтузіазмъ Вольтера къ Ньютону былъ и энтузіазмомъ Сенъ-Симона. Въ Люксембургѣ, куда его перевели, онъ формулировалъ эту мысль, что притяженіе можетъ быть новой религіей. Тюрьма эта, очень свѣтская и самая пріятная изо всѣхъ, гдѣ устроивались вечера, гдѣ было очень легкое сообщеніе и прелестныя женщины, могла очень сильно развлечь мыслителя. Между удовольствіемъ и смертью, такъ близко предстоявшей въ послѣдніе мѣсяцы, жизнь была

какъ бы сномъ. Сенъ-Симонъ испыталъ тамъ припадокъ того экстатическаго бреда, когда человѣкъ думаетъ, что онъ прозрѣваетъ будущее. И онъ такъ же, какъ и Кондорсе, искалъ возвышенный прогрессъ. Вотъ этотъ сонъ въ нѣсколькихъ строкахъ. Богъ говоритъ Сенъ-Симону: Римъ отречется, устыдится того, что мнилъ представлять меня. Не будетъ другихъ священниковъ кромѣ ученыхъ. Я посадилъ Ньютона рядомъ съ собой, чтобы направлять свѣтъ и повелѣвать всѣмъ планетамъ. Онъ будетъ управлять вашею черезъ совѣтъ изъ двадцати одного избранныхъ—ученыхъ и художниковъ. Женщины могутъ то же быть въ числѣ ихъ. Совершенная независимость этихъ избранныхъ будетъ обезпечена общими выборами.

Не будетъ другихъ храмовъ кромѣ могилы Ньютона, куда будутъ каждый годъ ходить на поклоненіе. Вокругъ нея будутъ мастерскія, лабораторіи. Всѣ, и богатые и бѣдные, будутъ работать подъ руководствомъ ученыхъ.

Въ каждомъ храмѣ увидятъ сіяющій рай науки и мрачное жилище тѣхъ, которые тормозили прогрессъ.

Физіологія, очищаясь, вытѣснитъ метафизику, какъ то сдѣлала астрономія съ астрологіей.

Наука будетъ руководитъ, но кто будетъ управлять, кто будетъ вести политическое хозяйство? Собственники. — Это покажется аристократическимъ, но было несравненно менѣе аристократическихъ въ то время, когда Франція создавала милліоны собственниковъ и дѣлала собственность настолько доступной, что можно было предположить, будто вскорѣ всѣ возьмутъ въ ней свою долю.

Сонъ этотъ былъ напечатанъ только въ 1803 г. уже при Бонапартѣ, и очевидно искаженный плоскостями этой дурной эпохи, грубо, прозаически окрашенный обстоятельствами спекулятора и человѣка денегъ. Я хотѣлъ дать его здѣсь во

всемъ первобытномъ величіи и возвышенной простотѣ его, такъ, какъ я полагаю, Сенъ-Симонъ видѣлъ его въ присутствіи смерти все облагораживающей, все возвышающей. Жизнь его висѣла на волоскѣ. Ложный заговоръ тюремъ, въ который замѣшивали весь свѣтъ, ужасающіе списки (въ одномъ было стопятьдесятъ человѣкъ), отъ которыхъ затрепеталъ самъ Фукье-Тенвиль, свидѣтельствовали о намѣреніи очистить тюрьмы до послѣдняго человѣка, судебнымъ убійствомъ, тѣмъ, что Бабёфъ назвалъ *системой обезлюдѣнія*.

IV.

Бабёфъ 9 термидора.

Какъ, Бабёфъ жилъ еще 9 термидора? Какъ, агентъ Шомета, его бюро продовольствія могъ быть пощаженъ въ страшномъ искорененіи коммуны Робеспьеромъ 93, когда онъ три раза нанесъ ей смертные удары: въ августѣ—въ союзникахъ, которыхъ она имѣла въ секціяхъ, въ январѣ трагедіею Жака Ру, въ апрѣлѣ казнью Шомета? Этого нельзя бы было понять, еслибы Бабёфъ самъ не объяснилъ все въ журналѣ своемъ и въ «Жизни Карье».

Журналъ этотъ такъ любопытный и, по моему мнѣнію, наиболѣе поучительный памятникъ эпохи, даетъ не только прочитанныя выше свѣдѣнія о частной жизни Бабёфа, но бросаетъ живѣйшій свѣтъ на борьбу, которую выдержала коммуна противъ главы якобинцевъ (см. № 29 журналъ и *Carrier* стр. 103), наконецъ, на участіе, принятое въ 9 термидорѣ друзьями Шомета и Бабёфа и сторонниками, пережившими ихъ, въ борьбѣ противъ Робеспьера.

Бабёфъ погибъ бы безъ сомнѣнія, еслибы оставался въ

Парижѣ. Но законодательный комитетъ взялъ его изъ Аббатства и отправилъ его въ Лаонъ для новаго суда и кассаціи ужаснаго амьенскаго приговора, обвинявшаго его въ подлогѣ. Онъ возвратился въ Парижъ гораздо позже, когда предчувствовали, что Робеспьеръ долженъ пасть, созрѣлъ для смерти.

Ясные признаки появлялись даже у якобинцевъ, гдѣ Робеспьеръ былъ какъ у себя дома; разразилось изумительное разногласіе, когда они выбрали президентомъ врага его Фуше. Онъ не потерпѣлъ этого, но ударъ былъ нанесенъ.

Другой странный признакъ. Разсказывали, что въ Тюльери арестовали людей, которые говорили противъ аграрныхъ законовъ. А съ другой стороны Сенъ-Жюстъ смутно бросалъ въ рѣчахъ своихъ слова, которыя подавали надежды на раздачу земли.

Значитъ, якобинцы были сильно поколеблены, если прибѣгали къ такимъ средствамъ набирать сторонниковъ! И дѣйствительно, Робеспьеръ истощался и, можно сказать, что, не возстановлялъ свои силы. Якобинцы представляли странный примѣръ партіи завладѣвшей всѣмъ мѣстомъ и которая не можетъ пополнять ряды свои. Они засѣдали въ пустынѣ. Приверженцы Робеспьера странно глупѣли. За исключеніемъ Пейана, главы коммуны, у него не было теперь другихъ агентовъ кромѣ бѣшеныхъ грубіановъ какъ овернецъ Кофиналь, или Дюма, президентъ суда, безтолковый дуракъ, который ежеминутно компрометировалъ его и котораго, не смотря на это, видѣли каждый вечеръ рядомъ съ нимъ. Каждое утро за этимъ трибуналомъ судьи томились, ожидая присяжныхъ, которые не хотѣли болѣе являться. По сосѣдству дѣлали облаву на присяжныхъ, загоняли ихъ въ судъ и принуждали засѣдать. Тоже самое было и въ судѣ Оранжа.

Самый крѣпкій изъ присяжныхъ, какой когда-либо существовалъ, ткачъ ліонскій Фарнэ, осудившій сотни людей на смерть, отвѣчая Робеспьеру, (когда тотъ спросилъ его: какъ идетъ дѣло,) печально и робко высказалъ ему, что присяжные выбились изъ силъ, что они находятъ ремесло свое слишкомъ тяжелымъ, потому что имъ приходится осуждать однихъ жалкихъ дураковъ.

Бой кончился за недостаткомъ бойцевъ.

Регистры секцій (и это вовсе не фальсификація) вполнѣ показываютъ, что 9 термидора, посреди такихъ измѣненій, большая часть секцій, предмѣстья оставались неподвижными, Антуанъ неподвиженъ, Марсо неподвиженъ и пр.

Но центръ Парижа былъ страшенъ для Робеспьера. Сите, которое злобствовало противъ него за братскіе банкеты, отказало отпустить его на поруки, когда его привели туда арестованнаго потомъ вечеромъ стерегли башни и не дали ему бить въ набатъ, что дало бы далеко знать о его арестѣ, и такимъ образомъ оставило при однихъ небольшихъ колоколахъ ратуши.

Улицы Сенъ-Мартенъ, Сенъ-Дени, Арси и Гравилье, гдѣ живетъ наибольшая масса рабочихъ, пошли ночью противъ него.

Вліятельный человѣкъ Гравилье, старинный другъ Шометта, Леонардъ Бурдонъ, вошелъ первымъ въ залу, гдѣ Робеспьеръ былъ убитъ, первымъ вслѣдъ за молодымъ человѣкомъ нанесшимъ ударъ.

Бабефъ также дѣйствовалъ, говорятъ; но не знаютъ подробностей. Онъ, по крайней мѣрѣ, сообщаетъ намъ то, что другъ его и коллега по бюро продовольствію Гаренъ, сдѣлалъ въ этотъ день. Въ немъ воскресъ Шометъ, и такой пламенный, какимъ Шометъ не былъ никогда. Гаренъ, по

какому то чуду, былъ еще живъ. Его держали на готовѣ, подъ домашнимъ арестомъ и его сторожили три тюремщика, которымъ онъ платилъ. 9 термидора, онъ выросъ на десять футовъ, увлекъ тюремщиковъ и сдѣлалъ изъ нихъ адъютантовъ своихъ. Онъ повелъ ихъ въ предмѣстье Сенъ-Гоноре. Секція эта, очень близкая къ якобинцамъ, могла бы присоединиться къ клубу ихъ, набрать себѣ извѣстную силу въ улицѣ Сенъ-Гоноре, напасть съ тылу на толпы рынка, улицъ Сенъ-Мартена и Сенъ-Дени, которыя шли противъ Робеспьера, и быть можетъ напасть на хвостъ немногочисленныхъ отрядовъ конвента, слѣдовавшихъ по набережной, Но этотъ выходецъ отъ смерти, Гаренъ, привелъ въ оцѣпененіе секцію и, быть можетъ, тронулъ ее прискорбнымъ воспоминаніемъ о такъ многихъ погубленныхъ братьяхъ. Онъ былъ патетиченъ и страшенъ, излилъ свое сердце и свою жизнь. Его принесли домой больнаго. Онъ умеръ черезъ шесть дней. (Бабёфъ, *Carrier*, 106).

Наиболѣе общей чертой 9 термидора, была инерція. Мало робеспьеристовъ, и мало роялистовъ. Мало пламенныхъ республиканцевъ. Очень значительное большинство (въ особенности отъ торговли) охотнѣе было бы жирондистами. Но жирондистовъ и южное молодечество ихъ не любили. Словомъ, каждая идея ослабла, поблѣднѣла. Вотъ прекрасное наслѣдство четырнадцати мѣсячной диктатуры. За исключеніемъ первыхъ пяти мѣсяцевъ, которые оправдала опасность, остальные невозможно было оправдать; они были тираніей, убили Францію, разслабили общественный духъ.

Послѣ такого звѣрскаго напряженія появилась реакція природы и человѣчности. У многихъ она была ярою. Я уже говорилъ, какъ по дорогѣ проклинали Робеспьера, когда его везли, въ особенности женщины и въ улицѣ Сенъ-Гоноре.

Но великій, неизмѣримый Парижъ былъ менѣе взволнованъ, нежели то полагали. Въ томъ увѣряли меня свидѣтели. Отецъ мой и дядя, работавшіе въ типографіи Глухо-нѣмыхъ, близь арсенала, отправились и прошли по Парижу въ двухъ направленіяхъ. Отецъ бульварами и по шоссе д'Антенъ. Онъ встрѣтилъ очень мало народа и полнѣйшую тишину. Дядя шелъ по набережнымъ; онъ встрѣтилъ нѣсколько сборищъ народа, но такъ какъ онъ былъ почти ребенкомъ, то его пропустили безъ затрудненія. На Гревѣ стояло много людей и болтали. Онъ спросилъ: «Что случилось?» — О теперь ничего нѣтъ. Сегодня ночью ранили Робеспьера. Его будутъ гильотинировать.

Побѣдители были такъ увѣрены въ побѣдѣ и въ настроеніи народа, что сдѣлали странный опытъ показать Робеспьера и провезти его по всему Парижу. Ему перевязали рану поутру въ Тюльери. Подъ предлогомъ перевязать еще разъ раненаго, котораго хотѣли убить, его провели по набережнымъ, послали въ госпиталь (Hôtel-Dieu), откуда по улицамъ Сите доставили въ судебную палату (Palais de Justice). Его можно бы было безопасно провезти оттуда до площади Согласія (de la Concorde) черезъ Луврь, Каррусель и сады. Но хотѣли полной выставки и, по Новому мосту (Pont-Neuf) и улицѣ Монетъ, и по длинной улицѣ Сенъ-Гоноре, его заставили пройти мрачно-торжественнымъ путемъ, которымъ такъ такъ часто проходила тележка.

Серьезный опытъ. Гдѣ же былъ Парижъ-Робеспьеристъ? Гдѣ были якобинцы? Довольно было бы десятка энергическихъ человѣкъ, чтобы остановить и похитить Робеспьера на поворотѣ набережной и узкихъ улицъ Сите.

V.

Выходъ изъ тюремъ. Взрывъ жалости.

Въ тюрьмахъ не знали ничего въ ночь съ 9 на 10 термидора. Сообщенія съ городомъ, такъ легкія въ 93 г., стали невозможны въ 94. Тюремщики сами трепетавшіе не выказывали болѣе услужливости. Каждое изъ этихъ большихъ зданій было городомъ въ городѣ и не знало ничего о мірѣ живыхъ. Время года представляло контрастъ. Прекрасные мѣсяцы іюня, іюля, отмѣченные казнями, были мрачны. Тюрьмы, повѣрили тому, что Бабёфъ называлъ *системой обезлюденія*, повальнаго истребленія. Будутъ ли продолжать судить? Рѣзня казалась вѣроятной. Тюрьма Плесси, которую звали преддверіемъ гильотины, думала, что начнутъ съ нея и ждала набата. Церковь Богородицы не била набатъ. Но когда въ девять часовъ вечера раздался рѣзкій и жидкій набатъ ратуши, то одинъ заключенный сказалъ: «Въ этотъ часъ каждому изъ насъ минуло сто лѣтъ». Паника была такъ велика въ Плесси, что заключенные нагромоздили баррикады изъ стульевъ и столовъ, и ожидая рѣзни, готовились къ отчаянной защитѣ.

Первымъ, освобожденнымъ, былъ человѣкъ предмѣстья Сенъ-Антуана. Вскорѣ послѣ того, какъ Робеспьеру былъ нанесенъ ударъ, послали въ Поръ-Либръ (Поръ-Рояль) освободить Сантерра. Было три часа утра, разсвѣтъ.

Заключенные въ Люксембургѣ, пользовавшіеся свободой выходить изъ своихъ комнатъ цѣлую ночь, приходили на прекрасную террасу на улицѣ Турнанъ и съ нея смотрѣли на Парижъ, казавшійся спокойнымъ, мирнымъ. Въ четыре часа пришли взять среди нихъ Антонелля, великаго патріота, который думалъ, что шелъ на смерть. Въ пять туда привели ро-

бесньериста, коменданта Марсова поля. Все было сказано этимъ и Реаль, который передалъ намъ разсказъ обо всемъ, побѣжалъ по всѣмъ камерамъ разносить добрую вѣсть.

Тоже изумленіе въ Консьержери. Въ этой мрачной тюрьмѣ, куда приходили какъ въ послѣднее пристанище передъ смертью, Гошъ прогуливавшійся утромъ по двору, увидѣлъ приведеннаго молодого человѣка, то былъ врагъ его, Сенъ-Жюстъ. Гошъ сдержался, удивляясь чудесному перевороту человѣческихъ дѣлъ.

Въ Плесси была безумная радость. Одинъ изъ заключенныхъ Сенъ-Гюрюжъ, знаменитый агитаторъ, занималъ чердакъ въ улицѣ Сенъ-Жакъ. Въ шесть часовъ онъ увидѣлъ сосѣдей спѣшившихъ, трепетавшихъ, знавшихъ муку выносимую заключенными; они взобрались на крыши и кричали ему черезъ улицу: «Кончено!.. Робеспьеръ умеръ!..» Ударъ молніи поразилъ бы менѣе. Мущины, которые въ этой тюрьмѣ были отдѣлены отъ женщинъ, ринулись, сломили всѣ преграды и нашли несчастныя созданія забившимися въ уголъ, полумертвыми отъ страха, уничтоженными. Обнимались, плакали, казалось, что вышли изъ могилы.

Доброе сердце народа снова заявило себя. Онъ побѣжалъ къ дверямъ тюремъ видѣть, какъ выходятъ заключенные. Прекрасная и широкая улица Турнонъ представляла самое трогательное зрѣлище. Народъ бросился на первыхъ, которые вышли изъ Люксембурга; ихъ сжимали въ объятіяхъ, не спрашивая, къ какому сословію, къ какой партіи принадлежали они. Были ли то роялисты?

Немногіе, очень немногіе уцѣлѣли. Велико было удивленіе, когда увидѣли; что огромное большинство заключенныхъ были патріоты.

Великій 93 г., можно сказать, сидѣлъ въ тюрьмѣ, годъ

спасшій революцію, и заключенъ въ тюрьму сыномъ его, варварскимъ 94 г.

Тамъ были также нантцы, сто мужественныхъ защитниковъ Нанта, которые отбросили Вандею.

Были нормандцы, упорные республиканцы, спасенные Робертомъ Линде съ такою счастливою уловкою, которая утишила междоусобную войну.

Былъ Антонель, глава грознаго жюри 93 г., не хотѣвшій потерпѣть униженія правосудія, который мотивировалъ приговоры свои, хотѣлъ убѣдить публику и самихъ осужденныхъ въ справедливости приговоровъ своихъ.

Гошъ въ Консьержери! Гошъ уже занесшій ногу на ступени эшафота!... Чудовищная награда за завоеваніе Рейна!.. Мрачное предвѣстіе того, что Клеберъ и майнцскіе воины должны были ждать отъ якобинскаго правительства.

Говорили: «Республика выходитъ сегодня изъ тюрьмы».

Могли сказать: «Свобода», когда увидѣли выходившаго Томаса Пейна, великаго гражданина двухъ свѣтовъ, освободителя Америки, который однако предпочелъ насъ и сдѣлался французомъ.

Могли сказать: «Сама Франція», въ лицѣ наиболѣе извѣстныхъ и любимыхъ художниковъ, писателей, поэтовъ, большею частью людей очень безвредныхъ: такъ много воспѣтый Флоріанъ, Парни, стихи котораго всѣ французы того времени знали наизустъ, Делиль, спасенный Шометомъ, секретарь Тюрги-Дюпонъ изъ Немура, Сенанкуръ—авторъ Обермана, престарѣлый авторъ Анахарсиса, Мерсье — авторъ картины Парижа.

Съ восторгомъ увидѣли снова, хотя и увидѣли роялистовъ, такъ многихъ пѣвцовъ, которымъ рукоплескали, такъ многихъ актеровъ любимыхъ публикою, Фигаро, Сюзанну, обожаемую

Бомарше. Два воспоминанія этого времени. Сладостныя воспоминанія временъ такъ близкихъ и такъ далекихъ, той зари блестящей и легкой, которая такъ весело предшествовала концу міра, такъ весело предвѣщала его.

Жила ли вся эта Франція до прошедшаго? О томъ не знали ничего. Когда увидѣли, что она снова появилась, то почувствовали странную радость. Невозможно было сдержаться. Къ волненію близкому къ слезамъ примѣшивались шутовскіе эпизоды. Лежандръ, придя въ Плесси и найдя тамъ молодаго Руссильона, котораго какимъ то чудомъ забыли гильотинировать, далъ ему пинка. «Что ты дѣлаешь здѣсь..? Убирайся негодяй»!

Выходъ этотъ имѣлъ видъ настоящаго карнавала. Освобожденные износили все платье и выходили въ самыхъ причудливыхъ костюмахъ, жалкіе, голышами, съ прорванными локтями. Это смѣшило и трогало. Аристократы и неаристократы, всѣ они стали народомъ, всѣ очевидно получили крещеніе равенства.

Видъ женщинъ возбуждалъ жалость. На блѣдныхъ лицахъ ихъ читали, какъ великъ былъ вынесенный ужасъ. Въ особенности въ послѣдніе два мѣсяца, когда у всѣхъ была одна мысль, онѣ совершенно забыли заботиться о себѣ. Женщины изъ Плесси, на которыхъ были только холщевыя кофты, казались нищими, работницами. Въ другихъ тюрьмахъ онѣ сохранили прежнія нарядныя юбки, но въ какомъ видѣ были эти наряды! Измятые, въ пятнахъ, вылинялыя. Тюрьмы были странными вертепами. То былъ міръ, отдѣльный отъ живаго міра, казавшійся уже міромъ мертвецовъ, онъ пользовался и свободою смерти. Страхъ сломилъ всю энергію, всѣ воспоминанія о томъ, что соблюдается повсюду въ другихъ мѣстахъ. Жили въ простой естественной исторіи съ единственною

мыслью: жить. А единственною надеждою жить было — забеременѣть. Это не всегда спасало; въ послѣдніе мѣсяцы двѣнадцать женщинъ, не смотря на заявленіе о беременности, пошли на эшафотъ. Въ термидорѣ многія вышли беременными и крайне пристыженными; и кто не прослезился бы, увидѣвъ ихъ и въ томъ числѣ дѣвицу де Круазель, которой едва минуло четырнадцать лѣтъ, беременную отъ г. де Б., котораго гильотинировали на другой же день.

Куда шли онѣ, выходя изъ тюрьмы? Многія не знали бы что отвѣтить. У нихъ не было семьи, крова. Дома ихъ были заперты, опустошены, запечатаны, проданы. Имъ давали пріютъ или старинные слуги, или какая нибудь сострадательная душа. Ихъ принимали радушно; для нихъ тѣснились, обрѣзали себя. Съ ними дѣлились всѣмъ, что имѣли. Сколько вѣстей передавали имъ! Сколько смертей! Онѣ жалѣли о неизвѣстности тюремъ. Міръ открывался передъ ними въ развалинахъ, опустошенный, пустынный. Онѣ въ горести своей казались разбитыми, но покорными судьбѣ. Какъ онѣ казались смиренными тогда, тѣ именно, которыя немного мѣсяцевъ спустя выказали себя изступленными, страшными агентами реакціи.

Парижъ, естественно, принялъ сердечно освобожденныхъ арестантовъ. «Потому что онъ былъ роялистомъ?» Ни сколько въ это время, но потому что и онъ на самомъ дѣлѣ былъ заключеннымъ.

Никогда ни одно правительство, сколько я знаю, не любило Парижъ. И страшный человѣкъ изъ Арраса также мало понялъ его. Онъ не жилъ ничуть въ Парижѣ, онъ жилъ въ клубѣ якобинцевъ. Онъ находилъ и у Дюплэ сырую тѣнь своей улицы Аррасъ, (которую я вижу отсюда), онъ постоянно ходилъ до собранія только одною улицею — Якобинцевъ.

Онъ былъ такъ нервенъ, что боялся толпы. Онъ не былъ способенъ хоть сколько нибудь почуять великое, такъ откровенное сердце предмѣстья Сенъ-Антуана; еще менѣе сердце глубокаго центральнаго Парижа, тысячь измѣнившихся станковъ его, сотенъ тысячъ людей, такъ искусныхъ, которые непрестанно измѣняли ремесла свои, — свободнаго Протея, антипатичнаго для спѣси, для дисциплины мрачнаго якобинскаго монастыря.

Увеселенія Парижа были нестерпимы для него. Нашъ октябрскій карнавалъ, на счетъ церкви Богородицы, въ пору сбора винограда, при громѣ трехъ побѣдъ, привелъ его въ негодованіе и былъ такъ же непріятенъ для него, какъ для педанта живая вспышка школьниковъ. Онъ посадилъ насъ подъ наказаніе, объявилъ насъ несовершеннолѣтними, подъ опекой и оскорбительно отнялъ у насъ наши выборы. Наши невинные гражданскіе банкеты, на которыхъ всѣ, богатые и бѣдные, ѣли вмѣстѣ, не понравились ему и были запрещены. Онъ уничтожилъ нашу коммуну. Безъ причины, повода или предлога онъ гильотинировалъ Парижъ въ лицѣ добряка Шомета, смиреннаго апостола бѣднѣйшихъ гражданъ. Главою его лжекоммуны, *назначаемой*, но уже болѣе не избираемой, былъ молодой человѣкъ съ юга, съ самаго черстваго, севенскаго юга, болѣе безпощаднаго нежели гильотина. При немъ секціи стали сорока восемью маленькими комитетами, каждый изъ пяти или шести членовъ, *назначенныхъ* властью, на жалованьи у нея, и къ которымъ не смѣли приступиться. Они одни—и оттого тѣмъ болѣе изступленные, хватали на удачу. Кого? Все равно кого, смертныхъ людей, очень быстро казнимыхъ. И никакой отвѣтственности; Парижъ былъ во власти трехъ сотъ *чиновниковъ* якобинцевъ.

Въ то время какъ гильотинировали Робеспьера и коммуну,

патріоты, говоритъ Бабёфъ, вышедшіе изъ убѣжищъ своихъ, соединились въ Эвеше. Въ зданіи Эвеше была обширная зала, гдѣ происходили выборы 89 г. и гдѣ одно время засѣдало учредительное собраніе. Тамъ помѣщалось то, что называли клубомъ избирателей. Тамъ былъ подготовленъ противъ Жиронды ударъ 31 мая. Но на этотъ разъ требовали не государственнаго переворота. Напротивъ, требовали закона, возвращенія къ законности.

Собраніе враждебное якобинцамъ, расположенное требовать отчета у царившихъ комитетовъ, которые, убивъ Робеспьера надѣялись продолжать его.

Въ этотъ самый день они осмѣлились учредить коммуну Парижа.

То былъ очевидный случай. Чтобы гильотинировать коммуну Робеспьера, нужны были муниципальныя власти, которыя бы засвидѣтельствовали личность его. Только трое остались вѣрными. Комитетъ общественной безопасности присоединилъ къ нимъ своихъ людей. Неправильная мѣра, вызванная необходимостью, но ее сохранили какъ окончательную мѣру. Отсюда законныя жалобы, негодованіе Парижа.

Эти самозванные правители, имѣвшіе такъ мало авторитета, остались въ хвостѣ движенія и могли только слѣдовать за нимъ. При обходѣ тюремъ, въ Люксембургской, они нашли, что тамъ работали для дѣла, котораго комитеты страшились болѣе всего. Арестанты просили одного арестанта, адвоката Реаля, изложить обвиненія ихъ противъ шпіоновъ, (*les moutons*), которые составляли списки смертной казни. Списки эти отправляли въ суды, только проведя ихъ черезъ комитеты, которые подписывали ихъ и принимали на себя ужасную отвѣтственность. Подписи эти, добытыя насиліемъ или нѣтъ, дѣлали комитеты сообщниками шпіоновъ. Трогать шпіоновъ зна-

чило трогать комитеты. Амаръ, испуганный, побѣжалъ въ Люксембуръ, овладѣть Реалемъ, заставить его молчать, запереть его въ тюрьму. «Кто вы?» спрашиваетъ Реаль.—Представитель народа. — Мнѣ что за дѣло. — Реаль требуетъ его бумаги: «*По какому праву?*»

Въ одномъ этомъ словѣ заключался второй термидоръ противъ комитетовъ.

Амаръ былъ принужденъ показать уполномочивавшую его бумагу. И такъ терроръ продолжался. Комитеты царствовали. Они были такъ убѣждены въ этомъ, что въ одной тюрьмѣ, въ улицѣ Севръ, еще усилили строгость заключенія, купили собакъ, чтобы лучше стеречь заключенныхъ.

Комитеты не могли сохранить чудовищную власть, (власть безумную и безбожную, которую Робеспьеръ вырвалъ у собранія) арестовать депутатовъ. Нельзя было терять ни минуты, чтобы отнять у нихъ такое оружіе, сломить его и возобновить комитеты. 12 одинъ военный, Дюбуа-Крансе, (превосходный гражданинъ, его видѣли въ борьбѣ противъ Бонапарта) сдѣлалъ это предложеніе; собраніе голосовало то, что Мерленъ, Бурдонъ, Камбонъ, Линде тщетно требовали въ сентябрѣ 93 г.: *чтобы комитеты были возобновляемы*, но только четверть членовъ смѣнялась въ мѣсяцъ.

Власть комитетовъ продолжалась четырнадцать мѣсяцевъ. Она оставила гибельную традицію произвола и тиранніи. Люди, которыхъ присоединили къ прежнимъ членамъ, люди, которые смѣнили ихъ, менѣе кровожадные, выказывали такое же презрѣніе къ закону, къ свободѣ. Гордость, недовѣріе царили въ стѣнахъ Тюльери, носились въ воздухѣ: дышали Робеспьеромъ и Сенъ-Жюстомъ.

Для собранія депутатовъ было избавленіемъ убрать съ глазъ долой раздутое страшилище террора, Давида, шпіона Робес-

пьера, его жестокаго полицейскаго, опьянѣлаго отъ злобы и крови. Онъ погибъ бы, еслибы не талантъ его. Но собраніе само хранило въ себѣ полицейскій духъ. Оно боялось всего: боялось якобинцевъ, боялось Парижа, справедливыя жалобы котораго избрали себѣ органомъ Эвеше, клубъ Бабёфа.

VI.

Большой клубъ Бабёфа протестуетъ за права Парижа.

Собраніе провозгласило 10 термидора, «что Парижъ заслужилъ благодарность отечества».

И въ тотъ же день комитеты его взяли на себя сфабриковать парижскую коммуну. Временное назначеніе, которое стало окончательнымъ.

Такъ, въ тотъ самый день, когда гильотинировали тирана, ему подражали, сохраняли дикое недовѣріе его въ отношеніи великаго города, который сдѣлалъ революцію.

Парижъ имѣлъ огромное право. Былъ ли это просто городъ? Кто не знаетъ, что парижане большею частью выходцы изъ провинцій, и потому онъ — Франція. Клоцъ идетъ далѣе; онъ говоритъ: «Парижъ есть учредительное собраніе».—Въ великіе дни (14 іюля, 10 августа) онъ призналъ за Парижемъ папство здраваго смысла и провозгласилъ его «Ватиканомъ разума».

Бабёфъ объяснилъ намъ предлогъ, которымъ воспользовались съ 93, чтобы нанести первый ударъ коммунѣ, когда заперли въ тюрьму ея бюро продовольствія, когда убили даже начальника слѣдственной комиссіи, избранной, по идеѣ Бабёфа, всѣми секціями. Комитеты, якобинцы, заговорили противъ коммуны языкомъ жирондистовъ: что Парижъ былъ

только городомъ и долженъ подчиниться Франціи, и проч. и проч.

Въ продолженіи четырнадцати мѣсяцевъ, сначала вслѣдствіе великой опасности, а затѣмъ когда опасность прошла, то безъ всякой причины, выборы прекратились повсемѣстно. Что замѣнило ихъ? Просто посвященіе въ якобинство, *выборъ чистыхъ чистыми.*

Но одно слѣдуетъ замѣтить, это—что въ другихъ городахъ сохранили хотя нѣкоторыя формы. Въ Парижѣ — никакого приличія.

Власть прямо назначала 48 мелкихъ революціонныхъ комитетовъ, и какъ я уже сказалъ выше, прекратилась всякая истинная магистратура; эти чиновники на жалованьи, безъ отвѣтственности, обвиняли и арестовали.

Узкая церковь якобинцевъ, благодаря очищеніямъ ставшая такъ малочисленной, управляла вопреки большинству, занимала всѣ мѣста. По какому праву? По праву гражданской чистоты и вѣрности принципамъ. Робеспьеръ, держа церковь эту въ рукахъ, долженъ бы былъ упорно сохранять характеръ ея, не требовать быстрыхъ перекидываній, отъ которыхъ спадала гордая маска неизмѣняемости. Но онъ, въ стратегіи своей, бывалъ порою такъ взбѣшенъ, такъ изступленъ, что забывалъ интересъ этотъ, нарушалъ, попиралъ, насиловалъ чистоту собственной церкви, требовалъ, чтобы она опровергала себя, отрекалась, нарушала свои постановленія, измѣнялась съ утра до вечера. Видѣли, какъ въ важномъ дѣлѣ культа разума, она для президентовъ своихъ, Клоца, Фуше, переходила вдругъ отъ сѣвера къ югу, отъ юга къ сѣверу. Видѣли, какъ общество это, такъ неумолимое во имя принциповъ, поставило выше принциповъ поклоненіе кумиру—человѣку.

Могли ли такъ колеблющіеся якобинцы навсегда упразднить въ пользу свою выборы, отнять у Парижа права его, превратить Парижъ въ великаго *подозрительнаго*, который, если не связать его, можетъ измѣнить, погубить все?

Тезисъ якобинцевъ, поддерживаемый и теперь еще историками робеспьеристами, опирается на извѣстномъ количествѣ клеветъ очень разнообразныхъ и даже противорѣчащихъ: «что Парижъ былъ роялистомъ; что Парижъ былъ гебертистомъ; что Парижъ былъ бабувистомъ, т. е. готовъ былъ разрушить собственность».

Парижъ не былъ гебертистомъ. Онъ много рукоплескалъ смерти отца Дюшена.

Парижъ вовсе не думалъ требовать аграрныхъ законовъ. Раздѣлъ свободныхъ земель, который Шометъ, Моморо, Бабёфъ обѣщали въ 93 г., чтобы успокоить голодавшій народъ, не былъ нарушеніемъ собственности.

Одно названіе роялиста считалось величайшимъ оскорбленіемъ. Собраніе создало роялистовъ своими проволочками колебаніями. Оно заставило опасаться, что въ республикѣ не будетъ никогда спокойствія. Но на это нужно было время. Истинные роялисты, въ августѣ, сентябрѣ и октябрѣ, были еще эмигрантами. Тѣ, кого въ то время принимали за нихъ, были молодежью жирондистовъ, торговой и промышленной, очень шумной и враждебной болѣе всего реквизиціи. Въ эти первыя минуты никто не думалъ о роялизмѣ. Роялизмъ былъ идеей далекой, затерянной въ прошедшемъ. Бабёфъ утверждаетъ это. Республика изгнавшая Европу въ 93 и завладѣвшая ею въ 94, была еще въ термидорѣ идеаломъ націи. Считали униженіемъ отречься отъ надежды, что *Франція будетъ управлять Франціею*, сама будетъ предписывать себѣ законы.

Бабёфъ, антиякобинецъ, но который не стѣсняется также судить людей термидора съ большою строгостью, представляется мнѣ въ эти минуты истиннымъ голосомъ Парижа, великаго Парижа Шомета, законнымъ воскресеніемъ всего, что было наиболѣе чистымъ въ нашей коммунѣ, 93.

Онъ возражаетъ на оскорбленіе тѣхъ, кто называли его геберстистомъ. (№ 3, 22 Фрюктидора).

Онъ вовсе не врагъ собственности. Бабёфъ (въ 4 №) хвалитъ и привѣтствуетъ тѣхъ, которые защищаютъ права ея.

Даже въ январѣ 95, когда преслѣдованія довели Бабёфа до крайняго раздраженія, онъ требуетъ только того (№ 29), что̀ было голосовано или обѣщано самимъ собраніемъ: законы противъ скупщиковъ-спекуляторовъ, призрѣніе стариковъ и немощныхъ, для всѣхъ — образованіе и работа; наконецъ, земли, какъ вознагражденіе защитниковъ отечества.

Задавили журналъ Бабёфа и клубъ Эвеше, только прибѣгнувъ къ клеветѣ, вызвавъ страшный призракъ аграрнаго закона, заклеймивъ ихъ названіями крайнихъ, бѣшеныхъ, тогда какъ напротивъ Бабёфъ проповѣдуетъ въ журналѣ своемъ только снисхожденіе даже къ злѣйшимъ врагамъ своимъ (см. № 19), и въ своей «Жизни Карье» ссылается только на милостивыхъ: Филиппо, Демулена, Дантона.

Въ этомъ журналѣ есть прекрасныя вещи, полныя глубокаго смысла, показывающія, что бѣдный Гракхъ Бабёфъ, прежде чѣмъ онъ совершенно одичалъ отъ чрезмѣрныхъ страданій, голодовокъ, тюрьмы и т. п., имѣлъ не только удивительное сердце, но и твердый и проницательный умъ. Я вижу въ 2 № самое вѣрное замѣчаніе о языкѣ революціонеровъ, о варварствѣ жаргона, темнаго и неологическаго и о страшной путаницѣ, какую онъ вноситъ въ умы народа; «Мы ушли на-

задъ», говоритъ онъ: «Снова выучиться свободѣ труднѣе, нежели сначала учиться».

Я часто спрашивалъ у людей, которые видѣли это время: «О чемъ думали, чего хотѣли въ августѣ 94, послѣ такого страшнаго потрясенія?—*Жить*, отвѣчали мнѣ всѣ.

«И чего еще?—*Жить*».

«Что же вы понимаете подъ этимъ словомъ?—Гулять на солнце по набережнымъ, бульварамъ, дышать, смотрѣть на небо, на Тюльери слегка желтѣющіе, ощупывать себя и, чувствуя, что голова на плечахъ, говорить себѣ: «Я еще живу».

Доходили до площади Согласія. Восхищались праздностью гильотины. Со времени казни самозванной коммуны, она была отставлена и для нея началась долгая безработица. Что же будетъ съ Самсономъ? Съ него сдѣлали гравюру, и въ ней представили несчастнаго, который съ отчаянія что ему нечего дѣлать, гильотинировалъ самъ себя.

«Пора было», говорили: «Никто не остался бы въ живыхъ». Давидъ сказалъ: «Едва ли двадцать человѣкъ останутся на Горѣ». Вадье находилъ, что и этого слишкомъ много. Онъ видѣлъ только четырехъ человѣкъ, которые еще были достойны жизни.

Какое же было немедленное дѣйствіе такого внезапнаго превращенія? Робертъ Линде очень хорошо объяснилъ его въ отчетѣ своемъ о 20 сентября:

«Каждый сосредоточивается въ семьѣ своей и разсчитываетъ свои средства». Домашній очагъ, семейныя привязанности, строгая невольная экономія, предписанная нищетой. Очень мало политическихъ страстей у угромнаго большинства, роялизмъ малочисленный и очень робкій сначала, якобинство угрожающее въ силу страха своего. Эти оба ничтожныя

меньшинства получали относительную силу отъ общей инерціи массъ.

Понемного возобновилась общественная жизнь. Начали иногда обѣдать въ городѣ у самыхъ близкихъ родныхъ: скудный обѣдъ, вареное мясо и нѣсколько чахоточныхъ цыплятъ. На рынкѣ было мало припасовъ. Жатва еще не была собрана. Былъ недостатокъ въ хлѣбѣ. Каждый гость, какъ мнѣ говорилъ отецъ, изъ вѣжливости приносилъ въ карманѣ маленькій кусочекъ хлѣба. Болтали, но способность рѣчи еще не вернулась вполнѣ. Отъ августа до ноября оставалось какое то безпокойное чувство; женщины, въ особенности, были въ постоянномъ страхѣ и не могли успокоиться. Парижъ возвращался къ жизни, но медленнѣе чѣмъ то говорили. Въ продолженіе почти пятнадцати мѣсяцевъ ничего не покупали— ничего, что называется ничего—и оттого много вещей стали негодны. Торговля должна была сильно оживиться. Затрудненіе заключалось въ томъ, что ни у кого не было ни гроша. Дамы чинили свою одежду, и когда мыли единственное платье, то приходилось оставаться въ рубашкѣ.

Это пробужденіе Парижа, выходившаго какъ бы изъ глубокой ямы, казалось настоящимъ возстаніемъ погребеннаго изъ могилы, медленнымъ, едва слышнымъ для тѣхъ, у кого какъ у меня, раздавался въ ушахъ шумъ великихъ дней 93 и 94 гг., громъ народнаго голоса.

94 г. страшенъ молчаніемъ до 9 термидора. Можно слышать какъ летитъ муха. Когда поднялся шумъ, проснулись голоса, когда слова, зацепенѣвшія отъ холодного вѣтра террора, ожили внезапно, загремѣли, собраніе, такъ нервное, вздрогнуло. Этотъ непривычный шумъ, это требованіе правъ, запросы о выборахъ, все показалось ему невыносимымъ. На другой день тираніи, оно конечно не потребовало тираніи, но вооружило

комитеты свои тѣмъ же произволомъ. «Какъ», сказалъ Бабёфъ (№ 2): «уже процессъ прессы въ концѣ перваго мѣсяца. Свобода едва зараждается, она еще въ эмбріонѣ»... Но дѣло въ томъ, что 94 г. не можетъ больше, не хочетъ больше слушать голосъ 92, голосъ 93. Тѣнь истиннаго народа пугаетъ его.

Бабёфъ жилъ въ центрѣ улицы Сенъ-Гоноре, въ секціи Музеума. Секція эти подъ вліяніемъ его, 30 термидора постановила, что пойдетъ въ конвентъ и тамъ дастъ присягу «не признавать ничего, кромѣ правъ человѣка». т. е. какъ объясняетъ постановленіе секціи, что ничто не должно препятствовать народу—учредительной власти собираться и избирать; что Парижъ не могъ оставаться безъ городскаго управленія, выбраннаго имъ самимъ, что 9 термидоръ долженъ заставить трепетать тѣхъ, которые предложили бы кровавые законы, которые захватили бы избирательное право, что если въ *конвентѣ* есть люди не признающіе принциповъ этихъ, то онъ поможетъ низвергнуть ихъ.

Этотъ грозный адресъ улицы Сенъ-Гоноре былъ снова пущенъ большимъ клубомъ, вмѣстѣ съ 48 округами и, говоритъ Бабёфъ, выражалъ во имя Парижа, чувства Ліона, Нанта и всѣхъ городовъ. Клубъ приготовилъ свою петицію, но замедлили съ этимъ ударомомъ и петиція была подана въ собраніе только двадцать дней спустя, когда утверждавшіеся термидорцы могли грубо вытолкать за дверь друзей Бабёфа и петицію Парижа.

VII.

Воскресеніе Дантона.

Августъ 94 г.

Собраніе не могло нисколько владѣть собою. Оно чувствовало позади себя безмѣрную реакцію. Послѣ страшнаго напряженія, пружина просто вытягивалась въ обратную сторону. Смѣшно искать этому мелочныя объясненія, какъ объясненія робеспьеристовъ: «Это Тальенъ, Кабаррю и пр. сдѣлали реакцію», Не ищите мелкихъ причинъ, когда вы видите громадныя, фактъ покрупнѣе горъ. Какой? Взрывъ жизни послѣ смерти, отместку природы послѣ чудовищнаго противоестественнаго стѣсненія. Все это вернулось путемъ оргій и разнузданностью чувственности, — я это хорошо знаю. Но передъ тѣмъ былъ и взрывъ сердца — въ великомъ крикѣ скорби.

Самымъ мучительнымъ въ маѣ, іюнѣ, іюлѣ было то, что въ такой страшной скорби не смѣли плакать. Ихъ всегда имѣли передъ глазами—эти великія жертвы. Мертвые не уходятъ подъ землю, пока не получатъ свое—слезы. Героическій 93 г., который спасъ Францію, былъ гильотинированъ, гора—съ Дантономъ, коммуна—съ Шометомъ. Люди эти не уходили, не были признаны мертвецами. Въ самыхъ нищенскихъ кварталахъ, въ черномъ центрѣ Парижа по ночамъ бродилъ еще Шометъ, апостолъ утѣшитель, проповѣдникъ бѣдныхъ. У Кордельеровъ и во всемъ пылающемъ очагѣ близь медицинской школы какое эхо! Какая кипучая жизнь!—И жизнь погасшая въ одно мгновеніе.

Мрачнѣе всего было собраніе! Какое вдовство!.. Былъ ли

на правой, или даже въ центрѣ хоть одинъ человѣкъ, который не оплакивалъ бы эти горячія искреннія сердца, несчастнаго Филиппо, открывавшаго намъ Вандею, добраго и великодушнаго Базира. Въ каждую минуту, когда говорили: флореаль или термидоръ (названія мѣсяцевъ, такъ хорошо придуманные) оживала скорбь о блестящемъ, обаятельномъ Фабрѣ д'Эглантинъ. А Камилъ Демуленъ, его трогательная Люси, добрый Анахарсисъ, такъ влюбленный во Францію!.. Имена ихъ не смѣли даже упоминать. Тогда не стало бы силъ сдержаться. Тогда разразилась бы внутренняя буря—и человѣкъ самый черствый къ воспоминанію задохся бы отъ рыданій.

Нужно было очень остерегаться, чтобы не видѣть на горѣ одно мѣсто, огромную пустоту... Пустоту? Въ часы, когда большая темная зала была дурно освѣщена, тамъ всегда появлялось что то страшное. Невольно туда оборачивались, туда смотрѣли. Сколько разъ оттуда разражался громъ, сверкала молнія! И тоже сколько исходило оттуда великихъ мыслей: «комитетъ помилованія» и вселенскій пиръ, за который сѣли бы всѣ партіи, Франція и цѣлый міръ.» Дантонъ остался тамъ въ замогильномъ величіи своемъ. Въ этомъ собраніи, такъ разслабленномъ, мертвецъ былъ болѣе живымъ, чѣмъ живые. Весь жаръ его перешелъ въ измученную группу, которая сидѣла близь него и невольно выражала его своими судорожными движеніями, демоническими жестами, а порой взглядомъ фурій. Робеспьеръ сохъ, худѣлъ отъ вида этихъ одержимыхъ. Онъ томился тѣмъ, что видѣлъ Дантона такимъ живымъ, такимъ неразрушимымъ, и сгаралъ надъ задачей гильотинировать его два раза; онъ самъ умеръ бы отъ злобы, что не могъ убить его вновь.

Одинъ нѣмой отчаяннымъ усиліемъ вырвалъ изъ сердца своего крикъ, который рѣшилъ дѣло и сдѣлалъ термидоръ: «кровь

Дантона душитъ его!» Со всѣхъ сторонъ говорили: «А!» Наконецъ, перевели духъ.

Но также устремились на самый скользкій склонъ. Гдѣ остановиться? Робеспьеръ былъ такъ замѣшанъ въ самую основу революціи, добромъ и зломъ, идеею, управленіемъ, ѣдкимъ сокомъ всепроницающимъ, что вырывая одного, трудно было не вырвать другое. Тѣ, которые наиболѣе помогали свергнуть тирана, были замѣшаны въ послѣднихъ дѣлахъ, погубившихъ его. Чтобы покончить Робеспьера, вырвать его съ корнемъ, мечъ долженъ былъ пройти сквозь сердца тѣхъ, которые свергли его.

Что подумать о быстромъ освобожденіи изъ тюремъ, объ этомъ слѣпомъ движеніи, которое выбросило на свободу столько людей всѣхъ партій?

Собраніе постоянно колебалось, одинъ день оно слушалось своего сердца, другой—политики, выгоды отечества. Оно голосовало въ одно утро, что «надо напечатать имена освобожденныхъ заключенныхъ». Вечеромъ кто то сказалъ некстати: «Надо посадить въ тюрьму тѣхъ, которыхъ напрасно освободили». Ужасъ! термидорцы, Мерлинъ, Лежандръ, Тальенъ негодуютъ; «Если такъ, то напечатаемъ тоже имена тѣхъ, кто заключилъ ихъ въ тюрьму!» Конвентъ, только что пожалѣвшій о своемъ милосердіи, снова сталъ милосерднымъ и раскаялся въ раскаяніи своемъ. «Не напечатаютъ ничьихъ именъ». И такъ тюрьмы опустѣютъ среди осторожной безгласности; заключенные, виновны они или нѣтъ, все равно, всѣ будутъ освобождены.

Якобинцы напрасно протестовали. Напрасно 19 августа, Луше, неизвѣстная личность, требовавшій ареста Робеспьера, требуетъ продолженія террора, требуетъ, чтобы выпущенные

арестанты были снова заключены въ тюрьмы. Его отослали къ комитетамъ — забвенію, ничтожеству.

«Это оттого что собраніе было втайнѣ и коварно роялистическимъ», говорятъ намъ якобинцы. Массы центра, правой, вообще молчавшія и дававшія говорить дантонистамъ, хорошо знали, чего хотѣли: возстановленія королевской власти.

Чтобы подтвердить это, они показываютъ какъ тотъ или другой членъ скоро сдѣлался роялистомъ, имперіалистомъ. Но это ничего не доказываетъ. Это правдоподобно, но очень ложно. Тогда не заглядывали такъ далеко впередъ.

Роялистамъ нужно было цѣлые пять мѣсяцевъ, чтобы пробудиться. Они находились въ оцѣпененіи, въ безчувствіи отъ ужаса. Безтолковыя агентства ихъ (Бротье и пр.) скрываются еще въ разныхъ убѣжищахъ, погребахъ или чердакахъ, шкапахъ, не смѣя показать носа.

Люди, которые не носятъ въ себѣ внутренній смыслъ Франціи, которые мало знаютъ эту страну, гдѣ все дѣлается ударами быстраго электричества, повѣрятъ, внушительно скажутъ, что такой то былъ роялистомъ въ іюлѣ, и скажутъ потому только, что онъ будетъ роялистомъ въ декабрѣ, или позже въ 95. Они захотятъ увѣрить насъ, что многіе депутаты, что большинство конвента были лицемѣрами. По моему мнѣнію, всѣ или почти всѣ были искренни, но измѣнчивы.

Какіе же люди термидора были въ собраніи? Очевидно, во первыхъ тѣ, которые жили смертью Робеспьера, тѣ шестьдесятъ депутатовъ, которые въ послѣдній мѣсяцъ не смѣли спать въ своихъ домахъ, которые были подъ ножемъ. Многіе изъ нихъ не выходили не вооруженными и не вооруженными на показъ, немного смѣшно. Лекуантръ былъ обвѣшанъ кинжалами и пистолетами. Впрочемъ, это былъ человѣкъ неустрашимый, который не разъ въ лицо оспаривалъ Робеспьера, который мало

скрываясь, предлагалъ многимъ убить тирана. Другіе, какъ Мерленъ, Рюамсъ, Бентаболь смѣлыми перерывами бросали Робеспьеру въ лицо негодованіе собранія; страшныя слова! то были камни, которыми поразили его. Честь великаго удара не принадлежитъ однако этимъ безстрашнымъ. Ударъ этотъ, 9 термидора, заключался въ томъ, чтобы заставить замолчать Сенъ-Жюста, остановить на первыхъ словахъ рѣчь, дѣйствіе которой, какъ дѣйствіе электрическаго угля, должно было привести еще разъ собраніе въ оцѣпененіе, заставить каждаго сказать себѣ: «Сегодня еще не моя очередь». Этотъ мастеръ вырывать зубы доказалъ бы тѣмъ, которые дали вырвать у себя Дантона, что вырвать пять или шесть дантонистовъ не причинитъ большой боли. Сенъ-Жюстъ, возвращаясь изъ Флеруса (гдѣ семь безсмертныхъ изъ Самбры и Мезы подстроили ему побѣду), Сенъ-Жюстъ подъ этимъ кровавымъ лавромъ имѣлъ извѣстную долю обаянія корсиканца послѣ Маренго. Но на сколько конвентъ стоилъ болѣе собранія этого времени! Какъ жива была тогда идея республики даже въ правой, даже въ центрѣ! Теперь довольно было Тальена, этого ничтожнаго человѣка для того, чтобы Сенъ-Жюстъ, остановленный послѣ двухъ фразъ, не могъ сказать ни одного слова болѣе, чтобы онъ проигралъ свое 18 брюмера и былъ бы вмѣстѣ съ Робеспьеромъ раздавленъ, объявленъ внѣ закона.

Тальенъ былъ только маской, актеромъ и самымъ фальшивымъ, но тѣмъ болѣе громогласнымъ, что онъ былъ пустъ. Фальшъ была до такой степени въ природѣ его, что ему вовсѣ не нужно было лицемѣріе изъ разчета. Онъ былъ писцомъ прокурора, превратившимся въ корректора газеты, въ газетчика и памфлетиста въ свитѣ Марата. Красивая голова его, кроткое лицо, были контрастомъ кровожадному бѣшенству его. Онъ произвольно опьянялъ себя кровью и приво-

дилъ себя въ состояніе нолупомѣшательства. Онъ былъ превосходенъ въ гнѣвѣ, съ мастерски съигранными порывами чувствительности, до такой степени, что самъ обманывалъ себя и въ такія минуты считалъ себя добрымъ.

Кровожадность не исключаетъ ни чуть извѣстнаго добродушія. Во время царствованія его въ Бордо, этотъ чувствительный гильотинеръ казался Генрихомъ IV на подкладкѣ Калигулы.

Удобство, какимъ онъ тогда пользовался, выжимать сокъ изъ негоціантовъ, пріучило его къ деньгамъ и онъ увидѣлъ, что деньги лучше крови. Жуиръ, истая гулящая дѣвка,—его ощупывали всѣ партіи, Испанія, и вскорѣ всѣ убѣдились, что онъ не останется непреклоннымъ, если предъявятъ выгодныя условія. Байонка Кабаррю, дочь испанскаго министра, которую онъ спасъ въ Бордо, тронула его своею красотою. Не испанскими ли дукатами, на которые онъ надѣялся, которые уже обнюхалъ? Я сомнѣваюсь въ томъ. Онъ продался, я полагаю, только послѣ термидора.

Въ этотъ великій день безмѣрный страхъ сдѣлалъ его храбрымъ, храбрѣе всѣхъ. Насмѣшка судьбы!

Самый худшій изо всѣхъ взялъ на себя починъ, сказалъ слово парки, убилъ Робеспьера и Сенъ-Жюста.

Если смотрѣть на сцену эту сверху, то эти два блѣдные призрака представляли смерть. Тальенъ, въ изступленіи своемъ, красный, грубый, опьянѣлый кровью и отчаяніемъ, все таки представлялъ жизнь.

Всѣ хотятъ жить. Въ этомъ было все. Франція ставшая противъ якобинцевъ, хотѣла жить—вотъ термидоръ. Не было

ни одного человѣка, который былъ бы увѣренъ прожить хоть одинъ день.

Собраніе упорствовало жить. Въ этомъ смыслѣ всѣ въ собраніи, и даже всѣ во Франціи въ этотъ день были *людьми термидора*.

Слово это означаетъ не столько партію, сколько темпераментъ. То были люди полнокровные, гнѣвные кровавымъ гнѣвомъ. Многіе изъ нихъ были людьми наслажденій, храбрыми, блестящими, великодушными, какъ Мерленъ де-Тіонвиль. Многіе были вспыльчивы, легкомысленны, какъ Фреронъ, о которомъ я буду говорить ниже, какъ мясникъ Лежандръ, вѣчно жившій въ кровавой бурѣ; сегодня опьянѣлый отъ гнѣва, завтра отъ яростной жалости, онъ былъ настоящимъ буфомъ, слѣпымъ быкомъ, которому, какъ говорятъ, хитрая Конта суфлировала каждое утро и которымъ она управляла. Были души смущенныя, буйныя, въ которыхъ Робеспьеръ былъ вѣчно живъ по той ненависти, какую они носили къ нему (Тюріо, Бурдонъ изъ Уазы). Почти всѣ были истинными, твердыми республиканцами. Лежандръ оплакалъ свои ошибки, свои неистовства и умеръ отъ раскаянія въ 1797 г. Термидорецъ Бентаболь, ослѣпшій во время реакціи, обвиненный въ томъ, что обогатился и женился на богатой, умеръ бѣднякомъ въ 98 г.

Но самымъ сильнымъ пробнымъ камнемъ былъ фруктидоръ, былъ брюмеръ. Кто тѣ люди, которые въ фруктидорѣ подчинились увлеченію роялизма? Кто тѣ люди, которые въ брюмерѣ вошли въ сдѣлку съ Бонапартомъ? Ревбель крѣпкій термидорецъ въ 94 г. тѣмъ не менѣе дѣлалъ переворотъ фруктидора съ Ревельеромъ-Лепо, умѣреннымъ жирондистомъ,

чтобы спасти республику. Дюбуа, крайне буйный термидорецъ, былъ тѣмъ не менѣе твердымъ республиканцемъ, неистовымъ противъ эмигрантовъ, твердымъ, достойнымъ удивленія въ брюмерѣ, достойнымъ удивленія громя Бонапарта.

Нужно также хорошо различать людей и видѣть до какой степени дойдетъ въ реакціи каждый человѣкъ и гдѣ онъ остановится. Тюріо очнулся очень рано и остановился, Лекуантръ позже, Луве еще позже, а еще позже Лежандръ. Гнѣвъ и жалость ослѣпляли ихъ сначала. Потомъ они увидѣли, что не могутъ быть человѣчными, мстить за человѣчество, не оскорбляя человѣчность, не поражая отечество — общую мать. Они отступили и сблизились даже съ врагами своими, якобинцами. Такъ было съ Бабефомъ; сначала онъ былъ враждебенъ якобинцамъ, потомъ вступилъ съ ними въ союзъ. Надо тщательно обозначить числа, вести счетъ эпохамъ, не смѣшивать, не путать все вмѣстѣ, какъ дѣлаютъ робеспьеристы; въ исторіи не должно гильотинировать безъ разбору, огуломъ, большими партіями.

Одно было раной точившей собраніе—оно вынесло Робеспьера. Было ли то по трусости? или по роковой неизбѣжности, налагаемой событіями? Оно само того не знало. Оно сомнѣвалось и въ иныя минуты не могло простить самому себѣ. Столько людей, которые въ арміяхъ и въ междоусобицахъ гражданъ смѣялись надъ смертью, не могли опомниться отъ изумленія, вызваннаго оцѣпененіемъ, оковававшимъ ихъ неподвижностью на скамьяхъ собранія, и сохранили вполнѣ законную злобу, ненависть къ тѣмъ посредственностямъ, которыя управляли ими.

Лекуантръ, человѣкъ мужественный, горячій, честный, неустрашимый, но болѣе чѣмъ кто либо, неловкій, выразилъ общую мысль, скорбь собранія въ громадномъ обвиненіи,

которое, казалось, призывало на судъ всю революцію. Онъ обвинялъ (съ Давидомъ, лакеемъ Робеспьера, и говоруномъ Баррерожъ) людей, которые были первѣйшими врагами Робеспьера: Бильо, Вадье, Вулана, Амара—злодѣевъ, которые, погубили Робеспьера тѣмъ, что помѣшали ему. Этотъ идіотъ, Лекуантръ, наконецъ, обвинилъ Колло д'Эрбуа.

Но то былъ именно Колло, который однимъ словомъ, скажемъ мечемъ, навсегда раздѣлилъ терроръ отъ террора: одинъ варварски мстительный, терроръ Колло, Фрерона, Карье, и пр.); другой злодѣйски коварный, который выдумывалъ преступленія, чтобы имѣть что карать. Колло сказалъ Робеспьеру слово, которое останется въ исторіи и которое припомнится въ день послѣдняго суда: «Что же останется намъ, если вы *деморализируете* эшафотъ!».

Были палачи, были убійцы. Ихъ нужно различать. Когда Ліонъ выбралъ въ генералы роялиста Преси, когда Тулонъ предался англичанамъ, когда Вандея призывала ихъ, встрѣчала ихъ въ Гранвилѣ, тѣ люди, которые обрушили на эти страшныя преступленія страшное возмездіе, не чувствовали ни малѣйшихъ угрызеній совѣсти. Палачи жестокіе и изступленные, которые заставляли возненавидѣть Францію, содрогнуться человѣчество. Но были ли они злодѣями? Нѣтъ.

Пусть міръ кричитъ противъ нихъ. Не республикѣ карать ихъ за страшную неистовую любовь, которую они имѣли къ ней. Колло ни въ чемъ не упрекалъ себя. Безъ сомнѣнія, роялисты могли обвинять его, но не республиканцы.

Мерзостная механика была извѣстна этимъ людямъ въ 93 г. Она пошла въ ходъ въ 94. Гильотина сама, (я называю такъ Фукье-Тенвиля) видѣла это съ ужасомъ. Онъ протестовалъ въ жерминалѣ, онъ протестовалъ въ преріалѣ

противъ ужасающаго колеса, къ которому его приставили, какъ собаку къ вертелу, чтобы вертѣть.

Какая доля приходится на каждаго въ этомъ крутящемся ураганѣ террора? Кто были истинными двигателями? Кто простыми орудіями?

Германъ, судья Дантона, администраторъ тюремъ, Германъ изъ Арраса,ексъ-колега Робеспьера въ Аррасѣ, составлялъ руками Ланна (изъ Арраса) въ тюрьмахъ черные списки смерти. Шпіоны на жалованьѣ (moutons) приносили Ланну имена выдуманныхъ заговорщиковъ. Списки эти должны были скрѣпляться подписью одного изъ двухъ комитетовъ. Списки относили въ Тюльери. Какіе люди были въ Тюльери, кто бы ни были они, иногда люди наименѣе террористы. Смѣютъ ли сказать, что они могли воздержаться, не подписывать? Они страшились другъ друга. Они были подъ надзоромъ Давида или другого кого изъ внутреннихъ шпіоновъ, и слѣдовательно подъ надзоромъ Робеспьера, «который не вмѣшивался ни во что». Вечеромъ обвинитель Фукье бралъ въ Тюльери списки. Посмѣютъ ли сказать, что онъ могъ воздержаться, не обвинять по этимъ спискамъ уже совсѣмъ готовымъ? За нимъ въ судѣ слѣдилъ глазъ Кофиналя, Дюма, т. е. глазъ Робеспьера. Оба они каждый вечеръ являлись къ Робеспьеру, совершенно знавшему все, «но не вмѣшивавшемуся ни во что». Колесо фатально вертѣлась отъ Германа къ Дюма, то есть отъ Робеспьера къ Робеспьеру.

Если хотятъ воздать строгое правосудіе термидору, то очевидно, что надо поражать двигателей, а не промежуточныя пружины. Четыре члена комитетовъ: Билло, Вадье, Амаръ, Вуланъ совершили преступленіе личное. Они ужасно вошли въ роль, которую имъ дали, приняли участіе въ смерти Дантона. Заслуживали ли они ее, сами по себѣ, эти слишкомъ

усердныя орудія? Я не смѣю рѣшать это. Судьба ихъ была слишкомъ тѣсно связана со всѣми комитетами, съ великой партіею якобинцевъ, которая, не смотря на ея непреложныя вины, была во многихъ отношеніяхъ защитою республики.

Самые лучшіе граждане думали такъ и вступились за этихъ ненавистныхъ тирановъ. Они подавили свои воспоминанія, сдавили, разбили свое сердце. То было великое зрѣлище.

Врагъ Робеспьера, не особенный другъ якобинцевъ, Камбонъ сказалъ, что нельзя наложить руку на этихъ обвиненныхъ, виновны они или нѣтъ, не наложивъ руку на самое собраніе. Герои монтаньяры, возвращавшіеся изъ армій, создавшіе побѣду, привѣтствовавшіе собраніе за термидоръ, говорили голосомъ Гужона. Этотъ удивительный молодой человѣкъ, олицетвореніе чистоты, сказалъ, что сердце его переполнено горемъ, что измѣнники поставили впереди *слѣпаго человѣка, чтобы убить свободу, чтобы убить собраніе*. И онъ прибавилъ этотъ вздохъ, вырвавшійся изъ самой глубины сердца: «*Какъ будто мы мало плакали о томъ, что мы были смятены, обмануты...*

Тюріо заставилъ постановитъ: «что собраніе, въ негодованіи, переходитъ къ очереднымъ вопросамъ». Тальенъ протестовалъ черезъ два дня и всѣ напали на него, утверждая, что Лекуантръ говорилъ только послѣ него, Камбонъ заставилъ объявить, что и обвиненіе было «*клеветой*». И это было голосовано при единодушныхъ громкихъ рукоплесканіяхъ 30 августа, 13 фруктидора.

Все собраніе было, что бы тамъ ни говорили, республиканскимъ и истинно считало себя республиканскимъ. Мы увидимъ, какъ ослабѣвала вѣра во многихъ членахъ его. Но мы еще пока стоимъ на 30 августѣ.

Случайное событіе, губительный взрывъ пороховаго погреба въ Гренелѣ былъ приписанъ роялистамъ, освобожденнымъ арестантамъ, неосторожнымъ освободителямъ, Тальену. Онъ думалъ успокоить волненіе, выйдя изъ коммитета общественнаго спасенія, въ который онъ только что поступилъ. Но этого было бы недостаточно. Увѣряютъ, что Кабаррю, его двадцатилѣтняя Эгерія, которая вдохновляла его еще наканунѣ 9 термидора, сказала ему, что онъ погибъ, если не погубитъ якобинцевъ, и что для этого было бы не дурно немного убить самого себя, ранить слегка и обвинить ихъ въ преступленіи. Одно вѣрно, что онъ, проходя ночью по пустынной улицѣ, былъ раненъ изъ пистолета, и очень вѣроятно собственной рукой. Какъ ни кричали друзья его, какъ ни обиняли они якобинцевъ, всѣ только смѣялись надъ этимъ, и онъ не добился ничего, кромѣ царапинки скоро зажившей.

VIII.

Собраніе, для того чтобы самому удержаться, поддерживаетъ якобинцевъ противъ Парижа и Бабефа.

1—6 Сентября 94 г.

Якобинцы, защищаемые даже врагами своими, могли ли похвастаться счастьемъ? Вышли ли они изъ опасности? Нѣтъ. Они были повѣренными, которые не могли сдать отчетовъ. Они пользовались болѣе года полной диктатурой: въ ихъ рукахъ были не только всѣ должности, но и безконтрольное распоряженіе капиталомъ Франціи. Комитеты ихъ, повсюду производя реквизицію людей, лошадей, телегъ, ржи, припасовъ всякаго рода и это безъ малѣйшей отвѣтственности, безъ правильныхъ записей, отмѣчали въ каждомъ городѣ, въ каждой де-

ревнѣ кто долженъ платить, и какимъ образомъ и сколько платить. Распредѣленіе, сборъ, доставка въ магазины, пересылка всѣхъ предметовъ, все это они дѣлали по своей волѣ. Безъ выгодъ для себя? Я такъ думаю. Безъ пристрастія? Я въ этомъ сомнѣваюсь.

Другая операція, гораздо болѣе щекотливая еще, была конфискація имуществъ лицъ, которыхъ арестовали. Здѣсь сколько искушеній! Они входили неожиданно въ богатые дворцы, въ роскошныя жилища. Имъ нужна была рѣдкая честность для того, чтобы не соблазниться столькими цѣнными вещами, или прелестными произведеніями искуства. Было крайне необходимо, чтобы тщательно составленные инвентари показали передъ цѣлымъ свѣтомъ честность, исправность людей, дѣйствовавшихъ безъ всякаго надзора и увѣренныхъ въ томъ, что никто не обвинитъ ихъ.

Но въ тѣсномъ кругу дѣйствій наиболѣе дозволенныхъ напр., при продажѣ драгоцѣнныхъ вещей или недвижимостей, кто бы смѣлъ давать болѣе чѣмъ они, выступить ихъ конкурентомъ? Хотѣли ли они того или нѣтъ, имъ доставалось все по низкимъ цѣнамъ. Эта страшная правоспособность арестовать всѣхъ, кого они хотѣли, заставила заподозрѣвать, и даже самыхъ чистыхъ, въ неблагородныхъ, гнусныхъ вещахъ. Видя трусость, видя трепещущую покорность тѣхъ, кого они не арестовали, общество предполагало постыдныя сдѣлки. Онѣ были рѣдки, что бы тамъ ни говорили, и были безпощадно караемы правительствомъ террора. Но все равно, ненависть и воображеніе безъ всякаго доказательства приписывали все всѣмъ, которымъ все было возможно.

Если бы царствованіе ихъ продолжалось, то они развратились бы еще болѣе. Но оно было кризисомъ, бурей, и одною изъ тѣхъ бурь, которыя поднимаютъ человѣка высоко

надъ самимъ собою. Они были большею частью очень искренними фанатиками, не знавшими разчета, ни предосторожностей. Они вообще могли отвѣчать врагамъ своимъ славною бѣдностью. Но ей не хотѣли вѣрить. Постоянно воображали, будто они припрятали, зарыли въ землю, или перевели на чужое имя свои богатства. На прошлыя грубости, на гордость, на бѣшеныя вспышки ихъ, имъ отвѣчали оскорбленіемъ, имъ сказали: «Выворотите карманы».

Камбонъ, который не любилъ ихъ, котораго никогда не было въ ихъ клубѣ, подалъ въ ноябрѣ 93 г., мнѣніе, которое спасло бы ихъ. Онъ требовалъ, чтобы комитеты представили обо всѣхъ цѣнностяхъ проходившихъ черезъ руки ихъ правильные отчеты, которые были бы просмотрѣны и утверждены въ законной силѣ комиссіей выбранной изъ собранія. Этого требовала справедливость. Этого требовали порядокъ и потребность единства. Великое движеніе не было бы тогда неровнымъ и безпорядочнымъ. Франція не представила бы тогда изъ себя (въ своихъ 50.000 якобинскихъ правительствахъ) безобразное зрѣлище животнаго съ тысячью ногъ и которое оттого тѣмъ хуже ходитъ. «Но было ли это возможно?» Да, въ ноябрѣ 93 г. Нашими тремя октябрьскими побѣдами (Ватиньи, Ліонъ и Гранвиль) мы стали чрезвычайно сильны, выйдя изъ гнетущаго кризиса, который узаконялъ все.

Кто воспротивился этой мѣрѣ, такъ полезной для якобинцевъ? Робеспьеръ, который щадилъ ихъ, хотѣлъ, чтобы якобинство осталось религіей, якобинцы были *чистыми*. Камбонъ спасъ бы ихъ, но сильно унизилъ бы ихъ. Они должны были стоять выше отвѣтственности. Порѣшили, что они будутъ имѣть дѣло только съ таинственнымъ комитетомъ общественной безопасности, тайной полицейской властью въ рукахъ

Робеспьера, который конечно не подумалъ спросить ни малѣйшаго отчета у якобинцевъ.

Эта безотвѣтственность, это необыкновенное довѣріе, которые такъ всецѣло сдѣлали ихъ королями въ 94 г., должны бы были увеличить число ихъ. Вышло совершенно на оборотъ. Общества ихъ таяли. Единственнымъ вѣрнымъ элементомъ, какой они имѣли, были люди наиболѣе компрометированные, 40 или 50.000 революціонныхъ комитетовъ, каждый въ четыре или пять человѣкъ; слѣдовательно, быть можетъ, ихъ было въ январѣ 94 г. всего триста тысячь человѣкъ. Но комитеты селъ въ мартѣ 94 г. возвратились къ сельскимъ работамъ; тѣ, которые пріобрѣли клочекъ земли, не могли забросить ее.

Комитеты продолжали существовать только въ окружныхъ городахъ. Насчитывалось ли въ нихъ пятьдесятъ тысячъ членовъ? Это крайне незначительное число наложило весь ужасный гнетъ весны и лѣта. Быть можетъ, болѣе всего раздражило деревни то, что городскіе комитеты отбирали для арміи пахотныхъ лошадей, такъ дорогихъ, такъ необходимыхъ въ ту минуту, когда земледѣліе возобновилось въ цѣлой Франціи. Крестьянинъ получилъ землю, но ему нечѣмъ было обработывать ее.

Якобинцы проиграли дѣло. Даже въ городахъ они были очень изолированы; въ Парижѣ, какъ я уже сказалъ, они были доведены до страшнаго одиночества, когда грянулъ ударъ термидора и требованіе представить отчеты. У нихъ въ рукахъ было все, и ихъ обвиняли во всемъ. Съ ними могло случиться то, что было съ агентами фиска въ Испаніи, которые всѣ были евреями. Агенты во имя короля выжимали налоги изъ народа для крестовыхъ походовъ. Крестовые походы подняли противъ нихъ неслыханное преслѣдованіе, неприми-

римую ненависть, утолить которую не могли ни желѣзо, ни пытки, ни костры.

Якобинцы лишились головы своей съ Робеспьеромъ. Но развѣ нельзя жить безъ головы? Они очень скоро отреклись отъ него въ торжественныхъ адресахъ. Если онъ былъ заговорщикомъ, говорили они, то это все равно для великой партіи якобинцевъ. Конвентъ, который въ такъ многихъ вещахъ шелъ за Робеспьеромъ, долженъ бы былъ для чести своей принять это отреченіе. Представители народа такъ многочисленные, которые сами исполняли разныя миссіи, которые также были облечены деспотической диктатурой, не стали бы требовать слишкомъ строгихъ отчетовъ отъ якобинцевъ. Тѣ изъ представителей, которые были журналистами, въ яростныхъ схваткахъ своихъ съ якобинцами не нападаютъ на нихъ никогда на почвѣ такого серьезнаго вопроса, какъ расходованіе денегъ. Они выказываютъ въ этомъ отношеніи такую сдержанность, хранятъ такое молчаніе, которыя должны были придать большое мужество противникамъ.

Успокоенные на счетъ главнаго, якобинцы вообразили, что терроръ, въ которомъ обвиняли ихъ, долженъ быть спасеніемъ ихъ. Они призвали марсельцевъ, небольшой шумный отрядъ который охранялъ ихъ, служилъ имъ опорой, былъ у нихъ на посылкахъ, являлся повсюду, безразсудно раздражалъ народныя массы Парижа, билъ разнощиковъ журнала Бабёфа. Бабёфъ съ своимъ клубомъ въ Эвеше, съ своимъ требованіемъ муниципальныхъ и, можетъ быть, общихъ выборовъ, былъ ненавистенъ всѣмъ, кому надо было представлять какіе бы то ни было отчеты, то есть якобинцамъ и самому конвенту, «Смѣлости, еще смѣлости!» Такова была мысль якобинцевъ. Бабёфу и Парижу, которые требовали полной отмѣны террора, они противупоставили адресъ, который они

приказали изготовить въ Дижонѣ, о необходимости удвоить утроить терроръ. Каждый революціонный комитетъ самаго мелкаго города имѣлъ бы силу для цѣлой Франціи! Приказъ объ арестѣ пущенный изъ Пантеона поражалъ бы до Пиренеевъ, до Альповъ, настигалъ бы въ Ліонѣ, Бордо! Малочисленная инквизиція каждаго округа имѣла бы полновластную диктатуру надъ цѣлой страной. Это значило переступить все, о чемъ когда либо мечтали самые крайніе децентрализаторы. Жирондисты не думали объ этомъ. Отъ этого затрепеталъ бы самъ Робеспьеръ.

5 сентября собраніе прослушало это безуміе, почетно приняло его, и отослало на обсужденіе въ свой законодательный комитетъ. Для чего? Для того, что адресъ этотъ, льстившій самолюбію городовъ, позволялъ имъ задавить Парижъ. Это и сдѣлали на слѣдующій годъ.

Бабёфъ былъ удивленъ, какъ писалъ онъ, тѣмъ что термидорцы, Тальенъ и Фреронъ, которые какъ и онъ требовали прекращенія террора и свободы прессы, не поддержали его въ своихъ журналахъ и даже избѣгали говорить о его журналѣ. Однако онъ имѣлъ наивность вѣрить, что петиція, и очень умѣренная, его клуба встрѣтила бы хоть какую-нибудь поддержку въ конвентѣ. Ихъ человѣкъ, ихъ другъ, ярый термидорецъ, предсѣдательствовалъ: Андре Дюмонъ былъ президентомъ.

Петиція требовала двѣ вещи: свободы прессы и пользованія «правомъ принадлежащимъ народу» назначать чиновниковъ (fonctionnaires) своихъ.

Шло ли дѣло о Парижѣ, о коммунѣ свободно избираемой? Да, кажется такъ. Шло ли дѣло о Франціи? Слово чиновники означало ли тоже представителей народа? Надо ли думать, что требовали новыхъ выборовъ, новый конвентъ?

Никто не хочетъ умирать. Собраніе думало (и это думаетъ каждое правительство), что въ жизни его было спасеніе. Оно спрашивало себя, кому оно передастъ республику. Оно не жило до этой минуты,—я хочу сказать, что оно не могло совершить великія дѣла, планы которыхъ были созданы во время террора; они оставались на бумагѣ (кодексъ, народное образованіе, и пр. и пр.).

Собраніе тоже чрезвычайно опасалось Парижа, не Парижа роялиста, который нигдѣ не показывался, но Парижа кордельеровъ, Парижа гебертиста, старой основы рабочихъ Шомета, призрака аграрныхъ законовъ—призрака, которому дали плоть именно тѣмъ, что боялись его. Въ 94 г. о немъ нѣтъ еще ни слова въ журналѣ Бабёфа. Онъ не былъ гебертистомъ, онъ высказываетъ это настоятельно и, болѣе еще, онъ доказываетъ это, написавъ книгу противъ гебертистовъ Вандеи, Карье, Ронсена и пр.

Еслибы въ день 6 сентября, конвентъ имѣлъ великодушіе убить себя, выборы были бы республиканскими. Роялисты были еще очень робки; они стали дерзкими только при возвращеніи эмигрантовъ. Ни одинъ человѣкъ во Франціи не смѣлъ говорить о королевской власти. Вся пресса была антироялистской. Шуаны, вандейцы, разбойники — всѣ эти слова внушали отвращеніе. Измѣна Тулона, призывъ англичанъ, Гранвиль, соглашеніе роялистовъ съ нашими смертельными врагами были еще у всѣхъ на глазахъ. Нищета и голодъ поддерживали ненависть народа противъ роялизма. Когда Тальенъ, женившись на дочери испанскаго министра, далъ угадать свои козни, то онъ сталъ предметомъ ненависти, омерзѣнія; его изрыгнули. Онъ не могъ уже болѣе подняться, даже громаднымъ избіеніемъ роялистовъ въ Киберонѣ. Въ сентябрѣ монтаньяры не якобинцы были бы всѣ избраны вновь и даже умѣ-

ренные якобинцы. Мнѣнія жирондистовъ и мнѣнія большихъ торговыхъ городовъ имѣли бы представителей и даже быть можетъ въ большинствѣ. Знали (и Робертъ Линде говорилъ это вполнѣ свободно), что никогда жирондинсты не хотѣли раздробить Францію, какъ ихъ въ томъ обвиняли. Знали, что большая часть изъ нихъ были горячими республиканцами. Это доказали Луве и многіе другіе, которыхъ роялистская реакція, или 18 брюмеръ убили горемъ.

Президентъ Андре Дюмонъ громилъ петицію. Фреронъ, Тальенъ молчали. Петиціонеровъ не пригласили даже сѣсть, какъ того требовалъ обычай. Постановили перейти къ очереднымъ вопросамъ. Но Бильо Варенъ нашелъ, что это недостаточно строго. Онъ сказалъ, что Эвеше было всегда очагомъ заговоровъ. Такъ правая—Андре Дюмонъ, и лѣвая—Бильо подали руки противъ Бабёфа. Собраніе отослало петиціонеровъ въ комитетъ общественнаго спасенія, что пахло арестомъ. Испуганные петиціонеры бѣжали и тотъ, который читалъ петицію, былъ арестованъ дѣйствительно 6 сентября 94 г.

IX.

Якобинцы грозящіе и угрожаемые. Закрываютъ клубъ Бабёфа.

8—30 сентября 94 г.

Презрительное недовѣріе, выказанное собраніемъ въ отношеніе Тальена, сухой и враждебный пріемъ оказанный петиціи Бабёфа, обвиненіе Лекуантра, признанное клеветой по мнѣнію наиболѣе честныхъ и уважаемыхъ патріотовъ, все это сильно ободряло и поднимало якобинцевъ. Собраніе не

любило ихъ, но они были нужны ему противъ Бабёфа, противъ Парижа, который желалъ выборовъ. Якобинцы одни составляли тѣло въ разорванной Франціи. Они могли страшиться личнаго мщенія. Кровь, пролитая такъ недавно въ іюнѣ и іюлѣ, въ особенности на югѣ, еще дымилась въ сентябрѣ. Нѣкоторые изъ террористовъ были арестованы какъ агенты робеспьеристы, а не какъ якобинцы. Они сами въ адресахъ своихъ громко отрекались отъ Робеспьера. Они оставались страшною партіею и, не смотря на незначительное число свое, внушали почтеніе. Преобладаніе ихъ подтверждается еще тѣмъ, что никто не смѣлъ задѣть ихъ по чувствительному мѣсту, — расходованію денегъ и другихъ цѣнностей, которыя проходили черезъ руки ихъ. Отсюда такое чрезмѣрное спокойствіе, такая чрезмѣрная самоувѣренность. Знаменитый Жанъ-Бонъ-Сенъ-Андре, посланный на югъ, видѣлъ съ удивленіемъ, какъ якобинцы изъ Марселя объявили, что тѣ, которые хотѣли повѣрятъ ихъ счеты, могли быть только измѣнниками. Это значительный фактъ. Франція великодушно не спрашивала отчетовъ. Въ оскорбленіяхъ якобинцамъ не слышалось слово «плуты»; говорили «кровопійцы». Они гордо держали себя. Они удержали за собой первое мѣсто въ Парижѣ своими марсельцами. Если бы Парижъ былъ за нихъ, то имъ не нужно бы было ни охранять себя этимъ отрядомъ съ юга, очень мало популярнымъ, ни опираться на него. Но большая партія рабочихъ (Шометта и Бабёфа), не была нисколько якобинской; она оставалась въ центральномъ кварталѣ и не приходила поддерживать ихъ. Молодежь изъ купечества, которая начала шевелиться, иногда кричала, задирала, но не дѣйствовала и не подходила близко. Якобинцы, какъ и она, носили палки, иногда сабли. Пока партія дуэлистовъ—эмигранты, не возвратились съ своими

шпагами и фехтованьемъ, не было кровавыхъ схватокъ. Въ сентябрѣ якобинцы все еще одерживали верхъ. Бабёфъ горько жалуется на это въ № 12.

Они сдѣлались очень задорны и начали плохо понимать свое положеніе. Они оскорбили собраніе, которое только что поддержало ихъ. Они оскорбили Парижъ, воображая, что имѣютъ дѣло съ немногими сотнями прикащиковъ, которые поднимали противъ нихъ крикъ. Но огромныя рабочія массы, которыя оставались недвижными и мрачными, массы, у которыхъ Робеспьеръ отнялъ избирательныя права,—могли ли они считать ихъ за собой? Массы были болѣе расположены къ людямъ какъ Бабёфъ, требовавшимъ новыхъ выборовъ, коммуну заботящуюся о бѣдныхъ, бюро продовольствія, требовавшимъ отеческаго правительства, которое въ самыя тяжелыя времена утѣшало бы рабочаго, или по крайней мѣрѣ страдало бы съ нимъ.

Погубить реакцію—вотъ все, чего хотѣли якобинцы; по крайней мѣрѣ они это говорили. Одинъ адресъ изъ Марселя настоятельно этого требовалъ. Вожакъ якобинцевъ въ этомъ городѣ писалъ, что онъ надѣется заставить исчезнуть все, что было въ немъ нечистаго. Ослѣпленные якобинцы кичились своимъ числомъ, такъ малымъ въ сравненіи съ массами, которыхъ они такъ безумно вызывали. Марсельцы ихъ въ Парижѣ говорили своею смѣшною гиперболою, что увидятъ какъ встанетъ *милліонъ* Сцеволъ съ милліономъ кинжаловъ.

Противъ кого? Одинъ вѣтрогонъ, представитель Дюгемъ, сказалъ якобинцамъ такое слово.» Тѣмъ лучше, если они осмѣлятся поднять головы, эти *жабы изъ Маре*! *) Ее тѣмъ

*) Маре—часть Парижа. Маре—marais означаетъ болото.

удобнѣе будетъ снести! Онъ повторилъ, онъ поддержалъ эти слова въ самомъ конвентѣ, передъ самымъ Марс, передъ этимъ центромъ, который, хотя и былъ всецѣло жирондистомъ, однако помогъ Горѣ противъ Робеспьера, который наканунѣ еще прикрылъ собою якобинцевъ противъ Бабефа и обвиненій Лекуантра.

Это заставило размышлять центръ и правую. Дюранъ-Мальянъ спросилъ хладнокровно: не представляетъ ли ассоціація, покрывающая всю Францію, извѣстныхъ опасностей для свободы. Но группа термидорцевъ не выяснила еще твердо то, что можно было сдѣлать. Между тѣмъ какъ Мерленъ кричалъ, призывалъ пушки, молніи, разыгрывалъ бѣшенство Ахиллеса, первый изъ термидорцевъ Баррасъ былъ за якобинцевъ. Онъ предложилъ, онъ заставилъ собраніе объяснить, «что оно вовсе не хотѣло наложить руку на популярныя общества».

Дерзость якобинцевъ и упоеніе якобинокъ дошли до апогея. Женщины были гораздо болѣе неистовы и болѣе безразсудны нежели мужчины. То былъ міръ ужасный, изступленный, то была смѣшанная толпа вязальщицъ и дамъ, даже женъ представителей. Онѣ иногда запружали трибуны собранія, ругали дамъ реакціи, которыя тоже находились тамъ. Иногда онѣ прерывали рѣчи смѣлымъ смѣхомъ, показывали, то на того, то на другаго: «Видишь ли ты это блѣдное лицо? Видишь-ли ты эту измѣнничью мину?» Словомъ, онѣ дѣлали все, что было нужно, чтобы раздражить собраніе, служить реакціи. Партія якобинцевъ возносилась, не видя меча надъ головой.

Какого меча? То была одна изъ тѣхъ непредвидѣнныхъ вещей, которыя случались только во Франціи, то былъ электрическій токъ, пустить который никогда не хватило бы искус-

ства у людей реакціи, и который охватилъ все мгновенно, сталъ неизмѣримымъ и ужаснымъ, какъ волканъ, какъ тифонъ. То былъ взрывъ жалости, человѣчности, чувствительности, который, въ силу отраженія, перешелъ въ ярость и уничтожилъ якобинцевъ.

Гроза грянула изъ трибуналовъ суда, изъ маленькаго процесса, совсѣмъ простаго, и была сначала, какъ я уже сказалъ, порывомъ человѣколюбія, а не обвиненія. Дѣло шло единственно объ освобожденіи ста тридцати двухъ нантцевъ, которые были заключены въ Парижѣ въ тюрьму, не зная за что. Ни доказательствъ, ни документовъ, ни свидѣтелей. Они были болѣе нежели невинными. Они были превосходными патріотами, защищавшими Нантъ и отбросившими Вандею. Даже самъ Фукье-Тенвиль былъ до того изумленъ такою ошибкою, что хотѣлъ, чтобы ихъ забыли, и для этого посадилъ ихъ въ разныя тюрьмы. Общественное состраданіе въ высшей степени взволновалось изъ за нихъ. Оправданіе ихъ было праздникомъ. Парижъ, нѣсколько апатичный, былъ потрясенъ. Стали спрашивать: какой же это комитетъ якобинскій въ Нантѣ могъ послать ихъ на смерть?

«Это комитетъ потопленій!» Легенда, очень смутная, воскресла; любопытство, воображеніе было поражено, испугано, стало жаднымъ. Вотъ и второй процессъ, этотъ уже страшный—противъ нантскаго комитета.

Обвиненные кричали: «Это Карье! Мы только орудія его!» Карье! Тогда движеніе, громадно расширившееся, ростетъ въ силѣ и быстротѣ. Карье! Со всѣхъ сторонъ раздаются тысячи голосовъ съ грозною рѣзкостью. Кажется, будто прогремѣли всѣ трубы дня страшнаго суда.

Карье утверждалъ, что если бы онъ не исполнилъ буквально всѣ декреты объ истребленіи, то его бы гильотиниро-

вали. «Кто?»—Робеспьеръ. То былъ *четвертый процессъ*, въ которомъ черезъ подчиненное лицо Фукье Тенвиля проникли, вскрыли страшную и глубокую тайну, машину робеспьеристовъ, которая съ такою ужасающею быстротою ковала съ преріаля гнусныя тайны поддѣланныхъ заговоровъ.

То была безмѣрная дантовская поэма, которая заставила Францію спускаться изъ круга въ кругъ въ этомъ адѣ, еще мало извѣстномъ самимъ тѣмъ, которые прошли черезъ него. Теперь снова увидѣли эти мрачныя области, эту великую пустыню террора, міръ развалинъ и привидѣній. Теперь снова прошли по нимъ! Массы, которыхъ нисколько не интересовали политическія пренія, загорѣлись огнемъ для этого процесса. Мущины, женщины и дѣти, все, отъ самого высокаго до самаго низкаго, грезили потопленіями, видѣли по ночамъ туманную Луару, пропасти ея, слышали крики людей, которые медленно шли ко дну. И въ этомъ не было ничего подстроеннаго. Газеты, которыя у меня передъ глазами, даже газеты Фрерона и Бабёфа, очень прямо говорятъ объ этомъ. И конечно ужь не онѣ потрясли до такой степени народное воображеніе. Весь народъ шелъ, бѣжалъ на эти суды, разражался въ залахъ слезами, рыданіями.

Все это продолжались цѣлый годъ. То была публика, которая увлекла собраніе. Собраніе несло страданіе обвинять самого себя. Въ страшной опасности 93, когда Франціи съ трехъ сторонъ грозитъ гибель (Ватиньи, Ліонъ и Вандея), собраніе голосовало съ закрытыми глазами, декреты истребленія, весь надутый паѳосъ и гиперболы, всю риторику Баррера, не думая, чтобы можно было когда-либо исполнить все это буквально. Карье боялся только одного, что онъ убивалъ слишкомъ мало, что онъ остался гораздо ниже этихъ страшныхъ декретовъ. Они были здѣсь напечатанными. Съ такими

декретами развѣ нельзя было обвинить его, какъ умѣреннаго.

Только 13 октября собраніе постановило судъ надъ нантскимъ комитетомъ якобинцевъ. Только 10 ноября оно дозволило процессъ Карье. Но толчокъ былъ данъ съ сентября. Толпа въ страстномъ нетерпѣніи своемъ, смотрѣла на цѣль—Карье. Одинъ крикъ только и раздавался: Карье! Якобинцы поддерживали его. Вся ярость общества обратилась противъ якобинцевъ.

Быстрота тяжело падающей въ пропасть свинцовой массы едва ли можетъ дать слабое понятіе о паденіи якобинцевъ. Въ нѣсколько дней, отъ 14 до 30 они падаютъ такъ быстро, что собраніе, еще 8 выносившее оскорбленія ихъ, уже до 30 дѣйствуетъ противъ нихъ съ оскорбительнымъ презрѣніемъ.

Они сами помогли своему паденію. Главный марсельскій вожакъ ихъ, который говорилъ о новомъ 2 сентябрѣ, былъ арестованъ, его препровождали въ Парижъ. Вооруженные якобинцы отбили и освободили его на дорогѣ. Собраніе пришло въ негодованіе и Тюріо, до этой минуты защитникъ якобинцевъ, предлагаетъ и заставляетъ декретировать, что вожакъ этотъ *внѣ закона*. Правительственные комитеты ободряются, прогоняютъ изъ Парижа нѣсколько подозрительныхъ иногородныхъ, то есть марсельцевъ, призванныхъ якобинцами. У якобинцевъ отнимали лейбъ-гвардію ихъ. Болѣе важнымъ ударомъ было отнять у нихъ многихъ членовъ, якобинцевъ, завзятыхъ якобинцевъ сильно скомпрометированныхъ, очень безпокойныхъ. Комитетъ общественной безопасности призвалъ въ Тюльери около трехъ сотъ якобинцевъ, которые составляли страшные 48 комитетовъ парижскихъ секцій. Онъ уже прикрылъ ихъ отъ всякаго обвиненія. Онъ сказалъ, что они не уничтожены, но число ихъ уменьшено до 30 членовъ.

и только въ 12 комитетахъ, но что они сами между собою могутъ выбрать еще 36 членовъ. Чудесное превращеніе—эти 36 внезапно прониклись такимъ рвеніемъ для новаго правительства, что они арестовали одного якобинца, составившаго за общество адресъ, впрочемъ очень умѣренный, въ которомъ онъ говорилъ, что единственнымъ пунктомъ соединенія былъ конвентъ.

Разумные видѣли съ прискорбіемъ паденіе якобинцевъ, которое должно было такъ быстро ускорить реакцію. Линде, который никогда не бывалъ въ клубѣ якобинцевъ и былъ совершеннно чуждъ имъ, въ превосходномъ отчетѣ своемъ о положеніи дѣла (20 сентября) сдѣлалъ призывъ къ согласію, къ забвенію «за исключеніемъ нѣкоторыхъ преступленій». Это значило отдать на жертву Карье для того, чтобы спасти остальныхъ. Онъ сказалъ благородно: «Не будемъ упрекать себя ни за наши несчастья, ни за наши вины. Что такое случилось съ нами, чего бы не случилось со всѣми людьми, выброшеннными на такое безконечное разстояніе изъ обыденнаго теченія жизни? Архитекторъ, оканчивая монументъ, не разбиваетъ свои орудія и своихъ работниковъ, и пр.»

Какъ умиротворить души? Пытались—большими торжествами. Была очень вѣрная традиція, что Робеспьеръ ненавидѣлъ Марата. Маратъ очень мало сочувствовалъ якобинству. Думали, и сестра его говорила это, что онъ никогда не согласился бы на смерть Дантона, что онъ защищалъ бы, что онъ спасъ бы равновѣсіе республики. Несмотря на неистовыя декламаціи свои, онъ былъ нерѣдко сострадателенъ къ отдѣльнымъ личностямъ. Всѣ противуположныя партіи—якобинцы, термидорцы, партія клуба Эвеше, всѣ призывали его имя. Было рѣшено перенести его въ Пантеонъ 3 вандемьера, 24 сентября. Вскорѣ послѣ этого туда перенесли Руссо.

Въ вечера обоихъ праздниковъ на театрахъ увидѣли трогательное зрѣлище, которое могло болѣе всего умягчить сердца. Просто вывели на сцену молодыхъ учениковъ Леонарда Бурдона, кузнечныя работы и изготовленія оружія, которыми они занимались въ устроенной тогда консерваторіи искуствъ и ремеслъ. Пѣсни ихъ, которыя рекція хотѣла предать посмѣянію и которыя въ дѣйствительности были очень хороши, пѣлись мнѣ моимъ отцомъ и раздаются у меня и теперь въ ушахъ и въ сердцѣ.

Тщетныя попытки сближенія. Термидорцы, видя такое быстрое паденіе якобинцевъ, вмѣсто того чтобы признать поддержку, какую Бабефъ и Эвеше, какую улица Сенъ-Гоноре (Музеума) оказали собранію противъ якобинцевъ, термидорцы, секція говорю я, грубо задавили Эвеше—голосъ Парижа.

Парижъ хотѣлъ черезъ этотъ клубъ предъявить конвенту требованіе разумное, умѣренное и имѣвшее очень обширное значеніе для будущаго. Въ немъ заявляли, что народъ по прежнему хотѣлъ защищать конвентъ и служить ему оплотомъ; но что онъ въ тоже время требовалъ свободно избранной парижской коммуны и возстановленія правильныхъ собраній секцій. Онъ требовалъ во имя торговли уничтоженія стѣсненій ея. Режимъ реквизицій, захватывавшихъ съѣстные припасы, могъ быть необходимъ для національной защиты. Но въ эту минуту Франція сама нападала. Европа должна была защищаться. Было ли необходимо для наступательной войны сохранить, во всей жестокости его, законъ о реквизиціяхъ и вытекавшую изъ него дороговизну съѣстныхъ припасовъ (№ 22 Бабёфъ)?

Собраніе, заранѣе предувѣдомленное, не дождалось этого адреса. Раздраженное оно постановило лишить клубъ пользованія залою Эвеше. Протестъ 7 вандемьера, 28 сентября;

его отправили въ комитеты, чтобы составить о немъ рапортъ *въ три дня.* Комитеты не ждали и трехъ дней, 8 вандемьера поутру въ залу Эвеше явился архитекторъ съ двумя стами рабочими, которые сломали и разбили мебель. Обломки были унесены вечеромъ. Двери заперли и навѣсили замокъ.

Собраніе должно бы было выразить удивленіе свое на счетъ того, что не было обращено никакого вниманія на постановленный имъ трехдневный срокъ. Управлявшіе комитеты, чтобы заставить собраніе проглотить это, поднесли ему въ тотъ же самый день 8 октября (странная неделикатность) лестный проэктъ, которымъ, казалось, уплачивали ему за угодливость его. Въ предложенномъ декретѣ, редакція котораго принадлежала Камбасересу, (обычному редактору Жиронды, Робеспьера или Бонапарте, все равно), Собраніе присуждало самому себѣ, присвоивало самому себѣ назначеніе всѣхъ должностныхъ лицъ. (См. Бабéфъ, № 24). Итакъ *нѣтъ болѣе избираемыхъ*! Чиновники *назначаемые*. И назначаемые кѣмъ? Назначаемые комитетами. Они увѣковѣчивали въ себѣ монархію Робеспьера.

X.

Якобинцы въ опасности. Бабёфъ арестованъ. Фреронъ.

Октябрь 94 г.

Перенести войну за границу, совершить внутри всѣ великія и прекрасныя общественныя дѣла, которыя были проэктированы, сковать политическое насиліе и волненія,—то былъ идеалъ центра, правой, и мало по малу сталъ идеаломъ всего утомленнаго собранія.

Оно пережило цѣлый вѣкъ. Члены его были столѣтними

угрюмыми стариками, большая часть которыхъ мало сознавали, что убивая партіи, они рисковали дойти до крайностей, задушить живыя силы. Партію стоявшую за выборы—Парижъ, Эвеше, Бабёфа, они задавили въ октябрѣ; а партію якобинцевъ не желавшую выборовъ они задавили въ ноябрѣ.

Это подготовило возможность скораго возвращенія массы эмигрантовъ. Торжествуетъ ли роялизмъ? Нѣтъ. Собраніе такъ безсильнос создать что нибудь, еще сильно разрушать. Киберонъ и вандемьеръ показываютъ, что роялизмъ слабъ столько же, сколько слабы и обѣ партіи, которыхъ только что задавили. Если эти три партіи слабы, задавлены, или власть ихъ отсрочена, то чтоже остается? Война.

Это будущее мрачное, зловѣщее, которое виднѣется на горизонтѣ и къ которому я пойду посреди прилива, отлива, сильныхъ толчковъ и потрясеній борющихся волнъ.

9 октября великій дѣлецъ, Камбасересъ, прочелъ отъ имени комитетовъ адресъ принятый и присланный цѣлою Франціею. Адресъ поражалъ якобинцевъ и непріятеля якобинцевъ, Бабёфа, клубъ Эвеше. Онъ называлъ первыхъ «крайними патріотами, говорящими о столькихъ эшафотахъ». Онъ ловко напоминалъ о томъ, что все было у нихъ въ рукахъ, что многіе изъ нихъ были *пріобрѣтателями*, что можно бы требовать отчета у «разбогатѣвшихъ патріотовъ».

Но съ другой стороны успокоивали пріобрѣтателей, кто бы они ни были: «Собственность священна. Далеко отъ насъ эти системы *безнравственности*, *лѣности*, ослабляющія ужасъ воровства и возводящія его въ ученіе». Намекъ клеветническій, которымъ хотѣли поразить Бабёфа. Но журналъ Бабёфа до октября, даже до самаго января не сказалъ ни слова о коммунизмѣ, объ аграрныхъ законахъ и пр., Напротивъ, онъ защищаетъ права собственности. Парижскіе рабочіе, къ кото-

рымъ онъ преимущественно относится, не просили земли; они не знали бы что дѣлать съ нею. Они хотѣли работы, хлѣба. Они хотѣли, чтобы съѣстные припасы не дорожали отъ реквизиціи для войны, которая стала теперь наступательной, безконечной, вѣчной.

Слово *лѣнь* было въ особенности жестоко и несправедливо. Бабёфъ имѣлъ за себя всѣхъ рабочихъ Парижа, всѣ трудящіеся округа. А слово *безнравственность*, какъ было незаслужено оно! Какою рабочею и суровою была домашняя жизнь Бабёфа! Онъ одинъ несъ на себѣ весь трудъ, а содержатель типографіи бралъ всю выручку. Жена и сынъ его, девятилѣтній ребенокъ, работали день и ночь, фальцуя и разнося газету. Не хватало даже время поѣсть. Домъ былъ заброшенъ. Двое бѣдныхъ малютокъ, одна трехлѣтняя, остаются одни, запертыми цѣлый день. Содержатель типографіи въ одно утро отказался печатать, прогналъ жену Бабёфа и самъ донесъ на него въ комитетъ общественной безопасности. Бабёфа арестовали 25 октября. Лживые друзья его, термидорцы, обрушились на него, преслѣдовали его клубъ, захватили его бумаги, посадили въ тюрьму президента, секретарей. И такъ нѣтъ болѣе *выборовъ*. Собраніе теперь спокойно. Коммуна не воскреснетъ; назойливая тѣнь Шомета вошла въ могилу.

Серьезный ударъ для Парижа, даже для нравственности его. Тамъ Парижъ черпалъ гражданскую жизнь, принципы и идеи. Разрушивъ Эвеше и вскорѣ затѣмъ якобинцевъ, дали сильный толчекъ умамъ къ другому міру — міру страстей, чувствъ, удовольствій, наслажденій. Собраніе этимъ двойнымъ ударомъ думало успокоитъ массы. Напротивъ, взрывъ ярости въ другомъ направленіи разразился, и при процессѣ Карье и при грубой травлѣ, поднятой противъ якобинцевъ, и при

преслѣдованіи безстыдными оскорбленіями, обрушившемся на якобинокъ.

Это сценическое превращеніе. Кто говорилъ съ Бабёфомъ и кто ссылался на него? Рабочіе округа (Сенъ-Мартенъ, Сенъ-Дели, Тампль), сѣверные округа и Сенъ-Антуанъ. А кто говоритъ послѣ Бабёфа? Кто занимаетъ первое мѣсто? Парижъ банка. Это округъ Лепелтье или Филь-Сенъ-Тома, сначала жирондитскій округъ, и мало по малу роялистскій, врагъ революціи.

На другой день послѣ того дня, въ который люди эти увидѣли Эвеше запертымъ, голосъ истиннаго Парижа былъ задавленъ, они вдругъ расхрабрились и начали преслѣдовать якобинцевъ. Этотъ округъ Банка, въ пламенномъ патріотизмѣ своемъ, пришелъ 2 октября къ рѣшеткѣ кричать противъ Робеспьера и пришелъ въ хвостѣ Робеспьера. Онъ требовалъ, чтобы арестовали одного якобинца, который хвастался тѣмъ, что въ въ ночь 9 октября былъ противъ конвента.

Славная добыча для людей реакціи. Они добиваются инквизиціи. Съ этой минуты будутъ спрашивать у каждаго должностнаго лица: «Гдѣ былъ ты въ эту ночь?» Тогда воспылалъ Лежандръ: «Да, надо чтобы каждый сказалъ: *Если я виновенъ, берите мою голову*. Даже въ самомъ конвентѣ я вижу вновь всегда Робеспьера, Бильо, Калло, Барера...» Защита обвиненныхъ была принята очень холодно. Но Карно, Линде, Пріёръ, къ которымъ они обратились, согласились сказать, что всегда видѣли обвиненныхъ дѣйствовавшими *въ хорошихъ принципахъ* и что сами они принимали участіе во всѣхъ другихъ комитетовъ.

Погибель якобинцевъ была такъ очевидна, что многіе изъ бывшихъ членами конвента, думали спасти имъ жизнь, уничтожая ихъ, какъ корпорацію, и потому потребовали и за-

ставили декретироватъ, чтобы «собраніе *очистило* парижскихъ якобинцевъ» (4 октября). 13 бомба разразилась надъ нантскими якобинцами. Мерлинъ прочиталъ доносъ на того, *кто приказалъ топить*...

При этомъ словѣ собраніе затрепетало. Оно пришло въ изумленіе отъ этой вещи, такъ хорошо извѣстной всѣмъ, которую оно само какъ нельзя лучше знаетъ вотъ уже годъ... Но 93 г. такъ далекъ, онъ такъ отодвинулся въ прошлое.

Патріотъ Вандеи, Гупильо, кричитъ: «Внѣ закона!» Андре Дюмонъ заставляетъ декретировать, что нантскій комитетъ будетъ преданъ суду. Громадный театральный эффектъ. Вся Франція въ эту минуту не смотритъ болѣе на собраніе. Она смотритъ на этотъ трибуналъ, передъ которымъ является нантскій комитетъ въ отчаяніи, осужденный заранѣе, обвиняющій во всемъ Карье. Но самый страшный взглядъ Франціи останавливается на якобинцахъ, на защитникахъ Карье.

Друзья ихъ въ собраніи, собственный президентъ ихъ Дельма, вообразили, что можно ихъ спасти, обезоруживъ ихъ. Они просили, а собраніе декретировало то, что могло спасти якобинцевъ Парижа, но что убивало ихъ во Франціи, какъ великое общество: *нѣтъ болѣе сношеній между обществами*. Нѣтъ болѣе коллективныхъ петицій. Предсѣдатель или составитель, который подпишетъ ихъ, будетъ арестованъ (16 октября, 25 вандемьера).

Смерть якобинцевъ, такое громадное событіе, было едва замѣчено. Процессъ нантскихъ якобинцевъ, который шелъ своимъ ходомъ, приковалъ всю публику. Слушали жадно, задыхались, едва дышали. Комитетъ этотъ погибалъ, у него оставался только одинъ шансъ спасенія, тотъ, который иногда удается затравленному зайцу или оленю. Это направить свору

гончихъ на другой слѣдъ, поднять другаго звѣря, за которымъ понеслись бы собаки.

Публика была уже сильно занята Карье. Комитатъ совершенно свалилъ все на Карье, скрывая тѣсныя сношенія, которыя онъ самъ имѣлъ съ Робеспьеромъ. Это льстило страстямъ, жаждѣ крови Карье, ожиданію процесса неслыханнаго, страшно грязнаго и кроваваго. Самъ конвентъ былъ увлеченъ. Комитеты (29 октября, 8 брюмера) постановили, что двадцать одинъ представитель должны разсмотрѣть вопросъ: слѣдуетъ ли назначить судъ надъ Карье.

Бильо-Варенъ чувствовалъ, что пожаръ доходитъ до него; домъ сосѣда горѣлъ. Онъ сдѣлалъ ошибку, пошелъ къ якобинцамъ и сказалъ тамъ угрожающую рѣчь, которая была представлена въ конвентѣ, какъ предлогъ къ возстанію. Лежандръ говорилъ противъ Бильо въ сильномъ порывѣ бѣшенства, краснорѣчія апоплектическаго, но ужасающаго и почти возвышеннаго. Взглянувъ на лицо Бильо желтое, лукавое, съ выраженіемъ кошки попавшейся въ западню, Лежандръ бросилъ крикъ: «Они говорятъ, что я требую головы ихъ... Народъ будь свидѣтелемъ!... Напротивъ, я хочу, чтобы Богъ осудилъ ихъ не умиратѣ никогда!» (5 ноября, 15 брюмера).

У Лежандра вырвалось противъ Карье еще другое страшное движеніе. Онъ призывалъ въ свидѣтели Луару и океанъ, ужаснувшійся отъ того, что рѣка несла ему столько крови, оскверненный кровью до того, что не допускалъ болѣе крещенія экваторскаго!... Чудовищная гипербола, которая тѣмъ не менѣе произвела свое дѣйствіе на взволнованное собраніе.

Ораторское обращеніе Мирабо на счетъ окна въ Луврѣ, когда онъ напомнилъ объ окнѣ, изъ котораго Карлъ IX стрѣлялъ въ Варѳоломеевскую ночь въ протестантовъ, такое же обращеніе Верньо, (Терроръ часто выходилъ изъ королевскаго

дворца) эти сильныя потрясенія повторились теперь. Почудилось, что Луара, синеватоблѣдная, кровавая вступала въ конвентъ.

Пусть глупцы говорятъ и пишутъ, что эти движенія были съигранными, что Лежандръ, что Фреронъ были лицемѣрами... «Но сами они», скажутъ: «развѣ не проливали кровь». О бѣдные мои невѣжды въ человѣческомъ сердцѣ, въ человѣческой природѣ! Да именно потому они и приходили въ такую ярость. Видѣли ли вы замѣчательнѣйшую картину того времени, большую картину Геннекена, которую такъ глупо прячутъ въ Луврѣ, *Орестъ въ рукахъ фурій?* Въ ней истинная идея эпохи. Многіе терзались, были въ отчаяніи отъ того, что были жестоки подъ вліяніемъ страха, обвиняли другъ друга, рвали, грызли.

Одна книга произвела сильное впечатлѣніе. Революціонный судья, маленькій Вилатъ, чтобы спасти себя, обличалъ, предавалъ учителей своихъ. Съ остроуміемъ и злостью онъ раскрывалъ ихъ внутреннюю жизнь. Онъ увѣрялъ, что разоблачилъ идею ихъ, глубокую тайну,—идею спасти Францію, истребляя десятую часть населенія: *систему уничтоженія населенія.*

Бабёфъ употребилъ этотъ девизъ для того, чтобы напасть на Карье, Робеспьера, Бильо и пр., однако не требуя такого кроваваго возмездія. Но другой завладѣлъ этимъ девизомъ какъ военнымъ оружіемъ противъ партіи якобинцевъ. То былъ другъ Демуленя, Дантона, милосердыхъ, слѣпой, вспыльчивый Фреронъ. Журналъ его варварскій и слѣпой *), какъ дикій быкъ бросался то на того, то на другаго,

*) Журналъ этотъ—тяжеловѣсная размазня, со всѣмъ бѣшенствомъ своимъ, какъ грязная буря, которая наноситъ пятьсотъ футовъ грязи, иногда дости-

все валилъ въ одну кучу смѣшивалъ и путалъ. Онъ обвинялъ и тѣхъ, которые совершили преступленіе и тѣхъ, которые препятствовали имъ.

Какъ пьяный,—это не есть только фигура рѣчи—онъ иногда попадалъ въ ямы, я хочу сказать нелѣпости, черезъ чуръ нелѣпыя и смѣшныя. Напримѣръ, онъ сказалъ: если на югѣ происходила такая рѣзня, то потому, что за нее заплатили деньгами казначейства. А кто уплатилъ за нее? Камбонъ. (1. 295).

Онъ былъ маріонеткой, которою Тальенъ и г-жа Тальенъ часто играли, обдѣлывая дѣла свои. Что же касается денегъ, то Фреронъ былъ чистъ. Онъ въ 89 году пожертвовалъ, богатствомъ и карьерой, которыя обезпечивала ему протекція двора. Онъ находился постоянно при арміяхъ, и оставался чуждымъ всѣмъ зловѣщимъ днямъ революціи. Когда его посылали въ Тулонъ, онъ получилъ милліонъ и внесъ его въ казначейство.

гаетъ извѣстнаго краснорѣчія въ силу избытка бѣшенства и искренности. Конечно да, онъ долженъ вѣрить тому, что говоритъ. Безъ этого Фреронъ не нашелъ бы въ себѣ страницу 419, очень плохую, но съ сильнымъ эффектомъ. Она была какъ бы страшнымъ судомъ для четверыхъ (Колло, Бильо, Вадье, Бареръ). Онъ видитъ громадный амфитеатръ, гдѣ засѣдаетъ Франція и стоятъ четыре эшафота для нихъ. Народъ судитъ. Сначала обвинять является безчисленный строй сиротъ. Они плачутъ. Вотъ за ними идетъ громадная толпа вдовъ. И сколько матерей! И сколько отцовъ... Вы спрашиваете своихъ? Но что же скажетъ вся Фраццiя. Торговля, искуства, города уничтоженные, и болѣе всего—свобода похищенная! Уже готовы осудить... Одну минуту! кричитъ одинъ голосъ... Забываютъ самое ужасное... Сколько несчастныхъ были гильотированы прежде рожденія... Увы! столько беременныхъ женщинъ!... Матери умерли, а дѣти жили, послѣ казни они двигались еще въ нѣдрахъ матери. Ихъ варварски задушили въ могилѣ. Тогда весь народъ въ слезахъ готовъ задушить этихъ чудовищъ... Но само небо шлетъ на нихъ громы, молнія пепелитъ ихъ. Кровавый дождь покрываетъ ихъ и наводняетъ ужасающійся амфитеатръ. (Фреронъ I, 420, 11 нивоза, 31 дек. 94 г.).

Онъ не былъ Карье. Онъ совершенно объяснилъ тулонское дѣло. Онъ былъ тамъ съ Баррасомъ, Салисетти и младшимъ Робеспьеромъ. Когда захватили городъ, людей предавшихъ его и повѣсившихъ многихъ патріотовъ, армія дрожала отъ ярости. Властвовавшіе комитеты требовали исполненія декрета истребленія, писали страшныя письма, которыя намъ здѣсь приводитъ Фреронъ. «Не зная», говоритъ онъ: «какъ различать невинныхъ отъ виновныхъ, мы назначили жюри патріотовъ, который указалъ, осудилъ 250 человѣкъ взятыхъ съ оружіемъ въ рукахъ. Я написалъ комитетамъ, что мы казнили 800 человѣкъ и получилъ выговоръ за такое излишнее человѣколюбіе. Слѣдовало срыть весь городъ. Я объявилъ и написалъ, что потребую для этого 12.000 каменьщиковъ. Это понравилось. Я ничего не сдѣлалъ. Я не тронулъ ни одного дома» (См. №№ журнала Фрерона 74, 81, 82 и 83).

Разъясненіе, которое я считаю правдивымъ и поучительнымъ. Множество ужасающихъ писемъ отъ представителей посланныхъ съ миссіей имѣли цѣлью преувеличить суровыя мѣры ихъ, обмануть комитеты, доставить Бареру фразы для страшнаго хвастовства его, которое приводило въ трепетъ собраніе. У многихъ свирѣпость словъ была совершенно въ обратной пропорціи съ дѣйствительностью поступковъ. Андре Дюмонъ, въ письмахъ своихъ изъ Амьена, можетъ заставить подумать, что онъ только и дѣлалъ, что упивался кровью, питался трупами. Въ дѣйствительности онъ перебилъ страшную массу ракъ, мощей, статуй. Онъ былъ неумолимъ на счетъ строгаго соблюденія праздниковъ богини разума. Въ храмѣ разума (Амьенскомъ соборѣ), онъ принуждалъ танцовать вмѣстѣ и дамъ и кухарокъ, «дѣлать цѣпь равенства». Танцовали даже въ тюрьмахъ. Тотъ, кто не хотѣлъ танцовать,

считался подозрительнымъ. Нужно было, чтобы всѣ были веселы. Онъ не любилъ шутить на этотъ счетъ.

Одною изъ лучшихъ сценъ въ этомъ родѣ была та, которую монтаньяръ Тальеферъ исполнилъ въ Кагорѣ. Въ наиболѣе трагическую минуту всей революціи, послѣ великаго набѣга сентября 93 г., наполнившаго всѣ тюрьмы, надо было быть страннымъ. Какъ дѣлать терорръ по наиболѣе дешевой цѣнѣ, находясь между комитетами, такъ безпощадными, и мѣстной экзальтаціей бѣшенныхъ патріотовъ? Тальеферъ превзошелъ ожиданіе самыхъ неистовыхъ. Онъ пріѣхалъ на красной лошади въ Кагоръ съ трицатью двумя каретами биткомъ набитыми арестантами, которыхъ онъ подобралъ на дорогѣ. Не слѣзая съ лошади, онъ приказалъ не медля поставить на площади великолѣпную гильотину. Противъ нея на подмосткахъ онъ приказалъ поставить два трона и угостилъ восхищенный народъ торжественнымъ судомъ королей. Онъ изъ толпы арестантовъ, назвалъ одного королемъ, другую королевой, прочихъ принцами и придворными. Король и королева увѣнчанные въ полномъ парадѣ, вмѣстѣ со всѣми привезенными арестантами и съ арестантами Когора должны были попарно, мущина съ женщиной, взять въ руки факелъ, взойти на гильотину и принести ей поклоненіе, потомъ сойдя внизъ и соединившись въ кругъ, проплясать внизу исполинскую фарандолу. Нѣсколько ревностныхъ патріотовъ въ это время пускали въ ходъ пустую гильотину. Народъ былъ въ восторгѣ; это прекрасное публичное принесеніе покаянія было сочтено имъ вполнѣ удовлетворительнымъ. Онъ не допустилъ, чтобы заставили взойти на гильотину хоть одного изъ танцоровъ.

Тальеферъ замѣнилъ казнь обѣдомъ, издержки котораго взялъ на себя одинъ горожанинъ, и баломъ, на которомъ

танцовалъ весь народъ. Энергія его возбудило всеобщее удивленіе и онъ съ этого дня получилъ и сохранилъ превосходную репутацію грознаго террориста и истаго кровопійцы.

XI.

Страшная власть женщинъ. Что такое были якобинки.

Упадокъ времени проявляется болѣе всего въ одномъ фактѣ —въ внезапномъ преобладаніи женщинъ. Я вижу ихъ повсюду въ ноябрѣ, всегда въ первыхъ рядахъ движенія. Мущина, кажется, сталъ второстопеннымъ лицомъ. Женщины вдругъ снова захватываютъ свою власть стараго режима, но теперь съ неслыханными страстями и власть.

Сначала люди термидора, а потомъ роялисты служатъ неистовствамъ женщинъ. Вся ноябрьская борьба совершалась между женщинами. Онѣ истинныя дѣйствующія лица; съ одной стороны якобинки, съ другой — женщины, вышедшія изъ тюремъ въ термидорѣ, дамы ажіотажа или реакціи.

Та, которая сдѣлалась г-жею Тальенъ, была тогда въ большой модѣ. Ее глупо называли богородицей термидора, приписывая ей мужество, которое Тальенъ въ рѣшительную минуту почерпнулъ въ отчаяніи, въ чрезмѣрности своего страха. Она была красива, блестяща, но очень мелкаго ума. Это доказывается тѣмъ, что у нея не хватило ловкости сберегать Тальена, заставить его дольше продержаться въ роли вождя реакціи, роли, которую онъ такъ мало заслуживаетъ. Она увлекла его еще ниже, она оподлила его сейчасъ же въ дѣлѣ слишкомъ очевидно, денежномъ и ажіотажномъ.

Портреты Тальена разсказываютъ его быстрое паденіе. Въ портретѣ 90 г. это красивый молодой человѣкъ съ бле-

стящими глазами, экспансивный, небольшаго ума. Портретъ 94 г., простой эскизъ, но превосходный, — оскотинившійся острый профиль; не знаешь профиль ли то кабана или просто дворняшки собаки, которую эта фея водитъ на привязи. Въ минуту бракосочетанія своего, безъ сомнѣнія желая денетъ, она толкнула его на ложный шагъ, опасный и смѣшной. Она заставила его взять въ свои руки ажіотеровъ, дѣла своего отца Кабарю, чтобы снять секвестръ наложенный на испанскіе фонды. Камбонъ не допускалъ снятія. Тальенъ 8 ноября напалъ на Камбона, который разбилъ его въ прахъ. Его разоблачили. Собраніе стошнило, когда оно увидѣло нечистую руку, подталкивавшую его сзади.

Случай помогъ ему. Другія женщины, въ противуположномъ духѣ, волновали собраніе до того, что Тальенъ былъ забытъ. То были женщины якобинки, которыя, полагая, что въ этотъ день будутъ говорить о Карье, пришли защищать его, наполнили трибуны, прерывали ораторовъ, грозили, кричали, гикали, дѣлали все что могли для того, чтобы помочь реакціи. Собраніе пришло въ негодованіе. Это было смертью якобинцевъ. Ихъ болѣе не защищали противъ страшной волны общественной ненависти и ярости,—волны, которую заступничество ихъ за Карье поднимало съ каждымъ днемъ и которая обрушившись, поглотила ихъ навсегда.

Что такое были якобинки? Преданіе на счетъ ихъ остается слишкомъ смутнымъ. Думаютъ, что то были только фуріи гильотины, вязальщицы и пр. Въ огромномъ большинствѣ, онѣ были совершенно другимъ: Робеспьеръ, закрывалъ клубы женщинъ революціонерокъ, растрепанныхъ вакханокъ, привязалъ къ себѣ и очень сильно женщинъ тона болѣе порядочнаго, не только своихъ богомолокъ, богатыхъ дамъ, о которыхъ я говорилъ въ другомъ мѣстѣ, но другихъ, сдер-

жанныхъ, серьезныхъ. Темпераментъ янсенистовъ, трезвый съ рѣзкими порывами своими, нашелъ въ нихъ олицетвореніе свое и много порядочности, какъ у дамъ Дюплэ (семья Робеспьера), Корнелія Дюпле, которая, какъ говорятъ, заслужила честь такой страшной любви, была — и это совершенно понятно, оцѣпенѣвши какъ смерть. Младшая сестра ея, которую Леба оставилъ семнадцатилѣтней и беременной вдовой, была натурой менѣе мрачной, очень живой и нѣсколько вспыльчивой. Идеаломъ ея былъ Сенъ-Жюстъ. Я видѣлъ ее не задолго до смерти ея и нашелъ ее еще очаровательной по живости, по теплотѣ сердца. Она давала лучшую идею о порядочной средѣ якобинскихъ женщинъ.

Въ церкви якобинцевъ съ каждымъ днемъ становилось просторнѣе, пустѣе. Многіе уходили изъ нея. Но не женщины. Напротивъ, онѣ все тщательнѣе посѣщали ее, оставались въ ней, внимательныя по цѣлымъ днямъ. Мущины двигались; онѣ— нѣтъ. Онѣ поддерживали ораторовъ, одобряли ихъ восклицаніями своими, иногда нѣжнымъ шопотомъ; но рѣдко, очень рѣдко, могли подняться до высоты ихъ. Онѣ жалѣли мущинъ, оплакивали умѣренность ихъ. Отреченіе якобинцевъ отъ Робеспьера приводило въ негодованіе вѣрность якобинокъ. Онѣ не дѣлали никакихъ уступокъ времени.

Онѣ ставили гордость свою въ томъ, чтобы остаться непоколебимыми въ чрезвычайномъ напряженіи кризиса 93 г. Онѣ страстно защищали вещи самыя ненавистныя, сдѣлать которыя заставляли крайность того времени, опасность, увлеченіе борьбы; онѣ защищали даже ужасающую гнусную тайну іюня—іюля 94 г., о которой онѣ ничего не знали.

Чтобы быть справедливымъ надо сказать, что для многихъ, это опьяненіе терроромъ началось ранѣе, гораздо ранѣе 93 г. Многія имѣли свои причины ненавидѣть старый

порядокъ непримиримой ненавистью. Пять лѣтъ не могли изгладить слишкомъ жгучее воспоминаніе оскорбленій, поруганій, жестокостей развратниковъ. Де-Садъ дуракъ когда утверждаетъ, будто онъ все это описалъ. Всѣ глупыя чудовищности его не даютъ ни малѣйшаго понятія о тысячахъ иглъ, которыми пронзали молодое сердце, обо всемъ, что могло выносить зависимое существо, о страшныхъ забавахъ кошки, которыми знатныя дамы особенно потѣшались, унижая гордую и хорошенькую молодую дѣвушку. Многія выходили, заразившись бѣшенствомъ, отъ котораго не исцѣлялись никогда. Сдѣлавшись дамами въ свою очередь, иногда царицами театра, которымъ поклонялись, которыхъ обожали, онѣ не смягчали своего сердца. Куртизанки суровыя, трагическія, онѣ сдѣлали себѣ изъ гильотины культъ, родъ догмата, религіи смерти. Тезисъ М. де-Местра о священномъ и спасительномъ значеніи великихъ общественныхъ очищеній, привелъ бы ихъ въ восторгъ; казалось, что онѣ уже носили его въ сердцахъ.

Онѣ питали искреннее благоговѣніе къ «красной мессѣ», національному таинству, и выказывали это съ циническимъ безстрашіемъ, смѣясь надъ мщеніемъ, надъ всѣми случайностями будущаго. Одинъ изъ друзей моихъ разсказывалъ мнѣ, что ослѣпительная красавица Жюли Т., когда проѣзжала въ каретѣ по площади революціи и видѣла эшафотъ, то выходила изъ кареты, снимала башмаки и говорила: «Боже меня сохрани, чтобы я не поклонилась, какъ я должна, святому полю свободы!» *).

Понятно, что этотъ странный культъ, что этотъ догматъ крови былъ рѣдокъ. Большая масса якобинокъ были женщи-

*) Другіе приписываютъ эти слова одной горничной англичанкѣ, сопротивленіе которую герцогъ... побѣдилъ только угрозой обезобразить ее крѣпкой водкой.

нами честными, вспыльчивыми, зачастую подчиненными только однимъ семейнымъ интересамъ, заботившимися только объ участи мужей своихъ, занятыхъ движеніемъ. Многія изъ нихъ высказали себя жестокими, и быть можетъ, болѣе жестокими нежели мущины, противъ женщинъ, которыя приходили просить, плакать. Онѣ удерживали мужей своихъ отъ нѣкоторыхъ увлеченій. Мужьямъ, такъ часто смущеннымъ этими мольбами, этими слезами, нужно было для сопротивленія вооружиться великимъ гнѣвомъ, грубостью, ругательствами. Просительница упорствовала; часто, выгнанная въ полдень, она находила вечеромъ какую-нибудь лазейку и иногда, утомивъ просьбами, могла бы добиться своего. Но хозяйка была благоразумна, тревожилась за свой домъ. Она дрожала отъ мысли, чтобы эта плакса не компрометировала ея добряка мужа. Она говорила какъ бакалейщица изъ Варенна, г-жа Сосъ говорила королевѣ: «Право, сударыня, каждая жена стоитъ за своего мужа».

XII.

Дамы реакціи.

Мы видѣли, что въ термидорѣ при выходѣ изъ тюремъ дамы были агнцами. Можно было подумать, что онѣ разбиты до такой степени, съ какой всякая другая женщина—нѣмка, англичанка, не поднялась бы никогда. Французская личность очень сильна. Чѣмъ болѣе гнуть ее, тѣмъ сильнѣе она поднимется; такъ выпрямляется стальная пружина. Съ сентября онѣ оправились. Казалось, онѣ забыли. Съ ноября онѣ вспомнили все, стали вновь гордыми и грозными, неистовыми противъ якобинокъ.

Онѣ говорили о своихъ потеряхъ, о погибшихъ, о тюрьмахъ, о страданіяхъ, о вещахъ, которыя забываются со временемъ. Онѣ не говорили о томъ, что было для большей части самой чувствительной раной, раной, которую нельзя было забыть. Эта рана то, что революція, въ уравнивающей грубости своей, въ ненависти своей къ старому обществу, къ этимъ дамамъ, которыя были королевами, такъ оскорбительно свергла ихъ съ этого трона, попрала идоловъ ихъ, сняла съ нихъ ореолъ, такъ внезапно поставила ихъ въ тяжелыя условія простаго человѣчества, скажемъ болѣе—въ ужасы общей животности. Брошенная неожиданно въ Форсъ, въ Сенъ-Лазаръ, въ другія старинныя черныя зданія, гдѣ не было никакихъ приспособленій для чистоты, для приличія, въ маленькую комнату съ голыми стѣнами, гдѣ нельзя было скрыть ничего изъ того, что унижаетъ болѣе всего, арестантка опускалась, плакала, теряла нравственную энергію. Хотя все это очень сгладили въ запискахъ, но собственныя признанія этихъ бѣдныхъ созданій въ судѣ говорятъ, до какой степени онѣ опускались.

Позже, онѣ упрекали себя, менѣе за то, чему онѣ подчинились, нежели за условія, за мѣста порядочно прозаическія, гдѣ все это происходило. Но всѣ помнили это какъ нельзя лучше. Безстыдныя миніатюры, по модѣ того времени, остались, чтобы свидѣтельствовать обо всемъ. Примѣръ — та, которую сохранилъ послѣдній и лучшій любовникъ Маріи Антуанетты.

Онѣ совершенно напрасно думали, что эти бѣдствія тюрьмы, въ которыхъ такъ печально открывается физическая природа человѣчества, были смертью любви. Скорѣе было наоборотъ. Бѣдная природа, доведенная до самой убогой реальности, не отталкиваетъ, но умиляетъ. Въ первый разъ знат-

ная дама видѣла себя въ истинной дѣйствительности. Нѣтъ болѣе искуственности, болѣе уловокъ, болѣе подозрительнаго кокетсва. Она стала такимъ добрымъ, такимъ кроткимъ созданіемъ, она была въ такомъ горѣ, что могла не нравиться. Стыдливость молодила ее. Въ тюремной юбкѣ она смотрѣла дѣвицей, простой дочерью народа. Это трогало до слезъ. Какое страстное искушеніе спасти ее какою бы то ни было цѣною! Я разсказалъ трагическую исторію добраго и великодушнаго Базира, исторію Осселена, который погубилъ себя тѣмъ, что спряталъ въ лѣсахъ Версаля молодую эмигрантку. Наиболѣе поразительною исторіею въ этомъ родѣ была исторія Ламберти. Частный фактъ, но ужасный, освѣщающій цѣлый міръ вещей *).

Страшное дѣло Вандеи, какъ я уже сказалъ, было устроено преимущественно вандеянками, гордыми, гнѣвными, отважными, которыя хотѣли сохранить своихъ священниковъ и увлекли въ погибель мужей своихъ, этихъ героическихъ глупцовъ.

---

*) Я уже говорилъ объ этомъ въ другомъ мѣстѣ. Но я не имѣлъ тогда тѣхъ точныхъ подробностей, какія именно теперь. Арестъ Ламберти и мотивы его очень вѣрно переданы въ трудѣ Берріа де Сенъ-При. Justice Révolutionnaire, по регистрамъ комисіи Монса. Многія важныя подробности находятся въ „*Исторіи Парламента*“ т XXXIV и XXXV. Гг Белланъ, Сувестръ и другіе друзья мои изъ Нанта часто говорили мнѣ объ этихъ фактахъ, въ особенности объ ужасномъ состояніи, въ которомъ находилась пересылочная тюрьма (Entrepôt). Благодаря имъ, я могъ судить насколько романическая книга Баранта (La Rochejaquelein) была невѣрна. Напримѣръ, онъ говоритъ, будто Карье потопилъ триста публичныхъ женщинъ. То была простая угроза. Лежанъ подтверждаетъ это, говоря о вмѣшательствѣ мера, портнаго Леперди. Что касается личности Ламберти и наиболѣе любопытныхъ подробностей событія, которое повело за собою смерть его, то я обязанъ ими ученому другу моему г. Дюгастъ-Матифё, котораго я могу назвать живой исторіей Нанта и Вандеи. Онъ зналъ невѣстку Ламберти и многихъ свидѣтелей трагедіи, одного изъ солдатъ, которые видѣли смерть Ламберти и пр.

Послѣ пораженія весь міръ Вандеи, который былъ цѣлой націею—дворяне, крестьяне, священники, женщины, монахини, и пр. — вся эта странная смѣсь, настоящій карнавалъ смерти несся потокомъ въ пропасть — Нантъ. Чудовищное скученіе! И весь этотъ людъ былъ боленъ заразительнымъ поносомъ, который охватилъ весь городъ. Декреты были положительны: убить всѣхъ. Ихъ разстрѣливали. Но мертвые убивали живыхъ. Зараза усиливалась. Двѣ тысячи нантцевъ умерли въ одинъ мѣсяцъ. Раздраженіе было сильно въ Нантѣ и по всей Луарѣ. Въ Анжерѣ и Сомюрѣ топили арестантовъ. Вандейцы сожгли многихъ изъ нашихъ живыми! Разсказывали, что вандеянки прокалывали длинными иголками глаза умирающимъ! Простой народъ въ Нантѣ кричалъ, что надо бросить всю эту Вандею въ Луару. Обѣ власти Нанта народный представитель Карье и революціонный комитетъ, въ жаркомъ соперничествѣ, слѣдили другъ за другомъ, готовые обвинять другъ друга, если который изъ нихъ подалъ бы малѣйшій признакъ снисхожденія, подчинились ярости народа и замѣнили, не заботясь о нарушеніи закона, разстрѣливанье, потопленіемъ.

За это Карье еще болѣе былъ любимъ бѣднымъ народомъ, для котораго онъ терроромъ поддерживалъ низкія цѣны съѣстныхъ припасовъ. Рыбныя торговки устроили въ честь него праздникъ и увѣнчали его цвѣтами.

Не смотря на великую побѣду, Нантъ не былъ еще внѣ опасности. Шареттъ стоялъ у воротъ его на другомъ берегу Луары. Два человѣка управляли всѣмъ, не Карье—полусумасшедшій, но вожакъ комитета, Креолъ Гуленъ и фактотумъ Карье, каретникъ Ламберти. Гуленъ, плантаторъ изъ Сенъ-Доминга, красавецъ, котораго считали дворяниномъ, человѣкъ полный ума, огня, хитрости, былъ секретаремъ сострадатель-

наго Феэлиппо, который погибъ съ Дантономъ. Онъ искалъ убѣжища въ противоположной партіи и старался омыть себя своею кровожадностью. Соперникомъ его, подъ котораго онъ тайно подрывался, былъ Ламберти, самый храбрый человѣкъ въ Нантѣ, одинъ изъ людей спасшихъ городъ въ іюнѣ и сломившихъ Вандею въ моментъ самаго страшнаго усилія ея. «Я видѣлъ», говорилъ Карье. «какъ онъ одинъ останавливалъ двѣсти человѣкъ», (конечно на плавучихъ мостахъ такъ узкихъ). Онъ начальствовалъ артиллеріей и сдѣлался бригаднымъ генераломъ; но онъ не берегъ себя даже въ самыхъ опасныхъ дѣлахъ. Иногда онъ, переодѣтый, ночью переходилъ черезъ Луару, входилъ въ непріятельскій лагерь и безстрашно дѣлалъ наблюденія чуть не подъ самымъ носомъ Шарета.

Какъ погубить Ламберти, какъ свалить на него одного и на Карье все то, что дѣлалось сообща? — Это былъ вопросъ Гулена и комитета. Ламберти не давалъ никакой возможности обвинить его по части денегъ и корыстолюбія. Люди его казались вполнѣ чистыми въ этомъ отношеніи. Они разстрѣляли одного изъ друзей своихъ, который въ декабрѣ, почти нагой, трясясь отъ холода, взялъ штаны убитаго человѣка. Но Ламберти совершилъ другое, бо̀льшее преступленіе. Онъ и помощникъ его Фуке спасали женщинъ.

Случай вышелъ необыкновенный. Огромная масса больныхъ, умираюшихъ и мертвыхъ даже (некогда было хоронить ихъ) была скучена въ Нантской тюрьмѣ. Одинъ изъ друзей моихъ, тогда еще ребенокъ, сорокъ лѣтъ спустя говорилъ мнѣ о томъ съ ужасомъ. Этя тюрьма—складъ нечистотъ, смертельныя испаренія ея были ужасомъ города. Не смѣли приблизиться къ ней. Тамъ, около 20 декабря Ламберти уви-

дѣлъ лежащими двѣ тѣни женщинъ, знатную даму лѣтъ двадцати пяти и горничную ея восемнадцати.

Дама была слишкомъ хорошо извѣстна. То была вандеянка, изъ свиты королевы, говорившая только о королевѣ, такъ что патріоты прозвали ее Маріей Антуанеттой. Хотя мужъ ея занималъ постъ въ Версалѣ, они жили спокойно въ Ла-Флешѣ подъ защитой пропуска отъ комитета общественнаго спасенія. Но во время процесса королевы, она пришла въ изступленіе, потребовала присоединиться къ вандейской арміи. Она слѣдовала за арміей въ каретѣ. Послѣ пораженія она и мужъ скрылись въ Нантѣ, были отысканы, арестованы, признаны. Мужа разстрѣляли.

Что сказать о ней? Была ли она жива или уже похоронена? Въ этой зловонной могилѣ, нѣмая, посинѣлая, растрепанная, она заставила бы отступить человѣка менѣе неустрашимаго. Но она была, какъ говорили, «самой злой изъ разбойницъ», спасти которую было невозможнѣе чѣмъ другихъ. Это подожгло Ламберти. Она не была изъ числа Клориндъ вольныхъ нравовъ, которыя верхомъ слѣдовали за Шарретомъ. То была настоящая знатная дама, надменная въ лоялистическомъ фанатизмѣ своемъ, которая не просила ничего, не хотѣла чтобы спасали ее. Это поразило его сердце. Она была во всѣхъ смыслахъ страшно опасна. Это и заставило его рѣшиться. Онъ ничего не пріобрѣлъ въ эти два года сраженій. Онъ присудилъ себѣ ее; онъ взялъ себѣ этотъ трупъ, наперекоръ смерти и закону.

Она имѣла еще силу встать. Она пошла за нимъ, шатаясь и не сознавая ничего; конечно ей казалось, что она во снѣ. Міръ не существовалъ болѣе для нея. Нѣтъ болѣе короля, нѣтъ болѣе церкви! Нѣтъ болѣе Вандеи! Все кончено!.. Чей это былъ голосъ, кто этотъ человѣкъ, спаситель

ея? Знала ли она это? Спасителю было тридцать семь лѣтъ, въ немъ жилъ огонь человѣка дѣла, очевидно много мужества, потому что онъ смѣлъ спасать ее.

Онъ повелъ ее прямо къ себѣ. Никто не рискнулъ бы принять ее. Нельзя было скрыть личность такъ явно оглашенную. Какая взятка для враговъ его, для нантскаго комитета, который наблюдалъ, шпіонничалъ за нимъ. И что сказали бы друзья его ярые патріоты, увидѣвъ сидящую у очага его эту мертвую, эту блѣдную фигуру?.. Кто это? Это Вандея сама!.. Могъ ли бы онъ заставить ихъ понять эту тайну любви, гордости, ярости? Сражавшись такъ упорно съ этой Вандеею, держать ее у себя побѣжденной—это была побѣда полная, рѣшительная. Онъ побѣдилъ ее даже въ душѣ ея, побѣдилъ въ самой волѣ ея. Потому что, наконецъ, она, эта гордая личность, не отказалась идти за нимъ, жить имъ. Принося смерть въ приданое, она принимала преданность его, соглашалась на то, чтобы онъ умеръ за нее.

Онъ умеръ изъ за нея одной. Его упрекали только за нее одну. Никогда не осмѣлились бы упрекнуть его за что либо другое, за все, что онъ дѣлалъ съ Гуленомъ, комитетомъ и по приказанію Карье. Онъ имѣлъ прочное счастье владѣть ею сорокъ дней. Смерть приближалась постепенно. Если бы эта женщина вернулась въ тюрьму, онъ былъ бы спасенъ. Если она оставалась у него, онъ погибалъ навѣрно. Пріѣздъ посланнаго отъ Робеспьера и внезапное мужество, какое онъ придалъ комитету, ясно предостерегало Ламберти. Комитетъ ѣдетъ въ Парижъ—второе предостереженіе. Друзья Ламберти были такъ испуганы, что хотѣли, какъ разсказываютъ, для того чтобы скрыть все, зарѣзать женщинъ, которыхъ спасли.

Третьимъ предостереженіемъ была отставка Карье, которой добился комитетъ. Ламберти, увѣренный что погибнетъ

теперь, ждалъ удара. Вандеянка и онъ должны были погибнуть разомъ оба. Несчастная была беременна. Ее вырвали отъ него 11 февраля, судили, приговорили къ смерти. Она заявила о своей беременности, которая началась уже тридцать пять дней, въ первыхъ числахъ января. Ей дали трехъ мѣсячную отсрочку.

Ламберти арестовали только послѣ отъѣзда Карье, 16 и за это единственное преступленіе,—вовсе не какъ жестокаго террориста, но какъ *сострадательнаго.* Но кто же не былъ *сострадательнымъ*? У кого же не было на совѣсти тайнаго грѣха такого рода? Чистый изъ чистыхъ, Робеспьеръ, самъ спасъ одного откупщика отъ приговора, поразившаго разомъ всѣхъ товарищей его.

Ламберти не дѣйствовалъ крадучись, въ тайнѣ, онъ нисколько не скрывалъ женщину, которую уводилъ изъ разсадника заразы и которую бичь ея отнялъ бы у закона. Женщина эта была помѣщена у должностнаго лица, въ домѣ открытомъ для всѣхъ, который былъ самымъ центромъ военныхъ дѣйствій. Она была подъ надзоромъ вполнѣ надежнаго патріота.

Оправданіе очень заслуживающее вѣры. Но въ ту минуту, когда убивали въ Парижѣ Гебера и Дантона, крайняго террориста и сострадательнаго, было вполнѣ естественно, чтобы въ Нантѣ погубили Ламбарти. Дама его, разбитая борьбою столькихъ противоположныхъ чувствъ, не вынесла ее. Она умерла 9 апрѣля. Онъ погибъ 14.

Не оставляя никого послѣ себя, онъ встрѣтилъ смерть превосходно, какъ высшій, какъ лучшій даръ республики, освобождавшій его отъ отчета, котораго близкая реакція, котораго само человѣчество могло бы потребовать отъ него. Одинъ изъ солдатъ, которые вели его, разсказывалъ другу моему г.

Дюгастъ-Матифё, что онъ шелъ скорымъ и твердымъ шагомъ, съ кликомъ: «Да здравствуетъ республика!» Онъ кричалъ это на площади, кричалъ на помостѣ, кричалъ подъ ножомъ «Ре!..» Нож перервалъ голосъ.

Онъ умеръ во время. Простила ли бы ему когда нибудь та, для которой онъ погибъ? Не упрекала ли бы она его за жестокій даръ жизни? Дама эта, «возносящаяся превыше горъ» занявъ свое мѣсто въ своей партіи, въ атмосферѣ роялизма, не была ли бы безпощадна къ своему спасителю? Погибъ ли бы онъ? Я думаю. Она не приказала бы зарѣзать его, какъ то дѣлали на югѣ. Но ей и не нужно бы было приказывать. Нашлось бы много людей въ ихъ партіи, которые захотѣли бы угодить ей этимъ. У Шаретта, у эмигрантовъ были славные мастера фехтованія. Его убили бы по правиламъ, на полѣ честной дуэли, какъ убили нантскаго героя, знаменитаго жестяника Мёриса.

Людямъ, которые любили вандеянокъ, вообще пришлось плохо. Савари говоритъ это о дѣвицахъ, спасенныхъ послѣ дѣла въ Мансѣ, на которыхъ женились патріоты, даже сдѣлавъ ихъ снова богатыми, возвративъ имъ имѣнія ихъ. Извѣстна исторія той, которую спасъ самъ Марсо. «Не было женщины болѣе хорошенькой», говоритъ Клеберъ, который тоже видѣлъ ее. Но она была ужасна въ своей гордости, смѣлости, ненависти. Она хотѣла быть разстрѣлянной. Они не могли спасти ее, потому что она не скрыла свое имя и донесла на своихъ освободителей. Противъ нихъ былъ начатъ процессъ, который представитель Бурботъ, къ счастью остановилъ. Если бы она жила, то безъ сомнѣнія, сердце Марсо было бы побѣждено, онъ женился бы на ней и потомъ ему пришлось бы жестоко раскаяваться.

Бабёфъ говорилъ людямъ термидора, съ ума сходившимъ

отъ знатныхъ дамъ: «Подлые плебеи! Что вы дѣлаете? Онѣ сегодня обнимаютъ васъ, завтра задушатъ васъ». (I, 276, 19 нивозъ). Наиболѣе поразительнымъ примѣромъ въ этомъ родѣ служитъ Тальенъ. Тальенша его, (рожденная Кабаррю, дочь маркиза Фонтенэ), спасенная имъ въ Бордо, спасенная еще разъ въ Парижѣ, одно мгновеніе царица Франціи, оподлила его, какъ мы уже видѣли это. Чуть только онъ совсѣмъ свалился въ грязь, она оставила его тамъ и упорхнула къ другому. Отъ любовника къ любовнику, отъ мужа къ мужу, состарѣвшись, она сдѣлалась княгиней. Какой это негодяй проситъ милостыню у порога ея? Это Тальенъ.

XIII.

Закрытіе клуба якобинцевъ.

10 ноября 1794 г.

Принцессами этой переходной эпохи были дамы ажіотажа, любовницы людей термидора, которыя царили въ игорныхъ залахъ. Залы эти не были никогда закрыты. Гг. Сентъ-Амарантъ, мы это видѣли, держали залы открытыми въ самомъ разгарѣ террора. Теперь игра, усиленная ажіотажемъ бумагъ, интрига для постепеннаго освобожденія арестантовъ, наслажденія и ужины—все движеніе этихъ дней вертится около царицы—этой Тальенши. Ее окружаетъ плеяда дамъ любезныхъ и не слишкомъ строгихъ, какъ блѣдная, граціозная и уже увядающая Жозефина.

Онѣ были очень легкомысленны и не имѣли даже смысла политическихъ приличій, которыхъ требовали собственныя выгоды ихъ. Напримѣръ, для того чтобы нанести послѣдній ударъ якобинцамъ, слѣдовало бы выбрать день, когда громад-

ная народная волна сама собой пойдетъ на нихъ, тотъ день, который страшный процессъ противъ друга ихъ Карье долженъ былъ неизбѣжно привести за собой. Но онѣ безтактно выбираютъ день денежнаго дѣла, день когда Тальенъ провалился съ своими испанскими фондами. Еще болѣе безтактно движеніе, которое могло бы имѣть видъ нравственнаго протеста противъ «кровопійцъ», было запачкано недостойными продѣлками надъ якобинками. Разочли только одно, что такъ какъ эти бѣшенныя якобинки такъ опрометчиво 8 гикали противъ конвента, то можно 9 смѣло оскорблять ихъ. Думали, что даже само собраніе останется равнодушнымъ и не заступится за нихъ, будетъ довольно видѣть униженіе этихъ гордыхъ женщинъ, что якобинцы покинуты, что малочисленность ихъ будетъ признана, что они останутся безсильными, осмѣянными, униженными.

Главнымъ исполнителемъ, повидимому, былъ человѣкъ хорошо извѣстный и дѣятель первыхъ дней революціи, ярый *жирондинецъ*, такъ называли его якобинцы. То былъ человѣкъ отважный, сильный и грубый, Сенъ-Гюрюжъ, арестантъ террора, выпущенный 9 термидора. Они говорятъ, что съ нимъ была дюжина *эмигрантовъ* или *шуановъ*. Это имена, которыя якобинцы давали всегда врагамъ своимъ. Имена очень ложныя для этого времени. Это видно изъ рѣчи, которую Сенъ-Гюрюжъ сказалъ своему батальону изъ молодежи въ Пале-Роялѣ. Онъ не рискнулъ сказать имъ ни слова о роялизмѣ. Всѣ оставили бы его. Онъ говорилъ, какъ жирондистъ отъ имени революціи. Онъ сказалъ: «Они хотятъ спасти Карье и потому они контръ-революціонеры. Нападемъ на нихъ.»

Что такое была эта молодежъ? Улица Вивьенъ, Перонъ, Пале-Рояль, прикащики банкировъ, биржевые маклера, мѣнялы и торговцы золотомъ, люди, которыхъ называли *золо-*

той молодежью. Вечеромъ они ломались на *галереяхъ* въ паркахъ между модистками и публичными женщинами, въ ожиданіи возвращенія настоящихъ маркизовъ.

На поддержку движенія шла волна торговцевъ. Купцы изъ улицъ Сенъ-Мартена, Сенъ-Дени, Ломбаръ, Тампля считали дѣломъ хорошимъ, чтобы толпа прикащиковъ ихъ послѣ ужина шла шалить въ улицу Сенъ Гоноре, лаять противъ якобинцевъ. Характеристичной чертой времени, не замѣченной ни однимъ писателемъ было то, что молодые люди это совершенно не похожіе на нашихъ, были мастерскими игроками въ шары и замѣчательными бѣгунами на Марсовомъ полѣ. Они хвалились, и совершенно напрасно, изумительной физической силой. Впрочемъ тогда весь свѣтъ имѣлъ претензію на это, жирондисты, якобинцы и даже литераторы. Мари-Жозефъ Шенье менѣе гордился талантомъ своимъ (мнѣ то разсказывалъ Дану) нежели силой, которая, говорилъ онъ, была неистощимая, безграничная.

Эти молодцы, сначала въ числѣ не болѣе тридцати человѣкъ, для того чтобы не запугать никого, встали у дверей клуба якобинцевъ, оскорбляя входившихъ женщинъ по одиночѣ «Негодяйка, ступай къ твоему хозяйству,» и пр.

Многіе проскользнули въ залу и сѣли между женщинами. Тамъ они слышали то, что Сенъ-Гюрюжъ сказалъ о якобинцахъ. Якобинцы очень дурно приняли рѣчи противъ Карье и часто говорили на тезисъ: прикоснуться къ якобинцамъ. Это подняло ссору. Шумъ вышелъ страшный. Кричали, хватали другъ друга за воротъ. Женщины были такъ возбуждены, что въ этой очевидной опасности одна изъ нихъ встала на мѣсто оратора и пыталась говорить. Женщины, остававшіяся въ трибунахъ, вопили противъ втершихся проходимцевъ.

«Долой аристократовъ!» Тогда поднялось смятеніе и крики «Рѣжутъ!» Женщинъ грубо хватали и сѣкли.

Кто бы повѣрилъ, что въ такую жестокую минуту, нѣкоторыя группы разсуждали вмѣсто того чтобъ дѣйствовать. Послышался явственно голосъ: «Да, якобинцы вѣрны принципамъ!» Однако другіе, болѣе дѣятельные, наконецъ выгнали малочисленныхъ оскорбителей за дверь. Двери заперли изнутри. Но толпа за дверями стучалась, хотѣла выломать ихъ. Наконецъ пришелъ отрядъ, сообщеніе было востановлено. Двѣнадцать человѣкъ несутъ раненаго юношу, кричатъ: «Вотъ человѣкъ, котораго зарѣзали якобинцы. Они, хотятъ спасти Карье. Они рѣжутъ народъ,» и пр.

Тогда пріѣзжаютъ верхомъ представители народа и члены комитета. Кричатъ: «Да здравствуетъ конвентъ!» Здѣсь происходитъ потрясающая, безъ сомнѣнія, заранѣе подготовленная сцена. Человѣкъ одѣтый угольщикомъ подходитъ къ представителямъ и говоритъ имъ: «Они убили моего брата, зарѣзали сто тысячъ французовъ.»

Порядокъ былъ возстановленъ, можно было увести женщинъ, каждая шла подъ руку съ мущиной. Чтобы оградить ихъ говорили: «Берегитесь, онѣ беременны!» Одна изъ нихъ посмѣялась надъ опасностью и пошла одна черезъ толпу. Съ нею поступили позорно, ее менѣе били нежели ласкали.

Небольшое число якобинцевъ, остававшихся еще въ залѣ, слушали длинную рѣчь Леонара Бурдона въ защиту Карье, рѣчь безтактную и опасную, въ которой онъ говорилъ, что если народъ противъ якобинцевъ, то они спасутъ народъ, вопреки ему самому. Это не понравилось многимъ и они воспользовались этимъ словомъ, чтобы уйти и не возвращаться болѣе.

На другой день, 10 ноября, 20 брюмера, о мерзостяхъ прошедшаго дня было подано заявленіе собранію; но кѣмъ?

Тѣмъ самымъ Дюгемомъ, который болѣе всѣхъ напортилъ дѣло якобинцевъ, говоря о томъ, что надо срѣзать голову «жабамъ Маре.» Трибуны вмѣшались въ это.

Кто то поддержалъ Дюгема, громко говорилъ, жестикулировалъ, грозилъ: «Арестуйте его, арестуйте его!» То былъ крикъ собранія. Оно было очень дурно настроено, когда превосходный патріотъ, Дюрой, ничуть не якобинецъ и который бывалъ постоянно въ арміи, обвинилъ власть въ томъ, что она такъ поздно вмѣшалась, что она недостаточно защищала якобинцевъ. Онъ требовалъ, чтобы возобновили комитетъ общественной безопасности.

Бездѣятельность власти была добровольная. Президентъ комитетовъ Ревбель (твердый республиканецъ, мы это видѣли въ фруктидорѣ, но врагъ якобинцевъ) былъ очень жестокъ къ нимъ и доканалъ ихъ. Онъ сказалъ: «Они получили то, что заслужили. Нужно, чтобы это общество было на время упразднено.»

Якобинцы очевидно не знали ни природу человѣческую, ни Парижъ, ни Францію, ни легкость, съ какою тамъ принимаютъ извѣстныя вещи. Тѣ, которыя случились наканунѣ, были мерзостью, безъ всякаго сомнѣнія, прискорбною, но они сдѣлали ее смѣшною своими преувеличеніями, говоря, что «сестеръ ихъ изнасиловали и растлили.» Ничего подобнаго не было.

Якобинцы 11 ноября собирались очень медлено, около семи часовъ. Но уже съ шести якобинки были тамъ, въ особенности на своихъ привычныхъ мѣстахъ, около трибунъ, которыя назывались трибунами Робеспьера и Кутона. Въ этотъ день, который былъ послѣднимъ днемъ ихъ, въ этой церкви, уже покинутой и которая казалась громадной, якобинки были пламеннѣе чѣмъ когда либо, оплакивали колебаніе, умѣрен-

ность мужчинъ. Журналы того времени описываютъ намъ эту сцену, въ сущности трогательную. Подруги встрѣчаются. Это встрѣча Ореста и Пилада; онѣ посестрински цаловались, обнимались какъ мученицы свободы. «Милый другъ, я вижу тебя! Я свидѣлась еще съ тобой! О Боже!»

Если якобинцы оставались во дворѣ и не входили въ залу, то потому, что ждали въ сильномъ нетерпѣніи вѣстей изъ собранія. Комиссія, назначенная для рѣшенія вопросовъ о томъ слѣдуетъ ли обвинять Карье, представляла докладъ свой въ этотъ вечеръ. Предсѣдателемъ ея былъ Роммъ, очень уважаемый монтаньяръ. Если докладъ привелъ бы къ обвиненію, то можно было ожидать, что Карье будетъ покинутъ монтаньярами самими, которые рѣшительно отдѣлятся отъ якобинцевъ. Такъ и случилось. Голосовали арестъ. Это рѣшеніе прозвонило послѣдній часъ якобинцамъ. Было семь часовъ вечера. Они вышли наконецъ, въ свою залу и, какъ евреи въ годину бѣдствія, они раскрыли свои скрижали завѣта и прочли провозглашеніе правъ человѣка.

«Но это дѣло Робеспьера!» говорили они. «Все равно», отвѣчали имъ: «Золото находятъ и въ грязи.» Нѣкоторые во время чтенія кричали: «Шляпы долой! Обнажите головы!» Другіе требовали, чтобы надѣли шляпы. Праздный споръ, который отнималъ время. Въ эту минуту среди якобинцевъ были уже враги. Они чувствовали, что имъ угрожали. Многіе пѣли Марсельезу, чтобы воодушевить себя для сраженія. Но другіе чтобы заставить ихъ замолчать пѣли *Пробужденіе народа*, пѣсню реакціи.

Въ четверть восьмаго дворъ наполнился враждебной толпой, которая кричала «Долой якобинцевъ.» Женщины были перепуганы и говорили: «Боже мой, Боже мой!» Нѣкоторые якобинцы хотѣли защищаться. Большая часть хотѣли уйти.

Началась толкотня, ушибали другъ друга. Падали... Къ счастью войско пришло и сдержало молодежь. Якобинцы заперлись, уводя двухъ плѣнниковъ. Они не сдѣлали имъ никакого вреда, только надѣли имъ на голову красную шапку, чтобы охранить ихъ.

Они возобновили прерванное засѣданіе, и въ эту рѣшительную минуту ожидали результата сдѣланной ими послѣдней попытки призвать Парижъ. Они послали своихъ по округамъ; въ центръ, въ предмѣстье Сенъ-Антуанъ. Двинутся ли на помощь имъ многолюдные рабочіе кварталы? Въ этомъ былъ весь вопросъ: они не двинулись, Якобинцы, согласившись съ собраніемъ, дѣйствовали противъ Бабёфа, и помѣшали выборамъ, помѣшали воскресенію парижской коммуны. Упорное заступничество ихъ за Карье, за комитетъ потопленій, расхолодило парижскія массы, вообще человѣчныя, и въ эту минуту исключительно занятыя великимъ процессомъ. И такъ ни откуда не пришло помощи. Парижъ былъ для Якобинцевъ тѣмъ, чѣмъ былъ и для самого Робеспьера.

Торжественное осужденіе. Это знаменитое общество, которое сдѣлало такъ много для насъ, а тоже позже и такъ многое противъ насъ, которое, думая сохранить власть, обезсилило Бабёфа и партію выборовъ, вышло изъ своей узкой церкви. Оно вышло въ исторію и въ безсмертіе.

Якобинцы одинъ за однимъ выходили подъ руку съ женщинами, чтобы проводить ихъ домой. Войско стояло шпалерами, представители народа были тутъ же; толпа была въ ярости отъ того, что не могла дѣлать ничего другаго, какъ проклинать и смотрѣть.

Толпа наполняла улицы и волновалась до трехъ часовъ утра. Представители приходили и уходили, стараясь успокоить умы. Наконецъ они заперли дверь клуба Якобинцевъ и наложили печати. (10 ноября 1794 г. 20 брюмера, годъ III).

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

I.

Возобновленіе движенія во Франціи. Великое основаніе школъ Реакція природы.

Не пройдетъ и года, какъ якобинцы могутъ быть снова полезными; но тѣмъ не менѣе истина, что въ ноябрѣ 94 г. они были тормазомъ всему. Кто бы повѣрилъ, что общество, число членовъ котораго уменьшилось до пяти или шестисотъ человѣкъ всего, которое вопіяло въ пустынѣ, могло парализовать Парижъ? И однако пока слышался голосъ якобинцевъ, то всѣ оставались въ колебаніи; дѣла остановились, ничего не покупали. Говорили другъ другу: «Надо посмотрѣть... Если терроръ возвратится завтра. Ни карманы, ни сердца не разжимались.

Голосъ этотъ, который вѣчно повторялъ: «Терроръ! Эшафотъ! Гильотина!» раздавался погребальнымъ колоколомъ, звоня одну и ту же ноту: «Смерть!» Она напоминала рѣзкій колоколъ ратуши, который въ ночь термидора оледенилъ ужасомъ всѣхъ. Голосъ смолкъ. Мгновенно возобновилось движеніе.

Стѣны испещрились афишами всѣхъ возможныхъ цвѣтовъ. Балы, рестораны, новые дилижансы громогласно заявляли о себѣ. Одинъ человѣкъ того времени говорилъ мнѣ: «Якобинцы говорили такъ много, такъ много кричали о смерти, что по закрытіи клуба ихъ, казалось, будто смерть была уничтожена, будто не будутъ болѣе никогда умирать. Въ этотъ день мы чувствовали себя молодыми, чувствовали, что мы вѣчно останемся молодыми, и не можемъ никогда состарѣться. Въ то время вовсе не думали о пережитыхъ годахъ. Все прошлое скрылось во тьмѣ. Люди настоящаго времени безумцы, если думаютъ, что мы тогда были отсталыми. Нѣтъ, всѣ мы тогда жили настоящимъ. Былъ прежде, безъ сомнѣнія, извѣстный старый порядокъ. Вчера былъ кризисъ террора. Но терроръ и королевство — мы все отъ всего сердца бросали въ самую глубину пропасти забвенія.

«Никто не понялъ и не описалъ эту минуту, когда съ нами не было болѣе убійственныхъ якобинцевъ и мы не видѣли еще шумнаго возвращенія эмигрантовъ, озлобленныхъ фатовъ, мстительныхъ, дерзкихъ. Ссоры и дуэли возвратились только съ ними въ 95 г. Въ ноябрѣ 94 г. не было и слѣда аристократической спѣси. Всѣ сословія были смѣшаны. Партіи (за исключеніемъ очень немногихъ человѣкъ) сближались. Въ собраніи значительное число изъ наиболѣе крайнихъ прошли черезъ всю залу и сѣли на правой посреди враговъ своихъ. Они, казались гораздо болѣе нежели центръ, потрясенными скорбью, жалостью ко всему, что пострадало.

«Сколько было страданія! сколько работниковъ безъ работы! сколько еще закрытыхъ лавокъ! Во время террора (кто то сказалъ это), когда приказывали продавать въ убытокъ, то «каждый старался не продавать». Торговля ожила мало по малу. Замѣтили скаредное состояніе, въ которомъ нахо-

дились уже два года. Мужчины замѣнили карманьолу сертуками. Но еще не показывались наряды. Безумныя моды директоріи появились гораздо позже. Женщины еще ничего не покупали, развѣ какую нибудь ленточку. Онѣ были очень несчастны. Давно уже пора было начаться обыденной жизни, обычному ходу свѣта. Женщины умирали съ голода. Такая то графиня шила рубашки. Такая то маркиза была штопальщицей. Другія ходили смиренно предлагать уроки фортепьяно, или принуждали васъ дать имъ снять вашъ портретъ. Но часто маленькіе таланты ихъ пригодные для украшенія жизни, прежде такъ восхваляемые, а теперь подверженные строгому искусу, доставляли имъ очень жестокіе комплименты. Пробѣгавъ сотню концовъ по грязи, дурно принятыя, дурно оплачиваемыя, онѣ поднимались, плача, ѣсть хлѣбъ на чердакахъ своихъ.

«Онѣ были очень трогательны и вынесенными опасностями и несчастіями. Никогда еще въ нихъ не было такъ мало искуственности, уловокъ, никогда еще такъ много искренности. Онѣ хотѣли быть любимыми и нисколько не скрывали этого. Онѣ приходили на наши балы, въ ноябрѣ и декабрѣ, въ простенькихъ бѣлыхъ платьицахъ, единственной одеждѣ во всякое время года и которая плохо защищала. Многія приходили однѣ, безъ родныхъ и друзей, безъ защиты. Но именно эта эпоха схватила эпидемію браковъ. Тогда не примѣшивали ни капли разсчетовъ нашего времени; тогда вовсе не спрашивали о состояніи. Видѣлись, любили и женились. И та, которая приходила туда одна, безъ опоры имѣла болѣе шансовъ, чѣмъ всякая другая найти опору.

«Нѣсколько лѣтъ спустя Мерсье съ удивленіемъ замѣтилъ на гуляньяхъ множество молодыхъ матерей, которыя сами кормили, и множество дѣтей двухъ и трехъ лѣтъ въ колясоч-

кахъ; словомъ, говорилъ онъ, болѣе дѣтей нежели взрослыхъ. То былъ плодъ безчисленныхъ браковъ, которые были заключены послѣ террора. Мерсье замѣтилъ еще одну черту: невиданную еще до этихъ поръ кротость, нѣжность, заботливость, съ какою обращались съ дѣтьми.

«Нѣтъ болѣе салоновъ, нѣтъ болѣе общества. Браки устраивались и заключались на балахъ. Обо всемъ этомъ разсказывали глупо, смѣшно. То, что позже стало циническимъ, тогда вовсе не было такимъ. Ничто не могло быть болѣе серьезнымъ, нежели эта кажущаяся глупость. Восемьсотъ парижскихъ баловъ давались повсюду и внезапно. Ничто не было еще приготовлено. Устраивались какъ могли въ наиболѣе просторныхъ помѣщеніяхъ, во многихъ опустошенныхъ церквахъ. Было замѣчено, какъ поступокъ кощунственнаго легкомыслія, что танцовали надъ склепами, гдѣ были погребены предки наши. Но предки наши, если бы они воскресли были бы счастливы, я думаю, видѣть возрожденіе общества такъ много испытавшаго, видѣть какъ хорошо выходятъ замужъ бѣдныя дочери ихъ, какъ онѣ, послѣ столькихъ несчастій, находятъ утѣшеніе любви и опору брака и домашняго очага.

«Связь вполнѣ естественная и очень сильная, существовала уже заранѣе между тѣми, кого эшафотъ сдѣлалъ вдовцами, вдовами и сиротами. Не должно думать, будто это случалось такъ рѣдко. Огромное большинство гильотированныхъ, какъ то доказываютъ составленные списки, принадлежало къ народнымъ классамъ. Пережившіе были особымъ міромъ, особымъ племенемъ. Племя это давало свои балы, которые назывались *балами жертвъ*. Надъ этимъ смѣялись; но не было ничего болѣе трогательнаго. Посреди такъ многихъ лицъ въ траурѣ, симпатичныхъ другъ другу по сходству несчастій

являлась мечта найти хоть что нибудь изъ того, что было утрачено. Положеніе часто принуждаетъ не забывать, но жертвовать воспоминаніемъ времени, новой необходимости. Семья, лишенная своей естественной опоры, находила иногда честнаго и вѣрнаго утѣшителя. Это выражено прекрасно въ небольшой и воистину восхитительной гравюрѣ того времени *). На ней двое танцующихъ — очаровательная молодая женщина и молодой человѣкъ гораздо постарше ея и серьезный. Онъ держитъ ее и граціозно-единодушное движеніе ихъ, заставляетъ сказать: «Это будетъ навсегда». Она слѣдуетъ за нимъ, движеніемъ и сердцемъ, и искренно привязывается къ новой участи своей. Но прекрасные глаза ея говорятъ небу: «Я не забуду никогда».

Мерсье очень вѣрно замѣтилъ, что на всѣхъ балахъ того времени женщины танцовали *въ молчаніи*. (Мерсье III, 137). «Двѣсти женщинъ и никакого шума; онѣ кажется размышляютъ». Но онъ не знаетъ причину; онъ полагаетъ будто для того «чтобы лучше соблюдать темпъ движенія». Поверхностное объясненіе и очень плохое для 94 года.

«Нравы еще не были ни въ чемъ нравами директоріи. Если и была, какъ всегда бываетъ, порча нравовъ въ центрѣ, около Пале-Рояля, за то многіе кварталы имѣли такой видъ, какъ будто ихъ сейчасъ очистили». Никогда еще не проявлялась такъ очевидно любезная общественность Парижа. Говорили даже съ незнакомыми. Женщины находили въ себѣ милыя слова, чтобы сближать всѣхъ. Между братомъ и мужемъ, между братомъ и любовникомъ, который быть можетъ завтра

---

*) Гравюра де Буальи, гравированная Треска, коллекція Генена. Буальи до 89 г. былъ очень слабъ, при имперіи манеренъ, но въ 95 создалъ ослѣпительную вещь. Прелестная маленькая гравюра, полная печали и траура, была понята только гораздо позже. Ее глупо назвали: Безуміе времени.

будетъ мужемъ ея, сидя у Мея или въ другомъ ресторанѣ, между жирондистомъ и мантаньяромъ, она говорила съ улыбающейся граціею, которая обезоруживала злобу: «Боже мой! Если бы я погибла, кто потерялъ бы? Вы». Было весело видѣть съ какимъ аппетитомъ ѣли онѣ. Не стѣсненныя узкимъ корсетомъ, который душилъ ихъ прежде, избавленныя отъ нервнаго подергиванія террора, счастливыя такъ легко заключенными браками, онѣ были веселы. Новыя четы, скромныя и еще мало устроившія хозяйство, не заводили кухни и толпились около многочисленныхъ маленькихъ столиковъ *ресторататоровъ*, новое слово, замѣнившее тогда слово стараго порядка *трактирщикъ;* оно лучше идетъ къ великому движенію.

«Гуляющіе по улицамъ, два встрѣтившіяся друга, пріѣхавшій путешественникъ — все это стремится, въ рестораны, садится за столики. О, какъ надо каждому возстановить силы! До какого чахоточнаго изнуренія дошли французы! Бѣдная Франція! У ней, увы, остались кости да кожа!»

Тотъ, кто съ воздушнаго шара взглянулъ бы тогда на Францію, пришелъ бы въ изумленіе отъ одной вещи—того, что Франція смотрѣла населенной. Вчера она смотрѣла безлюдной, каждый запирался у себя. Никто не смѣлъ пускаться въ дорогу. Въ каждомъ городѣ, въ каждой деревнѣ можно было попасть подъ арестъ какъ *подозрительный*, убѣжавшій изъ тюрьмы. Возвратилось сознаніе безопасности. Тогда еще не предвидѣли жестокую реакцію. Всѣ веселы, всѣ двигаются, ѣздятъ, разговариваютъ въ публичныхъ каретахъ. Но какъ медленно онѣ подвигаются. Всѣ это находятъ. Какъ далеко кареты эти не могутъ сравняться съ нетерпѣливымъ шагомъ времени, съ быстрымъ біеніемъ, какимъ забились всѣ сердца! Отецъ мой въ 92 г., проѣзжая изъ Лаона въ Парижъ, сдѣ-

лалъ тридцатье лье въ три дня; ночевали двѣ ночи въ дорогѣ. Въ 93 г. карета, въ которой Шарлота Корде ѣхала изъ Каена, ѣдетъ прямо безъ остановокъ; въ дорогѣ не ночуютъ. Въ 94 г. Сенъ-Симонъ предусмотрительный и полный свѣтлаго и истиннаго духа времени, создалъ въ центральномъ пунктѣ, улицѣ дю-Булой, скорую почту *дилижансы Сенъ-Симона*, которые мчались во весь духъ.

Кто же всѣ эти путешественники 94 г.? Это самый разнообразный народъ. Ихъ приводятъ тысячи новыхъ надеждъ, тысячи интересовъ, тысячи идей. Это спекуляроры, но не просители. Но, въ огромномъ большинствѣ, это многочисленная молодежь, веселый наборъ толпы новобранцевъ постарше двадцати лѣтъ, призванныхъ республикой въ высшія училища. Она истинная мать питающая дѣтей своихъ. Учащаяся молодежь нашего времени платитъ; тогда ей платили. Тысяча двѣсти молодыхъ учителей, которые пріѣхали въ большую нормальную школу, чтобы учиться преподавать, четыреста учениковъ школы общественныхъ работъ (полетехническая школа), такъ многочисленные студенты медицинской школы получаютъ каждый 1200 франковъ въ годъ.

Изъ Парижа шелъ призывъ въ провинціи, общій призывъ всѣхъ, призывъ бѣдняковъ къ высшему образованію. То былъ удивительный подъемъ живыхъ силъ. Если богатый работаетъ, то это святой; я преклоняюсь передъ нимъ. Студентъ изъ буржуазіи въ наше время слишкомъ часто лѣнивъ. Отсюда наши мертвыя школы. Но эти бѣдняки, которые ѣдутъ, не большая часть изъ нихъ бѣшеные работники, Биша и Біо, Кювье и вскорѣ Дюпюйтренъ. Въ искуствѣ тоже самое. Два человѣка, которые почувствовали народъ, страдающую красоту и улыбку скорби—Грёзъ, Прюдонъ были вдохновенными сынами бѣдности.

Октябрь 94 г. Это изліяніе свѣта и такого яркаго, что надо опустить глаза. Прекрасная книга Депуа «Революціонный вандализмъ» поражаетъ насъ удивленіемъ. Какъ будто читаешь о первыхъ дняхъ творенія.

Изъ *школъ Сальпетра*, изъ волкана Лавуазье, изъ химической революціи, изъ преподаванія Монжа, до этой поры скрытаго въ Мезьерѣ, вышла великолѣпная школа общественныхъ работъ (28 сентября) съ любопытнымъ дополненіемъ ея — музеемъ машинъ въ консерваторіи искуствъ и ремеслъ (10 октября). 30 нормальная школа призываетъ изо всей Франціи всѣхъ, кто обучаетъ или будетъ завтра обучать. Открыты двѣнадцать каѳедръ естественныхъ наукъ въ нормальной школѣ, двѣнадцать въ музеѣ. 4 декабря три школы медицины. Наконецъ, центральныя школы или лицеи 25 февраля 95 г. Громадныя созданія, потрясающія величіемъ, но еще гораздо болѣе духомъ жизни, сердцемъ, которые чувствуются во всемъ.

Какое новое зрѣлище представляютъ наши три школы медицины—Парижъ. Монпелье, Страсбургъ! Въ первый разъ вмѣсто ученья пропадавшаго даромъ, педантическаго и доктринерскаго, національное собраніе постановило обученіе медицины надъ живымъ, у кровати больныхъ. Передъ глазами учащагося ставили не данную болѣзнь, но самаго человѣка, самого больнаго, паціента, страданіе. Отсюда явился неустрашимый отрядъ докторовъ, которые послѣдуютъ за арміей, облегчая такъ много страданій. Отсюда живыя и глубокія впечатлѣнія Биша, великой книги жизни и смерти, открывающей физіологію—истинный путь къ медицинѣ.

Преподаваніе до сихъ поръ пренебрегаемое, выступаетъ во всей истинѣ своей, какъ общественная должность. Мы видимъ, какъ конвентъ призываетъ въ школы всѣхъ геніевъ

того времени. Мы видимъ въ нормальной школѣ Лагранжа, Лапласа, преподающихъ ариѳметику. Бернарденъ Сенъ-Пьеръ, Вольней и др. были призваны къ преподаванію историческому, философскому, литературному.

Все было жизнь и движеніе, лекціи импровизировались. Публичныя конференціи между учениками, даже между учителями интересовали всѣхъ. Женщины присутствовали и присоединяли очарованіе своего взволнованнаго любопытства, легко возбуждаемаго энтузіазма, иногда материнскаго умиленія. Онѣ не могли удержать слезъ, когда увидѣли обученіе глухонѣмыхъ, слѣпыхъ — эти искусные пріемы человѣколюбія. Добрый старый профессоръ сказалъ Масьё, лучшему ученику своему: «Утрись хорошенько и поцалуй одну изъ гражданокъ». Слово трогательной простоты, какъ это хорошо сказалъ г. Депуа, которое привело бы въ восхищеніе Франклина.

Собраніе видѣло въ искусствѣ высшую образовательную силу. Угадаете ли вы сумму, какую оно назначило на преміи конкурса живописи, и это въ время такой общественной бѣдности? Вы не угадаете. Полмилліона звонкой монетой. Жюри изъ пятидесяти членовъ было умно составлено, не исключительно изъ живописцевъ, которые почти всегда завистливы, но изъ лицъ всѣхъ классовъ: писателей—Лебрёнъ и Лагарпъ, ученыхъ—геометръ Монжъ, натуралистъ Викъ д'Азиръ, актеровъ—Лаиса и Тальма. Былъ и медикъ, и земледѣлецъ и ремесленникъ! Почему же нѣтъ? Не могло быть ничего разумнѣе. Инстинктъ безграмотнаго, простаго человѣка, можетъ часто поправлять знающихъ, утонченно образованныхъ, тонкихъ знатоковъ.

Этотъ молодой народъ изъ провинцій, который пріѣзжалъ трепеща жизнью нашелъ громадное новое созданіе—музеи и библіотеки совсѣмъ готовыми встрѣтить его. По библіотекамъ

Парижъ—столица міра. Другія столицы, какъ Лондонъ, Римъ или Вѣна имѣютъ значительныя и драгоцѣнныя библіотеки. Но у насъ кромѣ большей, центральной есть еще десять библіотекъ: Арсенала, городская, Св. Женевьевы, Лувра, Ботаническаго сада, школы медицины, законодательнаго корпуса, и проч., которыя всѣ замѣчательны по различнымъ коллекціямъ, по рѣдкимъ спеціальностямъ.

Ликующій музей Лувра, открытый съ 93 г., принялъ 1 октября 94 г. великаго гостя—Рубенса, торжество колорита Вскорѣ рядомъ съ нимъ занялъ мѣсто Рембрандтъ—просвѣты, тайны глубокаго волшебника. Эти великіе мастера утѣшать, явились радовать Францію послѣ ея великихъ испытаній. Они взываютъ къ ней изъ развалинъ, изъ безпощадной суши Давида, они говорятъ ей: «Смотри вотъ жизнь!»

Безтактный изъ безтактныхъ, Людовикъ XVI, въ 85 г. сдѣлалъ глупость — перенесъ галерею Медичисовъ изъ Люксембурга, для котораго писалъ ее Рубенсъ. Она возвратилась изъ Версаля къ себѣ 94 г. въ великолѣпный садъ, который былъ такъ хорошъ тогда. Къ торжественному пространству сада присоединили теперь мѣсто для мечтаній, мирную ограду Шартре. Благоухающія картины Лесюера придали старому монастырю своеобразное очарованіе, такъ же какъ широкая кисть Рубенса. Роскошныя и полныя формы его находили соотвѣтственную себѣ рамку въ мощной и тяжелой тосканской архитектурѣ. Счастливая гармонія, прекрасный союзъ искуствъ, который разрушили такъ варварски.

Это время имѣетъ органическое чувство. Великолѣпный музей французскихъ памятниковъ, который откроется въ 95 г., помѣщается въ монастырѣ Малыхъ Августиновъ, кажется будто заранѣе приготовленнымъ для того, чтобы принять эти статуи, эти могилы. Фигуры готическаго искуства или

эпохи возрожденія были тамъ, какъ у себя дома, тамъ все шло къ нимъ, онѣ поселились тамъ. Когда ихъ такъ жестоко увезли оттуда въ 1815, то это было разрывомъ. Взгляните на картину Жана Гужана; его Діана съ большимъ оленемъ стала такъ угрюмой подъ низкими сѣрыми сводами Лувра. Въ саду Августиновъ она была свободна, горда, дика. Это было очарованіе.

Я еще видѣлъ это. Эти музеи, эти сады въ прекрасной гармоніи своей были школой для насъ, дѣтей Парижа. Когда мы по воскресеньямъ шли изъ мрачныхъ кварталовъ, изъ черныхъ улицъ мечтать передъ столькими прекрасными загадками, какъ многое чувствовалось тогда инстинктомъ, сердцемъ! Понимали ли мы? Не все. Но тѣмъ болѣе въ полусвѣтѣ этого многаго, такъ неполно угаданнаго, воспринималось сильное, проникающее чувство жизни; я возвращался оттуда полный грезъ.

Въ эту эпоху изъ Парижа выѣзжали гораздо менѣе нежели теперь. Для центральнаго Парижа самой большой и дальней прогулкой служилъ Ботаническій садъ (Jardin des plantes) и музей его. Прогулка эта была такъ любима народомъ, что комитетъ общественнаго спасенія хотѣлъ утроить пространство ея, присоединивъ къ ней два сосѣдніе квартала. Къ ноябрю 94 г. библіотека и амфитеатръ были готовы, а музей преобразился отъ привезенныхъ обширныхъ коллекцій изъ Голандіи. Богатая Азія (Ява, Борнео) приноситъ свою сверкающую жизнь. Эти острова съ сотнею волкановъ окрашиваютъ все, птицъ, бабочекъ, цвѣты, раковины разноцвѣтными огнями неописанной красоты. Старикъ Добантонъ, ожившій увидя все, сдѣлалъ въ восемьдесятъ лѣтъ неизмѣримую и скорую работу все классифировать и выставить.

Въ декабрѣ 94 г. національное собраніе обезпечило су-

ществованіе звѣринца, закрытаго уже цѣлый годъ. Оно постановило пенсію царя звѣрей «льва и друга его, собаки». Однако съ такою республиканскою оговоркою, высказанною Добантономъ: «Нѣтъ царя въ природѣ».

То, о чемъ 93 г. мечталъ, чего желалъ и что создалъ на бумагѣ, стало дѣйствительно къ декабрю 94 г.: музей сдѣлался великой республикой наукъ съ самоуправленіемъ. Онъ былъ созданъ Ламаркомъ, который основалъ двѣнадцать каѳедръ его и вдохнулъ въ него свой мощный духъ. И это не мелкая заслуга для Лаканаля, Фуркруа (комитета общественнаго образованія въ іюнѣ 93 г.,) что они осмѣлились обратиться къ Ламарку, бывшему другу Бюффона, аристократу и подозрительному. Этотъ энциклопедическій геній, смѣлый нововводитель, герой всѣхъ наукъ похитилъ въ ботаникѣ, въ метаморфозахъ растеній глубокую тайну природы, тайну метаморфозъ ея. Опровергаемыя шестьдесятъ лѣтъ, потомъ признанныя міромъ, теоріи его побѣдили. Онъ получилъ свой вѣнецъ черезъ Жоффруа, Гёте, Лайэля, Дарвина, — этотъ учитель высшей науки жизни.

Минута была торжественной. Воцарились великая химическая революція и Лавуазье. Отъ Ламарка родилась наука объ органическихъ силахъ. Какъ міръ солидаренъ! Какъ наука смѣшана съ дѣятельностью, съ великимъ общественнымъ движеніемъ. Взглянемъ въ лицо обѣимъ соперницамъ—химіи и естественной исторіи. Химія стала не только наукой, но языкомъ, который тотчасъ же сдѣлался популярнымъ, проникъ повсюду, примѣшался ко всему. Вліяніе его чувствовалось даже въ политическомъ языкѣ. Всѣ наши великіе террористы приняли эхо его, живое впечатлѣніе; иногда даже съ излишкомъ. Кажется, будто они почерпнули въ немъ высокомѣрное равнодушіе къ трагедіямъ времени. «Ничто не исчезаетъ. Все

видоизмѣняется. Жизнь, смерть—не все ли равно? Это только смѣняющіеся фазисы вѣчнаго круга, процессы вселенской химіи».

Но совершенно наоборотъ, съ той минуты когда жизнь снова вступила въ свои права, когда снова вспомнили о томъ какъ жизнь драгоцѣнна,—только съ этой минуты забилъ потокъ естественныхъ наукъ, симпатичное изученіе всѣхъ организмовъ (1794). Мельчайшія и наиболѣе пренебрегаемыя животныя, тѣ, которыхъ король Бюфонъ съ высоты своей не могъ видѣть, получили теперь значеніе. Населеніе пропастей, презираемая демократія существъ еще колеблющихся на границѣ трехъ царствъ, имѣла свой 89 годъ. Онъ принесъ свой титулъ, скромный, но трогательный, свое право на интересъ: *жизнь*!

Когда Ламаркъ создалъ, роздалъ двѣнадцать кафедръ своихъ Жофруа, Жюссьё, раздѣлилъ природу, то ему сказали: «Вы забыли сами себя. Что же вы оставили себѣ?» —Я? Міръ безъ имени».—Обширная область, неизвѣстная, темная, которая есть начало всего. Этотъ мощный революціонеръ завладѣлъ ею, онъ былъ законодателемъ населявшихъ ее существъ, далъ имъ имена, классифицировалъ ихъ, отвелъ имъ мѣста ихъ въ вселенной. Онъ создалъ для нихъ крипты музея, основаніе почти подземное, гдѣ эта первая ступень животной жизни несетъ на себѣ великій храмъ ея. Оттуда поднимается жизнь, организуясь и совершенствуясь, но вѣчно родственная этимъ первичнымъ жизнямъ.

Родство міра, единство существованій—вотъ новый догматъ. Но для того чтобы почувствовать это, необходимы двѣ вещи—прогрессивное умиленіе вѣка, сердце котораго наконецъ тронула природа, — и затѣмъ чрезвычайная простота, изумительное отреченіе отъ гордости, которая была причиной

того, что безъ затрудненія приняли за родичей мельчайшихъ животныхъ.

Геніи того времени всѣ были просты, скажемъ это мимоходомъ. Добантонъ и Ламаркъ въ продолженіе болѣе тридцати лѣтъ уничтожались передъ Бюффономъ. У Лагранжа, какъ ни высоко онъ стоялъ, былъ культъ Лавуазье. Гайю былъ добрякомъ, какъ Жофруа, Анперъ, и всѣ крайне тупы въ дѣлахъ житейскихъ. Жофруа былъ ребенкомъ, простякомъ, святымъ. Огромная и несоразмѣрная голова его, которая казалось свидѣтельствовала объ остановкѣ развитія, осталась дѣтской до глубокой старости. Онъ былъ сыномъ и внукомъ тѣхъ знаменитыхъ аптекарей, изъ которыхъ одинъ, въ тезисѣ о происхожденіи вывелъ «отъ червяка къ человѣку» родство міра. Великій пророческій взглядъ, который, казалось, перешелъ въ кровь внука его.

Когда я увидѣлъ Жофруа, я былъ ослѣпленъ. На добродушномъ и нѣсколько прозаическомъ лицѣ его сіяли прекрасные глаза, полные милаго чистосердечія. То было улыбающееся выраженіе ребенка, который носилъ въ себѣ чудесное умилительное видѣніе. Великое движеніе природы, метаморфозы ея, союзы и сродство ея, словомъ самъ Богъ виднѣлся въ глазахъ его вмѣстѣ съ сердцемъ женщины, матери кормилицы, чтобы любить, наблюдать, ростить и малѣйшихъ существъ. Любовь вселенская была пророческимъ видѣніемъ его. Онъ въ ней нашелъ дары наиболѣе противоположные пылкой натурѣ своей—тонкость, терпѣніе. Глазъ проницателенъ, когда любятъ. Онъ первый и лучше нежели кто либо изъ смертныхъ увидѣлъ въ каждой организаніи точку, на которой кончаются всѣ видимые контрасты, гдѣ зарождаются сходства, гдѣ совершается объединеніе одного сходства съ другимъ. Итакъ всѣ, разсмотрѣнные вблизи, оказываются братьями. Надо

проститься съ гордостью. Мельчайшія животныя родичи или предки человѣка.

То, чего человѣческая республика искала въ переворотѣ, въ мукахъ рожденія, чего не достигала и что снова пыталась осуществить, идеалъ свой, преслѣдуемую цѣль свою—*братство*, есть простая основа природы. Это прекрасная материнская тайна ея. Великая и новая вѣра. Привѣтъ тебѣ, братство всѣхъ существъ!

II.

Франція выступаетъ за границу. Величіе и добродѣтель армій. Великодушіе Гоша.

Мы очертили потрясающій контрастъ этотъ: никогда еще не было столько развалинъ и никогда еще столько жизни Взрывъ неслыханной силы дѣятельности, творчества. Франція въ печали, въ затрудненіяхъ внезапной перемѣны менѣе сознавала сама свою силу, нежели Европа. Но Европа видѣла ее очень хорошо, смотрѣла на нее въ страхѣ. «Положеніе, хотя и трудное, сложное, тѣмъ не менѣе удивительно», говорить Камбонъ и Линде, (у меня передъ глазами записки Линде). Франція movit lacertos, показала мощную руку для труда и борьбы.

Термидоръ не только не остановилъ арміи наши, но онѣ перешли черезъ всѣ границы. Молодые и мужественные представители народа шли во главѣ возрожденной арміи Рейна и Мозеля. Въ то время какъ Клеберъ бралъ Мастрихтъ, дверь Голандіи, Моро (Moreaux, а не *Moreau*), Марсо, Дезэ захватили Тревъ и вскорѣ Кобленцъ, одну изъ самыхъ богатыхъ мѣстностей въ мірѣ, и Франція возсѣла на Рейнѣ. На югѣ

пройденные Пиринеи, Фонтарабія, Сенъ-Себастьенъ открываютъ полуостровъ. Союзъ Испаніи, завоеваніе Голландіи соединятъ флоты и моряковъ обѣихъ державъ къ молодому флоту Франціи, вызванному къ жизни 93 годомъ. Побѣдительница повсюду Франція могла быть милосердной. Она протянула руку Вандеѣ. Она послала къ ней великодушнаго Гоша, человѣчнаго, честнаго, который самъ вынесъ преслѣдованіе и только что вышелъ изъ тюремъ террора.

Человѣкъ этотъ въ двадцать пять лѣтъ побѣдившій на Рейнѣ, такъ быстро повысившійся въ полководцы, въ которомъ офицеры его Дезе, Шампіонне, Лефевръ, Ней видѣли ясно геній Франціи, звѣзду побѣдъ, изумилъ западъ Франціи страннымъ неслыханнымъ великодушіемъ. Въ этой дикой мѣстности, въ войну пожаровъ, грабежа, убійствъ, онъ принесъ новое вѣяніе—уваженіе къ человѣческой жизни. Первыя слова, которыя онъ сказалъ, проникнутыя великимъ сердцемъ его, были трогательны: «Французы возратитесь на лоно отечества! Не вѣрьте, что хотятъ вашей погибели! Я пришелъ утѣшить васъ... И я тоже былъ насчастливъ...» (сентябрь 94).

Это было такъ непредвидѣнно такъ изумительно, что никто не повѣрилъ бы этому. И когда изъ дѣйствій его увидѣли, что онъ въ самомъ дѣлѣ добръ, человѣколюбивъ, то его сочли слабымъ и легковѣрнымъ. Его поддерживала возвышенная мысль, самая великая, самая разумная мысль того времени, которую онъ выразилъ еще 1 октября 93 г. и которая еще болѣе поражала въ октябрѣ 94 г.:» Непріятель не Вандея, непріятель—не Германія. Отбросить Германію, присоединить Вандею и бросить ее на Англію! Англія вотъ нашъ единственный непріятель!

Проэктъ, который сдѣлался смѣшнымъ въ 1804 г. нисколько не былъ смѣшнымъ въ 94 г. У Англіи не было тогда

тѣхъ громадныхъ укрѣпленій, пояса изъ желѣза и огня, который она изготовила себѣ въ десять лѣтъ. У ней не было Нельсона, ни сильнаго военнаго флота, который она устроила съ такою заботливостью. Ирландія существовала и призывала Францію, которая присоединяла къ своему флоты Испаніи и Голландіи. Изумительное созданіе Жана-Бонъ-Сентъ-Андре, который, преобразовавъ флотъ въ шесть мѣсяцетъ 93 г., вышелъ съ нимъ въ море, выдержалъ съ нимъ трехдневную битву,—ясно говоритъ о томъ, что можно сдѣлать въ странѣ Дюгэ-Труэна. Полная эмиграція нашихъ *бѣлыхъ* офицеровъ открыла поле нашимъ *синимъ* офицерамъ, молодому плебейскому флоту, сыну революціи, который не родился бы безъ нея и сгаралъ желаніемъ прославить ее. Кто можетъ сказать, что сдѣлалъ бы этотъ флотъ, еслибы Бонопартъ не напоялъ его разочарованіемъ, обидами, скажемъ—отчаяніемъ.

Съ рѣдкимъ здравымъ смысломъ Гошъ разсудилъ, что всѣ наши войны, наши побѣды въ Италіи, Германіи не послужатъ ни къ чему, пока не тронутъ очагъ, мастерскую, гдѣ выковывалось оружіе міровой войны. Англія тѣмъ болѣе воинственная и раздраженная, что она не видала войны, Англія обогатившаяся заразъ на всѣ лады (Индія, хлопокъ, паръ), это чудовище богатствъ не могло не находить вѣчно на материкѣ, людей, которыхъ можно было купить, венгерцевъ, русскихъ, и пр. А сколько бы ни билась Франція, она истощала кровь свою,—только въ десять лѣтъ два милліона человѣкъ по офиціальнымъ цифрамъ. Нелѣпый поединокъ, на самомъ дѣлѣ—поединокъ между *реальнымъ человѣкомъ* Франціи *и человѣкомъ желѣза и пара* Англіи, этою силою четырехъ сотъ милліоновъ человѣкъ, которую выковали для Англіи фабрики Уатта и Больтона.'

Французъ, дитя Парижа, Гошъ сказалъ настоящіе слово,

слово этого положенія. Итальянецъ, неистовый поэтъ, безумный романистъ, не смотря на всѣ прекрасные разсчеты его, бросилъ насъ въ случайности этой безконечной войны, въ это долгое приключеніе, которое окончилось только въ Ватерло.

Одно поражаетъ въ эту минуту (отъ сентября до декабря 94 г.)—одиночество Англіи. Какое стараніе, какой пылъ ненависти ни проявляла, соединяя всѣхъ противъ Франціи, коалиція, лицемѣрная и алчная, была сильно раздѣлена. Она болѣе всего хотѣла нагрѣть руки, хватать у врага, у друга, все равно. Украсть крѣпости, провинцію у ребенка, которому покровительствовала,—короля Франціи, вотъ чего ей хотѣлось. Но съ другой стороны большой и лакомый кусокъ Польша сильно соблазнялъ ее. Послѣ сильныхъ ударовъ показавшихъ, что Франція непоколебима, послѣ катастрофы предавшей Польшу 4 октября, коалиція перевела вглядъ на эту легкую добычу. Она готова была вступить въ договоры съ нами. Если Прусія еще нѣсколько стыдилась, то потому только что она боялась, что Германія перекинется къ Австріи. Германія вовсе не желала этого. Она мечтала объ одномъ мирѣ и въ декабрѣ голосовала во Франкфуртѣ миръ. Австрійскій принцъ, Тоскана признала насъ. Испанскіе Бурбоны ласкали насъ, въ надеждѣ такъ нравстенной занять во Франціи мѣсто маленькаго Бурбона сироты. Таже нравственность у австрійца и у пруссака; оба покровителя имперіи въ тайнѣ просили у насъ позволенія обокрасть имперію. Одинъ хотѣлъ Баваріи, другой мелкихъ рейнскихъ государствъ.

Англія такимъ образомъ оставалась одна, совершенно справедливо наказанная за свою своекорыстную мелочную политику. Что сказать о Питтѣ, такъ восхваляемомъ и черезъ мѣру превозносимомъ? Рзгляните на него въ Версалѣ, на

хорошей картинѣ Рейнольдса; онъ рѣзокъ, упрямъ, я съ этимъ согласенъ; но какой онъ мѣщанинъ, какой прозаическій купеческій сынъ! Въ немъ чувствуешь дѣловаго человѣка только ограниченнаго одной неотступной идеей, идеей вышедшей изъ глубины ненависти и злобы, бывшихъ душою обоихъ Питтовъ. Идея эта—надѣть Франціи колодки, цѣпи на ноги и руки. Кале былъ всѣмъ этимъ въ продолженіи двухъ сотъ лѣтъ. А Питтъ хотѣлъ сдѣлать еще два Кале—Тулонъ и Дюнкирхенъ. Онъ стоитъ на этомъ, онъ не видитъ ничего кромѣ этого. И онъ упускаетъ и Тулонъ и Дюнкирхенъ. Онъ упустилъ случай, единственный чудесный—Вандею; онъ ничего не знаетъ, не хочетъ знать... «Прежде всего портъ, крѣпость!» Наконецъ Вандея, въ отчаяніи сама стремится къ нему, хочетъ у Гранвиля броситься въ объятія его. Онъ еще упускаетъ и это. И однако коалиція ускользаетъ отъ него. Пруссія охладѣваетъ, уходитъ, и теперь у Франціи свободна одна рука...

Что же случилось въ 94? Въ одно утро Питтъ со своихъ дюнъ увидѣлъ что то напротивъ, на Антверпенѣ, на Амстердамѣ... Да, это французское знамя... Оно развѣвается надъ голландскими портами, оно развѣвается надъ испанскими портами!.. Отчаяніе...

Въ эти минуты дьяволъ никогда не преминетъ явиться и предложить сдѣлку. Война изъ за угла, въ лѣсахъ, союзъ шуановъ, ночное убійство—это все недостаточныя средства. Но дъяволъ прибавилъ еще мастерское оружіе чтобы зарѣзать Францію—фабрикацію фальшивыхъ бумажекъ.

Внукъ генерала Моро, того, который взялъ Кобленцъ, обязательно сдѣлалъ для меня въ военномъ депо копію съ депешъ, рапортовъ, и пр. нашихъ армій мозельской и рейнской, даже за тѣ темныя поры, когда не было блестящихъ дѣйствій, когда эти бѣдныя арміи, ослабѣвшія и численно

уменьшенныя ради тѣхъ армій, которыя наносили рѣшительные удары, могли только страдать. Я не знаю ничего прекраснѣе этихъ депешъ и рапортовъ. Такіе то умерли отъ холода или голода. И никакого ропота, никакихъ насилій, изумительное уваженіе къ собственности. Разъ какъ то одинъ солдатъ попался въ грабежѣ и былъ разстрѣлянъ. То было великое событіе. Сколько же вѣковъ прошло, великій Боже! Неужели же эти арміи 93 и 94 гг. тѣ же арміи, которыя въ 96 г. подъ начальствомъ Бонапарта такъ жестоко грабили Италію?

Есть великолѣпная черта. Эта голодная армія шла къ Треву, богатому городу, гдѣ ждалъ ее конецъ всѣхъ лишеній. Отъѣвшійся городъ клерикальный двора электората, городъ богатыхъ капитуловъ, монастырей копившихъ богатство, былъ гнѣздомъ главныхъ эмигрантовъ нашихъ. У нихъ была тамъ драгоцѣнная мебель, полные амбары, полные погреба. Я выписываю изъ рапортовъ нашихъ представителей, Гужона, Бурбота. Они полагали, что изъ электората можно было добыть миліардъ! (Рапортъ 9 августа 94 г., 23 термидора). И что же? Повѣрятъ ли? Они остановили армію у воротъ Трева, расположили бивуакомъ за стѣнами на высотахъ. И эти удивительные солдаты нашли такое распоряженіе естественнымъ, остались безропотно у порога земли обѣтованной. Этимъ голодавшимъ бѣднякамъ довѣрили полные магазины, и они не прикоснулись ни къ чему, они думали только о томъ какъ бы вѣрно оберегать добро республики.

Удивительныя арміи! Какая великая нравственная жизнь поддерживала ихъ? Мы это видѣли съ 90 г. Онѣ вышли изъ братскихъ федерацій. Онѣ пришли отъ алтарей, на которыхъ присягали свободѣ міра. Каждая изъ нихъ въ 92 г., набранная въ одной провинціи и не смѣшанная съ жителями дру-

тихъ, сохранила этотъ характеръ первичнаго братства. Каждая была личностью. Суровая армія изъ Самбры и Мёзы такая республиканская и такая покорная закону, сильная и скромная рейнская армія, прославленная своимъ терпѣніемъ, отличались серьезностью сѣвера. Онѣ еще и теперь говорятъ, учатъ насъ самопожертвованію во имя долга.

Если бы всеобщая исторія не поглощала у меня день заднемъ, то я исполнилъ бы прекрасный планъ написать *Золотую легенду*, легенду о святыхъ революціи, о герояхъ войны и герояхъ мира. Я говорю *святые*. Кто же въ исторіи заслужилъ это имя болѣе нежели Дезэ, Туръ д'Овернь, Костюшко?

Одно очень замѣчательно—то, что именно великіе воины кажутся наиболѣ миролюбивыми людьми. Удивительные люди, которыхъ война научила болѣе всего ненавидѣть войну. Когда читаешь трогательныя замѣтки, которыя Клеберъ писалъ по вечерамъ посреди ужасовъ Вандеи, когда читаешь *человѣчныя* глубоко человѣчныя письма, какія писалъ Гошъ, Дезэ и Марсо, то припоминаешь записки Вобана, даже тѣ, которыя писалъ Маркъ Аврелій въ лѣсахъ Панноніи, во время войны съ варварами.

Когда я мечталъ объ этихъ прекрасныхъ легендахъ, вокругъ меня были трогательные образы, въ особенности образы законныхъ сыновъ республики, великихъ защитниковъ ея, которые, родившись отъ нея, умерли съ нею: Гошъ, Марсо, Клеберъ и Дезе. Портреты ихъ—посредственныя но похожія, наивныя и несовершенныя изображенія, набросанныя наскоро горячо любящими друзьями, которые дрожали отъ мысли потерять ихъ и заранѣе похищали у смерти тѣнь обожаемыхъ друзей.

Вечеромъ, когда уже темнѣло, но свѣтъ еще не совсѣмъ исчезъ, я клалъ перо и ходилъ между ними. Поблѣднѣвшіе

образы ихъ говорили мнѣ такъ много. черты ихъ менѣе выдѣлялись, но тѣмъ болѣе въ нихъ, въ этихъ величественныхъ тѣняхъ, я чувствовалъ истинную основу, общую душу массъ, которыя они представляли. Они не были только людьми, они были цѣлыли арміями.

Они имѣли великую душу массъ. Они были вмѣстѣ и сынами и отцами ихъ. Они не только водили ихъ на битвы, но дѣлали еще болѣе трудное,—они учили ихъ съ твердою и терпѣливою кротостію. Въ этомъ добрый бретонецъ Туръ д'Овернь превосходилъ всѣхъ другихъ святыхъ. Для того чтобы быть учителемъ болѣе полезнымъ и дѣйствительнымъ, онъ въ пятьдесять лѣтъ оставался капитаномъ. У него было удивительное, истинно отеческое средство пріучать молодыхъ солдатъ къ войнѣ. Видя, что они колеблятся, онъ шелъ впереди нихъ съ обнаженной головой, съ плащемъ на рукѣ, и говорилъ: «Дойдемъ до этого дерева. Если они сильнѣе насъ, мы вернемся» Онъ, спокойный, встрѣчалъ градъ пуль, не бывалъ никогда раненъ и возращался, улыбаясь... Но всѣ уже ринулись и бѣжали, каждый старался наперерывъ догнать его.

Добрѣйшій Овернецъ, Дезэ, стоилъ Бретона; какая честная, скромная, совершенная натура. Двухъ словъ достаточно, чтобы описать ее. Генералъ его Клеберъ, укрѣпляя лагерь, не обращалъ вниманіе на одну сторону и говорилъ: «Это сторона Дезэ.» Бѣдные крестьяне, бѣжавшіе отъ арміи, говорили: «Сегодня намъ нечего бояться. Это отрядъ г. Дезэ.» Нуженъ былъ человѣкъ стоившій четверыхъ, чтобы идти на смерть. Выбрали Дезэ. Нетолько онъ былъ назначенъ на передній пунктъ, но по два раза у крѣпостей Мангейма и Келя получалъ приказаніе дать раздавить себя и остановить Германію. Смерть пощадила его, она *ждала Маренго.*

«Какъ горька смерть!» говорили мнѣ старики. Кто утѣ-

шитъ насъ въ смерти генерала Гоша? Она казалась намъ смертью самой республики. Онъ одинъ внушалъ довѣріе. Онъ сказалъ это слово: «Я одолѣю контръ-революцію и тогда сломаю свой мечъ.» Онъ писалъ генералу дѣлавшему непріятности гражданскимъ властямъ: «Старшій сынъ революціи, мы сами ненавидимъ военное правительство.»

Онъ смѣнилъ генерала. Въ обширныхъ странахъ Рейна и Мозеля онъ самъ установилъ гражданскую власть несмѣняемую имъ и независимую отъ него.

Ни одинъ человѣкъ не былъ болѣе любимъ и ни одинъ не имѣлъ болѣе враговъ. Врагами его были прежде всего роялисты, которые видѣли въ немъ мечъ республики, затѣмъ подрядчики, ажіотеры, воры, вороны слѣдовавшіе за арміею. Надо ли сказать, наконецъ еще кто? Военные, новый классъ военныхъ корыстолюбивыхъ, которымъ нуженъ былъ другой человѣкъ, *добрый господинъ* позволявшій грабить.

Не долго живутъ съ такимъ числомъ враговъ. Онъ умеръ двадцати девяти лѣтъ и ни кто не зналъ отъ чего. Что бы сдѣлалъ онъ позже? Не былъ ли онъ честолюбивъ? Да конечно, высокимъ честолюбіемъ, честолюбіемъ выше престола и выше побѣдъ самихъ. Величіе его проявлялось во всемъ. Онъ защищалъ своего соперника Бонапарте.

Я разсказалъ въ другомъ мѣстѣ о рожденіи его въ Версали и воспитаніи, которое онъ далъ самъ себѣ. Сирота, которому помогала тетка, торговка фруктами, онъ рано поступилъ въ французскую гвардію, и Парижъ, великій Парижъ былъ настоящимъ воспитателемъ его. Его изумительное пониманіе военнаго дѣла обнаружилось для Карно въ запискѣ посланной въ Дюнкирхенъ.

Робеспьеръ сказалъ: «Опасный молодой человѣкъ». Карно покровительствовалъ ему и очень скоро повысилъ его. Но

комитетъ всегда оказывалъ высокое предподчтеніе двумъ посредственностямъ—Журдану и раболѣпному, холодному, опасному Пишегрю.

Нельзя оспаривать доброе и горячее сердце Карно, равно какъ и громадное дѣло его, какъ и возвышенный порывъ его его при Ватиньи, гдѣ онъ такъ высоко поднялся надъ самимъ собою. Но Карно былъ несравненно менѣе свободенъ, даже въ спеціальности своей, нежели то могутъ подумать. Онъ былъ, какъ извѣстно, инженернымъ офицеромъ, но только простымъ капитаномъ и подчиненными его были прежніе начальники и учителя его: Монталамберы, д'Арсоны, прославившіеся въ Европѣ, и многіе значительные люди этого гордаго корпуса, *) Мареско и другіе. Эти люди вычисленій, съ ихъ искуствомъ фортификацій, осадъ и недвижимой войны

---

*) Въ ужасной неурядицѣ, въ какой Карно нашолъ войну и министерство Бушота въ августѣ 93 г., изумительно видѣть какъ быстро этотъ ревностный работникъ, этотъ организматоръ создалъ въ мѣсяцъ-другой центръ дѣйствія, бюро и пр. Онъ бралъ способныхъ людей отовсюду, гдѣ могъ, въ особенности въ своемъ корпусѣ инженеровъ, корпусѣ ученомъ, сильно аристократическомъ, который глубоко презиралъ всѣ другіе, даже самую артиллерію. Корпусъ инженеровъ имѣлъ свои тайны, такъ что онъ въ Мезьерѣ запрещалъ Монжу учить его изобрѣтеніямъ. Въ немъ было нѣсколько патріотовъ. Карно, Пріёръ, Летурнёръ, много колеблющихся людей, а нѣкоторые были и подозрительны, какъ Обенгеймъ. Вообще военные кабинета: Кларне, Дюпонъ, Балленъ и пр. были людьми сомнительнаго характера. Чиновники, агенты: Фэнъ, Ренгартъ, Петіо и пр., люди гибкіе и тонкіе, всѣ были людьми власти. Это было чѣмъ то въ родѣ гнѣзда монархическаго, роялистскаго, имперіалистскаго при самомъ комитетѣ общественаго спасенія, въ нижнемъ этажѣ и въ антресоляхъ Тюльери. Крысы эти работали тамъ во тьмѣ. Тамъ былъ великій современный тиранъ—Бюрократія. Пламенное сердце Карно, страшная подозрительность Робеспьера и Сенъ-Жюста не могли тутъ ничего сдѣлать. У нихъ подъ ногами въ толщѣ стѣнъ находился неизмѣнный Лувуа, который снова разцвѣлъ при Имперіи. Какъ Людовикъ XIV повиновался чиновникамъ Версаля, такъ и тріумвиры террора повиновались, сами того не зная, этому духу канцелярій и съ ними за одно предпочитали посредственность—Журдана и раболѣпство—Пишегрю.

сильно давятъ и стѣсняютъ людей движенія. Медленность, бездѣятельность Пишегрю казалась имъ мудростью. Прибавьте, что Пишегрю имѣлъ въ кабинетѣ Карно соотечественника изъ Франшъ Конте, д'Арсона бывшаго въ то время высокимъ авторитетомъ.

Обладалъ ли этимъ кабинетъ инженеровъ сознаніемъ живыхъ силъ и умѣньемъ цѣнить людей? Онъ говорилъ, какъ и всѣ говорили послѣ Фридриха I: «нужно дѣйствовать массами.» Но слѣдовали ли всегда этому принципу на практикѣ, когда постоянно говорили въ военныхъ и инструкціяхъ о томъ, чтобы «окружить непріятеля и напасть со всѣхъ сторонъ.» Для этого нужно было создать большіе отдѣльные корпуса арміи. Наши молодые и неопытные солдаты были неспособны исполнить такіе маневры противъ старыхъ закаленныхъ солдатъ Австріи. Они могли въ сплоченной массѣ порывомъ нанести сильный ударъ. Это понялъ Гошъ и это удалось.

Карно, такъ преданный революціи, хотѣлъ самъ отправиться на Рейнъ. Но Робеспьеръ заставилъ послать Сенъ-Жюста, совершенно незнакомаго съ войной. Карно не смѣлъ даже дать инструкцій. Онъ приказалъ написать Гошу и Пишегрю, чтобы они *обсудили вмѣстѣ*, и что имъ предоставляютъ *выборъ средствъ* *).

---

*) Карно сынъ и Луи Бланъ, по различнымъ причинамъ, упорно хотятъ доказать: 1) что Гошъ ослушался плана комитета; 2) что онъ не хотѣлъ сноситься съ Пишегрю и Сенъ-Жюстомъ, и пр. Оригинальные документы, которые у меня подъ глазами, доказываютъ совершенно противное. 1) Не было никакого опредѣленнаго плана, но только инструкціи очень общія. Карно довѣрялъ Гошу и писалъ ему черезъ военнаго министра: «Вамъ предоставляютъ выборъ средствъ. Ты долженъ сговориться съ Пишегрю. (20 брюм., 10 нояб. 93 г.). Сенъ-Жюстъ и Пишегрю не хотѣли никакимъ образомъ совѣтоваться съ Гошемъ. Въ такихъ крайнихъ обстоятельствахъ Сенъ-Жюстъ хранилъ величественное молчаніе. На это 20 фримера жалуются представители Субрани и Ришаръ, потомъ

Пишегрю не двинулся съ мѣста. Сенъ-Жюстъ не только не призвалъ на совѣтъ Гоша и Субрани, представителя Мозеля, но по королевски посѣтилъ армію ихъ, не переговоривъ съ ними и дажо не видѣвъ ихъ (20 фримера, 10 дек. 93 г.). Преемники Субрани, Бодо, Лакостъ—молодые герои, не получая извѣстій ни отъ Карно, ни отъ Сенъ-Жюста и Пишегрю, ни отъ рейнской арміи, пошли на проломъ, двинулись впередъ, взяли съ Гошемъ, Дезэ, Шампіонне, Лефевромъ, Сенъ-Сиромъ, Молиторомъ, Винсентомъ, Неемъ тройныя батареи большаго прохода Верта. На полѣ сраженія они провозгласили Гоша начальникомъ рейнской арміи и подчинили ему Пишегрю.

Это дало возможность Гошу нанести рѣшительный ударъ, который повелъ къ снятію блокады Ландау, навелъ страхъ на непріятеля и заставилъ его поспѣшно бѣжать за Рейнъ. Гошъ самъ перешелъ черезъ Рейнъ (25 дек. 93 г. 4 нивоза. Депеши военнаго депо). Ударъ былъ великолѣпный, но онъ погубилъ Гоша. Гошъ не ослушался, потому что у него не было никакихъ приказаній. Все равно, Сенъ-Жюстъ посадилъ его подъ арестъ въ Кармъ *) по приказанію подписанному цѣлымъ комитетомъ.

Заключенный въ продолженіи четырехъ мѣсяцевъ въ тѣсную тюрьму, Гошъ навсегда оставилъ тамъ свое здоровье.

Бодо и Лакостъ во всѣхъ депешахъ своихъ, въ особенности въ депешахъ 6 нивоза, 26 декабря, гдѣ они говорятъ: «Сенъ-Жюстъ и Леба хранятъ глубокое молчаніе *по примѣру комитета* и потому мы дѣйствовали.» Конечно это оправдываетъ Гоша въ томъ, что онъ побѣдилъ безъ нихъ и опровергаетъ вымышленное ослушаніе его, о которомъ говорятъ Карно и Луи-Бланъ. Гошъ объявилъ, что не хочетъ болѣе рисковать арміей, дѣйствуя вмѣстѣ съ человѣкомъ такъ *изворотливымъ* какъ Пишегрю. Нѣтъ доказательствъ всего этого, болѣе ясныхъ нежели депеши Мозельской арміи, которыя у меня передъ глазами.

*) Тюрьма получившая названіе отъ монастыря кармелитовъ.

Термидоръ, смерть Сенъ-Жюста не возвратили ему милость канцелярій. Пишегрю дали большую армію и блестящій походъ въ Голландію, Гоша обрекли на бездѣятельность печальной Вандеи—невозможной войны, гдѣ онъ истратитъ себя, и гдѣ самая побѣда была бѣдствіемъ. Вандея умирала, Бретань зажигалась и съ нею война убійствъ изъ за угла. Въ Реннѣ, куда Гошъ прежде всего явился, онъ нашелъ контръ-революцію еще трепещущую, но уже дерзкую. Кто бы повѣрилъ этому? Никто ни за какую цѣну не хотѣлъ дать ему квартиру.

Города много терпѣли отъ солдатъ, которые развращались тамъ и отвыкали отъ дисциплины. Гошъ принялъ мѣру полезную, но строгую: онъ при началѣ зимы вывелъ солдатъ изъ городовъ и деревень и поставилъ ихъ небольшими лагерями, которые наблюдали за цѣлой страной и опутывали ее сѣтью. Законъ давалъ арміи право собирать натурой пятую долю жатвы. Крестьянъ былъ очень изумленъ увидѣвъ, что генералъ давалъ нуждающимся семена для посѣва, съѣстные припасы, былъ отцомъ народа и солдата. Деревня получила отъ него неожиданное и великое благо для крестьянина. Въ Вандеѣ крестьянина принуждали срубать, уничтожать живыя изгороди, которыя необходимы ему для загона скота, собиранія листвы и множества употребленій, какія дѣлаютъ изъ мелкаго дерева. Гошъ съ великодушнымъ довѣріемъ позволилъ сохранить эти изгороди, показавъ тѣмъ, что онъ не опасается убійства изъ за угла. Его покушались зарѣзать четыре раза. Послѣ перваго покушенія онъ послалъ двадцать пять луидоровъ вдовѣ убійцы; въ другой разъ онъ обязался кормить дѣтей убійцы своего.

III.

Слѣпая реакція. Шуаны ободряются. Убійства и фальшивыя ассигнаціи.

Ноябрь—Декабрь 94.

23 Ноября конвентъ единодушно голосовалъ процессъ. Карье. Онъ думалъ этою мѣрою искупленія привлечь къ себѣ западъ Франціи и усмирить Вандею. Карье погибъ 15 декабря, и въ томъ же день шуаны нахально появились въ нантскомъ театрѣ.

8 Декабря конвентъ, актомъ тяжелымъ для него, но высоко справедливымъ, призвалъ вновь, принялъ въ среду свою 73 членовъ, которые протестовали противъ изгнанія Жиронды и за неприкосновенность національныхъ представителей. Мѣра эта, обязательная, честная, тѣмъ не менѣе имѣла послѣдствіемъ своимъ—придать роковую силу ѣдкой закваскѣ раздоровъ, которая бродила въ собраніи, вновь привести туда призраки мести (какъ трагическаго Иснара) многихъ людей деморализованныхъ тюрьмою и очень опасныхъ. Былъ ли этотъ актъ дѣломъ слабости? Конвентъ побѣдилъ со всѣхъ сторонъ, поставилъ знамя Франціи надъ Кобленцемъ и Астердамомъ, Короли шли къ нему и просили мирныхъ договоровъ. Но самое величіе это было побужденіемъ къ милосердію. Успокоенная Франція хотѣла соединить дѣтей своихъ. Отсюда тѣ шаги чрезвычайные, безразсудные, но несомнѣнно великодушные, которые Собраніе и Гошъ дѣлали для умиротворенія нашихъ враговъ.

Слѣдовавшія одно за другимъ обнародыванія рукописей несчастнаго Фелиппо, книги Лекиніо и пр., разсказы, какіе ходили о варварствахъ Тюрро, продолжавшихся еще, когда

опасность уже прошла и даже до термидора, наполнили скорбью всѣ сердца и жалостью, обезоружили ихъ, лишили осторожности, размягчили, какъ бы разслабили. То было состояніе патологическое равно какъ и нравственное, которое не было никогда описано. Это собраніе послѣ такихъ порывовъ ярости и скорби, сломленное — и сломленное вновь, прошедшее не разъ черезъ смерть, вынесло изо всего страшное нервное потрясеніе. Сколько тѣней, сколько призраковъ мертвецовъ? То были не только такой то человѣкъ, такія то личности, то были цѣлые города, цѣлыя населенія, массы истинныхъ республиканцевъ, которые возвращались цѣлымъ строемъ. Скажемъ—то было громадное большинство страны. Въ декабрѣ 94 г., когда эмигрантъ еще не возвратился, когда роялизмъ еще скрывался, всѣ казались жирондистами.

Какимъ же страннымъ дѣломъ было держать заключенными семьдесятъ трехъ депутатовъ, которые въ дѣйствительности представляли это громадное большинство? Какъ могло собраніе держать арестантами тѣхъ, которые одни 31 мая протестовали за него и за свободу? Если число составляетъ право, то право конечно было на ихъ сторонѣ. Вотъ что начиналъ говорить себѣ конвентъ. Онъ возставалъ противъ самого себя. Право его казалось ему сомнительнымъ. Отъ кого получилъ онъ его? *Отъ народа.* Во имя одного народа конвентъ получилъ такую чудовищную власть. Но какъ? *Побѣдивъ народъ.* Небольшое меньшинство—онъ спасъ народъ противъ воли народа.

Одна фикція создала 31 мая—предполагаемое преступленіе жиронды, приписанный ей планъ раздробить Францію. Чудовищная клевета. Въ неизданныхъ замѣткахъ Линде, которыя у меня передъ глазами, я читаю, что послѣ термидора, въ сентябрѣ 94 г., онъ сдѣлалъ въ тайнѣ комитетамъ

это плачевное признаніе: «*Жирондисты не думали никогда раздробить Францію.*» Комитеты ужаснулись и просили его молчать. Всѣ сердца были потрясены. Каждый сказалъ: «Я солгалъ. Я пролилъ невинную кровь.» Какой ударъ въ особенности для тѣхъ, которые какъ Лежандръ, человѣчные въ душѣ, прикрывались отъ страха кровожадною яростью, декламаціями убійствъ.

Однако если такъ многіе, не знавшіе страха и честные люди приняли эту ложь то потому что жиронда, невичная въ этомъ отношеніи имѣла за собой другую вину, дѣйствительную—мѣшать всему. Неумолимая оппозиція ея наиболѣе серьезнымъ монтаньярамъ: Дантону, Камбону, Линде дѣлала все невозможнымъ, парализировала Францію. Жиронда потеряла три мѣсяца въ препирательствахъ. Администраціи департаментовъ очень подозрительныя, пользовались этими спорами, чтобы уклоняться отъ продажи національныхъ имуществъ, чтобы не организовать послѣднее средство помощи, которое Камбонъ заставилъ постановить—реквизицію.

Линде замолчалъ, но само положеніе дѣлъ говорило. Оно говорило двѣ вещи: 1) что нельзя держать членовъ собранія въ тюрьмѣ: 2) что въ тотъ день, когда ихъ выпустятъ, выпустятъ также всѣхъ фурій раздора, голоса вѣчной бури. Принявъ ихъ, собраніе сознается въ рабствѣ своемъ въ роковой день 31 мая и тѣмъ самымъ уничтожитъ свои акты, столько великихъ полезныхъ дѣлъ, столько мѣръ плодотворныхъ для будущаго. Оно приметъ въ среду свою людей озлобленныхъ, потерявшихъ путеводную нить, чуждыхъ и враждебныхъ всему, Другіе, и это лучшіе—Лувэ, Мерсіе и пр., благородные умы, человѣчныя сердца, вступая вновь въ собраніе не могли не увлечь его по наклонности и безъ того слиш-

комъ крутой—чрезмѣрной снисходительности, даже пристрастію, довѣрію къ врагамъ.

Изъ 500 членовъ, присутствовавшихъ въ конвентѣ, 498 подали голоса за судъ надъ Карье. И такъ гора цѣликомъ, такъ же какъ правая и центръ, высказалась противъ него, 23 ноября 3 фримера. 21 членъ назначенные для слѣдствія единодушно высказались за обвиненіе, хотя Ромъ, председатель ихъ, который требовалъ обвиненія отъ имени ихъ, замѣтилъ, что не было никакихъ письменныхъ доказательствъ и что очень прискорбно снова вступать на гибельный путь прошедшаго — судить представителя націи. Антонель старшина жюри 93 г., непреклонный патріотъ, противникъ Робеспьера, противникъ Бонапарте, отказался говорить за человѣка, безумная ярость котораго повредила республикѣ и не принялъ на себя защиту Карье.

Обвиненный, даже прежде еще нежели онъ могъ сказать слово, былъ судимъ, убитъ и осужденъ заранѣе, голосами 200 человѣкъ свидѣтелей, уже выслушанныхъ по дѣлу Нантскаго комитета, убитъ этимъ комитетомъ и ловкимъ, краснорѣчивымъ Гуленомъ, который сваливалъ все на него. Карье возбуждалъ ужасъ. Но почему же не Фуше столько же запачканный, болѣе лицемѣрный, и навѣрно болѣе развращенный? Противъ Карье говорила прежде всего наружность его. То былъ овернецъ страннаго шутовскаго, фантастическаго, невѣроятнаго вида. Онъ былъ длиненъ и, казалось, составленъ только изъ рукъ и ногъ, въ видѣ бѣшено махающаго телеграфа. Его подергивали странныя судороги, вѣроятно признаки эпилепсіи. Въ шестьдесять дней, проведенныхъ имъ въ Нантѣ, онъ сначала высказалъ много дѣятельности, которая сильно способствовала побѣдѣ. Потомъ больной, часто лежавшій въ постелѣ, растерянный, внѣ себя, отдавая все въ руки наи-

болѣе кровожадныхъ, онъ разражался ужасающими словами. Шаретъ былъ у стѣнъ города, въ городѣ тифъ, паника, общее безуміе. Въ Нантѣ были безчеловѣчные люди, патріоты изъ окрестностей, которые все погубили. «Если бы я требовалъ милосердія, они гильотинировали бы меня, какъ Робеспьера,» говорилъ Карье. Къ тому же террористическіе декреты конвента уполномочивали и совершенно прикрывали его.

Чтобы понять ихъ, нужно припомнить кризисъ сентября и октября 93 г., когда Франція увидѣла себя сжатой, охваченной съ трехъ сторонъ врагами, увидѣла у горла своего мечь Европы, въ чреслахъ кинжалъ Вандеи. Тогда не одни только яростные республиканцы, но и *милосердные*, какъ Мерлинъ, какъ Геро потребовали голосовать, *чтобы все обратить въ пустыню*, гдѣ бы не осталось ни человѣка не животнаго. Обвиняли Карье, но послѣ него Тюрро точно такъ же уничтожалъ все. Ничто не могло такъ раздражить противъ Карье, какъ безумная защита якобинцевъ, которые, не довольствуясь тѣмъ что оправдывали его, еще возвеличивали и прославляли его, дѣлали изъ него героя. Они погубили его и погубили сами себя.

Приговоръ 15 декабря (26 фримера) былъ очень страненъ. Карье былъ присужденъ къ смерти и съ нимъ вмѣстѣ только двое изъ людей служившихъ ему орудіемъ. Гуленъ, комитетъ, другіе, равно виновные, уцѣлѣли, къ величайшему удивленію всѣхъ. Собраніе пришло въ негодованіе и кассировало судъ.

Результатъ былъ важенъ. Онъ подтвердилъ сказку распространенную на западѣ Франціи, что республика побѣжденная повсюду приносила повинную въ лицѣ Карье, что испанскій Бурбонъ вступилъ въ Парижъ. Въ декабрѣ Марсель началъ сноситься съ Бретанью. Шуаны смѣло показались въ Нантѣ въ театрѣ, въ своихъ одеждахъ. Офицеръ былъ въ зеленомъ

мундирѣ. У всѣхъ были зеленые съ чернымъ воротники, красивые бѣлые шарфы, а за ними блестящіе пистолеты.

Навѣрно эти бѣдные лапотники разбогатѣли. Совершилось чудо. Но какое? Думали, что эти добрые люди были благочестивыми дураками, которые шли на смерть ради вѣры. Однако обманы священниковъ не успѣли еще много дѣйствовать въ 94 г. Въ Бретани одно письмо Іисуса упало съ неба. На Ронѣ появилась св. Дѣва. Но этого еще недостаточно. Нужно совершенно другое чудо, чудо дъявола, то, о которомъ будетъ разсказано ниже.

Дъяволъ дѣйствовалъ во образѣ шуана, нѣкоего г. Пюизей,—личности двусмысленной, очень темной, который прибылъ въ Бретань изъ Лондона съ сомнительными полномочіями къ нѣкоторымъ начальникамъ шуанскихъ отрядовъ. Онъ избѣгалъ свиданій съ эмигрантами—агентами принцевъ Они надоѣли Питту, онъ даже не хотѣлъ слышать о нихъ. Но удивительное дѣло,чуть только онъ увидѣлъ Пюизея (2 октября), то вдругъ онъ, такой разборчивый и раздражительный человѣкъ, смягчился, принялъ его такъ любезно, что даже нашелъ ему квартиру какъ можно поближе къ себѣ; болѣе—отмѣтилъ его, изолировалъ его, охранялъ его для себя. Этотъ человѣкъ навѣрно былъ сокровищемъ.

Тѣ, которые знаютъ демонологію, знаютъ и то, что дъявольскій договоръ заключается только людьми отчаявшимися, продающими, бросающими свою душу. Питтъ низко падалъ. Пруссія, Германія ускользали отъ него, и ему нечѣмъ было взяться за Францію. Вандея умирала. Онъ не зналъ ничего болѣе о ней. Единственный агентъ его, который разъѣзжалъ туда и обратно, давалъ невѣрныя свѣдѣнія; то былъ нѣкто Прижанъ, фруктовый торговецъ изъ Сенъ-Мало. Пюизей тоже дошелъ до той точки, на которой дѣлаютъ все, даже пре-

ступленія. Всѣ вожди вандейцевъ и бретонцевъ были in extremis, видѣли вымираніе фанатизма и удерживали солдатъ своихъ только большимъ жалованьемъ, которое уплачивали фальшивыми ассигнаціями своей фабрикаціи. Грязная конкуренція. Пюизей, у котораго не было ни гроша, предложилъ своимъ наемникамъ огромныя выгоды. Стифле давалъ десять су въ день. Пюизей обѣщалъ пятьдесять. Но какъ выплатить ихъ? Въ этомъ былъ весь вопросъ.

Пюизей нашелъ прямой путь къ сердцу Питта однимъ,— тѣмъ, что министръ никогда еще не видѣлъ такого дурного француза, такъ пригоднаго на то, чтобы продать Францію. Наши эмигранты, нелѣпые, непослѣдовательные дѣлали оговорки, иногда вспоминали объ отечествѣ. Пюизей съ перваго раза сказалъ «*что онъ англичанинъ*»; у него дѣйствительно были какіе то родственники англичане. Онъ удивилъ Питта, сказавъ ему что Бретань не хочетъ болѣе эмигрантовъ, легкомысленныхъ и вносящихъ безурядицу, *что она хочетъ Англичанъ.*—Англичанъ переряженныхъ?—Нѣтъ, англичанъ признанныхъ, въ мундирахъ, *въ красныхъ мундирахъ*,—чтобы во всякой завоеванной мѣстности рядомъ съ бѣлымъ флагомъ поднимали англійскій. — На срокъ? Нѣтъ навсегда. Хотятъ, чтобы *англичане остались* и не уходили.

Нѣтъ такой свирѣпой собаки, которую нельзя бы было усмирить, привести въ одурѣлое состояніе извѣстнымъ снадобьемъ, какимъ нибудь магнетизмомъ. Когда Пюизей такимъ образомъ намагнетизировалъ своего Питта, онъ сказалъ въ чемъ заключалось дѣло. Питтъ думалъ, какъ и конвентъ, что населеніе запада состояло изъ фанатиковъ. Пюизей сообщилъ ему тайну новыхъ даровъ, дъявола, фальшивой ассигнаціи. Эти несчастные, каждый со своею шайкою жили ими, или черезъ нихъ умирали. Грубоподдѣланныя ассигнаціи ихъ вели прямо

на гильотину. Но если повести это дѣло хорошо и на широкую ногу, то оно могло бы быть страшнымъ оружіемъ, повсюду проникающимъ, невидимымъ кинжаломъ въ сердцѣ республики. Превосходные граверы Голландіи сдѣлаютъ чудо искуства, ассигнаціи, которыя не отличишь отъ настоящихъ и которыя принялъ бы самъ Камбонъ. Сначала ихъ фабриковали разомъ на три мильярда. Есть на что купить Бретань. (Кто знаетъ? И самихъ республиканцевъ?) Средство это было вѣрнымъ. Франція погибла.

Питтъ родился честнымъ человѣкомъ; онъ былъ сыномъ того бѣшеннаго Питта, лорда Чатама—воплощенной гордости; внукомъ того, который сдѣлалъ ихъ скромный родъ извѣстнымъ продажей, и слишкомъ дорогой, знаменитаго брильянта. Внукъ былъ идеаломъ порядочного человѣка: упорный, трудолюбивый, правильной жизни, безъ пороковъ, за исключеніемъ одного—*ненависти*. Онъ былъ поглощенъ ненавистью, онъ ушелъ въ нее весь тѣломъ и душой. Выразимъ жизнь его одимъ словомъ: *онъ ненавидѣлъ*.

Для этихъ дѣловыхъ людей честность—понятіе относительное. Онъ разсуждалъ такъ: Франція есть *зло*, зло идеальное, абсолютное; то что уничтожаетъ *зло*, есть *добро*, Англійскіе юрисконсульты въ процессахъ возникшихъ позже по этому предмету нашли очень хорошій текстъ въ Вольфѣ: «Что война все дозволяетъ, даже отравленныя стрѣлы». Питтъ, какъ человѣкъ литературно образованный, долженъ былъ знать текстъ Вольфа. Онъ заперъ Пюизея и берегъ его для себя, изолируя его отъ эмиграціи, насколько могъ. И дѣйствительно, проэктъ Пюизея имѣлъ подкладку, которая была бы ей ненавистна; то, что всѣ эти мильярды ассигнацій, которыя фабриковались, должны были въ концѣ концовъ быть оплачиваемыми національными и церковными имуществами и иму-

ществомъ эмигрантовъ. Вещь пикантная—проэктъ, который долженъ былъ обогатить шуановъ, имѣлъ основаніемъ своимъ и гарантіей своей раззореніе эмиграціи. Когда дошли бы до этого, то какое открылось бы богатое поле споровъ, сколько тяжбъ, сколько борьбы между самими роялистами, какая великолѣпная надежда на вѣчную гражданскую войну! Питтъ возблагодарилъ Бога и, такъ какъ при каждомъ выгодномъ предпріятіи надо сдѣлать какое нибудь доброе дѣло, то онъ сдѣлалъ дофину и д-Артуа милостыню въ нѣсколько тысячь стерлинговъ, чтобы заставить ихъ молчать.

Пюизей, набитый ассигнаціями, набилъ ими по горло шуановъ. Онъ даже платилъ впередъ. Онъ далъ многимъ жалованье чуть не за два года. Но чудо было въ томъ, что ассигнаціи эти были такъ превосходно поддѣланы, что никто не могъ отказаться принимать ихъ, и потому онъ могъ обмѣнивать ихъ на золото сколько хотѣлъ. Мгновенно потекла рѣка золота. Каждый священникъ, отправлявшійся изъ Лондона везъ съ собою на десять тысячь луидоровъ.

Вы хотѣли чудесъ, добрые люди? Вотъ вамъ чудеса, и осязаемыя. Не пустыя слова. Это дѣйствительность, это истинное явленіе. Что могли противъ всего этого геній Гоша и великодушіе его? Ему приходилось бороться противъ силы неизмѣримой, невидимой. Онъ не могъ даже бороться противъ неосязаемаго врага.

Громадная сила. Дикое веселье охватило всю страну. Страшная оргія крови. Шуанъ, съ туго набитымъ карманомъ, не зналъ теперь другой работы, кромѣ рысканья, рѣзни и грабежа патріотовъ. Патріоты бѣжали въ города. Всѣ меры деревень были зарѣзаны, покупщики національныхъ имуществъ зарѣзаны, присягнувшіе конституціи священники замучены въ пыткахъ. Запрещено доставлять хлѣбъ въ города;

убиваютъ женщинъ, которыя пытались проносить его. Шуаны отблагодари республику за амнистію, убивъ около Нанта одного шесть сотъ патріотовъ и тысячу двѣсти рядовыхъ.

Тактика *честныхъ людей*, осаждавшихъ генерала и представителей, состояла въ томъ, чтобы убѣдить ихъ, будто убійства эти не были политическими, но просто дѣломъ воровъ и разбойниковъ.

Депутатъ Бурсо былъ такъ легковѣренъ, что хотѣлъ платить шуанамъ, учредить изъ нихъ земскую стражу, (стража днемъ и разбойники ночью!)

Гошъ, въ прекрасной мечтѣ своей соединить Вандею и Бретань, чтобы бросить ихъ на Англію, не хотѣлъ употреблять раздражающія полицейскія мѣры, обыски, которыми такъ злоупотребляли. Хорошее общество, красивыя ласковыя дамы ослѣпляли его, взывали къ великодушію его въ пользу этихъ «бѣдныхъ шуановъ». У шуановъ были свои тигры и свои лисицы: тигръ—Кадудаль, лиса—Корматенъ. Послѣдній смотрѣлъ на Лондонъ хитрый и терпѣливый; онъ дурачилъ республиканцевъ, смѣялся надъ ними, вызывалъ къ нимъ презрѣніе.

Такъ храбрый, но неспособный генералъ Гумберъ, чтобы покончить съ убійствами, далъ вовлечь себя въ постыдный шагъ—просить свиданія съ мелкимъ разбойникомъ, Буагарди начальникомъ двухъ сотъ убійцъ. Гошъ самъ, увлеченный желаніемъ прекратить кровопролитіе, не отказался видѣться съ Корматеномъ, который велъ всю интригу. Вождь этотъ показался ему кроткимъ и разумнымъ вполнѣ другомъ мира. Гошъ, слушаясь своего великодушія, говорилъ какъ искренній человѣкъ, припомнилъ свои собственныя несчастія и распространился о необходимости спасти несчастный народъ. Онъ

повторилъ то, что онъ уже сказалъ въ одномъ письмѣ: «Пусть они придутъ. Я готовъ обнять ихъ!»

«Я французъ», говорилъ Корматенъ: «и какъ французъ радуюсь вашимъ побѣдамъ на Рейнѣ, въ Пиринеяхъ. Я знаю хорошо, увы! что моя партія, порожденная отчаяніемъ, *не можетъ ничего ожидать изъ за границы.*» Гошъ, восхищенный тѣмъ что нашелъ его въ такомъ хорошемъ настроеніи, напомнилъ ему поведеніе Англіи въ отношеніи Вандеи и думалъ, что убѣдилъ его въ томъ, что вандейцы и эмигранты были одурачены коалиціей. Этотъ превосходный человѣкъ, Корматенъ, хотѣлъ только одного: чтобы ему позволили дѣйствовать для умиренія чтобы ему дозволили «свободно умиротворить страну», чтобы ему дали Гумбера въ свидѣтели его дѣйствій; онъ прекратитъ убійства. Ничто не могло быть лучше придумано.

Для безопасности Гумбера и чтобы избавить его отъ нѣсколькихъ пуль, Корматенъ совѣтовалъ ему даже надѣть одежду шуановъ. Гумберъ сдѣлалъ бы это, если бы Гошъ въ негодованіи не приказалъ ему остаться въ формѣ генерала и сохранить достоинство республики.

Дружба шуановъ къ намъ стала насмѣшкой, посмѣяніемъ. Когда они встрѣчали солдатъ нашихъ въ небольшомъ числѣ, то отнимали оружіе, *во имя братства.* Въ одинъ день Гошъ проходилъ черезъ лѣсъ съ Корматеномъ, тотъ, предупрежденный однимъ изъ своихъ людей, сказалъ съ таинственнымъ видомъ: «Тамъ есть *люди*... я пойду поговорить съ ними». Онъ хотѣлъ сдѣлать видъ что охраняетъ генерала, «Я ничего не хочу отъ васъ, милостивый государь», отвѣчалъ Гошъ: «Я пройду безъ васъ. Оставайтесь и держитесь все время позади». Корматенъ, ворча, повиновался, пошелъ позади, потомъ далъ шпоры лошади и скрылся въ лѣсу.

IV.

Паника ассигнацій. Спекуляторы. Утописты. Сенъ-Симонъ. Бабефъ.

94 — 95.

Было смѣшно употреблять перваго генерала республики въ позорной дипломатіи съ шайками грабителей. Собраніе въ продолженіе четырехъ мѣсяцевъ, имѣло полную свободу раздавить ихъ. Война не была болѣе европейской. Пруссія и Испанія отступили; слѣдовательно, можно было подкрѣпить Гоша и дѣйствовать энергически. Франціи впереди имѣла четыре превосходные мѣсяца, когда руки ея были свободны. Одною она беретъ Голандію, когда могла бы задушить шуановъ другою. Долготерпѣніе ея въ отношеніи ихъ имѣла результатомъ ободрить, поднять роялизмъ въ Ліонѣ, подготовить кровавую пасху 95 г. и убійства на югѣ.

Здѣсь историки путаютъ числа, говорятъ съ 94 г. о фактахъ 95, не видятъ, что между великими событіями былъ промежутокъ декабря, января, февраля и марта. Они, какъ и собраніе, оглушены уличной суетой, шумомъ Парижа и Лондона. Въ Ліонѣ нѣсколько террористовъ были зарѣзаны. Но великій роялистскій терроръ начался, какъ мы то увидимъ, только на пасхѣ.

Миролюбіе парижскихъ нравовъ было и здѣсь очень чувствительно. Въ продолженіе этихъ четырехъ мѣсяцевъ каждый вечеръ крики, толкотня. Поютъ *«Пробужденіе народа»*. Перепадаютъ иногда палочные удары. Мюскадены, *) клики Фре-

*) Щеголи того времени.

рона, молодые люди (Лайа, Лакретель, которыхъ мы знали) гикаютъ на якобинцевъ или прогоняютъ ихъ. Тѣ, въ свою очередь купаютъ мюскаденовъ въ бассейнахъ Тюльери. И во всѣхъ этихъ актахъ насилія ни одного серьезнаго случая, ни капли пролитой крови. Я думаю нѣтъ и ушибленныхъ; никого другого кромѣ Марата, гипсовые бюсты котораго были разбиты, для того чтобы ихъ замѣнили бюстами Ж. Ж. Руссо (31 янв. 95). Дѣти тащили одного изъ этихъ Маратовъ, съ веревкой на шею до сточной трубы Монмартра. Фреронъ стонетъ и ворчитъ. Онъ чувствуетъ, что его превзошли. Однако 2 марта еще, мюскадены утверждаютъ, что они вовсе не роялисты. И это было правда для значительнаго большинства.

Собраніе теряетъ время въ безплодныхъ и прискорбныхъ процессахъ, которые возвратившіеся жирондинцы подняли противъ членовъ прежняго комитета (Колло, Бильо, Вадье, Борера). Карно и Линде защищаютъ ихъ. Многіе говорили очень вѣрно: «Цѣлое собраніе, которое санкціонировало дѣйствія ихъ, можетъ быть также обвиненіе». Одинъ неизвѣстный членъ прибавилъ: «Голосуемъ забвеніе!.. Что касается меня, то я никогда не прощу себѣ, что не съумѣлъ умереть!».

Единственнымъ важнымъ затрудненіемъ такого положенія было то, что трудъ очень слабо поднимался въ Парижѣ, что съѣстные припасы были дороги, что ассигнаціи падали въ цѣнѣ. Отчего это паденіе? Чистая паника, необъяснимое безпокойство. Замѣтьте къ тому же, эти фальшивыя ассигнаціи только что появились и не были еще извѣстны. Конечно, выпустили слишкомъ много ассигнацій и слишкомъ быстро; это нужно было для войны. Но бумаги эти былъ тѣмъ не менѣе хороши. Бумага, которая принимается въ уплату податей, бумага, которая даетъ вамъ сколько угодно

земли, бумага имѣющая залогомъ на шесть мильярдовъ имуществъ, такъ же вѣрна, какъ и всякая металическая монета. Изъ двѣнадцати мильярдовъ національныхъ имуществъ только пять были проданы. Слѣдовательно оставалось еще шесть для продажи. Слѣдовательно съ ассигнаціями, вы могли каждый день получить земли, луга, лѣса, великолѣпные дома, прекраснѣйшія имѣнія за ничтожную цѣну.

Откуда же эта паника? Она была очень искусственно распространяема и раздуваема всѣми врагами революціи. Но тоже и друзьями ея, крестьянами, которые продавали очень дорого съѣстные припасы и, продавали, если могли, на серебро, понижали цѣну ассигнацій, подрывали кредитъ. Много говорили о кулакахъ, которые морили голодомъ (affameurs). Что нѣкоторые спекулировали на рожь — въ томъ нѣтъ сомнѣнія. Но великой причиной голода была новая свобода, то былъ крестьянинъ вольный продавать, когда и какъ онъ хотѣлъ. Онъ такъ твердо и непреклонно рѣшился такъ продавать, что даже при Робеспьерѣ упорно избѣгалъ максимума цѣны, рискуя жизнью. Онъ хотѣлъ лучше умереть, чѣмъ продавать по низкой цѣнѣ. Его и купца поражала такъ сильно гильотина. Купецъ заперъ бы лавку, если бы могъ; но онъ не смѣлъ этого сдѣлать. Въ лавкѣ его не было никакихъ товаровъ, или почти никакихъ, но въ задней комнатѣ были запасы для покупщиковъ, которые не торговались.

Термидоръ положилъ конецъ тайнамъ, раскрылъ все, развязалъ все. Крестьянинъ, въ сущности, есть король Франціи, потому что беретъ откупъ съ купца, который беретъ его съ работника. Крестьянинъ слѣдитъ за цѣнами, продаетъ поздно и въ свой срокъ, продаетъ мало, продаетъ дорого, беретъ все, что хочетъ. Какъ и всѣ, онъ говоритъ о скупщикахъ,

кулакахъ, которые морятъ голодомъ, и о голодѣ. Но онъ болѣе чѣмъ всѣ создаетъ голодъ.

Очень любопытно видѣть возрожденіе міра. Замѣтимъ первые признаки воскресенія промышленности. Великимъ событіемъ ея 94 г. было слѣдующее: *Франція сняла деревянные башмаки*, надѣла кожанную обувь, насколько смогла. Поняли цѣнность быстраго передвиженія. Нашимъ 1.200.000 солдатамъ дали башмаки. Крестьянинъ покупаетъ ихъ, по крайней мѣрѣ, для воскресныхъ дней. Вандеецъ, вѣрный деревянной обуви, называлъ *синихъ* дурно обутыми увальнями. Но эти увальни ходили скорѣе. Въ 95 г. во всѣхъ городахъ обновили одежду. Большія массы горожанъ, получившихъ новыя муниципальныя права, ободрились, менѣе боялись выказывать свой достатокъ. Кафтанъ, большой галстухъ, тонкіе сапожки или небольшіе башмаки.

Издѣлія мебели, которыми Парижъ при Людовикѣ XV господствовалъ въ Европѣ, не могли подняться. Повсюду распродажи, прелестная мебель за безцѣнокъ. У каждаго есть какая нибудь вещь, часто очень изящная, составляющая разительный контрастъ съ остальною утварью и голыми стѣнами убогаго хозяйства.

На тысячи восьми стахъ парижскихъ балахъ, на безчисленныхъ свадьбахъ женщины въ бѣлыхъ платьяхъ, кажутся весталками. Терроръ и смерть передѣлали все. Онѣ кажутся легкими и прозрачными, какъ улыбающіяся тѣни, въ облакѣ батиста. Прекрасная индустрія. Издѣлія полотняныхъ тканей казались такъ кстати въ эту эпоху. Изобрѣтательный и пламенный Сенъ-Симонъ думалъ и, устроивъ фабрику на Соммѣ, далъ работу очень бѣдному населенію (Гюбберъ, 26—27). Но великимъ вопросомъ издѣлія бѣлья было знать: ограничится ли оно только предметами моды, или распростра-

нится на большой кругъ потребленія: на тѣльное бѣлье, столовое, постельное, занавѣси, и пр. Сенъ-Симонъ, который ясно предвидѣлъ все, но только по инстинкту желанія и по любви къ прогрессу, и предвидѣлъ гораздо дальше своего времени, безъ сомнѣнія надѣялся, что въ состояніи совершеннаго обнищанія, въ какомъ находились, чистота станетъ первою потребностью домашней жизни. Это пришло, только гораздо позже; послѣ войнъ около 1818 г. этого было мало видно при имперіи. Въ 1795 крестянинъ покупалъ землю, покупалъ даже серебрянныя вещи, которыя всегда можно перепродать, но не шилъ себѣ рубашекъ.

Всякая ли спекуляція преступна? Это можно подумать, судя по декламаціямъ того времени.

Въ 93 знаменитый комитетъ, осыпая ругательствами *негоціантизмъ*, употреблялъ негоціантовъ и спекуляторовъ. Линде сознается, что безъ нихъ, не смотря на громадныя средства реквизиціи, невозможно бы было удовлетворить внезапнымъ потребностямъ кризиса. Торговые дома въ дѣйствительности были резервуарами, которые сосредоточивали, собирали воды, какъ въ большихъ версальскихъ бассейнахъ и которые могли въ такой то день выпустить большую массу, въ такой то часъ выбросить большую струю.

Перечислимъ разные роды спекуляторовъ: 1) Поставщикъ, крупный производитель. Такимъ былъ Арманъ Сегенъ, другъ Фуркройя и химикъ, который увѣрялъ, что можетъ выдубить кожи въ нѣсколько дней и мгновенно обулъ наши арміи. Правда, обувь была отвратительная, но удобная, легкая для солдата. Онъ шелъ въ водѣ, но шелъ. 2) *Скупщикъ* — почти всегда вредный. Онъ не производитъ, но напротивъ стѣсняетъ производство. Примѣръ: парень лѣтъ двадцати, Уврaръ изъ Нанта, увидя въ 89 г. начало громаднаго дви-

женія прессы и книгопечатанія, поспѣшилъ въ Ангулемъ, гдѣ находилась большая часть нашихъ бумажныхъ фабрикъ. Онъ скупилъ заранѣе все, что изготовятъ въ два года, и перепродавалъ по очень высокимъ цѣнамъ. Онъ нажилъ сто тысячь экю, взялъ барыши съ типографіи и задерживалъ типографское дѣло. 3) Еще худшій — ажіотеръ на ассигнаціи. Зловредный родъ спекуляціи, который, давая огромные барыши тому, кто ничего не производитъ, отвлекаетъ капиталы отъ всякаго реальнаго производства. Съ нимъ научились ненавидѣть трудъ. Болѣе, раззорительныя колебанія, которыя производили съ курсомъ ассигнацій падали всею силою тяжести своей всего болѣе на классы низшіе и бѣдные, на мелкаго торговца, на несчастнаго работника. Эта жестокая промышленность была бичемъ промышленности.

Мерсье, Буалье, Карлъ Верне создали удивительныя картины Перрона, Пале-Рояля того времени, заваленныя позорными нечистотами, полныя шакаловъ, дѣвокъ, подземныхъ притоновъ, зловонныхъ переулковъ гдѣ царила и распространялась грязь всякаго рода. Однако было бы нелѣпо обобщить все это, какъ то дѣлали, и сказать: «Таковъ былъ весь Парижъ». Когда я вижу, напротивъ, какъ жила школьная молодежь того времени, такъ трезвая и трудолюбивая, то я чувствую до какой степени все было тогда смѣшано, Эти люди, иныхъ изъ нихъ я зналъ, жили тѣсно въ маленькихъ мѣщанскихъ пансіонахъ по дешевой цѣнѣ. Жизнь спартанская, воздержная до крайности, какой не принялъ бы ни одинъ студентъ нашего времени.

Я жалѣю, что слово это, что прекрасное названіе: спекуляторъ до такой степени утратило свой смыслъ. Тотъ только заслуживаетъ его, кто съ возвышенной точки (specula) смотритъ вдаль, предвидитъ, разсчитываетъ пути будущаго и плодо-

творнымъ умомъ создаетъ и людей и вещи. Имѣлъ ли Сенъ-Симонъ успѣхъ или нѣтъ, я все таки называю его великимъ спекуляторомъ, вполнѣ достойнымъ этого имени. Этотъ сынъ науки восемнадцатаго вѣка внесъ въ спекуляціи свои характеръ истиннаго величія; я сознаю тамъ тоже высокую логику. Отмѣтимъ тройной прогресъ ея въ трехъ степеняхъ ея.

Я показалъ его прежде всего какъ покупщика національныхъ имуществъ. Прежде всего земля, земля крестьянину. Сенъ-Симонъ покупаетъ ее, чтобы раздробить на участки и продать по низкой цѣнѣ. Но какъ же обработывать эту землю, когда республика отняла лошадей? Сенъ-Симонъ купилъ, чтобы продать ихъ въ кредитъ, или даже раздать ихъ жителямъ своей общины. Обогатившись отъ земли, крестьянинъ будетъ покупать. *Промышленность поднимется.* Сенъ-Симонъ вѣритъ этому и создаетъ фабрики.

Производить по наиболѣе дешевой цѣнѣ—въ этомъ теперь цѣль. Нужны машины и директоры мастерскихъ. Сенъ-Симонъ создаетъ у себя *школу молодыхъ ученыхъ*, не политехнику, гдѣ преподаютъ то, что уже извѣстно, но школу *Усовершенствованія,* которая ищетъ и улучшаетъ, хочетъ узнать большее, направлять, ускорять прогрессъ. Наиболѣе изумительно все, что онъ сдѣлалъ для того чтобы создавать людей. Людямъ въ которыхъ онъ думалъ видѣть искру, онъ открывалъ кошелекъ, домъ. Вѣра, конечно, чрезмѣрная, слѣпая и не благоразумная, но достойная удивленія.

Чтобы возвратиться къ положенію дѣлъ, въ чемъ заключалось великое, дѣйствительное затрудненіе? Оно нисколько не было тайной. То было внезапное ослабленіе мышцъ послѣ сокращенія ихъ терроромъ. Возвращеніе къ свободѣ, къ естественнымъ привычкамъ имѣло дѣйствіе судороги, сильнаго спазма. Было бы ребячествомъ сказать, что какая нибудь

власть могла бы помочь. Власть! Она не существовала. Собраніе и его комитеты правленія такъ же, какъ и вся Франція вынесли великій общій фактъ опущенія, ослабленія, которыя слѣдуютъ за каждымъ сверхъестественнымъ усиліемъ.

Конвентъ, выйдя изъ ложнаго единства террора, являлся теперь съ различіемъ умовъ, политическихъ оттѣнковъ и не могъ болѣе давать опредѣленное направленіе. Что же нужно было дѣлать: «Повторить Робеспьера, послѣ того какъ его убили? Поддерживать терроромъ максимумъ ассигнацій?» Слѣдовательво, снова поставить гильотину. Тѣ, которые говорили эти тщетныя слова, забывали сверхъ того одну существенную вещь: то, что даже при Робеспьерѣ, когда смерть стояла тутъ и лился потокъ крови, никогда не могли установить на дѣлѣ этотъ знаменитый максимумъ. Онъ высоко поднималъ заработанную плату; но *не было больше ни платы, ни работниковъ*; не производили ни чего. Онъ понижалъ очень низко цѣну припасовъ, сырья. Но *припасы не подвозились* иначе какъ съ насиліемъ и угрозами страшныхъ агентовъ, которые разъѣзжали по странѣ.

Ученіе неограниченной свободы, которое было ученіемъ Тюрго и великихъ экономистовъ, было и ученіемъ жирондистовъ, оно же преобладало въ большинствѣ конвента, у его новыхъ вожаковъ. Какъ бы хорошо ни было оно само по себѣ и въ обыкновенныя времена, какъ тѣ, когда Тюрю примѣнялъ его, оно несомнѣнно требовало извѣстныхъ ограниченій въ такъ странномъ и исключительномъ положеніи 94 г. Нужно было помочь Парижу перешагнуть черезъ моментъ кризиса, то есть, принять мѣры, чтобы зимою держать хлѣбъ на извѣстной цѣнѣ. Парижъ заслужилъ это по многимъ причинамъ: 1) онъ страдалъ гораздо болѣе нежели остальная Франція, потому, что былъ городомъ искуствъ и высшей промышленности; 2)

Парижъ, на свой счетъ, прекративъ всѣ выгодные промыслы свои, сдѣлалъ революцію, которая раззоряла его. Онъ породилъ, онъ создалъ республику.

Люди, которые приняли или вторично приняли власть, поддержали возмутительное исключеніе, какое было сдѣлано относительно Парижа и, такъ справедливо замѣчено Бабёфомъ: сорокъ четыре общины всѣ имѣли свои муниципалитеты, свое выборное городское управлнніе, за исключеніемъ одного города, и городъ этотъ Парижъ! Еслибы Парижъ имѣлъ въ 95 г. коммуну, правильный органъ, специальную администрацію продовольствія, тогда не было бы ужасающаго хаоса жерминаля и преріаля, ни кроваваго эха ихъ въ убійствахъ на югѣ.

Бабёфъ очень честно поддерживалъ этотъ тезисъ. Въ нумерѣ 29 нивоза (19 янв. 95) онъ нападаетъ на ложныхъ друзей своихъ термидорцевъ, онъ обличаетъ ихъ, въ особенности Тальена, Кабарю: «Несчастные французы! Мы снова находимъ Помпадуръ!» Онъ предсказываетъ бѣдствія, которыя навлечетъ роковая снисходительность Фрерона, амнистія предложенная *эмигрировавшимъ отъ страха*. Но какъ отличить ихъ отъ другихъ? Бабёфъ въ это мгновеніе хотѣлъ соединить самыхъ искреннихъ друзей революціи и великодушно защищалъ враговъ своихъ якобинцевъ, которые такъ много дѣйствовали противъ него и его клуба. Его «Жизнь Карье» была написана, чтобы защитить и спасти нантскихъ якобинцевъ, нантскій комитетъ, который хотѣли преслѣдовать послѣ суда надъ Карье. Онъ, бывшій до сихъ поръ противникомъ якобинцевъ по человѣколюбію и по отвращенію къ террору, теперь приближался къ нимъ по суровости. Въ эту минуту мечтою ихъ, которую раздѣлялъ и Бабёфъ, было выйти изъ всякаго режима исключеній, примѣнить, утвердить конститу-

цію 93, идеалъ отложенный Робеспьеромъ самимъ, отдаленный полюсъ демократіи, на которомъ народъ не только избираетъ законодателей, но *самъ голосуетъ законы*.

Увы! Увы! какой высокой культуры требовало это дѣло. Семьдесять пять лѣтъ послѣ того видѣли въ маѣ 70 г. какъ этотъ несчастный народъ, голосовавшій во тьмѣ, семью мильонами голосовъ зарѣзалъ себя.

Бабёфъ, якобинцы взывали къ Франціи и не знали чѣмъ она была. Едва ли знали они Парижъ, они ничего не знали о департаментахъ, ничего о великой перемѣнѣ совершившейся въ восемь мѣсяцевъ съ термидора. Мы даемъ очень точныя числа: конецъ 94 (августъ, сентябрь, октябрь, ноябрь, декабрь) былъ абсолютно жирондистскій. «Роялизмъ былъ чрезвычайно дискредитированъ», говоритъ Тибадо. А Монгальяръ сознается даже въ пасху 95, что положеніе его все еще очень плачевно. Въ Парижѣ то, что называютъ позолоченной молодежью, съ негодованіемъ отрицало названіе роялистовъ. Не ранѣе марта нѣкоторые молодые люди приняли это ненавистное названіе. Въ Ліонѣ никто, буквально никто не признавалъ себя роялистомъ.

Однако къ концу 94 подпольно произошла перемѣна, которая стала явственнѣе въ первые мѣсяцы 95 г. и рѣшительно разразилась къ пасхѣ. Всю зиму югъ былъ подкопанъ священниками. Весною начали агитировать эмигранты, сильное агентство въ мартѣ созданное Питтомъ въ Бернѣ, съ массою золота, потоками фальшивыхъ ассигнацій,—при первой струѣ три мильярда! Машина *бѣлаго террора* была повсюду приготовлена. Невинность нашихъ патріотовъ была бы сильно удивлена увидѣвъ, что конституція ихъ 94 г., послала въ собраніе такую массу враговъ революціи.

V.

Какъ подготовлялся зимою бѣлый терроръ.

«Неужели никогда ничего не узнаютъ о бѣломъ террорѣ?»—Нѣтъ. — Почему? — Потому что онъ существуетъ.» Замѣчательный отвѣтъ, сдѣланный мнѣ на вопросы мои однимъ человѣкомъ, который хорошо зналъ мѣстную исторію запада и юга и могъ бы многое написать, но который никогда ничего не писалъ. «Можно ли даже говорить о бѣломъ террорѣ? И это не всегда вѣрно. Эти вещи затрогиваютъ почтенныя семѣйства и потому, такъ сказать, прикрыты общимъ согласіемъ *честныхъ людей*». Говорите если хотите о республиканскомъ террорѣ. Изо всѣхъ террововъ, слѣдовавшихъ другъ за другомъ въ продолженіи цѣлыхъ вѣковъ на югѣ, только онъ одинъ храбро заявлялъ о дѣйствіяхъ своихъ Другіе нѣмы и, что всего любопытнѣе, они добились и отъ самихъ жертвъ своихъ сообщничества молчанія *).

Въ архивахъ юга да и вездѣ уничтожили, насколько могли, обвинительные документы трехъ послѣднихъ террововъ, которые консерваторы (таже самая партія хотя подъ разными именами)

*) Протестанты не любятъ, чтобы говорили о драгонадахъ. Эти воспоминанія противны имъ. Въ тѣхъ городахъ, гдѣ они богаты, многочисленны и занимаютъ первыя мѣста, я находилъ ихъ нѣмыми какъ могилы на счетъ дѣйствій и нравовъ католиковъ. Они закрыли книги временъ отмѣны Нантскаго эдикта. Только по счастливому случаю, я нашелъ самые трагическіе факты въ актахъ о мученикахъ, которыхъ пересылали изъ Лангедока къ Жюрье; онъ напечаталъ эти акты въ превосходной и, къ несчастью, забытой полемикѣ своей. До протестантовъ сыны альбигойцевъ хранили такое же молчаніе о мерзостяхъ долгаго террора, который раздавилъ, унизилъ отцовъ ихъ. Семейства хранили эту тайну пятьсотъ лѣтъ! Насилу только въ этомъ году одинъ голосъ раздался наконецъ изъ могилы. (*Histoire des Albigeois*, Par N. Peyrat, 1870).

сдѣлали въ 95, въ 1815 и 1852. Очень трудно бросить свѣтъ на первый. Дѣло странное, именно въ Нантѣ, по счастливѣйшей случайности, я нашелъ слѣды того, что было такъ хорошо скрыто на Ронѣ. Записки одного представителя, котораго туда посылали, раскрыли мнѣ многія тайны изъ того, что хотѣли скрыть, даже до тайнъ глубокихъ долинъ Ардеша и дикихъ мѣстностей Лозера. (*Бумаги де Гупильо* сообщенныя Дюгастомъ Матифё).

Такъ изъ могилъ и развалинъ выходятъ голоса, которыхъ не ожидали. Они являются мало по малу опровергать разсчитанную ложь партій и обманчивые вымыслы, часто еще болѣе опасные, людей фантазіи, легкомысленныхъ художниковъ, историческаго романа, величайшаго врага исторіи. Цѣлая литература въ нашъ вѣкъ явилась прибавить свои чудеса къ препятствіямъ и трудностямъ, которыя уже встрѣчала исторія. Нодье, самый блестящій изъ всѣхъ, открылъ этотъ путь. Онъ возстановилъ Робеспьера, и изъ этого парадокса, жадно схваченнаго, вышла цѣлая школа. Точно такъ же онъ, въ индеферентизмѣ своемъ, прикрасилъ бѣлый терроръ и сдѣлалъ джентльменовъ изъ нашихъ южныхъ убійцъ. Еслибы только отъ него зависѣло, то Фуше былъ бы честнымъ человѣкомъ, а Пишегрю вѣрнымъ. Къ счастью, друзья послѣдняго опровергли Нодье.

Одно слово покажетъ какъ онъ поддѣлываетъ исторію. Убійцы Ліона и юга сами называли себя *товарищами Іисуса*. Эме Гильонъ, этотъ изступленный, бывшій священникамъ, говоритъ *Іисусъ*. И въ самомъ дѣлѣ это таинственное общество появилось въ первый разъ вокругъ девяти церквей, раскрытыхъ въ Ліонѣ. Но это слишкомъ просто для Нодье. Онъ пишетъ: товарищи Іиуя. Онъ предполагаетъ, что эти мстители стали искать имя мстителя Израиля, библейское имя, которое

безъ сомнѣнія, охотно бы приняли пуритане, но которое было совершенно неизвѣстно въ католическихъ странахъ, гдѣ такъ мало читается библія.

Мы здѣсь объяснимъ машину, которая съ сентября по мартъ глухо работала, чтобы произвести къ Пасхѣ кровавую реакцію, машина это двойственная,—фанатической интриги и подкупа англійскимъ золотомъ и фальшивыми ассигнаціями.

Но прежде всего надо замѣтить одну вещь, то что на бурномъ югѣ, гдѣ машина будетъ дѣйствовать на почвѣ насыщенной вѣковою враждою, на почвѣ, которую страшно взрыли двадцать революцій въ противуположномъ направленіи. Не побоимся уйти далеко въ глубь прошедшаго. Жители страны этой, которыхъ считаютъ легковѣсными умами, сильно упорны. Ничто не забывается тамъ. Когда гг. де Леви явились въ 1815 туда требовать имѣнія свои, то имъ сказали, что они получили имѣніе это въ 1200 г. изъ проклятыхъ рукъ Симона Монфора. Оскорбитель папы въ 1300 г., Ногаретъ былъ сыномъ альбигойца, отдавшимъ папѣ оплеуху полученную въ 1200. Многіе протестанты 1500 г. тоже крови альбигойцевъ. Иные изъ нашихъ ярыхъ террористовъ, какъ Пайанъ, Фовети были изступленными севенольцами.

Съ этимъ Фовети въ судѣ Оранскомъ засѣдалъ Фернексъ, ткачь изъ Ліона, слишкомъ вѣрный представитель долгихъ вѣковъ, которые создали эту жалкую и чахлую расу. Насилія 93 г. казалось недостаточнымъ для такихъ дикарей. На то работали вѣка. Нигдѣ человѣчество не было такъ оскорбляемо. Купеческая олигархія, которая надѣлала городу столько долговъ, страшно эксплуатировала и растлила народъ. Революція противъ насилія была страшна. Мстителемъ былъ Шалье, варварски убитый жирондистами, трижды гильотированый. Мстителемъ за мстителя былъ Колло, былъ Фернексъ. Такъ

неслась ударами и отраженными ударами, перемѣнчивая ярость кровавыхъ реакцій.

Въ термидорѣ жирондинская масса вошла въ Ліонъ черезъ развалины и открыла вновь жалкія лавки свои безъ покупателей. Роялисты возвращались только одинъ вслѣдъ за другимъ и то нѣсколько мѣсяцевъ позже. Эти изступленные купцы сожгли картоннаго Шалье и арестовали друга Шалье, Бертрана вновь назначеннаго меромъ. Они учредили національную гвардію противъ якобинцевъ. Прибывавшіе депутаты термидорцы снабжали ихъ оружіемъ. Они открыли для женщинъ девять церквей и духовенство вновь появилось въ центрѣ Ліона. *Лояльные работники* безъ работы, такъ много людей, умиравшихъ съ голода и называвшихъ себя солдатами осады, потихонько составили отрядъ *Товарищей Іисуса*. Тогда еще не было вождя роялиста, былъ термидорецъ, другъ Лежандра, извѣстный крикунъ, вчерашній террористъ. Роялизмъ показался только 21 января 95 г., сначала въ лицѣ женщинъ и священниковъ, смѣшанная чернь (tourbe), которая толпится въ церквахъ. Въ то время какъ власти справляютъ установленный закономъ праздникъ смерти тирана, его причисляютъ къ лику святыхъ на церковныхъ каѳедрахъ. Сердца умилены, женщины плачутъ, задыхаются. Можно сказать: «кровь польется.»

Удобный случай — это самый судъ, казнь террористовъ. Судьи... но ихъ не надо. Кроткія созданія, самыя очаровательныя дамы хотятъ, требуютъ убійствъ, сильныхъ казней. Онѣ стыдятся своихъ нѣженокъ любовниковъ. Любовники находятъ ихъ нѣмыми, мрачными.. «Что же съ вами?—Со мною то, что вы трусы, что вы не умѣете убивать!» И вотъ они, изнѣженные, красивые, женоподобные мужчины поставлены въ положеніе показать, что они настоящіе мущины. Вотъ и они тоже

товарищи Іисуса, идутъ *работать*—прекрасное республиканско равенство—въ кровавыхъ шайкахъ воровъ и убійцъ. Вечеромъ, гордые и скромные, они возвращаются въ салонъ, позаботясь о томъ, чтобы на бѣлой рукѣ осталось немного крови. Въ самомъ дѣлѣ пролитая или нѣтъ, кровь производитъ хорошій эффектъ. Нѣжное сердце затрепещетъ, но съумѣетъ заплатить за нее.

Ярость ліонскихъ женщинъ выказалась при судѣ надъ Фернексомъ. Варваръ этотъ приводилъ въ защиту свою, что онъ убивалъ по совѣсти, какъ честный присяжный, въ силу закона. Письмо его къ Робеспьеру, въ которомъ видны колебанія совѣсти его, нѣкоторую жалостъ къ человѣчеству, уцѣлѣло, чтобы бросить нѣсколько благопріятный свѣтъ на печальную память его. Когда онъ вышелъ, его разорвали, разорвали на куски. Тогда увидѣли сцену ужаснѣе ужасной сцены съ Шалье. Каждая женщина поставила себѣ заслугой, обязанностью вотнуть въ него ножницы. И однако онъ не могъ умереть. Его бросили живагѡ въ Рону.

Эта спустило съ цѣпи смерть. Ярость убійствъ не знала границъ. Но кого же убивать? Напечатали руководство убійствъ, списокъ тѣхъ, которые (какъ утверждали) доносили; и списокъ ихъ жертвъ. Убивали тоже по прихоти фантазіи, безъ всякихъ правилъ. Доносила ли она, та модистка, которую застрѣлили? Доносила ли она, молодая семнадцати лѣтняя Ришаръ, которую захватили и убили, потому что не нашли ея отца? Замѣтьте, что эти сыны Іисусовы не убивали даромъ; они часто тоже крали, грѣли себѣ руки. Для этихъ зачерствѣлыхъ людей человѣческая жизнь стоила очень мало. На ихъ дикомъ языкѣ убитый человѣкъ былъ не болѣе, какъ mathevon. Слово восточнаго народнаго нарѣчія, означающее хилое ма-

ленькое деревцо, которое не ростетъ болѣе, когда у него срѣжутъ вершину (см. Монфалкона).

Чѣмъ ближе подходили святые дни пасхи, тѣмъ болѣе терроръ, сначала почти исключительно запертый въ Ліонѣ, начинаетъ распространяться въ даль. Уже съ сентября 94 пытались поднять фанатизмъ; близь Оранжа, знаменитаго трибунала, появилась св. Дѣва, но сначала какъ кажется, безъ большаго успѣха. Въ дальнихъ департаментахъ, Ардешѣ и Лозерѣ, которые мало пострадали отъ террора, но которые не знали ничего или почти ничего о великомъ центральномъ движеніи, цѣлую зиму агитировали священники. Роялисты— легкомысленные вольтеріанцы до этой поры, теперь примкнули къ священникамъ и исповѣдывались. (*Рукописи Гупильо*). Новыя власти, безобидныя и жирондинскія, очень терпимыя, не были терпимы. Прислуга оставила ихъ; благочестивыя служанки не смѣли болѣе служить имъ. Къ нимъ болѣе не приходили заявлять о смерти, рожденіи и бракѣ.

Наконецъ настала пасха и все разразилось. Весна страшна на югѣ. Можно сказать, что она волканическое извержденіе. Если въ 92, въ сырой Вандеѣ, женщины въ періодъ пасхи зажгли гражданскую войну, то насколько болѣе въ 95, на пылающей почвѣ своей, безумныя провансальки должны были предаться бреду, ослѣплять себя, видѣть только красное, какъ маленькіе быки Камарги въ своихъ внезапныхъ и непредвидѣнныхъ припадкахъ свирѣпости. Послѣ церкви очагомъ убійствъ былъ трактиръ, кабакъ. Увидятъ, что въ Марселѣ вождемъ убійствъ былъ трактирщикъ. Всѣ трактиры и кабаки были полны. Въ нихъ всегда были щедрые люди, чтобы платить; они угощали и двери были всегда открыты. Въ то время великой нищеты, это было очень пріятно. Умиравшіе съ голода находили плату и пищу въ *Товариществахъ*

Солнца. Съ Людовика XIV *солнце* означало—король. Деньги притекали въ изобиліи, неизвѣстно откуда, въ эту бѣдную страну.

Лондонскія ассигнаціи только съ января появились въ Ліонѣ. Около февраля или марта въ Швейцаріи вблизи Ліона прибылъ на житье великій англійскій воротило Викамъ съ массами золота. Установились два теченія—золота и фальшивыхъ ассигнацій. И то и другое вливались потоками и проходили югъ. Отъ Базеля до Безансона, до Ліона организовалась правильно англо-роялистская почта, уже два года существовавшая на Рейнѣ всего болѣе путемъ страсбургскихъ пироговъ, въ которыхъ перевозили письма. Великое сердце Викама, страсть и щедрость его не умѣли разсчитывать «Англичанинъ», говоритъ Монгальяръ: «боялся только одного: тратить слишкомъ мало.» Этотъ неистовый кассиръ Викамъ, на самыя крупныя требованія, имѣлъ одинъ отвѣтъ: «Нѣтъ, этого не довольно.» (Фошъ-Борель).

VI.

Дни Жерминаля (1 апрѣля). Убійства въ Ліонѣ (5 мая 95).

Собраніе очень мало понимало тѣ великія подземныя машины, которыя подрывали Францію. Оно смотрѣло только на одинъ Парижъ. Близкій миръ съ Пруссіей, прекрасный голландскій походъ нѣсколько радовали его. Оно видѣло только одинъ Парижъ.

Великій моментъ расцвѣта, который видѣли въ ноябрѣ, при закрытіи клуба якобинцевъ, при великолѣпномъ созданіи школъ, былъ уже далеко. Возраставшая трудность доставки припасовъ, паника ассигнацій, безконечные споры, какіе вы-

зывала измѣнчивая цѣна ихъ при малѣйшихъ сдѣлкахъ, все это страшно омрачало положеніе. Зима прошла, становясь все сумрачнѣе, и долгіе рѣзкіе, холодные, нищенскіе дни весны далеко не приносили свѣта. Напротивъ, чрезмѣрностью бѣдствій они принесли такіе кризисы, что собраніе, увлекамое вихремъ страха и гнѣва, все отдалось борьбѣ въ Парижѣ и потеряло все остальное изъ вида, предоставило Францію и міръ быть тѣмъ, чѣмъ хотѣли.

Въ этой мрачной залѣ конвента и въ этомъ черномъ зимнемъ Парижѣ меня всего болѣе поражаетъ чудовищный расходъ воображенія, который дѣлали тамъ, ярости не съ игранной, но искренней, напрасныхъ обвиненій и въ особенности иллюзій и сновъ. Историкъ древнихъ вѣковъ Франціи подумалъ бы видѣть здѣсь черты безумнаго Парижа Карла VI, фантастическаго чада этихъ странныхъ эпохъ, когда все, казалось, было полно демономъ. Такое суевѣріе послѣ Вольтера! Послѣ вѣка разума такъ мало разсудительности! Такая сильная слѣпая разнузданность фантазіи!.. Этому едва можно повѣрить.

Вѣрно, что двѣ легенды господствовали надъ положеніемъ, легенды нелѣпыя въ цѣломъ, хотя къ нимъ и примѣшивалось нѣсколько истины. Съ одной стороны рабочія массы, народъ вообще говорилъ: «Хотятъ, чтобы мы умерли съ голода.» Съ другой стороны купеческіе классы, безчисленные мелкіе рантье говорили и вѣрили, что: «якобинцы устраиваютъ заговоръ, чтобы возобновить терроръ, перерѣзать конвентъ и половину Парижа.» Собственныя имена помогали легендѣ. Ненависть къ ассигнаціямъ вопила противъ Камбона. Причиной недостатка, дороговизны припасовъ былъ тотъ, кто по легендѣ занимался продовольствіемъ, депутатъ Буасси д'Англа. Его прозвали *Буасси Голодъ*.

Страшная легенда заговора голода подъ другой фирмой теперь воскресла въ умахъ. Прислушайтесь къ рѣчамъ въ толпѣ, которая длиннымъ хвостомъ еще ночью встанетъ ждать хлѣба. Вы услышите это: «Во Франціи слишкомъ много народа. Правительство положитъ этому конецъ. Нужно чтобъ умирали, умирали...» Это именно то, что у Вилята, у Бабёфа и др. принимаетъ безчеловѣчную форму *системы уменьшенія населенія.* Всѣ говорятъ о ней и что всего хуже, всѣ вѣрятъ ей слѣпо. Всѣ партіи кидаютъ и перекидываютъ этотъ камень другъ другу въ голову.

Въ томъ нѣтъ сомнѣнія, что были тогда, какъ и всегда, крупные спекуляторы хлѣбомъ. Но это было однако самая послѣдняя сторона вопроса. Главной общей и страшной причиной голода въ Парижѣ было то, что никто не хотѣлъ ѣхать туда; что всѣ земледѣльцы обѣгали парижскій рынокъ, боялись его. Принужденные во время террора продавать на самыхъ невыгодныхъ условіяхъ, они вознаграждали себя теперь тѣмъ, что вовсе не пріѣзжали. Хлѣбъ уходилъ въ Руанъ, Эврё, Реймсъ, Орлеанъ. Можно было бы сказать, что послѣ сокращенія, громадная центробѣжная сила уносила далеко съѣстные припасы. Хотѣли, чтобы деревня въ районѣ около двадцати миль кормила Парижъ. Но крестьяне Вернона, напримѣръ, жили ровно на разстояніи двадцати миль и отказывались пріѣзжать, дрались чтобы не пріѣзжать. Парижскій рынокъ на такой горючей почвѣ, съ его большими воспламеняющимися толпами, пугалъ продавца. Ему было не по себѣ, среди окружавшихъ и тѣснившихъ его голодныхъ массъ, недовѣрчивыхъ, готовыхъ на злобные споры,—споры о цѣнѣ припасовъ, о цѣнѣ ассигнацій. Ярость противъ тѣхъ, которые покупаютъ дешево и на звонкую манету. Ругательства очень опасныя, легкомысленно расточаемыя, названія *скупщиковъ*,

морителей голодомъ (affameurs), убійцъ народа. И если возражали, то земледѣлецъ и его телега могли быть арестованы, ихъ могли потащить въ секцію, допрашивать въ очень пристрастномъ духѣ, и при выходѣ имъ грозила опасность.

Какъ помочь всему этому? Новая властъ—что бы тамъ ни говорили—не пренебрегала этимъ и сдѣлала невѣроятныя усилія, принесла столько же и еще болѣе затратъ нежели было сдѣлано и принесено во время террора. Сравнимъ двѣ достовѣрныя цифры. Членъ прежняго комитета общественнаго спасенія, Линде, говоритъ, что въ двѣнадцать мѣсяцевъ онъ приказалъ доставить два съ половиною мильона мѣръ разнаго зерна, слѣдовательно двѣсти тысячь для цѣлой Франціи. Буасси д'Англа утверждаетъ, что новый комитетъ приказалъ доставить восемьсотъ пятьдесять тысячъ въ четыре мѣсяца, слѣдовательно, болѣе двухъ сотъ тысячь въ мѣсяцъ для одного города Парижа.

Великое усиліе, но совершенно тщетное. Никакое правительственное распоряженіе не можетъ замѣнить торговлю, дѣйствіе частной предпріимчивости. Изъ такой жестокой дѣйствительности выходили яростныя обвиненія, убійственныя рѣчи: «Откуда нищета и голодъ, дороговизна, безработица, остановка производства и торговли?» Отъ тѣхъ, кто дѣлаетъ голодъ, говорили одни; отъ спекуляторовъ и сообщниковъ ихъ—депутатовъ. Другіе говорили: отъ заговора якобинцевъ и хвоста Робеспьера. Пока они путаютъ все, нельзя ничего сдѣлать. Надо покончить съ ними.

При такомъ настроеніи умовъ малѣйшій шумъ поражалъ и пугалъ. Собраніе волновалось отъ одного крика трибунъ, отъ одного гнѣвнаго слова Рюампа, Дюгэма. Жирондисты показывали кулакъ горѣ, кричали: «Видите ли вы заговоръ?»

Въ Парижѣ курсъ лекцій Лагарпа имѣлъ невѣроятный

успѣхъ. Болтунъ этотъ, обращенный въ тюрьмѣ одною благородною дамою, проповѣдывалъ теперь противъ самого себя, давалъ публикѣ спектакль террориста обвиняющаго терроръ. Вокругъ него составился извѣстный кружокъ, рьяное реакціонерное общество. Изъ его лицея свѣтская молодежь кидалась въ театръ, пѣла тамъ «Пробужденіе народа» и заставляла умолкать Марсельезу. Но молодежь эта встрѣчала враждебно настроенныя массы—большинство учащейся молодежи, тысячи двухъ сотъ студентовъ нормальной школы. Мюскадены, щеголи того времени, зашли такъ далеко въ наглости своей, что собраніе наконецъ пришло въ негодованіе. Окружили одинъ театръ и двѣсти мюскаденовъ, арестованныхъ, унесенныхъ и привезенныхъ въ Гравилье, получили жестокій выговоръ отъ этой патріотической секціи.

За то въ отместку заставили бѣшенаго Фрерона обвинить по всѣмъ правиламъ якобинцевъ (9 фев. 21 плювіоза). Собравъ всѣ злобные, нелѣпые толки ихъ, придавъ имъ согласіе, какого они ни чуть не имѣли, онъ совокупилъ подобранныя слова предмѣстья Сенъ-Антуана съ подобранными словами Сенъ-Марсо. На самомъ дѣлѣ Бабёфъ сблизился съ якобинцами. Но эта коалиція клубовъ, соперничавшихъ въ прошломъ году, не была ведена ни однимъ человѣкомъ дѣла. Тотъ, кто могъ вести ее и сдѣлалъ бы, быть можетъ, страшной, Лазуски, человѣкъ 10 августа, только что умеръ. Фреронъ утверждалъ, что хотѣли *убить сто представителей* жирондистовъ и термидорцевъ. Обвиненіе бездоказанное, но вѣрнымъ дѣйствіемъ его было довести до крайности ненависть и страхъ. 21 февраля арестовали Бабёфа. 2 марта декламаторъ Саладинъ въ доносѣ противъ четверыхъ—Колло, Бильо Вадье и Барера, началъ дѣйствительно процессъ противъ Горы. Онъ имѣлъ цѣлью не меньшее, какъ поразить по очереди

сотню представителей, которые въ 93 году были посланы съ разными миссіями.

Депутатъ Нижней-Сены, Форъ, говорилъ разумно, что надо отложить на годъ процессъ четверыхъ. Но ничего не слушали. Лежандръ заставилъ голосовать немедленный арестъ ихъ. Роковое начало, которое снова открывало путь варварской операціи собранія надъ самимъ собою. Одинъ человѣкъ почувствовалъ это, человѣкъ безъ значенія, но честный и который всегда слушался своего сердца, Лекуантръ, который въ августѣ былъ органомъ такъ общаго тогда движенія противъ террористовъ; Лекуантръ 19 марта, быстро обернувшись, удивилъ всѣхъ, требуя *конституцію 93 года*. Наиболѣе разумные изъ членовъ горы, Роммъ, Гужонъ, и пр., рукоплескали и совершенно справедливо. Какое бы мнѣніе ни имѣли объ этомъ невозможномъ механизмѣ, онъ могъ быть тогда полезенъ какъ знамя, которое, поставленное на той покатости, по какой скользили, могло задержать реакцію.

17 марта въ предмѣстье Сенъ-Марсо было сборище голодныхъ; 21 (1 жерминаля) толпа изъ предмѣстья Сенъ-Антуана пришла просить у собранія конституцію 93 г., и конецъ споровъ, то есть просить собраніе не убивать самое себя. Прошеніе очень дурно принятое умѣренными. Они заставили Сіэса учредить полицейскій законъ, угрожающій, но мало дѣйствительный: «Тотъ, кто нарушаетъ насиліемъ собраніе, ссылается; кто оскорбляетъ депутата, казнится смертью. Въ случаѣ смутъ, собраніе засѣдаетъ въ Шалонѣ и (что было безконечно опаснымъ и неразумнымъ дѣломъ) изъ каждой арміи будетъ призванъ отрядъ для защиты конвента».

Голодъ не боится ничего. 7 жерминаля (27 марта) поутру можно было раздать только по полфунта хлѣба; столько же должно было прибыть къ вечеру. Но уже долѣе не ждали.

Въ центрѣ Парижа женщины поднялись и пошли на конвентъ.

Буасси прекрасно объяснилъ положеніе дѣла. Парижъ потреблялъ гораздо болѣе, въ немъ было множество иногородныхъ ртовъ, по крайней мѣрѣ 50.000, и сверхъ того 8000 отставныхъ военныхъ очень безпокойныхъ. Обозы съ мукой приходили очень медленно, были слишкомъ часто останавливаемы, задерживаемы на дорогѣ жителями кричавшими, что ихъ морятъ съ голоду. Въ Парижѣ, не смотря на все, многіе забирали слишкомъ много, дѣлали запасы на нѣсколько дней. Заставы находили тысячи средствъ вывозить хлѣбъ изъ Парижа. Представители отправлялись лично торопить обозы. Ихъ не слушали; имъ даже грозили. Многіе рисковали жизнью. Употребить ли силу? Нужно ли вернуться къ средствамъ террора?

Колебаніе, въ которомъ находились, и трудность организовать ту силу, которая заставила бы земледѣльца пріѣхать противъ воли, длили такое положеніе дѣлъ. Страданія были явны, неоспоримы. Но собраніе думало, что заговоръ якобинцевъ эксплуатировалъ ихъ и поднималъ народъ. Испуганное взрывомъ 7, оно, казалось, хотѣло воспользоваться новымъ закономъ и переселиться въ Шалонъ, оставивъ Парижъ нищетѣ и отчаянію. Оно съ страстью продолжало свой процессъ противъ террора. Страсть очень слѣпая; она съ закрытыми глазами смѣшивала двѣ противуположныя фракціи предшествовавшаю правительства, преслѣдовала заразъ и орудія Робеспьера—Германъ и Фуке, и враговъ Робеспьера—Колло, Бильо, Вадье, и пр. 8 начинается съ большимъ шумомъ процессъ Фукье- Тенвиля, Германа и др. 12, какъ мы увидимъ, ссылаютъ Колло, Бильо, и др. неистовыхъ 93 г.

Не было никакихъ доказательствъ, что обѣ эти партіи терростовъ составили заговоръ; то была просто запоздавшая выдача хлѣба, которая 12 жерминаля (1 апрѣля) по-

несла громадную волну женщинъ въ Конвентъ. Онѣ вели съ собой дѣтей. Эта громадная масса, подталкиваемая сзади, сбила часовыхъ и хлынула въ собраніе.

Женщины кричали: Хлѣба! Хлѣба! Карно говоритъ въ замѣткахъ своихъ (см. Записки его), что сборище это вовсе не было угрожающимъ. Даже прошенія, которыя потомъ принесли мущины, какъ разнообразны ни были онѣ, демагогическія или нѣтъ, всѣ согласовались въ одномъ: въ нихъ просили конвентъ *оставаться на своемъ постѣ*, «слѣдовательно, выражали довѣріе къ нему.

Передъ приходомъ этой толпы Лантена, превосходный человѣкъ, жирондинецъ и другъ Ролана умолялъ собраніе принять умиротворяющей справедливости: «успокоить патріотовъ, которые, въ заблужденіи террора дѣлали зло безъ намѣренія.» Но нѣкоторые безумцы горы, маратистъ Рюампъ и нѣкто Буржуа довели собраніе до крайности яростной клеветой: что комитеты держали на жалованьѣ мюскаденовъ, что они *организовали голодъ*. Слово это въ такой день могло имѣть страшное послѣдствіе. Собраніе сдержалось, но ночью нанесло жестокій ударъ.

Все это происходило въ продолженіи чтенія очень длиннаго отчета Буасси, часто прерываемаго и, въ заключеніе, предлагавшаго уступить голосу Парижа и возвратиться къ стѣснительнымъ мѣрамъ для продовольствія его реквизиціей. Для этого нужно было къ каждомъ округѣ избрать и вооружить пятьдесять человѣкъ. Но что будутъ дѣлать эти люди? Не смѣли еще сказать, что они будутъ принуждать силой крестьянъ привозить припасы. Говорили только, что подъ начальствомъ представителей, они будутъ охранять подвозъ.»

Тщательная и слабая редакція. Лежандръ сказалъ: «Это не поведетъ ни къ чему безъ закона, *который принудилъ-бы*

фермера продавать по умѣренной цѣнѣ.» А Гужонъ сказалъ: «Это не поведетъ ни къ чему, если реквизиціи для Парижа будутъ производиться въ мѣстностяхъ, гдѣ покупаютъ болѣе отдаленныя округа,» (если Вернонъ, напримѣръ, поставляетъ въ Руанъ болѣе нежели въ Парижъ).

Эти энергическія мѣры, къ которымъ склонилось бы быть можетъ собраніе, были сильно парализованы сладенькой статьей, которую Сержанъ заставилъ прибавить къ декрету, а именно, «что вооруженные парижане, которыхъ пошлютъ, должны будутъ въ случаѣ надобности прибѣгать къ помощи мѣстной національной гвардіи.» То есть они, чтобы сдѣлать реквизиціи эти, должны были искать опоры тѣхъ, которые всею силою своею препятствовали реквизиціямъ.

Однако настоятельныя просьбы горы убѣдили толпу разойтись. Задыхались. Собраніе, оставшись одно, находилось въ сильномъ негодованіи, и не только ретрограды, но и искренніе республиканцы, какъ Шенье. Предсѣдатель, Андре Дюмонъ, воспользовался этимъ, чтобы сдѣлать гнусную вещь, это декретировать *не овиненіе* четверыхъ (Колло и др.), но ссылку безъ суда. Свирѣпая поспѣшность, какой не выказалъ даже самъ Камбонъ четыре или пять мѣсяцевъ передъ тѣмъ.

Настала ночь и распространились сильно раздражающіе слухи. Говорили, что Огюи и Пеньеръ, два представителя, были убиты или ранены. Огюи бывшій драгунъ, человѣкъ очень вспыльчивый и задорный, кинулся въ середину наиболѣе волновавшихся кварталовъ (Сенъ-Жакъ и др.); съ него сорвали шарфъ и онъ получилъ царапину. Пеньеръ, пришедшій къ нему на помощь былъ захваченъ, въ него стрѣляли и, къ счастью, не попали. Обѣ жертвы эти, съ сильно театральной выставкой приведенныя въ собраніе, раздражили его до изступленія.

Только что поужинали и всѣ говорили разомъ и кричали о мщеніи. До утра 13 шла проскрипція, безпорядочная случайная,—то того, то этого, Рюампа, Дюгэма, Шудье, Амора, Моисея Бэля, Россиньоля и др. Это шло такъ быстро, что одинъ изъ самыхъ рьяныхъ преслѣдователей, Бурданъ изъ Уазы самъ остановилъ записыванье сказавъ: «Довольно.»

Неистовый Фреронъ, постоянно все преувеличивавшій, клялся, что возмущеніе уже въ храмѣ Богородицы (Notre Dame) и укрѣплялось тамъ. Вручили командованіе генералу Пишегрю, Баррасу и Мерлену, де Тіонвилю, которые прошлись по Парижу и не нашли ничего. Только въ Елисейскихъ поляхъ одна кучка пыталась остановить кареты, гдѣ были ссыльные, но они тѣмъ не менѣе отправились въ Гамъ.

Собраніе, которому повиновались, которое было властелиномъ Парижа, должно бы было успокоиться, но оно не могло. Оно шло въ ярости и не зная куда шло. Подозрѣнія его были такъ сильны, что даже сами жирондисты обвиняли другъ друга. Луве, Дану казались имъ террористами. Одинъ изъ сотоварищей Дану, задушевный другъ его, который былъ въ тюрьмѣ вмѣстѣ съ нимъ и съ 73 жирондистами, говорилъ ему со слезами обнимая его: «Всѣмъ что есть святаго, прошу тебя, скажи мнѣ. Обнимаю ли я друга или убійцу? (см. Тальяндье).

Такъ приходилъ мракъ. Наносили другъ другу удары, это можно сказать—ночью. Ссылая Колло, Бильо и др., арестовали Лекуантра, именно того человѣка, который донесъ на нихъ. Четыре дня ревѣли: «Прикажите арестовать Камбона!» Собраніе голосовало это!.. Безуміе! Это значило именно возвращаться къ 9 термидора. Этотъ день, какъ помнятъ, былъ рѣшенъ безразсуднымъ нападеніемъ Робеспьера противъ Камбона. Возмущеніе рантье противъ него заставило Робеспьера, думать что онъ можетъ свергнуть великаго начальника финансовъ.

Но пользуясь такимъ образомъ раздраженіемъ рантье, онъ рисковалъ возбудить опасенія другаго класса, огромнаго—всѣхъ тѣхъ, которые при этой администраціи входили въ сдѣлки съ государствомъ, въ особенности покупщиковъ національныхъ имуществъ. Имя Камбона, имя неподкупной честности, покрывало, гарантировало богатство общества. Безъ Камбона—банкротство. Арестовать его значило однимъ ударомъ уничтожить продажу, убить ассигнацію.

До сихъ поръ еще роялисты держались съ нѣкоторою застѣнчивостью. Они принимали чужія имена. Они перестали стѣсняться, когда увидѣли, что собраніе само ссылало себя. Въ Руанѣ напали на ратушу съ криками: «Да здравствуетъ король!» (15 апрѣля). 20 (1 флореаля), интриганъ Корматенъ устроилъ себѣ въ Лондонѣ торжественную встрѣчу. Де Преси въ Ліонѣ, онъ переформируетъ національную гвардію и допускаетъ въ офицеры только тѣхъ лицъ, которые поднимали оружіе противъ конвента. Черезъ швейцарскую границу толпами возвращались эмигранты съ фальшивыми паспортами. То была волна ярости, ненависти, и мести, которая хлынула въ Ліонскій волканъ.

Собраніе содрогнулось бы, еслибы могло угадать дѣйствіе, какое произведутъ неистовства его вдали отъ Парижа. Все, чтó въ Парижѣ прошло криками, ругательствами и арестами (по большей части временными), въ Ліонѣ и на югѣ вскорѣ возобновилось въ кровавыхъ казняхъ. Невинный жерминаль Парижа сталъ тамъ 2 сентябремъ.

Чтобы достигнуть этого и нанести сильный ударъ, распространяли смѣшные, нелѣпые слухи: «Что якобинцы, возстановленные, будутъ дѣйствовать теперь новымъ оружіемъ—гильотиной съ семью ножами». Представители Буассе и Кадрой видѣли, какъ поднималась война и не останавливали ничего.

16 флореаля (5 мая 95) роялисты собрались въ театрахъ и оттуда 300 товарищей Іисуса, въ три отряда, пошли на тюрьмы. Въ одной заключенные защищались отчаянно. Тогда прибѣгли къ огню и сожгли ихъ живыми. Съ верху тюрьмы одна женщина, держа ребенка на рукахъ, бросилась въ пламя. Около ста человѣкъ погибло въ огнѣ. Кадрой писалъ конвенту, но въ пользу убійцъ, несчастныхъ людей, которые только мстили за родныхъ своихъ. Убійцъ судили только для формы; они были оправданы въ Роаннѣ. При возвращеніи ихъ въ Ліонъ, благочестивыя дамы и добрые роялисты пошли встрѣчать ихъ и усыпали путь ихъ цвѣтами. Они парадировали въ театрѣ. Общественное сочувствіе окружало ихъ, принимало ихъ, и возложило на головы ихъ вѣнецъ убійства.

VII.

Дни преріаля (20 мая 95).—Убійства на югѣ.

Роялисты обсуждали одинъ пунктъ: «Кому оказать пощаду?»—И многіе говорили: «Никому». Самый довѣренный совѣтникъ дофина, Антрэгъ, довольствовался 400.000 головъ и говорилъ: «Я хочу быть Маратомъ королевской власти». Въ Ліонѣ говорили безъ обиняковъ, что надо убить весь конвентъ, не щадя и умѣренныхъ, Буасси, Ланжюине.

Это нѣсколько пробудило собраніе, поглощенное движеніеми Парижа. 30 апрѣля, по запискѣ Шенье, декретировали, что эмигранты, согласно закону, должны быть подвергнуты суду и осуждены. Это были Преси и его ліонскій штабъ. Триста негодяевъ Іисуса дали на указъ конвента варварскій отвѣтъ—убійствами 5 мая. Собраніе послало жирондиста, человѣка

очень твердаго характера, Пулэна Гранпре, который водворилъ немного порядокъ. Эти триста уѣхали изъ Ліона и принялись по большой дорогѣ грабить дилижансы. Въ іюнѣ конвентъ принялъ и общую сильную мѣру, обезоружилъ городъ Ліонъ и отправилъ 10.000 ружей его въ итальянскую армію.

Роялисты въ Парижѣ были сильно раздѣлены и различныхъ оттѣнковъ. Многіе были просто купцами жалѣвшими о прежнемъ ходѣ торговыхъ дѣлъ, но по мнѣніямъ были столько же и жирондистами. Многіе были конституціонистами, какъ Дюпонъ изъ Немура, эксъ-секретарь Тюрго. Многіе были молодыми литераторами жаждавшими мѣстъ, людьми мнѣній колеблющихся, умѣренныхъ и нѣсколько глуповатыхъ, такимъ былъ Лакретель. Все это нѣсколько зашевелилось въ вандемьерѣ; но въ сущности все это не было страшно.

Это великое большинство умѣренныхъ разводило, разслабляло яростное меньшинство, желавшее насилія, не позволяло ему подражать подвигамъ трехъ сотъ въ Ліонѣ. Въ числѣ желавшихъ насилій было нѣсколько неистовыхъ, которые вызывали убійства. Такимъ былъ журналистъ Понселенъ, бывшій священникъ, авторъ памфлета *Убивайте ихъ!* такимъ еще былъ маленькій Фигаро изъ Кадикса, безстыдный Мартенваль, опасный шалунъ. Другіе были дворянами игорныхъ домовъ, содержателями дѣвокъ, кровожадными и ловкими дуэлистами. Буальи сохранилъ намъ образъ этотъ и часто воспроизводилъ его въ удивительныхъ гравюрахъ своихъ. То были люди истасканные; мало зубовъ, челюсть впалая, голова въ видѣ щелкуна орѣховъ, можно сказать голова смерти. За исключеніемъ фехтованья и шпаги, они не годились ни на что. Для большихъ движеній массъ, гдѣ нужны плечи, бедра, они нанимали дюжихъ драчуновъ. Мерсье увѣряетъ, что въ одномъ темномъ кабачкѣ у итальянскаго театра они нанимали лю-

дей, которыхъ звали кулаками Робеспьера, людей, которые здорово пьютъ, пьютъ до одурѣнія, бьютъ и убиваютъ.

Буасси д'Англа, который сдѣлался такимъ хорошимъ роялистомъ, однако говорилъ часто задушевной подругѣ своей, г-жѣ Монгольфье, которая это передала мнѣ: «что 1 преріаля народное движеніе усложнялось заговоромъ роялистовъ очень зловѣщимъ и очень опаснымъ». Но великая масса жирондистовъ и умѣренныхъ роялистовъ, не выказавъ энергіи и просто наполнивъ садъ бездѣйствовавшей національной гвардіей, внушительно подѣйствовала на людей, которые охотно уничтожили-бы (перерѣзали бы?) собраніе

Въ Парижѣ, однако, великимъ страшилищемъ была партія роялистовъ. У страха глаза велики. Собраніе раздувало эту партію, приписывало ей великія движенія голода. Оно думало предупредить новый жерминаль, отнявъ пики и создавъ національную гвардію, вооруженную ружьями. Оно думало удержать равновѣсіе, обезоруживъ роялистовъ въ Ліонѣ и террористовъ въ Парижѣ. У него было много послѣднихъ запертыхъ въ тюрьмахъ Плесси и Четырехъ Націй. Оно бросило остатки враждебныхъ клубовъ, Эвеше, якобинцевъ, Бабёфа и Дюплей. Обѣ враждовавшія школы якобинцевъ и соціалистовъ, такимъ образомъ, были сближены общностью страданій, опасностей и вскорѣ заключили союзъ.

Арестанты эти были испуганы и вполнѣ основательно убійствами въ ліонскихъ тюрьмахъ, произошедшихъ 5 мая, и казнью Фукье Тенвиля по приговору революціоннаго суда, совершенной 6 мая. Фукье однако совершенно ясно доказалъ, что онъ дѣйствовалъ только по принужденію, подъ насиліемъ и угрозами смерти. *) Въ термидорѣ онъ былъ вѣренъ кон-

---

*) Фукье приходился двоюроднымъ братомъ Камиллу Демулену. Онъ на-

венту и сопротивлялся Робеспьеру; онъ навѣрно погибъ-бы если бы Робеспьеръ побѣдилъ. Когда такъ вознаграждали такую вѣрность, то кто же могъ не опасаться за себя? Послѣ Карье, послѣ Фукье, послѣ изгнанныхъ монтаньяровъ, казалось вѣроятнымъ, что реакція настигнетъ и якобинцевъ въ ихъ тюрьмахъ. Они были на сторожѣ, поджидали первый ударъ, который поразитъ собраніе и, конечно, освободитъ ихъ. Такъ-же какъ и они, ярые роялисты, подавленные собраніемъ его въ Ліонѣ, надѣялись найти спасеніе въ народномъ движеніи, которое уничтожитъ его, казнитъ десятаго изъ членовъ, быть можетъ, всѣхъ зарѣжетъ поголовно. Якобинцы думали, что Парижъ вернется къ нимъ: роялисты—къ королю. Даже въ предмѣстьяхъ слышали, какъ плачущія женщины кричали: «короля!... Но только хлѣба!» Великій общій заговоръ былъ только голодъ. Доказано, что 20 мая (1 преріаля) совершенно не хватило хлѣба. Представитель Бурботъ увѣряетъ, что въ семь часовъ вечера онъ еще не завтракалъ. Субрани, ища по утру зав-

---

помнилъ, что наканунѣ и на другой день преріаля, когда Робеспьеръ провелъ свой ужасающій законъ, онъ подалъ въ отставку, такъ же какъ и многіе присяжные; что Робеспьеръ, что Сенъ-Жюстъ грозили, что ихъ *арестуютъ*, арестуютъ *немедля* (Hist Parlementaire, T. XXXIV, p. 248, 301), что клевретъ Робеспьера, предсѣдатель суда, Дюма, дѣйствительно приказалъ арестовать одного изъ присяжныхъ; что другой, Дюплэ самъ, тотъ у кого жилъ Робеспьеръ, хотѣлъ выйти въ отставку, (Hist. Parlem. T. XXXIV, p. 248—301). Ни комитеты, ни Фукье, ни присяжные не могли, не погибнувъ, вырваться изъ страшнаго механизма, въ который ихъ поставили.—Многіе изъ обвиненныхъ, даже наиболѣе заслуживавшіе сожалѣнія не были невинны. Мальзербъ скрылъ заявленіе парламента, то былъ поводъ къ объявленію гражданской войны. Лавуазье доставилъ порохъ, чтобы сражаться противъ народа.—Безчеловѣчная поспѣшность, съ какою все было исполнено, прославила нѣкоторыхъ виновныхъ, придала имъ родъ торжества. Граммонъ Шуазель, напримѣръ, бывшій одною изъ трехъ роковыхъ парκъ, которыя создали семилѣтнюю войну, продали Францію Австріи, погубили насъ въ 63 г., былъ виновенъ несравненно болѣе Маріи Антуанеты.

трака по кафе, нашелъ вездѣ шололатъ, но хлѣба нигдѣ. Что же было съ бѣдными классами, съ матерями, съ голодными дѣтьми? Раздавали рисъ, но у большинства не было угля, чтобы сварить, Женщины, которыя стояли всю ночь передъ булочными, пришли въ ярость и увлекали за собою тѣхъ, которыя хотѣли еще ждать. Не дали начаться поденнымъ работамъ. Всѣ, не сговариваясь, хотѣли идти къ собранію и требоватъ хлѣба.

Было пять часовъ утра. Патріоты пытались воспользоваться движеніемъ, придать ему направленіе въ ихъ смыслѣ. Они составили грозный адресъ (конечно въ Плесси). Адресъ требовалъ *убійства ліонскихъ арестантовъ*. Онъ требовалъ того, чего Бабёфъ такъ часто требовалъ въ газетѣ своей «*уничтоженія революціоннаго правительства*, которымъ каждая партія злоупотребляла по очереди. Онъ требовалъ новаго собранія. Онъ требовалъ ареста управлявшихъ комитетовъ, которые морятъ народъ голодомъ. Онъ смѣшно предписывалъ то, что дѣлалось само собой: чтобы граждане и гражданки шли въ *братскомъ безпорядкѣ*, написавъ на шляпахъ: хлѣба! и конституцію 93 г.! «Кто не напишетъ это, тотъ моритъ народъ съ голоду».

Адресъ этотъ, прочитанный въ собраніи, совершенно обманулъ его на счетъ характера движенія и утвердилъ въ ложной мысли, что существовалъ большой заговоръ, что вождями его были изгнанные депутаты и иные изъ находившихся на лицо, что заговоръ былъ въ самомъ собраніи.

Нѣсколько криковъ, раздавшихся съ трибуны, усилили раздраженіе. Реакціонеры Огюи, Роверъ, Буронъ сдѣлали его еще болѣе серьезнымъ. Одинъ изъ нихъ Клозель, человѣкъ горячій, съ юга, довелъ волненіе до высшей степени, сценою ярости. Онъ сорвалъ одежду, обнажилъ грудь и показывая

ее шумной публикѣ трибунъ, прокричалъ: «Тѣ которые смѣнятъ насъ, пройдя по трупамъ нашимъ, не будутъ болѣе насъ ревностны къ благу народа... Подумайте! Вожди движенія должны быть наказаны! Солнце не зайдетъ надъ преступленіями ихъ.»

Объявили этихъ вождей *внѣ закона* и прибавили: «Вождями считаются тѣ двадцать человѣкъ, которые пойдутъ впереди. Статья очень необдуманная. Вдругъ увидѣли этихъ *вождей*, тѣхъ, которые шли впереди. То были голодныя женщины; онѣ наводнили трибуны съ криками: «Хлѣба, хлѣба! И сейчасъ!...» Имъ говорятъ, что собраніе занято ускореніемъ подвоза. Онѣ не хотятъ ничего слышать. «Хлѣба! хлѣба!... И сейчасъ!» Иныя грозятъ, показываютъ кулаки. Другія смѣются глупому остолбенѣнію, которое овладѣло собраніемъ. Луве и многіе депутаты пришли въ негодованіе отъ этихъ оскорбленій. Предсѣдатель, Андре Дюмонъ, поручилъ одному бригадному генералу, бывшему тутъ, прогнать женщинъ, заставить ихъ очистить трибуны. Это было исполнено бичами почтальоновъ. Бить несчастныхъ голодныхъ женщинъ — это могло только раздражить. И въ самомъ дѣлѣ онѣ вышли крича: «Вотъ теперь рѣжутъ женщинъ!» Минуту спустя народная волна, еще болѣе сильная, преимущественно мужчинъ, хлынула; на нее напирали сзади. Дверь разлетѣлась въ дребезги. Масса въ одно мгновеніе очутилась выброшенной въ средину конвента. Масса странная, въ пестрыхъ лохмотьяхъ, красныхъ шапкахъ, вооруженная молотами, пиками, старыми мушкетами и пр. Депутаты бѣгутъ на верхнія скамейки.

Національная гвардія, призванная комитетами на помощь собранію, подходитъ очень медленно. Представитель Огюи, бывшій драгунъ, съ саблей въ рукѣ, вводитъ нѣсколькихъ гвардейцевъ въ залу. Схватили одного инсургента и нашли

у него хлѣбъ. «Вы видите, что голодъ вымышленъ. Это заговоръ». Вооруженнную силу Парижа ввѣрили представителю Дельма, который былъ однимъ изъ послѣднихъ предсѣдателей якобинцевъ.

Между тѣмъ прибываютъ толпы народа, вооруженныхъ мущинъ; послѣднія болѣе раздраженныя. Представители сами, дѣйствуя и угрожая, арестуя инсургентовъ, иногда собственными руками учили слишкомъ хорошо народъ не уважать ихъ. Съ двухъ сторонъ были сдѣланы ружейные выстрѣлы, чтобы охранять или взять сломанную дверь. Въ этой страшной неурядицы, твердость дипломатическаго корпуса вызывала удивленіе; онъ не двинулся съ своей трибуны и хотѣлъ все наблюдать до конца.

«Распустятъ ли собраніе?» То былъ важный вопросъ для Европы и міра для посланниковъ Пруссіи, Швейцаріи, Америки и др., которые находились тамъ.

Движеніе это, совершенно противуположное движенію жерминаля, не заключало въ себѣ ничего благопріятнаго для горы. Грозили многимъ изъ членовъ ея. Молодой монтаньяръ Гужонъ очень хорошо опредѣлилъ положеніе: «Если конвентъ будетъ уничтоженъ, мы всѣ погибнемъ.» Это было общею мыслью лѣвой и правой. Угрожали цѣлому собранію и оно сопротивлялось въ цѣломъ составѣ своемъ, безъ различія партій. Буасси д'Англа на правой упорно оставался предсѣдательствовать, не смотря на сильную опасность. Вечеромъ Роммъ, Гужонъ на лѣвой привлекли къ себѣ настоящій народъ и отвратили покушеніе анархистовъ или роялистовъ. И конвентъ существовалъ.

Молодой депутатъ Ферро выказалъ удивительное мужество. То былъ молодой гасконецъ пылкій и очень любимый. Онъ едва не погибъ, защищая Жиронду. Съ тѣхъ поръ онъ слу-

жилъ въ арміи. Чтобы защитить собраніе, онъ легъ на порогѣ и сказалъ: «Вы пройдете черезъ мое тѣло». Но это не остановило. Тогда видя ружья направленными на предсѣдателя, онъ хочетъ защищать его и поднимается по лѣстницѣ. Его останавливаютъ, его тащатъ внизъ. Одинъ офицеръ наноситъ ударъ стрѣлявшему, и тотъ, желая убить офицера, попадаетъ въ Ферро и ранитъ его. Ферро падаетъ. Толпа кидается на него, бьетъ его, рветъ ему волосы. Одна сумасшедшая, Мигелли, ходитъ по немъ. Одинъ виноторговецъ, слыша какъ говорятъ; «Перерѣжьте ему шею», рѣжетъ и бросаетъ голову толпѣ. Было ли то дѣломъ совершено случайнымъ? Это вѣроятно. Голову посаженную на конецъ пики понесли слесарь, мясникъ, парикмахеръ и пр. Всѣми, кого ни заставляли нести ее, овладѣвало головокруженіе: они часто дѣлали страшные фарсы. Однако то употребленіе, которое сдѣлали черезъ два часа изъ этой головы, кажется, было предумышленно.

Андре-Дюмонъ, предсѣдатель, который около полудня заставилъ постановить, что вожди *объявляются внѣ закона*, скрылся и оставилъ предсѣдательство человѣку, котораго болѣе всѣхъ обвиняли въ голодѣ, Буасси. Буасси выказалъ въ продолженіе многихъ часовъ удивительное хладнокровіе, невозмутимое мужество, какого не ожидали отъ него. То былъ протестантъ изъ Ардеша, адвокатъ изъ Аннонея, добывшій себѣ титулъ одной придворной должности—метрдотеля старшаго брата короля. Провинціальный академикъ накрахмаленной вѣжливости, казавшейся лакейской, онъ имѣлъ видъ, говоритъ Мерсье, «постоянно держать на рукѣ салфетку метрдотеля». Онъ былъ прежде всего человѣкомъ порядка и вначалѣ стоялъ за Жиронду. Онъ былъ въ числѣ подавшихъ за нее протестъ, хотя послѣ и вычеркнулъ имя свое изъ числа протестовавшихъ.

Онъ былъ изъ числа людей надѣявшихся на Робеспьера, чтобы покончить съ революціей, и имѣлъ неосторожность очень незадолго до термидора назвать его «Орфеемъ Франціи». Консерваторъ прежде всего, онъ былъ въ числѣ той массы жирондистовъ, которая должна была соскользнуть къ конституціонной монархіи. Тенденція равно ненавидимая и твердыми патріотами и ярыми роялистами. Въ тотъ день преріаля, когда голова его держалась на волоскѣ, онъ былъ очень твердъ, подписывалъ приказы о репрессіи: «отражать силу силою».

Три управлявшіе комитета не подавали ни малѣйшаго признака жизни. Они послали курьеровъ за двадцать миль отъ Парижа вызвать линейныя войска, охранявшія подвозы. На это нужно было два три дня. Призвали національную гвардію. Она явилась въ значительномъ числѣ, но не думала дѣйствовать противъ массы голоднаго народа. За исключеніемъ первой минуты она, увидя что новыя волны народа все смѣнялись, воздержалась отъ противодѣйствія и прогуливалась по Тюльери. Только разъ, когда ее позвали, упросили, она показалась у дверей. Но народъ закричалъ: «прочь оружіе!» и она ушла. Жандармы собранія, естественная стража его, тоже показались, имъ закричали: «Прочь!» Они вышли.

Кризисъ тянулся и не приводилъ ни къ чему. Народъ, овладѣвъ мѣстомъ, не зналъ что дѣлать съ нимъ. Неизвѣстные люди и на верху и внизу трибунъ начали говорить. Одинъ кричалъ: «Что сдѣлали вы съ нашими деньгами, съ нашею свободою?» Другой: «Ступайте прочь! Мы сами составимъ конвентъ!» Третій: «Заставимъ голосовать нашъ адресъ. Мы тогда увидимъ, кто изъ нихъ плуты». Четвертый: «Всѣ плуты. Надо всѣхъ арестовать».

Арестовать было невозможно, но можно было зарѣзать. Фанатикъ анархистъ могъ ружейнымъ выстрѣломъ убить пред-

сѣдателя, довести безпорядокъ до послѣдней степени, быть можетъ, заставить собраніе бѣжать. Пытались поколебать, обольстить Буасси. Ему угрожали во всѣхъ смыслахъ. Ему нашептывалъ на ухо Мефистофель, переодѣтый башмачникъ съ бѣлыми руками; онъ говорилъ съ ироніей: «Вотъ она, твоя республика!» разсчитывая довести его до отчаянія и заставить его покинуть свое мѣсто. Другое искушеніе, страшное и вѣроятно подготовленное было то, что около шести часовъ вечера снова принесли голову Ферро, которую вездѣ разносили, и поднесли къ лицу Буасси эту голову посинѣлую, безобразную. Онъ подумалъ, что это голова офицера, которому онъ далъ приказаніе усмирять инсургентовъ, и мужественно поклонился ей. Онъ остался твердо на своемъ мѣстѣ и не двинулся. Правда, говорятъ, что ему было трудно двинуться потому что онъ былъ окруженъ, замурованъ живою стѣною. Дверь, которую съ тѣхъ поръ пробили въ этомъ мѣстѣ, тогда еще не существовала. Онъ могъ удалиться не иначе, какъ спустившись внизъ и пройдя черезъ толпу. Нужно было выждать минуту. Онъ это и сдѣлалъ немного позже, послѣ того какъ онъ въ продолженіе четырехъ часовъ истощилъ всю человѣческую силу, не могъ сдѣлать ничего болѣе и не надѣялся ни на что.

Правая настолько отчаялась въ самой себѣ, что даже еще до ухода Буасси просила лѣвую вступиться. Почтенный монтаньяръ Рюль всталъ на свою скамью, говорилъ, ему рукоплескали нѣсколько женщинъ, но другіе не слыхали его. Ни. какого уваженія къ горѣ. Многіе даже оскорбляли ее. Возлѣ Бурбота стоялъ инсургентъ, можетъ быть пьяный, который повременамъ билъ его кулакомъ по головѣ. Бурботъ, другъ Клебера и такъ же мужественный какъ и онъ, сохранялъ изумительную кротость и, улыбаясь, отклонялся отъ ударовъ.

Онъ говорилъ себѣ: «Этотъ молодецъ ищетъ предлога къ убійствамъ».

Довольно было одного удара для того чтобы множество людей начали бить, не зная что онч дѣлаютъ. Многіе напились не ѣвши. Одинъ говорилъ. «У меня въ животѣ ржавая селедка и два литра вина». Другіе были дикарями не понимавшими ничего и тѣмъ болѣе полными бреда и ярости.

Былъ, напримѣръ, мясникъ съ пастушеской собакой. Утромъ приведя быковъ въ Парижъ, онъ узналъ, что народъ идетъ въ конвентъ. Онъ слѣдовалъ за толпой. «Вы видите мою собаку,» говорилъ онъ: «Она не ѣла три дня.» Онъ былъ въ числѣ тѣхъ, кого заставили нести голову. Это привело ихъ въ странное опьяненіе, вызвало жажду крови. Карно сказалъ: «Это единственный день, когда народъ показался мнѣ кровожаднымъ.»

Неустрашимые депутаты, которые возвратились изъ армій изъ кровопролитнѣйшихъ битвъ, увидѣли здѣсь еще большую опасность, думали, что стоятъ передъ лицомъ смерти и, какъ бываетъ всегда съ храбрыми людьми въ такихъ случаяхъ, стали очень веселы. Бурботъ улыбался. Дюкеной громко хохоталъ, видя, что журналисты убѣжали съ своей трибуны. Члены правой, которые остались, нисколько не скрывали своего страха. Они обращались къ монтаньярамъ. Жирондистъ-роялистъ, дела-Гэ спрашивалъ Ромма: неужели они дадутъ зарѣзать конвентъ.

Роммъ весь день хранилъ упорное молчаніе, взвѣшивая, безъ сомнѣнія, про себя различныя стороны вопроса. Онъ видѣлъ вокругъ себя бѣдныхъ голодныхъ женщинъ, которыя не ѣли тридцать часовъ и не могли уйти. Одна несчастная работница сильно страдала и говорила: «Еслибы только я не была беременна!» Этотъ человѣкъ, котораго считали желѣз-

нымъ, былъ тронутъ. Онъ въ сорокъ пять лѣтъ женился; жена его была тоже беременна. Имъ овладѣлъ порывъ жалости къ этимъ женщинамъ, къ бѣдному народу.

Собраніе очевидно находилось въ большой опасности. Распорядительные комитеты, которые обязались представить отчетъ, и которыхъ ожидали съ часа на часъ, не подавали никакихъ признаковъ жизни. И съ правой и съ лѣвой каждый совѣтывалъ дѣйствовать. Съ правой старый жирондистъ Вернье началъ предсѣдательствовать. Съ лѣвой Карно одобрилъ его. (Mémoires, I, 381). Онъ сказалъ даже Ланжюнне, который выходилъ изъ себя и негодовалъ: «Надо радоваться, видя, что направленіе движенія переходило въ руки почтенныхъ людей, которые не дадутъ ему окончиться кровавой борьбой.» — «И дѣйствительно,» прибавилъ онъ позже: «Безъ счастливаго вмѣшательства ихъ, вѣроятно, покушеніе было бы доведено до послѣднихъ границъ».

Предсѣдатель Вернье, чтобы внести нѣсколько порядка въ безпорядокъ, приказалъ поставить внизу скамьи, на которыя сѣли депутаты. Народъ занималъ верхнія ступени. Предложенія Ромма не были ничуть эксцентричными, не были ничуть «предложеніями убійства и грабежа», какъ говоритъ Тибодо,—напротивъ они были вполнѣ человѣчными. Онъ требовалъ освобожденія заключенныхъ патріотовъ,—вещь въ высшей степени умѣстную въ ту минуту, когда узнали о ліонскихъ убійствахъ въ тюрьмахъ.

Бурботъ, всегда великодушный потребовалъ «уничтоженія смертной казни.» Народу возвращали его пока, его право выбора своихъ комитетовъ. Что касалось продовольствія, то постановили именно ту мѣру, которую цѣлое собраніе декретировало на слѣдующій день: одинъ сортъ хлѣба, запрещеніе дорогаго сорта хлѣба; объявленное по всѣмъ домамъ. Назначили

военнымъ начальникомъ Парижа человѣка уважаемаго и любимаго всѣми партіями, Субрани, котораго хвалилъ даже роялистъ Больё.

Но кто же запишетъ все это? Кто захочетъ быть секретаремъ? Гужонъ не отступилъ передъ такою опасною отвѣтственностью. Онъ пошелъ къ бюро, говоря: «Пойдемъ на смерть.» Многіе депутаты останавливали его, совѣтывали не писать. Они хотѣли только комедій мѣры, которая успокоили бы народъ.

Управлявшіе комитеты, которые въ продолженіе стольких часовъ не дѣлали ничего для собранія, вполнѣ заслуживали отрѣшенія. Гужонъ, Дюрой потребовали, чтобы они пришли сдать отчетъ и чтобы ихъ смѣнили. Дюкеной требовалъ этого въ особенности въ отношеніе комитета общественнаго спасенія. Голосовали, что Дюкеной, Пріёръ, Бурботъ и Дюрой пойдутъ отрѣшить его и захватить его бумаги. Въ эту минуту явился наконецъ комитетъ общественнаго спасенія, по крайней мѣрѣ Лежандръ и другой ктс то изъ членовъ. Оставивъ такъ долго конвентъ на жертву, они теперь забавно пришли просить его оставаться твердымъ на своемъ постѣ и пригласить толпу разойтись. Ихъ ошикали, оттолкнули. Дюкеной требуетъ, чтобы комитетъ этотъ былъ арестованъ.

Была полночь и толпа расходилась сама собой. Голодъ и дурная погода заставили народъ вернуться по домамъ. Осталась только небольшая кучка самыхъ озлобленныхъ. Четверо представителей назначенныхъ идти въ комитетъ общественнаго спасенія, выходя, столкнулись съ національной гвардіей, которую привели Лежандръ, Огюи, Кервенеганъ, Шенье и еще кто-то. Буасси снова занялъ мѣсто председателя. Онъ приказалъ народу выйти и командиръ полка Филь-Сенъ Томасъ, Раффе штыками очистилъ залу. Народъ сопротивлялся. Но

вскорѣ явился многочисленный отрядъ національной гвардіи. Инсургенты бѣгутъ, спасаются, многіе черезъ окна.

Что же это были за комитеты, которые ничего, ничего не сдѣлали, которые пришли только, когда ночь, голодъ и усталось почти все покончили? Въ нихъ было нѣсколько патріотовъ, какъ Ревбель и Шенье; но вообще они подчинялись вліянію Сіэса, который былъ олицетворенной инерціей, вліянію Тальена. Что же они придумали? Вещь очень опасную: *создать другое собраніе*, соединять разбѣжавшихся депутатовъ въ другомъ помѣщеніи, которое предлагалъ одинъ изъ округовъ. Но не было ли это ловушкой, которую устраивали роялисты, чтобы помѣстить собраніе у себя? Такимъ образомъ рисковали сдѣлать два конвента противныхъ другъ другу. Тальенъ оправдывается, говоря: «Мы бы втайнѣ предложили вамъ придти туда.» Но на самомъ дѣлѣ не было предложено ничего подобнаго. Собраніе покинутое не знало ничего, не надѣялось ни на что, должно было само помогать себѣ.

Очень многіе держались въ сторонѣ. Тибодо, который въ жерминалѣ оставался такъ благоразумно въ саду, въ преріалѣ кажется тоже скрывался цѣлый день. Въ полночь, когда дѣло было окончено, онъ явился громоносный, безпощадный къ тѣмъ, которыхъ покинули въ опасности, требуя ареста ихъ, упрекая ихъ *въ декретахъ убійствъ и грабежей*. Одинъ дуракъ, нѣкто Пьере, до сихъ поръ безгласный, принялся повторять старыя сказки роялистовъ: «Монтаньяры до того кровожадны что не съѣдятъ цыпленка, не гильотировавъ его.»

И когда кто то высказалъ сомнѣніе, онъ сказалъ: «У нихъ есть маленькія гильотины.» Въ такую минуту эти глупости имѣли убійственное дѣйствіе. Бурдонъ, который цѣлый день разговаривалъ съ обвиненными, вдругъ покраснѣлъ, вышелъ изъ себя и закричалъ: «Ихъ надо вывести за рѣшетку.»

Говорятъ даже, будто онъ предлагалъ, чтобы ихъ немедля разстрѣляли въ сосѣдней залѣ.

То было позорное зрѣлище видѣть, какъ вдругъ обернулись противъ нихъ всѣ тѣ, которые боялись за себя. Роялистъ де ла Гей, который первый просилъ Ромма говорить, становится обвинителемъ ихъ. Вернье, который предсѣдательствовалъ, очищаетъ себя на счетъ горы. Делакруа, который поздравлялъ Бурбота и говорилъ ему: «вы спасли конвентъ», становится обвинителемъ его. И такъ арестовали Гужона, Ромма, Пріёра, Дюроя, Дюкеноя, Бурбота. Субрани уже ушелъ. Ему присовѣтывали бѣжать, но онъ гордо вернулся и далъ арестовать себя съ другими. Къ нимъ прибавили еще нѣсколькихъ и ярость дошла до того, что хотѣли арестовать неприсутствовавшаго, Роберта Линде. Всего страннѣе было то, что желая предать ихъ суду, уничтожили документы, по которымъ ихъ должно было судить. Сожгли декреты, которые они голосовали.

Продолжительное и трагическое засѣданіе окончилось къ четыремъ часамъ утра предложеніями довольно забавными. Лежандръ предложилъ, чтобы всѣ депутаты носили оружіе; Андре Дюмонъ, чтобы съ этого дня женщинамъ былъ запрещенъ входъ на трибуны. Наконецъ, было постановлено, чтобы секціи обезоруживали и арестовали кровопійцъ и разбойниковъ. Декретъ неясный и глупый, который смотря по кварталамъ, могъ быть понятъ въ совершенно противуположномъ смыслѣ.

VIII.

Процессъ преріаля.—Смерть горы.

21 мая—17 іюня 95.

Въ ночь и утро 2 мая распространились нелѣпые слухи;

они были встрѣчены самымъ изумительнымъ, самымъ безумнымъ легковѣріемъ. Говорили, повторяли въ предмѣстьяхъ, что въ конвентѣ *«убивали* женщинъ.» Чудовищное преувеличеніе грубаго способа, какимъ ихъ прогнали съ трибунъ. Говорили въ собраніи и вѣрили, что ужасная коммуна, уничтоженная въ термидорѣ, снова была учреждена и засѣдала въ ратушѣ. Кто же былъ Робеспьеромъ ея? Вы не угадаете? Камбонъ!

Кто могъ выдумать и утверждать такъ грубо смѣшную вещь? Очень вѣроятно Тальенъ, озлобленный за испанскіе фонды тестя своего, которые Камбонъ, этотъ злой сторожевой песъ казначейства, не хотѣлъ выпустить. «Такъ вотъ мы теперь узнали эту тайну такъ ужасную!» вскричалъ Бурдонъ съ Уазы. А Тальенъ: «Успокойтесь. Идутъ на безчестную коммуну. Ее надо растрѣлять.»

Камбонъ сталъ Робеспьеромъ! И эта крайняя степень безстыдства во лжи не ошикана, не освистана. Удивительное собраніе, которое кажется потеряло всякую память о лично, стяхъ и характерахъ. Сегодня надъ нимъ очевидно господствуютъ тѣ сто арестантовъ, которые въ продолженіи восемнадцати мѣсяцевъ остались схороненными отъ міра, не знали ничего что дѣлалось въ это время. Странные полуслѣпые, которые вернувшись на свѣтъ дня, не видятъ болѣе ясно, нежели видѣли въ черныхъ стѣнахъ Портъ Рояля или Плесси. Идутъ на Гревъ. Никого. Коммуна исчезла.

Но что было дѣйствительнѣе—это великое движеніе предмѣстья Сентъ-Антуана, который идетъ на конвентъ. Къ голоду, къ бѣдствіямъ присоединялось еще одно—вчерашнія оскорбленія. Всѣ, кого національная гвардія такъ невѣжливо вытолкала въ дверь или въ окно, были сильно раздражены. Бичи почтальоновъ, которыми прогнали женщинъ предмѣстій, приводили въ

негодованіе—и совершенно справедливое. Въ этомъ большомъ призывѣ къ оружію 2 мая было очень мало политическаго, но сильный гнѣвъ и негодованіе оскорбленной чести Парижа. Шесть пушекъ большаго предмѣстья, во всей грозѣ своей, прокатились по всѣмъ набережнымъ до Тюльери, посреди шумной толпы. Ни плана, ни вождя. Впереди шелъ самый рослый, самый сильный, великанъ негръ, кузнецъ командовавшій очень дурно, потому что онъ былъ заикой.

Секціи вѣрныя собранію наполняли садъ, улицы примыкавшія къ каруселю, и когда предмѣстье появилось тамъ, то оказалось, что впереди и сзади него стояла національная гвардія. Пушки противъ пушекъ. Достаточно было нѣсколькихъ пьяныхъ канонировъ, чтобы произошли страшныя несчастія. Въ кого, за что стрѣлять? Никто этого не зналъ. И никто этого особенно не желалъ. Жандармы собранія встали рядомъ съ предмѣстьемъ. Даже вѣрныя секціи смѣшались съ нимъ сами. Это движеніе, въ дѣйствительности, очень счастливое и нейтрализировавшее враждебность, если она и существовала, было дурно понято собраніемъ. Лежандръ, всегда смѣшной, сказалъ: «Будемъ спокойны! Природа обрекла всѣхъ насъ на смерть. Немного ранѣе, немного позже все равно!» Геройство очень напрасное и слишкомъ легкое. Одинъ изъ представителей, нечаянно попавшійся въ толпы эти, не только не былъ оскорбленъ, но и съ почетомъ отведенъ въ конвентъ. Десять членовъ, посланные къ народу, были хорошо приняты. Это приняли какъ удовлетвореніе за вчерашнія грубости. Горячо братались, душили въ объятіяхъ. Одинъ изъ депутатовъ, возвращаясь въ собраніе, сказалъ: «Какъ передать вамъ тѣ изліянія сердечныя, пожатія руки, горячую нѣжность, какія мы нашли тамъ!»

Нѣкоторые политики, находившіеся въ этой толпѣ, видѣли,

что все пропадало и выступили впередъ, сказавъ, что они уполномочены предъявить народныя требованія. «Хлѣба и конституцію, наказаніе ажіотеровъ.» Это были обычныя требованія. Было естественнымъ дѣломъ присоединить къ нимъ требованіе освободить монтаньяровъ, арестованныхъ въ полночь. Но объ этомъ не говорили. Сказали вообще «свободу патріотовъ *арестованныхъ съ термидора.*» Это заставляетъ меня думать, что ораторъ былъ скорѣе якобинецъ, чѣмъ монтаньяръ.

Конвентъ удовольствовался тѣмъ, что прочелъ этимъ делегатамъ только что составленный декретъ: 1) успокоивали насчетъ продовольствія; 2) обѣщали, что органическіе законы будутъ представлены 26 мая. Собраніе твердо стояло на послѣднемъ пунктѣ: оно не обѣщаго *освобожденія арестантовъ.* На этомъ не настаивали. Делегаты обмѣнялись братскимъ поцалуемъ съ президентомъ. Было уже поздно, около одиннадцати часовъ вечера. Народъ возвратился въ предмѣстье.

3 постановили смертную казнь тому, кто будетъ бить общій сборъ. Назначили Дельма, Обри, Жилье управлять военными силами. Но силы эти вовсе не существовали. Потребованныя войска не приходили. Едва получили кое какую кавалерію, которую поставили подъ деревьями Тюльери. Капитаномъ былъ слишкомъ знаменитый гасконецъ Мюратъ изъ королевской стражи 90 г., который въ 93 принялъ имя Марата; впрочемъ онъ былъ блестящій кавалеристъ и могъ разбивать отряды.

Парижъ былъ спокоенъ. Однако арестовали и судили одного слесаря изъ предмѣстья, одного изъ тѣхъ, кого называли убійцами Феро, потому что они несли голову его. Толпа заволновалась и въ восемь часовъ вечера, когда тележка приблизилась къ Греву, ее окружили и не пропустили далѣе. Женщины ловко вскочили на тележку,—мужчины переодѣтые жен-

щинами,—развязали и освободили приговореннаго. Смѣлый поступокъ, который заставилъ повѣрить новому движенію.

Хотѣли предупредить его. Комитеты вечеромъ раздали оружіе всѣмъ, кто требовалъ его. Вооружили всѣхъ отставныхъ офицеровъ, молодежь вѣрныхъ секцій. Составили колонну въ 1200 человѣкъ, чтобы обыскать предмѣстье, найти убійцъ, въ особенности найти Камбона и Тюріо, воображаемую коммуну. Изъ этихъ 1200 только двѣсти были солдатами; прочіе господчиками, мюскаденами, журналистами и между ними Лакретель. То была очень ничтожная сила, чтобы идти на муравейникъ 60.000 рабочихъ. Было ли это легкомысліемъ? Слѣдуетъ ли думать, что употребляя этихъ молодыхъ людей, большая часть которыхъ были роялистами, термидорцы не были бы особенно огорчены видѣть ихъ пораженіе? Игра очень опасная. Какъ бы то ни было, этотъ небольшой отрядъ, сдѣлавъ неосторожную попытку брать пушки предмѣстья, былъ самъ захваченъ между двухъ баррикадъ, принужденъ возвратить пушки и очень счастливъ тѣмъ, что ему позволили уйти черезъ небольшое отверстіе.

Въ продолженіе дня прибыло много войска. Собраніе издало угрожающій декретъ противъ предмѣстья. Предмѣстье должно выдать убійцъ. Оно должно выдать оружіе и пушки. Сопротивленіе — бунтъ. Предмѣстье лишается своей доли въ раздаваемыхъ припасахъ. Вооруженные этимъ декретомъ. въ четыре часа Барра и Дельма съ Фрерономъ, съ войскомъ и пушками, которымъ командывалъ генералъ Мену, пошли объявить декретъ. Говорилось о томъ, чтобы сжечь предмѣстье. Слово это подѣйствовало. Собственники, фабриканты, вступаются, уговариваютъ рабочихъ. Поворотъ мгновенный. Толпа выдаетъ пушки и канонировъ, своего негра, заику Геркулеса изъ Попинкура, котораго судили на слѣдующій день.

Обезоруженіе предмѣстья, сильное нравственное дѣйствіе обезоруженія на цѣлый Парижъ должны были все успокоить все покончить. Многіе думали это и говорили: «Республика на этотъ разъ основана.» Но волненіе собранія не могло улечься. Въ каждое засѣданіе новыя обвиненія, новые аресты болѣе двадцати депутатовъ, даже тѣхъ, которыхъ охраняли заслуги ихъ—Линде и Жана-Бонъ-Сенъ-Андре! Два человѣка наиболѣе серьезныхъ и уважаемыхъ Рюль и Моръ убили себя. Наконецъ 8 преріаля кровавое усиленіе террора дошло до голосованія того, что Роммъ и друзья его, бывшіе заключенными въ одномъ бретанскомъ фортѣ, будутъ привезены, судимы военной комиссіей, учрежденной для бунта; говоря другими словами,—будутъ убиты.

Возмутительный контрастъ! Уничтожили военный судъ для шуановъ. Шуанъ покрытый кровью, совершившій сто убійствъ, пользовался правомъ гражданскаго суда, былъ судимъ обыкновенными судьями, или вскорѣ—вовсе не былъ судимъ; а участвовавшихъ въ парижскомъ движеніи, даже представителей, которые все таки успокоили толпу и, быть можетъ спасли собраніе самоё, предавали военному суду, людямъ военной дисциплины, судьямъ автоматамъ, которые судятъ и обвиняютъ такъ, какъ дѣлаютъ военное ученье.

Кто заставилъ голосовать это? Неистовый безумецъ съ юга, Клозель изъ Русильона. Борьба расъ, борьба вѣтровъ, вѣчная битва моря съ горами создаютъ такіе смутные умы. Клозель, дѣйствуя противъ республики, былъ однако республиканцемъ. Онъ вскорѣ накинулся на роялистовъ, говоря имъ съ бѣшенствомъ: «Все равно! Что бы вы ни дѣлали, республика проглотитъ васъ.» Мы уже видѣли до какой степени онъ былъ отъ природы, не отъ лицемѣрія, актеромъ скоморохомъ.

Въ эту минуту гнѣвный порывъ его противъ шестерыхъ

людей преріаля далъ выраженіе озлобленію, какое оскорбленіе этого дня оставило въ собраніи, и растравилъ озлобленіе это. Блѣднѣющій гнѣвъ людей юга еще болѣе заразителенъ нежели багровѣющій гнѣвъ людей сѣвера (Лежандровъ, Бурдоновъ съ Уазы). Гнѣвъ этотъ охватываетъ и помрачаетъ все. Напрасно лучшіе жирондисты (Луве, Кервелеганъ) протестуютъ, не хотятъ чтобы гора была обезглавлена. Напрасно Фреронъ самъ, извѣщенный немного поздно объ убійствахъ роялистскихъ, противится этому гибельному декрету. Это было 28 мая, 8 преріаля. И наканунѣ произошла гнусная рѣзня въ Тарасконѣ. Съ 23 въ Бретани открыли замыслы шуановъ, коварство ихъ. И въ такую минуту 28 (8 преріаля) собраніе, въ звѣрскомъ порывѣ, поражаетъ себя въ лицѣ лучшихъ представителей своихъ этимъ безумнымъ голосованіемъ: «Подъ военный судъ!»

Взглянемъ на этихъ жертвъ прежде чѣмъ поразить ихъ. Группа, рѣдкая и единственная, шести друзей, была именно цвѣтомъ горы и осталась чистой въ двухъ отношеніяхъ: чистой отъ инквизиціи полиціи якобинской, чистой отъ волненій дантоновскаго духа. Всѣ были антиякобинцами. Но передъ реакціей они защищали якобинцевъ. Въ термидорѣ они высказались очень ясно. Гужонъ и Бурботъ писали изъ армій въ конвентъ, чтобы поздравить съ паденіемъ Робеспьера. Субрани въ письмахъ своихъ энергически отвергаетъ какъ обиду, названіе робеспьериста; онъ напоминаетъ, что Робеспьеръ болѣе всего ненавидѣлъ гору, которая одна осмѣлилась кричать противъ его кроваваго закона преріаля. Были ли эти неустрашимые крикуны ненавидимы имъ болѣе нежели молчавшіе? Кто это знаетъ? Въ стоикѣ Роммѣ, который создалъ новый алтарь, алтарь богини разума, въ Роммѣ Робеспьеръ долженъ былъ ненавидѣть нѣчто гораздо бóльшее нежели по-

литика, ненавидѣть оппозицію догмату противному его видамъ, его тайнымъ намѣреніямъ.

Гранитнымъ ядромъ этой вершины горы были два мужественные овернца—мыслитель Роммъ и храбрый Субрани. Можно сказать, что это были два брата; обѣ матери, г-жа Роммъ такъ много занимавшаяся земледѣліемъ, и маркиза Субрани воспитывали сыновей въ мѣстѣ въ одномъ образѣ мыслей. Субрани военный, имѣлъ много общаго съ Дезэ, который какъ и онъ былъ изъ Ріона. Простой, скромный, обожаемый солдатами, жившій и ѣвшій съ ними, первый при аттакахъ Колліура и Сентъ-Эльма, герой этотъ былъ человѣкомъ кроткимъ. Роммъ, этотъ «гордый овернскій мулъ» совершенно по другому твердый и упорный, отличался замѣчательно обширнымъ умомъ. Онъ былъ сначала геометромъ, (какъ и братъ его изъ академіи наукъ), но потомъ тѣмъ не менѣе, съ страстью матери своей, предался земледѣльческимъ наукамъ и изученію природы. Послѣ него остались два національныхъ памятника, принятыхъ собраніемъ. Одинъ—это вмѣстѣ съ Ламаркомъ, Добантономъ, Пармантье написанный и напечатанный *Календарь земледѣльца*; другой—это составленный вмѣстѣ съ Лагранжемъ и Лапласомъ *Республиканскій календарь*, первый и единственно разумный.

Роммъ родился гранитнымъ. Одно сдѣлано его стальнымъ, это было то, онъ видѣлъ Россію,—болѣе нежели видѣлъ онъ вынесъ ужасы этого міра. Онъ былъ наставникомъ у одного вельможи. Онъ вернулся оттуда вооруженный непоколебимою суровостью, дикою рѣзкостью, въ которой поклонникъ и другъ его, Субрани самъ иногда упрекалъ его. Онъ казался очень черствымъ. Несчастный Базиръ, сотоварищъ его по горѣ, погибшій за свою слабость, не нашелъ у него жалости. Но когда дѣло шло о врагахъ его, то даже самая его

суровая неподкупность дѣлала его великодушнымъ, заставляла его искать и находить людей, которые говорили бы за нихъ. Врагъ жирондистовъ и арестованный ими при Кальвадосѣ, онъ сказалъ съ высокою честностью удивившею всѣхъ и бывшею тогда великимъ мужествомъ: «Они не виноваты. Права ихъ были нарушены.» По смерти его узнали, что онъ былъ человѣкомъ сострадательнымъ; не смотря на бѣдность свою, онъ писалъ женѣ: «Въ особенности не прекращай раздачу пособій, которую мы дѣлаемъ каждую декаду.»

Суровый овернскій геометръ, такъ мало привлекательный по внѣшности своей, былъ для многихъ и изъ самыхъ чистыхъ людей linea recta революціи, какъ неподвижная полярная звѣзда, звѣзда неизмѣняющаяся, на которую они въ тьмѣ бурь смотрѣли, по указанію которой направляли путь. Не имѣя ни обаянія, ни блеска, этотъ основатель математическаго и астрономическаго культа сохранялъ надъ ними безмолвную власть самого разума. Многіе изъ друзей его, которые могли убѣжать, захотѣли лучше умереть съ Роммомъ, увѣренные, что умрутъ хорошо.

Въ этой группѣ шестерыхъ людей преріаля высокой поэзіей былъ Гужонъ, удивительный молодой человѣкъ, который умеръ двадцати девяти лѣтъ. Родившись въ Бургѣ, онъ былъ одаренъ всею прелестью Брессы и Савоіи, нѣжнымъ сердцемъ, вдохновеннымъ любовью и культомъ новой вѣры. Онъ былъ очень высокъ ростомъ, цѣлаго головаго выше всѣхъ. Прекрасная, бѣлокурая голова съ вьющимися волосами и тонкоочерченымъ небольшимъ ртомъ, который можно было принять за ротъ благочестивый дѣвушки изъ Брессы. Съ перваго взгляда въ немъ видѣли святаго, апостола, мученика, изъ тѣхъ людей, которые родились именно для того, чтобы

умереть прекрасною смертью, чтобы оставить себѣ легенду, и заставить плакать будущее. Въ восемнадцать лѣтъ, говоря языкомъ библіи, устъ его коснулся горячій уголь. Мечь прошелъ ему сердце—видъ Сенъ-Доминго, страшное зрѣлище рабства негровъ. И этимъ страшнымъ рѣзцомъ былъ начертанъ и глубоко врѣзался въ сердце его догматъ свободы.

Онъ былъ въ конвентѣ товарищемъ замѣщавшимъ Героде Сешеля. И хотя правительство хотѣло въ 93 по смерти Геро и Дантона дать ему министерство, но онъ нашелъ, что ему не удержать это мѣсто. Онъ поступилъ въ рейнскую и мозельскую армію. Въ термидорѣ противникъ Робеспьера, онъ тѣмъ не менѣе остался противникомъ термидорцевъ, разумно защищалъ якобинцевъ, которыхъ не любилъ, и не менѣе разумно одинъ—одинъ въ цѣломъ собраніи!—предвидѣлъ бури, которыя жирондисты должны были принести съ собой, и голосовалъ противъ возвращенія ихъ.

Гужонъ въ рейнской арміи былъ товарищемъ любезнаго и храбраго Бурбота, пылкаго бургонца, въ крови котораго было горячее, часто слишкомъ крѣпкое вино родины. Бурботъ былъ почти однихъ лѣтъ съ Гужономъ,—тридцать два года. Онъ тоже вынесъ пытку видѣть ужасы Сенъ-Доминго. Онъ вернулся оттуда безумный отъ ярости, дрался на смерть съ Вандеей, разящій и поражаемый; разъ одинъ шуанъ на половину убилъ его, но не безнаказанно; Бурботъ убилъ его; но голова его на всю жизнь была потрясена ударомъ шуана. Этотъ страшный солдатъ былъ очень добръ. Онъ защищалъ Клебера, Массену, которыхъ обвиняли въ томъ, что они спасли женщинъ. Онъ поступалъ какъ они. Въ Савеней, при страшномъ пораженіи Вандеи, онъ увидѣлъ погибавшаго ребенка вандейцевъ, онъ взялъ его, посадилъ на крупъ лошади. Коротко—онъ взялъ его къ себѣ, назвалъ Савеней и воспиталъ съ сво-

имъ сыномъ, маленькимъ Сцеволой. Бурботъ имѣлъ благоразумнаго совѣтника въ товарищѣ своемъ Даву, который какъ нельзя лучше училъ его хорошо управлять собой и во время отрекаться отъ своихъ словъ. Онъ приводилъ ему въ примѣръ, ставилъ образцомъ для подраженія Тальена. Но Бурботъ не хотѣлъ его слушать. Онъ искалъ совѣта у другихъ вліяній— вліянія хорошей бутылки бургонскаго и превосходнаго восточнаго кинжала, который всегда былъ при немъ и который былъ ему порукой его свободы.

Неменѣе любопытный типъ монтаньяра, посланнаго на миссію, шедшаго впереди арміи и вдохновлявшаго ее огнемъ, былъ пылкій фанатикъ Дюкеной. Бывшій монахъ онъ ревѣлъ: крестовый походъ! То былъ Петръ Пустынникъ революціи. Карно любилъ этого человѣка, прекраснаго друга, прекраснаго мужа, ставшаго очень нѣжнымъ отцомъ семейства. Чрезмѣрное утомленіе, изнурившее его до болѣзни, въ то же время смягчило его, и это равно сдѣлала, въ томъ нѣтъ сомнѣнія и дружбѣ Дюроя, съ которымъ онъ жилъ и каждый день обѣдалъ. Не менѣе пылкій чѣмъ Дюкеной, Дюрой былъ гораздо болѣе разуменъ. Онъ убѣгалъ Дюконоя желать союзъ Франціи, примиреніе всѣхъ партій.

Дюрой былъ человѣкомъ сильнымъ и полнокровнымъ, но нормандцемъ, юристомъ изъ Сапіенса. Онъ былъ одаренъ удивительною чуткостью къ справедливости, порядку и закону. Мужество его проявилось въ арміяхъ, но еще болѣе, когда онъ, въ самый разгаръ террора и при Робеспьерѣ сказалъ, что онъ хочетъ сохранить свои права представителя державнаго народа, «чтобы видѣть что́ сдѣлаетъ комитетъ общественнаго спасенія». Рѣдкій примѣръ, которому никто не подражалъ. Ни одинъ голосъ не раздался, чтобы поддержать неустрашимаго юриста.

Она полна теперь прекрасная группа шестерыхъ безсмертныхъ. Чѣмъ болѣе я о ней думаю, тѣмъ болѣе я расположенъ вѣрить, что въ нихъ, особенно въ Роммѣ и Субрани, въ Гужонѣ и Дюрой, олицетворялась въ высшей степени чистая ортодоксія революціи. Въ знаменитыхъ ораторахъ была примѣсь, какъ кажется, я говорю о Верньо, Дантонѣ и др. Великіе дѣловые люди Камбонъ, Линде, Карно имѣютъ извѣстныя тѣни.

Призванные въ Парижъ и понимавшіе свою участь, шестеро друзей обсудили свое положеніе и приготовили себѣ будущую свободу—произвольный ударъ, который освободитъ ихъ отъ жребія. Гужонъ сложилъ для будущаго погребальный гимнъ и протестъ; какъ тонущіе на кораблѣ, онъ положилъ бумагу въ бутылку и ввѣрилъ ее морю, которое сохранило ее для насъ.

Безъ сомнѣнія, они могли бы бѣжать. Бурботъ инстиктомъ храбрыхъ овладѣлъ сердцами солдатъ, которые вели его. Эти грубые люди полюбили его; они почувствовали, что Гужонъ былъ особеннымъ существомъ, святымъ революціи, и они просили его бѣжать. Онъ сказалъ: «Я не покину Ромма.» Субрани, какъ мы уже видѣли, вмѣсто того чтобы бѣжать, далъ арестовать себя. Дюрой недавно женатый, проходя черезъ Нормандію, видѣлъ прибѣжавшихъ всѣхъ друзей и родныхъ своихъ; молодая жена его въ слезахъ удерживала его, умоляла жить. Онъ вырвался отъ нихъ и пошелъ на смерть.

Защита могла бы легко быть обвиненіемъ. Какъ—управлявшіе комитеты, которые должны были изъ часа въ часъ явиться съ отчетомъ, оставили собраніе безъ всякаго извѣстія въ продолженіи восьми часовъ? Какъ—собраніе само ушло въ большинствѣ своемъ, оставивъ меньшиству всю тяжесть, всю опасность положенія? Не этихъ ли осторожныхъ, не этихъ ли от-

сутствовавшихъ слѣдуетъ обвинять скорѣе, нежели тѣхъ, которые остались на своемъ мѣстѣ? Какъ—люди правой, роялистъ Делагэ просили Ромма выступить впередъ, или съ Делакруа хвалили его за то, что онъ это сдѣлалъ? Какъ —жирондистъ Вернье взялся быть въ такую минуту предсѣдателемъ собранія, давалъ слово и собиралъ голоса?

Роммъ въ защитѣ своей высказалъ все это, но безъ ѣдкости упрековъ. «Все къ тому же,» говоритъ онъ: «было нелегально въ этотъ день.» Буасси самъ сдѣлалъ ли легальную вещь, когда онъ *назначилъ* офицера, случайно тутъ присутствовавшаго, генераломъ сопротивленія? Роммъ заявилъ, что онъ боялся за собраніе, противъ котораго непріязненные люди начали дѣлать угрожающія предложенія. Но въ тоже время онъ сознался, что несчастныя женщины голодныя и беременныя, которыя не могли выйти, возбуждали его жалость и что онъ хотѣлъ покончить во что бы то ни стало.

Волна мнѣнія того, что называютъ обществомъ, была такъ сильно направлена противъ нихъ, толпа присутствовавшая въ судѣ такъ раздражена, что очень немногіе свидѣтели осмѣлились дать показанія. Шестеро монтаньяровъ призвали въ свидѣтели не Карно, но его alter ego, Пріёра изъ Котъ д'Ора. Если бы онъ пришелъ, онъ былъ бы обязанъ сказать, что Карно одобрилъ дѣйствія ихъ, что Карно даже говорилъ Ланжюине, что невозможно было иначе поступить. Пріёръ не показался. Ланжюине явился, но только для того чтобы сказать, что онъ ничего не помнитъ. Жестокая забывчивость благочестиваго жирондиста, полнаго горечи и ненависти противъ горы. Онъ вовсе не скрывалъ этого. Разъ одинъ умѣренный спросилъ его: «Такъ вы заставили бы гильотинировать и Камилла Демулэна?»—«Непремѣнно», отвѣчалъ янсенистъ.

Но если Ланжюине не сказалъ ничего, за то Мартенваль

сказалъ, сказалъ сколько хотѣли отъ него и болѣе чѣмъ хотѣли. Онъ видѣлъ, онъ слышалъ все, даже въ ту минуту, когда нельзя было услышать божій громъ. Безстыдный языкъ его былъ смертоноснымъ стилетомъ. Журданъ, редакторъ тяжеловѣснаго Монитера, еще болѣе опасный, передалъ все засѣданіе такъ, какъ того хотѣла реакція. Никогда еще не давилъ такъ сильно авторитетъ этого журнала, покорнаго истолкователя всякой власти. Разсказъ его, полный сомнительныхъ подробностей, опущеній, ошибокъ, былъ принятъ, какъ юридическій документъ, и съ Монитёромъ въ рукѣ произнесли смертный приговоръ.

Изумительно, что распорядительные комитеты такъ страшно заливаемые въ эту минуту роялизмомъ, не просили у конвента помилованія или хотя отсрочки смертной казни. Приговоръ былъ произнесенъ 17 іюня (29 преріаля), въ ту минуту, когда узнали объ ужасной рѣзнѣ марсельской, которую сдѣлали роялисты 6. Дерзость ихъ въ Вандеѣ, кровожадная ярость ихъ, издѣвательство надъ республикой дошли до высшей степени, и въ тоже время знали, что Питтъ выпускалъ для нихъ въ море большой флотъ, нагруженный эмигрантами. Они прибыли въ Киберонъ 26 іюня. Они были взяты и разстрѣляны, какъ мы увидимъ. Если бы дали шестерымъ патріотамъ нѣсколько дней отсрочки, то послѣ Киберона ихъ ни за что бы не казнили.

Но они приняли свои мѣры, чтобы избавиться отъ эшафота, у Бурбота былъ кинжалъ. Другіе спрятали шилы въ башмаки. Сверхъ того мать и жена Гужона, и шуринъ его принесли перочинный ножикъ, ножницы, ядъ. Но у него уже былъ скрытъ подъ одеждой большой ножъ. Возмутительный приговоръ въ числѣ другихъ лживыхъ извѣтовъ заключалъ

эту чудовищную клевету: что они заставили составить списокъ проскрипцій противъ вѣрныхъ депутатовъ.

Когда они сошли внизъ изъ суда и отошли въ сторону въ нижнемъ этажѣ, Бурботъ первый поразилъ себя. Гужонъ положилъ себя на мѣстѣ ударомъ ножа. Роммъ вырвалъ его, нанесъ себѣ нѣсколько смертельныхъ ранъ и передалъ его Дюкеною, который не промахнулся. Эти трое не шевельнулись. Тѣмъ же ножемъ Дюрой и Субрани поразили себя, но не могли умереть. Субрани хрипѣлъ, Дюрой корчился. Бурботъ который тоже еще не умеръ, окровавленный улыбался и говорилъ Дюрою: «Ты страдаешь, бѣдный Дюрой! Утѣшься! Ты страдаешь за республику.»

Слѣдовательно осталось зарѣзать только троихъ. Бурботъ былъ казненъ послѣднимъ; онъ сохранялъ до конца гордое равнодушіе и героическую веселость, онъ властвовалъ улыбкой своей надъ площадью Революціи.

Ихъ похоронили въ Муссе, гдѣ ждали ихъ Дантонъ, Демуленъ, гдѣ ждали ихъ Робеспьеръ и Сенъ Жюстъ. Они умерли совершенно покинутые. Мы уже видѣли, что 2 іюня народъ на карусели ни слова не замолвилъ за нихъ Въ судѣ—ни одного знака сочувствія въ публикѣ. При казни—площадь была почти пуста. Письменныя защиты ихъ не были прочтены. Письма ихъ къ женамъ и роднымъ не были отданы—варварское дѣло! Все это было восемьдесять лѣтъ зарыто въ желтѣвшихъ папкахъ архивовъ съ двумя ножами, заржавленными отъ крови ихъ. Только въ 69 г. Кларети, восторженный молодой человѣкъ, вполнѣ достойный первымъ прикоснуться къ этимъ памятникамъ, отрылъ и въ благородной исторіи своей поставилъ памятникъ искупающій забвенье, уплатилъ нашъ запоздалый долгъ.

Долгая отсрочка! Явное забвеніе, которое мало оправдываютъ столько бѣдствій, заботъ, трагическихъ событій. Внизу,

въ скрытомъ состояніи, существовала живучая и упорная тѣнь ихъ, смутное воспоминаніе. Роммъ былъ какъ бы неразрушимымъ. Онъ снова ожилъ, говорили многіе. Онъ жилъ на сѣверѣ. Думали видѣть его въ вандемьерѣ, какъ онъ шелъ противъ роялистовъ въ шарфѣ и съ ружьемъ. Въ фруктидорѣ онъ снова появился. 18 брюмера онъ волновалъ предмѣстье Сентъ-Антуана, призывалъ идти на Сен-Клу. Но тамъ чувство отвращенія, гнѣва навѣрно сломило его, потому что съ тѣхъ поръ его уже болѣе не видѣли.

IX.

Невѣдѣніе республиканцевъ и роялистовъ. Рѣзня на югѣ.

Май—іюнь 95.

Въ эту критическую минуту дней преріаля и первыхъ убійствъ на югѣ, изъ кого состоялъ комитетъ общественной безопасности, такъ мало дѣятельный, такъ мало искусный и такъ легко увлекавшійся волною реакцій? Съ 15 февраля по 15 преріаля (4 мая—3 іюня) высшимъ авторитетомъ въ немъ былъ безгласный Сіэсъ, мрачный сфинксъ, котораго простяки считали глубокимъ и который, когда пришлось испытать его, оказалъ одну пустоту. Подъ нимъ три юриста неменѣе его неспособные къ дѣйствію—Трейльяръ Камбасересъ и Мерленъ изъ Дуэ; Ревбель менѣе неспособный, но неотесанный и неловкій; слабые жирондисты Вернье, Дульсе, Рабо-Памье; химикъ Фуркрой, Обри великій реакціонеръ, который очень дурно очистилъ армію. Это были главные. Прибавьте Тальена, притворныя вспышки ярости котораго не обманывали болѣе никого, который сильно опустился и который, по обнаруживавшимся

сношеніямъ своимъ съ Испаніей, долженъ былъ скоро упасть до послѣдней степени дискредита.

Комитетъ общественной безопасности раздѣлялся между двумя противуположными вліяніями, которыя уничтожали его; съ одной стороны Огюи, Куртуа, ярые ретрограды; съ другой — искренніе республиканцы имѣвшіе мало авторитета, какъ Шенье. Шенье, истинный поэтъ, былъ нервенъ и перемѣнчивъ; онъ не защищалъ шестерыхъ мучениковъ преріаля, но онъ говорилъ очень хорошо за обезоруженіе Ліона, которое онъ заставилъ голосовать. Этотъ комитетъ, которому слѣдовало бы быть окомъ правительства, имѣлъ очень мало свѣдѣній; безъ денегъ, безъ полиціи, онъ не видѣлъ ничего, не зналъ ничего. Онъ не имѣлъ никакихъ предувѣдомленій о рѣзнѣ на югѣ, зналъ очень мало и очень дурно объ убійствахъ на западѣ, находился въ полнѣйшемъ невѣдѣніи о двухъ громадныхъ опасностяхъ грозившихъ Франціи—объ измѣнѣ на Рейнѣ, соглашеніи Конде съ Пишегрю, — и о близкомъ приближеніи англійской армады, большаго флота нагруженнаго эмигрантами и безчисленными запасами и снарядами, которые, весь свѣтъ видѣлъ это, заготовлялись въ портахъ, въ магазинахъ, на заводахъ Англіи.

Изумительное невѣдѣніе! Но оно ни чуть не было больше невѣдѣнія роялистовъ. Въ январѣ 95 роялистское агентство Парижа не знало еще имени Стофле! Эта необыкновенныя армія Анжу, Стофле, Бернье, управляемая сорока двумя священниками, послѣ двухъ лѣтъ такихъ страшныхъ битвъ, была имъ неизвѣстна. Они воображали будто у Шарета шесть тысячь человѣкъ, превосходнѣйшая кавалерія въ мірѣ, администрація, чинокники, канцеляріи. Полиньякъ глупо писалъ ему изъ Вѣны, что австрійское правительство было бы въ восхищеніи, «если бы г. Шаретъ имѣлъ обязательность *прика-*

залъ вести въ бюро своихъ бюлетени военныхъ дѣйствій», и пр. *Бюро* Шарета разумѣется въ глухой чащѣ лѣса!

Интриганамъ, окружавшимъ въ Веронѣ подагрика Людовика XVIII, удалось прогнать отъ него умныхъ и талантливыхъ людей, которые могли хоть немного выяснить ему положеніе, Калонна, Мори, Казалеса. Мѣсто осталось за *другомъ короля*, д'Аварей, за Антрэгомъ и ла-Вогюйономъ, которые довольно хорошо разыгривали фанатизмъ и не вѣрили ни во что. Въ ноябрѣ 94, Антрэгъ устроилъ въ Парижѣ то, что называлось роялисткимъ агенствомъ; оно было очень дурно выбрано изъ людей легкомысленныхъ и ненадежныхъ. Одинъ, адвокатъ Леметръ, вѣтренный болтунъ понравился нѣсколькими памфлетами, которые онъ написалъ противъ королевы. Другой, аббатъ Бротье, наставникъ племянниковъ Мори и Лабурдоне, готовилъ для короля, на случай близкаго возвращенія его, ученый трудъ о церемоніи помазанія на королевство. Былъ еще нѣкій офицеръ Депомель, который хотѣлъ изъ Парижа управлять Вандеей; былъ и нѣкій Вильгёрнуа, неутомимый писака, лгунъ нахальный до такой степени, что онъ написалъ, будто онъ привлекъ множество важныхъ людей,—пятьдесятъ тысячъ солдатъ. Послали и нашли всего одну перепуганную старуху.

Это были впрочемъ головы такія пылкія, такія тщеславныя, такія фантастическія, что онѣ сами вѣрили всему что говорили. Правиломъ ихъ было: что заблужденіе, которому всѣ повѣрили, не заблужденіе болѣе и что въ силу вымысловъ распространяемыхъ и которымъ повѣрятъ, можно создать и дѣйствительность. Пристрастіе старшаго брата короля къ этимъ дуракамъ держалось тѣмъ, что они льстили страсти его—не прощать, не давать Франціи никакихъ реформъ. Они говорили: «Король помилуетъ, но парламентъ окажетъ право-

судіе.» Изъ ненависти къ англійской партіи, которая хотѣла какой-нибудь конституціонной формы и на которую Людовикъ XVIII тогда смотрѣлъ съ отвращеніемъ, онъ упорно хотѣлъ вѣрить, что спасеніе придетъ изъ Испаніи. Замѣтьте, что въ продолженіе трехъ лѣтъ Испанія не удостоила написать ни строчки. Замѣтьте, что она не сказала ни одного слова, чтобы спасти Людовика XVI; наконецъ, что въ тулонскомъ дѣлѣ она отвергла планы роялистовъ и совершенно ясно показала, что работаетъ для одной себя.

Единственный, дѣйствительно замѣчательный человѣкъ партіи роялистовъ былъ маленькій уродъ, Рокъ де-Монгальяръ, горбатый, блестящаго ума и смѣлости. Онъ походилъ на хромого черта или на португальскаго жида. Уроженецъ Лангедока, онъ шесть лѣтъ участвовалъ въ американской войнѣ и тамъ пріобрѣлъ обширный кругозоръ. Онъ пріобрѣлъ еще болѣе обширный, оставаясь въ Парижѣ въ 93, ажіотеромъ, наблюдателемъ, и потомъ посланнымъ въ Англію Бареромъ съ порученіемъ *наблюдать*. Онъ видѣлъ вѣрно и тонко. Для Барера или для роялистовъ онъ написалъ въ Лондонѣ страшную страницу, которая освѣтила всю Европу: *Близкая смерть Робеспьера*. То было вещью громадной, неожиданной—сказать что этотъ идолъ изъ мѣди умретъ! Говорить такія вещи значитъ приготовить ихъ.

Человѣкъ этотъ, подозрительный для всѣхъ, не находя себѣ болѣе пути ни въ Англіи, ни во Франціи, ни въ Веронѣ, гдѣ хотѣли имѣть только идіотовъ, остановился въ Базелѣ, не далеко отъ жалкихъ остатковъ арміи Конде. Этотъ Конде, храбрый и глупый, голодавшій, съ горя вѣрилъ всему, Монгальяръ подогрѣваетъ его, манитъ надеждой и въ маѣ даетъ ему совѣтъ... ей-богу! героическій и возвышенный. *погибнуть или выиграть дѣло*, отречься отъ позорной помощи

австрійца, который хочетъ Альзаса, Лотарингіи, броситься во Францію, въ объятія Пишегрю со своими эмигрантами, побрататься съ арміей и идти прямо на Парижъ. Ударъ въ духѣ Генриха IV или Конде. Но Конде временъ революціи не былъ Конде той вышины. Онъ сказалъ *да*, но съ Австріей и войсками ея; *да* съ Англіей и ея гинеями; *да*, если Пишегрю отдастъ ему всѣ форты.

Пишегрю родился роялистомъ, онъ былъ имъ по темпераменту; онъ рабъ власти. Прежде онъ нравился Конде, потомъ Сенъ-Жюсту; вѣчно въ канцеляріяхъ военнаго министерства и у офицеровъ инженернаго корпуса, которые были хозяевами ихъ и любили очень лакеевъ. Они сдѣлали его карьеру, давъ ему прекрасное и легкое дѣло Голландіи. Эти ученые, знавшіе такъ много вещей и знавшіе такъ мало людей не догадались никогда, насколько онъ былъ опасенъ. Гошъ угадалъ, что онъ опасное и сверхъ того хладнокровное животное.

Конде и австрійцы требовали отъ него, чтобы онъ началъ тѣмъ, что погубило бы его въ глазахъ арміи и сдѣлало бы его безполезнымъ, — отдать имъ Страсбургъ и Альзасъ! Это была именно та глупость, которую, какъ мы далѣе увидимъ, сдѣлалъ Питтъ съ вандейцами. Онъ требовалъ города Бель-Иль, Лоріенъ, Сенъ-Мало. Словомъ онъ ничего не получилъ и испортилъ все дѣло.

Партія роялистовъ, какъ мы видѣли, безъ головы, безъ системы и безъ единства; но сила ея, очень большая, всемѣстная. Партія легко эксплоатируетъ на югѣ, на западѣ месть за терроръ, слѣпую ярость, тамъ буржуазіи, здѣсь — черни, обаятельную свободу грабить и разбивать все. Для ронскихъ убійцъ, для убійцъ-шуановъ она очевидно была партіей свободы.

Обратимся теперь на время къ дѣламъ на югѣ. Измѣна роялистовъ, въ особенности Имбера, о которой онъ самъ разсказалъ въ 1814 г., предала Тулонъ англо-испанскимъ войскамъ *); но они не сдѣлали ничего для усиленія роялистовъ и потеряли нѣсколько мѣсяцевъ на убійство и мученіе патріотовъ. Взять обратно Тулонъ было дѣломъ легкимъ, что бы тамъ ни говорили. Одинъ видъ мѣстности показываетъ наиболѣе незнающимъ людямъ, что молодому Бонапарте не трудно было найти настоящую точку, съ которой слѣдовало напасть.

Патріоты, захвативъ въ свою очередь власть, убили двѣсти пятьдесятъ роялистовъ, а не восемьсотъ; но большая часть населенія, убѣжала, унося весь арсеналъ. Представители призвали со всѣхъ сторонъ рабочихъ, которые составили небольшую колонію патріотовъ, изолированную, очень дурно окруженную, но сильно поддерживаемую марсельскими якобинцами. Послѣдніе были не многочисленными, но очень крайними патріотами. Оттуда Мэнье, чтобы замѣнить число излишкомъ террора, организовалъ свой трибуналъ суда въ Оранжѣ, который въ два мѣсяца судилъ тысячу двѣсти обвиненныхъ и казнилъ триста.

Даже послѣ термидора марсельскіе якобинцы безразсудно грозили, кричали, раздражали этотъ большой городъ, бывшій весь городомъ жирондистовъ или роялистовъ, и говорили что снова повторятъ терроръ. Они кричали такъ, что даже Жанъ-Бонъ Сентъ-Адре самъ призвалъ на нихъ грозы собранія.

---

*) Какимъ образомъ былъ Тулонъ сданъ англичанамъ и испанцамъ? Измѣнникъ Имберъ прекрасно разсказалъ о своей измѣнѣ въ брошюрѣ своей 1814 г. Онъ говоритъ, что просилъ должности у республики, что ему ввѣрили эскадру, что онъ предалъ эскадру и портъ. „Я взялъ на себя важную экспедицію для того, чтобы погубить ее; такъ было предписано мнѣ тайными приказами, которые одни я считалъ законными“.

Марсель тогда возсталъ противъ этой горсти людей и они всѣ попали въ тюрьму. Рѣзня въ Ліонѣ произошедшая 6 мая, слухъ о которой скоро дошелъ до Марселя, вызвала ужасное соревнованіе. 10 мая тридцать марсельскихъ арестантовъ приведенные въ Ахенъ для суда, были убиты передъ войскомъ. Немного позже сорокъ два!

Было очевидно, что убьютъ и остальныхъ, тѣхъ сто человѣкъ, которые были заперты въ крѣпости Сенъ-Жана. Тулонскіе работники патріоты смѣло вступились за нихъ и сказали, что они образумятъ Марсель. Большой городъ пришелъ въ негодованіе и волненіе. Представители Шамбонъ, Кадрой, Инаръ, охваченные тѣмъ же безуміемъ, мечутъ противъ Тулона кровавыя прокламаціи. Инаръ, роковой человѣкъ болѣе чѣмъ кто либо погубившій жиронду, и здѣсь былъ охваченъ порывомъ мрачнаго краснорѣчія которое всегда приносило такія великія бѣдствія. Съ балкона ратуши онъ сказалъ марсельцамъ: «Если у васъ нѣтъ оружія, берите кости вашихъ зарѣзанныхъ отцовъ».

Представители по дорогѣ въ Тулонъ узнали 9 о первомъ, ужасающемъ дѣйствіи убійственныхъ словъ своихъ. 27 мая (7 преріала) вспыхнулъ маленькій городокъ, Тарасконъ. Возстаютъ, берутъ замокъ, дерутся, ранятъ, убиваютъ; раненые, мертвые и умирающіе—все равно, тѣла всѣхъ бросаютъ сверху башни. Разбитые о скалы, разорванные на куски, они тонутъ въ Ронѣ. Представители, негодуя, требуютъ муниципалитетъ Тараскона. Но передъ глазами ихъ марсельцы дѣлаютъ еще болѣе кровавое дѣло. Масса тулонскихъ рабочихъ, дурно вооруженныхъ, въ лохмотьяхъ шла противъ сильной колонны марсельцевъ. Рабочіе послали парламентеромъ хирурга. Марсельцы разстрѣляли его и напали на тулонцевъ. Кавалерія марсельцевъ убила многихъ, взяла въ плѣнъ и съ торжествомъ при-

вела сотню плѣнниковъ, чтобы ихъ судить или убить безъ суда.

У насъ есть много документовъ о марсельской рѣзнѣ; у насъ есть разсказъ свидѣтеля, который самъ былъ плѣнникомъ, то одинъ изъ сыновей герцога орлеанскаго Монпансье. Убитые, за исключеніемъ одного судьи изъ Парижа, всѣ ремесленники изъ разныхъ провинцій. Убійцы были молодыми людьми «довольно хорошо одѣтыми» и, какъ казалось, изъ мелкой буржуазіи. Одинъ изъ начальниковъ ихъ, Робенъ, сынъ хозяйки трактира или гостинницы. Они ждали нѣсколько дней, не желая ничего дѣлать безъ Ліонцевъ, безъ товарищества Інсуса, которыхъ велъ нѣкто Дютэль изъ Ліона. Жаръ былъ невыносимъ и еще наливались водкой. Для большаго удобства рѣзни, плѣнниковъ заставили нѣсколько дней поститься. Въ пять часовъ вечера побѣжали на рѣзню. Монпансье могъ прекрасно видѣть, находясь въ полной безопасности; молодые роялисты даже приняли его съ почетомъ и посадили съ нимъ обезоруженныхъ коменданта форта и адъютанта послѣдняго.

Въ Марсели былъ батальонъ Луары и Шеры. Капитанъ въ негодованіи побѣжалъ къ Кадрою, представителю, который вмѣсто того чтобы помочь ему, запретилъ бить сборъ. Онъ бьетъ, не смотря на запрещеніе, и съ трудомъ собираетъ пятьдесятъ гренадеровъ. Наконецъ послѣ четырехъ часовъ, то есть отъ восьми до девяти вечера, Кадрой и Инаръ пошевелились и рѣшились идти въ тюрьму форта Сенъ-Жана. Гнусное дѣло уже зашло далеко. Въ тюрьмѣ, гдѣ было заперто двадцать пять человѣкъ, всѣ были зарѣзаны. Осаждали тюрьму съ тридцатью заключенными, поставили даже пушку передъ дверями; наконецъ они зажгли дверь пучками соломы Представители кричатъ, хотятъ обезоружить ихъ. — «Но вы сами», говорятъ они: «поджигали насъ на месть!» — Сюда,

гренадеры, арестуйте этихъ бѣшеныхъ!» Капитанъ арестовалъ четырнадцать человѣкъ; но Кадрой самъ отпустилъ этихъ арестованныхъ (см. показанія Фрерона, 139). Гренадеръ того же батальона утверждаетъ, что Кадрой сказалъ: «Не надо пушки. Это дѣлаетъ много шума. Въ городѣ узнаютъ... Впередъ, впередъ, дѣти. Я начальникъ вашъ... Вы уже имѣли время. Теперь довольно».

Одно вѣрно, что Инаръ и Кадрой поднялись къ Монпансье, у котораго находился комендантъ и просили пить. Имъ дали вина. Инаръ отталкнулъ вино съ словами: «Это кровь». Онъ выпилъ анисовки. Пять или шесть окровавленныхъ убійцъ осмѣлились явиться туда, прося позволеніе покончить, они убили около восьмидесяти. «Злодѣи», сказали имъ представители: вы внушаете ужасъ... Арестовать ихъ! Они остались два дня въ тюрьмѣ. Но такова была слабость (и страхъ)? представителей, что когда черезъ шесть дней эти убійцы пришли требовать сто сабель, Шамбонъ подписалъ приказъ выдать сабли.

Марсель—законъ юга, примѣръ, верховный импульсъ. Марсельская рѣзня повторилась повсюду убійствами настолько многочисленными, что въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, какъ въ Лилѣ, гдѣ убили пятьдесятъ человѣкъ, была настоящая рѣзня. Все это дѣлалось совершенно явно; но никакое слѣдствіе, никакой судъ не были возможны. Когда. пытались произвести слѣдствіе, ни одинъ свидѣтель не смѣлъ показывать.

То, что оставалось до сихъ поръ неизвѣстнымъ и что я узналъ изъ неизданныхъ записокъ Гупильо, было постепеннымъ разгаромъ ярости убивать, которая становилась все изступленнѣе, которая разразилась, какъ болѣзнь. Замѣтьте успѣхи ея: 1) Убиваютъ умѣренныхъ. Администраторъ Воклюзы, анти-якобинецъ, Тило сознавшійся, что въ Мондрагонѣ че-

стные люди убили двадцать трехъ патріотовъ, былъ на мѣстѣ изрубленъ въ куски. 2) Убиваютъ даже реакціонеровъ. Одинъ другъ Ровера, Рофе, былъ уведенъ толпой, которая провозгласила его судьей, чтобы судить судей Оронта. Безъ права и полномочій власти, онъ осудилъ ихъ на смерть за исключеніемъ пристава этого трибунала; онъ пытался спасти его. Убили пристава, въ Рофе кидали каменьями. Его ужасающая угодливость не купила ему безопасности. Онъ умоляетъ, чтобы его вызвали обратно въ Парижъ, или онъ погибъ 3) Вотъ что сильнѣе всего. Когда въ Парижѣ составляли совѣтъ присяжныхъ, который осудилъ Фукье Теивиля, то вызвали изъ Воклюзы нѣкоего Редона, трактирщика реакціонера. Когда Фукье былъ убитъ, Редонъ возвратился въ Лиль. И что же?—его убили какъ умѣреннаго.

X.

Кибероиъ

26 іюня—22 іюля 95.

Этотъ страшной мѣсяцъ май, бывшій порою взрыва великой рѣзни юга, сорвалъ на западѣ завѣсу лживаго, лицемѣрнаго и кроваваго мира и показалъ скрывавшіяся подъ нимъ пропасти. Представители упорствовали вѣрить этому миру, говорить и повторять въ конвентѣ, что онъ покончилъ все, въ то время какъ вездѣ шла рѣзня патріотовъ, нападенія на большихъ дорогахъ, голодъ городовъ, куда шуаны не пропускали припасы. Состояніе болѣе ужасное нежели война. При малѣйшей репрессивной мѣрѣ поднимались обвиненія противъ Гоша. Онъ нарушалъ миръ. Онъ находилъ удовольствіе

снова пробудить войну, устроить для себя новую Вандею». Два раза отъ него хотѣли отнять начальство надъ войскомъ.

Напротивъ, снисходительность губила все. Мягкосердечіе Карно, который управлялъ военнымъ министерствомъ до марта, великодушіе, часто неразсудительное Гоша, ослабляли дѣйствіе. Какимъ посмѣшищемъ для шуановъ было его геройское и безразсудное письмо къ негодяю Буагарди! Онъ открываетъ ему объятія, пишетъ ему какъ брату, протягиваетъ свою славную руку къ его кровавой рукѣ. Новыя убійства. Смерть умѣреннымъ! На смерть крестьянина, который везетъ хлѣбъ въ городъ! Смерть самымъ безобиднымъ путникамъ! Шуаны убили девятерыхъ дѣтей шедшихъ въ морскую школу. Какая администрація, какое судилище имѣло бы силу карать, когда самъ конвентъ умягчился, поколебался? Когда роялисты введенные въ распорядительные комитеты пишутъ, какъ напримѣръ Анри Ларивьеръ: «*Террористы вотъ кого надо обезоружить*,» (террористы—читайте патріоты), говоря другими словами: Обезоружимъ жертвъ, облегчимъ убійства.

Эти легковѣрные комитеты, имѣвшіе въ средѣ своей такихъ интригановъ, не слушались совѣтовъ Гоша. Они слушались сказокъ, басень, лжи хитраго Корматена. Этотъ плутъ, настоящее имя котораго Дезоте, племянникъ хирурга, сдѣлался въ Бретани великимъ вождемъ партіи, генераломъ, силой. Довели чудовищность глупости до того, что поручили этому шуану арестовать всѣхъ, кого считали якобинцами. Онъ писалъ нахально комитетамъ: «Вы боитесь англичанъ. Не бойтесь. Одно слово мое прогонитъ ихъ.» Корматенъ охранялъ Францію.

Все погибало. Голодный солдатъ нерѣдко ѣлъ траву. Генералы: Канило въ Вандеѣ былъ боленъ, Гошъ въ Бретани разнемогался. Въ одномъ письмѣ онъ признается въ своей печали, «своей мизантропіи». Наконецъ 23 мая случай пре-

далъ въ руки нашихъ представителей тайныя письма Корматена. Онъ писалъ одному начальнику, «что надо еще лицемѣрить, усыпитъ республиканцевъ и дѣствовать только съ согласія всѣхъ роялистовъ Франціи». И въ особенности, чего онъ не смѣлъ написать, надо ждать большой англійской флотъ, который другой плутъ Пюизей получилъ отъ Питта и который привезетъ арміи эмигрантовъ.

Съ апрѣля уже Шаретъ сказалъ, что онъ принялъ миръ только для того, чтобы выиграть время. Корматенъ арестованъ 25 мая. Война разразилась 26. Все внутри страны заволновалось, берега грозятъ. Двойное затрудненіе для Гоша. Онъ долженъ раздѣлить свои силы, чтобы встрѣтить шуановъ, защищать города, охранять дороги. И съ другой стороны ему нужно собрать всѣ силы, чтобы немедля отразить неизбѣжную высадку. Гдѣ, и когда, и какъ долженъ онъ сдѣлать все это? Этого нельзя предвидѣть. Гошъ не знаетъ ничего. Онъ въ совершенной тьмѣ. Все такъ вѣрно для непріятеля, все такъ молчитъ на счетъ шуановъ, что они могутъ сдѣлать безъ вѣдома его походъ въ тридцать лье, чтобы захватить порожъ.

Пока все находится въ такомъ напряженомъ состояніи ожиданія, которое будетъ продолжаться цѣлый мѣсяцъ съ 26 мая по 26 іюня, бросимъ на страну взлядъ, чтобы лучше понять іюльскую драму.

Человѣкъ хитрости и разсчета, добившійся отъ Питта экспедиціи, Пюизей сказалъ ему, что подниметъ Бретань и увлечетъ Вандею. Онъ манилъ англичанъ этою смѣлою ложью: «Что Стофле, Шаретъ увѣряли его, что будутъ дѣлать диверсіи (M-ss de Puisay, Louis Blanc, XII. 385).

Увлечь всю провинцію однимъ порывомъ было дѣломъ очень труднымъ. Все тамъ усѣлось, застыло. Продолжитель-

ность войны сдѣлала изъ каждой арміи изъ каждаго начальника какъ бы нѣкоторую феодальную власть. И всѣ эти власти были въ вышей степени разногласны. Армія Анжу, центральная, подъ начальствомъ священника Бернье, Стофле охотничьяго стража, управляемая священниками, была клерикально-крестьянской. На лѣвомъ флангѣ Шаретъ съ конными отрядами разъѣзжавшимии, шнырявшимии, по запутаннымъ дорогамъ вандейскихъ болотъ, съ вольными амазонками и очень жестокими, съ своей дамой Монсорбье,—врагъ священниковъ и не долюбливаетъ и эмигрантовъ. На правомъ берегу Луары и вплоть до Вилени, въ замкѣ Бурмонъ, Ссепо стоитъ съ своимъ отрядомъ, и въ немъ много аристократовъ, нѣсколько эмигрантовъ, очень мало симпатичныхъ священникамъ. Пюизей, который скоро покинетъ Англію, очень силенъ около Фужера около Ренна. Въ Нормандіи—Фротте. Въ Морбиганѣ начинается звѣрская демократія мельника Кадудаля. Всѣ враги всѣхъ. Стофле, Бернье разстрѣляли Мариньи, Шаретъ осудилъ на смерть Стофле. Пюизей, слишкомъ тонкій подозрительный многимъ кажется измѣнникомъ. Наконецъ, особнякомъ ото всѣхъ Жоржъ устроилъ изъ шуановъ еще болѣе дикое шуанство, которое будетъ изгонять другихъ, въ особенности эмигрантовъ.

Но чѣмъ держится эта враждебная страна? Фанатизмъ однако уже очень остылъ. Сила ея зависитъ отъ трехъ причинъ: 1) отъ ежедневныхъ пособій. Каждый день на берегъ, самый трудно доступный, являются англійскія лодки, нагруженныя всякимъ добромъ: оружіемъ, порохомъ, платьемъ обувью, ромомъ, фальшивыми ассигнаціями, даже золотомъ. Тѣ люди, которые прежде на этихъ самыхъ берегахъ бросались собирать остатки крушеній выкинутые волнами, теперь здѣсь же бросаются вырывать другъ у друга даже ружейными выс-

трѣлами эту манну моря, и въ особенности водку. 2) Какая развеселая жизнь приключеній—свободно рыскать по странѣ, находить на каждой фермѣ полный амбаръ полный погребъ, сбереженные «для добраго шуана», жать не посѣявъ; словомъ быть полнымъ хозяиномъ всему. 3) Земля принадлежитъ шуану. И земля двухъ разныхъ родовъ—земля господина его эмигранта, земля отсутствующаго патріота, искавшаго спасенія во Франціи. Горе патріоту, который вернулся бы требовать свое имущество. Что же касается эмигранта, то фермеръ его—шуанъ желаетъ ли возвращенія его? Нѣтъ. Стофле, я полагаю, не особенно нетерпѣливо ждетъ своего дорогаго господина Молеврье. Эмигрантъ и шуанъ—это два противоположные интереса. Пюизей хорошо понималъ это. Поставить ихъ другъ противъ друга значило бы расхолодить шуана, заставить его бросить оружіе. Вернуть эмигранта въ Вандею, въ Бретань значило убить партію.

Казалось, что берегъ былъ хорошо защищенъ у Морбигана нашимъ флотомъ, который былъ очень силенъ; но плохая дисциплина нашихъ новичковъ моряковъ была причиною пораженія 23 іюня. Флотъ былъ блокированъ въ Лоріанѣ. Громадный транспортъ, подъ защитой англійскаго флота могъ свободно бросить якорь близь Карнака, у широкаго полуострова Киберона. Полуостровъ соединяется съ материкомъ узкою полосою земли. Онъ былъ очень дурно защищаемъ маленькими портами, почти пустыми, безъ припасовъ и которые скоро сдались. Позади до Орэ и Ванна мрачная мѣстность, покрытая лѣсами, кишѣла шуанами (26 іюня 95).

Ни малѣйшаго препятствія непріятелю. Когда Гошъ пришелъ туда то увидѣлъ, что приказъ его собрать войска не былъ исполненъ. Было всего четыреста человѣкъ. Историки роялистовъ очень ясно показываютъ опасное положеніе его.

Онъ дѣйствительно стоялъ на волканѣ; и что всего хуже на скрытомъ волканѣ, котораго нельзя было измѣрить. Даже города не держались ничѣмъ. Изъ Орэ все бѣжало къ Лоріену; другіе въ Реннъ, въ Виннъ весь роялистскій. Это было какъ взрывъ пороха. Въ Каенѣ, Руана кричали: «Да здраствуетъ король!» Луара разразилась. Большой городъ Нантъ блокированъ. Сенъ-Мало, подкопанный тайно, ждалъ англійскаго флота уже находившагося близь Шербурга, и везшаго множество офицеровъ, которые, высадившись, дѣйствовали бы за одно съ офицерами Карнака и всѣ вмѣстѣ повели бы шуановъ къ Ренну, къ Луарѣ, и кто знаетъ?— къ Парижу.

Жаркая и ясная погода стояла надъ Карнакомъ. Это мрачное мѣсто съ старыми друидическими камнями своими, съ песчанымъ берегомъ почти всегда пустыннымъ, вдругъ покрылось многочисленнымъ народомъ. Онъ весь вышелъ изъ лѣсовъ, изъ скалъ. Тридцать тысячь душъ на берегѣ мущинъ, женщинъ, дѣтей, стариковъ, которые плачутъ отъ радости и благодарятъ Бога. Они принесли все, что у нихъ было припасовъ, не берутъ денегъ. Они такъ счастливы служить. Всѣ, и женщины, даже дѣти впрягаются «въ пушки короля» и тащатъ ихъ по песку. Мущины пускаются вплавь помогать выгрузкѣ ящиковъ съ лодокъ (Пюизей, VI, 144.)

Но что сталось съ этой восторженной толпой, когда она увидѣла, что съ корабля сошелъ въ полномъ облаченіи епископъ, о счастье! Смышленый Пюизей посадилъ на флотъ много священниковъ съ десятью миліардами ассигнацій. Женщины въ изступленіи отперли церкви, задыхались въ нихъ, омывали ихъ слезами. Бѣдный народъ, но очень грозный, потому что онъ лучше другихъ сохранилъ фанатическую искру.

Эта великая сцена смятенія была полнаго ужаса. Гошъ

былъ здѣсь великолѣпенъ высокою неустрашимостью и ясновидѣніемъ. «Спокойствія! тайны!» пишетъ онъ генераламъ; а въ Парижъ комитетамъ: «Будьте покойны!» Онъ боялся за Брестъ столько же сколько и за себя. Онъ говоритъ вѣрному офицеру, котораго послалъ туда: «Держись тутъ до смерти.» Онъ собираетъ войско, беретъ у сосѣднихъ генераловъ. Изъ Парижа нѣтъ ничего кромѣ обѣщанія прислать 1200 человѣкъ, и еще обѣщанія прислать изъ армій, которыя рано или поздно придутъ съ сѣвера или съ Пиринеевъ. 5 іюня у него было тринадцать тысячь человѣкъ. Не было еще пушекъ, не было кавалеріи, которую онъ требовалъ уже три мѣсяца. Непріятель, напротивъ, имѣлъ подъ рукою цѣлый народъ. Въ одно мгновеніе подъ команду его собрались 15.000 храбрыхъ и вооруженныхъ шуановъ, съ которыми онъ занялъ Оре. Если бы онъ двинулся впередъ, то собралъ бы еще болѣе шуановъ, собралъ бы всѣхъ ихъ, готовыхъ умереть за него. Офицеры, которыхъ дали шуанамъ, Тинтеніакъ, Вобанъ, двинувшись впередъ на три лье, одержали довольно значительный успѣхъ.

Пюизей съ большимъ смысломъ выбралъ Морбиганъ, предпочелъ этотъ берегъ. Шуанство было тамъ дѣламъ новымъ, и въ самой дикой части населенія Бретани, было упорнымъ и пылкимъ въ крѣпкихъ и узкихъ головахъ, что ни мало не исключаетъ хитрости дикарей. Сверхъ того—вещь очень рѣдкая, тамъ былъ свой человѣкъ. Свирѣпый Жоржъ Кадудаль былъ настоящимъ человѣкомъ этой страны. Здѣсь имъ не могъ быть Шаретъ, южанинъ по матери. Жоржъ былъ самимъ Морбиганомъ, такъ же сроднымъ землѣ какъ камни, коренастые и карявые дубы ландовъ, какъ зловѣщіе утесы пустынныхъ береговъ Карнака.

Когда наши блестящіе эмигранты, въ красивыхъ крас-

ныхъ мундирахъ, увидѣли друзей своихъ и союзниковъ, которыхъ имъ обѣщали, то они остолбѣнели. Они думали, что видятъ живонныхъ. Эти загорѣлые дикари въ лохмотьяхъ, странный языкъ ихъ, въ которомъ нѣтъ ни одного французкаго слова, вызвали насмѣшки ихъ. «Неужли думаютъ», говорили они: «Что мы будемъ *шуанствовать* съ этимъ?... Неужли думаютъ, что и насъ тоже положатъ спать на улицѣ? и пр.» Они искали себѣ квартиры въ рыбацкихъ хижинахъ, изъ которыхъ состояли тринадцать маленькихъ селеній на полуостровѣ. Шуаны, съ своей стороны, были не менѣе изумлены. Они нашли бѣлый крестъ, эмигранты черный—англійскій, они съ скорбью видѣли, какъ на фортахъ развѣвались два знамени бѣлое—королевское и красное—англійское. Видя ящики съ оружіемъ, они бросались на нихъ, но ящики эти были для другихъ, такъ говорилъ комендантъ д'Эрвильи. Они увидѣли, что человѣкъ ихъ, Пюизей, который такъ много писалъ имъ изъ Лондона, не былъ дѣйствительнымъ начальникомъ,

Нужно объяснить, что такое былъ Пюизей. Въ октябрѣ 94 г. мы видѣли, какъ онъ овладѣлъ сердцемъ Питта, благодаря приманкѣ фальшивыхъ ассигнацій. У Пюизея было два лица. Родившись нормандцемъ, по роли бретонецъ, онъ былъ истиннымъ Янусомъ. Онъ воспитывался въ Сенъ-Сюльписѣ и его сладенькое лицо добраго семинариста обнаруживало человѣка обходительнаго, гибкаго, готоваго на все. По норманской натурѣ своей, онъ былъ конституціонистомъ, онъ и былъ имъ въ учредительномъ собраніи, членомъ котораго состоялъ, а по бретонской роли онъ былъ весь шуаномъ, принужденнымъ быть крайнимъ, напримѣръ, говорить: «Побѣдители—мы сметемъ нечистоты конституціи.» Но принцы не были обмануты этими словами. Оба разногласные двора Людовика XVIII и д'Артуа равно ненавидѣли его. Д'Артуа

говорилъ, когда упоминали о Пюизеѣ: «Ахъ, я думаю видѣть голову Робеспьера!» Но вѣрно, что этотъ великій спекуляторъ не имѣлъ прочной цѣли. Въ Руанѣ думали, что онъ провозгласитъ королемъ герцога Іоркскаго. Онъ самъ сильно удивилъ лояльнаго эмигранта, Вобана, сказавъ ему: «Если орлеанскій вернется, что дѣлать?» Планъ его на счетъ Киберона былъ великимъ и смѣлымъ планомъ, онъ хотѣлъ имѣть у себя, совершенно въ своемъ распоряженіи, отрядъ англійскихъ войскъ, не эмигрантовъ, которые должны были все испортить. Шуаны, опираясь на этотъ небольшой базисъ и понесшись во всю прыть съ бѣшенымъ Жоржемъ своимъ, должны были унести Реннъ, поставить на ноги Вандею и увлечь ее за собой. Этотъ вихрь, проходя по Луарѣ, захватывалъ Нантъ, сносилъ все.

Пойдутъ ли шуаны такъ далеко? Въ этомъ можно было усомниться. Пюизей не сомнѣвался. Онъ развернулъ свой эпическій планъ и доказывалъ, что въ восемь дней за нимъ пойдутъ сто тысячь человѣкъ! Питту не нужно было столько, онъ хотѣлъ только сдѣлать диверсію и захватить фортъ, который онъ могъ бы удержать противъ Франціи (Бель-Иль? Лоріенъ? Сенъ Мало?). Онъ удивился, промолчалъ и сказалъ себѣ: «Это человѣкъ очень опасный.»

Пюизей почувствовалъ недовѣріе, чтобы разсѣять его, онъ согласился на назначеніе отдѣльнаго начальника войска и тонко предложилъ въ начальники человѣка, который не могъ понизить его въ Бретани, потому что бретанцы ненавидѣли этого человѣка. То былъ нѣкто Ле-Котъ д'Эрвильи, храбрый и глупый, который при Людовикѣ XVI очень грубо обходился съ ними въ Реннѣ. Это былъ одинъ изъ тѣхъ хвастуновъ рубакъ, изъ которыхъ въ 91 составили гвардію короля, заставившую народъ смертельно возненавидѣть короля. То

былъ человѣкъ, непріятный для всѣхъ. Собственный полкъ его былъ также ненавидимъ; онъ былъ сформированъ изъ нахаловъ флота, изъ тысячи двухъ сотъ измѣнниковъ Тулона. Очень понятно, что всѣ эти гордые офицеры ни во что не ставили Пюизея и никогда не повиновались бы этой фигурѣ патера. Его епископъ и пятьдесять священниковъ, мѣра хорошо разсчитанная для шуановъ, въ глазахъ эмигрантовъ были только смѣшны.

Пюизей отправился при странныхъ напутствіяхъ. Что уполномочивало его? Власть очень смутная, врученная ему д'Артуа противъ воли, единственно изъ повиновенія англійскимъ министрамъ. Съ другой стороны онъ такъ мало былъ уполномоченъ королемъ, королевскимъ агенствомъ, что оно говорило: «Какъ только онъ высадится, его слѣдуетъ разстрѣлять.»—И еще: «Если Пюизей провозгласитъ королемъ графа д'Артуа?»

Но былъ ли онъ, покрайней мѣрѣ, увѣренъ въ англичанахъ? Онъ былъ сильно изумленъ, когда уже въ морѣ, открывъ инструкціи, которыя министры передали ему запечатанными, онъ увидѣлъ всѣ признаки необыкновеннаго недовѣрія. Выпуская его, въ тоже время его взнуздывали. Онъ былъ обязанъ соображать дѣйствія свои *съ приказаніями, которыя онъ будетъ получать отъ времени до времени*—вещь нелѣпая, невозможная при измѣнчивомъ состояніи моря, среди непредвидѣнныхъ случайностей подобной войны. Онъ могъ ожидать помощи отъ англичанъ только, когда онъ сдастъ имъ портъ, крѣпость. Наконецъ былъ ли онъ главнокомандующимъ? Тогда тотъ, кого онъ считалъ подчиненнымъ своимъ, д'Эрвильи показалъ высшія инструкціи, которыя были даны и которыя *во всѣхъ случаяхъ* назначали его, д'Эрвильи, начальникомъ войска, судовъ и снарядовъ. Въ дѣйствительности Питтъ, Уиндгэмъ оглушенные доносами эмигрантовъ на Пюизея, тревожась за

такое крупное дѣло, въ которое они положили 28 миліоновъ, раскаялись, что поручили его такому сомнительному человѣку и сочли нужнымъ назначить при экспедиціи вѣрнаго интенданта д'Эрвильи, человѣка несомнѣнно честнаго, который отвѣчалъ за все. Полки эмигрантовъ тоже составляли цѣнную собственность Британіи, они дорого стоили, получали хорошее жалованье, хорошую обмундировку; солдаты всѣ были прежними пѣхотинцами и флотскими офицерами, кавалерами св. Людовика, и пр. Д'Эрвильи получилъ приказаніе не тратить такое отборное войско въ безумныхъ стычкахъ шуанства, но быть бережливымъ хранителемъ его, даже увеличить его, если возможно.

Онъ такъ усердно берегъ все, что не сдѣлалъ бы рѣшительно ничего, но англійскій адмиралъ Уарренъ всталъ на сторону Пюизея. Увидѣвъ многочисленный народъ на берегу, онъ нашелъ, что было бы постыдно не подать ему помощь, приготовленную для него. Д'Эрвильи былъ такимъ образомъ принужденъ высадиться. Онъ сдѣлалъ тысячу возраженій и спорилъ семь дней. «Я не хочу дѣлать высадку, не сдѣлавъ прежде хорошую рекогноцировку по всѣмъ правиламъ.» Она сдѣлана. Онъ высаживается. Пюизей настаиваетъ. «Хорошо, я высажусь,» говоритъ онъ: «Если вы мнѣ дадите письменное ручательстяо, что не будетъ оппозиціи.» Всѣ смѣются.

Только 4 іюля, когда форты были сданы, а шуаны поставлены за двѣ мили впереди, онъ рѣшился выгружаться на берегу. Громадная операція. Было восемьдесять тысячь ружей, платья и башмаковъ на шесьдесятъ тысячь человѣкъ, восемьдесять пушекъ, огромныя массы пороха, много денегъ, три англійскихъ полка (эмигрантовъ на жалованьи англійскаго войска), шесть сотъ артилеристовъ и артилерійскія лошади,

восемнадцать инженеровъ, администрація, хирурги, пятьдесять священниковъ. Словомъ, то былъ цѣлый міръ.

Но что касается полковъ, Эрвильи не выпускаетъ ихъ. Едва онъ высадитъ нѣсколькихъ человѣкъ, какъ тотчасъ беретъ ихъ назадъ. Удивительная осторожность, сильно охлаждавшая шуановъ. Имъ довольно было бы четырехъ сотъ солдатъ для важнаго предпріятія захваты Ванна. Положительный отказъ д'Эрвильи оставался загадкой, все болѣе и болѣе странной. Онъ запрещалъ своимъ кричать: да здравствуетъ король. «Это дѣлаетъ слишкомъ много шума.» Наконецъ когда совершили въ Карнакѣ, такомъ многолюдномъ городѣ, торжественную церемонію освященія знаменъ, когда епископъ Дольскій провозгласилъ имя короля посреди проливавшаго слезы народа, д'Эрвиль ушелъ въ уголъ съ своими офицерами.

Былъ ли онъ съумасшедшимъ? Вобанъ заставляетъ это предполагать. Но Пюизей совершенно ясно говоритъ о томъ, что сбило его съ толку. Дѣло въ томъ, что когда онъ выгрузилъ весь транспортъ, ему со всѣхъ сторонъ стали твердить что эта экспедиція роялистовъ дѣлалась *противъ воли короля*, быть можетъ противъ короля. Изъ Ренна онъ узналъ, что парижское агенство послало туда Тальуё де Буамура приказать именемъ короля «чтобы не дѣлали ничего.» И агенство повсюду разослало фальшивыя записки съ подписью Пюизей, которыя повсюду совѣтывали «не дѣлать ничего.»

Главные вандейскіе начальники досадывали на Пюизея, досадывали на англичанъ. Они не отказывались совсѣмъ дѣйствовать, но говорили что хотятъ дѣйствовать только когда Ссепо, одинъ изъ нихъ, вернется изъ Парижа, гдѣ онъ велъ переговоры. Шаретъ возобновилъ свой договоръ съ республикой 29 іюня, въ самый моментъ высадки у Киберона. Его побудилъ къ этому агентъ короля епископъ Леона, личный

врагъ дольскаго епископа, котораго привезъ Пюизей. Ударъ наиболѣе прямой былъ нанесенъ и въ самомъ Морбиганѣ— святой городъ роялистовъ Ваннъ получилъ отъ святыхъ Анжу, отъ великаго патера Бернье лозунгъ: «Не двигайтесь.»

Наконецъ новый король и совѣтники его Аварэ, Антрэгъ и пр. прямо даютъ Эрвильи приказаніе «ничего не дѣлать» перенести экспедицію съ этого берега вооруженнаго и трепещущаго на пустынные берега вандейскихъ болотъ, къ Шарету. Приказаніе безсмысленное, нелѣпое. Высадка съ этой стороны была трудна. Да и гдѣ же найти Шарета и маленькій отрядъ его? Въ ноябрѣ его не удалось найти. Для такого важнаго порученія, ставившаго на карту судьбу цѣлой партіи, король имѣвшій претензію на изящную литературу, послалъ писателя Демутье, который написалъ «Письма Эмиліи о миѳологіи.» Впрочемъ то былъ человѣкъ пріятный, созданный на то чтобы нравиться эмигрантамъ, старымъ дѣтямъ, которые любили только Фоблаза и Парни съ ихъ приторной водой любовныхъ мадригаловъ.

Нечего удивляться, если голодный солдатъ, обыскивая прибрежные дома и находившій только ту пищу, которую онъ отнималъ штыкомъ, дѣлалъ большія безчинства, приводившія въ отчаяніе Гоша. И посреди всего этого, какіе проблески доброты. Когда солдаты окапывали лагерь, то не нашли на этомъ берегу земли, но только песокъ, и однако они не тронули кладбища шуановъ. Они были какъ мы увидимъ, удивительно человѣчны къ плѣнникамъ. Всего болѣе раздражало ихъ то, что они не находили ничего въ домахъ. Шуанъ находилъ все. Женщины оставляли ему припасы и упорно отказывали въ нихъ солдату. Въ упорной набожности своей, онѣ предпочитали всевозможныя муки. Святыя эти были страшны. Онѣ ночью ходили по лѣсамъ съ вѣстями, гдѣ можно убить

нашихъ. Взяли нѣкоего Виктора, оказавшагося женщиной; она несла вѣсти смерти.

Въ этомъ состояніи крайняго раздраженія и ужаса, господствовавшихъ на берегу, весь народъ бѣжалъ къ полуострову; но не вошелъ въ него потому что фортъ и лагерь закрывали его. Эрвильи вмѣсто того, чтобы поставить вооруженныхъ шуановъ, бывшихъ подъ начальствомъ Вобана и Жоржа, на постъ, который прикрылъ бы народъ, поставилъ ихъ очень далеко за полуостровомъ, въ Карнакѣ. Жоржъ, увидѣвъ издали республиканцевъ, которые взяли Сентъ-Барбъ, ключь полуострова, и которые должны были встрѣтить тамъ эту несчастную толпу, предупредилъ Вобана и они послали за помощью, но напрасно. Вобанъ въ отчаяніи предлагалъ не ждать ее, а напасть на непріятеля. Но шуаны упали духомъ. Вобанъ и Жоржъ могли добиться отъ нихъ только одного—чтобы они отступали шагъ за шагомъ и, задерживая непріятеля, спасли бы народъ. Шуаны держались три часа, и несчастная толпа могла, по крайней мѣрѣ, въ безпорядкѣ перейти за палисады и найти убѣжище на другой сторонѣ.

Только тогда, по истеченіи трехъ часовъ, увидѣли подошедшій одинъ изъ полковъ Эрвильи, который онъ послалъ занять форты. Дѣло невѣроятное! До этой минуты полки были безъ гарнизона. Огонь ихъ остановилъ республиканцевъ. Но если они не взяли форты, за то они взяли главный постъ Сенъ-Барбъ. Гошъ съ этихъ поръ думалъ, что заперъ ихъ, 7 іюля.

Вслѣдствіе этого на полуостровѣ очутилось тридцать тысячъ ртовъ, которые надо было кормить. Эрвильи объявилъ, что обязанъ выдавать раціоны только своимъ войскамъ на жалованьи его британскаго величества. Женщины и дѣти получили только по четые унціи рису. Храбрые шуаны Жоржа,

которые только что спасли форты, и народъ весь получали половинные солдатскіе раціоны на человѣка. Пюизей, Вобанъ подняли крикъ. Тогда Эрвильи сказалъ самую удивительную вещь: что онъ дастъ имъ раціоны и жалованье, если они надѣнутъ красные мундиры и перейдутъ на службу англичанъ. Громъ негодованія. Голодые шуаны швырнули ему хлѣбъ.

Пюизей отдаетъ полную справедливость энергіи и дѣятельности республиканцевъ и вполнѣ сходится въ этомъ съ Моро де Жоннесъ, гренадеромъ Роша. «Недостатокъ во всемъ, какой они терпѣли, придавалъ имъ новыя силы, удваивалъ пылъ и энергію... Я видѣлъ ихъ издали. Офицеры работали какъ солдаты, въ рубашкахъ... Мы встрѣтили тысячу трудностей при вооруженіи форта Пентьевра тяжелыми орудіями. Но республиканцы сами припрягались къ пушкамъ», и пр. (Пюизей. VI, 168—278).

Тамъ была удивительная молодежь, нантская молодежь такъ много уже вынесшая и такъ пламенно патріотическая. Былъ Руже-де-Лиль, авторъ *Марсельезы*, котораго Тальенъ освободилъ изъ тюрьмы террора. Былъ молодой Моро-де-Жоннесъ, любезный, всегда улыбавшійся, который далъ намъ свой превосходный разсказъ. Во всѣхъ этихъ людяхъ, не смотря на скудность пищи, жила героическая живость, какъ и живость Гоша. Жаръ былъ чрезмѣрный, а у нихъ не было почти ничего кромѣ уксуса и водки.

Чтобы бороться съ этимъ героизмомъ, Пюизей вѣрилъ въ героизмъ. Онъ вѣрилъ въ Бретань, въ шуанство ея, въ дикую энергію Жоржа, который не былъ еще признаннымъ начальникомъ страны, но пользовался тамъ большою популярностью и авторитетомъ. Этотъ Жоржъ, казалось, былъ выкроенъ по образцу судей Израиля, Аода «который поражалъ обѣими руками», или мужественнаго и кровожаднаго Іиуя. Взять Жоржа

изъ полуострова, выпустить его на Морбиганъ, бросить его на тылъ Гоша, какъ тигра или ягуара, было бы простой идеей. Въ дѣйствительности, республиканскій генералъ съ своими тринадцатью тысячами солдатъ владѣлъ въ странѣ только небольшимъ пространствомъ покрытымъ лагеремъ его. Онъ держался на окраинѣ страны, какъ тѣло постороннее, внѣшнее, безъ корней. Не смотря на гордый видъ его, онъ очутился бы въ очень опасномъ положеніи, если бы его въ одно время атаковали съ фаса регулярныя войска Эрвильи, а съ тыла напали шуаны. На полуостровѣ было десять тысячь вооруженныхъ шуановъ. Восемь тысячь подъ начальствомъ Жоржа и де-Тинтеніака были посажены на лодки и перевезены на материкъ. Двѣ тысячи пятьсотъ, подъ начальствомъ другаго изъ вождей шуановъ, были отправлены на берегъ Кимпера. Довольно было того, чтобы они, даже не дѣйствуя противъ Гоша, ходили по странѣ, и у Гоша было бы отрѣзано продовольствіе. Но 16 они должны были напасть вмѣстѣ на республиканцевъ, которые такимъ образомъ очутились бы между двухъ огней.

«Подождите графа Артуа. Онъ теперь въ морѣ». Пюизей получилъ 10 іюля это ложное извѣстіе отъ Гаркура, стараго болтуна, жившаго въ Лондонѣ съ титуломъ посланника короля и, самъ того не зная, служившаго интригамъ обоихъ маленькихъ дворовъ для парализированія всего дѣла; Пюизей не обратилъ на это никакого вниманія и сговорился съ Эрвильи и съ Жоржемъ, что двойное нападеніе произойдетъ непремѣнно 16.

14 узнали, что изъ Англіи идетъ подкрѣпленіе. То былъ не графъ Артуа (онъ вѣчно обѣщалъ и никогда не былъ готовъ). То не были эмигранты офицеры Джерси, чего Пюизей настоятельно просилъ. Агенство не дало ихъ ему, но послало

въ Сенъ-Мало. То было всего тысяча человѣкъ, небольшой отрядъ составленный изъ остатковъ прежнихъ полковъ. Начальникомъ его былъ молодой человѣкъ, очень юный полковникъ Сомбрёль, дорогой эмигрантамъ за пылкую храбрость, а еще болѣе за сестру ради знаменитой легенды 2 сентября, истинной или ложной, когда она спасла отца. Эта блестящая фигура должна была затмить всѣхъ. Не преминули бы приписать ей всѣ одержанные успѣхи. Сомбрёль могъ прибыть не ранѣе 15, высадиться 16. 15 послѣ полудня Эрвильи, не дожидаясь его отдалъ приказъ атаки назначенной на завтра. Напрасно Пюизей и Варенъ умоляли его подождать, воспользоваться подкрѣпленіемъ Сомбрёля; напрасно Пюизей просилъ у него вещь необходимую—удостовѣриться готовы ли Жоржъ и Тинтеніакъ дѣйствовать въ тылу Гоша. Онъ не хочетъ ничего слышать, понять. Что сказано, то сказано.

«Какъ Пюизей не остановилъ ихъ своею властью»? спрашиваетъ Луи-Бланъ. Онъ получилъ въ тотъ же часъ изъ Лондона назначеніе главнокомандующимъ, которое подчинило ему Эрвильи. Но всѣ эмигранты обвинили бы его трусости. Они оставили бы его одного и пошли бы за Эрвильи. Наконецъ, что было бы, если бы Жоржъ явился на мѣсто по уговору, а Пюизей упорствовалъ бы не пустить Эрвильи? Какими горькими упреками, какимъ презрѣніемъ подавили бы его. Пюизей, хотя и онъ считалъ безумнымъ *) сражаться, не удостовѣрившись на счетъ

*) Я не вижу ни чуть противорѣчія, которое Луи-Бланъ воображаетъ видѣть между *печатнымъ и рукописнымъ Пюизеемъ.* Оба вполнѣ согласны. Я не придаю той важности, какую придаетъ Луи-Бланъ разсказу Руже де Лиля. Разсказъ этотъ 1834 года вышелъ изъ великой фабрики того времени, гдѣ изготовлялась такое количество мемуаровъ на основаніи смутныхъ и часто ошибочныхъ воспоминаній стариковъ Въ немъ есть сцены мелодраматическія и очевидно подстроенныя (стр. 30), вещи смѣшныя какъ слова Жоржа (стр. 36). Къ чему тотъ далъ бы Руже де Лилю важное пору-

Жоржа и Тинтеніака, не могъ помѣшать ничему. Планъ Эрвильи былъ: выступить ночью, напасть въ расплохъ на Гоша въ Сенъ-Барбѣ, въ то время какъ Вобанъ захватитъ постъ Карнака. Ни тотъ, ни другой не пришли до разсвѣта. Никакой засады. Нѣсколько выстрѣловъ, раздавшихся вдалекѣ, заставили на мигъ подумать Пюизея, что шуаны его пришли. Шуановъ не было. Былъ Гошъ совершенно на готовѣ, съ своими силами и съ значительной артилеріей.

Эрвильи, видя такой сильный фасъ, приказалъ сдѣлать боковое движеніе и, открывъ свой флангъ, заставилъ его дефилировать подъ огнемъ. Гоша. Пушки роялистовъ, хорошо поставленныя, гремѣли уже противъ этого огня и уже сбивали орудія Гоша. Эрвильи приказалъ снять пушки съ мѣста, снести ниже въ песокъ, гдѣ онѣ увязли и стали ни къ чему негодными. Тогда онъ отступаетъ съ своимъ полкомъ. Но другіе ничего не знали. Съ одной стороны били атаку, съ другой отступленіе. Безпорядокъ былъ полнѣйшій, потери огромныя, Эрвильи смертельно раненъ. Все погибло бы, если бы Уаренъ съ канонерскихъ лодокъ не открылъ огонь, который обстрѣливалъ весь берегъ, и тѣмъ не остановилъ побѣдителей.

Что же случилось? И какимъ образомъ шуаны 16 не явились на назначенное мѣсто? Прежде всего шуаны были не такими людьми, которыми можно было управлять; они управляли начальниками своими. Они шли къ Кимперу и увидѣвъ тамъ богатыя жатвы и ни души, чтобы собрать ихъ, превратились въ жнецовъ, забыли походъ. А восемь тысячь Жоржа были такъ сильны, что не встрѣтили никакого со-

---

ченіе требовать сдачи эмигрантовъ (стр. 96). Это болѣе естественно было бы дѣломъ того, о которомъ говоритъ Моро де Жонесъ, Менажа, героя этой ночи. Гошъ долженъ бы былъ предоставить ему эту честь.

противленія и потому ушли далеко и замѣшкали, нападая на мѣстечки и деревни «пригодныя для грабежа». Изъ двухъ офицеровъ имѣвшихъ званіе начальниковъ, Тинтеніакъ, храбрый и легкомысленный, далъ увлечь себя мелкими стычками, Помощникъ его, Понбеланже, человѣкъ не очень чистый, по словамъ Пюизея, и который грабилъ кассы, увлекъ его какъ того хотѣло королевское агентство, далеко къ сѣверу какъ можно далѣе отъ Киберона. Въ этихъ лѣсахъ, населенныхъ злыми феями, онъ преслѣдовалъ миражъ. «Дамы», такъ говорились въ полученной имъ запискѣ: «ждутъ васъ въ замкѣ Коётлогонѣ съ письмами отъ короля». Кто были эти дамы? Эти письма? Легкомысленный Понбеланже поддался искушенію, забылъ Киберонъ, пошелъ на этотъ замокъ. Тамъ его атаковали республиканцы. Гренадеръ, котораго онъ преслѣдовалъ, обернулся и убилъ его.

Депеши Гоша ясно показываютъ, что исторія не обманулась и что онъ былъ истинный герой. Многочисленный народъ женщинъ, стариковъ и дѣтей оставался на полуостровѣ. Одинъ Гошъ пожалѣлъ его. Онъ писалъ представителямъ и косвеннымъ путемъ объяснялъ комитету общественнаго спасенія все, что могло извинить этихъ несчастныхъ «увлеченныхъ страхомъ или обаяніемъ. Было бы жестокимъ и неполитичнымъ дѣломъ истреблять ихъ. Пусть они положатъ оружіе и пойдутъ жать.» (Sav. V. 251, 257.)

Чувства эти были раздѣляемы многими изъ нашихъ, въ особенности генераломъ Гюмберомъ. То былъ очень честный человѣкъ, очень сердечный, который оказался очень легковѣрнымъ въ сношеніяхъ съ роялистами и немного смѣшнымъ по безразсудной добротѣ. 18 онъ увидѣлъ на берегу Вобана и еще другаго. Онъ довѣрчиво подошелъ къ нимъ, спросилъ сколько они 16-го потеряли морскихъ офицеровъ.—Пятьде-

сять три.—Какая потеря для Франціи! сказалъ онъ. Онъ подалъ имъ руку и сказалъ: «Къ чему намъ драться? сговоримся... Пишите Тальену, который ѣдетъ сюда!» Потомъ онъ сказалъ имъ, что Тинтеніакъ невредимъ. Здѣсь Вобанъ ошибается и напрасно объвиняетъ Гюмбера во лжи и коварствѣ. «Тинтеніакъ», говоритъ онъ: «былъ уже убитъ». Онъ былъ убитъ 18 и очень далеко оттуда. Гюмберъ, говорившій 18, не могъ этого знать. Гюмберъ, самъ того не желая, подѣйствовалъ много этими великодушными и необдуманными словами. Они были повторены. Многіе вывели изъ нихъ надежду на снисходительную капитуляцію. Они смягчились, сильно разслабли. У нихъ не было въ дѣйствительности никакого серьезнаго вождя. Пюизей, главнокомандующій, которому Эрвильи отвелъ квартиру очень далеко отъ форта, не давалъ никакихъ приказаній. Да никто и не сталъ бы его слушаться. Вторымъ начальникомъ, назначеннымъ, что бы замѣнить Эрвильи, былъ бы Вобанъ, но онъ отказался. Адмиралъ, имѣвшій власть выбирать, назначилъ лицо наиболѣе пріятное для эмигрантовъ, Сомбрейля.

Изо всѣхъ свидѣтелей видѣвшихъ и описывавшихъ катастрофу Киберона—Пюизей, Вобанъ, Тальенъ, Руже де Лиль и Моро де Жоннесъ,—послѣдній одинъ видѣлъ все съ начала до конца; тогда еще молодой гренадеръ Гоша, умъ очень умѣренный и нисколько не враждебный побѣжденнымъ. Разсказъ его наиболѣе полный и разумный. Ни Вобанъ ни Пюизей не видѣли начала. Оба ночевали въ своихъ квартирахъ, далеко отъ форта и были пробуждены пушечной пальбой. Тальенъ, Руже де Лиль видѣли только одинъ конецъ. Разсказы ихъ полны декламаціи и сомнительны въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ. Разсказы Вобана и Пюизея, смѣлые вымыслы въ отношеніе всего что можетъ умалить побѣду республуканцевъ.

Два главные пункта и очень важные, засвидѣтельствованы, признаны самими побѣжденными: побѣжденные были все тѣми же благородными сумасбродами Росбаха и другихъ нечаянныхъ нападеній, хвалившимися тѣмъ, что ничего не боятся и не берутъ никакихъ предосторожностей. Двойная вѣра, которую они питали при высадкѣ—въ англійскія пушки и въ великій народъ ожидавшій ихъ на берегу, была причиной, что они разсѣялись по всему полуострову, выбирая себѣ для пристанища наиболѣе удобныя мѣста. Каждый устроился какъ только могъ лучше, и нечего было думать о томъ, чтобы вызвать ихъ изъ квартиръ. Пюизей имѣлъ квартиру очень далеко, Сомбрёйль еще дальше, за двѣ мили отъ фортовъ. Новый главнокомандующій этотъ, такой молодой и въ чинѣ полковника, имѣлъ очень мало авторитета надъ столькими людьми въ чинахъ, морскими и сухопутными офицерами, сѣдыми кавалерами св. Людовика. Онъ не попытался ничего измѣнить, не сдѣлалъ ничего, не предвидѣлъ ничего.

Другимъ важнымъ пунктомъ было легкомысліе ихъ. Военная сухость ихъ не принимала ничего въ разсчетъ; а среди нихъ, подъ начальствамъ ихъ были несчастные, очутившіеся тамъ по принужденію и нетерпѣливо желавшіе освободиться. Всѣ знаютъ страшную жестокость англійскихъ понтоновъ, гдѣ арестанты лишены всего, даже воздуха. И что же, англійскіе министры, привыкшіе къ насиліямъ вербовки, и Эрвильи, черствый и грубый, вообразили набирать тамъ рекрутовъ, и они брали тамъ несчастныхъ, чтобы вырядить ихъ въ красные мундиры и вести противъ Франціи. Люди эти пришли въ ярость, въ неистовство отъ того, что были за одно съ врагами отечества своего. Вотъ чѣмъ роялисты заслужили гибель свою.

Простой здравый смыслъ говорилъ, что не слѣдовало ста-

вить этихъ насильственно завербованныхъ солдатъ на постъ довѣрія, на фортъ Пентьевръ. Но почти со всѣхъ сторонъ, окруженный моремъ фортъ этотъ, подъемъ къ которому былъ очень крутъ съ одной стороны, не представлялъ удобствъ для бѣгства. Одинъ изъ завербованныхъ солдатъ, Давидъ рискнулъ всѣмъ, спустился по крутымъ скатамъ и узналъ какъ нельзя лучше, что тутъ была не пропасть, но скатъ ступенями каждая въ пять-шесть футовъ вышины, и что окраина каждой ступени представляла родъ тропинки почти полтора фута шириною. Успѣхъ его ободрилъ другихъ. На слѣдующую ночь еще тридцать такихъ солдатъ ушли тою же дорогою.

Гошъ, къ которому привели Давида, узнавъ, что можно взойти на фортъ, опасался западни и не рѣшался рисковать лучшими людьми по такой ужасной дорогѣ. Говорятъ, что Тальенъ жадно ухватился за это средство кончить дѣло. Онъ очень спѣшилъ. Компрометированный испанцами, роялистами, и въ виду угрожавшаго ему обвиненія, онъ выказывалъ свое рвеніе и выпросилъ, чтобы конвентъ послалъ его вмѣстѣ съ Бладомъ, твердымъ патріотомъ. Вѣдь съ минуту на минуту обвиненіе могло подняться въ собраніи. Изъ двухъ опасностей. бывшихъ передъ нимъ, онъ боялся Парижа болѣе Киберона. Только одинъ хорошій ударъ эмигрантамъ могъ выручить его.

Какова будетъ ночь, ясная или темная? Въ этомъ былъ вопросъ. Вечеръ былъ очень хорошъ. Гошъ взобрался на довольно высокій пикъ, который называли Скалой Фей, и наблюдалъ. Войска, находившіяся около пика увидѣли его, узнали высокую, тонкую и стройную фигуру героя, которая рѣзко вырѣзалась при послѣднихъ лучахъ солнца. Поднялся громкій, безконечный крикъ, горячее привѣтствіе. (Іюля 20, термидора 2). Все шло хорошо. Вечеръ сталъ туманенъ. Вобанъ пошелъ

къ форту и нашелъ, что дурно охраняютъ его. Сомбрёйль отправился еще позднѣе вечеромъ и нашелъ, что все было благополучно. Возвращаясь на свою квартиру, онъ зашелъ передать это Пюизею и потомъ отправился ночевать у себя за двѣ мили. Всѣ заснули съ полнымъ спокойствіемъ.

Гошъ не спалъ. Онъ выбралъ отрядъ изъ лучшихъ людей подъ начальствомъ адъютантъ Менажа, надежнаго человѣка, который долженъ былъ идти правой стороной, подняться вслѣдъ за проводникомъ Давидомъ и войти въ фортъ. Другая колонна должна была атаковать съ фронта, тогда какъ съ лѣвой Гюмберъ долженъ былъ обогнуть фортъ вдоль морскаго берега.

Менажъ и колонна его должны были пройти милю съ половиной въ темнотѣ ночи, имѣя противъ себя артиллерію форта и сверхъ того съ обоихъ фланговъ своихъ пушки анлійскихъ судовъ, которыя начали бы обстрѣливать съ права и съ лѣва, если бы увидѣли его. Желали дурной погоды, но погода вышла такою дурною, какой не желали. Была холодная буря, которая шла съ приливомъ и несла волны черезъ дорогу навстрѣчу колоннѣ, била въ лицо. Шли въ водѣ по поясъ. Ружья смокли и приходилось разсчитывать на одни штыки. Дорога стала такъ узкой, что можно было идти только по одному вдоль берега грознаго моря. Одна тѣнь слѣдовала за отрядомъ, ходила взадъ и впередъ узнавала начальниковъ, называла ихъ, ободряла. Онъ былъ здѣсь, любимый и неустрашимый герой, онъ согрѣвалъ ихъ великимъ сердцемъ своимъ.

Начался подъемъ. Ничего не видно. Идутъ за Давидомъ. Эти ступени въ пять шесть футовъ, на которыя надо часто влѣзать, узенькая неровная тропинка въ восемнадцать футовъ, составляющая окраины ступеней, все это сначала нѣсколько смущаетъ молодыхъ солдатъ, не говоря уже о чер-

ной пропасти, которая подъ ногами, о бѣшеномъ ревѣ моря. Многіе въ эту минуту, какъ сознается Моро де-Жоннесъ, вспомнили о дѣтствѣ и начали говорить молитвы. На верху на платформѣ, часовые прятались отъ бури, отъ яростнаго вѣтра. Черезъ невысокую стѣну перескакивали при крикѣ: «да здравствуетъ республика!» *) На верху все убито. Кидаются внизъ, въ ретраншементъ, гдѣ находились батареи. Была пора. Онѣ уже гремѣли. При первомъ лучѣ разсвѣта, замѣтили длинную черную полосу—приближавшуюся колонну Гюмбера, и начали стрѣлять. Канониры были захвачены и убиты на орудіяхъ. Между тѣмъ услышавъ пальбу, англійская канонирская лодка начала стрѣлять по колоннѣ, которая на мигъ заколебалась. Руже де-Лиль, бывшій въ рядахъ, разсказываетъ какое изумительное дѣйствіе произвелъ трехъцвѣтный флагъ, который показали побѣдоносно развѣвающимся на фортѣ. Ряды сомкнулись, солдаты вернулись, бросились дружно, захватили батареи, убили первыхъ солдатъ непріятеля, спѣшившихъ на помощь. Пришли другіе, но тѣ были дезертиры кричавшіе: «Да здравствуетъ республика!»

Все удалось. Гошъ, въ восхищеніи отъ подвига Менажа и молодыхъ гренадеровъ, своихъ наградилъ ихъ на мѣстѣ. Онъ зналъ какъ французы хотятъ, чтобы имъ платили за такое дѣло. Онъ сказалъ просто: «Ребята! Я очень безпокоился за васъ», и еще нѣсколько теплыхъ отеческихъ словъ. У всѣхъ навернулись слезы на глазахъ, говоритъ Моро-де-Жоннесъ. И кромѣ этого никакого повышенія. Гошъ этимъ постановилъ,

---

*) Разсказъ очень правдоподобный и несравненно менѣе романическій нежели разсказъ Вобана и Цюнзея, которые хотятъ увѣрить насъ, будто роялисты были жертвой очень грубой хитрости, „что каждый патруль, выходившій изъ форта, возвращался въ числѣ удвоенномъ переряженными республиканцами *и никто ничего не замѣтилъ*“.

что такія великія услуги не могутъ быть оплачиваемы *).

Полуостровъ не представлялъ никакой настоящей военной позиціи и, что еще хуже, ни одного мѣста, откуда было бы удобно садиться на суда. Главный постъ на милю отъ форта, имѣлъ только плохую стѣну изъ камней безъ смазки. Отъ него до форта Жюльена, квартиры Сомбрёйля была цѣлая миля. Пюизей, вдругъ пробужденный бѣжалъ къ Сомбрейлю, который сильно смущенный, вооружился и двинулся впередъ. У него были силы. Но на его людей прибытіе сотень бѣглецовъ, растерянныхъ и окровавленныхъ, произвело очень неблагопріятное дѣйствіе. Множество женщинъ, остававшихся еще на полуостровѣ, увидя обезображенныхъ бѣглецовъ, принялись жалобно кричать и убѣжали, унося дѣтей. Мужей ихъ, при видѣ первыхъ подошедшихъ республиканцевъ, охватила паника; они побѣжали съ ними, бросивъ проклятые красные мундиры, бросая даже ружья.

Сомбрёйль отступалъ къ форту Алигену, удивленный, что не видитъ англійскихъ лодокъ для защиты или для перевоза. Море было бурно, вѣтеръ силенъ. Сколько приказаній ни отдавалъ сигналами Уаренъ, его команда колебалась и мѣшкала. Пюизей увѣряетъ, что Сомбрёйль видя безполезность гонцевъ, просилъ его лично съѣздить на эскадру. Онъ и самъ этого хотѣлъ, думая, что въ немъ и въ бумагахъ его все спасеніе роялистской Бретани, что онъ долженъ во что-бы то ни стало беречь себя, не попасть живымъ въ руки людей, которые заставили бы его говорить, вырвали бы его тайны. Онъ спасъ все и потерялъ только честь.

---

*) Я не могу удержаться, чтобъ не сравнить временъ. Фурси капитанъ артиллеріи императорской гвардіи разсказывалъ мнѣ, что послѣ ужасной битвы (Эйлау?) Наполеонъ, пригласивъ офицеровъ на обѣдъ, приказалъ положить каждому подъ салфетку по билету въ тысячу франковъ.

Сомбрейль отступилъ далѣе за Алигенъ и дошелъ до форта Сенъ-Пьера, находившагося на скалѣ. За нимъ океанъ. Отступать далѣе было невозможно. Полагаютъ, что у него было три тысячи человѣкъ. Гошъ преслѣдовалъ его самъ и когда дошелъ до форта, то имѣлъ всего семьсотъ гренадеровъ. Прибавьте къ этому огонь англійскихъ канонерскихъ лодокъ, гремѣвшій противъ него. Онъ сказалъ Тальену и Бладу, шедшимъ съ нимъ, чтобы они спрятались за холмъ; Онъ послалъ Менажа, героя ночи, требовать сдачи непріятеля. Этотъ честный человѣкъ, обернувъ голову бѣлымъ платкомъ, пошелъ къ нимъ и сказалъ перепуганнымъ врагамъ бѣжавшимъ къ морю, сердечное слово, которое открывало имъ путь къ спасенію: «Что же это? Неужели нѣтъ болѣе французовъ? Неужели вы всѣ *эмигранты?*» Это подавало надежду, что отрекшись отъ названія *эмигрантовъ*, они будутъ спасены. Многіе вернулись, собрались около него.

Многіе изъ солдатъ, по добротѣ сердца, кричали: «Вернитесь, съ вами будутъ хорошо обращаться».—Однако одинъ эмигрантъ, Шамо, сознается, что одинъ республиканскій офицеръ предупреждалъ ихъ, говоря: «Бѣгите?.. Если вы сдадитесь, вы будете разстрѣляны». (Papiers Puisaye).

Бѣжать было трудно. Лодки не могли подойти. Англичане стрѣляли и на тѣхъ и на другихъ. По словамъ Руже-де-Лиля Гошъ сказалъ, что не пощадитъ никого, если Сомбрейль не остановитъ пальбу англичанъ. Моро-де-Жоннесъ не говоритъ о томъ ни слова. А Тальенъ въ своемъ отчетѣ говоритъ, что двѣ пушки слѣдовавшія за Гошемъ прогнали англичанъ картечными выстрѣлами. Эмигранты утверждаютъ, будто Гюмбертъ обѣщалъ капитуляцію. «Но не Гюмбертъ взялъ ихъ въ плѣнъ», говоритъ Гошъ: «а я, съ семью стами гренадеровъ. (Письмо отъ 3 августа 1795). Ни одинъ солдатъ не

кричалъ, что съ ними будутъ обращаться какъ съ военноплѣнными; я это тотчасъ бы опровергъ". *) Моро-де-Жоннесъ, бывшій однимъ изъ семисотъ, говоритъ, что ни одинъ изъ нихъ не посмѣлъ обѣщать ничего подобнаго.

Вобанъ увѣряетъ, что у Сомбрейля не было картушей. Гошъ говоритъ: „У нихъ было такъ мало картушей, что наши гренадеры бросали свои попорченные и брали тѣ, которые находили у эмигрантовъ; они бросали картуши на скалу, у подножія которой шесть или семьсотъ штукъ потонули".

Никогда еще не было болѣе ужасной сцены отчаянія. Многіе офицеры закололись. Около тысячи восьми сотъ человѣкъ офицеровъ, солдатъ, женщинъ, крестьянъ вошли въ море по плечи. Но приливъ и вѣтеръ относили лодки. Тѣ лодки, до которыхъ бѣглецы доходили, были переполнены. Находившіеся въ лодкѣ, чтобы не утонуть, отталкивали, даже отбивали саблями желавшихъ сѣсть въ нее.

Наши солдаты были очень добры къ несчастной толпѣ, которую они уводили. Ихъ считали кровожадными, судя по ихъ насиліямъ въ деревняхъ. Такое великое несчастіе потрясло ихъ, сдѣлало человѣчными. Прежде всего спасли женщинъ и дѣтей. Потомъ когда они стали брать отборныхъ воиновъ, (всѣ были зрѣлыми людьми и стариками, говоритъ Моро-де-Жоннесъ) столькихъ инженерныхъ, артилерійскихъ и флот-

---

*) А какъ эмигранты поступили бы съ нашими? Въ бумагахъ Пюизея, въ которыхъ Луи Бланъ съ такою пользою справлялся въ британскомъ музеѣ, нашлось письмо отъ 8 іюля, страшное для нихъ. Пюизей поручаетъ просить англійскаго министра быть безпощаднымъ «къ плѣннымъ офицерамъ, которые отказались присягнуть на вѣрность королю (онъ хочетъ сказать: обязаться служить противъ Франціи); *онъ требуетъ* отъ справедливости министра, чтобы они были смѣшаны въ тюрьмахъ съ злодѣями, преступленія которыхъ вызвали приговоръ этотъ». Слово не ясное. Хочетъ ли онъ чтобы ихъ казнили, или чтобы они были арестантами.

скихъ офицеровъ, они выказали извѣстное уваженіе. Руже-де-Лиль видѣлъ, какъ они поддерживали кавалеровъ св. Людовика, помогли имъ идти, покрывали своими шапками лысыя головы ихъ, открытыя подъ непогодой.

Между Гошемъ и Тальеномъ было сильное разногласіе. Гошъ утверждалъ, что должно было наказать только однихъ начальниковъ. Тальенъ, такъ сильно скомпрометированный и боявшійся обвиненій, говорилъ, что страшный законъ противъ эмигрантовъ поражалъ всѣхъ. Тогда придумали стеречь ихъ какъ можно хуже, дать имъ слабый конвой; шесть сотъ солдатъ на три тысячи плѣнныхъ. Чтобы вести весь этотъ людъ въ Орэ, приходилось проходить по небольшимъ рощамъ, по дорогѣ окаймленной изгородями и канавами. Вторая колонна должна была придти въ Орэ только къ девяти часамъ вечера, и потому шла нѣсколько времени, когда стемнѣло. Солдаты рѣшились не видѣть ничего. Нѣкоторые даже говорили: «Бѣгите!» Иныя вещи потрясали сердце. У многихъ были жены, которыя упорно пошли за мужьями. Моро де Жоннесъ, бывшій въ числѣ конвойныхъ, взялъ на руки ребенка и несъ его. «Но даже въ такомъ страшномъ положеніи, ослѣпленіе ихъ было тоже самое. Они были убѣждены, что вся страна за нихъ и упорно вѣрили, что ихъ освободятъ въ Орэ или въ Ваннѣ.»

Роялисты очень усердно разработали легенду Сомбрейля, чтобы дать продолженіе легендѣ о сестрѣ. Они разукрасили легенду многими мелодраматическими прикрасами. А наши списали все это, не видя насколько легковѣсны, даже подозрительны источники, изъ которыхъ они черпаютъ. Иная подробность приводится только *по копіи* съ письма, написаннаго женщиной, имени которой даже незнаютъ; говорятъ: какая то Софія. Кажется довольно вѣрнымъ, что Гошъ хотѣлъ спасти

Сомбрёйля, молодость котораго внушала ему участіе. Но онъ считалъ бы себя обезчещеннымъ если бы спасся одинъ. Онъ не былъ вовсе невиненъ въ катастрофѣ, потому что по легкомыслію закрылъ глаза на то, что̀ видѣлъ Вобанъ, что фортъ былъ очень дурно охраняемъ въ знаменитую ночь; потому что слишкомъ скоро пришелъ въ отчаяніе и сдался съ тремя тысячами человѣкъ семи стамъ гренадерамъ. Вотъ что, безъ сомнѣнія, было для него очень горькимъ и побудило его написать злобное и безумное письмо противъ того, чьихъ совѣтовъ и приказаній никто не хотѣлъ слушать, противъ Пюизея. Если пслѣдвій былъ виновенъ въ томъ, что ушелъ слишкомъ рано, что не далъ убилъ себя, то должно признаться, что оставшись, онъ не спасъ бы ничего. Дѣйствительнымъ начальникомъ былъ Сомбрейль.

Одно, что побуждало Тальена и конвентъ къ крайней строгости, это была похвальба Пюизея и другихъ роялистовъ, что за нихъ были нѣкоторые представители, что въ конвентѣ даже были роялисты. Эти роялисты (Делагэ, Ларивьеръ) были какъ громомъ поражены ударомъ на Кибéронѣ. Они не пикнули ни слова. Было изумительное единодушіе при вмѣненіи закона. Гошъ не могъ ничего сдѣлать и уѣхалъ въ Сенъ-Мало и Реннъ, которые онъ хотѣлъ укрѣпить. Но онъ сильно писалъ въ защиту пяти тысячь плѣнныхъ шуановъ, которые рисковали погибнуть съ эмигрантами. Комитетъ, съ очень тонкимъ юристомъ во главѣ, Мерленомъ, нашелъ различіе, счастливую фикцію: «что они были завербованы *противъ воли*». Такимъ образомъ обошли законъ. Но онъ былъ опредѣлителенъ въ отношеніи эмигрантовъ, очень молодыхъ, которымъ было 16 лѣтъ въ 89 г. а теперь въ 95 г. 21 годъ. Что бы ни дѣлали ихъ нельзя было спасти.

Не слѣдуетъ забывать страшное положеніе, въ которомъ

находились. Югъ плавалъ въ крови. Тамъ, какъ мы видѣли, роялисты убивали даже умѣренныхъ. Въ самомъ Морбиганѣ шуаны такъ мало унывали, были такъ упорны, что около Ванна продолжали разстрѣливать всѣхъ крестьянъ, привозившихъ припасы на рынокъ. (Sob. VI, 355).

Въ Орэ при шествіи плѣнныхъ съ факелами, всѣ женщины были у оконъ въ слезахъ; это была торжественная сцена роялизма. Наши офицеры, осаждаемые просьбами, обойденные, на которыхъ дѣйствовали дамы и почетныя лица, не могли рѣшиться назначить военно-судныя комиссіи. Онѣ дѣйствовали сначала очень вяло и медленно. Еслибы генералъ Лемуанъ не переформировалъ ихъ, то успѣли бы освободить плѣнныхъ. Роялисты сдѣлали бы, а не упустили бы своей вандемьеръ. Убійства, рѣзня удвоились бы на югѣ.

Въ самомъ Ваннѣ, въ большомъ центральномъ городѣ роялистовъ, разстрѣляли Сомбрейля, епископа дольскаго и сто восемьдесять семь изъ наиболѣе важныхъ эмигрантовъ. Восемьсотъ еще были разстрѣляны въ Орэ.

XI.

Возвращеніе роялистовъ. Разнообразныя маски ихъ.

Таллiенъ возвратился растерянный и сказалъ женѣ въ салонѣ полномъ роялистами: «Все кончено.» Она залилась слезами. Это оканчивало ихъ термидорское королевство. Съ этой минуты нѣтъ болѣе недоразумѣній. Пробудились отъ сна, въ которомъ общество, свѣтъ, легкость нравовъ, любезность дамъ, казалось, сблизили, смѣшали всѣ партіи. При этомъ яркомъ кровавомъ пламени, обѣ партіи узнали одна другую, увидѣли себя въ существѣ своемъ. Собраніе вспомнило, что

оно *конвентъ*, и что роялисты, такъ любезные въ Парижѣ, тѣмъ не менѣе были друзьями убійцъ на западѣ и убійцъ на югѣ.

Роялисты вообразили, судя по нѣсколькимъ словамъ, что многіе члены за нихъ, въ особенности въ распорядительныхъ комитетахъ. И никто въ собраніи, никто въ комитетахъ не смѣлъ сказать слова за плѣнныхъ Киберона. Законъ былъ ясенъ; онъ обрекалъ ихъ на смерть. Буасси и Ларивьеръ, уже заподозрѣнные потому что они не сказали ни одного слова о роялистскихъ рѣзняхъ въ Тарасконѣ. и въ Марселѣ, боялись, если они будутъ говорить теперь, чтобы бѣлая кокарда, которую они уже носили въ сердцѣ, не выступила бы на лбу ихъ. Они отмстили за молчаніе свое, требуя ареста десяти монтаньяровъ уже обвиненныхъ съ преріаля, въ числѣ ихъ Лекиніо и Фуше. Термидорцы, которые тогда удалялись отъ правой, жалкой передержкой сдѣлали имъ эту уступку (8—9 августа).

Но великое большинство, не смотря на все, открывало глаза. Оно знало, что все собраніе было приговорено въ полномъ составѣ. Неистовства роялистовъ показывали это какъ нельзя яснѣе. Когда Ришеръ де Серизи въ газетѣ своей— *Общественный обвинитель* говорилъ, будто самый центръ, Маре, безгласный Сіэсъ «стояли по колѣно въ крови», кто могъ оставаться спокойнымъ? Жирондисты? Не подавшіе голосъ за смерть Людвига XVI? Нѣтъ. Они ниспровергли тронъ и сдѣлали 10 августа. Жиронда призвала марсельскіе батальоны, которые взяли дворецъ, короля. Восходя далѣе въ прошедшее не было невинныхъ въ цѣлой революціи. Антрэгъ перепечатывалъ безумную брошюру свою, гдѣ онъ валитъ въ одну кучу и судитъ съ Карье членовъ учредительнаго со-

бранія, гильонитируетъ Мирабо, Бальи съ Робеспьеромъ. Все это было писано въ Веронѣ, возлѣ новаго короля.

10 августа (23 термидора) собраніе праздновало и приказало праздновать во всѣхъ коммунахъ Франціи и во всѣхъ арміяхъ ниспроверженіе короля и взятіе Бастиліи. Представители роялисты, сомнительные администраторы приняли участіе въ этомъ праздникѣ и совершили актъ лицемѣрія, 4 августа Луве, 20—Лежандръ заняли очень опредѣленно мѣста свои возлѣ горы, поодаль отъ нѣмыхъ жирондистовъ. Они сказали, что если эмигранты, которые теперь возвращались толпами, не найдутъ во Франціи могилу, то Франція сама станетъ могилой республики.

Все собраніе рукоплескало имъ. Собраніе встало восклицая, что «оно будетъ могилой эмигрантовъ».

Конвентъ размышлялъ и чувствовалъ что противъ этихъ неистовыхъ возвращавшихся у него не было другой опоры, другаго прибѣжища кромѣ революціи самой, кромѣ монтаньяровъ, съ которыми такъ жестоко поступили въ преріалѣ, и даже якобинцевъ, патріотовъ всѣхъ оттѣнковъ. Тѣ, которыхъ заперли въ тюрьмы, могли забыть по непоколебимой вѣрѣ въ революцію, и стать для собранія энергическимъ резервомъ. Въ одинъ мѣсяцъ конвентъ принялъ въ этомъ отношеніи болѣе чистый цвѣтъ. 29 іюля роялистскій округъ пришелъ, дерзко обвинять его за это и, такъ какъ комитеты молчали, то Лежандръ разразился, спросилъ были ли комитеты *губой Киберона*, полной врагами собранія. Дюбуа Крансе, съ пылкостью воина, громилъ петиціонеровъ всею тяжестью киберонской побѣды, о которой только узнали въ тотъ же часъ, и назвалъ ихъ: «Разбойники».

29 августа (12 фруктидора) собраніе даровало заключеннымъ патріотамъ декретъ, избавлявшій ихъ суда сосѣдей ихъ,

то есть враговъ. Они могли по желанію быть судимы въ судѣ ближайшихъ департаментовъ. Распоряженіе человѣчное и справедливое. Но то же чувство человѣчности не допускало конвентъ дѣйствовать въ интересахъ своихъ противъ угрожающаго прилива возращавшихся эмигрантовъ. Они смѣялись надъ декретомъ, который, запрещая имъ въѣздъ въ Парижъ, думалъ удержать ихъ на разстояніи десяти миль. Даже этотъ яростный Лежандръ (часто слабый и мягкій въ сущности) хочетъ, чтобы ихъ вычеркнули изъ списка только *послѣ того какъ конституція будетъ утверждена.* И такъ они должны скоро возвратиться. Дверь болѣе не заперта. Они войдутъ всѣ не дожидаясь, чтобы отперли. *)

---

*) На одной хорошей картинѣ Лувра *Дворъ дилижансовъ* я вижу одно изъ такихъ возвращеній, трогательную семейную сцену. Дама ставшая почти зрѣлой, ребенокъ выросшій за пять лѣтъ, бѣгутъ встрѣтить такъ давно жданнаго путешественника, который бросается въ объятія ихъ. Какъ онъ перемѣнился! Какъ онъ износился, какъ худъ въ зеленомъ кафтанѣ. Какъ мало волосъ у него! Сколько угадывается страданій!.. Наконецъ семья соединилась. «Да соединятся всѣ французы въ одну семью сближеніемъ партій».

Чувство это было чувствомъ многихъ французовъ того времени, даже наиболѣе крайнихъ революціонеровъ, (Дюроя, Дикеноя см. выше). Увы! было ли это возможно. Эмигрантъ этотъ, въ которомъ я думалъ принять участіе, какой мундиръ носитъ онъ? Шуановъ. Онъ говоритъ зеленымъ мундиромъ своимъ: «Я шуанъ, эмигрантъ, союзникъ непріятеля. Какъ мало способенъ онъ, этотъ износившійся и высохшій человѣкъ, научиться, открыть умъ новой идеѣ! Тотъ, кто сражался противъ Франціи, считаетъ себя законной Франціей. Чѣмъ я ближе всматриваюсь въ этого высокаго худаго человѣка, съ вдавленнымъ лбомъ, легковѣрнымъ и донъ-кихотскимъ, тѣмъ болѣе я узнаю тотъ типъ людей, которые даже еще передъ 89 г. были безъ основъ, пустыми, распущенными, не имѣли ничего въ мозгу. Даже тѣ изъ эмигрантовъ, которые имѣли истинный талантъ, тѣмъ не менѣе были умами ложными, писателями часто странными.

Вымыслы самые нелѣпые даже, жадно принимались ими съ старческимъ легковѣріемъ, похожимъ на брехню старости. Чтобы привести всего одинъ примѣръ, упомянемъ о *мильонѣ ста тысячахъ быковъ,* которыхъ по словамъ ихъ, *террористы живыми сожгли въ Вандеѣ,* не подумавъ съѣсть хотя нѣкоторыхъ (Болье).

Эти старыя дѣти, которыхъ можно счесть чувствительными и которые, въ самомъ дѣлѣ, часто и легко проливали слезы, тѣмъ не менѣе были жестоки. Мы судимъ о томъ по попыткамъ ихъ убить Пюизея, человѣка наиболѣе умнаго изъ партіи ихъ, и зарѣзать Гоша. Ярость ихъ противъ него дошла до того, что они выкололи глаза лошадямъ его въ конюшняхъ. Вандейскія постановленія ихъ необыкновенно кровожадны. *Смерть*! *Смерть*! Ничего болѣе. Какой раздоръ, какой духъ ненависти и мести принесъ намъ эмигрантъ! Какія ссоры! Сколько дуэлей. Онъ не принялъ раззореніе свое, какъ искупленіе за преступный союзъ свой съ непріятелемъ. И теперь вотъ во Франціи двѣ націи во враждѣ—покупщиковъ и эмигрантовъ.

Киберонъ не только не затормозилъ возвращеніе эмигрантовъ, но ускорилъ его. Большая часть изъ нихъ стала менѣе надѣяться возвратиться побѣдителями, но за то съ тѣхъ поръ стала пользоваться всѣми тайными и вѣрными средствами, какія доставляла имъ простота и довѣрчивость республики, слабость и пособничество жирондистскихъ муниципалитетовъ, учрежденныхъ съ термидора. Въ августѣ и сентябрѣ 95 эмигрантъ не возвращался еще въ своей настоящей одеждѣ—зеленомъ кафтанѣ шуана-*эмигранта*. Онъ не признавалъ себя такимъ. Ему даютъ свидѣтельство, что онъ никогда не выходилъ изъ Франціи, или, если онъ вышелъ, то какъ жертва жирондистская 31 мая, или онъ одинъ изъ тѣхъ рабочихъ, которыхъ англо-испанцы насильственно увезли изъ Тулона—лже-работникъ съ бѣлыми руками; но такъ пристально не всматривались. Онъ возвращается. Его встрѣчаетъ сочувствіе, Каждый домъ открытъ человѣку съ хорошими манерами, перенесшему столько несчастій. Жена его очень легко доставитъ ему связи; друзья, которыхъ она пріобрѣла въ ожиданіи его, люди богатые, вліятельные.

Реаль, въ разсказѣ своемъ о вандемьерѣ, приводитъ замѣчательное слово, сказанное именно въ 95 и показывающее насколько мы были уже далеко отъ 94. Послѣ термидора, какъ мы уже видѣли, женились толпами. Въ 95 напротивъ мы видимъ множество разводовъ. Возвращающееся старое общество измѣняетъ настроеніе. Не одна женщина раскаявается въ томъ, что подъ слѣпымъ побужденіемъ необходимости, страсти, заключила неравный бракъ, и теперь мѣтитъ выше. Она вышла за столяра, теперь мѣтитъ за ажіотера. Часто тоже мужъ, раззорившійся дворянинъ находитъ очень выгоднымъ, позволить женѣ сдѣлать денежную партію. Она будетъ покровительствовать ему. Распущенное непостоянство требуетъ новаго брака и въ самомъ безпорядкѣ требуетъ семьи, очага. Нравы новые и совершенно отличные отъ нравовъ до 89 г.

Реаль въ двухъ словахъ дѣлаетъ поразительную картину Парижа. «Никогда еще не было тамъ столько иностранцевъ. Гостинницы переполнены ими до чердаковъ. И Сенъ-Жерменское предмѣстье, *такъ пустынное шесть мѣсяцевъ тому назадъ*, эти обширные опустѣлые отели вдругъ оказались полными, (тогда безъ затрудненій получали право жить временно въ этихъ непроданныхъ еще отеляхъ). Они наполнились иностранцами, шуанами, эмигрантами, священниками, богатыми молодыми людьми, нанимавшимися въ извозъ, и разведенными женами.» (Réal, p. 7).

Всѣ люди эти могли агитировать тѣмъ дѣйствительнѣе, что гамма роялизма, безконечно разнообразная, способствовала двусмысленностямъ. Многіе смѣло отрицали, что они роялисты. Долго еще послѣ того одинъ изъ нихъ говорилъ Карно: «тотъ кто подумалъ бы возстановить королевскую власть, заслуживалъ быть запертымъ въ сумасшедшій домъ». Подъ при-

крытіемъ такихъ словъ, шли тайкомъ. Всѣ говорили языкомъ жирондистовъ, хорошихъ республиканцевъ, ревностно стоявшихъ за свободу, за верховныя права народа. Примѣру Корматена, шуана, который только и говорилъ что о *верховномъ народѣ*, подражали здѣсь въ широкихъ размѣрахъ; онъ сталъ всеобщимъ примѣромъ. Отъ разбавленныхъ водою жирондистовъ до конституціонныхъ роялистовъ (Лакретель, Бертенъ) до крайнихъ роялистовъ (какъ Ришеръ де Сэризи), до веронскихъ агентовъ идіотовъ (Бротье и пр.), до самыхъ свирѣпыхъ шуановъ, языкъ былъ все однимъ и тѣмъ же: «Заявлять о свободѣ, о верховномъ правѣ народа, при необходимости—и о республикѣ, чтобы лучше все задавить.»

Конвентъ далъ имъ превосходный предлогъ, когда постановилъ по предложенію Бодена, изъ Арденновъ, что только *одна треть представителей выйдетъ*, и что избирательныя собранія вновь выберутъ двѣ трети конвента (13 фруктидора, 30 августа). Какой случай обвинить собраніе, сказать, что оно хотѣло сдѣлать себя вѣчнымъ, что оно превышало права свои! И однако, скажемъ это, положеніе дѣлъ требовало этого; нельзя было сдѣлать ничего другаго.

Во имя ли политики оправдываемъ мы собраніе? Нѣтъ, но во имя человѣчества, во имя крови человѣческой. Если кровь текла на югѣ, на западѣ не смотря на конвентъ, что было бы, когда совершенное исчезновеніе его, когда внезапное созданіе новаго собранія, мягкаго, ретрограднаго сняло бы послѣднія преграды, на минуту уничтожило общественную власть. Конвентъ и такимъ, какимъ онъ былъ in extremis, вызвалъ благодѣтельную реакцію, которая остановила потокъ крови. Съ одной стороны, Фреронъ посланный на югъ остановилъ рѣзню; а съ другихъ сторонъ на западѣ смерть

Стофле, Шарета, обезоруженіе общинъ возстановили нѣсколько спокойствіе.

Непостижимо, какимъ образомъ парижскіе писатели и журналисты, которые дѣйствительно стояли во главѣ движенія противъ Конвента, могли не видѣть, что совершенное упраздненіе его удвоило бы на западѣ и югѣ силы разбойниковъ, вызвало бы варѳоломеевскую ночь, возобновило бы ужасающія дѣла Ліона, Марселя и Тараскона, Лакретель сказалъ и я вѣрю ему, что товарищи Іисуса «внушали ему ужасъ.» Друзья его литераторы: Сальвертъ, Дюпонъ Немурскій, Морелле, Фьеве, Каде-Гассикуры, Дюро-Деламали, Катръ-Меръ де Кинси не были людьми безчеловѣчными. По какому же странному заблужденію спѣшили они уничтожить собраніе, которое одно могло останановить, сломать кинжалы странныхъ союзниковъ ихъ, внушающихъ имъ какъ они говорятъ ужасъ? Г-жа Сталь предупреждала ихъ съ большой энергіей: «Бойтесь побѣдить, Вы не сможете сдержать ваше роялистское меньшинство. Вы были жертвами террористовъ, теперь вы будете жертвой кровожадныхъ друзей вашихъ.» (Лакретель, Dix ans). 253).

Эта непослѣдовательная партія опьяненная своею болтовней въ салонахъ, на обѣдахъ, гдѣ воображали устраивать заговоры, тѣмъ не менѣе шла ощупью. Лакретель, который рѣдко терялъ случай показать прекрасную, величественную и немного пустую голову свою, прочелъ въ конвентѣ заносчивую петицію по вопросу о пожертвованіяхъ и устройствѣ лагеря въ Парижѣ. Шенье свысока отвѣчалъ ему. Но одинъ членъ жирондистъ, переходившій въ роялисты, Саладинъ смѣло высказался противъ собранія и распространилъ по всей Франціи воззваніе къ народу, которое сдѣлалась манифестомъ каждаго врага народа.

Вопросъ былъ въ томъ, что бы узнать—эта партія говоруновъ, молодой литературы, журналистики, банка, наконецъ,

вѣчный Парижъ, который парадируетъ и гуляетъ по итальянскому бульвару, соединится ли рѣшительно съ роялистами движенія, съ черными людьми, которые хотѣли дѣйствій? Многіе изъ послѣднихъ смѣшивались съ легкомысленной и веселой толпой секцій Лепелетье и Бюттъ-де-Муленъ. Но они такъ хорошо знали ее, что никогда не смѣли высказать ей мысли свои болѣе чѣмъ на половину. Если бы они высказали ее вполнѣ, то мгновенно остались бы одни. Банкъ и высшая комерція, связанные съ новыми интересами, были на сто миль отъ мечтаній о совершенномъ возвращеніи къ прошедшему, въ которыхъ блуждали эти полусумасшедшіе роялистскаго агентства и эмиграціи. Опи хотѣли мести, казней, уничтоженія продажи національныхъ имуществъ. Они остерегались вымолвить это слово, которое подняло бы противъ нихъ всѣхъ новыхъ богачей, Вотъ почему, хотя бумаги роялистскаго агенства, которыя были перехвачены, и показываютъ, что оно хотѣло воспользоваться движеніемъ, масса обѣихъ секцій сдѣлавшихъ его, была очень далека отъ агенства и даже не знала его. (Beaulieu) Даже когда секціи дошли до крайней мысли сражаться противъ собранія, онѣ не воспользовались предложеніемъ шуановъ командовать этими войсками. Они отвергли эти кровавыя руки и королевское знамя, которое тутъ же обнаружило бы внутреннее разногласіе партіи *).

---

*) Довольно Конвента, онъ излишенъ, словомъ *не будетъ Конвента* таково мысль этой минуты. Это также читаютъ въ прекрасной гравюрѣ (де-Буальи, гравированной Треска. См. Генненъ, 1795, въ Библіотекѣ) Она предшествуетъ каррикатурамъ, (les Incroyables, de C. Vernetles Croyables De Boilly,etc.) Рослый мюскаденъ даетъ чистить сапоги свои маленькому савояру; на немъ извѣстный костюмъ той эпохи, но безъ крайностей. Онъ молодецъ и красавецъ, безъ рѣзкихъ чертъ свирѣпости или глупости, беззубаго выживанья изъ ума эмигрантовъ, которыя такъ хорошо

Крайній роялистъ Рише де Серази и Лакретель, который хотѣлъ сохранить республиканскую конституцію (два совѣта и директорію) имѣли объясненіе и сказали другъ другу: «Мы будемъ идти вмѣстѣ только еще дня четыре или пять.» Но Рише очень вѣрно замѣтилъ глупость другаго оттѣнка. «Тогда зачѣмъ же вы хотите сражаться, когда вы ничего въ сущности не хотите измѣнить?»

Чего хотѣло на самомъ дѣлѣ огромное большинство тѣхъ, которые тогда вооружились? «Мѣстъ», говоритъ г-жа Сталь. Но всѣ другіе, принимая участіе въ движеніи, представляли чувство болѣе общее, очень общее въ Парижѣ. Это было, что всѣ хотѣли покончить съ конвентомъ, который существовалъ три года—три вѣка! Всѣхъ утомило, всѣмъ надоѣло это трагическое собраніе, такъ бурное, такъ связанное съ столькими могильными воспоминаніями. Міръ хотѣлъ новаго.

Но какъ ни было ненавистно собраніе, побѣда его 13 вандемьера было въ эту минуту спасеніемъ Франціи на югѣ и западѣ. Она остановила потоки крови, положила конецъ разбоямъ, подготовила гибель, смерть Стофле и Шарета. Но

схватили оба художника. У него красивыя мелкія, черты, мягкій и бараній профиль щеголей Кобленца и Бюттъ-де-Муленъ. Не сходя съ мѣста на которомъ его держатъ за ногу, онъ оборачивается и дѣлаетъ рукою знакъ очень красивой молодой дѣвушкѣ, которая проходитъ мимо. Она пальцемъ дѣлаетъ отрицательный знакъ и говоритъ: «Нѣтъ конвента.» (Здѣсь игра словъ Convention — конвентъ означаетъ тоже: уговоръ, соглашеніе, сдѣлка) Она не публичная женщина. Это красивая и сильная дѣвушка, удивительно стройно держится, въ простомъ обтягивающимъ ее платьѣ безъ всякихъ другихъ украшеній кромѣ прекрасныхъ рукъ, она дочь народа. Она отказываетъ безъ презрѣнія. Золотая монета, котору показываетъ молодой человѣкъ, для такой дѣвушки не можетъ быть платой за одну ночь. Это очевидно задатокъ, хочетъ ли она поступить на содержаніе? хочетъ ли она даже, чтобы онъ женился на ней? Нѣтъ,—*Pointde Couvention.*

Она прекрасно оцѣнила его, она видитъ, что онъ съ бараньимъ профилемъ своимъ не сдѣлаетъ ничего дѣльнаго, что онъ проиграетъ вандемьеръ.

это событіе повидимому сломившее оружіе роялистовъ, не лишало ихъ права голоса. Передъ 13 вандемьеромъ состоялись избирательныя собранія, чтобы выбрать избирателей, согласно новой конституціи. Эти собранія находились тогда еще, въ особенности на югѣ, подъ мертвящимъ гнетомъ товарищей Іисуса «Ни одинъ патріотъ не смѣлъ подавать голоса». (M-ss Goupl-leau, *Coll. Dugast*, V, XIII.). Испуганное населеніе деревень назначало избирателями кого они хотѣли, и эти отвратительные выборы послали въ новое собраніе начальниковъ, или сообщниковъ, или укрывателей убійцъ.

Свирѣпость убійцъ постоянно возростала до 13 вандемьера, они убивали сначала якобинцевъ, потомъ убивали термидорцевъ. Наконецъ возраставшая потребность убійствъ довела до того, что рѣзали жирондистовъ; въ Марсели гильосинировали друзей Барбару. Суды были фарсомъ. Въ Э патріотовъ судили эмигранты, наши тулонскіе измѣнники сдѣлавшіеся англійскими офицерами; но всего чаще не брали на себя труда судить; рѣзали среди бѣлаго дня, рѣзали съ варварскою жестокостью. Въ Вальреа г-жа Морике «была убита ударами ногъ.» Въ Марсели убійца Боссе говорилъ заключенному въ тюрьму: «хочешь ли видѣть въ этой коробкѣ ухо жены твоей? Я покажу тебѣ.» Семь или восемъ женщинъ были обнажены и имъ, съ гнусною жестокостью, сожгли низъ живота.

Въ самый моментъ вандемьера манифесты Шарета распространялись на югѣ. Преси—ліонскій Шаретъ подступилъ къ къ Авиньону. Послѣ убійствъ начиналась междоусобная война въ широкихъ размѣрахъ, настоящая Вандея. Въ Авиньонѣ били въ набатъ, чтобы дать битву съ войсками. Представитель Бурсо презираемый за терпѣніе свое, былъ принужденъ призвать войска изъ Нима на помощь. 8 наконецъ онъ по-

лучилъ войско и три пушки. Только 12 вандемьера онъ возвратился въ Ліонъ и могъ обезоружить городъ. Но *честные люди* устроили бѣгство убійцъ. Въ Монтелимарѣ Жакъ-Эме, начальникъ ихъ, нѣсколько времени обольщалъ и обманывалъ представиля Жана-Дебри, а самъ между тѣмъ собиралъ отряды, чтобы идти противъ конвента (около 13 вандемьера). Вѣсть изъ Парижа, какъ масса свинца, упала на этихъ свирѣпыхъ мухъ, алчущихъ и жаждущихъ крови. Онѣ были такъ изступлены, что даже и послѣ вѣсти этой еще рѣзали.

Однако роялисты, которые уже передъ вандемьеромъ собирали избирательныя собранія своихъ людей и послѣ вандемьера дѣлали свои выборы (даже выбрали Жоба-Эме, человѣка прославившагося кровожадностью)—роялисты, говорю я, имѣли менѣе поводовъ рѣзатъ. Представитель Гупильо вошелъ почти одинъ въ Сенъ-Поль-Труа-Шато—центръ собраній ихъ и безъ всякаго сопротивленія обезоружилъ городъ (4 брюмера.) На югѣ въ Провансъ и Гардъ былъ отправленъ генеральный комиссаръ. То былъ Фреронъ, но Фреронъ обращенный. Этотъ пылкій вѣтрогонъ, который такъ слѣпо двинулъ реакцію, горько раскаявался въ томъ, что онъ такъ хорошо успѣлъ. Онъ выказалъ большое мужество, принявъ диктатуру юга, бросившись такъ сказать вплавь черезъ лужи крови. Еще наканунѣ пріѣзда его въ Марсель (9 брюмера) убили среди дня двухъ человѣкъ. Пріѣздъ его въ Тарасконъ вызвалъ потрясающую сцену. Еще съ Тараскона жертвы бросались къ нему, толпа вдовъ въ слезахъ. На глазахъ его убійцы вышли противъ этихъ бѣдныхъ женщинъ и нѣкоторыхъ, говорятъ, ударили. Негодованіе придало ему мужество; вступивъ въ Арль—центръ общества роялистовъ, онъ организовалъ противъ него батальоны красныхъ шапокъ. Онъ вступилъ съ военной силой въ Марсель и поставилъ вопросъ на почву страшную для ро-

ялистовъ. Многіе изъ называвшихъ себя роялистами и опустошавшихъ деревни были не фанатиками, но молодыми тунеядцами, которымъ больше нравилось разбойничать, нежели явиться на призывъ и отправиться въ итальянскую армію. Фреронъ вошелъ въ сношенія съ вождями ея Шереромъ, Массеною. Эту армію хотѣли уничтожить. Священники въ особенности проповѣдывали дезертирство. Фреронъ заставилъ армію просить его о захватѣ всѣхъ трусовъ, не явившихся на призывъ. Она грозила сама придти за ними. Это привело роялистовъ въ смущеніе. Эмигранты попрятались. Національная гвардія была переформирована въ шести департаментахъ Провансѣ и въ Гардѣ. Фреронъ довольно успѣшно сдерживалъ ярыхъ патріотовъ, не допускалъ ихъ мстить. Онъ не казнилъ никого даже начальника шайки, Лестанга, котораго взялъ въ плѣнъ и хотѣлъ отдать подъ судъ. Но самъ онъ былъ вскорѣ отозванъ послѣ восьми мѣсяцевъ диктатуры, которые были эпохой относительнаго спокойствія для этихъ мѣстностей.

Я нѣсколько забѣжалъ впередъ для того, чтобы характеризовать 13 вандемьера вліяніями его на югѣ. Я сдѣлаю то же и для запада, гдѣ онъ дѣйствительно привелъ за собой разложеніе Вандеи. Въ Вандеѣ было два рода людей въ полнѣйшей оппозиціи: *эмигрантъ* и *шуанъ*. Это бросается въ глаза каждую минуту, но нигдѣ такъ явственно, какъ въ разсказѣ Вобана объ экспедиціи, въ которой Питтъ наконецъ испыталъ своего графа Артуа. Графъ, истинный тихоходъ, живьемъ описанный въ этомъ безсмертномъ разсказѣ, съ маленькимъ дворомъ своимъ стариковъ эмигрантовъ, подвигался на шагъ и отступалъ на два. Они подавали ему совѣтъ быть въ высшей степени осторожнымъ. «Къ чему рисковать, дорогой принцъ въ этой войнѣ съ дикарями, въ глуши лѣсовъ? Не лучше ли ждать движеній изъ Парижа, реставрацію такую легкую, ко-

торая уже въ сердцахъ французовъ и сдѣлается сама собой?» Они такимъ образомъ спасли въ іюлѣ принца своего отъ бѣды при Киберонѣ. Они заставили его также не попасть въ экспедицію Нуармутье и Иль-Дьё въ октябрѣ и ноябрѣ, и дождаться, пока отъ морскихъ бурь не стало невозможнымъ держаться на берегу. Не могли найти Шарета, ни соединиться съ нимъ. Съ другой стороны дворъ принца раздувалъ ненависть между Ренномъ (Пюизей) и Морбиганомъ (Кадудаль). Онъ добился того, что сдѣлалъ подозрительнымъ и безполезнымъ умнаго человѣка—Пюизея, который держалъ нити цѣлаго шуанства. Онъ былъ, правда, человѣкомъ страшно ненавистнымъ для эмигрантовъ. Онъ приносилъ интересы ихъ въ жертву шуанамъ, давалъ *имущества эмигрантовъ въ залогъ и гарантію* своихъ ассигнацій, позже своего англійскаго займа. *) (Sav., VI, 163, 29 janvier 96.)

---

*) Возвращеніе эмигрантовъ, происходившее повсюду, выказывало оппозицію ихъ старой фанатической партіи, партіи священниковъ и крестьянъ первыхъ вандейцевъ (Бернье, Стофле и др.). 11 августа въ замкѣ Бурмонъ Шатильонъ, человѣкъ знатнаго рода вмѣстѣ съ совѣтомъ аристократовъ сдѣлалъ грозную выходку противъ священниковъ, которые вмѣсто того чтобы терпѣливо ожидать выборовъ, совершили тысячу преступленій по большимъ дорогамъ. Онъ запретилъ имъ вмѣшиваться во что бы то ни было и при открытомъ засѣданіи, выгналъ ихъ. (Sav. V. 321.) Шатильонъ прибавилъ еще: «*Намъ нужны образованные начальники войска*», и этимъ грубо отмѣтилъ Стофле и мельника Кадудаля. Храбрый Стофле въ это же время получилъ отъ короля самого и министра его въ Лондонѣ очень глупый щелчокъ: «Ему нельзя пожаловать крестъ св. Людовика, *потому что онъ не дворянинъ*» Король, назначивъ Шарета генералиссимусомъ, довелъ до изступленія ненависть, которую Бернье и Стофле питали къ нему. Бернье въ убійственной запискѣ, адресованной графу Артуа, перечисляетъ всѣ преступленія Шарета и дѣлаетъ чудовищный портретъ его. Такъ со всѣхъ сторонъ Вандея распадалась. Гошъ имѣлъ вездѣ успѣхъ благодаря простому средству: онъ захватывалъ скотъ крестьянъ и возвращалъ его только когда они сдавали оружья. И крестьяне отдавали его безъ особеннаго сожалѣнія, потому что возвращеніе господъ ихъ эмигрантовъ, которые приходили требовать недоимки аренды за земли, охлаждало роялизмъ ихъ и возбуждало отвращеніе къ гражданской войнѣ.

Вотъ въ чемъ заключалось величіе умиравшаго конвента: онъ сдержалъ югъ миссіей Фрерона. Онъ разложилъ Вандею ловкостью и миротворнымъ геніемъ Гоша. Онъ присоединилъ (1-е октября) *девять департаментовъ къ республикѣ*, отдалъ Франціи Бельгію, Льежъ и Люксамбургъ. Не присоединяя Голландію, онъ съ этого времени располагаетъ ею и увлекаетъ ее въ движеніи Франціи. Онъ заключилъ договоры съ Пруссіей и Испаніей, оторванными отъ коалиціи. Въ сентябрѣ онъ приказалъ Журдану перейти черезъ Рейнъ, напасть на австрійскую армію. Успѣхъ былъ вѣренъ, если-бы не разсчитанное и коварное бездѣйствіе Пишегрю. Никогда еще со времени Людовика XIV Франція не стояла такъ высоко. Но между великимъ королемъ и конвентомъ была та разница, что конвентъ, принуждая государей заключать договоры съ республикой, налагалъ на Европу, заставлялъ ее принимать новый принципъ.

Принципъ этотъ, который Европа была принуждена признать, былъ заявляемъ во Франціи даже самими врагами конвента. Въ Парижѣ роялисты, равно какъ и жирондисты и конституціонисты говорили только о республикѣ, свидѣтельствовали только народомъ *верховнымъ народомъ* какъ говорили; всѣ они ссылались только на общественный договоръ. И тѣ, которые утверждали изъ вражды къ конвенту, что передъ собравшимся для выборовъ народомъ должна быть упразднена всякая власть, апостолы этого революціоннаго догмата, были людьми извѣстными по своему роялистскому прошедшему— лейбъ гвардеецъ Лафонъ, молодой типографъ Ленорманъ, ярый редакторъ *Общественнаго обвинителя*, блѣдный Рише де Серизи. Когда этотъ безкровный человѣкъ, съ впалыми глазами, котораго можно было счесть за судью мертвыхъ, предсѣдательствовалъ надъ свѣтскою секціею Итальянскаго бульвара,

тогда очень ясно указывали что̀ скрывалось подъ этими лживыми призывами къ свободѣ.

Говоря такъ громко и постоянно о *верховномъ народѣ*, они сочли за должное очистить его. Вооружившись короткими узловатыми палками, они побѣжали по округамъ, чтобы насильственно изгнать многочисленныхъ противниковъ своихъ. Роялисты изъ Шартра и Дрё прибыли узнать настроеніе Парижа, ихъ водили по городу, съ ними братались въ разныхъ кварталахъ, въ особенности въ кварталѣ Рынковъ (Halles), гдѣ всегда оставалась роялистская закваска. Ихъ ободрили до того, что тѣ возвратясь на родину, начали утверждать, распускать въ народѣ слухи, будто конвентъ былъ виной дороговизны и недостатка припасовъ; что представитель Летелье, котораго послали туда, былъ скупщикомъ. Поднялся страшный бунтъ женщинъ: принудили Летелье назначить таксу на хлѣбъ, и очень низкую.

Онъ исполнилъ это, иначе пролилась бы кровь, но сказалъ: «Не прольется другой крови кромѣ моей.» И онъ раздробилъ себѣ черепъ.

Во многихъ другихъ сосѣднихъ мѣстностяхъ произошли серьезные безпорядки. Срубили деревья свободы. Кричали: «Да здравствуетъ король!» Волокли статую свободы по грязи. Патріоты были зарѣзаны среди бѣлаго дня. Бурдонъ изъ Уазы былъ посланъ съ военной силой задавить движеніе это. Въ Нонанкурѣ, гдѣ онъ нашелъ роялистовъ приготовленныхъ къ защитѣ, солдатъ сильно билъ и репрессія была кровавая.

Такимъ образомъ двѣ секціи (Летелье, Бютъ-де-Муленъ) оказались какъ бы уличенными въ дружбѣ съ роялистами и сильно скомпроментированными передъ народомъ Парижа, который они хотѣли увлечь за собой. Послѣ того какъ онѣ въ Пале-Роялѣ стрѣляли въ гренадеровъ, они пошли кричать по

предмѣстьямъ, будто стрѣляли въ нихъ самихъ. Но предмѣстье Сентъ-Антуанъ только посмѣялось этому и сказало: «Если стрѣляли, то конечно въ роялистовъ и мы сдѣлаемъ то же самое.» Партія возмущенія, не бывъ въ состояніи увлечь предмѣстья, думала сформировать изъ сорока восьми секцій, подчиненныхъ ей или очищенныхъ, центральный комитетъ, который бы представилъ Парижъ. Такимъ образомъ она противупоставила бы собранію собраніе—конвентъ на маленькую ногу. Они разсчитывали на вялость и нерѣшительность большинства. 73 члена молчали и не мѣшали имъ идти впередъ. Но были твердые и честные жирондисты, какъ Дону, какъ Луве, которые примкнули къ термидорцамъ, къ остаткамъ горы и которые поставили колеблющуюся массу въ такое положеніе, что она должна была пойти прямо; они предложили ей *да* или *нѣтъ*, принудили ее пробудиться или обезчестить себя. Дону говорилъ съ энергіей противъ предполагаемаго центральнаго комитета, обвинялъ и заставилъ осудить «этотъ актъ анархіи.» Луве дошелъ далѣе до предложенія снова возстановить якобинцевъ, вооружить ихъ, желая спасти республику какою бы то ни было цѣною, даже поднимая тѣхъ, которые изгоняли его самого.

Наконецъ голосъ Франціи раздался на помощь собранію. Въ дѣйствительности, каковы бы ни были чувства Парижа, конвентъ имѣлъ за себя высокую законность въ опорѣ очень многочисленнаго народа департаментовъ. Конституція III года имѣла за себя около мильона человѣкъ, 900.000 подавшихъ голоса, а противъ себя имѣла 40.000. Декретъ, который продлилъ срокъ ея, былъ принятъ 167.000 и отвергнутъ 95.000. (1 вандемьера—23 сентября). Свобода и равенство республиканскія были ли достаточно охранены конституціей, которую собраніе, удаляясь, оставило Франціи? Это можно оспаривать.

Комисія выработавшая конституцію, насчитывала въ средѣ своей честныхъ и твердыхъ республиканцевъ — Дону, Луве Ларевельеръ-Лепо, но также многихъ сомнительныхъ людей, многихъ отъявленыхъ ретроградовъ. Однако конституція эта, въ цѣломъ гораздо выше всѣхъ послѣдовавшихъ за нею. Конституція 93 года—заявленіе правъ. Конституція 95 года дала вмѣстѣ съ этимъ *заявленіе обязанностей*. Она этимъ отстраняла нелѣпую и слишкомъ часто приводимую идею, что верховный народъ превыше всего, не подлежитъ отвѣтственности, *имѣетъ права, но не имѣетъ обязанностей*.

Одинъ членъ очень разумно предложилъ давать право голоса только умѣющимъ читать и писать. Это устраняло отъ выборовъ шуановъ, вандейцевъ, слѣпыя толпы, которыхъ въ эту минуту бунтовщики увлекали на цѣломъ югѣ къ безпорядкамъ, къ гражданской войнѣ. Почти въ цѣлой Франціи существовала опека крупныхъ землевладѣльцевъ и, если поголовная подача голосовъ открывала урны зависящимъ отъ нихъ людямъ, какъ то дѣлала конституція 93 г., то увидѣли бы какъ на большихъ фермахъ, напримѣръ, Ла-Манша, нижней Нормандіи и пр. сотни батраковъ, погонщиковъ или пахарей, шли бы къ урнамъ съ *своимъ хозяиномъ*, какъ они говорятъ, и голосовали бы какъ одинъ человѣкъ. Это гнусное зрѣлище мы видѣли въ маѣ 1870 г.

Что же дѣлать, чтобы отобрать эти стада, эти массы барановъ? Отъ гражданина подающаго голосъ на предварительныхъ собраніяхъ требовали, чтобы онъ платилъ очень низкій ценсъ. Отъ избирателя требовали, чтобы онъ былъ домохозяиномъ или наемщикомъ квартиры. Это послѣднее слова *наемщикъ квартиры* были порукой въ томъ, что въ избиратели попадутъ всѣ работники городовъ, населеніе не сравненно болѣе революціонное, нежели крестьяне. Цѣнность

жилища-собственности или найма его должна была равняться по стоимости ста днямъ труда въ маленькихъ городахъ и двумъ стамъ въ большихъ. Въ послѣднихъ конечно не было ни одпаго жильца, который не могъ бы быть избирателемъ за такую низкую цѣну найма. На практикѣ каждый работникъ, каждый крестьянинъ хоть сколько нибудь независимый, могъ быть избирателемъ. Конституція III года призывала къ урнамъ *народъ*, и отгоняла отъ нихъ *только* массу классовъ наиболѣе зависимыхъ, наиболѣе покорныхъ аристократіи.

XII.

Вандемьеръ—Бонапарте.

Великій ударъ. Противники конституціи, видя себя въ такомъ меньшинствѣ, стали поддерживать двѣ противурѣчащія вещи: одни говорили, что цифры невѣрны и *большинство ложное*; другіе—что все равно истинное ли оно или нѣтъ, *что большинство не должно быть закономъ*, что нѣтъ другаго закона кромѣ совѣсти.

Оскорбительныя депутаціи, которыя являлись въ собраніи, встрѣчали въ немъ такую кротость, такое терпѣніе, которыя поощряли на оскорбленія. Дошли даже до того что приказывали ему дицимировать, искалечить себя, арестовать того или другаго члена конвента. Предлагали арестовать цѣлый конвентъ. На всѣ эти раздраженныя слова оно отвѣчало дѣломъ. Оно опровергло обвиненіе, будто хотѣло сдѣлать себя вѣчнымъ, тѣмъ что приблизило на десять дней открытіе слѣдующаго законодательнаго собранія. Въ тотъ же день, не обращая вниманія на это, секція Лепелетье еще разъ безумно обвинила конвентъ въ томъ, что онъ тянетъ дѣло, моритъ народъ голо-

домъ, чтобы довести его до отчаянія. Полная хозяйка въ секціяхъ, которыя она очистила и сдѣлала почти безлюдными, секція Лепелетье распространила тамъ приказаніе собраться во французскомъ театрѣ (Одеонѣ). Это собраніе очень малочисленное, ясно показывало, что Парижъ не отвѣчалъ на призывъ его и что Парижъ не съ нимъ.

Въ тотъ же вечеръ, конвентъ напротивъ того увидѣлъ, что новый народъ стекался къ трибунамъ его. Патріоты, которыхъ называли патріотами 89 г., но которые на самомъ дѣлѣ были патріотами всѣхъ оттѣнковъ, явились сплотиться около него. Чтобы объединить движеніе комитеты поручили управлять имъ пяти членамъ: Баррасу, Дону, Коломбелю, Летурнеру, Мерлену де Дуэ. На террасѣ Фельяновъ роздали оружіе батальону патріотовъ 89 г. То былъ замѣчательный смотръ всѣмъ эпохамъ революціи, побѣдителямъ Бастиліи съ побѣдителями 10 августа, офицерамъ въ отставкѣ (Жеммапа и Флёруса.) «Та минута, когда они получили ружья, останется на всегда въ моей памяти», говоритъ Реаль: «У меня и теперь передъ глазами старикъ, который взявъ ружье прижалъ его къ губамъ. Онъ плакалъ, говоря: «Я еще свободенъ!»

Округъ Лепелетье поднялъ страшный крикъ, говорилъ: «Всѣхъ перерѣжутъ, Парижъ будетъ преданъ грабежу.» Однако собраніе прежде всего заставило патріотовъ 89 г. дать клятву, что они будутъ уважать личность и собственность. Оно отвѣтило на возмущеніе, на призывъ къ оружію отеческою прокламаціею 14 октября, 12 вандемьера.

Съ обѣихъ сторонъ была замѣчательная нерѣшимость. Пятеро выборныхъ съ утра 12 приказали арестовать президента и секретаря секціи Лепелетье. Но никто не исполнилъ этого приказанія. Никто не захотѣлъ скомпроментировать себя

для собранія, дѣйствуя противъ партіи, которая быть можетъ, завтра захватитъ власть. Генералъ, получившій приказаніе, отозвался, что у него лихорадка и легъ въ постель. Мену, котораго потомъ назначили, велъ себя позорно, былъ робокъ передъ возмущеніемъ, дерзокъ передъ собраніемъ. Отправившись въ восемь часовъ вечера изъ Тюльери, онъ только въ десять часовъ дошелъ до секціи Лепелетье, теперь площадь Биржи. Подвигаясь тремя колонами, онъ могъ бы безъ труда окружить семь или восемь сотъ человѣкъ, которыми владѣла секція. Онъ вступилъ въ переговоры. Мальчикъ лѣтъ двадцати, Делало изъ секціи, выходитъ и начинаетъ всласть ораторствовать. Гренадеры Мену пришли въ негодованіе. Мену приказалъ имъ молчать, грозилъ заколоть ихъ шпагой, «если они будутъ оскорблять этихъ *господъ*».

Съ обѣихъ сторонъ порѣшили отступить. Мену, дѣйствительно, уходитъ. Секція смѣется надъ заговоромъ. Она оставила мѣсто за собою. И можно сказать въ Парижѣ: «Секція сопротивлялась, конвентъ отступилъ». Мену сдѣлалъ тогда одну вещь, за которую его можно бы было разстрѣлять. Онъ явился парламентеромъ непріятеля. Онъ думалъ испугать пятерыхъ выборныхъ (Барраса, Коломбеля, Дону, Летурнера, Мерлена), сказавъ имъ высокомѣрно «Я пе хочу имѣть подъ своей командой разбойниковъ 89 г.» Ему отвѣчали: «Они не будутъ подъ вашей командой, но подъ командой республиканскаго генерала.» Вопросъ теперь былъ въ назначеніи генерала конвентомъ. Кто бы повѣрилъ, что конвенту нужно было пять часовъ споровъ, съ одиннадцати вечера до четырехъ съ половиною утра, чтобы придти къ рѣшенію. Наконецъ, только въ концѣ пятаго часа Шенье, Путье, Бентоболь добились назначенія Барраса начальникомъ военной силы.

Кто будетъ военнымъ начальникомъ въ секціи Лепелетье?,

Объявитъ ли она себя роялистской, принявъ предложеніе вандейскихъ вождей? Это было для округа часомъ великаго искупленія. Вообще она вовсе не была врагомъ роялистовъ; кто то 10 или 11 предложилъ назначить въ военные начальники офицера стараго режима, но тотъ отказался. 12 секція въ порывѣ раздраженія, готова была отречься отъ всякой совѣстливости и принять предложеніе вандейцевъ. Здѣсь къ тому же находился Кольберъ де Молевріе, тѣмъ болѣе высоко стоявшій въ партіи, что Стофле былъ у него сторожемъ охоты. Говорили, что въ Парижѣ находились сорокъ предводителей шуановъ. Люди эти, мужество которыхъ испытано, были, по всему вѣроятію, ручательствомъ завтрашней побѣды. Только громадное большинство секцій, даже самыхъ аристократическихъ, съ такимъ же отвращеніемъ увидѣло бы зеленый мундиръ, какъ и бѣлое знамя. Преступленія совершенныя на югѣ и западѣ были извѣстны, эти ненавистныя цвѣта казались цвѣтами убійцъ. Умѣренные, какъ Лакретель, непремѣнно сняли бы съ себя оружіе. Даже крайніе очутились бы въ поразительномъ одиночествѣ. Они сами разсчитали, безъ всякаго сомнѣнія, что имъ не слѣдовало выходить изъ благопріятнаго для нихъ двусмысленнаго положенія, которое позволяло имъ подземно подвигаться впередъ съ смѣлою ложью: «Нѣтъ роялистовъ».

Въ ночь съ 12 на 13 въ конвентѣ озлобленный и продолжительный споръ передъ назначеніемъ Барраса. Въ секціи Лепелетье отказъ назначить шуановъ, попытка возбудить и вооружить Парижъ. Разосланы барабанщики бить общій сборъ. Сильное волненіе. Одѣваются. Не принимаютъ никакого рѣшенія. Жены удерживаютъ мужей: «Ты не пойдешь. Погода ужасная. Дождь». Такъ въ минуту битвы обѣ партіи оказались слабыми. У конвента всего было пять тысячь человѣкъ, наиболь-

шая часть военные, старые солдаты. Обѣ аристократическія секціи могли имѣть двадцать тысячь человѣкъ, но очень разнородныхъ: большая часть изъ нихъ были простыми національными гвардейцами, молодыми людьми, непривычными къ войнѣ. Партія эта употребила ночь лучше, нежели конвентъ. Она забрала деньги, захватила казначейство, перехватила подвозы оружія и припасовъ. Она объявила внѣ закона распорядительные комитеты собранія. Она довела предусмотрительность до того, что назначила военную коммиссію судить плѣнниковъ послѣ побѣды. Почему партія эта не попыталась захватить артиллерію, находившуюся въ Саблонскомъ лагерѣ? Это легко угадать. Молодые солдаты лагеря были пламенными патріотами. Попытка овладѣть ими не удалась бы вѣроятно и это пораженіе погубило бы все.

Кто будетъ генераломъ партіи конвента? Гошъ предложилъ себя и одно присутствіе побѣдителя Киберона было бы порукой пораженія роялистовъ. Но Гоша боялись. Опасались, чтобы эта побѣда не сдѣлала его слишкомъ сильнымъ. Въ Парижѣ находились двое военныхъ менѣе прославленныхъ, но съ большими заслугами: неустрашимый Луазонъ и Брюнъ, другъ Дантона. Не взяли ни того, ни другаго. Изъ топографическаго бюро, помѣщавшагося на антресоляхъ Тюльери, явился неизвѣстный четовѣкъ. Гошъ былъ, какъ мы это видѣли, ненавистенъ этимъ канцеляріямъ. Карно не управлялъ ими болѣе, но несомнѣнно имѣлъ тамъ главное вліяніе. Въ числѣ офицеровъ, которыхъ онъ туда помѣщалъ, топографическое бюро обогатилось новымъ чиновникомъ, молодымъ корсиканцемъ Бонапарте. Баррасъ, подъ начальствомъ котораго онъ управлялъ артиллеріей при осадѣ Тулона въ 93, назначилъ его бригаднымъ генераломъ. Въ 94 подъ начальствомъ корсиканца Салисетти и Робеспьера младшаго, онъ сдѣлалъ

одну компанію въ итальянской войнѣ. Потомъ вслѣдствіе отказа его идти въ Вандею, онъ былъ отставленъ и жилъ въ Парижѣ въ большой нищетѣ. Подъ предлогомъ миссіи, о которой онъ просилъ для Турціи, онъ втерся въ топографическое бюро. То былъ человѣвъ очень тонкій, но безмѣрно заносчивый, до такой степени, что онъ писалъ брату своему Жозефу, *что онъ занимаетъ въ бюро мѣсто Карно.* (Corresp. 20 août).

Бонапарте говоритъ въ военныхъ запискахъ своихъ, что только случайно ввѣрили ему такую высокую миссію защищать конвентъ, что онъ былъ въ театрѣ Фейдо, когда узналъ объ опасности и затрудненіи собранія. Но въ перепискѣ своей (29 фрюктидора—15 сентября) онъ сознается, съ какою ловкостью онъ заранѣе подсунулся подъ выборъ конвента. Наглые вертопрахи золотой молодежи осаждали съ дубинами двери собранія, ревѣли разныя ругательства, когда входили иные депутаты. Въ одинъ день они окружили Камбона, человѣка наиболѣе уважаемаго въ собраніи. Онъ разсказалъ это, дѣло, войдя въ собраніе съ холерическимъ преувеличеніемъ которое было въ его характерѣ. «Мы были въ неминуемой опасности», говорилъ онъ: «когда добродѣтельный и мужественный генералъ артиллеріи Бюонапарте расчистилъ намъ дорогу, ставъ во главѣ пятидесяти гренадеровъ» (*гвардіи собранія*). То была сильная рекомендація сдѣлавшая собранію извѣстнымъ имя этого незнакомца. Въ эту подозрительную эпоху, скаредный видъ, жалкая и оборванная фигура то же рекомендовали его; всѣ были увѣрены, что эта смиренная фигура, съ итальянскимъ жаргономъ, не употребитъ во зло побѣду и останется покорной конвенту. Умѣренные члены распорядительныхъ комитетовъ, которые охотно подчинялись Камбону, вспомнили и назначили Бонапарте помощникомъ Барраса.

Члены секціи были сильно раздѣлены и два дня колебались на счетъ выбора генерала. Умѣренные одержали верхъ и заставили выбрать человѣка мало заявившаго себя, очень подозрительнаго роялистамъ, которые даже одно время считали его измѣнникомъ. «Офицеръ этотъ, Даниканъ, былъ порядочнымъ негодяемъ», говоритъ Гошъ: «онъ служилъ и жирондизму и роялизму въ Руанѣ». Наконецъ, онъ служилъ въ Вандеѣ въ республиканской арміи. Тамъ онъ видѣлъ вандейцевъ въ дѣлѣ и выучился у нихъ тайнѣ побѣдъ ихъ; «Чего проще! Между двумя залпами бѣгите къ пушкамъ, берите ихъ и все кончено». На самомъ же дѣлѣ онъ разсчитывалъ на вялость конвента, на нежеланіе его дать сраженіе.

Собраніе держалось въ оборонительномъ положеніи. Ничто не могло быть менѣе наступательнымъ, нежели планъ защитниковъ его. Прежде всего поставили батарею на мосту Понъ-Нёфъ въ предположеніи, что Фреронъ приведетъ туда военную силу предмѣстья Сентъ-Антуана, за которой онъ пошелъ, но которая не явилась. Батарея эта, открытая съ трехъ сторонъ и взятая на одно мгновеніе Даниканомъ, была оставлена имъ; онъ боялся, говорилъ онъ, слишкомъ унизить солдатъ и тѣмъ не допустить ихъ до переговоровъ. Съ этой минуты положеніе совершенно упростилось. Конвентъ въ Тюльери долженъ былъ защищаться и со стороны моста Понъ-Рояль и маленькой улицы Сенъ-Роха. Но передъ улицей Сенъ-Рохъ пушка была на минуту оставлена канонирами и могла быть очень легко взята, какъ мы это увидимъ.

Ни та ни другая партія не хотѣли начинать. Даниканъ съ одной стороны, а съ другой комитеты собранія говорили: «не стрѣляйте!» Письмо Даникана, принесенное въ собраніе, братски приглашало его положить оружіе, распустить батальонъ патріотовъ 89 г. Буасси Дангла и другіе представители со-

гласились бы на это и подали бы печальный примѣръ назначить свиданіе предводителю возмущенія. Къ счастью раздалась ружейная пальба; потомъ пушечная.

Кто приказалъ стрѣлять? Одни говорятъ: Бонапарте. Но этотъ искатель фортуны никогда не взялъ на себя починъ такого дѣла безъ согласія представителей. Другіе говорятъ, что жирондисты Луве и Шенье приказали стрѣлять, но и это не болѣе правдоподобно. Разказъ Лакретеля кажется мнѣ наиболѣе вѣроятнымъ. Онъ говоритъ, что Дюбуа-Крансе военный и крайній патріотъ, вышелъ изъ терпѣнія и приказалъ изъ окна ресторана Венна выстрѣлить изъ ружья. Лакретель тоже поправляетъ Бонапарте и другихъ, которые утверждаютъ, что схватка при Сенъ-Рохѣ и нападеніе на набережныя произошло одновременно и что конвенту разомъ угрожали съ двухъ сторонъ. Онъ доказываетъ, что обѣ атаки были сдѣланы одна послѣ другой,

Пушки съ улицы Дофине обстрѣливали улицы Сенъ-Рохъ и Сенъ-Гоноре, но большая часть членовъ секцій помѣстились у оконъ и въ церкви; ядра достигали только до угла ея. Въ промежуткѣ между залпами (тогда стрѣляли очень медленно), они выходили на ступени церкви, стрѣляли и убивали вволю. Кавеньякъ, Руже-де-Лиль, старый генералъ Беррюэ вели отряды конвента. Оба послѣдніе были ранены. Три раза пушка была оставляема прислугой, что не дѣлаетъ чести предусмотрительности Бонапарте. Но патріоты 89 г. снова отбили ее, очевидно, что молодой генералъ не принялъ даже простую военную предосторожность *занять окна*, изъ которыхъ можно было обстрѣливать притворъ церкви и улицы Сенъ-Рохъ и Сенъ-Гоноре.

Отбитыя пушки стрѣляли съ бóльшимъ шумомъ нежели дѣйствіемъ. Между тѣмъ, усиленный шумъ заставилъ предпо-

ложить, что опасность приближалась. Собраніе хотѣло само, вооружиться, и ему принесли семьсотъ ружей, картуши. Зрѣлище странное и плачевное! Этотъ страшный конвентъ, ужасъ Европы, арміи котораго перешли Рейнъ, это собраніе узаконенное еще недавно голосомъ Франціи и которое могло противупоставить ее этимъ двадцатипяти тысячамъ буржуа, казалось покинутымъ въ такой часъ. Оно думало, что ему оставалось только сказать себѣ, какъ Медея Корнеля: «Что остается мнѣ? Я сама».

Противники могли три раза безопасно перебѣжать улицу и взять пушки. Они не сдѣлали этого. Наконецъ, противъ нихъ приняли мѣры, которыя слѣдовало бы принять съ самаго начала, и которыя легко пришли бы на умъ людямъ наименѣе свѣдущимъ въ военномъ дѣлѣ, — заняли окна и оттуда начали стрѣлять по стрѣлкамъ Сенъ-Роха. Лакретель разсказываетъ, что пока дѣло Сенъ-Роха не было еще окончено, многіе, и онъ въ томъ числѣ, пошли въ секціи спрашивать, что надо дѣлать, и что тогда только вздумали употребить въ дѣло колонны секцій, стоявшія въ бездѣйствіи у моста Понъ-Нёфъ, у Катръ-Насіонъ, и вести ихъ по набережной Вольтера въ аттаку моста Понъ-Рояля, гдѣ находилась батарея конвента.

Идти прямо на батарею эту, по совершенно открытой набережной, было дѣломъ довольно смѣлымъ. Члены секцій не отказывались болѣе отъ помощи шуановъ. Въ первыхъ рядахъ шуановъ находился Кольберъ де-Молевріэ, который попытался даже выступить впередъ, чтобы побрататься съ республиканцами, т. е. чтобы обезоружить ихъ. «Даниканъ съ своимъ штабомъ укрылся за домами улицы де-Бонъ, которая примыкаетъ къ набережной», разсказываетъ Лакретель: «Мы спрашивали себя это-ли та метода, которую онъ намъ вос-

хвалялъ, метода Боншана и Ла-Рошъ-Жакелена, которые, какъ кажется, въ подобныхъ случаяхъ не пускали никого идти впереди себя. Когда мы дошли на разстояніе пятидесяти шаговъ, загремѣла пушка. Это минута броситься впередъ... Но гдѣ же генералъ?.. Мы держимся твердо (?); мы даемъ два залпа... Позади насъ набережная опустѣла. Едва ли остался авангардъ; наше войско исчезло. Мы дѣлаемъ то же самое и, не преслѣдуемые, проходимъ улицею Бонъ».

Вотъ небольшая битва 13 вандемьера, въ которой было только 200 убитыхъ, но которая замѣчательна по неумѣлости выказанной обѣими партіями. Баррасъ представилъ въ конвентъ напыщенный отчетъ, въ которомъ онъ выставлялъ таланты своего кліента. Я не безъ основанія говорю его кліента. Онъ тотчасъ сдѣлалъ его карьеру, давъ ему назначеніе, котораго желали бы самые знаменитые генералы; онъ выпросилъ и получилъ для него званіе: *втораго генерала Парижа*, и вскорѣ оставилъ за нимъ и первое мѣсто.

Кто же былъ этотъ чужестранецъ? спрашивали другъ друга въ Парижѣ. Какое имя странное, необыкновенное — *Буонапарте*! — Милостивая государыня, произносите Бонапарте, потому что, знайте это, Корсика теперь составляетъ часть Франціи. Вотъ какіе были разговоры на другой день вандемьера. Никто не говорилъ о неустрашимомъ Брюнѣ, подъ которымъ была убита лошадь; никто не говорилъ о бѣдномъ старомъ генералѣ Беррюэ, выказавшемъ много мужества и получившемъ рану. Гошъ былъ въ отсутствіи и не знали, что онъ за нѣсколько дней передъ тѣмъ предлагалъ пріѣхать въ Парижъ. «Этотъ молодой Бюонапарте очень крайній якобинецъ? — Напротивъ. Онъ воспитывался въ Бріеннѣ въ военной школѣ, на стипендію короля. — Онъ долженъ быть тогда дворяниномъ. — Вотъ отчего порядочные молодые

люди не отказываются служить подъ его начальствомъ. Маленькій Мюиранъ, напримѣръ, сынъ эмигрантовъ, не соглашался на убѣжденія товарищей, остался съ Бонапартомъ и не присталъ къ отрядамъ Бютъ-де-Муленъ».

Замѣтьте здѣсь умъ Барраса и комитетовъ: выбравъ дворянина Бонапарте, Баррасъ, бывшій самъ дворяниномъ, показалъ, что онъ стоитъ внѣ партій и что на этотъ разъ нечего опасаться сильной мести. Начальникъ возставшихъ секцій, даже приговренные заочно, какъ Кастеллане, шныряютъ вокругъ Парижа, показываются повсюду, даже въ театрѣ. Правительство боится этого процесса. Несчастіе въ томъ, что этотъ дьяволъ во плоти, Лафонъ, хочетъ непремѣнно быть приговореннымъ къ смерти. Что бы ни дѣлали судьи, они будутъ принуждены сдѣлать ему это удовольствіе, не смотря на нежеланіе конвента.

«Но какъ онъ черенъ, этотъ Бонапарте!»—Онъ такъ хорошо представлялъ колдуна у г-жи Тальенъ. — Онъ черенъ, но какіе бѣлые зубы!..» Мой отецъ зналъ даму, которая послѣ Маренго влюбилась въ эту черную и желтую фигуру, единственно за эти зубы. Подъ видомъ небрежности о наружности онъ очень заботится о волосахъ и зубахъ. Волосы были каштановые, но такъ какъ послѣ исчезнувшей моды пудриться начали мазаться помадой, то волосы его лоснились, казались черными и придавали тѣмъ болѣе эффекта его блѣдному лицу, которое казалось фантасмагоріей. Онъ былъ недуренъ верхомъ, дуренъ пѣшимъ, потому что позвоночникъ былъ длиненъ, бедра коротки. Вотъ какого Бонапарте видѣла любопытная парижская публика послѣ 13 вандемьера.

Мой, отецъ бывшій сначала агентомъ въ типографіи глухонѣмыхъ, самъ сдѣлался типографомъ послѣ термидора. Онъ

началъ печатать газеты и находился въ удобномъ положеніи, чтобы слышать и оцѣнить мнѣніе Парижа. Я узналъ отъ него все, что разсказалъ. Онъ вскорѣ былъ свидѣтелемъ изумительнаго усиленія шума, который носился въ воздухѣ, шума очень слабаго и внезапно раздавшагося, гремящаго, поражающаго сильнѣе грома. Явленіе необыкновенное, которое перевернуло многіе умы. Имя это, неизвѣстное за минуту, было у всѣхъ на языкѣ. Весь свѣтъ зналъ его теперь, каждый называлъ себя другомъ генерала Парижа. Спекуляторы этой эпохи, Увраръ, Сегенъ и другіе, которые въ 94 году помогали ему въ крайности, не захотѣли теперь вспомнить о тѣхъ экю, какіе онъ занималъ у нихъ, чтобы было на что пообѣдать, и думали, что съ такимъ человѣкомъ, который съумѣлъ такъ сберечь себя среди партій (потому что былъ *ни рыба ни мясо*), есть шансъ въ ближайшемъ будущемъ сдѣлать великія аферы.

Исторія здѣсь, казалось, упала въ пропасть. Съ великихъ общихъ коллективныхъ предметовъ, съ идей, съ народныхъ массъ она падаетъ до одной личности, до чистой біографіи. При Робеспьерѣ, при горѣ, при жирондѣ, при конвентѣ, и восходя выше, при учредительномъ собраніи, наконецъ, при царствованіи философовъ и вообще въ восемнадцатомъ вѣкѣ,— *идея* преобладала надо всѣмъ, и если *личность* выдвигалась, то только благодаря идеѣ. Личность часто занимала большое мѣсто, но только по отношенію къ идеѣ, которую представляла. Вотъ почему Гегель съ такою же глубиною, какъ и истиною, называлъ этотъ великій вѣкъ *царствомъ* идеи или *духа* (Geist Reich).

Теперь этотъ свѣтлый ледъ идеи или абстракціи вдругъ обрушился, провалился въ безмѣрную пропасть матеріальности. Человѣческій умъ, казалось, разучился всѣмъ понятіямъ, всѣмъ

теоріямъ, всѣмъ языкамъ. Одно слово замѣнило все въ этихъ жалкихъ мозгахъ, одно слово, — слово искалѣченное и даже не французское: *Бюонапарте*! Въ слѣдующемъ году, 1795, это имя мгновенно стало всѣмъ и отвѣчало на все. Въ умахъ стоитъ необычайный хаосъ. Это держалось многими причинами и въ особенности одною, которой одной самой по себѣ довольно, чтобы свести съ ума.

Кантъ очень вѣрно сказалъ, что нѣкоторыя понятія *о пространствѣ и времени* смѣшаны со всѣми идеями нашими и составляютъ *substractum* ихъ. Если бы, напримѣръ, мы утратили понятіе о пространствѣ, то мы стали бы помѣшанными. Мы должны для каждаго бытія, каждаго акта, каждаго движенія предположить, что все это существуетъ или происходитъ въ *извѣстномъ мѣстѣ*. Тоже самое и относительно *времени*. Теперь представьте, что вамъ скажутъ на другой день террора, когда мы еще оглушены имъ: «Знаете ли вы? *Времени* нѣтъ! Оно погибло!» Хотите доказательства? Смотрите, какъ теперь событія, освобожденныя отъ этого закона, слѣдуютъ одно за другимъ, несутся! Ходъ человѣческихъ дѣлъ теперь мельканье молніи! Отвѣтъ будетъ скоръ. Теперь въ языкѣ есть только одно слово, которое объясняетъ все: *Бонапарте*.

Это слово замѣнило всѣ идеи, всѣ науки. Когда Лагранжъ говоритъ о математикѣ, или Жофруа Сентъ-Илеръ объ естественной исторіи, ему отвѣчаютъ однимъ словомъ: *Бонапарте*. Слово это отвѣчаетъ на все. Великій живописецъ той эпохи, Гро, былъ изъ числа тѣхъ, которые писали картины чудесъ новой церкви смерти и битвъ. Онъ сдѣлалъ апоѳеозъ новаго учителя, который исцѣляетъ чуму однимъ прикосновеніемъ. Но если любопытно видѣть упадокъ ума, до какого дошелъ міръ, то тѣмъ не менѣе любопытно замѣ-

тить, какъ великій чудотворецъ, ловкій фокусникъ, продѣлывавшій такіе чудеса иллюзіи и ослѣпленія, былъ приготовленъ къ изумительной карьерѣ своей. Оставимъ науку, идеи, націю, оставимъ отечество!.. Все это отложено. Я займусь... однимъ человѣкомъ.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

I.

Г-жа Летиція.—Корсика.—Паоли.

Мнѣ извѣстны только два вѣрныхъ портрета Наполеона. Одинъ—небольшой бюстъ работы Гудона (1800) дикій, смутный и мрачный, кажется зловѣщей загадкой. Другой — картина, на которой онъ изображенъ во весь ростъ въ своемъ кабинетѣ (1810?). Это произведеніе Давида, который, какъ говорятъ, положилъ на него два года и выказалъ себя художникомъ добросовѣстнымъ, мужественнымъ, не заботящимся о томъ, чтобы угодить, думающимъ объ одной правдѣ, и это до такой степени, что граверъ Гриньонъ не осмѣлился слѣдовать за нимъ въ нѣкоторыхъ подробностяхъ, въ которыхъ дѣйствительность противорѣчила традиціи. Давидъ изобразилъ Бонапарте, какимъ онъ всегда былъ, съ каштановыми волосами сомнительнаго цвѣта, которые въ молодости его казались черными отъ помады. Глаза сѣрые, какъ стеклянныя окна, въ которыя нельзя ничего видѣть. Наконецъ, безлич-

ность полная, темная и которая казалась фантасмагорической. Онъ полонъ и однако можно различить черту, полученную при рожденіи и унаслѣдованную отъ матери, скулы щекъ очень выдаются, какъ у корсиканцевъ и у сардинцевъ. Онъ самъ говоритъ, что онъ во всемъ походилъ на мать и былъ весь въ нее. Въ дѣтствѣ онъ былъ уменьшеннымъ и съуженнымъ портретомъ ея. Если поставить портретъ матери рядомъ съ его, то послѣдній кажется сухой копіей перваго, какъ будто наслѣдственная болѣзнь, ракъ въ желудкѣ, уже пожиралъ внутренности его.

Напротивъ, г-жа Летиція на итальянскихъ портретахъ своихъ, какъ тотъ, который у меня передъ глазами, величественная красавица. Въ ней таинственная, неопредѣленная трагичность. Отъ нея нельзя оторвать глазъ. У рта складка презрительная, полная ненависти, полная того горькаго меду, который находятъ только въ Корсикѣ. Глаза черные и неподвижные, широко открытые и тѣмъ не менѣе загадочные. Если они смотрятъ, то внутрь себя, на свою мечту или страсть. Это придаетъ ей странный видъ гадальщицы или мавританской сивиллы, правнуки карѳагенянъ или сарацынъ, могилы которыхъ находятся близь Аяччіо, а потомство еще существуетъ въ Ніоло. Видъ ея мраченъ, это видъ пророчицы бѣдствій или одной изъ тѣхъ плакальщицъ, которыя идутъ за покойникомъ не со слезами, но скорѣе съ угрозами мести.

Вендета — религія страны, великая идея ея. Дѣло оригинальное, единственное, что существуетъ народъ, который вложилъ въ месть свою душу, у котораго нѣтъ другой поэзіи кромѣ смерти. Въ сборникахъ Фе и Томазео можно найти эти пѣсни плакальщицъ менѣе плачевныя, чѣмъ угрожающія, и которыя всего чаще обрекаютъ на мщеніе, мщеніе неумолимое, вѣчное. Женщины — вѣрныя хранительницы мысли

этой, которую лелѣютъ, какъ драгоцѣнность. Онѣ прячутъ одежду убитаго. Мужчина часто уходитъ изъ дома, бѣжитъ въ пустыню, спитъ на камняхъ, чтобы улучить случай мести. Обаяніе этой жизни засадъ и нападеній такъ сильно, что корсиканецъ не можетъ излѣчиться отъ него (см. Мериме, Фе, 1845, и пр.).

Впрочемъ, если корсиканцы не общительный народъ, то всего болѣе виною тому природа, глубокія ущелья, раздѣляющія снѣжныя горы, между которыми нѣтъ сообщенія въ продолженіе извѣстной части года. Поднимитесь на центральную гору Монте-Ротундо, и вы увидите неизмѣримую картину, въ которой другія горы образуютъ около Монте-Ротундо цѣпями круги, соединенные между собою поперечными вѣтвями, составляющими такимъ образомъ повсемѣстную сѣть (см. Міо, Фе и пр.). Потоки водъ въ другихъ мѣстахъ служатъ путями сообщеній, а здѣсь они препятствія, потому что даже лѣтомъ несутъ отъ таянія снѣговъ массы бурной воды. Здѣсь не воды мало, здѣсь земля часто сносится водою. Многія горы совершенно лысыя. Прибавьте къ этому страшные вѣтры, которые, какъ и на Ронѣ, часто смущаютъ духъ. Корсиканецъ очень мало занимается земледѣліемъ. Удалившись на высоты, подъ каштановыя деревья, онъ живетъ одиноко и, если можно, прячась отъ людей. Днемъ деревня кажется пустынной. Вечеромъ выси горъ освѣщаются и видны малодоступныя деревни, которыя лѣпятся на нихъ. Случайные пожары сжигаютъ смолистые лѣса. Такъ смѣняются опустошенія пожаровъ и потоковъ на этой такъ часто опустошаемой землѣ.

Корсиканецъ — существо ночное. Путешественники, какъ г. Фе и другіе, были поражены, видя, что проводники ихъ просыпались и вставали въ полночь. Вся исторія страны есть ночь, въ которой по временамъ мелькаетъ молнія—убійства,

геройскіе подвиги. Торговые народы—карѳагеняне, греки, которые такъ жестоко терзали Корсику, вырывая виноградники, оливковыя деревья, запрещая торговлю, держали ее въ такомъ состояніи, которое возбуждаетъ ужасъ и удивленіе. Варварство это вмѣсто того, чтобы уменьшиться въ новые вѣка, напротивъ увеличилось, когда великая Генуя, утративъ свое владычество надъ морями востока, была отброшена назадъ на свою землю, на обнаженныя горы свои. Истощеніе Генуи упало на еще болѣе истощенную Корсику. То была исторія Уголино, адскихъ мученій, въ которыхъ этотъ отверженный притупляетъ зубы свои надъ черепомъ. Корсика не давала ничего, кромѣ гнуснаго плода—мести и рѣзни. Чахлые и раззоренные судьи, которыхъ посылали въ Корсику, выучились эксплуатировать плоды эти, продавая безнаказанность, поощряя преступленія. Такъ въ то время, какъ нравы цѣлой Европы смягчались, Корсика ожесточалась, уходила назадъ вѣка и становилась варварской. Властелины ея, генуэзцы, привыкшіе къ турецкимъ войнамъ, принудили корсиканцевъ сравняться изъ отчаянія съ клефтами или даже, уходя далѣе въ прошедшее, представить страшную исторію судей Израиля, мстителей за народъ Божій. Ни что такъ сильно не напоминаетъ ее, какъ исторія Сампіери и другихъ защитниковъ корсиканской свободы.

Замѣчательно, что Корсика, африканскаго происхожденія какъ и Мальта никогда не призывала на помощь италіанцевъ, но всегда Францію; при Карлѣ VI, Генрихѣ II, Людовикѣ XV. Франція имѣла корсиканскую гвардію, возвышала многихъ корсиканцевъ на важныя должности, но не сдѣлала ничего для самого народа, который постоянно взывалъ къ Франціи. Я не знаю ни на какомъ языкѣ ничего болѣе трогательнаго нежели воззваніе республиканскихъ правителей ея

къ эгоисту Людовику XV, и ничего болѣе сухо поповскаго, безучастнаго и холодно безчеловѣчнаго нежели отвѣты кардинала Флери. Покинутые Франціею, они вздумали дать себѣ спасителя француза. Они выбрали королемъ нѣкоего Теодора, француза по матери, уроженкѣ Льежа; онъ былъ пажемъ герцогини Орлеанской. Ему не удалось быть королемъ и, преслѣдуемый, онъ бѣжалъ въ Лондонъ и продалъ тамъ англичанамъ свою идеальную корону.

Тогда этотъ несчастный народъ, уходя все далѣе въ глубь прошедшихъ вѣковъ напалъ на религіозную и миѳическую мысль имѣть въ средѣ своей мессію. Изъ двухъ правителей его,—храбраго Джіафери и кроткаго, краснорѣчиваго Паоли— послѣдній имѣлъ двоихъ дѣтей; старшій отважный, дикій, иллюминатъ. Въ дѣтствѣ еще старшій сказалъ отцу, сказалъ всѣмъ: «Избраннымъ будетъ братъ мой Паскаль. Это ангелъ Божій». Отецъ благословилъ ребенка. Вслѣдствіе перемѣнъ бурной жизни своей, онъ держалъ его въ Неаполѣ и далъ ему тамъ образованіе. Въ этой великой Греціи того времени была удивительная молодежь, влюбленная во Францію, въ просвѣщеніе, въ свободу. Многіе дожили до того что были мучениками 99. Но что болѣе всего поддерживало ребенка, что держало его всегда высоко — это были безъ сомнѣнія письма отца, кровавыя вѣсти, которыя онъ слалъ изъ Корсики, вѣсти о стольких бѣдствіяхъ, которыя будущій освободитель узнавалъ и видѣлъ почти на итальянскомъ берегу. На тридцатомъ году онъ былъ вызванъ въ Корсику братомъ, избраннымъ и провозглашеннымъ первымъ правителемъ острова въ 1755 году. Но какъ варвары эти взглянутъ на человѣка мира? Но народъ былъ лучше нежели дѣла его и это доказывается хорошо тѣмъ, что онъ понялъ кроткій геній Паоли. И для этого не нужно никакихъ подготовокъ религіозной ме-

ханики. Паоли, взволнованной такою великою ролью, Паоли иногда видѣлъ сны и грезилъ будущимъ; но никогда онъ не говорилъ съ вѣрующими въ него другимъ языкомъ кромѣ языка разума. Онъ былъ человѣкомъ здраваго смысла и предлагалъ только возможныя вещи. Онъ не пытался уничтожить родовую месть (vendetta) но смягчилъ и ограничилъ ее. Поведеніе его въ отношеніи духовенства было чудомъ ловкости и корсиканцы были настолько умны, что повиновались ему. Онъ воспользовался Римомъ, чтобы изгнать епископовъ—генуэзцевъ въ сердцѣ; потомъ поссорился съ Римомъ за то, что хотѣлъ подчинить закону духовные суды. Народъ поддержалъ его даже противъ папскаго отлученія.

Около этого времени Руссо узналъ о Паоли и въ общественномъ договорѣ говоритъ: «Въ Европѣ есть еще народъ способный быть законодателемъ, это народъ острова Корсики. У меня есть предчувствіе, что когда нибудь этотъ маленькій островъ удивитъ Европу». Предсказаніе поразившее воображеніе и сердца. Но вскорѣ послѣ того Людовикъ XV купилъ у генуэзцевъ Корсику, обманулъ довѣрчивый народъ, который считалъ его своимъ покровителемъ и надѣялся на него. Паоли осмѣлился сопротивляться; но англичане не помогли ему, какъ онъ того ожидалъ. Замѣчательно то, что французская армія и даже сами офицеры были за Корсику. Марбефъ, Дюмурье, Мирабо любили Паоли, удивлялись ему. Дюмурье составилъ планъ освободить Корсику.

Однако Паоли, укрывшійся въ Лондонѣ, казалось, упалъ съ высоты великой роли своей освободителя. Кто осмѣлится взять ее? Пророчество осталось и должно было совершиться. Бонапарте перенесли его на будущность ребенка зачатаго и

рожденнаго именно въ ту эпоху, когда Корсика казалось на вѣки покоренной Франціею *).

II.

Бонапарте. Двойственное положеніе ихъ. Дитя пророчества.

Страсть итальянцевъ во всѣ времена—это неизвѣстность судьбы, лотерея, случайности гаданья (Bonus Eventus). Весь

---

*) Изо всѣхъ прочитанныхъ мною книгъ о Корсикѣ, наиболѣе любопытна безъ сомнѣнія книга шотландца Босвеля. Онъ говоритъ, что видъ этого народа и героя его Паоли произвелъ въ немъ нравственный переворотъ, далъ ему болѣе высокое понятіе о человѣческой природѣ и внушилъ ему самыя благородныя намѣренія. Шотландецъ этотъ, котораго родныя горы заранѣе расположили сочувственно отнестись къ горцамъ островитянамъ, захотѣлъ видѣть Руссо и Корсику. Получилъ ли онъ для этого путешествія поддержку отъ англійскаго министерства, которое всегда имѣло нѣкоторые виды на островъ? Это можетъ быть, но каждый кто прочтетъ его книгу, не усомнится, что онъ внесъ въ путешествіе это непосредственное, искреннее и очень живое чувство; Паоли, герой Корсики поразилъ его и подчинилъ себѣ. Онъ говоритъ о Паоли съ почтеніемъ съ любовью, такъ наивно и такъ хорошо, что передаетъ впечатлѣніе свое душѣ читателя. Нѣтъ, такъ не выдумываютъ. Это гармонія такая послѣдовательная и естественная, что портретъ долженъ былъ быть схожимъ. Вашингтонъ одинъ можетъ дать идею такого равновѣсія. Босвель видѣлъ человѣка высокаго роста, хорошо сложеннаго, всѣ движенія котораго были благородны, съ лицомъ кроткимъ и открытымъ, очень наблюдательнаго, но вѣжливаго и сдержаннаго. Въ простотѣ его чувствовался герой, и легко вѣрилось, когда онъ говорилъ: «Я никогда не зналъ ни минуты недовѣрія или унынія». И еще: «Я всегда твердо вижу передъ собою великую идею». Эта возвышенность, эта неизмѣнная кротость посреди такого разгара страстей, такого страшнаго варварства, на землѣ убійствъ была настоящимъ чудомъ. Шотландецъ былъ подавленъ удивленіемъ. Всякая человѣческая страсть, даже личная любовь, казалось, исчезли изъ этой великой души передъ любовью общественнаго блага. Онъ говорилъ: «Я нашелъ отечество мертвымъ, какъ ребенка въ исторіи пророка Иліи, и я распростерся надъ нимъ, чтобы оживить его». Великодушная кротость его была невѣроятна; онъ говорилъ безпристрастно даже о самихъ тиранахъ Корсики, о славѣ древнихъ генуэзцевъ.

римскій Олимпъ можетъ заключиться въ этой богинѣ, которая имѣла тысячи храмовъ: *Sors, Fors, Fortuna.* Тоже самое было и въ средніе вѣка, когда гибель партіи, императорской или гибеллинской, снова отдавала все на жертву случая, и наконецъ, въ продолженіе двухъ вѣковъ повсюду господствовали наемники солдаты, шайки кондотьеровъ, въ которые можно было наниматься даже на одинъ мѣсяцъ, и которые однако достигали до страннаго могущества и блеска, болѣе чѣмъ королевскаго, какъ напримѣръ, Сфорцы· Имена эти: sforza, braccio, fortebraccio (сила, руки, сильныя руки) характеризуютъ эпоху. Но превратности судьбы часто заставляли предпочесть названіе успѣха, торжествующаго счастья (*Bonus Eventus*), крупнаго приза, хорошей доли,—*Buona parte.*

Это имя счастливаго игрока, *баловня фортуны,* часто заранѣе дается ожидаемому ребенку, какъ предвѣщаніе будущаго, какъ счастливая примѣта, которая будетъ сопровождать его цѣлую жизнь. Мать, дающая это имя, часто прибавляетъ къ нему ласкательныя прозвища: *bona parte, de bion sembiante,* счастливая наружность, или большія надежды—*Boni sperio,* или добрая доля—*Boni spartio.* Это будетъ любимецъ счастья. Заслуживаетъ ли онъ того или нѣтъ, но онъ получилъ главный призъ лотереи. Эти прозвища очень обыкновенныя въ Италіи и часто замѣняютъ родовыя имена. Путаница еще болѣе увеличивалась тѣмъ, что когда женились на дочери богатаго и знатнаго рода, то часто давали ребенку имя матери въ надеждѣ, что можетъ быть онъ когда нибудь получитъ наслѣдство отъ родственниковъ матери. Прибавьте къ этой путаницѣ и ту, которую допускали тогдашнее итальянское правописаніе и писаніе. Безъимянный авторъ генеалогіи Санъ-Миніато говоритъ, что въ тринадцатомъ вѣкѣ смѣшивали неизвѣстнаго Жерома Бонапарте съ

очень замѣчательнымъ человѣкомъ, Джіовани Бонапаче, который около 1300 г. былъ заложникомъ при заключеніи мира между гвельфами и гибелинами. Видно, что при писаніи этого имени, *parte* и *pace* ставилось одно на мѣстѣ другаго. Говорили безъ различія *bona pace* и *bona parte*. Путаница эта уменьшилась въ шестьнадцатомъ вѣкѣ, когда прошелъ кондотьерскій хаосъ. *Bonaparte*, бывшее тогда словомъ болѣе рѣдкимъ, сдѣлалось *именемъ собственнымъ* нѣкоторыхъ темныхъ родовъ.

Но эта темнота нисколько не смущаетъ генеалоговъ; Бонапарте ихъ, какъ они разсказываютъ, были людьми скромными, удалялись отъ войны, предпочитали профессіи писцовъ, бывали священниками, нотаріусами, мелкими судьями или подестами, т. е. профессіи, въ которыхъ можно обогатиться, зная дѣла, семьи и состоянія. Они селились въ Генуѣ и Корсикѣ, гдѣ они занимали всегда только очень второстепенныя должности. Но на этомъ дикомъ островѣ никто не могъ опровергнуть ихъ, когда они называли себя родственниками другихъ Бонапарте болѣе отличившихся, итальянскихъ, Сарзаны, Тревизы или Флоренціи. Отецъ Наполеона пріѣхавшій изъ Корсики изучать право въ Пизанскомъ университетѣ, вынюхивалъ этихъ Бонапарте, чтобы присвоить себѣ честь (или выгоды?) родства. Онъ узналъ, что въ Санъ-Миніато близь Флоренціи есть одинъ Бонапарте, довольно богатый, старый каноникъ, довѣрчивый и очень набожный. У добряка былъ конекъ считать себя внучатнымъ племянникомъ одного святаго. И онъ былъ на самомъ дѣлѣ племянникомъ капуцина, умершаго въ 1600 г.; но онъ усиливался смѣшать этого капуцина съ средневѣковымъ святымъ, прославившемся монахѣ изъ Болоньи, умершемъ въ 1300 г. У молодаго корсиканца не было бумагъ, всѣ онѣ пропали въ пожарахъ

острова; но благодаря счастливой памяти онъ могъ возстановить ихъ. И онъ въ самомъ дѣлѣ нашелъ, что родъ его былъ въ родствѣ съ болонскимъ святымъ, а потому и съ старымъ каноникомъ. Тотъ былъ въ восторгѣ отъ новыхъ доказательствъ, открывшихся для подтвержденія его системы генеалогіи. Онъ такъ полюбилъ молодаго человѣка, который принесъ ихъ ему, что заставилъ одного адвоката своего города носившаго тоже имя Бюона Парте и не имѣвшаго родственниковъ, признать отца Наполеона за родственника. Каноникъ прожилъ долго и не далъ ничего Бонапарте кромѣ свидѣтельствъ, которыя говорили, что они дворяне и родомъ изъ Флоренціи.

Шарль Бонапарте прозябалъ цѣлую жизнь. Сынъ и внукъ нотаріусовъ и мелкихъ генуезскихъ чиновниковъ, часто мѣнявшихъ партіи, онъ имѣлъ прекрасный домъ и любилъ роскошь. Никакого состоянія. Онъ занимался писательствомъ, какъ то дѣлаютъ въ Италіи такъ многіе адвокаты безъ дѣлъ. Всѣ Бонапарте были неутомимыми писаками. Вѣроятно ему помогали въ средствахъ къ жизни дяди его, довольно хорошо награжденные церковью. Все это прельстило красавицу изъ красавицъ, Летицію Рамоллино, уроженку бѣднаго города Сартена, и которая конечно была въ восхищеніи отъ мысли устроиться въ большомъ городѣ Аякчіо, въ которомъ тогда уже было 4.000 жителей. Она была честолюбива и тоже суевѣрна; быть можетъ, ее тоже прельстило великолѣпное имя счастливаго игрока, обѣщавшее главный призъ, *Buona parte*. Мать ея, тоже красавица, съумѣла выйти во второй разъ замужъ за швейцарца Феша, базельскаго банкира. Такимъ образомъ съ обѣихъ сторонъ молодая чета имѣла дядей священниковъ, родство и покровительство церкви.

Аякчіо былъ Версалемъ Корсики. Тамъ былъ родъ двора,

домъ французскаго коменданта, очень любезнаго человѣка, Марбёфа. Въ тѣ четыре года, въ продолженіе которыхъ генуезцы имѣли право удерживать посты на островѣ, Шуазель, желавшій приманить корсиканцевъ и удалить ихъ отъ Паоли, назначилъ комендантомъ человѣка пріятнаго, дворянина, который въ качествѣ откровеннаго бретонца внушалъ довѣріе. Онъ былъ очень вѣжливъ и ласковою вѣжливостью, какъ говоритъ Босвель, котораго онъ принялъ какъ нельзя лучше и за которымъ онъ ходилъ во время болѣзни его. Онъ былъ филантропомъ и потому занимался пищею бѣдныхъ; начинали распространять картофель, бывшій тогда въ большой модѣ равно какъ и сочиненія Руссо, изданіе которыхъ появилось въ это время. Съ Марбёфомъ случилось то, что уже испытали многіе офицеры наши; забывъ свою роль, онъ попалъ въ собственныя сѣти свои, самъ сталъ корсиканцемъ, влюбленнымъ въ народъ и въ островъ. Онъ не былъ женатъ, но очень любилъ женщинъ, имѣлъ любовныя похожденія въ пятьдесятъ слишкомъ лѣтъ. Онъ прекрасно принималъ лучшее общество города въ красивыхъ садахъ своихъ, устройство которыхъ очень занимило его. Тогда была англійская мода. Позже въ Парижѣ онъ устроилъ садъ, который остался извѣстнымъ и который прежде носилъ его имя, (въ Елисейскихъ поляхъ). Перломъ общества была Летиція г-жа Бонапарте. Мербёфъ сдѣлался другомъ и покровителемъ ея мужа. Въ этомъ отношеніи онъ вспомнилъ, что Майльбуа, первый завоеватель острова, былъ обязанъ женщинамъ частью своего успѣха. Онъ жилъ въ Аякчіо на квартирѣ у женщины, семья которой находиласъ въ Сартенѣ и черезъ нее зналъ все что происходило въ самыхъ дикихъ кантонахъ. Оказалось какъ нарочно, что г-жа Бонапарте была изъ рода Сартенскихъ Рамолино. Марбёфъ подражалъ Майльбуа, часто бывалъ у г-жи Бонапарте.

Несомнѣнно, что женщины Корсики, серьезныя столько же сколько честолюбывыя и мстительныя, истинныя царицы страны. Она охотно принимала зрѣлаго поклонника, который могъ бы быть отцомъ ея мужа.

Все шла хорошо, когда вдругъ въ одно утро Марбёфъ и всѣ узнали великое предательство: *Корсика куплена Версалемъ*, открылась мошеническая штука, которою Шуазель до этого дня успокоивалъ Паоли. Ударъ подавляющій. И однако связи были такъ сильны, что наши солдаты и корсиканцы предупреждали другъ друга передъ нападеніемъ. Корсиканцы вмѣсто стрѣльбы довольствовались тѣмъ, что зажигали костры. Бонапарте, бывшіе въ такихъ хорошихъ отношеніяхъ съ Марбёфомъ, не имѣли никакого повода бѣжать. Напротивъ, когда онъ получилъ, какъ говорятъ, легкую рану, то онъ лѣчился въ ихъ домѣ. Но когда Паоли на минуту одержалъ верхъ надъ нашими и когда корсиканскіе патріоты уходили къ нему, Бонапарте не захотѣли остаться одни и попасть подъ корсиканскую вендету, какъ друзья Франціи. Они уѣхали. Г-жа Бонапарте кромѣ маленькаго Жозефа, котораго таскала съ собою, была съ 15 октября 68 г. беременна и должна была родить въ половинѣ августа 69 Наполеона. Сколько жестокихъ потрясеній: счастье въ продолженіе девяти мѣсяцевъ оборачивалась три раза; прибавьте романическія приключенія; она чуть не утонула, переѣзжая верхомъ черезъ потокъ. Это было конечно причиной судорожныхъ волненій ребенка Наполеона, такъ не похожаго на всѣхъ своихъ братьевъ.

Многіе корсиканцы, ревностные бонапартисты, хотятъ сдѣлать его французомъ и утверждаютъ, что онъ сынъ Марбёфа. Но ничто въ немъ, ни въ характерѣ, ни въ наружности не даетъ повода такъ думать. Онъ былъ весь въ свою мать, которая воспитала его и, казалось, воплотила въ немъ всѣ сны

свои. Онъ былъ рожденъ при тяжелыхъ обстоятельствахъ, сильныхъ раздорахъ, въ буряхъ матери. Марбефъ, другъ и гость, былъ принужденъ преслѣдовать и разстрѣливать друзей отца его, лучшихъ патріотовъ. Бонапарте было трудно разорвать съ Марбёфомъ, потому что послѣдній былъ несчастенъ; онъ былъ изъ числа жертвъ Версаля. Въ шестьдесятъ лѣтъ, послѣ столькихъ услугъ, ему отказывали въ мѣстѣ губернатора острова и оставляли простымъ военнымъ комендантомъ. Но и какъ коменданта, министръ находилъ его быть можетъ слишкомъ мягкимъ и слишкомъ привязаннымъ къ корсиканцамъ. Онъ часто ѣздилъ въ Версаль и встрѣчалъ тамъ одни отказы. Ему лучше было въ Аякчіо, гдѣ онъ имѣлъ утѣшеніе въ домѣ Бонапарте. Онъ влачилъ такимъ образомъ старость свою безъ наградъ и состоянія, пока король не устроилъ для него въ Корсикѣ маркизатъ.

Вѣроятно, въ это время ожиданія, для него тяжело было видѣть друзей своихъ въ бѣдности. Ему удалось, наконецъ получить для Шарля Бонапарте, какъ сторонника Франціи, пенсію, переходившую на сына его рожденнаго въ эту минуту, какъ бы для того чтобы скрѣпить союзъ Корсики и Франціи. Наполеонъ получалъ эту пенсію еще въ 1791 г. (Либри). Какъ г-жа Летиція, такая гордая, приняла даръ короля, казнившаго смертью друзей ея? Эти позорныя деньги, конечно, возбудали въ ней отвращеніе, казались омоченными, запятнанными кровью ихъ. Позже она сдѣлалась скупою; но тогда, молодая и гордая, какъ она должна была за то ненавидѣтъ своего мужа! Отсюда, быть можетъ, выраженіе дикаго презрѣнія, которое видно на портретахъ ея.

Марбёфъ, который позже въ глубокой старости былъ постоянно покровителемъ ребенка, въ это время, когда ему было шестьдесять лѣтъ, оставался ли вполнѣ чуждымъ воспитанію

его? Я не могу этого думать. Это было единственнымъ средствомъ, какое онъ имѣлъ, нѣсколько умирить мать. Она видѣла тысячи сновъ объ этомъ ребенкѣ, сновъ странныхъ и романическихъ. Она хотѣла родить на коврахъ изображавшихъ Иліаду. Будущему Ахиллу дали воспитаніе странное для сына прокурора. Въ игрушки ему подарили небольшую пушку. Съ городскими дѣтьми онъ давалъ сраженія дѣтямъ сосѣднихъ деревень, но не употребляя пушки. Марбёфъ, конечно, смотрѣлъ за этимъ. Въ то же время по привычкѣ, которую Наполеонъ долго сохранилъ, можно предположить, что мать пріучила его прилежно исполнять церковные обряды.

Ребенокъ такъ рано развивавшійся, который оставался дома до десяти лѣтъ, могъ ли не замѣтить грубокій разладъ противуположныхъ характеровъ отца и матери? Онъ пустой, мелочной: она мрачная, трагическая, озлобленная, высокомѣрная. Въ ложномъ положеніи своемъ, она не была нисколько униженной, но горделивой и химерической. Мечтанія выше горъ. Она считала себя королевой по родству своему съ Орнано, бывшими почти королями на западѣ острова; она, казалось, вышла въ того Орнано, гувернера принца Гастона, который мечталъ одну минуту, зарѣзавъ Ришелье и Людовика XIII, сдѣлаться королемъ Франціи. Видя изображеніе матери и сына еще ребенка, приходишь въ ужасъ отъ мысли, чего долженъ былъ ждать міръ отъ этихъ отчаянныхъ.

III.

Бонапарте семинаристъ.

При вступленіи Людовика XVI Марбёфъ, обвиненный врагами своими, заявилъ о французской партіи и заставилъ

пріѣхать во Фрэнцію своего вѣрнаго Шарля Бонапарта, который оправдалъ его отъ обвиненія въ потворствѣ паолистамъ. Ему не удалось добиться губернаторства острова; но нельзя было отказать ему въ милости, которой онъ просилъ для ревностнаго защитника своего, воспитывать дѣтей его на счетъ короля. И вотъ маленькій Наполеонъ, какъ и братъ его Жозефъ, былъ привезенъ въ Отёнскую семинарію, потомъ въ королевское училище въ Бріеннѣ, тоже руководимое духовенствомъ, и получилъ отъ патеровъ образованіе, какое давалось молодымъ дворянамъ въ военныхъ школахъ.

Со времени изгнанія іезуитовъ школы эти находились подъ управленіемъ священниковъ и монаховъ всѣхъ орденовъ. Ребенокъ, прибывъ туда и въ первый разъ узнавъ дисциплину, показалъ себя такимъ, какимъ онъ былъ, съ дикою царственностью, которая отличала семью его. Онъ сдѣлалъ гримасу, портрету Шуазёля, когда увидѣлъ его, и вырѣзалъ на свинцовомъ сердцѣ, которое носилъ: «Ни Генуя, ни Франція никогда не войдутъ сюда». Нужно было научить его тому что значитъ ученикъ стипендіантъ, помѣщенный по милости короля. Священники примѣнили къ новому пришельцу единственную методу воспитанія, которую называютъ іезуитской, хотя она практикуется всею церковью. Это метода та, которая лучше всего ломаетъ душу, создаетъ людей гибкихъ и лживыхъ. Она заключается въ двухъ словахъ: *наказывать* и усмирить сначала, потомъ *льстить*, приманивать. Бонапарте самъ говоритъ, что онъ употреблялъ эту методу съ своей итальянской компаніи и что, сдѣлавшись всемогущимъ, онъ сохранялъ ее даже въ порывахъ гнѣва своего, какъ тайну искуства тирановъ.

Первыя налазанія, которыми усмиряли этого гордаго ребенка, показались ему такъ унизительными, какъ клейменіе

раскаленнымъ желѣзомъ. Съ нимъ сдѣлались такія конвульсіи что онъ казался эпилептикомъ, — случай, который возобновился не одинъ разъ въ жизни его. Можно было опасаться, чтобы онъ не возненавидѣлъ учителей своихъ навсегда. Напротивъ, онъ сблизился съ ними и сдѣлался любимымъ ученикомъ ихъ и тогда замѣтили, что совершенно безполезно наказывать его. Его довольно наказывали товарищи, не любившіе эту маленькую черную фигуру, нѣмую, потому что онъ говорилъ только по итальянски. Передразнивали его странныя манеры, его мечтательный видъ; казалось, будто онъ видитъ нѣчто странное. Имя его изъ Наполеона было, очень плохимъ каламбуромъ, передѣлано въ Paille au nez, то есть мечтателя визіонера.

Онъ по итальянски соблюдалъ религіозные обряды, что казалось лицемѣріемъ маленькимъ философамъ. Это окончательно сдѣлало его паршивой овцой среди нихъ, но за то поставило въ такія хорошія отношеніи съ учителями, что онъ могъ дѣлать все, что хотѣлъ. Инспекторъ, крошечный аббатъ Дипюи, полюбилъ его и не боялся открывать библіотеку для такого умнаго ученика. Тамъ маленькій отшельникъ могъ упиваться безпорядочнымъ и неудобоваримымъ чтеніемъ. Эти обильныя омыванія духа, по видимому, должны бы очень легко дѣлать сумасшедшими. Но вообще, даже когда читаютъ, дѣлая замѣтки и извлеченія, какъ читалъ Наполеонъ, прочитанное отсѣевается какъ сквозь рѣшето и остается только основа преданій дѣтства; можно читать философовъ и оставаться суевѣрнымъ. Онъ могъ дѣлать выписку изъ Руссо, одно произведеніе котораго онъ опровергалъ, Мабли, Рейналя, и пр. и онъ тѣмъ не менѣе остался корсиканцемъ, католикомъ и фаталистомъ, портретомъ матери своей, и всегда въ сокровенной глубинѣ души его жила г-жа. Летиція.

Здравый смыслъ, который онъ вносилъ въ чтенiе, доказывается тѣмъ что онъ, дѣлая извлеченiя изъ исторiи Китая и исторiи галликанской церкви, дѣлалъ выписки и изъ Арiоста. Вещь еще болѣе замѣчательная: онъ записывалъ все, не только прочитанное, но и мельчайшiя событiя, все что случалось съ нимъ, судя по обожанiю матери, по высокой милости учителя, что ничто касающееся его не можетъ быть безразлично для потомства. Но увеличивалъ ли онъ на самомъ дѣлѣ положительныя познанiя свои? Въ этомъ можно сомнѣваться. Эти религiозные преподаватели и крошечный Дюпюи не могли вести его далеко. »Въ наукѣ, которою онъ болѣе всего хвалился, въ математикѣ», говорилъ г. Либри: «высшая степень, которой онъ достигъ идетъ не далѣе циклоида.» Въ географiи онъ былъ удивительно невѣжественъ, въ тридцать лѣтъ думалъ, что Египетъ близко Индiи. Однако, такъ какъ его готовили къ морской службѣ, то его заставили очень рано прочесть исторiю Индiи, сцену недавнихъ подвиговъ Сюфрена, и сверхъ того въ Дiодорѣ описанiе чудесъ Египта. Впрочемъ онъ всего лучше выучился у отцовъ одному великому искуству поведенiя ихъ: лицемѣрить, выжидать, скрывать все въ себѣ. У него не было другаго покровителя кромѣ г. Марбёфа, такъ много обвиняемаго корсиканцами какъ измѣнника, и лживая дружба котораго обманула и предала отечество ихъ. Онъ могъ рано видѣть у отца и матери притворство, съ какимъ они такъ хорошо принимали тирана. Въ четырнадцать лѣтъ онъ перешелъ изъ Брiенна въ Парижъ, въ военную школу. Но онъ остался по прежнему вѣренъ отцу Дюпюи. Быть можетъ, благодаря разумнымъ совѣтамъ его, онъ отказался отъ блестящихъ надеждъ на флотъ и поступилъ въ артилерiю. Флотъ былъ тогда романомъ всеобщимъ. Говорили не только о невѣроятныхъ богатствахъ Клейва или Гастинга, но знали, что

во Франціи морской офицеръ, другъ г-жи Полиньякъ, управлялъ королемъ и королевой, подчинялъ ихъ вспышкамъ своихъ капризовъ. Фаворитъ этотъ былъ идеаломъ нашихъ морскихъ офицеровъ и тѣхъ, которые мечтали быть офицерами. Многіе изъ нихъ были людьми съ несомнѣнными достоинствами, какъ тотъ Филиппо, который задержалъ Банапарте у Сенъ-Жанъ Дакръ и принудилъ его отказаться отъ Египта и отъ всѣхъ мечтаній о востокѣ.

Посреди этихъ высокомѣрныхъ и дерзкимъ дворянъ, ученику крошечнаго Дюпюи, съ сомнительнымъ итальянскимъ дворянствомъ своимъ, должно быть пришлось вынесть много. Все равно. Скрывая это въ душѣ, онъ восхищался ими противъ воли и вынесъ отъ нихъ что то рѣзкое и повелительное, дикое, что́ онъ принесъ въ армію и что̀ до него было неизвѣстно тамъ. Величайшимъ страданіемъ его въ военной школѣ составляло то, что онъ былъ бѣднякомъ среди богатыхъ товарищей. Онъ занималъ, а не могъ платить. Марбефъ, который ни разу не бывалъ во Франціи не навѣстивъ его, конечно немного помогалъ ему. Положеніе это сдѣлало его хитрымъ, научило ловко снискивать благосклонность покровителя. Разъ товарищъ пришелъ сказать ему, что къ нему пришли: Марбёфъ поднимается по лѣстницѣ. Вмѣсто того, чтобы идти къ нему на встрѣчу Бонапарте остается сидѣть за столомъ приклеенный къ геометріи, не видитъ, не слышитъ ничего. Марбёфъ вошелъ, восхитился прилежаніемъ его и чуть не расплакался отъ радости.

Но онъ не всегда былъ такъ уменъ. Вспомнивъ, что въ Бріеннѣ онъ выслуживался оппозиціею своимъ товарищамъ онъ сдѣлалъ смѣлую штуку, неблагоразумную и опасную. Видя, что они по обычаю всѣхъ училищъ, жалуются на то что ихъ дурно кормятъ, дурно содержатъ, онъ рискнулъ представи-

записку, въ которой говорилъ, что содержаніе еще очень хорошо. Юный Катонъ составилъ и предложилъ директорамъ планъ реформы, имѣвшій цѣлью уменьшить роскошь и вернуть училище къ привычкамъ болѣе приличнымъ будущей военной жизни. Это была штука, за которую товарищи могли задушить его или бросить въ воду, какъ сдѣлали позже товарищи его офицеры, хорошіе пловцы, которые вытащили его, но уже въ обморокѣ отъ конвульсій.

Неосторожность опасной записки все таки послужила къ его выгодамъ. Учителя любившіе его, какъ хорошаго ученика, хотѣли избѣжать ссоръ и почетно выключили его, пославъ его ранѣе узаконеннаго возраста въ артилерійскую школу и въ полкъ Фера. Біографы его не говорятъ здѣсь ни слова. Но судя по немногому что извѣстно, видно что онъ оставался порядочнымъ молодымъ человѣкомъ. Вѣроятно въ Осонѣ онъ по смерти отца наслѣдовалъ его пенсію и получалъ ее до 1791 т. е. до паденія монархіи. Чтобы облегчить мать, онъ взялъ къ себѣ маленькаго брата Луи и помѣстилъ его въ небольшой комнаткѣ. Разъ онъ узналъ, что напуганные священники хотятъ прятать церковную утварь. Онъ предложилъ спрятать въ комнаткѣ Луи. Кто то сказалъ смѣясь: «Вы будете служить обѣдню?» — «Почему же нѣтъ? Я могу отслужить вамъ ее всю.»

Онъ остался всю жизнь привязанный къ католицизму, какъ къ религіи авторитета. Онъ любилъ авторитетъ. Онъ говорилъ въ Эрфуртѣ, что еще молодымъ офицеромъ онъ изучалъ *Исторію галликанской церкви*; онъ почерпалъ тамъ принципы королевской власти подчинявшіе трону самый алтарь и вслѣдствіе которыхъ этотъ хорошій католикъ заперъ папу. Въ то же время, какъ всѣ молодые люди того времени, онъ много читалъ Руссо. Странная смѣсь вносившая хаосъ въ

этотъ безпорядочный умъ. Отсюда нравственная мука въ той мѣрѣ, въ какой онъ былъ искрененъ и хотѣлъ быть согласнымъ съ самимъ собой. Въ пятнадцать лѣтъ ему пришла, какъ и Руссо, мысль убить себя, «чтобы бѣжать отъ этого злаго и порочнаго міра», который былъ недостоинъ его.

IV.

Изъ роялиста онъ становится маратистомъ.

Біографы Наполеона, компиляторы его писемъ тщательно скрываютъ его отъ насъ въ возрастѣ отъ шестнадцати до двадцати четырехъ лѣтъ. О дѣтствѣ его говорятъ мало, и вовсе не говорятъ о юношествѣ. Это самый свободный и откровенный изъ возрастовъ человѣческихъ, когда порывъ страстей не допускаетъ даже наиболѣе скрытнаго обманывать и скрываться,—и считаютъ благоразумнымъ пройти его молчаніемъ. Не многое что мы знаемъ, мы узнали только не прямымъ путемъ, и къ тому же такъ отрывочно, что вслѣдствіе этого изолированные факты остаются темными. Но въ совокупности ихъ я думаю угадать, что молодой человѣкъ этотъ былъ въ въ цѣломъ то, что называется *порядочнымъ молодымъ человѣкомъ*, то есть въ молодости вовсе не былъ упоренъ въ принципахъ своихъ, но мудро подвиженъ, эластиченъ, рѣшивъ подняться во что бы то ни стало. Никогда еще ни одинъ человѣкъ въ его возрастѣ не выдерживалъ такихъ превращеній и превращеній мгновенныхъ на глазахъ у всѣхъ, изумительныхъ. Эта подвижность, эти переходы усиливаютъ темноту. Для глаза, который вблизи слѣдилъ за нимъ, онъ идетъ, исчезаетъ подъ землей, появляется скользя и сбиваетъ наблюдателя съ толку.

Это было тѣмъ легче, что съ 89 по 91 оттѣнки идей на-

болѣе общіе, напримѣръ конституціонистовъ, фёльянистовъ были на столько неопредѣленны, что можно было умалчивать и хитрить, поддѣлываясь по очереди ко всѣмъ партіямъ. Пенсія, получаемая имъ отъ короля, и пріемъ, оказанный ему благороднымъ обществомъ Воланса, гдѣ одна дама хотѣла имѣть его зятемъ, не помѣшали ему вступить въ клубъ *Друзей Конституціи*, позже якобинцевъ. Однако дворъ, покровительствовавшій ему вакъ *хорошему Корсиканцу* и вѣрному подданному назначилъ его вторымъ капитаномъ. Онъ узналъ объ этомъ только въ Корсикѣ, куда поѣхалъ повидаться съ семействомъ. Въ это время тамъ, какъ и вездѣ, учреждали конституціонную гвардію, которую дворъ набиралъ изъ вандейцевъ, какъ Ла Рошъ Жаклена, или изъ *брави*, какъ Мюратъ и пр. Чтобы обезпечить за собой мѣсто коменданта, котораго онъ искалъ, онъ имѣлъ дерзость захватить и держать у себя комиссара посланнаго собраніемъ, для наблюденія за выборами. Ради этого мѣста онъ жертвовалъ своимъ чиномъ во Франціи, но сильно зарекомендовывалъ себя двору, въ чаяніи милостей. Людовикъ XVI былъ такъ доволенъ этимъ, что не только возвратилъ ему чинъ (см. Либри); онъ заранѣе назначилъ его капитаномъ артилеріи для августа 93 г., котораго королю не пришлось увидѣть, потому что самъ онъ погибъ 21 января. Въ томъ нѣтъ сомнѣнія, что тогда Наполеонъ былъ пламеннымъ роялистомъ; находясь въ Парижѣ у товарища своего Бріена и смотря въ окно на народъ шедшій на короля, Бонапартъ былъ тронутъ страданіями Людовика XVI и сказалъ почти то же, что сказалъ Кловисъ слышавшій о страданіяхъ Христа: «О, если бы я былъ тамъ съ своими воинами, чтобы прогнать этихъ негодяевъ.»

Это было въ іюнѣ 92 г. До 10 августа было не далеко. Но Бонапарте благоразумно возвратился въ Валансъ дожидать

исхода событій. Вскорѣ все измѣнилось и онъ не ранѣе зимы возвратился въ Парижъ видѣть новое собраніе, которое въ мыслѣ членовъ своихъ считало корсиканца Салисетти хорошаго якобинца. Въ это время онъ изучалъ въ Валансѣ, какъ говорятъ біографы его, исторію вселенскихъ соборовъ, или разыгривалъ съ дочерью аристократки плоскую идиллію, напоминающую Исповѣдь Руссо и хорошенькую сцену вишневаго дерева. Къ счастью, у насъ есть другіе документы и мы поможемъ памяти біографовъ.

Какая перемѣна по возвращеніи въ Парижъ. Онъ обратился къ Салисетти, напомнимъ, что и онъ тоже якобинецъ. Но, быть можетъ, по несчастью нашли 10 августа въ Тюльери роковой приказъ, которымъ король, выдававшій ему пенсію, назначалъ его заранѣе капитаномъ. Онъ очутился въ опасности. Теперь увидятъ его двойную роль: онъ крѣпко уцѣпился за Салисетти и жену его, которая должно быть была тронута положеніемъ его. Салисетти, который позже началъ ревновать, тогда не ревновалъ. Онъ понялъ, что этотъ молодой человѣкъ съ умомъ, съ огнемъ будетъ превосходнымъ рекрутомъ для Робеспьера. Онъ хлопоталъ за Наполеона и успокоилъ его. 9 января онъ писалъ ему о томъ, что готовилось (смерть Людовика XVI на 21), прибавляя: «Вы можете здѣсь разсчитывать совершенно на меня и, можетъ быть, я не буду вамъ совершенно безполезенъ.» (См. Libri, Revue des Deux Mondes). Это было ужасно для человѣка, получавшаго столько милостей отъ короля, который воспиталъ его и братьевъ, давалъ ему пенсію и въ послѣднихъ актахъ своихъ повысилъ его чиномъ. Нужно было внезапно жестоко закалить себѣ сердце. Быть можетъ, страсть сдѣлала это и вліяніе г-жи Салисетти. Безъ сомнѣнія тоже, опасность и страхъ. Салисетти былъ удивительно хорошъ для него. Не только онъ со-

хранилъ ему милость Людовика XVI — чинъ капитана, но и послалъ его въ дѣйствіе. Робеспьеристъ Кутонъ отправлялся съ народными толпами осаждать Ліонъ. Было мало военныхъ, особенно артилеристовъ. Послали новаго капитана, который для первой пробы себя долженъ былъ стрѣлять въ роялистовъ, въ тѣхъ съ кѣмъ на канунѣ онъ былъ за одно.

Никогда бонапартисты въ безчисленныхъ книгахъ своихъ не говорили объ этомъ. Онъ самъ, Бонапарте, въ военныхъ запискахъ своихъ говоритъ· «Я былъ при осадѣ Ліона». Знаютъ, какъ осада эта, начатая Кутономъ, то есть Робеспьеромъ самимъ, была отнята у него собраніемъ и ввѣрена Колло-Дэрбуа, который казался болѣе надежнымъ человѣкомъ. У Робеспьера оставался тамъ свой человѣкъ Салисетти, который, когда и его заподозрѣли, заставилъ послать себя вмѣстѣ съ Бонапарте на осаду Тулона. Бонапарте имѣлъ выгоду видѣть при осадѣ Ліона обѣ партіи робеспьеристовъ и маратистовъ. Это многому научило его. Онъ узналъ, что оба главные депутата, находившіеся въ Тулонѣ. Фреронъ и Баррасъ были какъ и само собраніе, не особенно расположены къ Робеспьеру. Они назывались маратистами — имя, подъ которымъ скрывались тогда друзья Дантона. Это рѣшило его. Забывъ робеспьеристовъ, которые спасли его, онъ назвался маратистомъ и остановился въ дорогѣ, чтобы написать брошюру, которая снискала бы ему благоволеніе новыхъ покровителей — Барраса и Фрерона. Такъ какъ святымъ ихъ былъ Маратъ, то въ этой брошюрѣ Маратъ человѣкъ разсудительный, человѣкъ чувствительный. Брошюра очень хорошо зарекомендовала его передъ Баррасомъ, который говоритъ въ запискахъ своихъ о благопріятномъ впечатлѣніи, какое произвела на него маленькая желтая и судорожно подергивавшаяся фигурка эта. Онъ думалъ видѣть самого Марата. «Какъ

могъ я не полюбить Бонапарте?» Онъ такъ походилъ на Марата, котораго я обожалъ!» говоритъ Баррасъ *).

Въ военныхъ запискахъ и въ письмахъ Бонапарте (большею частью подозрительныхъ, которыя находятся въ началѣ официальнаго сборника корреспонденціи его), многія обстоятельства осады опущены или переиначены. Онъ принимаетъ тамъ, по ошибкѣ начальническій и повелительный тонъ, какого такой неважный молодой человѣкъ не могъ имѣть тогда. Онъ совершенно умалчиваетъ о важномъ участіи, какое принималъ тамъ Массена. Онъ насмѣхается надъ представителями своими патронами и покровителями. Онъ заставляетъ Дюгомье, этого героя старика, сказать такое смѣшное слово: «Я погибъ!» и наконецъ скрываетъ настоящую причину успѣха. Не было пушекъ, которыя хватали бы на большее разстояніе. Онъ, пріѣхавши съ осады Ліона, говорилъ, что оставили передъ этимъ городомъ пушки далеко хватавшія, которыя можно было сплавить по Ронѣ. Это было причиной успѣха. Послѣ Тулона его послали съ Салисетти въ Корсику противъ учителя его Паоли и англичанъ. Но онъ не могъ тамъ ничего сдѣлать и укрылся въ итальянскую армію. Маратистовъ или дантонистовъ, Фрерона и Барраса уже не было тамъ, Арміей командовалъ Робеспьеръ младшій. Бонапарте, не колеблясь, снова сдѣлался робеспьеристомъ и якобинцемъ.

Главнымъ человѣкомъ въ арміи былъ знаменитый Массе-

---

*) Это сходство Бонапарта въ молодости съ Маратомъ и мавританскій характеръ тогдашней физіономіи его могли бы очень хорошо быть объяснены, если бы (какъ то полагаетъ Жоржъ-Сандъ въ своемъ Путешествіи на Маіорку) Бонапарте были бы уроженцами острова. Отецъ Марата или вѣрнѣе *Мара* — былъ испанцемъ, долгое время находившимъ убѣжище въ Сардиніи и потомъ поселившимся въ Швейцаріи, гдѣ онъ женился на уроженкѣ Невшателя, отъ которой родился знаменитый Маратъ.

на. Этотъ великій солдатъ, первый солдатъ въ мірѣ для войны въ горахъ, среди которыхъ онъ родился, не обладалъ однако искуствомъ хитрости, требуемымъ положеніемъ. Затрудненіемъ, которое останавливало его, былъ нейтралитетъ Генуи и страхъ нарушить неприкосновенность ея, проходя по землямъ ея, чтобы догнать непріятельскую армію. Ни представители, ни комитетъ общественнаго спасенія не знали какъ взяться за дѣло. Банкиръ Галлеръ, который сдѣлался другомъ Бонапарте и позже клевретомъ его въ Италіи для разграбленія Рима въ 99 г., предложилъ средство: довѣрить поставку припасовъ на армію негоціантомъ Генуи; эта выгодная спекуляція соблазнила генуезцевъ и заставила ихъ сквозь пальцы смотрѣть на нарушеніе неприкосновенности земли ихъ. Бонапарте, вывезенный такимъ образомъ Галлеромъ и Салисетти, понравился Робеспьеру младшему столько же, сколько онъ нравился прошлый годъ Баррасу.

Баррасъ работалъ только съ нимъ однимъ и маленькій молодой человѣкъ, въ сущности, оказывался главнокомандующимъ. Очень простая идея, приходившая всѣмъ на умъ, заключалась въ томъ, чтобы уйти съ обнаженныхъ горъ Генуи, войти въ богатую Италію и тамъ кормиться. Но для этого надо было соединить обѣ арміи, Робеспьеръ не рѣшался сдѣлать это; напротивъ, онъ ослабилъ еще итальянскую армію на десять тысячъ человѣкъ, которыхъ послалъ на Рейнъ. И такъ надо было ограничиться. Сдѣлали нападеніе на Онейль съ берега—легкое предпріятіе, которое довѣрили фавориту—Бонапарте, въ то время какъ Массену послали черезъ снѣга въ горы (10 марта). Массена не имѣлъ успѣха, потому что не былъ подкрѣпленъ фланговыми колоннами, которыя не могли нагнать его въ снѣгахъ. Бонапарте, напротивъ, въ долинѣ и на берегу одержалъ успѣхъ при небольшой осадѣ Онейля,

которую сильно раздули. И такъ все шло для него очень хорошо и онъ былъ въ такой милости, что братъ Робеспьера предлагалъ ему, какъ говорили, мѣсто парижскаго коменданта, Андріо, котораго можно было назвать генераломъ гильотины.

Такая великая милость дѣлала теперь ненужнымъ покровительство друга его, Салисетти, который къ тому же вздумалъ наконецъ, какъ говорятъ, ревновать за благосклонность жены къ Бонапарте. Онъ одно время поддерживалъ одинъ доносъ изъ Марселя противъ Бонапарте, но не настаивалъ на томъ, чтобы обвиняемый былъ высланъ въ Парижъ. Бонапарте остался въ арміи и съ хорошей репутаціей превосходнаго якобинца. Званіе очень опасное для катаклизма 9 термидора. Но такъ же какъ онъ въ 93 году очистился отъ покровительства короля, и въ 94 г., онъ сильно и упорно отрекался отъ покровителей своихъ Робеспьеровъ, оправдывался въ этой дружбѣ. Онъ возвратился въ Парижъ, но какъ казалось разбитымъ, погибшимъ, провалившимся на всегда въ такую глубину, изъ какой невѣроятно было выплыть наверхъ даже такому опытномупловцу.

V.

Нищета. Интриги прежде и послѣ вандемьера.

Самое худшее было то, что въ первые шесть мѣсяцъ онъ долженъ былъ скрываться въ нору, заставить забыть себя, не слишкомъ показывать всюду человѣка, которому покровительствовали Робеспьеры. Въ это время онъ видѣлся только съ благосклонными и благотворительными артистами, какъ Тальма, которые немного помогали ему. Онъ съ завистью смотрѣлъ на счастливое положеніе брата Жозефа, выгодно женатаго и котораго онъ хотѣлъ привлечь въ Парижъ съ ка-

питалами его. Часто онъ предлагалъ ему купить землю, спекулировать вмѣстѣ, какъ то дѣлали многіе, или по крайней мѣрѣ, какъ главные жильцы, *) нанять отели и дома, чтобы сдавать квартиры. Въ это время, не будучи въ состояніи играть общественной роли, онъ началъ втираться къ нѣкоторымъ банкирамъ, любезнымъ и сострадательнымъ, которые позже сдѣлались главными орудіями фортуны его.

Въ 95., нѣсколько расхрабрившись, онъ началъ осаждать канцеляріи. Г. Рейнгардъ разсказывалъ мнѣ, что бывъ тогда начальникомъ бюро комитета общественнаго спасенія, онъ видѣлъ часто въ толпѣ просителей эту фантасмагорическую фигуру. Онъ мало обратилъ но нее вниманія сначала, но она возвратилась и три дня оставалась на глазахъ. Война была тогда въ рукахъ жирондиста Обри, который не довѣрялъ, и не безъ основанія, другу Робеспьра и хотѣлъ назначить его только въ Вандею, подъ начальствомъ генерала Гоша, который могъ сдержать такого опаснаго интригнта. (См. Savary t. V, p. 327, августъ). Онъ отказался, не желая воевать съ роялистами, которые мало по малу всплывали на верхъ.

Циническая манера, съ какою онъ вошелъ къ г-жѣ Тальенъ довольно ясно показываетъ итальянское безстыдство и ловкость этой личности. Онъ явился какъ оставленный офицеръ, обносившійся, у котораго, какъ онъ увѣрялъ, не было даже панталонъ. Законъ давалъ сукно на панталоны, но только офицерамъ на службѣ, а никакъ не офицерамъ въ отставкѣ, какъ Бонапарте; г-жа Тальенъ засмѣялась и поддержала его просьбу. Сшивъ себѣ панталоны, онъ втерся въ салоны, въ особенности къ г-жѣ Тальенъ,—салонъ смѣшанный, гдѣ мало по малалу начинали преобладать аристократы. Эксъ-якоби-

---

*) Premiers Locataires такъ называются жильцы арендаторы домовъ.

нецъ заставлялъ терпѣть себя тамъ благодаря извѣстнымъ буффонадомъ, которымъ мрачный видъ его съ итальянскимъ произношеніемъ придавали неотразимый эффектъ. Въ иныхъ письмахъ своихъ онъ патріотъ и говоритъ о *прекрасной побѣдѣ Киберона;* но у г-жи Тальенъ онъ играетъ другую роль. Въ одинъ день онъ представлялъ колдуна и гадалъ каждому, смотря на руки; вдругъ онъ увидѣлъ вошедшаго побѣдителя Киберона Гоша, который не зналъ, какъ салонъ этотъ измѣнился и потому неосторожно явился среди роялистовъ. Колдунъ сразу оцѣнилъ положеніе и успѣхъ, какой онъ могъ имѣть, если воспользуется ролью своею, для ловкаго оскорбленія Гоша такъ чтобы тотъ не могъ разсердиться. Онъ сказалъ смотря на руки: «Вы генералъ, вы умрете на своей постели». Слово обоюдоострое: *оскорбительное* для военнаго; мрачное лицо буффона придавало слову *зловѣщій* смыслъ. Роялисты смѣялись, надѣясь что пророчество сбудется; извѣстно что они четыре раза дѣлали попытки зарѣзать Гоша. Успѣхъ былъ полный и якобинецъ былъ очищенъ. Съ тѣхъ поръ какъ человѣкъ умѣренный или вѣрнѣе, безцвѣтный, онъ вступилъ въ связь *порядочныхъ людей*, могъ добиться всего.

Онъ уже проскользнулъ «на четверенькахъ» въ топографическое бюро комитета общественнаго спасенія, въ отдѣленіе плановъ, куда его помѣстилъ жирондистскій офицеръ, Дусе де Понтекуланъ. Онъ зарекомендовалъ себя тамъ романомъ, который не тревожилъ никого: онъ предлагалъ удалиться, уѣхать въ Константинополь, чтобы сформировать турецкую артилерію. Разъ попавъ въ бюро, онъ пересталъ говорить о туркахъ и заговорилъ объ Италіи; онъ приносилъ разъ за разомъ чудесные планы кампаній. Въ нихъ онъ говорилъ, какъ о вещи самой простой о томъ, чтобы взять не только Піемонтъ, Миланское герцогство, но всю Италію, считая Римъ

и Неаполь, и болѣе чѣмъ Италію — перейти черезъ Альпы, идти на Вѣну. Романы эти понравились Карно, который былъ какъ извѣстно поэтомъ, легковѣрнымъ и, подъ формою математика, человѣкомъ воображенія. Бонапарте, который, какъ мы увидимъ въ компаніи его 95 г., не отправился ни въ Римъ ни въ Вѣну, манилъ его громкими словами. Онъ дурачилъ его грубою ложью до того, что говорилъ объ экипажѣ понтоновъ, которымъ онъ въ 94 г., въ небольшой генуезской компаніи своей командовалъ при переходѣ черезъ По, Минчіо и пр. Онъ такъ быстро забѣгалъ впередъ въ пылкомъ честолюбіи своемъ, что когда писалъ брату, то вмѣсто того чтобы сказать, что Карно покровительствуетъ ему, онъ пишетъ: «Они не хотятъ больше отпустить меня въ Турцію. Я назначенъ въ это бюро *на мѣсто Карно*» (см. корреспонденцію его 4 фрюктидора III года и записки Понтекулана.

Гадатель, пророкъ и мечтатель, котораго никто не принималъ за серьезнаго человѣка, онъ дѣйствовалъ, не возбуждая ни чьихъ подозрѣній, извѣстными увертками на почвѣ господствовавшихъ интересовъ. Мы уже сказали на основаніи одного изъ писемъ его, какъ онъ съумѣлъ попасть въ милость къ суровому Камбону, отогнавъ отъ него чернь шалуновъ золотой молодежи, которые оскорбляли депутатовъ передъ входомъ въ конвентъ—дѣло легкое съ гренадерами, охранявшими собраніе. Публичная благодарность Камбона и свидѣтельство его, имѣвшее такое значеніе, доставили Бонапарте опору партіи умѣренныхъ и опору распорядительныхъ комитетовъ, которые не сдѣлали ни одного возраженія, когда Баррасъ предложилъ этого незнакомца, этого новичка быть подъ начальствомъ его защитникомъ собранія, генераломъ Парижа.

Мѣсто это, такъ важное само по себѣ, становилось еще болѣе важнымъ по положенію дѣлъ. Конвентъ кончился. Пять

явившихся директоровъ были людьми достойными, но большею частью незнакомыми съ дѣлами. Въ исторіи съ ними обошлись жестоко, хотя (говоритъ г-жа Сталь) въ первый годъ они сильно подняли Францію. Въ послѣдній они одержали успѣхъ—отбили Европу Суворова, арміи Дуная и Россіи (фанатичной Россіи того времени, только что пролившей кровь Польши и Турціи). Если Франція не была бы занята тщетной египетской компаніей, она могла бы сказать, что побѣдою при Цюрихѣ, которая закрыла западъ варварамъ, Массена быть можетъ, сдѣлалъ то же самое, что Ѳемистоклъ въ Саламинѣ. Все равно. Директорія родилась для того чтобы умереть, потому что родилась отъ умершаго конвента. Директорія родилась обезоруженной; у нея не было ни меча, ни денегъ. Мечь притупился; правосудіе стало невозможнымъ. Не смѣли разстрѣлять даже измѣнника Пишегрю.

Пустота казны налагала страшную мѣру—вдругъ распустить 300.000 солдатъ и 23.000 офицеровъ (записки Карно) съ половиннымъ жалованьемъ, которое не могли уплатить. Революціонное правительство уничтожило налоги, дававшіе наибольшія суммы, налоги на потребленіе, которые одни падаютъ на большую часть населенія. И не возможно было возстановить ихъ, не вызвавъ сильнѣйшія возмущенія, которыхъ не смогли бы усмирить. Къ нашимъ двадцати мильярдамъ ассигнацій. англійская поддѣлка, по свидѣтельству Пюизея, завѣдывавшаго ею, прибавила еще двадцать мильярдовъ. И такъ директорія шла къ громадному банкротству, въ которомъ она нисколько не была виновата. Смѣшно считать въ числѣ серьезныхъ причинъ раззоренія расточительность правительства, стоившаго болѣе дешево, нежели всѣ другія. Четверо изъ пятерыхъ директоровъ жили отшельниками, какъ святые Ѳиванды. Что касается Барраса, о которомъ такъ много кричали, то

роскошь его показалась бы очень жалкой простотой въ наше время. Одно только вѣроятно, что любовницы его получали на булавки отъ нѣсколькихъ поставщиковъ.

Настоящимъ зломъ великою причиною общественной нищеты не только здѣсь, но и вездѣ, была ужасающая алчность этого страшнаго чудовища — *войны*. Если Англія, царица морей, царица Индіи и промышленности, которая должна была усотерить богатства ея, жаловалась такъ и прибѣгала къ позорному средству фальшивой монеты, то что же было съ Франціей? Что же противупоставляла Франція всему этому? Одну вещь; республиканскую пропаганду, обѣщанія свободы и равенства гражданъ. Это было единственнымъ сокровищемъ ея, единственной надеждой на будущее. Это чувствовалъ каждый здравый умъ. Истинные политики, какъ Гошъ въ Германіи, въ самой крайней необходимости принужденные собирать контрибуціи, собирали ихъ черезъ мѣстныя власти и тѣмъ дѣлали ихъ судьями и необходимости и вѣрной мѣры, въ какой контрибуціи эти замѣняли прежнія подати, оставляя за собой великое благо—равноправность, уничтоженіе привилегій. Такъ дѣлали Клеберъ, Марсо, Дезе, великая армія Рейна, вѣчная честь Франціи. Терпя лишенія въ 93 и умирая съ голода, она разстрѣляла солдата за грабежъ. (*бумаги генерала Моро*).

Этотъ духъ сдержанности и пощады народовъ часто заставлялъ обожать нашихъ воиновъ. Примѣръ—Марсо, Дезэ, Шампіоне, освободитель Неаполя. За исключеніемъ Пишегрю въ Голландіи, всѣ были вѣрны этому духу, особенно по ревности республиканской пропаганды, считая войну апостольствомъ свободы. Дюгомье въ засохшей пустынѣ пустынѣ Пиринеевъ, Массена и Шереръ въ голыхъ генуезскихъ Апеннинахъ вынесли страшныя лишенія, чтобы не измѣнить систему, чтобы не испугать пробуждавшуюся въ Италіи республиканскую мысль.

Они просили у одной Франціи. Шереръ за свои безпрестанныя просьбы былъ ужасомъ бюро. Онъ подалъ въ отставку и стали искать генерала подешевле, который согласился бы жить на счетъ Италіи. Когда подумаешь о томъ, что директорія не могла найти двухъ сотъ тысячь франковъ нужныхъ на переходъ черезъ Рейнъ, то легко понять затрудненіе ея передъ итальянскимъ походомъ. Гдѣ найти спекуляторовъ на столько смѣлыхъ, чтобы рискнуть на обязательство продовольствовать, по крайней мѣрѣ, въ началѣ войны итальянскую армію и даже пиренейскую, которую теперь миръ съ Италіей позволилъ присоединить съ первой. Въ эту минуту Англія, собравъ всѣ силы, дѣлала неизмѣримый расходъ на то, чтобы бросить въ предѣлы Франціи двѣсти тысячь австрійцевъ. Ничто не могло такъ ослабить этотъ потокъ, такъ отвратить его, какъ тревожить Австрію черезъ владѣнія ея Миланъ и союзника ея — Піемонтъ. Сдѣлать эту диверсію было дѣломъ патріотизма.

Я ниже назову имена смѣлыхъ банкировъ, которые не побоялись дать впередъ такія суммы несостоятельному правительству. Я зналъ одного изъ этихъ героевъ, и офиціальная корреспонденція Наполеона приводитъ всѣ имена ихъ. Для большинства это казалось дерзкимъ; это былъ мостъ Лоди въ финансахъ. Но банкиры этого времени были истинными поэтами въ дѣлахъ; они любили великія вещи. Они обдумали, что Италія — не разработанная руда, болѣе нетронутая нежели Германія. Кромѣ земледѣльческихъ богатствъ ея всѣхъ родовъ, у нея были большіе запасы дорогихъ металловъ въ сокровищницахъ церквей, въ старинныхъ кассахъ ссудъ, большія галереи великолѣпныхъ безцѣнныхъ картинъ, древнихъ и любопытныхъ драгоцѣнныхъ украшеній, прелестное искуство которыхъ удесятеряло цѣну. Минута казалась имъ благопріятной, чтобы все

забрать въ свои руки. Война съ Италіей была окончена; можно было усилить альпійскую армію пиринейской; при такомъ соединеніи побѣда была вѣрна. Прибывшіе пиринейцы, большая часть которыхъ училась еще при 8.000 гренадерахъ Латуръ Оверня, какъ полковникъ Рампонъ, командиръ батальона Ланнъ и пр., были лучшими воинами, какихъ только можно было и когда либо можно будетъ найти.

Затрудненіе заключалось вотъ въ чемъ: герои эти не были администраторами. Съумѣютъ ли они собрать плоды побѣды, воспользоваться ими? Съумѣютъ ли они продолжать этотъ великій грабежъ? На это нужна была хорошая голова и талантъ военнаго финансиста. Это заставило банкировъ вспомнить о пріятелѣ своемъ, парижскомъ генералѣ. Онъ очевидно былъ тѣмъ знающимъ человѣкомъ, котораго было нужно. Въ корреспонденціи своей, онъ выказывается столько же такимъ человѣкомъ, сколько и человѣкомъ честолюбивымъ. Если этотъ тощій корсиканецъ не бѣгалъ за деньгами и отказывался отъ своей доли въ дѣлежѣ, то потому что хотѣлъ забрать себѣ все. Это сильно рекомендовало его, особенно въ глазахъ простаго честнаго Карно; а умѣренность удаляла его отъ якобинцевъ. Карно, который такъ много оказалъ имъ услугъ, теперь питалъ къ нимъ ужасъ и видѣлъ повсюду лицо Робеспьера. Воскресшіе якобинцы снова открывали свой клубъ и говорили о прогрессивномъ налогѣ, который палъ бы на богатыхъ. Многіе изъ нихъ сближались съ старымъ врагомъ своимъ Бабёфомъ. Теоріи его о равномъ раздѣлѣ земель пугали всѣхъ, и совершенно напрасно въ такое время и въ такой странѣ, когда и гдѣ такъ сильно распространилась собственность, и такъ сильно увеличилось число защитниковъ ея. Посреди этой паники, новый генералъ Парижа получилъ право на общую благодарность, закрывъ клубъ якобинцевъ.

Съ этихъ поръ вся реакція явилась осаждать Карно просьбами дать этому мечу-хранителю, этому спасителю общества итальянскую армію. Карно долженъ былъ колебаться. Въ Испаніи уже сдѣлали по смерти Дюгомье странное нарушеніе права, назначивъ замѣстить его не Ожера, но умнаго и хладнокровнаго Периньона. Ожера не жаловался. Онъ безъ ропота перешелъ въ итальянскую армію подъ начальство великаго Массена и они вмѣстѣ одержали побѣду при сраженіи въ Лоано. Массена былъ своимъ человѣкомъ и въ странѣ и въ арміи, и первымъ изо всѣхъ въ горной войнѣ. Но онъ былъ и ревностнымъ патріотомъ. Говорили, будто онъ былъ якобинцемъ. Это заставило Карно рѣшиться. Онъ повѣрилъ Баррасу и всѣмъ, и предпочелъ хорошаго молодаго человѣка, который видѣлъ войну только при вандемьерѣ, но который за то заперъ клубъ якобинцевъ. Онъ считалъ Бонапарте своимъ ученикомъ и своимъ сыномъ, сыномъ семьи. Въ письмахъ своихъ онъ часто рекомендовалъ его г-жѣ Карно.

VI.

Жозефина. Организація гласности для итальянской кампаніи.

Карно былъ очень тонкимъ человѣкомъ и потому всегда не довѣрялъ генерала Гошу и царственному виду его; но онъ вполнѣ довѣрялъ молодому и простому Бонапарте. Баррасъ, который былъ истиннымъ творцомъ и создателемъ Бонапарте, охотно повѣрилъ Карно, и самому ему и всему кружку его, друзьямъ и цѣлому міру женщинъ. Все это обработывалось съ самого рожденія директоріи, потому что нужно было время для такихъ приготовленій, для громадныхъ поставокъ на ту армію, которою банкиры шли завоевать Италію.

Какая женщина царила тогда? Все таже г-жа Тальенъ, которая кажется послѣ Киберона дала отставку своему мужу. Онъ, сдѣлавшись снова, какъ и Фреронъ, ярымъ республиканцемъ, былъ теперь неумѣстнымъ, ненавистнымъ въ салонѣ жены, которая, въ двадцать пять лѣтъ похорошѣвшая такъ, какъ никогда еще не была хороша, окруженная роялистами, продолжала играть передъ Баррасомъ роль ангела спасителя. Вторымъ ангеломъ спасителемъ была задушевная пріятельница и эксъ подруга Барраса, Жозефина Богарнэ тридцати трехъ лѣтъ, добрая и кроткая, и нѣсколько увядшая. Она жила въ улицѣ Шоссе д'Антенъ недалеко отъ красиваго дома только что купленнаго Бонапарте. Она жила очень просто, какъ мнѣ часто говорилъ трагикъ Лемерсье, и случайно перепадавшими средствами. Она получала барыши отъ промѣновъ, бывшихъ тогда въ ходу; женщины мѣняли у нея драгоцѣнныя украшенія. Трудолюбивая Жозефина считалась оракуломъ вкуса. Это давало ей средства къ жизни и постоянно давало ей доступъ въ два общества того времени: ажіотеровъ и эмигрантовъ. Она жила немного улицей Перронъ, немного Кобленцомъ.

Сердце ея было съ эмигрантами. Но чтобы быть въ ладу съ революціонными властями, она воспитывала сына своего по методѣ Руссо и отдала его въ ученье къ столяру. Она послала этого ребенка, Евгенія Богарнэ, къ сосѣду своему Бонапарте съ просьбой «возвратить шпагу отца его» (генерала Богарнэ). Несмотря на этотъ шагъ, она изъ страха раздражить друзей своихъ роялистовъ, ломалась и говорила Лемерсье. «Повѣрите ли, другъ мой, за кого они хотятъ выдать меня замужъ... *За вандемьера*!» Наполеонъ, съ своей стороны, какъ то видно изъ писемъ его, хотѣлъ богатой партіи. Но нъ тоже очень хорошо понималъ, что особа съ такимъ боль-

шимъ кругомъ знакомства и такая пріятная, можетъ очень хорошо быть полезна ему. Она была въ связи съ женами и любовницами банкировъ его и всѣхъ вліятельныхъ лицъ. Женщинами она была любима за обязательность, а мущинами за обаяніе не менѣе дѣйствительное; она казалась особой до того доброй, что никто не могъ сравниться съ нею въ угодливости. Терроръ, какъ кажется, согнулъ ее во всемъ и сдѣлалъ способной спускаться до невѣроятныхъ вещей, какъ то видно изъ исторіи Гортензіи. Некрѣпкое здоровье ея и слабость желудка, которую, какъ говорятъ, слегка обнаруживало дыханіе ея, придавали ей за то трогательную грацію. Глаза ея креолки, кроткіе и молящіе изъ подъ опущенныхъ рѣсницъ, дѣлали ее интересной и почти неотразимой во всемъ, чего она хотѣла отъ многочисленныхъ друзей своихъ. У нея были и достоинства. Она одна изъ первыхъ почувствовала чарующій геній великаго живописца того времени, Прюдона, что было рѣдкостью при господствѣ Давида. У нея были друзья, пріятныя связи въ мірѣ искусства и литературы, въ прессѣ и журналистикѣ.

Съ 9 термидора пресса снова обрѣла голосъ и мало по малу стала менѣе яростной, повидимому менѣе пристрастной; она была такъ вліятельна, какъ никогда. Она одна приняла наслѣдство отъ умершихъ клубовъ; теперь читали гораздо болѣе. Газеты, которыя прежде, въ 94 г. въ лицѣ Бабёфа, Фрерона, Рише-де-Серези, высоко несли знамя партіи, въ 95 г. понизили тонъ и ихъ болѣе слушались оттого, что онѣ большею частью выдавали себя за простые органы общественнаго мнѣнія. Умѣренность, которою онѣ хвалились, составляла власть ихъ. Говорили ли онѣ, хранили ли онѣ благоразумное молчаніе о томъ, или другомъ предметѣ, онѣ вліяли. Предметъ, о которомъ пресса вообще мало говорила или молчала,

навѣрно былъ забытъ. Это дѣйствіе прессы не было достаточно замѣчено; пресса, которую вообще и совершенно ошибочно считаютъ только средствомъ производить шумъ, тѣмъ не менѣе въ иныхъ случаяхъ полезна, чтобы произвести молчаніе, задушить вещь или человѣка. Для этого нужно согласіе, безмолвный заговоръ, устроить который тогда было легко, потому что газетъ было немного. Банкиры, покровители Бонапарте, друзья, братья его, дѣятельно занимались этимъ. Нужно было прежде всего, чтобы молчали о побѣдахъ Массены, чтобы голосъ арміи не имѣлъ органа. Братья Бонапарте въ особенности выказали тутъ свою дѣятельность. Жозефъ пользовался уваженіемъ; Луи, молодой и наивный, полный ревенія служить брату; Люсьенъ живой и суетливый, но неосторожный и крикливый. Любезную и кроткую Жозефину слушали болѣе ихъ, когда она говорила какому-нибудь журналисту: «Другъ мой, прошу васъ, оставьте директоріи полную свободу. Не навязывайте ей выбора человѣка опаснаго, якобинца, какъ этотъ Массена. Если пресса предоставитъ свободу директоріи, то она выберетъ генерала, котораго желаютъ порядочные люди».

Женщина, работавшая такъ искусно для извѣстности его, была неоцѣнима для Бонапарте, отправлявшагося въ итальянскую компанію; онъ былъ также, какъ говорятъ, заинтересованъ гороскопомъ Жозефины. Одна негритянка предсказала ей «что она будетъ болѣе, чѣмъ королевой». Мы уже видѣли что онъ самъ считалъ себя предназначеннымъ съ рожденія. Онъ подарилъ ей, какъ свадебный подарокъ, черное кольцо съ надписью «Судьба». Онъ женился 9 марта и тотчасъ уѣхалъ. Женитьба заняла у него не болѣе трехъ дней. Война торопила, говорилъ онъ. Онъ остановился однако въ Марсели, гдѣ онъ хотѣлъ видѣться съ родными и тоже конечно съ яко-

бинцами города, которые прежде обвиняли его и могли и теперь обвинять. Въ Генуѣ, по дорогѣ, находился Салисетти, прежній покровитель его, а потомъ обвинитель, который или какъ ревнивый мужъ, или какъ патріотъ угадывалъ опасный геній его. Бонапарте очень боялся его и передъ вандемьеромъ писалъ ему дружескія, почти умоляющія письма. Директорія, зная что они враги, назначила Салисетти коммисаромъ въ армію, чтобы наблюдать за Бонапарте. Тотъ очаровалъ его, снова вкрался въ довѣріе его. Бонапарте сказалъ, что при вступленіи въ богатую Италію съ чиновниками, очень мало надежными, и поставщиками, которые, по крайней мѣрѣ для того, чтобы вознаградить себя, будутъ все хватать, ему нуженъ неподкупный другъ и патріотъ, чтобы наблюдать зи всѣмъ, хранить все и вести въ порядкѣ всѣ эти дѣла, въ которыхъ онъ, Бонапарте, такъ мало смыслилъ. Эта финансовая диктатура соблазнила Салисетти и остатокъ прежней дружбы сказался. Онъ послѣдовалъ за нимъ съ этой минуты, какъ свидѣтель, принимавшій участіе въ славѣ его, который послѣ каждаго дѣла посылалъ бы директорію, въ *Монитеръ* и болѣе всего якобинцамъ восхваленія Наполеона, такъ что послѣдніе не могли бы говорить многаго для опроверженія такихъ прекрасныхъ свидѣтельствъ. Все шло очень хорошо въ началѣ. Мы увидимъ, что въ три мѣсяца успѣховъ Бонапарте, не боясь уже ничего болѣе, прогналъ равно и людей, которые создали его, и поставщиковъ, и друга своего Салисетти.

Вотъ какъ передъ началомъ компаніи онъ мастерски подготовилъ извѣстность свою. Чтобы обдѣлывать дѣла съ журналистами, у него были братья и друзья банкировъ, денежные тузы, заинтересованные въ предпріятіи. Чтобы обдѣлывать дѣла съ женщинами и содержателями ихъ, у него была Жозефина. Сверхъ того онъ увезъ съ собою для редакціи бюл-

летеневъ трескучія трубы въ родѣ Шампаньи и др. Но лучшимъ средствомъ гласности былъ Салисетти, свидѣтель-якобинецъ, чтобы задавить, заставить умолкнуть обвиненія якобинцевъ.

VII.

Побѣда надъ Піемонтомъ. Бонапарте заключаетъ договоръ съ королемъ, не сказавъ ни слова за Италію.

Смѣлые поставщики, которые сдѣлали войну возможною и сами открыли итальянскую кампанію, заслуживаютъ того, чтобы о нихъ упомянули здѣсь. Въ молодости моей еще многіе существовали и я могъ знать ихъ. Тьеръ тоже въ 1826 г. долженъ былъ получить отъ нихъ справки. Но юное воображеніе его сложило пѣснь *Илiады*. Къ тому же теперь, когда оффиціальная корреспонденція напечатана, мы видимъ, какъ актеры эти проходятъ одинъ за другимъ.

Съ 4 апрѣля они въ одинъ день роздали пятьсотъ тысячь порцій водки. Немного погодя, другая раздача водки и башмаковъ — вещь очень пріятная въ странѣ камней. Наши голодавшіе солдаты итальянской арміи и тощей испанской увидѣли новаго полководца, окруженнаго людьми, которые, казалось, олицетворяли изобиліе. Вслѣдъ за Калло, жирной и любезной особой, шли большія стада. Калло былъ поставщикомъ мяса. Онъ остался вѣренъ звѣздѣ Бонапарте и роздалъ крупныя суммы денегъ, которыя произвели 18 брюмера. Я видѣлъ его еще молодцомъ, въ реставрацію, когда онъ заставилъ назначить себя директоромъ монетнаго двора. Крупное предпріятіе поставки хлѣба находилось въ рукахъ Флаша, который явился въ сопровожденіи обоза телѣгъ съ

мукою. Онъ былъ примѣромъ неблагодарнаго непостоянства Бонапарте, который, сначала расхваливъ его за честность, потомъ жестоко ругаетъ его въ корреспонденціи своей, потомъ опять раскаявается и, такимъ образомъ, безпрестанно мѣняетъ свое мнѣніе, пока, наконецъ, не выгналъ совсѣмъ человѣка, который такъ много служилъ ему.

Поставки другаго рода были сдѣланы разными банкирами, которые мало по малу появляются въ корреспонденціи: эльзасскимъ евреемъ Серфбееромъ, швейцарцемъ Галлеромъ, который, какъ и Калло, остался преданнымъ Бонапарте и который въ 99 г. сдѣлалъ для египетской экспедиціи его большой аукціонъ сокровищъ Рима (см. Гувіонъ Сенъ-Сиръ), за аукціонъ бонапартисты обвиняли Массену. Молодой генералъ раздавалъ много, обѣщалъ еще больше. Въ одномъ приказѣ, продиктованномъ, какъ кажется, самому Калло, онъ говоритъ: «Скоро у васъ будетъ каждый день свѣжая говядина. Покамѣсть вамъ черезъ день будутъ давать свѣжую и соленую говядину». Какое сердце осталось бы нечувствительнымъ къ такому краснорѣчію? Однако, первая прокламація шла еще далѣе. Не говоря ни слова о славѣ и отечествѣ, она, казалось, дозволяла всѣ крайности, разнуздывала ярость грубыхъ страстей: «Вы вступите въ богатую страну, *гдѣ вы будете имѣть полную власть*». И на самомъ дѣлѣ, начиная съ Онейля и передъ походомъ наложили контрибуціи, которыя, при стольких поставкахъ, должны были подкрѣпить армію и привести ее въ хорошее настроеніе духа.

Странное дѣло. Она оставалась мрачной. Чужеземная и мизерная фигура незнакомаго генерала очень не понравилась для тѣхъ, которые возвращались изъ Египта, это мавританское лицо напоминало только непріятеля. Наши пиринейцы, возвратившіеся подъ начальствомъ Ожеро, очень хо-

рошо повиновались Массенѣ, который одержалъ блестящую побѣду при Лоано. Но Бонапарте, фаворитъ Барраса и извѣстный только небольшой битвой вандемьера, очень мало внушалъ уваженія. Даже одинъ батальонъ, не возмущаясь, оставался глухимъ къ приказаніямъ его. На это посмотрѣли сквозь пальцы и, не смѣя наказывать, распустили его. Бонапарте инстинктомъ зналъ эту истину: что ненависть есть сильный элементъ любви. Чтобы привлечь къ себѣ солдатъ, онъ организовалъ ловкій терроръ противъ людей, ненавидимыхъ солдатомъ, чиновниковъ коммисаріата, *riz-pain-sel* (рисъ-хлѣбъ-соль), какъ ихъ называли. Онъ приказалъ поставить передъ арміей большія вѣсы, заставилъ вѣсить связки сѣна, которыя выдавали кавалеріи, увидѣлъ, что онѣ легки, не вытягивали полный вѣсъ. Во всемъ этомъ онъ выказалъ себя искуснѣе Массены, который былъ безпеченъ и не довольно заботился объ этихъ вещахъ.

Изъ записокъ Массены видно, что Бонапартъ сообщилъ ему свой планъ, очень простой и который мало чѣмъ отличался отъ попытокъ, сдѣланныхъ въ 93 и 94 гг. съ небольшою арміею того времени. Надо было пройти черезъ горы въ наиболѣе низкихъ проходахъ и вступить черезъ промежутки, оставленные между австрійцами и піемонтцами, между Больё и Колли. Австрійца Больё рвали въ разныя стороны; съ одной—Аржантъ, лейтенантъ его, любимецъ, на котораго онъ сильно жалуется; съ другой—англичане, которые, давая деньги, распоряжались имъ, какъ распоряжались потомъ преемниками его, Вурмзеромъ и Альвинци. Англичане твердили ему только эти слова: «Спасите Геную! Придвигайтесь къ морю, гдѣ васъ ждетъ Нельсонъ». Такимъ образомъ, они вели его на западъ, направо и удаляли отъ Колли и піемонтцевъ. Бонапарте хотѣлъ пройти между ними и занять дорогу Александріи и Милана. Маневръ смѣлый,

превосходный послѣ побѣды, но безразсудный до нея. Массена указалъ ему на опасности и сказалъ, что нужно прежде быть безопаснымъ со стороны Піемонта. Бонапарте понялъ и буквально исполнилъ это, но тѣмъ не менѣе свысока отвѣчалъ Массенѣ что-то очень неопредѣленное, что Массена записалъ; «Всѣ средства хороши на войнѣ. Бдительность и похвальба! Такъ и надо». (Записки Массены).

Эта похвальба очень плохо удалась. Онъ неосторожно поставилъ въ старый редутъ на Аппенинахъ небольшой батальонъ солдатъ безъ припасовъ, почти безъ снарядовъ. Они .были осаждены 12.000 человѣкъ. Гренадеры эти съ полковникомъ Рампономъ шли изъ Испаніи, гдѣ они сдѣлали кампанію подъ начальствомъ Дюгомье. Они понимали важность перваго дѣла, которое могло имѣть рѣшительныя послѣдствія. Они дали клятву Рампону, что умрутъ на мѣстѣ и защищались цѣлый день. Ночью начальникъ осаждающихъ на мигъ прекратилъ сраженіе. Рампонъ нашелъ случай предупредить Массену, который поднялся съ двумя орудіями. Наконецъ, сзади него шелъ генералъ Лагарпъ, который вышелъ изъ Савоны въ два часа съ Бонапарте. Массена былъ уже тамъ и шелъ тихо, не стрѣляя, по гребню Аппениновъ. Вдругъ онъ отрядилъ и бросилъ въ долину Нижній Монтенотъ колонну, которая уничтожила непріятеля; было четыре тысячи убитыхъ, двѣ тысячи пятьсотъ плѣнниковъ. Если бы вѣсть объ этомъ дошла до Парижа вполнѣ истинной, то можно было опасаться, чтобы не увидѣли неосторожность поставить тамъ Рампона — одну тысячу человѣкъ и почти безъ снарядовъ противъ двѣнадцати, — неосторожность, поправленную приходомъ Массены, который побилъ непріятеля. Все это было очень удачно поправлено для *Монитёра* Салисетти, который поставилъ Массену на послѣднее мѣсто и

спуталъ все, подтверждая тѣмъ донесеніе Бонапарте, сильно хотѣвшаго увѣрить, будто Массена пришелъ довольно поздно, потому что вышелъ только съ нимъ, съ Бонапарте.

Послѣ Монтенота проявились всѣ недостатки новой системы, распускавшей солдата. Въ Дего наши войска, разсѣянные въ страшномъ безпорядкѣ, дали на мигъ перевѣсъ австрійцамъ. Массена ободрилъ ихъ, прекратилъ панику. Бонапарте и Викторъ подошли, остановили непріятеля, у котораго Массена, напавъ въ штыки, взялъ пять тысячь плѣнныхъ, въ то время какъ Ожеро овладѣвалъ высотами. Бонапарте писалъ въ Парижъ, что въ сраженіи былъ и самъ главнокомандующій Больё. Это ложь. Небольшія сраженія при Монтенотѣ, Миллезино, Дего наконецъ, гдѣ побѣду оде р жали Массена и Лагарпъ, все это произошло во время отсутствія Больё, который, не желая потерять большіе магазины свои, въ нѣсколько дней отступилъ въ Аки, потомъ въ Александрію, въ то время какъ піемонтская армія съ Колли очищала лагерь въ Севѣ.

Здѣсь всѣ историки приводятъ и Бонапарте самъ, въ военныхъ запискахъ своихъ, повторяетъ прекрасную декламацію объ арміи, которая въ первый разъ увидѣла Италію. Шампаньи, хорошій ученикъ коллегіи Людовика Великаго, сочинялъ ему риторическія рѣчи. Талейранъ увѣрялъ въ томъ Вильеменя, который передалъ это мнѣ. Наши войска, въ самомъ дѣлѣ, были очарованы, когда спустились съ горъ. Піемонтцы отступили въ Миндови, который сдался на капитуляцію, сдѣлалъ французамъ самый братскій пріемъ и поставилъ первое дерево свободы въ Италіи. Тамъ нашли богатые магазины мяса и вина восемь тысячь бутылокъ. И тѣмъ не менѣе собрали огромную контр ибуцію. Бонапарте, испуганный гра бежемъ солдатъ, приказалъ своему интенданту

утилизовать средства страны. Генералъ Лагарпъ, очень честный человѣкъ, конечно дѣлалъ заявленія, потому что Бонапарте 16 апрѣля далъ ему приказаніе собирать контрибуціи *подъ формой займа.* Но эти лицемѣрныя формы не годились для обстоятельствъ.

Обстоятельства ставили солдата и поставщиковъ въ конкурренцію. Какъ могли поставщики собрать данныя впередъ на кампанію деньги, если солдаты заберутъ все? Бонапарте встревожился, прикинулся строгимъ, сказалъ, что будутъ разстрѣливать грабителей. Потомъ, такъ какъ это никого не испугало, онъ выдавалъ награды тѣмъ, которые довольствовались правильнымъ грабежемъ. Каждому, кто приведетъ лошадь, уплатятъ луидоръ (Corresp., p. 174). Но и это оказалось недостаточнымъ. Черезъ восемь дней былъ другой приказъ: «Лошади кавалерійскихъ отрядовъ принадлежатъ тому, кто ихъ возьметъ. Лошади отъ орудій или фуръ принадлежатъ бригадѣ, которая возьметъ артиллерію; сверхъ того она получитъ двѣсти ливровъ, которые будутъ раздѣлены по числу людей (24 апрѣля)». Вотъ какъ началась въ арміи торговля, которая шла, все усиливаясь. Въ одной прокламаціи онъ обѣщалъ солдатамъ завоеваніе, итальянцамъ свободу. Онъ говоритъ послѣднимъ: «Мы пришли разорвать ваши цѣпи; народъ французскій—освободитель народовъ; идите къ намъ съ полнымъ довѣріемъ». И въ то же время онъ обѣщаетъ солдатамъ, что одна провинція дастъ милліонъ.

Онъ находился близь Турина и савойская монархія еще неприкосновенная, защищенная столькими неприступными крѣпостями, которыя такъ часто останавливали предковъ нашихъ, монархія эта пугалась,—чего? Всего болѣе своихъ, французской пропаганды, духа свободы, который тайно волновалъ Италію. Дерево, поставленное въ Мондови итальянскими ру-

ками, ясно открывало мысль зрѣвшую во всѣхъ городахъ. Король Піемонта чувствовалъ это волненіе, эту глухую бурю, которая копилась подъ ногами его, и онъ испугался. Наступавшая армія не имѣла осадной артиллеріи. Но если Туринъ сдастся самъ? Единственною надеждою короля на спасеніе отъ арміи былъ самъ главнокомандующій, низенькій корсиканецъ, который выдавалъ себя за потомка флорентинскаго рода. Во всѣхъ прокламаціяхъ его не было ни слова о революціи. Что отвѣчалъ онъ на торжественный привѣтъ Италіи, когда она поставила въ Мондови первое дерево свободы? Что городъ этотъ и городскія земли заплатятъ милліонъ контрибуціи. Король очень вѣрно разсудилъ, что подобный апостолъ республики, который такъ наказывалъ итальянскихъ патріотовъ, не останется нечувствительнымъ къ подходамъ его. Онъ послалъ къ нему министра, человѣка очень ловкаго, который понравился, онъ послалъ ему — верхъ чести! — собственнаго сына, наслѣдника короны, который долженъ былъ скоро занять мѣсто на тронѣ.

Тѣ, которые хотѣли видѣть въ Бонапарте только политика, человѣка желѣзнаго, удивляются ему здѣсь, какъ практическому человѣку. Но тѣ, которые какъ мы, судятъ о совокупности всей жизни его, о тревогѣ, съ какою онъ потомъ относился къ мнѣнію сенъ-жерменскаго предмѣстья, убѣждены, что онъ былъ очень польщенъ покорностью этого двора, центра эмиграціи, этимъ лестнымъ пріемомъ, который омывалъ его отъ вандемьера и примирялъ «съ порядочными людьми». Онъ сдѣлалъ все, чего желали, льстилъ тому, кто льстилъ ему, подписалъ перемиріе, получилъ три большія крѣпости съ магазинами, артиллеріей, и сверхъ того свободный путь черезъ Піемонтъ изъ Франціи въ Италію. Онъ далъ понять, что былъ

врагомъ только однихъ австрійцевъ, и конечно намекнулъ, что завоевавъ Ломбардію, Франція дастъ тоже долю Піемонту.

Какъ! ни слова за Италію? Ничего для этого народа, который показалъ себя такимъ восторженнымъ другомъ Франціи? Одно слово, которымъ Бонапарте потребовалъ бы отъ короля гарантіи подданнымъ, имѣло бы неисчислимыя послѣдствія и далеко за Піемонтомъ. Вся Италія тогда трепетала отъ надежды. Всѣ города отъ Сициліи до Альповъ прислушивались къ приходу его, ждали его. Еслибы этотъ великій народъ говорилъ, то онъ сказалъ бы именно противуположное прокламаціи, которою такъ восхищались и въ которой съ вершины Альповъ онъ показалъ арміи цѣлую Италію, какъ добычу. Миланъ, Болонья, всѣ города въ одномъ порывѣ, сказали бы ему «Приходи! Съ 89 г. мы зовемъ Францію! Мы ждали только тебя, чтобы открыть ворота городовъ нашихъ, броситься въ твои объятія!»

Армія протестовала, не хотѣла ни отдыха, ни договора. Тьеръ, такой фанатикъ Наполеона, не можетъ скрыть этого. Онъ говоритъ, что Ожеро, солдатъ якобинскій, сынъ предмѣстья Сенъ-Марсо, что храбрый Миллезимо, были душою, голосомъ арміи. Этотъ шутъ солдатъ, который подъ простонародными выраженіями могъ все сказать, говорилъ ему конечно то, что говорилъ самый здравый смыслъ: «А, я понимаю. Вы хотите оттолкнуть Италію, запереть ворота Милана, которые сами растворялись передъ вами, и ворота такъ многихъ городовъ, которые призывали насъ. Послушайте меня. Я служилъ въ Италіи передъ 89, и я хорошо знаю ее. Если вы загаситэ ее вашимъ договоромъ, то вы упустите минуту.» Въ это время

Бонапарте писалъ неустрашимо директоріи: «Я совѣтывался со всѣми, и всѣ были одного со мною мнѣнія. Если я не исполнилъ ваши желанія, то это величайшее несчастіе, какое могло случиться со мной... Если я и взялъ что либо на себя, то съ величайшей неохотой и въ полной увѣренности, что вы того хотѣли.» (27 апрѣля—6 мая). Смѣлая ложь. Чтобы заставить повѣрить ей, онъ послалъ знамена съ Мюратомъ, настоящимъ актеромъ театра Франкони, извѣстнымъ дуэлистомъ гвардіи Людовика XVI, негодяемъ, котораго обожали женщины и который смотрѣлъ добрымъ малымъ, именно такимъ, какого нужно было, чтобы обмануть публику. Въ Парижѣ плакали отъ радости. Карно постановилъ праздникъ побѣдъ.

VIII.

Лоди. 12 мая 95 г.

Бонапарте писалъ директоріи: «Я преслѣдую по пятамъ Больё. Я не выпущу его.» Это оказалось ложью. Онъ выпустилъ его черезъ двѣ недѣли (27 апрѣля—6 мая), не смотря на нетерпѣніе арміи. Это замедленіе имѣло неисчислимыя послѣдствія. Армія думала перейти черезъ По въ Валенціи. Бонапарте нарочно поставилъ Валенцію въчисло крѣпостей, которыя онъ требовалъ. Больё думалъ, что онъ тутъ перейдетъ. Онъ сдѣлалъ работы, поставилъ редуты на лѣвомъ берегу и приготовился къ защитѣ. Онъ былъ очень удивленъ, когда Бонапарте, всегда быстрый какъ молнія, пошелъ правымъ берегомъ и, не спѣша, спускался имъ, давъ непріятелю время исполнить приказанія Вѣны, вооружить миланскій замокъ и

подкрѣпить Мантую, то есть приготовить намъ цѣлый годъ страшной войны.

Валенція была цѣлью заранѣе намѣченной, какъ мѣсто поединка чести. Историки въ этомъ отношеніи удивительны. Они полагаютъ, что этотъ большой обходъ и это нелѣпое и бѣдственное заявленіе были хитростью Бонапарте. Хороша хитрость! Дать Больё все время необходимое ему на исполненіе инструкціи его. «Но Бонапарте говоритъ, что у него было только тридцать одна тысяча войска». Дѣйствительно, онъ хотѣлъ увѣрить, что у него была только маленькая армія Шерера и Массены. Онъ не считаетъ нисколько то подкрѣпленіе, какое онъ получилъ отъ пиренейской арміи, множество превосходныхъ офицеровъ. При большой реформѣ, сдѣлать которую принудило истощеніе нашихъ финансовъ, съ особеннымъ вниманіемъ сохранили этихъ офицеровъ. Вотъ почему я могъ прочесть въ рукописныхъ запискахъ Барраса, въ тотъ единственный разъ, когда мнѣ позволили раскрыть ихъ: «Мы дали Бонапарте полную свободу брать офицеровъ во всѣхъ арміяхъ республики». Это требуетъ объясненія. Сначала были офицеры итальянской арміи вмѣстѣ съ офицерами пиренейской. Позже офицеры альпійской. Наконецъ Моро, съ удивительнымъ самоотверженіемъ отобралъ ему восемнадцать тысячъ лучшихъ солдатъ великой арміи рейнской. Изъ пиринейской онъ получилъ Ожеро, Ланна, Рампона, Виктора и пр.; изъ альпійской перлъ арміи—Жубера и стойкій гельветическій батальонъ. Наконецъ, Бернадотъ привелъ ему съ Рейна славныхъ друзей—Дезэ и Марсо, полковника мулата Александра Дюма, который повторилъ подвигъ Горація Коклеса, и отважнаго Дельма, который своими руками бралъ не разъ знамена въ рядахъ непріятеля.

Ожеро, конечно, выразилъ мысль нашихъ пиринейцевъ,

Массены и итальянской арміи, когда онъ сказалъ, что не надо останавливаться въ Чераско, но прямо напасть на Больё. «Онъ окопался?» Все равно. Съ такими отборными войсками прошли всегда бы всегда. Я увѣренъ, что этотъ грубый солдатъ говорилъ ему улыбаясь, какъ и при Кастильоне: «Я забочусь о вашей славѣ. Идемъ прямо на непріятеля!» Армія не требовала никакого роздыха. Она отдохнула въ Піемонтѣ. Бонапарте писалъ: «То, что мы взяли у непріятеля, неисчислимо.» И еще вездѣ собирали сильныя контрибуціи. Еще 3 мая Бонапарте, кажется, имѣлъ въ виду переходъ через Валенцію и атаку ретраншементовъ Больё. Онъ приказалъ Массенѣ, Лагарпу, Серюрье составить батальонъ изъ трехъ тысьчъ шести сотъ человѣкъ, выбранный изъ гренадеровъ и карабинеровъ. На слѣдующіе дни все измѣнилось. Онъ сѣлъ на лошадь, спустился правымъ берегомъ По до Плаценціи, чтобы наложить на герцоговъ Пармы и Модены тяжелый денежный договоръ. Эти маленькіе принцы мирно прикопили сокровища. Онъ вырвалъ у нихъ *двадцать милліоновъ* *). Въ то же время онъ говоритъ, что можно вытребовать пятнадцать съ Генуи. Онъ пишетъ Карно: «Я пошлю вамъ десять милліоновъ. Это вамъ пригодится для рейнской арміи.»

Это было для Карно, честнаго человѣка. Но для большой публики, для женщинъ и свѣтскихъ людей, для любителей окружавшихъ Барраса, онъ обѣщаетъ картины Корреджіо, а позже драгоцѣнныя вещи, и пр. На другой день договора Чераско, 27 апрѣля онъ писалъ Фейпу, нашему посланнику въ Генуѣ: «Напишите мнѣ, что могутъ доставить изъ драго-

---

*) Я здѣсь пользуюсь указаніями Рапетти (изъ «Біографіи Дидо»), который, какъ офиціальный историкъ и собиратель корреспонденціи о войнѣ, имѣлъ подъ рукою всѣ источники и бумаги.

цѣнностей Парма, Плаценція, Модена, Миланъ и Болонья. Доставьте мнѣ списокъ картинъ, статуй, наконецъ всего любопытнаго, галерей, кабинетовъ, и пр.» Онъ былъ предупрежденъ вѣроятно Жозефиной, которая черезъ Тальеншу (la Tallien) могла знать тайны Барраса, что Баррасъ, ла-Ревельеръ и другіе директоры, менѣе слѣпые нежели Карно, не переварили его договоръ въ Чераско и планы его противуположные инструкціямъ. Они не остановились на похвальбѣ его идти въ Вѣну. Не имѣя возможности отставить генерала побѣдителя, они посылали его въ Неаполь, въ Римъ вести крестовый походъ республики противъ папы. Въ это время Келлерманъ переходилъ изъ альпійской арміи въ итальянскую, бралъ Миланъ и начиналъ великую ломбардскую войну.

Планъ этотъ, безъ сомнѣнія, былъ пущенъ въ ходъ капиталистами, которые выдвинули Бонапарте и которые видѣли какъ онъ теперь забиралъ все въ руки и не хотѣлъ терпѣть никакихъ чиновниковъ кромѣ своихъ военныхъ. Уже пронюхивали финансовое царство, которое онъ забиралъ себѣ въ Италіи. Бонапартъ спѣшилъ разстроить этотъ планъ, набивъ по горло награбленнымъ это голодное правительство, и сверхъ того, заслужить расположеніе Парижа, сдѣлать себя, такъ сказать, постоянно присутствующимъ въ немъ черезъ эти трофеи, черезъ эти чудеса искуства. По всему этому видно, какъ мало думалъ онъ о томъ, что раздражитъ, озлобитъ Италію, что онъ дѣлаетъ именно противуположное республиканской пропагандѣ, вести которую ему было приказано. Онъ пришелъ 4 въ Плаценцію и остался тамъ до 11 мая, такъ что считая съ временемъ проведеннымъ въ Чераско, онъ запоздалъ на двѣ недѣли. Плаценція, говоритъ онъ довольно наивно, показалась ему самымъ пріятнымъ городомъ Италіи. Это былъ, на самомъ дѣлѣ, первый городъ, гдѣ онъ насладился финан-

овой диктатурой, которая есть сама власть, потому что съ деньгами можно имѣть все.

Болье хорошо воспользовался друмя недѣлями, которыя были даны ему. Генералъ этотъ, почти восьмидесяти лѣтній, выказалъ сильную дѣятельность, укрѣпилъ Мантую и тѣмъ создалъ для насъ почти годъ лишній войны. Въ это время Бонапарте, герой, шарилъ въ ящикахъ и мѣшкахъ. Австрійская армія была далеко. Противъ нѣсколькихъ встрѣченныхъ отрядовъ ея было достаточно двухъ небольшихъ сраженій. Ланнъ безъ большихъ препятствій, двинулся впередъ и перешелъ черезъ По.

Здѣсь я удивляюсь точности свѣдѣній, которыя Бонапарте получалъ изъ Парижа. Онъ узналъ, что та полуотставка, которая переводила его въ Римъ, должна быть послана ему 10 мая. Онъ получилъ ее 14; но 12 онъ предупредилъ ее и сдѣлалъ безсильной, одержавъ блестящую побѣду при Лоди, которая довела энтузіазмъ до высшей точки, парализовала директорію и погасила въ рукахъ ея молнію, которую та хотѣла метать. И все это стоило ему очень дешево, потому что онъ организовалъ прекрасную сцену моста Лоди, но самъ не перешелъ черезъ него.

Чтобы отвѣчать на то, чего онъ боялся, ему нужно было блестящее дѣло. И онъ устроилъ такъ чтобы имѣть его. Замѣчательная вещь въ такой военной карьерѣ, что Бонапарте не былъ никогда почти раненъ, за исключеніемъ одного раза въ ногу при Ульмѣ. Люди св. Елены разсказываютъ, будто видѣли его по смерти всего покрытаго ранами. При жизни его говорили: «Когда онъ раненъ, то скрываетъ это, воображая что этотъ общечеловѣческій случай уронитъ его и помѣшаетъ ему *выдавать себя за бога.*» Въ дѣйствительности это единственная рана въ ногу засвидѣтельствована только

однимъ—гравюрой, изображающей какъ онъ вырывается изъ рукъ хирурговъ, чтобы сѣсть на лошадь. Въ Парижѣ считали главнокомандующаго такъ отважнымъ, что представляли его себѣ не иначе какъ во главѣ арміи, и думали, что его не сегодня такъ завтра ранятъ или убьютъ. И этого сильно опасались. Отецъ мой говорилъ мнѣ, что газеты, для частаго возбужденія интереса въ публикѣ, имѣли одно вѣрное средство: заставить героя упасть съ лошади, сломать ему руку, ногу. Люди видѣвшіе въ немъ будущаго спасителя общества съ тѣхъ поръ, какъ онъ закрылъ клубъ якобинцевъ, въ особенности чувствительныя женщины говорили: «Жаль, онъ слишкомъ рискуетъ... Его убьютъ у насъ когда нибудь».

Но армія не ошибалась. Считая его храбрымъ, чѣмъ онъ и былъ, она удивлялась, что во время короткой піемонтской кампаніи онъ такъ мало искалъ случая показать себя. Никто не сталъ бы требовать онъ него ни военную рьяность Ланна, ну геройскій пылъ молодаго Жубера; но желали бы видѣть въ немъ воодушевленіе двухъ великихъ героевъ арміи: Массены, который сіялъ подъ огнемъ, или Ожеро, улыбавшагося ядрамъ. «Вы слишкомъ нервны», говорилъ ему Ожеро передъ Кастильоне. Всѣ почитали въ немъ величіе взглядовъ и предполагали въ немъ глубокій геній разсчета, но удивлялись, что онъ нѣсколько пренебрегалъ подробностями исполненія. Онъ былъ въ Плаценціи (4? или 5?) и былъ еще тамъ 11 (см. въ Монитёрѣ донесеніе Салисетти). Это замедленіе, эта отсрочка и такая продолжительная, какую онъ далъ Больё, могли возбудить злобу нетерпѣливыхъ въ арміи. Была пора сдѣлаться героемъ.

Онъ приказалъ выступить среди ночи знаменитой отборной колоннѣ подъ начальствомъ Массены, который безъ роздыха прошелъ десять миль (донесеніе Бонапарте) и пришелъ 12

къ городу Лоди, которымъ и овладѣлъ безъ труда. Больё сдѣлалъ, что хотѣлъ, успѣвъ укрѣпить Миланъ и въ особенности Мантую. Онъ находился съ арміей своей не много позади береговъ Адды и моста Лоди. На мосту онъ оставилъ двадцать пушекъ и свой авангардъ. Бонапарте напрасно говоритъ что Больё лично былъ тамъ съ *своею арміей* и что *порядокъ рядовъ* его былъ разстроенъ, и пр. Даже Салисетти, его орудіе и льстецъ не можетъ идти такъ далеко во лжи и говоритъ только о *десяти тысячахъ.* Дѣйствительно, Больё находился въ затруднительномъ положеніи. Такъ какъ черезъ Адду во во многихъ мѣстахъ есть удобный бродъ (что̀ бы ни говорилъ Бонапарте, который увѣряетъ, будто кавалерія его съ трудомъ перешла немного выше), Больё не могъ предположить, что пойдутъ на мостъ, то есть что выберутъ переходъ самый опасный, противъ батарей. Впрочемъ многіе солдаты переходили по водѣ, посмѣиваясь надъ мостомъ, опасный переходъ черезъ который не имѣлъ другой цѣли кромѣ рекламы и хорошаго эффекта въ Парижѣ.

Мостъ былъ очень длиненъ и, слѣдовательно, болѣе опасенъ, нежели въ послѣдствіи небольшой мостъ Арколь. Но надо принять въ сображеніе и то, что артиллерія того времени дѣйствовала очень медленно, особенно въ австрійскихъ рукахъ. Бонапарте сначала поставилъ напротивъ свою батарею. Массена, который шелъ впереди атаковавшей колонны, взялъ съ собою Сервони, желая безъ сомнѣнія, чтобы первое дѣло завоеванія Италіи было ведено двумя итальянцами. Съ нимъ былъ французъ Даллемань и пылкій Ланнъ, который самъ назвался и явился въ качествѣ охотника на этотъ праздникъ. Позади колоны этой и впереди всѣхъ другихъ шли савояры, народъ взбалмошный, которые непремѣнно хотѣли пройти первыми съ двумя итальянскими генералами. Послѣ нихъ шли

Руска, Ожеро и наши пиринейцы, которыхъ предупредили немного поздно.

Я видѣлъ донесеніе швейцарца, по имени Бове, который былъ съ савоярами въ батальонѣ, называвшемся гельветическимъ. Раненый и почти сброшенный съ моста, онъ ухватился за мостъ и видѣлъ все. Сначало было, говоритъ онъ, нѣкоторое колебаніе. Массена пробился сквозь непріятеля. Но если вѣрить Салисетти и Бонапарте, то *это былъ Бертье*, который бросился впередъ и все взялъ съ помощью Массены! Разсказъ очень неловкій и который можно счесть эпиграмой. Какъ, Бертье, начальникъ штаба, человѣкъ картъ и плановъ, этотъ военный географъ вышелъ изъ своей роли, замѣшался въ это дѣло и, конечно, повелъ за собой Массену? Бонапарте не былъ тамъ и потому счелъ, быть можетъ, полезнымъ послать туда Бертье, своего человѣка, который всегда былъ при немъ. Солдатъ, видя Бертье, думалъ видѣть самаго Бонапарте. Бонапарте же, говоритъ мой свидѣтель, показался только передъ сраженіемъ, чтобы поставить на мосту батарею, которая не давала бы австрійцамъ разрѣзать его армію и это, говоритъ Салисетти «подъ градомъ картечи». Къ счатью русломъ рѣки, какъ у всѣхъ большихъ альпійскихъ рѣкъ, служила равнина усѣянная мелкимъ камнемъ, и русло было очень широко въ томъ мѣстѣ. Тьеръ показываетъ намъ Бонапарте обходящаго берега Адды и возвращающагося въ городъ, «составивъ свой планъ». Какъ—онъ пришелъ туда, не имѣя готоваго плана? «Онъ вдохновилъ войска необыкновеннымъ мужествомъ». Это сцена Людовика XIV при переходѣ черезъ Рейнъ, когда *«король сѣтуетъ на величіе свое, приковывающее его къ берегу.*

Въ этомъ небольшомъ дѣлѣ было тысячу двѣсти убитыхъ, такъ говоритъ самъ Салисетти. Бонапарте остерегся преслѣдовать непріятеля. Солдаты очень *устали* говоритъ Бонапарте.

Прибавьте, что Болье былъ въ двухъ шагахъ съ сорока или пятидесятью тысячами человѣкъ совершенно свѣжихъ войскъ. Бонапарте здѣсь доходитъ до величія безстыдства. Онъ смѣетъ сказать, что «*непріятельская армія* (которой не было въ дѣлѣ) была разсѣяна.» Вѣрно одно то, что она медленно отступила, исполнивъ вполнѣ приказъ Вѣны: «Укрѣпить Миланъ, усилить Мантую».

Послѣдствія этого дѣла были громадны. Такъ какъ въ эту минуту узнали, что и наша рейнская армія выступала въ походъ, то Болье отступилъ и повернулъ къ Тиролю. Бонапарте писалъ Карно: «Это сраженіе *даетъ намъ всю Ломбардію.* Я намѣренъ осадить Миланъ и Мантую. И если армія рейнская двинется впередъ, то я поднимусь по берегу Адижи, захвачу Тироль и помогу ей.» Наконецъ, 14 мая пришла депеша директоровъ съ приказаніемъ раздѣлить армію и призвать Келлермана. Но все уже перемѣнилось. Бонапарте, стоявшій твердо и гордо на своемъ мосту Лоди, не слушалъ ихъ болѣе и скорѣе онъ имъ намылилъ голову. Онъ говоритъ по королевски. «Нуженъ только одинъ человѣкъ и нужно *чтобы ничто не стѣсняло его*».

Въ эту минуту силы, когда не смѣли ему отказать ни въ чемъ, онъ вышвырнулъ своего соглядатая, впрочемъ такого угодливаго, Салисетти. Ему не нужна защита у якобинцевъ послѣ побѣды при Лоди. Въ вознагражденіе за послѣдній и такой пристрастный бюллетень Салисетти Бонапарте грубо сказалъ: «Если нужно, чтобы я спрашивалъ передъ каждымъ шагомъ разрѣшенія комиссаровъ правительства, то я не сдѣлаю болѣе ничего путнаго». (14 мая, Коррес. I 334).

Директорія не пикнула ни слова. Съ этой минуты Бонапарте обращался къ публикѣ и изобрѣлъ для себя чудесный способъ гласности. Для того чтобы этотъ громкій трубный

звукъ разшевелилъ всю Францію, *онъ послалъ въ каждый департаментъ* списки именъ гренадеровъ его, которые перешли чрезъ мостъ Лоди, такъ что каждая мѣстность имѣла свой интересъ прославлять это дѣло. Оно пріобрѣло необыкновенную извѣстность. Всѣ войны имперіи не могли затмить его. Въ дѣтствѣ моемъ и даже въ 1814 г. я видѣлъ на бульварахъ и набережныхъ вѣчныя гравюры моста Лоди. И на этомъ мосту, съ знаменемъ въ рукѣ *Бонапарте*, который не былъ тамъ. До сихъ поръ онъ не имѣлъ еще случая много выказать личной храбрости и не былъ недоволенъ ошибкой общества, которая примѣшивала его къ такому знаменитому дѣлу. Кто же былъ причиной это ошибки? Надо сказать это; *онъ самъ*. Одинъ молодой граверъ изъ Генуи предложилъ ему гравюры изображавтія наши военные подвиги. Бонапарте послалъ ему двадцать пять луидоровъ и приказаніе: «Пусть онъ сдѣлаетъ гравюру моста Лоди». Молодой челоаѣкъ изъ благодарности не могъ не изобразить Бонапарте, образъ котораго съ этой минуты оставался на мосту для безсмертія.

Начиная съ этого факта и съ этого лживаго преданія, всѣ искусства лгали для прославленія Наполеона. Жозефина, любимая художниками, помогавшая имъ въ бѣдности, добивалась подарками или нѣжною лестью, чтобы они распространяли популярность, прославляли героя ея. Въ публичной библіотекѣ картины Генена полны Наполеономъ. Въ числѣ другихъ есть одна прекрасная гравюра, изображающая его въ Италіи, близь могилы и лавроваго дерева Виргилія. Съ этого времени пустили въ ходъ лживый типъ, который получилъ преобладаніе и въ которомъ скрывали, что у него не было ни рѣсницъ, ни бровей; скрашивали мавританскую наружность его и придавали ему величественную итальянскую фигуру, которая мало по малу стала Цесаремъ. Гравю-

ры эти, идеализируя его, бывали иногда скомбинированы такъ, чтобы унижать враговъ его и въ особенности, чтобы похоронить Гоша. Въ кабинетѣ рисунковъ есть одна и очень жестокая. Всѣ пятеро великихъ полководцевъ того времени изображены на ней держащими въ рукахъ карты завоеванныхъ ими земель. Пишегрю, длинный и плоскій, съ картой Голландіи, Моро, посредственный и пошлый, съ берегами Рейна. Но настоящею цѣлью гравюры было противупоставить Гоша и Бонапарте. Бонапарте—великій, гордый, героическій, движеніемъ властелина указываетъ на карту прекрасной Италіи. Гошъ, маленькій, толстый, сутуловатый (какимъ онъ не былъ), печальный, я чуть не сказалъ, униженно кающійся, показываетъ со стыдомъ на Вандею, землю гражданской войны, неискупимый берегъ Киберона, и очевидно проситъ ппомилованія у будущаго.

IX.

Бонапарте не понялъ Италіи.

Историки, слишкомъ вѣрные копіисты безумнаго лиризма газетъ той эпохи, говорятъ постоянно о *молніеподобной* итальянской кампаніи; они не замѣчаютъ, что были продолжительные промежутки роздыха, сперва три мѣсяца отъ Лоди до снятія осады съ Мантуи (10 мая—31 іюля), потомъ два или три мѣсяца между пораженіями Вурмзера и Альвинци (сентябрь—декабрь). Перерывы очень благопріятные для Бонапарте и давшіе ему полную возможность свободно организовать свои силы и видѣть, что̀ онъ можетъ извлечь изъ Италіи и для войны и для Италіи самой. Народъ изъ столькихъ милліоновъ душъ былъ для будущей войны опорой и ору-

діемъ, которымъ нельзя было пренебрегать. Когда мы видимъ, что Австрія въ это время сдѣлала отчаянный призывъ различнымъ народностямъ, населяющимъ имперію—нѣмцамъ, кроатамъ, тирольцамъ, венгерцамъ, и, вручивъ имъ спасеніе свое, привела одно за другимъ великія племена эти на поле битвы, то мы спрашиваемъ: почему Бонапарте не сдѣлалъ серьезный призывъ Италіи, которая, по крайней мѣрѣ, во всѣхъ городахъ была за насъ.

Послѣ Лоди, за исключеніемъ небольшой битвы, онъ не сдѣлалъ ничего противъ Больё. Тотъ, исполнивъ инструкціи свои (подкрѣпить Мантую), спокойно ушелъ. Бонапарте не преслѣдовалъ его, какъ обѣщалъ директоріи; онъ пошелъ прямо на Миланъ и царилъ въ этой столицѣ, замокъ которой держался еще. Тамъ, 17 мая, онъ задаетъ директоріи этотъ вопросъ: «Если народъ Милана потребуетъ организоваться въ республику, слѣдуетъ ли дозволить ему это?» Подъ словомъ «народъ» онъ понимаетъ богатые классы, либеральныхъ сеньеровъ и клубъ изъ восьмисотъ главныхъ негоціантовъ. Вотъ республики, совершенно аристократическія, которыя онъ допуститъ въ Италіи. Ограничась такимъ образомъ избранными людьми наиболѣе богатыхъ классовъ, какое слабое и жалкое основаніе давалъ онъ возрожденію Италіи! Невозможно было конечно довѣриться деревнямъ, но въ городахъ Италіи уже былъ средній классъ, буржуазія, торговцы, студенты сильные патріоты, къ которымъ можно было обратиться. Почему не сдѣлалъ онъ этого, почему онъ такъ мало воспользовался энтузіазмомъ ихъ? Потому что онъ, говоря о свободѣ, не былъ ни серьезнымъ, ни искреннимъ. Отдадутъ ли Австріи Ломбардію (за Рейнъ? за Бельгію)? Или уступятъ Ломбардію Піемонту? Или промѣняютъ бѣдныя республики Чиспадане, Транспадане на нѣкоторыя части венеціан-

скихъ владѣній? Всѣ эти вопросы носились въ умѣ его. Онъ не говорилъ Италіи ни одного слова не только искренняго, даже положительнаго. «Но онъ не имѣлъ власти», возразятъ намъ: «онъ не хотѣлъ сказать слово, которое директорія заставила бы его взять обратно?» Вотъ что говорили. И очень много восхваляли эту мудрость, это дипломатическое благоразуміе. Однако, видя преобладаніе, пріобрѣтенное имъ надъ директоріей, хорошо понимаешь, что планы его одержали бы верхъ, если бы онъ, слѣдуя совѣту Ожеро и многихъ другихъ, дѣйствительно захотѣлъ поднять народъ Италіи. Но онъ былъ очень далекъ отъ этого и конечно хотѣлъ вести переговоры только съ государями, съ установленными правительствами. Казалось, его преслѣдовалъ образъ толпы, которая, идя на Тюльери въ іюнѣ 92, возбудила въ немъ только одно чувство отвращенія. Два года, когда онъ разыгрывалъ свои якобинскія паясничества, вышли у него изъ памяти. Онъ снова сдѣлался дворяниномъ Бріенской школы и стипендіатомъ Людовика XVI.

Онъ вообще презиралъ народъ, а итальянскій народъ въ особенности. Онъ никогда не упускалъ случая нанести кровавыя оскорбленія Италіи, которую зналъ очень дурно. Онъ не зналъ, что эти древніе завоеватели міра имѣютъ еще, имѣли всегда въ піемонтцахъ, миланцахъ, романьолцахъ, бресчіанцахъ и другихъ очень храбрыхъ солдатъ. «Конечно. Но за то мало пріученныхъ къ войнѣ». Но не знаютъ насколько этотъ электрическій народъ способенъ къ героизму, къ внезапнымъ порывамъ, которые поднимаютъ его надъ самимъ собой. Нужно было прежде всего повѣрить въ энтузіазмъ ихъ, не относиться къ нимъ какъ къ друзьямъ, которые можетъ быть завтра будутъ врагами. Онъ назначилъ обучать ихъ, какъ нарочно людей антипатичной имъ расы,

которые могли только подавить энтузіазмъ ихъ, напримѣръ, швейцарца Лагоза. А почему же не Мюрата, или котораго нибудь изъ нашихъ блестящихъ офицеровъ съ юга? Почему не пиринейцевъ нашихъ, которые, сдѣлавъ испанскую кампанію, могли бы совершенно иначе сойтись съ итальянцами поняли бы ихъ лучше, нежели учителя пришедшіе съ сѣвера? Прибавьте еще, что часто, даже въ послѣднія минуты, когда крайность принуждала его и онъ хотѣлъ дѣйствительно вооружать, онъ посылалъ имъ агентовъ подозрительныхъ, какъ агентъ въ венеціанскихъ провинціяхъ, который игралъ тамъ двойную роль и отъ котораго онъ потомъ самъ отрекся.

Вотъ какъ во всѣхъ отношеніяхъ онъ оттолкнулъ Италію, въ ту минуту, когда она шла къ намъ, полная любви и энтузіазма. Онъ говоритъ самъ, что невѣроятно, какъ насъ любили въ Болоньѣ и въ папскихъ легаціяхъ и съ какимъ усердіемъ платили огромные контрибуціи, которыя онъ наложилъ. Можно судить, какъ былъ пораженъ изумленіемъ, какъ оцѣпенѣлъ этотъ симпатичный народъ, когда у него безжалостно похищали его картины, статуи, великія произведенія искусствъ, посреди которыхъ онъ жилъ, росъ, и которыя народъ этотъ созерцалъ съ любовью въ продолженіе столькихъ вѣковъ. Эти возмутительныя хищенія, это варварское перенесеніе имѣла еще тотъ смыслъ, что въ Италіи ничто не было вѣрно, что города такъ хорошо принявшіе насъ, будутъ завтра отданы тиранамъ ихъ, что свобода и республика были тамъ дѣломъ временнымъ. Военное управленіе его, откуда онъ съумѣлъ выгнать всѣхъ гражданскихъ агентовъ, принесло свой естественный плодъ—возмущеніе. Раззоренные, терпѣвшіе насилія крестьяне Павіи поднялись и захватили нашихъ солдатъ въ плѣнъ.

Этотъ университетскій городъ, городъ людей науки, кото-

рому Бонапарте давалъ самыя лестныя увѣренія, едва не былъ сожженъ. И однако крестьяне, очень смирный народъ, не сдѣлали никакого вреда солдатамъ, которыхъ Бонапарте нашелъ всѣхъ до одного. И онъ все-таки приказалъ разстрѣлять вождей крестьянъ и сжечь деревню Бинаско. «Ужасное зрѣлище!» говоритъ онъ самъ въ письмѣ своемъ въ Парижъ отъ 1 іюня. И чтобы выказать доброту свою, онъ въ то же время разсказываетъ печальную исторію молодой монахини, которую держали въ цѣпяхъ и которую французы освободили (8 іюня). Доказавъ этимъ чувствительность сердца своего, онъ дѣлаетъ выговоръ одному изъ лейтенантовъ своихъ, который не разстрѣлялъ еще муниципалитетъ Павіи (10 іюня). И онъ прибавилъ еще эти зловѣщія слова: «Чтобы черезъ пять дней въ Миланѣ не осталось ни одного арестованнаго за заговоръ». Эта чрезвычайная жестокость, быть можетъ, необходимая для разбойниковъ Нови и генуезкихъ дорогъ, была распространена и на нѣкоторыя населенія Романьи, за исключеніемъ одного города Фаенцы, который онъ пощадилъ какъ папскій городъ. Люди ожидавшіе послѣ столькихъ примѣровъ, что и они будутъ разстрѣляны, стали обожать его и, когда онъ отпустилъ ихъ, повсюду превозносить уваженіе его къ святой церкви. Легатъ, поднявшій возмущеніе, отдѣлался только тѣмъ, что смиренно сказалъ: *Peccavi* (согрѣшилъ).

Быть можетъ, притворное уваженіе Наполеона къ духовенству-тирану Италіи было именно тѣмъ, что болѣе всего приводило въ негодованіе города и что болѣе всего заставило угадывать лисицу подъ львиной кожей—подъ блескомъ побѣдъ. Онъ говоритъ, напримѣръ, что бесѣдуя съ такими-то кардиналами, онъ думалъ, будто жилъ «въ вѣка первой церкви». И въ то же время, чтобы понравиться философамъ директоріи и другимъ, онъ говорилъ съ презрѣніемъ «объ этихъ попахъ».

Послѣ духовенства классомъ, въ которомъ онъ заискивалъ были ученые, академики — классъ уважаемый въ Италіи. Въ то время какъ онъ разстрѣливалъ невинный магистратъ Павіи, онъ оказывалъ почетъ профессорамъ и въ томъ числѣ знаменитому астроному Оріани. Онъ сильно хвалился знаніемъ математики, хотя по свидѣтельству Либри, очень плохо зналъ ее. Такъ онъ позабавился тѣмъ, что удивилъ знаменитаго піемонтца Лагранжа, говоря съ нимъ о совершенно новой теоремѣ, которую для того нарочно изучилъ въ это самое утро. Еслибы онъ былъ болѣе образованъ, то онъ болѣе уважалъ бы Италію. Онъ зналъ бы какъ многое создала она даже въ восемнадцатомъ вѣкѣ, не только въ естественныхъ наукахъ (Вольта, Морганьи), не только въ изящныхъ искусствахъ, (Канова, Чимароза и вскорѣ Россини), но и въ нравственной философіи и исторіи произведеній глубокой оригинальности, неизвѣстной въ средніе и въ древніе вѣка.

Вико, проницательный итальянскій и этрусскій геній, основалъ философію исторіи, Umanitá, науку о возрожденіяхъ, ея. Отсюда даже въ искуствахъ самихъ явились молніи трагизма, освѣщающія такую глубину, какой никогда не имѣла эпоха возрожденія. Геніи XVI вѣка не создали ничего болѣе мужественнаго, ни такъ потрясающаго, какъ гравюры на мѣди Пиранези, какъ его могилы и монументы, какъ мрачныя *Тюрьмы* его, гдѣ чуствуешь все что̀ было задавленной скорби въ итальянской душѣ, величественнымъ порывомъ поднявшейся изъ могилы.

X

Бонапарте король Италіи.

«Съ Лоди начался мой разладъ съ директоріей», говоритъ самъ Бонапарте. Офиціальная корреспонденція, искаженная здѣсь какъ и вездѣ, показываетъ однако очень хорошо въ немногихъ фактахъ, которые даетъ она, все что сдѣлалъ Бонапарте въ мѣсяцы роздыха своего. Въ Парижѣ и въ другихъ мѣстахъ говорили смѣясь: «Кто знаетъ? Онъ сдѣлается миланскимъ герцогомъ». Это сбылось, и еще большее; онъ сдѣлался королемъ Италіи, владѣвшимъ центральной Италіей отъ одного моря до другаго, въ Болоньѣ, Анконѣ и Ливорнѣ, тщательно щадя Римъ, наперекоръ директоріи. Что же касается Неаполя, то онъ самъ говорилъ, что для похода туда довольно шести тысячь человѣкъ.

Въ эти три мѣсяца, *май*, *іюнь*, *іюль* передъ Кастильоне и въ три слѣдующіе, онъ смѣло раскрылъ всю политику свою. Онъ прогналъ всѣхъ гражданснихъ агентовъ и остался одинъ съ арміею своею. Онъ прогналъ: 1—поставшиковъ, которые привели его въ Италію и могли вести счеты и знать балансъ въ расходахъ и приходахъ. 2—онъ позорно прогналъ непосредственныхъ надзирателей, комиссаровъ директоріи, назвавъ ихъ сначала якобинцами, потомъ ворами и сдѣлавъ имъ въ числѣ другихъ упрековъ и слѣдующій: что они вознаграждали итальянцевъ за припасы, которые тѣ поставляли. 3—наперекоръ директоріи онъ не хотѣлъ идти въ Римъ и только требовалъ отъ него денегъ, но уважалъ и заставилъ уважать земли и недвижимую собственность церкви, заручившись такимъ образомъ духовенствомъ для великихъ плановъ будущаго. 4—

въ этомъ онъ выказалъ себя явнымъ противникомъ истинныхъ итальянскихъ патріотовъ, которые думали основать революцію свою только на продажѣ церковныхъ имуществъ. Вотъ почему этотъ ревностный защитникъ Италіи никогда не вооружалъ ее серьезно и довѣрялъ оружіе только выбраннымъ національнымъ гвардейцамъ служившимъ полиціею и никогда студентамъ, никогда ревностнымъ патріотамъ, которыхъ онъ клеймилъ именемъ якобинцевъ.

По странному напоминанію, якобинцы во Франціи хотя и были покупщиками національныхъ имуществъ, считались врагами собственности. Сношенія нѣкоторыхъ изъ нихъ съ Бабёфомъ заставляли глупо думать, будто всѣ хотѣли раздѣла земель. Отсюда странное ослѣпленіе, отъ котораго не былъ избавленъ и самъ Карно. Отсюда та легкость, съ какою Бонапарте могъ дурачить простяковъ. Что бы ослѣпить ихъ, чтобы напугать ихъ кѣмъ нибудь, ему достаточно было сдѣлать съ ними то, что дѣлаютъ съ быками—помахать передъ глазами красной тряпкой. Онъ этимъ обезоруживалъ подозрѣнія и своихъ надзирателей французовъ и итальянскихъ патріотовъ. Самымъ легкимъ дѣломъ для него было прогнать поставщиковъ, прямой интересъ которыхъ требовалъ строго повѣрять его. 8 Іюня посылая десять милліоновъ въ Парижъ и обѣщая еще десять милліоновъ, онъ писалъ министру: «Я думалъ, что вы прекратили выдачу денегъ поставщикамъ. Они ничего не поставляютъ. Мы принуждены поставлять имъ все». Съ этой минуты онъ преслѣдовалъ ихъ оскорбленіями въ особенности Флаша, который твердо держался своего, вмѣшивался еще въ дѣла и хотѣлъ вѣроятно, выручить выданныя деньги.

Бонапарте, вступивъ въ Миланъ наложилъ на городъ и на все герцогство громадную контрибуцію различныхъ пред-

метовъ: 100.000 рубахъ, 20.000 шляпъ, сукна на 15.000 мундировъ, 50.000 камзоловъ и штановъ, наконецъ 2.000 лошадей для упряжи (21 мая). Главный интендантъ снесется съ *военными* агентами, которые предпишутъ или *подчиненнымъ своимъ*, или общинамъ средства исполненія». Все это творилось въ общинахъ трепетавшихъ и невѣжественныхъ, не умѣвшихъ писать, тиранами ихъ—военными агентами, и подъ такимъ густымъ покрываломъ, что коммиссары директоріи могли только желать прорвать его, чтобы добыть противъ Бонапарте какое нибудь якобинское обвиненіе. Онъ съ тѣхъ поръ началъ искать случая очернить и отослать коммисаровъ этихъ, даже своего слишкомъ сговорчиваго и угодливаго друга Салисетти.

Великій грабежъ Тосканы далъ къ тому случай. Союзникъ нашъ, великій герцогъ, могъ надѣяться, что его пощадятъ. Съ нимъ затѣяли ссору за англійскія суда, которыя государь такой слабый не могъ прогнать изъ гаваней своихъ. Бонапарте пишетъ ему и пишетъ директоріи, что идетъ черезъ Тоскану на Римъ. Онъ даже уговорился съ великимъ герцогомъ, что поведетъ войско свое не черезъ Флоренцію, но черезъ Сіенну. На половинѣ дороги Мюратъ, который велъ войска, вдругъ поворотилъ на западъ и повелъ ихъ на Ливорно. Въ это время Бонапарте одинъ отправился во Флоренцію, принялъ приглашеніе на обѣдъ и любезности великаго герцога, любезнаго, расточавшаго комплименты и «восхищеннаго видѣть героя», какъ онъ говорилъ. Въ это путешествіе онъ въ тоже время, чтобы заискать въ духовенствѣ, отправился навѣстить добряка каноника, родственникомъ котораго онъ назывался, а равно и такимъ же потомкомъ средневѣковаго святаго, какимъ считалъ себя каноникъ. Это могло

имѣть хорошее дѣйствіе въ Италіи, во Франціи и въ цѣлой ретроградной партіи.

Вопреки желанію директоріи онъ, вмѣсто того чтобы идти на Римъ, удовольствовался 20 милліонами, которые ему далъ папа (23 іюня). Этого было немного въ сравненіи съ сокровищами, которыя надѣялись получить въ Ливорно, большомъ портѣ, наполненномъ англійскими товарами. Но въ ту минуту, когда Бонапарте, соединившись съ Мюратомъ, вступалъ съ нимъ въ Ливорно, онъ увидѣлъ великое зрѣлище на морѣ — англійскій фрегатъ уводилъ изъ гавани два французскія судна и сорокъ одно англійскихъ. Охотникъ оставшійся на берегу и видѣвшій, какъ ускользала добыча его, могъ еще утѣшиться. Ливорно было полно сокровищъ принадлежавшихъ цѣлой націи. И что было еще лучше, безпорядокъ предстоявшаго великаго грабежа долженъ былъ дать ему какой-нибудь предлогъ, чтобы погубить и окончательно удалить надзирателей своихъ Гаро и Салисетти. Съ 21 мая онъ приготовилъ гибель ихъ, поручивъ имъ дѣло очень щекотливое, контрибуцію драгоцѣнныхъ вещей, неоцѣнимыхъ сокровищъ стариннаго итальянскаго искуства, предметъ представлявшій много затрудненій для оцѣнки. Ровно мѣсяцъ спустя (21 іюня), чувствуя, что Парижъ слушаетъ, насторожилъ уши, онъ жалуется на безпорядокъ, но въ общихъ чертахъ. (Корресп., I, 518): Административная часть дурно идетъ. Не умѣютъ ни изъ чего извлечь выгоды. Ни порядка, ни дѣятельности. *Деньги контрибуцій распредѣляются я не знаю какъ.* Контрибуціи остановились. Мѣняютъ по нѣсколько разъ способъ взиманія. Великія и финансовыя операціи уже сдѣланныя и тѣ, которыя слѣдуетъ сдѣлать, великія жатвы, собирать которыя мы начали, требуютъ быстроты движенія. Нужно единство мысли дипломатической и финансовой».

Директорія и коммисары его напоминали ему о великомъ революціонномъ дѣлѣ—короткой экспедиціи въ Римъ, которая шла въ разрѣзъ съ политикою его и которой онъ хотѣлъ избѣжать во что бы ни стало. Онъ говорилъ, что жары наступаютъ и что, быть можетъ, дѣла отзовутъ его на сѣверъ.

Въ этой чудовищной войнѣ, чтобы прогнать надзирателей своихъ, онъ дошелъ до послѣднихъ несправедливостей, давая понять будто коммисары Гаро и Салисетти—воры. Замѣнили одно отвѣтственнное лицо (Бельвиля, агента Бонапарте) коммисіями, въ которыхъ каждый *грабитъ*, обвиняя своего товарища (20 іюля). Желая, чтобы все проходило черезъ его руки или руки агентовъ его, онъ повелительно пишетъ коммисару Гаро, прежнему члену конвента: «Я знаю, что вы будете говорить, будто я поступаю какъ Дюмурье. Ясно, что генералъ, который командуетъ арміею и отдаетъ приказанія безъ разрѣшенія коммисаровъ, не можетъ не быть заговорщикомъ». Это недостаточно дѣйствовало и онъ употребилъ послѣднее средство — яростное обвиненіе противъ Салисетти, прежняго друга, котораго онъ долженъ бы былъ беречь болѣе другихъ. Онъ обвинилъ Салисетти въ томъ, что тотъ *предлагалъ ему пять милліоновъ*, какъ долю за грабежъ Ливорно. Дѣло очень невѣроятное, чтобы такой тонкій человѣкъ какъ Салисетти не побоялся отдать себя въ руки Бонапарте такою неосторожностью. Бонапарте впрочемъ и самъ такъ мало вѣрилъ въ обвиненіе это, что позже онъ сдѣлалъ Салисетти довѣреннымъ человѣкомъ своимъ въ неаполитанскомъ королевствѣ, поручивъ ему щекотливую обязанность начальника полиціи.

Коммисары были убиты этою клеветою. О нихъ съ тѣхъ поръ уже ничего не слышно. Бельвиль, то есть Бонапарте распоряжается всѣмъ самодержавно!.. Что думать о директо-

ріи?.. Бонапарте не боится дѣлать ей предложенія самыя контръ-революціонныя, какихъ не осмѣлился бы сдѣлать ни одинъ эмигрантъ. Напримѣръ, онъ предлагаетъ *возстановить швейцарскую гвардію Людовика XVI*, отрядъ швейцарцевъ на жалованьи Франціи, «которые могли бы быть полезны въ горной войнѣ». Вотъ насколько мы далеко ушли отъ 10 августа!

Какъ же велика должно быть была глупость директоріи, легкомысліе Барраса, простота Карно, который во всѣхъ случаяхъ ручался за Бонапарте, свидѣтельствовалъ за патріотизмъ его и пр.! Это правительство заслуживало бы быть запертымъ въ сумасшедшій домъ, еслибы не извиненіе его — голодъ. Оно ждало, раскрывъ ротъ, чтобы раздаватель сокровищъ Италіи удостоилъ бросить ему что нибудь. Бонапарте сострадателемъ, онъ подаетъ Франціи милостыню. Позже онъ началъ посылать прямо въ рейнскую и альпійскую арміи развращающее золото, которое онъ считалъ своею собственностью. Онъ пріучилъ солдатъ благословлять его, смотрѣть на него какъ на благодѣтеля ихъ. Это не все; онъ посылалъ мильоны министрамъ, даже министру флота.

Было мѣсто, гдѣ все это безъ сомнѣнія возбуждало подозрѣнія; то была наша вандейская армія, квартира генерала Гоша. Вотъ почему Бонапарте наказываетъ всегда, чтобы, присылая ему подкрѣпленія, ихъ никогда не брали изъ этой арміи (слишкомъ проницательной, слишкомъ подозрительной), которая развратитъ простоту итальянской арміи. Это жалкое положеніе директоріи, которую каждый день побуждала страшная нужда въ деньгахъ, казалось, отняло у нея всякій смыслъ. Она спокойно видѣла, какъ Бонапартъ сталъ полнымъ властелиномъ администраціи и сдѣлалъ Италію враждебной Франціи. Когда коммисары директоріи хотѣли щадить италь-

янцевъ, нѣсколько смягчить требованія (напримѣръ, сбавить триста тысячь франковъ на долгѣ въ три милліона), директорія, послѣ выговора Бонапарте, отрекается отъ коммисаровъ своихъ и предоставляетъ Бонапарте все устроить черезъ собственныхъ агентовъ его (въ 1795 — Бельвиль, въ 99 — Галлеръ). Словомъ, допускаетъ его быть королемъ.

Все это напоминаетъ мнѣ исторію Карманьолы, подававшаго менѣе законные поводы къ подозрѣнію, и какъ мудро поступили венеціанцы, отрубивъ ему голову. Говорили: «Какое недовѣріе!.. Надо дать ему полную свободу, этому герою, этому богу солдатъ!» Да, и разъ онъ взялъ бы все въ руки, республика погибла, и какъ могли бы удержать его? Въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ Бонапарте имѣлъ въ рукахъ царство финансовъ. Массена занимался у него военнымъ дѣломъ. Изъ Вероны онъ видѣлъ, какъ на него сбирались двѣ грозы — нѣмцы съ Вурмзеромъ, славяне — венгерцы съ Альвинци. И въ это время Бонапарте изъ откупныхъ конторъ своихъ (*in telonio*) Болоньи, въ Ливорно, и др. получалъ дани Тосканы, Папской области, Италіи, и въ эту священную минуту пробужденія Италіи оставлялъ ее стонать и обвинять Францію, терять всякую надежду. Погружать въ холодныя воды Стикса, въ ледъ интересовъ — и это въ торжественный часъ энтузіазма и любви!—какая опасная операція! какъ она могла навсегда охладить народъ!

Что касается Бонапарте, то сомнительно, чтобы хоть капля горячей итальянской крови когда-либо текла въ жилахъ его. Величіе итальянскаго характера, стремленіе къ идеалу — были совершенно чужды ему. Я скорѣе думаю, что желтое лицо его принадлежало расамъ варварскимъ, сарацинамъ или карѳагенянамъ, могилы которыхъ, такъ часто встрѣчающіяся въ Корсикѣ, видны вокругъ Аяччіо. Передъ пре-

восходнымъ бюстомъ Гудона, такъ рѣзкимъ и такъ трезвымъ, я иногда думалъ то, на мысль о чемъ наводитъ корреспонденція его 95 г., въ которой онъ ни о чемъ другомъ не говоритъ, кромѣ денегъ. Потомокъ рода гордаго и бѣднаго, сильно засушенный воспитаніемъ у поповъ, онъ явился въ Италію съ алчностью высохшаго потока Корсики или рѣкъ Генуи (Сухой и Пыльной) и первымъ дѣломъ кинулся на деньги. Милліоны Плаценцы отвели его отъ Больё, заставили прозѣвать Мантую, которая, вооруженная и подкрѣпленная, стоила намъ годъ страшной войны. Но онъ былъ слишкомъ тонокъ, чтобы понагрѣть себѣ руки. Въ это время подозрѣній средствомъ подняться на верхъ было кричать: воры, ругать безпрестанно поставщиковъ, коммиссаровъ директоріи и даже самихъ директоровъ, позорить героя, которому онъ былъ такъ много обязанъ — Массену, наконецъ, выдавать себя за единственнаго чистаго человѣка, за единственнаго человѣка, которому можно было ввѣрить и казну, и государство. Но онъ не могъ помѣшать Жозефинѣ обдѣлывать кое-какія дѣла, говорятъ, по части итальянскихъ рудниковъ, въ ожиданіи того времени, когда банкиры, пустившіе его въ ходъ въ 95 году, снова пустятъ его 18 брюмера, когда этотъ воздержный человѣкъ не взялъ ничего, кромѣ Франціи.

Любопытно прослѣдить (въ мемуарахъ Нея, Гувіона Сенъ-Сиръ, генерала Фой и другихъ) любопытный прогрессъ развращенія арміи. Она долго сопротивлялась ему. Наши офицеры инфантеріи, говоритъ Фой, сіяли чистотой и честью. При Аустерлицѣ, старые гренадеры, уцѣлѣвшіе отъ республиканской арміи, негодовали на молодыхъ, которые, проходя, грабили Германію; они сурово говорили имъ: «Прежде чѣмъ сражаться въ нашихъ рядахъ, сначала опорожните ваши мѣшки». Я уже упомянулъ въ другомъ мѣстѣ со словъ поч-

теннаго свидѣтеля, бывшаго другомъ моимъ, объ отвращеніи офицеровъ нашихъ, когда, послѣ Ейлау, приглашенные на обѣдъ къ императору, каждый изъ нихъ нашелъ въ салфеткѣ банковый билетъ.

Великая армія, раздробленная для похода въ Испанію и измѣненная болѣе всего рекрутами ваграмскими, долго сохраняла, не смотря на развратителя своего, гордый духъ. Онъ всегда пытался пробудить корысть. Онъ создалъ къ концу кассу, *казну арміи*. Самъ онъ на Св. Еленѣ выдаетъ себѣ свидѣтельства безкорыстія. «Если мнѣ дарили картину, я отдавалъ ее въ музей». Согласенъ. Но милліоны, положенные у Лафита, капиталы августѣйшей матери (Madame Mère) и семьи, которая такъ дѣятельно употребила ихъ, чтобы приготовить гибельную реставрацію свою.

XI.

Слабость Бонапарте. 2 іюля. Ожеро выручаетъ его. Кастильоне, 4 іюля 95.

Бонапарте, занятый въ мѣсяцы роздыха своимъ финансовымъ царствомъ, не съумѣлъ извлечь никакой пользы изъ Италіи, изъ героизма и самоотверженія, которыя во время пораженій нашихъ миланцы, болонцы и пр. выказали для Франціи и свободы. Они требовали оружія. Возвращеніе австрійцевъ, которое тогда казалось вѣроятнымъ, не пугало ихъ. Даже населеніе венеціанскихъ областей, Бресчіи, такъ извѣстное за храбрость свою, и многихъ другихъ городовъ, могли бы дать превосходныхъ рекрутъ. Бонапарте послалъ туда позже агента, но съ недовѣріемъ, но съ двусмысленными словами, которыя не успокоивали патріотовъ. За то въ

сильные жары, когда у него было пятнадцать тысячь больныхъ заразъ, армія его, сильно ослабленная и не возстановлявшая потери свои, впала въ сильное уныніе. Роли перемѣнились. Теперь австрійская имперія была сильна народными массами. За нѣмцами Вурмзера появились славяне и венгры Альвинци. И, какъ мы то увидимъ, французской арміи пришлось имѣть дѣло съ густыми толпами, легко вознаграждавшими потери свои. Сколько ни убивали французы, враги все прибывали. За нашими кровавыми сраженіями и громкими разсказами Бонапарте, на горизонтѣ видны массы враговъ, которые три раза, не смотря на него, подкрѣпили Мантую.

Бонапарте не подозрѣвалъ этого великаго народнаго явленія, возстанія массы всѣхъ этихъ народовъ. Онъ оставался въ центрѣ Италіи. Изъ Ливорно и Болоньи, гдѣ онъ находился, онъ не видѣлъ ничего кромѣ большой и слабой неаполитанской арміи на югѣ—на сѣверѣ только двадцать тысячь солдатъ, которыхъ Австрія взяла изъ рейнской арміи своей. Новымъ главнокомандующимъ былъ Вурмзеръ, старый генералъ и, несмотря на годы, еще пылкій и непреклонный альзасецъ, какъ Клеберъ, и обладавшій какъ и онъ, мужествомъ людей полнокровныхъ, холерическимъ мужествомъ героевъ Нибелунговъ. Онъ былъ въ высшей степени способенъ руководить великомъ народнымъ движеніемъ. Но вѣнскій кабинетъ, считая этого семидесятилѣтняго человѣка слишкомъ молодымъ и кипучимъ, мудро взнуздалъ и замундштучилъ его, какъ слишкомъ горячаго коня, стальною уздою и желѣзнымъ мундштукомъ. Я такъ называю педантическій совѣтъ генеральнаго штаба, который не покидалъ его, принуждалъ его идти по начертанной линіи и говорилъ ему при каждомъ смѣломъ шагѣ: «Вы сломите себѣ шею». Если несчастный упорствовалъ въ предпріимчивой отважности своей, то находилась и

другая Минерва, чтобы напомнить ему о мудрости. То было англійскій комиссаръ, который доставлялъ субсидіи и потому командовалъ и говорилъ: «Тише! Армія эта стоитъ дорогъ его британскому величеству. Нужно беречь ее и думать о томъ, какъ трудно было получить субсидіи эти отъ парламента.» Такъ что еслибы пылкій Вурмзеръ вырвался отъ своихъ опекуновъ генеральнаго штаба, то его поставилъ бы къ определенныя границы красный мундиръ, англійскій комиссаръ, который много разъ во время сраженія, когда Вурмзеръ хотѣлъ упорствовать и снова нападать, говорилъ: «Довольно на сегодня. Это стоитъ намъ слишкомъ дорого. Отложимъ до другого дня.»

Массена стоялъ на сторожѣ въ Веронѣ. Онъ поставилъ батарею въ Риволи на возвышенности, господствовавшей надъ всею мѣстностью. Онъ обезпечилъ себѣ три прохода черезъ Адижу и хотѣлъ перейти въ наступленіи, при входѣ въ Тироль, въ горахъ. Вышло совершенно наоборотъ. Съ горъ хлынулъ потопъ, ударилъ самъ собой, неодолимый. Лучшій изъ лейтанантовъ Массены, Жуберъ, героическій молодой человѣкъ, который, какъ и Бонапарте, электризировалъ все взглядомъ своимъ, при Веронѣ и Риволи вынесъ единственное и страшное несчастіе—онъ былъ покинутъ. Канониры его оставили свой постъ. Онъ пришелъ въ такое негодованіе, что только съ двумя солдатами вошелъ въ батарею и сбросилъ черезъ парапетъ двѣ пушки на непріятеля, потомъ сквозь пули, дошелъ до Массены. «Что дѣлать,» сказалъ тотъ непоколебимый, неустрашимый. Въ то время какъ наши солдаты бѣжали въ разсыпную передъ Давидовичемъ въ горахъ, Массенѣ и Жуберу удалось вернуть артилерію.

Между тѣмъ кроаты окружили и блокировали генерала Гіё. Нѣмецъ Кленау и эмигрантъ де Винсъ взяли Бресчію

и французскій гарнизонъ (30 іюля). Великое бѣдствіе! Въ этомъ мѣстѣ находились три генерала, шесть начальниковъ бригадъ, тысяча солдатъ, полторы тысячи больныхъ, много чиновниковъ, магазины и пр.

Ожеро мужественно велъ самъ отступленіе къ Ровербело, во главѣ 800 гренадеровъ. Бонапарте, узнавшій о несчастіяхъ нашихъ въ Миланѣ, прибылъ къ Ожеро въ девять часовъ вечера и сильно смущенный говорилъ ему объ отступленію за По. Ожеро холодно сказалъ: «Я иду на Бресчію. Я прогоню непріятеля и возьму снова для васъ дороги между Миланомъ и Вероной.» Бонапарте въ задумчивости обратился къ Бертье, который былъ другимъ Бонапарте, и сказалъ, въ отчаяніи: «Если такъ, то мы должны снять осаду Мантуи!» Рѣшеніе страшное, героическаго здраваго смысла, и которое Ожеро напрасно оспаривалъ. Чтобы угадать чего оно стоило Бонапарте, нужно знать, что не имѣя матеріала для осады, онъ все лѣто собиралъ все, что можно было найти въ Италіи, крупныя орудія и тысячу другихъ предметовъ. Лагерь нашъ былъ городомъ близь города Мантуи. Пожертвовать всѣмъ этимъ было такою мѣрою, что никто въ средѣ непріятелей не могъ этому вѣрить. Въ ночь съ 31 іюля на 1 августа все исчезло. Нашъ энергическій Серюрье заклепалъ наши пушки, сжегъ экипажи и все что могло служить. Потомъ онъ раздѣлилъ корпусъ свой на двѣ половины и подкрѣпилъ половины каждаго изъ нихъ тѣхъ, кого я называю руками арміи, Ожеро и Массену.

Въ это время Ожеро, какъ говорилъ, взялъ обратно Бресчію, а съ другой стороны освободили Гюё и Руска, окруженныхъ непріятелемъ. Но все это не ободряло Бонапарте. Онъ былъ неутѣшенъ въ потерѣ мантуйскаго лагеря. Въ совѣтѣ генераловъ онъ говорилъ объ отступленіи за По. «Вы не

сдѣлаете этого», сказалъ Ожеро: «Если мы перейдемъ черезъ рѣку, то отступленіе ваше превратится въ бѣгство, которое поведетъ насъ до Генуи». Бонапарте, въ сильномъ затрудненіи около двухъ часовъ ночи позвалъ Ожеро: «Я думаю какъ и вы, что надо идти на непріятеля».

2 августа въ четыре часа вечера Ожеро бывшій въ Монтекіоро, увидѣлъ всѣхъ пріѣзжавшихъ генераловъ, которыхъ Бонапарте собралъ на военный совѣтъ въ овинѣ. И тамъ сыплются дурныя вѣсти. Генералъ Валетъ очистилъ Кастильоне, противъ желанія солдатъ. Посланный его, человѣкъ очень тонкій, показывалъ не знаю какой приказъ. Бонапарте въ бѣшенствѣ отвѣчалъ: «Я приказалъ, чтобы защищались до послѣдней крайности; вы должны были тамъ погибнуть. Я долженъ бы приказать разстрѣлять васъ». Потомъ обращаясь къ генераламъ, онъ сказалъ: «Окопаемся здѣсь на нѣсколько дней. Серюрье подойдетъ соединиться съ нами, и мы поставимъ нашу линію на Аддѣ». Ожеро разсмѣялся и сказалъ: «Да, на Аддѣ, которую вездѣ легко перейти. Австрійцы въ двухъ шагахъ, 20.000 австрійцевъ!» Потомъ обратясь къ Бонапарте, онъ сказалъ ему съ дружеской геройской свободой: «Я другъ вашей славы; я хотѣлъ бы видѣть васъ болѣе спокойнымъ. Нужно сражаться здѣсь и я отвѣчаю за побѣду. Къ тому же», прибавилъ онъ съ лукавой усмѣшкой: «если насъ побьютъ, то значитъ, что я буду убитъ». Это заставило разсмѣяться присутствовавшихъ, но не разогнало мрачность Бонапарте который отвѣчалъ: «Я предпочитаю отступить къ Лоди». Но, онъ одинъ держался этого мнѣнія. Всѣ генералы подали совѣтъ въ смыслѣ Ожеро, сказали, что надо сражаться. На это онъ сдѣлалъ нетерпѣливое движеніе и сказалъ: «Я не вмѣшиваюсь болѣе въ это дѣло. Я уѣзжаю». Тогда Ожеро спросилъ: «Кто же будетъ командовать, если вы уѣдете?» —

В ы», сказалъ Бонапарте. И онъ уѣхалъ въ Лонато, гдѣ находился Массена.

По отъѣздѣ главнокомандующаго Ожеро добродушно сказалъ старшимъ генераламъ: «Начальство не принадлежитъ мнѣ ни по старшинству, ни по заслугамъ. Не меня слѣдовало назначить, не правда-ли, Кильмэнъ?» Тотъ, храбрый ирландецъ, но скорѣе британецъ по флегмѣ, отвѣчалъ хладнокровно: «Ну такъ командуйте Ожеро». — «Вы поможете мнѣ?» — «Да, командуйте». И не заставивъ себя долѣе просить, Ожеро принялъ на себя эту отвѣтственность. Эта удивительная сцена сдѣлалась намъ извѣстна только долго послѣ появленія сочиненій Тьера, Жомини и другихъ біографовъ Бонапарте. Я выписалъ ее изъ записокъ Массены, компилированныхъ генераломъ Кохомъ. Я зналъ этого ученаго военнаго историка и я могъ оцѣнить характеръ и правдивость его. Къ тому же, здѣсь онъ говоритъ не за своего героя, Массену; все здѣсь къ чести Ожеро. Тьеръ утверждаетъ смѣло и безъ малѣйшихъ доказательствъ, что генералы Бонапарте хотѣли отступить: «Всѣ подали голосъ за отступленіе. Ни одинъ изъ нихъ, за исключеніемъ Ожеро, не счелъ благоразумнымъ держаться». То, что склоняетъ меня думать совершенно про тивуположное, есть именно письмо самого Бонапарте, которое я прочелъ въ корреспонденціи его (томъ I, 3 августа): онъ приказалъ Кильмену прислать сто гренадеровъ и пятьдесятъ лошадей къ мосту Кассана, чтобы защитить переходъ «противъ улановъ или мѣстныхъ жителей», какъ онъ говорилъ. Этотъ знаменитый мостъ, такъ извѣстный по переходу армій нашихъ, былъ на самомъ дѣлѣ путемъ наиболѣе вѣрнымъ, чтобы перейти рѣку въ случаѣ отступленія.

Это доказываетъ насколько онъ самъ считалъ невѣроятнымъ, чтобы Вурмзеръ могъ быть разбитъ тою самою так-

тикою, которою былъ разбитъ Больё. На войнѣ, какъ и во всякомъ другомъ искусствѣ, есть неудобство повторяться такимъ образомъ. Онъ одержалъ верхъ надъ Болье, потому что отрѣзалъ его отъ Колли, изолируя такимъ образомъ австрійцевъ отъ піемонтцевъ. Какъ же можно было предположить на этотъ разъ, что бы Вурмзеръ, единственный генералъ, далъ отрѣзать себя отъ лейтенантовъ своихъ Квадзановича и Байаловича, которые спускались по берегамъ Гардскаго озера? Если это удалось Бонапарте, который стоялъ между ними на южной оконечности озера, то потому что штабъ, который руководилъ Вурмзеромъ, принудилъ его сдѣлать то, что спасло Бонапарте, оставить лейтенантовъ своихъ однихъ. Ему показали, безъ сомнѣнія, положительный приказъ двора, повторявшій еще разъ, то что повторялось неизмѣнно. «Прежде всего идите въ Мантую, подкрѣпите Мантую». Вурмзеръ долженъ былъ повиноваться и это дало возможность Массенѣ одержать надъ лейтенантами его побѣду при Лонато и, когда Вурмзеръ самъ пришелъ на помощь 4 августа, то только для того, чтобы понести отъ Ожеро пораженіе при Кастильоне.

Все это систематически устроено у Тьера, связано съ *«великимъ планомъ»* составленнымъ заранѣе. Но для того, чтобы планъ этотъ оказался годнымъ, нужно было, или чтобы старый Вурмзеръ дѣйствовалъ какъ молодой вѣтренникъ, или чтобы опекуны Вурмзера принудили его дѣйствовать такимъ образомъ, какъ будто они сами были орудіемъ Бонапарте. Я думаю, что во всемъ этомъ случай игралъ бо́льшую роль, нежели планъ. Я думаю какъ и генералы Кохъ и Бове, что снявъ осаду съ Мантуи и видя важный постъ—Кастильоне покинутымъ, Бонапарте въ самомъ дѣлѣ думалъ объ отступленіи. И даже въ Лонато онъ не зналъ съ кѣмъ придется сражаться Массенѣ съ Вурмзеромъ или лейтенантомъ его

Квездановичемъ. Біографъ Массены оставляетъ всю славу Кастильоне Ожеро. Онъ не предполагаетъ, какъ Тьеръ, чтобы дивизія Массены, которая такъ сильно была утомлена у Лонато и потеряла почти десятую часть свою, могла бы быть на слѣдующій день въ состояніи много помогать Ожеро при Кастильоне. Правдивый и безпристрастный біографъ Массены не требуетъ здѣсь ничего для него. Онъ приписываетъ всю славу Ожеро. Онъ показываетъ Ожеро твердо ожидающаго главную австрійскую армію, Вурмзера, возвращающагося изъ Мантуи. Ожеро повернулъ направо и занялъ высоты Сольферино. Онъ съ центромъ взялъ приступомъ Кастильоне и лично перешелъ черезъ подъемный мостъ, въ то время, какъ гренадеры его влѣзали на стѣны этого небольшаго города.

Между тѣмъ Вурмзеръ подходилъ—цѣлое море австрійцевъ. Ожеро скрылъ артиллерію въ оврагѣ и сдѣлалъ притворное отступленіе. Потомъ внезапно открылъ пушки, началъ огонь и вслѣдъ за тѣмъ пошелъ въ штыки. Вурмзеръ, какъ кажется, геройски защищался. Всѣ генералы Ожеро были принуждены покинуть поле сраженія. Одинъ Ожеро стоялъ противъ австрійцевъ. Въ это время подошедшему Кильмену удалось обогнуть съ фланга австрійцевъ. Было шесть тысячь убитыхъ. Пятнадцать тысячь плѣнниковъ были въ рукахъ Ожеро. Не было ни одного сраженія болѣе рѣшительнаго, нежели сраженіе это. Бонапарте ѣздилъ взадъ и впередъ между обѣими арміями. Онъ загонялъ пять лошадей. Кажется, что онъ присутствовалъ при Лонато, но не при Кастильонѣ; потому, что онъ былъ очень удивленъ, увидѣвъ поле битвы и большія потери непріятеля. Онъ въ восторгѣ обнялъ Ожеро. Но это хорошее движеніе природы было коротко. Онъ съ этой минуты разлюбилъ Ожеро. Въ патентѣ, которымъ онъ далъ ему титулъ герцога Кастильоне, онъ не вспоминаетъ великую

услугу, которую Ожеро въ этотъ день оказалъ Франціи. Онъ говорилъ только это ледяное слово: «Въ этотъ день онъ хорошо держался.» Все это вмѣстѣ заставляетъ меня вѣрить прекрасному разсказу Коха и показываетъ, что Бонапарте сохранилъ до конца злобу противъ того, кто въ одинъ роковой день видѣлъ его слабымъ и подкрѣпилъ его *).

Жомини находитъ тоже (т. IX, стр. 332), что онъ не пользовался всѣми результатами, какихъ были въ правѣ ожидать отъ этого дня; что онъ не выказалъ ту энергію, какую выказалъ въ началѣ кампаніи. Вурмзеръ могъ собрать разсѣянныя колонны свои, отступить безъ серьезнаго дѣла и могъ еще привести пятнадцать тысячъ свѣжихъ войскъ въ Мантую. Все могло быть вслѣдствіе одной причины, которую Жомини никогда не цѣнилъ. Вурмзеръ, каковы бы ни были потери его, имѣлъ въ рукахъ громадную народную силу въ храбрыхъ милиціяхъ, славянскихъ и тирольскихъ, которыя шли за нимъ. Опираясь на нихъ, онъ снова чувствовалъ себя бодрымъ и сильнымъ, какъ великанъ Антей, когда онъ прикасался къ землѣ. Произошла, какъ мы говорили, великая перемѣна. Наша блестящая итальянская армія, чуждая Италіи самой, отнынѣ стала арміей *солдатъ*. А армія Вурмзера—нѣмцы, тирольцы, венгерцы, кроаты, всѣ эти варвары были *народомъ*.

Минутою, когда республика имѣла самый прекрасный случай—дѣйствовать противъ Бонапарте и могла еще раздавить его, какъ Венеція раздавила своего Карманьолу, было 1 августа, когда онъ, безъ приказанія, снялъ осаду Мантуи. Онъ не былъ бы въ состояніи представить очетъ о своемъ фи-

*) Къ тому же онъ былъ очень нервенъ. Дону говорилъ мнѣ, что 81 брюмера видѣли, какъ онъ поблѣднѣлъ и почти въ обморокѣ упалъ на руки гренадеровъ своихъ.

нансовомъ царствѣ, изъ котораго онъ изгналъ всѣхъ законныхъ надзирателей.

Въ эту минуту, для первой опасности было бы достаточно Ожеро, Массены. Сверхъ того на помощь имъ можно бы было прислать альпійскую армію и Келлермана, котораго Бонапарте такъ гордо оттолкнулъ. Главною тревогою Бонапарте была та безмѣрная выгода, какую снятіе осады давало проницательнымъ врагамъ—патріотамъ Парижа. И онъ сильно сожалѣлъ о томъ, что оскорбилъ человѣка ихъ — Салисетти. Ему онъ пишетъ первое письмо, которое помѣтилъ Бресчіа, *2 августа*; онъ говоритъ тамъ о побѣдѣ при Лонато, которая была одержана на другой день *3 августа*. Онъ посылаетъ къ нему брата своего Луи и проситъ вѣрить всему, что скажетъ Луи. Письмо это слишкомъ ясно показываетъ разстройство его. Сначала онъ говоритъ о сраженіи, какъ о выигранномъ уже, потомъ прибавляетъ: «Разбитый, я отступлю на Адду. Я не остановлюсь на болотахъ Мантуи» слова очень странныя, потому что онъ покинулъ Мантую два дня до этого.

2 автуста онъ неясно пишетъ директоріи: «Мы понесли пораженія, потомъ одержали побѣды». Наконецъ, послѣ побѣды при Кастильонѣ, бывшей 4 августа, успокоенный, онъ прикидывается больнымъ, прикидывается добрымъ граждаминомъ, который любитъ мирную жизнь (9 августа). Все это онъ пишетъ довѣрчивому Карно, который былъ безъ сомнѣнія тронутъ и какъ всегда поручился за него. Послѣ побѣды при Лонато и не дожидая побѣды при Кастильоне, онъ послалъ адьютанта въ Парижъ. 9 въ письмѣ къ Карно онъ желаетъ того, чего онъ болѣе всего боялся—отдыха, т. е. быть отозваннымъ въ Парижъ для представленія отчетовъ. Впрочемъ онъ принялъ свои мѣры. Узнавъ отъ секретаря своего, флотскаго офицера, о великихъ англійскихъ процессахъ, занимав-

шихъ всю Европу, онъ конечно подражалъ не слѣпой алчности Клайва, но осторожности Гастингса, который мѣтя на власть, составилъ себѣ только умѣренное состояніе. Продолжительный процессъ Гастингса окончился именно въ это время 95 г., когда, если бы не было Кастильоне, то Бонапарте призванный въ Парижъ и не будучи въ состояніи сдать свои отчеты, долженъ бы былъ опасаться процесса, который остановилъ бы его на смѣломъ пути его.

ОГЛАВЛЕНІЕ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Конецъ якобинцевъ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Директорія.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

Происхожденіе и начало Бонапарте.

ИСТОРІЯ XIX ВѢКА.

ДО 18 БРЮМЕРА.

Мишле.

ТОМЪ II.

ПЕРЕВОДЪ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

М. Цебриковой.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

Въ типографіи Ф. С. Сущинскаго.

Екатерининскій каналъ, 168.

1883.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Судъ исторіи.

I.

Въ предисловіи къ первой части я говорилъ о строгомъ правосудіи исторіи, о приговорахъ, которые произноситъ она надъ прихотями свѣта и легкомысленными и страстными мнѣніями современниковъ. «Этотъ поздній судъ, котораго мы не услышимъ, нисколько не смущаетъ насъ» — такъ могутъ возразить иные. И они будутъ неправы.

Нѣтъ, мнѣніе будущаго, которому такъ много людей приносятъ въ жертву даже самую жизнь, значитъ что нибудь. Проклятіе—посмертная мука, которую налагаетъ ужасъ внушаемый человѣчеству, этотъ адъ исторіи страшенъ и для тирановъ, потому что они не щадятъ ничего для охраненія своей памяти и для обмана потомства. Общественное поруганіе, которое они выносятъ по смерти, всегда казалось имъ дѣломъ страшнымъ. Они хотѣли бы, какою бы то ни было цѣною, убѣжать отъ мстителя—свѣта и не оставаться надъ

лучами его какъ ночныя птицы прибитыя гвоздемъ къ дверямъ на поруганіе прохожихъ.

Но за то какъ многіе, которые заслуживаютъ благодарное воспоминаніе всего чаще получаютъ въ награду забвеніе. Они всплываютъ на одинъ мигъ въ памяти потомства и потомъ вскорѣ исчезаютъ въ пучинѣ забвенія. Не разсчитывайте на небольшой кружокъ, который былъ около васъ при жизни. «Я умру одинъ», говорилъ Паскаль. Это общій удѣлъ человѣчества.

Но нужно ли чтобы помнили?—Да. Каждая душа между всѣмъ зауряднымъ, что заключается въ ней, обладаетъ и извѣстною особенною, индивидуальною чертою, которая не повторяется въ другихъ душахъ и которую надо замѣтить, когда душа эта уходитъ въ неизвѣстный міръ. Хорошо было бы назначить хранителя могилъ, который былъ бы опекуномъ и покровителемъ умершихъ. Я говорилъ въ другомъ мѣстѣ о должности, какую занималъ Камоенсъ на смертоносномъ берегѣ Индіи: распорядителя надъ имуществомъ умершихъ. Да, каждый умершій оставляетъ небольшое наслѣдство—память свою и требуетъ, чтобы хранили ее. Для того, у кого нѣтъ друзей, магистратура должна занять мѣсто ихъ. Законъ, правосудіе вѣрнѣе, нежели привязанности наши такъ забывчивыя, наши слезы такъ быстро высыхающія.

Магистратура эта—Исторія. Мертвые, говоря языкомъ римскаго права—это miserabiles personae, о которыхъ судья долженъ заботиться. Никогда, въ продолженіе всей моей профессіи, я не терялъ изъ вида эту обязанность историка. Я подалъ многимъ забытымъ умершимъ помощь, въ которой я самъ буду нуждаться. Я отрылъ ихъ изъ могилъ для новой жизни. Иные родились не въ ту минуту, въ которой они могли бы показать себя. Другіе родились наканунѣ новыхъ и

потрясающихъ событій, которыя изгладили ихъ слѣдъ, заглушили память о нихъ. Примѣръ тому протестантскіе герои умершіе передъ блестящей и забывчивой эпохой восемнадцатаго вѣка Вольтера и Монтескье. Исторія принимаетъ и возобновляетъ забытую славу именъ ихъ, даетъ новую жизнь мертвымъ, воскрешаетъ ихъ. Правосудіе ея соединяетъ тѣхъ, которые жили въ разное время, вознаграждаетъ многихъ, которые появились только на мгновеніе для того, чтобы исчезнуть. Всѣ они живутъ теперь съ нами, и мы чувствуемъ, что мы имъ родные, друзья. Такъ создается одна семья, одинъ градъ общій для мертвыхъ и живыхъ.

Различіе вѣковъ, формъ, одеждъ не значитъ ничего. Исторія находитъ удовольствіе признавать это. Она чувствуетъ напримѣръ, что великіе протестанскіе мученики, не смотря на одежду и странный богословскій языкъ ихъ, были также мучениками, героями свободы. Для меня было большимъ счастьемъ положить конецъ этому недоразумѣнію. Какъ могли, восходя только до 1670 г., утратить память о героѣ, о мученикѣ, который, простой частный человѣкъ, искалъ по цѣлой Европѣ враговъ Людовику XIV и который болѣе чѣмъ кто либо создалъ великую лигу противъ него и послѣдовавшее за тѣмъ пораженіе этого новаго Филиппа II? Я съ удивленіемъ видѣлъ, что сами протестанты не знали имя это достойное вѣчной памяти, ни страшное событіе, когда онъ былъ захваченъ на Женевскомъ озерѣ для того, чтобы быть колесованнымъ въ Парижѣ. Я нашелъ его, смѣю ли я сказать, забытаго, безъ почестей, въ нѣдрахъ земли—въ компиляціи такъ мало читаемой Эли Бенуа. Съ какою радостью отрылъ я его и отдалъ почесть славному мученику свободы міра *).

---

*) См. Примѣчаніе въ концѣ тома.

Я не менѣе радуюсь, когда въ этомъ томѣ и въ слѣдующихъ, отрою изъ могилъ столько замѣчательныхъ людей послѣднихъ временъ революціи, которыхъ Бонапарте держалъ въ тѣни, пряталъ въ углы, заставлялъ забывать и такъ часто чернилъ. Многіе исчезли для исторіи, потерянные въ поглощающихъ и ревнивыхъ лучахъ бросаемыхъ славою его, преувеличенною вволю столькими историками декламаторами. Упомянемъ между прочимъ о людяхъ, которые подготовляли экспедицію въ Египетъ, и тѣхъ, которые въ этой странѣ завѣдывали администраціею Бонапарте. Назовемъ энергическаго, благодѣтельнаго Кафарелли, благородная личность котораго до меня была затеряна во тьмѣ.

И какъ можно удивляться тому, что забываютъ людей, когда народы забываютъ самихъ себя, когда они неблагодарны и слѣпы къ отцамъ своимъ и къ наиболѣе великимъ минутамъ исторіи своей? Это случается съ каждою націею; не только съ одними французами, которыхъ Европа считаетъ такъ легкомысленными; я докажу, что тоже самое было и съ англичанами, болѣе постоянными и менѣе забывчивыми.

Въ этомъ томѣ, для Франціи и Европы, для насъ и для коалиціи, главный узелъ дѣйствія—фруктидоръ. Здѣсь болѣе всего нуженъ внимательный и серьезный взглядъ исторіи. До меня общее мнѣніе заблуждалось и видѣло не то, что было въ этомъ событіи. Мы доказали свидѣтельствомъ роялистовъ самихъ, что то на самомъ дѣлѣ былъ заговоръ роялистовъ, подорванный во время директоріею и твердостью только одного изъ директоровъ *). Роялисты сами сознались въ полномъ соглашеніи своемъ съ Англіею, которая, когда прошла страшная опасность для нея—великое возмущеніе флота,

*) Ларевельеръ Лепо. Сынъ его передалъ мнѣ прекрасныя записки его, ото рыя наконецъ были напечатаны.

приносила громадныя денежныя жертвы для того, чтобы взорвать Францію.

Въ Парижъ призвали неистовую Вандею. Это заставило сказать ссылаемаго Пишегрю: «Если бы мы побѣдили, то революціонеры не отдѣлались бы ссылкой». И черезъ два года мы увидѣли этого добраго роялиста Пишегрю возвращающагося изъ ссылки въ Лондонъ, потомъ ведущаго русскихъ противъ насъ, какъ прежде онъ водилъ австрійцевъ. Это дѣло фруктидора, когда нападавшіе утверждали, будто на нихъ нападали, и заставили этому вѣрить, напоминаетъ въ совершенствѣ дѣло 1870 г. когда Пруссія, которая еще за три года подготовляла вторженіе во Франціи, съумѣла свалить всю видимость вины на французовъ и заставить вѣрить, будто она только защищалась.

Судьба иначе рѣшила въ фруктидорѣ. Республика не только была спасена отъ заговора роялистовъ, но произошелъ республиканскій взрывъ на всемъ западѣ Европы, въ Ирландіи, Голландіи, на Рейнѣ, въ Швейцаріи, Піэмонтѣ, Римѣ, Неаполѣ, и Франція выступила во всемъ величіи республиканской матери, окруженной дочерьми. Все западное человѣчество потребовало правъ своихъ и сочло себя способнымъ управлять само собою и повиноваться законамъ разума, такимъ, какими ихъ провозгласилъ восемнадцатый вѣкъ. Тогда Франція пережила прекрасное мгновеніе великодушія чудесный порывъ мужественнаго братства. Никогда еще она, не доходила такъ близко до великой поэтической мечты своей *освобожденія міра*, до идеала человѣчества совершеннолѣтняго подъ республиканской формой. Она распространила желанія свои до Африки, до Азіи. Совѣтники Бонапарте въ Египтѣ заставили его собрать первый египетскій диванъ, у котораго спрашивали, и съ пользою, совѣты объ интересахъ страны, о

каналахъ, орошеніяхъ, распредѣленіи налоговъ и пр. Франція въ эту минуту, послѣ побѣды республики въ фруктидорѣ, казалось, приняла на себя опеку надъ всѣми слабыми земли и защиту ихъ. Великая смѣлость для государства такъ сильно разъѣдаемаго внутри измѣной. Ее обвиняли въ неосторожности, въ легкомысліи—и напрасно. Надо вспомнить только, что тогда не только на Рейнѣ, но и въ Туринѣ, Римѣ, Неаполѣ и Дублинѣ рѣзали и вѣшали друзей нашихъ, всѣхъ тѣхъ кто вѣрилъ въ насъ, въ благовѣстіе свободы міра. Могли ли мы быть глухими къ вздохамъ агоніи ихъ, къ мольбамъ ихъ за отечество, за юныя республики вчера родившіяся отъ насъ?

Франція не устрашилась. Она приняла борьбу всемірную одна противъ всѣхъ, постановила наборъ и молодыми солдатами своими нанесла два превосходные удара, восторжествовала надъ лучшими арміями Европы. Республика побѣдила съ одной стороны русскихъ, съ другой англичанъ. И проданная, погубленная въ западнѣ, она унесла по крайней мѣрѣ двѣ великія побѣды въ могилу. Плачевное возвращеніе изъ Египта и причины, ради которыхъ англичане, державшіе въ рукахъ своихъ моря, допустили Бонапарте возвратиться и возвратиться такимъ медленнымъ плаваніемъ, продолжавшимся сорокъ пять дней, объясняются, какъ то увидятъ, болѣе всего восточною хроникою напечатанною въ 1839 г. Западня брюмера объясняется не менѣе хорошо сообщничествомъ генераловъ, которые выбрали роялистовъ для того, чтобы оттереть республиканскаго генерала, который могъ возвратиться послѣ цюрихской побѣды своей *).

*) Г. Гамель первый имѣлъ мужество быть справедливымъ въ отношеніе директоріи, которую слишкомъ много обвиняли. Кидаемая изъ стороны въ сторону событіями, она не имѣла ни средствъ ни времени положить

II.

Уступилъ ли я чувству вражды противъ Англіи во второмъ томѣ этомъ, гдѣ говорится объ упорной борьбѣ Англіи и Франціи? Я этого не думаю. То, что я говорилъ объ Индіи, менѣе рѣзко нежели рѣчи великихъ англійскихъ ораторовъ. Что касается остальнаго, то я всегда помнилъ правило, что историкъ говорящій о чужомъ народѣ долженъ хорошо всматриваться, прежде чѣмъ осуждать то, что онъ мало знаетъ. Онъ долженъ входить въ идеи народа этого, брать въ разсчетъ преданія его и естественное увлеченіе страстныхъ минутъ его *).

Эпоха этой дикой и братоубійственной борьбы, благодаря Богу, кончилась. Я писалъ недавно великому естествоиспытателю Дарвину: «Проливъ, кажется, уже засыпанъ общими идеями, даже общими интересами. Я вижу съ радостью пред-

---

твердый краеугольный камень, на которомъ можно бы было основать республику, образованіе. Роялисты остановили ее на первомъ шагѣ, принудивъ уничтожить нормальную школу. Высшія школы остались разъединенными и не могли союзомъ своимъ создать человѣка. Первая школа права не оправдала названія своего, но осталась тѣмъ, чѣмъ была—школой законовъ и декретовъ измѣнявшихся съ каждымъ днемъ. (См. мою книгу «Наши сыновья» и предисловіе къ моей «Революціи»). Она осталась безъ нравственной основы въ той средѣ помѣсей, гдѣ притворялись будто вѣрили, что старыя преданія объ избранныхъ и произволѣ могли согласоваться съ справедливостью и республикою.

*) Я пытался сдѣлать это и этого не сдѣлалъ профессоръ Зибель съ черствымъ догматизмомъ своимъ. (См. прекрасную и такъ справедливую критику г. Авенеля на трудъ Зибеля, помѣщенную въ журналѣ Республика). Къ тому же идеи, на которыя такъ сильно нападаетъ нѣмецъ этотъ,—идеи Германіи самой и всей Европы въ XVIII вѣкѣ. Г. Авенель очень вѣрно замѣчаетъ, что всѣ тогда равно принимали, вѣрили, проповѣдывали то благовѣстіе разума, которое распространялось Руссо, Базедовымъ, Песталоцци и стало одно время символомъ Германіи.

пріятіе создать мостъ, или вѣрнѣе тунель, который, проходя отъ Кале до Дувра, возвратитъ обѣимъ странамъ естественное сосѣдство, родство, геологическое тождество ихъ». Не только дружественныя и даже отчасти семейныя связи соединяютъ меня съ этимъ великимъ народомъ, но и принципы мои. Я за него противъ Филиппа II, Людовика XIV и Наполеона. При отмѣнѣ нантскаго эдикта я заодно съ протестантами нашими, я иду съ ними на помазаніе Вильгельма въ Вестминстеръ, (См. мою исторію Франціи 1688 г.). Какъ много служилъ проливъ этотъ противъ всѣхъ тирановъ континента! Какъ радовался я въ 1830 г., когда увидѣлъ Англію, что дикій Бонапартъ понесъ пораженіе, не могъ сдѣлать высадку, ни разрушить этотъ удивительный улей человѣческой промышленности. Въ средніе вѣка Англія была общимъ прибѣжищемъ народовъ. Говорятъ слишкомъ много объ англосаксонскомъ происхожденіи Англіи. Небольшія племена англосаксовъ значили очень мало въ сравненіи такъ значительной основы—кельтійской расы и громадныхъ волнъ эмигрантовъ, которые безпрестанно прибывали съ противуположнаго берега, и болѣе всего съ фламандскаго. Тысячи мѣстъ въ хроникахъ *) доказываютъ, что съ очень давняго времени трудолюбивое населеніе континента начало приливать туда массами. Особенно ткачи во что бы ни стало стремились въ страну эту, гдѣ шерсть была главнымъ предметомъ торговли; германскій элементъ и фламандскій мистицизмъ изгладились; выработался англійскій духъ, съ отличительнымъ характеромъ его положительности и послѣдовательности, соединенныхъ съ особенною подвижностью, неизвѣстною германцамъ. Императоръ Фридрихъ II въ стихотвореніяхъ своихъ воспѣ-

*) Ученый Брентано, повидимому, не знаетъ хроникъ этихъ.

ваетъ прекрасныя длинныя руки англичанъ, которыя они конечно получили отъ предковъ своихъ, рабочихъ изъ Фландріи.

Торжественной эпохой этихъ эмиграцій работниковъ былъ 1685 г., когда наши ткачи протестанты наполнили цѣлое предмѣстье Лондона — Спитальфильдъ. Это бѣгство моремъ должно было тоже привести ихъ въ Шотландію, въ ту страну, которая нѣкогда, въ силу дружбы, была другою Франціею. Я готовъ этому вѣрить. Но я тѣмъ неменѣе вѣрю и прекрасной шотландской легендѣ о томъ, что богатая шотландская дѣвица, по ошибкѣ принеся обвиненіе противъ служанки своей, для искупленія вины основала мастерскую—мірской монастырь, гдѣ благочестивыя женщины съ изумительнымъ терпѣніемъ и правильностью достигли до совершенства въ той пряжѣ, которая получила названіе шотландской пряжи— fil d'Ecosse.

То же самое совершенство мы видимъ и въ пряжи шерсти, которую производили въ Англіи въ Ланкастарѣ. Торговля шерстяными чулками стала очень значительной, когда послѣ завоеванія Индіи деньги начали свободно обращаться даже у убѣдняковъ. Изобрѣтательный человѣкъ, Аркрайтъ сильно ускорилъ производство шерстяныхъ чулокъ устройствомъ чулочной машины. Удививительныя машины эти, въ особенности машина Уатта, восторжествовавшая около 1800, заставили забыть вещь еще болѣе удивительную—школу механиковъ, основанную Уатомъ, и нравственныя условія, подготовившія работниковъ такъ замѣчательныхъ и внимательныхъ, которые смогли пускать въ ходъ огромныя машины съ совершенствомъ точности часоваго механизма.

Англичане гордые и холерическіе, какъ всѣ мясоядные, казались менѣе способными къ такой работѣ, нежели трез-

вые шотландцы. Дла этого нуженъ былъ нравственный переворотъ, фанатизмъ болѣе активный чѣмъ мечтательный, рѣдкая любовь къ добру и долгу, поддерживаемая каждый день, не смотря на скуку долгихъ часовъ, терпѣніе мало извѣстное у подвижныхъ расъ материка. Припомните еще, что машины, дѣйствовавшія позже такъ правильно, въ началѣ не достигли такой правильности. Нужны были люди болѣе точные, совѣстливые, чтобы поправлять невѣрность механизма.

Вообще обращали слишкомъ мало вниманія на эту первую эпоху и на серьезныхъ работниковъ этихъ, когда говорятъ о точности производства первыхъ мануфактуръ. Все это несправедливо забыто англичанами. Исторія должна напомнитъ имъ о заслугахъ перваго поколѣнія работниковъ, нравы которыхъ были такъ протвуположны нравамъ современнаго индустріализма. Все это забыто до такой степени, что многіе воображаютъ будто земледѣльческое населеніе, поступавшее на мануфактуры эти, потеряло въ нравственномъ отношеніи. Но было совершенно противуположное. Промышленная жизнь того времени, была правильною и болѣе строгою нежели жизнь деревень. Множество романовъ, очень вѣрныхъ картинъ той эпохи, сохранились, чтобы свидѣтельствовать намъ чѣмъ была веселая Англія (merry England), какъ притѣсняла и нерѣдко обезчещивала она бѣдныя семьи. Но не такой была фабрика того времени. Деревенская семья поступавшая туда была подчинена только одному труду правильному, чуждому прихотей, и потому она возвышалась и въ отношеніи нравственнаго достоинства и ума. Работникъ пополнялъ несовершенство машины и иногда совершенствовалъ ее.

Сдѣлаемъ выводы. Вотъ двѣ удивительныя колыбели англійской промышленности: 1) съ одной стороны широкое госте-

пріимство, открывшее двери всѣмъ гонимымъ въ Европѣ и которое было оплачено многими родами промышленности ея; происхожденіе Англіи неизвѣстное ей самой, непомнящей то, что она отчасти фламандская, французская и пр., и называющей себя постоянно англосаксонской. 2) съ другой стороны великій переворотъ въ англійскихъ нравахъ, происшедшій незадолго до 1800 г. и который ошибочно считаютъ исключительно теологическимъ. Подъ принятыми формами мрачнаго христіанства скрывалось свойство болѣе общее—любовь къ правильному труду, какого ни одна нація не представляла въ одинаковой степени. Вотъ двѣ великія черты Англіи, которыя я возстановилъ болѣе вѣрно нежели то дѣлалось до этихъ поръ; и я буду преимущественно говорить о нихъ въ третьемъ томѣ моемъ. Эти черты и семейная нравственность вообще болѣе сильныя въ Англіи, нежели на материкѣ—то, что всего болѣе привязываетъ меня къ Англіи, не смотря на борьбу ея съ Франціею.

III.

Какъ трудно быть справедливымъ! Какъ много облаковъ затемняютъ истину, какъ много преградъ затрудняютъ торжество ея. Я привожу тому примѣры въ третьемъ томѣ (отъ 1800—1806 г.).

Документы, мало извѣстные и въ Россіи и въ другихъ мѣстахъ, дали мнѣ возможность проникнуть въ эпоху и въ царствованіе—царствованіе Павла, которыя были до сихъ поръ представляемы очень невѣрно, и судить о нихъ.

Нѣмцы, самые большіе писаки въ мірѣ, знающіе языки сѣвера и исторію сѣвера, разсказываютъ факты на свой ладъ и никто не опровергаетъ ихъ. Нѣмцы же такъ примѣшаны

ко всему, внѣдрились въ Россію, гдѣ они управляютъ и государственнымъ имуществомъ и имѣніями большихъ баръ, что страдающая отъ нихъ Россія не можетъ отъ нихъ освободиться; она воображаетъ что разложится, если изгонитъ ихъ. Вотъ почему существуетъ удивительное соглашеніе въ представленіи иныхъ фактовъ.

Одно изъ чудесъ нашего времени то, что царствующій Императоръ Александръ II, *) освободился отъ рутины и рискнулъ на великую революцію, передъ которой отступили предшественники его—эманцинацію крестьянъ.

Русская раса подвижная, нѣсколько фантастическая; нѣтъ расы добродушнѣе. Вообще славянскій крестьянинъ—русскій, литвинъ, полякъ—очень кроткое существо. Дикія зимы сѣвера, обрекающія ихъ на затворничество нѣсколькихъ мѣсяцевъ, дѣлаютъ ихъ безконечно чувствительными къ семьѣ, зависимыми отъ ребенка, отъ женщины, друзьями животныхъ. Вотъ почему въ этой странѣ, исторія которой такъ ужасна, путешествія представляютъ совершенно иную картину. Подъ политическими трагедіями существуютъ земледѣльческія нравы очень мирные, представляющіе рѣзкій контрастъ. Но за исключеніемъ мѣсяцевъ затворничества, раса эта подвижная, нѣсколько капризная. Таковъ былъ Павелъ въ благородныхъ порывахъ природы своей. Онъ, по тайному инстинкту, очень любилъ Францію. Прежде всего Францію просившую убѣжища, Францію эмигрантовъ. Потомъ онъ перемѣнилъ мысли и сблизился съ республиканской Франціею, находившеюся подъ властью того, кого въ то время считали Вашингтономъ. При этомъ союзѣ онъ имѣлъ въ виду двѣ вещи: съ одной стороны возстановить свободу морей, защищая слабыя державы: Данію

---

*) Изданіе, съ котораго сдѣланъ переводъ, напечатано въ 1875 г.

Швецію, Гамбургъ и пр. противъ тираніи англійскаго флота; съ другой стороны онъ имѣлъ намѣреніе вмѣстѣ съ Франціей, Австріей и др. совершить раздѣлъ странъ, которыя называютъ Турціею *) и для которыхъ Турція не сдѣлала ничего другаго кромѣ того, что дала имъ безпорядочную анархію управленія пашей. Паши эти, при эксплуатаціи страны, имѣли всегда компаньонами своими англійскихъ купцовъ.

Для этого важнаго плана Павелъ, кромѣ союза съ Франціею, кажется, имѣлъ намѣреніе призватъ славянъ, казаковъ **) и поляковъ. Онъ уже вызвалъ поляковъ изъ Сибири. Это заставило трепетать тѣхъ, которые завладѣли имуществами ихъ. Смерть Павла была очень выгодна для Англіи и для многихъ, въ особенности для русскихъ нѣмцевъ.

Я не знаю сцены болѣе трогательной чѣмъ та сцена, когда Павелъ вошелъ въ тюрьму Костюшки для освобожденія его и проливалъ слезы передъ несчастнымъ великимъ человѣкомъ, раненымъ, лежавшимъ на постели. (См. Нѣмцевича). Драгоцѣнныя слезы, которыя заставили надѣяться на примиреніе двухъ враждующихъ сестеръ—Россіи и Польши. Ожидали, что съ этой минуты падетъ роковая стѣна, такъ долго раздѣлявшая міръ—западъ и востокъ. Россія, востокъ, отдаленные отъ Европы вмѣшательствомъ Германіи, должны были вступить въ общеніе съ западомъ, югъ дружился съ расами имѣвшими болѣе сродства съ живостью русскаго и съ электричествомъ вполнѣ южнымъ народа этого, котораго только одни нашествія татаръ отбросили на сѣверъ.

Въ этомъ краткомъ предисловіи о правосудіи исторіи, какъ о поправкѣ слишкомъ поспѣшныхъ приговоровъ произ-

*) Я докажу это русскимъ документомъ, совершенно неизвѣстнымъ, которыми я обязанъ г. Ивану Тургеневу.

**) Трудно понять о призывѣ какихъ казаковъ въ качествѣ союзниковъ говоритъ Мишле. *Прим. перев.*

несенныхъ современниками, я не говорилъ еще о немъ, съ наиболѣе высокой точки зрѣнія, какъ объ актѣ сердца, разума, предтечѣ той высшей справедливости, которая должна царить надъ вселенной. Мои стремленія къ такому правосудію исходятъ не изъ одного только сердца; они опираются на серьезное размышленіе о мірѣ. Міръ этотъ представляетъ во всемъ аналогическіе законы, изумительное тождество въ методахъ, въ процессахъ своихъ. Самозванные ученые, отрицающіе это, не видятъ, что они создаютъ два различныхъ міра: одинъ подчиненный правиламъ и совершеннѣйшему равновѣсію; другой во всемъ безпорядочный, дисгармоническій, настоящій хаосъ. Я знаю только одинъ міръ и, видя повсюду равновѣсіе, правильность въ физическомъ мірѣ, я не сомнѣваюсь въ существованіи равновѣсія и правильности и въ нравственномъ мірѣ. Если не здѣсь, то, покрайней мѣрѣ, въ другихъ мѣстахъ, на тѣхъ планетахъ и въ тѣхъ существованіяхъ, которыя намъ дано будетъ пройти.

Справедливость—тотъ богъ, котораго я въ возрастѣ полной возмужалости, по смерти отца своего призывалъ (въ предисловіи къ моей «Революціи»), по прежнему опора моя. Я нахожу въ ней строгое счастье, надежду, которая не можетъ обмануть меня въ борьбѣ противъ двухъ софистическихъ школъ—одна школа ничтожества, другая—произвола сверхъестественнаго. Не смотря на лѣта, я продолжаю свой трудъ. Если же ему суждено окончиться здѣсь, я не буду роптать. Я вижу, что во всемъ прогрессъ есть постоянный шагъ силы жизни, идущей отъ добра къ лучшему, и я, какъ мужественный работникъ, храню надежду, что отъ моего несовершеннаго труда перейду къ лучшему труду.

Парижъ 1 марта 1873.

КНИГА ПЕРВАЯ.

Англія.

I.

Первый Питтъ. Война и займы. Договоръ 1769 года передаетъ весь міръ въ руки англичанъ.

Въ первомъ томѣ этой исторіи XIX столѣтія, мы изобразили внѣшность, обстановку дѣйствія, но недостаточно выяснили подкладку, внутреннюю сторону, то, что происходило за кулисами. Мы разсказали о быстрыхъ успѣхахъ Бонапарте и объ ослѣпительномъ эффектѣ, произведенномъ имъ на Европу. Эффектъ былъ нарушенъ снятіемъ осады Мантуи и личнымъ безсиліемъ, отъ котораго Бонапарте былъ избавленъ двумя великими врачами—Массеною и Ожеро.

Парижъ былъ ослѣпленъ. Но не Европа, ибо въ октябрѣ англійскій посланникъ Мальмзбери сказалъ въ Парижѣ, **«что Франція не можетъ надѣяться на миръ, не возвративъ всего: Италіи, Нидерландовъ, Рейна»**.

Слѣдовательно, великія побѣды Бонапарте принесли мало пользы. Ему предстояло начинать все снова. Напрасны были го усилія остановить потокъ варваровъ непрестанно сбѣгавшій съ Альпъ. Едва справился онъ съ нѣмцами Вюрмзера, какъ увидѣлъ предъ собою толпу славянъ и венгровъ съ Альвинци во главѣ. Эти блестящіе удары не объясняютъ ничего, если не принять въ соображеніе ту издали пришедшую силу, которую, по такъ мало извѣстнымъ путямъ, но непрестанно выставляли противъ французовъ мужественныя и варварскія дунайскія племена. Это страшное колесо имѣло великаго двигателя въ Лондонѣ, гдѣ Питтъ, опираясь на послушную толпу государственныхъ кредиторовъ, проповѣдывалъ самъ аксіому Прайса: и заставлялъ вѣрить въ нее другихъ «Чѣмъ больше занимаешь, тѣмъ богаче становишься». Темная и поэтическая тайна неисчерпаемыхъ богатствъ! Золото, почерпаемое у него безъ мѣры, должно было покорить и ослѣпить весь этотъ дикій и отважный міръ. И не все доставалось ему. Большая часть золота задерживалась въ Базелѣ у англійскаго агента, который оттуда содержалъ въ Страсбургѣ, Ліонѣ и особенно въ Парижѣ измѣнниковъ и шпіоновъ, какъ Фошъ и Пишегрю.

Но у Питта было два кармана: изъ втораго волной вытекали потоки фальшивыхъ асигнацій, чудеса гравированія фабрикаціи Пюизе, которыя, днемъ и ночью направляемыя во Францію на легкихъ судахъ, оживляли и разжигали постоянно вандейскій пожаръ. Напрасно тушилъ его Гошъ, онъ пробилъ себѣ подземный путь въ Парижъ, Ліонъ и на югъ Франціи. Долго ли господствовать этой великой двухголовой лжи,—неограниченному и ничѣмъ необезпеченному займу съ одной стороны и фальшивымъ асигнаціямъ — съ другой? Вотъ что интересно было знать. Можно ли было надѣяться парализотавь этотъ механизмъ издали, путемъ побѣдъ въ Италіи?

На это разсчитывалъ Бонапарте. Или можно было остановить этотъ механизмъ смѣлымъ ударомъ, переплывъ проливъ и помогая ирландцамъ? Это было идеей Гоша, смѣлой попыткой его. Вотъ въ короткихъ словахъ, что происходило въ концѣ 96 года.

Но многое останется непонятнымъ и возможны будутъ недоразумѣнія, если мы не оглянемся назадъ, не окинемъ взоромъ всего XVIII столѣтія и не уяснимъ себѣ все то, что Англія приносила благовиднаго и даже основательнаго въ борьбу свою противъ Франціи и революціи. Вполнѣ законной явилась эта борьба еще въ 1688, когда къ счастію Европы и всего человѣчества, Англія боролась противъ Людовика XIV, изгнанія протестантовъ и отмѣны Нантскаго эдикта. Борьба неравная, обязанная своимъ исходомъ Голландіи и нашимъ эмигрантамъ. Англичане утомленные, смѣшанные съ иностранными элементами, не посмѣли вернуться къ славной своей республикѣ 1649. Они возстановили монархію, но въ минимумѣ, призвавъ одного изъ мелкихъ владѣтельныхъ князей Германіи установить династіи сѣверо-германскаго происхожденія.

Англія при Георгахъ I и II и при Вальполѣ низко упала въ нравственномъ отношеніи. Въ 1750 году она сама считала себя упавшей даже съ матеріальной точки зрѣнія. Таково было общее мнѣніе послѣ Вальполя. Въ 1750 году преемникъ его, герцогъ Ньюкастль обращается къ врачу, доктору Рёсселю съ такимъ вопросомъ: «Отчего англійская кровь стала такой блѣдной и жидкой, чѣмъ помочь ей?» Рёсселль въ прекрасномъ сочиненіи, указалъ лекарство: «Море и дѣятельность».

Дѣятельность никогда не прекращалась. Даже во время наружнаго мира при Вальполѣ, одно безпокойное существо

все время дѣйствовало и бродило по раздолью морскому. Я назову его Робинзономъ (имя одной безсмертной книги написанной въ 1719 году). Этотъ Робинзонъ для торговли масломъ совершалъ то великое избіеніе китовъ, которое въ продолженіе цѣлаго вѣка обагряло кровью море.

На югѣ, благодаря Ассіентскому договору, онъ снабжалъ неграми испанцевъ и, въ ихъ же странѣ и на зло имъ, съ пистолетомъ въ рукѣ, какъ отважный контрабандистъ, велъ свою торговлю. Въ 1738 году испанцы, выведенные изъ терпѣнія, изувѣчили одного изъ этихъ молодцевъ, отсюда драматическая сцена въ парламентѣ и негодованіе тѣмъ болѣе сильное, что мщеніе обѣщало большія выгоды. Человѣкъ, взявшійся за это дѣло съ удивительнымъ талантомъ и истинною страстью, былъ первый изъ двухъ Питтовъ (лордъ Чатамъ) *). Послѣ Вальполя, великаго покупщика совѣстей, Англія широко открыла глаза передъ этимъ великимъ актеромъ-волшебникомъ, искреннимъ и безкорыстнымъ, одушевленнымъ истинною страстью и напоминавшимъ того аѳинскаго актера, который, въ роли Электры, принесъ на сцену не урну Ореста, а урну собственнаго сына. Этому великому Чатаму, свирѣпому отъ природы, свойственны были гнѣвные порывы галловъ, отъ которыхъ семья его вела свое происхожденіе. Сверхъ того онъ родился больнымъ и всю жизнь былъ неразлученъ съ своимъ палачемъ—подагрой. При каждомъ припадкѣ крики боли превращались въ порывы краснорѣчія. Старая ненавистница Франціи, Сара Мэльборо пришла въ восхищеніе отъ такого неистоваго молодого человѣка. Она, по этимъ чертамъ, сочла его своимъ сыномъ и сдѣлала его своимъ наслѣдникомъ.

---

*) Въ моей Исторіи Франціи я говорилъ о Чатамѣ—первомъ изъ двухъ Питтовъ. Теперь мнѣ приходится болѣе говорить о второмъ, умершемъ въ 1806 г. Далѣе я приведу источники, служившіе мнѣ для исторіи его.

Но у него была лишь одна страсть—гнѣвъ. На деньги онъ смотрѣлъ свысока и съ презрѣніемъ. Какое диво для англичанъ послѣ Вальполя! И у нихъ бываютъ минуты величія. Имъ показалось это прекраснымъ. Они обрадовались его отказу отъ доходнаго мѣста имъ занимаемаго, обрадовались его рѣчамъ противъ тѣхъ, которые проповѣдывали въ пользу Ганновера, отчины короля. Въ этомъ онъ какъ будто поворачивалъ спину министерству, и это именно и вынесло его къ министерству. Подвигаясь затылкомъ, онъ все же шелъ къ цѣли. Англичане въ то время пришли въ неистовство отъ успѣховъ Франціи. Два раза король, противъ собственной воли, принужденъ былъ назначить министромъ того, который былъ лучшимъ представителемъ національной ненависти.

Врагъ Питта, Фоксъ Голлэндъ, самъ настаивалъ на его возвращеніи. Въ 1757 году онъ сталъ первымъ министромъ на зло королю и аристократіи. Увлеченіе англичанъ своимъ великимъ адвокатомъ было таково, что первыя неудачи его не только не разочаровали, но еще подстрекнули ихъ въ его пользу, еще сильнѣе привязали ихъ къ нему. Правда, что этотъ холерикъ вдохновлялъ иногда высокими, благородными порывами. Таковъ былъ и тотъ, который подсказалъ ему разумное и твердое рѣшеніе, попрать ногами старую ненависть англичанъ къ шотландцамъ и великодушно провозгласить, что эти воинственные горцы—не враги. Они хотятъ войны, такъ надо дать имъ оружіе и занять ихъ въ Америкѣ. Съ этого времени шотландцы измѣнились; они стали воевать за Англію, даже противъ старыхъ друзей своихъ французовъ. Затѣмъ онъ предложилъ мѣру, которая и удалась вполнѣ: «надо завоевать Америку въ Германіи», т. е. надо было деньгами поддержать Фридриха, этого маленькаго короля, который, окруженный стаей терзавшихъ его враговъ, можетъ

однако побѣдить Францію маркизы Помпадуръ. Замыселъ рискованный, но оправданный событіями; къ несчастью, онъ отперъ дверь, черезъ которую Англія кинулась на путь войнъ и субсидій, вѣчныхъ займовъ, болѣе и болѣе увеличивающихъ государственный долгъ и заранѣе падавшихъ гнетомъ на будущія поколѣиія. Многіе не ожидали успѣха. «Кредитъ», говорили они, «не будетъ держаться безъ постоянныхъ успѣховъ и побѣдъ безъ конца. Отсюда какой исходъ—или банкротства или покореніе міра? Что и совершилось. Франція въ 1763 году Парижскимъ трактатомъ предоставила Англіи съ одной стороны Индію, съ другой—Америку—цѣлыхъ два міра. Но Питтъ не удовлетворился и этимъ договоромъ. Когда онъ узналъ о *семейномъ договорѣ*, нашемъ трактатѣ съ Испаніею онъ задумалъ возобновить войну, повести ее противъ испанцевъ.

Эта страсть переходитъ отъ одной войны къ другимъ, работать чужими руками, все болѣе и болѣе запутываясь въ долгу, была жестоко наказана отказомъ Америки истощаться долѣе, не смотря на вѣчное производство свое. Питтъ требовалъ, чтобы во чтобы то ни стало усмирили Америку, но совѣты его не могли устранить освобожденія ея. Онъ былъ свидѣтелемъ ея отдѣленія. Оно доконало его. Онъ уже два года былъ точно помѣшанъ и проявлялъ массу самыхъ странныхъ прихотей. Онъ согласился на производство свое въ пэры и пожалованіе Чатамскаго графства, что отдалило отъ него къ большему горю его, сердце народа, который сталъ съ тѣхъ поръ смѣшивать его, этого великаго гражданина, съ весьма непопулярной кучкой «королевскихъ друзей», корыстолюбцевъ, которые унижали Англію, не знали ни общинъ, ни пэровъ, ни виговъ, ни торіевъ, но знали исключительно короля.

Послѣ этихъ двухъ лѣтъ, когда онъ какъ бы пересталъ быть самимъ собою, Чатамъ вдругъ снова воспрянулъ передъ самымъ своимъ концемъ. Этотъ великій актеръ, тѣмъ болѣе сильный, что соединялъ искренность съ умѣніемъ подстроить эфектъ, устроилъ себѣ въ парламентѣ сцену геройскаго негодованія, во время которой онъ, можетъ быть, надѣялся умереть, защищая національную честь и умоляя не признавать независимость Америки. Обстановка была великолѣпная. Онъ подошелъ къ трибунѣ съ печатію смерти на челѣ, опираясь на руку своего втораго сына, девятнадцати лѣтняго Вилльяма Питта. Онъ разгорячился, говорилъ долго и упалъ потомъ въ изнеможеніи на руки сына. Сцена эта рѣшила судьбу послѣдняго, вывела его въ люди, хотя я и не говорю, чтобы за нимъ не было заслугъ. Какъ ни мало былъ онъ похожъ на великаго Чатама, этотъ часъ какъ бы освятилъ его и надъ нимъ всегда потомъ носилась тѣнь героя. Всѣ отнеслись къ нему съ большимъ участіемъ. Его будущіе противники, Фоксъ и Беркъ, приняли его въ свой кружокъ, расхвалили, превознесли его. Онъ обнаруживалъ преждевременное развитіе и, при этихъ условіяхъ, могъ безнаказанно выказывать гордость намекавшую на то, что и въ немъ живетъ великая душа его отца. Въ 22 года онъ объявилъ, что приметъ мѣсто только въ министерствѣ, а въ 25 лѣтъ онъ игралъ уже роль въ парламентѣ.

Нужно было много времени, чтобы убѣдиться въ томъ, что во многихъ отношеніяхъ онъ сильно отличался отъ Чатама, порою, былъ прямою противуположностью его. Но это никого не смутило и не показалось даже страннымъ. Сама Англія измѣнилась. Другое поколѣніе смѣнило прежнее.

II.

Новая Англія. Методизмъ. Священный банкъ. Церковь. Молодой Питтъ.

Всего поразительнѣе въ Англіи XVIII столѣтія то, что около 1750 года, когда ей предстояло наибольшее распространеніе своихъ владѣній въ мірѣ, оставленномъ Франціею, въ то время, когда толчокъ данный Англіи Чатамомъ двинулъ ее такъ сказать въ безконечность, въ это время, говорю я, она испытала въ себѣ движеніе прямо противуположное этому расширенію, движеніе какъ бы внутренняго сжатія. Такъ что въ ней слились двѣ противуположности: простирая объятія къ внѣшнему міру, она въ тоже время сдѣлала усилія, чтобы сосредоточить въ себѣ присущую ей силу, природную энергію. Это было дѣломъ инстинкта, конечно. Но и воля много прибавила къ инстинкту. Чтобы цѣлый народъ могъ такъ кстати произвести такую перемѣну въ себѣ самомъ—это случай встрѣчающійся очень рѣдко, даже въ жизни гораздо болѣе свободной и разсчитанной, жизни личности.

Надо замѣтить, что если Англія осуществила чудо нравственнаго возрожденія въ время наибольшей внѣшней дѣятельности, то чудомъ этимъ она обязана остаткамъ пуританской энергіи все еще таившейся въ ней, и въ особенности простому возвращенію своему къ принципу, который есть самая основа Англіи. Принципъ этотъ съ такою силою высказавшійся въ Кромвелѣ и революціи 1648 года, гораздо древнѣйшаго происхожденія. Мы встрѣчаемъ его даже ранѣе протестантизма, въ 1400 году у Ланкастеровъ и героя ихъ, Генриха V. Тюдоры въ 1500 г. и Стюарты въ 1600 внесли начала совсѣмъ противоположныя этой основѣ, возродившейся

въ фанатическомъ возбужденіи членовъ ковенанта и республиканцахъ 1650 г., и снова упорно проявившейся въ 1740 г. съ меньшею стремительностью, но съ большею строгостію, не только внѣшнею, но въ большинствѣ случаевъ даже и внутреннею, въ послѣдователяхъ Веслея и въ методистахъ, менѣе суровыхъ, чѣмъ отцы ихъ пуритане, и болѣе доступныхъ интересамъ міра сего дѣловымъ, торговымъ и всякимъ другимъ.

На ряду съ великими землевладѣльцами возникъ при Вильгельмѣ голландскомъ классъ людей, сильныхъ деньгами, царившихъ на биржѣ, въ банкахъ, людей, которые, соперничая съ лордами и великими епископами, сильно желали добиться духовныхъ должностей, чтобы поживиться насчетъ чудовищнаго церковнаго бюджета.

Пуритане сами удалялись отъ этого золотаго дна; не соглашаясь на условія открывавшія доступъ къ нему. Они отказывались присягать 39 догматамъ англиканской церкви. Сыны пуританъ были сговорчивѣе. Около 1733 раздалась проповѣдь праведника болѣе догадливаго, знаменитаго Веслея. Онъ понялъ какой вредъ это воздержаніе дѣлаетъ церкви, закрывая доступъ къ ней самымъ достойнымъ избранникамъ Бога. Оставаясь безкорыстнымъ въ отношеніи себя, онъ разрѣшилъ своимъ послѣдователямъ заниматься дѣлами, накоплять богатства, которыя должны были увеличить вліяніе партіи его. Онъ не возбранялъ имъ присягать и 39 догматамъ, чтобы улучить мѣстечко у пышной трапезы господствующей церкви. Сама Библія научила насъ, что патріархи не гнушались отбирать у язычниковъ золотые идолы, чтобы потомъ дать имъ лучшее назначеніе. Такимъ образомъ, дѣловой, денежный и торговый людъ получилъ доступъ къ богатствамъ великой церкви. Но чтобы доказать, что они по неволѣ и лишь для

Бога рѣшились на этотъ шагъ; они держались, по возможности, строгихъ обычаевъ предковъ во всемъ остальномъ, открыто выражали презрѣніе къ деньгамъ, показывая, что и будучи богатымъ, можно быть бѣднымъ изъ принципа, вести жизнь строгую и, держа деньги въ сундукѣ, быть душею далекими отъ земныхъ богатствъ. Деньги лились къ нимъ потоками. Банкиры праведники вызывали общее довѣріе. Европа, напуганная безпрерывными войнами, привлеченная займами Чатама и радуясь возможности помѣстить деньги подъ обезпеченіе великаго острова, нагружала золотомъ почтенныя руки благочестиваго банка, возлагая на него обязанность принимать и запирать золото это въ сундуки его. Все шло въ руки этому классу людей, возлюбленныхъ Бога; формальное пуританство ихъ, намѣренное и разсчитанное, но не притворное, нашло подражателей, сдѣлалось способомъ выдвинуться, и постепенно стало общимъ направленіемъ. Отсюда прекрасные и оригинальные романы Ричардсона, такъ много восхваленные и такъ мало понятые. Молодыя миссъ, до тѣхъ поръ читавшія что попало изъ сальныхъ произведеній временъ Карла II., съ неменьшею простотой увѣровали, что имъ никогда не пристроиться, если онѣ не станутъ говорить благочестивымъ жаргономъ Памелы.

Все это довольно естественно. Но что гораздо болѣе удивительно и что доказываетъ здравый смыслъ и совершенное благоразуміе Англіи, это то, что несмотря на свои спиритуалитическія стремленія и внѣшность, она совершаетъ въ обычаяхъ своихъ реформу, повидимому въ чисто матеріальномъ направленіи. Народъ состоявшій тогда изъ 10 или 12 милліоновъ душъ, которому Богъ вдругъ сдаетъ цѣлый міръ на руки, и Индію, и Америку, и громаду океана, живо почувствовалъ необходимость быть сильнымъ, чтобы принять эту великую упавшую

съ неба манну. Произошла быстрая реформа въ питаніи. Около этаго времени Бакуелль (родившійся въ 1725 году) изобрѣлъ, можно такъ сказать, мясную пищу, (около 1750 года). Питаніе мясомъ понравилось и замѣнило молочную пищу, которую потребляли блѣдныя Памелы ко вреду собственнаго здоровья и здоровья дѣтей своихъ. Въ жизнь стали выпускать дѣтей, вскормленныхъ мясомъ, по системѣ новаго воспитанія. Не надолго стѣсняемый въ школѣ, которую онъ покидаетъ въ 14 лѣтъ, (я исключаю благородныхъ дѣтей Оксфорда), сынъ рано вступалъ въ дѣятельностъ путемъ торговли, мореплаванія, службы въ Индіи. Такимъ образомъ въ срединѣ вѣкѣ произошли двѣ реформы въ нравахъ и обычаяхъ. Нравы приняли рѣзкій образъ спиритуалистической реформы. Библія господствуетъ надо всѣмъ; но положеніе дѣлъ управляетъ. Чтобы быть на высотѣ этаго положенія, чтобы достойно принять столько милостей отъ Бога, надо Англіи во чтобы то ни стало окрѣпнуть. Что же дѣлаетъ господствующая церковь? Епископы ея, до этого времени изображавшіе изъ себя вельможъ, сытые и напыщенные, не могли, въ виду низшихъ сановниковъ столь благочестиваго образа, оставаться тѣмъ, чѣмъ были—чистыми лордами. Они должны были волей-неволей принять болѣе клерикальный оттѣнокъ. Отсюда удивительная смѣсь истинныхъ и ложныхъ добродѣтелей, святости на подкладкѣ свѣтскости и тщеславія, кротости раздражительной и горькой. Странное смѣшеніе тѣмъ болѣе обманчивое, что въ немъ добро такъ слилось со зломъ, что было бы несправедливо видѣть въ немъ одну чистую ложь.

Великій Чатамъ, *the great Commoner*, *) избранникъ палаты

*) Буквально—великій общинникъ, Чатамъ былъ такъ прозванъ за его энергическую борьбу во имя правъ палаты общинъ.

общинъ, при своемъ гнѣвномъ краснорѣчіи, зналъ не хуже хитраго Вальполя, что въ Англіи, несмотря на ея такъ прославленную Блэкстономъ идеальную тройственность—корона, церковь и лорды, лорды, церковь и корона,—хотя и старалась болѣе или менѣе затушевать преобладаніе короля или королевы, но они раздавали высокіе посты, пэрства, наибогатѣйшія въ мірѣ епископства. При всемъ томъ корона признана мистическимъ фактомъ; онъ даже не подлежитъ обсужденію. А между тѣмъ король есть король, помазанникъ божій: онъ есть сама церковь въ основѣ ея. Изо всего существующаго нѣтъ ничего прочнѣе короля и господствующей церкви.

Въ 1753 г. когда у Чатама родился второй сынъ, знаменитый Питтъ, онъ уже достигъ апогея своего значенія и еще не впалъ въ дѣтство, какъ въ послѣдніе два года, когда онъ сдѣлался слугою короля. Но онъ пожелалъ, чтобы сынъ этотъ, на котораго онъ возлагалъ болѣе надеждъ чѣмъ на старшаго, былъ воспитанъ церковью, этимъ учрежденіемъ, болѣе прочнымъ и державнымъ чѣмъ самая королевская власть. Онъ поручилъ ребенка священнику, доктору Томлину, котораго впослѣдствіи сдѣлалъ винчестерскимъ епископомъ.

Это духовное лицо написало исторію жизни г-на Питта*), которая у меня постоянно передъ глазами. Оно было его наставникомъ, его секретаремъ и душеприкащикомъ. Онъ никогда не оставлялъ своего ученика и можетъ свидѣтельствовать о всѣхъ достоинствахъ его. Нельзя искать болѣе вѣрнаго и послѣдовательнаго повѣствованія о жизни Питта отъ рожденія и до смерти. Нѣкоторыя добродѣтели конечно легко давались Питту, сыну больнаго отца, и такъ часто хворавшему. Онъ справлялся съ дѣлами, выносилъ утомительныя

---

*) Д. Томлинъ, Мемуары о жизни Питта, 1822.

парламенскія ночи только съ помощію вина, которое онъ пилъ однако съ умѣренностію. Впрочемъ абсолютно дѣвственный, онъ провелъ всю жизнь съ своимъ наставникомъ епископомъ Томлиномъ, а къ концу ея подружился съ одною дѣвицею, племянницею своею, Эстеръ Стангопъ, замѣнявшей ему секретаря.

Прекрасный портретъ Лауренса, прекрасная копія съ котораго находится въ версальскомъ музеѣ, изображаетъ Питта въ сорокъ лѣтъ, значитъ не задолго до смерти. Цвѣтъ лица его красный и, чтобы придать ему болѣе изящества, искусный художникъ одѣлъ его въ красивую одежду золотистаго цвѣта. Онъ нѣсколько вульгаренъ; можно сказать, что онъ купеческаго происхожденія, и глядя на него, невольно припоминается, что прадѣдъ, первый сколько нибудь извѣстный Питтъ, извѣстенъ лишь тѣмъ, что продалъ бриллiантъ французскому королю. И въ общемъ характерѣ этаго лица есть какое то напускное ребячество, что то пухлое и капризно-раздражительное. Его часто называли *angry boy* (сердитый мальчикъ). Галлъ, по предкамъ съ отцовской стороны, онъ былъ чистымъ англичаниномъ по матери и приходился родственникомъ Темплямъ. Онъ получилъ тяжелое классическое образованіе англиканскихъ докторовъ, много занимался греческимъ языкомъ и шотландскими историками, кромѣ Гиббона впрочемъ, который вѣроятно не нравился епископу.

Изъ этого видно, что воспитанный церковью, онъ отлично изучилъ всѣ пріемы духовенства и его политическую ловкость. Онъ опасался вступить въ оппозицію, но дѣлалъ иногда предложенія популярныя, хотя и умѣренныя, невинныя и немогущія прогнѣвить короля. Онъ неопредѣленно толковалъ о парламенской реформѣ, не высказываясь при этомъ противъ аристократіи. Съ другой стороны онъ отказался отъ союза съ

лордомъ Нортомъ и друзьями короля, что навсегда отняло бы у него всякую популярность. Онъ видѣлъ, какъ падалъ отецъ его, чуть только двинулся въ этомъ направленіи.

Жизнь Питта не составляетъ предмета моего разсказа. Слѣдя за ней, можно во всѣхъ подробностяхъ изучить всѣ тонкости парламентскаго менуэта, который онъ протанцовалъ съ такимъ совершенствомъ. Осанка его была нѣсколько натянутая, но, чтобы скрыть порой движенія въ сторону подъ искуснымъ колебаніемъ обманывающимъ свѣтъ, онъ дѣлалъ видъ, что склонялся на лѣвую сторону, не покидая правой, и сохранялъ гибкость подъ кажущейся непреклонностью, избѣгая при этомъ доктринерской каррикатурности, которая кажется подражаніемъ галстуху Сенъ-Жюста или накрахмаленному воротнику Кальвина. Г. Питтъ обладалъ массою достоинствъ государственнаго человѣка и чуть ли не всѣми добродѣтелями человѣка вообще. Я не считаю его посредственностію, какъ это сдѣлалъ въ своихъ письмахъ Жозефъ де Местръ. Но у него была наружность неискренняя, какъ это видно изъ портрета Лауренса, наружность Тартюфа розовая и странная, съ притворно-ребячливымъ выраженіемъ. Человѣкъ серьезный и глубоко уважаемый, лордъ Грей, будучи еще молодымъ и увлекшись за предѣлы справедливости, сказалъ о немъ страшное слово: «Г. Питтъ не предлагалъ никогда ни одной мѣры безъ намѣренія обмануть палату. Съ первыхъ шаговъ своихъ онъ былъ отступникомъ явнымъ и совершеннымъ.»

III.

Индійскій билль 1783 года. Питтъ царствуетъ на зло парламенту.

Г. Питтъ пребывалъ какъ бы въ туманѣ до конца войны съ Америкой, блистая въ парламентѣ мягкимъ блескомъ, какъ молодой человѣкъ, разумный и подававшій надежды, но неопредѣлившійся по своему направленію и потому способный оправдать самыя разнообразныя ожиданія. Можно даже было вѣрить, что онъ пойдетъ по дорогѣ отца, будетъ защитникомъ и представителемъ народа. Но вотъ сильныя и непредвидѣнныя обстоятельства разрываютъ покровъ, разсѣеваютъ туманъ. Питтъ является въ настоящемъ видѣ своемъ, противуположностью Чатама. Такимъ онъ и остался безвозвратно.

Это былъ рѣшительный моментъ, когда король, упрямство котораго такъ долго оттягивало миръ съ Америкой, увидѣлъ себя покинутымъ всѣми, даже своимъ другомъ и министромъ лордомъ Нортомъ, котораго онъ такъ долго противъ его воли увлекалъ на путь войны. Нортъ почувствовалъ себя въ опасности, оставилъ короля и пріютился у Фокса *) въ оппозиціи. Это было побѣдою палаты общинъ, пораженіемъ короны, если смѣлымъ ударомъ король не сброситъ конституцію въ архивъ. Умный человѣкъ не рѣшился бы на это. Онъ пощадилъ бы политическую религію Англіи и не выдвинулъ бы королевскую власть изъ подъ охранявшаго ее облака, которымъ всѣ партіи согласились прикрывать ее. Фоксъ не воображалъ, что король можетъ совершить такое святотатство противъ короля

*) См. Переписку Фокса и критическій анализъ ея сдѣланный Ш. Ремюза.

же. Фоксъ, заключая миръ, видѣлъ всю палату на своей сторонѣ и думалъ, что за него стоитъ и народъ готовый поддержать парламентъ и конституцію.

Въ этомъ усомнился однакоже маленькій Питтъ, считавшій, и вполнѣ справедливо, Англію болѣе роялистской чѣмъ она сама то сознавала. Когда Фоксъ предложилъ ему постъ въ этомъ министерствѣ, ненавистномъ королю, ему и въ голову не пришло принять назначеніе это. И дѣйствительно министерство это прожило всего 9 мѣсяцевъ (1783 г. 2 апрѣля—12 декабря). Фоксъ подорвалъ себя самою смѣлою и благородною попыткою.

Покореніе Индіи, гдѣ отважный Кляйвъ такъ легко замѣнилъ нашего Дюпле, оказалось для Англіи столь же вреднымъ, какъ и полезнымъ. Эта чудесная страна, настоящая часть свѣта, занимающая пространство равное Европѣ, богатая всѣмъ — искуствомъ, золотомъ, брилліантами и утонченною роскошью, богатая тоже, надо признаться и болѣзнями, холерой. Но все это ничто въ сравненіи съ гнуснымъ хаосомъ безпорядочной администраціи, управляемой случайнымъ произволомъ большой купеческой компаніи. Карфагенская жестокость, какъ и генуэзская и корсиканская и др. далеко несвойственна характеру англичанъ; но часто было замѣчено, что англичане, сдержанные и уважающіе себя дома, легко распускаются во время путешествій, въ особенности же въ странѣ столь отдаленной, гдѣ нечего было опасаться отъ наблюденія. Храбрый Кляйвъ только что покончилъ съ чудовищнымъ процессомъ своимъ, въ которомъ Англія, колеблясь между честью и выгодой, нравами и завоеваніями своими, чуть было не рѣшилась повѣсить героя, доставившаго ей цѣлое государство. Кляйвъ удовлетворилъ голосу чести. Въ концѣ длинной тяжбы своей, онъ жертва, всеобщаго порицанія, неся

на себѣ отвѣтственность за преступленія всѣхъ своихъ сподвижниковъ, былъ оправданъ, но самъ осудилъ себя и умеръ; можно сказать, что онъ какъ бы самъ наложилъ на себя руки (1763).

Не смотря на оправданіе, процессъ этотъ дѣлалъ честь Англіи, которая, не смѣя показать себя справедливой, по крайней мѣрѣ, показала себя сострадательной и смущенной этимъ дѣломъ. Но вслѣдъ за тѣмъ нравственная чума страшно усилилась, какъ въ тѣ годы, когда вихри муссоновъ не метутъ Индію и не очищаютъ громадныя джонгли, принимающія въ себя всѣ заразительныя дани приносимыя потоками, особенно у низовьевъ Ганга — цѣлаго моря нечистотъ и труповъ, — все это вмѣстѣ выдыхаетъ изъ себя холеру съ страшнымъ запахомъ тлѣнія смерти. Тоже самое было около 1784 года, когда Уарренъ Гэстингсъ, первый королевскій губернаторъ вернулся изъ Индіи. Не смотря на ловкость и административныя способности его, даже компанія сама, не говоря ужъ о бѣдныхъ индійцахъ, возвела на него страшное обвиненіе въ томъ, что онъ безъ разрѣшенія затѣялъ войну, истребилъ цѣлый народъ и сверхъ того, гнуснымъ процессомъ, окончившимся злодѣйскимъ убійствомъ, сдѣлалъ англичанъ ненавистными всему населенію Индіи, т. е. ста милліонамъ человѣкъ. Этотъ страшный запахъ смерти, подувшій тогда изъ Индіи, глубоко возмутилъ всѣхъ.

Фоксъ, съ безстрашіемъ рыцарской души, осмѣлился въ минуту своего торжества, когда онъ считалъ себя сильнымъ, предпринять столь необходимую тамъ очистку администраціи и надѣялся на поддержку. Онъ стоялъ во главѣ огромнаго большинства. Онъ задумалъ подчинить индійскій хаосъ закону. Съ нимъ былъ и Юніусъ (Франсисъ) знаменитый памфлетистъ, вернувшійся изъ Индіи, больнымъ отъ негодованія. Фоксъ, по

совѣту его, предложилъ билль, который долженъ былъ бросить лучъ свѣта въ эти Авгіевы конюшни, покрытыя дотолѣ такимъ глубокимъ мракомъ. Парламентъ открылъ бы туда окно для пропуска воздуха и свѣта. Онъ назначилъ бы семь попечителей для надзора за компаніей, попечителей, которыхъ король могъ бы смѣстить только по просьбѣ парламента. И Индію успокоили бы, отказавшись отъ распространенія владѣній Англіи, т. е. отъ ограбленія индійскихъ князей. Фоксъ, министръ короны, внесъ это предложеніе. И вдругъ неожиданное зрѣлище! Корона дѣйствуетъ въ противномъ направленіи, объявляетъ себя противъ своего министра. Король пишетъ пэрамъ прямо безъ обиняковъ, что тотъ изъ нихъ, кто подастъ голосъ въ пользу билля, становится его личнымъ врагомъ. Пэры отвергаютъ билль. И такъ покровъ благоговѣнія скрывавшій короля, какъ бы облакомъ, дѣлавшимъ его невидимымъ, непогрѣшимымъ, (дѣйствующимъ только чрезъ министерство), разорванъ самимъ королемъ. который грубо, какъ безумный предсталъ предъ всѣми въ одной рубашкѣ. Безумнымъ все возможно. И этотъ сумасшедшій, презирающій палату, не заботится о томъ, что большинство ея за Фокса и за законъ. И онъ рѣшается на это въ грязномъ денежномъ вопросѣ, изъ за мелкихъ выгодъ и возможности раздавать теплыя мѣста, такъ что королевское правительство является беззастѣнчиво опирающимся на двѣ подкупныя системы—на великій бюджетъ церковныхъ бенефицій и индійскихъ административныхъ постовъ. Страшная дерзость, да еще въ то время, когда корона побѣжденная палатою, упала такъ низко.

Ужели найдется человѣкъ достаточно отчаянный, чтобы сопровождать этого шагающаго по крышамъ безумца? Надо много ловкости, чтобы двигаться по этому пути. Безстрашная юность одна способна на это, конечно если благоразуміе и

совѣстливость не помѣшаютъ ей. Питтъ, молодой съ дѣтскимъ или дѣвическимъ цвѣтомъ лица, какъ роза, идетъ за королемъ по этому пути опасному и циничному, который въ немъ, болѣе чѣмъ въ комъ бы то ни было, долженъ былъ возбуждать отвращеніе. Это какъ разъ путь противуположный тому, которымъ шелъ его отецъ. Или онъ забылъ величавую сцену, столь славную для него, когда онъ поддерживалъ Чатама, умиравшаго въ той великой патріотической сценѣ, которая возбудила такъ много надеждъ на сына патріота. Такое отреченіе отъ Чатама и всѣхъ семейныхъ преданій напоминаетъ честолюбивую Туллію, которая на пути къ трону не остановила своей колесницы и проѣхала черезъ тѣло отца своего. Надо думать, что учителъ Питта, епископъ Томлинъ хорошо закалилъ его сердце. Томлинъ просто безъ всякаго смущенія, разсказываетъ объ этомъ происшествіи, прибавляя «это было единственное, насколько мнѣ извѣстно, событіе, которое когда либо нарушило покой г. Питта, не смотря на то, что онъ въ то время былъ совершенно здоровъ». И въ самомъ дѣлѣ говоритъ Люисъ *), была минута «когда онъ счелъ себя погибшимъ, окруженнымъ волнами грязнаго потопа», когда было сдѣлано предложеніе о вторичномъ избраніи въ парламентъ его, министра, и предложеніе было встрѣченно громкимъ и всеобщимъ смѣхомъ. Всякій другой пришелъ бы въ уныніе и отступилъ бы предъ священнымъ величіемъ законности. Но онъ, въ отвѣтъ всѣмъ насмѣшливымъ голосамъ говорившимъ ему «удалитесь», возражалъ: «Я останусь, чтобы защищать права и преимущества короля, который одинъ воленъ назначать министровъ». Какъ? управлять

*) Корневаль Люисъ, „Исторія англійскаго правительства“, хорошее произведеніе переведенное въ 1867 г.

безъ общинъ, безъ народа? Это значило идти по пути, усѣянному пропастями, по пути Карла I и Якова II. Вотъ что сказалъ бы всякій, но чего онъ себѣ не говорилъ. Дѣло невѣроятное — какъ могъ этотъ, такъ молодой еще, человѣкъ, уже узнать самую позорную тайну человѣческаго характера, узнать глубокую испорченность человѣческаго сердца, его странные и внезапные извороты.

Георгъ, какъ ни былъ онъ безуменъ, испугался и уже собирался къ себѣ въ Ганноверъ, говоря себѣ вѣроятно, какъ дѣдъ его Георгъ I: «Я поплачусь только своими министрами, которымъ они отрубятъ головы». Питтъ же, значительно болѣе испорченный, сообразилъ, что дѣло уладится, что новые выборы дадутъ людей болѣе сговорчивыхъ, нѣсколько недовольныхъ вначалѣ, но способныхъ къ примиренію. Этотъ индійскій вопросъ, казавшійся всѣмъ столь гибельнымъ, представлялся его холодному уму соблазнительной приманкой *).

Этотъ странный и исключительный фактъ, что король, побѣжденный въ Америкѣ, побѣжденный въ парламентѣ, издѣвался надъ парламентомъ и обращалъ въ ничто знаменитую конституцію, — фактъ этотъ былъ безумною смѣлостью, хуже всякаго безумія Стюартовъ. Но когда увидѣли, что послѣ этого народъ спокойно бросилъ Индію къ ногамъ короля, и что король назначилъ туда своего адъютанта вице-королемъ, то вся Европа думала увидѣть въ этомъ событіи окончательное крушеніе и погибель Англіи.

---

*) Все это очень темно и ловко скрыто англичанами. Соотечественникъ нашъ (Исторія Индіи) Боршу де Пенгоенъ, въ объемистомъ томѣ многословнаго труда своего гораздо ближе держится оригинальныхъ документовъ. Только прочитавъ разсказъ его, можно видѣть душу Питта обнаженную въ эту торжественную минуту, и тотъ громадный интересъ по отношенію къ выборамъ, какой онъ имѣлъ въ этомъ дѣлѣ и который измѣнилъ англійское правительство на цѣлые полвѣка.

Никто не зналъ еще тогда, что Англія живой корабль, который, въ случаѣ надобности, измѣняетъ направленіе и избѣгаетъ гибели. Масса частныхъ интересовъ готовы придти на помощь къ кораблю, или, по крайней мѣрѣ, придать ему наружный видъ прочности и безопасности, и устроить такъ, чтобы какія ни потерпитъ онъ поврежденія, онъ не потонетъ но гордо поплыветъ впередъ. Такъ случилось и теперь. Какъ только замѣтили, что правительство колеблется и большая мачта корабля грозитъ упасть, масса разумныхъ людей кинулись на помощь и, въ виду собственныхъ интересовъ, поддержала всѣ маневры. И тутъ англо-саксы, набобы, какъ ихъ называли, удивили всѣхъ дружной энергической работой въ пользу Питта и короля. Лондонское сити очень взволновалось и съ нимъ вмѣстѣ крупные капиталисты. Такъ что Питтъ могъ сказать Фоксу, за котораго стояли парламентъ, законъ и конституція: «Со мною глава націи, со мною все наиболѣе уважаемое Англіею—сити, король и лорды».

IV.

Король распускаетъ парламентъ. — Процессъ и оправданіе Гастингса 1785—95.

За этой великой борьбою между королемъ и парламентомъ, королемъ и конституціею подготовлялась другая; о ней еще не говорили громко, но она уже виднѣлась на политическомъ горизонтѣ и, я думаю, возбуждала такой же сильный интересъ, какъ и первая, и раздѣляла на два враждебныхъ лагеря весь банкъ Лондона и Калькутты; это было дѣло Гастингса, губернатора Индіи, только что вернувшагося оттуда. Этотъ ловкій человѣкъ, несмотря на тяготѣвшія надъ нимъ

важныя обвиненія, очень понравился Георгу III и многимъ другимъ. Многіе были заинтересованы въ томъ, чтобы всѣ компрометирующія дѣла въ Индіи были съ возможною осторожностью обсуждаемы новою палатою, болѣе благоразумною и молчаливою, а не оглашались бы такъ неприлично безпокойными друзьями Фокса. Въ Лондонѣ былъ англійскій банкиръ изъ Калькутты, нѣкто Бенфильдъ, бывшій простымъ приказчикомъ, но впослѣдствіи такъ хорошо обдѣлавшій дѣла свои, что оказался въ состояніи ссудить компанію 40 или 50 милліонами. Этотъ человѣкъ, съ друзьями своими, такъ ловко и усердно хлопоталъ при выборахъ новаго парламента и такъ ловко втерся къ Питту, что индійская компанія испугалась и не осмѣлилась оспаривать свое сомнительное 50 милліонное обязательство. Едва лишь долгъ этотъ былъ признанъ, какъ онъ сталъ увеличиваться разнообразнѣйшими способами. Разсмотрѣніе и провѣрка его были отложены; было существенно важно, чтобы и то и другое производилось только друзьями, нѣсколько близорукими, которые не стали бы слишкомъ присматриваться къ дѣлу. Эта близорукость продолжалась 20 лѣтъ, до смерти Питта, до 1806 г. Но въ это время—во время великой европейской борьбы—было не до того. За это дѣло принялись, какъ слѣдуетъ, только послѣ битвы при Ватерлоо, на досугѣ. И вотъ, черезъ 30 лѣтъ убѣдились, что тотъ знаменитый долгъ — чистая ложь или, по крайней мѣрѣ, огромный начетъ, превышавшій въ 20 разъ сумму, въ дѣйствительности вытребованную и уплаченную. Но была ли эта нелѣпая тайна—тайной? Она должна была быть извѣстной и администраціи, и многимъ другимъ лицамъ. Но въ теченіи 30 лѣтъ находили лучшимъ молчать и откладывать разоблаченіе, могущее быть непріятнымъ столь многимъ вліятельнымъ людямъ. Ловкій агентъ Питта, Павелъ

Бенфильдъ, по окончаніи выборовъ и устройствѣ удовлетворительной палаты, спокойно возвратился въ Калькутту, надѣясь на Питта и старанія его устроить въ Индіи администрацію осторожную, чисто-королевскую и министерскую, которая бы дѣйствовала безъ шума и поддерживала бы мракъ и безмолвіе.

И въ самомъ дѣлѣ, Питтъ довѣрчиво принялъ и представилъ новой палатѣ проэктъ, предложенный ему другомъ Бенфильда, его ловкаго и могущественнаго избирателя. Другъ этотъ, Ричардъ Аткинсонъ, въ своемъ проэктѣ подчинялъ Индію во всемъ касавшемся политики королю и особому контрольному бюро, имѣющему открыться въ Лондонѣ по повелѣнію короля. Въ Индіи королевскому губернатору предоставлялась большая власть, полная свобода дѣйствій. Эту власть король и вручилъ своему адъютанту Корнваллису. Новый принятый палатою проектъ былъ тѣмъ болѣе удивителенъ, что именно въ эту пору появилось въ Лондонѣ живое доказательство опасности установленія въ Индіи короля этого рода. Варренъ Гастингсъ возвращался подъ тяжестью многоразличныхъ обвиненій и со стороны компаніи, и со стороны сотень индійскихъ племенъ.

И такъ, принимали мѣры для того, чтобы сгустить еще болѣе мракъ именно въ ту минуту, когда увидѣли все зло, всѣ тѣ страшныя язвы, которыхъ и прежній мракъ не могъ скрыть вполнѣ. Думали, что при Георгѣ, этомъ честномъ королѣ, при нравственной ганноверской династіи, Гастингсъ, этотъ знаменитый мошенникъ, преслѣдуемый столь многими обвинителями,—думали, говорю я, что Гастингсъ, какъ только вступитъ въ Англію, непремѣнно будетъ арестованъ. Вмѣсто того, его встрѣтилъ самый любезный пріемъ у короля, который, обрадовавшись такому тонкому плуту, подумалъ про-

себя: «И ловкій же онъ мошенникъ! Сколько народа проситъ за него. Не сдѣлать ли его министромъ?» Не таково было мнѣніе Питта. Такая низость короля возмущала его. И вотъ онъ, самымъ неожиданнымъ и неподражаемымъ образомъ, продѣлалъ тотъ парламентскій мэнуетъ, о которомъ я уже упоминалъ, сблизился съ Фоксомъ и съ обвинителями Гастингса, но съ самыми умѣренными, ибо онъ желалъ только, чтобы его обвинили и удалили отъ дѣлъ, но чтобы все это дѣлалось слегка и чтобы самый процессъ окончился ничѣмъ.

Такой исходъ дѣла былъ мало вѣроятенъ. Гастингсъ пріѣхалъ, потому что его привелъ, и если можно такъ выразиться, притащилъ, грызя его, страшный догъ Франсисъ, крѣпко державшій его тысячами собранныхъ противъ него уликъ. Раздраженное краснорѣчіе Берка должно было воспользоваться этимъ процессомъ и дать ему ужасающую извѣстность во всей Европѣ. Фоксъ, свергнутый съ высоты прежней власти, нашелъ въ этомъ процессѣ удовлетвореніе и торжество человѣчности. Его великое сердце отзывалось на стоны и слезы несчастнаго индійскаго міра и видѣло передъ собою этотъ міръ, умоляющій Англію объ избавленіи. Молодой Питтъ любилъ порядокъ и то если бы этимъ не затрогивались вопросы о предстоящихъ выборахъ и принятая имъ роль королевскаго слуги, онъ бы въ этомъ дѣлѣ послѣдовалъ примѣру своего великаго отца, который здѣсь великодушно пошелъ противъ собственныхъ интересовъ. Когда завоеватель Клейвъ пріѣхалъ къ Чатаму въ Лондонъ съ визитомъ и предложилъ королю и министерству взять на себя управленіе завоеванной имъ страны, Чатамъ отвѣтилъ не какъ министръ, а какъ великій гражданинъ: «Если бы королю досталось такое значительное приращеніе доходовъ, то это уве-

личеніе королевской власти противорѣчило бы общественной свободѣ».

Младшій Питтъ, въ противуположность отцу, принялъ это увеличеніе владѣній короны и огромную власть, которую правительство пріобрѣтало съ этой минуты,—раздавать мѣста въ Индіи. Онъ долженъ былъ изъ приличія отвернуться отъ Гастингса, но старался изподтишка покровительствовать этому полезному человѣку, сдѣлавшему въ Индіи революцію, самую выгодную для англичанъ, въ ущербъ туземцамъ, предоставивъ имъ всѣ должности и, такимъ образомъ, открывъ новый источникъ для подкуповъ по выборамъ. До Гастингса Индія уже была источникомъ средствъ для сотень фамилій, младшія дѣти которыхъ отправлялись туда чуть не ребятами. Мальчикъ, отправившійся въ Индію въ юные годы, могъ, подъ покровительствомъ компаніи, призаняться тамъ торговлею, вступивъ въ товарищество съ какимъ-нибудь туземцемъ, ловкимъ баніанцемъ. Но далеко пойти такимъ путемъ было невозможно. Гастингсъ, напротивъ, предоставляя англичанамъ всѣ доходныя мѣста въ администраціи, войскѣ и судѣ, давалъ опредѣленную осѣдлость и средства къ жизни молодымъ переселенцамъ. Получившему хорошее мѣсто младшему сыну оставалось только проѣхаться въ Англію, чтобы сдѣлать приличную партію въ семействѣ, которое бы покровительствовало ему и помогало подниматься выше. Всѣ, имѣвшіе младшихъ сыновей и дочерей, считали себя обязанными Гастингсу и нуждались въ его покровительствѣ, благодаря которому младшіе члены ихъ семействъ могли устроить свою карьеру. Маколей, человѣкъ весьма тонкаго ума, не оправдываетъ Гастингса, но показываетъ, какъ много хорошихъ и почтенныхъ людей стояли за него. Онъ показываетъ въ началѣ процесса толпу прекрасныхъ и добродѣтельныхъ женщинъ, интересо-

вавшихся этимъ дѣломъ и пришедшихъ послушать процессъ, и даже, по этому случаю, надѣвшихъ на себя свои лучшіе бриліанты. Обвиняемый—человѣкъ умный и вполнѣ порядочный, даже безъ словъ, одною своею наружностью, опровергалъ взведенныя на него чудовищныя обвиненія. Впечатлѣніе было вполнѣ благопріятно для него, когда онъ разсказалъ искусно сочиненную и правдоподобную, въ концѣ концовъ, исторію своего перваго вступленія въ жизнь. «Сынъ раззорившейся семьи, онъ былъ свидѣтелемъ перехода замка его отцевъ въ чужія руки. Онъ медленно удалялся оттуда, когда, взойдя на холмъ, онъ обернулся и увидалъ глазами, полными слезъ, домъ и усадьбу, тонувшіе въ мягкихъ тонахъ вечера и какъ бы озаренные улыбкою заката; глубоко-тронутый, онъ поклялся себѣ вернуться и, во что бы то ни стало, выкупить отцовское наслѣдіе». И сколько прекрасныхъ глазъ пролили слезы при этомъ разсказѣ. И даже сколько мужчинъ съ трудомъ скрывали свое волненіе. Онъ коснулся больной струны каждаго англичанина. Всѣ отлично поняли, что ему пришлось дѣлать невозможное, чтобы достигнуть своей цѣли. Многіе въ этой большой толпѣ могли сказать себѣ: «И я не лучше его и для цѣли этой, кто знаетъ, можетъ быть, и я сдѣлалъ бы тоже самое, или еще хуже». Извѣстны слова Генриха Ланкастера, Генриха IV., когда онъ вернулся изъ изгнанія въ Англію. Въ отвѣтъ Ричарду II на вопросъ, чего онъ ищетъ здѣсь съ такимъ войскомъ, онъ сказалъ: «Ничего, кромѣ наслѣдія моихъ отцовъ». Этотъ отвѣтъ поразилъ всѣхъ, вся Англія присоединилась къ нему и онъ сталъ королемъ. Такъ точно Гастингсъ, обращаясь къ самому сильному у англичанъ чувству собственности, семьи, семейныхъ воспоминаній, расположилъ къ себѣ всѣ сердца. Сто милліоновъ индѣйцевъ были забыты.

Впрочемъ, палата общинъ, отсылая обвиненіе въ палату перовъ, позаботилась вычеркнуть одно самое ужасное и возмутительное, великое, индивидуальное преступленіе. Я признаю это единственнымъ поступкомъ, который и до сихъ поръ заставляетъ насъ быть безпощадными къ этому человѣку, и именно поступокъ этотъ всѣ біографы старались болѣе всего смягчить. Гастингсъ достигъ власти совершенно инымъ путемъ, нежели предшественники его. Нашъ Дюпле примѣтилъ двѣ вещи, ускользнувшія отъ вниманія англичанъ, что женщины могутъ пріобрѣтать въ Индіи большое вліяніе (размѣръ его узнали, когда женщинѣ удалось цѣлыхъ 20 лѣтъ управлять воинственными племенами мараттовъ). Онъ понялъ, что европейцы могутъ посредствомъ браковъ направить это вліяніе въ свою пользу. Дюпле женится на индіанкѣ, которая знала всѣ нарѣчія и переписывалась вмѣсто него со всѣми раджами. Англичане этого не поняли. Клейвъ, простой купеческій приказчикъ, возвысившійся своею отвагою и энергіей, былъ суровымъ человѣкомъ. Но въ вавилонскомъ столпотвореніи невѣдомыхъ языковъ и нравовъ, въ этомъ лабиринтѣ запутанныхъ дѣлъ, онъ догадался воспользоваться услугами индійскихъ мусульманъ, народа энергичнаго и понятливаго, съ умомъ болѣе серьезнымъ, нежели умъ чистокровныхъ индійцевъ. Гастингсъ надѣялся на большее: онъ думалъ, что, поучившись у туземцевъ, онъ скоро съумѣетъ обойтись безъ нихъ, отдѣлавшись, такимъ образомъ, и отъ мусульманъ, и отъ туземцевъ. Опираясь на послѣднихъ, онъ началъ съ того, что заключилъ въ тюрьму управлявшихъ до этого времени мусульманскихъ министровъ. Но, употребляя индійцевъ противъ мусульманъ, онъ самъ обращался съ ними не лучше мусульманъ. Индійцы—это цѣлый огромный міръ, кроткій и цивилизованный, знавшій мѣстныхъ

людей и обстоятельства и безъ котораго ничего нельзя было сдѣлать. Гастингсъ задался нелѣпою мыслью замѣнить ихъ англичанами, наскоро подготовленными т. е. людьми съ нравами, прямо противоположными туземнымъ; словомъ, вздумалъ создать Англію въ Индіи. Отсюда масса притѣсненій, чтобы удалить туземцевъ, смѣстить ихъ съ занимаемыхъ ими должностей.

Компанія и директора ея были также недовольны, какъ и индійцы, видя, что губернаторъ дѣйствуетъ, какъ настоящій король, не спросясь ихъ, заключаетъ миръ и объявляетъ войну, завоевываетъ индійскія племена и истребляетъ ихъ. Они обрадовались, когда къ нимъ явился человѣкъ борьбы, Франсисъ, знаменитый авторъ писемъ Юнія, знаменитый членъ оппозиціи, который и показалъ зубы тирану. Но ловкій тиранъ самъ говоритъ, что онъ требуетъ только правосудія. Онъ добился открытія въ Калькуттѣ высшаго судилища, независимаго отъ компаніи, которое, состоя изъ членовъ, назначаемыхъ губернаторомъ, и обязанное ему своимъ положеніемъ и содержаніемъ, зависѣло бы отъ него одного и защищало бы его противъ всѣхъ.

Остановимся здѣсь и вспомнимъ то, что было сказано объ Англіи Бентамомъ и многими другими англичанами: «ея вѣрность прошлому, ея уваженіе къ старымъ саксонскимъ нормандскимъ и другимъ законамъ, создали въ ней вавилонское столпотвореніе въ юридическомъ отношеніи, и такое, что сами юристы едва разбираются въ этой путаницѣ. Богатые и знатные люди, выбираемые на должность судей въ графствахъ, счастливы если находятъ секретарей, которые бы за хорошее жалованье руководили ими. Отсюда цѣлая масса дѣльцевъ, второстепенныхъ судей, часто безсовѣстныхъ и корыстолюбивыхъ. Изъ нихъ и набралъ Гастингсъ свое новое

судилище и безъ труда наполнилъ его людьми, которые, будучи обязаны ему мѣстомъ, судили сообразно съ его волею и интересами. Директора компаніи однакоже продолжали обвинять его, находя отчеты его неправильными. Въ этомъ ихъ поддерживалъ Францисъ, добивавшійся общей реформы для защиты несчастныхъ индійцевъ; защитники Гастингса говорили, что онъ устроилъ въ странѣ лучшую полицію. Число воровъ уменьшилось; но поразительно то, что въ этой чисто англійской системѣ прислуга, кліенты и агенты англичанъ, не чувствуя надъ собою суда, сдѣлались страшными тиранами. Великая язва Индіи—похищеніе и продажа дѣтей усилилась.

Послѣдній изъ индѣйскихъ министровъ, браминъ Нункомаръ, помогалъ Гастингсу противъ мусульманъ. Вдругъ Гастингсъ смѣняетъ его и возводитъ на него разныя обвиненія; Нункомаръ, по всей вѣроятности, ободряемый Францисомъ, въ свою очередь открылъ обвиненіе противъ Гастингса. Тогда но уже слишкомъ поздно замѣтили, какъ сильно вооруженъ Гастингсъ. Судилище ими устроенное показало страшный, какъ мечъ, королевскій патентъ, освобождавшій его отъ всякой зависимости по отношенію къ директорамъ компаніи—прекрасное примѣненіе принципа независимости судебной власти отъ администраціи. Такимъ образомъ, администраторы, которые въ дѣйствительности создали цѣлое государство, увидѣли что, правительство подчиняетъ ихъ какимъ то прокурорамъ появившимся въ странѣ со вчерашняго дня. Эти законники, смиренные въ Англіи и дерзкіе въ Калькуттѣ, со своимъ королевскимъ патентомъ и войсками Гастингса, могли свободно насмѣхаться надъ творцами индійской имперіи и надъ великимъ реформаторомъ, Францисомъ. Гордые своимъ невѣжествомъ, незнакомые съ нарѣчіями страны (они всюду нуждались въ переводчикахъ), они дѣйствовали тѣмъ неустрашимѣе и обви-

няли индѣйца—обвинителя. Его арестовали по обвиненію въ когда-то произведенномъ подлогѣ и сверхъ того—вещь неслыханная и смѣшная, въ странѣ, гдѣ царствуетъ полигамія, его обвинили въ преступленіи многоженства—преступленіи важномъ противъ закона христіанскаго и англійскаго. Но и англійскій законъ былъ позорно нарушенъ судьями, ибо безъ соблюденія правила судопроизводства, безъ всякихъ формъ и отсрочекъ, несчастный индіецъ въ одинъ и тотъ-же день былъ судимъ, повѣшенъ и задушенъ. И это передъ огромной толпой полной отчаяніи и слезъ, не смѣвшей оказать ни малѣйшаго сопротивленія, которая въ казни брамина, главы края, видѣла смерть Индіи, свою собственную смерть.

Понятно, что съ этой минуты все было покончено. Сношенія двухъ расъ, которыя Дюпле и даже Клейвъ умѣли уважать, и которыя посредствомъ браковъ могла бы стать тѣснѣе, порвались, и англичане попытались сдѣлать невозможное—все дѣлать, все наполнять, всѣмъ пользоваться, управлять и судить, ничего не понимая *) Дѣло такимъ образомъ

*) Намѣстникъ короля, мудрецъ Корнвались понялъ, что для поддержанія этой невозможной игры, нужно было жалованье громадное, чудовищное. Какъ можно было надѣятся, чтобы, даже въ самыхъ лучшихъ школахъ Европы и Индіи, молодые люди такъ спѣшившіе занять должности и пользоваться жизнію, изучили-бы въ короткое время шесть или восемъ трудныхъ языковъ? Такое изученіе не дается; нужны переводчики. Безъ индѣйцевъ они ничего не могутъ сдѣлать, даже тиранить Индію. Англичане должны быть очень угрюмымъ народомъ, если не разсмѣялись надъ такою комедіей. Въ началѣ дѣйствовали разумнѣе, надѣялись создать связь между обоими народами. Я радуюсь случаю выразить должное уваженіе памяти Вильяма Джонса, сочиненіе котораго принесли мнѣ столько пользы. Его *Индостанскіе Дигесты* были когда-то моей любимой книгой. Этотъ великій ученый былъ въ то же время очаровательнымъ поэтомъ. Онъ мечталъ сблизить первобытную поэзію кельтовъ и индѣйцевъ, Оссіана и Каллидаза Одинокій, покинутый въ болѣзни, обреченный умирать на востокѣ, онъ

свелось къ самымъ мелкимъ обвиненіямъ, взяточничеству и жестокому вымогательству Гастингса. Но онъ закрылъ ротъ обвинителямъ, возразивъ, что дѣйствовалъ такъ ради общественныхъ потребностей и для удовлетворенія крайнихъ нуждъ компаніи. Тогда сквозь пальцы посмотрѣли на войны, которыя онъ велъ безъ надлежащаго разрѣшенія. Въ такомъ сосокращенномъ видѣ процессъ становился скучнымъ. Въ теченіи 7 или 8 лѣтъ, которыя онъ продолжался, общество совсѣмъ охладѣло къ нему и нетерпѣніе расположило общественное мнѣніе противъ обвинителей. Защитники Гастингса, увѣренные въ побѣдѣ и напиравшіе на формальную сторону дѣла, не вступили въ пренія и разъясненія. Каждый разъ, когда обвинитель Беркъ жаловался, что затягиваютъ процессъ, подчиняя его формальностямъ судопроизводства въ обыкновенныхъ судахъ, канцлеръ отвѣчалъ, что формальности эти единственная гарантія въ пользу бѣдныхъ обвиняемыхъ и потому не могутъ быть обойдены. Туда пригласили 12 юристъ-консультовъ спросили мнѣнія ихъ, и услышали восторженныя похвалы легальнымъ формальностямъ: «Счастливая, трижды счастливая Англія, гдѣ обвиняемый имѣетъ такія гарантіи справедливости».

Напрасно компанія утверждала, что отчеты Гастингса темны, запутаны и непостижимы; большинство юристовъ

обращается къ добрымъ геніямъ Индіи къ божеству солнца (Сурейа) съ такими словами: «Если люди спросятъ: какой человѣкъ возвышаетъ такъ свой голосъ, скажи, о богъ (ибо взоры твои обнимаютъ небо, землю и океанъ), скажи, что съ лона серебрянаго островка, издалека, изъ той страны, гдѣ свѣтило испускаетъ болѣе мягкій свѣтъ, пришелъ человѣкъ, который хотя онъ и не ведетъ свой родъ отъ Брамы, но лепеча на вашемъ божественномъ языкѣ съумѣлъ извлечь восточную науку изъ ея чистѣйшаго источника, скрывавшагося въ давно закрытыхъ подземельяхъ, къ которымъ давно заросли всѣ тропинки».

отвѣчало восхваленіями англійскаго правосудія, такъ хорошо защищавшаго невинность. Эти замедленія были Гастингсу на руку. Всѣ являвшіеся изъ Индіи, всѣ разбогатѣвшіе на полученныхъ отъ Гастингса мѣстахъ, воспѣвали ему хвалы; комедія такого концерта стала до того приторна, что самъ Гастингсъ жаловался на проволочки, которыя устраивались въ его же пользу. Не захотѣли выслушать Франсиса, человѣка, который лучше всѣхъ зналъ это дѣло и раскрылъ бы дѣло болѣе, нежели того желали знать. Въ то же время не давали Берку документовъ, которые ему были нужны, и въ то же время, не давая ему требуемыхъ подтвержденій, его же упрекали въ бездоказательности обвиненіи. Дѣло дошло до того, что обвинители оказались обвиненными. Негодованіе возмущавшее Берка дѣлало его ненавистнымъ, невыносимымъ чинному собранію. Ирландское краснорѣчіе Берка, которое подѣйствовало бы въ палатѣ общинъ, было ненавистно перамъ до такой степени, что архіепископъ Іоркскій попрекнулъ его въ кровожадности, назвалъ *Маратомъ* и нашелъ, что, протянувъ процессъ только 7 лѣтъ, подражали убійственной поспѣшности нашихъ террористовъ. Въ уголовныхъ дѣлахъ, говорили они, слѣдуетъ подвигаться какъ можно медленнѣе.

6 Мая 94 г., по окончаніи такого превосходнаго процесса, пренія были прекращены и Гастингсъ засіялъ всѣмъ блескомъ и чистотой своей невинности. Питтъ держался въ сторонѣ; онъ во всемъ старался придерживаться нравственности. Было замѣчено, что въ тѣ дни, когда политика увлекала его въ сторону, онъ оставлялъ свое министерское кресло и смиренно садился около великаго, всѣми уважаемаго и знаменитаго филантропа, Вильберфорса.

Англія успокоилась тогда, довольная увеличеніемъ своей

территоріей извнѣ и внутреннею сплоченностью; она все еще думала, что королевское правительство—краеугольный камень этого прекраснаго зданія. Ганноверская династія нравилась ей самою свое посредственностью. Когда Георгъ сошелъ съ ума, всѣ приняли въ немъ участіе и ударились въ молитвы. Онъ выздоровѣлъ, какъ говорится, пришелъ въ себя. То была общая радость, общее торжество. Все это такъ плохо отвѣчало фантастичному изображенію Англіи, начертанному Монтескье и другими писателями, что у насъ представляли себѣ Англію угнетенной и съ нетерпѣніемъ ожидающей освобожденія. Гошъ, Монжъ и Бонапарте говорили: «освободимъ Англію». До нихъ Бриссо, который долго тамъ прожилъ и долженъ былъ знать Англію, не сомнѣвался въ гибели ея. Въ концѣ каждой изъ своихъ рѣчей онъ говоритъ о гибели Англіи, объясняя: «вотъ почему Англія погибла». «Пропала» отвѣтилъ ему кто-то, «но гдѣ, подъ какимъ же это градусомъ широты»?

V.

Война съ Франціей.

И такъ послѣ американской революціи и до французской, когда уже поднимался вѣтеръ—предвѣстникъ великихъ бурь, Англія была вынуждена новыми интересами своими искать спокойствія подъ старой идеей роялизма, такъ сильно расшатанной въ Европѣ. Королевская власть въ Англіи, кромѣ собственныхъ преимуществъ своихъ и постоянной поддержки со стороны господствующей церкви, пріобрѣла новое патронатство въ Индіи, массу должностей для раздачи. Наконецъ, ея безопасность обезпечивалась новымъ войскомъ, трусливою

толпою кредиторовъ государства, страстныхъ поклонниковъ прочности существующаго порядка. Оппозиція была сокращена, сведена къ ничтожнѣйшему числу, такъ что надъ нею острили, увѣряя что достаточно «одного извощика, чтобы доставить ее въ парламентъ». Положеніе вещей было крайне благопріятно для Питта; чтобы стать популярнымъ, ему стоило только сдѣлать нѣсколько финансовыхъ реформъ, выдавать себя за послѣдователя Адама Смита и, по временамъ, льстить Вильберфорсу, легковѣрному апостолу освобожденія черныхъ. Питтъ, казалось забылъ преданія гнѣва, завѣщаннаго отцомъ, и вѣковую національную ненависть. Онъ сообщился съ Франціей и навязалъ ей торговый договоръ, открывшій наши порты англійскимъ товарамъ и возмутившій огромную массу нашего сѣвернаго рабочаго населенія. Въ это время Англія удивлялась миролюбію Питта и дружескимъ отношеніямъ его къ Франціи. На упрекъ въ этомъ онъ далъ трогательный отвѣтъ: «развѣ можно вѣчно ненавидѣть»?

Однако во Франціи работы остановились и мебельное производство, создавши при Людовикѣ XV предмѣстіе Сенъ Антоуанъ, при Людовикѣ XVI было вездѣ прекращено. Этотъ новый Парижъ, лишенный работы, произвелъ великое возмущеніе 14 іюля, взялъ Бастилію. Англія одобрила его, какъ и вся Европа, отъ Лондона до Петербурга. Фоксъ сказалъ: это величайшее событіе въ мірѣ. Наша федерація 90 года, безкорыстный порывъ, воззваніе къ свободѣ всего человѣчества переполнили сердца радостью и вызвали слезы изъ глазъ. Англія сперва подумала, что мы по примѣру ея устраиваемъ англійскую революцію. Потомъ увидѣвъ, что революція будетъ французская, многіе продолжали восхищаться и объявили что конституція 91 г.—чудо человѣческаго ума. Прекрасная книга Пена «*Права человѣка*» превозносилась до небесъ,

правда только великодушнымъ меньшинствомъ состоявшимъ изъ удивительнаго поколѣнія, народившагося въ Европѣ послѣ Руссо и американской войны, поколѣнія довѣрчиваго, богатаго воображеніемъ и нетерпѣливо ждавшаго осуществленія своихъ мечтаній о благѣ человѣчества. Повсюду поколѣніе это какъ одинъ человѣкъ; можно подумать, что въ мірѣ только одна нація. Вездѣ Лафайетты, Фицъ Джеральды, Костюшки. Огненная струя завладѣла Бельгіей, Италіей и частью Рейна. Со всѣхъ сторонъ засвѣтило на горизонтѣ, но разновременно, безъ связи, то тамъ то тутъ.

Прекрасное зрѣлище, которымъ могла бы вдохновитъся кисть Рейнольдса и Лауренса, представлялъ въ то время Питтъ мирно плывшій на своемъ неутопаемымъ суднѣ въ кругѣ молній освѣщавшихъ Европу. Въ его года, —ему было уже болѣе 30 лѣтъ, — онъ оставался все тѣмъ же свѣжимъ пухлымъ ребенкомъ, серьезнымъ и пылкимъ, но все же миролюбивымъ. И плылъ онъ на прочномъ во истину суднѣ, какъ знаменитый индійскій слонъ, сила котораго состояла изъ живыхъ людей, изъ одушевленныхъ существъ: вся сплошная масса государственныхъ кредиторовъ, акціонеровъ, банкировъ и проч. заинтересованныхъ въ его цѣлости, ежеминутно готова была дать ему толчекъ вверхъ, поддержать его на своихъ плечахъ. 6 октября 89 года онъ улыбнулся плѣну Людовика XVI. Англія была отмщена. Франція казалась ему блуждающей безъ цѣли, какъ сбившійся съ пути корабль, и несущей волненіями своими новыя ручательства спокойствія Англіи. Одна Ирландія нѣсколько безпокоила его. Но именно ирландецъ произнесъ проклятіе Франціи и революціи, естественной союзницѣ его родины. И безъ того слабая англійская оппозиція была разрѣзана на двое, сведена къ нулю. Фоксъ былъ всѣми оставленъ. Питтъ поднимался все выше. Сооружаютъ храмы ан-

телу биржи, заставшему трехъ процентныя бумаги въ цѣнѣ равной половинѣ номинальной стоимости и поднявшему ихъ до полной номинальной цѣны. Восторгу нѣтъ границъ, когда этотъ богъ биржевиковъ, посредствомъ погашенія, далъ государственному долгу обезпеченіе вѣчной прочности. Это обезпеченіе, эти залоги распространятся повсюду. Случится ли война—тѣмъ лучше—мы возьмемъ Сан-Доминго, мысъ Доброй Надежды, Яву.

Долгъ этотъ сдѣлается горою, незыблемыя основанія которой обнимутъ всю землю. Эти богатые воображеніемъ рантьеры служатъ Питту настоящимъ янычарами, они преданы ему до смерти, какъ приверженцы Старца Горы преданы своему вождю. Въ то время, когда устраивались большіе клубы изъ знаменитѣйшихъ именъ съ цѣлью избирательной реформы и всеобщей подачи голосовъ, Питтъ стоялъ уже такъ прочно, что предлагалъ Фоксу портфель министра. Какая черта великодушія!

Но Фоксъ не сдается. Генералъ безъ солдатъ, одинокій въ парламентѣ, онъ въ министерствѣ нашелъ бы рабство, для него оно было бы настоящей ловушкой. Онъ уклоняется, молчитъ и ждетъ. Сомнѣвались въ томъ, желаетъ ли или нѣтъ Питтъ войны съ Франціей; но было очевидно, что война удвоитъ его диктатуру и продолжитъ какъ его торжество, такъ и партіи его. И дѣйствительно оно длилось 22 года до 1815 и даже дольше, ибо лишь въ 1830 осмѣлились снова заговорить о парламентской реформѣ.

И потому, когда Фоксъ и другіе друзья человѣчества хотѣли попытаться спасти жизнь Людовика XVI, Питтъ сказалъ: «Зачѣмъ напрасно компрометировать себя?» Онъ вѣрилъ, не безъ основанія, что великодушная Англія энергически приметъ сторону французскаго короля, нѣкогда ее унизившаго,

что она будетъ отзывчива и человѣчна, что вся она послѣдуетъ за Бёркомъ, взывавшимъ къ состраданію, къ мщенію. Такимъ образомъ ирландецъ Бёркъ поработаетъ самъ въ пользу неограниченной диктатуры Питта. Франція до того увлекалась иллюзіей, что воюя съ Австріею, разсчитывала на дружбу Англіи, раньше ея достигшей свободы. Она послала туда вѣрнаго человѣка, патріота Талейрана и жадно вѣрила разсказамъ своего агента Маре (Бассано), что Питтъ желаетъ мира. Впрочемъ вѣрили и въ то, что Англія зоветъ насъ. Монжъ, морской министръ говорилъ: «Идемъ освобождать Англію» *). Она же, напротивъ того была охвачена такимъ порывомъ роялизма, что стали возможны памфлеты, напоминавшіе времена Іакова II. Въ нихъ насмѣхались надъ тремя властями, говорили, что конституція не тройственная, а единая, и что она сводится къ королю. Хитросплетенная дипломатія Бисмарка была присуща Питту и онъ не объявлялъ войны, но заставилъ Францію объявить ее; покровительство эмигрантамъ, война съ нашими союзниками, даже съ нейтральными, доставлявшими намъ хлѣбъ во время голода, озлобили Францію и заставили ее рѣшиться на этотъ шагъ. Англія присудила къ смерти каждаго, доставлявшаго хлѣбъ Франціи Конвентъ въ отместку объявилъ Англію врагомъ рода человѣческаго. Рода человѣческаго? Казалось, онъ весь былъ противъ насъ. Англія наняла нѣмцевъ и піемонтцевъ и вооружала ихъ, заключала трактаты съ Россіею, Австріею, Тосканою, Неаполемъ, Испаніею, Португаліею.

Должно признаться, что въ такое время другу нашему Фоксу нужно было много храбрости на то чтобы осмѣлиться защи-

*) См. трудъ Корнваля Люиса, «Исторія англійскаго правительства до 1830 г.»

щать всѣми покинутую Францію и предлагать заключеніе мира. Всѣ осмѣяли такое предложеніе. Одинъ Питтъ серьезно отвѣчалъ, что миръ возможенъ будетъ лишь по истребленіи чудовища анархіи, возбудившаго противъ себя цѣлый свѣтъ. Но вотъ это чудовище—революція вмѣсто того, чтобы устрашиться цѣлаго свѣта, вздумало само угрожать ему. Мечтатели жирондисты объявляютъ крестовый походъ революціи. За ними идетъ гора съ милліономъ солдатъ, разбиваетъ пруссаковъ и австрійцевъ, беретъ Ниццу, Савойю, Рейнъ. Ватиньи и Флерусъ, отступленіе Кобурга, бездѣйствіе Пруссіи, берущей съ Англіи деньги и ничего не дѣлающей,—все это доказываетъ премудрому Питту, что безумецъ Бёркъ былъ правъ, говоря: «Съ Франціей можно справиться только посредствомъ Франціи самой, предложивъ французскимъ роялистамъ поддержать реставрацію». Разубѣжденный Питтъ заговорилъ на иной ладъ. Онъ воюетъ не съ Франціей, а за Францію, за добрую королевскую Францію. Истина обнаружилась только въ дѣлѣ при Тулонѣ. Англія хотѣла его, но собственно для себя самой. Мысль о завоеваніи и раздѣленіи Франціи овладѣла ею. Съ нея довольно было бы Бреста, Тулона и береговъ Вандеи.

Я разсказалъ о прекрасномъ пріемѣ, сдѣланномъ Питтомъ де Пюизею, великому организатору возстанія Бретани, и Ландри, изобрѣтательному кудеснику, который сотворилъ убійственный потокъ фальшивыхъ ассигнацій. Въ этомъ заключался настоящій смыслъ экспедицій Киберона, Гранвилля и Ильдедье, которыя собственно говоря были распространеніемъ чумы фальшивыхъ денегъ. Однакоже Англія, вредя намъ, вредила и себѣ. Даже сити Лондона и банкъ, столь вѣрный Питту, задыхались и стонали. Обоихъ возмущало то, что Пруссія, пользуясь англійскими субсидіями, смѣялась надъ Питтомъ. Навербовали для морской войны сто тысячъ матросовъ. Страш-

ная операція, которая вывела Англію изъ себя и изъ обычной увѣренности. Стрѣляли въ короля, и экипажъ его разбили въ дребезги. Питтъ почувствовалъ необходимость нѣсколько уступить общественному мнѣнію; онъ приблизилъ къ себѣ нѣкоторыхъ популярныхъ личностей, лордовъ изъ старой партіи виговъ. Съ другой стороны, посылая въ Австрію деньги для поддержки войны, онъ послалъ въ Парижъ лорда для переговоровъ о мирѣ. Этотъ посланникъ выѣхалъ послѣ нашей неудачи 31 іюля и снятія осады съ Мантуи, но засталъ насъ уже оправившимися двойной побѣдой при Кастильоне. Предложенія его вызвали смѣхъ въ Парижѣ. Англія соглашалась на миръ только подъ условіемъ возвращенія со стороны Франціи всѣхъ завоеваній ея: Италіи, Голландіи, Нидерландовъ, Рейна. Намъ дозволялось въ видѣ вознагражденія взять нѣсколько колоній нашихъ союзниковъ, Голландіи и Испаніи, т. е. навсегда разсориться съ этими двумя морскими державами въ то время, когда дружба съ ними была намъ наиболѣе необходима. Такая неостроумная и грубая ловушка не могла обмануть, она только возмутила всѣхъ. Велѣли сказать англичанину, чтобы онъ уѣхалъ изъ Парижа въ 24 часа. Ни Лондонъ, ни Парижъ не могли сомнѣваться — Питтъ не хотѣлъ мира и жалко велъ войну все тѣмъ же вѣчно неудачнымъ способомъ—слѣпою тратою денегъ. Онъ лилъ ихъ рѣкой и для Пруссіи, принимавшей ихъ и насмѣявшейся надъ нимъ, и для Вандеи, и для Киберона и пр. А теперь онъ наводнялъ ими Австрію, чтобы снабжать свѣжимъ человѣческимъ мясомъ Бонапарте съ его страшнымъ вѣчно-жаждущимъ крови мечемъ.

Во всемъ этомъ, какъ очень вѣрно замѣчаетъ Де-Местръ, Питтъ не былъ даже изобрѣтателенъ; вѣчно употребляя одно

и тоже средство, онъ не показалъ ни благоразумія ни генія *).

VI.

Море. Ирландія. Генералъ Гошъ.

Это неравенство въ вѣковой борьбѣ Франціи съ Англіей въ 95 году мало удивляетъ, если мы обратимъ вниманіе на противуположныя обстоятельства, пережитыя и тою и другою. Англія, умиротворенная послѣ войны съ Америкой, въ будничномъ благополучіи своемъ, не имѣла другихъ заботъ, другихъ интересовъ, кромѣ увеличенія успѣховъ своей торговли, своей биржи и поднятія ренты.

Бурная Франція, отъ великой зари 89 до мрачной, но не менѣе великой эпохи 95, прошла чрезъ всѣ мытарства Дантовскаго ада и достигла въ 95 году мирной республики, правильнаго правленія только цѣною такихъ волненій, отъ которыхъ она выросла и стала мрачной. Въ ея смертельной блѣдности замѣчались бѣлые отблески, пугавшіе свѣтъ и казавшіеся блескомъ стали. Привычка умирать, или заключенный ею «договоръ со смертью», какъ выразился Дантонъ, сдѣлала для нея всѣ опасности безразличными и величайшія явленія обыденными. Переходы черезъ Альпы зимою, черезъ море посреди вражьяго флота, казались ей дѣломъ обыкновеннымъ. Въ то время, какъ Бонапарте и Массена переходили черезъ

*) Питтъ, не смотря на парламентскія заслуги и различныя достоинства свои, во всемъ этомъ кажется безсильнымъ, посредственнымъ. Ничего новаго или глубокаго. Его скрытая и сосредоточенная вражда вдохновляла его гораздо менѣе, нежели благородный гнѣвъ Чатама, пылавшаго пламенемъ. Нашъ противникъ Де-Местръ судитъ его очень строго. См. его письмо отъ 29 марта 1806 г.

снѣга, Гошъ перешелъ океанъ и, если буря защитила Англію въ 96 году, переходъ тѣмъ не менѣе совершился въ 97. Единственное средство образумить Англію, остановить ее въ этой денежной войнѣ, которую она вела, сохраняя собственное спокойствіе, заключалось не въ томъ, чтобы, какъ думалъ Бонапарте, угрожать ей Альпами или Египтомъ, а въ томъ, чтобы сильно поколебать ее извнутри, угрожая Ирландіи.

Не такъ важно было побѣдить Англію, какъ постоянно тревожить ее, угрожая торговлѣ, банку и биржѣ, навести страхъ на враговъ и ободрить друзей. Таковы были намѣренія Гоша и его друга, адмирала Трюге. То были смѣлые планы, полные героическаго самоотверженія, не нуждавшіеся даже въ побѣдѣ. Не смотря на пораженія, нашъ молодой революціонный флотъ окрѣпъ. Таковъ былъ необычайный духъ времени, что онъ не нуждался въ удачѣ для ободренія. Едва родившійся флотъ въ іюнѣ 93 года выдержалъ страшную битву, трехдневный бой противъ стараго англійскаго флота. Послѣ взятія Тулона и пожара въ гавани, большой флотъ отважно выступилъ съ своими черными полусожженными кораблями, нагруженный арміей. Корсика взята обратно и Средиземное море на три года покинутое врагомъ, казалось, принадлежало намъ. Наконецъ, Франція, какъ морская держава, вздохнула свободно. Этотъ великій приморскій народъ почувствовалъ освобожденіе. Я не думаю, чтобы какая либо другая страна представляла столько племенъ одаренныхъ такими разнообразными инстинктами и такимъ многостороннимъ геніемъ для всѣхъ потребностей морской службы. Наши нормандскіе моряки, такіе осторожные и хорошіе тактики, такъ похожіе на англичанъ, завоевали, какъ это извѣстно, Англію и королевство обѣихъ Сицилій въ средніе вѣка. Отважный флотъ басковъ достигъ Новой Земли и открылъ Америку раньше Колумба. Наконецъ, наши прован-

салы въ лицѣ де Сюфрена изобрѣли тотъ способъ, который впослѣдствіе былъ причиною побѣдъ Нельсона — сраженіе на близкомъ разстояніи, на разстояніи пистолетнаго выстрѣла; они и научили этому способу.

Весь этотъ великій народъ моряковъ, на дюнахъ, на пескахъ своихъ печально смотрѣлъ на море, и не смотря на наши побѣды при Альпахъ, Франціи была точно въ плѣну, пока флотъ ея былъ безсиленъ. Эмиграція всѣхъ нашихъ офицеровъ, погибель ихъ при Киберонѣ оставили у насъ большую пустоту. Кто же брался замѣнить офицеровъ этихъ? Простые штурмана, мало образованные, но смѣлые (какъ то доказалъ «Мститель»). Въ чудесномъ фанатизмѣ своемъ, они даже не нуждались въ надеждѣ на побѣду, ихъ удовлетворяло сраженіе, честь знамени, даже пораженіе, которое удивило бы міръ,—вотъ на что они разсчитывали. Они хотѣли одного— умереть за Францію и иногда неожиданная побѣда приходила къ нимъ. Нашъ завзятый врагъ Нельсонъ говорилъ, что, при всей ненависти своей къ французамъ, предпочитаетъ однако нашему благородному высокорожденному флоту, молодой якобинскій флотъ, состоявшій изъ оборванцевъ—героевъ.

Какъ разжигала энтузіазмъ этой трепещущей Франціи вѣсть, что на противуположномъ берегу есть другая Франція, которая ждетъ ее, Франція полуварварская, но взволнованная нетерпѣніемъ и восторгомъ великой, радостной братской встрѣчи. Французы, братья тѣхъ, которые создали федерацію 90 года, которые продолжали и на Рейнѣ создавать вооруженныя федераціи армій, мечтали начать съ Ирландіи устройство морскихъ федерацій и всякаго рода федерацій человѣчества.

Что касается меня, то когда я увидѣлъ въ 1815, и при такихъ неблагопріятныхъ условіяхъ, шотландскихъ горцевъ и многочисленныхъ солдатъ-ирландцевъ, на которыхъ надѣли

шотландскій костюмъ, я почувствовалъ вполнѣ, что эти кельтическія племена—наши родичи, хотя и отдаленные и отчужденные отъ насъ. Позднѣе въ 1830 г. на Эдинбургскомъ мосту, глядя на высокіе старые дома я воображалъ себя въ Ліонѣ. Часто въ ирландскихъ городахъ чудились мнѣ наши валлоны, пикардійцы и больги или бельгійцы. *Больгъ* это общее имя этихъ родственныхъ племенъ, раздѣленныхъ моремъ. Добродушный видъ ирландскихъ крестьянъ, не смотря на голубые глаза поражающіе при черныхъ волосахъ, напоминалъ мнѣ моихъ родныхъ, валлоновъ и пикардійцевъ, настоящихъ южанъ сѣвера, богатыхъ воображеніемъ и добротой, простодушной, обаятельной, и великимъ сердцемъ *).

Прекрасная философія исторіи, которой научили насъ нѣмецкіе фаталисты, хочетъ убѣдить, что существуетъ какое то непреложное предопредѣленіе судьбы низшихъ расъ. Франція, даже во времена самого абсолютнаго господства, не вѣрила этому. Она всегда держалась теоріи движенія и понимаетъ, что часто недостатокъ въ одномъ отношеніи тѣсно связанъ съ преимуществомъ въ другомъ

---

*) Симпатичность этой расы не дѣлаетъ меня пристрастнымъ. Я не знаю другой равно доброй. По сравненію съ чопорными англичанами, которые часто стараются казаться хуже чѣмъ они есть, ирландцы представляютъ прямую противуположность. Даже тѣ, которые смѣются надъ ирландцами, не отрицаютъ ихъ чарующихъ качествъ и разсказываютъ объ нихъ анекдоты, заставляющіе преклоняться предъ ихъ добротой. Я прочелъ въ «Англійской Индіи» Варрена, что въ бытность его еще молодымъ офицеромъ въ войскѣ компаніи, онъ долженъ былъ во время похода лечь спать на сырую землю, тогда одинъ изъ его солдатъ, ирландецъ, чтобы онъ не пострадалъ отъ вредной сырости, легъ подъ него и всю ночь не двигался. Офицеръ, проснувшись позднимъ утромъ, нашелъ солдата въ томъ же неудобномъ положеніи, не шелохнувшагося изъ страха разбудить его. Варренъ, „Англійская Индія" прекрасная книга, переведенная съ англійскаго).

Многія италіанскія племена, которыя считались низшими потому что они подчинились Риму, суровымъ римскимъ воинамъ, оказались потомъ самыми геніальными въ Италіи (Виргилій, Корреджіо). Бѣдная Шотландія, побѣжденная при Куллоданѣ, доставила своимъ побѣдителямъ успѣхъ, котораго они тщетно добивались въ Индіи. Шотландецъ Уаттъ показалъ имъ, что Индія въ нихъ самихъ, въ ихъ дѣятельности, и произвелъ въ Англіи цѣлый внутренній переворотъ. Шотландецъ Вальтеръ-Скотъ доставилъ Англіи громадную популярность. Мы не мало удивились въ 1815 году, послѣ однообразной эпопеи великой арміи, своему сочувствію шотландскимъ легендамъ. Послѣ столькихъ однообразныхъ зрѣлищъ, воображеніе отдыхало на сказаніяхъ о самобытной индивидуальности героевъ въ національныхъ костюмахъ, плэдѣ, шотландской юбкѣ, съ свирѣлью въ рукахъ. Мы находили въ нихъ слабый отзвукъ древности великой кельтійской семьи.

Шотландія, обогащенная промышленностію и гражданскою службою, предоставила военную службу ирландцамъ. Это началось въ американскую войну и постепенно распространилось на Индіи. Когда Варренъ-Гастингсъ и, въ особенности Корнваллисъ стали раздавать англичанамъ мѣста въ Индіи съ огромнымъ жалованьемъ, то они перестали добиваться воинскихъ отличій. Въ то же время, съ тѣхъ поръ какъ развившаяся внезапно фабричная промышленность обѣщала хорошее вознагражденіе, англичане стали обходить низшія должности въ арміи, даже солдатскую службу; тогда ирландцы заняли ихъ мѣста и, благодаря англійскому мундиру, сошли за англичанъ. Нѣкоторые даже, какъ Велесли (Веллингтонъ) усыновленные Англіею, добились генералъ-губернаторства въ Индіи. Бѣдная Ирландія вообразила себя богатою, когда ей позволили облечься въ красное платье англійскаго солдата,

тепло одѣтаго и сытно накормленнаго. Когда читаешь, какою роскошью пользовалась въ 1800 году англійская армія въ Индіи, читаешь о происходившихъ въ ней невѣроятныхъ оргіяхъ, то легко понять всю притягательную силу Англіи и англійской Индіи для Ирландіи, и перерожденіе, вынести которое предстояло Ирландіи, вѣчно голодной, въ лицѣ молодаго поколѣнія ея, завербованнаго въ войско и такъ глубоко измѣнявшагося отъ военной службы въ Индіи, убійственной своимъ климатомъ разнѣживающимъ и развращающимъ. 1796 годъ привлекъ Ирландію измученную, изнуренную въ богатую Индію, обольстилъ, очаровалъ ее въ пользу Англіи—ея врага.

Слѣдовательно Гошъ, изолируя Ирландію, заранѣе отрѣзалъ бы правую руку Англіи и заранѣе уничтожилъ бы Веллингтона. Переходъ въ Ирландію не былъ невозможенъ, какъ то доказала въ 1797 г. экспедиція Гумберта. Англійскій флотъ въ 1795 г. былъ въ состояніи оцѣпененія и колебанія. Нельсонъ еще не далъ ему могучаго толчка. Онъ былъ еще простымъ капитаномъ и притомъ такъ мало цѣнимымъ, что въ 32 года онъ занималъ ничтожную должность, очистки гаваней посредствомъ землечерпательныхъ машинъ.

Предпріятіе Гоша, разумѣется, было невѣрнымъ, сопряженнымъ съ огромною опасностію, но именно потому оно было предпріятіемъ, за которое герои любятъ отдавать жизнь. Это было гораздо большимъ, чѣмъ дѣло войны и разрушенія. Это было прежде всего возрожденіе, воскрешеніе изъ мертвыхъ народа, который Франція хотѣла вызвать изъ могилы, народродственнаго и притомъ добраго и симпатичнаго. Что касается меня, я считаю однимъ изъ лучшихъ воспоминаній молодости прочитанную мною въ 1830 г. книгу Талмура—

Жизнь и Смерть Фитцъ-Джеральда *), (этого милаго ирландца, столь любимаго Франціею), съ эпиграфомъ Лукана, въ которомъ Корнелія, перевезшая изъ Египта кости великаго Помпея, говоритъ такъ: «Его величіе устрашало тебя, прими же нынѣ его прахъ».

Во всемъ этомъ поколѣніи 89 г., полномъ энтузіазма, отзывчивости и рыцарскаго духа, ни одинъ образъ не говоритъ такъ много сердцу. Фицъ Джеральдъ происходилъ изъ древняго рода, отъ древнихъ предводителей клана, всегда доставлявшаго Ирландіи мучениковъ и героевъ сопротивленія. Еще при Генрихѣ VII одинъ изъ предковъ ихъ былъ обезглавленъ вмѣстѣ съ нѣкоимъ О'Коннoромъ. Потомъ другой въ 1535 году тоже обезглавленъ. Эта солидарность въ смерти чуть не возродилась и въ наше время, когда другъ Фитцъ-Джеральда, О'Коннoръ чуть не умеръ вмѣстѣ съ нимъ, но къ счастію былъ спасенъ и впослѣдствіи соединился во Франціи съ дѣятелями Кондорсе. Тотъ же милый Эдуардъ, о которомъ идетъ рѣчь, былъ младшимъ сыномъ герцога Лейн-

---

*) Томасъ Муръ «*Жизнь и смерть Лорда Эдварда Фицъ Джеральда*» съ трогательнымъ эпиграфомъ:

Si secula prima victoris timuere minas
Nunc accipe saltem ossa tui Magni.

Lucan.

Я рекомендую тоже очень любопытную книгу: Жизнь Тубальда Вель-Тона, основателя ирландскаго общества, написанная имъ самимъ, изданная его сыномъ. Вашингтонъ 1826 г. Онъ былъ начальникомъ одной изъ нашихъ полубригадъ. Прелестная книга. Стиль живой и пріятный, чисто французскій. Онъ былъ протестантъ и изъ чувства братства писалъ въ пользу католиковъ. Онъ писалъ въ Парижѣ, тогда полный радости и надеждъ, ожидавшій успѣховъ Гоша. Онъ изображаетъ себя самымъ простодушнымъ образомъ: лѣнивъ, но чуждъ пороковъ, и пылаетъ любовью самого добродѣтельнаго свойства и пр. Приложенная гравюра очень живо изображаетъ его: мягкая симпатичная физіономія, тонкій нѣсколько горбатый носъ, слишкомъ покатый лобъ.

стерскаго. Его воспитывалъ во Франціи шотландецъ, женившійся на его матери, когда она овдовѣла. Затѣмъ его отправили въ Америку воевать противъ Лафайета и французовъ, съ которыми ему суждено было такъ тѣсно сойтись впослѣдствіи. Тамъ, какъ и многіе въ то время, онъ увлекся жизнію дикарей. Во время одного путешествія по снѣгамъ Канады, туземцы такъ очаровались имъ, его простодушной и смѣлой самобытностью, что они какъ бы усыновили его и объявили главою племени Медвѣдей. Питту хотѣлось привлечь его на свою сторону, чтобы воспользоваться его способностями, и онъ предлагалъ ему начальство надъ англійской экспедиціей противъ Кадикса. Ему ставилось одно условіе, чтобы онъ сталъ добрымъ англичаниномъ и отрекся отъ ирландской опозиціи. Онъ отказался, и этотъ путь къ дѣятельности и къ славѣ закрылся для него. Съ другой стороны ему не повезло и въ любви. Въ качествѣ младшаго сына, онъ былъ бѣденъ и, по возвращеніи въ Англію, къ великому горю своему увидѣлъ, что невѣста его выходитъ замужъ за другаго. Франція и великая революція утѣшали его во всѣхъ бѣдахъ. Онъ пообѣдалъ съ Фоксомъ, празднуя извѣстіе изъ Вальми объ отступленіи прусаковъ. Онъ не помнилъ себя отъ радости и переѣхалъ во Францію, гдѣ помѣстился въ началѣ у Томаса Пейна, этого апостола свободы въ новомъ и старомъ свѣтѣ. Зачѣмъ не остался онъ у своего строгаго друга? Онъ, подобно соотечественному своему Тону, сдѣлался бы французскимъ генераломъ и отдался бы войнамъ за свободу. Новая любовь помѣшала ему. Во время празднествъ, происходившихъ въ Парижѣ въ честь побѣды при Жеммапѣ, молодой генералъ Эгалите, человѣкъ крайне разсчетливый, пригласилъ гражданина Фитцъ Джеральда на обѣдъ вмѣстѣ съ г-жею Жанлисъ и ея воспитанницею, прелестною Памелою, (незакон-

ною дочерью орлеанскаго герцога). Фитцъ Джеральдъ попался, влюбился и женился. Это поссорило его во первыхъ съ родными, потомъ съ Англіей, которая исключила его изъ службы. И такъ онъ сталъ французомъ? О нѣтъ! Его роковой бракъ въ семействѣ орлеанскаго герцога помѣшалъ правительству дать ему ходъ.

Между тѣмъ гроза разъигралась во Франціи и Ирландіи, Фитцъ Джеральдъ, осужденный на одинокую праздность и въ отчаяніи отъ того, что ему предоставлено спокойно наслаждаться счастіемъ съ своею Памелою и ребенкомъ, въ цвѣтущемъ саду своемъ, старался ничего не знать и не предвидѣть. Становится страшно за его непредусмотрительность, невольный ужасъ охватитъ читающаго письма его отъ того времени,— такъ мало предвидѣлъ онъ конецъ и это въ то время, когда уже жестокое ненастье бушевало надъ этою идилліей.

Дѣло началось съ торжественныхъ заявленій дружбы и братства, какія рѣдко встрѣчаются на землѣ. Ирландскіе протестанты въ Бельфастѣ, казалось, искупали всю продолжительную несправедливость, выстраданную католическими братьями, ихъ, так что католики разносившіе въ Дублинѣ петицію о свободѣ были съ тріумфомъ приведены протестантами. Свобода все покрывала и казалось—братство сдѣлалось всеобщею религіею на землѣ. Бельфастъ отпраздновалъ годовщину французской революціи, выставилъ четыре знамени Франціи, Ирландіи, Америки, Польши. Англійскаго знамени недоставало и напрасно, потому что и Англія волновалась тоже. Ирландское знамя 1-го національнаго баталіона по прежнему изображало арфу увѣнчанную отнынѣ не короною, а фригійскою шапкою, символомъ свободы.

Между тѣмъ Питтъ пожертвовалъ 20-ю милліонами, чтобы купить ирландскій парламентъ. И что было ему еще больше

на руку, кровь лилась во Франціи и въ Ирландіи, страхъ имущихъ классовъ дѣйствовалъ противъ выбора католиковъ, такъ невѣжественныхъ и дикихъ. Питтъ заручился и тайнымъ содѣйствіемъ папы противъ Франціи. Пій VI цинически писалъ ему «у насъ остались только вы одни». Католическіе патеры, больше всего боявшіеся Франціи, отлучили отъ церкви всѣхъ, кто будетъ въ союзѣ съ нею. Словомъ, говорятъ что Фитцъ Джеральдъ не выдержалъ и въ то время, когда Гошъ приготовлялся къ великой ирландской экспедиціи, онъ выдалъ планъ не только Фоксу и Шеридану, другу принца Валлійскаго, но по неосторожности даже одной дамѣ бывшей въ связи съ другомъ Питта.

Гошъ былъ задержанъ; онъ не довѣрялъ своему адмиралу Вилларе Жойезъ, и вытребовалъ себѣ другаго; чтобы наблюдать за нимъ, онъ самъ сѣлъ на корабль и, отгоняемый декабрьскими бурями, не могъ пристать къ берегу. Груши, лейтенантъ Гоша, достигъ одинъ мѣста своего назначенія съ 1800 человѣкъ. Этотъ генералъ храбрый, но несчастливый, нашелъ свое Ватерло; онъ испугался такой отвѣтственности, не захотѣлъ сразу дѣйствовать безъ Гоша, и адмиралъ его Буле тоже отказался высадиться. Говорятъ, у нихъ было нѣсколько сотъ людей, вооруженныхъ, но плохо дисциплированныхъ. Нашелся Іуда устроившій коварную полицейскую махинацію. Подстроили дѣло такъ, чтобы драгонады и солдатскія жестокости вызвали возстаніе раньше времени. Бельфастъ и весь сѣверъ Ирландіи не приняли въ немъ участія *).

---

*) У одного изъ директоровъ, Ла Ревейльеръ-Лепо, былъ зять въ Ирландіи, жившій тамъ уже нѣсколько лѣтъ. Ему тѣмъ легче было узнать причины неудачи. Роялисты помѣшали дѣлу два раза: въ декабрѣ 1796 года наши моряки не желали успѣха. Гошъ сидѣлъ на фрегатѣ, какъ то дѣлалъ.

О'Конноръ говоритъ о Фитцъ Джеральдѣ: я не знаю въ немъ не только порока, даже недостатка. Этотъ близкій къ совершенству человѣкъ и далеко не революціонеръ, не имѣлъ однако той твердости взгляда, той рѣшимости, которая обълсловливаетъ успѣхъ. Онъ призывалъ революцію и французовъ, и въ то же время боялся полнаго успѣха, боялся, чтобы они не овладѣли Ирландіею, боялся прослыть измѣнникамъ, подготовившимъ покореніе отечества. И въ тоже время онъ говорилъ: «Американцы же позвали къ себѣ французовъ»!

Принцъ регентъ оплакивалъ Фитцъ Джеральда, но не пошевелилъ пальцемъ для Ирландіи.

всегда въ подобныхъ случаяхъ Сюфренъ, чтобы съ возможной быстротой поспѣвать всюду. Несмотря на дурную погоду, они цѣлый мѣсяцъ катали его по морю, не внимая мольбамъ его. Груши хотѣлъ высадиться и сразиться во что бы то ни стало. Въ 97 году неудача была дѣломъ канцелярій казначейства, состоявшихъ изъ роялистовъ и по конституціи независимыхъ и отъ директоріи, и отъ собранія. Благодаря имъ, экспедиція была прервана. Они дали денегъ только Гумберту съ его 1200 человѣкъ, которые и имѣли блестящій успѣхъ. Но Сарразенъ, съ его 10000 человѣкъ, за неимѣніемъ денегъ не могъ переправиться. Эта измѣна роялистовъ и предоставила побѣду англичанамъ, предводительствуемымъ Корнваллисомъ (См. Мемуары Ла-Ревейліера т. I стр. 185 и т. II стр. 30.

КНИГА ВТОРАЯ

Италія.

I.

Шесть побѣдъ Массины. Сентября 96 г. Зависть Бонапарте.

Неудачи двухъ великихъ генераловъ республики—Бонапарте принужденнаго снять осаду съ Мантуи, и Гоша, отогнаннаго бурею, недостигшаго цѣли, когда сто тысячъ вооруженныхъ ирландцевъ ожидали его,—эти два событія довершили радость роялистовъ, оживили отцеубійственныя надежды ихъ (августъ октябрь 96 г.). Четыре раза они пытались убить Гоша и напрасно. Въ этотъ разъ они постарались убить его въ общественномъ мнѣніи, объявилъ его героемъ—*неудачникомъ* преслѣдуемымъ судьбою. Но можно ли было по справедливости сказать, чтобъ его предпріятіе кончилось неудачею? Ирландія все еще была вооружена, въ Лондонѣ царила паника, банкъ и кредитъ были подорваны. Чтобы успокоить

испуганное общество, Питтъ всѣми неправдами навербовалъ *) сто тысячъ матросовъ; насильственная вербовка довела въ 1797 году страну до катастрофы, которая могла показаться днемъ послѣдняго суда—до великаго возмущенія трехъ флотовъ, бывшихъ единственной защитой Англіи. Что же касается счастливаго Бонапарте, то снятіе осады Мантуи (31 Іюля 1796) уничтожило бы его, еслибъ не блестящіе успѣхи лейтенантовъ его при Кастиліоне (4 августа 1796). Но пока извѣстіе объ этой побѣдѣ не дошло еще до Парижа и не было отпраздновано тамъ, многіе настаивали на необходимости замѣнить Бонапарте другимъ. Роялисты, ослѣпленные, обезумѣвшіе, считали его якобинцемъ, всегда называли его «вандемьерь», и не обращали вниманіе ни на мягкость его по отношенію къ Риму и духовенству, ни на тѣ препятствія, которыя онъ ставилъ итальянской революціи, противудѣйствуя продажѣ церковныхъ имуществъ.

Съ другой стороны патріоты горько упрекали директорію въ томъ, что она поддерживаетъ въ Бонапарте не генерала, а настоящаго тирана Италія, тирана, который не отдавалъ отчета республикѣ, а дѣйствовалъ по собственному капризу,помогая деспотамъ, Піемонту, папѣ. Они требовали его отрѣшенія, ареста. Но кто же арестуетъ его, главу обожающій его итальянской арміи? Кто? Генералъ Гошъ. Гошъ возмутился этими слухами. Наканунѣ своего великаго предпріятія, онъ былъ въ великодушномъ настроеніи человѣка, готоваго всѣмъ рискнуть и пожертвовать жизнью, даже если надо—славою, въ этой опасности, въ этомъ самозакланіи. Бонапартъ казался врагомъ его и всегда дурно отно-

*) Въ подлинникѣ *pressa*, отъ англійскаго слова *press* вербовка,—Мишле употребляетъ его въ смыслѣ: давить, выжимать.

(*прим. перев.*).

сялся къ нему. Это задѣло Гоша и, въ великодушномъ увлеченіи, онъ поручился за него. Въ прекрасномъ письмѣ которымъ, обращаясь къ однимъ роялистамъ, онъ заставилъ молчать якобинцевъ, онъ въ великолѣпныхъ выраженіяхъ ручается за патріотизмъ Бонапарта «О мужественный молодой человѣкъ, кто изъ воиновъ республики не горитъ желаніемъ подражать тебѣ? Веди въ Неаполь, въ Вѣну наши побѣдоносныя войска. Въ отвѣтъ твоимъ личнымъ врагамъ смиряя королей, придавая еще большій блескъ нашему оружію, и предоставь намъ заботу о твоей славѣ»! 4-го августа Бонапарте былъ въ томъ же положеніи, въ какомъ былъ маѣ, когда мостъ при Лоди спасъ его и избавилъ отъ необходимости раздѣлить съ другимъ начальство надъ войскомъ. 4-го августа тѣже лица—Массена и Ожеро, выигравъ ему два сраженія въ два дня, сдѣлали его несмѣняемымъ и поставили его выше общественнаго мнѣнія. Эти безчисленные плѣнники и отбитыя у врага знамена, посланные въ Парижъ дали величественное зрѣлище! Столько знаменъ, столько пушекъ шестнадцать тысячъ плѣнныхъ, дефилировавшихъ изъ Италіи во Францію, какъ безконечная выставка иностранныхъ мундировъ.

Кто могъ бы послѣ этого еще сомнѣваться, чтобы Вурмзеръ, побитый Массенной, стѣсненный генераломъ Ожеро, не былъ серьезно боленъ? Знали, что бѣдному старику удалось достичь Мантуи и скрыться въ ней. Но когда въ томъ же мѣсяцѣ онъ снова показался на божій свѣтъ, то не мало удивились тому, что самъ онъ и его лейтенантъ гарцовали въ Альпійскимъ проходахъ; такъ что еслибы Бонапарте удалось овладѣть проходами и двинуться къ Инсбруку, то это могло быть сдѣлано не иначе, какъ догнавъ и уничтоживъ Вурмзера. Но каково было изумленіе, когда узнали, что Вурмзера ни-

кто не преслѣдовалъ, что онъ самъ, этотъ старый чортъ, съ 40000 человѣкъ вздумалъ преслѣдовать Бонапарте. Какая дерзость! черезъ двѣ недѣли послѣ Кастильоне! Точно левъ преслѣдующій охотника, точно охота на человѣка. Въ долинахъ у подошвы Альповъ ущелья, вдоль русла рѣкъ, образуютъ естественныя засады. Всюду дороги жмутся къ скаламъ Ожеро и наши пиренейскіе стрѣлки всползаютъ на верхъ и господствуютъ надъ мѣстностью, они снизу пробили себѣ путь къ высямъ. Давидовичъ сброшенъ. Но Вурмзеръ, который долженъ былъ, какъ полагали, находиться на сѣверѣ, стоялъ на югѣ въ тылу Бонапарте съ намѣреніемъ окружить его. Намѣреніе это могло бы осуществиться, еслибы великое возстаніе Тироля открылось въ сентябрѣ. Этотъ земледѣльческій народъ дождался окончанія работъ, чтобы начать движенія. Бонапарте тѣмъ не менѣе былъ стѣсненъ, задержанъ въ западнѣ, образованный Брентою съ скалистымъ русломъ ея съ одной стороны, и городомъ Бассано съ юга. Лѣвый берегъ Бассано соединенъ мостомъ съ правымъ. Тутъ остановился Вурмзеръ. Французы имѣли противъ него всѣ 30000 человѣкъ. Но Ожеро захватилъ лѣвый берегъ, гдѣ находится Бассано. Массена былъ на правомъ берегу, тамъ гдѣ рѣка и мостъ. Вышло то же, что было на мосту при Лоди. Массена точно также перешелъ мостъ и соединился съ Ожеро. Они бросились на городъ не обращая вниманія на артиллеристовъ Вурмзера, которые погибли при своихъ орудіяхъ; это произошло такъ быстро, что самъ Вурмзеръ стиснутый между двумя колоннами, едва успѣлъ сѣсть на лошадь. Онъ, благодаря своей чудесной кавалеріи, открылъ себѣ проходъ на югъ, всѣ прочіе отступили на сѣверъ къ Фріулю. Такимъ образомъ большое войско, которое думало захватитъ насъ, раздѣлилось на двѣ части и Бонапарте выскользнулъ изъ сѣти.

Вурмзеръ нашелъ возможность съ своею кавалеріей перейти черезъ Эчь и уйти отъ Массены. Онъ проходитъ черезъ корпусъ Мюрата и скрывается въ Мантуѣ (13 сентября). Такъ что даже путемъ пораженія онъ все таки достигаетъ требуемаго Вѣною результата—сохранить во чтобы то ни стало Мантую, великую крѣпость, сторожа Италіи. Что удивило Вурмзера и еще удивляетъ насъ, это поразительный переходъ пѣхоты Массены въ четыре дня и четыре ночи, между тѣмъ какъ Вурмзеръ съ кавалеріей могшій двигаться очень быстро, принужденъ былъ остановиться на одну ночь. Онъ съ ужасомъ увидалъ это чудо, что тѣже войска, которые побили правый флангъ его у Трента, его центръ и все войско его въ Бассано (8 сентября) преграждали ему путь и хотѣли отрѣзать ему отступленіе къ Мантуѣ. Если это не удалось имъ, то лишь по винѣ проводника, указавшаго Массенѣ наиболѣе длинный путь.

Пылкій Вурмзеръ, не довольствуясь убѣжищемъ, сейчасъ же вступилъ въ сраженіе. Сраженіе было названо по имени одного изъ предмѣстій города, св. Георгія, или Фаворитки, виллы одного изъ мантуанскихъ герцоговъ. Сраженіе было ожесточенпое и венгерская кавалерія, сидѣвшая безъ сѣдла, на короткое время одержала перевѣсъ. Массена, сплотилъ наши отряды и былъ подкрѣпленъ Рампо и знаменитою 32 полубригадою, которая, построившись въ карре, разбила аттаку геройской кавалеріи. Вурмзеръ не удержался, двинулся впередъ и занялъ виллу и предмѣстье. Но Массена отрѣзалъ его отъ нѣкоторыхъ другихъ корпусовъ его и 32 бригада погнала его, яростнаго, назадъ въ Мантую, Массена въ одинъ мѣсяцъ на небольшомъ пространствѣ сдѣлалъ нѣсколько сотъ лье и выигралъ шесть сраженій, не считая страшныхъ маленькихъ стычекъ по теченію рѣкъ и у пропастей. Въ длин-

номъ тирольскомъ ущельѣ, гдѣ застрялъ Бонапарте, онъ открылъ ему путь въ Трентъ и Роверредо. Въ Басано, гдѣ ждалъ его Вурмзеръ, Массена былъ матадаромъ, свалившимъ быка. Наконецъ, когда изнемогающій Вурмзеръ въ отчаяніи далъ сраженіе при св. Георгіи, тотъ же Массена поразилъ его.

Послѣ того счастливый Бонапарте могъ въ теченіи трехъ мѣсяцевъ двинуться впередъ и идти къ центру Италіи. Кто далъ ему эти три мѣсяца? Безъ сомнѣнія Массена, его дѣло при Бассано, его великія побѣды. Все это чувствовалось въ Парижѣ и въ войскѣ. Удивляясь генію Бонапарте, читая его прекрасныя прокламаціи, не забывали и нѣмаго героя, который, ничего не говоря, все дѣлалъ своими руками. Въ Парижѣ и въ войскѣ во все горло пѣли извѣстный куплетъ: «дитя любимое побѣды». Должно быть минута эта сильно огорчила Бонапарта, ибо онъ забылъ всегдашнюю разсчетливость, обычную хитрость и показалъ безъ утайки чувства, которыя всегда питалъ къ Массенѣ. Въ своемъ послѣднемъ докладѣ онъ восхваляетъ своихъ любимцевъ Мармона и Леклерка, опоздавшихъ къ сраженію, и забываетъ тѣхъ, которые дѣйствовали, Рампона поддержавшаго Массену съ 32 бригадой. Рампонъ не угодилъ ему тѣмъ, что въ началѣ войны оказалъ ему услугу исправившую оплошность его, которая погубила бы его на первыхъ шагахъ. Чего лучше? Онъ забылъ Массену, зная, что Массена не пожалуется, что Массена ничего не пишетъ и мало говоритъ. И дѣйствитально, еслибы не генералъ Кохъ, нашедшій этотъ лоскутъ бумаги, мы бы не знали, что этотъ человѣкъ беззаботный, небрежный и молчаливый на этотъ разъ заговорилъ и написалъ даже грозную записку. Этой случайности мы обязаны внезапнымъ свѣтомъ, неожиданнымъ прозрѣніемъ въ темную душу

Бонапарте, всегда ловко скрывавшаго изгибы ея. Массена въ этой запискѣ говоритъ съ простотой героя: «побѣдою при св. Георгіи обязаны моимъ распоряженіямъ, моей дѣятельности, моей хладнокровной предусмотрительности. Если бы я не отдалъ приказанія храброму Рампону, то моя дивизія была бы обойдена и сраженіе было бы проиграно *)». Затѣмъ онъ требуетъ награды Рампону, но тщетно.

Злое сердце пошло по пути неблагодарности. Стыдно за Бонапарте, когда, злоупотребляя неограниченною властію генерала, онъ посылаетъ Массену, этого человѣка столь полезнаго Франціи и спасшаго ее впослѣдствіи при Цюрихѣ,— посылаетъ его, и это въ сентябрѣ, въ гарнизонъ, въ мѣстность крайне вредную, гдѣ онъ могъ погибнуть. Вслѣдствіе протеста Массены онъ переводитъ его въ Верону, но продолжая низкое и упорное свое гоненіе, не даетъ ему ни помѣщенія ни содержанія, между тѣмъ какъ другіе пользовались всѣмъ въ избыткѣ; — онъ изводитъ голодомъ геройскую дивизію Массены, первую во всей арміи. Великія вѣроломства Бонапарта, даже вѣроломство по отношенію къ Испаніи, такъ хорошо разсказанныя г. Ланфре, менѣе полно знакомятъ съ нимъ, чѣмъ двуличный, необыкновенно ловкій образъ дѣйствій, котораго онъ держался всю жизнь съ Массеною. Задача его была—убить Массену въ общественномъ мнѣніи, не давъ замѣтить, что онъ считалъ его первымъ между всѣми, имѣлъ слабость завидовать ему.

На св. Еленѣ даже, желая унизить его, онъ смѣшитъ замѣчаніемъ, что Массена, этотъ великій человѣкъ дѣла былъ лишенъ культуры и разговорнаго таланта. Онъ изображаетъ его солдатомъ, въ темной головѣ котораго загорался яркій свѣтъ только въ огнѣ сраженія.

---

*) Мемуары Массены т. III, 199, 15 сентября.

Эта великая похвала вырывается у него поздно, когда онъ былъ уже близокъ къ смерти. Но въ теченіи всей своей жизни онъ не упускалъ случая унизить Массену, съ необыкновенною ловкостью предоставляя другимъ обвинять и чернить его и устраивая ему репутацію игрока и расточителя *). Въ 1801 году, когда Бонапарте признается что защита Генуи Массеною доставила ему Маренго, его дьявольская неблагодарность усиливается обезчестить своего спасителя. Какимъ образомъ? О это самое ужасное, это западня, въ которую всѣ попали. Онъ безчеститъ его посредствомъ Карно, извѣстная честность котораго подтверждала всѣ слухи; но истину ихъ не удалось доказать никогда. Въ этомъ видѣнъ ученикъ патеровъ, видно какъ клерикальное направленіе извращаетъ и портитъ сердце.

Со всѣмъ тѣмъ трудно разрѣшить вопросъ. Почему коварный Бонапарте, такъ много досадившій Массенѣ, всегда находилъ его готовымъ служить. Беззаботность послѣдняго, слѣпая готовность служить своему клеветнику недостаточно объясняетъ дѣло. Нѣтъ, тутъ дѣйствовало другое, тутъ тайна природы—его великій воинственный инстинктъ имѣлъ что то общее съ господствующимъ инстинктомъ нѣкоторыхъ животныхъ. Что дѣлать охотничей собаки безъ охоты? Массена нуждался въ опасности болѣе, чѣмъ въ богатствѣ и славѣ. Таково было счастіе его врага. Бонапарте заваливалъ его золотымъ и мнимымъ почетомъ, унижавшимъ его. Хитрый Бонапарте исчисляетъ все это на св. Еленѣ и наноситъ ему послѣдній ударъ **); наконецъ онъ сдѣланъ маршаломъ имперіи—послѣдняя горсть земли, скрывающая героя.

---

*) Примѣръ 99 года, грабежъ Рима, произведенный самими бонапартистами для египетской экспедиціи, какъ о томъ говоритъ даже врагъ Массены, Гувіонъ Сенъ-сиръ.

**) Военныя записки Бонапарте, писанныя на св. Еленѣ.

II.

Итальянскія республика и битвы при Арколѣ (16—17 ноября 1796).

Уже извѣстно, какъ мало въ концѣ 1796 г. Бонапарте ожидалъ нѣмецкаго погрома подготовленнаго Вурмзеромъ. Онъ зналъ только о 20,000 человѣкъ, которыхъ Австрія взяла изъ рейнской арміи своей для защиты Италіи, отсюда снятіе осады съ Мантуи и опасности, отъ которыхъ Бонапарте былъ избавленъ чудесами при Кастильоне и Бассано (сентября 1796). И вотъ отъ сентября до ноября, въ теченіе трехъ мѣсяцевъ, онъ предвидитъ не болѣе прежняго и когда къ нему спускается цѣлое новое войско, два большихъ отряда варваровъ съ одной стороны, рудокопы Тироля съ другой, густыя толпы кроатовъ и венгерцевъ подъ предводительствомъ Альвинци, онъ представляется не то чтобы захваченнымъ въ расплохъ (онъ идетъ имъ на встрѣчу), но онъ точно внезапно проснулся, точно онъ во всѣ эти три мѣсяца думалъ о чемъ угодно, только не о новомъ этомъ погромѣ, который однако такъ легко было предвидѣть. Изумленіе поражаетъ насъ, когда мы видимъ этого столь положительнаго человѣка, порою такимъ разсѣяннымъ, менѣе занятымъ дѣломъ, чѣмъ впечатлѣніемъ, которое онъ производитъ, менѣе—чѣмъ мечтами, надеждами и вѣроятностями, которыя онъ подавалъ сегодня для того, чтобы учесть ихъ завтра. Такъ, что слѣдя за бюллетенями, за диктуемыми имъ газетными статьями, за письмами его въ директорію и даже къ Жозефинѣ, замѣчаешь, что за дѣятельною его жизнію была другая— жизнь воображенія, обширныхъ и живыхъ надеждъ, которыя онъ хранилъ про себя или внушалъ другихъ. Можно сказать, что каждый день онъ рисовалъ себя въ новой рам-

кѣ, подъ новымъ ореоломъ. Сперва видѣли его, когда онъ писалъ прокламаціи на вершинѣ піемонтскихъ Альпъ, показывалъ своему войску Италію и обѣщалъ ему Римъ, гдѣ онъ собирался пробудить прахъ Брута. Но республиканская армія его принимала слова болѣе серьезно, чѣмъ того желала его политика, столь благопріятная папѣ. Съ тѣхъ поръ онъ уже не толкуетъ о Римѣ, но преслѣдуетъ вообще классическія воспоминанія, упоминаетъ объ италіанскихъ картинахъ, посланныхъ въ Парижъ, и даже о литературныхъ воспоминаніяхъ.

Во время продолжительной осады Мантуи, слегка заболѣвши въ іюлѣ, онъ говоритъ Жозефинѣ въ письмѣ сентиментальномъ и соотвѣтствующемъ вкусу времени, что, думая о ней, онъ печальный и мечтательный отправился *при лунномъ свѣтѣ* посмотрѣть съ озера на селеніе Виргилія. Оттуда онъ вѣрно и вынесъ мысль о празднествѣ въ честь великаго поэта, которое онъ устроилъ впослѣдствіи, чѣмъ заслужилъ расположеніе ученаго кружка, воспитаннаго на классикахъ. Жозефина тоже не теряетъ времени. О ней говорятъ красивыя гравюры, очевидно приготовленныя и вырѣзанныя заранѣе (тогда еще не было нашихъ вялыхъ и скороспѣлыхъ литографій), и на этихъ гравюрахъ видятъ героя Италіи на могилѣ Виргилія, осѣненнаго его лавромъ. Все это было устроено до снятія осады и великихъ неудачъ, до Кастильона и Бассано, загладившихъ неудачи эти. Но великіе подвиги Массены, но сентябрьскіе чудеса, славу заслугъ которыхъ Массена наконецъ вздумалъ отстоять, кажется, нѣсколько охладили Бонапарте къ Италіи. Онъ, казалось, уже говоритъ то, что написалъ годъ спустя: «Что такое Италія?—пустое дѣло». Его видимо тянетъ на востокъ. Онъ уже сказалъ нашимъ по прибытіи въ Анкону, что они стоятъ лицомъ къ Эпиру, царству Александра Вели-

каго. 6 сентября послѣ побѣды при Бассано, онъ говоритъ «Какое впечатлѣніе это произведетъ на Венгрію и *Константинополь*». На слѣдующій годъ онъ заключаетъ союзъ съ Али-Пашою и майнотскимъ княземъ. Уже онъ заговариваетъ объ Египтѣ. Сердце его уже лежитъ къ Италіи.

Но во Франціи было множество патріотовъ, которые интересовались ею и надѣялись на итальянскую революцію. Только друзья мира, спѣшившіе заключить его—какъ Карно и Летурнеръ въ директоріи — боялись, чтобы Бонапарте не заключилъ съ Италіей обязательствъ, которыя помѣшали бы соглашенію съ Австріею. Это была и точка зрѣнія Бонапарте. Но онъ черезъ чуръ выдалъ бы себя и разочаровалъ бы большинство директоріи, еслибы не сдѣлалъ ничего для Италіи. Поэтому, хотя и существовало уже соглашеніе съ моденскимъ герцогомъ, какъ только моденцы захотѣли устроить республику, онъ обратился съ докладомъ къ директоріи; но не дождавшись отвѣта, объявилъ Модену и Реджіо подъ покровительствомъ Франціи съ правомъ свободно устроивать образъ правленія. Потомъ онъ оправдывался передъ директорами неполученіемъ во время указаній ихъ. Но извиняясь, онъ продолжалъ дѣйствовать въ томъ же направленіи и присоединилъ къ Моденѣ Болонью и Феррару, чтобы образовать такъ называемую Циспаданскую республику.

То былъ дерзкій поступокъ, сдѣланный имъ на свой страхъ, и съ увѣренностью въ одобреніи патріотической партіи. Но съ другой стороны не менѣе одобряли его и друзья мира, умѣренные и даже ретрограды за то, что онъ все откладывалъ великое дѣло, такъ желаемое Италіею и пугавшее папу — продажу духовныхъ имуществъ. Онъ продалъ ихъ очень мало и поздно въ слѣдующемъ году, вступивъ для того въ сдѣлку съ папою, который остался при этомъ не безъ выгоды. И такъ

въ три мѣсяца, протекшихъ между Бассано и Арколемъ, онъ не сдѣлалъ ничего серьезнаго, чтобы возродить Италію. Онъ провозглашаетъ республику, но препятствуя великой земельной революціи—продажѣ клерикальныхъ земель. Онъ не давалъ республикамъ этимъ никакого основанія, даже не пытался пріобрѣсти отъ многихъ стоявшихъ за насъ городовъ какую бы то ни было поддержку для войны.

Итальянцы, разумѣется, были мало закалены, мало пріучены къ войнѣ. Но не слѣдовало поручать ихъ обученіе сѣверянамъ, швейцарцамъ, какъ онъ это сдѣлалъ. Наши южане были бы болѣе подходящими учителями, напримѣръ Мюратъ отважный и блестящій актеръ, импровизаціи котораго такъ часто ободряли нашу кавалерію, или Ланнъ, пылъ котораго грозный и заразительный, увлекалъ толпу до того, что она подъ его начальствомъ сама себя не узнавала. Наши гасконцы, когда то осмѣянные, какъ хвастуны и лгуны, вдругъ дали сразу цѣлое воинственное поколѣніе: Сульты, Бессіеры, Бернадотты и др. Точно также итальянцы, разъ они воодушевились, произвели бы—конечно, еще не Гарибальди—но все же храбрыхъ солдатъ, какъ Медичи, Чальдини, Корнуски и др. Ломбардскій легіонъ, собранный Бонапарте, состоялъ только изъ 3000 молодыхъ людей изъ хорошихъ семей и хорошо подобранныхъ. Бонапарте сильно боялся неудобствъ отъ итальянской революціи, съ которой пришлось бы считаться, вести переговоры, корчить изъ себя человѣка, а не солдата, спуститься съ высоты власти и дать прикоснуться къ себѣ.

Поэтому, пренебрегая удобствами, которыя могли бы доставить ему итальянскіе города, онъ остался съ одною своею арміей еще грозной, но все улыбающей. Врагомъ же напротивъ былъ весь народъ, массы громадныя, неистощимыя. И вѣнскій кабинетъ, видя эту перемѣну ролей и то, что великая

народная сила, которая была за насъ въ 1792, теперь перешла на его сторону, видя, что въ Германіи наши войска отступаютъ, даже не удостоилъ принять Кларка, нашего посланника и отправилъ его къ австрійскому посланнику въ Піемонтѣ. Бонапартъ не вполнѣ понималъ военную тактику этихъ варваровъ. Онъ смѣялся надъ ихъ неосторожностью двигаться отдѣльными корпусами. Но условія мѣстности и трудность находить съѣстные припасы въ этихъ безплодныхъ горахъ требовали такого раздѣленія. И самъ онъ вскорѣ, поднимаясь на Альпы, принужденъ былъ идти тѣмъ же порядкомъ. Прибавьте къ тому, что эти племена, принадлежавшія къ различнымъ расамъ и говорившія разными языками, были живыми силами, коими можно было воспользоваться, лишь уважая ихъ племенныя различія и считаясь съ различіемъ ихъ способностей. Были сверхъ того племенныя и національныя антипатіи, насиловать которыя было бы безуміемъ. Какъ заставить идти вмѣстѣ и драться рядомъ валаховъ изъ пограничныхъ полковъ, хотя они и были прекрасными солдатами, съ гордыми и надменными венгерскими гонведами, веселыхъ и причудливыхъ тирольцевъ въ острыхъ шляпахъ съ зеленымъ перомъ, рядомъ съ толпой кроатовъ въ ихъ красныхъ плащахъ, окровавленныхъ битвами съ турками? Австрійцы и ихъ старый генералъ, принцъ Евгеній, очень благоразумно сохранили свои старыя подраздѣленія и даже, при чисто механическомъ характерѣ военнаго строя, съумѣли до извѣстной степени щадить національный духъ и уважать свободу.

Эта гроза неслась съ Альповъ, эти человѣческіе потоки отовсюда спускавшіеся, казалось, удивили наши войска. Къ счастью, все это не сразу опрокинулось на нихъ. Въ то время, какъ тирольцы съ Давидовичемъ были еще недалеко отъ своихъ горъ, венгерцы, и кроаты Альвинци были уже впереди на дорогѣ

къ Веронѣ. Передъ ними Массена отступилъ даже въ безпорядкѣ. Шедшій противъ Давидовича генералъ Вобуа, которому была поручена защита постовъ Короны и Риволи, могъ быть разбитъ силою тирольскаго натиска. Онъ сначала сопротивлялся, потомъ имъ овладѣлъ паническій страхъ, онъ вообразилъ, что отрѣзанъ, что отважные охотники опередили его и первые заняли важныя позиціи у Риволи. У Бонапарте осталась одна Верона. Его по пятамъ преслѣдовало большое войско Альвинци, который съ своей артиллеріею занималъ возвышенную позицію въ Кальдіеро. Бонапарте напрасно съ своими догами Массеной и Ожеро, двинулся противъ этихъ медвѣдей, чтобы захватить ихъ въ горахъ. Массена перешелъ въ одномъ мѣстѣ, которое упустилъ изъ вида непріятель. Но тутъ природа приняла участіе въ борьбѣ. Холодный градъ за одно съ пулями билъ нашихъ въ лице, а въ грязи невозможно было двинуть пушекъ. Это происходило 12 ноября. 14-го Бонапарте въ отчаяніи пишетъ въ директорію, что всѣ его герои убиты или ранены: «Мы покинуты среди Италіи. Быть можетъ, скоро пробьетъ часъ храбраго Ожеро, отважнаго Массены; что станется тогда со всѣми моими храбрыми солдатами?»*).

Что дѣлалъ Альвинци? Боялись его пылкости и дали ему, какъ и его предшественнику, умнаго начальника штаба, Вейротера. И конечно, англійскій коммисаръ, всюду сопровождавшій Вурмзера, остался и у Альвинци и поддерживалъ австрійскаго ментора. Неизмѣннымъ совѣтомъ англичанъ, какъ мы уже видѣли въ Генуѣ, въ Тулонѣ, было «крѣпости, овладѣвайте крѣпостями». Альвинци, слѣдуя ему, добивался только Вероны; онъ искалъ лѣстницъ, чтобы взлѣзть на ея стѣны.

*) См. «Переписку», 14 ноября 1796 г.

Онъ надѣялся, что въ такой борьбѣ, что въ рукопашной приступа, венгерская сила одолѣетъ.

Бонапарте тоже понадѣялся на индивидуальную силу и храбрость, и захотѣлъ еще разъ повторить исторію Лоди. Въ порывѣ великодушной опрометчивости, онъ оставилъ въ Веронѣ 15,000 человѣкъ и съ остальнымъ войскомъ онъ вздумалъ дать сраженіе въ болотахъ около большихъ дорогъ Адижіо и Альпина. Онъ соображалъ, что этимъ страннымъ путемъ, онъ придя въ Ронко, обойдетъ съ обоихъ фланговъ непріятельскую армію и очутится почти въ тылу ея. Болота пересѣкались двумя дорогами: одна на лѣво вела къ Веронѣ, другая на право къ Альпону чрезъ селеніе Арколь. Взявъ на лѣво, онъ могъ напасть на Альвинци, если тотъ попытается идти приступомъ на стѣны Вероны. Это былъ самый важный постъ. Онъ поставилъ туда Массену. Послѣдній, какъ всегда хладнокровный, увидѣлъ приближающійся непріятельскій корпусъ, посланный Альвинци, обратившимъ вниманіе на необычайный шумъ въ этой мѣстности. Массена даетъ ему выйти на узкое шоссе, кидается на него, оттѣсняетъ и топитъ. Съ своей стороны Ожеро шелъ по другой дорогѣ, ведущей къ селенію Арколь. Бонапарте стоялъ тамъ вмѣстѣ съ Ожеро. Онъ видѣлъ мрачныя, далеко неоживленныя приготовленія войска. Онъ заключилъ, что для него пришелъ часъ рискнуть собой. Для этого онъ еще не находилъ да и не искалъ случая. Во всю долгую военную жизнь свою, онъ никогда не искалъ опасности, думая весьма основательно, что надо беречь генераловъ. И раненъ онъ былъ всего разъ и то легко при Ульмѣ.

Здѣсь въ Арколѣ онъ долженъ былъ выступить впередъ. Онъ двинулся, благодаря невѣрнымъ указаніямъ слишкомъ впередъ, не зная, что кроаты укрѣпили селеніе и защитили проходъ многочисленными орудіями; впрочемъ онъ таки послалъ

генерала Гюе съ бригадой обойти мостъ и перейти Альпинъ повыше Арколя. Но надо было ждать, и герой нашъ находился въ положенiи, которое могло бы показаться смѣшнымъ лодiйскимъ храбрецамъ. Онъ хотѣлъ, говоритъ Тьеръ, во время очутиться позади Альвинци, чтобы одержать надъ нимъ полную побѣду. Но большая армiя Альвинци, въ полномъ составѣ своемъ и вскорѣ сдѣлавшая наступательное движенiе, тогда не находилась еще на этой узкой плотинѣ. Въ Арколѣ былъ только небольшой отрядъ кроатовъ, численность котораго историки бонапартисты сильно преувеличивали для того, чтобы увеличить славу побѣды. Бонапарте, очутившись на мосту, не могъ ни отступить, ни медлить, не утративъ своего обаянiя· Ожеро схватилъ знамя и простоялъ нѣсколько минутъ подъ ядрами. То же сдѣлалъ Бонапарте. Но въ этомъ не было подвига и это не увлекло никого. По счастью, лошадь Бонапарте испугалась и, вынесши его внѣ района картечной бури, сбросила его на грязный берегъ, гдѣ онъ по поясъ ушелъ въ воду. По другому, болѣе правдоподобному разсказу, онъ уже былъ тогда на ногахъ, заранѣе сошедши съ лошади. Въ этомъ случаѣ можно, не обижая его, думать, что братъ его Людовикъ, который слѣдовалъ за нимъ или друзья его, Бессiеръ, которому онъ поручилъ личную свою защиту, желая сохранить столь драгоцѣнную жизнь, увлекли его и заставили спуститься туда. Но въ то время, какъ онъ сидѣлъ въ болотѣ, кроаты, видѣвшiе все происходившее и суматоху въ кучѣ офицеровъ, бросились къ нимъ, чтобы взять ихъ въ плѣнъ. Тогда братъ его и Бессiеръ оказали чудеса; они вытащили его и посадили на лошадь. Все это прекрасно было объяснено впослѣдствiи. Во первыхъ въ газетахъ гравюрахъ и проч. и не подумали изображать его въ томъ болотѣ, такъ успѣшно защитившемъ его отъ картечи, которую такъ упорно выдерживалъ Ожеро.

Затѣмъ никто не обмолвился, что братъ спасъ ему жизнь, жертвуя своею. Такимъ образомъ думали скрыть неблагодарность, которой онъ впослѣдствіи заплатилъ Людовику.

Въ повѣтствованіяхъ, сдѣланныхъ имъ самимъ для директоріи и для публики, онъ сильно подчеркиваетъ привязанность своихъ солдатъ. Но если онъ и рисковалъ собою, то только потому, что видѣлъ войско нѣмымъ и неподвижнымъ, какъ будто молчаніемъ своимъ упрекавшимъ его въ этой безразсудной рѣзнѣ, вызванной его опрометчивостью—рѣзнѣ, которую можно было избѣжать. И въ самомъ дѣлѣ, солдаты при Арколѣ были такъ дурно настроены, что начальникамъ пришлось отвѣчать собственною личностью, — почти всѣ были убиты или ранены. Ланнъ три раза былъ раненъ и все-таки упорно бился. Потери были неравны. Альвинци, теряя своихъ дикарей, могъ въ какомъ угодно числѣ замѣстить ихъ завтра. Бонапарте же губилъ безвозвратно цвѣтъ войска, цвѣтъ Франціи. «Не будь этого,—говоритъ Тьеръ—венгерцы бѣжали бы». Чѣмъ это доказать? Они имѣли перевѣсъ численности и были равно мужественны. «Или, можетъ, Верона осталась бы открытой?» Нѣтъ,—Массена стоялъ на лѣвой плотинѣ и остался побѣдителемъ. И такъ какъ эта плотина была близко къ Веронѣ, то Альвинци крѣпко задумался бы прежде, чѣмъ двинуться къ городу, имѣя Массену въ тылу. Жомини говоритъ, что Бонапарте, вѣроятно, недостаточно зналъ мѣстность. А я говорю еще, что если бы онъ послалъ изслѣдовать правую плотину, то онъ узналъ бы, что селеніе Арколь укрѣплено и не сталъ бы подъ огонь съ своимъ неумѣстнымъ знаменемъ, не погубилъ бы столь многихъ храбрецовъ и не подвергнулся риску упасть такъ кстати въ грязь. Ночь прошла въ ожиданіи извѣстій: держится ли Вобуа и не нуждается ли въ помощи. «Бонапарте,—говоритъ Тьеръ:—

помогъ бы Вобуа». Но возможно ли это было, при огромномъ численномъ превосходствѣ силъ Альвинци? При первомъ своемъ движеніи онъ рисковалъ бы Вероною.

Что касается 16-го сентября, объ этомъ днѣ мы знаемъ только одно глубокое молчаніе въ бонапартистскихъ разсказахъ. Они стараются не признаваться, что непріятель такъ мало пострадалъ наканунѣ, что, перейдя Адижіо, онъ приготовился къ наступленію. Но Массена все еще побѣдоносно занималъ лѣвую плотину. Онъ надѣваетъ свою шляпу на остріе меча, расчищаетъ себѣ путь штыками, опрокидываетъ въ болото все встрѣчающееся на пути, захватываетъ 6 пушекъ и 800 человѣкъ. Бонапарте же только отстрѣливался весь тотъ день. До сихъ поръ еще не разъяснена глубокая тайна — отчего Давидовичъ не присоединился къ Альвинци. Тирольцы, справившись съ бонапартовымъ лейтенантомъ Вобуа, имѣя его въ тылу, боялись двинуться на помощь венгерцамъ, которые могли обойтись и безъ нихъ. Доказательство тому, что 17-го, на другой же день, венгерцы перешли къ яростному наступленію. На правомъ берегу генералъ Робертъ убитъ, войско его отбито. И Бонапарте приходится призывать на помощь всѣ средства изворотливаго генія своего. Онъ еще разъ обращается къ знаменитой 32 бригадѣ; онъ прячетъ ее за ивовой рощей, откуда она, выступивъ въ пору, захватываетъ и убиваетъ 3,000 кроатовъ. Тогда Бонапарте, призвавъ къ себѣ Массену, является во главѣ всей арміи своей передъ Альвинци. Но прежде чѣмъ начать атаку съ Массеною и Ожеро, онъ тревожитъ венгерцевъ, передвигая вокругъ нихъ маленькій отрядъ, и, чтобы совершенно сбить ихъ съ толку, посылаетъ черезъ тростники 25 кавалеристовъ изъ колонновожатыхъ, которые появились съ шумомъ и трескомъ литавръ и трубъ. Какъ быкъ иногда

даетъ остановить себя ребенку и уходитъ, опустивъ рога и не глядя, кто его преслѣдуетъ, такъ и венгерцы, растерявшіеся, изнуренные семидесяти-двухъ-часовою битвой, уходятъ, но медленно, чтобы отдохнуть на Брентѣ. Они не находятъ тамъ тирольцевъ, которые, съ свойственною имъ подвижностью, удовлетворившись побѣдой надъ Вобуа, вернулись въ горы.

Бонапарте при Арколѣ сдѣлалъ открытіе: онъ узналъ, что его войско, когда-то фанатически ему преданное, теперь поняло правду, замѣтило, какъ часто ему приходилось свою опрометчивую непредусмотрительность исправлять цѣною человѣческихъ жизней и какъ мало онъ щадилъ не только солдатъ, но и самыхъ дорогихъ, самыхъ незамѣнимыхъ офицеровъ. Онъ отчасти заставилъ забыть объ этомъ, благодаря анекдотамъ, которые всегда такъ кстати появлялись и которыхъ такъ много попадается въ *меморіалѣ*, какъ доказательства доброты Бонапарта,—анекдотамъ о заснувшемъ часовомъ, у котораго Бонапартъ взялъ ружье и вмѣсто котораго онъ отстоялъ на часахъ. Онъ не преминулъ написать въ Парижъ о необыкновенной преданности къ нему войска. Въ этомъ дѣлѣ, происходившемъ на двухъ дорогахъ, не могли произойти сильныя стычки, какъ онъ желалъ бы то представить; но онъ постоянно говоритъ о немъ, какъ о генеральномъ сраженіи, въ которомъ участвовали оба войска. Онъ увѣряетъ, что Альвинци потерялъ убитыми 8 или 10 тысячъ человѣкъ. Какъ опровергнуть его? Какъ отъискать и сосчитать всѣ эти трупы на днѣ болотъ? Способъ, которымъ случай, или лошадь, или друзья его защитили его отъ ядеръ, описанъ въ письмѣ его къ директоріи; для публики же онъ очень ловко замаскированъ. Мостъ при Арколѣ и мостъ при Лоди — все это смѣшалось и спуталось ради большей славы

Бонапарте. И послѣдняя изъ этихъ побѣдъ превознесла славу его до небесъ.

III.

Рѣшительная побѣда при Риволи, 13-го января 1797 г., и сдача Мантуи.—Бонопарте спасаетъ папу въ Телентино.

Часть директоріи, Ла-Ревейльеръ, Ревбелль, всегда считали уничтоженіе папства главною задачею Италіи и окончательнымъ пораженіемъ контръ-революціи. Равнодушіе Барраса, мягкость Карно и возрастающее пристрастіе его къ прошлому, предоставили Бонапарте возможность обойти первоначальныя инструкціи свои и спасти Римъ. Иногда ему мѣшала погода, а иногда и любезность его по отношенію къ Неаполю. Онъ пугалъ призракомъ великой неаполитанской пятидесятитысячной арміи, ожидающей ихъ на югѣ, и самъ же смѣялся надъ нею въ письмѣ, говоря, что для него довольно 6,000 гренадеръ, чтобы справиться съ нею. Между тѣмъ, старый Пій VI, алчный племянникъ его, заправлявшій всѣмъ, и интриганы-кардиналы, съ которыми теперь мы хорошо познакомились изъ мемуаровъ Консальви, все время возбуждали Австрію противъ насъ. Они отлично указали ей великую ошибку Бонапарте, который не извлекалъ никакой пользы изъ Италіи, упорно запрещая ей употребить великое средство—*продажу церковныхъ имуществъ*. И такъ какъ онъ не предпринималъ революціоннаго крестоваго похода, котораго требовали города, то легко было поднять противъ него въ Неаполѣ и Римѣ и вообще въ деревняхъ анти-революціонный крестовый походъ, пользуясь средствами юга, еще нетронутыми и которыхъ война еще не коснулась.

Совѣтъ коварный, но весьма непредусмотрительный, который раздражилъ алчность Австріи и напомнилъ ей политику ея. *Кто не можетъ ограбить непріятеля, тотъ долженъ, по крайней мѣрѣ, обобрать союзниковъ.* Политику эту она и осуществила впослѣдствіи, выговоривъ себѣ на долю союзницу свою—Венецію и овладѣвъ даже Римомъ и областью своего союзника папы. Послѣдній, не предвидя еще страннаго результата совѣта, имъ самимъ поданнаго, пожелалъ, чтобы Вурмзеръ, въ то время безполезно стоявшій у Мантуи, явился въ Римъ и Неаполь командовать союзными войсками и сообщилъ бы имъ весь пылъ и всю стремительность отваги своей. Между тѣмъ, Альвинци съ арміей, еще вполнѣ цѣлой, не смотря на частныя, столь преувеличенныя стычки при Арколѣ, долженъ былъ пробиться до Мантуи и смѣнить въ ней Вурмзера. Бонапарте тогда пришлось бы понести наказаніе за двуличіе. Онъ бы горько раскаялся въ томъ, что пощадилъ Римъ и не предпринялъ экспедиціи, которую самъ считалъ до того легкой, что пощадилъ сокровища и средства юга, и это для того, чтобы ими воспользовались австрійцы.

Планъ крестоваго похода былъ сохраненъ въ тайнѣ и Бонапарте, даже не изслѣдовавшій дорогъ, ничего не зналъ и не предвидѣлъ. Одинъ изъ его историковъ забавно заявляетъ: «Онъ пріѣхалъ изъ Болоньи въ Верону и увидалъ лишь 2,000 австрійцевъ, но отгадалъ». Еще бы! Пятидесятитысячная армія Альвинци, эта толпа, подъ которой дрожала земля, не проходитъ, какъ мухи. Наконецъ, Жуберъ, который уже имѣлъ стычки на равнинахъ Риволи, предупредилъ своего недальновиднаго генерала, и давно было пора: Жуберъ съ своимъ маленькимъ десятитысячнымъ корпусомъ былъ окруженъ, стѣсненъ и чуть не задыхался. Бонапарте имѣлъ въ Веронѣ своего всегдашняго защитника Массену съ такъ

много гонимой имъ дивизіей, и это послѣ 5 октябрскихъ побѣдъ. То были четыре непобѣдимыхъ полка, между прочими и 32 полубригада, подъ начальствомъ Рампона. Бонапарте двинулъ ихъ въ ночь съ 24 на 25 января и они шли всю ночь. Самъ же онъ верхомъ опередилъ ихъ и прибылъ въ Риволи въ 2 часа утра. Луна, какъ нарочно, поднималась на чистомъ и холодномъ небѣ, чтобы показать Бонапарте величественное зрѣлище. То былъ цѣлый міръ дикарей съ различными племенами ихъ, ясно отмѣченный по огнямъ, окружавшимъ маленькій корпусъ Жубера. Широкая колонна всѣхъ родовъ оружія поднималась по большой дорогѣ и по Монте-Бальдо и, подвигаясь по природной винтовой лѣстницѣ, собиралась овладѣть верхней площадью горъ и раздавить Жубера. Три другихъ корпуса, тоже пѣхоты, взобрались на болѣе высокія вершины и спускались на Жубера, какъ бы по ступенямъ амфитеатра. Четвертый корпусъ, подъ начальствомъ Люзиньана, маневрировалъ съ боку, чтобы обойти Жубера съ тыла и отрѣзать отступленіе къ Веронѣ. И наконецъ, въ довершеніе рамки для этаго страшнаго зрѣлища, по ту сторону Адижіо подвигался корпусъ, отрѣзавшій и съ этой стороны возможное отступленіе къ Веронѣ. Корпусъ этотъ, посылавшій по временамъ свои ядра въ непріятельскій станъ, казалось говорилъ Жуберу: «Нѣтъ тебѣ выхода, нѣтъ спасенія»! Одно, впрочемъ, было ясно: огромные корпуса пѣхоты, спускавшіеся съ высотъ на площадь горы, гдѣ стоялъ Жуберъ, не имѣли артиллеріи, а большая армія, поднимавшаяся къ нему, какъ бы по винтовой лѣстницѣ, и за которою съ трудомъ тянулись пушки, оставалась покуда подъ огнемъ пушекъ Жубера, его живой и быстрой французской артиллеріи. Это ободряло Бонапарте. Но вотъ безстрашные дикари убиваютъ лошадей, везущихъ пушки, кидаются на

пушки и овладѣваютъ ими. Пятьдесятъ гренадеровъ 14-й полубригады бросаются впередъ, впрягаются къ пушкамъ и привозятъ ихъ обратно.

Пришелъ и Массена—давно пора было — съ своими четырьмя бригадами. Вмѣстѣ съ Бонапарте онъ принимаетъ начальство надъ 32-й дивизіей, сбираетъ отступавшихъ и, оттѣснивъ врага, становится рядомъ съ 14-й полубригадой, понесшей сильный уронъ, но храбро сопротивлявшейся. Но въ это время непріятельскіе гренадеры успѣли поднять свою артиллерію на площадку. Съ другой стороны Люзиньянъ съ своей колонной, очутившись въ тылу Жубера, уже торжествовалъ побѣду, считая его въ своихъ рукахъ. Бонапарте запрещаетъ обращать на него вниманіе и рѣшительно говоритъ: «Это принадлежитъ намъ». Лѣвый флангъ былъ прикрытъ Массеною съ 32-ю дивизіею. Направили батарею противъ врага, который еще не успѣлъ установить свои пушки на мѣстѣ. Наши пылкіе кавалеристы Леклеркъ и Лассаль нападаютъ на нихъ. Подъ Жуберомъ, нападающимъ тоже, убита лошадь; онъ продолжаетъ сражаться съ ружьемъ въ рукѣ. Всѣ поднявшіеся на горную площадку враги, гренадеры, кавалеристы съ артиллеріею въ безпорядкѣ отброшены внизъ по винтовой лѣстницѣ. Съ другой стороны непріятельская пѣхота, спустившаяся сверху и очутившаяся на равнинѣ, приходитъ въ отчаяніе и въ безпорядкѣ бѣжитъ въ горы. Остался корпусъ Люзиньяна; онъ, увидѣвъ у себя въ тылу наши резервы, разбросанные по дорогѣ въ Верону, сложилъ оружіе и оставилъ намъ 4000 плѣнныхъ, Что же дѣлаетъ Бонапарте? Оставивъ Жубера преслѣдовалъ бѣгущихъ, онъ съ дивицей Массены, которая въ теченіи послѣднихъ сутокъ шла или сражалась, опять пускается въ путь, чтобы идти цѣлую ночь въ погоню за Проверо, адъютантомъ Альвинци—идти 14 лье до Мантуи

Подвигъ не трудный для Бонапарте ѣхавшаго верхомъ, но жестокій и гибельный для храбраго люда, шедшаго пѣшкомъ. То были наши пиренейцы, наши гасконцы и провансальцы, составлявшіе дивизію эту, которые уже вынесли то же самое послѣ Бассано, когда пройдя 100 часовъ безъ остановки, они еще сражались и одерживали побѣды, не только благодаря сильнымъ рукамъ, но и желѣзнымъ ногамъ и неутомимому духу. Увы, что сталось съ ними, съ этимъ удивительнымъ цвѣтомъ арміи! Бонапарте истощилъ послѣдніе остатки его въ двухъ знаменитыхъ безуміемъ экспедиціяхъ: въ Египтѣ, гдѣ онъ покинулъ ихъ, и въ Санъ-Доминго, гдѣ онъ обрекъ ихъ на вѣрную смерть подъ этимъ знойнымъ небомъ и въ безуспѣшной борьбѣ за преступное дѣло, за возстановленіе рабства.

Сраженіе при Риволи были великой и страшной битвой давшей намъ 13,000 плѣнныхъ, а не рядомъ маленькихъ стычекъ, какъ то было при Арколѣ. Это было окончательной борьбой между нами и сѣверными племенами, показавшими и одинаковую храбрость, но имѣвшихъ противъ себя кромѣ огня непріятельскаго еще и крутой подъемъ, заставлявшій ихъ биться безъ помощи артиллеріи. Дополненіемъ къ этому сраженію послужило истребленіе 10,000 отряда, который Проверо велъ въ Мантую. Проверо, затравленный какъ дикій звѣрь, со всѣхъ сторонъ окруженный, принужденъ былъ сдаться. Съ этой минуты все было кончено. Великій планъ не удался. Вурмзеръ напрасно искалъ выхода, чтобы отправиться въ Римъ, въ Неаполь и попытаться поднять католическій крестовый походъ. Онъ говорилъ, что у него провизіи станетъ еще на цѣлый годъ, но ему не удалось этимъ провести Бонапарте, знавшаго, что онъ едва держится, что Мантуя полна труповъ: тридцать тысячъ человѣкъ умерло въ ней. Письмо

Бонапарте, написанное въ то время директоріи, не упоминаетъ о тѣхъ романическихъ происшествіяхъ *) и случаяхъ геройскаго великодушія, о которыхъ онъ сообщаетъ въ другомъ донесеніи. Напротивъ онъ явился здѣсь довольно грубымъ, презрительно обращался съ старымъ героемъ Вурмзеромъ, точно онъ имѣлъ зубъ противъ него за то, что тотъ такъ долго задерживалъ его. Вурмзеръ, уходя, выразилъ желаніе видѣться съ нимъ. Но Бонапарте уже ушелъ и оставилъ на своемъ мѣстѣ лишь одного изъ своихъ лейтенантовъ.

Можно было сказать, что съ Мантуей погибъ и Римъ. Но эта держава была такъ озлоблена, что ударивъ повсюду въ набатъ и разославъ по деревнямъ своимъ монаховъ съ крестами, она два раза попыталась толпами крестьянъ остановить побѣдителей Вурмзера и Альвинци. Романья, говорилъ кардиналъ Руска, станетъ Вандеею. Бонапарте же, напротивъ, явился съ самыми умѣренными требованіями и въ чисто дипломатическомъ настроеніи. Онъ сказалъ въ Фаэнцѣ, что щадитъ городъ изъ уваженія къ папѣ. Онъ по итальянски разговаривалъ съ плѣнными и отпустилъ ихъ на свободу, божась, что пришелъ не съ тѣмъ, чтобы разрушить религію, но собственно для *спасеніи религіи и народа.* Духовенство не только ничего не теряло съ появленіемъ его, но напротивъ выигрывало. Онъ велѣлъ кормить въ монастыряхъ священниковъ, которые не имѣли средствъ, и тѣ изъ нихъ, которые вернулись во Францію, всѣ стали горячими пропагандистами Бонапарте и его восторженными панегиристами. Онъ хотѣлъ только немного попугать св. отца и спасти его, и въ этомъ онъ какъ нельзя больше попалъ въ тонъ сильнѣйшей реакціи, подни-

*) Смотри различныя разсказы его обо всемъ этомъ вышедшіе впослѣдствіи.

мавшейся во Франціи и принесшей въ законодательный корпусъ цѣлыя толпы фанатиковъ роялистовъ, и между ними даже не одного южнаго убійцу—начальника шайки, котораго слѣдовало разстрѣлять вмѣстѣ съ Шареттомъ. Весь этотъ народъ писалъ къ нему изъ Франціи и изъ Парижа: «дерзайте». Онъ однако же колебался, боясь слишкомъ выдать себя. Чтобы выиграть время, онъ придумалъ безсмысленнѣйшую комбинацію—чтобы директорія отдала городъ Римъ Испаніи, оставивъ все прочее папѣ вмѣстѣ съ духовной властью его. И въ то же время, чтобы позабавить философовъ онъ послалъ имъ игрушку—черную лоретскую мадонну, которую и помѣстили въ библіотеку.

Онъ, вопреки многократнымъ обѣщаніямъ даннымь имъ арміи—повести ее на Римъ, здѣсь остановился въ Толентино, въ трехъ переходахъ отъ Рима. Въ одни сутки заключаетъ договоръ съ Римомъ, не спросившись у директоріи, которая впрочемъ сказала ему въ довольно неопредѣленныхъ выраженіяхъ, что полагается на него. Онъ боится дождаться заступничества католическихъ державъ, онъ хочетъ, чтобы папа ему одному былъ обязанъ этимъ договоромъ. Папа отдѣлался обязательствомъ заплатить нѣсколько милліоновъ и милліоны эти онъ могъ выплатить частію драгоцѣнными камнями, частію различными старыми ювелирными вещами неопредѣленной цѣнности. Ни намека на великія условія, поставленныя директоріею: 1) чтобы папа позволилъ духовенству дать гражданскую присягу, т. е. присягать въ томъ, что священники будутъ добрыми гражданами. 2) Уничтоженіе римской инквизиціи и закрытіе печей и погребовъ, гдѣ осужденные сжигались заживо *). Бонапарте даже не упо-

*) Погреба эти существовали до Льва XII. Де-Санктисъ, юристъ консультъ папской власти, бѣжавшій въ Тулонъ, показалъ передъ свидѣте-

мянулъ о главномъ условіи, отъ котораго зависѣло спасеніе Италіи—о продажѣ церковныхъ земель. Все это скрыто или искажено историками, которые спѣшатъ обойти эти событія, не желая ссориться съ духовенствомъ; но прекрасное письмо изъ Болоньи прямо указываетъ на то, что изъ четырехъ взятыхъ у папы провинцій, Бонапарте оставилъ себѣ только одну Романью и гавань Анкону, а прочія три: Урбино, Ламаршъ и Перузу возвратилъ Папѣ. Болонцы вѣроятно изъ страха предъ Бонапарте выгораживаютъ его въ этомъ письмѣ, говоря, что сомнѣваются, въ томъ чтобы подобный договоръ былъ его дѣломъ.

Впрочемъ мнѣніе Италіи интересовало его гораздо меньше мнѣнія его собственной арміи. Въ письмѣ къ Жуберу, написанномъ, вѣроятно, съ разсчетомъ на распространеніе его, Бонапарте называетъ Римъ поповскимъ гнѣздомъ. Ему же нужно было только добиться отъ этого гнѣзда, — чего онъ и достигъ,—хорошаго аттестата отъ папы, письма, въ которомъ Пій VI называетъ его своимъ любезнымъ сыномъ. Названіе важное для Франціи во время сильной реакціи, когда роялисты успѣшно трудились надъ антиреспубликанскими выборами. Въ это тревожное время приходилось опасаться междуусобной войны ранѣе окончанія войны внѣшней. Вотъ что возражали оба военные директора, страстные приверженцы мира, Карно и Летурнеръ. Они, въ этомъ отношеніи, шли объ руку съ об-

---

телями, людьми серьезными и заслуживающими вполнѣ довѣрія, что папа этотъ, не осуждая казни эти, обнародовалъ въ 1830 г., что съ этого времени онѣ не будутъ происходить тайно, но будутъ совершаемы при народѣ, на публичныхъ мѣстахъ, на полѣ Флоры, гдѣ нѣкогда, былъ сожженъ Джордано Бруно и такъ многіе другіе. Съ этого времени стали останавливаться передъ ужасомъ, какой возбудила бы зрѣлище это, и были принуждены прибѣгнуть къ средствамъ менѣе жестокимъ, или, по крайней мѣрѣ болѣе тайнымъ.

ществомъ и не придавали значенія римскому вопросу. Напротивъ того два адвоката Ревбелль и Ла-Ревейліеръ-Лено требовали торжества принципа и революціи. Баррасъ колебался въ этой бурѣ и склонялся къ этому послѣднему направленію, какъ это оказалось, когда Бонапарте, купилъ миръ, жертвуя венеціанской республикой; но всѣ приближенные Барраса, дворъ его и любовницы, обожаемая г-жа Талліенъ и ловкая Жозефина не давали ему воли. Онѣ перешли на сторону реакціи, на сторону Рима и Бонапарте. Баррасъ уступилъ первенство друзьямъ мира и Карно. Но онъ никогда не прощалъ имъ собственную слабость свою. Карно сдѣлался его смертельнымъ врагомъ и одинъ разъ онъ разразился противъ него такими невозможными выраженіями, что можно было подумать, что онъ сошелъ съума. Но одно говоритъ однако же въ пользу Барраса, а именно то, что умнѣйшіе изъ друзей Карно были на этотъ разъ мнѣнія противуположнаго мнѣнію послѣдняго. Старшій изъ всѣхъ ихъ, Пріеръ изъ Котъ-д'Ора упрекалъ его въ излишней деликатности съ ретроградами; американецъ Монроэ говорилъ ему: «Франція не только не должна уступать завоеваній своихъ, но должна всюду водрузить свое знамя, потому что оно знамя свободы *)».

IV.

Тирольская компанія. — Мартъ-апрѣль 97. — Бонапарте спасаетъ Австрію въ Леобенѣ.

Толентинскій договоръ довольно печально завершилъ итальянскую кампанію. За деньги, да еще обѣщанныя только, за-

---

*) «Записки Карно», т. II, 133.

были самую сущность вопроса, принципъ; забыли даже отмстить за Басевилль. А сколько было обѣщаній идти въ Римъ для уничтоженія если не папства, то по крайней мѣрѣ инквизиціи. Чтобы парализовать впечатлѣніе отъ этого неудачнаго договора, послали во Францію и проводили черезъ нее 20,000 плѣнныхъ. Наконецъ, поручили Ожеро отвезти знамена въ Парижъ. Лице этого любимаго народомъ кастильонскаго героя, съ его шутовскимъ выраженіемъ мальчишки изъ предмѣстья Сенъ-Марсо, должно было успокоить патріотовъ, обмануть ихъ на счетъ настоящихъ намѣреній Бонапарте и ручаться за преданность его республикѣ. Бонапарте не сдержалъ многократныхъ обѣщаній своихъ идти на Римъ. Сможетъ ли онъ сдержать другое, въ послѣдній годъ такъ часто повторяемое, перейти Альпы и пойти на Вѣну? У него было извиненіе вполнѣ законное въ это время года. Какъ пройти чрезъ Альпы, когда зима еще стояла и зима довольно суровая? Его сторонники и газеты, которымъ диктовали братья его и Жозефина, говорили объ этомъ не иначе какъ съ ужасомъ. Редакторы не запасшіеся новостями, чтобы возбудить и оживить интересъ, имѣли вѣрное средство (я говорю это по словамъ моего отца, который въ то время занимался печатаніемъ періодическихъ изданій), они придумывали несчастіе съ Бонапарте, рану, паденіе съ лошади. Онъ становился единственнымъ, незамѣнимымъ Бонапарте. Масса людей доблестныхъ и уже знаменитыхъ оставались въ тѣни. Онъ одинъ выступалъ на сценѣ.

А между тѣмъ было ясно, что даже въ одной итальянской арміи не было недостатка въ людяхъ, которые, случись съ нимъ бѣда, могли бы замѣнить его. Онъ самъ, въ длинный промежутокъ бездѣйствія длившійся нѣсколько мѣсяцевъ, которые онъ провелъ лѣтомъ въ центрѣ Италіи, кого назначилъ онъ на свое мѣсто—Массену? Нѣтъ, Ожеро, который если и

былъ какъ Массена храбръ, то не имѣлъ ни ума, ни основательности Массены. За то ему выпало на долю въ это время поддержать Бонапарте (уже изнемогающаго?) предъ Кастильоне. Затѣмъ былъ еще молодой человѣкъ, внушавшій Бонапарте сильное довѣріе. То былъ Жуберъ, человѣкъ съ развитымъ умомъ, хладнокровный въ минуты сильнѣйшихъ опасностей, вмѣстѣ генералъ и солдатъ; онъ былъ высокаго роста, нѣжно сложенъ и не смотрѣлъ широкоплечимъ богатыремъ, какъ Массена. Но онъ самъ укрѣпилъ себя. Это былъ настоящій герой воли. Позднѣе его считали на всякій случай преемникомъ Бонапарте, такъ высоко его цѣнившаго, что онъ, поручая ему для перехода чрезъ Альпы правый флангъ, который долженъ былъ пройти чрезъ возставшій Тироль *), писалъ ему: «Если наша тирольская дивизія будетъ побита и оттѣснена до Минчіо, даже до Мантуи, Жуберъ будетъ командовать Мантуей, Ломбардіей и всѣмъ пространствомъ между Оліо и Адижіо». Это значило поручать ему защиту отступленія, послѣднее средство спасенія въ случаѣ пораженія. Такъ много довѣрялъ онъ этому молодому герою, даже болѣе нежели твердому и холодному Кильмену, которому онъ поручилъ важный постъ—Верону для наблюденія за Италіей.

Бонапарте двигался вынуждаемый мѣстными условіями, именно тѣмъ способомъ, который онъ такъ часто ставилъ въ упрекъ австрійцамъ. Онъ шелъ раздѣлившись на три части, тремя дорогами разомъ. Съ правой стороны шелъ Жуберъ съ 12000 человѣкъ, слѣва Массена съ своей дивизіей 10 или 12000 человѣкъ. Самъ Бонапарте составлялъ центръ съ сорока тысячами солдатъ. Онъ шелъ съ Бернадотомъ и подкрѣпленіями, присылаемыми ему съ Рейна. Жуберу не повезло. Быстро подвигаясь черезъ Баутценъ и Бриксенъ, онъ нѣсколько

*) «Переписка», 15 марта, 97 г.

разъ разбивалъ австрійскихъ генераловъ, но это не помѣшало ему быть охваченнымъ со всѣхъ сторонъ бушующимъ моремъ фанатическаго тирольскаго возстанія. Тяжелое испытаніе—очутиться лицомъ къ лицу съ оглушающей бурей народнаго ополченія съ стихіей, съ которой можно было бороться, но которая, уступая въ одномъ мѣстѣ, съ новой силой напираетъ въ другомъ, подобно волнѣ отовсюду несущейся, вездѣ яростной и грозной. Къ счастью, у Жубера были прекрасные кавалерійскіе генералы: Дюма—геркулесъ изъ негровъ, повторившій на мосту подвигъ Горація Коклеса, и смѣлый Дельма, великій воинъ и великій характеръ; онъ одинъ остался непреклоннымъ при коронаціи Бонапарте, онъ осмѣлился сопротивляться ему въ глаза и страшнымъ словомъ заклеймить безчестное римское дѣло.

Было естественно, что новый австрійскій генералъ, эрцгерцогъ Карлъ хотѣлъ соединить свою армію съ тирольскимъ возстаніемъ и, такимъ образомъ, подкрѣпить бы ее громадною народною силою. Но его не допустили сдѣлать это. Ему было велѣно отстаивать центръ, переходъ черезъ рѣку, потомъ защищать на востокѣ дорогу въ Каринтію, въ Тріестъ и въ Вѣну. Но онъ, не дождавшись подкрѣпленія, вышелъ на встрѣчу главной арміи Бонапарте, чтобы помѣшать ей пройти чрезъ Таліаменто. Онъ дѣйствовалъ рѣшительно, сдѣлавъ или слишкомъ много или слишкомъ мало. Онъ слабо сопротивлялся, сражаясь какъ разъ ровно на столько, чтобы понести небольшое пораженіе и потерять 500 человѣкъ, но не помѣшать переходу непріятеля. Массена же самъ по себѣ перешелъ въ другомъ мѣстѣ. Затѣмъ онъ пошелъ на правомъ флангѣ Бонапарте, который двигался по центральнымъ долинамъ, между Жуберомъ и Массеною. Этотъ послѣдній шелъ усиленнымъ маршемъ по снѣгу самою высокою изъ горныхъ

дорогъ къ Тарвису, стратегическому пункту, имѣвшему рѣшительное значенiе и защищать который болѣе всего приказано было эрцгерцогу. Массена шелъ такъ быстро, что когда Бонапарте отдалъ ему приказанiе двинуться туда, онъ уже два дня какъ стоялъ тамъ. Самъ Бонапарте въ центрѣ, съ своими 40000 человѣкъ, былъ внѣ опасности, имѣя справа на высотахъ Массену. Если можно употребить здѣсь сравненiе грубое, но выразительное, то пусть представитъ себѣ охотника на медвѣдей, имѣвшаго въ началѣ товарища съ лѣва, котораго онъ потерялъ на дорогѣ — Жубера; къ счастью, у него есть справа на холмѣ другой товарищъ, громадный и страшный альпiйскiй песъ—Массена, который послѣ усиленнаго марша уже достигъ Тарвиса и ждалъ на мѣстѣ. Эрцгерцогъ явился, оказалъ великую храбрость, искалъ опасности и напрасно. Его войско состояло изъ рекрутовъ, вопреки австрiйскаго обычая, набранныхъ изъ разныхъ племенъ, говорившихъ на разныхъ языкахъ, и потому не имѣло обычной сплоченности свойственной австрiйской армiи, когда полки ея состоятъ каждый изъ одного племени. Армiя была разбита и, что еще хуже, одинъ изъ австрiйскихъ генераловъ, Байолихъ, не извѣщенный во время, преслѣдуемый по пятамъ дивизiей Ожеро, бывшей тогда подъ начальствомъ Гьё, бросается туда же и, убѣгая, попадается въ узкiй проходъ гдѣ встрѣчается лицемъ къ лицу съ Массеной. И въ головѣ и въ хвостѣ непрiятель. Байолихъ стѣсненъ, сжатъ съ двухъ сторонъ. Инфантерiя, кавалерiя, артиллерiя и обозы—все скучено, все лѣзетъ другъ на друга. Не утѣшился эрцгерцогъ и тѣмъ, что большинство спаслось. И спаслись они благодаря тому, что были туземцами, горцами, сильнымъ и ловкимъ народомъ, умѣющимъ ходить по своимъ пропастямъ и обрывамъ. Не болѣе трехъ тысячъ осталось убитыми и

плѣнными. И при всемъ томъ компанія была несомнѣнно окончена. «Небольшое сраженіе», говоритъ Бонапарте съ видимымъ желаніемъ умалить значеніе этого рѣшительнаго успѣха. Точно также и въ другомъ мѣстѣ онъ дѣлаетъ такое колкое замѣчаніе: «Что дивизія Массены, столь храбрая и давшая ему столько побѣдъ, *начинаетъ дѣйствовать штыкомъ*». Смѣшная попытка дать понять, что до тѣхъ поръ «она предпочитала стрѣлять и *сражалась издали*».

Между тѣмъ, если зависть и заставляетъ его умалять значеніе успѣховъ Массены, то это мало соотвѣтствуетъ сознанію необходимости воспользоваться передъ Парижемъ этою компаніею для личныхъ выгодъ своихъ, поразивъ дерзостью перехода своего черезъ Альпы въ такое время года. «Сраженіе при Тарвисѣ произошло надъ облаками на возвышенности господствующей надъ Германіей и Далмаціей. Снѣгъ лежалъ на три фута глубины».

Эта война, которую велъ Бонапарте въ суровую зиму на высокихъ горахъ, эта война ловко описанная и прикрашенная въ поэтическихъ образахъ, заставляла парижанъ дрожать отъ холода за него и армію, и наполнила ихъ удивленіемъ и благоговѣніемъ къ Бонапарте, и страхомъ за него. Онъ же рисковалъ очень мало, ибо къ побѣднымъ дивизіямъ Массены и Гьё (Ожеро) онъ присоединилъ еще дивизію Серюріе.

Недоставало только дивизіи Жубера, задержанной и окруженной тирольцами. Бонапарте даже не зналъ, гдѣ она застряла. Онъ пишетъ 5-го апрѣля къ Домбровскому, чтобы онъ, «если возможно навелъ справки о Жуберѣ и шелъ къ нему на встрѣчу». Но одно особенно замѣчательно тутъ — это письмо его въ Парижъ отъ того же числа 5 апрѣля, въ которомъ въ тотъ же самый день, когда онъ говорилъ, что не имѣетъ извѣстій отъ Жубера, онъ сообщаетъ извѣстія о

немъ въ Парижъ и разсказываетъ объ успѣхахъ, одержанныхъ Жуберомъ *).

1-го апрѣля Массена, побѣдитель при Клагенфуртѣ открылъ туда дверь Бонапарте; а 5-го онъ разбилъ при Неймартѣ самаго эрцгерцога. Послѣднiй выбралъ великолѣпную позицiю и покрылъ ее пушками, съ нимъ былъ цвѣтъ армiи, у него было восемь гренадерскихъ баталiоновъ. И со всѣмъ тѣмъ онъ принужденъ былъ отступить передъ одной Массеновской дивизiей.

Каринтiя, пощаженная и успокоенная Бонапарте, не возстала подобно Тиролю. Это была страна, по его же словамъ, мирная и земледѣльческая. Еще очень мало изслѣдованы эти мѣстности, въ которыхъ такъ мало нѣмецкаго,—мѣстности съ славяно-итальянскимъ населенiемъ, граничащiя съ венецiанской территорiей. 22-го марта Бернадотъ, отправленный въ Трiестъ и къ знаменитымъ Идрiйскимъ рудникамъ, нашелъ тамъ руды на нѣсколько миллiоновъ, что вмѣстѣ съ взимаемыми имъ контрибуцiями, дало Бонапарте средства послать денегъ рейнскимъ войскамъ. Наконецъ, снимались съ мѣста, эти нуждающiеся и до сихъ поръ удерживаемые въ бездѣйствiи полки. Медлительность ихъ, такъ желательная для Бонапарте поднимала до облаковъ надежды его и довела честолюбiе его до горячешнаго бреда. Онъ пишетъ пятаго марта письмо дерзкое, страшно компрометирующее его и цинически сбрасывающее съ него личину. Правительство древней Венецiи, по гораздо меньшему поводу казнившее Карманьолу, увидало бы въ этомъ письмѣ предвѣщанiе близкой узурпацiи и навѣрно устранило бы человѣка, который отнынѣ, не скрываясь, прямо стремился къ тираннiи. Онъ дерзко пишетъ «если эрцгер-

*) *Переписка*, стр. 95, 602.

цогъ Карлъ командуетъ обѣими арміями, итальянской и румынской, то необходимо, чтобы и у насъ было *единство начальства»* *) т. е. Бонапарте во главѣ всѣхъ нашихъ войскъ становился начальникомъ Гоша и Моро. И кому же смѣетъ онъ писать такое письмо? Человѣку навѣрно не показавшему его директоріи, добряку Карно, который такъ много разъ ручался за патріотизмъ и безкорыстіе Бонапарте, что устыдился опроверженія, содержавшагося въ этомъ письмѣ, и спряталъ его въ карманъ.

Однакоже то, чего боялся Бонапарте, должно было совершиться. Правительство, цѣною послѣднихъ усилій, поставило двѣ большія рейнскія арміи въ возможность совершить переходъ черезъ Рейнъ. Это было избранное войско, гордое, доблестное и дисциплиной далеко превосходившее итальянскую армію. Во главѣ стояли Клеберъ, Дезе, Шампіонне— три имени любимыхъ какъ народомъ такъ и солдатами. Здѣсь же были храбрецы — гренадеръ Лефебръ, безстрашный кавалеристъ Ришпансъ и молодой и отважный Ней, которому суждено было такъ сильно выросги. Бонапарте дрожалъ при мысли, что они выступятъ и раздѣлятъ съ нимъ славу, которая была уже почти въ его рукахъ—славу нанести послѣдній ударъ Австріи и упрочить миръ. Онъ 16-го апрѣля пишетъ яростное письмо, измѣняя обычной скрытности, онъ доходитъ до личныхъ оскорбленій этимъ великимъ стратегамъ и великимъ людямъ. Вотъ это изступленное письмо, изрыгающее ярость: «Я кинулся въ Германію, чтобы освободить рейнскія войска. Я прошелъ Альпы по снѣгу въ три фута глубины, гдѣ еще никто не проходилъ до меня. Или у этихъ армій въ жилахъ течетъ не кровь, а вода! Я вернусь въ Италію. Онѣ будутъ разбиты».

*) *Переписка*, I, 547.

Массена 8 апрѣля, оставивъ утромъ Леобенъ, двинулся по пути въ Вѣну. Бонапарте надѣялся испугать императорскій дворъ и предупредить директорію заключеніемъ мира. Незадолго предъ тѣмъ онъ написалъ эрцгерцогу гуманное письмо, въ которомъ онъ говоритъ: «Если бы я имѣлъ счастіе спасти жизнь одному человѣку, я бы гордился этимъ болѣе чѣмъ пустою славою побѣдъ». Странное письмо это, отъ такого *расточителя* человѣческихъ жизней, было однако такъ хорошо обдумано, что до слезъ растрогало парижское общество. Въ Леобенѣ онъ одинъ ведетъ переговоры съ Бельгардомъ, уполномоченнымъ императора, и пишетъ директоріи: «Я подписалъ договоръ. Что дѣлать? У меня остались всего 20.000 человѣкъ. Уже Венгрія готовится возстать. Я приглашалъ вашего посланнаго Кларка и прождалъ его напрасно цѣлыхъ десять дней». И онъ прибавляетъ: «Вы уполномочили меня и на дипломатическія операціи, а въ настоящемъ моемъ положеніи, предварительные мирные переговоры имѣютъ характеръ военной операціи». Вѣроятно директорія, пославшая своего уполномоченнаго Кларка, который измѣнилъ ей и постарался опоздать, написала Бонапарте, что впрочемъ присылка Кларка не должна его оскорблять, *что вѣрятъ ему одному*, или тому подобный неясный оборотъ, которымъ онъ нахально воспользовался.

Онъ былъ увѣренъ, что въ виду общей радости, въ виду Парижа осчастливленнаго миромъ, не рѣшатся отказать ему въ утвержденіи договора. Но однако какъ примутъ такую неслыханную дерзость генерала, дѣйствовавшаго произвольно, вопреки директоріи? Одинъ лишь Карно съ Летурнеромъ, своимъ двойникомъ, примирились съ этимъ; Баррасъ пришелъ въ негодованіе вмѣстѣ съ Ревбеллемъ и Ларевельеръ Лепо.

Бонапарте тревожился вопросомъ: какъ примутъ его мирный договоръ.

Онъ придумалъ штуку обезоружившую всѣхъ; онъ послалъ договоръ съ Массеной. Какъ! такое торжество тому, кого бюллетени его такъ скупо хвалятъ. Это было необходимо. Желая представить свой договоръ дѣломъ рукъ всѣхъ генераловъ сообща и самой арміи, какъ онъ уже сдѣлалъ это съ піемонтскимъ трактатомъ, онъ поручаетъ этотъ постыдный договоръ покровительству доблестнѣйшаго изъ военачальниковъ, пользовавшагося самой громкой славой въ Парижѣ. За геройской простотой Массены, этого сына побѣдъ, за его дѣтскою искренностью, никто не подмѣтитъ коварнаго честолюбія Бонапарта.

V.

Бонапарте одураченъ Австріею, заставившей его потерять шесть мѣсяцевъ. Апрѣль—октябрь 97.

Бонапарте до того спѣшилъ, что вмѣсто того чтобы написать сначала въ парижскую директорію, что онъ подписалъ мирный договоръ, онъ противъ всякихъ приличій ранѣе сообщилъ о томъ Гошу, вступавшему во Франкфуртъ, чтобы остановить дальнѣйшее движеніе его. Чтобы нѣсколько оправдать эту непостижимую поспѣшность, онъ заявляетъ въ письмѣ къ директоріи, что былъ извѣщенъ только о движеніи Гоша, а не Моро. «Я счелъ компанію проигранною, я думалъ, что васъ перебьютъ одного за другимъ и потому заключилъ миръ» *). Странное заявленіе, обидное для Гоша какъ будто

---

*) *Переписка* 31 апрѣля т. II, стр. 12.

такое имя могло предвѣщать пораженіе. Обидное и для военныхъ членовъ директоріи, которые будто бы, горя нетерпѣніемъ помириться съ Австріей, чтобы все порвать и взвалить отвѣтственность на Бонапарте, скрыли отъ него, что съ арміей Гоша выступаетъ и армія Моро. Все это казалось нечистымъ, и вызвало много толковъ.

Это видно даже изъ его писемъ. Сначала говорили, будто его разбили въ Тиролѣ, и дѣйствительно лейтенантъ его, Жуберъ стоялъ тамъ осажденный и не могъ даже дать знать о себѣ. 18-го мая онъ (Бонапартъ) пишетъ Бернадоту: «нѣтъ и рѣчи о томъ, чтобъ я оставилъ армію; это безосновательная сплетня». Дѣло въ томъ, что директорія начала замѣчать двуличность его поведенія. Онъ такъ безцеремонно обращался съ правительствомъ, что даже не извѣстилъ его о своей конвенціи 19 мая 97 съ Піемонтомъ и, чтобы умиротворить Барраса, Ревбелля и Ларевейеръ-Лепо, онъ говоритъ имъ: «Этотъ король—ничтожество и это королевство непрочно».

Но со всѣмъ этимъ, какъ отставить Бонапарте послѣ такой кампаніи вопреки Карно и Летурнеру, которые вмѣстѣ съ обществомъ были въ восторгѣ отъ мира, каковъ бы онъ ни былъ? Большинство директоріи потерпѣло бы конечно пораженіе тѣмъ болѣе опасное, что наступало великое движеніе по случаю выборовъ. Братья Бонапарте, народъ дѣятельный, со своими журналистами восхищались, *оссіанизировали* по поводу неслыханнаго чуда—перехода чрезъ Альпы среди зимы, несмотря на великое возстаніе и тирольскія винтовки. «Его убьютъ увы!» говорили они: «вотъ для чего послали его въ эту страшную экспедицію». Жозефина плакала и общество увлеклось этимъ избитымъ романическимъ пріемомъ, увлеклось образомъ бѣднаго героя посылаемаго измѣнниками на

всевозможныя опасности. Позднѣе тоже говорилось объ Египтѣ, — куда директорія будто бы отправляла его, надѣясь на его погибель. Я самъ слышалъ эту сказку, повтерявшуюся еще во время моего дѣтства. Въ мартѣ очень легко пройти чрезъ Альпы и, за исключеніемъ высокихъ равнинъ Энгадина, восточныя Альпы покрыты скорѣе снѣгомъ чѣмъ льдами.

Бонапарте не переставалъ жаловаться; а однако его не только не покинули, но даже прислали ему подкрѣпленія изъ 15.000 человѣкъ отборнаго войска изъ рейнской арміи. Правда, что Венеція вооружала крестьянъ своихъ славянцевъ. Эти дикари, избивъ сто французовъ въ Веронѣ, напугали итальянцевъ и расположили ихъ въ пользу французовъ. Банапарте какъ всегда держался двусмысленно: съ одной стороны приказывая Кильмену не давать ни помощи, ни совѣтовъ итальянскимъ патріотамъ, съ другой—подсылая къ нимъ одного изъ своихъ офицеровъ, чтобы подстрекнуть ихъ къ возстанію, остроумнаго и хитраго Ландріе, отъ котораго онъ самъ въ скорости отрекся. Впрочемъ ни онъ, ни миролюбивая фракція директоріи не знали, что дѣлать. 1-го февраля онъ для того, чтобы удержать Мантую, еще предлагалъ уступить австрійцамъ Миланъ. Миланъ—городъ во всей Италіи наиболѣе преданный республикѣ! Позднѣе при Леобенѣ, когда Австрія обезсиленная, потерявшая въ одинъ годъ пять армій, внимала совѣту эрцгерцога Карла вступить въ переговоры, когда Массена *) предоставленный самому себѣ былъ уже почти въ виду Вѣны и только ждалъ приказанія двинуться впередъ, въ эту минуту Бонапарте подписываетъ миръ

*) Не безъ кавалеріи, какъ говорилъ Банапарте, но съ Дюма и Дельмасомъ—лучшими начальниками кавалеріи.

и съ непонятною поспѣшностью возвращаетъ Австріи пять уже отнятыхъ у нея провинцій.

Что дастъ ему Австрія въ замѣнъ? Ничего. Она затягиваетъ, откладываетъ утвержденіе договора. Какъ, онъ съ такимъ презрѣніемъ отзывавшійся объ итальянцахъ и Венеціи въ особенности, онъ до того пугается возстанія ихъ, что рѣшается на уступку всего, всѣхъ пяти альпійскихъ провинцій! Если бы рѣчь шла о человѣкѣ менѣе предпріимчивомъ, можно было бы сказать, что у него голова закружилась, что, видя волненіе необозримой толпы за собою, онъ вообразилъ себя окруженнымъ, запертымъ въ горахъ и потому бросилъ все вдругъ, даже безъ всякихъ гарантій. Ужели же онъ оказался такимъ легковѣрнымъ, такимъ податливымъ на обманъ? Это кажется невѣроятнымъ, невозможнымъ. Я думаю скорѣе, что желаніе его остановить Гоша, побѣдоносно шедшаго по Германіи, нѣсколько увлекло его и, что сверхъ того сильное роялистское движеніе при выборахъ, происходившихъ въ то время во Франціи и какъ бы отдававшихъ всю Францію этой партіи, сильно на него подѣйствовало. Одно вѣрно, и это вопросъ поставленный ему умѣренными и приписанный потомъ Карно: «Развѣ вы хотите притѣснить императора?» Жозефина, имѣвшая связи съ роялистами торжествовавшими тогда на выборахъ, должна была написать ему, что если онъ будетъ упорствовать въ намѣреніи взять Вѣну, то навсегда закроетъ себѣ Парижъ и поссорится со всѣми *честными* людьми. Въ эту эпоху сомнѣній, всѣ заглядывали въ будущее.

Моро при вступленіи въ Германію захватилъ австрійскій фургонъ, въ которомъ находились письма и сообщенія отъ измѣнника Пишегрю непріятелю. Моро велѣлъ разобрать ихъ Но кто то (вѣроятно жена его, бретонка и роялистка) ска

залъ ему, что будетъ не благородно, не по рыцарски выдать Пишегрю—своего стараго генерала. И тогда бумаги эти стали разбираться такъ медленно, что оказались вполнѣ безполезными. Бонапарте не менѣе его церемонился съ измѣной. Такъ схвативъ 1-го іюля Антрэга, довѣреннаго агента роялистовъ, котораго онъ по тогдашнимъ законамъ могъ разстрѣлять, онъ не отправилъ его въ Парижъ, а оставилъ его при себѣ. Онъ обращается съ нимъ прекрасно до того, что этотъ агентъ, партія котораго торжествовала тогда въ законодательномъ корпусѣ, становится дерзкимъ. Бонапарте не торопился выпытывать у него что либо и допрашивалъ его, вначалѣ о самомъ неважномъ, о составленныхъ тѣмъ запискахъ о Пруссіи *). Только въ іюлѣ, разсердившись на роялистовъ, онъ началъ нѣсколько притѣснять Антрега, обвинялъ его и выдалъ письмо написанное имъ къ одному изъ предводителей роялистовъ въ Парижѣ, Барбе Марбуа. Наконецъ, уже въ октябрѣ онъ передаетъ восторжествовавшей директоріи всѣ бумаги Антрега и дѣлаетъ это уже послѣ фруктидарской революціи, въ которую такъ удобно было бы воспользоваться ими. Медленность удивительная и такъ хорошо разсчитанная, что она похожа на измѣну. Онъ воображалъ себя очень сильнымъ, мечтая обмануть обѣ стороны. Но видимо было, что онъ склоняется вправо, къ людямъ прошлаго.

Директорія чрезъ органъ свой, Монитёръ упрекнула его за толентинскій трактатъ, которому Римъ обязанъ своимъ спасеніемъ. Въ дѣйствительности изъ за этого чисто денежнаго договора, и за нѣсколько милліоновъ Бонапарте уклонился отъ продажи церковныхъ земель **), которая одна могла внести революцію въ Италію. Въ корреспонденціи его

---

*) Переписка т. III, стр. 135.

**) Переписка 26 мая, 6—12 іюня 97 г.

видно изъ его писемъ къ поставщикамъ Галлеру и Колло, какъ робко онъ касался этого вопроса. Онъ рѣшится въ крайнемъ случаѣ продать нѣкоторыя церковныя земли, но для этого проситъ разрѣшенія у папы и, чтобы соблазнить его, обѣщаетъ ему часть выручки. Онъ очень удивился, когда за всѣ любезности его въ отношеніи реакціонной партіи, за содержаніе при себѣ въ Миланѣ опаснаго Антрега, хранителя тайнъ ея, эта самая партія возстала на него въ совѣтѣ пятисотъ по поводу Венеціи, въ лицѣ депутата Дюмолара. Онъ удивляется, негодуетъ, видя, что ретрограды, роялисты и австрійцы, обошли его и не чувствуютъ никакой благодарности за снисхожденіе его къ папѣ и императору. И гнѣвъ доводитъ его до забавнаго признанія. Онъ говоритъ, какъ то разъ, что говоримъ и мы—что въ Леобенѣ онъ спасъ Вѣну и австрійскую династію.

Г. Ланфре очень удачно резюмировалъ всѣ эти невѣроятныя колебанія съ марта и до октября 97-го года, весь этотъ торгъ государствами и народами. Карно предлагаетъ Венецію Австріи; съ другой стороны рождается комбинація требующая уступки Милана. Но только изъ переписки Бонапарте, отъ него самого можно узнать всѣ подробности коварства его. Не только онъ разрѣшаетъ нашимъ посланникамъ обязываться и обѣщать что угодно отъ его имени, но онъ самъ пишетъ къ венеціанамъ, какъ къ дружественному и союзному народу, покровительствуемому Франціей, чтобы выманить у нихъ корабли, посредствомъ которыхъ онъ захватилъ венеціанскіе острова въ Адріатическомъ морѣ. Мало по малу онъ овладѣваетъ всѣми средствами, какія доставлялъ портъ этотъ, даже строевымъ лѣсомъ. И въ то же время письма его въ Парижъ полны порицанія итальянцевъ, и для большаго эффекта онъ даже два раза влагалъ въ нихъ ма-

ленькіе венеціанскіе стилеты, которыми говорилъ онъ, совершены веронскія убійства. Чтобы встрѣтить въ исторіи подобное вѣроломство, нужно вернуться къ наставленіямъ Макіавели и къ злодѣйствамъ Цезаря Борджіа.

КНИГА ТРЕТІЯ.

Франція.

1796—1797, до фруктидора.

I.

О второй реакціи, приведшей къ фруктидору.

Начиная съ леобенскаго договора, выступаютъ несогласія въ директоріи, до тѣхъ поръ хорошо скрытыя, и начинается періодъ внутренней борьбы заканчивающейся фруктидоромъ. При Леобенѣ мы видимъ меньшинство директоріи, Карно и Летурнера, на сторонѣ Бонапарте и мира съ Австріею; противъ нихъ большинство—Баррасъ, Ревбелль, Ла Ревейлієръ—которое боролось сначала, потомъ неохотно уступило, видя противъ себѣ всѣхъ друзей мира, т. е. весь народъ, и наконецъ, партію роялистовъ, которая, заручившись этимъ договоромъ, побѣдоносно ринулась въ наступившіе за нимъ выборы. Въ продолженіи 80 лѣтъ роялисты безостановочно

являлись обвинителями республики. И бонапартисты, даже равнодушные и дѣльцы постоянно утверждали, что договоры при Чераско и Леобенѣ были два очень выгодныя дѣла т. е. всѣ они соглашались съ мнѣніемъ Бонапарте и Карно противъ большинства директоріи. Послѣдняя, сильно порицаемая, не защищалась. Ревбель ничего не написалъ, насколько мнѣ извѣстно. Баррасъ не писалъ ничего кромѣ нѣсколькихъ отрывочныхъ статей, которыя повѣрилъ другу своему Руселену де Сенъ-Альбену, составившему изъ нихъ «Записки Барраса». Эти записки, которыя, быть можетъ, послужатъ оправданіемъ многихъ поступковъ его, существуютъ до сихъ поръ, но ждутъ печати. И наконецъ, слава Богу, у насъ есть записки превосходныя и несомнѣнно правдивыя, оставленныя Ла Ревейльеромъ Лепо, лучшимъ и самымъ твердымъ республиканцамъ своего времени.

Онъ написалъ эти записки очень поздно, къ концу жизни и выказалъ въ нихъ непоколебимую и удивительную справедливость. Онъ нисколько не отрицаетъ великихъ достоинствъ Карно. Онъ говоритъ, что въ началѣ Карно давалъ мѣста наиболѣе твердымъ республиканцамъ. Онъ упрекаетъ его только въ слѣпомъ пристрастіи къ партіи, которая чуть не побѣдила въ 97 году и за которую, казалось, стояло большинство во Франціи. Что касается меня, то воспитанный въ глубокомъ уваженіи къ этимъ двумъ знаменитымъ именамъ Карно и Ла Ревейліера Лепо и сверхъ того, долго изучавшій для моей исторіи революціи записки, постепенно издаваемыя Карно, я и не подозрѣвалъ того, что было сущностью этого великаго спора. Яркимъ, хотя только прерывистымъ свѣтомъ освѣтился онъ для меня лишь послѣ изданія офиціальной переписки Бонапарте. Изъ писемъ его ясно

то, что признаетъ и самъ Карно, а именно *) что Бонапарте обязанъ своимъ счастіемъ и находился подъ покровительствомъ не столько Барраса, сколько Карно. Выходитъ, что въ знаменитыхъ договорахъ своихъ, которыми онъ облагодѣтельствовалъ Піемонтъ и Австрію, онъ пользовался въ директоріи поддержкою Карно, настоящаго диктатора по военнымъ дѣламъ, а слѣдовательно и по дипломатическимъ. Здѣсь, какъ и во всемъ, Карно, изъ великодушія, или по увлеченію дружбой или средой, покровительствовалъ людямъ прошедшаго, тѣмъ, которыхъ онъ считалъ слабыми и за преслѣдованіе которыхъ въ бытность свою членомъ комитета общественной безопасности, онъ горько упрекалъ себя.

Напримѣръ, законы наши противъ эмигрантовъ всегда были очень строги. И хотя Франція была полна возвратившимися эмигрантами, нѣкоторые изъ нихъ стали жертвами строгости законовъ этихъ. Многіе изъ нихъ, когда-то бѣжавшіе въ Кобленцъ, оставили его и поселились въ Туринѣ и Піемонтѣ, королевствѣ, которое путемъ браковъ было присоединено Бурбонами. Тетки Людовика XVI еще находились тамъ. Когда Бонапарте побѣдоносно подступилъ къ городу, произошла великая паника. Наслѣдникъ престола съ мольбою обратился къ Бонапарте. Нѣтъ сомнѣнія, что и въ Парижѣ высшее общество умоляло Карно не отнимать безжалостно послѣдняго убѣжища у эмигрантовъ. И семья Карно, конечно, не преминула попросить его о томъ же. Изъ писемъ Бонапарте, гдѣ онъ посылаетъ привѣтствія г-жѣ Карно, ясно видно, что она имѣла большое значеніе въ глазахъ мужа. Карно имѣлъ мягкую и страстную душу, и его вѣчно преслѣдовали тяжелыя воспоминанія столькихъ подписей, довѣр-

*) Отвѣтъ Байльелю.

чиво данныхъ имъ Робеспьеру и грозному комитету. И сверхъ того, братъ его Карно-Фёленъ и товарищъ Летурнеръ, оба инженерные офицеры, напоминали ему этотъ благородный классъ, часть котораго осталась во Франціи, а другая эмигрировала, напримѣръ Фелиппо, впослѣдствіи прославившійся при Ст.-Жанъ д'Акрѣ. Г-жа Карно, конечно, по добротѣ сердечной и признательности, могла не разъ напомнить ему, что дворяне, какъ напримѣръ, герцогъ Д'Омонъ, владѣлецъ родной его деревни, всегда покровительствовали его семьѣ и ему самому во время его школьной жизни и что дворянамъ же обязанъ онъ первыми шагами своими по пути почестей и счастія. Къ чему же было вмѣстѣ съ Туриномъ отнимать у эмигрантовъ послѣднее убѣжище ихъ? И въ военномъ отношеніи важно было отдѣлаться отъ одного врага, Піемонта, раньше, чѣмъ связаться съ другимъ, бо̀льшимъ — Австріею. И поэтому договоръ былъ одобренъ и обществомъ, и высшимъ свѣтомъ въ Парижѣ.

Мы видѣли уже, что въ арміи, руководившейся болѣе высокими побужденіями, многіе не одобряли его и желали, чтобы война, вѣрная своему началу, осталась крестовымъ походомъ свободы и революціи. Они надѣялись на Бонапарте, который въ прокламаціяхъ своихъ все обѣщалъ вести ихъ на Римъ. Эта непродолжительная и легкая экспедиція, столь удобная весною, совершилась бы, если бы дѣло при Лоди не помѣшало, какъ мы уже видѣли, раздѣлить войска и не отдало все начальство въ руки ловкаго генерала, ухитрившагося, вопреки большинству директоріи, спасти сначала Римъ, потомъ Вѣну, согласно желаніямъ реакціонной партіи, богомольныхъ женщинъ и чувствительныхъ мужей. И такъ, съ апрѣля 96 года, послѣ піемонтскаго договора, возникла новая реакція, о которой почти вовсе не говорятъ. Термидор-

ская реакція собственно кончилась вандемьеромъ, а теперь наступила другая.

Въ то время еще ясно сохранились страшныя, отвратительныя воспоминанія о преріальскихъ жакеріяхъ и почти совершенно изгладились другія, — воспоминанія о возстаніи вандемьерскихъ господъ—роялистовъ и биржевиковъ. Вооруженный бунтъ буржуазной молодежи и хорошо одѣтаго люда не вызвалъ сильнаго испуга. Они, побѣжденные даже, внушали еще нѣкоторое сочувствіе. Дѣло Киберона и нашихъ морскихъ офицеровъ, приведенныхъ англичанами и разстрѣлянныхъ нашими, оставило слишкомъ много сожалѣній. Вандемьерскіе бунтовщики воспользовались этимъ. Было сказано: «довольно убитыхъ» и розыски дѣлались очень вяло. Заподозрѣнные въ участіи смѣло прогуливались по улицамъ, собирались въ театрахъ. Бонапарте-побѣдитель заступился за Мену, такъ усердно щадившаго бунтовщиковъ. Больше того, онъ избралъ себѣ въ супруги роялистку — графиню Богарне.

Вандемьеръ не повредилъ роялистамъ. Ихъ всѣхъ, какъ и въ тѣ дни, когда они тѣснились на ступеняхъ церкви св. Роха, видѣли въ лицѣ симпатичнаго Лакретелля и другихъ молодыхъ дѣятелей биржи и періодической печати, легкомысленными, тщеславными, но вообще безвредными. И это снисходительное мнѣніе такъ привилось, что никто не хотѣлъ вѣрить правдивымъ разсказамъ Фрерона, который, отправившись послѣ вандемьера, по порученію конвента, въ Провансъ, собралъ тамъ столько доказательствъ злодѣйствъ и избіеній, совершенныхъ роялистами на югѣ.

II.

Мистическій порывъ реакціи. Св. Мартенъ. Спасеніе через женщинъ.

Партія роялистовъ, побѣжденная въ Вандеѣ и другихъ мѣстахъ, поправилась и усилилась, преимущественно благодаря слезамъ и трогательнымъ сценамъ. Въ этомъ и былъ весь секретъ этой плаксивой партіи. Производя страшнѣйшія насилія, она все-таки требовала состраданія и желала возбуждать сожалѣніе. Въ 95 году она оплакивала Людовика XVI и Марію-Антуанету, и наводнила Европу чувствительными картинками, изображавшими казнь. Затѣмъ оплакивался Киберонъ съ погибшими эмигрантами его; далѣе Шарретъ, портреты котораго повсюду продавались вмѣстѣ съ другими предметами, напоминавшими его. Одно надо замѣтить въ этомъ великомъ потопѣ слезъ, орошавшемъ старый порядокъ, а именно, что слезы эти отличались неопредѣленностью мотивовъ своихъ. Оплакивая заразъ весь старый строй, забыли, что пока онъ существовалъ, онъ таилъ въ себѣ большіе раздоры, массу враждебныхъ другъ другу элементовъ. Забыли о ненависти провинціальной аристократіи къ придворной, о ненависти послѣдней къ партіи парламентской. Эти самые морскіе офицеры, такъ горько оплакиваемые, нѣкогда своею дерзостью, нахальствомъ временщиковъ, въ Версалѣ и при королевѣ, болѣе чѣмъ кто-либо другой вызвали революцію.

Странное дѣло—революціонное настоящее казалось какою-то смѣсью несродныхъ частей, какъ куча развалинъ; а старый порядокъ, нѣсколько отошедшій назадъ, не вызывалъ въ памяти картины противорѣчій своихъ и непослѣдовательности своей; все это поблѣднѣло въ шесть лѣтъ и представлялось

гармоничнымъ цѣлымъ. Таково дѣйствіе времени. Оно любитъ украшать то, что уже не существуетъ. Прибавьте къ этому состраданіе и сожалѣніе о реальныхъ бѣдствіяхъ. Столько людей, бродящихъ по Европѣ и даже по Франціи, лишенныхъ защиты законовъ, погрязшихъ въ нуждѣ и просящихъ милостыню, въ рубищахъ у дверей прежнихъ замковъ своихъ. Естественно, это трогало. Франція-побѣдительница уже почти забыла, что эти самые люди призывали чужое оружіе, привели иностранныя войска, помогали имъ и яростно сражались противъ родины. Все равно: если они и были виноваты, семейства ихъ были невинны. Женщины и дѣти эмигрантовъ вызывали всеобщее участіе: красавицы новаго порядка, прелестныя подруги разбогатѣвшихъ послѣ революціи дѣятелей, имѣли доброе сердце и радовались возможности принимать и прощать эти семейства, кроткія и скромныя, которыя, казалось, все забыли. Онѣ удержали отъ прежнихъ временъ только хорошія манеры, утонченный языкъ, чуждавшійся грубыхъ неологизмовъ того времени, и оставались порядочными безъ гордости и льстивыми безъ раболѣпства. Обширнымъ умомъ этотъ классъ не отличался, за то обладалъ тѣмъ обаяніемъ цѣльности и законченности, которыхъ всегда недоставало новому обществу и которыя отсутствіемъ диссонансовъ приглашали отдохнуть послѣ предшествовавшаго хаоса.

Прибавьте новую, едва открывавшуюся арену — церковь, на половину открытую и оттого уже полную таинственнаго обаянія. Тѣмъ, кто думаетъ, что Бонапарте первый возвратилъ храмы богослуженію, Грегуаръ возразилъ и доказалъ цифрами, что въ 1800 г. ихъ было открыто уже 40.000. Революція, кромѣ тяжелаго года 95, никогда вполнѣ не запирала ихъ. А послѣ ноября и праздниковъ разума, Робеспьеръ, гильотинировавшій коммуну и апостоловъ новой ре-

лигіи, не возстановляя старой, принялъ ее какъ бы подъ безмолвное покровительство свое. Около времени празднества въ честь Высшаго Существа, католическія церкви стали открываться изподтишка и даже не очень изподтишка. Въ храмѣ Сенъ-Андре Дезаръ и св. Якова обѣдню пѣли громко, такъ громко, что г. Дону, сидѣвшій тогда въ тюрьмѣ, слышалъ и могъ слѣдить за обѣдней изъ довольно отдаленной отъ этихъ церквей темницы, въ Портъ-Ліежѣ или Портъ-Роялѣ, теперешней Матерните. Это готическое пѣніе, вызывавшее столько воспоминаній о дѣтствѣ и семьѣ, о времени тѣмъ болѣе дорогомъ, что оно казалось навсегда исчезнувшимъ, не вызвало ли отголоска въ литературѣ? Ничто въ то время не давало права предположить это. Де-Мэстръ еще не напечаталъ своихъ варварскихъ теорій и это къ счастью для его партіи, не то онъ испортилъ бы все. Шатобріанъ, полный смѣлыхъ и подчасъ смѣшныхъ противорѣчій, разсмѣшилъ бы всѣхъ. Набожному міру, для того, чтобы дать ему рѣшительный толчекъ, нужно было что-нибудь оригинальное—большая рѣдкость въ партіи прошлаго—что-нибудь способное понравиться революціи, еще могучей, съ которой надо было считаться, что-нибудь мягкое, какъ тихое пѣніе, о чемъ можно было бы сказать: «я слышу и не слышу». Всѣмъ этимъ условіямъ отвѣчало анонимное сочиненіе, напечатанное въ Ліонѣ и написанное въ Страсбургѣ — «L'homme du desir»—«Человѣкъ желанія». Эта книга появилась въ 1790 г и, въ продолженіи шести лѣтъ, затерялась въ буряхъ революціоннаго движенія. Авторъ изъ дворянъ, старый офицеръ лѣтъ 50, поступилъ ученикомъ въ большую нормальную школу, открытую въ концѣ 1794 г. Въ этой школѣ 1.200 человѣкъ, большею частью вполнѣ взрослыхъ, принялись учиться, чтобы стать, въ свою очередь, учителями. Они могли требовать объ

ясненій у профессоровъ, могли даже возражать имъ. Къ несчастью, имѣли неосторожность поручить каѳедру философіи слабому и нерѣшительному Гара, т.-е. защиту свободнаго разума и начала свободы, такъ сказать, самый мечъ революціи, слабой рукѣ, хуже, рукѣ существа, которое было менѣе, нежели женщина — рукѣ евнуха. Сенъ-Мартенъ съ ловкою и непоколебимою кротостью въ спорѣ съ Гара опирается на XVIII вѣкъ, на Руссо. Онъ ссылается, во-первыхъ, на нравственное чувство, признанное Руссо въ спорѣ съ Гельвеціемъ. Потомъ, вдругъ, онъ ставитъ тезисъ мистическій, библейскій и прочее, впослѣдствіи усвоенный де-Бональдомъ: «Чтобы создать первый языкъ—языкъ долженъ былъ уже существовать». Онъ не прибавляетъ языкъ, установленный Богомъ или внушенный Имъ. Но позднѣе въ брошюрѣ, гдѣ онъ упоминаетъ объ этомъ спорѣ, онъ напоминаетъ Гара, что его учитель Бэконъ признавалъ источникомъ знанія не только свободу, но и откровеніе.

Слово сказано, скачекъ черезъ пропасть сдѣланъ. Этотъ мнимый ученикъ, вступивъ въ школу свободнаго разума, снимаетъ личину и называетъ идею, которой онъ служитъ, откровеніемъ. Книга «Человѣкъ желанія» была написана въ Страсбургѣ для очень набожной женщины, у которой Сенъ-Мартенъ прожилъ всего одинъ мѣсяцъ. Извѣстіе о болѣзни отца его въ Амбуазѣ разлучило ихъ и онъ уѣхалъ. Даже послѣ смерти отца онъ ни разу не встрѣчался съ этой женщиной; такъ что онъ неприкосновенно сохранилъ вдохновеніе полученное отъ нея и не запутался въ нѣмецкомъ мистицизмѣ. Онъ остался, по своему, французомъ и революціонеромъ, человѣкомъ желанія. Онъ энергично отрицаетъ ангеловъ и видѣнія Сведенборга, его три чувства—аллегорическое, символическое и прочее. Онъ говоритъ; «Не будемъ убѣждать человѣка: вѣрьте

намъ. Скажемъ — вѣрьте себѣ» *). Онъ какъ будто и христіанинъ, потому что признаетъ паденіе человѣка и необходимость для него подняться. Но для этого онъ не указываетъ ни на библію, ни на чудеса, для этого достаточно одной только *души* **). Онъ самоувѣренно прибавляетъ: «Вы не только совершите то же, что совершилъ Искупитель, но даже большее: Ибо Онъ дѣйствовалъ только Своею силою, но съ тѣхъ поръ, какъ Онъ вознесся къ Отцу, вы можете дѣйствовать и Его силою и силою Духа (Св. Духа)». Онъ признаетъ три эпохи, три закона, изъ которыхъ третій и будетъ величайшимъ (это ученіе Іоахима Флора 1200 года) ***).

Въ своихъ «Размышленіяхъ о революціи 1796 года» онъ стоитъ за революцію и, въ особенности, стоитъ противъ духовенства. Провидѣніе, несомнѣнно, руководитъ революціею, которая достигнетъ своей цѣли. Не возвращены ли угнетеннымъ права, несправедливо отъ нихъ отнятыя? Настоящая эпоха — это судороги, въ которыхъ умираютъ всѣ человѣческія силы, изнемогающія въ напрасной борьбѣ съ новою, естественною и живою силою. Это священная война, хотя слово религія не встрѣчается у него. Назначеніе человѣка — быть молитвою земли. Онъ долженъ содѣйствовать Богу, присоединяясь къ Его творческой дѣятельности. Его лучшее право — представить все земное страданіе предъ очи вѣчной Премудрости ****), непорочные взоры которой не примѣтили бы его, тронуть сердце этого Провидѣнія и выпросить у него возрождающій бальзамъ. Что значитъ, другими словами: Богъ слишкомъ чистъ, чтобы видѣть наши позор-

---

*) «Человѣкъ желанія», гл. CLXXXVII, стр. 267.
**) «Размышленія», стр. 11.
***) «Человѣкъ желанія», гл. CXLVII, стр. 219.
****) «Человѣкъ желанія», глава LXXXIX.

ныя раны и исцѣлять ихъ. Нужно, чтобы человѣкъ помогъ Ему. Богъ страдаетъ, если человѣкъ не работаетъ вмѣстѣ съ Нимъ. «Мы можемъ сдѣлать, чтобы пребываніе въ могилѣ было не такъ горько для Спасителя». И кто же, въ особенности, можетъ открыть Ему выходъ изъ этой могилы? Женщина, преимущественно женщина. Она постоянно рождаетъ какъ бы втораго Христа, который содѣйствуетъ возрожденію. Нѣжная душа Сенъ-Мартена далеко уводитъ его по этому странному пути. Уже не человѣкъ молитъ Бога, а Богъ молитъ человѣка впустить его въ себя. Онъ обращается къ Богу съ слѣдующими словами: «Ты молишь доступа въ человѣческое сердце, какъ будто Ты нуждаешься въ немъ».

Эти оригинальныя сочиненія, кроткія и смѣлыя въ одно и то же время, благочестивыя и революціонныя, ставящія такъ высоко дѣятельность и силу человѣка, представляющія Самого Бога нуждающемся для дѣла спасенія въ человѣческой помощи, а человѣка сотрудникомъ Бога,—это ученіе, говорю я, примирившее мистицизмъ съ смѣлымъ пареніемъ духа XVIII столѣтія, отличалось живою своеобразностью, какой не встрѣчаемъ мы ни въ одномъ изъ соотвѣтствующихъ ученій среднихъ вѣковъ. Поразительная идея Бога, нуждающагося въ человѣческомъ сердцѣ, вымаливающаго доступъ къ Нему, этой высокой молитвы неба къ землѣ, молитвы о томъ, чтобы земля дала небу возможность спасти ее, все это было слишкомъ высоко и отвлеченно, чтобы сдѣлаться популярнымъ. Но была одна черта, способная понравиться, глубокая черта, въ которой Сенъ-Мартенъ сходился съ тенденціями времени и сочувствовалъ имъ. Это человѣческое сердце, куда Богъ стремится проникнуть, есть преимущественно сердце женщины. Она, рождая человѣка, ставитъ его на путь возрож-

денія. Вотъ почему острыя боли смѣняются у нея тогда чистѣйшею радостью *).

И такъ въ каждой женщинѣ проявляется великое христіанское таинство. Мужчина, прямо говоритъ онъ, привязываетъ человѣка къ стезѣ грѣха, женщина же удаляетъ его отъ этого пути; значитъ она — настоящій Спаситель. Къ этому заключенію, логически должно было придти христіанское ученіе, въ которомъ Марія замѣняетъ Іисуса, гдѣ человѣкъ изчезаетъ и послѣднимъ таинствомъ является небесный союзъ женщины съ Богомъ. Это пареніе слишкомъ подчеркивало женскій элементъ и изъ за него выглядывало что то скабрезное. Прекрасныя произведенія С. Мартена перепечатывались очень слабо. Это не были книги для чтенія, а скорѣе собраніе текстовъ для благочестивыхъ бесѣдъ, текстовъ, надъ которыми два растроганныя сердца могли задумываться и умиляться въ двоемъ. Это скрытое и проникающее вліяніе почти незамѣченное (въ то время какъ грубыя и кричащія сочиненія де-Мэстра всюду расхваливались), было тѣмъ глубже; Такъ жидкость, просачиваясь эндосмосомъ, проникаетъ сквозь самыя плотныя и густыя оболочки, которыя заимствуютъ вліяніе ея, но по сущности чужды ея. И все это съ кротостію и въ глубокомъ молчаніи. Люди ожесточенные, гнѣвные уразумѣли евангельское слово «Блаженны кроткіе, ибо они наслѣдуютъ землю». Вотъ какъ работала ловкая и осторожная традиція. Не громко и ни для кого не замѣтно, безъ шума и не вы-

*) Мущина, когда ты создаешь оболочку своего потомства, ты связываешь человѣка съ человѣкомъ грѣха. Оттого-то и воспоминанія для тебя горьки и остается одна пустота. Женщина, когда ты производишь на свѣтъ сына, ты ведешь его по пути возрожденія. Вотъ почему острыя боли твои смѣняются чистѣйшею радостью. Человѣкъ, ты плачешь, вступая въ жизнь, потому что возрожденіе невозможно безъ искупленія («Человѣкъ желанія», гл. CLV, стр. 249).

ступая изъ своего молчаливаго кружка, новая набожность распространялось какъ пятно елея.

Революціонный характеръ, которымъ С. Мартенъ облекаетъ многія новыя начала, сталъ паспортомъ, посредствомъ котораго нѣжныя, ловкія и страстныя женщины примиряли мужчинъ съ христіанскимъ ученіемъ и заводили о немъ разговоръ; какъ только мужчины тѣхъ временъ изумлялись и негодовали, онѣ принимались ласкаться, смягчать выраженія, оправдываться старыми привычками дѣтства, семейныхъ нравовъ, воспитанія. И тогда мужи умолкали, боясь огорчить женщинъ. Для такой высокой и священной цѣли онѣ не боялись ничего, онѣ рисковали всѣмъ, отъискивали пути къ министрамъ, даже къ Люксембургу. Нѣкоторыя, по рекомендаціи друзей своихъ, поставщиковъ или банкировъ, осмѣливались для дѣлъ милосердія и человѣколюбія показываться къ Баррасу, гдѣ Таленъ и Жозефина ласково выслушивали ихъ. Ревбелль былъ угрюмъ, Ла-Ревейльеръ непоколебимъ въ своемъ философизмѣ. Доступнѣе всѣхъ былъ Карно. За то-же и толпились онѣ вокругъ него, тѣмъ болѣе, что директорамъ поручена была щекотливая миссія вычеркиванія изъ списка эмигрантовъ.

Такимъ образомъ государственные люди, которымъ слѣдовало заниматься исключительно общественными интересами, очутились заваленными, оглушенными личными дѣлами, трогательными жалобами матерей, женъ и дочерей; они находились въ постоянныхъ сношеніяхъ съ этими интересными личностями. Онѣ являлись умолять и клясться въ гражданской благонадежности эмигрантовъ. Атмосфера стараго порядка окутала директорію. Прежде управлявшіе классы являлись здѣсь съ лучшей стороны своей, — человѣколюбія и семейныхъ добродѣтелей.

III.

Садъ Женевьевы и теорія равныхъ 1796.

Я зналъ многихъ людей жалѣвшихъ о времени директоріи и не ради веселой жизни, свойственной и другимъ временамъ, а ради одного обстоятельства, присущаго одному времени этому — удивительной чуткости къ добру, ко злу, особеннаго обаянія жизни, трепещущей такъ многими впечатлѣніями вызванными изъ самой глубины, проникающими въ тайныя бездны души, въ которыя ни одинъ вѣкъ не проникалъ еще. Нельзя сказать, чтобы все это отражалось въ литературѣ, но оно тѣмъ живѣе возникало и электризовало современную страстно напряженную жизнь.

За то великіе художники съумѣли въ трогательныхъ чертахъ отмѣтить переходъ отъ одного вѣка къ другому. Грёзъ и Прюдонъ съ удивительною точностію схватили характеръ нервнаго изнеможенія угасающаго столѣтія и нѣжной улыбки зарождающагося — улыбки такъ скоро изглаженной слезами. Грезъ, цѣлую жизнь мученикъ бѣдности и изолгавшейся среды, изобразилъ это не въ большихъ картинахъ, а въ эскизахъ въ симпатичныхъ портретахъ дѣтей, дѣвушекъ изъ народа. Онъ показываетъ намъ состояніе такъ часто изнеможенное, болѣзненное, къ которому жертвы голода или обреченныя рокомъ жертвы порока приходили тамъ, неся въ себѣ необъяснимое очарованіе, какое несутъ преждевременно увядшіе цвѣты, имѣющіе часто ту странную, волшебную силу близкой смерти—силу, какой жизнь никогда не могла имѣть. Грезъ былъ такъ несомнѣнно жертвою стараго строя, что онъ спокойно и въ полной безопасности пережилъ время террора.

Ему минуло восемдесятъ лѣтъ, но онъ дожилъ до рожденія свѣтлаго духа оживившаго начало новаго вѣка.

Прюдонъ, землякъ Грёза и сынъ живописной Саоны воспитанный въ Ліонѣ бѣднякъ, какъ и Грезъ, отказался сдѣлаться итальянцемъ и искать счастія въ Римѣ подъ покровительствомъ Кановы. Онъ во чтобы то ни стало хотѣлъ остаться французомъ и нашелъ свой идеалъ—красоту въ движеніи. Возвратясь во Францію, онъ умиралъ съ голода, когда благодаря Бернардину Сенъ-Пьеру и гг. Дидо, ему заказали прелестныя картинки: Искуства любить и Дафниса и Хлои, а потомъ и народную картину имѣвшую великое значеніе *). Минерва—вѣчный разумъ занимаетъ задній планъ картины и подъ ея мощнымъ взоромъ соединяются три фигуры, три начала—свобода, равенство, братство. Свобода мощная и мрачная, въ латахъ занимаетъ средину. По лѣвую руку ея молодая прелестная женщина, повидимому, мать, съ роскошной волнующейся грудью,—это братство чреватое любовію и благомъ. Справа—въ этомъ и сказался геній—образъ равенства: подходитъ робкая, бѣдная дочь народа, тщедушная, плохо вскормленная; но она такъ изящна и трогательна, что при видѣ ея всѣ умиляются. Она приближается, проситъ—чего? Всѣ сердца рвутся ей на встрѣчу и отвѣтятъ: «все чего ты ни пожелаешь уже исполнено». Чего же хочетъ она, это простодушное дитя? Повидимому, она хочетъ быть принятой усыновленной. Боже мой кто же не сдѣлаетъ этого? Кто не откроетъ сиротѣ сердца и объятій? По отношенію къ ней эгоизмъ невозможенъ. Нѣтъ болѣе ни богатыхъ, ни бѣдныхъ. Всѣ готовы дѣлиться. Ей хочется подняться, малюткѣ, но и всѣ этого желаютъ. Божественный лучь любви, благости и вѣры! Чувствуется близкая связь между любовію и состраданіемъ.

*) Календарь III года. Національная библіотека. Генингъ 95—96.

Прюдонъ сто разъ воспроизводилъ эту прелестную тему подъ разными именами, но всегда съ тѣмъ же выраженіемъ, съ тѣмъ же смысломъ. Не объясняя того, быть можетъ, не отдавая себѣ самому отчета, онъ указываетъ имя, которое можно дать вѣку, чтобы выразить наиболѣе общую идею его: «*желаніе равенства, стремленіе къ равенству*.

Идеи эти должны были явиться отовсюду. Очень вѣроятно, что прежде всего онѣ явились въ Ліонѣ, въ школѣ Прюдона и Грёза. Ліонъ — центръ производства предметовъ роскоши, родъ промышленности, который, какъ я сказалъ уже, пришелъ въ упадокъ, гораздо ранѣе 89 года, когда мода и королева предпочли произведеніямъ Ліона кружева и нѣжныя ткани Фландріи и Мехельна; такимъ образомъ надъ Ліономъ внезапно обрушился кризисъ. Его промышленность, не мануфактурная, но домашняя, своимъ несчастіемъ возбудила сильное сочувствіе, которое очень легко перешло въ революціонное бѣшенство. Отсюда явился Шалье, итальянецъ, житель Піемонта, неистовый въ своей чувствительности.

Онъ былъ торговцемъ. Другіе торговцы богаче его, между прочими, Бертранъ, меръ Ліона, начали мечтать въ то время объ общемъ равенствѣ; мечтанія ихъ, быть можетъ, таились еще, какъ мистическій зародышъ, въ ученіи вальденцевъ, бѣдняковъ города Ліона. Теорія ихъ была—*раздѣлить все*.

Прогнанный роялистами, Бертранъ отправился въ Парижъ, гдѣ встрѣтилъ Шометта, прокурора коммуны и сослуживца его, Бабёфа. Идеи ихъ, довольно умѣренныя, останавливались пока (см. 1 кн. Бабёфа, печ. 89 г.) на раздѣлѣ общественныхъ и національныхъ имуществъ, которыя предполагали отдать рабочимъ. Даже послѣ смерти Шометта, Бабефъ не идетъ далѣе и объявляетъ себя защитникомъ собственности. Въ январѣ 95 года отъ требуетъ отъ конвента только исполненіе

того, что было постановлено конвентомъ самимъ: на сколько это позволяютъ національныя имущества, дать землю солдатамъ, возвратившимся съ войны, помощь изувѣченнымъ работою, неимущимъ. Весьма вѣроятно, что онъ расширилъ свой горизонтъ въ темницѣ Плесси, въ улицѣ С. Жакъ, гдѣ онъ былъ заключенъ съ ліонцемъ Бертраномъ и многими патріотами; тамъ онъ проникся великою грезою всеобщаго раздѣла.

Я уже говорилъ въ другомъ мѣстѣ, что нигдѣ не живутъ и не бродятъ такъ сильно идеалы свободы, какъ въ темницѣ. Въ маленькомъ саду темницы заключенные воздвигли алтарь свободѣ. Въ темницахъ владычествуютъ мечты этихъ заключенныхъ. Ихъ было двѣ: 1) искорененіе господствующей религіи. Мечта Сенъ-Симона и Томаса Пайна («Вѣкъ разума»). 2) Нарожденіе новаго міра болѣе свободнаго (Томасъ Пайна «Аграрная справедливость»). Не всѣ впрочемъ ограничивались умѣренными требованіями Пайна. Чѣмъ болѣе гнели ихъ несчастія и давили тюремныя стѣны, тѣмъ болѣе давали они свободный полетъ, безграничный просторъ мечтамъ своимъ, всему, что можно обнять вздохомъ о *раѣ равныхъ* на землѣ. Этотъ страстный стонъ за народъ, за работника, за то, чтобы онъ наконецъ могъ до сыта пить и ѣсть, явленіе не новое; Гусситы уже XIV столѣтіи прекрасно выразили его словами: «Чаша народу». Онъ же вдохновлялъ гуманитарныя и такъ чудвищно преувеличенныя фантазіи Рабле и Фурье, исполинскую жадность ихъ ради голодающей массы. Экономисты, въ своей религіи земли и земледѣлія, не имѣли въ виду ничего другаго. И даже Тюрго въ знаменитой своей рѣчи о трудѣ, *какъ первой собственности и главной святынѣ*, недалеко отошелъ отъ Томаса Пайна.

Мистицизмъ равенства, о которомъ мечтали въ тюрьмахъ около 95 года, когда самые богатые мечтали о раздѣлѣ, явился

какъ лучь солнца во мракѣ. Молодые энтузіасты охотно приняли его, какъ напримѣръ мувыкантъ Буанороти, внукъ Микель-Анжелло. Имъ же увлеклись религіозныя души, напримѣръ теофилантропы, секта которыхъ въ то время получила свое начало. Даже философъ, какъ напримѣръ добрый Сильванъ Марешаль, который считалъ себя за атеиста, видѣли какъ бы божественный свѣтъ въ проповѣди о всеобщемъ счастіи.

Все приняло новую силу, когда тюрьмы открылись и патріоты всѣхъ оттѣнковъ, клубы которыхъ были закрыты (между прочимъ клубъ Пантеона), собрались весною 96 года въ заброшенномъ садѣ при самой таинственной обстановкѣ.

Это былъ садъ аббатства св. Женевьевы у стѣнъ Филиппа Августа, построенныхъ въ 1200 году близь башни Клодвига, гдѣ до сихъ поръ видно то мѣсто, на которомъ стояла каѳедра Абеляра. Здѣсь, въ этомъ странномъ мѣстѣ, которое, по непонятной случайности, сдѣлалось колыбелью самыхъ великихъ революцій, ученики Робеспьера, Шометтъ и комуны, скажемъ лучше—Бабефъ и Дюплэ—до сихъ поръ раздѣленные, сблизились и подали другъ другу руку.

IV.

Союзъ уравнителей и террористовъ, Арестъ 10-го мая. Казнь въ Гренеллѣ.

Я уже говорилъ въ другомъ мѣстѣ на сколько обѣ великія школы революціи: школы якобинцевъ и Робеспьера, школы Шометта и комуны, были ненавистны другъ другу (въ 93 году), до тѣхъ поръ пока Робеспьеръ, гильотинируя Шометта въ 94 году, не утвердилъ въ Парижѣ коммуну чисто якобинскую.

Я говорилъ, какъ въ 90 году образовалась партія якобинцевъ (или друзей конституціи) на чисто буржуазныхъ началахъ и показалъ первый типъ такого буржуазнаго собранія въ Руанѣ. Партія эта, строгая по виду, постоянно старалась сохранить внѣшнія приличія, декорумъ, за которымъ отнюдь не гонялись собранія (доступныя низшимъ классамъ народа), сплотившіяся вокругъ коммуны и прокурора ея, Шометта. Якобинцы часто измѣняли своимъ формамъ приличія, однако за исключеніемъ своего главы—Робеспьера, одежда и внѣшній видъ котораго нѣсколько напоминали чопорный типъ буржуазіи 89 года.

Тоже было и въ отношеніи религіи. Робеспьеръ, въ своемъ культѣ высшаго существа, строго придерживался Руссо и савоярскаго викарія и вслѣдствіе этого пытался провесть въ революцію нѣчто христіанское. Напротивъ того партія Шометта, его товарища Бабефа и партія коммуны старались въ ноябрѣ 93 года основать культъ разума. Въ клубѣ Кордильеровъ (у Дантона и Демулена) господствуетъ тоже удаленіе отъ христіанства съ тою разницею, что здѣсь противупоставляли ему не столько разумъ, сколько природу. Здѣсь преобладалъ Дидро на столько же на сколько у якобинцевъ преобладалъ Руссо. Робеспьеръ болѣе всего боялся соединенія этихъ двухъ различныхъ партій—умѣренныхъ (Дантонъ, Демуленъ, Фелиппо) и партіи коммуны (Шометта и Бабёфа). Весною 94 года онъ поразилъ и ту и другую. Однако онѣ соединились именно послѣ смерти своихъ главныхъ представителей. Бабёфъ, ученикъ Шометта (въ своей книгѣ о Карье), врагъ Робеспьера возбуждаетъ противъ него умѣренныхъ (Фелиппо, друга Дантона, Демулена). Такимъ образомъ въ 94 и даже, быть можетъ, въ 95 году, Бабефъ и шометисты оставались врагами Робеспьера и партіи якобинцевъ.

Очень можетъ быть, что они остались бы врагами, еслибы директорія не сдѣлала оплошности соединить ихъ въ одной темницѣ. Темпераментъ ихъ былъ иной. Коммунисты, послѣдователи Шометта и Бабефа, великодушные граждане Ліона—Шалье, Бертранъ, апостолы великой мечты абсолютнаго равенства и всеобщаго раздѣла были очень далеки отъ узкихъ чисто гражданскихъ стремленій робеспьеристовъ или якобинцевъ, для которыхъ политическимъ евангеліемъ служитъ общественный договоръ и конституція 93 года, правительство террора. Робеспьеръ, разумнѣйшій между своими, только предложилъ эту конституцію (идеалъ будущаго), но постоянно откладывалъ осуществленіе ея, думая не безъ основанія, что конституція призывавшая къ подачѣ толосовъ такую массу крестьянъ (не собственниковъ, а батраковъ) очень легко могла передать силу въ руки роялистовъ и уничтожить республику. Поэтому послѣ конвента новое собраніе, состоявшее изъ двухъ третей того же конвента, раздѣляя опасенія Робеспьера, постановило смертный приговоръ всякому, кто предложитъ королевскую власть или введеніе конституціи 93 года, которая путемъ сельской демагогіи привела бы къ той же королевской власти.

Нельзя хорошенько понять почему робеспьеристы, позабывъ благоразуміе Робеспьера, желали введеніе этой конституціи (т. е. желали всеобщей подачи голосовъ, милліоновъ крестьянъ роялистовъ, католиковъ, управляемыхъ духовенствомъ, которые безъ сомнѣнія подали бы голоса противъ нихъ). Сбитые съ толку своимъ фанатизмомъ и воодушевленные поклоненіемъ своему идеалу, якобинцы желали испробовать великое средство—призвать къ подачѣ голоса своихъ враговъ т. е. дать имъ въ руки ножъ противъ республики со словами:

Франція ваша мать даетъ вамъ орудіе смерти, можете ли вы употребить его противъ нее самой?

Великая поэзія, но вполнѣ безумная! Она проникла въ сердцѣ Бабефа. Онъ не сомнѣвался въ томъ, что эти крестьяне, которыхъ республика надѣляла землею, внезапно превратятся въ убѣжденныхъ людей и прекрасныхъ республиканцевъ. Ему казалось, что собственность, которая въ то время продавалась за безцѣнокъ, легко улетучивалась, раздѣлялась, снова продавалась биржевыми игроками, теперь какъ бы перестала существовать и служила только для случайной спекуляціи и биржевой игры *).

Государство, говорилъ онъ, должно было вмѣшаться и прекратить эту игру, раздавъ земли Франціи крестьянамъ, которые защищали ее. Но какимъ образомъ государство могло совершить эту революцію, не прибѣгая къ средствамъ террора? Отсюда торжество робеспьеристовъ. Они заставили Бабефа, бывшаго до сихъ поръ врагомъ кровавыхъ мѣръ, сознаться, что Робеспьеръ былъ правъ въ своихъ суровыхъ мѣрахъ противъ умѣренныхъ и послѣдователей неопредѣленной

*) Возьмемъ какъ отвратительное уподобленіе, но которое хорошо уяснитъ мысль нашу, тотъ случай, когда подъ тропиками умираетъ большое животное, напримѣръ слонъ. Вскорѣ имъ овладѣваетъ черные легіоны муравьевъ и другихъ насѣкомыхъ, разъѣдаютъ его и дѣлаютъ эту огромную массу доступною общему круговращенію вещества. Именно это и совершилось въ то время. Откармливая насѣкомыхъ, масса тѣмъ не менѣе переходитъ тоже въ воздухъ и въ землю—стихіи, которыя сдѣлаютъ ее полезною.

Не смотря на то, что собственность, при подобной операціи разложенія и перемѣщенія, доставалась въ не маломъ количествѣ разнымъ насѣкомымъ, я хочу сказать, разнымъ спекуляторамъ, все же надо признать, что значительная доля ея попала въ полезныя руки крестьянскихъ семей, которыя имѣли на землю двойное право: во первыхъ, защищая ее противъ враговъ, онѣ купили ее цѣною крови, во вторыхъ—громаднымъ, послѣдовательнымъ трудомъ они избавили ее отъ того состоянія безплодія, въ которомъ оставили ее крупные собственники и въ какое обратили ее своимъ нерадѣніемъ мелкопомѣстные дворяне.

филантропія Шометта. Въ своемъ дикомъ увлеченіи подобною логикою, Бабёфъ позволилъ довести себя до того, что хвалилъ своего врага, Робеспьера, отрекся отъ своего учителя Шометта и призналъ, что смерть послѣдняго была справедлива. Этотъ моментъ, былъ какъ бы моментомъ паденія его, надъ нимъ обрушился ударъ. Онъ былъ арестованъ какъ сообщникъ террористовъ, замѣшанный въ ихъ заговорахъ. Въ этихъ тюрьмахъ онъ содержался вмѣстѣ съ ними. Онъ познакомился съ Дюпле и съ другими, онъ увидѣлъ въ нихъ прекрасныхъ гражданъ. Въ Арассѣ онъ увидѣлъ нѣкоего Жермена, молодого офицера двадцати двухъ лѣтъ, исполненнаго ума, таланта и краснорѣчія. Въ Парижѣ во время одного изъ побѣговъ его, патріотъ Дарте спряталъ его въ покинутой церкви Успенія; Дарте былъ храбрый и безжалостный товарищъ Лебона; посланные на сѣверъ оба пролили потоки крови, но остановили происки роялистовъ, помѣшали ихъ соглашенію съ Австріею и, быть можетъ, спасли этимъ Францію.

Собраніе сада Женевьевы—это смѣшеніе коммунистовъ и террористовъ было накрыто 10 мая 96 г. въ самый день битвы при Лоди. Хорошая вѣсть для Бонапарта, который, по собственному признанію, съ этого времени уже сталъ злоумышлять противъ директоріи, разсуждая, что паника, возбуждаемая такими вещами рано или поздно могла бросить Францію въ руки военной партіи. Министерство полиціи было только что создано. Эта юная полиція подобно всѣмъ полиціямъ была въ восторгѣ, что для начала ей удалось такое важное открытіе, такой поразительный фактъ, который заставило воскликнуть: «что сталось бы съ Парижемъ и Франціею, если бы полиція не стояла бы на стражѣ».

Никто не спорилъ; всѣ повѣрили. Парижъ былъ на столько потрясенъ, что помнилъ это событіе еще десять лѣтъ спустя,

когда я былъ ребенкомъ. Боялись, что можетъ повториться ужасный преріаль, новое столпотвореніе вавилонское. Всякому казалось, что онъ видитъ у ногъ своихъ бездну. Въ тотъ моментъ, когда законъ создавалъ мильоны собственниковъ, казалось бы, что собственность могла считать себя безопасною. Случилось совершенно обратное. Эти новые собственники, большинство которыхъ еще вчера были якобинцами, испугались болѣе другихъ и прилѣпились сердцемъ и руками къ своей новой собственности. И въ ужасномъ страхѣ своемъ передъ теоріею раздѣла, которую приписывали Бабёфу, они твердо стали на сторону правительства.

Бабёфъ, внезапно всѣми покинутый, одинокій, сталъ предметомъ ужаса, хотя бояться его было уже нечего.

Какъ Парижъ всего въ 50 лье отъ Вандеи не приходилъ въ содроганіе отъ потоковъ крови, отъ страшныхъ битвъ? Какъ слишкомъ правдивые разсказы Фрерона — эти ужасные протоколы преступленій роялистовъ на югѣ произвели такое слабое впечатлѣніе? А эта паника передъ Бабёфомъ, передъ призракомъ неосуществимаго дѣлежа, вызвала всеобщій ужасъ, заставила всѣхъ трепетать!

Когда полиція была учреждена, то начальство надъ нею ввѣрили сперва Мерлину, знаменитому юристъ-консульту конвента. Но вскорѣ членамъ директоріи было представлено, что полиція врученная ненавистнымъ рукамъ тѣхъ, кто подписывался подъ закономъ о подозрительныхъ лицахъ, имѣла бы слишкомъ видъ орудія тираніи. Карно представили маленькаго человѣчка очень мягкаго и тонкаго (не смотря на грубое шутовское имя (Cochon de l'Apparent). *) Этотъ человѣкъ имѣлъ достойную репутацію умѣреннаго; но эта умѣренность

*) Въ буквальномъ переводѣ: свинья изъ видимости.

сильно склонялась на право, на сторону роялистовъ, такъ что когда партія эта почти одержала побѣду въ фруктидорѣ и думала перемѣнить министровъ, то она навѣрное удержала бы Кошона. Назначеніе его главою полиціи, на постъ такой великой отвѣтственности, придало бодрости роялистамъ.

Въ одинъ прекрасный день военный, по имени Гризель, сообщаетъ полиціи, что онъ желаетъ открыть важную тайну. Кошонъ слишкомъ хитрый, чтобы взять на себя подозрительную обязанность передачи доноса, направилъ Гризеля въ директорію, къ Карно и тремъ другимъ директорамъ. Дѣло шло о заговорѣ якобинцевъ. Одному Барассу не было ничего сообщено, его подозрѣвали, такъ какъ онъ сохранилъ еще сношенія съ предмѣстьемъ С. Антуанъ. Доносъ заключался въ слѣдующемъ: члены только что закрытаго клуба Пантеона собирались теперь въ саду Женевьевы, общество состояло изъ людей слѣдующихъ двухъ оттѣнковъ: робеспьеристы и шометтисты, Дюпле и Бабёфъ, Бертрамъ и другіе. Доносъ этотъ не показался заслуживающимъ вниманія, если бы Гризель не украсилъ его именами патріотовъ, которые въ своихъ печатныхъ органахъ враждовали съ директоріею — великими именами Антонелля и Роберта Линде. Съ этою прибавкою дѣло приняло иной оборотъ. Члены директоріи обрадовались предлогу избавиться разъ на всегда отъ именъ уважаемыхъ, отъ людей, которые могли быть кандидатами на должности ихъ. Они повѣрили въ существованіе громаднаго заговора, участники котораго принадлежали къ самымъ разнообразнымъ партіямъ. Сочинили цѣлую поэму, 10 мая было произведено нѣсколько арестовъ, отобраны бумаги. Но это ничего не открыло. Ничего кромѣ общихъ разсужденій и революціонныхъ мечтаній. Задерживаютъ еще всѣхъ, кого только возможно.

Но какая жалость! Великая поэма свалилась съ облаковъ на землю.

Парижъ въ это время переживалъ важный финансовый кризисъ. Ассигнаціи, потерявшія всякую цѣну, были замѣнены облигаціями. Операція неудачная, послужившая на пользу однимъ лишь спекуляторамъ. Правительство было въ восторгѣ отъ того, что общественное вниманіе было внезапно отвлечено на Бабёфа и на страшное пугало общаго раздѣла, о которомъ безпрестанно говорили и передъ которымъ все трепетало. Законодательный корпусъ высказалъ столько легковѣрія къ этимъ страшнымъ слухамъ, что съ перваго же дня и безъ всякого предувѣдомленія выгналъ изъ Парижа массу людей, нисколько не подозрительныхъ, но которые, по несчастному положенію своему, могли быть введены въ искушеніе стать въ число подозрительныхъ: отставленные чиновники, отставные военные и эксъ-конвенціоналисты.

Такое распоряженіе было на руку роялистамъ—прогоняли враговъ ихъ. Еслибы процессъ продолжался, еслибы Франція еще нѣсколько мѣсяцевъ находилась бы подъ гнетомъ мрачнаго призрака всеобщаго раздѣла и уничтоженія собственности, то можно было предвидѣть, что слѣдующіе выборы на одну треть были бы въ пользу роялистовъ и такъ называемыхъ приверженцевъ порядка. Подъ предлогомъ, что въ числѣ осужденныхъ находился одинъ депутатъ—Друэ, веденіе процесса было поручено особому верховному суду, засѣданіе котораго перенесли изъ Парижа въ Вандомъ; цѣлый годъ велось одно слѣдствіе по дѣлу Бабёфа, т. е. оно было затянуто до новыхъ выборовъ. Повторяли слова, будто бы сказанные, Карно: «роялистамъ достаточно погрозить мечемъ, якобинцевъ же слѣдуетъ бить и добивать». Слова эти были самымъ лучшимъ свидѣтельствомъ въ пользу роялистовъ какъ друзей по-

рядка при новыхъ выборахъ, когда вся Франція жаждала порядка. Можно ли повѣрить, чтобы Карно не читалъ доклада Фрерона, въ которомъ послѣдній перечисляетъ доказательства кровавыхъ подвиговъ роялистовъ на югѣ? Какъ повѣрить, чтобы эти ужасающія звѣрства не были ему извѣстны? Но что до этого? Доказано было и ему и членамъ директоріи, что убитые якобинцы были убійцами и что однихъ только якобинцевъ и надлежало преслѣдовать.

Вотъ чего достигла находчивая полиція тѣхъ временъ. Бабёфъ, заключенный въ тюрьмѣ, былъ лишенъ возможности дѣйствовать, служилъ лишь пугаломъ на пользу роялистовъ при выборахъ слѣдующаго года. Другіе якобинцы, бабувисты были еще на свободѣ, сгорали нетерпѣніемъ дѣйствовать, готовые погубить себя неосторожными поступками и тѣмъ самымъ служить какъ нельзя лучше цѣлямъ полиціи.

Министръ Кошонъ зналъ все это и приберегалъ это, какъ нѣчто полезное для директоріи, а главнымъ образомъ для роялистическихъ выборовъ. Было извѣстно, что нетерпѣливые жители предмѣстій ожидали себѣ поддержку со стороны нѣкоторыхъ недовольныхъ солдатъ въ Гренельскомъ лагерѣ; тогда полиція приготовила то, что называется западней.

Предсѣдатель директоріи Ларевельеръ не былъ предупрежденъ *). Кошонъ сообщилъ объ этомъ своему покровителю Карно, потому что послѣдній утромъ въ день событія предупредилъ отеческимъ совѣтомъ одного юношу, которымъ онъ интересовался, молодаго Лепелетье-Сенъ-Фаржо, отказаться отъ участія въ этомъ дерзкомъ предпріятіи. Ларевельеръ, бывшій тогда президентомъ, находился въ Парижѣ, что бы тамъ ни говорилъ Карно, и даже не могъ отлучиться, потому что будучи президентомъ, онъ долженъ былъ ежечасно подписы-

*) Смотри его мемуары, августъ 96 года.

вать бумаги. Но Копонъ посвятилъ въ тайну одного лишь своего покровителя Карно, желая предоставить ему одному славу водворенія порядка и охраненія общественной безопасности. Все было подготовлено. Отрядъ инсургентовъ, видя что Люксамбургъ хорошо защищенъ и вооруженъ, прошелъ мимо и направился въ Гренель. Солдаты не трогались. Тогда нѣсколько инсургентовъ изъ болѣе довѣрчивыхъ, плохо вооруженые, позволили увезти себя въ палатку офицера Мало, котораго они считали своимъ приверженцемъ. Послѣдній, чтобы увѣрить ихъ, что все это не было подготовлено ожидалъ ихъ вооруженный съ головы до ногъ, но въ рубашкѣ, какъ человѣкъ, котораго застали въ расплохъ и которому даже некогда одѣться. Въ ту же минуту онъ бросается, какъ былъ, на коня, накидывается на инсургентовъ съ мечемъ въ рукахъ, приказываетъ по нимъ стрѣлять. Многихъ тутъ же убиваютъ, другіе бросаются въ Сену и умираютъ, остальныхъ берутъ въ плѣнъ (28 и 29 августа 96 года).

Въ разставленные такимъ образомъ сѣти взяли всѣхъ, кто попадался. Всего ихъ было 132 заговорщика всѣхъ оттѣнковъ; говорили, что между ними были и роялисты. Чтобы увеличить смущеніе, распустили слухъ, будто они были подговорены Барасомъ, однимъ изъ членовъ директоріи. Случилось то, что предвидѣли; въ этомъ хаосѣ, въ этомъ маракѣ противорѣчій. Парижъ въ страхѣ и ярости былъ потрясенъ какъ бы электрическимъ толчкомъ; населеніе его, болѣе кроткое чѣмъ въ другихъ большихъ городахъ, подвержено подобнымъ нервнымъ припадкамъ. Одни—рабочіе боятся пріостановки работы; другіе — торговцы боятся за свои свидѣтельства и разсчеты въ концѣ мѣсяца; третьи — собственники трусятъ не столько быть можетъ за свою жизнь, сколько за драгоцѣнное имущество.

Директорія, вообще гуманная, была конечно тоже охвачена общимъ ужасомъ и вихремъ общей ярости. Страхъ нетерпѣливъ и требуетъ свирѣпыхъ мѣръ. Тогда случилось нѣчто безумное и необъяснимое. Схваченные въ Гренелѣ были судимы немедленно, особою военною комиссіею, между тѣмъ какъ Бабёфъ и другіе, которыхъ считали за руководителей движенія, оставались почти годъ въ Вандомѣ подъ слѣдствіемъ верховнаго суда, ожидая чтобы ихъ судили.

Спѣшили до такой степени, что всѣмъ ста тридцати двумъ осужденнымъ хотѣли дать лишь одного защитника. Камюсъ въ законодательномъ собраніи помѣшалъ этому варварству. Коммисія, засѣдавшая въ Тамплѣ, изъ сорока двухъ сперва приговорила тринадцать, которые были разстрѣляны въ Гренелѣ. Затѣмъ, въ сентябрѣ, въ октябрѣ, было еще три казни — четверыхъ, девятерыхъ и шести осужденныхъ. Въ числѣ девяти были трое депутатовъ изъ партіи горы, а также богатый и великодушный Бертранъ изъ Ліона, быть можетъ, главный апостолъ всеобщаго раздѣла. Такимъ образомъ, казни продолжались съ мая по октябрь и никто не посмѣлъ заявить объ очной ставкѣ между обвиняемыми въ Парижѣ и обвиняемыми въ Вандомѣ, необходимой для того и другаго процесса. Ихъ берегли, какъ пугало, какъ средство полезное передъ выборами. Молодой Дартэ, упорно молчавшій, служилъ призракомъ кровожаднаго террора. Бабёфъ говорилъ, доказывалъ, что онъ виноватъ только тѣмъ, что писалъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ тщеславно угрожалъ цѣлымъ народомъ, который, по его словамъ, шелъ за нимъ, былъ за него.

V.

Умѣренные и нерѣшительные, Карно и другіе. Снисходительность къ большому заговору роялистовъ 1797 г.

Не слѣдуетъ думать, что чрезмѣрныя строгости военнаго суда были актомъ правительства, дѣломъ директоріи. Члены ея были, по большей части, людьми весьма умѣренными, филантропами. Скорѣе эти дикія дѣйствія были слѣдствіемъ общаго смятенія и паники. Вѣянія времени были чужды жестокости. Твердыхъ мнѣній, фанатическихъ убѣжденій больше не существовало. Въ дѣйствительности существовали двѣ взаимно враждебныя партіи: собственники общественныхъ имуществъ, которые были или считали себя патріотами, и возвратившіеся роялисты, съ яростью требовавшіе возврата имуществъ, которыхъ многіе изъ нихъ никогда не имѣли. Я зналъ одного изъ такихъ ярыхъ аристократовъ, дерзкаго, способнаго на все, чтобы возвеличить дворянство, — то былъ подмастерье слесаря.

Преобладающее большинство состояло изъ неопредѣленныхъ нейтральныхъ, часто наивныхъ въ своихъ убѣжденіяхъ. Гара разсказываетъ, что въ фруктидорѣ Сюаръ проѣздомъ черезъ Швейцарію *) видѣлся съ Неккеромъ, который показалъ ему проектъ послѣдней своей работы; въ одномъ томѣ онъ излагалъ двѣ системы правленія: первая — республиканская, вторая—монархическая, одинаково прекрасныя, одинаково свободныя и подчиненныя, по его мнѣнію, вѣчнымъ законамъ общественнаго порядка. Неккеръ самъ былъ въ

---

*) Гора. Мемуары Сюаръ, т. II.

восторгѣ отъ этой мысли и восклицалъ: *«прекрасный возрастъ для писателя—семьдесятъ лѣтъ!»*

Многіе изъ самыхъ молодыхъ были такіе же семидесятилѣтніе. Послѣ 93 года и въ особенности послѣ потрясающихъ ужасовъ преріаля, много людей сохранили нервность и нерѣшительность. Даже натуры честныя и возвышенныя сохранили такія впечатлѣнія, которыя заставляли ихъ кривить душою и колебаться. Буаси д'Англа навсегда сохранилъ впечатлѣніе ужаснаго дня, когда тысячеголовое, ревущее чудовище, мертвенный призракъ голода, приблизилъ къ его лицу окровавленную голову Феро. Подобныя воспоминанія хотя и не сдѣлали его измѣнникомъ республики, но заставляли его противъ воли склоняться въ сторону монархіи.

Кто былъ этотъ честный человѣкъ, вполнѣ достойный оказываемаго ему уваженія? Какъ протестантъ, онъ отличался осторожностью и нерѣшительностью; для обезпеченія собственной безопасности онъ купилъ званіе метрдотеля у старшаго брата короля. Будучи членомъ конвента, онъ выказалъ колебанія во время процесса Людовика XVI, затѣмъ исчезъ и снова явился въ 94 году, чтобы занять мѣсто въ центрѣ. Въ то время онъ хвалилъ Робеспьера, который поддерживалъ центръ противъ партіи горы. Во время директоріи, какъ президентъ совѣта пятисотъ, онъ высоко стоялъ въ общественномъ мнѣніи, но воспоминанія преріаля заставляли его и здѣсь терять твердость. Такъ, въ 96 г., когда населеніе на Ронѣ пыталось остановить движеніе роялистовъ, Буаси возымѣлъ несчастное желаніе выхлопотать разрѣшеніе объ отзывѣ генерала Вильо изъ Марселя въ Ардежѣ. Этотъ самый Вильо давно уже былъ обвиненъ итальянскою арміею, какъ измѣнникъ и роялистъ, другъ и покровитель кровавыхъ героевъ южной рѣзни.

Но ошибка Буаси, хотя и пагубная по своимъ послѣдствіямъ, а также инстинктивное стремленіе его къ умѣренному роялизму, высказанное имъ еще въ молодые годы въ похвальномъ словѣ Мальзербу, не даютъ намъ права смѣшивать имя его съ именами тѣхъ злодѣевъ членовъ собранія, какъ, напримѣръ, Дандрэ, который раздавалъ завѣдомо англійское золото, посланное ему Викгамомъ изъ Базеля. Очень вѣроятно, что Буаси, какъ большинство депутатовъ и какъ вообще всѣ французы, измученные революціею, думалъ, подобно Неккеру и Гара, будто республика и умѣренная монархія имѣли одинакую цѣну и въ равной степени обезпечивали свободу. Мы видимъ, какъ вновь оживаетъ идея Монтескьё и тѣ невѣрныя представленія, которыя онъ далъ объ англійской конституціи.

При такомъ неопредѣленномъ настроеніи умовъ, можно было предполагать, что многіе изъ самыхъ искреннихъ сторонниковъ республиканской конституціи III года, (въ силу которой избирателемъ былъ всякій собственникъ и даже всякій наниматель, хотя бы небольшой квартиры), были не прочь желать конституціонной монархіи или монархической республики. Умѣренный Тибодо, прозванный желѣзнымъ за свою упорную защиту конституціи III года, тѣмъ не менѣе, одинъ изъ первыхъ склонился въ пользу консульства, такъ же какъ и Дульсе де-Понтакуланъ, бывшій покровитель Бонапарте, а съ нимъ и множество другихъ. Даже такіе ярые и закоренѣлые роялисты, какъ адвокаты Симеонъ, Порталисъ и Барбе-Марбуа, и интендантъ С.-Доминго, добросовѣстный и строгій работникъ, примѣшивали къ своему роялизму либеральныя стремленія, отъ которыхъ они отказались совершенно лишь подъ конецъ жизни, когда восторжествовалъ роялизмъ.

Нерѣшительность проявлялась даже у членовъ директо-

ріи. Баррасъ, любившій весело пожить, поддерживалъ дѣловыя сношенія съ якобинцами предмѣстій; кутилъ съ роялистами, спекуляторами и людьми всевозможныхъ партій. Рюбель, достойный членъ директоріи, входилъ въ разныя подробности, много и хорошо работалъ. Ларевельеръ, долго скрывавшійся во время террора, полюбилъ одиночество и научныя занятія, не совсѣмъ согласовавшіяся съ гражданскими обязанностями его. Карно и Летурнеръ, оба инженеры, одни занимались военными дѣлами, а при случаѣ дипломатіею. Они были честные люди, но, по своему званію и по аристократическому и монархическому воспитанію, были слишкомъ тѣсно связаны съ принципомъ королевской власти; стремленія свои они проявляли теперь особенно рѣзко, потому что должны были долго сдерживать ихъ подъ суровымъ гнетомъ террора.

Братья Карно, какъ и Бонапарте, происходили изъ семей нотаріусовъ, предки которыхъ уже давно занимали эту должность въ мѣстечкѣ Кале, близъ Отена, въ суровой части Бургундіи, столь мало похожей на другую половину ея. Тамъ господствовало ханжество, паломничество, монашество. Старшая сестра Карно, бывшая начальницей больницы, кажется, считалась святой. Карно, подобно Бонапарте, обучался у священниковъ въ Отенѣ, а Бонапарте еще, кромѣ того, учился въ Бріенѣ; Карно дольше оставался подъ дисциплиною духовенства и только семнадцати лѣтъ былъ посланъ въ Парижъ. Довольно любопытно, что подобно тому, какъ Бонапарте гордились тѣмъ, что приходились внуками средневѣковому святому, знаменитому капуцину,—Карно считали себя потомками Илларіона Карно, историка ордена св. Франциска и автора многихъ мистическихъ сочиненій. Отецъ Карно имѣлъ восемнадцать дѣтей; какъ человѣкъ, заслужившій общее ува-

женіе, онъ былъ избранъ судьею въ большей части помѣстій округа. Такое довѣріе должно было доставить ему большой авторитетъ, но въ то же время поставить его въ зависимость отъ многихъ владѣльцевъ. При такихъ условіяхъ надо было имѣть много силы воли, чтобы сохранить свою независимость. Таково было положеніе многихъ депутатовъ нашихъ собраній. Они были повѣренными и ходатаями по дѣламъ владѣльцевъ и духовныхъ лицъ. Такія занятія непремѣнно связывали ихъ съ воспоминаніями о прежнихъ порядкахъ, когда эти юристы пользовались несомнѣнно большею властью.

Карно, посланный учиться въ Парижъ, не предался такому безпутству мысли и чтенія, какому предался, какъ мы то видѣли, Бонапарте. Онъ не имѣлъ покровителя, человѣка, подобнаго Марбёфу. Естественнымъ покровителемъ его слѣдовало бы быть герцогу д'Омону, владѣльцу его роднаго мѣстечка и первому камергеру при дворѣ Людовика XV. Но въ то время въ Парижѣ представителемъ этого знатнаго рода, владѣвшаго столькими землями, была женщина очень опытная и умная (г-жа де-Лормъ). Весьма естественно, что она заинтересовалась молодымъ Карно, заброшеннымъ въ большой городъ, въ какой-то пансіонъ для приготовленія къ офицерскому экзамену. Ничто не могло быть счастливѣе подобнаго покровительства для молодаго бургундца, весьма чувствительнаго и которому предстояло не мало опасностей. Этотъ юный математикъ былъ, въ то же время, поэтомъ, даже авторомъ эротическихъ стихотвореній; ему приписываютъ не безъ основанія девять печатныхъ томовъ любовной переписки. У Карно было доброе сердце. Онъ не только не забылъ покровительства, оказаннаго семьѣ его герцогомъ д'Омономъ, но воспользовался случаемъ, чтобы оказать его семейству важную услугу.

Особенную признательность питалъ онъ къ своей Минервѣ, этой умной женщинѣ, которая такъ хорошо охраняла его въ Парижѣ. Онъ часто приглашалъ ее къ обѣду въ Люксамбургъ *). Быть можетъ, для нея и для нѣкоторыхъ друзей такихъ же воззрѣній, по извѣстнымъ днямъ, на этихъ обѣдахъ подавались постныя блюда, чтобы не оскорбить ихъ убѣжденій **). Тонкое чувство пріемной матери, еще никогда достаточно не изслѣдованное, имѣетъ, тѣмъ не менѣе, большую силу. Г-жа де-Лормъ, тогда уже пожилая особа, осторожная и опытная, могла дѣйствовать косвеннымъ образомъ въ пользу своей партіи, быть можетъ, болѣе успѣшно, чѣмъ мы думаемъ. Вспомогательнымъ средствомъ служило чувство Карно, который былъ убѣжденъ, что роялисты будутъ терпѣливы и постараются избѣгнуть насилія, разсчитывая на выборы. Правда, что они такъ и вели свою игру. Они бы ее и выиграли, если бы Англія своею поспѣшностью не принудила бы ихъ перейти къ дѣйствію раньше времени, не дожидаясь выборовъ. Они обратились къ этому шуту Мало, который въ рубашкѣ побилъ бабувистовъ. Мало ухватился за этотъ случай къ повышенію, притворился расположеннымъ къ роялистамъ, привлекъ ихъ и подвелъ ихъ подъ арестъ. Дѣло произошло публично, и министръ Кошонъ не могъ поступить иначе, какъ предоставить это дѣло собственному теченію (январь 97 года). Но Кошонъ нашелъ здѣсь больше того, что онъ желалъ найти. Независимо отъ показаній аббата Бротье и другихъ, которые представили это дѣло въ видѣ проэктовъ, не могущихъ имѣть послѣдствій, нѣкій бакалейный торговецъ Дюнанъ, настоящее имя котораго было Дювернъ де-Прэль, подъ вліяніемъ страха признался во всемъ, изложилъ директоріи

*) Говоритъ намъ Карно сынъ. Т. I, стр. 89.

**) Мемуары. Т. II.

общую идею этого дѣла, объяснилъ безъ утайки весь планъ, задуманный въ сообщничествѣ съ англичанами. Два года тому назадъ было порѣшено не дѣлать болѣе отдѣльныхъ заговоровъ, частныхъ попытокъ, всегда неудачныхъ, но сплотиться въ одинъ обширный заговоръ, составленный по одному общему плану. Пораженіе вандейцевъ принесло дѣлу скорѣе пользу, чѣмъ вредъ. Силы вандейцевъ, до сихъ поръ не подчинявшіяся дисциплинѣ, должны были покориться единству взглядовъ и усилій.

Планъ этотъ вполнѣ отвѣчалъ словамъ Борка, такъ долго не понятымъ Питтомъ: «Съ Франціею никогда нельзя будетъ справиться иначе, какъ посредствомъ Франціи». Дюнанъ говорилъ: «Посредствомъ самой конституціи мы найдемъ способы разрушить эту конституцію. Для этого намъ надо овладѣть выборами, заставить роялистовъ посѣщать подготовительныя собранія, сговорившись заранѣе, кого выбирать, заставлять подать голосъ въ томъ же смыслѣ всѣхъ равнодушныхъ, которымъ мало дѣла до порядка управленія, но которые, главнымъ образомъ и передъ всѣми хлопочутъ о порядкѣ и о неприкосновенности собственности.

«Отряды роялистовъ, вооруженныхъ знаменемъ республиканцевъ, будутъ имѣть видимою цѣлью сопротивляться всему, что можетъ стѣснять *свободу* выборовъ. Англійскій агентъ въ Швейцаріи, М. Викгамъ, доставитъ необходимыя средства.

«У насъ былъ планъ высадки въ Ирландіи, Карно составилъ отчетъ объ этомъ планѣ. Начиная съ іюня мѣсяца 96 года, нѣкоторые изъ членовъ законодательнаго корпуса предлагали свои услуги королю, но они предлагали ему лишь исполнительную власть, не измѣняя самую конституцію.

«Если опубликуютъ мое донесеніе, роялисты провалятся,

но другіе предложатъ въ Лондонѣ поддержать якобинцевъ, которые, возстановивъ времена террора, заставятъ еще съ большею силою желать возвращенія короля».

Послѣдняя угроза, повидимому нѣсколько хвастливая, но очень ловкая, изумила директорію. Къ счастію для роялистовъ, Бабёфъ и Дартэ жили еще въ Вандомѣ въ моментъ выборовъ, чтобы парализировать дѣйствія правительства. Роялистическіе заговорщики, приговоренные къ смерти, были почти что совершенно прощены, т. е. были осуждены на пени необычайно мягкія; въ тоже самое время, оправдывали приговоренныхъ заочно за вандемьеръ, которые болѣе восемнадцати мѣсяцевъ прогуливались, чванились, и всюду выказывали себя въ Парижѣ. Кошонъ остался при полиціи. Казалось онъ достаточно доказалъ свою надежность и вѣрность, овладѣвъ въ одинъ годъ двумя противоположными по смыслу заговорами: якобинцевъ и роялистовъ. Повидимому это совершенно успокоило директорію, которая съ тѣхъ поръ начала дремать.

30 декабря директорія, не смотря на невѣрность положенія своего, представилась Европѣ при торжественной обстановкѣ, чтобы принять знамена взятыя при Арколѣ, которыя посылалъ Бонапарте. Посланники Испаніи, Соединенныхъ Штатовъ, Сардиніи и Туниса присутствовали при этомъ торжествѣ. Президентомъ былъ Барасъ. Но настоящимъ королемъ, въ нѣкоторомъ родѣ, былъ Карно, этотъ постоянный усердный покровитель Бонапарте, поддерживавшій его во всемъ; въ это самое время онъ отдѣлилъ изъ рейнской арміи двадцать тысячъ человѣкъ отборнаго войска, на помощь Бонапарте въ его тирольской экспедиціи. Карно и Бонапарте были въ то время единственными предметами общаго вниманія. Первый изъ нихъ, руководившій счастливою войною,

мягкій во внутреннемъ управленіи, снисходительный къ роялистамъ, стоялъ на верху популярности.

Взоры всѣхъ были обращены на снѣжныя вершины Альповъ; разсчитывали шансы, удачи этой романической и невѣроятной экспедиціи. Роялисты въ четыре мѣсяца, остававшіеся до мая, имѣли полную возможность подготовить выборы, устроить все для рѣшительнаго удара.

VI.

Великій кризисъ въ Англіи. Возмущеніе флота, май 97 года.

Доказано, что со времени Леобена и новыхъ выборовъ средняго сословія (250 депутатовъ), директорія находилась въ страшно бѣдственномъ положеніи, лишенная всякой возможности дѣйствовать. Сказки, которыя сочиняли о Барасѣ и его безумномъ дворѣ, служили къ тому поводомъ. Но въ дѣйствительности существовалъ проэктъ—опредѣленный, организованный, признанный—заставить голодать правительство, отнявъ у него возможность распоряжаться денежными фондами. Законъ прошелъ въ засѣданіи Пятисотъ, онъ прошелъ бы точно также и въ засѣданіи Старѣйшихъ, если бы не Дюпонъ, де Немуръ, роялистъ, но все таки французъ, который нашелъ дѣломъ чудовищнымъ обезоружить государство въ моментъ такой важности. И что же? Не смотря на отказъ Старѣйшихъ, чиновники казначейства—неограниченные властелины, и измѣнники роялисты, твердо завладѣли кассой даже послѣ фруктидора; они же помѣшали успѣху ирландской экспедиціи, ловко раздѣливъ ее на двое, давъ деньги для Гюмбера и тысячи вухсотъ человѣкъ, но отказавъ выдать ихъ двѣнадцати ты-

сячамъ, которые подъ предводительствомъ Саладина, отправлялись для соединенія съ Гюмберомъ.

Это господство канцеляріи, которое такъ долго замедляло переходъ черезъ Рейнъ, всего сильнѣе проявилось тогда и даже еще съ мая, даже при Карно, и на долго замедлило переходъ черезъ Рейнъ, и держало Францію обезоруженною и парализованною въ моментъ, когда непредвидѣнное событіе открывало доступъ въ Англію ея врагамъ.

Я не врагъ этого великаго народа и я часто благодарилъ небо за то, что громадный, рабочій и промышленный улей этотъ не былъ разрушенъ варварской экспедиціей, которую подготовлялъ противъ него нашъ тиранъ въ 1805 году. Но все же, наблюдая ту денежную войну, которую велъ Питъ, не пошевельнувшись и скрестивши руки, единственно посредствомъ нашихъ измѣнниковъ 97 года, нельзя не пожалѣть, что тогда же не былъ положенъ конецъ этому позору.

Въ маѣ 97 года, разразилось ужасное событіе, которое казалось концомъ всѣхъ концовъ и какъ бы послѣднимъ судомъ надъ этимъ новымъ Карѳагеномъ. Однажды ночью по всему прибрежью и даже въ самой Темзѣ открылось ужасное зрѣлище, болѣе страшное, чѣмъ всѣ апокалиптическія видѣнія Іезекіиля. Три громадные флота, охранявшіе Англію, портсмутскій, плимутскій и еще третій на сѣверѣ, эти пловучія крѣпости Великобританіи, темныя въ ночи и молчаливыя, какъ тѣла утопленниковъ, вдругъ заговорили и освѣтились какими то странными движущимися факелами... Что-же это такое? Это изверженіе гораздо болѣе страшное, чѣмъ изверженіе Этны... Это возмутился флотъ! То, что было прежде защитой, охраной, стало то теперь самою страшною опасностью. Что такое опасность? Это былъ цѣлый адъ, спущенный съ цѣпи. Адъ необычайный, и искуственный.

Природа никогда не создала бы это отребіе людей, эту ужасную накипь, этотъ народъ отверженныхъ. Человѣкъ лишь самъ способенъ создать такое чудовище. Англія, гремѣвшая противъ французскаго террора, создала на морѣ ужасы 93 года. Несмотря на всѣ фразы о вербовкѣ матросовъ, достовѣрно, что ужасные обычаи торговли неграми (особенно въ послѣднія сто лѣтъ со времени договора Асіэнто) создали даже среди бѣлыхъ неслыханное звѣрство. Прибрежья Гвинеи едвали могло представлять болѣе варварскія и демоническія сцены, чѣмъ тѣ, которыя можно было видѣть каждую ночь на узкихъ улицахъ ведущихъ къ Темзѣ. Полупьяныхъ людей хватали какъ попало сѣтями, арканами, тянули ихъ почти задохшимися до роковаго корабля, куда ихъ бросали безъ движенія и полумертвыхъ, окровавленныхъ и избитыхъ дубинами. Оттуда такимъ же грубымъ образомъ ихъ перетаскивали на черный корабль, гдѣ ихъ кидали въ трюмъ безъ воздуха и свѣта, какъ въ какую то отвратительную преисподнюю. Нѣкоторые старые романы того времени описали все это, но благодаря Бога не во всѣхъ подробностяхъ. Впрочемъ образы этихъ осужденныхъ въ адскихъ мукахъ сохранились до сихъ поръ, и въ числѣ ихъ есть даже образы великихъ англійскихъ мореходцевъ, и всѣ они представляютъ разительный контрастъ съ грубыми, но спокойными и полными добродушія физіономіями голландцевъ. Сравните Нельсона и Рюйтера.

Не мало труда стоило держать адъ этотъ запертымъ и сдерживать эти яростныя толпы, которыя, если и не были закованы въ цѣпи, то оставались всегда подъ страхомъ ужасныхъ казней, работали и дѣйствовали не иначе какъ подъ дулами пистолетовъ. Какихъ страшныхъ усилій стоило забивать въ трюмы эти такія массы осужденныхъ, столько

отчаянія, проклятій и ярости. Этотъ сбродъ жертвъ, людей неопытныхъ, былъ конечно менѣе полезенъ, чѣмъ могли бы быть полезны стройные и смѣлые экипажи флота. Но то ослѣпленіе, въ которомъ находился Питъ, а также его высокомѣрное пренебреженіе къ человѣческой природѣ скрывали все это отъ него. Онъ съ яростью сваливалъ людей, живой матеріалъ, въ эти пловучія темницы—не только темницы, но и гробницы. Мертвые или живые—на это не обращали вниманія. Онъ вытребовалъ отъ палаты, выбранной извѣстно какимъ образомъ, сначала шестьдесятъ, потомъ восемьдесятъ—тысячъ матросовъ! Общій испугъ. Тогда онъ потребовалъ сто тысячъ. Затѣмъ, безъ всякихъ предосторожностей, холодной рукой и наугадъ, не заботясь: можетъ ли этотъ адъ поглотить все это, онъ бросилъ въ эту пропасть сто-десять тысячъ человѣкъ.

Тогда мракъ воспламенился. Море освѣтилось. Раздался ужасный крикъ, и все сразу выразилось въ лозунгѣ флаговъ: «*Пловучая республика*». Это слово «республика», было забыто со временъ Кромвеля и во все время безцвѣтнаго царствованія ганноверскаго дома,—кто могъ тогда постичь значеніе этого слова? Что за рѣдкій и необыкновенный случай, такъ мало свойственный англичанамъ: они утратили *уваженіе*, они заковали своихъ офицеровъ. Что будутъ они дѣлать далѣе? Поднимутся вдоль Темзы? Этого опасались. Были построены батареи, чтобы остановить шествіе ихъ. А еслибъ они прошли, что бы стали дѣлать они, эти заблудшіе дьяволы, эти полусумашедшіе? Они очень вѣроятно пошли-бы жечь Лондонъ какъ во время папскаго заговора. Въ банкѣ господствовала паника; на биржѣ курсъ упалъ на 50. Но именно чрезмѣрность ужаса и поддержала Пита. Противники подали за него голосъ и всѣ требованія его были исполнены. Банкъ былъ

освобожденъ отъ платежей, за исключенiемъ платежей бумажными деньгами. Кредиторы государства, которые стали храбрыми отъ страха, соглашались на все и дѣйствовали, какъ одинъ человѣкъ. Толпу схватили, обезоружили, соглашались на всѣ ея требованiя денегъ и пищи. Множество помилованiй. Затѣмъ повѣсили начальниковъ и все вошло въ повиновенiе (iюнь 97 года).

Питъ былъ настолько счастливъ, что во время этой страшной, хотя и непродолжительной катастрофы, французское правительство не существовало, было такъ сказать парализовано. Урокъ этотъ не пропалъ даромъ: отчаянными средствами, а главное цѣлымъ наводненiемъ золота и серебра приготовили и ускорили въ Парижѣ и во Францiи великую роялистическую измѣну. Въ то время, какъ съ востока, съ юга шелъ Пишегрю съ отрядами изъ Франшъ-Конте и Лiона, изъ Вандеи и Бретани, повидимому дремавшихъ, явились разбойники, друзья Шарета съ поясами полными золота.

Австрiйцы быть можетъ предпочли бы, чтобы движенiе началось лишь тогда, когда дурное время года сдѣлало бы войну невозможною. Но англичане спѣшили послѣ своей ужасной паники. Они хотѣли отвести душу, потопивъ Францiю.

VII.

Подложные выборы 97 года. Смерть Бабефа (26-го мая).

Чрезмѣрная снисходительность при процессѣ роялистовъ, жестокiя разстрѣливанiя во время процесса якобинцевъ достаточно доказали монархической партiи, что она могла смѣть все и что наказанными будутъ только ея противники, — что бы ни затѣяла она.

Началось дѣло съ шутокъ, съ забавъ молодежи, которая по ночамъ срубала деревья свободы. Затѣмъ они нашли болѣе забавнымъ дерзко предупреждать объ этомъ начальство. Потомъ стали еще наглѣе. Забавлялись тѣмъ, что останавливали по ночамъ дилижансы, и это возбуждало только смѣхъ. Но если дилижансы были съ грузомъ денегъ, съ суммами государственныхъ налоговъ, то ихъ отбирали. Опять это возбуждало только одинъ смѣхъ. Кромѣ того, развѣ это не деньги короля? Чиновники невѣжи, неодобрявшіе подобныхъ вещей, были заколоты кинжалами. Забавлялись также стрѣльбой изъ ружей въ покупщиковъ національныхъ имуществъ. Стрѣлявшіе схвачены, представлены на судъ, оправданы. Трибуналы въ страхѣ, и съ покупщиками патріотами обращаются, какъ съ дикими звѣрями.

Одинъ мужественный мировой судья осмѣлился начать преслѣдованіе противъ роялистовъ; но онъ самъ за то попадаетъ подъ судъ. По всюду непокорные священники проповѣдуютъ мщеніе и убійства. Они организуютъ два небольшихъ возстанія, подобно вандейскому, въ Виварэ и въ приморскихъ Альпахъ, и руководятъ дикими отрядами Барбеттовъ. Междоусобная война неизбѣжна. Тогда Буаси д'Англа, все еще подъ впечатлѣніемъ прэріаля и страха передъ якобинцами, выпрашиваетъ чтобы въ департаментъ его, Ардэшъ, прислали изъ Марселя генерала Вильо. Генералъ этотъ, справедливо осужденный, какъ измѣнникъ итальянской арміи, является на защиту торжествующихъ роялистовъ. Благодаря ему, роялисты совершенно покойно перерѣзали бы республиканцевъ вдоль всей Роны. Къ счастью, сильный департаментъ Дрома перерѣзалъ ужасную цѣпь, которая изъ Марселя стремилась протянуться до Ліона.

Что дѣлала директорія? При всякой попыткѣ нѣсколько

возстановить порядокъ, ей кричали: «пусть дѣйствуетъ свобода! Это копье Ахилла. Она сама излѣчиваетъ то зло, которое творитъ»! Такимъ образомъ Ла-Ревельеръ и республиканское большинство директоріи были парализованы журналами, публикой и т. д. Нѣмые, подобно статистамъ, они могли высказывать лишь самыя теоретическія мнѣнія: «принципы *позволяютъ*..., или: *не позволяютъ*»...

Да здравствуетъ свобода! кричали роялисты и гнали на выборы массу крестьянъ, недавнихъ рабовъ, животныхъ, готовыхъ снова ползти на четвереньках. Въ другихъ мѣстахъ, если патріоты были сильны, роялисты вооружались кинжалами и пистолетами. Въ Мортаньи два республиканца были убиты и многіе ранены. Въ двадцати шести департаментахъ убійства были такъ многочисленны, что баронесса Рейхъ бывшая агентомъ роялистовъ и австрійцевъ, и служившая имъ корреспондентомъ въ Страсбургѣ, встревожилась, находя нелѣпымъ сбрасывать такъ рано маску.

Неужели скажутъ, масса не сопротивлялась ничему? Неужели она настолько охладилась? Франція значитъ очень измѣнчива? Нѣтъ, большинство стояло все еще за революцію, но понемногу отодвинулось въ сторону, отошло на второй планъ. Такой то былъ прежде якобинцемъ и боялся мщенія. Такой то пріобрѣлъ національныя имущества; въ тревожномъ опасеніи за свою новую собственность, онъ не желалъ ничего другаго, какъ только, если возможно, быть забытымъ. Роялисты напротивъ приносили на выборы неистовыя страсти, ненависть и мщеніе, жестокость охотника и жадность его. Члены общины Іисуса снова показались повсюду въ Ліонѣ и на югѣ. Трибуналы были безсильны, жандармы трусили и не хотѣли ничего видѣть. За то роялисты—избирательные агенты днемъ, ночью мѣняли свои роли, часто врывались въ

дома, распространяли всюду ужасъ страшными жестокостями *истопниковъ* (chauffeurs), о которыхъ всюду разсказывали, и даже долгое время спустя, во время моего дѣтства, эти разказы все еще наводили ужасъ на деревню. Вотъ подъ какимъ давленіемъ совершилось избраніе новаго средняго сословія. Что же говорили въ Парижѣ во время выборовъ мудрецы, дѣловые люди и люди мира и пр.? «Въ Леобенѣ уже подписали, вотъ наконецъ и миръ, но предварительныя мѣры еще не закончены. Не будемте имъ мѣшать, пусть выборы идутъ своимъ порядкомъ. Мы могли бы испортить великое дѣло. Карно и Бонапарте вѣдь тоже не дураки. Кто бы могъ повѣрить? Этотъ Бонапарте настоящій ангелъ мира. Онъ такъ страстно ему преданъ, что отдалъ цѣлыхъ пять альпійскихъ провинцій императору.—А Венеція?—Какое намъ дѣло. Будемъ молчать, иначе мы всему помѣшаемъ».

Однако среди общей радости существовала помѣха, она угрожала со стороны Вандома. Бабефъ, Дартэ были еще живы. Повсюду трусливымъ семействамъ, женщинамъ напоминали, что Дартэ сто́итъ самого Лебона, что онъ страшилище похуже Робеспьера. Заботливымъ собственникамъ говорили о Бабефѣ, какъ о защитникѣ всеобщаго раздѣла, этой пропасти, способной поглотить и новыхъ и прежнихъ собственниковъ, и пустить ихъ по міру въ одной рубашкѣ. Въ первый моментъ подобныя пустыя угрозы еще могли заключать въ себѣ нѣчто правдоподобное, могли служить побужденіемъ къ грабежу, опасной искрой, способной воспламенить нуждающіеся классы; но послѣ 97 года, послѣ общаго отвращенія, которое встрѣтило Бабефа, угрозы эти представлялись въ ихъ настоящемъ свѣтѣ: ничѣмъ другимъ, какъ удобнымъ вспомогательнымъ средствамъ для роялистическихъ выборовъ. Наконецъ эти роялисты побѣдили и стали твердой

ногой. Къ чему человѣческія жертвы? Противъ Бабефа не было найдено никакихъ другихъ уликъ кромѣ его мечтаній, пустыхъ бумаженокъ; правда онъ придалъ имъ нѣкоторые значеніе своею молчаливою гордостью и безумными угрозами.

Все равно. Нужно было устроить нѣчто пріятное для столь неправильно избраннаго третьяго сословія, только что успѣвшаго сѣсть на скамьи, а также снять тяжесть съ души многихъ собственниковъ, спекуляторовъ и пройдохъ, и сказать имъ: «Дышите свободою... будущее теперь спокойно и безоблачно. Не бойтесь ничего. Бабефъ убитъ». Онъ былъ приговоренъ къ смерти вмѣстѣ съ Дартэ. Они поступили такъ же, какъ и осужденные въ преріалѣ. Они пытались заколоть себя кинжалами, но успѣли лишь нанести себѣ ужасныя раны и были казнены на другой день на гильотинѣ (26 мая 97).

VIII.

Дерзость роялистовъ. Преслѣдованія Луве, который доноситъ о заговорѣ и умираетъ.

Столь недостойное, путемъ обмана и преступленій, избранное третье сословіе достаточно охарактеризовало себя призывомъ человѣка запятнаннаго кровью и отвергнутаго прошлымъ собраніемъ, какъ глава роялистическихъ убійствъ на югѣ. Занимъ появился длинный Пишегрю, безличное, загадочное существо, котораго директорія только что лишила начальства. Бывшій крылошанинъ, затѣмъ сержантъ, онъ былъ произведенъ въ чины принцемъ Конде. Скверный въ своихъ привычкахъ, онъ придерживался очень смиренныхъ нравовъ, весьма рѣдкихъ въ тогдашнее время, и вмѣстѣ съ

тѣмъ былъ очень явнымъ ханжой. При появленіи его, всѣ встаютъ; вновь избранная треть членовъ привѣтствуетъ его какъ президента; затѣмъ встаютъ и прежнія двѣ трети и одобряютъ безъ возраженій.

Съ тѣхъ поръ измѣна предсѣдательствуетъ въ собраніи. Ее вводятъ и въ управленіе. Одинъ изъ членовъ директоріи выбываетъ, его замѣняетъ Бартелеми, агентъ короля, (какъ то показываетъ Барбе Марбуа въ 1818 г.). Карно привѣтствуетъ Бартелеми, отдаетъ визитъ Пишегрю; съ тѣхъ поръ претендентъ на престолъ засѣдаетъ въ образѣ Бартелеми въ самой директоріи. Теперь уже болѣе не стѣсняются. Имберъ-Коломесъ жалуется, что его смѣютъ упрекать въ перепискѣ съ Людовикомъ XVIII. На Рейнѣ, на Ронѣ, въ Бретани вербовщики бывшаго королевскаго нѣмецкаго полка, открыто вербуютъ войска королю.

Дабы отнять всякую власть у директоріи, лишить ее возможности дѣйствія, вновь избранные Пять сотъ хотятъ бить деньгами директорію, т. е. лишить ее денежныхъ средствъ, отстранивъ отъ нея управленіе общественными фондами—вѣрнѣйшій способъ парализовать правительство, усмирить администрацію. Кромѣ того, ханжи, какъ напр. ревностный Камиль Жорданъ, желали вложить въ руки священниковъ оружіе, далъ имъ всѣ средства подготовлять возстанія, возвративъ имъ колокольни ихъ, съ которыхъ они могли бить набатъ междоусобной войны.

Въ концѣ іюля (30 мессидора) совѣтъ Пяти сотъ приготовлялъ еще болѣе опасное предложеніе. Подъ предлогомъ террористическаго движенія, которое не существовало, онъ пожелалъ вновь образовать національную гвардію, еще болѣе опасную, чѣмъ во времена вандемьера. Она была бы отборною національною гвардіею, назначенною избирательными

собраніями исключительно изъ аристократической буржуазіи. Творцомъ этого предложенія былъ Пишегрю, который внесъ его въ собраніе 2 термидора (20-го іюля). Если бы оно прошло, Пишегрю и партія Клиши имѣли бы свое войско.

Все было покрыто мракомъ. Бонапарте, угрожая роялистамъ и посылая часть бумагъ, взятыхъ у Д'Антрэга и касавшихся Пишегрю, въ то же время держалъ д'Антрэга у себя, вмѣсто того, чтобы послать его въ директорію, гдѣ его бы допросили. Моро съ огромной своей рейнской арміей, совершенно противоположной итальянской и арміи Самбры-и-Мезы, держался безмолвнымъ, непонятнымъ. Онъ былъ подобенъ большому мрачному облаку, которое виднѣлось на востокѣ. Армія эта, такъ чистая въ великихъ вождей своихъ—Дезэ, Шампіонэ, была тѣмъ не менѣе сильно деморализована, въ особенности въ средѣ молодыхъ офицеровъ. Недалеко отъ нея, въ Страсбургѣ, находился чрезвычайно пріятный человѣкъ, почти ангелъ, нѣкто Фошъ-Борель, любезная и пріятная личность, годъ тому назадъ обворожившая Пишегрю. Онъ находился въ Страсбургѣ весь набитый англійскимъ золотомъ, которое онъ получалъ изъ Базеля. Корреспонденція его съ нѣмцами шла черезъ Страсбургъ и производилась посредствомъ страсбургскихъ пироговъ, которые отсылалъ страсбургскій патеръ. Фошъ привезъ изъ Швейцаріи большое количество золотыхъ часовъ, которые онъ раздавалъ въ долгъ и даромъ нашимъ офицерамъ. Арестованный, онъ деньгами и водкой, сдѣлался въ дѣйствительности королемъ тюрьмы и солдатъ, которые его охраняли.

Догадывался ли объ этомъ Моро? Очень можетъ быть. Строгій въ нравахъ своихъ, онъ вполнѣ зависѣлъ отъ г-жи Моро, которая вела его къ погибели. Найдя въ нѣмецкомъ фургонѣ письма Пишегрю къ непріятелю, онъ не сказалъ

ни слова, желая сначала разобрать ихъ. На это ушло нѣсколько мѣсяцевъ.

Теперь, послѣ того какъ монархическія партіи, партіи Бонапартовъ и Бурбоновъ, затѣмъ опять бонапартистовъ, имѣвшія по очереди перевѣсъ, въ продолженіи восьмидесяти лѣтъ, обладавшія деньгами, занимавшія первые мѣста, имѣли достаточно времени, чтобы развратить общественную совѣсть— наступило наконецъ забвеніе, и потому даже трудно себѣ представить до какой наглости дошли роялисты, эмигранты и приверженцы королевской партіи въ это лѣто 97 года. Можно сказать, что побѣдоносная республика совершала публичное покаяніе, а побѣжденная королевская партія, неремѣнясь ролями, казалось, заставляла ее просить прощенія.

Какъ могло это случиться? Не только путемъ неправильнаго избранія одной трети собранія и господства новой избранной трети надъ другими прежними двумя третями, теперь униженными,—но преимущественно тѣмъ вліяніемъ, какое имѣли роялисты въ дѣлѣ управленія, вслѣдствіи излишней мягкости Карно, измѣны Бартелеми, Кошона и самой полиціи директоріи. Одинъ другъ Карно восхваляетъ его за то, что онъ разрѣшилъ двѣ тысячи отпусковъ молодымъ людямъ, въ которыхъ нуждались ихъ семьи. Такимъ образомъ, безъ опредѣленной формальной отставки, администрація въ цѣлой Франціи давала временные отпуски, объявляя что тѣ или другія лица должны быть готовы явиться по первому призыву на службу націи. Даже родственники эмигрантовъ, были объявлены собраніемъ способными быть вытребованными для какихъ нибудь должностей. Этимъ молодымъ людямъ, въ галстухахъ и бѣлоручкамъ, оказывали предпочтеніе передъ другими, хотя часто они были очень немного чѣмъ получше образованы; такимъ образомъ мало по малу вся администрація смѣнилась

и оказалась завербованною изъ враговъ революціи. Даже армія, которая находилась въ бо̀льшей безопасности отъ подобнаго смѣшенія, имѣла въ людяхъ военныхъ наукъ, въ штабахъ очень подозрительныхъ военныхъ, въ родѣ Кларка, Матье Дюма, Лавалета и друг. Мы видѣли измѣну Кларка и ловкія снаровки его не прибыть къ сроку на мѣсто, такъ что Бонапарте одному пришлось покончить все въ Леобенѣ. Мы видѣли во флотѣ Вильяре-Жойезъ и друг., которые такими же запаздываніями и разсчитанными маневрами заставили Гоша потерпѣть пораженіе въ Ирландіи (см. Лавельеръ, 96 годъ).

Казначейство такимъ же образомъ было причиною неудачи экспедиціи Гюмбера въ 98 году. Эта администрація была однимъ изъ оплотовъ роялизма и осталась тѣмъ же. Барбе-Марбуа во времена Наполеона засталъ ее такою же. Во времена реставраціи я видѣлъ ее неизмѣнною. Членами ея, казалось, остались тѣ же самыя личности, все то же величественное нахальство и презрѣніе къ публикѣ, и по прежнему, подъ предлогомъ бдительности и экономіи, она находила возможность мѣшать во всемъ и въ критическіе моменты умѣла какъ нельзя лучше обезоружить государство.

Гордые чиновники это большею частью выходцы изъ міра эмиграціи, были подлинной копіей его и считали честью для себя выставлять копію эту на парижскихъ бульварахъ, въ Пале-Роялѣ, объявивъ войну патріотическимъ газетамъ. Была ли печать свободна? Да, по закону. Но въ дѣйствительности? Гораздо менѣе. Издатели патріотическихъ органовъ, не получая англійскихъ субсидій, которыя отъ Питта черезъ Виккама и наконецъ въ Парижѣ черезъ Дандре получались ежедневно, конечно находились въ гораздо болѣе стѣсненномъ денежномъ положеніи нежели другіе. Кромѣ того директорія

все еще подъ страхомъ партіи Бабефа, значительно подрѣзывала крылья патріотамъ. Это видно изъ дѣла Фрерона. Послѣ того какъ онъ напечаталъ первый томъ своихъ записокъ о преступленіяхъ роялистовъ и убійствахъ на югѣ, онъ не могъ напечатать втораго тома. Почему, не знаю. Мнѣ кажется, что даже другъ его Баррасъ отклонялъ его отъ этого и убѣдилъ его: «Не будемъ подливать масла въ огонь! Пусть погибнутъ эти плачевныя воспоминанія!... Парижъ веселится, забавляется. Къ чему его печалить»?

Такимъ образомъ, равнодушіе Барраса занятаго удовольствіями, снисходительность Карно, молчаливая измѣна Бартелеми, все зажимало ротъ патріотамъ и придавало смѣлость роялистамъ. Говорили: «Парижъ веселится!» Дѣйствительно по вечерамъ въ Пале-Роялѣ бывало довольно шумно. Каждый вечеръ тамъ происходила позорная сцена, передъ глазами безучастной полиціи. Какая сцена? Жестокая травля, безобразный шабашъ! Даже въ улицѣ Сенъ-Оноре и двухъ грязныхъ переулкахъ, которые примыкали къ Пале-Роялю слышались дикіе возгласы... «Что это?» — «Ничего ровно». А крики, дикій хохотъ продолжались. «И это ничего. Освистываютъ Луве и его Лодоиску».

Луве ненавистенъ и не безъ причины. Газета его «Стражъ» (Sentinelle), единственная вѣрная картина того времени, единственный вѣрный свидѣтель противъ того террора, который нагоняла въ то время наглость роялистовъ.

Слишкомъ скоро забыли этого человѣка, столь храбраго, великодушнаго; онъ былъ искренній республиканецъ и во время преріаля защищалъ партію горы, которая его же изгнала. Даже многія сочиненія его не извѣстны, кромѣ Фобласа, слишкомъ вѣрное изображеніе нравовъ передъ 89 годомъ; онъ написалъ еще прекрасный романъ о «Разводѣ и

необходимости его». Нѣкоторыя приключенія изгнанія его, повѣсть которыхъ такъ истинно трогательна, должны были бы вернуть ему расположеніе партій. Случилось же совершенно противное. Онъ открылъ больное мѣсто свое, черезъ которое могли терзать ему сердце. Не имѣя никакого состоянія, онъ вмѣстѣ съ женой своей жилъ тѣмъ, что содержалъ библіотеку для чтенія. Здѣсь то и шло злобное преслѣдованіе жены его, которая въ то время, разбитая несчастіями, была уже развалиной. Здѣсь каждый вечеръ ее терзали наглыми шутками, свистками, ей бросали въ лицо самые скабрезные эпизоды романовъ Луве. Спорили, бились объ закладъ: «Она покраснѣла! она поблѣднѣла!» Если несчастная обращалась въ бѣгство, враги торжествовали. «Я васъ увѣряю съ ней дурно... бѣги Луве, скорѣй, она умираетъ!»

Тогда Луве, худой и блѣдный блондинъ, невысокаго роста и къ довершенію всего близорукій, бросался на толпу, потрясалъ кулакомъ, угрожалъ... И вотъ поводъ къ колоссальнымъ взрывамъ смѣха.

Въ этихъ галлереяхъ, (тогда деревянныхъ, теперь желѣзныхъ) не было возможности скрыться отъ любопытныхъ взглядовъ. Каждая лавка имѣетъ два фасада, съ задней стороны все было видно; полумертвая женщина и отчаяніе мужа; и лучшее изо всего—слезы, его слезы! Какой праздникъ для этой своры щеголей, которые покатывались со смѣху: «Плачь, Луве, плачь!... Есть о чемъ. Смотри какъ она блѣдна! Она умретъ!» Газета Луве передаетъ намъ эти ужасныя сцены поруганія женщины и преслѣдованія ея на смерть: позорный столбъ древняго міра и выставка на позоръ—все было воспроизведено, даже свистки и, такъ сказать, плевки, и наконецъ, торжество гонителей, когда оскорбленіе попадало въ цѣль и жертва, подавленная стыдомъ, склонялась подъ наглыми и звѣрскими

взглядами преслѣдователей. За то Луве и былъ пораженъ на смерть. Онъ предсказалъ въ своемъ «Стражѣ» ударъ, который партія роялистовъ готовилась нанести директоріи. Онъ предсказалъ и умеръ восемь дней передъ событіемъ.

Возьмите въ публичной библіотекѣ собраніе сочиненій Геннина и др., вы увидите тамъ среди гравюръ того времени такіе типы, до созданія которыхъ не могли подняться ни Данте, ни Микель Анджело въ своихъ изображеніяхъ ада; быть можетъ, разъяренныя кошки, которыхъ вѣшали дюжинами въ желѣзныхъ мѣшкахъ надъ пылающими жаровнями наканунѣ Иванова дня, могли дать понятіе о томъ, съ страшнымъ мяуканьемъ, корчась въ предсмертныхъ судорогахъ объ эти ужасныя пекла. Страшныя гримасы ихъ могли быть изображеніемъ шуановъ, изступленныхъ дуэлистовъ и поджигателей 97 года съ ихъ звѣрскимъ смѣхомъ.

IX.

Директорія отдѣлывается отъ Карно.

Роялисты овладѣли Франціею и унижали ее. Побѣжденные въ Вандеѣ и повсюду, гдѣ стояли непріятельскія арміи, они тѣмъ не менѣе держали себя вызывающимъ и оскорбительнымъ образомъ въ Ліонѣ и Марселѣ. Въ Парижѣ они торжествовали въ галлереяхъ-де-Буа *) и въ новомъ Кобленцѣ. Друзья Шаретта, амнистированные Гошемъ, солдаты-дворяне Люзиньана, помилованные нашими въ Италіи, и только что снявшіе австрійскій мундиръ, были привѣтствуемы здѣшними дамами, парадировали на Итальянскомъ бульварѣ, какъ настоящіе побѣдители **).

*) Деревянныхъ галлереяхъ.

**) См. гравюры Буали и Ш. Верне; «Bibliot. Nation.

Историки, повѣствуя объ угрожающихъ адресахъ, приходившихъ сюда изъ арміи, повидимому, думаютъ, что вся эта буря была произведена Наполеономъ Бонапарте, возмущеннымъ неблагодарностью роялистовъ. Но адресы не менѣе строгіе и еще болѣе угрожающіе, приходили съ сѣвера, отъ солдатъ Гоша и арміи Самбры и Мезы. Столь революціонные адресы вовсе не входили въ политику Бонапарте, который только не надолго разсорившись съ ретроградами, снова возвратился къ нимъ и оказалъ имъ такую важную услугу при Кампо-Форміо. Къ тому же движеніе арміи противъ роялистовъ началось въ сущности гораздо ранѣе. Барбе-Марбуа *). чрезвычайно точный въ числахъ, передаетъ намъ фактъ, который я считаю не вымышленнымъ: итальянская армія послѣ Леобена, озлобленная до ярости противъ реакціи, которая выхватила у нея добычу изъ рукъ, предвидѣла, что реакція, послѣ такого шага впередъ, еще болѣе усилится при послѣдующихъ выборахъ и потому желала, чтобы выборы были отложены.

Нѣмой исполинъ девятнадцатаго столѣтія еще не былъ нѣмымъ въ то время. Правительство само подстрекало армію высказываться, поддерживая съ ней отеческую переписку. Директорія иногда писала простому офицеру, послѣ какого нибудь славнаго военнаго дѣла (напр. Рампону, апрѣль 96 г.). Знала ли итальянская армія все то, что происходило на родинѣ? Дочь Роны и Пиренеевъ, какъ могла она не знать, что вдоль всей Роны умерщвляли ея семью, вели охоту на всѣхъ покупщиковъ національныхъ имуществъ? Кто совершалъ эти убійства? Молодые отступники, которые по протекціи нашли возможность избѣгнуть набора, предпочитая столь удоб-

*) Барбе-Марбуа, т. I. Введеніе, стр. XVIII.

ную войну убійствъ на большой дорогѣ. Мать писала солдату: «Возвращайся!... Война уже болѣе не въ Италіи; она здѣсь... Возвратись и защити насъ. Мы не знаемъ сна. Каждую ночь мы слышимъ, какъ гнусные поджигатели стучатся въ ставни, насмѣхаются». Днемъ, эти разбойники-дворяне были прекрасными фехтовальщиками, очень искусно владѣвшими шпагой. Они спрашивали весьма вѣжливо: «Который глазъ прикажите вамъ выколоть, правый или лѣвый?» *).

Въ Парижѣ все это отрицалось. «Убійства! говорилъ добрѣйшій Камиль Жорданъ, ихъ было очень мало, почти нисколько». Карно гдѣ то говоритъ, что было всего два убійства. «Я прекрасно это знаю», прибавляетъ онъ, такъ какъ одно было совершено въ моемъ департаментѣ Котъ-Д'оръ, а другое на сѣверѣ, на родинѣ моей жены. — Увѣреніе, противъ котораго готовы протестовать сто тысячъ семействъ. Доказательствомъ того насколько убійства были часты, можетъ служить уже то, что директорія и такая, какою она была, все же испугалась и понадѣялась остановить убійства, опредѣливъ за каждое денежный штрафъ со всякой общины, гдѣ оно произошло.

Эти западни и убійства въ особенности поражали разъсѣянныя населенія, живущія въ глуши, т. е. тѣхъ крестьянъ юга, которые купили національныя земли. Убійства эти производили мало впечатлѣнія въ Парижѣ, но весьма сильное въ итальянской арміи, гдѣ солдаты были сыновьями, братьями или родственниками жертвъ, или, по крайней мѣрѣ, знали по имени всѣхъ убитыхъ общины. Отсюда сильное раздраженіе противъ директоріи, которая бездѣйствовала, почти ничего не продпринимая для искорененія этого зла, и въ особенности

*) Это случилось съ однимъ изъ моихъ друзей.

противъ Карно, уже ненавистнаго за Леобенскій трактатъ и подозрительнаго за свое послабленіе роялистамъ.

Такое настроеніе арміи разразилась лишь лѣтомъ 97 года. Еще весной никто не могъ предполагать насколько пошатнется могущество Карно. Кромѣ дѣйствительныхъ достоинствъ его, трудолюбія дѣятельности и уже довольно долгаго опыта, въ управленіи дѣлами и канцеляріями, существовало еще одно обстоятельство, благодаря которому онъ держался на крѣпкомъ якорѣ въ публикѣ, онъ самъ разсказываетъ о томъ чрезвычайно подробно: это были дружескія отношенія его съ Бонапарте *). Онъ не только считаетъ себя главнымъ виновникомъ блестящей судьбы Бонапарте, въ гораздо большей степени нежели Баррасъ, и приписываетъ себѣ часть заслугъ въ договорахъ Бонапарте съ Піемонтомъ и Австріею, но онъ еще обвиняетъ большинство членовъ директоріи (Ла-Ревельера, Барраса, Рюбелля) знаменитое тріо, «дрожавшее за свою власть», въ томъ, что они всегда стремились избавиться отъ генерала. «Бонапарте всегда былъ имъ ненавистенъ, говоритъ онъ, и они никогда не теряли изъ виду намѣренія погубить его».

Эти странныя слова (часто повторяемыя впослѣдствіи) хорошо объясняютъ положеніе дѣлъ и то невѣроятное могущество, которое Карно и Бонапарте обезпечивали другъ другу. Карно, при посредствѣ котораго Бонапарте былъ увѣренъ получить одобреніе всѣхъ своихъ дѣйствій, самъ извлекалъ для себя огромную силу въ громадныхъ успѣхахъ этого генерала, такъ счастливаго въ Италіи. Когда Массена привезъ въ Парижъ Леобенскій договоръ, то онъ, не обвиняя Бонапарте, какъ сдѣлалъ бы это безъ сомнѣнія Ожеро, въ то же время не могъ скрыть отъ большинства директоріи, что этотъ договоръ, столь пріятный Парижу и большому свѣту, при-

*) Карно, Отвѣтъ Байльеля, стр. 37 и пр.

шелся весьма не по сердцу арміи, которую онъ остановилъ въ самый моментъ блестящихъ побѣдъ. Тогда началась между Массеною и Ла-Ревельеромъ та вѣрная дружба и то взаимное уваженіе, которыя связывали ихъ до самой смерти.

Ла-Ревельеръ увидѣлъ тогда вблизи, то, чего не было видно изъ далека, а именно: что армія была недовольна, что поспѣшность Карно принять договоръ этотъ и посредствомъ силы и тираніи высшихъ слоевъ общества принудить товарищей своихъ принять его, была законнымъ поводомъ серьезныхъ обвиненій. Проницательность его была пробуждена. Онъ увидѣлъ, что для Карно и Бонапарте наступила невыгодная минута и сказалъ Рюбеллю: «Соединиться!... иначе мы погибли. Если мы будемъ имѣть на своей сторонѣ и Барраса, то большинство будетъ за насъ».

Минута была коротка. Слѣдовало воспользоваться ею. Великій чародѣй—Бонапарте, сильно упавшій въ мнѣніи арміи за Леобенъ, но поднятый вслѣдствіе неистовыхъ нападокъ роялистовъ, не замедлилъ бы снова вернуть прежнее обаяніе свое. Ла-Ревельеръ, выросшій, окрѣпшій въ порывѣ гражданскаго чувства, смѣло предложилъ двумъ товарищамъ своимъ мѣру, которая болѣе всего должна была оказаться непріятной Карно и Бонапарте: *назначить Гоша военнымъ министромъ.*

Карно всегда говорилъ съ полнымъ основаніемъ, что онъ первый покровительствовалъ Гошу; но Гошъ всегда считалъ его за своего врага, полагая, что причиною заключенія своего въ тюрьму не могла быть единственно ненависть къ нему Сенъ-Жюста, на что кромѣ нея была и другая—дерзновеніе его побѣдить, не смотря на знаменитый комитетъ и наперекоръ планамъ Карно. Взаимная антипатія ихъ не была тайной ни для кого. Поэтому выборъ Гоша (невозможный уже по одной молодости лѣтъ) былъ тѣмъ не менѣе фактомъ весь-

ма знаменательнымъ. Онъ говорилъ войску и всѣмъ, что большинство директоріи освободилось отъ деспотизма Карно. Это именно и придало такую страшную силу анти-роялистическимъ воззваніямъ итальянской арміи и арміи Самбры и Мезы.

Совершивъ такой актъ великаго мужества, члены директоріи рѣшились сдѣлать еще одинъ шагъ. Полиція была въ рукахъ Кошона, креатуры Карно. То есть директорія могла знать только черезъ посредство его свое дѣйствительное положеніе, степень безопасности своей, и на самомъ дѣлѣ, находилась въ полномъ невѣдѣніи. Этого Кошона, не имѣвшаго почти никакихъ тайнъ отъ роялистовъ, они замѣнили своимъ человѣкомъ Сотиномъ, вѣрнымъ и надежнымъ, и только тогда, опомнившись точно отъ сна, они въ ужасѣ увидѣли себя запутанными въ сѣть и висящими надъ пропастью.

X.

Роялисты призываютъ Вандею въ Парижъ. Директорія призываетъ Гоша и эскадронъ Самбры-и-Мезы.

Директорія, открывъ глаза, увидѣла посредствомъ новаго состава полиціи ей преданнаго, то, что бывшій министръ, Кошонъ, остерегся бы показать ей. Члены директоріи полагали, что имъ предстояло опасаться лишь повторенія вандемьера буржуазнаго возмущенія, когда сыны биржевыхъ игроковъ чиновники казначейства и др. явились бы для небольшихъ стычекъ на ступеняхъ Сенъ-Роха, а возлюбленныя ихъ рукоплескали бы имъ съ нарядныхъ балконовъ улицъ Св. Оноре.

Новый министръ, Сотинъ, имѣлъ болѣе точныя свѣдѣнія и, приподнявъ крыши домовъ (какъ въ романѣ Ле-Сажа), открылъ изумленнымъ членамъ директоріи картину, которая была для

нихъ совершенною неожиданностью и шепнулъ имъ на ухо: «Вандея здѣсь». Тайна эта хорошо сохранялась роялистами, настолько тщательно, что осторожный Барбе-Марбуа не промолвился о томъ ни однимъ словомъ, даже гораздо позже побѣды партіи. И мы бы ничего не знали о томъ еслибы де-Ла-Рю, у котораго было болѣе сердца, болѣе увлеченія, чѣмъ ума, не поспѣшилъ отдать справедливость усерднымъ ревнителемъ, неудачная попытка которыхъ, была открыта и подавлена въ фруктидорѣ. Такимъ образомъ, читая ловко составленный отчетъ Барбе-Марбуа, надо думать, что директорія была зачинщицей, между тѣмъ достаточно одного откровеннаго заявленія де-Ла-Рю чтобъ понять, что директорія имѣла передъ собой незнакомую армію и оттого еще болѣе неуловимую.

Сперва явились молодые люди пріятной наружности съ ьостока, изъ самаго центра эмиграціи, и нисколько не скрывались, герцогъ де-Ривіеръ и очаровательный Полиньякъ, возлюбленный сынъ такъ много возлюбленной матери, двѣнадцать лѣтъ царствовавшей надъ королевой Франціи. Затѣмъ съ запада явились крупные землевладѣльцы, напримѣръ Ла-Тремуль и другіе, возвратившіеся въ свои помѣстья. Они были повсюду желанными гостями, подслушивали на собраніяхъ г-жи Сталь, смѣшиваясь съ остальнымъ обществомъ.

Вандея, какъ я уже сказалъ въ другомъ мѣстѣ, очень пообчистилась отъ грязи своихъ героевъ-варваровъ. Благородная Вандея, посредствомъ г. де-Шатильона, упрекнула другую — крестьянскую, соединенную съ духовенствомъ, въ томъ что она возбудила негодованіе своими крайностями. Стофле—охотничій сторожъ не могъ получить крестъ Св. Луи. Фротте, въ Нормандіи, образовалъ другую Вандею, полу-феодальную, льстившую гордости нижне-нормандцевъ порядкомъ своимъ, одобрен-

нымъ королемъ. Біографы говорятъ, что Фротте былъ тогда въ Эдинбургѣ. Я этому не вѣрю. Я думаю вмѣстѣ съ де-ла-Рю, что онъ былъ тогда въ Парижѣ, по крайней мѣрѣ, въ ту минуту, не желая упустить такой вѣрный случай обезпеченнаго успѣха, когда всѣ ждали наградъ.

Но кромѣ этихъ кучекъ и шаекъ существовала еще такъ сказать разбредшаяся Вандея, весьма свободная Вандея всякаго рода оружія и сословій: разжалованные кавалеристы Шаретта, кабаны Кадудаля, которые покинувъ Шэнею, пробираясь по ночамъ, явились сюда безъ ружей, но съ отличными пистолетами англійскихъ фабрикъ.

Нельзя сомнѣваться также въ томъ, что убійцы юга, привлеченные щедрыми раздачами денегъ, которыми награждали вандейцевъ Дандре и другіе агенты англичанъ, явились еще и для того чтобы требовать свою долю. Между этими дворянами большихъ дорогъ, получившими привычку ко всевозможнымъ жестокостямъ были и такіе, которые дѣйствовали только во имя своихъ личныхъ побужденій изъ личной злобы, отъ сердца полнаго яда. Въ числѣ мужчинъ и женщинъ, приверженцевъ покойнаго Шаретта и агентовъ и шпіоновъ де-Пюизея, были воистину дьявольскія души. О нихъ можно судить по такому варварству: они выкалывали глаза лошадямъ генерала Гоша, покушались нѣсколько разъ застрѣлить и отравить его.

Эта разнокалиберность роялистической партіи дѣлала единодушіе немыслимымъ и управленіе ею крайне затруднительнымъ. Нельзя было надѣяться, чтобъ красавцамъ Полиньякамъ, не смотря на то что они явились прямо отъ короля, стали бы повиноваться кланы Фротте и дикари рабы, а тѣмъ менѣе эти честные люди, пришедшіе изъ своихъ лѣсовъ, гдѣ они уже не одинъ годъ жили добычею, часто кражами и не рѣдко убійствами. Пишегрю долженъ былъ придти въ ужасъ отъ этихъ

вспомогательныхъ отрядовъ, которые, по его словамъ, явились для того, чтобы войти въ составъ его будущей національной гвардіи. Это была армія воровъ, пришедшая на помощь арміи банкировъ. Это давало поводъ къ размышленію.

Карно старался приласкать партію роялистовъ, принимая въ своемъ саду маленькаго Люксембурга друзей своихъ, принадлежавшихъ къ этой партіи. какъ разъ подъ окнами сотоварищей и Ревельера-Лепо, который жилъ надъ нимъ. «Онъ и друзья его», разсказываетъ послѣдній: «приводили насъ въ отчаяніе католическимъ духовнымъ пѣніемъ, они пѣли обѣдни и вечерни *)». Но не смотря на все это и на свою предупредительность относительно роялистовъ, Карно отказался присоединиться къ нимъ. Какъ цареубійца, онъ не могъ ждать ничего хорошаго отъ партіи, въ которой видѣлъ столько фанатиковъ и сумасшедшихъ. Онъ даже вооружилъ на скоро умѣренныхъ (все равно были ли они роялисты или нѣтъ) и образовалъ изъ нихъ національную гвардію противъ этихъ ненадежныхъ людей. Вотъ почему и произошла та странная сцена, описанная Тьеромъ со словъ Ревельеръ-Лепо, который самъ говорилъ съ Карно. Послѣдній былъ большаго роста и обладалъ значительною самоувѣренностью; и потому былъ не мало удивленъ, когда маленькій горбатенькій человѣкъ началъ задавать ему вопросъ, глядя съ низу вверхъ и съ необыкновенною твердостью сказалъ ему: «Карно, слышалъ ли ты когда нибудь предложеніе, которое клонилось бы къ уменьшенію правъ совѣтовъ, къ увеличенію нашихъ правъ и къ подрыву конституціи?» — «Нѣтъ», отвѣтилъ Карно съ замѣшательствомъ.—Слышалъ ли ты когда нибудь, чтобы мы внесли предложеніе по части финансовъ, которое было противно общественнымъ интересамъ?—Нѣтъ. «Въ отношеніи тебя самого,

*) La Revellière, Мемуары, т. II, стр. 65.

можешь ли ты сказать, чтобы мы уменьшали твои достоинства или отрицали заслуги твои?» — «Съ тѣхъ поръ какъ ты отошелъ отъ насъ, можешь ли ты обвинять насъ въ неуваженіи твоей особы?» «Развѣ мы теперь выслушиваемъ менѣе внимательно твои мнѣнія, нежели когда мы ихъ признавали полезными и искренними?... «Что касается меня, закончилъ Ла-Ревельеръ: «показывалъ ли я тебѣ малѣйшую ненависть, хотя ты и принадлежалъ къ партіи, которая преслѣдовала меня и мою семью?» — Нѣтъ, нѣтъ, отвѣтилъ Карно. «Почему же ты отдѣляешься отъ насъ и присоединяешься къ партіи, которая злоупотребляетъ твоимъ довѣріемъ, которая сдѣлаетъ тебя орудіемъ для погибели республики и которая обезчеститъ тебя въ твоемъ паденіи?»

Рюбель, Баррасъ, побороли даже свою ненависть, чтобы сблизиться съ нимъ, но онъ остался непреклоннымъ и холодно возобновилъ предложеніе заняться обсужденіемъ мѣры о національной гвардіи. Члены директоріи закрыли засѣданіе и остались при полномъ убѣжденіи, что онъ предастъ ихъ. Директорія имѣла въ Парижѣ только стражу въ двѣсти пятьдесятъ кавалеристовъ. Собраніе же, кромѣ стражи въ тысячу человѣкъ, имѣло еще въ своемъ распоряженіи двѣ арміи: національную гвардію, которую она сформировала для Пишегрю и неизвѣстныя силы, шайки вандейцевъ, лѣсныхъ разбойниковъ съ юга и эмигрантовъ.

Баррасъ, не посовѣтовавшись съ товарищами, принялъ рѣшеніе описать Гошу положеніе директоріи, имѣвшей надъ своею головою цѣлое собраніе, а внизу армію разбойниковъ. Не было ни военныхъ силъ, ни денегъ. Бонапарте обѣщалъ послать денегъ, но пока не прислалъ ничего. Онъ потворствовалъ якобинскимъ заявленіямъ арміи, и вмѣстѣ съ тѣмъ, переписывался съ анти-якобинцемъ Карно и заявлялъ, что онъ съ нимъ все еще за одно. Рейнская армія, съ Моро во

главѣ, сохраняла подозрительное молчаніе. Великодушное сердце Гоша разгорѣлось негодованіемъ. Онъ послалъ все свое небольшое состояніе; затѣмъ и тѣ деньги, которыя ему удалось получить изъ кассы своей арміи. Самъ онъ садится верхомъ и пріѣзжаетъ въ Парижъ, желая показать этимъ храбрецамъ побѣдителя ихъ, героя Киберона. За нимъ слѣдовала кавалерія Самбры и Мезы, непобѣдимые эскадроны Ришьпанса; они даже проникли далѣе демаркаціонной линіи въ 12 лье, которую не смѣли переступать около того города, гдѣ находилось собраніе.

Это была голова Медузы. Собраніе сперва испугалось‘ потомъ раздражилось и нажаловалось директоріи; послѣдняя объяснила, что все произошло отъ недоразумѣнія. Карно произвелъ строгій допросъ Гошу, который скрылъ отъ него кто его позвалъ. Онъ щадилъ Барраса и молчалъ, опасаясь возбудить слишкомъ сильную тревогу роялистовъ. Послѣдніе неумолимо возвращались къ этому вопросу, требуя суда надъ Гошемъ. Гордый молодой человѣкъ, сильно оскорбленный оборотомъ, который хотѣли дать этому дѣлу, касавшемуся его чести и кассы арміи, требовалъ суда надъ собой. Положеніе странное и совершенно фальшивое. Роялисты, во главѣ разбойничьихъ шаекъ, кричали: «Законъ, законъ!» и въ продолженіи шести недѣль безжалостно преслѣдовали Гоша. Онъ подвергался такимъ опасностямъ, что явились гнусныя подозрѣнія, будто онъ хочетъ бѣжать; одинъ американецъ, настоящій или фиктивный, предложилъ ему у себя убѣжище. Онъ всѣмъ отвѣчалъ одно: «Я хочу, чтобы меня судили».

XI.

Фруктидоръ.

Побѣдители-роялисты имѣли достаточно времени, чтобы, составить себѣ апологію, сами позаботились доказать полную невозможность собственнаго оправданія.

1. Они прекрасно доказали, что революціонныя фразы которыя старались выставить, какъ вымыслы якобинцевъ «*Золото Питта*, *агенты Питта*» и т. д., не были ни преувеличены, ни невѣрны. Подкупы производились въ самой сильнѣйшей степени. Напримѣръ, было ли когда слыхано (какъ это видно, напримѣръ, у Фошъ-Бореля и др.) о чудовищныхъ попыткахъ подкупать цѣлыя арміи посредствомъ цѣнныхъ подарковъ, золотыхъ часовъ и др., которые раздавались офицерамъ и почти всякому солдату. Система безумной щедрости, въ которую бросился Питтъ выручений отъ раззоренія лишь тремя чудесами, почти невѣроятными: чудомъ фальшивыхъ ассигнацій, невѣроятною довѣрчивостью кредиторовъ государства и, наконецъ, сказочною неожиданностью, явившеюся какъ разъ во время, чтобы обратить въ мудрость это неслыханное безуміе, а именно *изверженіе той черной Индіи*, которая находится подъ почвой Англіи, выкинувшей цѣлый потокъ промышленныхъ богатствъ, лишь только ее коснулся волшебный жезлъ Уатта.

2. Роялисты показали, что для западни, которую они устраивали противъ директоріи, они употребляли не только эмиграцію и шайки юга, *зеленыхъ* Жоба Эме, но и шуановъ, все, что оставалось отъ разбойничьихъ шаекъ Шарретта, людей озлобленныхъ, отравленныхъ ядомъ недавно вынесенныхъ пораженій. Что бы произошло, если бы имъ удалось

уничтожить корпусъ жандармовъ и предать Францію убійцамъ? Но этого-то и не случилось. Карно, хотя и былъ уступчивъ по отношенію къ роялистамъ, испугался и, къ счастью, добился, чтобы прежніе члены собранія отвергли это предложеніе.

3. Люди эти, такъ мало совѣстливые, въ то же время выказали себя людьми очень неискусными, настоящими вѣтрогонами. У нихъ не было недостатка въ силѣ. Они обладали главною силою: законъ, или подобіе закона, былъ за нихъ. Говоря ихъ высокимъ слогомъ, они покорили собраніе, которое, хотя и враждебно настроенное по отношенію къ нимъ (это проявлялось), все же повиновалось имъ. У нихъ была и въ Парижѣ сила — многіе чиновники, купцы и члены администраціи, всѣ полные роялизма. Въ распоряженіи ихъ были люди дѣла, храбрые, закаленные, готовые на все, уже нѣсколько лѣтъ грабившіе на большихъ дорогахъ, отлично владѣвшіе кинжаломъ и пистолетомъ.

4. Цѣль ихъ была проста,—сказалъ откровенно Ла-Рю *):— застать директорію въ расплохъ и отдать ее подъ судъ. И что же, эти люди, столь мало совѣстливые, имѣвшіе въ рукахъ своихъ деньги, военную силу и даже разбойниковъ, были введены въ обманъ своими собственными подкопами. Конечно, въ лѣсной трущобѣ какіе нибудь Жаны-Шуаны, Кадудали поняли бы въ чемъ дѣло, на это у нихъ былъ тонкій слухъ. Но они были не одни и потому проиграли дѣло, упустивъ своею медлительностью настоящую минуту.

---

*) Ла-Рю здѣсь главный дѣятель. Онъ не лицемѣритъ, какъ Барбе-Марбуа, увѣрявшій, будто директорія ждала, была поражена. Онъ говоритъ, что зачинщики Виль о Пишегрю, имѣли среди молодежи и шуановъ двѣнадцать или пятнадцать тысячъ человѣкъ, готовыхъ на все, и еще десять тысячъ, которыя должны были присоединиться къ нимъ по первому зову (Ла-Рю, стр. 284).

Они должны были слушаться эмигрантовъ, пріѣхавшихъ прямо отъ короля и дѣйствовавшихъ его именемъ, а съ другой стороны, не раздражать буржуазію, огромную своею численностью и среди которой побѣжденные при вандемьерѣ были затерявшись, тѣмъ болѣе, что ими руководила такая бездарная и нерѣшительная личность, какъ длинный и плоскій Пишегрю. Желали схитрить, тонко повести дѣло. Рѣшили ждать. Принимая услуги столькихъ разбойниковъ, людей, осужденныхъ закономъ, они коварно шептали: «Пусть директорія сама приготовитъ свою погибель. А мы устроимъ такъ, чтобы законъ былъ за насъ».

Колебанія и неловкія хитрости эти сдѣлали то, что ихъ самихъ накрыли. Хуже всего было то, что накрылъ ихъ человѣкъ, повидимому, менѣе всего на это способный, философъ, ученый, котораго считали отнюдь не за дѣятельнаго человѣка, но за человѣка слабаго физически и умственно. Это было настоящимъ чудомъ, такимъ же невѣроятнымъ событіемъ, какъ если бы черепахѣ удалось поймать въ ловушку тигра. Философъ этотъ Ла-Ревельеръ, небольшаго роста, горбатый и медленный въ своихъ движеніяхъ, каждый вечеръ, безъ исключенія, отправлялся изъ Люксамбурга въ Ботаническій садъ къ Туэну, знаменитому садовнику, справляться, нѣтъ ли новыхъ растеній. По дорогѣ его можно было убить или всячески оскорбить; такъ и поступилъ нашъ Мало, смѣшной храбрецъ и рубака; онъ, вооружившись саблею, отправился къ Ла-Ревельеру, который холодно осмѣялъ его и вытолкалъ за дверь. Человѣкъ этотъ, который казался такъ миролюбивымъ, выказалъ въ знаменитомъ тріо наиболѣе твердости и отважности. Рюбель охотно бы уѣхалъ, Баррасъ хотѣлъ дѣйствовать лишь при помощи Сенъ-Антуанскаго предмѣстья, согласно прежнимъ традиціямъ своимъ. Но по-

добный пріемъ оставилъ бы многое на произволъ судьбы и далъ бы поводъ къ большому кровопролитію.

Предложеніе это было отвергнуто. Но чтобы, по крайней мѣрѣ, предупредить патріотовъ, въ «Монитёрѣ» напечатали объ ожидаемомъ возвращеніи претендента, который уже укладываетъ свои чемоданы, приготовляетъ экипажи и лошадей *). Старый маршалъ де-Брольи, Ахиллъ эмиграціи, доложилъ объ этомъ безъ всякихъ оговорокъ нашему министру въ Гагѣ. Извѣстіе это подогрѣло предмѣстья и даже въ собраніи многіе, по сообщенію самого Ла-Рю, присоединились къ директоріи, участвовали въ ея тайнѣ, т.-е. раздѣляли желаніе, чтобы вновь выбранная треть была взорвана.

Генералъ Гошъ, не возвращаясь въ Парижъ, все же сильно вооружалъ свою, такъ быстро воспламеняющуюся, армію противъ роялистовъ. Во время мрачнаго, трагическаго праздника, который устраивался ежегодно въ память умершихъ 10 августа, онъ получилъ отъ многихъ генераловъ своей арміи угрожающія заявленія и самъ раздулъ грозу, сказавъ: «Не оставляйте еще своихъ страшныхъ орудій!» Многіе офицеры получили разрѣшеніе ѣхать въ Парижъ, между прочимъ, Шеренъ, другъ Гоша, начальникъ его штаба и мужественный Лемуанъ, одинъ изъ побѣдителей при Киберонѣ. Что дѣлалъ въ это время патріотъ Бонапарте? Онъ также посылалъ якобинскіе адресы своей арміи; но въ то же время писалъ Карно, умѣренному изъ умѣренныхъ: «Я съ вами». Кромѣ того, онъ послалъ своего адъютанта Лавалетта подтвердить тоже самое на словахъ.

---

*) Матье-Дюма говоритъ по этому поводу нѣчто не совсѣмъ правдоподобное, будто Клеберъ, находившійся въ то время въ Пасси, при этомъ извѣстіи намѣревался ѣхать въ Парижъ воевать съ директоріею и разогнать собраніе, гдѣ торжествовалъ роялизмъ.

Онъ задерживалъ въ Парижѣ Ожеро, не желая возвращенія и опасаясь невоздержности послѣдняго на языкъ. Человѣкъ этотъ, съ Аркольскаго моста, былъ басней города и, кромѣ того, родившись въ предмѣстьяхъ, онъ сохранилъ тонъ ихъ и долженъ былъ нравиться имъ. Директорія поручила Ожеро командованіе военною дивизіею, а начальство надъ собственною гвардіею поручила Шерену, приверженцу Гоша. Съ тѣхъ поръ роялисты, разсудивъ, что нельзя болѣе терять времени, поручили Вобану, заочно осужденному при вандемьерѣ, составить, наконецъ, отчетъ о національной гвардіи. Дѣло не легкое. Предстояло помирить три оттѣнка роялистовъ; неистовыхъ, эмигрантовъ и вандейцевъ съ лицемѣрами Пишегрю. Прибавьте къ этому споръ изъ-за мѣстъ и чиновъ. Въ продолженіи восьми дней еще ничего не было рѣшено. Вандейцевъ, безъ сомнѣнія, держали въ сторонѣ; они слишкомъ испугали бы Парижъ. Показывали лишь болѣе ловкихъ людей: Пишегрю, Вильо. Эти ловкіе люди оказались дураками. Нерѣшительные, неспособные къ твердому образу дѣйствій, они сдѣлали еще ту ошибку, что держали себя какъ бы наготовѣ для полиціи. Она нашла ихъ въ одной комнатѣ, такъ что они и были арестованы въ одно время и поэтому не могли сдѣлать никакихъ распоряженій.

Въ то же время Ожеро, съ двумя тысячами человѣкъ, овладѣвалъ Каруселью, а другія двѣ или три тысячи осаждали садъ. Всѣ стѣны Парижа были покрыты извѣстіями объ измѣнѣ Пишегрю, о сношеніяхъ его съ Антрегомъ и съ приверженцами претендента. Депутаты, назначившіе Пишегрю президентомъ и собравшіеся поручить ему національную гвардію, конечно, не могли ожидать, чтобы народъ сталъ на ихъ сторону. Они попытались вернуться въ залу. Напрасно. Огромное большинство обоихъ совѣтовъ отправилось

въ Одеонъ и въ медицинскую школу, куда позвала ихъ директорія, и благодарила послѣдняго за спасеніе общества. Меньшинство, состоявшее изъ неправильно избранныхъ роялистовъ-самозванцевъ, про которыхъ можно сказать, что они самымъ преступнымъ образомъ завладѣли народнымъ представительствомъ, было сперва заперто въ Тампль, въ башню Людовика XVI; затѣмъ съ ними было поступлено, какъ со многими другими со времени Шуазеля, т.-е. ихъ сослали въ Кайенну, куда еще такъ недавно реакціонеры посылали террористовъ.

Надъ вандейцами не было произведено даже слѣдствія; они нарушили условія, даровавшія имъ жизнь, явились вопреки своему изгнанію, чтобы вновь начать междоусобную войну. Бартелеми предложили паспортъ. Онъ отказался, предпочелъ Кайенну. Карно спасся безъ особеннаго труда, остался еще нѣсколько дней въ Парижѣ. Онъ думалъ, что его хотятъ убить. «За что?» спросилъ Ла-Ревельеръ. «Что можетъ этимъ выиграть директорія? Только развѣ проклятія». Директорія испытывала страшное опасеніе,—именно опасеніе слишкомъ большой побѣды, которая могла создать диктатора. Она подозрѣвала Барраса, вслѣдствіе того вниманія, которое онъ всегда оказывалъ предмѣстьямъ. Представителямъ послѣднихъ позволено было явиться лишь черезъ два дня послѣ побѣды и то въ небольшомъ числѣ, подъ предводительствомъ бывшаго генерала Россиньоля, и тотчасъ же они были отправлены обратно.

Съ другой стороны, если бы прибыла блестящая кавалерія арміи Самбры и Мезы, которая стояла въ двухъ шагахъ, она бы весьма легко могла провозгласить диктаторомъ генерала Гоша. Ла-Ревельеръ, отъ избытка храбрости, пожелалъ дѣйствовать небольшими силами и одержать скромную по-

бѣду, которой не могли бы воспользоваться честолюбцы. Де-Ла-Рю очень вѣрно доказываетъ, что Ожеро имѣлъ всего пять тысячъ человѣкъ, число болѣе чѣмъ скромное для захвата Парижа. Вотъ почему роялисты, увидѣвъ небольшое число побѣдителей, явились къ Карно, скрывавшемуся у одного друга, и сказали ему, что съ нимъ они готовы напасть на директорію и на Ожеро. Дерзость вандейцевъ достаточно высказывается въ предложеніи напасть на человѣка Арколя. Карно былъ остороженъ. Эти бѣшеные люди, конечно, ничего не позабывшіе, показались ему болѣе опасными, чѣмъ сама директорія. Онъ предпочелъ удалиться.

Нерѣшительность директоріи, ея опасенія поразить слишкомъ сильно, неловкость движеній, съ какою она вмѣстѣ и поднимала и отдергивала назадъ руку, оказалась очень пагубной для самого дѣла и уничтожила весь эффектъ его въ Парижѣ. Двѣ трети собранія въ восторгѣ, что они отдѣлались отъ своего тирана—новой трети, на которую они были тѣмъ болѣе злы, что изъ постыдной слабости они позорно терпѣли власть ея надъ собой, оказались строже самой директоріи. Они приняли неслыханную мѣру: сорокъ семь департаментовъ должны были вновь произвести выборы и новыя судилища, арестуя и наказывая роялистскій терроръ, должны были дать всѣмъ гарантію свободы.

Довѣріе собранія къ директоріи было столь велико, что оно желало удержать членовъ ея на ихъ посту на десять лѣтъ. Они отвѣчали великодушнымъ «нѣтъ» и поклялись не остаться и часу долѣе срока, назначеннаго конституціею. Что слѣдовало сдѣлать съ преступною третью, завладѣвшею національнымъ представительствомъ? Изъ двухсотъ пятидесяти, пятьдесятъ человѣкъ были приговорены къ ссылкѣ: такое наказаніе было тѣмъ болѣе естественно, что роялисты

сами только что наложили наказаніе это на членовъ комитета общественной безопасности, которые, какія бы ни были ихъ дѣйствія, все же спасли Францію. Въ дѣйствительности, только пятнадцать депутатовъ и одинъ журналистъ были сосланы. Ссылка со времени Шуазеля была однимъ изъ самыхъ употребительныхъ средствъ наказанія; онъ ссылалъ сначала почти исключительно колонистовъ, людей вполнѣ честныхъ. Наказаніе это — было весьма неравномѣрною карою, смотря былъ ли человѣкъ бѣденъ или богатъ. Примѣръ тому — Барбе-Марбуа перенесшій ссылку весьма легко. Наконецъ, наказаніе это обманчивое: Пишегрю, возвратясь по прошествіи двухъ лѣтъ, повелъ на Францію русскихъ, такъ же какъ до ссылки водилъ австрійцевъ.

Якобинцы, которыхъ въ былое время разстрѣливали по пятидесяти человѣкъ въ долинѣ Гренелля, имѣли полное право удивляться, негодовать на филантропическое снисхожденіе, вслѣдствіе котораго смертная казнь была отмѣнена какъ разъ тогда, когда слѣдовало судить роялистовъ. Баррасъ былъ правъ, говоря: «Намъ надобно, по крайней мѣрѣ, голову Пишегрю». Извѣстные депутаты, взявшіе на себя постыдное порученіе раздавать англійское золото (набивъ предварительно собственные карманы), имѣли такое же право, какъ и главный измѣнникъ, на позорную смерть, на казнь на Гревской площади.

Подобная пагубная филантропія, оскорблявшая правосудіе, такъ какъ самые незначительные проступки ставились на одну доску съ ужасающими преступленіями, принесла свои плоды—увеличеніе числа измѣнниковъ. Именно въ эти-то дни братья Бонапарте, видя насколько Франція равнодушна къ добру и злу, начали безъ совѣсти и страха рыть для насъ пропасть брюмера, ту пропасть, въ которой для

Европы и для насъ были заключены пятнадцать лѣтъ войны и гибель трехъ милліоновъ людей.

XII.

Взрывъ фруктидора. Республика разражается повсюду. Конецъ 97 года.

Самая великолѣпная неожиданность, которую представляетъ исторія Франціи, это, мнѣ кажется, то что произошло на другой день фруктидора. Самыя блистательныя побѣды исторіи не производили никогда подобнаго впечатлѣнія. Ожиданія нашихъ враговъ въ виду выборовъ въ маѣ 97 года были громадны; казалось, что Франція подала голосъ противъ самой себя, отреклась отъ себя. Слабость директоріи по отношенію къ заговорщикамъ-роялистамъ, открыто признававшимъ сношенія свои съ англичанами, казалась невѣроятнымъ равнодушіемъ; можно было думать, что республика находится при послѣднемъ издыханіи.

Блестящій военный герой, согласно желанію большинства членовъ директоріи, даровалъ миръ королямъ (Піемонту, папѣ, Австріи) и въ дѣйствительности объявилъ войну народамъ, запрещая продажу церковныхъ имуществъ,—единственную мѣру, которая могла упрочить революцію Италіи.

Ловкіе люди, измѣнникъ Пишегрю, безразличный Моро, обращали свои взоры въ другую сторону, предавая республику, которая сама готовила свою погибель. Въ Базелѣ — Викгамъ, въ Парижѣ — Дандре раздавали гинеи изъ открытыхъ кассъ. На эту постыдную приманку явились вандейцы, думая держать въ рукахъ своихъ голову умиравшей Франціи, пока ее будутъ рѣзать въ другихъ частяхъ. Все это проис-

ходило 17 фруктидора. 18 все измѣнилось. Въ одну ночь роялисты были побѣждены во Франціи, въ Европѣ, повсюду. Какая битва, какая счастливая борьба могли произвести такое чудо? И самое лучшее въ немъ то, что почти безъ всякихъ усилій, почти безъ всякихъ средствъ получились громадные результаты. Величіе нравственное было единственнымъ побѣдителемъ. Фреронъ и термидорцы, друзья Барраса, вѣрили въ героическую пантомиму его и желали, чтобы онъ отправился въ предмѣстья. Но онъ не согласился, зная, что время пропущено, что никто не послѣдуетъ за нимъ. Гара весьма глупо замѣтилъ, что Баррасъ, менѣе всего уважаемый, наиболѣе старался выдаваться. Конечно, это было вѣрное средство для полной неудачи. Ла-Ревельеръ говорилъ и написалъ (съ обычнымъ авторитетомъ): «Какъ президентъ директоріи, *я одинъ подписывалъ въ эту ночь всѣ бумаги.* Безъ меня 18 фруктидора не могло совершиться». Доказательствомъ тому служитъ еще страшный гнѣвъ Карно, обрушившійся преимущественно на Ла-Ревельера (гнѣвъ, не помнящій себя, тысячи оскорбленій, ругательствъ: онъ называетъ Ла-Ревельера вонючимъ, ехидной). Роялисты признаются, что Ла-Ревельеръ колебался только относительно своего товарища Бартелеми, измѣна котораго была узнана лишь въ 1818 году, вслѣдствіе признанія Барбе-Марбуа.

И такъ этотъ калѣка, этотъ хворый философъ, о которомъ думали, что онъ занятъ ботаникой и теофилантропіей, взялъ на себя отвѣтственность, подписалъ и сдѣлалъ все, открывъ такъ сказать свою грудь для кинжаловъ—въ то время въ Парижѣ находились быть можетъ двадцать тысячъ убійцъ съ запада и юга. Кавалерія Гоша отсутствовала. Пять тысячъ подъ начальствомъ Ожеро были на лицо, они могли сражаться, побить немного враговъ, но не могли быть до-

статочной защитой. Человѣкъ, совершившій все безъ пролитія крови, показалъ себя воистинну героемъ, имѣя опорой одну лишь вѣру въ республику.

Представимъ себѣ лѣсъ, гдѣ разбойники видятъ на землѣ заснувшаго человѣка. Сонъ глубокъ. Они подходятъ. Но вотъ человѣкъ просыпается, онъ вооруженъ, онъ обнажаетъ мечъ, махаетъ имъ, и въ воздухѣ сверкаютъ круги стальныхъ искръ. Ему нѣтъ надобности наносить удары. Въ страхѣ всѣ отодвигаются и онъ невредимъ, среди своего молніеноснаго круга. И кругъ этотъ самый величественный. Кровавый моментъ 93-го года удивилъ, заставилъ всѣхъ опустить глаза въ землю. Здѣсь странное явленіе: философъ, завзятый филантропъ (имѣвшій глупость даже пощадить Пишегрю) повелительно требуетъ вопреки Баррасу, Ожеро и всѣхъ, чтобъ не было и капли пролитой крови. И не смотря на такое милосердіе, удивительное и неблагоразумное, весь свѣтъ просыпается и привѣтствуетъ республику.

То, что мы въ минуту эту принимали за блескъ меча, были души народовъ воскресшихъ при солнечномъ сіяніи фруктидора; онѣ проснулись и сіяютъ отъ подошвъ Этны до Зюдерзее. Весь Рейнъ, утопающій въ виноградникахъ, не согласный такъ во многомъ съ Германіей, теперь за насъ—идетъ съ нами. Голландіи, съ давнихъ поръ предаваемая домомъ Оранскимъ, который душилъ ее подъ властью Англіи, бросается въ открытое море, свою родную стихію. Наконецъ, Италія, удерживаемая коварствомъ Бонапарте, рѣшается дѣйствовать. Старый Римъ, (изрыгнувъ свою дряхлость—папство), увлекаетъ въ общій хоръ итальянскихъ республикъ великій Неаполь и мужественный Піэмонтъ. Кто усомнится въ томъ насколько великъ былъ наивный порывъ Италіи, когда въ

честныхъ рукахъ Шампіонне, Жубера она увидѣла себя тѣсно связанною сердцемъ съ Франціею.

Можно бы счесть это случайностью, но на тѣсной планетѣ нашей немного случайностей. Все идетъ согласно законамъ тайной гармоніи. Сѣверныя сіянія нашего полюса вызываютъ такія же сіянія на южномъ полюсѣ. Вулканическія явленія на Антильскихъ островахъ повторяются на островѣ Ява и въ Японіи. Французы, разсѣянные въ Индіи, электризируя мусульманъ подданныхъ Типпо и другихъ, пытались создать республику подъ началомъ этого героическаго султана. Надъ этимъ смѣялись, забывая, что магометане нѣсколько разъ принимали республиканскія порядки. *Равенство,* подъ однимъ начальникомъ—вотъ настоящій геній Азіи.

Кто былъ болѣе всего пораженъ? Англія, которая, послѣ столькихъ затратъ совершенно ненужныхъ, сочла себя раззоренною и пришла въ отчаяніе, Питтъ переживалъ печальный поворотъ къ полному паденію, которое наступило въ 1801 г. Говорятъ, что Фоксъ, думая что близокъ конецъ его родины, читалъ сочиненіе Юма: *объ искусствѣ хорошо умирать.*

XIII.

Замѣшательство директоріи, которая подписываетъ Кампо-Форміо—Октябрь 97 г.

Слава директоріи освѣтившая Европу и заглушившая голоса самыхъ ярыхъ враговъ Франціи, не ослабляла однако затруднительность настоящаго положенія.

До сихъ поръ великимъ дѣломъ, поглощавшимъ все, была война. Надо было наконецъ обратить вниманіе и на респуб-

лику (не читать только одни бюллетени армій). Возвращеніе нашихъ враговъ, дворянства и духовенства, облегченное мягкостью всѣхъ администрацій, наполняло больную Францію цѣлымъ роемъ смертоносныхъ насѣкомыхъ терзавшихъ ее. Даже послѣ фруктидора они въ нѣсколькихъ мѣстахъ пытались поднять междоусобную войну. Всего хуже было то, что миролюбивые по внѣшности, они внѣдрялись въ общее движеніе, чтобы сдѣлать его лихорадочнымъ, и находились всюду, не будучи узнаваемыми. Сіэсъ составилъ смѣлое, но неосуществимое предложеніе выгнать изъ Франціи всѣхъ дворянъ. Булэ (де ла Мертъ) и Шенье заставили постановить рѣшеніе, чтобы у нихъ, по крайней мѣрѣ, отняли гражданскія права. Съ другой стороны Сотинъ, усердный министръ фруктидора, взялъ на себя преслѣдованіе и изгнаніе всѣхъ священниковъ, отказавшихся присягнуть новымъ законамъ. Отсюда всеобщія вопли: «Бѣдные священники! Жестокое изгнаніе!» слышалось со всѣхъ сторонъ. По правдѣ сказать, это была лишь высылка междуусобной войны.

Оставались еще тысячи другихъ язвъ. Одному изъ бичей того времени постарались взглянуть прямо въ глаза. Во многихъ мѣстностяхъ обширныя земли оставались совершенно необитаемыми, невоздѣланными; мѣстныя власти не заботились даже узнать, принадлежали ли онѣ или нѣтъ эмигрантамъ. Ла Ревельеръ Лепо хотѣлъ, чтобы изслѣдованіе этого дѣла было поручено депутатамъ, которые могли быть менѣе робкими въ этомъ вопросѣ, нежели мѣстныя власти. Но въ концѣ концевъ, ничего не было сдѣлано, и эта громадная добыча была сохранена для произвола и подкуповъ консульства и имперіи.

Вслѣдствіе упадка бумажныхъ денегъ и облигацій, огромное количество ренты находилось въ рукахъ тѣхъ, кто пріоб-

рѣлъ ее по дешевой цѣнѣ. Тогда приняли смѣлое рѣшеніе: платить *деньгами* только треть, а двѣ другія трети покрывать *землями* изъ національныхъ имуществъ. Что могло быть справедливѣе подобной операціи? Но канцеляріи, которыя въ это же время путемъ разсчитанныхъ задержекъ подрывали успѣхъ ирландской экспедиціи, подготовляли также и полную неудачу этой великой финансовой операціи и объявили банкротство. Чиновники казначейства, отъявленные роялисты, превзошли въ этомъ случаѣ самого Пишегрю. Неудача такой громадной операціи произвела и въ тысячи другихъ дѣлъ безпорядокъ, путаницу и наконецъ полную парализацію. Всюду чувствовались стѣсненія. Шла безконечная пересылка бумагъ изъ одной канцеляріи въ другую. Всюду толстопузые, лоснящіеся нахальные чиновники, они восклицали: «Вотъ вамъ республика! Вотъ какова директорія! Они все поѣдаютъ... Идите просите объѣдковъ отъ великаго Люксембургскаго пира!»... Капиталисты возвращались безъ денегъ и въ ярости. «Робеспьеръ былъ право лучше. При немъ не было акциза на съѣстные припасы. Кто не умиралъ—могъ ѣсть. Хлѣбъ продавался здѣсь по уменьшенной цѣнѣ».

Къ этимъ смутамъ присоединялись еще новыя: большая рейнская армія, съ подозрительнымъ генераломъ во главѣ, своими сношеніями съ нѣмцами, посредствомъ страсбургскихъ паштетовъ и швейцарскихъ часовъ, внушала слишкомъ справедливыя опасенія. Теперь это вполнѣ выяснилось черезъ Фошборетя и признанія самихъ враговъ. Ожеро, которому была поручена армія эта, находился какъ утверждали, подъ вліяніемъ офицера интригана, бывшаго монаха, очень ненадежнаго. Рейнскую армію отняли у Ожеро и вскорѣ рѣшили распустить ее. Что сталось бы съ этою толпою военныхъ, храбрыхъ, но весьма непрочной нравственности. Даже герой

Дезэ, обладавшій слишкомъ нѣжнымъ сердцемъ, говорятъ, не особенно осуждалъ Моро за его вѣрность преступному другу. Самъ онъ не могъ жить безъ любви и обожанія, почему бросился въ Италію и предался Бонапарте. Клеберъ не подражалъ ему, но остался въ Парижѣ, недовольный и скучный, готовый принять участіе въ египетскомъ безумствѣ, въ которое его увлечетъ Бонапарте... Вотъ она наконецъ разсѣяна,— великая рейнская армія.

И такъ, почва подъ директоріею, побѣдительницею роялистовъ, блестѣвшею славою передъ глазами Европы, въ дѣйствительности, была изрыта многими ямами; масса насѣкомыхъ, муравьевъ, (банапартисты, полу-бабувисты) подрывали подъ нею самыя запутанныя подземныя норы и заставляли почву обрушиваться подъ ногами ея на каждомъ шагу. Но наиболѣе дѣйствительный вредъ принесъ знаменитый договоръ при Кампо-Форміо. Въ этомъ случаѣ Бонапарте, несравненно болѣе чѣмъ Кобенцель, оказался преданнымъ Австріи министромъ. Австрія, испуганная фруктидоромъ и неудачею своихъ друзей роялистовъ, снова ободрилась, когда увидѣла въ Бонапарте двойственнаго человѣка, уже заранѣе преданнаго ретроградной партіи.

Франція только что гордо отослала англійскаго посланника Мальмесбюри и отвергла его гнусное предложеніе заключить миръ за счетъ нашихъ союзниковъ. Австріи же имѣвшей на сторонѣ своей Бонапарте, нечего было бояться такого грубаго отпора. Бонапарте все устроилъ двумя преступленіями: онъ хотѣлъ чтобы Франція взяла себѣ генуезскую республику и предала Австріи венеціанскую, которую мы только что взростили поддерживали и которая отдала намъ острова свои въ благо-

дарность за наше покровительство *). Предложеніе это было гнусное, оно возмутило Барраса, Ревельера, Рюбеля. Что почувствовали они, когда убѣдились, что это мерзкое дѣло не могло быть оправдано даже призракомъ полезности? Этимъ прекраснымъ договоромъ мы предоставляли Австріи всѣ пункты оборонительные и наступательные, большую военную линію, ворота Италіи, куда она могла вступить во всякое время.

*) Приведемъ это изъ офиціальной переписки: Не ранѣе 12 іюля онъ подумалъ наконецъ поставить на военное положеніе города Италіи (онъ такъ часто говорилъ, будто вооружилъ ихъ). Но мѣсяцъ спустя *16 августа*, онъ объявилъ министру Талейрану, что уже *прошло время* начать войну, что австрійскій императоръ снова организовалъ армію свою—говоря другими словами, онъ сознается, что неповоротливые австрійцы оказались болѣе тонкими и обошли его. Что же въ такомъ случаѣ означаетъ письмо его отъ 3 сентября, въ которомъ онъ говоритъ, будто угрожалъ австрійцамъ начать войну *1 октября*, если до этого срока миръ не будетъ подписанъ? Онъ хорошо зналъ, что тогда все будетъ невозможно и онъ написалъ это шутовское письмо только для парижскихъ зѣвакъ. Въ перепискѣ Бонапарте, мы видимъ какъ онъ съ минуты на минуту измѣняется по отношеніи къ Венеціи. Ланфрэ здѣсь превосходно уличаетъ его. Теперь во всякомъ случаѣ при помощи обнародованной *переписки* можно лучше разсмотрѣть всѣ стороны вопроса: 1) прежнее правительство менѣе тиранническое, нежели то обыкновенно представляли, безъ сомнѣнія, было виновато въ отношеніи насъ, какъ вѣрный союзникъ Австріи. 2) Но чѣмъ же была виновна передъ нами *новая Венеція*, республика основанная венеціанцами, французами по сердцу и нашими собственными агентами, искренними и вѣрными—Саллеманомъ, Вильетаромъ, республика, съ которою Бонапарте 16 мая заключилъ договоръ, и которой 26 мая (въ то время когда онъ мошеннически отбиралъ флотъ ея) онъ давалъ самыя торжественныя обѣщанія обезпечить свободу ея и черезъ нее возстановить Италію? Онъ обманулъ венеціанцевъ еще 13 іюня. Онъ признавалъ 19 сентября, что изо всѣхъ городовъ Италіи, Венеція наиболѣе достойна свободы. И въ то же время страшно видѣть, насколько онъ, говоря эти слова, былъ уже далекъ отъ Венеціи, отъ Италіи самой. Подвижное воображеніе его еще 16 августа унесло его на востокъ, въ Грецію и въ Египетъ. Онъ другъ Али, свирѣпаго янинскаго паши. Послѣ фруктидора, когда директорія такъ искренно хотѣла свободы Италіи, онъ осыпалъ неистощимыми ругательствами Италію и народъ, «этотъ слабый, суевѣрный, шутовской, подлый народъ» и пр. Онъ рѣзко упрекалъ агентовъ протестовавшихъ за венеціанцевъ.

Кобенцель, видя подлость и продажность души предателя, надѣялся получить отъ него еще болѣе, оттянуть себѣ еще центръ Италіи. Если Австрія и не получила его, то согласно тайнымъ условіямъ договора, она получала весьма значительныя выгоды: часть Баваріи между Зальцбургомъ и Тиролемъ, затѣмъ обширное епископство Зальцбургское (интересный маленькій народъ, изъ среды котораго явился Моцартъ). Воинственныя населенія Истріи и Далмаціи, прежде подвластныя Венеціи, переходятъ этимъ договорамъ къ Австріи.

Во всемъ этомъ Бонапарте чувствовалъ сильную поддержку со стороны парижскаго высшаго общества, прекрасныхъ дамъ, каждый вечеръ являвшихся въ директорію и, со слезами на глазахъ, умоляющимъ голосомъ взывавшихъ «Ради Бога, дайте намъ миръ!» Герой помогалъ въ этомъ на сколько могъ, перечисляя директоріи всевозможные источники, которые бы потребовались для продолженія войны. Приближалась зима, предвидѣлись однѣ бѣдствія. И все это нарочно дѣлалось съ большимъ шумомъ; такъ что не одна только директорія, но и законодательный корпусъ въ испугѣ отступалъ и, очень можетъ быть, если бы настаивали, то онъ отказалъ бы въ деньгахъ и прочихъ необходимыхъ средствахъ. Прибавьте къ этому, что Бонапарте подалъ бы въ отставку и подготовилъ бы пораженіе преемниковъ своихъ. Ла-Ревельеръ разсказываетъ все это какъ нельзя лучше и доказываетъ, что если бы директорія отказалась подписать, то ей предстояла неминуемая гибель.

Бонапарте, этотъ великій актеръ, видя, что при помощи коалиціи всѣхъ измѣнниковъ, договоръ его долженъ состояться, употребилъ уловку, которая всегда удавалась ему; онъ разыгралъ театральную сцену, во время которой разбилъ у Кобенцеля нѣсколько дорогихъ фарфоровыхъ вещей какъ бы въ при-

падкѣ гнѣва, распустилъ слухъ, что этимъ испугалъ министра и заставилъ его наконецъ принять этотъ договоръ, столь желанный для Австріи!. Приближенный его Бертье и звѣроподобный Монжъ, (грубая и плоская морда), были присланы въ директорію; имъ было поручено передать ей договоръ. Это темное дѣло было привезено въ темную ночь, въ поздній часъ, и подано суровому Ла-Ревельеру; и онъ безъ всякой жалости описываетъ подобострастную учтивость Бертье и грубое раболѣпство звѣря, который весьма неловко склонялъ свой грубый хребетъ до самой земли *). Въ извинительномъ письмѣ, съ которымъ Бонапарте обращается къ директоріи, есть одно выраженіе, которое звучитъ ужасно фальшивою нотой. Это хвала, воздаваемая имъ Гошу, только что скончавшемуся. Смерть эта будто бы была одной изъ причинъ, которыя заставили его подписать миръ. Весь свой вѣкъ этотъ баловень судьбы интригами и ловкостью, отнималъ удачу у настоящаго героя **). Гошъ не былъ счастливъ. Правда онъ пожалъ мрачные лавры въ Вандеи, но упустилъ вандемьеръ и фруктидоръ. Не рѣшились употребить такого гордаго человѣка. Военныя канцеляріи, эти неизмѣнные и страшные враги, были всегда противъ него, также какъ и всѣ измѣнники и высшее общество со временъ Киберона.

Этотъ человѣкъ, умершій двадцати восьми лѣтъ, долженъ былъ жалѣть жизнь. Онъ имѣлъ обширные планы не войны, а скорѣе мира, воскресенія двухъ народовъ—ирландцевъ и валлоновъ. Для послѣднихъ онъ бы основалъ Масскую рес-

---

*) Ла-Ревельеръ, Мемуары оп. II, стр. 275.

**) Въ одной любопытной гравюрѣ изъ коллекціи Генена Бонапарте представленъ какъ преемникъ Гоша. Семья послѣдняго въ 1840 г. говорила мнѣ, что полагали, будто бумаги Гоша были отвезены лейтенантомъ его (Лефевромъ) къ Бонапарте.

публику, воскресилъ бы генiй Маса, Мозеля и Рейна, генiй виноградниковъ столь отличный отъ Германiи *). Войны революцiи нисколько не исключали истинное человѣческое братство. Гошъ, Марсо были любимы на обоихъ берегахъ. Могилы ихъ, до сихъ поръ находящiяся въ Германiи, остаются тамъ, чтобы напоминать, что они даже въ войну вносили духъ мира.

---

*) Генiй этотъ могучiй и весьма оригинальный. Съ береговъ Масы съ Майсека, недалеко отъ Лютиха, въ 1400 году явился великiй революцiонеръ живописи, который разбилъ символъ и освободился отъ нѣмецкой школы. На холмахъ Бонна, не далеко отъ Кельна, я вижу рожденiе (такъ далекаго еще отъ пантеизма) героя—Бетховена.—Рейнъ и Мозель, соединенные въ великомъ союзѣ своихъ республиканскихъ федерацiй, имѣли въ немъ свой главный голосъ.

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ.

Англія. Индія. Египетъ.

97—98.

I.

Организаціи Индіи при Корнваллисѣ.

Англія, изгнанная въ 97 г. изъ Европы, утратившая единственную союзницу свою, Австрію, побѣжденная какъ партія заговорщиковъ въ неудачѣ интриги фруктидора, въ которую она бросила потоки золота, серебра и пр., Англія, говорю я, несмотря на нѣкоторые успѣхи на морѣ, казалось была близка къ смерти. Англія? Да, но не англичане. За исключеніемъ возмущенія флота, паники одной минуты, за исключеніемъ паденія ренты, которая вскорѣ поднялась, міровыя событія не вліяли нисколько на англичанъ ни на благоденствіе ихъ.

Многочисленныя семьи ихъ, жирныя леди, толстощекія

миссъ по прежнему съ полнѣйшимъ спокойствіемъ пожирали чудовищныхъ барановъ, быковъ, которыхъ только что создалъ Бакуэль. Безчисленныя дѣти ихъ, которыхъ отецъ зналъ только по годовщинамъ рожденія ихъ, нисколько не озабочивали его. Средство пристройства было всегда подъ рукой. Съ того дня какъ младенцы принимали видъ взрослаго человѣка, т. е. съ пятнадцати лѣтъ, ихъ, безъ малѣйшаго колебанія, выбрасывали въ море, не такъ какъ прежде на всѣ случайности жизни моряковъ, но на переправу къ сухопутнымъ должностямъ, въ бюрократію Индіи, гдѣ они должны были учиться строченью бумагъ. Каждая мать за утреннею молитвою поминала великаго Гастингса, который устроилъ такой великолѣпный порядокъ, но еще поминала она корону, добраго короля Георга и еще усерднѣе чѣмъ короля—Корнваллиса, за то что онъ въ вицекоролевствѣ своемъ учредилъ такую громадную администрацію, въ которой всѣ находили мѣста,—администрацію до того многочисленную, что, по сдѣланному въ то время разсчету, въ русской имперіи, седьмой части обитаемаго міра, было менѣе мѣстъ для раздачи.

Георгъ III, лучшій изъ ганноверцевъ, не былъ великимъ политикомъ; но онъ съумѣлъ, лучше нежели могло бы можно было ожидать отъ разстроенной головы его, понять небольшимъ прозаическимъ здравымъ смысломъ низовой Германіи то, что болѣе гордые умы не съумѣли бы угадать какъ онъ, что «если англичане одинъ за другимъ разжирѣютъ отъ добычи—Индіи, то Англія проститъ все прочее коронѣ и что ему не придется болѣе видѣть, какъ толпа ломаетъ его карету, ни видѣть себя на чеку къ бѣгству въ Гановеръ» После Гастингса, мошенника и умнаго человѣка, который изобрѣлъ великій способъ хищенія, надо было найти для примѣненія его человѣка посредственности, который шагъ за

шагомъ приводилъ бы его въ дѣйствіе просто и толково. Въ числѣ друзей короля нашелся честный человѣкъ съ заслугами, но очень несчастными. Адъютантъ короля Корнвалисъ, человѣкъ кроткій и честный, былъ извѣстенъ только по своему великому пораженію. Его считали полководцемъ за то, что онъ съѣздилъ въ Пруссію къ Фридриху II и что ему дали подъ начальство въ войнѣ противъ американцевъ и Лафайета армію въ девять тысячъ человѣкъ, съ которою онъ сдался въ 1780 г. Это не охладило короля къ несчастному полководцу и онъ, на зло оппозиціи, наградилъ Корнвалиса, назначивъ его лордомъ намѣстникомъ Индіи и это въ ту минуту, когда новая администрація превращала вицекороля въ короля. Корнвалисъ остался долго въ Индіи и вполнѣ оправдалъ выборъ Георгъ посредственностю своею, которую тотъ цѣнилъ болѣе всего.

Если онъ измѣнилъ ей, то всего одинъ разъ и то совершенно неожиданно: случай послалъ ему военный успѣхъ. Но это не была его вина. Онъ дѣлалъ все, что могъ для того, чтобы понести такое же пораженіе, какое понесъ въ Америкѣ. Въ 1789—1790 г. онъ велъ войну съ Типпо, великимъ мусульманскимъ вождемъ, замѣчательно мужественнымъ— мужествомъ тигра. Типпо три раза заставлялъ англичанъ голодать, отказывался вести съ нимъ переговоры и, можетъ быть, захватилъ бы ихъ въ плѣнъ, если бы не находчивость Корнвалиса, призвавшаго на помощь мараттовъ. Два - три раза англичане могли погибнуть отъ голода передъ Серингапатамомъ, который они осаждали, если бы не помощь мараттовъ, подоспѣвшихъ въ числѣ тридцати тысячь и доставившихъ припасы. Когда ушли маратты, Корнваллисъ призвалъ на помощь дикія племена, которыя за одинъ разъ привели ему сорокъ тысячь быковъ. Типпо, покинутый союзниками

имѣвшій не болѣе тысячи человѣкъ кавалеріи, не могъ защищать столицу свою, Серингапатамъ. Онъ былъ принужденъ отдать половину королевства и сыновей своихъ въ заложники. Они встрѣтили отеческій пріемъ у Корнвалиса. Если бы Корнвалисъ совершенно уничтожилъ Типпо, то слишкомъ усилилъ бы маратговъ; но онъ въ это время завладѣлъ извѣстною частью страны, что открывало англичанамъ путь еще болѣе распространять владѣнія свои. Завоеваніе это, купленное такою дешевою цѣною и преимущественно политикою, надѣлало въ Европѣ болѣе шума нежели наша побѣда при Жеммапѣ, одержанная около того же времени. Англичане очень искусно выставили и разгласили свой успѣхъ. Гравюры, не дорогія и полуиллюминованныя, которыя встрѣчаются еще и теперь, представляли тогда вездѣ героическое сопротивленіе Типпо, безконечно трогательную сцену, когда маленькіе индѣйскіе принцы были приведены къ побѣдителю», наконецъ, великодушный пріемъ оказанный несчастію и милосердіе совершеннѣйшаго джентельмена—Корнвалиса.

Когда разразилась война революціи, Корнвалису выпалъ еще успѣхъ отнять Пондишери у французовъ, и это казалось навсегда закрывало Индію для враговъ Англіи. Онъ вполнѣ оправдалъ выборъ и намѣреніе двора. Трудолюбивый, серьезный, посредственный во всемъ, но твердый, онъ велъ войну противъ воли, но счастливо. Величайшее честолюбіе его заключалось въ другомъ: онъ болѣе желалъ быть мудрымъ администраторомъ, внести наконецъ порядокъ въ индійскій міръ, который былъ такъ потрясенъ вторженіемъ чужеземныхъ элементовъ.

Но порядокъ понимаемый Корнвалисомъ, этимъ вѣрнымъ орудіемъ англійской короны и министерства, есть привязанность Англіи къ учрежденіямъ своимъ, заставляющая ее желать нахо-

дить ихъ повсюду и повсюду натягивать до нихъ тысячи вещей, которыя ни въ чемъ не сходны съ ними и различіе которыхъ она не хочетъ видѣть. Такъ она ассимилировала Шотландію себѣ, законъ клановъ — закону англійскаго феодализма. Лорды—военные судьи клановъ—были отождествлены съ лордами владѣльцами наслѣдственныхъ земель. То что было должностью, стало наслѣдствомъ, которое дочери принесли какъ приданое въ знатныя англійскія фамиліи. Такъ совершилось уничтоженіе клановъ въ пользу великой феодальной собственности и англійской узурпаціи. Уничтожать повсюду мелкую собственность въ пользу крупной—таково было стремленіе Англіи и въ своей собственной землѣ. И оно стало еще несравненно сильнѣе въ концѣ восемнадцатаго вѣка, когда искусные люди доказывали насколько крупное земледѣліе приноситъ болѣе дохода, оставляетъ менѣе негодныхъ земель, нежели земледѣліе на мелкихъ участкахъ. Питтъ тѣмъ энергичнѣе дѣйствовалъ въ этомъ смыслѣ, потому что разсчитывалъ, что мелкіе собственники не имѣя средствъ покупать крупныя имѣнія, будутъ помѣщать деньги свои въ ренту, т. е. отдавать ихъ въ его руки. Онъ рѣшительно двигалъ систему свою впередъ не только огромными налогами на предметы потребленія—налогами падавшими на массу, но даже законами дерзко тираническими, какъ законъ 92 г., который отдавалъ въ аренду общинныя земли наиболѣе богатымъ членамъ общины.

Корнвалисъ произвелъ въ Индіи реформу, которая была вполнѣ аристократической. Онъ объявилъ, что *вся поземельная собственность принадлежитъ крупнымъ землевладѣльцамъ*, или земиндарамъ, а не крестьянамъ—райямъ, которые обработывали ее съ незапамятныхъ временъ: Земиндары эти, подъ прежнимъ правительствомъ Могола, были фискальными аген-

тами, собиравшими подати. Они соединили въ лицѣ своемъ всѣ власти и были еще въ то же время судьями, такъ что въ тяжбахъ своихъ съ крестьянами они судили дѣло и были судьями и судящимися. Это было вопіюще. Они могли засудить, согнать съ земли крестьянина и отдать другому землю его. Государство не теряло ничего. Земиндаръ одинъ былъ отвѣтственнымъ лицомъ и вносилъ все равно подати. Однако право протестовало. Были англичане (какъ Франсисъ—знаменитый Юніусъ, обвинитель Гастингса), которые утверждали, что земля съ самаго начала и по праву принадлежала крестьянину, который обработывалъ ее въ продолженіи вѣковъ. Корнвалисъ думалъ найти средній путь, утверждая, что *поземельная собственность на самомъ дѣлѣ принадлежала аристократіи*, земиндарамъ, но что они *не будутъ болѣе судьями*, и что тяжбы между ними и земледѣльцами будутъ судимы въ судахъ государственныхъ, судьями вызванными изъ Англіи и, слѣдовательно, безпристрастными. Тогда обнаружился подъ этою странною формою противуположный геній двухъ расъ, двухъ обществъ, такъ различныхъ другъ отъ друга. Формы англійской судебной процедуры, такъ медленныя и многословныя, усложняли мельчайшія дѣла, приводили въ отчаяніе туземцевъ, требовали постояннаго посредничества переводчиковъ. Но даже и съ ними судьи и тяжущіяся стороны не понимали другъ друга; отсюда невѣроятныя затяжки въ дѣлахъ и неимовѣрное скопленіе дѣлъ. Въ два года, и это въ одномъ округѣ, число тяжбъ дошло до тридцати тысячъ. Потерявъ надежду выпутаться изъ такого положенія, приняли крутую мѣру—закрыть косвенно суды такою чудовищною дороговизною платы, что доступъ къ нимъ сталъ страшенъ. Бѣднякъ не приходилъ болѣе въ судъ, его останавливали предварительные расходы а если земиндаръ приходилъ, то онъ раззорялся. Прежде онъ

былъ судьею и могъ простымъ приговоромъ отнять землю, согнать крестьянина; теперь на то нужны были дорого стоившія формальности.

При Моголѣ существовали большіе безпорядки, но однако страна процвѣтала *) Тогда построили всѣ зданія для общественной пользы, громадные бассейны для собиранія дождевой воды, такъ необходимые для орошенія. Индія была плодоносной, она оставалась плѣнительною *Сита*, такъ превосходно воспѣтою въ Рамайанѣ. Не смотря на аккуратность и на честность Корнвалиса, уже при немъ все начало увядать и Индія съ этого времени начала упадать до того состоянія дряхлости, въ какомъ она находится теперь. Нищета эта объясняется преимущественно администраціей такою дорогою какой еще нигдѣ и никогда не было. Система, созданная въ Лондонѣ, и примѣнять которую былъ обязанъ Корнвалисъ заключалась въ запрещеніи чиновникамъ торговать и въ вознагражденіи ихъ за то огромнымъ жалованьемъ. Воображали уничтожить всѣ злоупотребленія, слѣдуя странной методистской идеѣ: «Чѣмъ болѣе человѣкъ получаетъ, тѣмъ менѣе онъ желаетъ получить; слѣдовательно богатство дѣлаетъ людей нравственными». По этому правилу, чтобы имѣть добродѣтельную администрацію, ее слѣдовало по горло набить чудовищнымъ жалованьемъ.

Такъ предсѣдатель суда, chief justice, назначаемый на двѣнадцать лѣтъ, получалъ въ годъ пять сотъ тысячъ франковъ. Всѣ другія должности въ администраціи, судѣ, арміи, церкви вознаграждались по этой пропорціи. Такимъ чудовищнымъ

*) Существовала большая разнородность въ администраціи. Кажется, что тогда въ мелкихъ индійскихъ государствахъ агенты государя прямо сносились съ земледѣльцами, или съ каждымъ особо или съ каждою деревнею (Миль и Вильсонъ т. V).

увеличенiемъ жалованья Индiя, обращенная въ богатое поле для подкупа при выборахъ, придала коронѣ, министерству большую силу, такую же, какую придавала имъ и государственная церковь,—другой столпъ королевской власти. Администрацiя ея набиралась съ этого времени въ совершенно другихъ классахъ, менѣе дѣятельныхъ и болѣе утонченныхъ, нежели классы, положившiе основу владычеству Англiи надъ Индiей. Эти другiе, болѣе почтенные и приличные, болѣе уважавшiе себя, но безконечно менѣе дѣятельные, трудолюбивые, болѣе подверженные влiянiю климата, любящiе долгiе досуги; наконецъ, сильно проникнутые духомъ методизма и потому еще болѣе далеко стояли отъ индiйскихъ подданныхъ своихъ, нежели стояли прежде товарищи Клайва. Отсюда возраставшее ханженство, которое и принесло плоды свои въ 1857 г.

Всѣ эти ошибки, которыя безспорно были предписаны и навязаны изъ Лондона, не могутъ препятствовать признать заслуги Корнвалиса. Даже не смотря на всѣ упреки, которые можно сдѣлать англiйской администрацiи, я сомнѣваюсь, чтобы какой-либо другой европейскiй народъ могъ лучше выйти изъ такого труднаго дѣла. Быть можетъ, англичане и итальянцы создали бы смѣшанными браками расу, которая спустя продолжительное время подняла бы Индiю и выступила бы въ роли посредницы между востокомъ и Европой. Англичане, непрестанно вербуемые, быстро смѣняли другъ друга и породили тамъ племя больныхъ, безъ будущности, которое не произведетъ ничего, кромѣ разложенiя прекрасной и нѣкогда такъ сильной расы ихъ. Я думаю, какъ и докторъ Бертильонъ, (*Словарь медицины*, *статья Акклиматизацiи*), что завоеванiя колонiй въ тропическихъ странахъ недолговѣчныя и тщетныя предпрiятiя, что они настоящiя кладбища Европы и ничего

болѣе. Всѣ народы одинъ за другимъ придутъ въ Индію и умрутъ тамъ, Индія принадлежитъ только одной Индіи.

Цѣлую жизнь свою я одинъ противъ всѣхъ утверждалъ, что для Италіи придетъ день воскресенія, возрожденія. Это оправдалось; и это также оправдается и для Индіи. Она жива, внизу подо всѣмъ, болѣе трудолюбивая *) и менѣе мертвая нежели Италія въ семнадцатомъ вѣкѣ. Въ числѣ претендентовъ, которые будутъ оспаривать наслѣдство англичанъ, явятся туземцы, они выростутъ въ борьбѣ, похоронятъ всѣхъ чужеземцевъ и останутся одни владѣтелями Индіи. Тогда тамъ будетъ Европа.

---

*) Сами англичане нисколько не затрудняются говорить, что они убили Индію. Мудрый и человѣчный Г. Рюссель такъ думалъ и писалъ. Они убили производство ея налогами и запрещеніями, они отняли всю энергію у индійскихъ ремеселъ. Если они существуютъ, то обязаны этимъ тому, что жители востока необыкновенно высоко цѣнятъ издѣлія Индіи на рынкахъ Явы и Бассоры.

Это было предметомъ сильнаго удивленія даже для самихъ господъ Индіи, когда въ 1851 г. были привезены и выставлены на свѣтъ чудеса промышленности ея, когда одинъ добросовѣстный англичанинъ, г. Ройль выставилъ и объяснилъ все это волшебство востока. Комиссія выставки, задачей которой было судить только «одни успѣхи за пятнадцать лѣтъ», не имѣла въ распоряженіи своемъ ни одной награды для промышленности вѣчной, чуждой всякой моды, болѣе древней и болѣе новой нежели всѣ роды нашей, которые стары при рожденіи. Рядомъ съ англійскими тканями появилась старинная индійская кисея и затмила все. Комиссія, чтобы имѣть образецъ ея на выставкѣ, предложила награду очень умѣренную — 62 франка. Ткачъ Гюбіола, работникъ изъ Голконды получилъ ее. Кусокъ кисеи его работы проходилъ въ небольшое кольцо; она была такъ легка, что на вѣсъ двухъ фунтовъ шло триста футовъ кисеи. То было облако какъ то, которымъ Бернарденъ де-Сенъ-Пьеръ одѣлъ Виргинію; какъ то, въ какомъ Ауренгъ-Зебъ похоронилъ любимую дочь свою въ гробницѣ изъ бѣлаго мрамора, которою всѣ восхищаются въ Аурунгбадѣ.

Не смотря на почтенную попытку г. Ройля и даже тѣхъ французовъ которые нашли несправедливымъ, что къ нимъ отнеслись лучше, нежели къ восточному народу, Англія дала въ награду бѣднымъ подданнымъ своимъ индійцамъ только слова: «Что касается прелести фантазіи, красоты, изяще-

II.

Обѣщаніе Бонапарте. Какъ они оборудовали экспедицію въ Египетъ. 1797—98 гг.

Англія, не смотря на побѣды свои надъ флотами союзниковъ нашихъ, ни мало не поднялась къ концу 97 г. Страшный образъ мая (*пловучей республики*) стоялъ постоянно передъ глазами ея. Австрія покинула ее при Кампо-Форміо, и она видѣла себя одинокой среди Европы. Система, которую она ввела въ Индіи черезъ Корнвалиса, раззоряла ее и, когда

ства, разнообразія, смѣси, счастливой гармоніи красокъ—ничто не сравнится съ этими издѣліями. Какой урокъ для фабрикантовъ Европы».

Восточное искусство вмѣстѣ и наиболѣе блестящее и наименѣе дорогое Дешевизна рабочихъ рукъ чрезвычайная, я чуть не сказалъ: плачевная Содержаніе работника не стоитъ почти ничего; ему въ день довольно горсти риса; болѣе—рѣдкая мягкость климата, воздухъ и удивительный свѣтъ—эфирная пища воспринимаемая глазами, необычайная трезвость и гармоническая среда дѣлаютъ нѣжными всѣ существа. Чувства развиваются, становятся утонченными. Небо дѣлаетъ для нихъ все. Каждый день за четверть часа до восхода солнца и четверть часа по закатѣ оно посылаетъ имъ высшую милость — видѣніе свѣта. Свѣтъ тогда божественный, онъ несетъ чудесныя преображенія и задушевныя откровенія, славу и умиленіе, въ которыхъ утопаетъ душа, теряясь въ безграничномъ океанѣ таинственной любви. Среди этого безконечнаго упоенія существо кроткое, слабое, такъ плохо питающееся и такого жалкаго вида, создаетъ и видитъ въ мечтѣ чудо индѣйской шали. Такъ же какъ глубокій поэтъ Вальмики въ горсти руки видѣлъ сжатую цѣлую поэму свою,—Рамайана, этотъ поэтъ ткацкаго искусства видитъ заранѣе и благоговѣйно начинаетъ великій трудъ, который иногда длится цѣлый вѣкъ. Онъ самъ не окончитъ его, но сынъ, внукъ его будутъ продолжать его и вдохнутъ въ него ту же душу, душу наслѣдственную, такъ же какъ и тонкая рука, которая слѣдитъ за всѣми мыслями ея.

Рука эта, которой нѣтъ подобной, видна въ драгоцѣнныхъ вещахъ, причудливыхъ и прелестныхъ, въ фантастическихъ украшеніяхъ мебели и оружія. Послѣдніе индійскіе принцы великодушно прислали на выставку свое собственное оружіе, вещи дорогія любимыя, съ которыми не растаются никогда. Это даже болѣе чѣмъ вещи—почти личности, потому что въ

онъ былъ отозванъ, Индія, какъ говорилъ англійскій министръ, держалась только на одной нити. Директорія послѣ побѣды своей въ фруктидорѣ и среди республиканскаго взрыва, вызваннаго ею повсюду, въ Голландіи, Римѣ, Неаполѣ, Піэмонтѣ и даже въ Швейцаріи противъ аристократической Швейцаріи,—директорія, говорю я, приготовляла съ большимъ шумомъ экспедицію въ Англію. Всѣ шли записываться въ экспедицію. Изумленіе поражаетъ каждаго, кто въ перепискѣ Бонапарте и другихъ документахъ увидитъ, какими героическими силами располагала Францція въ то время; такой списокъ заставляетъ думать, что поднялся цѣлый міръ.

Старые флотскіе офицеры наши, передъ обломками испанскаго флота, такъ недавно усѣявшими моря, ожидали не

нихъ жива душа древней Индіи, душа художника сработавшаго ихъ, душа государей, нѣкогда такъ великихъ, ихъ носившихъ. Одинъ изъ раджей прислалъ еще большее: кровать помѣченную его именемъ, быть можетъ работу свою, кровать слоновой кости скульптурной и рѣзной работы безконечно тонкой, прелестную мебель вида дѣвственнаго, полнаго любви и словъ. Эти предметы роскоши, произведенія рѣдкихъ художествъ служатъ откровеніемъ генія расы, а еще болѣе общей практики въ искусствахъ, которыя называются низшими, простыми ремеслами. Геній этотъ видѣнъ преимущественно въ простотѣ пріемовъ, съ какими индійцы исполняютъ при малыхъ издержкахъ, безъ шума вещи, которыя кажутся намъ крайне трудными. Одинъ работникъ въ лѣсу изъ небольшаго куска глины вмѣсто тигеля, съ парою листьевъ вмѣсто мѣховъ, такихъ листьевъ, какіе они имѣютъ, крѣпкихъ эластичныхъ, добудетъ вамъ въ немного часовъ изъ руды желѣзо. Потомъ, если въ немъ много asclepias gigantea, онъ изъ этого желѣза выдѣлаетъ вамъ сталь, которая, перенесенная караванами на западъ и до Евфрата, будетъ называться дамаской сталью. Кто-то сказалъ: «Вмѣсто того, чтобы заказывать въ Кашемирѣ ужасные рисунки безобразныхъ шалей, которые испортятъ вкусъ индійцевъ, пошлемъ туда нашихъ рисовальщиковъ. Пусть они созерцаютъ эту ослѣпительную природу, пусть они напитаются свѣтомъ Индіи» и пр. Но также надо перенять душу, глубокую гармонію ея. Гармонія такъ хорошо установилась между великою кротостью этой терпѣливой души и миромъ природы, что трудно отличить человѣка отъ природы. (Мишле, Библія природы. Кн. I.

столько побѣду, сколько прекрасную смерть. Нужно было прежде всего напасть на Индію, говорили они, Индію, которая была тогда невооруженною. Офицеръ командора эскадры Сюфреня, Виляре Жойёзъ, который сдѣлалъ нѣсколько походовъ моремъ въ Индію, говорилъ, что нѣтъ ничего легче, какъ пройти незамѣченными на этихъ неизмѣримыхъ моряхъ. Типо ожидалъ насъ, а съ нимъ цѣлая страна, мусульмане Индіи, воинственное населеніе. Третій планъ состоялъ въ въ томъ, чтобы основаться прочно на постѣ посредника между Европою и Азіею — въ Египтѣ, чтобы пользоваться паденіемъ оттоманскаго государства, или индійскаго. То былъ старый планъ Лейбница, очень разумный для своего времени; когда Франція при Людовикѣ XIV была всесильна на моряхъ, но съ тѣхъ поръ планъ этотъ сталъ очень рискованнымъ. На такомъ узкомъ морѣ, какъ Средиземное, было сто шансовъ противъ одного, встрѣтить непріятеля, быть пущеннымъ ко дну или захваченнымъ въ плѣнъ. Такъ и случилось.

И тѣмъ не менѣе планъ этотъ былъ планомъ Бонапарте. Уже съ 9 термидора V года онъ писалъ къ директоріи слѣдующія странныя строки: «Надо удержать Іонійскіе острова; лучше отдать Италію императору австрійскому. Чтобы уничтожить Англію, намъ надо будетъ вскорѣ захватить Египетъ. Турецкая имперія разрушается. Должно ли поддержать ее, или взять свою долю?» *). Все это еще очень неопредѣленно, смутно и легкомысленно. Если имѣли такія цѣли, то было ли разумно дать Австріи прочно утвердиться по ту сторону Адріатики, отдавъ ей Истрію, Далматію, какъ-то сдѣлалъ Бонапарте договоромъ при Кампоформіо? Тѣ, которые въ это время видѣли бы, какъ крутилась эта колеблющаяся звѣзда,

---

*) Переписка, т. III, стр. 311.

опустошившая міръ, сильно затруднились бы сказать: въ какую сторону она направитъ путь свой. Однако, говоря по правдѣ, перемѣны направленія его не такъ велики, какъ это кажется: въ мелкихъ вещахъ онъ поворачиваетъ на лѣво, въ крупныхъ—на право. Такъ онъ очень умѣренно одобряетъ совершившійся переворотъ и выказываетъ грубую неблагодарность къ покровителю своему, Карно; все это мелочи, которыми онъ хочетъ потѣшить якобинскую партію. Но въ то же время сколько важныхъ, прочныхъ выгодъ даетъ онъ ретроградной партіи: не только договоръ Кампо-Форміо, такъ выгодный для императора; но даже еще прежде, около 20 фруктидора, онъ ослабляетъ, насколько можетъ, революцію Италіи, венеціанскихъ владѣній, гдѣ онъ полновластный повелитель. И этотъ ударъ, нанесенный молодой Венеціи, которую мы только что основали, поразилъ точно также и въ другихъ мѣстахъ, въ Болоньѣ, въ Миланѣ, повсюду, какъ остановка продажи церковныхъ имуществъ. Вотъ этотъ беззаконный приказъ, за который правительство побѣдившее въ фруктидорѣ должно бы было покарать Бонапарте: «Всѣ монастыри и церкви владѣютъ своими имуществами и доходами, даже, если временное правительство и конфисковало ихъ, или иначе распорядилось ими» *).

Черезъ два мѣсяца, когда директорія пишетъ ему: «Поднимайте революцію въ Италіи», онъ прикидывается простячкомъ и не хочетъ понимать. «Какъ надо разумѣть это?» спрашиваетъ онъ. Ему не отвѣчаютъ. Очевидно, что генералъ этотъ былъ не генераломъ республики, но врагомъ ея. Баррасъ по нерѣшительности характера, Рюбель, Ла-Ревельеръ, по излишней мягкости, не могли дать ему настоя-

---

*) Переписка, т. III, стр. 359.

щаго отвѣта, того, который древняя Венеція нашла такъ кстати, чтобы покончить съ Карманьолой.

Директорія финансовымъ закономъ своимъ, которымъ она предлагала двѣ трети земель кредиторамъ государства, навлекла на себя, и это совершенно несправедливо, обвиненіе въ банкрутствѣ, убила себя въ общественномъ мнѣніи и, посреди побѣды своей, казалась такъ же слабой и безпомощной, какъ побѣжденный. Бонапарте выбралъ именно эту минуту для возвращенія своего съ мирнымъ договоромъ. Однако современники его говорятъ, будто онъ былъ встрѣченъ болѣе съ любопытствомъ, нежели съ восторгомъ *). Итальянцы были озлоблены противъ него и многіе французы разглядывали уже, что это былъ за человѣкъ. Кареты восьмерней, въ которыхъ онъ тамъ разъѣзжалъ, сильно ненравились имъ. Генералъ, который послѣ вандемьера II г. отправился въ потертомъ сертукѣ, и снова съ трогательною вѣрностью надѣвшій сертукъ этотъ, былъ тѣмъ не менѣе королемъ въ Италіи и болѣе чѣмъ королемъ, благодаря уступчивости директоріи.

Весь свѣтъ пересказывалъ пріемъ, сдѣланный ему директоріею и это противъ воли его; сцену происходившую во дворѣ Люксембурга, краткую рѣчь его, въ концѣ которой онъ сказалъ вещь пріятную двумъ партіямъ-роялистамъ и якобинцамъ: «Что Франціи могутъ быть необходимы другія учрежденія». Но настоящею выставкой, въ которой хромой гаеръ Талейранъ переходитъ всѣ границы, были хвастливые росказни: генералъ любитъ только миръ и науку, хочетъ одного спокойствія. Онъ ищетъ наслажденія въ Оссіанѣ и пр. Въ этомъ случаѣ, какъ и во всемъ остальномъ, новый членъ института, (принятый на мѣсто Карно) держался избранной своей так-

*) См. Тибодо.

тики молчанія, за исключеніемъ нѣсколькихъ изреченій оракула, которыя понимались розно.

Бонапарте, въ этомъ первомъ періодѣ жизни своей, кажется не одною личностью, а бо́льшимъ: это группа, клика и надо говорить всѣ Бонапарте. Съ одной стороны это Жозефина и военные бюрократы Карно: Пріёры, Кларки, Матьё-Дюма очень усердно служившіе ему, пока роялисты и полуроялисты еще не слишкомъ явно сняли съ себя личины. Съ другой—у него былъ сперва другъ Салисетти, пѣвшій ему хвалы который въ 97 г. сталъ врагомъ его и защищалъ противъ него дѣло несчастныхъ итальянцевъ. Все это побудило его попытаться употребить братьевъ своихъ, какъ орудія интригъ. Для этой цѣли невозможно было найти механизмъ лучше устроенный, нежели эта семья Бонапарте, въ которой природа такъ хорошо распредѣлила роли. Они обладали однимъ преимуществомъ: они такъ мало походили другъ на друга, что могли превосходно играть разныя роли. Были и говоруны, были и нѣмые, были даже люди мирные, спокойный и почтенный видъ которыхъ удалялъ всякую мысль объ интригахъ.

Старшій Іосифъ, воспитанный въ сонной Тосканѣ, хорошо поставленный въ обществѣ богатою женитьбою на Клари, имѣлъ наружность человѣка спокойнаго, посредственнаго, которая внушаетъ довѣріе, ручается въ томъ, что человѣкъ не рискнетъ ничѣмъ, словомъ наружность почти порядочнаго человѣка. Людовикъ, четвертый изъ братьевъ, очень молодой, съ меланхолическимъ лицемъ, могъ тоже внушать довѣріе. Людовикъ былъ, какъ кажется, жертвой братской любви. Говорили, что онъ при Арколѣ помогъ спасенію Наполеона, который вознаградилъ его за то тираннiей, и почестями и безчестіемъ всякаго рода. Сверхъ того то былъ умъ очень стран-

ный, меланхолическій поэтъ, онъ родился очень поздно, когда Летиція, переживъ пору великихъ бурь, уже приближалась къ старости. Но въ пору страстей, при второмъ и третьемъ ребенкѣ, ею владѣли двѣ неистовыя маніи, противуположныя одна другой: первая — Наполеонъ, ея мечта титаническаго честолюбія; второю былъ Люсьенъ, существо раздвоенное, въ которомъ все было странно, все крутилось вихремъ. Онъ родился отъ прихоти и отъ ложнаго положенія, отъ нелѣпой идеи, что онъ будетъ истиннымъ героемъ Корсики, Наполеономъ на изнанку.

Наполеонъ, воспитанный во Франціи, уже получилъ тамъ повышеніе, былъ бригаднымъ генераломъ, когда старый Паоли, возвратившійся изъ Англіи въ Корсику, увидѣлъ Люсьена и въ этомъ не по лѣтамъ развитомъ ребенкѣ привѣтствовалъ *философа-поэта* и заставилъ его увѣровать, что онъ будетъ настоящимъ Бонапарте и исполнитъ то велѣніе рока, которому измѣнилъ Наполеонъ, сдѣлавшись французомъ. Всѣ планы были подорваны. Изгнанный вскорѣ послѣ того изъ Франціи съ матерью своею, Люсьенъ жилъ въ Марсели на незначительную пенсію, которую конвентъ выдавалъ корсиканцамъ, пріютившимся во Франціи. Сначала Люсьенъ былъ простымъ прикащикомъ и сторожемъ магазина, женился на дочери трактирщика и потомъ поднялся до мѣста военнаго комиссара. Тогда онъ напомнилъ о себѣ знаменитому брату своему; нельзя было выбрать болѣе неудачно минуту; то было именно въ ту минуту, когда Наполеонъ, снявъ осаду Мантуи, былъ спасенъ Кастильоне и Бассано. Наполеонъ, взбѣшенный и такимъ родствомъ и такою дерзостью, написалъ другу своему Карно, чтобы дерзкаго немедля удалили изъ Марселя и назначили въ рейнскую армію. Это значило—если не погубить его, то поставить близко къ гибели. Но Люсьенъ отвернулся отъ

удара, онъ отправился не на Рейнъ, но въ Корсику и тамъ пользуясь именемъ своего брата, заставилъ избрать себя въ депутаты. Для этого нуженъ былъ возрастъ двадцати пяти лѣтъ, Люсьену было двадцать четыре; но на это взглянули сквозь пальцы.

Наполеонъ воспитанный патерами, мѣряя другихъ самимъ собою, составилъ себѣ слѣдующее очень исключительное и слишкомъ вѣрное понятіе о человѣческой природѣ: чѣмъ болѣе терзаютъ человѣка, чѣмъ болѣе оскорбляютъ его тѣмъ болѣе усерднымъ другомъ онъ будетъ, если видитъ въ томъ свою выгоду. Онъ такъ поступалъ съ Салисети и другими и никогда не обманывался. Онъ понялъ, что Люсьенъ почувствовавшій каблукъ его сапога, образумится и пойметъ, что если нѣтъ никакой надежды быть соперникомъ брата, то вѣрнѣе быть покорнымъ орудіемъ его. Наполеонъ нашелъ въ Люсьенѣ великаго болтуна, напыщеннаго импровизатора, казавшагося нѣсколько сумасшедшимъ, очень удобное орудіе, считавшееся искреннимъ флюгеромъ, и который въ этомъ качествѣ могъ по очереди поддерживать самыя противорѣчащія вещи. Сверхъ того, какъ противуядіе противъ Люсьена, у него былъ братъ Іосифъ, кроткій и спокойный, съ прочнымъ положеніемъ, какъ богатый человѣкъ, и котораго, не обвиняли въ поддерживанье безразсудныхъ мнѣній. Оба брата давали ему возможность вести очень разнообразную игру. Когда Бонапарте, захотѣлъ наперекоръ директоріи, добиться разрѣшенія обѣдни и отмѣны декадъ, то онъ заставилъ внести предложеніе это не брата Іосифа, аристократа, но Люсьена, своего якобинца. Вообще Люсьенъ имѣлъ честь дѣлать патріотическія предложенія. Люсьенъ требовалъ неограниченной свободы прессы т. е. свободы для памфлетовъ противъ директоріи послѣ фруктидора; Люсь-

енъ, пылая рвеніемъ къ конституціи 3 года, требуетъ общей присяги въ вѣрности ей. Потомъ идутъ филантропическія предложенія противъ налоговъ на соль и на предметы первой необходимости, налоговъ, законъ о которыхъ должна была вызвать новая война, и наконецъ, такъ сильно затруднительныя для осуществленія предложенія о надѣлахъ и пенсіяхъ для солдатскихъ семей.

Въ особенности благопріятствовали разнообразнымъ интригамъ братьевъ Бонапарте тѣ странныя колебанія, которыя волновали Францію въ зиму послѣ фруктидора. Ударъ фруктидора который издали привелъ Европу въ остолбенѣніе, вблизи произвелъ очень мало дѣйствія: двѣнадцать ссылаемыхъ, которыми ограничился переворотъ, показались такими пустяками, что испуганные сначала роялисты снова зашевелились, какъ назойливыя и дерзкія мухи, которыя жужжатъ около васъ, жалятъ васъ, пока вы не встрепенетесь и не раздавите ихъ. Въ Парижѣ въ нѣкоторыхъ кафе щеголи (incroyables), съ экцентрическими костюмами и огромными палками своими, парадировали и воображали предписывать законы свѣту. Это было не серьезно; но если подумать, что всего нѣсколько дней тому назадъ Вандея была съ ними, то можно хорошо понять волненіе директоріи. Солдаты Ожеро были тамъ и требовали, чтобы имъ позволили дѣйствовать противъ этихъ наглыхъ побѣжденныхъ. Въ одинъ вечеръ они напали на нихъ и на главное кафе ихъ, прикинулись оскорбленными ими и ранили нѣкоторыхъ. Дѣло возмутительное, но оно надѣлало шумъ, имѣвшій полезныя послѣдствіи и не мало способствовавшій прекращенію сборищъ роялистовъ въ департаментахъ.

Къ счастью, только что заключенный миръ дозволялъ многочисленные отпуски; множество солдатъ возвращавшихся въ

семьи, измѣнили наружное положеніе вещей; они въ очень широкой мѣрѣ отмстили бы роялистамъ, если бы директорія не учредила во многихъ департаментахъ военныя коммисіи, строгіе приговоры которыхъ принудили побѣжденныхъ вести себя скромно. Но на самомъ дѣлѣ безразсудная мягкость фруктидора нисколько не сломила дерзость роялистовъ и они были дѣйствительно усмирены только вмѣшательствомъ грозныхъ возвращавшихся воиновъ, ужасомъ внушеннымъ якобинцами солдатами.

Но можно бы было ожидать, что солдаты эти, оказавъ такую услугу, станутъ требовательными и во время первыхъ же выборовъ смѣло сдѣлаются хозяевами ихъ? Здѣсь мы должны дать вѣрную характеристику возвращавшихся военныхъ массъ, которыя, побѣдивъ австрійцевъ извнѣ и роялистовъ внутри, несли съ собою конечно и истинный патріотизмъ и любовь къ республикѣ. Но между хорошими элементами были и дурные, и въ нихъ было слишкомъ много примѣси войны съ привычками и безпорядками ея. Когда Ожеро, сынъ предмѣстья Сенъ-Марсо, вернулся въ Парижъ, на пріемѣ, сдѣланномъ ему директоріею, онъ появился покрытымъ не только ореоломъ Арколя и Кастильоне, но карикатурно обвѣшаннымъ часами и драгоцѣнными вещами, такъ что суровый Рюбель сказалъ шопотомъ Ла-Ревельеру: «какая разбойничья фигура»! Ожеро воображалъ что странный костюмъ его, непонравившійся директоріи, зато покажется толпѣ и солдатамъ одеждой вполнѣ достойной героевъ Италіи, которыхъ очень многіе представляли себѣ не иначе какъ навьюченными и обвѣшанными подобными блестящими бездѣлками.

Тогда очень немногіе думали запастись сокровищами болѣе цѣнными. Нужно было нѣсколько времени и болѣе всего ловкость коноводовъ для того, чтобы напомнить въ концѣ

93 года о томъ, что республика обѣщала земли всѣмъ защитникамъ своимъ. Идея получить землю должна была охватить защитниковъ преимущественно въ то время, когда всѣ заговорили о Бабефѣ и утопіи его. Очень немногіе принимали идею всеобщаго раздѣла, но очень многіе—обѣщанія 93 года раздачи земель солдатамъ. Идея раздать въ награду за оказанные во время войны услуги всѣ, оставшіяся въ рукахъ правительства, національныя имущества распространилась какъ разъ въ то время, когда директорія думала дать имъ другое назначеніе—обратить ихъ *въ залогъ ренты*, за тѣ двѣ трети долга, которыхъ не уплачивали и которыя хотѣли консолидировать непроданными землями. Съ другой стороны то, что осталось бы сверхъ того національныхъ имуществъ, считалось необходимымъ, какъ *резервный фондъ для близкой войны*, которою грозили намъ Англія и Францiя, призывавшія русскихъ.

Такъ рядомъ съ Бабефомъ и очень немногочисленной школой его, до безконечности распространялись въ арміи мечты, надежды на отрадный раздѣлъ, на полученіе участковъ земли, если не для всѣхъ, то по крайней мѣрѣ для избранныхъ военныхъ силъ, которымъ вождь мѣритъ доли. Можно назвать движеніе это *полу-бавувизмомъ*, оно сильно распространилось и должно было вести къ цезаризму. Это послужило прекрасной темой для агитаторовъ, которые воспользовались ею при экспедиціи въ Египетъ, когда они обѣщали, что по возвращеніи каждый солдатъ получитъ шесть арпановъ *) земли Но кому же быть мессіей властнымъ дать всѣмъ такое богатство? кому же, какъ не *великому Бонапартѐ* (такъ произносили въ то время имя это, чтобы сдѣлать его болѣе

*) Арпанъ около десятины.

громкимъ). И въ поэмахъ, которыя сочинялъ или заставлялъ сочинять Люсьенъ на этотъ предметъ, великій кормилецъ народа, щедрый раздаватель земель, великій Бонапарте всегда служитъ риѳмой для слова Liberté—свобода, спасителемъ которой онъ вмѣстѣ съ тѣмъ долженъ быть. Если какой нибудь любопытный спрашивалъ болѣе подробныхъ объявленій у возвратившагося солдата, желалъ узнать: откуда Бонапарте взялъ бы столько казны, то ему смѣялись въ лицо и говорили: «Что за глупые вопросы!». Тѣ же вопросы дѣлали, когда онъ отправлялся въ Италію; и нашелъ же онъ средства кормить директорію, рейнскую армію, и пр.—А что же такое Италія? Малость. Онъ сказалъ: «Не говорите мнѣ болѣе объ Италіи; пусть ее отдадутъ Австріи! Я занимаюсь только востокомъ!» Но что же такое востокъ?—*Острова*. «Съ этихъ острововъ вывозятъ все золото міра, Индіи, Египта, Сенъ-Доминго и пр. Развѣ можно не знать этого въ ваши лѣта?»

III.

Какъ Бонапарте устранилъ экспедицію въ Англію и подготовилъ эспедицію въ Египетъ. 97—98.

Бонапарте ничуть не принялъ великое наслѣдіе Гоша—опасную экспедицію въ Англію, хотя и всѣ думали, что онъ занятъ ею. Переходъ былъ невѣренъ, опасенъ, но не невозможенъ, потому что былъ совершенъ вскорѣ Гюмберомъ Было очень труднымъ дѣломъ — обмануть общія ожиданія. Бонапарте осматривалъ порты, берега,—и это было все. Какимъ искуствомъ удалось ему отвратить всѣ взгляды и общее вниманіе, такъ сильно возбужденное? На это нужно было

много ловкости, въ особенности для того, чтобы увѣрить публику, что возвышенно и прекрасно поворачивать спину опасности, вооруженному непріятелю ожидавшему его, и переплыть вполнѣ безопасно и тратя на это очень много времени пустынныя моря юга.

Кризисъ преріаля допустилъ сдѣлать такой странный поворотъ; онъ обратилъ глаза общества на совершенно другой предметъ и открылъ обширное поле интригамъ братьевъ Бонапарте. Якобинцы, союзники директоріи противъ роялистовъ, помогавшіе ей сдерживать ихъ, стали требовательными и начали думать о раздачѣ земель, которую еще въ 93 г. обѣщали солдатамъ, говоря другими словами, они вышли изъ чистаго идеала якобинцевъ и приблизились къ теоріямъ Бабёфа. Директорія не была нисколько враждебна передовымъ партіямъ. Она освободила обвиненныхъ по Гренелю сидѣвшихъ еще въ тюрьмахъ; но она закрыла клубы, гдѣ говорили о раздѣлѣ, который сильно помѣшалъ бы продажѣ національныхъ имуществъ, т, е. отрѣзалъ бы у государства всѣ средства передъ самымъ началомъ войны. Директорія, упорно продолжавшая защищать всѣ освобождавшіеся народы, Швейцарію и др., должна была ожидать возобновленія великой европейской войны. Тѣ, которые въ эту минуту понижали кредитъ національныхъ имуществъ, обращали ихъ въ ничто, тѣмъ ломали мечь республики. Собраніе воспользовалось правомъ, которымъ оно обладало, разслѣдовать новые выборы и «очищать самое себѣ», какъ говорили Шенье и истинные патріоты. Оно уничтожило шестьдесятъ выборовъ этихъ такъ называемыхъ якобинцевъ, дѣйствительный бабувизмъ которыхъ обезоружилъ бы Францію и хорошо послужилъ бы Австріи. Это придало новую силу интригѣ бонапартистовъ. Это былъ первый примѣръ лживой формы, подъ который въ первый

разъ появилась идея цезаризма: дать удѣлы арміи, дать землю солдатамъ *). То былъ тайный планъ, который Бонапарте открылъ только на морѣ, поднимая якорь для отплытія въ Египетъ.

Ловкость и коварство одного человѣка не могли бы никогда измѣнить общее настроеніе умовъ. Фактъ этотъ связанъ съ сильно распространеннымъ движеніемъ. Сильный порывъ вѣтра, казалось, несъ въ эту минуту человѣчество въ лицѣ двухъ великихъ націй къ востоку. Утомленіе Европы было чрезвычайное. Англія въ 1760 завоевала міръ, остановила всѣ идеи и налегла гнетомъ на Индію. Франція, среди внутреннихъ трагедій своихъ и военной эпопеи своей, надрывалась надъ безграничнымъ дѣламъ всемірнаго освобожденія. И именно въ эту минуту утомленія, когда казалось ей прискучило все извѣстное, великій кудесникъ показалъ ей неизвѣстное—Азію, Египетъ и пробужденіе міра. То не было обыкновенное завоеваніе, открывавшее путь алчности, но фантастическая, высокая надежда на воскресеніе. «Объ Египтѣ не говорили?» Заблужденіе. О немъ говорили только какъ о вещи весьма вѣроятной. Къ тому же очень хорошо видно, что многіе отправились въ порывѣ надежды, очень живой и опредѣеднной, отправились хорошо приготовленными.

Великая механика эта была подготовлена не въ Шоссе-л'Антенъ, не въ *маленькомъ домикѣ* **) Жозефины въ улицѣ Шантеренъ, но въ Парижѣ лѣваго берега Сены, гораздо менѣе разсѣянномъ и болѣе изобрѣтательномъ. Парижъ лѣваго

---

*) До сихъ поръ ничто не было болѣе темно, никто не понялъ ничего въ событіи преріаля. Тайна была очень хорошо сохранена въ Запискахъ Люсьена и повсюду.

**) Petite maison при послѣднихъ Людовикахъ означало дома въ дальнихъ частяхъ города, не маленькія и роскошныя помѣщенія любовницъ и оргій. *Изд.*

берега, спускаясь къ западу представлялъ всѣ военныя учрежденія наши: домъ инвалидовъ, военное министерство съ его школой, политехническую школу—пылающій очагъ энтузіазма этой минуты; такимъ очагомъ, на восточной сторонѣ города были и медицинская школа и школа музея естественныхъ наукъ. Школы эти должны были дать для великой войны цѣлый сонмъ врачей, инженеровъ, ученыхъ всякаго рода. Въ центрѣ всего этого засѣдалъ институтъ, тогда еще юный институтъ, который гордился тѣмъ, что считалъ вь числѣ членовъ своихъ ловкаго фокусника, двигавшаго всѣми пружинами. По серединѣ склона горы, въ прекрасной улицѣ Таранъ находились канцеляріи, въ которыхъ подготовлялись всѣ экспедиціи. Туда стекались военные и ученые. Въ улицѣ Таранъ, которая съ одной стороны упирается въ улицу Сенъ-Перъ съ другой стороны, на углу улицы Сенъ-Бенуа стоитъ тотъ славный домъ, гдѣ цѣлая Европа слушала Дидро, своего оракула энциклопедиста.

Во главѣ всего этого, чтобы внушать довѣріе всѣмъ стоялъ—рѣдкое дѣло! — *человѣкъ*, Кафарелли, человѣкъ мужественный, который дѣлился мужествомъ со всѣми. Онъ потерялъ ногу въ рейнской кампаніи и казался наиболѣе дѣятельнымъ, наиболѣе неутомимымъ. И въ битвахъ и въ знойныхъ пустыняхъ армія видѣла всегда во главѣ своей эту героическую деревянную ногу. Остальные, въ числѣ болѣе ста, были большею частью молодыми людьми. Фурье, знаменитый авторъ книги о теплотѣ, любимый ученикъ Лагранжа, былъ настоящимъ человѣкомъ, разнообразныя способности котораго удовлетворяли всѣмъ требованіямъ. Ученый съ замѣчательной эрудиціей, администраторъ, писатель вмѣстѣ строгій и изящный, ему, какъ наиболѣе достойному принадлежало первое мѣсто *постояннаго секретаря египетскаго института*. Ему

подалъ Клеберъ мысль о большомъ трудѣ, заключавшемъ въ себѣ экспедицію.

Сверхъ того было много людей трудолюбивыхъ, какъ Жомаръ, который отдался Египту и не только при Бонапарте, но столько же и при Мегеметѣ Али наблюдалъ за Африкой съ постояннымъ рвеніемъ, служилъ опорой дѣтямъ, которыхъ она присылала, помогалъ въ трудахъ, предметамъ которыхъ она была. Онъ много участвовалъ такимъ образомъ въ путешествіяхъ, такъ поучительныхъ, Кальо, Калье и др. Прибавьте къ этимъ ученымъ толпу врачей, хирурговь, инженеровъ, администраторовъ прикомандированныхъ къ арміи. Словомъ, колонія была народомъ, цвѣтомъ Парижа, Франціи. И въ этой Франціи были два полюса, какіе можно рѣдко встрѣтить вмѣстѣ: творческое воображеніе Жофруа Сентъ Илера и столько же плодотворный сколько и твердый умъ Фурье. То былъ восемнадцатый вѣкъ въ полномъ составѣ своемъ и сама Европа въ наилучшихъ представителяхъ своихъ.

Такое созданіе было живымъ существомъ, заключавшемъ въ себѣ всѣ условія совершенствованія, дѣйствія, и которое роковымъ образомъ должно было дѣйствовать такъ или иначе. Это, не смотря на великое препятствіе—наступавшую европейскую войну, рѣшило экспедицію. Ла-Ревельеръ противился, предложилъ Бонапарте отставку свою. Напрасно! Онъ самъ создалъ такую машину, которая увлекала его. Отступивъ отъ экспедиціи въ Англію, могъ ли онъ отступить отъ экспедиціи въ Египетъ?

IV.

Завоеваніе Египта. Несчастіе флота. Попытки французовъ пробудить первобытный Египетъ.

Бонапарте въ 96 г. сказалъ объ Италіи: «Тамъ надо вести войну ранѣе, но не лѣтомъ». А въ 97 г. онъ, въ жаркое время года, повелъ армію въ страшное пекло—въ Египетъ. И какую армію! Не одну итальянскую армію, уже нѣсколько привыкшую къ жарамъ, но армію составленную изъ рейнскихъ дивизій, какъ дивизіи Клебера и Дезе, непривычныя къ климату и набранныя изъ уроженцевъ сѣвера. Ни англичане, ни французы здравомыслящіе не могли вѣрить, чтобы онъ въ такое время года думалъ объ Египтѣ, тѣмъ болѣе, что наступавшій вскорѣ обычный разливъ Нила долженъ былъ сдѣлать, на извѣстный срокъ, невозможнымъ вести военныя дѣйствія. Клеберъ былъ убѣжденъ, что армія направлялась въ Англію и вотъ почему онъ согласился слѣдовать за Бонапарте; онъ сказалъ ему: «Если вы хотите бросить брандеръ на Темзу, то посадите на него Клебера. Вы увидите, что̀ онъ умѣетъ сдѣлать».

Тогда англичане такъ мало думали объ Египтѣ, что, кромѣ блокады Кадикса, которою были заняты, они оставили всѣ главныя силы свои въ Ла-Маншѣ. Однако, для наблюденія за непріятелемъ, Нельсонъ съ тремя кораблями былъ посланъ на постъ между Провансомъ и Испаніей, гдѣ онъ сильно пострадалъ онъ бури. Такимъ образомъ, море было совершенно свободно и открывался полный просторъ для отправленія экспедиціи. Тридцать шесть тысячъ солдатъ, шесть тысячъ матросъ отправлялись, не зная ничего о цѣли экспедиціи, кромѣ того что они были «лѣвымъ крыломъ англійской арміи».

Можно было отплыть не ранѣе 20 мая 98 г. т. е. 1 преріаля. Экспедиція была рѣшена только 5 марта. Шести недѣль оказалось достаточнымъ на то, чтобы соединить всѣ члены великой машины. Это могло бы показаться невѣроятнымъ дѣломъ, если бы не знали, что члены эти, большею частью, были уже заранѣе организованы. Экспедиція медленно огибала берега Сардиніи, поджидая Дезе, задержаннаго не надолго дѣлами въ Римѣ. Нужно было забрать, обратить въ деньги все, что можно было захватить въ Римѣ. Въ этомъ, какъ я уже сказалъ, заключалась слабость арміи. Она постоянно находилась въ лихорадкѣ преувеличенныхъ ожиданій, которыя подавалъ ей Бонапарте. Теперь, какъ и при началѣ итальянской кампаніи, онъ цинично обращался къ алчности. Въ прокламаціи своей онъ напоминалъ солдатамъ нищету, въ какой онъ засталъ ихъ два года тому назадъ, и все то, что они вмѣстѣ съ нимъ нашли въ Италіи. Въ этой войнѣ они найдутъ еще большее и «каждый солдатъ, по возвращеніи своемъ *принесетъ съ собою на что купить шесть арпановъ земли*». Эти мечты, эти обѣщанія слишкомъ хорошо отвѣчали на броженіе, какое оставили въ войскѣ безпорядки итальянской кампаніи. Многіе коротали скуку и праздность морскаго пути игрой; многіе играли комедіи, пословицы, которыя они сами сочиняли на тему ожидаемыхъ военныхъ приключеній, завоеваній, похищеній женщинъ, освобожденія плѣнницъ, и пр.

Директорія полагала, что армія направлялась прямо въ Египетъ, что́ она и должна была бы сдѣлать, чтобы прибыть до лѣта, до разлитія Нила. Когда армія проходила мимо Мальты, Пусьельсъ и французскіе агенты, которые прежде были тамъ, представили всѣ выгоды, такого завоеванія, и онѣ были значительны: островъ находился близь Италіи и по дорогѣ въ Египетъ. Бонапарте употребилъ на это мѣсяцъ,

единственный мѣсяцъ счастья, который ему оставляла судьба. Онъ могъ бы найти здѣсь свою гибель. При страшной толкотнѣ столькихъ транспортныхъ судовъ, лодокъ, какихъ только можно было найти, наличное количество военныхъ судовъ не могло бы защитить экспедицію. Она погибла бы въ открытомъ морѣ. Какъ ни было удивительно завоеваніе Мальты, оно было очень опаснымъ замедленіемъ, въ продолженіе котораго Нельсонъ ошибся нѣсколько разъ, проходя рядомъ съ нашей экспедиціей, на разстояніи всего шести миль, и могъ бы настигнуть насъ. Но онъ проходилъ въ Неаполь, въ Александрію, въ Кипръ, повсюду не съумѣвъ отыскать насъ. Если бы онъ напалъ на насъ во время высадки въ Александрію, очень продолжительной и трудной, замедляемой сильными вѣтрами, то онъ могъ бы пустить насъ ко дну.

Бонапарте, этотъ счастливый игрокъ, игравшій такъ рискованно, пережилъ тогда, какъ онъ самъ говоритъ, мучительную минуту и сказалъ счастью: «Неужели ты покидаешь меня?» Счастье не покинуло его. Но роковая непредусмотрительность его была тѣмъ не менѣе наказана другимъ образомъ. Запоздавъ къ благопріятному времени года и задержанный сверхъ того занятіемъ Александріи, онъ отправился изъ этого города и вступилъ внутрь страны, не сдѣлавъ измѣренія глубины порта. Полагали, что въ портѣ нельзя укрыться всему флоту и отвели его на Абукирскій рейдъ, гдѣ онъ и былъ сожженъ Нельсономъ. Тотъ мѣсяцъ, который отняла у него Мальта, былъ бы очень полезенъ ему въ Египтѣ, гдѣ онъ имѣлъ бы время получить это свѣдѣніе необходимое для спасенія флота и для обезпеченія средствъ возвращенія. Жомаръ самъ сознается, что только послѣ абукирской катастрофы получили планы и карты измѣреній дна, которыя дали бы средство

избѣгнуть ее *). Теперь Бонапарте, за такое промедленіе свое на пути, былъ принужденъ спѣшить и не могъ ни обезпечить обратный путь, ни сноситься съ адмираломъ объ этомъ вопросѣ, который былъ вопросомъ спасенія.

Блестящіе подвиги наши извѣстны. По цифрамъ убитыхъ видно незначительное число нашихъ потерь въ сравненіи съ потерями, понесенными знаменитою кавалеріею, мамелюками; видно и то на сколько страшныя битвы ихъ fantasia **) были непохожи на сраженія въ Италіи. Но съ другой стороны развѣ можно сравнить это съ легкими кампаніями, въ которыхъ англичане съ Клейвомъ и пр. били стада индѣйцевъ? Въ цѣломъ, вѣрный взглядъ Бонапарте, твердость и хладнокровіе нашихъ войскъ посреди великихъ сценъ войны заслуживаютъ вполнѣ всѣ восторженныя хвалы, какія расточали имъ. Это описано повсюду и потому я не буду останавливаться на всемъ этомъ. Я только спрошу одно: почему несчастные египтяне, такъ много терпѣвшіе притѣсненій отъ прежнихъ владыкъ своихъ, не привязались болѣе къ нашимъ, которые были болѣе человѣчными? Бонапарте дѣлаетъ имъ предложенія, какихъ не дѣлалъ ни одинъ завоеватель. Онъ напоминаетъ имъ тиранію мамелюковъ, которую они слишкомъ хорошо знали. Онъ возвращаетъ имъ,—возвращаетъ къ свободѣ—рабовъ, которыхъ держали мальтійскіе рыцари. Онъ объявляетъ имъ, что французы выгнали папу изъ Рима. Это нисколько не трогаетъ ихъ.

По моему мнѣнію, есть вещь болѣе любопытная, чѣмъ всѣ эти живописныя сраженія, о которыхъ такъ много разсказывали,—это наше вступленіе въ Каиръ, первый взглядъ, которымъ обмѣнялись побѣдители и жители этого громаднаго

---

*) Энциклопетд. Шнитцлеръ. Ст. «Институтъ Египта», т. XIV ст. 751.

**) Fantasia—набѣгъ арабскихъ племенъ, военныя игры.

города и которымъ судили другъ друга. Послѣ страшной паники такое мирное вступленіе должно было вызвать сильное удивленіе и также благодарность. Побѣдители прошли, улыбаясь на эту толпу и выказали себя врагами только противъ мамелюковъ, дворецъ которыхъ они разграбили; въ чемъ низшіе классы городского населенія помогали имъ отъ всего сердца. Французы, такъ малочисленные, казались затерянными въ городѣ съ населеніемъ отъ двухъ до трехъ сотъ тысячъ жителей. Узкія, темныя, извилистыя улицы запирались на ночь крѣпкими деревянными воротами; многія изъ нихъ перерѣзанныя темными базарами, могли служить настоящими западнями, если бы поднялась рѣзня. Самая обыкновенная осторожность заставляла обратить на нихъ вниманіе. Генералъ Дюпюи, назначенный губернаторомъ города, строго слѣдилъ за тѣмъ чтобы вѣковыя ворота были сняты, къ величайшему огорченію привыкшаго къ нимъ населенія. Сверхъ того каждый домовладѣлецъ былъ обязанъ зажигать у дверей фонарь по ночамъ. Такая рѣзкая перемѣна не могла быть пріятной восточному городу. Не стало тьмы; улицы стали открытыми съ этой минуты трескучимъ телегамъ, тяжелымъ бронзовымъ пушкамъ; тишина была нарушена, а съ нею и тайна домовъ.

Санитарныя мѣры, такъ разумныя, казались тираніей Перенесеніе кладбища, мѣра необходимая, послѣ страшныхъ опустошеній нанесенныхъ чумою въ этомъ вѣкѣ, вызвало бунтъ женщинъ, которыя съ шумомъ, со всею трагическою выставкою восточной горести, прибѣгали подъ окна главнокомандующаго протестовать, и численностью и угрожающимъ трауромъ своимъ. Одежды женщинъ, постоянно укрытыхъ покрываломъ, могли быть подозрительными и представлять дѣйствительную опасность въ городѣ, недружелюбно настроенномъ къ французамъ.

Запретили покрывала. Поднялся громкій ропотъ. Однако полезность предосторожностей этихъ была доказана тѣмъ, что у одной знатной египтянки, по доносу управляющаго ея, нашли оружіе, порохъ и много одеждъ мамелюковъ. Она поплатилась тремя днями тюрьмы и пеней.

Послѣ такого человѣчнаго обращенія и такъ многихъ доказательствъ доброты, радость мусульманъ при нашемъ пораженіи на морѣ близь Абукира—вещь чудовищная, заставляющая сомнѣваться въ человѣческой природѣ. Они увидѣли въ этомъ бѣдствіи только кару Бога, явно осудившаго побѣдителей ихъ. Однако если правда, какъ говоритъ Бурьенъ и другіе, что главной причиной бѣдствія былъ недостатокъ продовольствія во флотѣ, который не могъ получить необходимые припасы вслѣдствіе прекращенія сообщеній, то въ этомъ слѣдуетъ обвинить излишнюю снисходительность французской администраціи, съ самаго начала не организовавшей строгія мѣры, которыя обезпечили бы безопасность дорогъ и облегчили доставку припасовъ. Бонапарте напрасно пытался свалить вину на адмирала. Оба дѣйствовали нерѣшительно. Но адмиралъ дѣйствовалъ такъ отчасти вслѣдствіе честнаго нежеланія покинуть Египетъ, покинуть армію, отойдя съ флотомъ отъ берега.

Спасеніе арміи, а равно и хорошее управленіе страною требовали строгаго и правильнаго порядка. Постановили, чтобы всѣ владѣльцы недвижимыхъ имуществъ представили свои документы на владѣніе, доказали на основаніи какихъ правъ они владѣютъ, покупкою или по наслѣдству. Дѣло очень затруднительное въ мусульманской странѣ, и очень щекотливое для сильныхъ міра, наслѣдниковъ владыкъ страны, которые обладали имуществами по праву силы и грубаго захвата. Для этого изслѣдованія учредили диванъ изъ шести мусульманъ и шести коптовъ, которымъ была назначена плата за трудъ: съ

каждаго документа два процента на сто съ стоимости имѣнія. Обложили налогомъ городскіе дома и даже лавки, что было нововведеніемъ. До сихъ поръ вся тяжесть падала на деревни, на бѣдныхъ феллаховъ, на однихъ земледѣльцевъ, на трудъ и на землю. Съ самыхъ древнихъ временъ городскіе дома и горожане не платили ничего. Налоги съ деревень, съ египетскихъ крестьянъ взимались коптами, которые сами были египтянами и которымъ мамелюки поручали это дѣло. Когда французы постановили, чтобы дома мусульманъ и другихъ горожанъ были обложены налогомъ, какъ поля феллаховъ, то сборъ и этого налога былъ тоже отданъ въ руки сборщиковъ коптовъ или египтянъ. И люди эти, до этой поры презираемые, какъ низшая раса, стали ходить по домамъ, допрашивать, дѣлать описи, что казалось смертельнымъ оскорбленіемъ расамъ, бывшимъ до этой поры господствовавшими.

Копты, а также и евреи, чувствуя себя подъ покровительствомъ, мало по малу пріободрились, перестали ѣздить на ослахъ какъ прежде, но начали ѣздить на лошадяхъ и носить оружіе. Это было очень естественною предосторожностью противъ мародеровъ, но это жестоко оскорбило арабовъ и вообще мусульманъ, которые не могли сносить такое ненавистное равенство. Еще менѣе могли они снести терпѣливо, когда увидѣли, что копты, какъ агенты власти, примѣняли противъ нихъ, равно какъ и противъ всѣхъ, принудительныя мѣры, всю строгость закона, которую до сихъ поръ тѣ же копты примѣняли только къ однимъ феллахамъ, сажая въ тюрьму неплательщиковъ. Мусульманская гордость поднялась, опираясь на религіозные предлоги, какъ напримѣръ, продажу вина, запрещенную исламизмомъ, но которую нельзя было запретить солдатамъ нашимъ. Что бы ни говорили объ этомъ, но когда я вижу, что мусульмане выказывали болѣе терпимости въ дру-

гихъ мѣстахъ, то я не могу не думать, что налогъ и милости оказанныя коптамъ собиравшимъ подати были главною причиною общественнаго неудовольствія.

Все это клонилось ни къ чему иному, какъ къ возстановленію старой египетской стихіи противъ чужеземцевъ: арабовъ, турокъ, мамелюковъ и др.—стихіи, къ несчастью, очень давно уже подавленной, но которая поднялась бы при помощи Франціи. Къ тому же упрекали французовъ въ томъ, что они вообще поднимали всѣхъ угнетенныхъ, что они, напримѣръ, вопреки корану хотѣли дать дочерямъ долю въ наслѣдствѣ послѣ отца.

Если возрожденіе востока должно было совершиться, то безъ сомнѣнія, не столько союзомъ европейцевъ съ воинственными расами, сколько поддержкою коренныхъ туземныхъ расъ, несравненно болѣе покорныхъ, нежели турки и арабы. Одинъ инженеръ, которому паша поручилъ исправить много старыхъ брошеныхъ машинъ, нуждался въ работникахъ. Онъ взялъ, какъ онъ самъ разсказывалъ одному изъ друзей моихъ, нѣсколько феллаховъ, и они менѣе чѣмъ въ мѣсяцъ стали способными помогать ему и работать по его указаніямъ. Эта красная раса была нѣкогда цивилизующимъ элементомъ страны, элементомъ очень сильнымъ, потому что онъ въ то время господствовалъ надъ окружавшими его расами — расами желтыми, бѣлыми и черными *).

Усилія французовъ установить справедливость, дать равныя права расамъ казались началомъ возрожденія не только Египта, но и всѣхъ трудолюбивыхъ расъ Азіи. Вообще владыки ихъ,

---

*) См. Памятники Рамзеса II, у Шампольона, Лепсіуса и др.

англичане и другіе народы слишкомъ пріучили насъ сомнѣваться въ возможномъ возрожденіи востока *).

V.

Возмущеніе Каира 21 октября 98 г. Возрожденіе Египта.

Еслибы Бонапарте Египта былъ бы Бонапарте Италіи т. е. выказалъ бы такую же предусмотрительность, тревожную и строгую, то онъ бы предчувствовалъ, что бѣдствіе Абукира вскружитъ голову мусульманамъ, воскреситъ безумную гордость ихъ, заставитъ ихъ не видѣть настоящее положеніе дѣла. Оно не было дурно. Флотъ былъ не нуженъ, потому что не хотѣли скоро возвращаться; Бонапарте говорилъ, что навсегда останется въ Египтѣ. Египетъ былъ прекрасной страной и, благодаря работамъ, которыя производились, могъ прокормить двойное и тройное число населенія. Что могло

---

*) Для этого очерка Каира я пользовался кромѣ французскихъ источниковъ, такъ хорошо извѣстныхъ, еще разсказами двухъ восточныхъ писателей, очень интересныхъ и поучительныхъ. Одинъ изъ нихъ, сиріецъ Накула былъ на службѣ эмира Друзскаго. Онъ провелъ три года въ Египтѣ въ продолженіе экспедиціи. Записки его были переведены г. Дегранжемъ 1839. Онъ замѣтилъ многое. Онъ увѣрялъ. будто у Бонапарте правая рука длиннѣе лѣвой; вѣроятно послѣдняя стала короче отъ привычки держаться за рукоять шпаги? Второй писатель врагъ Франціи, мусульманинъ изъ Каира, Абдурраманъ Габарти, (перев. Кордена, 1838 г.) Этотъ литераторъ въ двѣнадцать лѣтъ зналъ весь коранъ наизусть. Произведеніе его распространилось и пользовалось извѣстностью, потому что султанъ Селимъ III заставилъ перевести его на турецкій языкъ. Габарти довольно любопытенъ, въ особенности какъ представитель мѣстныхъ предразсудковъ, сильныхъ даже у образованнаго человѣка. Онъ вездѣ враждебенъ, но вообще враждебность его сдержанна и робка. Не смотря на всѣ средства, какія онъ имѣлъ, получить нужныя свѣдѣнія, онъ иногда удивляетъ своими ошибками и невѣжествомъ. Напримѣръ, онъ полагаетъ, что если у насъ дочери наслѣдуютъ, то законъ не даетъ ничего мущинамъ и лишаетъ ихъ наслѣдства. Книга его любопытна,

побуждать Бонапарте спѣшить, когда у него была такая армія? Конечно ни англичане, ни турки. Онъ долженъ былъ скорѣе желать, чтобы англичане имѣли смѣлость высадиться. Что же касается египтянъ, то ихъ такъ мало боялись, что даже въ Каирѣ, гдѣ скученность населенія дѣлала ихъ опасными, имъ оставили оружіе. Одно, чего могли бояться, это было невѣжество и еще гордость мусульманская, которыя могли побудить ихъ рискнуть на нелѣпую выходку къ собственному вреду.

Но какъ же это Бонапарте, иногда такъ недовѣрчивый, даже жестокій въ Италіи, не видѣлъ этого? Надо сказать на это: онъ хотѣлъ, какою бы то ни было цѣною, привлечь египтянъ и найти въ Египтѣ точку опоры для дальнѣйшихъ предпріятій. Эта своекорыстная политика вполнѣ согласовалась съ дружественнымъ и безкорыстнымъ настроеніемъ французовъ къ этимъ народамъ-дѣтямъ, которыхъ они думали расположить къ себѣ, держа себя въ отношеніи ихъ любезными хозяевами и добрыми товарищами. Въ запискахъ Габарти, какъ онѣ ни враждебны

какъ вынужденное у врага свидѣтельство о необыкновенной мягкости французскаго завоеванія и объ уваженіи, не рѣдко даже безразсудномъ, оказанномъ нами мусульманамъ. Онъ говоритъ между прочимъ, что французы, вступая въ Каиръ, тотчасъ потребовали чтобы всѣ жители отдали оружіе; но народъ отвѣчалъ, что это предлогъ для того чтобы грабить дома, и побѣдители отказались отъ своего требованія и оставили ему оружіе, которое онъ употребилъ вскорѣ противъ насъ. (Габарти, стр. 28).

Англійскій консулъ, г. Патонъ (1863 г.) болѣе турокъ нежели сами турки. Онъ приводитъ изъ Габарти только то, что говорится противъ насъ, и не упоминаетъ о многихъ мѣстахъ, гдѣ мусульманинъ говоритъ о чрезвычайной гуманности нашего завоеванія. Онъ высказываетъ притворное убѣжденіе въ томъ что Египетъ въ то время еще принадлежалъ султану, тогда какъ на самомъ дѣлѣ, султанъ былъ лишенъ власти мамелюками и смѣлъ посылать въ Египетъ только ежегодно пашу, который не показывался тамъ и не внушалъ никакого уваженія. Г. Патонъ иногда говоритъ странныя вещи: онъ полагаетъ, что французская музыка арабскаго происхожденія; онъ увѣряетъ что Красное море никогда не представитъ никакихъ выгодъ для мореплаванія. (Стр. 210 и 229, Патонъ I т.).

намъ, видно какъ нельзя лучше дружеское настроеніе и любезную предупредительность нашихъ войскъ. Одинъ капитанъ, говоритъ Габарти, требовалъ, чтобы солдаты ходили по городу безоружные. Онъ женился на каирской египтянкѣ. Драгоманъ его былъ рабомъ въ Мальтѣ и освобожденъ нами. Драгоманъ этотъ содержалъ кофейню, гдѣ пѣли французскія пѣсни. Капитанъ приходилъ туда съ женою и онъ именно и уговорилъ мусульманъ устроить обычныя иллюминаціи и увеселенія въ народный праздникъ Гуссейна *).

Лучшіе люди изъ нашихъ показывали примѣръ довѣрія. Военные инженеры вовсе не спѣшили поставить вокругъ Каира предполагаемыя укрѣпленія. Гражданскіе инженеры, занятые работою на Нилѣ и многими другими сооруженіями для общественной пользы, которыя придали цѣлой странѣ совершенно новый видъ, нуждались и хотѣли, чтобы спросили совѣта туземцевъ и болѣе всего па этотъ счетъ. Это должно было привести Бонапарте къ созыву чего то въ родѣ представительнаго собранія цѣлаго Египта. 1 октября 98 г. собрали посланныхъ отъ четырнадцати провинцій и въ первый разъ Египетъ былъ, если можно такъ сказать, вызванъ къ жизни, въ первый разъ спрошенъ объ интересахъ его. Въ этомъ рѣшеніи хорошо видны дружественность и героическое довѣріе людей окружавшихъ Бонапарте, дававшихъ ему совѣты, тѣхъ удивительныхъ, отборныхъ людей, въ первыхъ рядахъ которыхъ мы видимъ Бертоле, Манжа и того, кого Бонапарте позже назвалъ первымъ изъ числа основателей и законодателей новаго Египта,— Кафарелли. Этотъ великій человѣкъ, уже прославившійся и на войнѣ и въ наукѣ, инженерный генералъ и членъ французскаго института, продолжалъ военную карьеру свою, хотя

*) Габарти, стр. 72.

и былъ изувѣченъ отъ раны, полученной на Рейнѣ. То былъ офицеръ Клебера, того же геройскаго и въ тоже время миролюбиваго духа. Своею любовью и идеями всемірной реформы Кафарелли походилъ на Вобана. Ничто не было чуждо ему Лалли и Деженетъ говорятъ, что онъ при смерти еще занимался улучшеніями хирургіи.

Однако внизу распространялся враждебный духъ. Довѣріе оказанное коптамъ (первобытнымъ египтянамъ) раздражало мусульманскіе элементы—арабовъ, турокъ и др. Въ общемъ собраніи этотъ древній Египетъ, въ лицѣ копта, президента гражданскаго суда, имѣлъ честь говорить и открыть засѣданіе. Въ тоже время Бонапарте думалъ расположить къ себѣ населеніе египтянъ турокъ и арабовъ тѣмъ, что приглашалъ ихъ на праздники наши. На праздникѣ республики увидѣли выставленными рядомъ коранъ и декларацію правъ человѣка. Также на нѣкоторыхъ праздникахъ мусульманъ, онъ противъ воли ихъ оказалъ имъ честь приказать французамъ присутствовать. Они откладывали нѣкоторые праздники, желая отпраздновать ихъ *только послѣ нашего ухода*. Но, говоритъ восточный лѣтописецъ, Бонапарте былъ предупрежденъ о томъ *измѣнникомъ*, и, приказавъ устроить праздникъ съ пышностью, явился самъ и присутствовалъ до конца. Это дало поводъ агентамъ англичанъ и мамелюковъ сказать, что французы видятъ слабость свою и скоро оставятъ Египетъ. Англіи удалось составить противъ насъ новую коалицію, увлечь въ нее Россію, потомъ порту.

Вскорѣ распространили въ Египтѣ подложный манифестъ султана, и въ этомъ манифестѣ—султана, который смѣлъ посылать въ Египетъ только номинальнаго пашу, смѣняемаго имъ ежегодно, заставляли говорить языкомъ властелина Египта. Прокламація, впрочемъ искусная, выставляла Францію

врагомъ какой бы то ни было религіи. Она заставляла заговорить директорію, навязывала директорамъ коварныя злостныя намѣренія и доходила до возмутительной клеветы, приписывая имъ намѣреніе разрушить священные города Мекку, Медину, Іерусалимъ. Она оканчивалась обѣщаніемъ, что явится турецкая армія и призывомъ къ оружію.

Незнаніе восточныхъ языковъ, которымъ отличалась большая часть французовъ, позволила прокламаціи свободно распространяться. Даже, нисколько не прикрываясь, призывы на молитву съ вершины минаретовъ были призывами къ возстанію. Но самымъ дѣйствительнымъ двигателемъ были изслѣдованія, начатыя правительствомъ для правильнаго кадастра всѣхъ имуществъ,—единственное средство внести хоть сколько нибудь справедливости въ распредѣленіе налоговъ. Изъ библіи даже видно насколько операціи эти, даже самыя простыя проклинаются народомъ и караются Богомъ. Крупные землевладѣльцы, хотя наиболѣе терявшіе отъ этой мѣры, не выступили впередъ, но съумѣли возстановить, выдвинуть мелкихъ т. е. именно тѣхъ, кому равенство, справедливость распредѣленія принесли бы всего болѣе выгодъ.

Въ ночь 29—30 вандемьера VII года (20—21 октября 98) заговорщики устроили совѣщаніе. Въ числѣ ихъ были естественные вожди народа, тридцать шейховъ, и еще сверхъ того эмиссары мамелюковъ; наконецъ, множество фанатиковъ, той черни, которая повсюду живетъ на счетъ храмовъ, какъ вождь слѣпыхъ великой москеи. Было условлено, что поутру не дадутъ отпереть лавки для того, чтобы ничто не помѣшало толпѣ народа идти протестовать противъ описей. Силою заперли лавки, пошли къ кади, человѣку очень почтенному, чтобы заставить его поддержать требованія народа. Послѣ отказа его, убили слугъ и разграбили домъ его. Также пыта-

лись разграбить греческій монастырь, который къ счастью защищался и отстоялъ себя. Перерѣзали безчеловѣчно несчастный караванъ двадцати больныхъ или раненыхъ, на конвой которыхъ въ дорогѣ напали арабы. Еще до этого перерѣзали всѣхъ, находившихся въ домѣ генерала инженеровъ Кафарелли. Онъ не былъ дома. Но за то тамъ нашли всѣ драгоцѣнные научные инструменты его, физическіе и химическіе, телескопы и пр., тысячи драгоцѣнныхъ вещей, привезти которыя было невозможно, потому что море было заперто, замѣнить которыя было невозможно безъ невѣроятныхъ усилій изобрѣтательности. Фанатизмъ нашелъ въ нихъ истиннаго врага своего—науку и не щадилъ ее, инстинктивно чувствуя все, чего ему слѣдовало опасаться отъ нея и отъ истины. Генералъ Дюпюи, комендантъ города, ненавидимый за строгость свою и съ самаго начала вмѣшавшійся въ толпу, былъ убитъ импровизированной пикой, сдѣланной изъ ножа и перерѣзавшей ему артерію. Казначейство, на которое вслѣдъ затѣмъ напали, къ счастью охранялось непобѣдимымъ отрядомъ, гренадерами славной 32 полубригады. Египетскій институтъ (академія наукъ основанная французами), не имѣвшій военной стражи, самъ мужественно защищался; ученые, большею частью, люди молодые готовились къ отчаянной борьбѣ, когда толпа сама собой пошла по другому направленію.

Бонапарте былъ въ отсутствіи, но недалеко. Когда онъ возвратился, то нашелъ трое городскихъ воротъ запертыми и неприступными. Что бы произошло, еслибы сосѣдніе арабы большая часть которыхъ была, какъ говорятъ, послана мамелюками и Мурадъ-беемъ, приняли бы участіе въ возстаніи? Тогда грабежъ сталъ бы главнымъ дѣломъ. Кварталы евреевъ, грековъ, коптовъ были опустошены въ продолженіе часа, Серебро, драгоцѣнныя вещи, женщины, все было хорошей

добычей для этихъ притворныхъ фанатиковъ. Храбрый генералъ Бонъ, къ счастью для коменданта, очистилъ ружейными выстрѣлами главныя улицы и загналъ возставшія массы въ одинъ кварталъ. Пятнадцать тысячъ изъ наиболѣе отчаянныхъ бросились въ мечеть и поклялись защищаться. Подошедшій Бонапарте поставилъ пушки у входа въ главныя улицы, такъ что центръ былъ окруженъ, осажденъ. Однако къ вечеру возставшіе не шевелились, вѣроятно потому, что ожидали обѣщанную помощь, за которою отправились эмиссары ихъ. Съ своей стороны, Бонапарте не могъ пронизывать ядрами узкія и извилистыя улицы и потому въ полночь поставилъ батарею на высоту, господствовавшую надъ всею мѣстностью и находившуюся всего въ пятидесяти туазахъ *) отъ большой мечети. На зарѣ пятнадцать тысячъ запершіяся въ мечети, видя, что въ городъ входили толпа грабителей арабовъ, считали себя сильными и не знали, что у нихъ надъ головами смерть. Они узнали о томъ только когда въ мечеть упала бомба и когда гренадеры заперли всѣ выходы, такъ что никто не могъ бѣжать. Бомбы скоро изрѣшетили мечеть, и окружавшіе ее кварталы были обращены въ груды развалинъ.

Бонапарте принялъ съ суровою милостью диванъ шеиховъ, которые явились просить пощады городу. Хотя онъ былъ сильно раздраженъ смертью одного изъ адъютантовъ своихъ, поляка съ большими достоинствами, однако онъ приказалъ батареямъ на высотахъ прекратить огонь и даже согласился на то, чтобы шеихи пошли въ мечеть спросить отчаянныхъ фанатиковъ, хотятъ ли они сдаться? Тѣ отвѣчали ружейными выстрѣлами. Появленіе Клебера, прибывшаго изъ Александріи, доказало жителямъ, что берега находятся все еще во власти

---

*) Туазъ мѣра равная шести футамъ.

Франціи. Съ другой стороны, мамелюки Мурада, сдерживаемые Дезе, не могли придти съ юга. Это доказало городу, что ему нечего ожидать помощи ни сверху, ни съ низу. Впрочемъ это не помѣшало въ кварталѣ мясниковъ людямъ, привычнымъ пьянѣть отъ крови, продолжать отчаянную рѣзню. Кромѣ того въ большой мечети многіе возставшіе, взобравшись на внутреннія балюстрады, которыя идутъ спиралью вокругъ зданія, продолжали стрѣльбу, убійства.

Никогда еще въ мусульманскомъ краѣ не было видано послѣ такого человѣколюбиваго обращенія, такого неистоваго и безпричиннаго возмущенія; и потому, съ одной стороны, наши солдаты, потерявшіе такъ много товарищей, съ другой — копты и евреи, дома которыхъ были опустошены и семьи которыхъ были поруганы мусульманами, требовали сильныхъ карательныхъ мѣръ. Напрасно. Генералъ былъ непоколебимъ. Онъ уступилъ очень немного наиболѣе законнымъ требованіямъ мести. Не было великихъ разстрѣливаній картечью, бывшихъ въ Ліонѣ въ 93 г. и въ городахъ Индіи въ 1857 г. Партія методистовъ, устроившая послѣднія, и которую сами англичане упрекаютъ въ томъ, что она ставила по восьмисотъ человѣкъ въ день подъ жерла пушекъ, фанатическая партія эта, которую, сверхъ того, гордость доводила до изступленія, не могла изобрѣсти достаточно ужасныхъ мукъ. Напротивъ, французы въ Каирѣ и самъ Бонапарте, который въ войнѣ такъ мало щадилъ людей были здѣсь настолько человѣчными, насколько можно быть человѣчными въ этой странѣ. Въ письмахъ, которыя онъ посылалъ внѣ Каира, напримѣръ, генералу Ренье, находившемуся на берегу, онъ считаетъ полезнымъ преувеличить строгость. Онъ говоритъ, что рубятъ по тридцати головъ въ

день. Секретарь Бурьенъ, писавшій приказы, говоритъ только о двѣнадцати.

Нашъ англійскій консулъ, г. Патонъ просто удивителенъ, когда онъ говоритъ объ этомъ. Онъ увѣряетъ, будто на второй день возмущенія мусульмане, войдя въ большую мечеть для молитвъ, *были изумлены* *), увидѣвъ ее занятою, оскверненною французскими солдатами, которые расположились тамъ лагеремъ. А кто же осквернилъ мечеть болѣе тѣхъ, которые обратили ее въ поле сраженія, въ крѣпость возстанія и такъ обильно полили ее человѣческою кровью? Я не вѣрю, чтобы погибло всего триста французовъ. Здѣсь было дѣло иное, нежели при пирамидахъ и въ другихъ великихъ сраженіяхъ, гдѣ порядокъ и дисциплина служатъ защитой. Здѣсь, въ этой уличной войнѣ и въ засадахъ переулковъ, проходовъ и т. п. выгода на сторонѣ толпы. Сиріецъ Накула утверждаетъ, что мы потеряли двѣ тысячи человѣкъ **), и какихъ людей! — всѣ были дороги въ такомъ отдаленіи отъ родины, — многіе были замѣчательны по храбрости, по знанію, незамѣнимы!

Наши ученые не щадили себя въ опасности. Въ большой мечети, такомъ опасномъ мѣстѣ, гдѣ скрещивался огонь сверху и снизу, видѣли, какъ оріенталистъ Марсель, начальникъ восточной типографіи нашей, прошелъ, рисковалъ тысячу разъ жизнью, чтобы достать и спасти драгоцѣнную рукопись. Тѣ, которые стали бы сомнѣваться въ умѣренности возмездія, должны прочесть то, что говоритъ нашъ врагъ Габарти объ удивленіи, какое вызвало помилованіе. «Жители поздравляли другъ друга и никто не могъ вѣрить, что дѣло

---

*) Патонъ, т. I, стр. 189.

**) Накула, перев. Дегранжа, 1829 г.

кончилось такъ» *). Удивленіе еще усилилось, когда, черезъ нѣсколько дней, движимые благороднымъ гостепріимствомъ, французы открыли публичную библіотеку, которую они основали въ прекрасномъ домѣ, построенномъ однимъ изъ тирановъ (безъ сомнѣнія, мамелюкомъ) на награбленное добро. Французы, *которые всѣ умѣли читать*, открывали библіотеку въ десять часовъ, вѣжливо встрѣчали мусульманъ и сажали ихъ. Они показывали имъ карты, рисунки животныхъ, растеній, историческія, медицинскія книги, математическіе и астрономическіе инструменты. Недалеко отъ библіотеки находилась химическая лабораторія съ электрической машиной; потомъ токарная мастерская и орудія для обработыванія земли съ меньшею затратою силъ.

Вслѣдъ за возмущеніемъ настала тишина и Каиръ даже принялъ видъ оживленной дѣятельности *). Крѣпости, которыя прежде предполагали построить, поднимались вокругъ города подъ дѣятельнымъ руководствомъ Кафарелли. Заслу-

---

*) Габарти, стр. 48, 60.

*) Если желаютъ знать, чѣмъ было владычество французовъ, то пусть прочтутъ врага нашего Габарти. Какова бы ни была непріязнь его къ намъ, онъ говоритъ (стр. 71), что французы разстрѣляли одного француза, поругавшаго женщину, и еще троихъ, которые ворвались въ дома. Опасались, и не безъ причины, варваритянъ, которые проходили черезъ Каиръ на пути въ Мекку. Французы задержали иныхъ въ качествѣ заложниковъ, но при отъѣздѣ вознаградили ихъ подарками. Прочтите еще въ Габарти объ уваженіи, оказанномъ французами мусульманамъ на праздникахъ при началѣ года, во время рамазана и байрама, когда лавки открыты по ночамъ. Мусульмане, по обыкновенію, пошли днемъ на кладбища поклониться умершимъ. Французы запретили христіанскому населенію раздражать мусульманъ ѣдою и питьемъ на улицахъ и оскорблять гордость ихъ, нося бѣлыя чалмы, какія тѣ носятъ. Они послали отрядъ французскихъ кавалеристовъ сопровождать начальника полиціи при обходѣ по городу. И это не все: наши высшіе офицеры послали поздравить съ праздникомъ знатныхъ лицъ города, пригласили ихъ и, чтобы лучше угостить ихъ, наняли туземныхъ поваровъ (Габарти, стр. 77—87).

женныя казни надъ сосѣдними арабами, полное разрушеніе одной изъ деревень ихъ сдѣлали дороги болѣе безопасными и устрашили грабителей этихъ, такъ опасныхъ вблизи такого города. Въ то же время главнокомандующій возвратилъ Каиру, Египту вообще, великій и малый диванъ, представлявшіе для страны родъ національнаго представительства, которое на самомъ дѣлѣ одно могло въ тысячахъ мѣстныхъ вещей дать вѣрное указаніе французской администраціи. Это вызвало, говорятъ, сильную и общую радость въ населеніи; многіе поздравляли другъ друга, обнимались на улицахъ. Это было очень естественно. Не преувеличивая дѣйствительную власть этого учрежденія, очевидно, что оно могло, по крайней мѣрѣ, внести свѣтъ въ дѣла, отвратить многія недоразумѣнія.

Тѣ, которые цѣнятъ вещи однѣми деньгами, разсмѣются, не безъ презрѣнія къ французской простотѣ, когда прочтутъ въ подлинной запискѣ Бонапарте, написанной имъ самимъ и переписанной Бурьеномъ, что въ двѣнадцать мѣсяцевъ весь Египетъ, считая даже пени съ мамелюковъ, принесъ намъ только двѣнадцать милліоновъ сто тысячъ франковъ *).

VI.

Суэзъ и древній каналъ фараоновъ. Романы Бонапарте. Сирійское нашествіе. 1798—1799 г.

Нилъ — женское имя на древнеегипетскомъ языкѣ. Онъ есть истинная Изида и мать Египта, породившая и питающая страну. Начиная съ фараоновъ, смѣнявшіеся владыки

*) Какая малость! Въ Калькуттѣ одинъ судья, президентъ верховнаго суда, назначаемый на двѣнадцать лѣтъ, получалъ полтора милліона франковъ въ годъ (Миль и Вильсонъ).

всѣ выказали себя чужеземцами, незаконными узурпаторами, потому что пренебрегли этимъ истиннымъ богомъ страны. Знаменіемъ, по которому туземцы должны были признать законность нашего завоеванія, было вниманіе, обращенное на Нилъ, работы французовъ на Нилѣ. Инженеры наши Жираръ, Леперъ и др. дѣятельно занялись устройствомъ плотинъ, каналовъ, которые имѣли цѣлью укрѣпить берега и направить теченіе рѣки. Они думали возобновить, распространить прекрасный памятникъ Фараона Нехаса, каналъ, соединявшій Нилъ съ Краснымъ моремъ, — каналъ, такъ полезный для торговли, и который могъ быть чертой, соединяющей Египетъ съ Аравіей, моря Индіи и южный востокъ. Мусульманскій міръ, въ сердцѣ котораго все это не было вписано, какъ въ сердцѣ настоящихъ египтянъ, и который понималъ только одни благодѣянія Нила, долженъ былъ, однако, почувствовать удивленіе къ такому правительству. Онъ менѣе видѣлъ научную обстановку, окружавшихъ вождя ученыхъ Европы, создававшихъ чудеса эти; онъ видѣлъ только молодаго султана, по приказанію котораго все совершалось, молодаго человѣка, такъ мудраго и который, не смотря на все, всегда имѣлъ на аудіенціяхъ улыбающееся лицо *). Это было замѣчено, когда серьезный Клеберъ заступилъ мѣсто Бонапарте.

Въ продолженіе по крайней мѣрѣ шести мѣсяцевъ Бонапарте, владѣвшій Египтомъ черезъ превосходныхъ адъютантовъ своихъ, Клебера на сѣверѣ и Дезэ на югѣ, а самъ въ центрѣ вмѣстѣ съ Кафарелли и египетскимъ институтомъ, изумлявшій всѣхъ мудростью своею, казался египтянамъ Фараономъ, мусульманамъ — другимъ Соломономъ или потомкомъ

*) Габарти, стр. 132.

пророка. Всѣ преклонялись передъ нимъ и даже готовы были вѣрить ему, когда онъ говорилъ: «Знаете ли вы, что я вижу самыя сокровенныя мысли». Кто бы могъ подумать, что этотъ геніальный актеръ былъ тѣмъ же самымъ Бонапарте, такимъ интриганомъ во Франціи, такимъ лицемѣромъ въ Италіи? Все равно, мы удивляемся ему за этотъ годъ въ Египтѣ. Великіе актеры бываютъ великими актерами только потому, что не все притворство въ игрѣ ихъ. Я думаю еще, что живая электрическая натура его могла въ иныя минуты сродняться, гармонировать съ обществомъ, въ которомъ онъ жилъ, обществомъ, состоявшимъ изъ такъ многихъ замѣчательныхъ людей, желавшихъ добра и полныхъ удивительной симпатіи къ странѣ, возродить которую они надѣялись.

Но онъ во всякомъ случаѣ былъ натурой слишкомъ подвижною для того, чтобы дойти до конца. Для того, чтобы это великое уваженіе туземцевъ къ Бонапарте было прочно, для того, чтобы смолкла ненависть, примѣшавшаяся къ нему въ сердцахъ мусульманъ, нужны были серьезность и послѣдовательность, которыя были не въ природѣ Бонапарте. Даже когда собственный интересъ его и политика требовали, чтобы онъ былъ послѣдователенъ и дѣйствовалъ въ тонъ, онъ дѣйствовалъ не въ тонъ, фальшивилъ. Мусульмане, которые такъ серьезны и, не смотря на варварство свое, такъ чутки къ нѣкоторымъ оттѣнкамъ, почувствовали это какъ нельзя лучше. Многіе судили о немъ — и, по мнѣнію нашему, судъ былъ слишкомъ строгимъ — по этимъ диссонансамъ и сочли, что онъ коваренъ и лживъ во всемъ. Но этого не было, онъ былъ искренно расположенъ къ нравамъ и идеямъ востока. Одну минуту ему пришла мысль носить турецкую одежду, но онъ былъ малъ ростомъ, костюмъ не шелъ къ нему и онъ отказался отъ этого.

Многіе офицеры и солдаты женились на египтянкахъ. Генералъ Мену пошелъ далѣе и, чтобы заключить бракъ по любви, отрекся отъ христіанства и принялъ магометанство. Въ письмахъ своихъ по этому поводу Бонапарте, говоря о Магометѣ, пишетъ Мену: «Нашъ пророкъ». Онъ обѣщалъ построить большую мечеть и даже подавалъ мусульманамъ надежды на обращеніе французовъ. Думали, что онъ заведетъ сераль. Изъ Парижа онъ получалъ дурныя вѣсти о Жозефинѣ, которая вела себя очень легкомысленно. И такъ, генералу представили нѣсколько мусульманскихъ женщинъ; онъ нашелъ ихъ слишкомъ жирными, какъ говорилъ; вѣрнѣе, что онъ боялся насмѣшекъ. Онъ отослалъ ихъ обратно. Но онъ сдѣлалъ скандалъ похуже, онъ взялъ любовницу француженку, жену одного изъ офицеровъ своихъ, мужа которой онъ удалилъ изъ Египта. Онъ выставлялъ ее и на глазахъ всѣхъ гарцовалъ съ нею верхомъ въ кавалькадахъ по каирскимъ публичнымъ гуляньямъ. Скандалъ не политическій, который долженъ былъ оскорблять чинность мусульманъ и выставить съ легкомысленной стороны героя, полупророка.

Къ концу 97 г. усталость и скука овладѣли имъ, какъ говоритъ Бурьенъ. Онъ отправился осмотрѣть Суэзъ, гдѣ онъ уменьшилъ таможенныя пошлины, установилъ сношенія съ шерифомъ Мекки для возобновленія прежней торговли. Онъ нашелъ каналъ Нехаса, соединявшій Нилъ съ Краснымъ моремъ, и думалъ возстановить его. Но къ этимъ разумнымъ планамъ примѣшивалось много пустыхъ грезъ, прихотей фантазіи. Онъ переѣхалъ во время отлива въ Аравію, чтобы видѣть находящіеся въ трехъ миляхъ оттуда, источники, называвшіеся источниками Моисея. Онъ послалъ въ Индію Типо-Сагибу письмо, которое не дошло, чтобы вступить съ

нимъ въ союзъ; и въ то же время, какъ будто желая отправиться въ Индію сухимъ путемъ, онъ просилъ у персидскаго шаха позволенія устроить на пути депо оружія и обмундировки. Это значило идти очень далеко отыскивать англичанъ, которые сами шли на него. Флотъ ихъ блокировалъ Александрію. Порта, орудіе ихъ, послала на границы Египта и Сиріи, въ Эль-Харикъ, знаменитаго акрскаго пашу, жестокаго Джецара.

Напрасно старался Бонапарте привлечь этаго пашу. Онъ убилъ посланника нашего и грозилъ намъ, видя, что съ одной стороны его подкрѣплялъ англійскій флотъ, а съ другой паши алеппскій и дамасскій. Бонапарте надѣялся, что сирійцы, враги Джецара, соединятся съ нимъ, и не только христіане, но и друзы, мужественное и сильное населеніе. Онъ могъ взять изъ египетской арміи не болѣе двѣнадцати тысячъ солдатъ, правда, первыхъ въ свѣтѣ. И съ такимъ небольшимъ отрядомъ онъ рѣшился идти на встрѣчу англичанъ, турокъ и даже русскихъ, флоты которыхъ вскорѣ появились въ Архипелагѣ. Воображеніе его, казалось, было возбуждено опасностью: онъ разсчитывалъ, если ему удастся присоединить сирійцевъ и найти вооруженіе для тридцати тысячъ человѣкъ, — онъ разсчитывалъ, какъ онъ говорилъ, *взять Европу съ тылу* (это было его выраженіе), захватить Константинополь и Вѣну и основать великое государство на востокѣ.

Но ничто не могло осуществиться. Сирійцы остались раздѣленными, высказали намъ много добрыхъ пожеланій успѣха, но могли очень мало помочь намъ. Напротивъ того, мусульмане изъ фанатизма, или по принужденію, соединились и имѣли союзниками море и неистощимую помощь англичанъ. Маленькая армія взяла сначала и безъ большаго

труда на границѣ Эль-Арихъ. Съ гарнизономъ обошлись человѣчно, равно какъ и съ восемнадцатью мамелюками, которые были отведены въ Каиръ и освобождены тамъ управляющимъ Пумельгомъ. Часть гарнизона этаго, составленнаго изъ арнаутовъ или албанцевъ, вступила въ нашу службу, часть обѣщала уйти въ Багдадъ; но она остановилась на половинѣ дороги и помогла Джецару защищать противъ насъ Яффу *).

Городъ этотъ защищался съ яростью. Парламентеръ, посланный французами требовать сдачи города, былъ убитъ. Потомъ нѣсколько солдатъ нашихъ, которые подземнымъ ходомъ проникли въ городъ и вышли посреди непріятелей, не были взяты въ плѣнъ, но были перерѣзаны. Еще однимъ и не малымъ поводомъ къ раздраженію французовъ было то, что варвары эти, уже считавшіе себя побѣдителями, ходили съ куфами *), въ которыхъ они уносили отрубленныя головы и въ которыхъ они надѣялись скоро унести и головы нашихъ воиновъ **). Генералы наши Ланнъ и Бонъ, сильно раздраженные, пошли на приступъ съ двухъ сторонъ и, проникнувъ въ городъ, сжали съ двухъ сторонъ гарнизонъ, который продолжалъ защищаться, отступая изъ дома въ домъ. Двѣ или три тысячи арнаутовъ укрылись въ каравансараѣ, гдѣ они навѣрное были бы сожжены, когда адъютанты Бонапарте и въ томъ числѣ маленькій Богарне, пасынокъ его, обѣщали имъ необдуманно жизнь, — обѣщаніе, которое не было подтверждено Бонапарте.

Положеніе было очень дурно. Увидѣли, что изъ Египта была занесена чума. Храбрые воины, не ожидавшіе нисколько

*) Накула, стр. 99.

*) Куфа—веревочная корзина египтянъ.

**) Міо, стр. 138, 162, 267.

такого новаго непріятеля, были, въ томъ надо сознаться, очень испуганы. Оба великіе врача, участвовавшіе въ экспедиціи, описали ее; одинъ, Лоррей, считалъ чуму заразительной; другой, Деженетъ, считалъ полезнымъ скрывать даже самое страшное имя чумы и объявить, для поддержанія мужества арміи, что эпидемія есть только особый родъ лихорадки. Опасная ложь, говорилъ Лоррей; но въ виду непріятеля нужно было ободрять войска. Бонапарте счелъ болѣе полезнымъ послѣдовать совѣту Деженета; онъ посѣтилъ госпиталь, пробылъ тамъ довольно долгое время и даже поднялъ мертвое тѣло одного чумнаго. Распустили слухъ, будто Деженетъ самъ привилъ себѣ чуму безъ всякаго вреда.

Что же было бы, если бы въ такомъ печальномъ положеніи армія еще узнала вѣсти, приходившія изъ Египта, Сиріи, съ моря? Она была окружена опасностями съ трехъ сторонъ. Не только англичане, но и русскіе были въ морѣ и еще, сверхъ того, впереди наши друзья сирійцы не высказывались за насъ. Въ тылу Египетъ считалъ Бонапарте погибшимъ, и пересталъ платить. Кромѣ того, пилигримы меккскіе, въ Египтѣ и въ Варваріи, казалось, были одушевлены тѣмъ вѣяніемъ фанатизма, которое поднимается иногда отъ необъяснимыхъ причинъ, какъ смерчи въ пустынѣ. Уже съ помощью мамелюковъ, которые отчасти покидали верхній Египетъ, чтобы идти въ Сирію, они перерѣзали обозъ французовъ и во многихъ городахъ мусульманскихъ происходила рѣзня. Что дѣлало положеніе еще болѣе опаснымъ — это была вѣсть о томъ, что варваритянъ велъ ангелъ, дѣлавшій ихъ неуязвимыми; за ними шли многіе народы.

Въ такомъ рискованномъ положеніи было бы нелѣпо подтвердить обѣщаніе пощады, данное мальчикомъ тремъ тысячамъ албанскихъ разбойниковъ. И Бонапарте никогда и не

подтверждалъ его. Только онъ сдѣлалъ ошибку, что не тотчасъ принялъ свои мѣры и тѣмъ допустилъ ихъ думать, что они будутъ помилованы. Армія, раздраженная отчаяннымъ сопротивленіемъ, которое она встрѣчала въ домахъ, и понимая, что враги, немедленно по освобожденіи, пойдутъ не въ Багдадъ, но присоединятся къ Джецару, вовсе не желала пощады врагамъ. Однако, Бонапарте не́ хотѣлъ удовольствоваться шумнымъ судомъ арміи. Онъ собралъ генераловъ. Такъ уважаемыя имена Клебера и Кафарелли были сами по себѣ ручательствомъ справедливости и даютъ намъ основаніе сказать, что дѣло было зрѣло обсуждено. Они произнесли такой же приговоръ, какъ и армія, не признали безумную пощаду, данную Евгеніемъ Богарне, сознавая, что жизнь, дарованная албанцамъ, будетъ смертью для многихъ нашихъ.

VII.

Бонапарте терпитъ неудачу при Сенъ-Жанъ д'Акрѣ, май 99.

Французы направились къ Сенъ-Жанъ д'Акру подъ сильными зимними дождями и по испорченнымъ дорогамъ, которыя не дозволяли брать осадную артиллерію. Армія шла съ одной стороны, артиллерія—съ другой, моремъ. Было весьма вѣроятнымъ, что имъ не удастся встрѣтиться и что англичане, хозяева на морѣ, заберутъ нашу артиллерію и употребятъ ее противъ насъ. Что же можно было противопоставить вѣроятности такого простаго исхода дѣла? Счастье Бонапарте, которое до этой поры благопріятствовало ему и заботливо оправдывало самыя дерзновенныя неосторожности его. Замѣтьте еще, что изъ Константинополя послали въ Сенъ-Жанъ д'Акръ корпусъ турецкой артиллеріи, сформиро-

ванный нами, когда султанъ былъ союзникомъ нашимъ. Итакъ, ученики французовъ стрѣляли въ нихъ изъ французскихъ орудій. Если этого было бы недостаточно, то англичане для защиты крѣпости, окруженной почти со всѣхъ сторонъ водою, могли совершенно свободно ввести туда, сколько хотѣли, войска и подкрѣплять гарнизонъ европейцами, англичанами, а вскорѣ и русскими. Одна русская эскадра была уже въ морѣ.

Адмиралъ Сидней Смитъ, бывшій нѣкогда плѣнникомъ нашимъ и бѣжавщій изъ Тампля, привелъ съ собою въ Акръ одного изъ нашихъ измѣнниковъ, эмигранта Фелиппо, который, по законамъ того времени, долженъ былъ быть разстрѣляннымъ въ Парижѣ. Это былъ одинъ изъ старыхъ товарищей Бонапарте, завидовавшій ему и врагъ его съ школьной скамьи. Онъ не побоялся сдѣлаться англичаниномъ, надѣть мундиръ и принять большое жалованье англійскаго инженернаго полковника. Искусно защищая и укрѣпляя Сенъ-Жанъ д'Акръ, онъ не имѣлъ другихъ цѣлей, кромѣ вреда Бонапарте и Франціи. Кто бы подумалъ тогда, что остановить Бонапарте и нашу колонизацію Египта и Сиріи значило замуровать Азію, погрести такъ много народовъ, смертный приговоръ которыхъ утвердила Англія? Замедленіе артиллеріи нашей дало Фелиппо время сдѣлать большія работы для укрѣпленія вокругъ такого небольшаго мѣста, которое и безъ того было защищено моремъ. Фелиппо не ограничился наружными укрѣпленіями. Зная хорошо сильный натискъ нашихъ солдатъ и опасаясь, чтобы, не смотря на все, они не нашли мѣста прорваться, онъ принялъ необычайную предосторожность — соединить стѣнами городскіе дома, такъ что даже если бы укрѣпленія были взяты, то городъ могъ бы защищаться самъ собою.

При безконечномъ удобствѣ, какое представляли море и флотъ—вводить въ городъ свѣжія силы, было мало вѣроятнымъ, чтобы дѣло могло дойти до этого. Бонапарте, получивъ, наконецъ, небольшое подкрѣпленіе артиллеріи, упорствовалъ яростно въ такомъ невозможномъ предпріятіи. Онъ не хотѣлъ видѣть, что снаряды его истощались до того, что ему приходилось подбирать ядра непріятеля, чтобы отослать ихъ ему обратно; за ядра платили собиравшимъ ихъ солдатамъ. Въ шестьдесятъ дней онъ упорно сдѣлалъ четырнадцать приступовъ, безполезныхъ и кровопролитныхъ, губительныхъ для такого малаго числа войска. Непріятель сдѣлалъ двадцать вылазокъ, не заботясь о потеряхъ своихъ, которыя онъ пополнялъ, когда хотѣлъ. Упрямство, ослѣпленіе Бонапарте были выше всякаго описанія: то былъ какъ будто споръ между нимъ и счастьемъ, невѣрнымъ въ первый разъ. То былъ скорѣе нелѣпый закладъ съ самою невозможностью. Представьте себѣ смѣшной образъ упрямаго пьяницы, который силится выпить, опорожнить снизу бочку, безпрестанно наполняемую сверху. Незначительное число непріятелей, которыхъ онъ убивалъ на траншеяхъ со стороны берега, было мгновенно пополняемо со стороны моря войскомъ, которое флотъ могъ привозить въ неограниченномъ числѣ. Слѣпая ярость его была такъ велика, что онъ сначала подвелъ мины подъ одну выдававшуюся впередъ башню, которая, казалось, была соединена съ городомъ; потомъ онъ во что бы то ни стало хотѣлъ взять ее приступомъ, хотя башня эта на самомъ дѣлѣ была отдѣлена отъ города и не открывала туда ни малѣйшаго доступа. Солдаты наши не роптали на такое безуміе героя: они шли на убой. Клеберъ одинъ говорилъ съ ироническою строгостью: «Мы

нападаемъ по турецки на городъ, который защищается европейскими средствами».

Многіе сирійцы, враги Джецара прибывали въ лагерь и желали намъ побѣды; но видя какъ мы сжаты тамъ въ тѣсномъ пространствѣ, они не рисковали заявить себя союзниками. Непріятель былъ слишкомъ счастливъ, видя насъ наткнувшимися на стѣны, разбивающими лобъ о камни въ то время, когда прекрасная и богатая страна, Галилея, была позади насъ. Было такъ очевидно, что непріятель долженъ опасаться сраженій, а мы желать ихъ. Ему—море, намъ—земля. Клеберъ былъ безконечно благодаренъ дамасскому пашѣ, который, видя какъ Бонапарте упорно бился на берегу, выбралъ дорогу Ѳаворской горы и пришелъ напасть на насъ съ тылу, съ двадцатью пятью тысячами человѣкъ. Если бы Бонапарте дождался его, то оказался бы самъ осажденнымъ, имѣя передъ собою Акръ, а позади войска изъ Дамаска. Онъ не могъ не послать Клебера на встрѣчу, но послалъ его съ такимъ ничтожнымъ военнымъ запасомъ, что послѣ одного сраженія у Клебера не хватило снарядовъ и онъ очутился въ большой опасности.

Безъ сомнѣнія ихъ было не много и у Бонапарте; но зная коварный геній его, можно тоже подумать, что онъ, въ отношеніи сраженій данныхъ при горѣ Ѳаворѣ и Назаретѣ, въ мѣстахъ такъ прославленныхъ, очень боялся, чтобы не побѣдили безъ него и хотѣлъ самъ подписать бюллетень изъ Назарета. И потому онъ пришелъ поспѣшнымъ маршемъ съ Бономъ, Рампономъ, 32 дивизіей и восемью орудіями. Солдаты Клебера, ободренные приближеніемъ подкрѣпленія, снова привели въ порядокъ ряды и стали нападать на непріятеля. Солдаты Бонапарте изрубили саблями лагерь мамелюковъ стоявшій въ сторонѣ. Дамаская армія, видя повсюду фран-

цузовъ, не смотря на многочисленность свою, оробѣла и подумала, что окружена со всѣхъ сторонъ. Ее охватила безмѣрная паника, началось общее бѣгство. Одни понеслись за гору Ѳаворъ, другіе бросались въ волны Іордана, 26 жерминаля—15 апрѣля. На другой день по утру Мюратъ вступилъ въ Тиверіаду, опустѣлую, безъ гарнизона и нашелъ тамъ огромнѣйшіе магазины. Теперь увидѣли, какъ много выиграли бы, если бы воспользовались этими побѣдами и пошли далѣе къ богатому Дамаску. Городъ этотъ часто защищало одно то, что въ равнинахъ сильно опасались кавалеріи. Но сраженія при пирамидахъ, при Назаретѣ показали на сколько опасенія эти были преувеличены. Взятіе Дамаска было бы ударомъ грома, который устрашилъ бы враговъ нашихъ, ободрилъ бы друзей нашихъ и заставилъ бы ихъ взяться зн оружіе. Бонапарте очутился бы во главѣ великаго народа и англичане, такъ страшные ему при Сенъ-Жанъ-д'Акрѣ, вѣроятно не рискнули бы покинуть море и придти дать намъ сраженіе на сухомъ пути.

Можно было взять не городъ только, но цѣлую Сирію и сдѣлать изъ небольшой арміи нашей, ядро цѣлаго воинствен- народа. Я представляю себѣ, что это были планы истиннаго здраваго смысла, планы Клебера и друга его, Кафарелли, который передъ смертью своею, какъ говорятъ имѣлъ большой споръ съ Бонапарте. Но у того были другіе планы. Онъ имѣлъ виды на Францію. Для нея прежде всего ему не нужно было удаляться отъ Сенъ-Жанъ-д'Акра, а нужно было помѣтить свой бюллетень именемъ Назарета. Какъ прежде онъ ходилъ на поклоненіе къ источникамъ Моисея и вписалъ имя свое въ списки монастыря, такъ онъ теперь остановился въ монастырѣ Назарета, ночевалъ тамъ и видѣлъ въ церкви мѣстное чудо. Близь алтаря тамъ есть часовня, которая, какъ

говорятъ, спальня самой св. Дѣвы. Черная мраморная колонна держащаяся у потолка, кажется привѣшенной, потому что ангелъ въ минуту благовѣстія ударилъ пяткой по основаніи колонны и сломилъ ее. Легенда эта умилила многихъ изъ раненыхъ, которые, умирая, ослабѣли и потребовали соборованія. Вотъ какъ интриганъ, такъ мало стоившій такой арміи и такихъ великихъ событій, плоско поддѣлывался къ реакціи усиливавшейся въ Парижѣ.

Въ арміи этой, полной людьми умными, опытными, не нашлось ни одного человѣка, не видѣвшаго, что ослѣпленный генералъ упорствовалъ въ безнадежномъ предпріятіи, въ которомъ гордость его принесла бы въ жертву міръ. Было трогательно видѣть, какъ люди эти такъ же покорные какъ и храбрые, которыхъ каждый день посылали на смерть, шли безъ ропота на невозможныя дѣла. Такъ почти въ продолженіе цѣлаго мѣсяца онъ заставлялъ ихъ атаковать башню, которая находилась передъ городомъ, но не была соединена съ нимъ и не открывала туда доступа. И при этомъ было очень мало ропота: роптали только, когда теряли друзей, когда кто нибудь плакалъ, кричалъ отъ горя; одинъ отъ сожалѣній, отъ горя сошелъ съ ума и тогда наговорилъ много разумныхъ вещей, онъ въ лицо упрекалъ Бонапарте за свирѣпое упорство его.

Но изо всѣхъ многочисленныхъ потерь ни одна не была такъ чувствительна для арміи, какъ потеря Кафарелли. То былъ, какъ я уже сказалъ, человѣкъ несравненный, который болѣе чѣмъ кто либо, устроилъ экспедицію и мудро управлялъ Египтомъ. Спокойное геройство его было опорой для всѣхъ. Онъ потерялъ на Рейнѣ ногу; при Сенъ-Жанъ-д'Акрѣ онъ потерялъ руку и, чтобы не задерживать дѣятельность свою, онъ потребовалъ немедленно операціи. Привыкшій вла-

дѣть собой, онъ выдержалъ ее, не обнаруживъ боли ни единымъ признакомъ. Ларрей говоритъ, что стоицизмъ этотъ ухудшилъ положеніе его и былъ отчасти причиною его смерти *). Всего болѣе повредило ранѣ его и препятствовало выздоровленію его то, что онъ слишкомъ рано снова занялся службой. Видъ такъ многихъ потерь убивалъ его. Онъ упрекалъ себя въ томъ, что увлекъ въ экспедицію всѣхъ молодыхъ друзей своихъ, которые умирали по очереди, и въ числѣ ихъ Ораса Сея, молодаго человѣка подававшаго большія надежды и брата экономиста.

Бонапарте навѣщалъ Кафарелли два раза въ день, быть можетъ, желая успокоить его, смягчить его мнѣніе, которое было и мнѣніемъ Клебера, т. е. очень неблагопріятнымъ для осады. За нѣсколько дней до смерти между ними поднялся сильный споръ и, безъ сомнѣнія, Кафарелли высказалъ ему свое мнѣніе безъ всякой утайки. Послѣ этого Кафарелли не выходилъ изъ героическаго спокойствія стоика. Онъ хотѣлъ умереть философствуя: «Прочитайте мнѣ», сказалъ онъ: «критику Вольтера на духъ законовъ». Странный выборъ чтенія удивившій Бонапарте, но который однако можно понять; умирающій искалъ утѣшенія въ одушевленномъ протестѣ за свободу человѣка противъ Монтескье и системы его о роковомъ вліяніи климата *).

---

*) Ларрей, стр. 111.

*) Въ трудахъ гг. Рейбо, Марселя и др. содержащихъ кромѣ прекраснаго описанія событій, тысячи полезныхъ свѣдѣній, которыхъ напрасно стали бы искать у другихъ, была сдѣлана почтенная и трудная попытка, дать намъ портреты такъ многихъ героевъ. Портреты эти не всегда хороши, но всегда, я думаю, истинны. Нельзя выдумать физіономіи, которыя такъ хорошо согласуются со всѣмъ, что извѣстно о жизни лицъ. Рампонъ долженъ быть похожимъ. Деженетъ заставляетъ воскликнуть: «Это правда!» Портретъ этотъ, къ тому же очень посредственный, не могъ быть выдуманнымъ. Съ кажущейся наивностью, онъ какъ нельзя лучше выставляетъ этого хвастуна, благодушнаго и сострада-

Кафарелли, какъ мы уже видѣли, болѣе чѣмъ кто либо пускалъ въ ходъ экспедицію; онъ во многомъ участвовалъ и въ великихъ цѣляхъ, составлявшихъ славу ея. Она поистинѣ кончилась съ нимъ, послѣ него осада стала невозможной. Бонапарте самъ увидѣлъ эскадру въ тридцать судовъ подходившую къ осаждающимъ,—эскадру въ тридцать турецкихъ судовъ. Не только новые приступы наши не удались, но мы сами мало по малу очутились въ положеніи осажденныхъ. Осаждаемый нами непріятель, искусно предводительствуемый Фелиппо, проникъ въ линіи нашихъ передовыхъ укрѣпленій и съ права и съ лѣва бралъ траншеи наши съ тылу. Хотя Фелиппо и умеръ отъ солнечнаго удара, но мы каждый день теряли такъ много, что Бонапарте становился предметомъ посмѣянія англичанъ. Сидней Смитъ распространилъ, подписалъ и засвидѣтельствовалъ турецкую прокламацію, въ которой, чтобы вызвать измѣну солдатъ, повторяли слухи ходившіе въ Парижѣ: «Что директорія согласилась на экспедицію, только для удаленія арміи, которой не довѣряла». Это не повело ни къ чему другому, кромѣ яростныхъ ругательствъ Бонапарте Смиту и совершенно напраснаго вызова на дуэль посланнаго Смитомъ Бонапарте. Въ то время, какъ люди не помнившіе себя обмѣнивались глупыми рѣчами, нѣчто нѣ-

---

тельнаго, съ легкою примѣсью простоты, которая должна была заставить повѣрить его полезной лжи. Между всѣми ними лучшій человѣкъ несомнѣнно Кафарелли, съ живымъ умомъ и острою проницательностью, но—дѣло рѣдкое—проницательностью, которая вся направлена къ добру. Онъ былъ старшимъ братомъ, но не захотѣлъ брать наслѣдство и раздѣлилъ его все между братьями. Еще одно замѣчательно въ этой южной головѣ,—то, что врожденныя свойства ея упорно сохранились не смотря на тысячи испытаній, не смотря на острыя страданія. Волтеріанецъ—и въ то же время стоикъ. Бонапарте, чтобы угодить солдатамъ хотѣлъ перенести сердце Кафарелли въ ящикѣ. Тѣло его похоронено въ Сенъ Жанъ д'Акрѣ, и надгробный камень находится въ такомъ же почтеніи у гробовъ, какъ могилы Гоша и Марсо на Рейнѣ. Такъ Франція повсюду положила дѣтей своихъ.

мымъ языкомъ заставляло всѣхъ понимать и кончать все—то была чума. Зловредность климата была въ союзѣ съ нею и для другаго рода смерти. Въ нѣсколько дней черви зараждались въ ранахъ и дѣлали ихъ опасными.

Новости были ужасны. Независимо отъ фанатиковъ варваритянскаго міра, о которомъ я говорила, англичане—хозяева Средиземнаго моря, показывались въ Красномъ морѣ и мы очутились почти замкнутыми въ черномъ кругу непріятеля. Надо было возвращаться и, къ довершенію бѣдствія уходить ночью и такъ поспѣшно, что не смотря на всѣ старанія унести всѣхъ раненыхъ, многіе изъ нихъ, находившіеся въ нѣкоторомъ отдаленіи, считая себя покинутыми и отыскивая дорогу, бросались въ пропасти. Въ этомъ дѣлѣ упорства, отчаяннаго ослѣпленія можно было предвидѣть чего придется ожидать отъ такого человѣка, отъ глухоты его къ совѣтамъ. И тогда уже можно было сказать то, что было сказано кѣмъ то гораздо позже, когда Бонапарте повторилъ въ Россіи надъ шестью стами тысячами то, что онъ сдѣлалъ надъ десятью тысячами въ Сиріи: «Гдѣ можно найти узду для генія его? *). Бонапарте покинулъ Сенъ-Жанъ-д'Акръ 1-го преріаля—20 мая 99 г. въ девять часовъ вечера.

Мы не знали еще всѣхъ нашихъ несчастій. Союзникъ нашъ Типо, который уже столько времени ожидалъ помощи отъ Франціи, теперь покинутый, безъ всякой помощи, погибъ героемъ, въ апрѣлѣ 1799 г. **).

---

*) Въ текстѣ «перила» *garde-fou*, въ буквальномъ переводѣ охрана безумцамъ. Слова эти были сказаны Нарбономъ и приведены Вильменомъ, *«Смѣѣъ»*.

**) Всего болѣе вреда принесло Бонапарте то, что онъ самъ далъ непріятелю свѣдѣнія о бѣдственномъ положеніи своемъ и крайней нуждѣ въ подкрѣпленіи и пр. Перехваченная переписка его была напечатана въ небольшомъ томикѣ Франсисомъ д'Ивернуа, англичаниномъ—женевцемъ, подъ заглавіемъ: *„Преступленія французовъ, разсказанныя ими самими“*, и перепечатана въ Парижѣ Рене Пенсбурдомъ.

VIII.

Конецъ мусульманской Индіи. Смерть Типо, 1799 г.

Паденіе Типпо, гибель государства Мисорскаго были несчастіемъ для Франціи и гораздо большимъ нежели какъ то полагали въ такомъ отдаленіи. Мисора и Серингапатамъ оставались послѣ потери Пондишери единственнымъ центромъ нашей торговли въ Индіи. Типпо и отецъ его, Айдеръ Али, несмотря на всѣ несчастія наши, были нашими непоколебимыми союзниками. Это было обширное государство, владѣвшее областями по берегамъ двухъ морей. Сверхъ того Типпо, по геройскимъ свойствамъ своимъ, былъ центромъ мусульманской Индіи очень немногочисленной, если сравнить ее съ браминской Индіей, потому что первая содержала въ себѣ не болѣе пятнадцати—двадцати мильоновъ людей, но за то вполнѣ воинственныхъ, бывшихъ, это можно сказать, боевымъ нервомъ Индіи. Менѣе утонченные, менѣе изнѣженные нежели чистокровные индійцы, мусусьмане эти превосходили ихъ въ мужественныхъ свойствахъ, въ нравственномъ достоинствѣ, въ честности и вѣрности.

Въ этой печальной главѣ я похожъ на путешественника, который въ Индіи нашихъ дней останавливается передъ лицомъ великихъ могилъ, гордыхъ и величественныхъ, какъ громадный монументъ Акбора или, по крайней мѣрѣ, какъ граціозный мавзолей дочери Ауренгъ-Реца *). Я не пройду

*) Эти памятники семейныхъ утратъ и благочестія часто очень трогательны. Въ Агрѣ Шахъ Иханъ, покидая городъ этотъ для Дели, поставилъ прелестный мавзолей въ память султанши своей, умершей въ родахъ въ 1631 г. Въ древнемъ Дели находится святая могила, и хотя и мусульманская, но почитаемая индусами. Это могила Жаганназы-дочери, которая въ продолженіе десяти лѣтъ не покидала стараго отца своего, раздѣляла заключеніе его въ замкѣ Агра и умерла отрав-

мимо, не склонившись передъ ними, не отдавъ должную дань мужественному характеру мусульманской Индіи. Многіе писатели, даже англичане, говорили, какъ строгая простота культа внушала имъ уваженіе. Здѣсь я хочу преимущественно выставить чувство честности и фанатизмъ честности. Я не буду почерпать факты въ книгахъ, но въ разсказахъ серьезныхъ и вѣрныхъ, которые передавалъ мнѣ иногда мой другъ, человѣкъ очень тонкій и очень ученый, Эженъ Бюрнуфъ.

Онъ былъ въ сношеніяхъ съ многими англичанами не только по наукѣ, но и по дружескому довѣрію, внушаемому характеромъ его. Одинъ англичанинъ, полковникъ и человѣкъ очень честный, котораго онъ часто видѣлъ печальнымъ и мрачнымъ, сдѣлалъ ему слѣдующее признаніе. У полковника былъ долгое время управителемъ мусульманинъ, считавшійся очень честнымъ и внушавшій уваженіе серьезностью своею. Англичанинъ, человѣкъ безпечный, очень рѣдко повѣрялъ счеты. Разъ онъ началъ сводить ихъ послѣ обѣда въ ту пору, когда голова не много не свѣжа. Какъ онъ ни считалъ, онъ постоянно находилъ дефицитъ; постоянно однимъ числомъ менѣе, нежели считалъ мусульманинъ. Онъ разсердился, пересчиталъ еще разъ и опять таже разница. Управляющій невозмутимо утверждалъ, что ошибки нѣтъ, что онъ вѣрно сосчиталъ, господинъ его ошибается. Тогда англичанинъ внѣ себя зоветъ его обманщикомъ, лгуномъ, воромъ и пр. наконецъ, не добившись отъ него ни слова, ударилъ его въ лицо. Тотъ отступилъ, выхватилъ кинжалъ, который носятъ всегда

ленная. Въ то же время сестра ея Баксонора была орудіемъ замысловъ отцеубійства, которое готовилъ Ауренгъ-Зебъ. На простой могилѣ ея видна надпись: „Пусть земля и зелень будутъ единственнымъ украшеніемъ моей могилы, Одно оно прилично той, которая жила смиренная умомъ и сердцемъ.“ На одной сторонѣ могилы читаютъ: «Здѣсь лежитъ смертная фаширъ Жеганназа Бегумъ, дочь Шаха-Ихана, ученица и пр.

мусульмане, и сказалъ: «Я не убью васъ, потому что я ѣлъ вашъ хлѣбъ». Онъ поразилъ себя и такою вѣрною рукою, что умеръ мгновенно. По вѣрованіямъ индійцевъ, человѣкъ бывшій причиной такого дѣла и находящійся такимъ образомъ подъ проклятіемъ умирающаго, не будетъ знать покоя на землѣ. Хуже всего было то, что мертвый былъ правъ, онъ былъ невиненъ. Несчастный англичанинъ, мгновенно остывшій снова повѣрилъ счетъ и увидѣлъ, что онъ самъ ошибался. Съ этой минуты онъ не зналъ покоя: смерть эта преслѣдовала его и не выпускала изъ рукъ; онъ влачилъ ее съ собой до могилы.

Гордая раса эта болѣе воинственна, нежели способна къ искуствамъ; однако она не враждебна имъ, какъ турки. Ограниченный кораномъ, запрещающимъ всякія изображенія, геній ихъ обратился къ орнаментальному искуству и декораціямъ всякаго рода. Типпо дѣлалъ рисунки садовъ и чертилъ планы ихъ; онъ сдѣлалъ рисунки садовъ Бангалора. Большая часть величественныхъ и прелестныхъ мусульманскихъ памятниковъ—это великолѣпныя мечети съ возвышенными минаретами въ нѣсколько этажей, съ галереями, съ которыхъ провозглашаютъ молитвы, прекрасные и благодѣтельные водоемы и фонтаны, такъ неоцѣненные въ этомъ климатѣ, и наконецъ прекрасныя могилы, многія до того обширныя, что безчисленныя отдѣленія ихъ могутъ служить жилищами.

Превосходство мусульманской Индіи, по строгости нравовъ и воинственности, заставляло ее презирать браминскую Индію. Это было ошибкой Типпо, гордый характеръ, строгія и героическія стремленія котораго усилили раздоры обѣихъ Индій, тогда какъ болѣе разумная политика должна была бы пытаться примирить ихъ.

Вещь любопытная—и на другомъ концѣ міра восемнад-

цатый вѣкъ одинъ и тотъ же, необычайно дѣятельный и волнующійся. Типпо своею любознательностью, тревожнымъ умомъ, любовью къ нововведеніямъ напоминаетъ Іосифа II. Но съ другой стороны, постоянство его въ трудѣ и неукротимая боевая энергія, которыя онъ выказывалъ въ такомъ разслабляющемъ климатѣ—черты истиннаго героя, Фридриха—варвара. Онъ былъ жестокъ, но очень справедливъ и безпристрастною справедливостью: онъ не признавалъ никакихъ привилегій рожденія; онъ не давалъ ни одной должности безъ предварительнаго испытанія и ученичества нѣкотораго рода. Французкіе купцы въ Серингапатамѣ, въ правленіе его, основали клубъ и среди равенства мусульманскаго общества организовали на свой ладъ нѣчто въ родѣ якобинскаго равенства *). Не было въ Индіи райа (земледѣльца), который принимался бы за работу ранѣе Типпо. Дня не хватало для дѣятельности его. Онъ хотѣлъ знать все **). Искуства, открытія, земледѣліе интересовали его столько же, сколько и война. Съ ранняго утра онъ прежде всего принималъ доклады; отдавалъ первыя приказанія. Въ девять часовъ онъ шелъ къ государственнымъ секретарямъ и диктовалъ множество писемъ; потомъ онъ выходилъ на балконъ осматривать слоновъ

*) Простой фактъ этотъ, что пятьдесять купцовъ соединились и устроили клубъ по модѣ того времени, былъ странно извращенъ, конечно губернаторомъ Велеслеемъ, который для того, чтобы подвинуть Остъиндскую компанію на войну, сочинилъ смѣшное пугало — страшнаго якобинскаго взрыва въ Азіи. Лондонскіе зѣваки и дамы-акціонерши должны были поблѣднѣть отъ ужаса. (См Салмонъ, май 97, стр. 39, Лондонъ 1800).

**) О личности и частной жизни Типпо, см. Милля, Вильсона, Баршу де Пегоена и др.

***) Многіе изъ писемъ этихъ, очень конфинденціальныхъ, указываютъ на ссоры его съ отцомъ его, Айдеръ Али. Письма эти, очень короткія и, безъ сомнѣнія, совершенно не похожія на письма европейца, тѣмъ болѣе любопытны («Избранныя иисьма Типпо, перев. Киркъ-Патрика, 1811, in 4· съ автографами).

и тигровъ своихъ, дрессированныхъ для охоты, которыхъ проводили передъ нимъ въ золотыхъ попонахъ *). Послѣ завтрака, сидя на диванѣ, онъ принималъ всѣхъ желавшихъ аудіенціи. Чиновникъ читалъ прошенія, на которыя Типпо немедля давалъ отвѣтъ. Въ продолженіе аудіенціи тридцать или сорокъ секретарей писали, сидя вдоль стѣны. Появлялись курьеры, передавали депеши въ руки одного секретаря, который читалъ ихъ, а Типпо диктовалъ отвѣты, подписывалъ и прикладывалъ печать. Крупные вассалы держали при дворѣ Типпо посланниковъ своихъ. Съ трехъ часовъ онъ удалялся въ свои покои и оставался тамъ до пяти. Въ пять часовъ съ балкона онъ смотрѣлъ, какъ дефилировало войско передъ нимъ, а секретари записывали, вѣроятно все относившееся къ войску. Съ шести часовъ съ половиной наставалъ отдыхъ, появлялись придворные, баядерки, даже играли комедіи.

Въ такой дѣятельной жизни недоставало одного—того, что занимаетъ такъ много мѣста и времени въ жизни англичанъ, я говорю объ обѣдѣ и продолженіи его напиткахъ и пьянствѣ, продолжающемся до ночи. У Типпо былъ одинъ недостатокъ—гордость, ненависть и презрѣніе къ идолопоклонникамъ, христіанамъ и индусамъ браминскимъ. Онъ уничтожалъ храмы ихъ. Что касается мусульманъ, онъ возбудилъ тоже неудовольствіе ихъ и даже испугалъ ихъ; въ то время, когда Моголъ былъ плѣнникомъ у одного бунтовщика, Типпо принялъ титулъ *падишау*—императора. Вотъ почему, когда онъ въ 97 г. обратился къ мусульманскому султану Кабула, тотъ не соединился съ нимъ и остался нейтральнымъ.

---

*) Онъ взялъ себѣ эмблемой тигра, какъ наиболѣе сильное животное въ Индіи. Тигровъ его водили по городу въ маленькихъ капюшонахъ, которые чуть что пугало животныхъ, накидывали имъ на голову.

Любопытно видѣть, какъ наоборотъ, въ Индіи браминовъ главный вождь маратовъ, Синдія возвысился смиреніемъ. Племена эти, у которыхъ всѣ воины соперничали, добиваясь власти, часто выбирали въ вожди человѣка другой касты Вотъ что, въ продолженіе тридцати лѣтъ заставляло ихъ повиноваться женщинѣ, святой ихъ религіи. Самъ Синдія достигъ власти, какъ личность миролюбивая, которая не могла внушать опасенія воинамъ. Онъ былъ изъ касты *вайзіевъ*— купцовъ, промышленность которыхъ играетъ большую роль въ странахъ сосѣднихъ Кашемиру. Онъ гордился тѣмъ, что происходилъ отъ очень скромнаго придворнаго слуги, должностью котораго было хранить туфли *пейшау*—главы маратской религіи. На большихъ аудіенціяхъ этого вождя, Синдія являлся всегда съ парою туфель и непремѣнно садился ниже всѣхъ военныхъ начальниковъ. Такой планъ дѣйствія вполнѣ удался. Мало по малу все вліяніе перешло къ этому смиренному человѣку, котораго считали самымъ миролюбивымъ изъ людей *). Воины группировались вокругъ того, кто повидимому не имѣлъ никакихъ честолюбивыхъ цѣлей; онъ сдѣлался силой и Типпо сталъ лицомъ къ лицу передъ англичанами. Англійская компанія въ первое время представилась (какъ и Синдія сначала) миролюбивой и меркантильной. Даже во времена величія ея на патентахъ ея не было другаго титула кромѣ названія *англійскихъ купцовъ*. Много дамъ было акціонерами и, такъ какъ власть была пропорціонально внесеннымъ паямъ, то дамы эти могли принимать большое участіе въ управленіи. И такъ компанія, *добрая дама*, какъ звали ее индусы, постоянно вела войну и всегда противъ воли. Между *доброй дамой* изъ Калькуты и *сыномъ купца*

*) Объ этой личности и вообще о маратахъ. См. любопытную и поучительную исторію Грэнта Деффа.

Синдіей, между этимъ двойнымъ лицемѣріемъ, волновалась откровенно военная власть Типпо, котораго звали тигромъ.— Тигръ искалеченный, озиравшійся на всѣ стороны, ища мѣста, куда бы кинуться.

Дѣла находились въ такомъ положеніи, когда Корнвалисъ былъ отозванъ въ Ирландіи и на мѣсто этого умѣреннаго, миролюбиваго человѣка, партія войны добилась назначенія въ вицекороли вспыльчиваго Велеслея съ младшимъ братомъ его сумрачнымъ и строгимъ Веллингтономъ. Оба брата, ирландской фамиліи (бывшей нѣкогда испанскою) были воспитаны, какъ и Питъ, епископомъ, высокимъ чиномъ англиканской церкви, Корнвалисомъ, братомъ вицекороля Индіи. Одинъ изъ братьевъ Велеслей былъ тоже епископомъ и капелланомъ короля. Англо-ирландцы въ родѣ этихъ, вообще болѣе рѣзки нежели чистокровные англичане; въ нихъ часто есть доля пылкости юга. Велеслей, какъ говорятъ, очаровалъ Питта ѣдкою рѣчью противъ Франціи и революціи, и Питъ далъ Велеслея вицекоролемъ партіи, желавшей войны и завоеванія Индіи. То была новая Англія, пришедшая поздно и оттого тѣмъ болѣе алчная. Привлеченная громаднымъ жалованьемъ назначеннымъ Корнваллисомъ, она спѣшила распространить систему эту на новыя земли, эксплуатировать неизмѣримые потоки золота, которые открывались въ мѣстахъ всякаго рода военныхъ, судебныхъ, духовныхъ. Церковь Индіи, подвѣдомственная Кантербюри, богатѣйшая церковь въ мірѣ. Это было громаднымъ усиленіемъ англиканской церкви, короны, которая давала всѣ эти блага, вліянія ея на выборахъ и подкупа парламента.

Велеслей, вынесенный къ власти партіею войны, однако не спѣшилъ воевать. Компанія не хотѣла войны, предвидя, что при господствовавшей системѣ роскоши и расточитель-

ности будетъ раззореніемъ прокормить армію. Но 18 іюня 98 *) тайный комитетъ директоровъ получилъ извѣстіе черезъ Суэзъ и Бомбей о прибытіи Бонапарте въ Египетъ и хотя вскорѣ послѣ того уничтоженіе французскаго флота при Абукирѣ могло успокоить комитетъ, но внушавшія опасеніе мѣры Типпо побудили Велеслея упорствовать въ намѣреніи начать войну. Типпо не только замышлялъ союзъ съ Франціею, Персіею, Константинополемъ, но, что было еще важнымъ и угрожающимъ, онъ устроилъ сношеніе съ Раймономъ, французомъ, который сформировалъ регулярный корпусъ въ шестнадцать тысячь европейцевъ въ владѣніяхъ Низама, индійскаго принца, союзника англичанъ. Раймонъ поставилъ дерево свободы передъ дворцомъ Низама. Быть можетъ онъ соединился бы съ Типпо и передалъ бы ему эту французскую армію. Вдругъ Раймонъ умеръ. Смерть эта, безъ сомнѣнія, была чудомъ ниспосланнымъ по молитвамъ англійской партіи. Болѣе—старый Низамъ отказавшійся распустить свой корпусъ европейцевъ, занемогъ и видѣлъ, какъ сынъ его нетерпѣливо желавшій наслѣдовать ему, перешелъ къ англичанамъ. Отецъ, въ отчаяніи, дѣлаетъ тоже, распускаетъ французовъ своихъ, которыхъ англичане принимаютъ любезно и перевозятъ въ Европу.

Это было страшнымъ ударомъ для Типпо, который написалъ о томъ Магалону, нашему консулу въ Египтѣ. Въ то же время, по совѣту французскаго часовщика, фаворита своего, Типпо послалъ просить помощи у французовъ острова Бурбона; онъ получилъ не болѣе двухъ сотъ человѣкъ. Утверждаютъ, что тогда и тамъ произошла сцена клуба якобинцевъ, о которой такъ много говорили англичане. Но въ дѣйствительности она произошла ранѣе, 5 мая 97 г. Виго, фран-

*) Ж. Салманъ. Очеркъ войны съ Типпо 1800. in 8°. Это собраніе документовъ. Но какъ могли знать о томъ 18 іюня? Я этого не понимаю.

цузскій корсаръ собралъ клубъ, посадилъ дерево свободы и французское знамя, которому Типпо отдалъ честь, какъ гостепріимный хозяинъ и другъ Франціи. Типпо, не получая отъ насъ помощи, тѣмъ не менѣе одержалъ сначала верхъ надъ молодымъ полковникомъ Веллингтономъ. Но дипломатія пришла на помощь войны. У англичанъ была еще другая армія въ восемь тысячъ человѣкъ на малабарскомъ берегу; надо было призвать ее, ей пришлось перейти черезъ цѣпь Гаттовъ. Проходъ охранялся мелкимъ султаномъ, котораго Типпо считалъ вѣрнымъ. Англичане убѣдили его не погибнуть вмѣстѣ съ Типпо, и онъ сдалъ проходъ. Обѣ англійскія арміи соединились и съ этой минуты побѣда была обезпечена.

Это было сигналомъ гибели Типпо. Покинутый почти всѣми, онъ сказалъ остававшимся при немъ слугамъ: «Мы остались при послѣднихъ окопахъ... Что думаете вы дѣлать?» Всѣ отвѣчали ему: «Умереть съ тобой». Говорятъ, что въ послѣднюю минуту, видя уже проломъ въ городской стѣнѣ, онъ по индійскому обычаю, пилъ изъ черной мраморной чаши и призвалъ боговъ Индіи и въ то же время Магомета. Старыя раны его раскрылись во время сраженія, раненая лошадь упала подъ нимъ. Приверженцы его сдѣлали ему оплотъ изъ своихъ тѣлъ, посадили его въ паланкинѣ. У него были четыре большія раны и одна смертельная въ високъ. И онъ все еще могъ ранить тѣхъ храбрецовъ, которые рисковали взять его въ плѣнъ.

Это было въ самую пору для англичанъ, потому что у нихъ не хватило съѣстныхъ припасовъ, какъ у Корнвалиса въ 1792 г. Велеслей, съ политичнымъ великодушіемъ далъ офицерамъ Типпо болѣе, нежели они сами получали отъ этого монарха. Онъ возвратилъ Мисору, ставшую небольшимъ государствомъ, ребенку—потомку древней индусской династіи.

Ребенку было три года. По странному лицемѣрію, ребенку дали сераль, чтобы заставить думать, будто желали, чтобы династія продолжалась.

IX.

Завоевательное и пожирающее управленіе Велеслея. Отчаяніе. Культъ смерти.

Во всемъ предшествовавшемъ удивительна одна вещь Какъ это англійская армія такъ малочисленная въ 92 г. при Корнвалисѣ, въ 99 при Велеслеѣ осталась вдругъ безъ припасовъ? Корнвалисъ погибъ бы безъ помощи маратовъ и Велеслей былъ принужденъ поспѣшить нападеніемъ, потому что припасовъ оставалось всего на недѣлю, потому что никакая предусмотрительность не могла накормить арміи такихъ ѣдоковъ, когда десять тысячь солдатъ тащили за собою сто тысячь безполезныхъ ртовъ; это видно какъ нельзя лучше изъ кампаніи Лэка въ 1803 г. *).

*) См. Миль, Баршу де Пенгоёнъ и др. Армія эта въ 10000 подъ командою Лэка и Велингтона вела за собою свиту въ 100.000; сверхъ того множество слоновъ и верблюдовъ, множество слугъ, чтобы ставить палатки. При каждой лошади, кромѣ наѣздника самаго, было два служителя, одинъ чтобы чистить ее, другой для фуража. Прибавьте къ этому несчетное количество скота, вьючныхъ быковъ, множество прислуги, чтобы нести паланкины, больныхъ и пр. Солдаты получали съ раціонами мяса, которое давали стадо, раціоны арака. Кромѣ того исключительно для продовольствія офицеровъ были бараны, козы. У простаго лейтенанта было десять слугъ, у капитана двадцать, у маіора тридцать и т. д. Даже у простыхъ солдатъ были слуги. На каждую палатку нуженъ былъ водоносъ, а на палатку для десяти-двѣнадцати солдатъ—поваръ.

Сверхъ того за арміей слѣдовали женщины, купцы и совершенно ненужные люди—все авантюристы, искавшіе чѣмъ бы поживиться и находившіе чего искали. Лагерь походилъ на городъ. Въ немъ были длинныя улицы лавокъ со всевозможными товарами европейскими, индускими, монголь-

Гражданская и военная администрація уже двадцать лѣтъ поставила себя на такую чудовищную ногу и становилась все болѣе и болѣе раззорительной! Многія индусскія правительства, Маратъ, Низамъ съ своей стороны щедро платили европейскимъ войскамъ. Индусы англійской арміи, даже ирландцы могли найти дисциплину менѣе строгую, начальство болѣе мягкое, если бы англійская армія не удерживала ихъ болѣе хорошею пищею и удобствомъ водить за собой много прислуги. Такая армія есть центръ притяженія и настолько заманчивый, что часто можетъ сдѣлать войну совершенно безполезной. Типпо боролся до смерти, и при немъ осталось немного преданныхъ слугъ; онъ былъ покинутъ прочими. Перрону, главнокомандующему маратовъ, приходилось опасаться того же. Мараты, послѣ первыхъ пораженій своихъ, съ радостью пошли въ англійскую армію. Когда появилась

скими. Богатые рестораны выставляли мяса, овощи, рѣдкіе плоды; лавки мѣняльщиковъ—золото въ изобиліи, тонкія сукна, прозрачныя кисеи, матеріи затканныя серебромъ и золотомъ; брильянты, драгоцѣнные камни. Женщины продавали ароматныя эссенціи, лечили колдовствомъ. Группы танцовщицъ, гадальщицъ, пѣвицъ, которыя пѣли подъ акомпаниментомъ музыканта игравшаго на мѣдномъ инструментѣ. Группы жонглеровъ выставляли свою ловкость. Палатки военныхъ были устроены по одному образцу, иныя впрочемъ отличались разнообразіемъ. По этимъ неправильнымъ улицамъ важно прохаживались ряды слоновъ и верблюдовъ съ своими колокольчиками; тѣснились толпы въ разныхъ одеждахъ, слышались разные языки: англійскій, персидскій, индускій, арабскій и провинціальные діалекты.

Во время большихъ дождей толпа эта не находила пристанища, развѣ иногда въ мавзолеяхъ индійскихъ. Громадная могила Акара съ пятью мраморными сводами изъ бѣлаго и чернаго мрамора, съ террасами и минаретами и драгоцѣнными мозаиками, укрыла три полка драгунъ. Офицеры жили въ двадцати усыпальницахъ, гдѣ праотцы великихъ родовъ почивали около господина своего. Могилы, такъ долго безмолвныя, оглашались шумными играми, продолжавшимися далеко за полночь. Эти поруганія, наносимыя христіанами обоимъ населеніямъ—индускому и мусульманскому, должны были сблизить ихъ тѣснѣе, нежели во времена Типпо, и конечно привести къ коалиціи которую мы видѣли въ 1857 г.

армія хорошо одѣтая, хорошо кормленная, съ такою хорошею прислугою,—когда такой образъ благосостоянія и роскоши, распущенности даже появлялся, то конечно арміи находившейся въ противуположномъ положеніи нужна была высокая нравственность, чтобы противиться искушенію и остаться вѣрной. Это поняли Буайль, Перронъ и вотъ почему они отступились отъ войны. Не нужно было побуждать къ дезертирству; оно дѣлалось само собой и даже къ концу войны стало слишкомъ сильнымъ. Въ 1805 не знали что дѣлать съ такимъ множествомъ волонтеровъ.

Величайшимъ затрудненіемъ было то, что нужно было, не уменьшая искушенія роскоши, внести порядокъ, установить среди этой жизни наслажденій сильную военную дисциплину, управлять твердою рукою такимъ развращеннымъ солдатомъ. Замѣтьте, что большая часть изъ нихъ были ирландцы— раса, съ которой представляется болѣе искушеній смягчаться. Необходимая, и болѣе нежели англійская непреклонность нашлась въ молодомъ Веллингтонѣ, уроженцѣ Ирландіи, потомкѣ, какъ говорили, испанской расы, сухомъ какъ эти люди юга, настоящіе кремни, болѣе жесткіе нежели желѣзо. Онъ началъ пораженіемъ, и это придало ему бодрости, такова была натура его. И при такой силѣ сопротивленія онъ, что кажется противорѣчіемъ — обладалъ еще быстрымъ инстинктомъ войны, охоты на человѣка. Въ первыхъ письмахъ его видно, какъ онъ, не зная еще языковъ Индіи *), хорошо судилъ о положеніи страны. Онъ съ самаго начала былъ огромной хищной птицей, погребальной и грозной каррикатурой, которую мы видѣли въ 1815. При строгости натуры его, ему многаго стоило не трогать позорную систему, кото-

[1]) Грантъ Дёффъ, историкъ Маратовъ, видѣвшій письмо его въ это время сдѣлалъ это замѣчаніе.

рая была искушеніемъ, нѣмымъ сманиваніемъ на дезертирство всѣми обольщеніями порчи. Но при малѣйшихъ нарушеніяхъ дисциплины онъ становился самимъ собой — непоколебимымъ и неумолимымъ. Если армія эта была пиромъ, вакханаліей, то къ ней были и звѣрскія интермеди — висѣлица и кровавый кнутъ *).

Такая строгая система развращенія, такая суровость, при такомъ потворствѣ порокамъ солдата, требовали громадныхъ издержекъ. Администрація пожирала все не менѣе арміи. Компанія нажралась, но для сохраненія привилегій своихъ ей надо было давать ѣсть и лондонскимъ акціонерамъ своимъ, отъ которыхъ она зависѣла. Эти три піявицы — компанія, администрація, армія — высасывали Индію до смерти и все-таки испытывали такой страшный голодъ, который не терпѣлъ замедленія. Велеслей былъ принужденъ измѣнить системѣ осторожности и медлительности Корнвалива; онъ сократилъ формальности, далъ земиндарамъ собиравшимъ налоги съ земледѣльцевъ право сгонять ихъ съ земли при малѣйшей задержкѣ уплаты. Власть жестокая. Крестьянинъ, или райа, котораго многіе разумные англичане считали истиннымъ землевладѣльцемъ, властью Корнвалиса, превращенный въ простаго **) съемщика земли, былъ прогнанъ съ земли Велеслеемъ. До этой минуты можно было все измѣнить, государства и династіи, все кромѣ райя, болѣе прикрѣпленнаго къ землѣ, нежели вѣковѣчное банановое дерево осѣнявшее хижину его, болѣе слившагося съ нею жизнью, душою, при-

*) Велингтонъ всегда поддерживалъ тѣлесныя наказанія. Въ палатѣ перовъ онъ сказалъ тѣмъ, которые хотѣли уничтожить ихъ по примѣру Франціи: «Нельзя сравнивать. Во Франціи армія есть цвѣтъ націи, у насъ отребіе ея».

**) О тщетности и безсиліи попытокъ Корнвалиса, см. Миля, такъ справедливо обсудившаго дѣло.

вычками. Если даже на подвижномъ западѣ нашемъ изгнанiи съ земли есть страшный и часто смертоносный фактъ, то чѣмъ оно должно быть въ Индiи, гдѣ существованiе народа соткано изъ столькихъ мѣстныхъ обычаевъ.

Земиндаръ, которому такъ покровительствовали англичане, могъ сознать крестьянина, уроженца земли, призвать чужеземца, котораго онъ долженъ былъ научить всему. Могла ли въ такомъ случаѣ земля давать то, что давала, и такъ, какъ того хотѣло нетерпѣливое правительство? Земиндару, бывшему до того времени чѣмъ то въ родѣ феодальнаго сеньёра (я вижу одного, родственника Типпо), конечно не замедлила бы опостылить угрюмая земля, становившаяся все болѣе и болѣе скупой. Онъ охотно продавалъ ее, для того чтобы уѣхать наслаждаться въ Калькутѣ, въ Дели. Является спекуляторъ, предлагаетъ избавить его отъ лена, который давалъ теперь только одну выгоду притѣснять,—выгоду всегда недостаточную для голоднаго фиска. Какъ могъ новый земиндаръ, вчерашнiй купецъ, банкиръ калькутскiй или лондонскiй, лучше стараго земиндара, роднаго сына страны, знать все что могъ вынести крестьянинъ, не погибая въ конецъ? Въ провинцiи Мадраса, одинъ честный и разсудительный англичанинъ, Томасъ Мунро, говорилъ, что надо возвратиться къ старой системѣ управленiя страной, сдѣлать вмѣстѣ съ крестьяниномъ оцѣнку жатвъ на полѣ, оцѣнку, которую повѣрили бы по прежнимъ спискамъ деревень. Но для того чтобы сдѣлать это, нужно было чтобы сборщикъ зналъ болѣе и мѣстныя нарѣчiи и мѣстныя условiя.

Этого не съумѣли сдѣлать и возвратились къ несчастной раскладки налоговъ по деревнямъ, по земиндарiямъ. Но съ тою разницею только, что теперешнiй земиндаръ, чуждый странѣ, часто жившiй въ Калькуттѣ, эксплуатировалъ земиндарiю свою черезъ посредниковъ и помощниковъ ихъ, черезъ

толпу подчиненныхъ вампировъ и при такомъ осложненіи дѣла, которое дѣлало контроль крайне затруднительнымъ.

Крестьянинъ бѣжалъ. Но куда? Въ древней Индіи даже при Моголѣ, несчастный безъ земли, или у котораго бы отняли земли, что почти никогда не случалось, имѣлъ прибѣжище; онъ шелъ замѣшаться въ толпу слугъ, которую каждый принцъ или раджа таскалъ за собой. Одинъ лишній человѣкъ въ толпѣ ничего не значилъ; никто не думалъ отгонять его отъ пира. Смотрите въ *Рамайянѣ*, какія безчисленныя толпы слѣдуютъ за царемъ, добрымъ отцомъ Рамы. Теперь для каждаго индѣйскаго принца стало бы раззореніемъ держать открытый столъ чуть ли не для цѣлой страны. До этого времени не считали. Но при раззорительныхъ условіяхъ, наложенныхъ на принцевъ союзомъ и опекой англичанъ, пришлось считать. И въ первый разъ принцы увидѣли себя нуждающимися, несчастными. Уже при Гастингсѣ и Корнвалисѣ компанія заключала съ принцами договоры, которые можно назвать договорами обнищанія, налагая на нихъ громадную дань, раззорявшую ихъ и принуждавшую прибѣгать къ займамъ съ ростовщическими процентами; такъ что они, наконецъ, бывали принуждены уступать самыя богатыя области компаніи. Индійскій принцъ отдавалъ половину, три четверти владѣній своихъ. Но оставался ли онъ по крайней мѣрѣ хозяиномъ послѣдней доли? Нисколько.

Это долгое мученичество, начатое въ 1801 г. съ шаха Ауды Велеслеемъ продолжалось полвѣка до января 1856 г., когда послѣдній изъ государей, постоянно пріѣзжавшихъ съ жалобами въ Лондонъ, уступилъ отчаянію и умеръ. Онъ умеръ въ Парижѣ. Я вижу еще и теперь на самомъ веселомъ мѣстѣ, на Итальянскомъ бульварѣ, тянется подъ дождемъ, по грязи погребальная колесница, свита слугъ въ слезахъ. Ничто не могло быть плачевнѣе. Эта индійская роскошь, розовыя и

желтыя краски смѣшанныя съ золотомъ и серебромъ, такъ недостойно поруганныя нашею безжалостною зимою, имѣли видъ маскарада, разрывавшаго сердце. И какое еще болѣе плачевное зрѣлище представляли эти, какъ бы висящія на воздухѣ, могилы въ цѣлой Индіи, гдѣ каждый высокій горный пикъ обитель живаго мертвеца, плѣннаго раджи, наслѣдство котораго было отобрано. Зрѣлище скорбное для народа, который въ каждой изъ царственныхъ жертвъ этихъ чуетъ смерть свою и смерть Индіи.

Давно уже съ самого начала вѣка по Индіи бродили массы доведенныхъ до отчаянія согнанныхъ съ земли крестьянъ, безчисленныхъ слугъ, отпущенныхъ противъ воли раджами, лишенными средствъ прокормить ихъ. Многіе ходили по слѣдамъ арміи, грабя страну за армію и часто въ пользу ея и въ концѣ образовали шайки, арміи грабителей. По мѣрѣ того какъ ихъ преслѣдовали, и грабежъ—послѣднее средство существованія измѣняло, тогда въ этихъ толпахъ, которымъ нечѣмъ было жить, разразилась зараза, нравственная холера—*любовь къ смерти* и человѣколюбивая мысль—*облегчить всѣмъ смерть*. Развѣ это не услуга—помочь перейти страшный шагъ, избавить отъ мукъ приготовленія и сдѣлать смерть легкой. «Какую смерть предпочитаете вы?» спросили у человѣка древняго міра. «Самую быструю». И именно такое благодѣяніе несли апостолы смерти. Къ тому же, при вѣрованіи въ переселеніе душъ, каждая смерть временная.

Въ 1810 г. вскорѣ послѣ вице-королевства Велеслеевъ и возвращенія ихъ въ Англію замѣтили существованіе туговъ и фансигаровъ, этихъ сострадательныхъ душителей, которые бралися сокращать великій шагъ къ смерти. При перекресткѣ нѣскольких дорогъ, гдѣ находился колодезь, въ прекрасной рощѣ, какъ роща Мундсорская, гдѣ въ первый разъ открыли

туговъ, мирный путникъ, часто набожный факиръ встрѣчалъ путешественника, распрашивалъ о его дорогѣ, дѣлахъ, говорилъ о бѣдствіяхъ, дѣлающихъ жизнь невыносимою и потомъ, приближаясь мало по малу, бросалъ на шею его *лаццо* въ родѣ тѣхъ, которыми въ другихъ странахъ ловятъ дикихъ лошадей. Потомъ, сокращеніемъ руки, онъ притягивалъ лаццо къ себѣ, крѣпко задергивалъ... И все было кончено.

У этой расы, такъ плохо питающейся, жизнь не оказываетъ сильнаго сопротивленія, и быть можетъ, не одинъ изъ задушенныхъ, еслибы воскресъ, поблагодарилъ бы ловкаго врача, который такою операціею, безъ спроса, исцѣлялъ его отъ всѣхъ страданій. Какъ врачь имѣетъ право на вознагражденіе отъ больнаго, котораго исцѣлилъ, такъ и тугъ считалъ себя въ правѣ быть наслѣдникомъ умершаго. Но часто онъ оставлялъ при немъ все, что тотъ несъ на себѣ, и довольствовался одною заслугою сдѣлать доброе дѣло — дѣло такъ пріятное божествамъ смерти—Кали, Бавани и др. «Древніе боги», говорили англичане. Пусть такъ, но до этой поры они значили такъ мало, что о нихъ ничего не слыхали.

Веleслей оставилъ Индію въ 1805 г., а въ 1806 г. женился Веллингтонъ, и Корнвалисъ возвратился въ Индію, больной и вскорѣ умеръ. Именно въ это время туги стали нѣсколько извѣстными. Они убивали сколько ихъ душѣ было угодно до 1830 *), когда реформы Бентинка подали кой какія

*) Великія событія 1857 г. пролили нѣсколько свѣта на Индію. Однако надъ нею все еще держится густой туманъ и его тщательно поддерживаютъ. Это обусловливается многими причинами и прежде всего слѣдующею: наши рѣдкіе путешественники Жакмоны, Лежаны и др. очень легко даютъ *опутать себя*. Радушное гостепріимство англичанъ скрываетъ отъ нихъ все. Они не видятъ Англію. Когда я читаю письма остроумнаго и свѣтскаго Жакмона, я вспоминаю о путешествіи бѣднаго, мужественнаго и героическаго Анкетиля Дюперрона. (См. въ предисловіи *Зендъ Авесты*). Братья Шлагинтвейтъ, нѣмцы, не хотѣли видѣть ничего кромѣ естественной исторіи

надежды. Многіе туги сознались и привели въ ужасъ страну сознаніями своими.

но и въ ней уничтоженіе лѣсовъ, старческое истощеніе Индіи могли сказать многое. Что же касается англичанъ, то они отличаются изумительною скромностью. Съ тѣхъ поръ, какъ покончились великія парламентскія пренія объ этомъ предметѣ, о немъ ничего неизвѣстно кромѣ того, что лучшая система управленія смѣнила систему компаніи. Теперь, наконецъ, обращено вниманіе на лѣса и пр. Сверхъ того англичане тѣмъ болѣе молчатъ на счетъ Индіи, что она для такъ многихъ фамилій—дѣло личнаго интереса, и, чтобы не лгать, они предпочитаютъ молчать.

Порою, это надо сказать, честь и правдивость, нравственное достоинство великаго народа этого просыпается и заявляетъ себя міру даже въ ущербъ выгодамъ. Я замѣтилъ это съ большимъ интересомъ въ «Отчетахъ о великой выставкѣ», отчетахъ такъ благопріятныхъ Индіи, такъ непріятныхъ тѣмъ, которые говорятъ о ней, какъ о варварской странѣ. См. мою «Библію человѣчества». Въ 1857 г. многое стало извѣстно. Графъ Варренъ въ 1857 г. перепечаталъ, продолжалъ и вдвое увеличилъ прекрасную небольшую книгу, которую онъ давно уже написалъ. Англичанинъ по отцу и французъ по матери, капитанъ-переводчикъ въ войскѣ компаніи, онъ ничуть не враждебенъ англичанамъ и говоритъ даже, что для него англичанинъ, особенно который путешествовалъ, есть идеалъ человѣка; но въ то же время онъ правдивъ и страшно поучителенъ; онъ надрываетъ сердце читателю, когда говоритъ и пишетъ, объ истощеніи Индіи, о жестокомъ плѣнѣ индійскихъ принцевъ, который онъ одно время раздѣлялъ. Онъ наивно разсказываетъ, какъ *святые* методисты вызвали страшное движеніе 1857 г. Революція звѣрская, но естественно вызванная цѣлымъ вѣкомъ притѣсненій. Перепечатають ли Варрена въ Лондонѣ? Я сомнѣваюсь. Это будетъ непріятно великой партіи святыхъ и августѣйшей особѣ, принадлежащей къ ней. Партія эта сильна даже въ Парижѣ, такъ что въ 1857 г. французская пресса была вся противъ Индіи. Только одинъ голосъ раздался за индійцевъ, голосъ человѣка, умершаго молодымъ и смерть котораго возбудила столько сожалѣній, маркиза Жанкьеръ-Антонеля, внука знаменитаго революціонера.

КНИГА ПЯТАЯ.

Величіе Франціи во времена директоріи 1798—1799.

I.

Величіе Франціи при директоріи. Революція въ Швейцаріи, Голландіи и пр. 1797—1798.

«Почему Франція, вмѣсто того, чтобы устремиться туда, куда ее призывали интересы ея и идти въ Индію, какъ это совѣтывалъ Вилларе Жойезъ, и что легко было исполнить въ іюнѣ 98 г., тратила силы свои на такъ многія войны въ защиту новыхъ республикъ, которыя возникали повсюду, на другой день послѣ фруктидора?»

Почему? Потому, что республики призывали насъ, взывали къ намъ, молили о нашей помощи. Какъ коротка память у васъ, спрашивающихъ меня объ этомъ и забывшихъ совсѣмъ ту великую роль, которую вы играли въ то время? Съ 89 года, особенно послѣ мирной, отнюдь не ознаменовавшейся

кровопролитіями революціи фруктидора, Франція повсюду стала общимъ оракуломъ, законодателемъ, первосвященникомъ свободы. Со всѣхъ сторонъ угнетенные являлись къ ней, просили ее дѣлать чудеса для нихъ, давать имъ законы и защищать ихъ славнымъ мечемъ ея. Это доказываетъ трогательнымъ примѣромъ грековъ, обратившихся во время войны съ Италіею за помощью къ Бонапарте. Сосѣди ихъ потомки Спарты, майюноты, бывшіе жертвами звѣрской тиранніи Али-паши, пришли однажды къ французскому главнокомандующему. Они не знали нашего языка, ни мы не понимали ихъ рѣчи, но движимые сердечнымъ вдохновеніемъ, они вынули изъ своей груди книгу — это была Одиссея — и положили ее на столъ, стоявшій между ними и Бонапарте. Послѣ этого всякія слова стали между нами излишними. Достаточно было книги Гомера, для того, чтобы напомнить намъ о томъ, что Греція была кормилицею, матерью нашей цивилизаціи, и о той благодарности, которою по справедливости мы обязаны были отплатить ей за ея благодѣянія.

Маленькій дворецъ Люксембурга и лица, съ такимъ отсутствіемъ, пышности управлявшія въ то время Франціею (съ мая по декабрь 98 г.) выказали истинное величіе. Весь міръ являлся къ директоріи, просилъ Францію о помощи и протягивалъ ей руки.

Первою явилась республика Мюльгаузена, неся свое знамя на гигантскихъ плечахъ З... самаго красиваго мужчины изъ жителей прирейнскихъ провинцій и злявляя желаніе сдѣлаться французской, даже на самой границѣ Франціи, принимая на себя всю опасность быть авангардомъ ея.

Затѣмъ явилась Женева съ ея чистокровными жителями, безъ примѣси аристократовъ и лживыхъ англичанъ,—та гостепріимная Женева, которой мы такъ многимъ обязаны и

которая, еслибъ не вина Версаля, была бы для насъ тѣмъ, чѣмъ создала ее природа—клапаномъ сердца Франціи, вдохновлявшимъ не разъ самые пламенные помыслы ея. Женева, съ своимъ озеромъ и съ кантономъ Во, служившая убѣжищемъ, какъ протестантамъ, укрывавшимся отъ притѣсненій Людовика XIV, такъ и такимъ философамъ, какъ Вольтеръ, Руссо укрывавшимся отъ преслѣдованій Людовика XV, для насъ тоже, что отечество. Кто изъ насъ не дышалъ въ ней свободнѣе, не отдыхалъ душею отъ потрясеній, волновавшихъ Францію?

Какъ я заслужилъ ихъ, эти короткіе отдыхи и освѣжающія впечатлѣнія, которые мы черпаемъ на Альпахъ, я, такъ часто повторявшій, прославлявшій все, чѣмъ человѣчество обязано Швейцаріи! Эпоха реформаціи, отмѣна Нантскаго эдикта и не менѣе того столь важный переворотъ, который совершили въ Европѣ Руссо и Песталоцци, послужили мнѣ темой. Швейцарія, гораздо ранѣе Германіи, проложила дорогу самому плодотворному искуству — искуству образовывать и воспитывать человѣка. И сверхъ того кто можетъ вѣрно опредѣлить, насколько швейцарцы участвовали во французской революціи. Опи участвовали въ ней не столько изданными въ честь ея книгами, сколько своею преданностью ей. Въ моей «Революціи» я описалъ выказанную 14-го іюля твердость нашихъ швейцарскихъ полковъ (французской Швейцаріи), которые вопреки Безенвалю, помогли намъ своимъ бездѣйствіемъ, не двинулись изъ Елисейскихъ полей и 14-го іюля допустили насъ взять Бастилію.

Но событіе, на значеніе котораго я особенно указывалъ и о которомъ я бы охотно еще поговорилъ здѣсь, еслибъ размѣры моего краткаго сочиненія позволяли — это дѣло полка Шатовіе. Я посвятилъ ему много страницъ, не чувствуя уста-

лости и не жалѣя времени; я разъяснилъ наконецъ это ужасное событіе, столь запутанное всѣми историками. Оно произошло въ ту эпоху, когда Лафайетъ, на этотъ разъ, какъ и всегда обманутый, окруженный чувствительными женщинами, желая ободрить короля (который въ то время уже велъ переговоры съ непріятелемъ), допустилъ, на основаніи безумнаго соглашенія, чтобы были приняты рѣшительныя мѣры для рѣзни въ Нанси. Солдаты этого полка (ватландцы, нефшательцы) обвиняли своихъ офицеровъ (недобросовѣстныхъ, легкомысленныхъ и весьма жестокихъ аристократовъ) въ томъ, что они невѣрно разсчитывали и всегда не доплачивали имъ жалованья, что они назначали фехтмейстеровъ, которые задирали носъ и положительно оскорбляли ихъ. Отсюда вспышка, рѣзня, о которой я говорилъ. Офицеры взяли на себя обязанности судей — очень многіе солдаты были повѣшены, подвергнуты четвертованію и изъ нихъ еще сорокъ человѣкъ приговорены къ каторжнымъ работамъ и отправлены въ Брестъ. Этотъ жестокій приговоръ былъ одобренъ королемъ, но отнюдь не Франціею. Всюду, гдѣ только проходили эти бѣдняки, французы брались за оружіе. Мы не знаемъ сцены болѣе величественной и болѣе трогательной!

О какъ мы были чувствительны въ то время... Слезы льются при одной этой мысли... и какъ холодны теперь! Кажется съ тѣхъ поръ наступилъ ледяной періодъ. Кто въ настоящее время выкажетъ чувства столь молодыя? Увы Франція, что сталось съ тобой? Этихъ несчастныхъ солдатъ нельзя было оставить въ Брестѣ. Городъ, портъ, все было потрясено, точно наэлектризовано. Ихъ отвозятъ обратно, съ нихъ снимаютъ красную куртку и на всемъ пути — изумительное зрѣлище — каждый встрѣчающій ихъ снимаетъ свой кафтанъ, чтобы одѣть ихъ. Вотъ они съ торжествомъ входятъ въ Парижъ. Свобода ѣдетъ

спереди на колесницѣ, въ видѣ носа галеры; наши женщины и молодыя дѣвушки, одѣтыя въ бѣломъ несутъ разорванныя цѣпи ихъ и, не колеблясь, прикасаются къ заржавѣлому желѣзу, очищенному прикосновеніемъ ихъ рукъ. Великія воспоминанія, которыя столько лжецовъ пытались исказить. Я одинъ послѣ серьезнаго изслѣдованія возстановилъ и объяснилъ ихъ. Воспоминанія эти будутъ навсегда связывающею чертою между Франціею и Швейцаріею.

Я очень близокъ со многими швейцарцами, чрезвычайно почтенными личностями, которыя любя свое прошлое — прошлое, не лишенное величія, питаютъ непоколебимую религіозную преданность къ своей древней исторіи. И я питаю такую же преданность къ своей. Будь я богатъ, я бы возстановилъ памятникъ, который Рэйналь воздвигнулъ у Люцернскаго озера Вильгельму Теллю.

Я очень благодаренъ гг. Моннарду и Вюлльемену, описавшимъ безъ всякихъ оговорокъ въ дѣльномъ историческомъ сочиненіи своемъ политическій развратъ, господствовавшій въ то время въ столькихъ кантонахъ. Это продажа и перепродажа городскими чиновниками, судьями доходныхъ мѣстъ, какъ бы своихъ родовыхъ имѣній, представляла гнусное зрѣлище. Странно, что это происходило въ тѣхъ именно кантонахъ, исторія которыхъ описана госпожею де-Сталь и другими витіеватыми писателями, какъ героическая идиллія, ничѣмъ со временъ Вильгельма Телля не запятнанная!

Швейцарія такъ мала, что развратъ правителей ея можно было видѣть вблизи и отчетливо во всѣхъ его подробностяхъ, и потому онъ поражалъ еще сильнѣе. Многіе швейцарцы во всѣ эпохи, не безъ опасности для себя протестовали противъ него. Не менѣе гнусною была тираннія городовъ надъ деревнями, напримѣръ Цюриха надъ его окрестностями. Въ другомъ

мѣстѣ *) я описалъ безсильное мужество, съ которымъ Песталоцци осмѣлился въ молодые свои годы стать на сторону крестьянъ Цюриха и защищать ихъ. Но нигдѣ господство аристократіи не было такъ раззорительно, какъ господство аристократіи Берна надъ кантономъ Во: тамъ неравенство, между сословіями и лицами равными между собою во всѣхъ отношеніяхъ, по ихъ образованію, часто по ихъ общественному положенію, производило особенно отталкивающее впечатлѣніе. Чѣмъ, напримѣръ, Бенжаменъ Констанъ, Лагарпъ и др. были ниже Галлеровъ Берна?

Если мы примемъ въ соображеніе разноплеменность и несогласный союзъ Швейцаріи съ вѣковыми несправедливостями ея, то для насъ вполнѣ будетъ понятна страсть швейцарцевъ къ эмиграціи и даже къ позорному чужестранному служенію. Но это гнусное существованіе наемщиковъ, развращавшее ихъ, какъ въ Неаполѣ, такъ и въ Версалѣ, вносило въ ихъ отечество, когда они туда возвращались, вмѣсто гармоніи только еще большій разладъ, еще болѣе ставило ихъ въ разногласіе съ дѣйствительными мѣстными элементами. Безенвали—жалкіе подражатели, съ притворнымъ легкомысліемъ своимъ не находили себѣ пощады. Вслѣдствіе этой смѣси разнородныхъ элементовъ, многіе швейцарцы превращались въ идіотовъ, какъ напримѣръ одинъ капитанъ, вернувшійся изъ Неаполя, котораго я видѣлъ въ 1858 г. въ Зебургѣ близь Люцерна.

Возможно-ли было привести въ гармонію то, что было въ Швейцаріи такъ ужасно разнородно и смѣшано, не разрушая во многомъ ея жизненности? Я этого не полагаю. Но духъ времени, стремившійся къ единенію и централизаціи, заставляетъ это думать. За исключеніомъ нѣкоторыхъ дѣйствительно

*) Смотри «Наши сыновья» 1869.

оригинальныхъ умовъ, какъ Лафатеръ и Песталоцци, всѣ остальные искали образцовъ на чужбинѣ. Женевцы, справедливо раздраженные противъ Франціи Людовика XV и Людовика XVI, тѣмъ болѣе восхищались Англіею (какъ всѣ друзья, ученики и секретари Мирабо), что не видѣли насколько англійскія учрежденія отличаются исключительнымъ характеромъ. Другіе, напр., оба брата Лагарпъ—оба ватландцы, поклонялись только одной Франціи, завидовали ея государственному, величественному единству, но не сознавали, что это единство, естественное у насъ и уже давно существующее не могло быть сразу навязано швейцарской великой разноплеменности. Директорія слишкомъ исключительно склонялась на сторону этихъ послѣднихъ. То особенное расположеніе, которое Бернъ, Базель, Женева оказывали нашимъ врагамъ (англичанамъ и эмигрантамъ) вооружало ее противъ этихъ городовъ. Кромѣ Ла-Ревельера (эксъ-жирондиста, а теперь, какъ и всегда федералиста), всѣ члены директоріи стояли за государственное единство Швейцаріи, а между тѣмъ завладѣли Женевою, которую обратили въ департаментъ. Дѣло, которое безспорно было бы непростительно съ ихъ стороны, если-бъ въ это время не собиралась новая коалиція, которая захватила бы Женеву, какъ первый постъ. Рона, протекающая черезъ границу во Францію, дѣлаетъ Женеву какъ бы дверью Франціи.

Мы не станемъ разсказывать послѣдующихъ событій, ни похищенія небольшой государственной казны Берна, которую Бонапарте взялъ для Египта. Но зато директорія оказала свое довѣріе новому возрожденному Берну, возвративъ ему превосходный артиллерійскій паркъ его. Правленіе Лагарповъ, Стапферовъ, этихъ объединителей Швейцаріи, не было популярно; оно возбудило нареканія даже за самыя благодѣянія свои. Слишкомъ скоро забыли, что оно помогло отразить

вторженіе русскихъ въ Швейцарію, въ Европу. Забыли также, что оно первое основало въ Станцѣ, въ Бернѣ школы Песталоцци, которыя были впослѣдствіи открыты въ Ивердонѣ и распространили свой живительный духъ по всему міру.

Голландію, отличающуюся такою же разноплеменностью и разнородностью политическихъ элементовъ, какъ и Швейцарію, волновали тѣ же вопросы. Стояло ли большинство за несовмѣстность и разнородность древнихъ учрежденій, или желало современнаго объединенія, которое въ то время осуществилось въ формѣ батавской республики? Это была великая задача, отнюдь не принадлежащая къ тѣмъ, въ которыхъ число составляетъ право. Во всѣ времена эта смѣшанная страна являла въ себѣ двѣ партіи—морскую и территоріальную, можетъ быть равночисленныя; но между ними существовала большая разница, а именно: первая партія республики, владѣвшая въ то время морями, создала величіе Голландіи, вторая—партія штатгальтера была причиною ея упадка и того, что государство это шло на буксирѣ Англіи, подобно лодкѣ, которая тащится позади корабля. Что касается меня, то я скажу то же, что сказалъ Соломонъ въ спорѣ двухъ матерей: прежде всего необходимо, чтобы ребенокъ остался живъ! Обратить Голландію въ англійскую провинцію, заставить ее обработывать, боронить землю вмѣсто того, чтобы бороздить ея стихію — море, это значило бы отнять у нея жизнь. Прекрасная картина ванъ-деръ-Гельта, находящаяся въ Амстердамѣ, ярко воспроизводитъ намъ въ лицахъ этотъ спорный вопросъ. Она изображаетъ пиръ муниципалитета, въ которомъ участвуютъ обѣ партіи. Нѣтъ ничего поразительнѣе этой картины. Дающіе пиръ голландцы, простодушные, толстые моряки, черноволосые съ веселыми лицами и сильными мозолистыми руками, добродушно и искренно протягиваютъ руку

кавалерамъ, особамъ болѣе утонченнымъ, одѣтымъ въ желтую ливрею оранскаго дома. Эти послѣдніе не рѣшаются сѣсть, чувствуя себя не на мѣстѣ. Смотря на смуглыя открытыя лица моряковъ, такъ и хочется сказать имъ: «не довѣряйтесь этимъ изящнымъ кавалерамъ съ ихъ бѣлыми руками. Они показываютъ только свои рапиры, но кто знаетъ не спрятаны ли у нихъ кинжалы?» И дѣйствительно, эти красивые вельможи, призвавъ наканунѣ нашей революціи съ одной стороны Англію, а съ другой Пруссію, дважды измѣнили Голландіи *).

II.

Піэмонтъ. Де-Мэстръ. Кровавый манифестъ контръ-революціи.

Слабость Карно и хитрость Бонапарте спасли, какъ мы видѣли, Туринъ, этотъ настоящій центръ эмигрантовъ. Вслѣдствіе этой первой ошибки, мы упустили случай завладѣть Италіею. Нуженъ былъ фруктидоръ и великій взрывъ, произведенный имъ въ Европѣ, чтобы дать новый толчекъ Піэмонту и особенно, чтобы вызвать этого истиннаго виновника контръ-революціи изъ его неподвижнаго положенія.

---

*) Я откладываю до другаго времени описаніе торжества Нельсона и слѣдующихъ за нимъ позорныхъ празднествъ и трагическихъ событій. Я откладываю также описаніе побѣдоноснаго шествія Шампіонне по Италіи и затѣмъ смерти Жубера — Жубера, отомщеннаго Массеною въ знаменитомъ сраженіи, данномъ имъ при Цюрихѣ, въ мѣстности, которая занимала пятьдесятъ миль въ длину, и кончившимся побѣдою надъ Суворовымъ. Всѣ эти событія отклонили бы мое вниманіе отъ внутренней завязки—главнаго предмета моего разсказа,—до сихъ поръ столь мало еще выясненнаго.

Римскій Содомъ былъ ничѣмъ инымъ, какъ гнилью; кровавая какханалія Неаполя, съ своимъ любострастнымъ варварствомъ, не скрывала однако же подъ собою другаго Неаполя. Но никто при видѣ мрачнаго и холоднаго Турина не подозрѣвалъ, что въ немъ таится что-либо другое кромѣ смерти. Туринъ былъ центромъ эмиграціи гораздо болѣе, чѣмъ Верона, или чѣмъ болтливый дворъ претендента. Тамъ была истинная страсть всегда живая, неугасимая — страсть принцессы Аделаиды. Это была личность совершенно противоположная суетной Маріи-Антуанеты, или необузданной Каролинѣ. Она была истиннымъ дьяволомъ. Кровосмѣсительница полька, которая десять лѣтъ пользовалась этою странною царственностью, никогда не хотѣла отречься отъ нея; она ждала смерти Антуанеты и видѣла въ ней только свое особожденіе. Эту смерть она болѣе чѣмъ кто-либо ускорила своими пасквилями и своею никогда не засыпавшею ненавистью. Время не производило на нее никакого дѣйствія. Въ шестьдесятъ и семьдесятъ лѣтъ она была еще молода силою своей ненависти. Она нашла въ Туринѣ личностей, достойныхъ себя. Военное ханжество, существовавшее уже нѣсколько столѣтій и все болѣе и болѣе усиливавшееся, закалило ихъ для преступленія; постоянно возобновляемыя преслѣдованія невинныхъ альпійскихъ ваатландцевъ искони привило въ кровь ихъ геній палачей. Особенно набожныя дамы побуждали своихъ мужей и любовниковъ къ этому доброму дѣлу—еретическою кровью омыть грѣхи своего разврата.

И эти варварскія неистовства, совершаемыя на итальянскомъ склонѣ альповъ, повторялись и на сѣверѣ ихъ и на склонѣ Савойи. Савойцы — этотъ пылкій народъ, обитающій въ ледяномъ климатѣ, подъ вліяніемъ ученія, проповѣдуемаго въ XVI столѣтіи кроткимъ Франсуа-де-Саль, умертвили са-

михъ себя. Въ XVIII вѣкѣ уже не доставало жертвъ, такъ какъ всѣ приверженцы этого ученія переселились въ Женеву, въ Лозанну. Но неистовства не прекращались. Вольтеръ, съ обычною тонкостью своею, предвидѣлъ и предсказалъ, что послѣдніе варвары этого столѣтія, отличавшагося своею терпимостью, воскреснутъ въ судьяхъ. И дѣйствительно у людей, изъ поколѣнія въ поколѣніе привыкшихъ судить, обвинять, располагать человѣческою жизнью, потребность исполнять до конца дней своихъ эти ужасныя обязанности, обращается въ болѣзнь. Я не говорю о кровожадномъ удовольствіи, которое должно доставлять нѣкоторымъ лицамъ исполненіе такого рода обязанностей, но о гордомъ сознаніи обладанія столь высокою властью.

Послѣ власти Бога *создавать*, самая великая безспорно власть, это — *убивать*! Вотъ почему она становится необходимою для тѣхъ, кто хотя однажды юридически пользовался ею. Въ томъ и заключался геній самаго великаго писателя реставраціи де Мэстра, исправлявшаго въ Шамбери должность судьи, что въ небольшомъ, но смѣломъ сочиненіи своемъ, онъ не защищаетъ свои идеи, но вызываетъ къ суду разумъ и требуетъ чтобы онъ защищался.

Чтобы написать такую книгу, чтобы изгнать до такой степени свѣтъ истины, надо было быть не невѣждой, но хорошо образоваться въ школѣ лженауки и нелѣпости, и всю жизнь питаться схоластическими семинарскими знаніями. Такъ въ нѣкоторыхъ альпійскихъ долинахъ, гдѣ солнце не доходитъ до полудня, свѣтитъ не слабый свѣтъ, но что хуже—призрачный свѣтъ, здѣсь марево, туманы, а тамъ на льдинахъ, на самыхъ безплодныхъ мѣснахъ, мерцаютъ остроконечныя, блестящія точки, обманывающія зрѣніе. Де Мэстръ достигъ такого успѣха, что въ долину его солнце не проникаетъ *даже*

въ полдень. Онъ не признаетъ ничего со временъ Боссюэта и конца царствованія Людовика XIV, слѣдовательно все огуломъ презираетъ и отвергаетъ безъ всякаго колебаиія. Все, что ему извѣстно о міровой жизни, это *паденіе человѣка* и христіанская справедливостъ, въ силу которой невинный искупаетъ грѣхи—грѣхи грѣшника. «Не будемъ печалиться», говоритъ онъ, «о великихъ избіеніяхъ невинныхъ, всегда совершающихся на землѣ». Это тотъ способъ, посредствомъ котораго небесный садоввикъ, отрѣзывая вѣтки, дѣлаетъ ихъ плодородными. Въ другомъ мѣстѣ, авторъ исчисляетъ великія рѣзни, которыя допустилъ Богъ: можно подумать, что человѣческая кровь услаждаетъ его зрѣніе и эти бани крови возбуждаютъ въ немъ новую жизнь.

Книга эта, по своему содержанію, должна была имѣть гораздо больше успѣха, чѣмъ «*Человѣкъ желанія* и другія сочиненія кроткаго мистика Сенъ-Мартина. Бѣлый терроръ юга, Вандеи находилъ въ этой книгѣ потребные для себя аргументы и оправданіе вѣры своей, такъ что и онъ тоже входилъ въ разсчеты Божественнаго предвѣдѣнія. Сочиненіе де Мэстра вышло въ 96 году, во время блестящей итальянской войны. Авторъ очевидно указываетъ на Бонапарте, замѣчая, что самые великіе полководцы республики, дворяне старинные, или новопожалованные.

Здѣсь даръ пророческаго предвѣдѣнія, на который онъ претендовалъ, видимо измѣняетъ ему. Онъ говоритъ только о Монкѣ и объ англійской реставраціи и не дѣлаетъ никакой разницы между революціями Франціи и Англіи. Онъ не видитъ далѣе Питта и другихъ политиковъ, полагавшихъ, что Бонапарте удовлетворится ролью Монка. Самое слабое мѣсто въ его книгѣ то, въ которомъ онъ пытается успокоить французовъ на счетъ мести роялистовъ. Онъ прослав-

ляетъ милосердіе короля, кротость эмигрантовъ, а между тѣмъ говоритъ о справедливости тѣхъ и другихъ. Это напоминаетъ извѣстное въ то время изреченіе: «Король проститъ, но судамъ предоставлено отправлять правосудіе».

А пока на берегахъ Роны торжествовала справедливость кинжала. Въ Піемонтѣ совершались, не смотря на протестъ французскаго министра Генгене, военныя казни надъ патріотами и надъ свободными мыслителями. Одинъ ученый, принадлежащій къ духовному званію и извѣстный своими смѣлыми, хотя умѣренными взглядами, женился въ Туринѣ. Его разстрѣливаютъ, вопреки запрещенію министра Франціи. Книга де-Мэстра, въ которой онъ какъ бы возвѣстилъ царствованіе Бонапарта, была въ дѣйствительности манифестомъ контръ-революціи.

III.

Директорія обезглавлена. Преріалъ 1799 г.

Каждый богъ родится изъ облака.

Вотъ отличная миѳологическая аксіома. Для пополненія ея нужно прибавить, что марево и обманчивыя мерцанія придаютъ этому облаку видъ ложнаго тѣла. Но какимъ образомъ это дѣло обмана можетъ увѣковѣчиться и какія средства его продолжать, возрождать это произведеніе иллюзіи? Важный политическій вопросъ! Я изучалъ этотъ вопросъ, но полагалъ, что для изученія его прошло уже время и что, особенно послѣ 1870 г., имъ не станутъ болѣе заниматься, но дадутъ возможность истинѣ вырваться изъ продолжи-

тельной неволи своей и разсѣять туманъ. Нѣтъ въ исторіи эпохи болѣе темной, я хочу сказать — болѣе затемненной учеными, чѣмъ 1800 г.—конецъ директоріи.

Только въ 1872 г. появилось одно изъ давно ожидаемыхъ историческихъ разслѣдованій, а именно мемуары Ля-Ревейллеръ-Лепò. Но этотъ великій гражданинъ и превосходный разсказчикъ фруктидора описываетъ менѣе ясно и очень кратко послѣдующія времена. Онъ только въ немногихъ словахъ говоритъ о томъ, что онъ называетъ «интригами братьевъ Бонапарте», и пр. Мы ждали также мемуаровъ Барраса (обѣщанныхъ Сенъ-Альбеномъ), котораго, я полагаю, слишкомъ строго осудили. Мы ждали также записокъ Реаля, представленныхъ въ единственномъ экземплярѣ королю Людовику-Филиппу, съ такою любознательностью относившемуся къ современной исторіи.

Но независимо отъ тайныхъ причинъ, мало по малу теперь обнаруживающихся, другія видимыя причины вели директорію къ ея гибели. Войну давно предвидѣли. «Война необходима», сказалъ самъ Ла-Ревейллеръ въ виду образовавшейся коалиціи, которая еще усилилась союзомъ съ Россіею. Французское правительство прибѣгло къ очень опасной мѣрѣ: оно возобновико акцизъ и снова воздвигнуло неуклюжія укрѣпленія на знаменитыхъ заставахъ Парижа, изъ которыхъ иныя существуютъ до сихъ поръ. Среди общаго возбужденія пришло изумительное и ужасное извѣстіе объ убіеніи въ Раштадтѣ австрійцами нашихъ посланниковъ. А еще до этого событія англичане своимъ варварскимъ обращеніемъ съ французскими плѣнными доказали, что въ глазахъ нашихъ враговъ французъ уже болѣе не человѣкъ. Эта безчеловѣчность оказала намъ, однако, большую услугу. Она возбудила національный нервъ. Воодушевленіе 92 г. повто-

рилось. Новое поколѣніе, не менѣе храброе, было болѣе дисциплинировано. И тогда, въ ту эпоху, когда культъ республики былъ такъ силенъ въ сердцахъ французовъ, онъ воодушевлялъ ихъ, какъ новая религія, которую они обратили въ оружіе противъ дикихъ и фанатическихъ солдатъ Суворова. Законъ о рекрутскомъ наборѣ (постоянная реквизиція), предложенный Журданомъ, былъ принятъ съ восторгомъ. Порывъ былъ такъ силенъ, что правительство съ великимъ трудомъ въ состояніи было поспѣвать за столь быстрымъ движеніемъ. Во время этого воинственнаго одушевленія произошло пораженіе французовъ при Абукирѣ *). Директорія, узнавъ объ этомъ несчастіи, причиною котораго была преимущественно небрежность Бонапарте, не доставившаго необходимое продовольствіе флоту, не обвинила его въ публичномъ засѣданіи, но созвала законодательное собраніе въ залѣ библіотеки. Тутъ произошелъ горячій споръ между братьями Бонапарте и ихъ противниками (въ томъ числѣ, разумѣется, и Ля-Ревейллеръ-Лепо).

Съ этого времени братья Бонапарте, видя въ лицѣ послѣдняго главное препятствіе къ своему успѣху, затѣяли противъ него страннаго рода войну. Они стали жаловаться на расточительность директоріи, обвиняя особенно въ этомъ самаго экономнаго, самаго скромнаго изъ членовъ ея, того, кто ничего не издерживалъ — Ля-Ревейллера. Ля-Ревейллера можно было упрекнуть только въ томъ, что онъ требовалъ въ этотъ смутный моментъ того строгаго порядка, какой возможенъ только въ мирное время, и хотѣлъ подчинить военноначальниковъ гражданскимъ коммисарамъ. Шампіонне, завоеватель Неаполя, любимый Италіею, не смотря на кон-

*) Король Іосифъ въ своихъ мемуарахъ разсказываетъ этотъ анекдотъ. Т. I.

трибуціи, которыя онъ налагалъ на нее, былъ отрѣшенъ отъ своей должности. Съ лозунгомъ: *дефицитъ*, *акцизъ* и съ крикомъ: уничтоженіе пошлинъ на предметы насущной потребности бѣдныхъ — началась жестокая война противъ членовъ директоріи, въ особенности противъ Ля-Ревейллера, этаго истиннаго столпа и краеугольнаго камня ея. Никто не сомнѣвался, что паденіе его повлечетъ за собою общее крушеніе. Его величественная наружность вѣрно рисуетъ его личность, а нѣсколько сутуловатыя плечи его даютъ преувеличенное представленіе о той несокрушимой силѣ воли, которую выражаетъ лицо его. Онъ одинъ олицетворяетъ законъ. Но положеніе дѣлъ въ то время не допускало такой чрезмѣрной строгости. Наши военноначальники должны были, безспорно, при тогдашнихъ обстоятельствахъ пользоваться нѣкоторою свободою и не быть стѣсняемы гражданскими властями. Какъ ни справедливо было это требованіе свободы, но оно прикрывало много интригъ. Бонапартисты носили только маску патріотовъ, но въ сущности были способны на самыя дерзкія насилія. Баррасъ сначала колебался, но слишкомъ дорожа своею властью, присталъ къ партіи крайнихъ.

Тутъ произошла достопамятная сцена. Легкомысленный Баррасъ, забывая твердое мужество Ля-Ревейллера, осмѣлился сказать ему: «И такъ, кончено, сабли вынуты изъ ноженъ!» — «Несчастный, что говоришь ты о сабляхъ?» громовымъ голосомъ отвѣтилъ ему Ля-Ревейллеръ. «Здѣсь есть только ножи, а они направлены противъ тѣхъ безупречныхъ людей, которыхъ вы хотите зарѣзать!»

Онъ сопротивлялся весь день и уступилъ только къ вечеру, разсудивъ, вѣроятно, что рѣзня въ Парижѣ придала бы мужество нашимъ врагамъ и охладила бы воодушевленіе

нашихъ сторонниковъ. И такъ, онъ уступилъ военной партіи, хотя хорошо видѣлъ ея интригу и зналъ, кто ею воспользуется. «Я уступаю, сказалъ онъ, но республика погибла». Онъ удалился, бѣдный, нищій, отказываясь отъ тѣхъ денежныхъ суммъ, которыя получали члены директоріи въ отставкѣ.

Изъ новыхъ членовъ директоріи одинъ только Роже-Дюко участвовалъ въ интригахъ братьевъ Бонапарте и былъ однимъ изъ главныхъ орудователей узурпаціи.

Остальные — Гойе, Муленъ, безличные, но уважаемые люди, пользовались репутаціею хорошихъ патріотовъ. Впрочемъ, въ отсутствіе Бонапарте, заговорщики были еще далеки отъ рѣшительнаго образа дѣйствій и должны были, во что бы то ни стало, сохранить двойственную наружность; передъ арміями и передъ увлекающейся молодой рекрутчиной, они должны были представлять изъ себя революціонеровъ.

Восторженные патріоты были пріятно изумлены, когда министромъ внутреннихъ дѣлъ былъ назначенъ одинъ изъ членовъ бывшаго комитета общественной безопасности, разумный Линде, скорѣе администраторъ, чѣмъ политикъ, и который не былъ въ состояніи противодѣйствовать тайнымъ заговорамъ. Военное министерство было поручено Бернадоту, который преобразовалъ его на славу. Якобинцы считали Бернадота за своего приверженца, не смотря на то, что онъ женился на дѣвушкѣ изъ семьи Клари и сдѣлался, такимъ образомъ, зятемъ Бонапарте. Этотъ искатель счастья гонялся за нимъ двумя путями заразъ; родственникъ, другъ, а часто и врагъ Наполеона, онъ создалъ его величіе и въ то же время ненавидѣлъ его и нерѣдко ставилъ ему западни.

Впрочемъ, общество было болѣе всего обмануто тѣмъ,

что въ великомъ дѣлѣ общественнаго спасенія директорія не послѣдовала совѣтамъ высшаго общества и ретроградныхъ салоновъ, а выбрало человѣка, болѣе всего имъ ненавистнаго. Русскій полководецъ Суворовъ въ то время особенно возбуждалъ энтузіазмъ аристократовъ; въ честь побѣдителя нашей итальянской арміи въ Парижѣ носили сапоги à la Suvorow, которые ввелъ въ моду предпріимчивый сапожникъ Сакуски. Могли ли держаться наши двадцатилѣтніе рекруты противъ этихъ фанатиковъ русскихъ, храбрыхъ варваровъ, побѣдителей поляковъ, турокъ и даже французовъ? Это было сомнительно. Директорія, какова бы она ни была, въ этомъ случаѣ, должна была поступать прямо и обратиться къ генералу, который болѣе, чѣмъ кто-либо другой, способствовалъ невѣроятнымъ успѣхамъ Бонапарте, однимъ словомъ, должна была пригласить Массену.

Выборъ этотъ, чрезвычайно непріятный высшему обществу, былъ тѣмъ болѣе поразительнымъ въ 99 году, что то же правительство, государственнымъ переворотомъ преріаля, только что прогнало закадычнаго друга Массены, Ла-Ревельеръ-Лепо, съ которымъ первый сохранилъ дружбу до самой смерти *).

---

*) Благородная дружба, замѣтимъ мы мимоходомъ, вполнѣ очищающая великаго военачальника отъ клеветъ, взводимыхъ на него такъ коварно бонапартистами, которые употребляли для этого орудіями даже людей почтенныхъ, но судей, ослѣпленныхъ и обманутыхъ.

IV.

Большой свѣтъ въ 99 году. Салонъ улицы Дюбакъ. M-me де-Сталь.

Было бы желательно, чтобы г-жа де-Сталь въ своихъ «Размышленіяхъ», вмѣсто того, чтобы говорить о Швейцаріи, такъ мало знакомой ей, попыталась бы обрисовать блестящую, смѣшанную толпу, которая волновалась въ ея салонѣ, полномъ людьми всѣхъ партій. Но извѣстны только общія черты и главныя личности. Я не говорю о руководителяхъ. Въ 90 году здѣсь блисталъ учтивый и пріятный господинъ де-Нарбонъ, вельможа-патріотъ. Въ 99 году г-жа Сталь, болѣе зрѣлая, имѣла друга болѣе юнаго, колкаго Бенжамина Констана, искренняго республиканца; она любила его острый языкъ, его принципы и его бѣлокурые волосы. Но дверь не была заперта. Принимали всѣхъ, людей другихъ оттѣнковъ. Молодые эмигранты, мало извѣстные, какъ напр. Шатобріанъ, были приняты весьма любезно. Попадались и подозрительныя личности, въ родѣ богатаго вандейскаго собственника, котораго мы видѣли въ Парижѣ во время фруктидора. Какъ было закрыть двери такой титулованной особѣ? Всего болѣе меня удивляетъ то, что рядомъ съ человѣкомъ, врагомъ фруктидора, можно было встрѣтить якобинскаго героя Ожеро. Передаютъ недурной отвѣтъ этого сына предмѣстья Сенъ-Марсо, настолько тонкій, что никто его не понялъ, но который замѣчателенъ, какъ льстивое снисхожденіе якобинца аристократическому обществу. Г-жа Сталь спросила: «Провозгласитъ ли себя Бонапарте королемъ?» Ожеро отвѣчалъ: «Онъ для этого слишкомъ благовоспитанный молодой человѣкъ»

(т.-е. чтобы занять мѣсто своего короля и повелителя и бывшаго благодѣтеля?). Въ этой толпѣ не спорили изъ-за убѣжденій. Блестящая, чистосердечная хозяйка дома, искренняя патріотка, именно въ силу патріотизма этого и превозносила Бонапарте.

Общество, находясь въ неизвѣстности относительно успѣховъ Массены, призывало и ждало возвращенія счастливаго героя Сиріи. Правительство обнародовало его бюллетени, а общество вѣрило имъ, каковы бы они ни были. Не смотря на возможность получать точныя извѣстія посредствомъ греческихъ лодокъ, которыя во всякое время плавали по морю, предпочитали вѣрить пріятнымъ новостямъ; праздновали разрушеніе Сенъ-Жанъ д'Акра. Небольшое сраженіе при Аубкирѣ превратили въ громадное пораженіе англо-турецкихъ войскъ. Невѣрующіе считались подозрительными и, конечно, дурными гражданами. Составляли тысячи романическихъ и праздныхъ предположеній на счетъ вѣроятной будущности героя. Огромное большинство считало вѣроятнымъ, благодаря довольно точнымъ указаніямъ де-Мэстра, что герой возвратитъ престолъ королю и какъ констабль, или другимъ путемъ, постарается царствовать при королѣ въ роли вооруженнаго посредника между партіями.

Въ сторону какой партіи обратится онъ въ самомъ существенномъ вопросѣ, въ томъ всемогущемъ вопросѣ, о которомъ заинтересованные тѣмъ менѣе говорили, чѣмъ болѣе думали, — вопросѣ объ общественныхъ имуществахъ. Тутъ прекращалось кажущееся смѣшеніе общественныхъ мнѣній и каждый разсуждалъ по своему о проэктахъ Бонапарте, согласно личнымъ интересамъ. Всматривались въ его братьевъ и старались этимъ путемъ уловить какія-либо предзнаменованія. Судя по Люсьену и по якобинской молодости самого

Бонапарте, предусматривали, что онъ будетъ покровительствовать революціонной партіи и недавнимъ собственникамъ общественнымъ имуществъ. Съ другой стороны, его осторожное поведеніе въ Италіи, гдѣ онъ съ такою твердостью воспрепятствовалъ раздѣленію церковныхъ имуществъ, давало поводъ думать, что онъ будетъ держаться убѣжденій Іосифа и сдѣлаетъ возможнымъ какой-нибудь договоръ, быть можетъ, даже возвратитъ нѣкоторую часть имущества эмигрантовъ ихъ бывшимъ собственникамъ. Словомъ, всѣ надежды были на него.

V.

Жозефина. Маленькій домъ въ улицѣ Шантеренъ.

На другомъ концѣ Парижа, въ маленькомъ салонѣ Жозефины, вечеромъ, когда удалялись несогласные, между прочими и братья Бонапарте, и ненадежные болтуны, еще долго за полночь оставались люди вполнѣ надежные, въ особенности роялисты, эмигранты, возвратившіеся изъ Лондона, которымъ можно было все говорить. Я воображаю себѣ креолку, весьма откровенную въ этотъ поздній часъ, и тѣ рѣчи, которыя она имъ говорила, приблизительно такого содержанія: «Господа, вы умные люди, но безъ сомнѣнія довольн забывчивые. Вы позабыли, какъ далеко мы ушли въ эт мъ году, какой громадный шагъ впередъ сдѣлали якобинцы, благодаря войнѣ. Цѣлый милліонъ людей готовъ возстать! Развѣ вы не чувствуете, какъ земля колеблется подъ вашими ногами? Прибывающая молодежь, гораздо лучше дисциплини-

рованная теперь, чѣмъ въ 92 году, вскорѣ обратится въ прекрасныхъ солдатъ. Европа должна объ этомъ подумать. Новый законъ о рекрутчинѣ дѣлаетъ Францію настоящимъ очагомъ войны. Я не забыла о прекрасныхъ побѣдахъ русскихъ, доставившихъ намъ славу. Но тѣмъ не менѣе я не могу не замѣчать великое волканическое броженіе, охватившее весь западъ: Ирландію, Голландію, Рейнъ, Швейцарію, Италію, и способное охватить весь міръ. Я бы весьма желала видѣть у насъ, въ Парижѣ, короля и подъ его началомъ другаго человѣка твердой воли, который помогъ бы королю сдержать всѣ опасные элементы. О! Отчего нѣтъ здѣсь Бонапарте! Ему одному я довѣряю вполнѣ, онъ помогъ бы намъ не только въ борьбѣ съ Европой, но болѣе всего въ борьбѣ съ якобинскими генералами, которые вмѣсто того, чтобы тушить пожаръ, еще болѣе разжигаютъ его. Меня пугаетъ не столько старое якобинство Журдана, сколько опасныя связи Ожеро съ арміей и предмѣстьями. Еще опасаюсь я хитраго Бернадотта, который, подъ личиною дружбы и родства съ нашимъ семействомъ, способенъ устроить герою самую злую штуку. Бернадоттъ самый опасный человѣкъ. Опасаются, что, возвратившись, Бонапарте будетъ слишкомъ силенъ. Я, напротивъ, опасаюсь, что онъ будетъ слишкомъ слабъ, разъ что попадетъ въ это осиное гнѣздо генераловъ. Кто знаетъ, не готовятъ ли они ему соперника въ лицѣ Массены, если тотъ, на несчастье наше, побѣдитъ русскихъ? Вотъ, господа, чего я опасаюсь и вотъ почему желаю, чтобы Бонапарте возвратился и предложилъ къ услугамъ короля свою могучую руку и побѣдоносное оружіе. Во всякомъ случаѣ, я не вижу для нашего героя другого пути, другого средства оттѣснить, побороть опасныхъ соперниковъ, способныхъ разжечь пожаръ по всей Европѣ. Господа, намъ

необходима, кромѣ поддержки достойныхъ роялистовъ и друзей нашихъ англичанъ, еще помощь энергическаго человѣка, который поставилъ бы преграды этому океану огня, называемаго революціею. Я не вижу другаго человѣка болѣе способнаго, кромѣ Бонапарте, и если бы я была приближенная королю англійскому, я знала какой бы я дала ему совѣтъ. Я бы не послушалась безразсуднаго Нельсона, желающаго помѣшать возвращенію изъ Египта; скорѣе я бы послушалась политическаго совѣта Смита и посовѣтовала призвать человѣка, который одинъ способенъ сдержать, умиротворить Францію и упрочить миръ въ Европѣ».

Рѣчь, которую я вложилъ въ уста Жозефины, совершенно правдоподобна въ томъ смыслѣ, что выражаетъ чувства, присущія роялистамъ послѣ неудачи фруктидора и ту надежду, которую они возлагали на Бонапарте, согласно указаніямъ де-Мэстра.

VI.

Какимъ образомъ удалось Бонапарте выйдти изъ Египта.

Тайна эта была открыта лишь въ 1839 году посредствомъ арабской книги, которую прочли очень немногіе, хотя она и была переведена профессоромъ французской коллегіи Дегранжомъ. До тѣхъ поръ ни французы, ни англичане не хотѣли разгласить этотъ секретъ, первые изъ самолюбія, вторые изъ страха, чтобы не сочли за измѣну министровъ и адмираловъ ихъ то, что было лишь политическою комбинаціею, лукавою, но несчастною по своимъ результатамъ,

какъ для Англіи, такъ и для Франціи. Разсказчикъ достоинъ полнаго довѣрія. Это былъ простой честный человѣкъ, заинтересованный въ томъ, чтобы знать всю правду, кромѣ того, сторонникъ Бонапарте и французовъ, среди которыхъ онъ провелъ три года вмѣстѣ съ Бонапарте и Клеберомъ. Имя его было Накула. Онъ былъ сиріецъ, котораго начальникъ друзовъ держалъ при генералахъ нашихъ съ цѣлью узнавать обо всѣхъ дѣйствіяхъ тѣхъ, отъ кого ожидали освобожденія Сиріи. Отъѣздъ Бонапарте былъ ужаснымъ событіемъ для сирійцевъ и конечно они должны были хорошо знать всѣ подробности этого удара.

Сперва Бонапарте, боясь невозможности выйти изъ Египта, держалъ въ Каирѣ, въ присутствіи улемовъ, горячую рѣчь противъ христіанства, говоря: «Послѣ того, какъ онъ отрекся отъ религіи этой и разрушилъ ее, онъ былъ далекъ отъ мысли снова принять христіанское ученіе» *). Но нѣсколько позднѣе Бонапарте составилъ другой планъ, конечно, вслѣдствіе извѣстій, полученныхъ съ мелкими греческими судами, все время пересѣкавшими Средиземное море, и сталъ надѣяться на возможность возвращенія. Немедля по пріѣздѣ въ Александрію, онъ сталъ готовиться къ отъѣзду; три корабля были приготовлены къ отплытію, ночью ихъ нагружали сундуками, наполненными драгоцѣнными камнями, прекраснымъ оружіемъ, товарами, тканями и всевозможными предметами, которые онъ пріобрѣлъ во время войны. Въ его услуженіи находились молодые мамелюки, которыхъ онъ разодѣлъ въ роскошныя одежды. Окончивъ эти приготовленія, онъ задалъ большой обѣдъ генералу Смиту, главному начальнику англійскихъ войскъ. Въ то время, когда фран-

*) Накула, хотя и былъ христіаниномъ, передаетъ это необдуманно.

цузы сняли осаду съ Сенъ-Жанъ д'Акра, Смитъ явился съ англійскими кораблями передъ Александріей. Между европейцами существуетъ обычай, что обѣ воюющія стороны видятся между собою въ промежутки между битвами. Бонапарте выказалъ генералу Смиту всевозможную предупредительность и наградилъ его богатыми подарками. Затѣмъ онъ просилъ его о позволеніи отправить три небольшіе корабля во Францію, которое и получилъ. Генералъ Смитъ возвратился ночью на свои корабли, а Бонапарте со своею свитою сѣлъ на корабли и вышелъ изъ канала при сильномъ вѣтрѣ. Два дня спустя генералъ Смитъ узналъ объ его отъѣздѣ. Извѣстіе это произвело большое впечатлѣніе на англійскаго генерала. Онъ сейчасъ же поставилъ паруса и пустился въ погоню за Бонапарте, но не получилъ никакихъ свѣдѣній о немъ. Бонапарте, воспользовавшись случаемъ, вылетѣлъ, какъ птица изъ клѣтки *).

По словамъ англійскаго автора **), Сидней Смитъ для того, чтобы удалиться и дать свободу Бонапарте, отплылъ на островъ Кипръ, подъ предлогомъ сдѣлать запасъ свѣжей воды. Генералъ этотъ былъ великодушенъ и нѣсколько романтиченъ. Именно вслѣдствіе того, что онъ имѣлъ причины жаловаться на Бонапарте, который еще недавно самымъ обиднымъ образомъ пренебрегъ его вызовомъ, онъ могъ почувствовать искушеніе быть великодушнымъ. Но все-таки трудно повѣрить, чтобы онъ рѣшился на такой поступокъ, который могъ навлечь на него подозрѣніе въ измѣнѣ и едва ли былъ бы одобренъ его правительствомъ.

Несомнѣнно одно, что англичане въ то время дѣйствовали

---

*) Накула, перев. Дегранжа, стр. 150.

**) Маріо Протъ держится мнѣнія его въ пикантной исторіи своей, которая хотя и отличается сатирическимъ тономъ, но часто очень вѣрна.

весьма нерѣшительно и двойственно. Одни и въ томъ числѣ Нельсонъ, думали что Бонапарте слѣдовало задержать во что бы то ни стало; другіе полагали, вмѣстѣ съ роялистами Франціи и сообразно мнѣнію де-Мэстра, что онъ возвратившись, непремѣнно возстановитъ Бурбоновъ. Жозефина, конечно, надѣялась и желала того же. Бонапарте употребилъ 45 дней на этотъ небольшой переѣздъ и объяснилъ свое запаздываніе тѣмъ, что выбралъ самый длинный путь вдоль береговъ Африки. Однако можно скорѣе думать, что онъ выигрывалъ время и выжидалъ. Если англичане въ концѣ концовъ пришли къ соглашенію, то единственно для того, чтобы помѣшать нашимъ республиканцамъ взять рѣшительный перевѣсъ надъ роялистами. Генералъ революціонной партіи, Массена уже съ мѣсяцъ побѣждалъ русскихъ и выигралъ блестящее сраженіе. Поэтому достаточно было его возвращенія для торжества его партіи. Съ той минуты вся Франція стала бы якобинскою. Журданъ, Ожеро и даже Бернадотъ примкнули бы къ этой партіи. Весьма вѣроятно, что именно они, воспользовавшись героической простотой Массена, отговорили послѣдняго отъ непосредственнаго возвращенія въ Парижъ во всемъ блескѣ побѣдной славы.

Такое положеніе дѣлъ, опасное для англичанъ и побѣжденной коалиціи, давало возможность думать, что возвращеніе общаго любимца, Бонапарте, который, устранивъ Массену и другихъ генераловъ, доставилъ бы въ Парижѣ и во Франціи побѣду партіи *честныхъ людей* и роялистовъ, будетъ дѣломъ весьма полезнымъ. Очень вѣроятно, что Жозефина, какъ прекрасная роялистка, своими словами давала возможность надѣяться на такой исходъ. Бонапарте, между тѣмъ, сдѣлалъ остановку въ Аячіо и, наконецъ, высадился въ Фрежюсѣ. Во Франціи онъ нашелъ свою игру въ лучшемъ состояніи, чѣмъ

ожидалъ. Его хитрость, ловкость, почти чародѣйство, съ которымъ онъ проскользнулъ мимо англійскаго флота, его завоеванія въ Египтѣ, мнимая побѣда въ Сиріи, о которой онъ писалъ въ бюллетеняхъ своихъ, все это довело восторгъ до изступленія. Народъ, спасенный всего мѣсяцъ тому назадъ побѣдою надъ русскими, призывалъ, умолялъ Бонапарте быть его спасителемъ и хотѣлъ быть обязаннымъ своимъ спасеніемъ лишь ему одному. Онъ былъ великій чудотворецъ, который однимъ словомъ своимъ могъ исцѣлить всѣ раны отечества.

Отъѣзжая поспѣшно изъ Сенъ-Жакъ-Д'Акра, Бонапарте обратился къ небольшой, изуродованной, больной арміи своей съ прекраснымъ воззваніемъ, которое подняло упавшій духъ солдатъ. «Мы напрасно нападали на востокъ, теперь мы ѣдемъ во Францію, чтобы защищать ее отъ запада». Благородная рѣчь, приведшая въ восторгъ солдатъ, справедливо обрисовала настоящее положеніе. Новая директорія дошла почти до послѣдней степени безсилія. Никто не подозрѣвалъ великія и ужасныя послѣдствія набора; арміи, которымъ не платили денегъ, которыхъ худо кормили, которыя состояли преимущественно изъ молодыхъ соддатъ, одержали двѣ невѣроятныя побѣды надъ двумя, прекрасно вооруженными арміями. Съ одной стороны Брюнъ покорилъ Голландію и побѣдилъ англичанъ и герцога іоркскаго, войска котораго считались образцомъ мужества и прекрасной организаціи; онъ отнялъ у нихъ Голландію, которую они считали уже своею, самую драгоцѣнную провинцію, наравнѣ съ Кентомъ и Эссексомъ. Но это еще не все. Онъ довелъ ихъ до такой крайности, что они должны были сдаться на капитуляцію. Это была такая ужасная обида, какую Англія не испытала въ продолженіи цѣлаго столѣтія.

Съ другой стороны Массена, воспользовавшись тѣмъ, что

австрійцы раздѣлили свои войска, отослали своего эрцгерцога на сѣверъ, поближе къ англичанамъ, напалъ порознь на австрійцевъ и русскихъ и нанесъ имъ страшное пораженіе. Храбрые фанатики русскіе, побѣдители нашихъ въ Италіи, должны были искать спасенія въ недоступныхъ переходахъ, *пройти черезъ игольное ухо*, т. е. черезъ такіе узкіе проходы, гдѣ люди должны были слѣдовать по одиночкѣ одинъ за другимъ. Пушки, кавалерія, почти вся инфантерія остались на мѣстѣ, заваливъ трупами глубокія долины Альпъ. Эти невѣроятныя событія, происшедшія въ сентябрѣ, не могли быть предвидѣны 20 марта, въ тотъ день, когда Бонапарте, снявъ осаду Акра, издалъ свое прекрасное воззваніе къ солдатамъ, въ которомъ обѣщалъ вести ихъ на войны Франціи. Между тѣмъ онъ могъ предвидѣть, что море и флотъ, которые такъ хорошо охраняли Акръ, помѣшаютъ возвращенію арміи. Слѣдовательно онъ обманывалъ ее. Онъ также обманывалъ Парижъ, объявивъ ему, что онъ покинулъ Акръ только тогда, когда въ немъ не оставилъ камня иа камнѣ.

VII.

Кабинетъ Англіи во время возвращенія изъ Египта.

Объ англичанахъ думаютъ, и сами англичане думаютъ, что они очень упрямы. Между тѣмъ тысячи фактовъ доказываютъ, что они способны на быстрыя перемѣны въ самыхъ различныхъ направленіяхъ, подобно бѣшенымъ волнамъ, которыя бьются въ проливахъ объ ущелья. Мнѣ бы не повѣрили, когда я говорилъ о тѣхъ рѣзкихъ измѣненіяхъ, которыя произошли

между 97 годомъ и 1801, если бы я не извлекалъ своихъ фактовъ изъ серьезнаго и авторитетнаго сочиненія *) основаннаго единственно на перепискѣ и документахъ политическикъ людей того времени: Питъ, Фоксъ, Гренвиль, Эльдонъ, Мальмсбюри и друг. Авторъ, который былъ самъ министромъ и канцлеромъ казначейства, списывалъ эти документы, съ большимъ умомъ и немедля послѣ того, какъ они были писаны.

Уже въ началѣ этой книги я говорилъ о томъ чудѣ, которое совершилъ Питтъ; найдя престолъ въ полномъ упадкѣ, онъ его поддержалъ, измѣнилъ вдругъ парламентъ и создалъ королю цѣлый міръ—администрацію Индіи. Все это совершилъ молодой человѣкъ, который семнадцать лѣтъ былъ министромъ и министерство котораго, прерванное въ продолженіи трехъ лѣтъ, потомъ снова вступило въ силу. Король, которымъ Питтъ управлялъ, пользуясь злопамятностью его по отношенію къ Америкѣ и Франціи, долгое время раздѣлялъ весь пылъ ненависти вносимой министромъ въ великую борьбу,—раздѣлялъ тѣмъ болѣе, что видѣлъ какъ, не смотря на такіе расходы, кредитъ увеличивался и весь свѣтъ предлагалъ свои деньги въ распоряженіе Англіи. Но успѣхи мануфактуры и неудачи 97 года остановили этотъ приливъ денегъ и нѣсколько охладили короля. Георгъ сталъ болѣе и болѣе довѣрять своимъ приближеннымъ, въ особенности своему доктору и нѣсколькимъ епископамъ, а главное архіепископу кантерберійскому, главному врагу плановъ Питта.

Докторъ Аддингтонъ, товарищъ и другъ дѣтства Питта, былъ назначенъ президентомъ нижней палаты въ угоду королю. Вліяніе этого мягкаго человѣка, который никогда не безпокоилъ короля общественными дѣлами, должно было увеличиться въ особенности въ дни террора, когда народъ въ из-

*) Корневаль Люисъ, «Исторія правительства Англіи».

ступленіи разбилъ въ куски экипажъ короля, и еще въ ту ужасную ночь, когда возмущенный флотъ залилъ всю Темзу огненнымъ заревомъ. Словомъ король, видя Питта несчастнымъ въ войнѣ и ненавистнымъ народу, обратилъ свое довѣріе на пріятнаго совѣтника-доктора. Все это случилось въ 97—98 году. Въ 99 году, пораженіе въ Голландіи, капитуляція герцога іоркскаго и арміи его, довело до высшей степени неудовольствіе короля на Питта, который показался ему столько же неумѣлымъ сколько ненавистнымъ. Имѣлъ ли бы Георгъ мужество отдѣлаться отъ Питта? Едва ли. Его робкій докторъ не могъ ему въ этомъ помочь. Самъ Богъ вмѣшался въ это дѣло т. е. опасеніе Георга за господствовавшую религію. Архіепископъ кантерберійскій открылъ королю планъ Питта, который хотѣлъ сперва ввести католиковъ Ирландіи въ парламентъ, чтобы открыть имъ затѣмъ доступъ на *всѣ должности.*

Дѣло было въ томъ, что Питтъ употреблялъ для дѣлъ Англіи, Индіи силы Ирландіи въ лицѣ Кастельри, Каннинговъ, Веллеслеевъ и друг. Онъ истый англичанинъ, тѣмъ не менѣе совершенно справедливо разсуждалъ, что здравый смыслъ Англіи нисколько не потеряетъ, а напротивъ выиграетъ, если пріобщить къ нему блестящій умъ Ирландіи. Такъ лордъ Чатамъ призвалъ и вооружилъ, къ большой выгодѣ Англіи шотландцевъ, которые впослѣдствіи, посредствомъ Уата и друг., сдѣлались, какъ бы *промышленною рукою* Англіи. Ея *военная рука* была видна теперь въ Индіи, она состояла преимущественно изъ ирландцевъ. Столь широкіе взгляды были недоступны королю, но они возбудили его протестанское ханжество и заставили вскорѣ покончить съ Питтомъ.

Таково было положеніе вещей въ 99 году и оно должно было разразиться въ 1800. Англія жаждала мира. Подоходный налогъ заставилъ обливаться кровью сердца богачей, а

развивающаяся промышленность требовала капиталовъ во что бы то нн стало. Такимъ образомъ вопросъ о мирѣ рождался самъ собой. Ходъ дѣлъ былъ нѣсколько замедляемъ тѣмъ, что король, будучи протестантомъ, ханжей и врагомъ католиковъ, не могъ допустить тайныхъ сношеній съ эмигрантами и другими французскими католиками. Противъ Питта работали, но тихо. Все равно. Великій министръ войны былъ все же погубленъ. Во время фруктидора и брюмера Англія надѣялась на миръ, посредствомъ тайнаго соглашенія съ роялистами. Но говорили, что это невозможно, пока Франція не будетъ имѣть установившееся правительство и твердую руку, которая будетъ отвѣчать за нее. Вотъ почему многіе англичане думали, какъ и Сидней Смитъ, что они обезпечатъ миръ, давъ возможность вернуться Бонапарту и противопоставивъ его Массенѣ, Брюну и Ожеро, что Питтъ будетъ низвергнутъ, добрый докторъ возвеличенъ и раны отечества излечены имъ. Бонапарте воспользовался этимъ, вернулся и обманулъ всѣхъ—Англію, какъ и Францію. Но это не измѣнило дѣла. Англія такъ страстно желала мира, что, когда явился посланный Бонапарта въ 1801 году, народъ въ Лондонѣ отпрегъ его лошадей и на себѣ потащилъ экипажъ.

VIII.

18 Брюмера.

Заговоръ начался уже давно и былъ веденъ очень медленно, затѣмъ вдругъ разросся и удался, благодаря потачкѣ генераловъ, бывшихъ въ то время въ Парижѣ. Вообще пренебрегли

замѣтить, что даже по признаніямъ самого Бонопарте, первые виды и планы его зародились еще четыре года тому назадъ. Онъ самъ говоритъ, что уже со дня Лоди (12-го мая 96 года) онъ подумалъ: «слѣдуетъ съиграть какую нибудь штуку директоріи». Почему? Потому что въ этотъ самый день полиція открыла вновь образовавшееся собраніе террористовъ и бабувистовъ, неопредѣленныя теоріи которыхъ, столь невозможныя къ осуществленію, тѣмъ не менѣе возбудили въ обществѣ паническій страхъ и заставили его бояться повторенія жерминаля и преріаля; этотъ страхъ заставилъ директорію быть безпощадною къ утопистамъ. Изъ членовъ директоріи только одинъ былъ военный—Карно. Всѣ прибѣгли къ нему. Бонапарте понялъ, что существовалъ лишь одинъ способъ, одинъ путь къ успѣху: *успокоить собственниковъ*, *привлечь* на свою сторону мало по малу *ретроградовъ* всѣхъ оттѣнковъ. Какъ сдѣлать это, не снимая маску, передъ лицомъ революціонной арміи? Однако же онъ это сдѣлалъ съ успѣхомъ при Толентино и Леобенѣ, когда онъ спасъ Австрію—онъ самъ это говоритъ—такъ же, какъ спасъ папу и Піэмонтъ.

Роялисты были весьма неблагодарны за всѣ подвиги его въ ихъ пользу и обратились къ нему лишь послѣ того, какъ фруктидоръ разрушилъ всѣ надежды ихъ на побѣду. Онъ однакожъ никогда не останавливался въ своихъ ретроградныхъ планахъ. Въ то время, какъ онъ позволялъ арміи подавать республиканскіе адресы на фруктидора, самъ онъ передавалъ свои дѣйствительныя чувства въ письмѣ къ Талейрану (и Сіейсу?) Онъ опровергаетъ теорію трехъ властей Монтескье и прибавляетъ: «Должно существовать лишь двѣ власти, одна—*которая дѣйствуетъ*, другая—которая наблюдаетъ *). Въ дѣй-

*) Переписка, т. III, 417, 19, сент. 1797.

ствительности это значитъ превратить двѣ власти въ одну. Тотъ, кто обладаетъ всѣми средствами къ дѣйствію, не замедлитъ поглотить и другую власть. Онъ говоритъ, что любитъ Сіейса и желалъ бы призвать его въ Италію. Для приманки онъ предлагаетъ тщеславному теоретику составить двѣ конституціи, между прочимъ и конституціи Генуи. Въ этотъ вѣкъ отвлеченной мысли многіе довольствовались словами, вотъ почему онъ подумалъ о Сіейсѣ, отличномъ орудіи, который могъ произвести много шуму. Почему? Онъ былъ самый пустой*).

Бонапарте находясь въ Египтѣ, въ то же время присутствовалъ и въ Парижѣ. Его совѣтники—ученые филантропы давали о немъ отзывъ, какъ о прекрасномъ администраторѣ. Съ другой стороны, путешествіе его къ источникамъ Моисея и къ церкви въ Назаретѣ сдѣлали впечатлѣніе на извѣстную партію, а его заигрыванія съ мусульманами, сочтенныя лишь за баловство, свидѣтельствовали о безпристрастіи политика. Офиціальныя свѣдѣнія были рѣдки, но слухи ежедневно самымъ

---

*) Когда позже онъ совершилъ великое преступленіе руками Сіэса и Барраса, онъ взвелъ на нихъ обоихъ обвиненія очень мало вѣроятныя, но которымъ повѣрилъ весь свѣтъ. Онъ распустилъ слухъ, будто Баррасъ призывалъ *Бурбоновъ*, предлагалъ престолъ претенденту. Если такъ, то значитъ, что тотъ былъ совершеннымъ дуракомъ и не зналъ ничего о положеніи дѣлъ. Значитъ Баррасъ сталъ тогда нулемъ, утратилъ всякій кредитъ. Сверхъ того это значитъ, что Баррасъ былъ очень безразсуденъ: какъ цареубійца онъ долженъ былъ помнить до какой степени Карно, тоже цареубійца считалъ невозможнымъ довѣриться роялистамъ въ фруктидорѣ. Баррасъ долженъ былъ опасаться *Маратовъ роялизма* какъ Дантрэгъ самъ называлъ себя, и вспомнить угрожающее слово де Местра: „Король проститъ, но парламентъ долженъ исполнить правосудіе“. Въ отношеніе Сіэса выдумка была болѣе нелѣпа и очень мало правдоподобна. Бонапарте увѣрялъ, будто Сіэсъ, который однако былъ не совсѣмъ глупымъ человѣкомъ, въ бытность свою посломъ въ Берлинѣ, предлагалъ престолъ — которымъ онъ конечно располагалъ! — престолъ Франціи и кому же? Человѣку наиболѣе ненавидимому французами, герцогу Брауншвейгскому, автору знаменитаго манифеста, который заставилъ всю Францію взяться за оружіе.

выгоднымъ образомъ истолковывались его братьями и Жозефиною республиканцамъ и роялистамъ. Лживыя извѣстія его о покореніи Сиріи, о мнимомъ разрушеніи Сенъ-Жанъ-д'Акра, преувеличеніе его небольшой побѣды при Абукирѣ—всему этому жадно внимали, придавали вѣру и распространяли какъ офиціальныя извѣстія. Такимъ образомъ онъ, при своемъ возвращеніи, встрѣтилъ повсюду энтузіазмъ; въ Парижѣ его привѣтствовали генералы, озабоченные, завидовавшіе громаднымъ успѣхамъ Массены, который могъ возвратить власть настоящимъ республиканцамъ и заставить честолюбцевъ отложить свои надежды на неопредѣленное время.

Баррасъ и Сіейсъ не довѣряли Бонапарте и ему было не легко привлечь ихъ на свою сторону. Журданъ, кажется, былъ еще все боленъ. Бернадотъ, хотя и зять Іосифа, предпочелъ сохранить нейтральное положеніе. Но всѣ остальные были за Бонапарте. Ожеро, не смѣя отказаться, совѣтовалъ по крайней мѣрѣ медлить; Бонапарте сказалъ: «Вино раскупорено, надо его пить». Нерѣшительный Моро до того опустился, что взялъ на себя самую унизительную роль—быть тюремщикомъ патріотовъ, членовъ директоріи Гойе, Мулена. Что касается

Одно только вѣрно, что послѣ движенія военной партіи, уже бонапартистской и изгнавшей Ревельера, Сіэсъ предложилъ ту безгласную конституцію, которую онъ носилъ въ головѣ. То было съ одной стороны собраніе, которое не обсуждало, но предлагало законы; съ другой—сенатъ, который безъ преній, судилъ о нарушеніяхъ конституціи. Два безгласныхъ учрежденія, двѣ тѣни. Бонапартисты насмѣялись надъ этими тѣнями и взяли на себя облечь ихъ въ плоть. Послѣ брюмера, Бонапарте, видя Сіэса упавшаго въ грязь и всѣми отвергнутаго; роялистами, какъ священникъ - заговорщикъ, революціонерами — какъ измѣнникъ и поллый интриганъ, становится ему на плечи и такъ еще болѣе изо всѣхъ силъ топитъ его въ грязи. Онъ намекаетъ, что этотъ человѣкъ, такъ осторожный и робкій, не побоялся сдѣлать передъ нимъ унизительное дѣло, засунуть руки въ комодъ и потомъ набить себѣ карманы золотомъ, въ то время, какъ Бонапарте стоялъ къ нему спиною и дѣлалъ видъ, будто ничего не замѣчаетъ. Онъ распустилъ этотъ слухъ черезъ хвастуна Мюрата.

Барраса, то онъ убѣжалъ къ себѣ въ деревню *)· Между тѣмъ на стѣнахъ появлялись самые уморительныя прокламаціи, которыя заявляли, что Парижъ находился въ неминуемой опасности вслѣдствіе громаднаго заговора якобинцевъ. Если это была правда, то слѣдовало спѣшить. Но вышло на оборотъ. Ни одна революція не тянулась никогда такъ долго.

Самое лучшее описаніе 18-го брюмера, это записки члена директоріи Гойе, которыя продолжаетъ банкиръ Колло, бонапартистъ, не опровергающій однако показаній перваго. По прибытіи Бонапарте банкъ раздѣлился. Увраръ со своею Тальеншею, которую ему уступилъ Баррасъ, остались на сторонѣ послѣдняго. Колло, котораго я зналъ, бывшій поставщикъ итальянской арміи, большой другъ Жозефины, защищалъ послѣднюю, насколько могъ, передъ ея мужемъ, имѣвшаго намѣреніе развестись съ нею; онъ сблизился снова съ Бонапарте, отъ котораго прежде отдалился и, такъ сказать, жилъ въ улицѣ Шантеренъ до самого 18-го брюмера. Онъ доставлялъ необходимыя суммы, видѣлъ все и прекрасно зналъ куда шли его деньги. Разсказъ его прекрасенъ. Бурьенъ, которому онъ передалъ все такъ же, какъ и другимъ личностямъ, вставилъ этотъ разсказъ (что весьма странно) послѣ битвы при Маренго. Въ заговорѣ особенной тонкости не замѣчалось, но былъ простой подкупъ. Деньги, которыя доставлялъ Колло, послужили сначала для подкупа одного корсикансканскаго полковника Себастіани, который находился въ Парижѣ съ полкомъ драгуновъ; затѣмъ подкупили Жюбе — на-

*) Баррасъ обѣщалъ оправдать себя въ нѣсколькихъ пунктахъ обвиненія, и обѣщалъ еще разъ, 20 іюня 1819 г. Товарищъ его Гойе (т. II, 326) желалъ чтобы онъ представилъ оправданіе свое. Будемъ надѣяться, что рукописныя записки Барраса будутъ наконецъ напечатаны и что фамилія Сенъ-Альбанъ, которой онѣ принадлежатъ рѣшится наконецъ издать ихъ.

чальника войска директоріи. Такимъ образомъ, всѣ пять членовъ директоріи, сами того не замѣчая, уже напередъ были захвачены въ плѣнъ. Все было отлично предусмотрѣно до такой степени, что 15-го брюмера Бонапарте сказалъ Колло: «Купите загородный домъ въ Сенъ-Клу», гдѣ онъ хотѣлъ вмѣстѣ съ нимъ поужинать 19-го брюмера, чтобы отпраздновать побѣду этого дня.

Боялись, чтобы Бонапарте, не привыкшій къ собраніямъ, не сконфузился передъ двумя совѣтами. Его братъ Люсьенъ, сперва инспекторъ зала, потомъ президентъ совѣта пятисотъ, распорядился напечатать билеты, чтобы созвать въ собраніе только тѣхъ, кого желали, а всѣхъ прочихъ исключить. Это посовѣтывалъ министръ полиціи Фуше. Но Наполеонъ опасался, чтобы не обвинили его въ трусости передъ этимъ совѣтомъ адвокатовъ. Совѣтъ старѣйшихъ *) былъ уже почти покоренъ; они назначили его начальникомъ военныхъ силъ Парижа и постановили, изъ опасенія тѣхъ слуховъ, которые ходили о заговорѣ, чтобы оба совѣта на другой день послѣ 19-го брюмера были переведены въ Сенъ-Клу. Въ Сенъ-Клу дѣло рѣшилось однимъ письмомъ, которое оглушило всѣхъ точно громомъ. Секретарь директоріи писалъ совѣтамъ, что директорія не существуетъ, что изъ числа пяти, четыре члена директоріи подали въ отставку (Гойе, I томъ 277). Бонапарте самъ подтвердилъ эту ложь, подкрѣпляя ее совершенно ненужными и потѣшными угрозами, говоря, что если будутъ обвинять его, то онъ прибѣгнетъ къ помощи своихъ товарищей. «Подумайте, сказалъ онъ: что со мною идетъ Богъ счастія и Богъ войны». И онъ указалъ на окно, изъ котораго видны были на дворѣ мохнатыя шапки его гренадеровъ.

*) Т. е. депутаты прежнихъ выборовъ, не выбывшіе при послѣднихъ.
Прим. перев.

Онъ долженъ бы былъ приберечь это прекрасное краснорѣчіе для совѣта пятисотъ, гдѣ шла настоящая борьба. Ему представили, что все произойдетъ очень легко, такъ что онъ думалъ, что совѣтъ пятисотъ уступитъ при одномъ видѣ солдатъ. Онъ явился на совѣтъ, въ сопровожденіи гренадеровъ своихъ, которые слѣдовали за нимъ по три въ рядъ, какъ это разсказываетъ Колло. Но время стояло уже холодное 10 ноября, и въ большой залѣ бывшей оранжереи были затоплены печи. Передъ дверью построили небольшую переднюю изъ шпалеръ. Туда набились любопытные посмотрѣть, какъ пройдетъ Бонапарте; солдаты не могли за нимъ послѣдовать. Когда онъ увидѣлъ, что съ нимъ находится всего два три солдата, онъ попятился и вышелъ.

«Если бы хоть одинъ депутатъ», прибавляетъ Колло: «схватилъ бы Бонапарте, то партія его не была достаточно сильна, чтобы спасти его. И если бы, минуту спустя, его окровавленную голову показали съ балкона и назвали бы его измѣнникомъ, то солдаты ничего бы не сказали и не стали бы мстить. Но полчаса были потеряны въ напрасныхъ крикахъ и взаимныхъ оскорбленіяхъ». Два искреннихъ человѣка, Дону и Дюпонъ Де-Л'Еръ, говорятъ, что они никогда не видѣли такого растеряннаго, блѣднаго человѣка, такъ заикавшагося отъ страха. Опрошенный относительно заговора, о которомъ онъ донесъ и разблаговѣстилъ съ такимъ шумомъ, онъ не могъ ничего отвѣтить, развѣ только то, что Баррасъ и Муленъ предложили ему низвергнуть существующее правительство. Дѣло не подвигалось впередъ; когда нѣсколько представителей сходили со своихъ скамей, чтобы осыпать его упреками, то сторонники Бонапарте воспользовались происшедшей толкотней для того, чтобы увѣрить гренадеровъ, будто его хотѣли заколоть кин-

жаломъ и тѣмъ заставили гренадеровъ окружить его. Одному изъ нихъ, какъ спасителю, дали на другой день награду.

Люсьенъ выказалъ себя великимъ актеромъ. Онъ снялъ свою тогу, вышелъ растрепанный къ гренадерамъ и сказалъ этимъ честнымъ людямъ: «Повѣрите ли вы, что они хотятъ, чтобы я убилъ своего брата, чтобы я объявилъ его *внѣ закона?*» Простякамъ это показалось чудовищнымъ... Чтобы покончить комедію эту, которая выводила всѣхъ изъ терпѣнія, Люсьенъ увлекъ своего брата и оба сѣли верхомъ. Однако Бонапарте не переставалъ трусить и не смѣлъ ни на что рѣшиться, боясь конечно, что солдаты будутъ плохо слушаться его. Увидѣвъ карету Сіейса, которая стояла вдалекѣ, внѣ этой сумятицы, онъ подошелъ къ ней: «Что дѣлать?» Сіейсъ храбро отвѣтилъ: «Они объявляютъ *васъ* внѣ закона, объявите ихъ *сами* внѣ закона». Тогда рискнули дать Мюрату и гренадерамъ приказъ выгнать собраніе изъ зала. Говорятъ, будто Люсьенъ сказалъ солдатамъ: «Изгоните представителей кинжала». Они бросились въ залу; она находилась въ нижнемъ этажѣ; депутаты выскочили изъ оконъ.

Колло одинъ передаетъ окончаніе этого грустнаго событія. «Было довольно трудно образовать новое собраніе. Созвали приблизительно около 80 депутатовъ изъ того и другаго совѣта. Я помню тревогу Бонапарте во все это время. Ему было необходимо присутствіе Талейрана, который не переставалъ ободрять его. Въ десять часовъ онъ пожелалъ, чтобы открыли засѣданіе. Я присутствовалъ на немъ; какое ужасное зрѣлище представляло это ночное засѣданіе въ залѣ, которая только что была осквернена!... Пока я буду живъ, я не забуду видъ оранжереи и мрачность сцены, которая въ ней разыгралась. Какъ она была молчалива! Какъ угрюмы были тѣ, которые пришли на засѣданіе!... Представьте себѣ длинное,

широкое гумно, наполненное опрокинутыми скамейками, по серединѣ у пустой стѣны прислонена каѳедра; подъ каѳедрой немного впереди поставленъ столъ и два стула. На столѣ двѣ свѣчи и двѣ свѣчи на каѳедрѣ; ни лампъ, ни люстры, никакого другаго свѣта, въ этихъ мрачныхъ длинныхъ стѣнахъ· «Видите вы на каѳедрѣ блѣдную фигуру Люсьена, читающаго новую конституцію *), а у стола двое депутатовъ записываютъ протоколъ? Напротивъ, небольшое пространство занято группой представителей, равнодушныхъ ко всему, что имъ читаютъ. Большинство лежало на трехъ скамейкахъ, изъ которыхъ одна служила ложемъ, другая—изголовьемъ, третья — подножьемъ. Среди нихъ, въ такомъ же безпорядкѣ, простые слушатели. Позади нихъ можно замѣтить нѣсколько лакеевъ, искавшихъ спасенія отъ холода и дрожавшихъ въ ожиданіи своихъ господъ.

«Вотъ каково было то почтенное собраніе, которое дало Франціи новое управленіе».

---

*) Ко всему налганному имъ Люсьенъ прибавилъ еще новую ложь: «Черезъ три мѣсяца совѣты и комиссіи ваши отдадутъ вамъ отчетъ... И народъ будетъ судить съумѣли ли они выполнить ввѣренную имъ миссію». Гойе I, 343.

ПРИЛОЖЕНІЕ

Грэнвиль.

Поэма послѣдняго человѣка *).

Я находился въ Сиріи, не далеко отъ развалинъ Пальмиры, тамъ гдѣ разверзается громадная пещера. Каждый, кто въ нее входилъ, не возвращался болѣе. Наши храбрые воины египетской арміи пытались войти въ нее; но ни одинъ изъ нихъ не вернулся.

И я тоже, не смотря на это, осмѣлился идти по слѣдамъ ихъ. Послѣ долгаго блужданія среди ужасовъ мрака, я имѣлъ, наконецъ, счастіе увидѣть чистый свѣтъ. Я очутился какъ бы посреди амфитеатра, сложеннаго изъ скалъ, и напротивъ престола или треножника изъ сапфира. Голосъ, раздавшійся съ треножника поразилъ мой слухъ: «Не бойся ничего; я призвалъ тебя... Я духъ будущаго, отецъ вѣщихъ

*) Мишле приложилъ къ своей Исторіи Бонапарте сокращенное изложеніе поэмы Грэнвиля. Это мрачная фантазія, которая, какъ и поэма Байрона о послѣднемъ человѣкѣ, могла быть создана только въ страшную кровавую эпоху, въ которую Бонапарте предписывалъ законы міру. О самомъ Грэнвилѣ и поэмѣ его Мишле говоритъ въ III томѣ «Исторіи Бонапарте», который переводится и не замедлитъ появиться въ свѣтъ.

сновидѣній и предчувствій. Я начинаю воздавать справедливость и добрымъ и злымъ, дѣлая ихъ пророками собственной участи ихъ. Въ волшебныхъ зеркалахъ, которыя ты видишь около меня, передъ тобою появятся вмѣстѣ и первый и послѣдній человѣкъ. У послѣдняго не будетъ потомства, некому будетъ знать и благословлять его; я хочу чтобы онъ жилъ въ памяти людей еще до рожденія своего, чтобы люди прославляли борьбу его и побѣду надъ самимъ собой. Твоимъ дѣломъ будетъ повѣдать имъ о мукахъ, какія онъ вынесетъ ради того, чтобы положить конецъ бѣдствіямъ рода человѣческаго, чтобы помочь ему умереть, покончить царство времени и ускорить время вѣчныхъ наградъ».

Между тѣмъ появился островъ, ужасающій островъ, близь самыхъ воротъ ада. На немъ обитаетъ только одинъ старикъ несчастный Адамъ, отецъ всѣхъ людей, который за неповиновеніе своей обреченъ видѣть непрестанно, какъ падаютъ въ адъ сыны его, погубленные его виною. Къ нему сходитъ ангелъ, тотъ самый ангелъ, который нѣкогда, подъ кущами эдема, приносилъ ему велѣнія отъ Господа, Ангелъ приводитъ Адама на землю. Богъ послалъ ему тяжелую миссію— убѣдить послѣдняго человѣка избавить міръ отъ жизни, обрѣзать нить, которая еще привязываетъ его къ ней, священную нить... любовь!

Адамъ ужасается, скорбитъ... О, какъ опечаленъ онъ видя землю такою, какою сдѣлало ее время. Какъ сынъ который, разлученный отъ матери еще молодой и возвратившійся послѣ долгаго отсутствія плачетъ, увидѣвъ ее измѣнившуюся съ лицомъ изборожденнымъ морщинами, такъ Адамъ увидѣлъ землю и застоналъ: «Я покинулъ тебя прекрасною, а теперь ты одна развалина! Солнце само устарѣло, чело его блѣдно, и я могу выносить взглядъ его...».

Однако онъ идетъ впередъ. Онъ видитъ, какъ изъ пустыннаго города и изъ пустыннаго дворца на встрѣчу ему выходитъ послѣдній человѣкъ и жена его, прелестная Сидерія. Милый и послѣдній цвѣтокъ человѣчества, такъ скоро исчезнувшаго! Чета встрѣчаетъ Адама съ трогательною радостью, какъ гостя, какъ отца, какъ человѣка; послѣднее названіе такъ велико среди всемірной пустыни. «Мы были такъ устрашены, говорили они; грозное предвѣстіе наполняло насъ ужасомъ... Мы искали утѣшителя. Ты явился... Научи насъ умилостивить небо».

Адамъ умилился. Въ Сидеріи онъ увидѣлъ Еву и все что онъ любилъ. Вотъ ея прекрасные русые волосы и ея прелесть, ея милое обаяніе и восхитительное цѣломудріе.

Онъ вопрошаетъ ихъ, онъ узнаетъ изъ устъ ихъ всю исторію судебъ ихъ. Они согрѣшили, послѣдній человѣкъ сознается въ томъ почтенному маститому праотцу; вина ихъ въ томъ, что они любили вопреки велѣніямъ Бога и продолжали жизнь міра долѣе, нежели то опредѣлили судьбы Божіи.

«Мой отецъ, говорилъ послѣдній человѣкъ, былъ царемъ, какъ и праотцы его, и вскорѣ сталъ царемъ безъ подданныхъ; уже за двадцать лѣтъ до моего рожденія браки стали безплодны. Мое рожденіе было чудомъ, принесшимъ радость всѣмъ людямъ. Отецъ взялъ меня на руки и вскричалъ: «Человѣческій родъ еще живетъ... О Боже мой, сохрани мнѣ этого ребенка!...». Женщины пришли съ конца свѣта для того, чтобы въ восторгахъ радости прикоснуться къ тому, кого они привѣтствовали этимъ именемъ: Человѣкъ—ребенокъ!

«Радость эта продолжалась недолго. Вскорѣ я остался одинъ. Все вымерло вокругъ меня. Я похоронилъ своими руками отца и мать. Одинъ я обиталъ въ обширномъ жилищѣ

этомъ. Въ одинъ день, терзаемый желаньемъ излить свое сердце, сообщить свои мысли, я покинулъ его и пошелъ въ міръ искать остались ли еще въ немъ люди.

«Однажды во время странствованія моего, передо мною явился необычайный образъ и остановилъ меня, то былъ мрачный геній, мрачный духъ, дышавшій огнемъ и жившій въ огнѣ, вмѣстѣ человѣкъ и движущійся волканъ; слезы катились изъ глазъ его; но огонь пожиралъ слезы. Я Геній Земли, сказалъ онъ, и земля умретъ. Господь сказалъ мнѣ это въ день созданія: «*Люди живутъ не долго, но они возрождаются*, такъ сказалъ мнѣ тогда Творецъ: *ты самъ будешь жить долго, но смерть будетъ вѣчной*; *она настанетъ въ тотъ день, когда человѣкъ лишится плодородія*». День этотъ насталъ; на землѣ есть только одна женщина, которая можетъ быть родоначальницей человѣковъ. Ищи ее, найди ее... Спасай себя, спасай насъ!». Геній указалъ мнѣ руководителя, мудреца Идамаса. Мудрецъ этотъ, обладавшій всѣмъ знаніемъ міра, прочелъ мнѣ въ божественныхъ лѣтописяхъ о томъ, какъ злосчастная земля была истощена дѣтьми своими. Они выжали изъ нѣдръ ея послѣдніе жизненные соки. Сами они наслаждались безъ мѣры, тратили безъ мѣры силы свои и истощились. Идамасъ проливалъ обильныя слезы объ истощеніи міра и разслабленіи человѣческаго рода: «Ужасный день, говорилъ онъ, когда мы увидѣли луну, такъ страшно огромную и кровавую, спускающуюся надъ нами, она была сожжена волканомъ!... Такъ мы утратили ее. Теперь во вѣки будутъ напрасно искать на небѣ кроткое свѣтило ночей».

Адамъ прервалъ его на этомъ словѣ: «Какъ, сынъ мой, мы не увидимъ болѣе луну?... О какъ я любилъ тихій свѣтъ ея. Неужели мнѣ пришлось оплакать ее, пережить ее?».

Послѣдній человѣкъ продолжалъ: «Напрасно сверхъ - человѣческій геній пытался бороться съ безплодіемъ вымирающей планеты. Открыли рѣкамъ новыя русла и прошли плугомъ по плодоносному илу прежняго русла ихъ. Но къ чему? Если бы земля и стала плодородной, то люди сами стали безплодными. Болѣе—они становились варварами. Одичалые отъ голода, они смотрѣли другъ на друга взглядомъ враговъ. Многіе, какъ мнѣ говорили, составили гнусный заговоръ погубить половину человѣческаго рода для спасенія другой.

Идамасъ съ друзьями своими подняли меня на воздушномъ кораблѣ, перенесли черезъ моря и поставили на землю, хранившую для меня счастливую супругу, лоно которой должно было создать новое человѣчество. Человѣческій родъ нашелъ убѣжище у береговъ Бразиліи, въ тѣхъ жаркихъ земляхъ, которыя однѣ хранили еще искры жизни. Городъ Солнца, куда мы сошли съ корабля, былъ богатъ и пышенъ, богатъ золотомъ, бѣденъ людьми; то была великолѣпная пустыня. Надъ нею носился ужасъ голодной смерти; варварскій законъ каралъ смертью чужеземца, дерзнувшаго искать въ ней пріюта. Съ трудомъ пощаженные отъ смерти, мы повѣдали о цѣли поисковъ нашихъ—о благодѣтельномъ бракѣ, который былъ бы спасеніемъ всему міру.

«Царь страны приказалъ привести ко мнѣ всѣхъ дѣвъ Америки для выбора въ супруги. Онѣ были прекрасны, бѣлы, какъ снѣга горъ ихъ; имъ недоставало только одного—жизни. Только одна носила въ себѣ огонь, страсть; дыханіе ея было часто, прерывисто; изъ подъ длинныхъ опущенныхъ рѣсницъ ея вырывались искры, а изъ груди, помимо воли ея, вздохи.

«Сидерія—дочь непокоренной еще расы. Отецъ ея былъ послѣднимъ изъ дикарей сѣвера, которые всегда пренебрегали

городами и до конца своего предпочитали имъ лѣса и свободу.

«Наше счастье было полно. Призвали старца первосвященника благословить союзъ нашъ. Имя ему было Ормусъ; онъ пришелъ, но печальный, полный скорби. Онъ самъ долго размышлялъ о судьбахъ человѣческихъ и испытывалъ всѣ оживляющія средства, которыя могли воскресить міръ. Побѣжденный природою, онъ утратилъ послѣднюю надежду. Нашъ бракъ казался ему самымъ зловѣщимъ бѣдствіемъ: «Роковой союзъ», сказалъ онъ намъ: «Тотъ день, когда послѣдній потомокъ царственныхъ родовъ возьметъ въ жены юную американку, міръ будетъ близокъ къ концу своему. Если я ошибаюсь, если судьба постановитъ иначе, то Богъ дастъ намъ знаменіе; Онъ допуститъ прозябнуть сѣменамъ, которыя я посѣялъ на землѣ!

«Съ какимъ нетерпѣніемъ вспахали борозду!... Но Земля и сама принимала живое участіе въ союзѣ, который долженъ былъ продлить жизнь ея еще на нѣсколько мгновеній. Увидѣли съ изумленіемъ, что она приняла сѣмена и произрастила ихъ. Всѣ бросались въ объятія другъ друга и съ слезами, цѣловали другъ друга! «Природа не умерла она оживаетъ для насъ и мы живемъ!».

«Первосвященникъ не сопротивлялся болѣе; онъ повиновался но безъ убѣжденія. Онъ благословилъ нашъ союзъ. «Если онъ долженъ быть пагубнымъ, говорилъ онъ, да поразитъ меня Господь Богъ и предостережетъ васъ моею смертью!» Онъ сказалъ и упалъ пораженный на ступени алтаря. «О горе, горе! говорилъ онъ, если этотъ союзъ совершится!... Отъ него родится проклятый родъ, который сожретъ самъ себя и не будетъ знать другаго Бога кромѣ голода!».

«Всѣ ужаснулись и насъ разлучили. Многіе составили замыселъ убить въ эту же ночь несчастныхъ новобрачныхъ, которые рано или поздно могли соединиться. Мы бы погибли, еслибы отецъ Сидеріи не охранилъ жизнь нашу, не соединилъ насъ и не отправилъ насъ обоихъ на летучемъ корабле, который понесъ насъ по воздуху».

Когда послѣдній человѣкъ дошелъ до этого мѣста разсказа своего, тогда Сидерія, опасаясь продолженія простодушной исповѣди его, встала, краснѣя и воспользовалась первымъ предлогомъ для того, чтобы удалиться отъ супруга.

И онъ на самомъ дѣлѣ разсказалъ старцу безъ утайки какъ новобрачная отказывалась жить съ нимъ въ бракѣ, какъ она отталкивала любовь, жившую въ ея сердцѣ.

«Она поклялась отцу своему что союзъ нашъ останется братскимъ, что она скорѣе лишитъ себя жизни, нежели принесетъ бѣдствіе міру, продливъ существованіе его вопреки велѣнію Бога. Она любила и отталкивала, жестоко раздираемая любовью и горестью. Обманъ побѣдилъ ее. Геній Земли явился къ ней, принявъ черты отца ея, и повелѣлъ ей быть женой. Онъ вызвалъ передъ глазами ея видѣніе сладостное и трогательное, Еву только что вышедшую изъ дѣтства и уже поглощенную счастіемъ кормить сына, прижимающую ребенка своего къ груди, у которой онъ пьетъ жизнь. Сидерія не сопротивлялась болѣе и послѣдній человѣкъ сталъ мужемъ ея».

Послѣдній человѣкъ окончилъ свой разсказъ. Онъ сознался Адаму, что въ эту минуту такъ сладостную и такъ торжественную, земля снова зацвѣла надеждой; но, увы! солнце поблѣднѣло, а небо побраговѣло отъ кровавыхъ пятенъ.

Тогда началась трудная и жестокая миссія Адама; но того хотѣлъ Богъ. Тотъ, кто былъ родоначальникомъ рода человѣческаго, долженъ испить послѣднюю каплю чаши стра-

давія положить конецъ роду, истребить любовь съ земли, совершить разводъ и послѣднюю разлуку, произнести прощаніе на смерть...

Это были слова Адама послѣднему человѣку, или вѣрнѣе то были слова самого Господа: «Бѣги, сынъ мой, бѣги отъ женщины этой, такъ любимой, бѣги на вѣки... Трепещи участи быть отцомъ проклятаго рода, страшись породить чудовищъ!».

Несчастный при этихъ словахъ поблѣднѣлъ и отшатнулся. «О мой отецъ, сказалъ онъ ты и самъ захотѣлъ погубить себя съ матерью рода человѣческаго... Я сдѣлаю какъ ты!» Горесть его была такъ велика, такъ истинна, такъ потрясающа, что Адамъ плакалъ съ нимъ. Первый и послѣдній человѣкъ смѣшали слезы свои въ нѣжномъ объятіи.

«Будь освободителемъ міра, о сынъ мой, будь благодѣтелемъ его! Не продолжай бѣдствій его! Дай міру кончиться. Твои отцы ожидаютъ въ могилѣ, что по смерти міра прахъ ихъ оживетъ, кости ихъ встанутъ и родъ человѣческій воскреснетъ съ тысячью благословеній тебѣ.

«Ты колеблешься... Ахъ! я чувствую что мученіе мое возобновляется. Я вижу въ безплодной пустынѣ, подъ сумрачнымъ небомъ послѣднихъ сыновъ человѣческихъ, я вижу ихъ, отвратительныхъ и жестокихъ сидящихъ за гнусной трапезой, рвущихъ другъ у друга члены братьевъ своихъ, кровавые лоскутья мяса ихъ».

Онъ кончилъ рѣчь свою. Послѣдній человѣкъ тоже видѣлъ ихъ, эти ужасные образы! Онъ не противился болѣе: «Мой отецъ, пусть покрайпей мѣрѣ Сидерія не проклинаетъ меня! Пусть она знаетъ, что мужъ измѣнилъ ей противъ воли, пусть она узнаетъ мою невинность!»

Несчастный поставилъ на дорогѣ алтарь и вырѣзалъ на немъ надпись, которую Сидерія должна была прочесть, отыскивая слѣды его: «Я не былъ виновенъ» *).

Онъ угадалъ навѣрно. Несчастная, покинутая жена, видя что онъ не возвращался, въ изступленіи отчаянія, убѣжала изъ дворца. Она шла, она блуждала, ища на пескѣ слѣдовъ ногъ его; она хотѣла слѣдовать за нимъ, искать его по всей землѣ. А между тѣмъ свѣтъ погасалъ въ самый полдень и мало по малу наступалъ густой сумракъ. Она шла ощупью, стеная; ноги ея были изранены отъ камней на пути. Земля, потрясаемая по временамъ, раскалывалась огромными трещинами; мощныя деревья падали, памятники рушились... Она шла по прежнему съ развѣвавшимися волосами, бія себя въ грудь.

Чьи это жалобы раздаются изъ пещеръ? Чьи это голосв со стономъ разносятся въ воздухѣ? Животныя съ воемъ разбѣгаются. Они мчатся и падаютъ въ пропасти. Колокола звонятъ сами собой, можно сказать, что они бьютъ послѣдній часъ человѣческаго рода... О, какъ море мрачно посинѣло! Безъ бури, оно волнуется, реветъ, катитъ валы и извергаетъ трупы; оно отдаетъ назадъ тѣхъ, которые въ продолженіи всѣхъ вѣковъ были поглощены въ пучинѣ его. Земля

*) Въ описаніи бѣгства послѣдняго человѣка, есть превосходная страница: онъ проходитъ тамъ, гдѣ нѣкогда стоялъ Парижъ. Городъ не существуетъ болѣе, всѣ памятники его разрушены, только одинъ остался—посвященный Бонапарте. Люди съ четырехъ концовъ свѣта вписали на немъ благодѣянія Бонапарте, или вѣрнѣе надежды, которыя онъ подавалъ въ брюмерѣ, когда Люсьенъ представилъ его, какъ правителя, который черезъ три мѣсяца сдастъ отчетъ, или какъ врача, который исцѣлитъ Францію. Отсюда и появилась прекрасная картина живописца Гро, въ которой Бонапарте изображенъ, прикасающійся къ ранамъ зачумленныхъ въ Яффѣ. Это было причиной мимолетнаго заблужденія, многихъ философовъ, патріотовъ: Шенье, Гара, Кабаниса, Дону, Грэнвиля и другихъ.

волнуется такъ же, какъ и море, она трещитъ, разверзается какъ волканъ, и изъ зіяющихъ пропастей извергаетъ прахъ, который нѣкогда жилъ, останки людей... О страшный видъ! Изверженіе мертвыхъ тѣлъ!...

Трепещущая отъ ужаса Сидерія по прежнему искала своего мужа. Дождь пепла, падавшій повсюду, еще болѣе усиливалъ мракъ. Она проходила, различая съ трудомъ необозримыя поля развалинъ; то были исчезнувшіе города. Парижъ даже былъ грудою развалинъ.

Но вотъ блистаетъ вдали слабый свѣтъ изъ оконъ жилища, которое еще уцѣлѣло. «Не онъ ли это?» Она бѣжитъ, она кричитъ, по крайнѣй мѣрѣ, хочетъ кричать. Голосъ измѣняетъ ей. Тяжелый, сгущенный, полный страшныхъ звуковъ воздухъ не передаетъ болѣе голоса. Старикъ и жена его сидѣли въ этомъ домѣ, испуганные и трепещущіе отъ разрушенія всей природы. «Не открывай!... Это души мертвецовъ», сказала женщина въ испугѣ.

Бѣдная Сидерія, онѣмѣвъ и видя, что надежды ея еще разъ обмануты, убѣжала, поднявъ руки къ небу... Смертельный холодъ охватилъ ее, она думала, что умираетъ. Она вошла въ храмъ и, изнемогая, упала на ступени алтаря. Тамъ Богъ сжалился надъ ней. Онъ послалъ ей сонъ, спокойствіе и сновидѣніе. Онъ показалъ ей свой адъ, торжество праведныхъ, красоту новой жизни, божественно преображенной. Она видитъ себя летящей по воздуху, поднимающейся къ Богу, счастливой тѣмъ, что будетъ жить близь своего мужа. Она пробудилась спокойная, покорная и готовая на смерть.

Церковные часы, теперь единственные въ мірѣ, пробили послѣдній часъ міру. Солнце покрылось черной пеленой. Побѣдоносная Ночь захватываетъ все небо. Она изрекла эти

слова полчищамъ мрака: «Все кончено, исчезла гордая власть свѣтила дня! Онъ палъ, тиранъ... Вспомните, о, дщери вѣчности, то время, когда мы царили вмѣстѣ надъ пустотою и хаосомъ... Время это возвращается. Блѣдность уже покрыла ликъ солнца. Придите, покончимъ врага». Она умолкла и, чуждая страха и уваженія къ послѣднимъ минутамъ умиравшаго Дня, однимъ взмахомъ пронеслась съ небесъ на землю.

Ужасъ Генія Земли былъ безмѣренъ. Изверженіе остатковъ человѣчества говорило ему о его собственномъ концѣ. Онъ покинулъ нѣдра земли, гдѣ день и ночь среди пламени онъ такъ долго работалъ, подготовлялъ и выпускалъ жизнь. Онъ пошелъ къ Смерти:

«Что, сказалъ онъ, кончено ли? Скончалась ли послѣдняя человѣческая чета? Подумалъ ли ты о томъ, о духъ Смерти, что жена носила подъ сердцемъ своимъ залогъ потомства? Будешь ли ты врагомъ до того жестокимъ, что убьешь надежду смертныхъ, которые принадлежатъ тебѣ?».

«Ты похожъ, сказала Смерть, качая головой, на тѣхъ дряхлыхъ стариковъ, которые и въ тотъ мигъ, когда коса моя занесена надъ ними, еще надѣются прожить долгіе годы. Видишь ли ты землю? Все кончается и я сама уже не то, чѣмъ я была; я едва узнаю себя. Я медленно прохожу по всѣмъ поясамъ земли; нѣтъ болѣе жизни, которую бы я могла разить, нѣтъ болѣе крови... Я алчу... Твоя Сидерія, твой послѣдній человѣкъ... Я хочу пощадить ихъ. Я клянусь тебѣ, я не коснусь ихъ пока они любятъ другъ друга, пока въ нихъ горитъ то плодотворное пламя, которое зачинаетъ и создаетъ смертныхъ».

Геній Земли покинулъ Смерть и спустился въ нѣдра земного шара чтобы принесть жертву демонамъ ада. Онъ ввѣрилъ себя имъ, онъ повѣдалъ имъ о грозящей ему гибели

о страхѣ своемъ, и объ ужасѣ при мысли, что онъ исчезнетъ: «Смерть ничто для человѣка, онъ знаетъ, что возродится безсмертнымъ. Но для меня нѣтъ возрожденія. Я не боюсь смерти, я боюсь уничтоженія. О! меня болѣе не будетъ, никогда не будетъ!».

Тщетныя жалобы! Демоны убѣгаютъ отъ него.

«Все кончено, говорятъ они, мы возвращаемся въ адъ».

Смерть, видя, что солнце погасло, подумала, что Геній Земли обманулъ ее. Она не сдержитъ клятву свою. Сидерія сама можетъ умереть. Смерть касается ее, освобождаетъ ее и возвращаетъ Богу. Тогда въ воздухѣ раздается голосъ грозный и мрачный: Человѣческій родъ умеръ!» Природа съ этого часа можетъ умереть и возвратиться къ покою. О жестокая Смерть зачѣмъ поразила ты ее! Сидерія это человѣческій родъ. Въ ней ты убила его всецѣло! Вотъ что я предвидѣлъ съ того дня, какъ погибъ Авель. Я зналъ, что творя убійство за убійствомъ, ты погубишь и послѣдній отпрыскъ несчастнаго человѣчества». Но Смерть отвѣчала ему съ горькой усмѣшкой: «Благодари меня, я благодѣтельница рода человѣческаго. Безъ меня, безъ заботъ моихъ уничтожать опасный родъ этотъ, міръ исчезъ бы еще ранѣе; люди истощили бы землю и ты и теперь уже былъ бы мертвымъ. Ты умрешь».

Геній не ждалъ удара, онъ погрузился въ нѣдра земнаго шара, онъ всталъ на неизмѣримую массу сѣры и смолы, и, держа въ рукѣ факелъ, онъ ждалъ. Смерть приблизилась къ нему. Онъ бросилъ искру. Взрывъ былъ такъ силенъ, что земля отшатнулась и разлетѣлась въ дребезги, взбрасывая до неба Альпы и Пиринеи; но Смерть и среди этого хаоса на-

стигла Генія Земли, который испустилъ духъ. И съ кончиной его мракъ исчезъ. Свѣтъ болѣе тихій чѣмъ лунный, болѣе сіяющій чѣмъ солнечный, но свободный, а не сосредоточенный въ одномъ свѣтилѣ, снова позолотилъ небосклонъ. То была заря вѣчности...

КОНЕЦЪ.

Примѣчаніе: Стр. 3 Герой протестантъ, искавшій по всей Европѣ враговъ Людовику XIV, назывался Марсильи. Онъ былъ одпимъ изъ наиболѣе дѣятельныхъ агентовъ Вильгельма. Рювиньи сынъ арестовалъ его въ Тотонѣ и привезъ въ Парижъ. Марсильи упорно отказывался отвѣчать на допросахъ и въ тюрьмѣ перерѣзалъ себѣ жилы битымъ стекломъ. Это не избавило его отъ казни; онъ былъ, умирающій, колесованъ въ Руанѣ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

КНИГА ПЕРВАЯ.

АНГЛІЯ.

КНИГА ВТОРАЯ.

ИТАЛІЯ.

КНИГА ТРЕТЬЯ.

ФРАНЦІЯ 1796—1797 гг. ДО ФРУКТИДОРА.

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ.

АНГЛІЯ. — ИНДІЯ. — ЕГИПЕТЪ.

КНИГА ПЯТАЯ.

ФРАНЦІЯ. — КОНЕЦЪ ДИРЕКТОРІИ.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

ИСТОРІЯ XIX ВѢКА.

ДО ВАТЕРЛОО.

Мишле.

Томъ III.

ПЕРЕВОДЪ

Ѳ. Поповой и М. Цебриковой.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Въ типографіи Ф. С. Сущинскаго.
Екатерининскій каналъ, 168.

1884.

Ходъ годовъ торопитъ меня кончить работу, а также и упадокъ вѣка, до того быстрый въ послѣднее двадцатилѣтіе, что можно сказать, будто вѣкъ несется въ пропасть. Смотря на Европу, я вижу то тамъ то сямъ нѣкоторыя блестящія исключенія, потому что общая приниженность кажется еще болѣе поднимаетъ черты великаго мужества; такъ рядомъ съ высями понижающіяся вокругъ нихъ равнины и пустыни кажутся еще низменнѣе.

Эта третья часть говоритъ о мірѣ, и болѣе всего о Франціи и Бонапарте, съ 1800 до 1812 года, т. е. о тѣхъ годахъ, которые изнурили вѣкъ при самомъ началѣ его, которые породили вѣковыя вражды и сдѣлали то, что Франція, увлеченная въ предпріятія, бывшія большею частью возмутительными и для нея самой, стала предметомъ общаго недовѣрія.

Я имѣлъ несчастіе родиться и рости въ эту бѣдственную эпоху и я могу сказать, что всегда Франція была только на половину одурачена Бонапарте. Всѣ, слѣдуя глазами за великимъ фокусникомъ въ облакахъ, гдѣ онъ балансировалъ, говорили всегда: «Это кончится дурно» Даже сама великая армія говорила это, слѣдуя

за нимъ изъ военной чести. Францiя, умъ которой подъ властью его казался совершенно уничтоженнымъ, существовала однако внизу. И какъ только исчезъ Бонапарте, то даже подъ глупымъ правительствомъ смѣнившимъ его, она заявила себя съ такими невѣроятными плодовитостью и блескомъ, въ промышленности, искуствѣ и литературѣ *).

---

*) Книга эта составлена отчасти по моимъ собственнымъ воспоминанiямъ; но я могу сказать, что весь свѣтъ сотрудничалъ въ ней, благодаря обязательности друзей моихъ отъ Англiи до Россiи. Я долженъ много благодарить гг. библiотекарей Парижа, Лозанны, Женевы, Тулона и въ особенности библiотеку очень мало извѣстную—польскую библiотеку въ Парижѣ (Иль-сенъ-Луи, набережная Орлеанская 6), которою завѣдуетъ г. Залѣскiй, составитель прекраснаго атласа татарскихъ степей, гдѣ онъ самъ жилъ нѣкоторое время.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Общій взглядъ на вѣкъ и быстрый упадокъ его.

Съ 1800 г. съ самой колыбели этого вѣка я хочу предвидѣть періоды возраста его и даже старость его,—упадокъ такъ очевиденъ-ли въ наши дни. Вѣкъ этотъ—вѣкъ великой работы и замѣчательной изобрѣтательности заслуживалъ быть болѣе крѣпкимъ. Что касается меня, то родившись съ нимъ вмѣстѣ, я тѣмъ болѣе скорблю о томъ, что онъ умираетъ прежде времени. Дѣло идетъ не объ одной Франціи, на мигъ такъ пострадавшей отъ паденія своего и такъ много заслуженнаго паденія цезаризма. Дѣло идетъ о цѣломъ мірѣ, о народахъ наиболѣе процвѣтающихъ и торжествующихъ.

Америка, напримѣръ, на которую мы полагали столько надеждъ и которая недавно еще такъ быстро вышла изъ такой страшной бури, каждый годъ съ радостью встрѣчаетъ приливъ, неизмѣримый потопъ низшихъ классовъ изъ Европы, которые непрестанно понижаютъ уровень ея, понижаютъ ее самою какъ расу. Германія испытала великую и гордую радость, очень естественную: она думала, что завоевала единство свое; но она завоевала его на очень жесткомъ условіи—сжаться

въ прусскомъ уложеніи, исключающемъ все что было экспансивнаго, свободнаго и великаго въ германской натурѣ. Россія, въ работѣ великаго превращенія, выноситъ тяжелыя условія переходнаго состоянія, которыя въ мірѣ природы сопровождаютъ великія метаморфозы, даже наиболѣе благотворныя въ цѣломъ. Англія всѣмъ, кто спрашиваетъ о ней, показываетъ цифру богатствъ своихъ все возрастающихъ, но не возвращающихъ ей молодость. Истощенная въ сельскомъ населеніи своемъ, которое есть жизненный нервъ каждаго народа, она, безъ сомнѣнія, захочетъ, по великой практической мудрости своей, прочныхъ гарантій общей федераціи запада, т. е., міра труда противъ міра войны и хищности.

Впрочемъ этотъ всеобщій упадокъ вѣка мало удивитъ, когда подумаютъ объ обстоятельствахъ, которыя съ рожденія его, казалось, предсказывали ему такъ мало прочности. Въ годъ рожденія его, въ 1800 г. увидѣли двойное страшное чудо. Видѣли-ли вы когда нибудь среди ночи, на желѣзной дорогѣ приближающійся къ вамъ издалека быстрый поѣздъ? Два огромныхъ глаза циклопа, искры ихъ наводятъ страхъ. Это именно то, что видѣли въ 1800. Однимъ глазомъ была грозная великая армія Наполеона, опустошившая Европу и оставившая Францію истощенную, изсохшею.

Да, восклицаютъ люди гуманности; но къ счастью другимъ огненнымъ глазомъ была машина Уатта и великая армія рабочихъ, благодѣтельное орудіе мира и пользы для всѣхъ. Правда орудіе это временно неисчислимыми капиталами своими служитъ войнѣ, служитъ морской тираніи; оно доставляетъ неистощимыя силы войнамъ Европы и Индіи, откуда приходитъ холера (1817) и тысячи бѣдствій. Болѣе это царство машинъ, удивительныхъ какъ средство создавать богатство, притягиваетъ и пожираетъ расы, обезлюдиваетъ деревни.

Намъ возразятъ: другой вѣкъ, восемнадцатый родился не болѣе счастливо. Онъ родился въ войнахъ Людовика XIV и голодѣ 1709, такъ же какъ XIX отъ войнъ и голода революціи. Но это не объясняетъ различіе шаговъ ихъ. Шагъ нашего колеблющійся. О, Боже мой, насколько въ сравненіи съ нимъ восемнадцатый живъ, идетъ ходко, крѣпокъ мышцами. Когда восемнадцатый вѣкъ далъ регентство, Персидскія письма Монтескье, Вольтера, движеніе его просто, онъ поднимается къ свѣту, удаляется отъ мрака среднихъ вѣковъ. Но даже и тогда, когда онъ идетъ въ ширь—энциклопедіею и Дидро—онъ все таки идетъ по тому же направленію; даже расколъ Руссо—расколъ только наружный и ведетъ вѣкъ къ той же цѣли только другимъ путемъ. Все это можетъ быть выражено однимъ словомъ: завоеваніемъ свободы.

Девятнадцатый вѣкъ—богатый и широко захватывающій вѣкъ, но онъ тяжелъ на ходу и обращаетъ взглядъ свой на фатальность. Отцы наши, хорошіе ходоки, могли иногда пройти по грязи, но тѣмъ не менѣе они поднимались, цѣпляясь за все, за страсти свои, даже за пороки и постоянно смотрѣли вверхъ. Наши напротивъ: на что направили они страсти свои? Они всегда мрачно смотрятъ внизъ, на темныя мѣста, на матеріальное, на низкую алчность.

Девятнадцатый вѣкъ, еще передъ рожденіемъ своимъ былъ уже раздвоенъ, надорванъ внутреннею борьбою среди внѣшней борьбы противъ Европы. Помѣсь христіанства, скопированная съ идей Руссо могла гильотинировать Дантона и партію природы, природа все таки осталась силой девятнадцатаго вѣка, во всѣхъ научныхъ школахъ и въ массѣ народа. Правители всѣ пристали къ противуположному тезису. И такъ вѣкъ этотъ былъ метисомъ; онъ влачилъ за собою толстый

нелѣпый хвостъ, армію животныхъ, которыя могутъ ходить только на четверенькахъ.

Школы, которыя съ различныхъ точекъ зрѣнія говорили болѣе всего о природѣ, какъ натуралисты Германіи, а здѣсь наши соціалисты, слишкомъ часто забывали, что въ природѣ наивысшее есть свобода. Неблагодарные сыны, они хвалились что рѣшительнымъ прыжкомъ въ сторону уйдутъ отъ героическаго отца своего, восемнадцатаго вѣка.

Бонапарте умеръ. Отъ желѣзнаго вѣка родился денежный вѣкъ вслѣдствіе займовъ сдѣланныхъ даже во времена мира, для армій, и для всего прочаго. Умный еврей, Олинъ-де-Родригъ, во имя Сенъ Симона написалъ евангеліе этой новой религіи. Евреи, которые до этой минуты составляли республику, учредили свое двойное королевство. Нѣмецкіе евреи, а позже евреи юга создали два резервуара, куда приливали капиталы. Въ то время какъ первые давали фонды для армій святаго союза, другіе служили второму Бонапарте. И такъ тезисъ мира и промышленности быстро повернулъ на службу военныхъ правительствъ.

Фурье, болѣе опредѣленно говорившій нежели сенъ-симонизмъ, будетъ ли имѣть болѣе шансовъ? Онъ явился съ своими остроумными взглядами на коллективную жизнь, фаланстеръ и пр. въ ту минуту, когда арміи и фабрики внушили отвращеніе къ общежитію. Отъ него отвернулись, не спросивъ даже не было ли въ великой смѣси теоріи его чего нибудь полезнаго. Ладья его, увязшая въ пескахъ, не вышла изъ гавани.

И такъ Франція не могла породить ни одной системы, которая бы продержалась, въ то время какъ системы Германіи окончавшіяся Гегелемъ, казалось истощили ее, сдѣлали безплодной, будто именно для того, чтобы предать ее Пруссіи. Но если Франція съ точки зрѣнія философіи оказалась мало

плодовитой, за то она въ продолженіи тридцати лѣтъ свѣтила яркимъ блескомъ литературнымъ въ лирикѣ, драмѣ и романѣ. Я возвращусь къ этому и поговорю о томъ продолжительнѣе. Послѣ великихъ произведеній, во Франціи и въ Англіи получили преобладаніе журналы-обозрѣнія, а въ наше время исключительно газеты, редактируемыя съ блестящимъ жаромъ и большимъ искуствомъ.

Таковъ нашъ измѣняющійся вѣкъ. И измѣненіе его есть слѣдствіе не прихоти, но подвижности очень естественной, которая часто подготовляетъ ему обновленія изумительной неожиданности. Кто бы могъ предсказать намъ, что Англія, такъ безплодная со временъ Байрона и повидимому вся ушедшая въ толкотню промышленности, въ формализмъ англиканства, пробудится сначала въ Ляйэлѣ и Дарвинѣ, въ такъ многихъ смѣлыхъ ученыхъ, соревнователей Ламарка и нашихъ естественныхъ союзникахъ *). Они начали засыпать проливъ и основывать великій союзъ запада, въ ожиданіи того, что назовется будущими Соединенными Штатами Европы.

Въ продолженіи моей Исторіи Франціи и въ первыхъ частяхъ исторіи девятнадцатаго вѣка я слѣдовалъ, насколько позволяли мои силы, принципу, который я постановилъ въ 1830: что *исторія должна всегда показывать природу рядомъ съ человѣкомъ*, отмѣчать какіе были въ каждомъ вѣкѣ роды пищи, возбуждающія средства, лекарства. Говоря объ Аустерлицѣ, я говорилъ о болѣзни свойственной великой арміи, естественномъ послѣдствіи ея насильственной жизни, постоянно переходившей отъ недостатка къ изобилію. Я говорилъ о Бруссе, о знаменитыхъ хирургахъ того времени. Далѣе по

---

*) Я присоединю къ нимъ великихъ мыслителей философскихъ и политическихъ—Стюарта, Гарризона и др.

поводу декрета, которымъ Наполеонъ запретилъ ввозъ сахара, кофе и всего что возбуждаетъ умъ, когда слабѣвшее человѣчество требовало наиболѣе этой поддержки, я говорилъ тоже о нашихъ новыхъ потребностяхъ.

Но я слишкомъ мало говорилъ о пищевомъ режимѣ вообще, который такъ много измѣнился въ нашемъ вѣкѣ. Исторія говоритъ намъ всегда о томъ какъ умираютъ, никогда о томъ какъ существуютъ. Однако каждый народъ имѣетъ свою спеціальную пищу, возрождающую его день за днемъ, которая, если можно такъ выразиться, есть ежедневный творецъ его. Для французовъ во всѣ времена пищею былъ хлѣбъ, супъ. Для англичанъ въ особенности съ 1760 г. и открытій Бакуэля, который изобрѣлъ новыя породы скота, Англія все болѣе и болѣе предалась мясу и, такъ сказать обратила его въ религію пищи. Ребенокъ, выкормленный до двѣнадцати лѣтъ мясомъ, ростетъ чрезвычайно и принимаетъ яркій блескъ розы. Однако, не смотря на такую укрѣпляющую діэту, Англія говорила, что томилась ею и — постоянно кричала: хлѣба; кричала до тѣхъ поръ, пока законы Роберта Пиля не принесли ей хлѣбовъ изъ Франціи, Россіи, Польши, и др.

Странное дѣло! Франція, послѣ такъ многихъ событій, несшихъ ей смерть, выпустившая изъ себя такъ много крови, видно не слишкомъ еще истощилась и предлагала кормить Англію. Послѣдняя увѣряла, будто ростъ понизился во Франціи, дѣло возможное послѣ Бонапарте; но раса оставалась въ ней болѣе сильной, чѣмъ когда либо. Крестьянинъ, плохо питавшійся, какъ говорили, могъ исполнять самыя тяжелыя работы. Изъ этого увидѣли насколько рожь есть существенная пища, хотя она и не даетъ, какъ мясо, энергію момента. Рожь въ концѣ концовъ есть кремень, впитывающійся въ растеніе, когда оно въ цвѣту, и придающій ему твердость и необычайную продолжи-

тельность питательности. Франція, это надо знать, питается отъ кремня; такая діэта даетъ ей минутами искру, а всегда силу сопротивленія.

Англичане, съ нѣкотораго времени, очень разумно приняли смѣшанный родъ пищи и освободили себя отъ исключительной діэты, которой они держались болѣе вѣка. Въ то же время Франція потребляетъ теперь болѣе животной пищи. Истинный прогрессъ и съ той и съ другой стороны. Прогрессъ этотъ однако нисколько не мѣшаетъ нашимъ расамъ, по крайней мѣрѣ въ буржуазныхъ классахъ, видимо упадать. Хлѣбъ, мясо конечно были бы достаточной пищей. Однако напряженная жизнь, какую ведетъ Европа, усилія моментовъ и порывовъ требуютъ тоже мгновенныхъ средствъ помощи, которыя повидимому подымаютъ насъ надъ самими собой и придаютъ намъ чудесную силу, то, что средніе вѣка, жившіе болѣе воображеніемъ, называли пресуществленіемъ.

Алкоголь даетъ это опасное подкрѣпленіе смѣшанное съ помраченіемъ ума; кофе, напротивъ, проясняетъ умъ; и потому кофе есть благодѣтельное средство, помощникъ цивилизаціи. Онъ возбуждаетъ мысль. Табакъ заставляетъ мечтать. Табакъ — это первая летаргія усталыхъ народовъ. Послѣ Турціи, начали курить Испанія, Фландрія и Германія; потомъ французы съ 1832 г. при осадѣ Антверпена, а англичане немного позже насъ. Но я думаю, что усиленіе нравственной и умственной жизни ослабитъ эту печальную привычку, которую не знали отцы наши менѣе мрачные, менѣе нелюдимые. Конфессія, романъ, алкоголь—великіе развратители девятнадцатаго вѣка ускоряютъ еще болѣе стремленіе въ пропасть уничтоженія, куда мы, какъ кажется, низвергаемся.

Въ небольшой книгѣ, появившейся въ 1854 г., я говорилъ о томъ что кромѣ духовенства нашего и нашихъ от-

вратительныхъ правительствъ, зло было болѣе всего въ насъ самихъ, въ семьѣ. Бракъ очень слабъ и легковѣсенъ во Франціи; въ Германіи онъ мягокъ и добродушенъ; въ Англіи онъ лучше. Почему? Потому что домъ закрытъ *) Но во Франціи одна изъ добродѣтелей ея также страшна, какъ и пороки ея, я говорю о чрезмѣрной привязанности родителей къ дѣтямъ. Это происходитъ преимущественно отъ причины слишкомъ забытой. Со времени жестокихъ разлукъ—реквизицій республики, наборовъ Бонапарте, которые несли смерть, сердца матерей ослабѣли, и у насъ существуетъ традиція слабости, которой не знаетъ Англія. Сынъ, котораго такъ берегутъ, такъ балуютъ, тѣмъ болѣе ничего не дѣлаетъ, изъ него невыходитъ ничего путнаго. Законы революціи, созданные для великой борьбы противъ Европы, давали всѣ преимущества молодежи, тѣмъ кто сражался. Въ наше время тѣ же преимущества остаются у молодежи, ожирѣвшей и лѣнивой, которая смѣется надъ совѣтами отцовъ и все таки наслѣдуетъ имѣніе ихъ. Отсюда быстрый упадокъ. Поколѣнію реставрацію, еще только немного сонному, послѣдовала толстопузая молодежь Людовика Филиппа и истощенная излишествами (petits crevés) молодежь Людовика Бонапарте.

Нужны законы, которые возбуждали бы молодаго человѣка; потому что, какъ это вѣрно говорятъ американцы, если собственность возбуждаетъ, заставляетъ быть дѣятельнымъ, то наслѣдственность, наоборотъ, дѣлаетъ лѣнивыми, усыпляетъ.

---

*) Идеи Мишле о семьѣ не разъ встрѣчали серьезное опроверженіе у насъ за ту жалкую роль вѣчнаго ребенка и безсильной больной, какую онъ отводилъ женщинѣ въ семьѣ. Онъ договорился даже до того, что женщина рада нравственной плеткѣ. Замкнутость англійской семьи и подчиненность женщины сильна тормозитъ въ Англіи развитіе женщины; семья можетъ существовать только какъ прочный союзъ равноправныхъ существъ. Во Франціи таже подчиненность и безправіе женщины, а домъ открытъ только для свѣтской толпы. *Прим. перев.*

Въ то время, когда я занимался изслѣдованіемъ этимъ, нѣкоторыя лица, слишкомъ много довѣрявшія моему ясновидѣнію, спросили меня: «Что думаете вы о будущемъ? Поднимется ли этотъ вѣкъ?» Великій вопросъ! Тѣ, которые сдѣлали его мнѣ, зная, что жизнь моя была посвящена исторіи, и думая, что прошлое заключаетъ въ себѣ настоящее, спрашивали меня: не вижу ли я нѣкоторые просвѣты лучшихъ дней, которые, быть можетъ, наступятъ.

Время всегда приноситъ намъ какой нибудь новый элементъ. Я не изъ тѣхъ плакальщиковъ, которые въ каждомъ вѣкѣ воображаютъ, будто наступаетъ конецъ міра. И какая земля будетъ настолько свѣжа, чтобы порождать еще? Австралійская-ли, которую ежедневно поднимаютъ кораллы? Великая-ли Америка, которая носитъ образъ второй Европы, которая есть болѣе подражаніе Европы, нежели помолодѣвшая Европа? Концентрація наукъ, открывающая съ каждымъ днемъ взаимныя отношенія ихъ, приведетъ ли она къ идеѣ-матери, отъ которой родится новая вселенная? До сихъ поръ этого не видно.

Европа, говорятъ, дряхла. Но и въ кажущейся дряхлости своей она носитъ въ себѣ болѣе молодости, нежели вся остальная земля. Жизненное электричество ея, дѣлающее ее такъ подвижною, даетъ ей силу обновляться умомъ, а умъ въ свой чередъ, придаетъ неслыханную энергію волѣ. Пусть появится великая идея, воля устремится къ ней и съ нею создастъ міръ. Нѣтъ другаго способа созданія. Какая идея родилась? Идея ассоціаціи воли людей, душъ ихъ въ свободѣ. Она родилась и возрождалась три раза въ столѣтіе и всегда черезъ Францію. Почему? Франція, такъ скоро забывающая, не умѣетъ ненавидѣть, она всегда симпатична, что̀ бы ни происходило съ нею. Она не даетъ себѣ, какъ другія страны, засохнуть, ожесточиться, сдѣлаться безплодной въ ненависти. Въ прошедшемъ

вѣкѣ она такъ мало ненавидѣла Англію, что подражала ей, создала новую Англію въ Америкѣ. Въ девятнадцатомъ вѣкѣ она, вмѣсто того чтобы ненавидѣть Германію, питаетъ горячія желанія, чтобы страна эта была истинной Германіей, великой и свободной *).

---

*) Въ другомъ предисловіи я попытаюсь пополнить пробѣлы этого съ точекъ зрѣнія науки, искуства и религіи.

КНИГА ПЕРВАЯ.

Францiя. Италiя. Россiя.

I.

Новое правленiе Нѣтъ болѣе законовъ. Люди. Выборъ служащихъ.

18 Брюмера имѣло дѣйствiе большаго сраженiя, которое выиграла бы коалицiя. До сихъ поръ англичане были устрашены положенiемъ дѣлъ. Послѣ капитуляцiи Голландiи и пораженiя при Цюрихѣ, они думали, что Массена бросится на Германiю. Они погнались за Суворовымъ, умоляя его прiостановить свое быстрое отступленiе, предлагая ему армiю, которой обѣщали уплачивать жалованье. Но онъ былъ слишкомъ недоволенъ, также какъ и его государь—русскiй царь. Онъ удалился въ Россiю.

Время года было правда позднее. Но французы, взявшiе Амстердамъ и побѣдившiе голландскiй флотъ на льду въ январѣ мѣсяцѣ, не остановились бы, но дошли бы пожалуй до

Вѣны. Побѣдилъ ли эрцгерцогъ Массену и его молодую армію, воодушевленнную блестящимъ началомъ? Этого нельзя было знать. Правда Массена, ничего не получавшій изъ Франціи долженъ былъ голодать. Но онъ могъ пройти изъ Швейцаріи въ Баварію, въ земли еще нетронутыя. Извѣстіе о Брюмерѣ остановило его движеніе.

Западня эта была бы невозможною если бы англичане не задержали четыре мѣсяца обвинительное письмо Клебера, писанное имъ 24 сентября о *бѣгствѣ изъ Египта* и о томъ ужасномъ состояніи арміи, въ которомъ покинулъ ее Наполеонъ. Письмо это захваченное на морѣ, было сохранено англичанами въ секретѣ до тѣхъ поръ, пока они надѣялись, что Наполеонъ возстановитъ Бурбоновъ, и пока они полагали, что консульство было лишь переходною ступенью къ тому, чтобы вѣрнѣе очистить путь для возвращенія короля. Гойе, этотъ честный человѣкъ, но жена котораго была дружна съ Жозефиною, подтверждаетъ, что Бонапарте дѣлалъ предложенія Людовику XVIII, конечно лишь для того, чтобы вначалѣ поводить за носъ роялистовъ. Питтъ еще не вышелъ изъ министерства, но въ дѣйствительности дѣлами уже управлялъ Аддингтонъ. Георгъ и Аддингтонъ были увѣрены, что Наполеонъ будетъ слишкомъ счастливъ тѣми богатствами, которыми надѣлилъ-бы его Людовикъ XVIII. Англичане были не въ состояніи понять Францію; они не постигли того, что въ десять лѣтъ она пережила столѣтія и потому считали реставрацію возможною и совершенно естественною. Французы также мало понимали Англію и ту великую революцію, которую произвела въ ней промышленность. Словомъ, они ничего не видѣли передъ собою и борьба велась въ непроглядномъ мракѣ.

Доказательствомъ того, на сколько сомнителенъ былъ успѣхъ 18-го Брюмера служитъ то, что онъ зависѣлъ отъ услужли-

вости англичанъ, отъ желанія ихъ сохранять въ тайнѣ письмо Клебера; а также отъ неподвижности Массены, отъ его добровольнаго согласія не двигать свою армію на Парижъ. Армія эта въ 80.000 человѣкъ, сформированная почти цѣликомъ изъ послѣдняго набора, воодушевляемая горячностью 20-ти лѣтнихъ юношей, съ тою-же страстью пошла бы въ битву за республику, съ какою шла противъ русскихъ. Бонапарте не смѣлъ написать правду, онъ подослалъ къ Массенѣ ловкихъ обманщиковъ, которые увѣрили его, будто событіе брюмера было вызвано лишь желаніемъ спасти республику. Массена писалъ, что, «вѣрный республикѣ, онъ считаетъ своею славою служить ей всѣми силами и будетъ цѣнить высоко уваженіе Бонапарте». Три дня туда и три дня обратно. Шесть, семь дней спустя, Бонапарте могъ успокоиться, онъ получилъ письмо довѣрчиваго простяка Массены, узналъ, что Массена останется въ Швейцаріи и что Брюнъ, который немного подвинулся къ Парижу, не выйдетъ изъ Голландіи. Тогда совершенно успокоенный, онъ рѣшился на то, чего ожидали англичане и эмигранты,—на изгнаніе якобинцевъ.

Въ этомъ дѣйствіи, безъ сомнѣнія вынужденномъ, онъ сдѣлалъ одну вещь рискованную, неосторожную. Въ числѣ тысячи неизвѣстныхъ именъ онъ подвергъ изгнанію Журдана. Генералъ этотъ, въ извѣстномъ отношеніи, генералъ закала героевъ древняго міра за великія воспоминанія о Ватиньи и Флерусѣ; онъ остался патріотомъ и въ эти времена, и былъ замѣчательно ненавистенъ коалиціи за предложенный имъ законъ о рекрутскомъ наборѣ, который ему и удалось провести. То было великое торжество, потому что наборъ этотъ въ первый же годъ создалъ арміи, двѣ побѣды: надъ англичанами и русскими. Первые сохранили злобное чуство противъ Журдана за свое пораженіе, и партія эмигрантовъ, болѣе преданная Англіи чѣмъ Фран-

ціи, должна была, въ угоду ей, конечно, выпросить у Бонапарте это нелѣпое, неполитичное изгнаніе больнаго генерала, преждевременнно одряхлѣвшаго, не бойкій умъ котораго не могъ внушать новой власти никакихъ опасеній. Въ спискѣ рядомъ съ именемъ Журдана были помѣщены якобинцы, имена которыхъ вызывали мрачныя воспоминанія, между прочимъ имя Фурнье, американца, одного изъ убійцъ и главнаго дѣятеля страшныхъ дней. Недостойное оскорбленіе для Журдана и для великихъ республиканскихъ воспоминаній вызываемыхъ его именемъ. Впрочемъ, неодобреніе даже приверженцевъ своихъ заставило Бонапарте задуматься и онъ сознаяъ, что этимъ неосторожнымъ поступкомъ онъ объявляетъ себя роялистомъ и даетъ поводъ говорить, что онъ мститъ за коалицію въ лицѣ человѣка создавшаго наборъ. Онъ вычеркнулъ имя Журдана и съ тѣхъ поръ старался удачнѣе сохранять нейтралитетъ, представляя изъ себя безпристрастнаго посредника партій. А до этого времени сколько было противорѣчій въ его поступкахъ, сколько мрака и смущенія! Не онъ, а его братья съ ихъ зятемъ Бернадоттомъ подняли клубъ якобинцевъ въ манежѣ и прогнали Ла-Ревельеръ-Лепо, какъ недостаточно яраго якобинца. А Бонапарте 18-го Брюмера ссылался лишь на необходимость противостоять якобинцамъ, ихъ мнимому заговору. Въ дѣйствительности же 18-е Брюмера сдѣлалъ Люсьенъ, якобинецъ и патріотъ, ради того чтобы, какъ онъ говорилъ, остановить заговоръ якобинцевъ. Никто ничего не понималъ въ этой путаницѣ. Роялисты полагали, что все дѣлалалось ради нихъ. Въ сущности Бонапарте менѣе опирался на роялистовъ, желавшихъ возстановленія династіи бурбоновъ, чѣмъ на quasi—роялистовъ т. е. на всю массу, господствующую надъ Парижемъ, на богатыхъ, на друзей порядка, на банковыхъ и торговыхъ дѣльцовъ; въ

общемъ этой толпѣ было все равно: какое ни существовало правительство, но она надѣялась, что монархическая магистратура, управляемая твердою военною рукою, вѣрнѣе обезпечитъ покой и сама по себѣ будетъ вѣрнѣе. Многіе думали, что Бонапарте создаетъ себѣ славу, подражая великому американцу тогда умершему, Вашингтону, въ память котораго онъ устроилъ погребальное торжество.

Бурьенъ говоритъ, что Бонапарте съ самаго начала не довѣрялъ роялистамъ, хотя и былъ къ нимъ расположенъ; онъ предпочиталъ замѣщать мѣста революціонерами, увѣренный, что эти, по крайней мѣрѣ, не захотятъ призвать бурбоновъ. Одно вѣрно, что въ началѣ консульства, Бонапарте устранивъ все, что обезпечивало конституцію, желалъ повидимому оправдать слова одного депутата: «наша конституція самая лучшая; она написана въ сердцѣ великаго человѣка».

При такомъ правительствѣ все зависѣло отъ выбора чиновниковъ, изъ которыхъ каждый располагалъ огромною властью.

Для такого выбора необходимо было знать всѣхъ общественныхъ дѣятелей послѣднихъ лѣтъ, занесенныхъ въ избирательные списки Сіесомъ, который переписалъ, для своихъ плановъ, всѣхъ извѣстныхъ личностей революціи. Но у Бонапарте была другая мысль. Не довѣряя роялистамъ, ужасаясь (такъ онъ выражался) якобинцевъ, онъ по необходимости долженъ былъ ощущать нѣкоторыя затрудненія. Онъ спрашивалъ списки, совѣтывался съ приближенными, вообще мало достойными довѣрія, большею частью посредственностями довольно легкомысленными, въ родѣ Бурьена, благодаря которому и сохранилась часть этихъ списковъ. Въ нихъ мы видимъ то, чего казалось нельзя было ожидать; что большинство рекомендованныхъ личностей были представлены ему

какъ *патріоты*, даже какъ *республиканцы*, но республиканцы умѣренные, патріоты безличные, весьма мало извѣстные и которые своею репутаціею неспособны были *испугать какую бы то ни было партію*. Одинъ изъ нихъ, бывшій *комиссаръ*, доказалъ чѣмъ онъ могъ быть на болѣе высокомъ посту, (это Дюбуа, префектъ полиціи). Другой, которому Бонапарте довѣрилъ префектуру Сены, обладалъ всѣми достоинствами; главною заслугою его было то, что онъ служилъ въ полиціи при Карно; онъ былъ другомъ, неразлучнымъ совѣтникомъ Кошонъ-де-л'Апарана. Роялизмъ не вредилъ имъ въ глазахъ Бонапарте, такъ какъ ему представлены были Шово-Лагардъ, Реньо де Санъ-Жанъ д'Анжели, которые 13 вандемьера предводительствовали отрядами инсургентовъ.

Выборы дѣлались постепенно, на удачу. Въ дѣйствительности-же, большинство и бѣлыхъ и красныхъ совершенно потеряли всякую окраску; они дорожили мѣстами и жалованьемъ, которое новое правительство, выставлявшее себя такимъ защитникомъ экономіи, значительно увеличило. Безличность этихъ чиновниковъ, ихъ добродушіе вначалѣ службы, простота жизни перваго консула, казались отлично расчитанными на то, чтобы усыпить общественное мнѣніе. Всякіе республиканскіе порывы стихли.

Большинство торговцевъ было скорѣе въ восхищеніе отъ той неясности, которая господствовала надо всѣмъ. Бонапарте представлялъ собою образецъ скромной, буржуазной жизни, какую можетъ вести общественный дѣятель. Воскресные дни онъ проводилъ въ деревнѣ въ семейномъ кругу съ женою и дѣтьми своей жены, Евгеніемъ и Гортензіею, которыхъ онъ очень любилъ. Онъ спалъ съ Жозефиною, которая, помирившись съ нимъ, была очень довольна этою близостью, получивъ возможность содержать цѣлый дворъ благородныхъ нищихъ—

эмигрантовъ, привязанныхъ къ ней и всюду прославлявшихъ ея доброту. Въ теченіе недѣли единственнымъ развлеченіемъ Бонапарте были вечернія прогулки въ обществѣ секретаря Бурьена, Дюрока и другихъ; онъ отправлялся или въ общественный садъ, или въ торговыя улицы, заходилъ въ лавки, стараясь узнать общественное мнѣніе. Однажды онъ рѣшился спросить: «А что же дѣлаетъ этотъ шутъ Бонапарте?» Торговка была возмущена такою неуважительною рѣчью о первомъ консулѣ и почти вытолкала его за дверь; онъ былъ въ восхищеніи.

При такомъ спокойствіи умовъ, письмо Клебера, столь долго задержанное англичанами и которое они наконецъ предали гласности, не произвело ни малѣйшаго дѣйствія. Оглашенное во время, оно погребло бы Бонапарта въ безднѣ стыда; но оглашенное такъ поздно, оно почти не читалось. Гораздо охотнѣе читалась безстыдная прокламація Бонапарте, которую онъ приказалъ выставить повсюду. Въ ней онъ предписывалъ солдатамъ *имѣть довѣріе къ Клеберу*; такъ что тѣ, которые не читали письма, были далеко отъ мысли, что оно содержало въ себѣ обвиненіе.

Бонапарте цѣлыхъ четыре мѣсяца потѣшался простоватою довѣрчивостью роялистовъ и новаго англійскаго министерства. За это время онъ пустилъ въ ходъ послѣдній механизмъ, который онъ назвалъ конституціею VIII года.

Такъ много говорили о *дефицитѣ*, въ которомъ обвиняли директорію, что общимъ желаніемъ было видѣть въ главномъ правителѣ строгаго счетчика и неподкупнаго раскладчика. Его сухая внѣшность соотвѣтствовала такому представленію. Многіе изъ его портретовъ того времени напоминаютъ изображеніе скупаго, и онъ ничѣмъ не пренебрегалъ для пріобрѣтенія репутаціи строгаго расходчика общественнаго капитала.

Онъ заставлялъ думать, что не смотря на множество занятій, у него доставало времени провѣрять счеты, смѣты, открывать ошибки въ итогахъ. Администрація была строгая, но весьма дорогая, благодаря большимъ окладамъ, открытію новыхъ должностей общихъ сборщиковъ и цѣлой массы чиновниковъ. Бонапарте уничтожилъ прогрессивный заемъ, утвержденный директоріею, уменьшилъ платежи богатыхъ, такъ что тяжесть налоговъ всецѣло обрушилась на бѣдныхъ. Главнымъ банкирамъ онъ разрѣшилъ открыть французскій банкъ; фондъ этого банка состоялъ изъ 30 милліоновъ; но Наполеонъ позволилъ банкирамъ выдать облигаціи на 60 милліоновъ и тѣмъ одержать верхъ надъ торговцами, которые не имѣли права выдавать бумаги вмѣсто денегъ, или изготовлять бумажныя деньги. Вся финансовая администрація была организована консуломъ Лебреномъ и Гюденомъ (герцогомъ Гаэты).

Ничего новаго, ни оригинальнаго не представляла эта новая конституція, ничего такого, что̀ бы не было заимствовано у Людовика XIV или у римской имперіи. Префекты Цезаря, или уполномоченные Ришелье и Кольбера назначены въ префектурѣ каждаго департамента. «Вездѣ, говоритъ самъ Бонапарте, эти префекты разыгрываютъ роль маленькихъ консуловъ». Писатели разныхъ направленій: Гойе, Барни и Дювержье-де-Горанъ, подробно описали и оцѣнили эту конституцію. Она сосредоточивалась въ одной личности—перваго консула. Другіе два консула, Лебрёнъ и Камбасаресъ, имѣли лишь совѣщательные голоса. Камбасаресъ былъ однимъ изъ тѣхъ законниковъ, которые готовы поддерживать всякую власть. Лебрёнъ былъ однимъ изъ помощниковъ государственнаго казначея Мопу, создавшаго брюмеръ Людовика XV—банкротство.

Такова была *исполнительная* власть; она была вся въ рукахъ Наполеона. Что касалось *законодательной* власти, то

она представляла настоящую машину Марли съ тремя колесами, поставленными одно на другое. Трибуналъ, который обсуждалъ не вотируя; законодательный корпусъ, который вотировалъ, не обсуждая; корпусъ этотъ былъ назначаемъ изъ списка нотаблей, которые могли быть вновь избираемы до безконечности; наконецъ сенатъ, первые члены котораго были назначаемы консулами.

Но самымъ важнымъ было то, что судьи уголовные и гражданскіе были назначаемы первымъ консуломъ, который оказывался черезъ это главнымъ распорядителемъ имуществъ и жизни всѣхъ французовъ.

Слѣдовательно, нѣтъ больше выборовъ, нѣтъ народнаго представительства. Никакого участія народа въ составленіи законовъ. Словомъ вмѣсто народа—*одинъ человѣкъ*.

Въ административной организаціи тотъ же произволъ. Законъ исходилъ изъ того положенія, что община, округъ, департаментъ неспособны имѣть сужденія не только въ дѣлахъ государства, но и въ своихъ собственныхъ; слѣдовательно, ихъ всегда слѣдуетъ держать подъ опекой начальнической мудрости. Необходимо, чтобы эта мудрость господствовала лишь въ самомъ центрѣ управленія. Нѣтъ болѣе мѣстной жизни. Во всемъ должно было ожидать толчка сверху, которой передавался зависимыми и смѣняемыми чиновниками. Все это давало поводъ предполагать, что въ центрѣ находился свѣтлый дѣятель или умъ, который могъ дѣйствовать самъ по себѣ, мыслить одинъ за весь народъ, отвѣчать мысли, выраженной Сіесомъ, быть можетъ, съ нѣкоторымъ оттѣнкомъ ироніи: на другой день послѣ 18 брюмера Сіэсъ сказалъ: «Не нужно забывать, господа, мы имѣемъ господина, который умѣетъ все дѣлать, который можетъ все дѣлать и который хочетъ все дѣлать».

Въ этой великолѣпной машинѣ противоестественнаго произрожденія, случайныя власти порождали другъ друга безъ всякаго права, безъ причины, безъ необходимости, на основаніи одного лишь предположенія о существованіи власти, которой ничто не могло противодѣйствовать. Но существовала ли сила этой власти, или была она только воображаема? Армія предполагала, что власть заключается въ народѣ, а народъ думалъ, что она въ арміи. Парижъ представлялъ себѣ Наполеона, окруженнаго военною силою, невидимыми легіонами. Но нѣтъ сомнѣнія, если бы заставили высказаться арміи Брюна и Массены, то онѣ высказались бы за республику, противъ неограниченной власти. Съ другой стороны масса роялистовъ и полу-роялистовъ, послѣ убійства Фротте непремѣнно высказались бы тоже противъ Бонапарте. Изъ этого видно, что 18 брюмера, опираясь на ложь мнимаго единодушія, въ сущности не имѣло опоры въ выдающихся личностяхъ обѣихъ партій, а нашло ее въ большомъ числѣ купцовъ и банкировъ, т. е. въ сторонникахъ порядка во что бы то ни стало; богатые боялись, чтобъ наконецъ не установили справедливости въ налогахъ, а Бонапарте удалось ихъ успокоить на первыхъ порахъ отмѣною займа или прогрессивнаго налога. Этотъ классъ людей, исключительно занятый своими денежными дѣлами, замѣтилъ строгость правленія только по многочисленнымъ изгнаніямъ, которыми подвергалось множество лицъ, безъ всякаго повода по одному только подозрѣнію въ заговорахъ; изгнанія эти продолжались послѣ брюмера до самаго конца года.

Никто не вспомнилъ о словахъ сказанныхъ Люсьеномъ въ ночь на 19 брюмера нѣкоторымъ депутатамъ, которые собрались, какъ послѣдніе представители законодательнаго корпуса: «Что послѣ трехъ мѣсяцевъ новые правители дадутъ отчетъ

націи.» Никто не вспомнилъ, что нужно чтобы народъ далъ предварительно согласіе свое для того, чтобы они имѣли право повиноваться конституціи *).

Эта жалкая конституція, еще до своего окончанія, была уже упразднена на западѣ, въ департаментахъ Нормандіи, Вандеи, дикою прокламаціею, которая передавала солдатамъ и покорнымъ жителямъ имущества непокорныхъ общинъ и дробила ихъ при томъ на мелкіе участки, чтобы создать множество мелкихъ собственниковъ (еще болѣе жадныхъ). Бонапарте проявилъ особенно личную, страшную горячность въ усмиреніи вандейцевъ. Ихъ начальникомъ въ то время былъ храбрый Фротте, который не разъ изъ рощъ Нормандіи дѣлалъ удачныя нападенія въ глубь Нормандіи. Онъ издалъ противъ Бонапарте сатирическую прокламацію, вѣрную до жестокости; приложенная гравюра изображала великаго человѣка въ обморокѣ падавшаго на руки своихъ гренадеровъ. Фротте былъ вызванъ обѣщаніемъ помилованія и подъ какимъ-то предлогомъ разстрѣлянъ.

II.

Борьба Франціи и Россіи. Нельсонъ и Суворовъ въ Италіи.

Исторія представляетъ иногда крайнія разногласія, столкновенія противоположностей, какъ бы каррикатуры, когда народы, совершенно различные по генію, по привычкамъ, случайно сталкиваются, благодаря войнамъ или политическимъ

---

*) Лучшій писатель о конституціи VIII г., т. е. о порабощеніи Франціи—это Готье; прибавьте современныхъ: Барни, Дювержье-де-Горанна, Гамеля и Ланфре, который очень подробно и ясно говоритъ о ней.

причинамъ. Такое столкновеніе произошло на рубежѣ двухъ столѣтій (99 г.—1800 и 1801 г.) когда, къ вѣковой борьбѣ между Франціею, Англіею и Германіею присоединилось новое лицо — Россія.

Не Россія, которая управлялась Екатериною, а Россія съ царемъ Павломъ во главѣ, съ Суворовымъ полководцемъ.

Павелъ, характеръ полный противорѣчій и причудъ, но добрый, чувствительный и великодушный, преданный закону и любившій правду, стремился возстановить справедливость на землѣ, ради этой цѣли, былъ готовъ на всякія жертвы.

Сперва онъ довѣрился эмигрантамъ, воображая, что они представители настоящей Франціи, и всталъ на ихъ сторону. Сестрѣ Маріи Антуанеты, неаполитанской королевѣ, удалось его заинтересовать, и Павелъ послалъ въ Италію сто тысячъ человѣкъ съ храбрымъ Суворовымъ во главѣ; поражая все на своемъ пути, эта армія была побѣждена Массеною подъ Цюрихомъ.

Недовольный союзниками, которые оказали ему весьма плохую поддержку, Павелъ взглянулъ на умиротворенную Францію; затѣмъ онъ взглянулъ на Европу, гдѣ всѣ морскія державы жаловались на англичанъ.

Ихъ тиранія на морѣ, ихъ насилія въ Индіи и въ другихъ отдаленныхъ странахъ представляли рѣзкую противоположность съ замѣчательно степенными, правильными привычками, которыя усвоивала тогдашняя промышленная Англія. Въ этой странѣ великихъ контрастовъ, нравы и различный образъ жизни создали въ дѣйствительности двѣ народности, изъ которыхъ вторая, на морѣ и въ мало знакомыхъ областяхъ, сохранила дикую необузданность. Идея владычества кружила головы англичанъ и они проявляли свою необузданность не только въ Индіи, но и относительно всѣхъ, кого встрѣ-

чали на морѣ. Несчастье грозило всѣмъ слабымъ и невооруженнымъ народамъ, надъ которыми англичане такъ легко брали перевѣсъ, достижимый при другихъ условіяхъ лишь цѣною мужества и смертельной борьбы. Несчастье постигало маленькія державы, которыя въ виду англійскаго корабля должны были подчиняться постыднымъ осмотрамъ, часто всевозможнымъ униженіямъ! Все это дѣлалось подъ предлогомъ безопасности Англіи, даже въ самыхъ отдаленныхъ моряхъ.

Мы уже видѣли, что необходимость постояннаго набора для содержанія большой арміи въ нездоровомъ климатѣ, убійственномъ и для нравственной природы человѣка, какъ напр. климатъ Индіи, вынуждало нетолько на ужасающіе расходы и взысканія, но заставляло относиться снисходительно ко многому, что вызывало болѣе всего негодованіе самихъ туземцевъ. Я говорилъ объ этомъ въ одномъ изъ примѣчаній второго тома. Военныя вакханаліи въ могилахъ, ночныя пиршества и другія безобразія, какъ напр. постановка кавалеріи въ обширномъ кладбищѣ Акбара, все это повторилось въ Европѣ при сумасшедшихъ празднествахъ, устроенныхъ въ честь Нельсона на древнихъ развалинахъ городовъ, которые раскапывались около Неаполя. Въ письмахъ самого Нельсона видно то презрѣніе, которое суровый морякъ высказывалъ относительно Италіи въ отвѣтъ на ея пріемъ, и сужденіе его объ этомъ геніальномъ народѣ. Италія отмстила ему однимъ лишь обаяніемъ своимъ. Благодаря ей, обнаружилась его дикая грубость и необузданность, до этихъ поръ не выходившая изъ границъ. Портреты его и въ особенности прекрасное изображеніе его изъ воска, представляютъ его маленькимъ человѣчкомъ съ жесткимъ и спѣсивымъ видомъ, что рѣдко встрѣчается у настоящаго героя.

Онъ былъ сыномъ министра и остался на всегда истымъ

англиканомъ. Получивъ при Абукирѣ рану, которую онъ считалъ опасною, онъ призвалъ духовную помощь, но потребовалъ для этого священника своей церкви. Затѣмъ въ Неаполѣ онъ неожиданно испыталъ странное перерожденіе. Сто разъ уже передавали эту сцену, если хотите живописную, но въ сущности постыдную и жалкую. Среди оглушающаго шума своего торжества, онъ попался въ самую недостойную ловушку, увлеченный падшей женщиной, Эммой, извѣстной въ проституціи своимъ циничнымъ нахальствомъ. Ей было сорокъ лѣтъ, она была полная женщина, еще красивая. Формы ея, близкія къ античному, понравились антикварію Гамильтону, шотландскому шуту, который нашелъ очень забавнымъ жениться на ней (хотя онъ былъ посланникомъ Англіи). У ней былъ талантъ къ мимикѣ, который она показала, разыгравъ при встрѣчѣ Нельсона сцену восторга, преувеличивъ свою роль до того, что упала въ обморокъ въ его объятія. Онъ былъ увлеченъ и слѣдовалъ за нею, какъ собака слѣдуетъ за своимъ господиномъ. Онъ, бывши до этихъ поръ очень разсудительнымъ человѣкомъ, теперь тѣмъ съ большею силою предался безумію. Подъ вліяніемъ этой преступной связи, онъ какъ съумасшедшій писалъ о своемъ счастьи всему свѣту, даже лордамъ адмиралтейства, этому корпусу старыхъ моряковъ, которые должно быть ничего не могли уразумѣть въ этомъ унизительномъ безуміи.

Что болѣе всего поражаетъ въ его письмахъ, это негодованіе его на нравы Неаполя, который онъ глубоко презираетъ. Онъ не зналъ, что испорченность большихъ городовъ юга, смѣшанная съ искусствомъ, даже съ высокою культурою, менѣе пагубна для души, чѣмъ мрачная и грязная испорченность сѣвера, чѣмъ пороки варваровъ. Неаполь и то, что нѣкогда называлось великою Греціею, кромѣ искусства имѣетъ

еще и серьезныя стороны, юридическій и метафизическій геній; это страна Архитаса, Архимеда, Пиѳагора, Вико и др. Въ восемьнадцатомъ столѣтіи, итальянцы, ученики нашихъ философовъ, не обладали ироніею, но выказали замѣчательную кротость, которая приводитъ въ умиленіе, когда размышляешь о судьбѣ ихъ. И вмѣстѣ съ тѣмъ какое удивительное равновѣсіе, какая гармонія характера! *).

Походъ неаполитанскаго короля и его генерала Мака въ Римъ былъ шутовскою выходкою, надъ которою всѣ потѣшались. Нельсонъ, бывшій въ то время въ Неаполѣ, могъ убѣдиться, что въ этомъ городѣ соединились въ эту минуту цѣлыхъ два города, совершенно противоположныхъ одинъ другому; независимо отъ плебеевъ, населявшихъ портъ, ханжей, испорченныхъ нравственно, существовалъ еще большой цивилизованный городъ, совершенно не похожій на другой—варварскій. Не смотря на различіе обоихъ городовъ, нижній городъ слѣдилъ за тѣмъ что́ дѣлалъ другой Неаполь и, когда онъ увидѣлъ, что послѣдній отдалился отъ Нельсона, то и онъ поступилъ точно также. Нельсонъ очутился одинъ.

Горсть французовъ подъ предводительствомъ Шампіоне находилась вблизи Рима и, безъ всякихъ затрудненій, разбила большую армію Мака. Король первымъ обратился въ бѣгство, а генералъ Макъ, которому на возвратномъ пути угрожали лаззарони, былъ счастливъ найти пріютъ въ лагерѣ самого Шампіоне. Король и его сокровище, королева, были перевезены Эммою на корабляхъ Нельсона и высажены въ безопасномъ мѣстѣ въ Палермо.

---

*) Она особенно поражаетъ въ одномъ молодомъ человѣкѣ, ихъ воспитанникѣ, который не могъ выполнить своего назначенія; я говорю о Паоли, который въ глазахъ какъ французовъ, такъ и англичанъ, казался идеаломъ человѣческаго совершенства. Среди дикихъ противорѣчій своей родины онъ выказалъ столько покорнаго терпѣнія и кротости.

При этомъ случаѣ можно было убѣдиться въ кротости итальянцевъ, которая какъ нельзя болѣе согласовалась съ великодушіемъ французовъ. Когда настоящіе неаполитанцы приняли французовъ, какъ гостепріимные хозяева, все было пощажено, ко всему отнеслись съ уваженіемъ. Шампіоне, не получавшій ничего изъ Франціи, былъ принужденъ обложить Неаполь выкупомъ (чтобы прокормить своихъ); тѣмъ не менѣе его обожали. Дѣла приняли другой оборотъ, когда съ одной стороны англичане, съ другой стороны разбойники дикой Калабріи, подосланные кардиналомъ Руффо, привезли обратно въ городъ королеву съ ея кровожадной любимицей Эммой. Послѣдняя сгарала отъ желанія отмстить итальянскимъ дамамъ за ихъ насмѣшки надъ нею и надъ ея постыдными обязанностями по отношенію къ королевѣ. Сохранившіяся бюсты ея ужасаютъ порочнымъ и злобнымъ выраженіемъ лица; передъ ними блѣднѣетъ образъ Мессалины.

Въ Неаполѣ шелъ тогда настоящій пиръ безобразій, насилій; различіе національностей усиливало впечатлѣніе омерзительными противоположностями: Англійскіе моряки, протестанты соединились съ разбойниками фанатиками, которые въ корзинахъ съ фруктами приносили адмиралу головы республиканцевъ. Эмма требовала казней и предписывала ихъ Нельсону. Несмотря на капитуляцію, французскіе плѣнники не избѣгли бы печальной участи, если бы тому не воспротивился начальникъ русскаго флота. Тогда обѣ кровожадныя самки доставили себѣ наслажденіе убивать великихъ патріотовъ Неаполя, избранныхъ людей Италіи. Онѣ совершали свои убійства самымъ подлымъ образомъ не на итальянской землѣ, а на англійскихъ корабляхъ, подъ реей Нельсона. Впрочемъ послѣдній поступалъ, какъ пьяный; онъ былъ чуждъ самой Англіи, отказался исполнять предписанія своихъ начальниковъ,

которые посылали его въ другое мѣсто; онъ отвѣчалъ имъ, что останется въ Неаполѣ, чтобы покровительствовать королевѣ.

Между тѣмъ императоръ Павелъ, котораго неаполитанская королева умоляла о помощи, послалъ ей не только флотъ, но и большую армію подъ предводительствомъ храбраго и пылкаго Суворова, который воспользовался нашей малочисленностью и одно время сталъ властителемъ всей Италіи. Эти временные успѣхи безъ всякаго результата, подобно предшествующимъ успѣхамъ Шампіоне, могутъ быть разсказаны другими. Послѣ Нови, гдѣ былъ убитъ Жуберъ, Суворовъ стоялъ на высотѣ своей славы, героемъ въ глазахъ русскихъ и всей ретроградной партіи въ Европѣ; но плохо поддержанный Австріею, онъ вслѣдъ затѣмъ потерпѣлъ кровавое пораженіе при Цюрихѣ отъ арміи Массены. Эта многосложная битва, которая разыгривалось на разныхъ театрахъ войны, можетъ быть объяснена только при помощи картъ и комментаріевъ военныхъ писателей. Всѣ говорятъ, что въ этомъ сраженіи русскій герой былъ такъ же великъ, какъ нашъ былъ ловокъ. Разсказываютъ, что доведенный до крайности, имѣя противъ себя голодъ, снѣгъ и неумолимые Альпы, преграждавшіе ему путь со всѣхъ сторонъ, онъ сказалъ своимъ солдатамъ: «копайте мнѣ могилу, я дальше не пойду. Я хочу здѣсь умереть». Эти слова тронули русскихъ. Они устояли, унесли своего стараго генерала и, не смотря на громадныя потери, перешли страшныя ущелья и шагъ за шагомъ отступили.

III.

Походъ въ маѣ 1880 г. Переходъ черезъ большой Сенъ-Бернардъ. Голодъ въ Генуѣ. Массена покинутъ.

Бонапарте полагалъ, и не безъ основанія, что, завладѣвъ управленіемъ Франціи путемъ неожиданнаго удара, онъ могъ укрѣпить за собою власть только рядомъ другихъ такихъ же ударовъ, которые должны были держать Францію въ состояніи полу-сна, когда люди видя самыя естественныя вещи и не разглядѣвъ хорошо ихъ причину, говорятъ: «мы не понимаемъ». Этотъ изобрѣтатель чудесъ, рожденный отъ суевѣрной корсиканки, оставался всю жизнь вѣренъ этой системѣ геніальныхъ фокусовъ и становился страшнымъ для тѣхъ, кто слѣдилъ за нимъ слишкомъ внимательно. Такимъ онъ явился въ брюмерѣ, когда не смотря на деньги Колло и нахальное хвастовство любимца «бога войны и фортунъ», обнаружились штуки неловкаго фокусника. Прибавьте къ этому смѣшной моментъ, когда въ припадкѣ слабости онъ упалъ на руки своихъ гренадеровъ, — сцена весьма забавная для воинственнаго громовержца. Фротте выбралъ ее для кроваво-оскорбительной иллюстраціи, за которую онъ и поплатился жизнью.

Все это дѣлало необходимымъ для героя прославиться какимъ-нибудь чудомъ, войною, счастливою побѣдою, которая подняла бы его въ глазахъ толпы и на долго бы овладѣла умами. Случай для этого былъ на лицо. Англичане, которымъ роялисты надавали столько ложныхъ обѣщаній за счетъ Бонапарте, видѣли себя обманутыми и, при помощи громадныхъ денежныхъ жертвъ, покрыли моря своими кораблями; они считали, что Генуя, Тулонъ и Марсель уже въ ихъ ру-

кахъ. Съ другой стороны Геную осаждало австро-венгерское населеніе Дуная, наводнившее Италію. Если бы наши войска не удержались въ Генуѣ, то Провансъ и область Роны вскорѣ сдѣлались бы жертвою непріятеля. На всемъ югѣ Франціи господствовала паника между патріотами и владѣльцами общественныхъ имуществъ; вторженіе непріятеля грозило имъ общею рѣзнею. Взоры ихъ были обращены на Геную, гдѣ Массена съ восемнадцатью тысячьми человѣкъ держалъ въ своей рукѣ якорь спасенія Франціи. Если бы рука его ослабѣла, все было кончено. Его хорошо знали и вѣрили, что онъ будетъ держаться въ Генуѣ до тѣхъ поръ, пока будетъ въ состояніи дать своимъ солдатамъ кусокъ хлѣба; попытки Бонапарте обезчестить его въ 98 году и обмануть въ брюмерѣ 99 г. не могли испортить его репутаціи.

И такъ надежда того, кто только что убилъ республику, заключалась въ республиканскимъ героѣ и въ двухъ личностяхъ, которыя тоже не безъ причины были имъ недовольны: Моро и Карно. Моро онъ унизилъ, назначивъ его въ брюмерѣ тюремщикомъ директоріи. Карно, покровитель его, въ отношеніи котораго онъ выказалъ такъ много неблагодарности въ фрудикторѣ,—Карно согласился занять мѣсто военнаго министра *). Онъ сдѣлалъ бо́льшее: онъ отправился къ

---

*) Для того чтобы усилить дѣйствіе чуда, которое подготовляли для Бонапарте, предположили сначала предварительное чудо — мгновенную организацію великой арміи. Нужно припомнить, что за шесть мѣсяцевъ передъ тѣмъ Массена и Брюнъ нанесли два рѣшительные удара: одинъ храброй и фанатичной русской арміи, другой—англійской, такъ хорошо обученной. Гдѣ же были всѣ побѣдители? Говорили, будто „солдаты были безъ оружія, безъ одежды, безъ провіанта", Карно привелъ все въ порядокъ въ двадцать дней.

Конечно Бертье, превосходный секретарь для абсолютной власти, но плохой и расточительный администраторъ, могъ съ 18 брюмера привести въ безпорядокъ побѣдоносныя арміи. Карно выказалъ много искусства, если онъ въ двадцать дней организовалъ то, что называлось *резервной арміей*, т. е. корпусъ въ

Моро въ нѣмецкую армію и убѣдилъ его, оставивъ свое побѣдоносное шествіе, уступить восемнадцать тысячъ человѣкъ итальянской арміи. Моро и Карно, хотя слабые республиканцы, тѣмъ не менѣе такъ любили Францію, что готовы были для нея на самыя большія жертвы. Безъ этихъ восемнадцати тысячъ человѣкъ и ихъ начальника Лекурба, главнаго героя при Сенъ-Готардѣ въ 99 году, смѣлый планъ Наполеона былъ бы невозможенъ. Предстояло перейти всѣ альпійскія высоты, а главное Сенъ-Бернардскій проходъ *въ одинъ мигъ* и напасть на правый флангъ австрійцевъ совершенно неожиданно въ то время, когда ихъ вниманіе сосредоточивалось на Генуѣ и на предполагаемомъ вторженіи во Францію. Такое неожиданное нападеніе, возможное съ небольшою кучкою солдатъ, было неисполнимо съ арміею въ шестьдесят тысячъ человѣкъ, которую Карно сформировалъ для Бонапарте въ двадцать дней и собралъ около Дижона и Лозанны подъ вымыш-

---

50.000 чел., которые, прибывая изъ Голландіи, Вандеи, Парижа, безумно соединились въ Дижонѣ и Швейцаріи, и которые должны были, по мнѣнію австрійцевъ, раздѣлиться между нѣмецкой и итальянской арміями, между Моро и Массеною.

Бонапарте еще недавно сказалъ въ своей конституціи, что консулы не переступятъ территоріи республики, желая тѣмъ дать понять, что онъ, Бонапарте, останется въ Парижѣ и конечно не будетъ болѣе вести войны. *Резервная армія* находилась подъ номинальнымъ начальствомъ Бертье, Бонапарте нужна была великая побѣда, которая оправдала бы его послѣ брюмера и онъ сказалъ „Нужно рисковать всѣмъ, чтобы получить все".

Никогда еще у коалиціи не было такъ много надеждъ. Наши роялисты, одураченные Бонапарте, переворотомъ 18 брюмера, который, они наивно вообразили, былъ сдѣланъ для нихъ, и съ другой стороны подавленные въ Вандеѣ, за то считали себя господами на Ронѣ, въ Марсели и, видя австрійцевъ уже въ Провансѣ и на Варѣ, во второй разъ предали бы имъ Тулонъ. Англійскія эскадры захватили все море. Единственнымъ препятствіемъ—важнымъ пунктомъ, останавливавшимъ ихъ, былъ только одинъ городъ, Генуя, защищаемая Массеною и малочисленною арміею его. Мыслью цѣлой Европы была Генуя, окруженная моремъ непріятеля.

леннымъ именемъ *резервной арміи*, весьма грубой ловушкой, но которая тѣмъ не менѣе обманула австрійцевъ? Вотъ на сколько страсть способна ослѣплять людей! Они думали лишь о Генуѣ, о Марсели, о Франціи. Бонапарте, съ своей стороны, мечталъ о покореніи Италіи. Онъ помнилъ какое поразительное впечатлѣніе произвела на Парижъ тирольская компанія 96 года, когда перейдя восточныя Альпы, онъ, благодаря побѣдамъ Массены, очутился почти у воротъ Вѣны. На этотъ разъ онъ замышлялъ нѣчто болѣе удивительное: перейти высокія западныя Альпы такъ, чтобы *непріятель этого не подозрѣвалъ*, напасть на него въ то время, когда взоры его были обращены на Генуя и Провансъ.

Для того, чтобы планъ этотъ могъ удасться, надо было предполагать въ Меласѣ замѣчательно смѣлое упрямство взять Генуя и безграничное послушаніе англичанамъ; послѣдніе, платя за войну и желая имѣть Генуя во чтобы бы то ни стало, стали бы удерживать его на позиціи и на всякій шумъ съ другой стороны Альпъ сказали бы: «это ничего».

Планъ Бонапарте, великолѣпный, поэтичный, предполагалъ массу самыхъ невѣроятныхъ усложненій. Первое и главное— что новая армія, большею частью состоявшая изъ молодыхъ солдатъ, окажется на одномъ уровнѣ съ итальянскою и египетскою арміями и совершитъ чудеса стратегической быстроты и ловкости, въ такомъ новомъ дѣлѣ и противъ такого могущественнаго непріятеля, какъ Альпы! И что же? Это удалось.

Другое чудо,—благоразумная опытность генерала и предвѣдѣніе столькихъ комбинацій—было далеко не такъ удачно. Когда армія начала уже переходъ, Бонапарте находился еще въ Швейцаріи, въ Мартиньи, и дожидался извѣстій; ему сказали, что еще не переходятъ. На итальянскомъ склонѣ находилась крѣпость, которая загораживала проходъ. Такія укрѣп-

ленія существуютъ на всѣхъ дорогахъ изъ Піэмонта. Онѣ всѣ прославлены геройскими усиліями нашихъ армій при взятіи ихъ. Крѣпость Баръ, о которой идетъ рѣчь, была мало изслѣдована. Бонапарте кончилъ тѣмъ, что отправился туда самъ, расположилъ батареи на противоположныхъ высотахъ; но это мало помогло, такъ какъ крѣпость продержалась еще нѣсколько дней. Наконецъ, прошли подъ огнемъ, обернувъ соломою колеса зарядныхъ ящиковъ и тяжелыхъ орудій.

Итакъ армія очутилась въ Піэмонтѣ, на дорогѣ, которая вела въ Геную, на помощь къ Массенѣ. Онъ обѣщалъ держаться до 24 мая. Онъ продержался еще десять дней безъ продовольствія, въ ужасномъ положеніи, и тѣмъ спасъ Бонапарте, удержавъ австрійцевъ, которые иначе успѣли бы встрѣтить разрозненную армію французовъ и уничтожить ее поголовно у каждаго альпійскаго прохода; одни спускались черезъ Симплонъ, другіе черезъ Готардъ и т. д. Бонапарте, очутившись въ Піэмонтѣ и переночевавъ въ Ивре, долженъ былъ рѣшить: повернуть ли ему на право или на лѣво. Человѣчность, признательность и патріотизмъ совѣтывали ему повернуть на право, чтобы спасти Массену, Геную, Провансъ, быть можетъ, всю Францію. Что сталъ бы онъ дѣлать, если бы Меласъ, уже овладѣвшій Варомъ, послѣдовалъ бы за нашими эмигрантами, которые предлагали провести его въ Провансъ? Меласъ очень скоро очутился бы въ Марсели и въ Ліонѣ.

Каково было въ то время положеніе Массены? Ужасное. Все было съѣдено: лошади, собаки, кошки, крысы. Солдаты приходили въ отчаяніе отъ мысли, что они покинуты Франціею; они не могли стоять отъ истощенія и имъ было разрѣшено сидѣть на часахъ. Бѣдные французы умирали, — умирали молча. Генуезцы держали себя иначе. Этотъ кри-

ливый, нервный, судорожный, почти эпилептическій народъ умиралъ въ крикливомъ отчаяніи. Чтобы перенести такое зрѣлище, требовался мѣстный уроженецъ, каменный человѣкъ, какимъ былъ Массена. Такой большой городъ, какъ Генуя, не крѣпость, гарнизонъ которой легко подавить. Разыгрывались ужасающія сцены. Итальянцы умирали у самыхъ ногъ Массены театрально-трагически. Иногда къ нему являлись процессіи въ пятьдесятъ человѣкъ. Однажды явилась такая процессія, ужасная по количеству истощенныхъ голодомъ, почти скелетовъ, которые, страшные по своей худобѣ еле тащились и стучали своими костями. Во главѣ ихъ находился весьма толстый капуцинъ, который кричалъ: «Господинъ генералъ сжальтесь надъ povera gente!».

Массена очень хорошо видѣлъ, что св. отецъ былъ австріецъ. Сначала онъ посмотрѣлъ на него взглядомъ, напоминавшимъ потоки Генуи, сѣрымъ, мрачнымъ, безжалостнымъ. Затѣмъ, разсмотрѣвъ его ближе, онъ сказалъ ему глухимъ голосомъ, казалось выходившимъ изъ глубины пустаго желудка: «Отецъ мой, вы и такъ жирны!» Капуцинъ вздрогнулъ и смутился.

Затѣмъ, усиливая впечатлѣніе своимъ дикимъ видомъ, напоминавшимъ профиль волка, оскаливъ свои бѣлые зубы, Массена повторилъ: «Отецъ мой, отецъ мой, вы жирны!» Капуцинъ задрожалъ, поблѣднѣлъ и отступилъ, затѣмъ бросился бѣжать со всѣхъ ногъ, спотыкаясь на мраморной лѣстницѣ и вся толпа бросилась за нимъ *).

*) Послѣ Маренго, Бонапарте имѣлъ побужденіе быть справедливымъ относительно Массены. который, продержавшись лишнихъ десять дней, далъ Бонапарте добраться до непобѣдимыхъ Лекурба, Додэ. Бонапарте сказалъ ему: „Безъ обороны Генуи не было бы Маренго“. И только. Массена, который до сраженія при Цюрихѣ чуть не сдѣлался бы жертвою интригъ Бернадотта, еслибы не заступниче ство Барраса, то испыталъ жестоко неблагодарность Наполеона послѣ обороны Генуи; даже на островѣ св. Елены, Бонапарте продолжалъ клеветать на него самымъ гнуснымъ образомъ.

IV.

Маренго. 14 іюня 1800. Проигранное и выигранное сраженіе.

Желаемый эффектъ былъ произведенъ. Цѣлый рядъ торжествующихъ бюллетеней возвѣстилъ Парижу, что Бонапарте вступилъ въ Миланъ. Никто не сомнѣвался въ томъ, что онъ уже былъ побѣдителемъ. Слово, сказанное 18-го брюмера, оправдалось. Его уже представляли сходящимъ съ Альповъ въ сопровожденіи его богинь — Войны и Фортуны. Всѣмъ казалось, что онъ въ одно мгновеніе пройдетъ и усмиритъ Италію. Въ дѣйствительности за нимъ была только мѣстность, занимаемая его арміею, даже не весь Миланъ, такъ какъ замокъ еще держался. Ни Мантуя, ни одна изъ большихъ

Много разъ мнѣ приходилось описывать и наблюдать коварство іезуитовъ и ихъ недостойныя продѣлки, но я долженъ признаться, что въ этомъ случаѣ Наполеонъ превзошелъ ихъ въ злодѣйствѣ и противъ кого же—противъ человѣка, который въ дѣйствительности спасъ его; благодаря которому ему удалось это безумное предпріятіе, возвысившее его до небесъ въ общественномъ мнѣніи. Массена, говорю я, заслужилъ восторженное поклоненіе всего начальства арміи которая готовилась вновь покорить Италію. Но онъ хорошо зналъ своего Бонапарте, не забылъ клеветы относительно Рима въ 98 г. и взялъ свои предосторожности, опубликовавъ общіе итоги полученныхъ суммъ и расходовъ со времени его командованія арміею. Взбѣшенный Бонапартъ не смѣлъ употребить свое обыкновенное орудіе—Бертье противъ такой гласности; онъ обратился къ Карно, который всегда ненавидѣлъ Массену, какъ славу якобинской партіи и друга Ревельеръ-Лепо. Карно имѣлъ слабость дать свое имя для недостойнаго обвиненія. Секретарь Массены нѣкто Моренъ (который въ былое время былъ общественнымъ обвинителемъ и преслѣдовалъ одного изъ братьевъ Бонапарте) былъ обвиненъ въ подлогѣ, сдѣланнымъ *конечно въ пользу Массены*, потому что Массена былъ смѣненъ.

Противъ Морена не нашлось уликъ. Бонапарте счелъ, что вполнѣ удовлетворилъ Массену, сказавъ ему; „Я побраню Карно“. Штука была съиграна. Какъ покорился этому Массена? Онъ удовлетворился надеждою на то, что ему обѣщали на востокѣ. Смотри ниже.

крѣпостей не были еще отняты у австрійцевъ. Если бы Меласъ соединилъ свои силы, которыя его правительство разбрасывало по разнымъ гарнизонамъ, то у него было бы сто тысячь человѣкъ, противъ пятидесяти тысячь французовъ. Необходимость дождаться Монсея, который неторопливо спускался съ альпійскихъ проходовъ, заставила Бонапарте пробыть восемь дней въ Миланѣ, среди радостныхъ восторговъ народа, считавшаго себя спасеннымъ.

Онъ остался тамъ отъ 2 до 9 іюня; эти дни были рядомъ праздниковъ. Между тѣмъ въ Генуѣ умирали. 4 числа Массена долженъ былъ съ горстью своею сдаться, послѣ того какъ онъ столько времени выдерживалъ осаду. Австрійцы дали ему самыя лучшія условія. Но англичане стрѣляли по немъ, когда онъ выѣзжалъ изъ порта. Они сказали, что австрійцы, находившіеся подъ начальствомъ адмирала Кейта, не имѣли права ни согласиться на капитуляцію, ни взять Геную.

Бонапарте послѣ торжества долженъ былъ наконецъ подумать о побѣдѣ надъ своимъ укрѣпившимся врагомъ. Въ дѣйствительности, если бы австрійскій дворъ, согласно своей методѣ, не заставилъ Меласа раздробить его силы по разнымъ укрѣпленіямъ, то тотъ имѣлъ бы надъ Бонапарте подавляющее превосходство числа. Но ограниченный въ своихъ силахъ этою системою, онъ не былъ сильнѣе Наполеона. Послѣдній, взявъ руками Мюрата Піаченцу и руками Ланна—Монтебелло, послѣ кровавой битвы, о которой самъ Ланнъ отозвался, какъ о страшномъ кровопролитіи, Бонапарте, говорю я, дошелъ до равнины при Маренго, на Бормидѣ, и очутился противъ арміи Меласа. Увидя ее собранную въ этой равнинѣ, Бонапарте увѣрялъ, будто онъ заперъ ее; но непріятельская армія, состоявшая отчасти изъ лучшихъ войскъ Венгріи, могла бы сказать то же самое.

Дезэ явился изъ Египта и изъ Прованса очень кстати; Наполеонъ поспѣшно вытребовалъ его; опасаясь, чтобы во время сраженія какая нибудь новая армія не явилась изъ Генуи напасть на него, онъ поставилъ Дезэ на дорогѣ къ Нови. Но послѣ двѣнадцати часовъ и Дезэ сталъ нуженъ, и Бонапарте послалъ за нимъ, видя, что три линіи войскъ уже смяты и только вторая частью еще держалась подъ предводительствомъ Ланна. Онъ показалъ Дезэ поле сраженія и спросилъ его мнѣніе. Дезэ посмотрѣлъ на часы и сказалъ: «это сраженіе проиграно, но еще рано, мы успѣемъ выиграть другое». Меласъ дѣйствительно побѣдилъ. Этотъ восьмидесятилѣтній старикъ провелъ пятнадцать часовъ верхомъ, двѣ лошади были подъ нимъ убиты, онъ умиралъ отъ усталости и удалился въ Александрію, чтобы нѣсколько отдохнуть. Онъ приказалъ объявить повсюду, что сраженіе выиграло.

Неаполитанская королева дорогою узнала радостное извѣстіе и предалась восторгу, выраженному и неприлично, который вскорѣ смѣнился слезами. Даже въ Парижѣ были получены разныя впечатлѣнія. Было собрано совѣщаніе, на которомъ обсуждалось кого назначить преемникомъ Бонапарте, въ случаѣ его погибели. Колебались между Лафайеттомъ, Моро, Брюномъ и Карно. Болѣе всего вѣроятно, что выбрали бы послѣдняго, какъ человѣка способнаго примирить партіи. Очень поздно узнали о побѣдѣ. Она частью была дѣломъ случая. Храбрый Захъ, которому Меласъ передалъ командованіе, былъ близорукъ. Ему показалось, что идетъ Массена, а Дезэ онъ принялъ за одного изъ своихъ, пошелъ къ нему на встрѣчу и далъ себя взять.

Дезэ, обладавшій выдающимися способностями и всѣми качествами человѣка и хорошаго солдата, былъ чувствительный овернецъ; онъ стремился привязаться, любить, повиноваться;

своимъ идеаломъ онъ сдѣлалъ Бонапарте, котораго зналъ очень мало. Въ этомъ случаѣ, рискуя жизнью для Франціи, онъ, надо полагать, былъ готовъ жертвовать собою и для своего героя. Увлеченный сраженіемъ, онъ получилъ рану въ грудь, смертельную. Наполеонъ приписалъ ему хвастливые слова, которыхъ онъ не говорилъ. Его единственнымъ ощущеніемъ была боязнь за армію и за исходъ сраженія. Онъ только сказалъ: «Не говорите никому». Его узнали потомъ по его густымъ, чернымъ волосамъ *). Онъ побѣдилъ послѣ смерти. Молодой Келлерманъ, вызванный имъ, явился съ своими кирасирали какъ ураганъ, и взялъ въ плѣнъ корпусъ въ пять тысячъ венгерскихъ гренадеровъ. Это было послѣдней перипетіей сраженія; за то Келлерманъ и сказалъ слова, которыхъ ему никогда не простили: «Этимъ нападеніемъ я надѣлъ вамъ на голову корону».

Оба фланга арміи Меласа побѣдили; если бы они обрушились на французовъ, то уничтожили бы ихъ; но у нихъ не было начальниковъ; семь генераловъ выбыли изъ сраженія. Армія перешла Бормиду, удержавъ за собою мосты и одну передовую позицію недалеко отъ Маренго.

Позиція Меласа была неприступна. Значительный корпусъ долженъ былъ придти ему на помощь и за нимъ находились много укрѣпленныхъ пунктовъ. У Бонапарте не было ни одного. Странно, несмотря на нетерпѣніе арміи, Меласъ сдался на капитуляцію (15 іюня). Чтобы отступить къ Ман-

*) Въ тотъ же день Клеберъ былъ зарѣзанъ въ Египтѣ. Двѣ великія потери, но совершенно различныя. Клеберъ былъ превосходнымъ гражданиномъ, Дезэ рабомъ своего поклоненія Бонапарте; скромность дѣлала его зависимымъ, легковѣрнымъ; Жуберъ болѣе съумѣлъ ускользнуть отъ обаянія Бонапарте; тесть его, Семонвиль, и Талейранъ разожгли въ немъ честолюбіе и жажду подняться выше; женитьба его, казалось, отняла у него холодную и твердую волю его. Онъ стремительно понесся и кинулся на смерть.

туѣ, онъ уступилъ Александрію, Миланъ, Туринъ и Геную, съ артиллеріею и со всѣмъ прочимъ. Непонятная капитуляція, которая заставляетъ думать, что этотъ храбрый человѣкъ потерялъ разсудокъ.

Баловень фортуны, не смотря на смерть Дезэ, котораго онъ велѣлъ похоронить далеко отъ Парижа на Сенъ-Бернардѣ, отправился торжествовать въ Миланъ, гдѣ его встрѣтили не только какъ короля, но какъ Бога. Въ отношеніе Парижа онъ былъ болѣе скроменъ. Онъ написалъ слова, которыя еще напоминаютъ гражданина: «Я надѣюсь, что французскій народъ доволенъ своею арміею».

V.

Тиранъ. Сестры. Ракъ. Адская машина. Безумныя изгнанія. Конецъ 1800 г.

Быстрота этой кампаніи, удивительный финалъ, заключенный однимъ сраженіемъ, недоумѣніе Меласа, его глухота, помѣшавшая ему замѣтить переходъ такой огромный арміи черезъ Альпы,—все это забавило Парижъ, заставило его забыть страданія Генуи, сомнительный успѣхъ Маренго, смерть Дезэ и тяжелыя потери, которыми была куплена побѣда.

Публика была удовлетворена театральнымъ эффектомъ, результатомъ настолько великимъ и неожиданнымъ, что онъ превосходилъ всѣ ожиданія. Сохранилось въ памяти нѣсколько остротъ, модное рагу, цыплята à la Маренго, зарѣзанные, сваренные и поданные сразу. Имя побѣдителя не сходило съ устъ народа: «этотъ шутъ Бонапарте».

Но подражая великимъ актерамъ, которые сами никогда не смѣются надъ самыми удачными штуками своими, Бона-

парте возвратился величественный и мрачный, вовсе не съ видомъ импровизитора, которому легко даются самыя трудныя вещи, а съ видомъ глубокомысленнаго мыслителя, всесильнаго чародѣя, заклинаніями своими побѣдившаго природу, покорившаго даже Альпы.

Да, теперь возвращался совсѣмъ другой Бонапарте. Неожиданность его баснословнаго успѣха ослѣпила не только другихъ, но и его самого, хотя онъ конечно лучше зналъ, чѣмъ кто либо другой, недостатки своихъ дѣйствій и опасность угрожавшаго ему пораженія.

Въ новомъ своемъ положеніи, тріумфаторъ стоялъ слишкомъ высоко надъ толпой, чтобы заботиться о мнѣніи ея, и онъ вдругъ измѣнилъ свои нѣсколько буржуазныя привычки, которыя онъ выставлялъ на показъ послѣ 18 брюмера. Не оставляя Жезефину, (которая все еще спала съ нимъ) онъ уже нѣсколько пренебрегалъ ею и выписалъ въ Парижъ красавицу итальянку Грассини, воспѣвавшую его побѣды въ Миланѣ, ее можно было назвать голосомъ Италіи. Не была-ли Грассини, (съ которою онъ самъ обращался весьма грубо *), только ширмами, за которыми скрывались еще другія вольности, какія разрѣшилъ себѣ новый властелинъ? Сестры Бонапарте, всегда враждовавшія съ Жозефиною, теперь окончательно побѣдили; онѣ господствовали до тѣхъ поръ, пока Гортензія, падчерица Бонапарте, не смѣнила ихъ въ свою очередь.

Сатирики видѣли во всемъ этомъ кровосмѣшеніе. Такой выводъ сомнителенъ. Впрочемъ, почему бы этотъ подражатель королей въ такъ многихъ отношеніяхъ и не попробовалъ бы, (повторяя извѣстное выраженіе принцессы Генріетты орлеан-

*) Однажды, когда она попросила у него портретъ, онъ далъ ей монету въ 100 су.

ской и примѣръ Людовика XV и многихъ другихъ) воспользоваться этою привиллегіею королевской нравственности.

Всѣ эти самки должны были сдѣлаться королевами. Каролина сдѣлалась королевою Неаполя, Полина—Сенъ-Доминго, наконецъ Гортензія—Голландіи. Тѣ, которые слѣдили только за его внѣшнею дѣятельностью, не подозрѣвали, что онъ былъ болѣе озабоченъ своимъ семействомъ, чѣмъ судьбами Франціи и Европы. Честолюбіе этихъ женщинъ, требовавшихъ трона, честолюбіе его братьевъ, которые въ виду его бездѣтности мечтали о наслѣдованіи, все это создавало ему массу непріятностей. Послѣ Маренго и до амьенскаго мира и отъѣзда Полины въ Сенъ-Доминго, въ немъ зрѣла болѣзнь, разразившаяся вскорѣ послѣ отѣзда Полины.

Земляной, желтоватый цвѣтъ лица, (не того оттѣнка, какой бываетъ у итальянцевъ) и страданія острыя до того, что секретарь долженъ былъ его поддерживать, когда онъ переходилъ корридоръ, все это доказывало что болѣзнь его была серьезною. Былъ ли это ракъ желудка, который онъ унаслѣдовалъ отъ отца и который сталъ причиною его смерти? Или это была болѣзнь кожи, столь обыкновенная на родинѣ его матери, болѣзнь, отъ которой онъ въ этотъ годъ, болѣе занятый женщинами, старался избавиться разными лекарствами? Въ 1800 году, послѣ Маренго онъ не былъ еще боленъ, но страшно возбужденъ разными страстями, всевозможными планами. Повелитель Европы онъ показалъ себя другимъ Бонапарте, жестокимъ и бѣшенымъ. Въ немъ проснулся дикій звѣрь. Онъ сталъ тираномъ.

Онъ оставилъ свои притворныя привычки и показалъ каково новое правительство,—беззаконное. Каждый почувствовалъ желѣзную цѣпь. Итальянскій скульпторъ Черакки, создавшій для директоріи прекрасный бюстъ Бонапарте, разочаровался

на его счетъ, какъ разочаровались многіе другіе, между прочимъ знаменитый музыкантъ Бетховенъ. Черакки и его друзья сильно поговаривали о необходимости убить тирана. Нѣкто Гарель предупредилъ довѣреннаго секретаря, Бурьена, объ этихъ замыслахъ. Бонапарте приказалъ выдать заговорщикамъ деньги и оружіе. Все было извѣстно и все предусмотрѣно. Заговорщиковъ хотѣли вовлечь еще дальше и затѣмъ погубить. Имъ доставляли всѣ средства.

Это дѣло еще не было кончено, когда явилось другое, *адская машина*; она не удалась, но подала только поводъ Бонапарте сбросить маску и дать волю своему бѣшенству.

Сперва онъ имѣлъ въ виду быть посредникомъ партій; но въ дѣйствительности, рожденный роялистомъ онъ и остался имъ. Изъ этой партіи онъ погубилъ одного Фротте, за личное оскорбленіе; впрочемъ онъ не исполнилъ своихъ угрозъ относительно Вандеи. Имѣли-ли роялисты поводъ къ жалобамъ? Онъ далъ имъ если не короля, то королевство, монархическое правленіе, которое они желали, и мало по малу возвращалъ имъ непроданныя имущества.

Главнымъ предметомъ вражды его была республика и республиканцы. Онъ засталъ ихъ побѣдителями въ Голландіи и Швейцаріи, передъ ними отступала Европа и, посредствомъ подлаго фиглярства, онъ создалъ 18-е брюмера. Вотъ что онъ сознавалъ и онъ отдавалъ себѣ справедливость полагая, что вполнѣ заслужилъ здоровый ударъ кинжаломъ.

Когда онъ спасся отъ взрыва, увидя смерть такъ близкой, онъ находился въ театрѣ и сохранилъ наружное спокойствіе. Но возвратясь домой, онъ далъ волю своену бѣшенству, обозвалъ виновныхъ якобинцами и сентябристами. Фуше и другіе напрасно старались доказать ему, что прежде чѣмъ называть виноватыхъ, ихъ слѣдовало розыскать... Расположеніе къ

эпилепсіи дѣлало его въ такія минуты страшнымъ; свинцовый взглядъ его, тусклый и стеклянный, загорался и онъ повторялъ шипящимъ голосомъ: «Сентябристы, убійцы».

Фуше боялся за себя. Воспоминанія о Ліонѣ и Нантѣ могли зародить подозрѣнія въ томъ, что, защищая якобинцевъ, онъ защищалъ и свою личность. Онъ признался Бурръенну, что сознавая ошибочность подозрѣній консула, онъ не могъ ничего доказать. Въ своемъ докладѣ, онъ изъ страха покорился, и это самымъ подлымъ образомъ, и тоже обвинилъ якобинцевъ: «Не всѣ хватились за кинжалы, но всѣ способны это сдѣлать».

И такъ не существовало болѣе ни закона, ни правъ. Приказъ консула, скрѣпленный сенатомъ, присуждаетъ къ изгнанію сто тридцать человѣкъ. Всѣ прочіе сѣли на корабли. Мѣстомъ ихъ изгнанія было дно океана. Почти всѣ погибли во время бури. Только двое умерли на эшафотѣ, вмѣстѣ съ Черакки и другими, а также виновные роялисты, которыхъ они не знали.

Бонапарте, которому наконецъ объяснили истину, не отмѣнилъ ничего, а сказалъ. «Ну что-жь? Я отъ нихъ отдѣлался!»

VI.

Императоръ Павелъ. Его любовь къ Франціи. 1798 –1800.

Наглая свирѣпость, выказанная Бонапарте въ этомъ дѣлѣ, тогда какъ обыкновенно онъ предпочиталъ болѣе ловкіе и не столь откровенные пріемы, объясняется приступомъ гордости, которая вдругъ имъ овладѣла. Восхищеніе и дружба Павла и общіе планы ихъ вскорѣ обѣщали сдѣлать Бонапарте господиномъ всей Европы.

Если спросите русскихъ о царѣ Павлѣ, вы услышите отъ нихъ повтореніе одного и того же, точно они сговорились въ своемъ одностороннемъ пониманіи этой личности. Это не удивительно.

Между тѣмъ многіе изъ современниковъ, знавшіе его близко, не отрицая рѣзкія противорѣчія его характера, хвалили его доброту, великодушіе, справедливость и сострадательное сердце. Можно сказать, что въ то время Павелъ былъ единственнымъ честнымъ правителемъ. Это наводитъ на размышленія о человѣческой душѣ, всюду одинаковой и даже иногда болѣе возвышенной у тѣхъ, кого мы называемъ варварами.

Недостойные царедворцы не находятъ въ томъ, кого они столько оскорбляли, ни ненависти, ни горечи. Вотъ истинное великодушіе. Но сердце его было слишкомъ нѣжно, слишкомъ чувствительно и онъ слишкомъ ему подчинялся. Когда эмигранты стекались въ Россію и разсказывали трагедію Людовика XVI и Маріи Антуанетты, Павелъ, не подозрѣвалъ ни ихъ измѣны, ни ихъ призыва непріятелей на Францію, очень жалѣлъ Людовика XVI и ненавидѣлъ революцію. Онъ принялъ живѣйшее участіе въ судьбѣ принцевъ лишенныхъ престола революціею, особенно въ королѣ Піэмонта и въ неаполитанской королевѣ, которая, можно сказать, обнимала его колѣни. Онъ послалъ сто тысячъ человѣкъ подъ начальствомъ Суворова въ Италію противъ нашихъ армій, въ то время слабыхъ и плохо содержанныхъ.

Но когда подъ Цюрихомъ Павелъ увидѣлъ себя почти покинутымъ Австріею, которая совсѣмъ не поддерживала его въ борьбѣ съ Массеною и была причиною пораженія при Цюрихѣ, столь обиднаго для славы русскаго орудія, то онъ вышелъ изъ коалиціи.

Другіе интересы привлекли его рыцарскую душу, но интересы тождественные, «всегда защита слабыхъ». На этотъ разъ его призывали морскія державы, Швеція, Данія, Гамбургъ, и др. незаслуженно оскорбленныя, обиженныя Англіею, которая также мало уважала даже Пруссію, Италію. Передъ портомъ Барцелоны англичане захватили три корабля, выставивъ на палубѣ своихъ кораблей лишь англійскихъ офицеровъ, переодѣтыхъ испанцами. Павелъ, котораго жертвы этой недостойной тираніи со всѣхъ сторонъ умоляли о помощи, вспомнилъ, что въ 1780 году Россія стала во главѣ лиги для покровительства нейтральныхъ державъ.

Вопросъ касался свободы мореплаванія, о чемъ разсуждали не мало уже въ семнадцатомъ столѣтіи, о *mare liberum* голландцевъ и *mare clausum* англичанъ—положеніе, которое вторые поддерживали въ началѣ во имя собственной безопасности на тѣсныхъ моряхъ Европы; но положеніе крайней тиранніи, когда, овладѣвъ Индіею, они распространили его на всѣ моря и желали такъ сказать конфисковать цѣлую стихію. Но это мнимое право свободнаго плаванія по всѣмъ морямъ, которые они исключительно присвоивали для своихъ кораблей, заключало въ себѣ еще другое право—приставать на всѣхъ берегахъ, т. е. овладѣть и самою землею. Взявъ въ свои руки этотъ важный вопросъ, Павелъ тѣмъ самымъ долженъ былъ сблизиться съ Франціею, которая всегда отстаивала его, и съ Бонапарте, который послѣ брюмера отослалъ Павлу его солдатъ, взятыхъ въ плѣнъ въ Голландіи вмѣстѣ съ англійскими войсками, и отослалъ ихъ съ честью, въ новыхъ мундирахъ и при знаменахъ.

Такая ловкая, великодушная и льстивая политика Бонапарте тронула Павла. Весь русскій дворъ раздѣлился на два лагеря по одному важному вопросу. Испытавъ столько не-

справедливостей отъ своей матери, Павелъ всѣмъ сердцемъ своимъ полюбилъ Россію и сталъ врагомъ престолонаслѣдія, возводившаго на русскій тронъ женщинъ.

Екатерина заставила его сперва жениться на гессенской принцессѣ. Овдовѣвъ вскорѣ, онъ женился на баденской принцессѣ, добродѣтельной и достойной женщинѣ, которая имѣла поэтому большое вліяніе на своихъ сыновей. Будучи настоящимъ русскимъ, настоящимъ славяниномъ, вспыльчивый и неустойчивый, Павелъ, хотя и былъ добръ къ эмигрантамъ, не могъ сдѣлаться центромъ иностранцевъ, нѣмецкой, англійской, голландской колоній, усилившихъ свое вліяніе со времени Петра Великаго. Они скорѣе должны были держать сторону Германіи. Также положеніе вещей было бы весьма благопріятно коммерціи и всѣмъ иностранцамъ вообще, а также и русскому дворянству, которое обогащалось англійскою торговлею.

Павелъ принялъ твердое рѣшеніе, которое сочли деспотическимъ, между тѣмъ оно было только патріотическимъ. Онъ пожелалъ, чтобы отнынѣ *Россія управлялась только русскими*, и чтобы никакая иностранка, въ родѣ Екатерины, не всходила на тронъ. Старшій въ мужескомъ колѣнѣ долженъ былъ царствовать. Этимъ узаконеніемъ императрица устранялась отъ престолонаслѣдія.

VII.

Царь Павелъ. Его проектъ. Его смерть 31 марта 1801 г.

Въ серединѣ года, когда Европа была удивлена, восхищена побѣдою при Маренго, небольшая группа людей, которая осмѣливалась отстаивать въ Петербургѣ болѣе тѣсное

сближеніе съ Франціею, осмѣливалась и высказываться болѣе откровенно и совѣтывать выйдти изъ нейтральнаго положенія. Павлу дали замѣтить, что англичане хвалившіеся тѣмъ, что спасали оттоманскую имперію, въ сущности незамѣтно овладѣвали ею. Побѣда при Сенъ-Жанъ д'Акрѣ, смерть Клебера, погибшаго отъ руки убійцы въ самый день битвы при Маренго, все это благопріятствовало ихъ планамъ. Они управляли всѣми дѣлами порты и знали, что, не снимая маски, они могли дѣлать что хотѣли; удѣляя часть добычи пашамъ, они могли не гласно завладѣть всею оттоманскою имперіею. Они это и сдѣлали въ настоящемъ столѣтіи подъ самымъ носомъ у русскихъ. Россія, сторонница Греціи, отстаивала полное преобразованіе Турціи. Англичане же предлагали *больному* (такъ называли Турцію еще въ то время) болѣе пріятное лекарство и, въ то же время, стремились подчинить его себѣ и дать ему погибнуть отъ овладѣвшей имъ холеры.

Въ августѣ и сентябрѣ единственный человѣкъ, осмѣлившійся быть дѣйствительно русскимъ въ партіи царя—Ростопчинъ, доложилъ ему объ этомъ подъ большимъ секретомъ, боясь оскорбить партію нѣмцевъ, иностранцевъ и молодой Россіи, которая своими мыслями и интересами склонялись на сторону англичанъ. Они съумѣли внушить этой слѣпой, непредусмотрительной молодежи восхищеніе порядками Англіи. Молодой Строгоновъ напр. воспитанный французомъ Роммомъ, увлекся англійскими идеями. Самъ Александръ, сынъ царя, воспитанникъ Лагарпа, патріота французской Швейцаріи, присоединялся всего охотнѣе къ обществу молодыхъ Чарторыжскихъ и мечталъ создать для Польши, а быть можетъ и для всей Россіи послѣ смерти Павла, конституцію въ духѣ англійской.

Павелъ, повелитель страны, чувствовалъ въ тоже время,

что вокругъ него образуется пустыня. Около 1-го октября онъ попросилъ наконецъ Ростопчина написать и сдѣлать выводъ изъ всего того, что тотъ ему говорилъ. Нѣмцы, обладающіе монополіей въ описаніи историческихъ событій Россіи, говорятъ очень дурно объ этомъ Ростопчинѣ. Мы знакомы съ этимъ именемъ лишь по московскому пожару, мы склонны видѣть въ немъ настоящаго русскаго, преданнаго отечеству и царю. Въ запискѣ до сихъ поръ неизвѣстной, которую я имѣю передъ глазами, онъ развертываетъ картину Европы, разъясняетъ политику англичанъ и виды ихъ на Турцію, и совѣтуетъ положить предѣлъ ихъ замысламъ. Бонапарте, послѣ смерти Клебера и въ виду плохаго положенія дѣлъ въ Египтѣ, будетъ въ восторгѣ отъ такого предложенія. При раздѣлѣ онъ получитъ Египетъ и приморскую Грецію, Россія — Румелію (Константинополь) Болгарію, Молдавію, Австрія — остальное, а Пруссія какое нибудь удовлетвореніе.

На поляхъ записки Ростопчина сохранились отмѣтки карандашемъ Павла, мысли, которыя онъ выражалъ въ слухъ во время чтенія. Замѣтки эти, къ сожалѣнію рѣдкія, очень любопытны. Это крики сердца, совѣсти, обращенные къ самому себѣ; напр. по поводу той большей доли, которую Ростопчинъ опредѣлилъ въ этомъ раздѣлѣ для Россіи, Павелъ восклицаетъ: «Не много ли будетъ!» Затѣмъ, при размышленіяхъ о вѣроятномъ успѣхѣ покоренія, на поляхъ замѣчено «Не смотря на все это, меня тѣмъ не менѣе будутъ бранить...!» Нѣтъ сомнѣнія что такой образъ дѣйствій поссоритъ его съ Англіею съ Европою, съ міромъ *порядочныхъ людей*, защитникомъ которыхъ онъ являлся до сего времени. Сноше-

*) Этотъ драгоцѣнный документъ, списанный княземъ Гагаринымъ и опубликованный въ русскомъ періодическомъ изданіи, былъ мнѣ доставленъ благодаря любезности Ивана Тургенева.

нія Павла съ Франціею и въ особенности съ Бонапарте, котораго они продолжали называть *Вандемьеромъ*, должны были показаться ужасными. Ужасъ этотъ усилился, когда Павелъ оказывавшій раньше поддержку Неаполю, отправилъ туда посланника, для соглашеній съ посланникомъ перваго консула; они оба засѣдали въ одной ложѣ и передъ глазами всего собранія соединили два знамени—французской республики и Россіи.

Въ дѣйствительности, французская армія, вступавшая въ неаполитанское королевство, должна была занять тотъ берегъ Италіи, откуда ближе всего можно было наблюдать за Греціею. Бонапарте желалъ доставить славу покоренія Востока Макдональду (впослѣдствіи герцогу Тарентскому), умному, но не блестящему генералу, который не могъ соперничать съ Наполеономъ. Но Павелъ, въ порывѣ благородства, говорятъ потребовалъ болѣе достойнаго, побѣдителя Суворова, Массену, котораго всѣ восхваляли послѣ осады Генуи. Имя Массены, знаменитаго якобинскаго генерала, повторялось въ противореволюціонной партіи, для того чтобы придать еще болѣе возмутительный оттѣнокъ замысламъ Павла.

Чтобы сбить съ толку любопытныхъ, передавали, какъ достовѣрное, нелѣпое предположеніе, (которое однако повторяли всѣ историки), будто Павелъ и Бонапарте приготовляютъ экспедицію въ англійскія владѣнія Индіи. Англичане сами, такъ мало этому вѣрили, что вызвали часть войскъ изъ Индіи, и послали ихъ въ Египетъ на помощь туркамъ. Говорили также, что сформируютъ конницу въ пятьдесятъ тысячъ казаковъ. Къ этимъ воинственнымъ племенамъ *) родственнымъ Польшѣ, подъ знаменемъ которой они долго воевали противъ

*) Мишле считаетъ казаковъ родственными Польшѣ. Впрочемъ оговаривать ошибки его относительно Россіи и русскихъ едвали нужно. *Прим. перев.*

Турокъ, могли присоединиться безъ сомнѣнія эскадроны польскіе и литовскіе.

Павелъ воротилъ поляковъ изъ Сибири. Но что еще болѣе возмутило общественное мнѣніе, это освобожденіе героя Польши, Костюшки. Когда Павелъ вошелъ въ тюрьму и увидѣлъ эту жертву, этого великаго человѣка, изрубленнаго, еще не оправившагося отъ ранъ, онъ не могъ удержаться и горько заплакалъ. Костюшка, одинаково дорогой русскимъ, полякамъ и казакамъ, представлялся вѣроятно Павлу, какъ общій мученикъ этой великой славянской расы, какъ олицетворенія ея закрѣпощенія, ея угнетенія.

Отправляясь на это благородное, быть можетъ, нѣсколько неосторожное свиданіе, возбудившее тревогу тѣхъ, кто получилъ въ даръ отъ Екатерины конфискованныя имущества, Павелъ пригласилъ съ собою сына, молодаго Александра, друга и товарища Чарторижскихъ. Александръ, воспитанникъ Лагарпа, французскаго швейцарца, но окруженный молодыми эмигрантами, какъ Ришелье, Ланжеронъ, Сенъ-Пристъ и др. не долженъ былъ чувствовать влеченія къ революціи. Нѣмецъ по матери, англичанинъ по своимъ симпатіямъ, онъ былъ естественнымъ врагомъ (кроткимъ, скромнымъ, но все же врагомъ) всѣхъ стремленій Павла. Онъ такъ же, какъ и отецъ, заплакалъ при видѣ Костюшко, но безъ сомнѣнія разсказалъ матери и всѣмъ эту трогательную сцену, надѣлавшую много тревогъ, принятую за вѣрный признакъ воскресенія Польши. Она могла стать опаснымъ орудіемъ противъ Турціи, противъ англичанъ, которые конечно заступились бы за порту, какъ союзницу въ настоящемъ (и будущую жертву). Минута казалось была благопріятна для Павла. Министерство Питта пало, а мануфактурная Англія и ея король съ его министръ Аддингтономъ вздыхали о мирѣ.

Между тѣмъ наступала весна, сѣверныя моря очищались отъ льда. Павелъ вообразилъ, что можно отвлечь вниманіе англичанъ, аттакуя ихъ въ Ганноверѣ при посредствѣ пруссаковъ. Ганноверъ—это древнѣйшее родовое княжество королевскаго дома, Георгу III оно было дороже всего и онъ охотно бы сказалъ: «Возьмите лучше мои три королевства, но оставьте мнѣ Ганноверъ». Это былъ такой чувствительный вопросъ, что Павелъ положилъ этимъ начало борьбы на смерть, и миролюбивыя стремленія Георга и его честность, какъ человѣка, были сильно затронуты. Англійскій флотъ былъ снаряженъ въ Балтійское море.

Петербургскіе англичане, которымъ Павелъ приказалъ остановить торговлю, были въ отчаяніи, а также и русскіе торговые дома, имѣвшіе съ ними сношенія. Кожи, канаты, сало, деготь, всѣ эти товары, которые Англія ежегодно увозила на своихъ корабляхъ, были задержаны въ Кронштадтѣ, Ревелѣ, Ригѣ, а также и цѣлые склады хлѣба, вывезеннаго изъ Польши. Владѣльцы огромныхъ помѣщеній были въ большемъ затрудненіи, ихъ лишили воздуха: сѣверные порты и торговля съ Англіею служили единственными путямя сбыта. Закрывъ порты, Павелъ раззорялъ и стѣснялъ ихъ и, для своего освобожденія, они готовы были прибѣгнуть къ самымъ мрачнымъ мѣрамъ.

Получилось удивительное явленіе: неограниченный монархъ былъ безсиленъ, покинутый всѣми. Это былъ плохой признакъ: Цѣны на квартиры въ Петербургѣ значительно упали. Многіе обращались въ бѣгство.

Павелъ довѣрялъ одному Ростопчину. Но въ меморіи, которую я имѣю подъ глазами, видно, что между ними былъ порѣшенъ отъѣздъ Ростопчина въ Парижъ, подъ тѣмъ предлогомъ, будто онъ впалъ въ немилость. Соглашаясь на отъѣздъ Ростопчина, Павелъ самъ себя обезоруживалъ, лишаясь слуги,

который болѣе всѣхъ его успокоивалъ. Онъ назначилъ его директоромъ почтъ.

Конечно, весною, надо было не мѣшкая приняться за исполненіе великаго плана. Въ отсутствіи Ростопчина Павлу казалось, что онъ могъ довѣриться человѣку, котораго онъ облагодѣтельствовалъ и назначилъ губернаторомъ Петербурга. То былъ не русскій и не нѣмецъ, а курляндецъ (подозрительная народность, не русская, но которая слишкомъ часто управляла Россіею). Этого курляндца звали Паленъ. Надѣялись, что Павелъ возстановитъ Польшу подъ покровительствомъ Россіи.

Раздѣлъ Польши, предложенный коварнымъ Фридрихомъ, сначала показался большою выгодою для Россіи, которой дали большую долю и которая оказалась такимъ образомъ въ сосѣдствѣ двухъ пособницъ своихъ, Пруссіи и Австріи, и была тѣмъ самымъ втянута во всѣ европейскія распри. Тогда не предвидѣли, что Россія, къ которой присоединили этотъ трупъ королевства, ради него отвлечетъ вниманіе отъ усилій личнаго развитія, которое могло совершиться только путемъ уступокъ сильному русскому народу, признаваемому ими за варваровъ.

Тогда не предвидѣли, что Германія посредствомъ сотни способовъ овладѣть Россіею, доставляя ей управляющихъ, экономовъ, государственныхъ людей, сдѣлается владыкой края и что, наконецъ, эта незаконнорожденная Германія, одна изъ самыхъ ограниченныхъ посредственностей между государствами всего свѣта, отстранитъ русскихъ, совершенно иначе одаренныхъ отъ всякаго прогресса; русскіе, не будучи подавленными, обнаруживаютъ способности и даже живую геніальность народовъ юга.

Грубая Германія съ тѣхъ поръ стала стѣною между Рос-

сіею и Европою, наложила на геній русскихъ свою печать посредственности, тугости, парализовала тѣ нѣжные органы, посредствомъ которыхъ Россія ощущала электрическія теченія запада, ту теплоту, которую далеко распространяютъ искусства Франціи и Италіи, и чудеса промышленной Англіи. Это солнце, освѣщающее, согрѣвающее западъ имѣло всегда притягательную силу для Россіи, если ей не мѣшала Германія. Германія, безъ сомнѣнія, культурная страна. Но это другая культура, которая трудно передается по своимъ формуламъ, по своей извѣстной схоластической тяжеловѣсности, свойственной всему нѣмецкому. Все это стоитъ серьезной преградой. Русскіе умы, которые воспитываются на нѣмецкій ладъ въ университетахъ, пріобрѣтаютъ какую то неловкость, неспособность къ полному развитію, и даже иногда вовсе парализуются.

Тяжеловѣсная Германія эта, принявшись за подвижную Россію, слишкомъ легко справилась съ нею, подавила ее, не позволяя ей ни одного самостоятельнаго шага. По смерти Павла, она получила въ лицѣ Александра (француза по воспитанію, но нѣмца по матери) подражателя нѣмцевъ. Военныя поселенія, устроенныя имъ по примѣру Австріи, довели народъ до такого отчаянія, что многіе предпочитали умирать подъ кнутомъ, чѣмъ подчиниться нелѣпой регламентаціи.

Кончина Павла, послѣ котораго Россія вернулась подъ иностранное вліяніе, была несчастьемъ для Европы. Она отдалила Россію отъ всякого сближенія съ Франціею. Тираннія Наполеона, роковыя побѣды подъ Аустерлицемъ и Москвою, обратившіе войну въ національное дѣло, которое привело русскихъ во Францію, только подтверждаютъ разрывъ между западомъ и востокомъ Европы, между двумя народами, родственными по своему характеру и рожденными для взаимной дружбы.

VIII.

Послѣдствія смерти Павла. Тиранія англичанъ на морѣ, а Бонапарте на сушѣ. Англійскій миръ. Конкордатъ 1802 г.

Великая промышленная революція, совершавшаяся въ Англіи, требовала денегъ во что бы то ни стало, слѣдовательно нуженъ былъ миръ, отставка воинственнаго Питта и торжество болѣе миролюбаго министерства Аддингтона. Но съ другой стороны смѣлость Павла, освободителя морей, требовавшаго для этой цѣли, чтобы его союзники напали на Ганноверъ, столь дорогое наслѣдственное герцогство королевскаго дома, личную собственность короля, побудила Георга III начать войну. Питтъ подалъ въ отставку въ февралѣ, но въ мартѣ нападеніе на Ганноверъ вызвало сожалѣніе объ удаленіи его. Такъ что Георгъ, нерѣшительный въ своихъ намѣреніяхъ, счелъ за лучшее, чтобы Питтъ удаляясь заявилъ, что будетъ поддерживать своего преемника передъ парламентомъ, и въ дѣйствительности онъ удержалъ въ своихъ рукахъ часть администраціи. Впрочемъ это было весьма естественно, такъ какъ большинство высшихъ сановниковъ и начальниковъ получили свои назначенія еще во время Питта, держались имъ и дѣйствовали въ его духѣ.

Назовемъ напр. бульдога Нельсона, который признавалъ только Питта и не обращалъ вниманія на другихъ начальниковъ до смерти Павла. При первой вѣсти о нападеніи на Ганноверъ, которое онъ предписалъ пруссакамъ, было рѣшено, что англійскій флотъ, для устрашенія союза нейтральныхъ державъ, будетъ дѣйствовать не противъ Пруссіи, у которой нѣтъ портовъ, и не противъ Петербурга, хорошо защищеннаго Кронштадтомъ, но противъ слабой и неповинной

Даніи, которая ничего не сдѣлала противъ Англіи, кромѣ того, что закрыла рѣки для ея торговыхъ судовъ. Англійскій флотъ двинулся въ море 1 марта, подъ начальствомъ Паркера и помощника его, храбраго Нельсона, который конечно не сталъ бы слушать никого и не остановился бы ни передъ какими насиліями, разъ что ему бы удалось проникнуть въ Балтійское море и пойти на приступъ Копенгагена. Эта прекрасная столица ничѣмъ не была защищена со стороны моря и не имѣла бы почти никакихъ оборонительныхъ средствъ, если бы только Павелъ, увѣдомленный во время не послалъ русскій флотъ въ тылъ Нельсону.

Благодаря узости Балтійскаго моря, Нельсонъ, чтобы тамъ ни говорили, узналъ во время извѣстіе о смерти Павла и приступилъ къ бомбардированію Копенгагена. Паркеръ желалъ, чтобы варварская операція была пріостановлена; бомбардировка на такомъ близкомъ разстояніи отъ столицы была ничѣмъ другимъ, какъ повальнымъ убійствомъ. Но Нельсонъ не прекратилъ своего неистовства; онъ замѣтилъ иронически, что, будучи близорукимъ, онъ не замѣтилъ сигналовъ, подаваемыхъ Паркеромъ. Онъ потерялъ только восемьсотъ человѣкъ набранныхъ по улицамъ Лондона и убилъ шесть тысячь датчанъ, людей болѣе драгоцѣнныхъ, студентовъ университета, профессоровъ медицины, и много другихъ личностей высокихъ профессій, словомъ цвѣтъ сѣвера. Не смотря на это, датчане не сдавались. Потребовалась варварская угроза Нельсона, взявшаго въ плѣнъ нѣсколько датскихъ кораблей, сжечь ихъ вмѣстѣ съ людьми. Датчане, чтобы спасти своихъ родственниковъ, друзей, дѣтей отъ сожженія, подчинились и уже не было больше рѣчи о нейтральной лигѣ ни о свободѣ мореплаванія.

Россія, которая отказывалась отъ борьбы или отдѣлыва-

лась неопредѣленными словами, оставила Францію одну въ борьбѣ съ Англіею. Англичане попытались повторить надъ однимъ изъ портовъ ея копенгагенскую бойню, но все было подъ защитой. Два раза въ іюлѣ и въ августѣ Нельсонъ являлся передъ небольшимъ портомъ, Булонемъ, и въ послѣдній разъ съ сильною эскадрою подъ начальствомъ своимъ и еще пяти адмираловъ. Много бомбъ было брошено безъ всякаго результата, и такъ какъ наши корабли, выдвинутые впередъ на пятьсотъ сажень, были соединены цѣпями, образуя линію, то всѣ попытки абордажа оказались безуспѣшными и покрыли море трупами. Дѣйствительнымъ пораженіемъ для Франціи и побѣдою для Англіи была смерть Павла, вступленіе на престолъ молодаго Александра, замѣчательнаго по своей кротости. Всѣ порты были снова открыты, обрадованные помѣщики могли возобновить выгодную торговлю съ Англіею и сохранить безъ всякаго страха свои помѣстья въ Польшѣ. Александръ давалъ Польшѣ неопредѣленныя обѣщанія и удерживалъ возлѣ себя Чарторижскихъ, которые ублажали свое отечество надеждами на королевство, организованное по примѣру Англіи.

Съ другой стороны семейныя добродѣтели Александра способствовали къ тому, чтобы сдѣлать его политику очень мягкою. Онъ чрезвычайно уважалъ свою мать, она была нѣмецкой принцессой изъ Вюртемберга. Очень естественно было желаніе Александра, чтобы семейство его матери, а также и семейство его жены, баденской принцессы, получили бы свою долю выгоды при новомъ устроиствѣ Германіи. Самъ онъ сохранялъ благоговѣйное воспоминаніе о родовомъ герцогствѣ царствующаго дома, Ольденбургѣ, и былъ готовъ оказывать ему во всемъ поддержку.

Люневильскій миръ давалъ ему возможность учавствовать въ

третейскомъ судѣ по дѣламъ Германіи и удовлетворить своему душевному желанію. Но Бонапарте, пользуясь страхомъ своего имени и уступчивостью Александра, сталъ въ дѣйствительности хозяиномъ этого новаго порядка вещей, который за счетъ духовныхъ особъ обогащалъ особъ свѣтской власти. Пособники Бонапарте, Талейранъ и Дальбергъ въ Парижѣ, были распорядителями этой богатой добычи и не забыли семейства, которыя такъ интересовали Александра; его нѣмецкіе родственники были надѣлены болѣе щедро, чѣмъ то сдѣлалъ бы самъ Александръ. Благодаря этому русскій дворъ былъ очень снисходителенъ къ Бонапарте, который творилъ что хотѣлъ въ Германіи и въ Италіи.

Въ 1802 году Англія, удовлетворенная уступкою права нейтралитета (т. е. уступкою ей владычества надъ морями), высказала внезапно такое миролюбіе, что безъ особеннаго раздраженія слѣдила за приготовленіями, которыя дѣлали наши въ сѣверныхъ портахъ, съ цѣлью вновь покорить Сенъ-Доминго. Съ тѣхъ поръ, какъ Бонапарте почувствовалъ себя нездоровымъ (отъ наслѣдственнаго рака), въ 1800—1801 году, онъ принялъ твердое рѣшеніе удалить свою любимую сестру Полину, сдѣлавъ ее королевою міра черныхъ; онъ выдалъ ее замужъ за очень посредственнаго человѣка, не особенно имъ любимаго, генерала Леклерка, который былъ назначенъ начальникомъ экспедиціи. Армія въ тридцать тысячь человѣкъ была посажена на суда, но это не встревожило англичанъ. Питтъ окончательно упалъ, или скорѣе устранился, и его мѣсто занялъ миролюбивый Аддингтонъ, котораго привѣтствовала Англія, а также и король, во чтобы то ни стало желавшій сохранить миръ, или покрайней мѣрѣ перемиріе, позволившее бы на нѣкоторое время пріостановить взиманіе военныхъ налоговъ, самыхъ обременительныхъ для страны.

Миръ этотъ былъ заключенъ на скорую руку въ Аміэнѣ другомъ короля, лордомъ Корнваллисомъ, усмирителемъ Индіи.

Чтобъ скорѣе достигнуть желаемой цѣли, очень мало разбирали спорные вопросы. Франція въ то время занялась эвакуаціею Египта, но удержала за собою остальныя завоеванія. Особенно она дорожила Мальтою, какъ центральнымъ пунктомъ этого моря; она предлагала уступить остальныя завоеванія, лишь бы не уступить англичанамъ этого острова. Мальта осталась камнемъ преткновенія, о который разбивались переговоры и относительно котораго никакія соглашенія не были возможны. Въ сущности это было только перемиріе. Это временное затишье, всеобщая радость по поводу мира, помогли Бонапарте совершить то, что онъ называлъ великою внутреннею политикою, т. е. рядъ необыкновенныхъ глупостей, въ которыхъ онъ смѣло объявилъ себя ретроградомъ и антиреволюціонеромъ. Онъ пріостановилъ продажу національныхъ имуществъ; мѣра эта превратила массу эмигрантовъ въ льстецовъ, царедворцевъ его и просителей, добивавшихся возврата своихъ помѣстій.

Бонапарте раздумывалъ еще о совершеніи великой внутренней побѣды, какъ онъ выражался, т. е. заручиться духовенствомъ, назначать священниковъ—чиновниковъ, должностныхъ лицъ, которые, получая отъ него жалованье, были бы его послушными орудіями. Онъ живо представлялъ себѣ всѣ выгоды, какія онъ могъ извлечь изъ этого сословія, которое въ Римѣ и въ другихъ мѣстахъ, передавало полиціи всѣ тайны исповѣдаленъ. Агентомъ его былъ знаменитый Бернье, вандейскій священникъ, товарищъ Стофле, тотъ Бернье, котораго сами вандейцы упрекали въ жестокости. Бонапарте назначилъ его священникомъ въ Сентъ-Есташъ. Мнѣ было пять лѣтъ, когда мой отецъ разсказалъ мнѣ происшествіе,

которое случилось тогда въ Сентъ-Есташѣ, ужасный случай, заставившій меня затрепетать и твердо сохранившійся въ моей памяти. Бернье, облеченный въ священническія одѣянія находился въ алтарѣ; одинъ изъ пострадавшихъ послѣдовалъ за нимъ, напомнилъ ему его варварства, мѣсто, время, когда онъ его изуродовалъ, и громовымъ голосомъ приказалъ ему выйдти вонъ.

Съ другой стороны Бонапарте привлекъ къ себѣ знаменитаго кардинала Мори, посланника Людовика XVIII въ Римѣ. Этотъ интриганъ, расточительный и весьма вольнодумный, желая возвратиться въ Парижъ и занять тамъ мѣсто епископа, обманулъ обѣ партіи послѣ смерти Пія VI и употребилъ свое значеніе роялиста и агента Людовика XVIII на то, чтобы выбрать папу угоднаго Наполеону. Папа Пій VII былъ человѣкомъ тонкимъ и мягкимъ; по своимъ проповѣдямъ онъ казался олицетвореніемъ терпимости, но обманулъ всѣхъ и доказалъ, что патеръ останется всегда патеромъ. Онъ втихомолку отправилъ въ Парижъ очень опытнаго человѣка, Консальви, перваго министра предшественника своего, папы Пія VI. Этотъ осторожный министръ трепеталъ передъ разнорѣчивыми мнѣніями Парижа и сперва не смѣлъ показаться, но употребилъ въ дѣло болѣе смѣлаго Бернье.

Вначалѣ переговоры не приводили ни къ какому соглашенію. Пій VII съ большимъ упрямствомъ настаивалъ на томъ, чтобы католическая религія была объявлена *господствующею религіею*. Бонапарте на это не рѣшался и слово: *господствующая* было замѣнено словами: большинства французовъ; на счетъ всего остальнаго соглашеніе состоялось и папа отлично надулъ консула. Наполеону предоставлено было *назначеніе* епископовъ, но папа давалъ *каноническую инвеституру*, безъ которой назначеніе не имѣло цѣны въ глазахъ вѣрую-

щихъ; національное духовенство, которое требовало выбора духовныхъ лицъ, какъ въ первое время христіанства, было принесено въ жертву. Консулъ и папа подѣлились между собою церковною добычею. Епископы были королями священниковъ и назначали ихъ. Новое разграниченіе епархій уничтожило за одинъ разъ шестьдесятъ епископовъ. Священники получали содержаніе отъ государства, (кромѣ случайныхъ доходовъ) и обязаны были ему подчиняться. Архіепископы получали въ годъ до пятидесяти тысячь франковъ, а епископъ пятнадцать тысячь. Отъ почитателей церкви зависѣло дѣлать добровольныя приношенія; весьма важное дозволеніе, благодаря которому имущества женщинъ часто переходило въ руки духовенства. Право наслѣдства, дарованное имъ революціею въ особенности послужило на пользу духовныхъ лицъ.

Договоръ подразумѣвалъ одно непремѣнное условіе: устраненіе священниковъ патріотовъ, которые присягали республикѣ и теперь не знали что съ собою дѣлать. Я зналъ одного, который сдѣлался водоносомъ. Десять тысячь изъ числа ихъ были женаты *), подобно служителямъ древней церкви,

---

*) Вопросъ о безбрачіи духовенства, къ которому древняя церковь относилась безучастно, а протестантская рѣшила согласно природѣ человѣка,—вопросъ этотъ могъ въ двѣнадцатомъ столѣтіи возбудить лишь минутное колебаніе, когда епископъ, былъ въ тоже время и сеньеромъ, и вслѣдствіи этого жаднымъ и склоннымъ къ грабежу для своего семейства, нерѣдко обладавшаго всѣми пороками феодальныхъ нравовъ. Въ то время Григорій VII рѣшился на свою странную реформу: надѣясь уничтожить злоупотребленія, уничтоживъ причину, онъ запретилъ священникамъ вступать въ бракъ; онъ расчитывалъ что лишившись цѣли, для которой они стяжали, они сдѣлаются безкорыстными и обратятъ все свое вниманіе на духовныя обязанности свои. Этотъ странный моментъ очень хорошо описанъ Вильеменомъ въ посмертномъ сочиненіи, которое явилось въ концѣ 1872 г.

Остается разсказать то, что не входить въ кругъ исторіи, что безбрачіе духовенства, не оправдало надежды Григорія VII. Священнослужители освобожденные отъ семейныхъ заботъ, не стали отъ этого болѣе развитными

напр. епископу Сенезію въ третьемъ столѣтіи; женатые подвергались преслѣдованіямъ на смерть и впали въ отчаяніе. Одинъ изъ нихъ, замѣчательно геніальная личность, Гренвилль, бросился въ Сомму. Берньe въ награду былъ сдѣланъ епископомъ Орлеанскимъ. Мори, архіепископъ Парижскій могъ продолжать свою распутную жизнь въ погонѣ за замужними женщинами.

Въ тотъ день, когда состоялись предварительныя соглашенія по Аміенскому миру, совершилось первое оффиціальное молебствіе въ церкви Богоматери. Ретроградная партія возвѣстила черезъ Фонтана въ Монитёрѣ о появленіи книги, успѣхъ которой занималъ всю партію и которая превозносилась ею до небесъ: «Красота религіи» иначе «Геній христіанства». Все это было очень враждебно общественному мнѣнію. Законодательный корпусъ, каковъ бы онъ ни былъ, высказалъ нѣкоторое мужество, назначивъ своимъ президентомъ человѣка менѣе всего преданнаго церкви, автора «Происхожденіе культовъ», знаменитаго Дюпюи.

Консулъ направился съ большою торжественностью въ храмъ Богоматери и могъ видѣть, что всѣ ѣли во время службы. Что касается до него самаго, онъ былъ мраченъ. Онъ дѣлалъ видъ что въ немъ произошла нѣкоторая пере-

---

духовно. Готическія церкви, возбуждающія совершенно справедливое восхищеніе, не были построены безбрачнымъ духовенствомъ, какъ то полагали еще въ 1830 г. но архитекторами изъ не духовныхъ и женатыми, имена которыхъ сдѣлались извѣстными. Что касается схоластики, я уже говорилъ, какъ мало она оказалась плодотворною. Со времени Абелара и до Оккама, т. е. отъ двѣнадцатаго до четырнадцатаго столѣтія, она не могла сдѣлать шага впередъ и возвращается снова къ своей первоначальной точкѣ отправленія. Объ этихъ важныхъ предметахъ—о безплодіи церкви въ средніе вѣка и о первой эпохѣ возрожденія 1200 г. такъ насильственно и безплодно подавленной, см. мое предисловіе къ *Возрожденію* въ VI т. моей *Исторіи Франціи*, Н. Пейра *Исторія альбигойцевъ*, Амари *Исторія мусульманъ двухъ вѣковъ*.

мѣна, заставлялъ читать себѣ вслухъ Боссюэта. Жозефина и ея партія побѣдили его сестеръ и Бонапарте только что ввѣрилъ океану будущую королеву Сенъ-Доминго, возлюбленную Полину; она устроила рабство черныхъ въ то время, какъ ея братъ устраивалъ рабство бѣлыхъ.

Ланнъ и другіе храбрецы выказали много характера. Они не захотѣли войти въ церковь иначе какъ по приказу, отданному по формѣ. Вечеромъ въ Тюльерійскомъ дворцѣ, Бонапарте произвелъ нѣчто въ родѣ смотра генераламъ. Онъ увидѣлъ что Дельмасъ особенно мраченъ и спросилъ его мнѣніе о молебствіи. Этотъ храбрецъ *) который не одинъ разъ собственною рукою выхватывалъ австрійскія знамена изъ середины непріятельскихъ каре, не испугался настойчиваго запроса Бонапарте и отвѣтилъ: «Да, конечно это была прекрасная капуцинада; не доставало только присутствія милліона людей, которые пожертвовали своею жизнью, на то чтобы это не повторялось».

IX.

Торжество скуки. Безсильный возвратъ плошлаго. Шатобріанъ. 1801—1806.

Послѣ Маренго до Аустерлица Франція страшно скучала, да будетъ это извѣстно. Нынче можно вообразить, благодаря историкамъ Бонапарте, что его мнимыя возсозданія, надувательства старинными костюмами, взятыми изъ временъ римской имперіи, могли производить значительное впечатлѣніе.

---

*) Дельмасъ подалъ въ отставку и вновь поступилъ на службу лишь въ 1813 году. Онъ былъ убитъ, защищая Францію.

Заблужденіе! На всѣ перемѣны одежды, почетныхъ званій (десятилѣтнее консульство, пожизненное, имперія) слышались однѣ и тѣже замѣчанія: «Знаемъ! знаемъ!» Было извѣстно къ чему онъ стремился послѣ брюмера. Мало кто читалъ его законы и конституцію: непобѣдимая сила единогласнаго избранія, которую приписывали несправедливо Бонапарте въ арміи, придавала этому новому правленію величественный видъ самой судьбы. Онъ двигался впередъ неуклонно, никто ему не перечилъ, точно масса желѣза или свинца, которая двигается по закону тяжести. Многіе разсуждали подобно Сіэсу, что это прогресивное шествіе приведетъ его къ пропасти. Ротшильдъ держался того же мнѣнія и въ продолженіе двадцати пяти лѣтъ игралъ на одну ставку—Ватерлоо. Но все это было еще далекое будущее и зависѣло отъ той азартной игры, на которую онъ рѣшился между 1806 и 1812 годами, отъ Аустерлица и Москвы.

Я говорю теперь о времени послѣ 1800 и до 1806 года, объ этихъ шести глупыхъ годахъ, въ продолженіе которыхъ онъ не дѣлалъ ничего, рѣшительно ничего,—если не считать декретовъ, которые никто не читалъ; погребенные на страницахъ Монитера, они мало измѣняли характеръ существовавшаго порядка вещей. Онъ казался бы менѣе скучнымъ, если бы не назвалъ себя въ брюмерѣ *сыномъ Марса и Фортуны*. Но провозгласивъ такъ громко свое стремленіе къ дѣятельности, провести шесть лѣтъ въ полнѣйшемъ бездѣйствіи, кромѣ сочиненія разныхъ церемоній, которыя забавляли только дѣйствующихъ лицъ, — это было крайне скучно и несносно. Представьте себѣ глупое зрѣлище ярмарочнаго геркулеса, который хвастается силою своихъ мускуловъ, потрясаетъ въ воздухѣ могучими руками, но не продѣлываетъ тѣхъ фокусовъ, какіе отъ него ожидаютъ. Его интриги въ Германіи, заботы

объ итальянскихъ дѣлахъ, представляли для Франціи мало интереса. Все, что она видѣла — это напрасныя усилія создать себѣ флотъ, посылка на удачу въ приморскіе порта людей, которые имѣли отвращеніе къ морю. Все это было трагично и смѣшно. Невинное удовольствіе строить маленькія лодочки, подражанія которымъ дѣти отлично воспроизводили, было предметомъ общихъ насмѣшекъ. Онъ безпрестанно съ самымъ серьезнымъ видомъ совершалъ поѣздки къ морскимъ берегамъ, смотрѣлъ на море и возвращался. Все это съ бѣшеною и ненужною торопливостью, которая всѣмъ надоѣдала.

Незначительное движеніе, которое сохранилось въ націи послѣ параличной конституціи VII года, прекратилось, трибунатъ умолкъ. Государственный совѣтъ обсуждалъ съ Бонапарте гражданскіе законы при закрытыхъ дверяхъ; онъ же долженъ былъ производить инспекцію департаментовъ. На обязанности этой инспекціи перешли къ сенаторамъ, совершенно неподвижному учрежденію, не сходившему съ мѣста и члены котораго котораго до того скучали, что ради поддержанія въ нихъ терпѣнія потребовалось созданіе въ каждомъ департаментѣ сенаторства въ сорокъ тысячь франковъ дохода, прибавленнаго къ содержанію ихъ. Вотъ каковы были наши удовольствія, предметъ нашихъ разговоровъ вмѣстѣ съ классическими фельетонами, которые писалъ аббатъ Жоффруа въ газетѣ Débats. Прибавьте къ этому выставки картинъ, на которыхъ постоянно воспроизводилась одна и та же героическая фигура, надоѣдавшая наконецъ точно также какъ и безцвѣтныя рѣчи, произносимыя консуломъ во время его путешествій и съ которыми насъ нещадно знакомили.

Пытались устраивать промышленныя выставки. Тутъ же выставлялись и вещи тонкаго вкуса, отвратительная мебель

той эпохи, греческаго или египетскаго стиля. Знакомство съ Каиромъ доказало какъ ничтожны были эти печальныя подделки подъ восточный вкусъ.

Что касается до строго промышленныхъ издѣлій, то они были въ милости. Шапталю оказали почетъ и сдѣлали его министромъ. Всюду только и шла рѣчь объ употребленіи бертолетовой соли при стиркѣ бѣлья. Свекловичный сахаръ былъ въ большомъ ходу, когда послѣ неудачной экспедиціи въ Санъ-Доминго, Франція была заперта со стороны моря и не могла имѣть сношеній съ своими колоніями. Нѣсколько бумагопрядильныхъ машинъ грубой постройки, давали намъ поводъ хвастаться передъ Англіею. Паровая машина, очень неудачная въ своемъ подражаніи, почти не приносила пользы. Когда я былъ еще ребенкомъ меня повезли смотрѣть паровой насосъ Перье, тяжеловѣсную и малосильную машину, работавшую неловко при страшномъ шумѣ, такъ что все зданіе дрожало и въ него входили со страхомъ.

Что касается наукъ, Бонапарте постоянно говорилъ о математикѣ, хотя онъ съ трудомъ зналъ основанія ея. Онъ правда далъ первое мѣсто въ институтѣ и главную власть начальнику, папѣ науки, астроному Лапласу. Ему нравилась система правильнаго движенія свѣтилъ, которыя слѣдовали непреложнымъ законамъ, и напротивъ того, онъ ненавидѣлъ Ламарка, который во время республики читалъ въ Музеумѣ о своихъ открытіяхъ и излагалъ свое ученіе о движеніи и круговращеніи существъ. Бонапарте и Лапласъ убивали Ламарка, насколько это было въ ихъ власти, и только много времени спустя Жоффруа и другіе могли снова поднять знамя жизни.

Около 1800 года въ Музеумъ проникъ молодой человѣкъ, Кювье и мало по малу сдѣлался въ немъ господиномъ. Остро-

умный и ловкій писатель, порядочный художникъ, Кювье запретилъ своимъ примѣромъ всякія теоріи о *превращеніи* видовъ, о самопроизвольномъ движеніи жизни, обративъ естественную исторію въ простое изученіе о *соотношеніи* формъ, которое объясняетъ и возстановляетъ жизненныя отправленія и нравы исчезнувшихъ животныхъ. Эти работы, какъ бы остроумны ни были онѣ, предполагали, что жизнь будетъ ждать всего отъ единственнаго работника, такъ что невольно является сравненіе ихъ съ конституціею VIII года, подчиненной дѣйствію одного человѣка. Поэтому рѣка жизни, указанная Ламаркомъ и которой онъ приписывалъ самостоятельное движеніе и превращеніе своихъ водъ, должна была остановиться на все время царствованія великаго описателя, который повидимому сказалъ природѣ: «Остановись, пожалуйста. Не измѣняйся, пока я рисую, пока я создаю твой портретъ».

Былъ человѣкъ, которому удалось бы пожалуй перешагнуть границы, если бы онъ жилъ и продолжалъ свои изслѣдованія объ основахъ жизни. Но въ то время, когда Кювье началъ царствовать, мы потеряли молодаго Биша, великаго анатома, который скорѣе всего постигъ бы движеніе жизненныхъ формъ. Онъ успѣлъ уже совершить одно важное открытіе: что жизнь здоровая или больная не заключена въ тѣсныхъ границахъ одного какого-нибудь *óргана,* но что она распространяетъ на оболочки обнимающія нѣсколько óргановъ. Биша умеръ тридцати лѣтъ, но въ своихъ трудахъ пережилъ цѣлую жизнь. Онъ былъ чрезвычайно плодовитъ, и во время великихъ убійствъ имперіи, многіе изъ остроумныхъ нашихъ хирурговъ и докторовъ вдохновлялись, въ своихъ разнообразныхъ теоріяхъ, наслѣдіемъ его могучаго ума.

Во внутренней жизни науки царствовалъ полнѣйшій застой. Сама жизнь была не только пріостановлена, но отвергнута и

осмѣяна. Кювье, человѣкъ ума и хорошаго общества остановилъ Жоффруа-Сенъ-Илеръ на двадцать лѣтъ. Онъ принялъ на себя роль полиціи въ наукѣ и запретилъ появленіе смѣлыхъ теорій, уничтожая самые факты своимъ авторитетомъ. Онъ явился противникомъ не только теоріи о родствѣ человѣка съ животными, изложенной Жоффруа, но и всѣхъ теорій о превращеніяхъ земной коры, которыя были имъ отвергнуты какъ-то: теорія поднятій Леопольда Буха и пониженій Констанца Прево.

Міръ былъ объявленъ молодымъ, чтобы сдѣлать удовольствіе клерикальной партіи. Ископаемые слѣды человѣка были запрещены, изъяты изъ коллекцій и самое занятіе раскопками было уничтожено въ институтѣ. Таково было счастливое вліяніе на науки самовластнаго авторитета Бонапарте. Въ исторіи человѣчества умерла критика. Не смотря на древніе памятники Египта, провозгласили, что Египетъ страна молодая. Кювье запретилъ ему отдѣляться изъ клерикальной хронологіи. Поддержанный духовенствомъ въ Оксфордѣ, въ Берлинѣ, такъ же какъ и въ Парижѣ, онъ продлилъ свою тираннію и послѣ паденія Наполеона, до 1832 года. Во время царствованія Кювье всюду процвѣтала клерикальная партіи. Соревнуя тѣмъ писателямъ, которые въ правленіе Людовика XIV составляли славу и плодовитость XVII вѣка, Роскоэ, доказывалъ въ своихъ слабыхъ произведеніяхъ, повсюду переведенныхъ, что безцвѣтная эпоха Медичисовъ составляла величіе итальянской націи въ гораздо большей степени, чѣмъ эпоха Данте.

Одно не можемъ обмануть—это искусство.

Въ то время, когда наука себя съуживаетъ и кастрируетъ, литература падаетъ, лжетъ и гримасничаетъ, искусство въ эпоху безобразія становится тоже безобразнымъ. За исключеніемъ Прю-

дона, родившагося въ лучшую эпоху, и Гро, замѣчательнаго тонкаго колориста, который къ концу сдѣлался однако простымъ декораторомъ, наполеоновское искусство внушаетъ отвращеніе своею сухостью и безобразіемъ. Глава школы—Давидъ, но былъ ли великій и ученый профессоръ въ дѣйствительности художникомъ? Если бы не нѣсколько знаменитыхъ его портретовъ, то можно было бы усомниться въ этомъ. Его ученики были настоящими мучениками; они дѣлали напрасныя усилія и чувствовали, что всѣ ихъ мученія ни къ чему не ведутъ. Бездушный Геренъ, слабый и безцвѣтный Жераръ, наводили страшную тоску. Жиродэ, вѣчно мучившійся потугами творчества и сознаніемъ совершеннаго безплодія, герой-неудачникъ напоминалъ собою свирѣпый образъ маленькаго бѣсноватаго картины «Преображеніе»,—этого жалкаго ребенка сжимающаго кулаки, глядя на небо. Жиродэ, этотъ мученикъ искусства, напоминалъ до нѣкоторой степени пылкаго, измѣнчиваго Шенье, настоящаго патріота, который во времена Робеспьерра осмѣлился написать «Тимолеона» и воспѣть убійство тирана. Онъ самъ былъ обманутъ тираномъ въ брюмерѣ и потомъ написалъ лучшіе свои стихи противъ тиранніи. Его «Прогулка въ Сенъ-Клу», и стихотвореніе «Противъ клеветы», также безсмертны какъ и его сужденія о литературѣ той эпохи и о Шатобріанѣ. Во всемъ замѣчается нѣсколько сухое, но мѣткое и горячее краснорѣчіе, какъ бы отголосокъ ума противъ безцвѣтнаго и фальшиваго византійства этой эпохи.

Рядомъ съ Шенье, нѣсколько ниже его по воображенію и легкости пера, можно поставить человѣка, о которомъ рѣчь еще впереди, поэта Лемерсье, достойнаго жить навсегда въ памяти, за литературную смѣлость и попытки создать зарю

романтизма, а также за то, что онъ поднялъ литературу смѣлымъ протестомъ противъ Бонапарте.

Лемерсье, нѣжный ангельскій обликъ котораго очаровалъ и г-жу Ламбаль и Жозефину, былъ тѣмъ не менѣе человѣкомъ твердаго характера. Бонапарте зналъ его хорошо, онъ никогда не могъ вызвать въ немъ угодливости и поэтому преслѣдовалъ его всѣми силами, то отвергая его піьсы, а если онѣ были приняты, то непремѣнно устраивая имъ фіаско. Лемерсье не зналъ искусства успѣха, эту промышленность современныхъ богатыхъ поэтовъ. Онъ жилъ на шестьнадцать су въ день. Вотъ причина его гордости, независимости, его предсказаній, даже пророчествъ противъ Наполеона. Онѣ исполнились буквально. Онъ сказалъ ему въ 1804 году. «Вы стали императоромъ, и вы приготовили ложе для бурбоновъ. Вы займете его на десять лѣтъ (до 1814 г.)». Въ 1811 году императоръ, собираясь въ походъ на Москву, увидѣлъ поэта на одномъ собраніи въ институтѣ, и имѣлъ подлость сказать человѣку, голосъ котораго онъ заглушалъ: «Чтожь вы ничего не пишете для театра?» Лемерсье отвѣтилъ: «Я жду».

1802 годъ былъ торжествомъ человѣка, съумѣвшаго лучше подготовить себѣ успѣхъ; онъ принаровился къ партіи, дѣлая видъ что сохраняетъ независимость. Шатобріанъ, умѣлый пловецъ, постоянно плылъ по теченію, давалъ себя увлечь приливу, набѣгавшей волнѣ, будь то волна церкви, то роялизма и реставраціи. Не лишнее будетъ прослѣдить, какъ этотъ молодой человѣкъ, эмигрантъ воротившійся около брюмера и отлично принятый въ салонѣ Жозефины, устроилъ свои успѣхи и расчистилъ имъ путь. Онъ началъ не трагически, не громовыми ударами, какъ де-Местръ, но болѣе умѣренными пріемами, эклектически «Замѣтками о революціи», которыя не могли задѣть никого. Онъ понялъ, что для Парижа требовалось

прежде всего, что-нибудь удивительное; и пока онъ довольно неудачно строчилъ для нѣсколькихъ газетъ (Débats, Quotidienne) онъ, чтобы лучше обратить вниманіе проходящей толпы, вдругъ выпрыгнулъ въ окно... т. е. я хочу сказать — онъ написалъ *Атталу* въ 1801.

Небольшой романъ, въ которомъ авторъ сперва имѣлъ въ виду подражаніе прелестной книгѣ «Павелъ и Виргинія», но въ которомъ онъ, чтобы привлечь вниманіе, выдумалъ совершенно своеобразный языкъ, не французскій и не нижне-бретаонскій. Это произвело эффектъ и всякій прислушиваясь говорилъ, смѣясь. «Это ново!» Или «Что-жь это такое?» *) Чудовищный комизмъ

---

*) Всѣ тѣ, которые читали первое изданіе столько разъ переправленное въ послѣдствіи, отвертывались съ ужасомъ. Видѣлъ ли онъ Сѣверную Америку? Въ этомъ можно усомниться. Онъ описываетъ только картины природы тропиковъ. Страна, о которой онъ говоритъ съ лысыми кипарисами и мхами ея (тиллянзія *) совершенно различна отъ сѣвера Америки. Эти напрасныя описанія имѣютъ только цѣлью подражаніе, и очень неуклюжее, Бернардену де Сенъ Пьеру и наводненіе литературы грубымъ потокомъ неологизмовъ. Бѣдный французскій языкъ два раза подвергся въ этомъ столѣтіи варварскимъ помѣсямъ, которыя можно сравнить съ опасной операціею переливанья крови, сдѣланною неискусными хирургами.

Я всегда держался очень далеко отъ всего этого движенія, зная, что нововведенія нужныя въ такомъ богатомъ языкѣ, какъ языкъ Рабле, Мольера, Вольтера и Дидро, должны быть сдѣланы съ большою осмотрительностью и въ очень ограниченномъ количествѣ по мѣрѣ того, какъ новыя идеи требуютъ новыхъ оборотовъ фразъ и сочетаній словъ. Въ классическомъ образованіи моемъ, я имѣлъ счастье получить это указаніе отъ профессора своего, Вильмена, которому отдали справедливость крайне жалкую и скудную. Онъ вначалѣ былъ секретаремъ. Нарбонна, одного изъ остроумнѣйшихъ людей того времени, несравненно болѣе остроумнаго, чѣмъ Талейранъ, о которомъ, такъ много кричали. Нарбонъ, котораго считали сыномъ Людовика XV и принцессы Аделаиды, былъ долгое время любимымъ другомъ г-жи Сталь, и Бонапарте передъ своимъ гибельнымъ походомъ, послалъ его въ Россію испробовать надъ Александромъ обаяніе французскаго

*) *Тиллянзія* Tillansia usnevides, Barbe Sespagnole, растеніе изъ семейства ананасовыхъ (Bromeliacxa), съ узкими длинными листьями, висящими пучкомъ съ деревьевъ, на которыхъ *тиллянзіи* эти поселяются. *Прим. пер.*

этого произведенія окончательно бы погубилъ автора. Но въ немъ заключалось нѣчто—*обращеніе*. Героиня молодая дикарка умираетъ христіанкой. Это доставило книгѣ успѣхъ въ извѣстномъ кругу читателей, вѣроятно очень терпѣливыхъ; они дожидались, пока путемъ нѣсколькихъ изданій, авторъ постоянно передѣлывая свое произведеніе, не придалъ своей героинѣ болѣе человѣческій образъ.

Ханжи и критики способствовали къ тому, чтобы доставить ему славу... краснорѣчія или глупости.

Пока передѣлывали этого урода и расправляли его неправильные члены, католическіе книгопродавцы совершенно резонно замѣтили молодому автору, что нельзя составить себѣ состояніе такими тоненькими брошюрами. Они указали ему на толстыя, многотомныя изданія г-жи де Жанлисъ, назначенныя для воспитанія и которыя продавались, какъ горячій хлѣбъ:

ума. Умъ этотъ, умъ XVIII вѣка блестѣлъ вмѣстѣ съ Нарбономъ въ салонѣ матери Вильменя, которая была очень добра ко мнѣ. Вильменъ былъ обязанъ покровителю своему, Нарбону блестящимъ случаемъ, который оказался несчастіемъ въ его жизни.

Гумбольдтъ привелъ Александра I и другихъ сѣверныхъ монарховъ въ институтъ, и члены его, не предупрежденные о предстоявшей чести, очутились въ затруднительномъ положеніи; чтобы выйти изъ него они выбрали сказать рѣчь монархамъ, мальчика Вильмена, который только что получилъ премію въ институтѣ. Онъ такъ прекрасно сдѣлалъ свое дѣло и съ ловкостью такъ полной достоинства, что ему этого никогда не простили. Выгнанный въ отставку Вильелемъ и ультрароялистами, онъ долго оставался безъ всякой общественной должности, кромѣ каѳедры преподавателя въ Сорбоннѣ. Онъ давалъ тамъ въ продолженіе тридцати лѣтъ рѣдкое зрѣлище дѣйствительной импровизаціи, всѣ другія были такъ искуственно подготовлены; но онъ во очію всѣхъ импровизоровалъ, металъ настоящія искры, поражавшія всѣхъ и его самого. И въ тоже время этотъ великій импровизаторъ былъ терпѣливѣйшимъ изъ писателей, это доказано его Григоріемъ VII, произведеніемъ усидчиваго труда, старательной отдѣлки и очень либеральнымъ для своего времени. Любящая рука издала наконецъ этотъ важный трудъ. Не разъ онъ дѣлалъ мнѣ честь читать отрывки, дополненія, которыя возникали мгновенно, такъ что я могъ удивляться въ немъ двумъ вещамъ, которыя кажутся несовмѣстимыми: внезапности творчества и терпѣнію.

Историческія картины и др. Тогда появилась въ четырехъ томахъ *Красота религіи*, заглавіе не христіанское, которое никогда не принялъ бы настоящій вѣрующій. Къ нему прибавили еще заглавіе, такое же неудачное «Геній христіанства». Этотъ *Геній* такъ хорошо распродавался, что находили удобнымъ дополнять его все новыми и новыми прибавленіями. Къ таинствамъ, праздникамъ, колоколамъ, прибавили церковь, монаховъ, миссіонеровъ, нищенствующіе ордена, іезуитовъ и т. д.

Такая энциклопедія, украшенная воспоминаніями, но безплодная по своему содержанію, тѣмъ не менѣе представляла много привлекательнаго для людей, которые соединяли съ этой книгой воспоминанія дѣтства. Она не имѣла впрочемъ особеннаго вліянія. Для достиженія такого успѣха надо было ждать, чтобы возстановленная королевская власть доставила ей вліяніе на государство, на бюджетъ, на общественную благотворительность, а главное требовалось появленіе предательскаго механизма, амфибіи Сенъ-Винсентъ-де-Поль *). Книга Шатобріана имѣла литературный успѣхъ вотъ и все. Тѣ, которые видѣли съ какимъ смѣхомъ приняла папу армія на карусельной площади, хорошо поняли, что Франція вольтеріанская страна и что восемьнадцатое столѣтіе переживетъ всякое другое вліяніе.

Церкви, открытыя до Бонапарта, были теперь вновь посѣщаемы, чествуемы, но публика отправляясь туда, зѣвала. Вѣрные и часто упорные послѣдователи стараго порядка вещей должны были найти въ этомъ притворномъ возрожденіи прежняго порядка утѣшеніе, которое заставило бы ихъ забыть новый

---

*) Общество филантропическое помѣсь свѣтскаго и духовнаго элемента, работавшая для ультрамонтансгва подъ маской филантропіи. Прим. пер.

строй государства и военную тираннію, но на самомъ дѣлѣ они не утѣшались, а чувствовали скуку и отвращеніе.

Началось совершенно новое явленіе, общество занимало нейтральное положеніе между патерами и солдатами, равно безпристрастно ненавидѣло и тѣ и другія механическія пружины. Но куда идти? Гдѣ найти источникъ жизни? Въ себѣ? Въ эгоизмѣ? Въ нравственномъ усовершенствованіи личности? Но невозможно было найти душевный миръ и всякій ощущалъ кругомъ себя пустоту.

Время Бонапарта отмѣчается одною оригинальною чертою—новымъ родомъ литературы — *литературою скуки.* Это удивило Наполеона. Онъ иногда читалъ вновь вышедшія книги и не находилъ ничего. Онъ совѣтывался съ Фіэве, который жилъ у него на антресоляхъ. Однажды онъ приказалъ одному министру составить исторію Франціи. Ничего изъ этого не вышло. Пустота, ничтожество—этотъ новый властитель міра,—ничтожество одно подало ему отвѣтъ. Шумные и оживленные своими разговорами салоны — временъ директоріи находились теперь подъ надзоромъ, ихъ посѣщали шпіоны Фуше; не смѣя закрыться совершенно, они постепенно пустѣли и, наконецъ, упразднились. Отсюда пошла волна всеобщей скуки. Послѣ закрытія трибуната, блестящій ораторъ, молодой Бенжаменъ Констанъ написалъ романъ «Адольфъ»; въ немъ доказывается, что любовь единственное утѣшеніе того времени, не спасаетъ отъ скуки. Г-жа Сталь съ своей стороны создала многословный романъ Дельфина въ 1802 г., затѣмъ Коринну, герой которой, безличный Освальдъ, обнаруживаетъ нерѣшительность наводящую сплинъ.

Наконецъ весьма замѣчательный писатель Сенанкуръ *)

*) Замѣчательные умы того времени, болѣе тонкіе нежели умы нашего времени, которые такъ часто любятъ выставлять себя, напротивъ любили и упо-

не пытается уже скучать вдвоемъ, онъ ищетъ жизни въ уединеніи, на лонѣ природы, не фантастической, раскрашенной природы романа «Аттала», но настоящей возвышенной природы Альповъ *). Даже тамъ въ его убѣжище, въ Вале, скука остается его вѣрнымъ товарищемъ и онъ всюду съ ней встрѣчается. Она овладѣла всѣмъ существомъ его. Скука дѣлается властистельницею эпохи до такой степени, что даже Шатобріанъ, который недавно взялся утѣшить общество приманкою воспоминаній прошлаго, сознается, что религія призываемая имъ въ Геніѣ христіанства, не успокоила и не утѣшила его. Отсюда явилось его новое произведеніе — «Рене», эта исповѣдь отчаянной меланхоліи, хотя противоестественная страсть, на которую намекаетъ авторъ и придаетъ ханженству

требляли очень странныя усилія на то чтобы скрыться. Сенанкуръ, очень долго былъ тайной; не знали ни жизнь, ни личность его. Наконецъ, родственники его рѣшились въ этомъ году передать бумаги его тонкому критику нашему, Жюлю Левалуа наиболѣе достойному разсѣять тьму неизвѣстности.

*) Эти картины, изумительныя и однако безсильныя передать нѣкоторыя вещи, заставили меня сдѣлать одно размышленіе. Пейзажъ, великая слава искусства XIV вѣка, наконецъ передалъ то, чего стиль едва ли можетъ передать ничего не достигали сами великіе пейзажисты XVII вѣка. Голландцы очень рѣдко передавали это, за исключеніемъ нѣкоторыхъ картинъ Поль Поттера, наши передали: *они пишутъ воздухъ*, и можно, увидѣвъ на картинахъ ихъ атмосферу, сказать не только какое мы видимъ время года и мѣсяцъ, но даже и степень температуры воздуха. У меня передъ глазами пейзажъ Поля Гюэ, возродителя великаго искусства, пейзажъ уединенный, сырой; солнце, котораго не видятъ за скрывающимъ его холмомъ, садится, и эта картина, прелестная и умиляющая, говоритъ: *четырнадцать градусовъ въ сентябрѣ*. Рядомъ я вижу пейзажъ Лорте, великаго ліонскаго живописца: Веттергорнъ. Необозримая сцена, высокія вершины горъ еще освѣщенныя солнцемъ; но при сильномъ и свѣжемъ вѣтрѣ, на нихъ всего два градуса, тогда какъ низкія террасы ихъ въ еловыхъ лѣсахъ, хотя и защищенныя отъ вѣтра, кажутся еще болѣе близкими къ точкѣ замерзанія. Съ самаго низа до самаго верха, на возвышеніи около шести тысячь футъ, эта превосходная картина заставляетъ меня ощущать всѣ степени швейцарскаго холода, такъ рѣзкаго, такъ живительнаго.

нѣсколько скандальный оттѣнокъ. Странная примѣсь среди такой христіанской энциклопедіи *).

Наконецъ послѣ столькихъ вздоховъ, столькихъ ложныхъ призывовъ къ смерти, смерть приходитъ и говоритъ: «Вотъ и я!» Гренвиль писалъ — затѣмъ умолкъ. Вотъ что ясно, откровенно, что заставитъ замолчать болтуновъ. «Послѣдній человѣкъ» Гренвилля значительно выше по замыслу всѣхъ произведеній того времени, хотя и безцвѣтное по исполненію, оно заключаетъ въ себѣ замѣчательно правдивыя черты, будучи созданіемъ самого отчаянія (1798—1804).

X.

Гренвилль. Послѣдній человѣкъ.

Англичанинъ, національное безпристрастіе котораго доказывало его великодушіе, высказалъ свою оцѣнку этой поэмы: «она сохранится до послѣдняго человѣка, до скончанія міра, скорѣе чѣмъ поэма Мильтона».

Къ сожалѣнію, она сама по себѣ ничто иное какъ набросокъ прозой; авторъ умеръ и только начало ея переложено стихами. Очеркъ былъ напечатанъ первымъ книгопродавцемъ Детервилемъ, которому онъ былъ рекомендованъ Бернарденомъ Сенъ-Пьеромъ. Впослѣдствіе его вновь отпечаталъ Нодье. Но оба эти изданія составляютъ рѣдкость, поэтому я самъ составилъ выписку въ 1850 г.; которую и напечаталъ вмѣстѣ съ моими «Легендами демократіи».

*) Я буду говорить далѣе о «Мученикахъ» и тамъ я обращу вниманіе на большую несправедливость того времени: на странное согласіе высказанное прессой, чтобы задавить молчаніемъ прекрасную книгу, полную новыхъ и оригинальныхъ взглядовъ: «Исторію литературныхъ идей». Альфреда Мишіельса. См. что онъ тамъ говоритъ о элементѣ чудеснаго.

Оригинальность этого труда заключается не только въ мрачномъ величіи его, оригиналенъ самый замыселъ, идея, составляющая центръ произведенія, высокая теологическая мысль, которую не могли выяснить самые великіе геніи. Гомеръ сказалъ, что боги и люди висятъ на одной цѣпи, конецъ которой держитъ богъ, Юпитеръ. Но что это за цѣпь? Никто этого не объяснилъ. Данте не могъ этого сдѣлать, не смотря на теологическія тонкости и величіе своей поэзіи гнѣва. Шекспиру это тоже не удалась, его фантазія витала между туманными представленіями Гамлета и радужными переливами его волшебныхъ пьесъ. Гренвилль проникъ далѣе. Глубокою думою и сердцемъ, истерзаннымъ отчаяніемъ, онъ первый познаъ эту цѣпь, посредствомъ которой богъ держитъ міръ въ своей рукѣ.

Зимою 1804 года, въ тяжелый годъ коронованія, можно было видѣть въ Амьенѣ несчастный домикъ, къ которому никто не подходилъ. Онъ находился такъ сказать подъ опалою, подъ общественнымъ осужденіемъ и остракизмомъ. На него указывали издали. Трава свободно росла на сырой узенькой улицѣ и передъ дверями дома, почти всегда запертыми. Если бы не плескъ грязной воды въ канавѣ, протекавшей за домомъ, которая приноситъ своимъ теченіемъ овощи сосѣднихъ огородниковъ, то никакой звукъ не нарушилъ бы эту проклятую тишину и не напоминалъ бы, что находишься въ центрѣ большаго многолюднаго города. Обитателями этого печальнаго дома были мужчина и женщина приблизительно одного возраста, около шестидесяти лѣтъ. И онъ и она выходили каждое утро, ихъ можно было наблюдать: они шли покупать по близости хлѣба. Кроткая фигура женщины внушала скорѣе сочувствіе; мужчина поражалъ своею благородной осанкою, при страшной бѣдности, и постоянно задумчивымъ и разсѣяннымъ видомъ.

Какое проклятіе тяготѣло на этомъ человѣкѣ? Отчего всѣ

избѣгали его? Не были ли руки его осквернены преступленіемъ? Или не лежало ли на немъ клеймо убійцы? Быть можетъ, онъ принадлежалъ къ числу жестокихъ патріотовъ, которые поставили свободѣ кровавые памятники и которыхъ въ свою очередь, такъ безжалостно преслѣдовала реакція? Нѣтъ, онъ былъ напротивъ того жертвою террора.

До революціи Гренвилль (его имя) былъ священникомъ и искалъ спасенія въ женитьбѣ. Онъ обвѣнчался съ родственницею зрѣлыхъ лѣтъ, бѣдною, но развитою умственно, кроткаго и покорнаго характера; то былъ чистый союзъ, заключенный подъ гнетомъ необходимости и который остался безплоднымъ.

Гренвилль имѣлъ тысячу пятьсотъ ливровъ дохода и потерялъ ихъ, онъ открылъ небольшой пансіонъ, который обезпечивалъ вначалѣ его существованія, такъ какъ въ то время почти всѣ прежнія заведенія были закрыты. Вскорѣ вернулись всѣ враги революціи, помилованные ею и неумолимые въ своей злобѣ противъ нея. Патеры воротили свое вліяніе. Новый терроръ, въ обратномъ смыслѣ, обрушился на всѣхъ, кого считали революціонерами. Теперь не гильотинировали, а изводили голодомъ. Женщины оказались самыми жестокими помощницами патеровъ, самыми безжалостными орудіями преслѣдователей. Свѣтскія дамы говорили, что не будутъ болѣе посылать въ лавки людей, неимѣющихъ религіи. Ихъ примѣру послѣдовали буржуазки; онѣ не рѣшились бы допустить невѣрующаго работника приколотить доску, гвоздь, вставить стекло. Посудите сами, какую войну должны были объявить женатымъ священникамъ! Училище Гренвилля опустѣло; ученики уходили одинъ за другимъ—учитель остался въ одиночествѣ. Въ полномъ, безусловномъ одиночествѣ, не видя ни единаго человѣческаго лица около себя. Друзья, знакомые

Гренвиля тоже опальные передъ общественнымъ судомъ, тоже отлученные за свои сношенія съ нимъ, мало по малу оставили его, конечно не безъ сожалѣнія; но они не могли получить прощеніе и возвратиться въ общество, не покинувъ осужденнаго. Одиночество его уже ни кѣмъ не нарушалась, оно равнялось одиночному заключенію. Повидимому человѣкъ былъ свободенъ и въ то же время находился въ тюрьмѣ; общество сказало ему: «Ты можешь идти куда хочешь, воротиться; но ты всегда будешь одинъ, ты не встрѣтишь человѣка, который пожелалъ бы обмѣняться съ тобою словомъ... Ты не будешь больше ни говорить, ни слышать!»

Въ своемъ скорбномъ произведеніи Гренвилль высказываетъ, что высшее благополучіе это *счастье видѣть людей и слышать человѣческій голосъ.* Того, чье сердце было преисполнено нѣжнымъ чувствомъ человѣчности, заставили умереть одинокимъ какъ дикаго звѣря! Когда знаешь каковы были въ то время провинціальные города—а большинство и теперь не измѣнилось—можно безъ труда представить себѣ послѣдствія такого заговора. Что касается Амьена, то этотъ городъ, не смотря на нѣкоторыя внѣшнія измѣненія вслѣдствіе промышленнаго движенія, по существу своему, не измѣнился. Это все тотъ же древній Амьенъ, тяжело раскинувшійся по берегамъ Соммы; соборъ выдается своею прочною постройкою и какъ бы подавляетъ весь городъ, господствуетъ надъ нимъ. Дома, сады, торфяныя ямы — все это раскинулось на низинѣ, среди тумана и воды. Движенія мало, очень мало. Книжная торговля находится въ рукахъ духовенства. Во время короткой прогулки, я открылъ тамъ три типографіи: первая принадлежала епископу, второю была типографія журнала духовенства, въ лавкѣ третьей можно было найти только молитвенники.

Не существуетъ, кажется, въ цѣломъ свѣтѣ болѣе жалкаго населенія, нежели обитатели нижней части города Амьена. Женщины шьютъ мѣшки и, работая шестьнадцать часовъ, получаютъ десять су; нитки и освѣщеніе на ихъ счетъ. Живутъ онѣ въ неимовѣрной тѣснотѣ, среди грязныхъ узкихъ улицъ, въ небольшихъ домахъ, которые раздѣлены между нѣсколькими семействами. Стоячія воды канавъ, идущихъ вдоль улицъ, покрыты вѣчнымъ туманомъ, который въ дурное время года долженъ насквозь пропитать своею сыростью эти печальныя жилища, нездоровыя и неприглядныя; туманъ этотъ кажется олицетвореніемъ тоски. Проходя тамъ, я подумалъ: «если человѣкъ способенъ почувствовать отвращеніе къ жизни, то именно здѣсь...» Что поддерживаетъ этихъ несчастныхъ? Водка—и въ то же время она низводитъ ихъ на степень животныхъ. Она доставляетъ имъ временное забвеніе и помогаетъ имъ терпѣливо дожидаться конечнаго благодѣянія—смерти.

Гренвилль долго противился плѣнительному óбразу смерти. Онъ боролся, все еще надѣясь, работая, увѣряя себя, что душа, въ которой зрѣетъ великая мысль, не должна умирать. Онъ боролся, поддерживая въ сердцѣ своемъ нѣжныя чувства къ этой женщинѣ, къ этой сестрѣ, невинному и покорному существу; она не жаловалась, не роптала, скрывала свои слезы. Положеніе человѣка, обязаннаго жить только потому что онъ любитъ, что онъ сердцемъ прикованъ къ жизни во всемъ невыносимый, повліяло главнымъ образомъ на геній Гренвилля; если это положеніе не спасло его отъ самоубійства, то оно вдохновило его произведеніе и доставило ему безсмертіе. Содержаніе его поэмы—это *послѣдній человѣкъ*, иначе сказать конецъ свѣта; это разсказъ о послѣдней борьбѣ земнаго Генія, изнемогающаго, обреченнаго на смерть и, не смотря на смертный приговоръ свой, упорно стремящагося жить, под-

держивать любовь между людьми, вдохновлять ихъ, чтобы они еще любили другъ друга; потому что, говоритъ великій поэтъ, земля наша не можетъ погибнуть, пока на ней живутъ хотя двое людей, которые связаны взаимною любовью *).

Гренвилль цѣлую жизнь свою обдумывалъ эту поэму смерти. Онъ родился въ Гаврѣ, такъ же какъ и Бернарденъ де Сенъ-Пьеръ, который женился на сестрѣ его; съ дѣтства передъ его глазами разстилался океанъ; онъ наблюдалъ разрушительное вліяніе его на берега, слѣдилъ за постепеннымъ уничтоженіемъ нашихъ прибрежныхъ утесовъ, подмываемыхъ волнами. Печальныя развалины, въ которыхъ мечтается видѣть земной шаръ по частямъ исторгнутый изъ нѣдръ его постоянными терзаніями дикой стихіи. Гренвиллю не было еще шестьнадцати лѣтъ, когда, пораженный мыслью о неизбѣжномъ разрушеніи нашей земли, онъ сказалъ ей: «ты умрешь!» Какъ юноша благороднаго, но бѣднаго происхожденія, Гренвилль принадлежалъ къ тому слою общества, который долженъ былъ погибнуть; онъ былъ представитель класса людей, воплощавшаго въ себѣ всю ветхость этого общества. Дворянство Франціи, по свидѣтельству де Местра, вырождалось, разрушалось, уничтожалось.

Бѣдный и благородный Гренвилль былъ обреченъ сдѣлаться священникомъ, облечься въ духовную одежду и въ лицемѣріе, потому что пылкій страстный юноша имѣлъ повидимому совершенно другое призваніе. Чтобы побороть природу, отречься отъ нея и заставить ее молчать, требовалась вѣра твердая и непоколебимая. Гренвилль убѣдился, что его церковь есть школа невѣрія. Товарищемъ его по семинаріи въ Сенъ-Сюльписѣ былъ самый невѣрующій человѣкъ, поли-

*) Переводъ поэмы этой приложенъ къ II тому «До 18 Брюмера».

тическій дѣятель, молчаливый, угрюмый Сіэсъ. Странная личность, объяснившая революцію побѣдою числа; онъ считалъ людей за атомы, или числа и старался построить изъ этихъ атомовъ геометрическія, мертвенныя гробницы, которыя онъ называлъ конституціями. Настоящій политикъ смерти! Вотъ наконецъ Гренвилль священникъ, съ жаромъ говорящій проповѣдь о томъ, чему онъ старается вѣрить; онъ говоритъ громко, кричитъ, чтобы убѣдить самого себя. Вотъ онъ въ числѣ другихъ поднимаетъ лай на философовъ и отвергаетъ разумъ. Въ этомъ смыслѣ онъ пишетъ отвѣтъ на вопросъ поставленный одною академіею; онъ весьма неудачно подражаетъ Руссо.

Наконецъ, въ одинъ прекрасный день эта лживая жизнь и разыгрываемая роль становятся ему невыносимыми, его природная искренность одерживаетъ побѣду. Онъ усталъ быть патеромъ, а не человѣкомъ. Онъ разрываетъ свою рясу, оставляетъ каѳедру, отказывается отъ небольшихъ успѣховъ и небольшаго кружка своего сословія и своихъ земляковъ, покидаетъ Амьенъ, отправляется въ Парижъ, гдѣ пишетъ драму. Это было наканунѣ 89 года. Замѣчательна судьба этого человѣка! Только что онъ стучится въ двери этого общества, едва успѣваетъ войти—и все кругомъ рушится, остаются лишь обломки.

Молодой гигантъ, вышедшій изъ этихъ развалинъ—революція, въ младенческой неопытности полагаетъ, что разрушивъ престолъ, можно сохранить алтарь. Она возобновляетъ выборы священниковъ по примѣру древней церкви, ихъ возвеличиваютъ, князей уничтожаютъ; призываются лучшіе священники и имъ поручаютъ проповѣдывать равенство передъ Богомъ. Гренвилль возвращается въ обновленную церковь, онъ вступаетъ на каѳедру, говоритъ... Каѳедра обрушивается подъ

нимъ. Вскорѣ нужно будетъ другое, болѣе могущественное, болѣе глубокое — внутренняя реформа, не одной дисциплины, но духа закона. Все это въ будущемъ. 93 годъ разражается надъ головою Гренвилля. Терроръ встрѣчаетъ его священникомъ и кладетъ на него свою суровую руку.

Въ Аміенѣ находился проконсулъ, свирѣпый, но ловкій человѣкъ; жестокій съ виду, суровый неумолимый на словахъ; онъ держится этой формы свирѣпости, чтобы избѣжать пролитія крови. Онъ зоветъ Гренвилля: «я обѣщалъ, говоритъ онъ ему, головы шестидесяти четырехъ священниковъ; ты одинъ изъ нихъ и не изъ послѣднихъ. У тебя есть способности и я тебя уважаю: но если я пощажу твою голову, то буду отвѣчать своею собственною. Спаси насъ—женись; будь патріотомъ и гражданиномъ». Женитьба сама по себѣ законное, невинное, благородное дѣйствіе, но оставалась ли она тѣмъ же, разъ она была вынуждена? Обѣтъ безбрачія, этотъ безбожный противоестественный обѣтъ, тысячу разъ проклятый, Гренвилемъ, какъ остатки тиранніи древняго міра, сталъ для него дорогимъ, когда новѣйшая тираннія потребовала нарушенія его. Затрогивалось самое существо человѣка, все что у него оставалось, послѣ того какъ поколебалась вѣра — я хочу сказать: воля человѣка. На это онъ не согласился. Онъ сохранилъ власть надъ своею волею, уступилъ силѣ только внѣшнимъ послушаніемъ, женился на родственницѣ зрѣлыхъ лѣтъ и надѣялся въ бракѣ продолжать свое безбрачіе; онъ видѣлъ въ этомъ союзѣ подраженіе бракамъ древнихъ христіанъ, братскія узы. Невыносимое положеніе, полное мученій, борьбы и нравственныхъ терзаній! Нѣтъ болѣе мира у домашняго очага—то мѣсто, гдѣ всякій человѣкъ ищетъ отдыха и забвенія, становится центромъ волненій, полемъ борьбы. Многіе изъ современниковъ этой эпохи, которые остались въ жи-

выхъ, могутъ подтвердить на основаніи воспоминаній молодости, какъ невыносимо скучно тянулась жизнь. Громадныя раззоренія, потеря столькихъ иллюзій, скорбь о гибели столькихъ жертвъ, о гибели самихъ принциповъ, которые были погублены, проданы, громадная законодательная Варѳоломеевская ночь сгубившая столько лучшихъ учрежденій революціи, наконецъ сама революція выброшенная за окно въ Сенъ-Клу— все это поселяло глубокое отчаяніе въ тѣ души, которыя сохранили нѣкоторое достоинство. Что сталось съ тѣмъ свѣточемъ 89 года, передъ которымъ на одно мгновеніе весь міръ преклонилъ колѣна? Куда исчезъ алтарь братства, къ которому наши федераціи въ одинъ день привели милліоны людей,—алтарь, на который народъ возложилъ свое сердце, оросилъ своими слезами... Все исчезло... Молнія сверкнула на небесахъ!.. И небо сново покрылось мракомъ.

Правда существовала слава, неутомимая, кровожадная, устрашающая. Наступило время великаго уничтоженія людей; никто не могъ отгадать чѣмъ оно кончится. Отъ побѣды къ побѣдѣ, отъ рѣзни къ рѣзнѣ, міръ катился къ своей гибели. И многіе находили въ этомъ удовольствіе, возводили смерть въ принципъ. Де Местръ поучалъ насъ, что истребленіе есть любимое дѣйствіе божества. Сенанкуръ написалъ на могильной плитѣ полную отчаянія книгу «О любви». Въ такое время Гренвилль взялся за перо. Его книга была для него отсрочкою самоубійства. Первая мысль юности, мысль горькая и мрачная пришла ему на память. Теперь уже не море и разрушающая сила его говорили поэту о кончинѣ міра, но море людей, мелькнувшее передъ его глазами. Но насколько быстрѣе и грознѣе проносились передъ нимъ людскія поколѣнія, сравнительно съ быстро несущимися волнами, омывавшими утесы въ Гаврѣ. Онъ самъ колеблющаяся волна, — что

могъ онъ сдѣлать противъ разрушенія? Одно и самое великое,—месть человѣка и побѣда его надъ стихіею—онъ могъ ее описать, сказать ей. «Ты меня увлекаешь за собой... хорошо... Что бы ты ни сдѣлала со мной, но побѣда твоя такъ незначительна, что я изъ твоей же глубины почерпну вдохновеніе, обновленіе своей души, жизнь будущаго...»

Если вѣрить остроумному издателю этой поэмы, Нодье, который далеко не сознавалъ все громадное нравственное значеніе ея, но который зналъ очень хорошо изъ самаго близкаго источника подробности жизни автора, то поэма эта задуманная очень рано, потомъ заброшенная, вдругъ цѣликомъ вылилась въ послѣдніе часы отчаянія. Его жена, разсказываетъ Нодье, передавала мнѣ не одинъ разъ подробности того вечера, когда послѣдній ученикъ оставилъ домъ Гренвилля. Оба старика сидѣли у камина и отъ времени до времени обращали другъ на друга взглядъ полный тоски. Глаза женщины, наконецъ, наполнились слезами, которыя она не могла долѣе скрывать. Гренвилль взялъ ее за руку и ударилъ себя по лбу, точно желая остановить внезапно мелькнувшую блестящую мысль: «Успокойся, сказалъ онъ ей: «Дай мнѣ эту ненужную бумагу и чернила, которыя они уже не будутъ употреблять... Я отвѣчаю за будущее!» Съ этой минуты поэма сложилась въ его головѣ и онъ написалъ ее сразу и безъ помарокъ *).

Произведеніе Гренвиля въ томъ видѣ, какъ оно дошло до насъ, представляетъ какъ бы планъ поэмы, который онъ собирался переложить стихами. То, что я сообщилъ изъ нея есть такъ сказать очеркъ очерка. Я сильно опасаюсь, что въ немъ уже не сохранилось ничего отъ величія оригинала.

*) Поэма Гренвиля приложена въ концѣ II тома перевода.

Впрочемъ, я увѣренъ, что тѣ, у кого есть сердце, съумѣютъ и въ этомъ неумѣломъ изложеніи найти и угадать великія и сильныя мысли, положенія исполненныя трогательнаго величія, замыслы краснорѣчивые сами по себя, какими бы словами ихъ ни передавали.

Произведеніе это создалось силою души. Оно ничѣмъ не обязано готовымъ пріемамъ условнаго чудеснаго. Гренвилль не заимствуетъ ничего ни у языческаго классицизма, ни у христіанскаго міра преданій. Первый человѣкъ, день суда не принадлежатъ исключительно христіанству; они составляютъ достояніе всѣхъ религій вообще. Я не буду сравнивать этотъ очеркъ съ великими, законченными поэмами Данта и Мильтона. Нельзя однако не замѣтить изъ чувства справедливости, что какъ та, такъ и другая, въ ихъ общемъ построеніи, находятся подъ властію преданія. Мильтонъ не отступалъ отъ него ни на шагъ. Данте обновилъ его силою своего могучаго генія но все же и онъ многое заимствовалъ—это чувствуется очень сильно—изъ забытыхъ легендъ, многое изъ народныхъ божественныхь комедій, которыя разыгрывались въ продолженіе столькихъ столѣтій у дверей храмовъ. Гренвилль не справлялся ни съ чѣмъ, его поэму создало время, слишкомъ дѣйствительныя страданія той эпохи, въ которую онъ жилъ. Изъ всѣхъ произведеній того времени, его поэма самая историческая, въ томъ смыслѣ, что она съ глубокою правдою рисуетъ намъ *самую душу того времени*, ея страданія, ея мрачную мысль.

Мысль эта, зародившаяся надо признаться, отъ физическихъ страданій также какъ и отъ нравственныхъ, заключаетъ въ себѣ тѣмъ не менѣе суровую и дикую поэзію. Она олицетворяетъ собою голодъ и ужасъ, который охватилъ всѣхъ въ концѣ XVIII столѣтія при мысли, что земля повидимому отказывается быть производительной. Этотъ ужасъ болѣе силь-

ный чѣмъ тотъ, который внушали эшафоты въ 93 году, сквозитъ въ каждой строчкѣ исторіи того времени. Я объяснялъ уже раньше тѣ причины, которыя со времени Людовика XIV незамѣтно довели землю до полнаго истощенія, пока революція не уничтожила заклятіе тяготѣвшее надъ нею и, освободивъ природу одновременно съ человѣкомъ, не возвратила ей плодородіе. Земля снова стала давать жатву подъ благодатною росою справедливости. Къ несчастію, это благотворное вліяніе революціи принесло плоды не сразу; плодородіе явилось тогда, когда сама революція уже почти исчезла и обильныя жатвы, послѣдствія мудрыхъ законовъ ея, явились во время того правленія, которое ничего не сдѣлало для этихъ жатвъ. Единственная память, которую она оставила по себѣ, была напротивъ, памятью лишь обоюдныхъ случайныхъ бѣдствій, которыя пришлось выносить. Голодъ и maximum, кровавое возмущеніе вызванное недостаткомъ зерна, долгія ночи ожиданія у дверей булочныхъ—вотъ все, что сохранилось въ народномъ воображеніи.

Этотъ ужасъ передъ голодомъ охватилъ въ то время не одну Францію. Какъ разъ въ тотъ годъ, когда Гренвилль началъ повидимому писать свою поэму, 1798, въ Англіи появилась другая поэма, тоже плодъ воображенія, хотя и въ отвлеченной, серьезной формѣ, книга, которую можно назвать *Экономія отчаянія*. Я говорю о книгѣ Мальтуса. Сотни голосовъ отвѣчали ему. Эти стоны, эти крики самой природы породили цѣлую литературу. Голоса эти можно назвать *поэмами голода*. Удивительное совпаденіе! Основаніе книги Мальтуса, его нечестивые выводы заключаются въ томъ, что любовь не нужна въ этомъ мірѣ; для того чтобы этотъ міръ продолжалъ свое холодное и жалкое существованіе *люди не должны любить*. Совершенно напротивъ смыслъ поэмы Грен-

вилля, придающій ей такое прекрасное высокое значеніе, это великая и нѣжная идея, настолько же духовная, насколько идея первой матеріалистична и низменна, *что любовь есть главный смыслъ этой жизни*, только ею и держится міръ, и *что онъ не можетъ погибнуть пока еще любовь не умерла на землѣ*; такъ что Богъ, желая видѣть конецъ міра, долженъ просить человѣка, чтобы онъ допустилъ этотъ конецъ, *переставъ любить*.

Гренвилль имѣлъ полное право сказать о своей поэмѣ то, что говорилось о произведеніяхъ гораздо менѣе оригинальныхъ: prolem sina matre creatum (сынъ рожденный безъ матери): Матерью этою, если бы пришлось отыскивать ее, было бы одно страданіе, благородная поэзія, все возвышающая, никогда не снисходящая до того, чтобы плакать о себѣ. Для отпечатанія своего произведенія Гренвилль обратился къ Бернардену де-Сенъ-Пьеру, женатому на его сестрѣ; онъ послалъ ему свою поэму. Авторъ Павла и Виргиніи, вѣроятно прочелъ ее, потому что онъ принялся отыскивать издателя и рекомендовалъ книгу. Онъ нашелъ издателя, но не могъ найти публику. Разошлось всего четыре или пять экземпляровъ.

Для того, чтобы овладѣть вниманіемъ публики, отвлечь ее на минуту отъ заботъ, потребовалось по меньшей мѣрѣ что нибудь уморительное, смѣхотворный успѣхъ, успѣхъ «Атталы» въ первомъ изданіи книги, которое впослѣдствіи авторъ уничтожилъ. Гренвилль не обратилъ ни малѣйшаго вниманія критиковъ. Никто не хвалилъ, не порицалъ поэму. Всѣ отнеслись съ одинаковымъ пренебреженіемъ къ единственному оригинальному произведенію того времени. Это пренебреженіе, это молчаніе было для автора смертельнымъ ударомъ. Онъ рѣшилъ, что судьба произнесла надъ нимъ безповоротный приговоръ. Его поэма, его надежда и утѣшеніе послѣднихъ

мрачныхъ лѣтъ, вѣрный товарищъ, благородный другъ, такъ часто служившій ему поддержкой, еще и теперь согрѣвавшій его внутреннимъ огнемъ у потухшаго очага, его поэма, повторяю я, не существовала болѣе; она покинула его, увы, на то, чтобы потерпѣть крушеніе!... Только тотъ, кто самъ творилъ, пойметъ тоску писателя, который, окончивъ произведеніе, разстается съ нимъ навсегда и остается одинокимъ, утративъ сына своей мысли.

Мрачная дѣйствительность положенія поэта охватила его съ новою силою. Онъ вновь почувствовалъ голодъ, холодъ. Онъ увидѣлъ себя старымъ, нищимъ, несчастнымъ, одинокимъ. Что я говорю? Нѣтъ не одинокимъ. Жалкая постройка, служившая когда то для училища, теперь была занята не однимъ семействомъ Гренвилля. Она была раздѣлена, какъ большинство построекъ нижняго Аміена, между нѣсколькими семьями бѣдняковъ, шумливыхъ, грязныхъ и почти всегда пьяныхъ. Гренвилль, принужденный ограничиться небольшимъ помѣщеніемъ въ нижнемъ этажѣ, слышалъ черезъ плохія перегородки весь шумъ, всѣ отголоски этого ада, крики дѣтей, ссоры родителей и сплетни женщинъ. Не похожій на своихъ сосѣдей, онъ сталъ предметомъ насмѣшекъ. Надъ старикомъ потѣшались, его передразнивали, за нимъ слѣдили. Такъ ему казалось, покрайней мѣрѣ. Онъ предполагалъ, что его сосѣди передавали его врагамъ все, что онъ говорилъ и дѣлалъ, а тѣ потѣшали городъ этими разсказами. Даже у своего очага онъ не чувствовалъ себя въ безопасности; онъ говорилъ своей женѣ: «говори тише, насъ услышатъ».

При такомъ нестерпимомъ существованіи, только мысль о женѣ удерживала его отъ неоднократнаго желанія покончить съ собою. Однако мало по мало, надо полагать, въ немъ созрѣла мысль, что женѣ не будетъ хуже, а что напротивъ она

избавится отъ проклятія, которое тяготѣла на немъ. Совершенно справедливое предположеніе. Г-жа де-Гренвиль, милая и образованная женщина, по смерти мужа, устроила себѣ весьма сносное существованіе. Гренвилль давно страдалъ лихорадкой и не спалъ по ночамъ. 1-го февраля 1805 г. въ два часа ночи, былъ сильный, холодный вѣтеръ; онъ вышелъ чтобы освѣжить свою горячую голову. Пройдя небольшой садикъ, онъ осторожно отворилъ калитку; заперевъ ее потомъ на ключь, онъ положилъ его въ карманъ своей единственной одежды. Запоздавшіе молодые гуляки, которые возвращались съ какой то масляничной пьяной пирушки, видѣли странное привидѣніе, которое пробиралось по противоположному берегу и затѣмъ услышали шумъ падающаго тѣла. На другой день, когда лодочники пришли на работу, они замѣтили что-то плавающее между разбитыми льдинами. Они вытащили тѣло баграми. Это былъ Гренвилль.

Покойника безъ всякаго обряда свезли на кладбище. О немъ поговорили въ теченіе дня. Вечеромъ дамы говорили въ одинъ голосъ, что это очень грустное происшествіе, но что видно Богъ наказалъ его совершенно справедливо. Вотъ каково было надгробное слово. Немного времени спустя, иностранецъ, англійскій антикварій, неутомимый собиратель литературныхъ рѣдкостей, Крофтъ, пріѣхалъ въ Амьенъ. Онъ читалъ «Послѣдняго человѣка», и просилъ показать ему скорѣе оригинальнаго и величественнаго творца поэмы, которую онъ признавалъ за единственную современную эпопею. Увы! поэтъ уже не существовалъ! Крофтъ горько заплакалъ. «Ахъ! сказалъ онъ, я бы спасъ его!»

Жестокая судьба! Покидаешь жизнь иногда наканунѣ того дня, который сдѣлалъ бы ее дорогою. Крофтъ не имѣлъ вообще удачи. Онъ пріѣзжалъ всегда слишкомъ поздно и только

для того, чтобы хоронить умершихъ. Еще въ Англіи онъ открылъ и превознесъ поэзію Чаттертона, въ то время когда этотъ молодой человѣкъ уже лишилъ себя жизни. Крофтъ, нынѣ уже забытый, обезсмертилъ себя тою слезою, «которую онъ пролилъ надъ могилою Гренвилля», между тѣмъ какъ во Франціи ни кто не интересовался еще ни человѣкомъ, ни поэмою. Въ своихъ замѣткахъ о Гораціи, восторженный англичанинъ, забывъ всякое національное самолюбіе, написалъ объ этой поэмѣ: «она дойдетъ до послѣдняго человѣка, до конца міра, скорѣе чѣмъ поэма Мильтона».

КНИГА ВТОРАЯ.

Англія. Франція. Германія. 1798—1805.

I.

Мальтусъ. 1798.

1798 годъ, въ которомъ я родился, отмѣченъ мрачною чертою; въ этотъ годъ, двѣ великія націи издали крикъ отчаянія, крикъ великихъ бѣдствій; онѣ призывали смерть, проклинали жизнь, плодородіе, желали, чтобы наступилъ конецъ свѣта. Въ этотъ годъ, когда Гренвилль, собравъ послѣднія силы, началъ писать свою поэму, пѣснь своей надежды о близкой кончинѣ міра, серьезный человѣкъ, профессоръ Мальтусъ, лично наслаждавшійся жизнью довольства, изъ тиши своего уединенія, подаетъ голосъ за призывъ къ смерти, къ безбрачію, къ бездѣтности. Еще скорѣе можно было бы допустить такой призывъ во Франціи, послѣ того какъ она перенесла столько внутреннихъ раздоровъ, когда республика, не смотря на свою побѣду въ фруктидорѣ, видѣла, что на нее обруши-

вается другая Францiя, въ лицѣ эмигрантовъ, дерзкая, требовательная, а солдаты, вернувшiеся изъ Италiи, мечтали о раздѣлѣ земель.

Но Англiя, владѣлица Индiи, царица морей, которая въ богатой Азiи и повсюду выжила Францiю,—какъ объяснить, что именно она высказала такое отчаянiе? Я очень хорошо знаю, что Индiя была истощена учрежденiями Корнваллиса и давала доходы только извѣстному классу буржуазiи, занимавшей главныя мѣста, и довѣреннымъ лицамъ правительства; я знаю, что въ 1797 году возмущенiе флота вызвало большiя преобразованiя въ слѣдующемъ году, которыя стоили много денегъ, и что заговоръ роялистовъ въ фруктидорѣ дорого обошелся англiйскому карману. Англiя находилась въ положенiи очень богатаго человѣка, у котораго много долговъ и который не знаетъ покоя. Питтъ съ демонической усмѣшкой, говорилъ этому богатому и голодному народу: «Радуйтесь! Французы, овладѣвая Голландiею, даютъ вамъ цѣлый мiръ, вторую Индiю, голландскiя колонiи, Яву, это сокровище, пупъ земли, оттуда къ вамъ направится цѣлый потокъ богатствъ». Въ отвѣтъ на этотъ радостный гимнъ, который можно заподозрить въ иронiи, Ирландiя указала на свои опустошенныя поля, показала картофель, который тогда садили, а Шотландiя на свой овсяный хлѣбъ. На возвышенностяхъ уже нельзя было долѣе оставаться; горные жители (highlands) спускались и увеличивали нищету въ долинахъ. Мужчины, если имъ не удавалосъ заняться рыбной ловлею, нанимались въ Индiю, чтобы умереть тамъ. Кромѣ Глазгоу, Эдинбурга, Шотландiя повсюду становилась пустынею. Женщины, худыя и воздержныя, мало по мало съуживали свои желудки, или благочестиво умирали, не проронивъ ни одной жалобы. Эти одинокiя существа на землѣ, гдѣ уже не осталось больше мужчинъ, снова

устроивали промышленные монастыри, гдѣ терпѣливое искусство ихъ и изумительная ровность пряденья создали фильд'экосъ—пряжу, на которую былъ спросъ по всей Европѣ. Англія не умѣетъ постничать, какъ Шотландія. Здѣсь появилось существо нигдѣ не виданное—*бѣдный*, промышленность котораго состоитъ въ сборѣ контрибуціи по приходамъ, у людей богатыхъ и трудолюбивыхъ. Бѣдные образуютъ цѣлое государство, для котораго были изданы законы еще въ царствованіе Елизаветы. Гораздо выше этого бѣднаго стояли люди подобнаго же рода жизни, но носившіе другое названіе: *синекуристы* всѣхъ видовъ. Къ числу такихъ людей нельзя отнести, не оскорбляя ихъ, бывшихъ воспитанниковъ университета, (fellows феллоу), получившихъ степень и привиллегію очень выгодную, брать къ себѣ на содержаніе и для довольно слабаго надзора и руководства, воспитанниковъ изъ богатыхъ и знатныхъ домовъ. Ремесло довольно выгодное, но въ одномъ только стѣснительное, оно требовало условія не *жениться*. Условіе не легкое; покойная и тихая жизнь наводила на мысль о женитьбѣ. Въ то время, когда Годвинъ и др. по примѣру нашихъ революціонеровъ, проповѣдывали женитьбу и плодовитость, въ 98 году, бывшій феллоу Кембриджа, Мальтусъ, 38-ми лѣтъ написалъ книгу, которая совѣтуетъ бездѣтность.

Книга эта замѣчательная, мрачная и угрожающая; авторъ старается доказать цифрами, что трудъ человѣка безсиленъ увеличить продукты сообразно увеличенію народонаселенія; пагубное увеличеніе народонаселенія, постояннымъ приростомъ, который превышаетъ нашу способность создавать и увеличивать средства питанія, рождаетъ враговъ безмѣрно увеличивающагося народонаселеія — голодъ и нищету. Что же дальше будетъ? Болѣе сильныя расы будутъ побѣждать менѣе сильныя и получать на нѣкоторое время большія

пространства земли для воздѣлыванія. Это дастъ отсрочку. Но не все ли равно? Тоже затрудненіе должно явиться только нѣсколько позднѣе. Правда войны, болѣзни, оспа, эти владычицы восемьнадцатаго столѣтія, довольно удачныя предохранительныя средства отъ голода. Но медицина и въ особенности оспопрививанія стараются сохранить человѣка, отдать его въ жертву голоду, поддержать, увеличить затрудненія міра. Такъ какъ смерть не довольно свирѣпствуетъ противъ сгущенія народонаселенія, обратимся за помощью къ охранительнымъ средствамъ: постараемся не родиться.

Книга эта начинена цифрами, часто довольно сомнительнаго источника; Мальтусъ заимствуетъ ихъ напр. изъ оплаченныхъ памфлетовъ Питта; не смотря на выставляемые доводы, она напоминаетъ мечтанія людей за тысячу лѣтъ тому назадъ о кончинѣ міра, который долженъ наконецъ умереть отъ истощенія и отъ голода. Въ христіанскую эру, когда было объявлено о кончинѣ міра и о религіи смерти, эти мечтанія по временамъ снова появлялись. Мальтусъ, излагая ихъ, сочинилъ романъ, возбуждающій гораздо большее отчаяніе, чѣмъ поэма Гренвилля.

Мысль послѣдняго, что любовь поддерживаетъ міръ, что отъ нея зависитъ жизнь нашей планеты,—проливаетъ живительный лучь свѣта, за которымъ идетъ послѣдній человѣкъ даже среди развалинъ міра. Совсѣмъ напротивъ, въ книгѣ Мальтуса, вмѣсто утѣшительнаго свѣточа, мы видимъ мракъ смерти и, не смотря на помощь, которую смерть извлекаетъ изъ чумы, оспы и другихъ союзниковъ своихъ, можно предугадывать, что для оставшихся въ живыхъ постыдная грязь замѣнитъ любовь въ мірѣ, въ которомъ любовь и плодовитость будутъ воспрещены. Только богатые будутъ имѣть дѣтей. Бѣдный родится одинокимъ и долженъ умереть такъ же

какъ родился. Авторъ имѣетъ подъ рукою тысячи соціальныхъ объясненій бѣдности въ этой богатой странѣ, которая обладаетъ Индіею, морями, самыми прекрасными странами свѣта; но онъ остерегается конечно видѣть настоящія осязательныя причины этого дѣйствія.

Я не берусь перечислять ихъ, но я скажу слѣдующее. Въ годину бѣдствій можно поступать двоякимъ образомъ: стѣсняясь и отказывая себѣ во всемъ, или наоборотъ отыскивая средства увеличить производительность, создавая себѣ другія средства къ жизни, новыя искусства, новыя отрасли промышленности. Во Франціи, — странѣ сравнительно болѣе бѣдной послѣ банкротствъ Людовика XIV и регента, во время втораго регенства герцога, всѣ думали, что пришло время умирать. Правительство самымъ глупымъ образомъ запретило Парижу распространяться и окружило его стѣною. Что сдѣлалъ работникъ Парижа? Онъ не сталъ искать средствъ пропитанія среди полей, которыя онъ не съумѣлъ бы воздѣлывать. Онъ создалъ другое средство, — не оставляя Парижъ, онъ обложилъ податью очарованную Европу. Онъ замѣнилъ дорогую, роскошную мебель Людовика XIV, болѣе дешевою и красивою, слегка изогнутою въ своихъ очертаніяхъ, на изящныя формы которой шли въ дѣло случайныя неправильности дерева, корни и другія природныя неровности. Всѣ могли пріобрѣсти себѣ мебель по недорогой цѣнѣ. Начиная съ 1730 г. и по 1760 годъ и даже много позднѣе, Парижъ работалъ на Европу, построилъ новый Парижъ, предмѣстье Сенъ-Антуана, работникъ женился и имѣлъ семью. Совершенно несогласно съ идеями Мальтуса, любовь и семья сдѣлали человѣка болѣе производительнымъ, болѣе трудолюбивымъ и остроумнымъ.

Въ самой Англіи совершалось еще большее чудо: въ то

время, когда Мальтусъ писалъ свою книгу въ 98 году, Уаттъ, путемъ постепеннаго усовершенствованія, создалъ къ тому времени новую производительную силу. Въ 98 году Уаттъ сынъ принялъ открытіе отъ своего отца и вмѣстѣ съ великимъ промышленникомъ, Больтономъ, произвелъ множество паровыхъ машинъ. Употребляемыя вначалѣ только для одного дѣла въ рудникахъ Корнваллиса, онѣ были мало по мало примѣняемы для тканья и для всего прочаго. Силы природы удвоились, удесятерились, увеличились во сто разъ, благодаря двигательной силѣ, которая явилась вездѣ и за недорогую цѣну. До тѣхъ поръ эту силу доставляли потоки, падающая вода, но либо въ слишкомъ большомъ или въ слишкомъ недостаточномъ количествѣ, весьма не равномѣрно. Теперь явилась новая сила, которую можно было поставить всюду, передвигать съ мѣста на мѣсто и заставлять работать неограниченное время, въ неограниченномъ количествѣ.

II.

Уаттъ и Машины. Невѣроятное обогощеніе Англіи.

Амьенскій миръ, переговоры о которомъ начались еще съ марта 1802 г., былъ заключенъ въ октябрѣ; онъ освободилъ капиталы, которые теперь направились на промышленность. Кромѣ того заключеніе германскаго или люневильскаго мира избавило Англію отъ расходовъ—субсидій Австріи и эти капиталы тоже обратились на промышленныя предпріятія. Такимъ образомъ, огромные капиталы могли служить цѣлямъ новой промышленности, машинной, которая обѣщала такую экономію ручнаго труда, что казалось вовсе не нуждалась въ рабочихъ рукахъ. Но она настолько увеличила производства,

благодаря необыкновенной дешевизнѣ всѣхъ производимыхъ предметовъ, что потребовалось напротивъ того большее количество рабочихъ, которые получали хорошую плату: наприм. механики, слесаря и другіе; даже обыкновенные первобытные рабочіе, ткачи, прядильщики и др., которыхъ машина должна была вовсе уничтожить, получали заработокъ при новой системѣ, которая требовала въ тысячи второстепенныхъ мелочахъ помощь человѣческой руки.

Все это разъяснилось въ небольшой промежутокъ мира; убѣдились, что машина увеличитъ количество работы, а никакъ не уменьшитъ. Англія, послѣ смерти Павла и послѣ открытія ея судамъ нѣмецкихъ рѣкъ, стала неограниченной властительницей моря; она надѣялась заключить торговый договоръ съ Франціею посредствомъ Бонапарте, который, какъ то было при Людовикѣ XVI, откроетъ Англіи громадный сбытъ ея товаровъ, теперь значительно удешевленныхъ, благодаря машинамъ. Но этого не случилось и отказъ заключить договоръ всего болѣе и способствовалъ тому, чтобы сдѣлать непопулярнымъ миръ, который вначалѣ Англія привѣтствовала съ восторгомъ.

Питтъ могъ удержать часть своего вліянія, обѣщая поддерживать въ парламентѣ партію мира, и министерство Аддингтона, въ 1802 году, имѣло на своей сторонѣ не только короля, но всю среднюю Англію т. е. буржуазію и промышленный классъ. Питтъ удалился на нѣкоторое время изъ парламента, чтобы не быть принужденнымъ безконечно поддерживать своего милаго Аддингтона, противъ котораго онъ втихомолку натравливалъ Каннинга и другихъ остроумныхъ молодыхъ людей. Но лучшимъ орудіемъ Питта противъ мира и министерства мира былъ самъ Бонапарте. Машина Папена,— простая мысль, что сила воды по временамъ приподнимаетъ

крышку и тѣмъ производитъ движенiе, все это было извѣстно. И это первое открытiе мало-по-малу усовершенствовалось.

Но гораздо привлекательнѣе машинъ — самъ человѣкъ, великая оригинальность этого изобрѣтателя. Эта странная личность не обладала специально механическими знанiями, но обнаруживала вообще удивительныя способности ко всякому искусству, къ разнымъ наукамъ. Къ счастью, намъ извѣстна исторiя его родственниковъ за цѣлое столѣтiе. Удивительно то, что наблюдая этого болѣзненнаго ребенка, который обнаруживалъ замѣчательно раннее развитiе, приходишь къ тому заключенiю, что онъ повидимому все зналъ, предугадывалъ и строилъ выводы, и что въ немъ такъ сказать отразилась жизнь, способности всѣхъ предковъ его *). Онъ родился въ Абердинскомъ графствѣ, мало живописномъ, земледѣльческаго характера хотя расположенное въ близи моря, оно было совершенно чуждо морской жизни.

Его прадѣдъ занимался сельскимъ хозяйствомъ; сражаясь за Стюартовъ, онъ былъ убитъ при Монрозѣ, а владѣнiя его конфискованы. Казалось, что ребенокъ жилъ еще въ то время; онъ зналъ всѣ эти битвы, всѣ событiя того времени и разсказывалъ ихъ такъ очаровательно, что его слушали ночи на пролетъ. Если бы онъ не былъ Уаттомъ, онъ былъ бы Вальтеръ-Скоттомъ. Знаменитый романистъ говоритъ, что онъ самъ былъ пораженъ его разсказами. Его дѣдъ, взятый на воспитанiе дальними родственниками, былъ математикомъ, обучалъ математическимъ наукамъ въ приложенiи къ мореплаванiю. Уаттъ наслѣдовалъ и отъ него и, начиная съ шести лѣтъ, искалъ развлеченiя въ занятiяхъ геометрiею. Сыновья этого дѣда занялись тою же профессiею. Одинъ изъ нихъ изготов-

*) Эти особенныя способности не были еще ни замѣчены, ни изслѣдованы основательно.

лялъ инструменты для флота. Въ этомъ подражалъ ему сынъ его, Джемсъ Уаттъ, знаменитый изобрѣтатель, который съ дѣтства строилъ и ломалъ свои игрушки; одною изъ нихъ была маленькая электрическая машина.

И такъ жизнь, способности предковъ соединились въ этомъ странномъ ребенкѣ; онъ заключалъ въ себѣ зародыши, начало всего, обладалъ какъ бы двойнымъ зрѣніемъ, благодаря которому онъ могъ почти не учиться. Будучи болѣзненнымъ юношей, онъ любилъ читать медицинскія книги, поглощалъ ихъ въ большомъ количествѣ и потихоньку даже занимался анатоміею. На берегахъ Ломондскаго озера онъ сдѣлался минералогомъ. Затѣмъ, анализируя минералы, сталъ химикомъ и узналъ, что воздухъ, нагрѣваясь и расширяясь пріобрѣтаетъ огромную силу. Онъ былъ уже на дорогѣ къ своему открытію.

Но прежде онъ пожелалъ имѣть опредѣленное занятіе. Онъ отправился въ Лондонъ. Тамъ недружелюбно смотрѣли на шотландцевъ со времени лорда Бюта. Уаттъ остался тамъ всего одинъ годъ, вернулся снова въ Глазгоу; но здѣсь встрѣтилось другое затрудненіе. Инженеры этого города смотрѣли на него, какъ на англичанина, и отказывались принять его. Наконецъ академія, столь знаменитая въ то время, благодаря Адаму Смиту и другимъ изобрѣтателямъ, пристроила его въ собственномъ помѣщеніи, небольшой лавочкѣ, въ которой онъ работалъ и продавалъ математическіе инструменты. По вечерамъ у него охотно собирались, чтобы его послушать. Лавка сдѣлалась знаменитою. Это напоминаетъ, что Христофоръ Колумбъ, въ Генуѣ имѣлъ вначалѣ тоже лавку, въ которой онъ продавалъ книги и географическія карты.

Открытіе Уатта относится къ 1769 году. Но потерпѣвъ неудачу въ первой ассоціаціи, которую онъ устроилъ для примѣненія этого открытія, онъ имѣлъ замѣчательное терпѣніе и

невѣроятную рѣшимость ждать цѣлыхъ десять лѣтъ, перемѣнить родъ занятій и, сдѣлавшись инженеромъ, участвовалъ въ прорытіи канала въ озеро Ломонъ, который явился соперникомъ Каледонійскаго канала; затѣмъ онъ прорылъ еще каналъ, по которому доставлялся каменный уголь въ Глазгоу. Наконецъ, въ 1774 онъ вернулся къ своему изобрѣтенію и соединился съ замѣчательнымъ промышленникомъ Больтономъ; прежде всего машина его употреблялась для выкачиванія воды изъ копей въ Корнвалисѣ, такимъ образомъ сберегалась третья часть каменнаго угля. Наконецъ, Уаттъ примѣнилъ свое изобрѣтеніе, создавъ общаго двигателя. Но тутъ онъ встрѣтилъ неожиданныя затрудненія въ примѣненіи своего открытія. Въ палатѣ общинъ многіе были противъ выдачи ему привиллегіи, между прочимъ знаменитый Бёрке. Цѣлыхъ семь лѣтъ онъ велъ процессъ и въ это время у него то оспаривали его открытіе, то увѣряли, что оно повредитъ рабочимъ. Этотъ процессъ раздражалъ его, внушалъ отвращеніе и наконецъ заставилъ его сдѣлаться юристомъ. Пока длились эти непріятности, у него умерли жена и старшій сынъ. Онъ не могъ забыть этой утраты, отсталъ совершенно отъ дѣлъ въ 1798, уступивъ привиллегію сыновьямъ; они вмѣстѣ съ своимъ компаньономъ создали знаменитую мануфактуру Уаттъ и Больтонъ, которая наводнила Англію своими произведеніями. Одна частица и, быть можетъ, самая любопытная этой знаменитой для насъ эры скрыта отъ насъ. Какимъ образомъ этотъ умный и терпѣливый человѣкъ, на столько же стойкій съ нравственной точки зрѣнія, насколько онъ былъ свѣдущимъ въ механическомъ дѣлѣ, создалъ цѣлый міръ помощниковъ себѣ, которые подъ его руководствомъ могли привести въ исполненіи его замыслы? Мы видимъ, что тогда зародилось начало того могучаго рабочаго сословія, трудолюбиваго, добросовѣст-

наго, которое въ продолженіе тридцати лѣтъ создало превосходство Англіи, ея промышленное преобладаніе въ цѣломъ мірѣ.

Въ 1798 году еще ничего подобнаго нельзя было предвидѣть и конечно Мальтусъ, издавая свой трудъ полный отчаянія, предполагалъ, что новое изобрѣтеніе уменьшитъ заработокъ, отниметъ у рабочаго хлѣбъ и усилитъ нищету. Конечно, плата была увеличена для тѣхъ работниковъ, которыхъ нанимали. Но устройство фабрикъ, которыя работали посредствомъ этихъ большихъ машинъ, подавило мелкую промышленность ткачей, работавшихъ дома съ семьями, и о томъ конечно слѣдовало сожалѣть *). Напр. въ Лидсѣ существовало четыре тысячи небольшихъ мастерскихъ, которыя должны были исчезнуть; но большая заработная плата, которую внесла новая система, нѣсколько поправила зло и обратилась на пользу рабочихъ семей. Многіе рабочіе женились, чего они не могли сдѣлать при старой системѣ, оставаясь подмастерьями и холостяками.

Что бы ни было однако, эти проходящія неудобства нельзя сравнить съ тѣмъ всемірнымъ благомъ которое создала новая система. Цѣна на одежду и на орудія труда понизилась до

*) Подробности о прежней шерстяной мануфактурѣ, которая была преобладающей въ средніе вѣка, можно узнать въ большомъ и важномъ трудѣ, который г. Жюль Кишера намѣревается напечатать объ этомъ предметѣ и для котораго онъ не щадитъ ни труда, ни времени, ни затратъ на путешествія. Ученая миссъ Тульминзъ Смитъ издала въ 1860 г. законоположенія по этому ремеслу, собраніе которыхъ было составлено отцомъ ея. Наконецъ Брентано сынъ напечаталъ книгу очень поучительныхъ изслѣдованій о лондонскихъ гильдіяхъ. Однако онъ оставляетъ безъ вниманія хорошо извѣстныя мѣста хроникъ, гдѣ говорится о стараніяхъ англичанъ привлечь иностранныхъ работниковъ. Кишера, авторитетъ котораго такъ значителенъ, думаетъ такъ же, какъ и я, что англійская промышленность вербовала всего болѣе себѣ руки въ эмиграціяхъ континента.

такой степени, что самыя бѣдныя населенія могли одѣться, пріобрѣсти орудія, чтобы начать какое нибудь производство. Англія, эта великая мастерская, дала возможность устроивать тысячи мастерскихъ на всемъ земномъ шарѣ. Весь міръ былъ такъ сказать обновленъ. Англія уже впродолженіе многихъ столѣтій добивалась славы производить и распространять главное благодѣяніе для сѣвера—одежды которыя согрѣваютъ и позволяютъ намъ двигаться и дѣйствовать.

Уже въ 1300 году одинъ древній лѣтописецъ сказалъ: «о Англія! Кто можетъ сравняться съ тобою! Твои корабли, твои произведенія безостановочно слѣдуютъ съ одного конца свѣта на другой. Народы благословляютъ тебя за что ты прикрываешь ихъ наготу и согрѣваешь ихъ шерстью твоихъ овецъ!»

III.

Нарушеніе мира 1803. Борьба Гортензіи и Жозефины съ братьями Бонапарте.

Никто, и Бонапарте въ томъ числѣ, не могъ предвидѣть великую промышленную революцію Англіи, дозволившую ей внезапно увеличить налоги на одну треть, дѣлая въ тоже время большіе займы. Это чудо не было извѣстно Бонапарте. Онъ смотрѣлъ на Англію, какъ на промышленную державу, и не подозрѣвалъ того, что справедливо доказывали ему друзья Питта,—что война будетъ гораздо выгоднѣе для Англіи, такъ какъ корабли исчезнутъ тогда съ океана и отдадутъ его всецѣло въ руки англичанъ. Въ интересахъ французской промышленности, которую онъ думалъ создать внезапно при помощи Шапталя и Бертолета, Бонапарте отсрочилъ договоръ, т. е. не

принялъ торговаго договора съ Англіею, котораго нетерпѣливо ожидалъ весь промышленный міръ этой страны. Это убивало Аддингтона и министерство мира, и снова призывало къ войнѣ, къ министерству Питта.

Презрѣніе военнаго къ торгашеству заставляло его думать, что неподвижностъ Англіи, извлекавшей изъ мира столько выгодъ, будетъ болѣе продолжительною. Онъ принималъ въ Парижѣ многихъ англичанъ, которымъ любопытно было увидѣть снова этогъ городъ, послѣ нѣсколькихъ лѣтъ и которые очень удивились, когда проѣзжая по Франціи, увидѣли ее такъ хорошо воздѣланною, между тѣмъ какъ они воображали застать ее въ совершенномъ раззореніи. Они могли убѣдиться насколько лживы были разсказы эмигрантовъ и англо-женевца, сэра Франсиса д'Ивернора. Всѣ европейскіе посланники находились въ Парижѣ, который никогда еще не былъ такимъ оживленнымъ и блестящимъ.

Фоксъ тоже пріѣхалъ сюда, чтобы посмотрѣть на это чудо того времени. Хотя сначала краснорѣчіе Бонапарте и ослѣпило его, но ему показалось однако, что блестящій говорунъ говоритъ слишкомъ много и даже болѣе нежели то прилично государственному человѣку. Фоксъ, напротивъ, хотя и относился дружелюбно къ Франціи и былъ чрезвычайно гуманнымъ человѣкомъ, держался и говорилъ довольно сдержанно, какъ и подобаетъ истому англичанину. Объ этомъ можно судить по слѣдующему анекдоту. Однажды на промышленной выставкѣ въ Луврѣ любовались глобусомъ прекрасной работы. Одинъ изъ военныхъ свиты консула имѣлъ дерзость сказать: «О! Какая Англія маленькая!» —Да, да, отвѣтилъ Фоксъ:—но тамъ живутъ англичане, которые хотятъ въ ней жить и умереть.—Указывая на два океана и на обѣ Индіи, онъ прибавилъ: «и они занимаютъ весь земной шаръ и держатъ его подъ

своимъ владычествомъ». Бонапарте восхищался этимъ горделивымъ отвѣтомъ.

Онъ былъ въ духѣ и заставлялъ играть въ Мальмезонѣ комедіи, въ которыхъ принимали участіе Бурьенъ, художникъ Изабей и другіе изъ числа его приближенныхъ. Онъ желалъ быть любезнымъ. Отвергнувъ мастерское произведеніе Гудона, онъ приказалъ сдѣлать свое изображеніе, выписавъ для этого изъ Италіи Канову, работы котораго были изящны, хотя мало выразительны. Но любимымъ его артистомъ былъ маленькій Изабей, креатура Гортензіи и Жозефины.

Изабей изобразилъ Бонапарте на двухъ портретахъ, знаменитыхъ и гравированныхъ въ большомъ количествѣ экземпляровъ; на одномъ онъ гуляетъ въ паркѣ Мальмезона, а на другомъ изображенъ верхомъ, дѣлающій смотръ войскамъ на площадѣ Карусселя. На послѣднемъ портретѣ онъ лучше, такъ какъ всѣ Бонапарте, отличаясь короткими бедрами и ногами были гораздо красивѣе верхомъ. На этой картинѣ онъ изображенъ въ полномъ величіи славы, окруженный своимъ ореоломъ—непобѣдимыми генералами на великолѣпныхъ коняхъ и съ саблями на голо.

Бѣдная Жезефина въ такихъ случаяхъ находилась на второмъ планѣ. Королевою дня была ея дочь Гортензія, которая только что вышла за мужъ за Людовика, будущаго короля Голландій. Жозефина этого желала, чтобы разстроить союзъ братьевъ, которые угрожали ей разводомъ. Странныя отношенія существовавшія въ семьѣ Бонапарте, очевидное предпочтеніе оказываемое Гортензіи, вызывало злоязычные толки въ англійскихъ журналахъ, утверждавшіе, что молодая уже родила *). Кромѣ пошлости, и скандала, въ этихъ

*) Бонапарте пришелъ въ сильную ярость и, чтобы опровергнуть слухи эти, нарочно далъ балъ, какъ говоритъ Бурьенъ.

отношеніяхъ существовало странное противорѣчіе. Возстановляя алтари, изгоняя изъ собора Богоматери республиканское духовенство, чтобы замѣстить его духовенствомъ папы, этотъ человѣкъ, заслужившій отъ новыхъ духовныхъ лицъ наименованіе *Христа Провидѣнія*, въ то же время, если вѣрить слухамъ, обезчестилъ своего брата, свою падчерицу и заставилъ свою жену перенести ужасный стыдъ, соблазнивъ ея родную дочь.

Все это конечно не доказано, но весьма правдоподобно, особенно вслѣдствіе той борьбы, которую онъ выдержалъ съ своимъ семействомъ, ради назначенія своимъ наслѣдникомъ сына Гортензіи, какъ говорятъ его сына *). Эти скандальныя подробности, напоминавшія времена древнихъ тирановъ, были всюду распространяемы за достовѣрную истину его врагами, желавшими доказать, что, какъ въ нравственномъ такъ и въ политическомъ отношеніи, этотъ тираническій умъ не признавалъ никакихъ законовъ.

Въ январѣ 1803 года, приказавъ итальянскому совѣту пріѣхать въ Ліонъ, онъ собралъ почти всю Ломбардію подъ именемъ итальянской республики и назначилъ себя президентомъ. Когда на это жаловались въ Амьенѣ, онъ гордо отвѣтилъ, что безъ этого итальянскія республики, слишкомъ слабыя для борьбы съ Австріею, должны были быть присоединены къ Франціи, что вскорѣ и случилось съ Піэмонтомъ. Съ одной стороны Піэмонтъ, съ другой Швейцарія, которою онъ управлялъ подъ именемъ посредника, утверждали господство его надъ Альпами. И все время онъ былъ врагомъ свободы. Въ Піэмонтѣ онъ видѣлъ только военный наборъ среди этого храбраго народа. Въ Швейцаріи онъ подавлялъ революцію и союзное равенство. Онъ всюду поддерживалъ аристократію.

*) Міо въ II т. даетъ самыя обстоятельныя подробности объ этомъ.

Во Франціи онъ дозволилъ возвратиться эмигрантамъ и по возможности отдавалъ имъ помѣстья ихъ. Всѣ министерства были на самомъ дѣлѣ сведены въ одно для рѣшенія важныхъ вопросовъ, подъ начало Маре-Бассано государственнаго министра. Трибунатъ и государственный совѣтъ были ограничены до небольшаго числа членовъ. Наконецъ совѣщательный сенатъ 4 августа 1802 г. опредѣлилъ ему пожизненное консульство. Бурьенъ подтверждаетъ странное обстоятельство: когда Англія въ маѣ 1803 г. отозвала своего посланника, Бонапарте никакъ не предвидѣлъ возможность такого близкаго разрыва. И дѣйствительно большинство военныхъ были въ отпуску.

Онъ хорошо зналъ, что аміенскій миръ былъ въ сущности лишь перемиріемъ; но онъ разсчитывалъ, что торговые интересы и преобладаніе въ Англіи промышленнаго класса, управлявшаго при Аддингтонѣ, обезпечиваетъ болѣе продолжительный миръ. Между тѣмъ друзья Питта подпольно подбирались къ власти и доказывали безъ особеннаго труда, что такъ какъ Бонапарте не допустилъ ввозъ англійскихъ товаровъ во Францію, и распространялъ свое вліяніе на материкѣ, то миръ былъ скорѣе вреденъ для Англіи, былъ помѣхой, даже быть можетъ опасностью. Множество тайныхъ агентовъ сновали по Англіи и однажды перехватили письмо Талейрана, къ одному изъ агентовъ его, брату секретаря Бонапарте; въ этомъ письмѣ Талейранъ поручалъ изслѣдовать портъ Дублина и сообщить, допускаетъ ли онъ абордажъ судовъ съ пушками. Это напоминало тѣ нечаянныя нападенія, которыя устраивалъ Бонапарте и которыя ему нерѣдко удавались.

Важное дѣло—уступка Мальты все еще не разрѣшалось. Напротивъ, Бонапарте, выгнанный изъ Египта, казалось, снова открывалъ себѣ туда путь, располагаясь по границѣ южной

Италіи, принуждая неаполитанскую королеву дозволить французской арміи занять Отрантскій полуостровъ, который такъ близко подходитъ къ греческимъ островамъ, что переѣздъ туда можетъ совершиться чрезвычайно быстро.

Если охватить взоромъ всю эту картину, и добавить ко всему волненія въ Германіи, то можно только удивляться дѣятельности Бонапарте; но вмѣстѣ съ тѣмъ нельзя не подивиться и его безразсудству—начинать заразъ столько дѣлъ, которыя мѣшали одно другому. Онъ напоминаетъ собою движенія большой кометы, которая сама путается въ блескѣ своихъ безчисленныхъ лучей. Напр. его морскія предпріятія въ Сенъ-Доминго и въ Тарентѣ, противъ Греціи и Египта, раздражали англичанъ и не доставляли ему самому никакой поддержки. Для него было бы гораздо выгоднѣе дѣйствовать только на материкѣ и кажущеюся неподвижностью поддерживать въ Лондонѣ министерство Аддингтона; между тѣмъ какъ онъ, своими неосторожными продѣлками, раздражалъ и упрочивалъ власть Питта и друзей войны. Ясно, что Бонапарте былъ ослѣпленъ, неостороженъ и слишкомъ смѣлъ; онъ постоянно разжигалъ войну, которая только что прекратилась.

Правда, нѣкоторые англійскіе гарнизоны удалились съ многихъ приморскихъ пунктовъ, но впрочемъ такихъ, которыми, они могли вновь овладѣть каждую минуту. Бонапарте, съ своей стороны, присоединивъ Піэмонтъ къ Франціи и вмѣшиваясь въ германскія дѣла, бросивъ вызовъ всей Европѣ и въ особенности Россіи, объявленной покровительницы Піэмонта. Англичане удерживали за собою Мальту, отказываясь отъ всякихъ уступокъ этого утеса, господствующаго надъ Средиземнымъ моремъ.

Въ своихъ газетахъ и памфлетахъ сочиняемыхъ эмигрантами, Англія кромѣ того старалась навлечь на Бонапарте

ненависть и презрѣніе цѣлаго свѣта. Онъ же, представлялъ себѣ, что всѣ эти диффамаціи были предвѣстницами убійства. Адская машина уже доказала, что эмигранты способны на все. Фуше уже не былъ болѣе начальникомъ полиціи, Бонапарте думалъ замѣнить его самъ, учредивъ небольшія и совершенно неспособные отряды военной полиціи, которые не ограждали его безопасности. Даже собственная семья его внушала ему подозрѣніе, онъ видѣлъ нетерпѣніе и досаду Люсьена, желавшаго, чтобы скорѣе было объявлено наслѣдственное право верховной власти, и сказалъ однажды Іосифу, болѣе терпѣливому и спокойному, что онъ не удивился бы если-бы зналъ, что Люсьенъ *) злоумышляетъ противъ его жизни. Онъ удалилъ его въ Испанію а затѣмъ съ удовольствіемъ узналъ объ отъѣздѣ его въ Италію.

Отчего могли явиться такія ужасныя подозрѣнія? Отъ той внутренней борьбы, которая происходила въ семействѣ Бонапарте. Его братья и сестры всегда вели войну противъ Жозефины и въ брюмерѣ онъ былъ готовъ развестись съ нею.

Ея отчаянныя мольбы послужили Бонапарте ручательствомъ въ томъ, что будучи достаточно наказана, она, получивъ прощеніе, будетъ самою послушною и безпрекословною исполнительницею всѣхъ жестокихъ капризовъ его. Она унизилась до того, что продолжала раздѣлять съ нимъ брачное ложе и тѣмъ сохранила для себя возможность оправдываться по ночамъ съ полною свободою. Все, что братья и сестры наговаривали на нее въ продолженіи дня, она ночью опровергала, или быть можетъ по догадкѣ, предсказывала, чтобы опровергнуть заранѣе. Она напр. увѣряла будто Люсьенъ совѣтывалъ ей взять любовника, чтобы имѣть отъ него ребенка.

---

*) Міо т. II.

Англійскія газеты поддерживали напротивъ другой слухъ: что Жозефина, постоянно опасаясь быть прогнанною, имѣла безстыдство предложить Бонапарте собственную дочь, что онъ согласился и прижилъ съ Гортензіей ребенка.

Гортензія, въ красѣ своихъ двадцати лѣтъ, была образованною, ловкою и честолюбивою особою. Дочь интригантки, она имѣла еще другую наставницу—горничную Маріи Антуанеты, знаменитую г-жу Кампанъ. Гортензія, кромѣ способности къ интригѣ, обладала еще другимъ качествомъ—опредѣленностью своихъ честолюбивыхъ замысловъ. Никто не поддерживалъ съ такою настойчивостью въ продолженіе всей жизни легенду Бонапарте, какъ она. Парижъ, также какъ и Лондонъ, вѣрилъ этимъ слухамъ. За то адъютантъ Дюрокъ, любимецъ Гортензіи, узнавъ, что она выходитъ за мужъ за другаго, выразилъ .съ солдатскою грубостью и цинизмомъ свое удовольствіе по поводу избавленія отъ женитьбы, которая все-жь таки могла доставить ему выгодное положеніе. Первый консулъ потребовалъ, чтобы на Гортензіи женился младшій братъ его Людовикъ, хотя обѣ стороны не скрывали свое взаимное нерасположеніе. Міо разсказываетъ, какія ужасныя сцены разыгривались по этому поводу между Бонапарте и Людовикомъ.

Наполеонъ былъ увѣренъ, что всѣ эти слухи, распускаемые съ цѣлью унизить его, составляли часть того заговора, который замышляли противъ него. Во второй части мемуаровъ Міо можно найти много любопытныхъ подробностей о смутномъ времени 1804 года. Авторъ, довѣренный человѣкъ Іосифа, зналъ черезъ него всѣ семейныя тайны, и доказываетъ совершенно ясно, подъ какимъ гнетомъ Наполеонъ держалъ своихъ братьевъ. Самый терпѣливый братъ который жаловался меньше другихъ, тѣмъ не менѣе высказывалъ, «что онъ желалъ бы

его смерти». Въ эту эпоху Жозефина, получивъ вліяніе посредствомъ Гортензіи, говоритъ съ братьями тономъ императрицы, коронуется и во время коронаціи унижаетъ ихъ женъ, заставляя ихъ нести конецъ своей мантіи.

Міо передаетъ эти подробности не только съ полною правдивостью, но и во всемъ хитросплетеніи и путаницѣ, съ какими они слѣдовали одно за другимъ. Онъ не раздѣляетъ семейную исторію отъ политической, такъ какъ среди праздниковъ и торжествъ новой имперіи, на которыхъ блистаютъ двѣ женщины Жозефина и Гортензія, происходятъ трагическія смерти Энгьена и Пишегрю, процессъ Моро и гильотинируются десять роялистовъ. Англійскій посланникъ оставляетъ Парижъ, а русскій, съ которымъ Наполеонъ очень дурно обращался, остается съ большою неохотою. Среди подобныхъ трагическихъ событій, Наполеонъ повидимому занятъ только двумя тщеславными призраками—булонскимъ флотомъ, приготовленіями къ воображаемому нападенію на Англію и пріѣздомъ папы, который пріѣзжаетъ въ этотъ кровожадный Парижъ, чтобы короновать императора и императрицу. Варварская смѣсь въ 1804 году казней и праздниковъ напоминаетъ времена цесарей Светонія, или еще скорѣе—неудобоваримыя драмы Шекспира, въ которыхъ чередуются жизнь, смерть, свадьбы и похороны.

18 февраля 1803 г. Бонапарте увлекся тщеславною импровизаціею передъ англійскимъ посланникомъ, въ немъ заговорило остроуміе южанина и онъ выразилъ сожалѣніе о томъ что Англія не согласилась раздѣлить съ нимъ владычество міра. Онъ даровалъ бы этой царицѣ морей «торговый договоръ и часть добычи и вліянія на материкѣ». Англичане мало довѣряли его прекраснымъ рѣчамъ; они охотнѣе повѣрили отчету Себастіани, помѣщенному въ Мониторѣ, гдѣ очень не-

осторожно объяснялись виды Бонапарте на Египетъ и Востокъ.

Тѣмъ съ большею настойчивостью держались англичане за Мальту, за эту скалу, которая вмѣстѣ съ Гибралтаромъ охраняетъ Средиземное море.

Чего добивался этотъ безпокойный умъ, находившійся подъ вліяніемъ близкихъ людей, и гораздо болѣе, чѣмъ то предполагалось? Гортензія и Жозефина конечно были очень довольны миромъ. Самъ Бонапарте хотѣлъ воротить англійскаго посланника, который впрочемъ тѣмъ не менѣе продолжалъ свой путь. И въ то же время онъ дѣлалъ совершенно ненужное предложеніе Людовику XVIII, выплачивать ему большую пенсію. Эти миролюбивыя попытки были повидимому вполнѣ искренни въ ту минуту. Онъ согласился дать много отпусковъ. Многочисленныя войска расположенныя на берегу, предназначались не столько для неправдоподобной высадки въ Англію, сколько для того, чтобы поражать Парижъ, Францію. Въ совѣтѣ онъ сказалъ весьма грубо: «если вы хотите устроить дѣло гражданскимъ порядкомъ, торопитесь; потому что я знаю, что армія готова объявить меня императоромъ». Дерзкая ложь! Армія и не думала ни о чемъ подобномъ. Республиканскій духъ еще не былъ заморенъ окончательно.

VI.

Роялистическія заговоры противъ будущаго императора. Энгьенъ, Моро, Пишегрю, Кадудаль. Февраль Май 1804 г.

Роялисты оказались ужасно неблагодарными относительно Бонапарте. Исключая казни Фротте, который оскорбилъ его жестокою шуткою, онъ всегда высказывалъ странную благосклонность къ ихъ партіи. Онъ спасъ ихъ покровителей—

Австрію и папу. Онъ открылъ имъ двери Франціи. Онъ возвращалъ имъ имущества, на сколько это было въ его власти. Гортензія и Жозефина, окруженныя совѣтницами въ лицѣ старыхъ дамъ сенъ-жерменскаго предмѣстья, во всемъ вліяли въ пользу ихъ партіи. Что могъ онъ еще сдѣлать? Развѣ призвать короля? Но это сильно испугало бы владѣльцевъ національныхъ имуществъ и могло вызвать кровавую революцію. Но кому онъ предназначалъ тронъ, на который его наталкивали обстоятельства? Сыну Гортензіи, который подъ вліяніемъ воспитанія своей матери и Жозефины, а также совѣтовъ дамъ роялистокъ обратился бы въ настоящаго дворянина, совершеннаго эмигранта. И такъ, благодаря всѣмъ этимъ постыднымъ окольнымъ путямъ, имперія и величіе Бонапарте должны были роковымъ образомъ сдѣлаться достояніемъ партіи роялистовъ.

Адская машина въ достаточной мѣрѣ доказала неблагодарность роялистовъ и безсовѣстность ихъ. Было довольно правдоподобно, что они попытаются произвести нѣчто подобное, до объявленія имперіи. Питтъ, завладѣвъ снова министерствомъ, испросилъ шестьдесятъ милліоновъ изъ секретныхъ суммъ. Естественное раздраженіе англичанъ противъ Бонапарте, который постоянно дразнилъ ихъ булонскими затѣями и угрозами произвести высадку, заставляло ихъ желать смерти этого безпокойнаго, смѣлаго человѣка. Англичане, со времени Кромвелля, считались на материкѣ за представителей доктринъ политическаго убійства: *Oportet unum mori pro populo*. Отсюда и знаменитый памфлетъ напечатанный въ Лондонѣ во время Бонапарта: *Killing no murder*: политическое убійство не есть убійство. Англичане повидимому хотѣли предостеречь, запугать Бонапарте. Ихъ журналы называли консульство *пожизненнымъ* правительствомъ. Вслѣдствіе

неловкости, быть можетъ лишь притворной, посланникомъ въ Парижѣ былъ тотъ самый лордъ Витворсъ, который былъ въ Россіи во время смерти Павла. Мягкій, вѣжливый придворный, онъ однимъ своимъ видомъ безпрестанно напоминалъ Бонапарте, что тотъ лишился своего союзника-царя.

Бонапарте, какъ человѣкъ, имѣлъ больше значенія чѣмъ Павелъ и смерть его была болѣе желательна для Англіи. Англичанамъ не нужно бы было даже принимать въ этомъ участіе. Ярые роялисты горѣли желаніемъ приняться за это дѣло. Ихъ герой, мельникъ Кадудаль *), храбрый, сильный и жестокій человѣкъ, смотрѣлъ на это предпріятіе, какъ на мечту, на идеалъ всей своей жизни. Онъ когда-то имѣлъ аудіенцію у Бонапарте, который охотно бы привлекъ его на свою сторону. Кадудаль никогда не могъ утѣшиться, въ томъ что не воспользовался этою минутою, чтобы задушить его. Но онъ считалъ за счастіе напасть на него на площади Каруселя, среди его гвардіи и убить его въ кровавой схваткѣ. Онъ не дѣлалъ изъ этого тайны, а разсказывалъ о своемъ планѣ всякому, кто хотѣлъ его слушать **). Миролюбивое министерство Аддингтона приберегало Кадудаля, какъ боеваго бульдога. Съ удивительною откровенностью оно сообщило консулу, что въ случаѣ уступки Мальты, это смертоносное орудіе будетъ удалено, отослано въ Америку. Довольно наивное предложеніе, которое однако доказываетъ, какое употребленіе могли сдѣлать изъ Кадудаля, если Мальту будутъ оспаривать.

Эти мрачныя предостереженія должны были произвести немалое впечатлѣніе на Бонапарте, особенно послѣ разрыва,

---

*) Смотри прекрасныя статьи Лежана (Biographies bretonnes).

**) Такъ и Романьоль Піанори имѣлъ безграничную смѣлость напасть на Наполеона III въ Елисейскихъ поляхъ въ полдень.

когда въ отмщеніе за захватъ французскихъ кораблей, Бонапарте приказалъ задержать англичанъ, путешествовавшихъ во Франціи. Онъ приказалъ тоже занять Ганноверъ, собственность короля Англіи. Такое дѣйствіе, касаясь чувствительной струны, могло имѣть важныя послѣдствія; оно могло вызвать рѣшительнымъ образомъ смерть Бонапарта. Послѣдній долженъ былъ очень жалѣть о томъ, что изъ тщеславія довѣрилъ полицію неумѣлымъ рукамъ министерства юстиціи. Но онъ заботился о личной охранѣ безчисленными отрядами военной полиціи, очень неискусной. Бывшій министръ, Фуше удержалъ своихъ агентовъ, продолжалъ наблюдать и предупреждать Бонапарте, котораго еще болѣе тѣмъ тревожилъ.

Странное положеніе! Въ ту минуту, когда онъ казалось достигъ всего, пробился до цѣли, онъ замѣтилъ личную опасность. Сенатъ предлагалъ ему *имперію* даже болѣе—*право назначать наслѣдника*. Это оправдывало желанія братьевъ, главнымъ образомъ пылкое нетерпѣніе Люсьена; но оно вовсе не нравилось женщинамъ, которыя желали *усыновленія* для ребенка рожденнаго Гортензіею. Такъ что когда сенатъ предложилъ право наслѣдственности, то Бонапарте далъ ему слѣдующій странный отвѣтъ: «черезъ десять лѣтъ я объ этомъ подумаю»; т. е. когда ребенку будетъ четырнадцать лѣтъ—совершеннолѣтіе короля. Отвѣтъ этотъ, нѣсколько циничный, которымъ онъ признался въ своей страсти, доказывалъ и удовольствіе, какое онъ находилъ не скрывать своего стыда. И вотъ въ ту минуту, когда голосъ природы готовъ была смягчить эту жизнь, до сихъ поръ такую разсчитанную, явилась опасность. Странно, но именно въ тѣ минуты, когда человѣкъ болѣе всего дорожитъ жизнью, смерть, эта великая насмѣшница, любитъ являться съ своею иронической судорожной усмѣшкой, которая, кажется, говоритъ: «А меня вы

забыли! И я пришла на праздникъ». Не успокоенный нисколько своими военными полицейскими отрядами, Бонапарте думалъ, что со стороны Рейна и Англіи являются цѣлыя арміи убійцъ. Фуше радовался его страху и увеличивалъ его опасенія, написалъ ему: «Самый воздухъ наполненъ кинжалами».

Но такая испытанная и опытная гончая имѣла то неудобство, что уже слишкомъ усердно удаляла непріятеля. Англичане послали молодаго Берри, который долженъ былъ высадиться на крутомъ берегу Трувилля; онъ видѣлъ, что его ждутъ и не рѣшился на высадку. Савари, посланный Бонапарте, напрасно прождалъ Берри цѣлый мѣсяцъ. Со стороны Рейна англичане имѣли большую силу въ своихъ пансіонерахъ-эмигрантахъ и между прочимъ въ молодомъ Конде, герцогѣ Энгьенскомъ. Роялисты увѣряютъ, что въ продолженіи двухъ лѣтъ онъ оставался вблизи Шварцвальда, удерживаемый охотою, этою страстью всѣхъ Конде, и любовью. Но это сомнительно. Онъ не могъ выбрать другаго мѣстопребыванія, которое-бы сильнѣе раздражало Бонапарте. Страсбургъ былъ наполненъ агентами роялистовъ, дамами и священниками, которые со времени Пишегрю занимались корреспонденціею съ эмигрантами. Принцъ, отважный юноша, переѣзжалъ Рейнъ, чтобы, какъ говорили, позабавиться въ большомъ городѣ. Въ портретной галлереѣ Версаля, его молодое и тонкое лицо тѣмъ не менѣе поражаетъ черствостью и выраженіемъ ребенка, способнаго на трагическіе поступки.

Главный заговорщикъ, Пишегрю, уже оставилъ Лондонъ и пріѣхалъ въ Парижъ. Но онъ не былъ особенно полезенъ, его презирали. Время успѣло сбросить съ него маску. Въ 97 его переговоры съ австрійцами, въ 98 его совѣты Суворову—какъ бы удачнѣе побить насъ, были слишкомъ хорошо извѣстны. Англичане въ его лицѣ имѣли весьма жалкаго

пансіонера, который не могъ поколебать армію. Слѣдовательно, какъ совершено справедливо доказывили роялисты, Пишегрю одинъ былъ безсиленъ, онъ долженъ былъ подкупить Моро, у котораго сохранилось нѣкоторое обаяніе. Моро, чувствуя что въ немъ нуждались, не хотѣлъ трудиться исключительно для роялистовъ, но работать прежде всего для самаго себя, онъ говоритъ, не безъ основанія, что армія вовсе не была расположена къ роялистамъ и, чтобы водворить королевскую власть, требовалось переходное лице диктатора.

Свиданіе Моро и Пишегрю на бульварѣ Маделены, хотя и утверждали, будто оно вымышленный фактъ, на самомъ дѣлѣ болѣе чѣмъ правдоподобно. Почему? Потому что въ Моро очень нуждались, потому что одно его имя уже давало нѣкоторую вѣроятность въ удачѣ задуманнаго предпріятія. Безъ него убійство Бонапарте, совершенное съ успѣхомъ рукою Кадудаля или другихъ роялистовъ, могло погубить ихъ партію и напротивъ послужить на руку революціонерамъ. И ярость Бонапарте была всего сильнѣе противъ Моро, какъ человѣка, который могъ лишить его главной опоры, главной силы—арміи. Жоржъ Кадудаль былъ въ Парижѣ; утверждали, будто его видѣли, когда онъ ходилъ представляться какой-то таинственной личности. Это не могъ быть Берри, который не высадился. Слѣдовательно это не могъ быть никто иной, какъ маленькій Конде, молодой д'Энгьенъ, который имѣлъ около себя, въ качествѣ руководителя, Дюмурье, опытнаго и опаснаго человѣка. Подобные слухи чрезвычайно смущали Бонапарте, и хотя его увѣряли, что молодой Конде еще находится въ Баденѣ, онъ рѣшился, не смотря ни на что, освободиться отъ своихъ опасеній.

Маркграфъ баденскій, владѣнія котораго недавно округлились благодаря Бонапарте, былъ его должникомъ и готовъ

былъ оказать ему всякую услугу. Онъ надѣялся бракомъ войти въ семейство Бонапарте, такъ какъ онъ успѣлъ уже этимъ способомъ породниться съ русскою императорскою фамиліею; такимъ образомъ, онъ былъ бы связанъ родственными узами съ двумя самыми могущественными государствами Европы. При такихъ обстоятельствахъ, даже самъ Талейранъ полагалъ, что вполнѣ возможно безъ всякихъ околичностей испросить дипломатическое удаленія эмигранта, молодаго принца, который вблизи Франціи устраивалъ противъ нея тайные заговоры. Къ маркграфу отправили очень любезнаго, вкрадчиваго человѣка—Коленкура. «И нѣмецкій князь согласился» (Міо т. II). Маркграфъ могъ предупредить принца. Но въ это время арестованіе совершилось: отрядъ жандармовъ схватилъ принца, привезъ его въ Страсбургъ, затѣмъ въ Парижъ. Даже Бонапарте не ожидалъ, что принца привезутъ такъ скоро и не сдѣлалъ никакихъ распоряженій, такъ что цѣлый день почти прошелъ между привозомъ принца въ Парижъ и заточеніемъ его въ Венсеннѣ. Бонапарте ни съ кѣмъ ни совѣтывался и никто не могъ заступиться за его жертву.

Конечно, нельзя было утверждать, что герцогъ энгьенскій былъ захваченъ на мѣстѣ преступленія. Онъ находился внѣ Франціи наравнѣ со столькими эмигрантами, которымъ каждый день дозволяли возвращеніе въ отечество. Наконецъ, если онъ былъ дѣйствительно виновенъ въ сношеніяхъ съ Пишегрю и Кадудалемъ, то надо было выяснить его виновность, а не употреблять исключительно противъ него такихъ жестокихъ мѣръ, ни на чемъ не основанныхъ. Но корсиканскіе инстинкты, ярость проснулись въ Бонапарте, какъ только онъ почувствовалъ добычу въ своихъ рукахъ. Онъ назначилъ для суда надъ Энгьенскимъ военныхъ судей изъ полковниковъ парижскаго

гарнизона. Эти военные, привыкшіе разстрѣливать шуановъ и эмигрантовъ, не оставили и въ этомъ случаѣ своихъ привычекъ. Однимъ изъ нихъ былъ Гюленъ, побѣдитель Бастиліи, и весьма гуманная личность, такъ какъ онъ тогда пожертвовалъ своею жизнью, чтобы спасти губернатора Бастиліи, Лонэ и, въ порывѣ великодушной отваги, надѣлъ на него свою шляпу.

Принцъ ничего не написалъ, но заявилъ, что желаетъ говорить съ первымъ консуломъ. Объ этомъ передали Реалю, во то время начальнику полиціи. Онъ спалъ, такъ какъ очень усталъ въ тотъ день и приказалъ, чтобы его не будили. Казнь совершилась рано утромъ, въ шесть часовъ, по закону, передъ глазами Савари-Ровиго, который былъ посланъ туда нарочно. Эта варварская торопливость была нелѣпо безполезна. Бонапарте, въ этомъ случаѣ, дѣйствовалъ себѣ во вредъ. Повидимому, онъ находился въ припадкѣ ярости, и уже не владѣлъ собой, такъ же какъ и въ то время когда, узнавъ объ отплытіи судовъ съ изгоняемыми якобинцами, которое кончилось потопленіемъ сотни человѣкъ (noyade), напрасно пострадавшихъ за адскую машину, онъ сказалъ: «все равно, я отъ нихъ избавился». Напротивъ, прямая выгода его заключалась въ томъ, чтобы онъ настоялъ на обнаруженіе всѣхъ упорныхъ происковъ, продолжавшихся и послѣ смерти царя Павла, на раскрытіе миссіи Кадудаля, этого оружія въ рукахъ заговорщиковъ, и неудачной попытки Берри произвести высадку. Нѣтъ сомнѣнія, что и молодой Конде попалъ бы въ число обвиняемыхъ. Человѣкомъ, который болѣе всѣхъ долженъ былъ опасаться слѣдствія раскрывавшаго все это дѣло, былъ конечно Пишегрю; онъ рисковалъ утонуть въ грязи, столько разъ уже была доказана его измѣна своей арміи; потомъ онъ былъ помилованъ въ фруктидорѣ за австрійскую измѣну и, возвратясь во Францію, онъ заслужилъ свою смерть вторично измѣнивъ въ пользу

русскихъ. Каждый годъ онъ падалъ все ниже и ниже. Объясненіе всего этого погребло бы его въ въ цѣломъ адѣ позора. У него было одно средство избѣгнуть суда—это удавиться. Онъ такъ и сдѣлалъ 16 апрѣля 1804 г., въ надеждѣ, что его смерть припишутъ Бонапарте.

V.

Безуміе Бонапарте относительно старшаго сына Гортензіи. Жозефина принуждаетъ его къ унизительному шагу. Май 1802 г.

Смерть герцога Энгьенскаго надѣлала много шума при европейскихъ дворахъ; многіе принцы возненавидѣли Бонапарте, они были довольно равнодушны къ народнымъ бѣдствіямъ, но принимали близко къ сердцу гибель одного изъ себѣ подобныхъ, однако они молчали. Одинъ императоръ Александръ громко негодовалъ и надѣлъ трауръ; онъ тѣмъ послужилъ органомъ для эмигрантовъ.

Во время реставраціи утверждали, повторяли неоднократно, что Парижъ былъ сильно потрясенъ этою казнью. Все это выдумки. На третій день Талейранъ давалъ блестящій балъ. Лоншанъ, гдѣ выставлялись современныя моды, кипѣлъ народомъ и обновлялъ туалеты имперіи, болѣе подходящіе для кормилицъ, толстыхъ женщинъ, какою была въ то время Гортензія. Парижъ въ дѣйствительности мало жалѣлъ эту безпокойную эмиграцію, которая постоянно злоумышляла и тѣмъ мѣшала теченію дѣлъ. «Наполеонъ, говорили тогда, отошлетъ Жозефину и можетъ жениться на баденской принцессѣ. Маркграфъ баденскій, который только что выказался такимъ усерднымъ полицейскимъ сержантомъ Бонапарте, не

откажется выдать за него принцессу своего дома: и такимъ образомъ гражданинъ Бонапарте будетъ свякомъ императора Александра». Хорошій залогъ для общаго мира.

Легенда Жозефины какъ видно тогда не зарождалась. Она была сложена дамами сенъ-Жерменскаго предмѣстья, а также прачками и рыночными товговками, которыя полагали, что одной изъ ихъ сестеръ выпала счастливая доля, *большой выигрышъ*, выйдти за мужъ за императора. Что дѣйствительно замѣчательно въ жизни этой женщины, это умѣнье, съ какимъ она поднялась въ четыре года изъ самаго презрѣннаго положенія до самого высокаго, и кромѣ того съ такимъ невѣроятнымъ успѣхомъ управляла этимъ человѣкомъ, который считалъ себя неограниченнымъ властителемъ надъ другими. Она его любила очень мало. Это было замѣтно въ Италіи, когда, раздѣляя его торжество, она уже зѣвала на восьмой день и торопилась возвратиться въ Парижъ, гдѣ ее ожидалъ міръ интригановъ, пройдохъ и модныхъ торговокъ. Въ 98 году, воротясь изъ Египта, Бонапарте нашелъ ее до того запачканной, до того ославленной, что рѣшился было немедленно отослать ее, но потомъ раздумалъ, боясь повредить брюмерскому перевороту и опасаясь раздражить банкировъ, которые доставляли денежныя средства. Кромѣ того она сама выказала столько смиренія передъ наказаніемъ и стыдомъ, что онъ былъ увѣренъ въ невозможности найти болѣе терпѣливую жертву и болѣе ловкую интриганку для привлеченія къ нему сенъ-жерменскаго предмѣстья.

Неловкій образъ дѣйствія братьевъ Бонанарте, чудовищное тщеславіе ихъ въ особенности содѣйствовало возвышенію ея; мягкій и податливый характеръ Евгенія, миловидность Гортензіи и даже страхъ, который та вначалѣ чувствовала или только разыгрывала передъ Наполеономъ, очень ему нра-

вились. Весною 1804 года, Жозефина была на высотѣ своего величія. Разрѣшеніе Гортензіи, удивительное пристрастіе Бонапарте къ этому ребенку, его планы о великой будущности этого сосунка, все это способствовало возвышенію Жозефины. Но быть можетъ именно это увеличившееся вліяніе двухъ женщинъ, страхъ передъ мольбами и плачемъ ихъ, и заставили его поспѣшить со смертью герцога Энгьенскаго. Онъ въ этотъ день писалъ письма, т. е. заперся у себя въ комнатѣ до тѣхъ поръ, пока все не было кончено безповоротно, непоправимо. Страсть далеко не смягчила его сердца, напротивъ смертью бурбоновъ, которыхъ онъ, судя по его словамъ, хотѣлъ истребить до послѣдняго, онъ разсчитывалъ упрочить, подготовить высокое положеніе наслѣдника, сына Гортензіи и ея матери.

Обѣ женщины, которыхъ предупредили слишкомъ поздно, напрасно проливали слезы. Когда подготовлялась казнь двѣнадцати роялистовъ, онѣ могли добиться помилованія только двухъ личностей: Полиньяка и де-Ривьера, молодыхъ людей, за которыхъ просило все предмѣстье Сенъ-жермена. Жозефина, успѣвшая сдѣлать такъ мало для своихъ друзей, съ удвоенною настойчивостью стала требовать въ награду уступки въ интересахъ своей дочери и сына этой Гортензіи, къ которому былъ такъ привязанъ Бонапарте. Она добилась отъ него страннаго, невѣроятнаго шага въ интересахъ этого ребенка. Подъ вліяніемъ страсти она забыла свое лицемѣріе и опровергла все, что говорилось о ея кротости.

Шагомъ этимъ было посѣщеніе Наполеономъ своего брата Людовика, съ цѣлью объявить ему всѣ планы о будущемъ величіи ребенка, который былъ такъ дорогъ сердцу императора. Весьма щекотливое объясненіе. Бонапарте, который почти воспиталъ Людовика, казалось, могъ бы не чувствовать передъ

нимъ неловкости; но все таки онъ не былъ покоенъ и, чтобы придать себѣ мужество и запугать этого слабаго и болѣзненнаго человѣка, онъ придумалъ очень глупое средство: а именно явиться къ нему нечаянно, точно какой-то ураганъ, съ конвоемъ въ тридцать всадниковъ, которые слѣдовали за его каретой въ галопъ и съ обнаженными саблями. Но лучшимъ конвоемъ для него была Жозефина, которая, видя смущеніе супруга, выказала больше рѣшимости и напрямикъ объявила Людовику, что законъ о престолонаслѣдіи былъ утвержденъ и что надо ему подчиниться, нужно показать себя человѣкомъ въ такихъ важныхъ обстоятельствахъ и что кромѣ того онъ самъ долженъ сознавать свои выгоды. Затѣмъ она объявила ему, что согласно только что утвержденному закону, право престолонаслѣдія будетъ предоставлено только тѣмъ членамъ семейства, которые будутъ на шестьнадцать лѣтъ моложе перваго консула, и что сынъ Луи единственный въ родѣ, который отвѣчаетъ этимъ требованіямъ, что поэтому онъ и будетъ наслѣдникомъ.

Людовикъ былъ возмущенъ такъ же какъ и Іосифъ, который, чуть только узналъ объ этомъ, то разразился ругательствами, проклялъ честолюбіе Наполеона и пожелалъ его смерти, какъ спасенія для всего семейства такъ и для Франціи.

VI.

Коронованіе. Папа въ Парижѣ. Торжество Гортензіи и Жозефины надъ братьями.

Бонапарте сказалъ Вольнею во время конкордата. «Это оспопрививаніе религіи, черезъ двадцать лѣтъ всѣ объ этомъ забудутъ». Но эти слова и шутовскія дѣйствія его въ Египтѣ

не должны вводить въ заблужденіе. Бонапарте, по своему отечеству, воспитанію и материнскому вліянію, былъ итальянскій дворянинъ католикъ. Впечатлѣніе, произведенное на него звономъ колоколовъ въ Рюелѣ, которое напомнило ему времена дѣтства, вѣроятно не было выдумкой. Подобное настроеніе поддерживалось въ немъ, съ тѣхъ поръ какъ онъ и жена его окружили себя людьми прежняго двора, старались привлечь къ себѣ старинныя фамиліи сенъ-жерменскаго предмѣстья и поставили себѣ идеаломъ, по словамъ г-жи де Жанлисъ, дворъ Людовика XIV. Что ему особенно нравилось въ этой эпохѣ— это католицизмъ Боссюэта, прекрасное орудіе власти. Онъ отлично понялъ, что проповѣдуя послушаніе и обладая могущественнымъ средствомъ—исповѣдью, католичество обратилось въ прекрасное полицейское орудіе. Фуше по этому поводу выразился довольно дерзко; онъ сказалъ епископу: «Ваше преподобіе, я нахожу что ваше ремесло болѣе походитъ на мое, чѣмъ это думаютъ».

Со времени конкордата, въ продолженіи двухъ лѣтъ, Жозефина употребляла всѣ средства для того, чтобы поддержать въ Бонапарте религіозное настроеніе; она надѣялась черезъ это добиться осуществленія послѣдняго и самаго важнаго желанія—обряда религіознаго вѣнчанія, котораго ей недоставало, чтобы совершенно упрочить свое положеніе среди дамъ сенъ-жерменскаго предмѣстья. Но какъ кажется, Гортензія не могла добиться такой уступки, которая была бы разрывомъ съ самой революціею. Послѣ смерти Энгьена, обѣ своими слезами и отчаяніемъ достигли того, что должно было привести къ желанному результату: приглашенію папы пріѣхать въ Парижъ, чтобы насладиться торжествомъ религіи и помазать мγромъ того, кто возстановилъ ее. Если папа пріѣ-

детъ въ Парижъ, чтобы вѣнчать короной императора *), то онъ конечно будетъ вѣнчать тоже и «покровительницу церкви», потребуетъ прежде церковнаго обряда вѣнчанія супруговъ.

Конечно надо было нѣсколько пообождать, отдалиться отъ трагическихъ событій въ Венсеннѣ и казни десяти роялистовъ, которыхъ присудили къ смерти. Эта юридическая рѣзня свершилась въ послѣднихъ числахъ мая, ровно два мѣсяца спустя послѣ смерти Энгьена. 18 мая сенатъ объявилъ Бонапарте императоромъ. Нетерпѣніе Наполеона было однако такъ велико, что еще 10 мая, не говоря ни слова даже Талейрану, онъ поручилъ легату Капрара пригласить папу вѣнчать будущаго императора. Удидивительная поспѣшность! Должно быть кровь Энгьена не давала ему покоя. Онъ хотѣлъ смыть ее. Я хочу сказать, что Наполеонъ спохватился нѣсколько поздно о томъ, что онъ совершилъ очень неловкій поступокъ, совершенно противорѣчившій его желаніямъ быть принятымъ въ великую семью королей Европы, въ которую онъ хотѣлъ вступить теперь съ такимъ кровавымъ пятномъ. Отсюда происходило вѣроятно его нетерпѣніе закрыть его хотя бы церковнымъ елеемъ.

10 іюня послѣдовала новая попытка пригласить папу письмомъ кардинала Феша, дяди императора. Два раза кардиналъ, министръ Консальви, подъ строжайшею тайною, посылалъ узнавать мнѣніе совѣта кардиналовъ. Въ этихъ совѣщаніяхъ говорилось о правахъ церкви на итальянскія земли и о конституціонныхъ епископахъ; но вовсе не касались вопросовъ о чести, гуманности и о стыдѣ связанныхъ съ измѣною бурбонамъ, одного изъ которыхъ только что убили — измѣною ради того, чтобы слѣдовать за успѣхомъ, вѣнчать похитителя трона, помазать убійцу. Такое безсердечіе духовныхъ лицъ

---

*) См. Арто т. I.

невольно вызываетъ ужасъ. Пій VII, въ своемъ холодномъ, сдержанномъ отвѣтѣ, подъ прикрытіемъ самыхъ смиренныхъ выраженій, тѣмъ не менѣе настаиваетъ на исполненіи строгихъ условій коронованія, которыя такъ унижаютъ коронуемую особу передъ священнымъ лицемъ: *на цѣлованіи ногъ*.

Ясно, что папа питалъ надежды, въ которыхъ не смѣлъ сознаться изъ опасенія, чтобы его не обвинили въ симоніи. Разными неопредѣленными обѣщаніями ему давали понять, что Болонья, Авиньонъ и пр. будутъ ему возвращены. Самъ же Бонапарте между тѣмъ расчитывалъ въ ту зиму и даже во время коронованія, образовать изъ земель, на которыя надѣялся папа, итальянское королевство и короноваться самому въ Миланѣ желѣзною короною ломбардскихъ королей. Онъ не особенно полагался на благословеніе папы, ему хотѣлось добиться другаго, болѣе прочнаго титула—одобренія Франціи, хотя бы только кажущагося. Вездѣ, во всѣхъ департаментахъ были открыты книги, въ которыхъ каждый въ присутствіи чиновниковъ могъ вписывать свои пожеланія для новой имперіи. Въ то же время въ честь радостнаго событія, онъ создалъ сводъ уголовныхъ законовъ и издалъ важный законъ объ общей полиціи.

Между тѣмъ папа все откладывалъ свой пріѣздъ и потребовалась угроза, чтобы заставить его рѣшиться. Бонапарте далъ ему понять, что если въ продолженіе пяти дней онъ не исполнитъ даннаго слова, то конкордатъ будетъ уничтоженъ, т. е. что Франція не будетъ болѣе повиноваться Риму. За исключеніемъ небольшихъ поѣздокъ въ Булонь, для раздачи орловъ, и тщеславныхъ приготовленій небывалой экспедиціи въ Англію, Наполеонъ мало обращалъ вниманія на политику и на признаки готовившейся европейской войны; его занимали гораздо болѣе мелочныя семейныя распри. Довольный отъѣз-

домъ Люсьена въ Италію, онъ пожелалъ умиротворить другаго брата, Людовика, и назначилъ его генераломъ и членомъ государственнаго совѣта. Іосифа онъ произвелъ въ полковники на время, пока не состоялось еще его назначеніе главнокомандующимъ швейцарскихъ войскъ. Онъ далъ ему кромѣ того тщеславный титулъ курфюрста и помѣщеніе въ люксембургскомъ дворцѣ.

Между тѣмъ онъ обвинялъ его въ сношеніяхъ съ республиканцами и въ томъ числѣ съ генераломъ Журданомъ. На самомъ же дѣлѣ, ихъ ссорило главнымъ образомъ будущее торжество Жозефины.

Событіе это вызвало удивленіе всѣхъ, кто ее зналъ и всю легкомысленную повѣсть жизни ея. Отвергнутая шестьнадцати лѣтъ своимъ первымъ мужемъ Богарне, сколько пережила она различныхъ приключеній! Ее знали всѣ не только въ Парижѣ, но и въ другихъ мѣстностяхъ. Папа долженъ былъ проявить не мало рѣшимости, чтобы пріѣхать вѣнчать ее съ Наполеономъ и короновать. Будь она болѣе благоразумной, то она не оглашала бы своего торжества и ей, быть можетъ, и простили бы. Но она желала другаго: ей хотѣлось унизить братьевъ императора.

Странныя противорѣчія въ дѣйствіяхъ Наполеона при встрѣчѣ папы вовсе не указываютъ на невѣжество съ его стороны, или на солдатскую грубость; они объясняются двойственностью стремленій, которыя боролись въ его умѣ. Нѣкоторый недостатокъ учтивости передъ папой вызывалъ одобреніе военнаго двора Бонапарте. Генералы его повторяли съ удовольствіемъ: «онъ никогда не будетъ въ зависимости отъ патеровъ». Въ день церемоніи онъ заставилъ папу ждать добрый часъ. Явившись въ церковь, онъ всталъ на колѣни, но не исполнилъ унизительную церемонію, постановленную папой

въ условіе: цѣлованіе ногъ. Къ большому изумленію папы, онъ самъ надѣлъ корону на себя и на императрицу, такъ что папа оказался совсѣмъ лишнимъ, простымъ свидѣтелемъ, бездѣятельнымъ статистомъ. Однакоже въ концѣ коронованія папа прочелъ проповѣдь, въ которой требуется отъ властителя искорененія невѣрія, явнаго и тайнаго, это и есть основаніе инквизиціи *).

Наполеонъ казался усталымъ и постоянно зѣвалъ, по свидѣтельству де Прада, духовнаго церемоніймейстера. Солнце, долгое время скрывавшееся за тучами, наконецъ выглянуло въ этотъ холодный день. Вотъ все что было сказано въ Монитерѣ 3 декабря. Онъ воздержался описать шумную встрѣчу, устроенную войсками папскимъ офицерамъ, которые предшествовали папѣ верхами на мулахъ, въ шутовскихъ нарядахъ, и вызвали громовые раскаты смѣха, раздававшіеся до самыхъ Тюльери. 4-го декабря, а также и въ послѣдующіе дни ничего не было напечатано въ Монитерѣ, кромѣ извѣстій о раздачѣ орденовъ и статьи объ имамѣ въ Меккѣ, неограниченномъ государѣ, который сосредоточивалъ въ себѣ и духовную и военную власть. Папа увидѣлъ себя обманутымъ, впрочемъ остался еще нѣсколько дней въ Парижѣ; онъ произвелъ хорошее впечатлѣніе своею кротостью, но отказался присутствовать въ Миланѣ при итальянскомъ коронованіи Наполеона.

Коронованіе въ Парижѣ прошло благополучно, если не считать возгласа одного молодого незнакомца, который крикнулъ: «не надо императора!» Наполеонъ удивлялся, что не было другихъ безпорядковъ и сказалъ: «Это сраженіе выиграно». Мнѣ было тогда шесть лѣтъ, я стоялъ на бульварѣ

*) См. Арто т. I.

и не замѣтилъ ничего, въ этотъ морозный день, кромѣ угрюмаго зловѣщаго молчанія. Сраженіе произошло лишь въ семействѣ императора. Іосифъ хотѣлъ сложить съ себя всякія званія и удалиться въ Германію, скорѣе, чѣмъ позволить своей женѣ нести шлейфъ Жозефины. Наконецъ, онъ нѣсколько смягчился, когда было условлено, что въ церемоніалѣ будетъ напечатано вмѣсто: *нести мантію,—поддерживать мантію.* Онъ покорился и Наполеонъ пришелъ въ такой восторгъ, что объявилъ ему съ жаромъ, будто со времени ихъ ссоры онъ не имѣлъ минуты покоя. «Не отъ того, чтобы я думалъ, что вы были бы въ состояніи, по примѣру Люсьена, купить свое величіе цѣною преступленія, какую бы выгоду вамъ ни доставила моя смерть». Покорность Іосифа была вызвана грубыми угрозами, солдатскими выходками: «Я призванъ измѣнить весь міръ... Если вы откажетесь присутствовать при короновании, то объявляете себя моимъ врагомъ... Гдѣ ваши средства нападенія?.. Что ваша армія въ сравненіи съ моей?.. У васъ ничего нѣтъ. Я васъ уничтожу!...»

Эта забавная комедія была разыграна только ради двухъ женщинъ, Гортензіи и Жозефины, которыя хотѣли этимъ напугать братьевъ и заставить ихъ согласиться на отъѣздъ изъ Франціи и уступку трона ребенку. Но братья были непоколебимы. Іосифъ отказался отъ Ломбардскаго королевства. Послѣ его отказа корону эту предложили Людовику, но онъ былъ слишкомъ возмущенъ безстыднымъ желаніемъ Жозефины, не смотря на слухи и какъ бы въ подтвержденіе ихъ, оставить ребенка при Наполеонѣ. Людовикъ объявилъ рѣшительно, что поѣдетъ въ Италію при одномъ условіи, взять ребенка съ собой. Это привело Наполеана въ непонятную ярость. Внѣ себя онъ схватилъ Людовика поперегъ тѣла и вышвырнулъ его изъ комнаты.

КНИГА ТРЕТЬЯ.

Германія.

I.

Политическая Германія.

Знаменитыя слова Сіэса о мнимомъ всемогуществѣ Бонапарте: «господинъ, который знаетъ все, можетъ все и хочетъ все сдѣлать»—были конечно только шуткою, кромѣ послѣднихъ словъ о слѣпой и неосторожной волѣ, которая все болѣе и болѣе увеличивала его затрудненія. Въ то время, когда такъ трудно было поддержать непрочный Амьенскій миръ, онъ создавалъ себѣ тысячи новыхъ враговъ; обнаруживая съ одной стороны свои колоніальные и морскіе замыслы экспедиціею въ Сенъ-Доминго, онъ еще кромѣ того раздражилъ всѣ державы смертью Энгьена, присоединеніемъ Піэмонта и насильственнымъ посредничествомъ въ дѣлахъ Швейцаріи; казалось, что онъ въ дѣйствительности наложилъ руку на Альпы, т. е. на самое сердце европейскаго континента. Все

это дѣлалось поспѣшно, необдуманно въ короткій срокъ нѣсколькихъ мѣсяцевъ. Остановился ли онъ на этомъ? Нѣтъ. Въ то же время онъ началъ шевелить, не думая о послѣдствіяхъ, опасную громаду: Германію. Это огромное тѣло неповоротливое, слабое вслѣдствіе своей разбросанности, показалось ему параличнымъ. Однако онъ былъ свидѣтелемъ, съ какою энергическою быстротою маленькая Пруссія потрясла всю сѣверную Германію при Фридрихѣ прусскомъ. Онъ также лучше всѣхъ зналъ, что медленность дѣйствій австрійскихъ войскъ въ итальянскую компанію зависѣла отъ рутинности распоряженій придворнаго совѣта и отъ вліянія англичанъ, которые не разъ препятствовали австрійскимъ генераламъ удачно выполнить задуманные планы.

Съ нетерпѣніемъ южнаго темперамента онъ прилагалъ къ этимъ народамъ самую грубую ариѳметику. Вмѣстѣ съ Талейраномъ въ Сенъ-Клу, или съ Дальбергомъ на Рейнѣ, онъ только считалъ: столько-то душъ на Пруссію, столько на Баварію, на Виртембергъ и т. д. Мало подвижныя германскія народности, вѣроятно, еще долго остались бы въ томъ же положеніи, если бы не были нарушены дѣленія ихъ и неподвижныя привычки старыхъ правительствъ; но онъ потревожилъ ихъ, раздулъ эти человѣческія пылинки и весьма необдуманно придалъ имъ подвижность, которая не была еще дѣятельностью, но обѣщала подготовить ее. Надо сказать, что въ этомъ большомъ тѣлѣ многое, повидимому прочно соединенное, казалось такимъ лишь вслѣдствіе долгаго соприкосновенія, а вовсе не однородности своей. Такъ стоитъ въ старинныхъ соборахъ срубъ сводовъ, соединенный впродолженіи четырехъ сотъ, пятисотъ лѣтъ, сглаженный временемъ, пылью; истлѣлъ ли онъ на самомъ дѣлѣ? Нисколько.

Попробуйте коснуться его топоромъ и дерево застонетъ.

Еслибы Наполеонъ лучше зналъ исторію Германіи, то увидѣлъ бы, что подъ наружною неподвижностью этого народа скрывается податливость, измѣнчивость. Нѣмецъ именно оттого, что онъ такъ податливъ дисциплинѣ, нѣсколько разъ обнаруживалъ качества прекраснаго солдата, перваго въ Европѣ, напр. при Фридрихѣ. Почему? Потому что, при наружной суровости, онъ въ сущности весьма общителенъ и можетъ быть хорошимъ товарищемъ при совмѣстной дѣятельности. Это можно отлично замѣтить въ искусствахъ, такъ сказать, чисто нѣмецкихъ, и преимущественно въ музыкальной гармоніи, въ оркестровкѣ, гдѣ каждый инструментъ играетъ свою партію. Мы видимъ ту же способность даже въ сельскомъ населеніи, въ другихъ отношеніяхъ довольно грубомъ. Зимою крестьяне собираются и прекрасно исполняютъ комнатную музыку. Лѣтомъ концерты на открытомъ воздухѣ позволяютъ многимъ отдѣльнымъ группамъ соединяться для общаго исполненія. Когда исполненіе болѣе совершенно и хорошо дисциплинировано, то даже толпа можетъ принимать въ немъ участіе. Именно эта способность соединяться для какого-нибудь общаго занятія объясняетъ пригодность нѣмцевъ и для военнаго дѣла.

Вотъ почему люди миролюбивые и домосѣды по природѣ, часто не покидавшіе семейнаго круга, въ тоже время такъ скоро усвоивали военную дисциплину и подчинялись движеніямъ стройной арміи.

Способность соединяться—великая сила, если она одушевляется необходимостью, если задѣто чувство. Послѣднее не скоро овладѣваетъ этимъ народомъ, вообще мало впечатлительнымъ. Но если чувство наконецъ затронуто, то оно разростается въ бѣшеномъ *crescendo*: мы видимъ это самое въ органѣ, который вздохнувъ два, три раза будитъ силы, душу

своей громадной машины и разражается могучими потоками гармоніи, превосходящими впечатлѣнія бури. Германія обладаетъ не только громадною силою, благодаря этой способно- къ сближенію; эта сила выказалась не разъ и въ литературѣ, въ самыхъ чистыхъ произведеніяхъ ея, въ высокихъ формулахъ общихъ идей. Передъ очевидною неизбѣжною тираннією Людовика XIV, которая касалась даже свободы совѣсти, Лейбницъ, ,заимствуя у Аристотеля древнюю философію энергіи, говорилъ: *Человѣкъ есть активная сила.* Этому положенію южная Германія, въ лицѣ Спинозы противопоставляетъ *матерію,* какъ понятіе общее и основное. Эти двѣ школы, двѣ философіи совершатъ по очереди развитіе Германіи. Лейбницъ съ полнымъ основаніемъ возражаетъ Спинозѣ: «главная идея въ насъ—идея *причинности* и только благодаря ей мы получаемъ понятіе о матеріи».

Обѣ школы по очереди одерживаютъ побѣду. Если въ минуты утомленія Германія разростается въ туманныхъ очертаніяхъ, въ инерціи Спинозы, то она не медлитъ и пробужденіемъ, возвращаясь къ ученію о живой силѣ къ сознанію ея. Можно было догадаться по естественнымъ возвратамъ (ricorsi) логики исторіи, что Германіи предстояло пробужденіе геройскаго духа, и что послѣ своего критика Лейбница и автора Вертера, вдохновленнаго Спинозою, положеніе о нравственной причинности и живой силѣ снова возьметъ перевѣсъ, что явится прежній стоицизмъ и что тогда Германія, въ лицѣ сорока милліоновъ нѣмцевъ, какъ одинъ человѣкъ кинется на Францію.

Чт̀о требовалось чтобы вызвать такое грозное дѣйствіе? Ожесточить Германію тираническимъ и жестокимъ давленіемъ, которое вызвало бы ее изъ состоянія полудремоты, при другихъ условіяхъ быть можетъ еще довольно продолжительномъ.

Внѣшная федеративная связь имперіи при германскомъ цесарѣ вѣроятно продолжила бы эту дремоту. Религіозная ассоціація, произведенная Лютеромъ, распространилась лишь на одну половину Германіи. Фридрихъ II, набравшій въ свои арміи столько иностранцевъ разныхъ націй, не былъ точно также довольно могущественнымъ объединителемъ. Тогда явился Наполеонъ, который достигъ созданія этой силы не столько своими варварскими средствами или войною, сколько сильнымъ давленіемъ, которое не есть ни война, ни миръ. Стонала ли Германія? Будь она централизованною страною, противодѣйствіе, сосредоточенное въ центрѣ, обнаружилось бы гораздо быстрѣе и по всей вѣроятности было бы вскорѣ подавлено. Такой жестокій хирургъ только сильнѣе бы давилъ больнаго, когда тотъ хотѣлъ кричать; больной долженъ былъ все болѣе болѣе ожесточаться, противъ своей природы, противъ своихъ привычекъ, собирать силы, напрягать нервы, мышцы. Въ этомъ то смыслѣ Бонапарте и былъ благодѣтелемъ Германіи, онъ своими операціями разбудилъ больнаго и внушилъ ему желаніе убить своего мучителя.

Бонапарте, уничтожая революцію во Франціи, распространялъ ли ее въ Европѣ? Во всѣхъ странахъ традиціи восемьнадцатаго столѣтія, освобожденіе мысли, которое обезпечиваетъ уже все остальное, были жестоко поруганы Бонапарте подъ прозвищемъ идеологіи. Италія, которая въ послѣднее столѣтіе довольно близко слѣдовала за Франціею, была пріостановлена въ своемъ движеніи генераломъ Бонапарте, который запретилъ городскимъ муниципалитетамъ продажу духовныхъ имуществъ и тѣмъ обезпечилъ существованіе монастырей, всей старой монастырской грязи; потомъ изгнавъ республиканское духовенство, уговорилъ папу перешагнуть черезъ кровь бурбоновъ и коронованіемъ обѣлить убійство.

Французскій сводъ законовъ, довольно слабый по своему характеру, разрушившій родительскую власть, былъ вначалѣ принятъ съ восторгомъ, и можно было думать, что дѣятельность теперь усилится. Феодальная семья была уничтожена и всѣ братья стали требовать свои небольшія доли, искали затѣмъ мѣста и расплождали собой чиновниковъ, праздныхъ и угодливыхъ. Бюрократія сильно умножилась. Эти чиновники имперіи чванные и жестокіе, полувоенные по своей выправкѣ и воображавшіе себя всѣ полковниками, возбудили къ себѣ общую ненависть даже внѣ Франціи. Императоръ во всѣ консульства назначалъ своихъ людей для наблюденія за краемъ, для полицейскихъ расправъ въ нейтральныхъ государствахъ. Иногда онъ назначалъ даже въ качествѣ посланника одного изъ своихъ рубакъ, въ сущности не злаго, но невыдержаннаго, вспыльчиваго и устрашающаго вида, какимъ былъ напр. Ланнъ. Французы утратили такимъ образомъ ту славу вѣжливыхъ и кроткихъ людей, которою пользовались до этого времени. Замѣтьте еще, что самые плохіе представители отжившей монархіи имѣли то преимущество, что они охотно подчинялись привычкѣ, рутинѣ. Но вновь образовавшіеся представители, рожденные революціею, измѣнчивые, какъ и она сама, и неограниченные, какъ сама имперія, были предметомъ ужаса, отвращенія тѣхъ, кѣмъ они управляли.

Все это разразилось, когда Бонапарте вступилъ побѣдителемъ въ Германію. Впрочемъ еще и ранѣе, когда въ 1803 году, подъ предлогомъ привести въ дѣйствіе Люневильскій договоръ, онъ взялъ на себя удовлетвореніе германскихъ принцевъ, лишившихся своихъ владѣній на лѣвомъ берегу Рейна; онъ тогда мало совѣтывался и то только для формы съ діэтой германской имперіи и даже съ Россіею, которая была тоже назначена посредницею. Императоръ Александръ,

не смотря на расположеніе свое къ прусскому королю, во многихъ случаяхъ держалъ однако сторону Австріи, этой слѣпой военной державы, которая была и могла быть еще ему полезной, какъ союзница въ случаѣ европейской войны. Видя его нерѣшительность, нѣмецкіе принцы обратились къ Франціи, которая не колебалась. Все было рѣшено въ Парижѣ. Баварія отдѣлилась первая отъ большаго германскаго тѣла и присоединилась къ Франціи, какъ она дѣлала это и ранѣе при Людовикѣ XV; Бонапарте принялъ ее очень радушно во первыхъ потому, что она была врагомъ Австріи, а во вторыхъ какъ путь, ведущій въ Вѣну. У Бонапарте была мысль странная для друга папы, уничтожить католическіе выборы, которые давали Австріи пять католическихъ представителей, вслѣдствіи чего четыре протестантскихъ оставались всегда въ меньшинствѣ. Такъ что теперь въ имперіи осталося только одно духовное государство — электоратъ Майнцскій, который былъ переведенъ оттуда въ Ратисбоннъ и переданъ въ руки сподвижника Наполеона, Дальберга, этого нѣмецкаго Талейрана, льстившаго Бонапарте идеей устройства государства, которое было бы промежуточнымъ между Германіею и Франціею—Рейнской конфедераціи.

Для Европы уничтоженіе этихъ древнихъ епископствъ показалось большою перемѣною, нарушеніемъ установившихся привычекъ. Властолюбивые прелаты, неограниченные и жестокіе деспоты *) теперь смирились; къ нимъ прибѣгали тѣ, которыхъ изгоняла теперь военная тиранія. Бонапарте уничтожилъ миролюбивыя Рейнскія области и разогналъ недовольныхъ обитателей Пруссіи и другихъ военныхъ державъ. Онъ оказывалъ имъ особенное покровительство, больше всего Прус-

---

*) См. книгу мою *Колдунья* въ XV и XVI вѣкѣ.

сіи, которою по своей близорукости и непредусмотрительности, онъ хотѣлъ сдѣлать покровительницею Сѣверной Германіи. Пруссія первая напала на насъ, въ награду за рабскій нейтралитетъ *), который она выдерживала со времени базельскаго мира, не желая возбуждать неудовольствія Англіи и не смѣя открыто слѣдовать за Франціею. Между тѣмъ Пруссія, благодаря Наполеону, увеличила теперь свое народонаселеніе съ пяти милліоновъ до девяти и, продолжая обманывать легковѣрнаго Наполеона, выхватила у него еще полмилліона душъ, давъ ему въ итальянскихъ дѣлахъ совсѣмъ не нужную гарантію. Александръ I высказывалъ свое одобреніе, находясь подъ вліяніемъ прекрасной прусской королевы и молодой аристократической Пруссіи, которая уже утвердила свое вліяніе при этомъ дворѣ.

Находясь подъ управленіемъ униженнаго министерства, посредственнаго мало уважаемаго короля, Пруссія тѣмъ не менѣе продолжала совершенствоваться и это то придало ей вначалѣ слишкомъ много самоувѣренности; но потерпѣвъ неудачу, она тѣмъ самымъ вновь возродилась. Болѣе всего помогла принятая система воспитанія, строгая и вполнѣ автоматичная, цѣлью которой было повидимому образовать людей вполнѣ похожихъ другъ на друга; воспитаніе это укрѣпило государство, но парализовало всякую индивидуальность, всякій талантъ, свободный геній. Офицеры образовали касту; они не смѣли жениться, не имѣя извѣстнаго дохода и не иначе какъ на женщинахъ извѣстнаго сословія. Государство вмѣшалось даже въ дѣла частной собственности, запрещая дробленіе имущества. Подобныя аристократическія стремленія тѣмъ болѣе удивительны, что въ Германіи такъ же какъ и въ Италіи,

*) Гарденбергъ т. III ст. 261.

не дворянство, а народъ объявлялъ себя приверженцемъ королей и древней династіи ихъ противъ Франціи. Даже во время Бонапарте, имя Франціи было для нихъ синонимомъ революціи.

Бѣдные обитатели Швабіи, Пфальца, не имѣя яснаго понятія объ общемъ германскомъ отечествѣ держались его связью привычекъ, пѣснями, легендами, связью какого то инстиктивнаго культа, предчувствія. Все это бродило въ народѣ среди крестьянскаго населенія, между тѣмъ ихъ благородные господа ползали передъ Бонапарте, готовы были задохнуться въ улицѣ Сенъ-Флорентинъ у Талейрана, прося милостыню у этого хромаго Мефистофеля; эти ненасытные нищіе повторяли безъ конца: «Ваше превосходительство, дайте еще столько же душъ, умоляемъ васъ».

II.

Литературное и духовное возрожденіе Германіи. Критическая и мечтательная школа. Школа энергіи. Передъ 1806 г.

Одно дѣлаетъ много чести Германіи — общественное и политическое возрожденіе свершилось въ ней путемъ мысли— прекрасный методъ и глубоко естественный. Франція, при совершенно различныхъ внѣшнихъ формахъ, поступила точно также. И въ ней философія предшествовала всему. У обѣихъ націй Декартъ и Лейбницъ олицетворяютъ въ себѣ то движеніе, которое распространилось впослѣдствіе нашими энциклопедистами и школами, получившими начало отъ Канта, которыя привели къ практическимъ результатамъ.

Въ этой короткой главѣ я желалъ бы указать, по возможности, на длинную и трудную вещь, а именно: какимъ образомъ чистая мысль, освободившись отъ теологическаго тумана, кото-

рый въ семнадцатомъ столѣтіи заставилъ Германію пойти назадъ, испортилъ языкъ ея, теперь ринулась впередъ и придала народному духу силы, совершенно непредвидѣнныя *).

Послѣ Фридриха Германія снова вернулась къ своему природному языку. Но сохранилъ ли языкъ этотъ, даже у самыхъ знаменитыхъ писателей ту простоту и силу, которою восхищаешься въ твореніяхъ Лютера? Тяжеловѣсная военщина, рожденная тридцатилѣтней войной, должна была сильно притупить Германію: человѣкъ записанный въ полкъ — человѣкъ обезличенный; въ громадной массѣ войска онъ терялъ живое сознаніе индивидуальности. Съ другой стороны, послѣдующіе лютеране-піэтисты старались изо всѣхъ силъ хлороформировать человѣческое я. Клопштокъ, считая себя рабомъ христіанской мистики, началъ противъ воли очеловѣчивать ее: фантастическими украшеніями искусства онъ приблизилъ ее къ дѣйствительности. Любопытно, что годъ 1748, когда появилась *Мессіада*, былъ годомъ первыхъ драматическихъ опытовъ великаго свободнаго мыслителя и критика Лессинга.

---

*) Мнѣ недостаетъ мѣста и очень многаго еще для того, чтобы говорить объ этомъ обширномъ предметѣ. Въ продолженіе десяти лѣтъ, съ 1828 по 1838, я былъ увлеченъ страстью, и очень сильной, къ Германіи, къ германскимъ древностямъ; я изучалъ, нерѣдко съ помощью лучшаго и величайшаго ученаго, Якова Гримма, различныя нарѣчія этого богатаго языка, но изучалъ менѣе въ качествѣ лингвиста, нежели страстнаго любителя нравовъ и духа, которые намъ открываются въ нарѣчіяхъ этихъ. Я остановился на Лютерѣ. У него фраза еще чиста и опредѣленна столько же, сколько и жизненно энергична. Въ XVII вѣкѣ она становится сильно запутанной, какъ змѣя, которая извиваетъ длинныя кольца свои, съ усиліемъ поднимается и кусаетъ свой хвостъ. Безъ сомнѣнія это именно возбудило отвращеніе Фридриха II и заставило его забыть заслуги языка, превосходящаго всѣ другіе звучностью и удареніемъ. Это еще съ 1828 г. поразило меня въ театрѣ во Франкфуртѣ. Сильная интонація слова Freiheit (свобода) заставила меня сравнить его съ *libertas* римлянъ, съ *libertà* итальянцевъ. (*Libertas quæ tandem respexit inertem. Virgil.—Liberta, molto e desiato bené. Petrach*).

Уроженецъ Лузаціи, славянской земли, Лессингъ, былъ ли нѣмецкаго происхожденія? Этотъ сильный, всегда независимый умъ, изучившій математику и медицину, оказывается затѣмъ въ Берлинѣ; Лессингъ—секретарь Вольтера. Эти два человѣка замѣчательнаго ума не понимаютъ другъ друга и кончаютъ взаимною ненавистью. Лессингъ дѣлаетъ неимовѣрныя усилія, чтобы отдѣлаться отъ вліянія Франціи. Онъ охотно пишетъ противъ нашихъ философовъ, исповѣдуя въ то же время убѣжденія ихъ. Онъ прежде всего человѣкъ сомнѣнія, искатель истины. «Я бы не желалъ, говоритъ онъ, обладать высшимъ благомъ, я желаю только поисковъ его». По оцѣнкѣ Лессинга, Вольтеръ долженъ быть апостоломъ. Его ученики, его миссіонеры доказали тождество нравственной природы человѣка *). Лессингъ въ «Мудромъ Натанѣ» доказываетъ равноправность трехъ религій: мусульманской, іудейской, христіанской. Въ своихъ Вольфенбюттельскихъ рукописяхъ онъ одинаково критикуетъ и христіанъ и противника ихъ Бэля. Давъ волю безграничному сомнѣнію, онъ съ прискорбіемъ видитъ, что нѣтъ ничего легче сомнѣнія; именно духъ легковѣснаго сомнѣнія господствуетъ совершенно естественно въ оживленныхъ пунктахъ Европы, т. е. въ имперскихъ городахъ на Рейнѣ, издавна прославленныхъ своимъ сатирическимъ образомъ мыслей и посвятившихъ себя ироніи. То, чего хочетъ, что выработываетъ Лессингъ, является у Гёте естественнымъ даромъ природы.

Гёте, подмастерье портнаго, бабушка его, содержательница постоялаго двора, передали своему внуку насмѣшливый умъ и нѣмецкую общительность. Его отецъ, богатый и уважаемый судья, его мать, любезная женщина съ богатой фантазіею,

*) Анкетиль-Дюперонъ.

при великолѣпной и представительной наружности, передали ему великіе задатки воображенія, которое помогло ему понять все, обнять цѣлый міръ. Удивительно, если подумать, какъ германскія народности, говоря языкомъ Комина, или Германія, съумѣли проникнуть всюду: она подобно громадному плющу, проникла въ плоть и кровь другихъ народовъ, сильнѣйшихъ по своей энергіи, кельтійскихъ, славянскихъ, итальянскихъ, и подчинила ихъ своему вліянію. Прирейнская Германія, страна виноградниковъ и кельтоваллонскаго племени, выразила въ лицѣ Гёте самый высшій свѣтъ, а въ лицѣ Бетховена сильнѣйшую энергію, до которыхъ раса эта могла только подняться...

Въ Гёте есть многія стихіи таланта, которыя гораздо болѣе французскія, чѣмъ нѣмецкія; одна изъ нихъ болѣе всего характеристична и роднитъ его съ нашими писателями—это богатство личныхъ воспоминаній. Онъ самъ въ томъ сознается, что въ большей части мыслей своихъ объ искусствѣ, о философіи онъ разсказываетъ болѣе всего о себѣ самомъ. Тысячи обстоятельствъ, которыя повидимому сочинены, въ сущности только нѣсколько видоизмѣненные случаи личной жизни его, часто простыя воспоминанія. Сперва его занимали два сюжета чисто нѣмецкія, рейнскаго характера. Случай посвятилъ его въ мистическую алхимику и въ мрачныя легенды ея. Подобно Лиссингу, онъ прежде всего обратилъ вниманіе на содержаніе *Фауста*, но обработалъ его гораздо позднѣе въ совершенно иномъ духѣ. Будучи страсбургскимъ студентомъ, онъ увлекся другимъ предметомъ, тоже чисто нѣмецкаго содержанія и дорогимъ университетской молодежи, легендою послѣднихъ рейнскихъ рыцарей, великихъ воиновъ — Гётцомъ Берлихингеномъ. Но рыцарскія упражненія студентовъ, ихъ тѣсный міръ не былъ еще цѣлымъ свѣтомъ.

Европейскій, всемірный успѣхъ Новой Элоизы доказалъ ему, что для пріобрѣтенія общенароднаго успѣха самый вѣрный путь — повѣсть человѣческихъ страстей. Онъ пережилъ лично подобный романъ въ Ветцларѣ, гдѣ изучалъ дипломатическія науки. Но онъ остановился во время и взялъ изъ этого случая только одно вдохновеніе. Если въ своемъ творчествѣ онъ пошелъ далѣе и привелъ Вертера къ самоубійству, то единственно изъ угожденія сентиментальному увлеченію нѣмецкихъ студентовъ. Онъ читалъ Спинозу, но не проникся еще ученіемъ абсолютнаго индифферентизма. Страница, гдѣ описано, какъ молодой человѣкъ, лежа въ травѣ, наблюдаетъ шорохъ, производимый борьбою насѣкомыхъ, и проникается великой идеей всего, которое само пожираетъ себя, эта страница единственная уступка, сдѣланная поэтомъ системѣ, изъ боязни охладить впечатлѣніе книги.

Хотя Вертеръ, Шарлотта и др. несомнѣнно принадлежатъ къ нѣмецкой буржуазіи, авторъ основательно проникся французскимъ духомъ; этимъ и объясняется его успѣхъ въ Веймарѣ и другихъ маленькихъ нѣмецкихъ дворахъ. Въ 92 г. герцогъ веймарскій взялъ его съ собой, когда отправился принимать участіе въ французской кампаніи, которая должна была быть только увеселительною поѣздкою, съ цѣлью возстановить на престолѣ Людовика XVI *). Гёте превосходно

*) Гёте слѣдовалъ повсюду за арміей, былъ при Вальми. Разсказъ его удивительно ясенъ, нѣтъ ни капли пристрастія. Изъ него мы видимъ, какъ мало ненавидѣли одинъ другаго оба народа, до бѣдственныхъ войнъ Бонапарте. Гёте замѣчаетъ привычку французскаго крестьянина къ порядку, къ бережливости. Онъ передаетъ нѣсколько анекдотовъ, мало извѣстныхъ о героизмѣ и энтузіазмѣ того времени. Не одинъ комендантъ Бореперъ размозжилъ себѣ голову выстрѣломъ, но и другіе, чью жизнь пощадилъ непріятель, сдѣлали тоже. Есть еще болѣе прекрасный анекдотъ, разсказанный Гёте: 24 сентября 92 г. обѣ арміи терпѣли страшныя лишенія, и французы, видя голодавшихъ нѣмцевъ, раздѣлили съ ними немногіе припасы, какіе имѣлись.

разсказываетъ обо всемъ, но совершенно безпристрастно. Проѣзжая часто по глубокой грязи въ огромномъ фургонѣ, онъ пользуется уединеніемъ для изученія трактата о физикѣ и набрасываетъ первые очерки своего Фауста. Уже тогда можно замѣтить, какъ этотъ великій умъ обратился къ природѣ, оставивъ въ сторонѣ нравственныя задачи.

Гёте олицетворялъ собою переходное состояніе Германіи, готовой слѣдовать за полетомъ фантазіи его, рукоплескать его драмѣ Фаустъ, сатирической и пантеистической. По примѣру своихъ властителей, она въ то время уже отвернулась отъ соціальныхъ реформъ, которыя занимали ее во времена Руссо. Успѣхъ Эмиля заставилъ нѣмцевъ понять лучше самого Руссо, что воспитаніе ребенка заключаетъ въ себѣ и воспитаніе того человѣка, который призванъ воспитать его, что слѣдовало одновременно образовывать и *воспитателя* и *воспитанника.* Это и было великою задачею Базедова, который своими сочиненіями о филантропическомъ воспитаніи, училъ воспитывать не только ребенка, но и гражданина во всѣхъ возрастахъ. И въ заведеніяхъ своихъ, равно и въ сочиненіяхъ, изумлявшихъ ту эпоху, какъ смѣлыя пророчества свободы, онъ стремился достигнуть этой двоякой цѣли *). Какимъ образомъ случилось, что эти смѣлыя сочиненія, которыя не могли бы въ то время печататься во Франціи, явились въ Германіи? Это произошло оттого, что многіе изъ неограниченныхъ властителей Германіи соперничали между собою во многихъ вещахъ. Въ то время какъ Пруссія и Вюртембергъ первенствовали грубымъ военнымъ образованіемъ, веймарскій дворъ и др. пріобрѣли извѣстность покровительствомъ искусствамъ и нерѣдко извѣстнымъ духомъ свободолюбія. Базедовъ

---

*) См. мою книгу о воспитаніи «Наши сыновья» 1870, главу о Песталоцци.

и прекрасныя историческія и политическія сочиненія его пріобрѣли бы себѣ въ Германіи большое практическое значеніе, если бы они, къ несчастію, не появились во время господства фантазіи.

Базедовъ желалъ познакомиться съ Гёте и встрѣтился съ нимъ на балѣ между двумя кадрилями, но былъ принятъ имъ довольно холодно. Блестящій юноша боялся, что знакомство такого вольнодумца съ простонародными привычками не оставилъ бы на немъ слѣда своимъ соприкосновеніемъ; нѣмцы, которыхъ считаютъ менѣе рабски подчиненными модѣ, нежели французовъ, повиновались ей въ очень многихъ вещахъ, но съ большою робостью. Они отвернулись отъ Базедова. Даже Кантъ, не смотря на свою славу и высокое значеніе, былъ далекъ для большой публики, благодаря своимъ формуламъ и отвлеченному языку. Подраздѣленіе разума на умозрительный и практическій пришлось по вкусу нѣмецкому уму и онъ предпочиталъ первый. Впрочемъ Кантъ такъ требовательно относился къ повиновенію законамъ худымъ или хорошимъ что, казалось, говорилъ: «Моя система не отъ міра сего».

Обновленный нѣмецкій геній, которому Лессингъ сообщилъ критическую смѣлость, а Гёте блестящее изящество, выразился въ обширной литературѣ, однимъ изъ главныхъ представителей которой былъ Гердеръ; болѣе подвижной чѣмъ другіе нѣмцы того времени, онъ путешествовалъ по Россіи, видѣлъ Азію познакомился со свѣтомъ. Онъ пріохотилъ своихъ соотечественниковъ къ философіи исторіи. Изученіе географіи, получившее свое начало въ Швейцаріи въ школахъ Песталоцци, было перенесено въ Германію Риттеромъ и другими; но не былъ перенесенъ геній, независимые методы, которые составляли основаніе воспитательной теоріи Песталоцци. Нѣмецкій театръ, благодаря Шиллеру, получилъ новое на-

правленіе—чувствительное, дѣйствовавшее на струны человѣческаго сердца. Эта благородная и высокая душа руководилась великими мыслями, великими стремленіями; онъ писалъ: «театръ долженъ воспитывать человѣчество». Но зналъ ли онъ по какой дорогѣ идти? Можно въ этомъ усомниться, когда мы видимъ его такимъ нерѣшительнымъ, такимъ слабымъ протестантомъ въ тридцатилѣтней войнѣ; а въ Маріи Стюартъ онъ проникается традиціями католицизма *). Его дружеское отношеніе къ скептику Гёте дѣлаетъ честь его сердцу, но не вліяло ли это еще больше на колебанія его ума?

Къ счастью, среди университетской молодежи, въ іенскомъ университетѣ, образовалось прочное зерно стоиковъ, которые уже въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ противодѣйствовали вліянію Гёте и школы фантазіи. Мы—друзья свободы, вовсе не ослѣпленные военною славою, наша душа не колеблется, и, когда мы видимъ утомленную Францію подпавшую подъ обаяніе Бонапарте, мы радуемся, что свобода нашла себѣ пріютъ въ германскихъ школахъ. Для насъ утѣшительно видѣть, что независимость свила себѣ небольшое гнѣздо среди метафизическихъ доктринъ и въ сердцахъ нѣсколькихъ благородныхъ молодыхъ людей. Нѣтъ болѣе прекраснаго зрѣлища ни лучшаго доказательства вліянія чистой мысли.

Я уже говорилъ выше, какая важная выгода для Германіи заключалась въ томъ, что границы ея касаются другихъ болѣе энергическихъ народностей. Такъ въ тринадцатомъ столѣтіи она заимствовала у скандинавовъ легенду нибелунговъ и разработала ее геніально. Въ 1800 г. знаменитый профессоръ Фихте, рожденный въ верхней Лузаціи, когда то славян-

*) Какъ это могло случиться, что многіе и даже серьезные историки приняли романическіе разсказы компиляціи Джебба, сдѣланной въ ту минуту, когда натравляли французскихъ семинаристовъ на убійство Елизаветы.

свой землѣ, смѣло принялся за философію Канта и придалъ ей высокій характеръ независимости. Онъ жилъ въ Швейцаріи и Польшѣ во время самыхъ грозныхъ смутъ, онъ рѣшился составить апологію французской революціи. Когда же она омрачилась и стала неузнаваема даже для друзей своихъ, Фихте, остался ей вѣренъ, не отступилъ передъ своею задачею и издалъ свою *Апологію*, составленную по теоріямъ соціальнаго договора, гдѣ онъ признаетъ право возстанія противъ тиранніи.

Какая свобода мысли царила тогда въ Германіи! Въ это самое время правительство Веймара предложило Фихте каѳедру философіи въ Іенѣ, 1794 г. Тамъ онъ нашелъ благородное юношество, которое все больше и больше возмущалось увертками Пруссіи и тою постыдною ролью, какую она навязывала Германіи. Это было первымъ зародышемъ возрожденія. Фихте находилъ что двойственность, которую признавалъ Кантъ, различая чистый разумъ и практическій разумъ, стѣсняла спекулятивное мышленіе. Онъ уничтожилъ это различіе, которое имѣло парализующее вліяніе, призналъ только одинъ принципъ, совершенно практическій, *дѣйствіе*, личное дѣйствіе, личность, или свое *Я*.

«Но, сказали ему, «чѣмъ вы считаете міръ, его громадное и разнообразное движеніе, эту міровую сцену которою мы окружены?» Здѣсь высказался человѣкъ. Внѣшность Фихте напоминала героя нибелунговъ: небольшаго роста, эта правда, но сильный, сангвиническаго темперамента, силою онъ обладалъ непобѣдимою, которая подчиняла умъ. «Если существованіе вселенной дѣлается сомнительнымъ, что станетъ съ отечествомъ, съ Германіею?» Фихте не отвѣтилъ: «Пусть погибнетъ вселенная!» Онъ снизошелъ къ дѣйствительности и холодно отвѣтилъ: «я не запрещаю существовать

вселенной, но какъ простое познаніе моего ума». Въ такомъ высокомъ идеализмѣ исчезло все—подлость существовавшихъ германскихъ правительствъ и все, то что предстояло въ будущемъ: пораженіе подъ Іеною, дерзость и тиранія Бонапарте. Все это было лишь проявленіемъ простыхъ частицъ разума.

Среди Іенскихъ студентовъ и вѣроятно слушателей Фихте, находился молодецъ изъ дикой Помераніи, великолѣпный гимнастъ, неподражаемый во всякихъ тѣлесныхъ упражненіяхъ; онъ преподавалъ и распространялъ свое искусство. Позднѣе мы познакомимся съ этими косматыми тевтонцами, въ общемъ не лишенными патріотическаго величія. Полагали и увѣряли, что древніе германцы были самыми сильными людьми въ цѣломъ свѣтѣ. Древнія легенды о Зигфридѣ смѣшались съ нѣмецкими нибелунгами тринадцатаго столѣтія. Но не будемъ забѣгать впередъ. Студенты, которые своею численностью образовывали какъ бы юную народность, не успѣли бы на столько распространить свое вліяніе, если бы у нихъ не было языка общаго съ народомъ. Я говорю о музыкальномъ языкѣ.

Языкъ этотъ составляетъ принадлежность нѣмцевъ; между тѣмъ французы, слишкомъ увлеченные національными пѣснями и итальянской музыкой, рѣдко понимали смыслъ его. Симфоніи Бетховена, разыгрываемыя даже въ присутствіи тирановъ, звучали какъ проповѣдь, какъ воззванія Германіи, которая проникалась мужественною гармоніею ихъ, Бетховенъ былъ сыномъ пѣвца; въ капеллѣ кельнскаго электора, до двадцати лѣтъ онъ изучалъ только мелодіи, а съ музыкальною гармоніею познакомился только въ Вѣнѣ, когда его государь, котораго Бонапарте лишилъ владѣній, пріѣхалъ въ Австрію. Молодой человѣкъ написалъ тогда свою первую симфонію и затѣмъ въ послѣдующіе года остальныя. Симфоніи эти можно назвать музыкою легіоновъ, народовъ; звуки ихъ

разносились далеко. Отголоски этихъ симфоній создали въ Германіи одну общую душу и стали для нея тѣмъ же, чѣмъ были для Франціи федераціи 90 года.

Здѣсь я долженъ остановиться; иначе я забѣгу на два года впередъ до Іенскаго сраженія.

III.

Ни Франція, ни Германія, ни Англія не желали серьезно войны. Возвращеніе и упадокъ Питта. 1805 г.

Пока въ Германіи еще только подготовлялся тотъ пожаръ, который долженъ былъ вспыхнуть со временемъ. Мнѣнія дѣлились на двое. Одно признавало Бонапарте возстановителемъ порядка, проводникомъ революціи съ самыхъ лучшихъ сторонъ ея. Опустошенія, производимыя имъ на Рейнѣ, быстрое уничтоженіе епископствъ-княжествъ, конечно, не встрѣчало порицанія со стороны многочисленныхъ враговъ средневѣковой исторіи. Если Германія была раздражена только тѣмъ, что владѣтели ея простирали руки къ чужестранцу, чтобы получить обломки имперіи, то негодовали на Пруссію, которая, не нарушая соглашенія съ Англіею, обогащалась милостями Бонапарте. Послѣдній имѣлъ много сторонниковъ. Имъ восхищались еще потому, что въ своихъ начинаніяхъ онъ часто былъ очень загадоченъ. Пока онъ оставался консуломъ, многіе хотѣли видѣть въ немъ втораго Вашингтона, который въ одинъ прекрасный день откроетъ всѣмъ свои намѣренія. Другіе видѣли въ загадочной фигурѣ его восточный геній, или по меньшей мѣрѣ прославленнаго военнаго тирана, который устроитъ міръ и введетъ лучшіе порядки. Много сильныхъ умовъ были имъ увлечены. Великій артистъ Бетховенъ, изгнанный съ бе-

реговъ Рейна Бонапарте, который лишилъ его господина кельнскаго епископства, тѣмъ менѣе посвятилъ герою свое первое музыкальное произведеніе. До этихъ поръ Бетховенъ былъ мелодистомъ, но въ этомъ произведеніи онъ сдѣлалъ попытку дать голосъ цѣлой арміи инструментовъ.

Тогда еще существовало консульство, республика. Но какъ только герой его сдѣлался императоромъ, открылъ свои лживыя намѣренія, Бетховенъ смѣшалъ его съ толпою честолюбивыхъ интригановъ и вычеркнулъ его имя. Онъ уничтожилъ пѣсню, которая раздавалась бы на обоихъ берегахъ Рейна и тѣмъ служила бы къ упроченію союза. Таково было настроеніе нѣмецкихъ художниковъ. Шиллеръ только что написалъ свою Іоанну д'Аркъ. Гёте, хотя и не былъ сторонникомъ Вольтера, но принималъ его Танкреда и другія драмы для постановки на веймарскомъ театрѣ. Самый большой успѣхъ выпалъ на долю драмъ Коцебу, написанныхъ въ подражаніе Дидро.

Тогда еще не предвидѣли, что Франція, благодаря неистовству Бонапарте, поссорится со всѣми государствами, не только съ Англіею, съ мая 1804, но и съ Россіею изъ за устройства Германіи, Италіи и всего болѣе за пустое, за тщеславныя выходки. Онъ держалъ въ рукахъ Италію посредствомъ правительства, которое только казалось итальянскимъ. У него поэтому не было причины провозглашать себя королемъ Италіи и тѣмъ бросать вызовъ цѣлой Европѣ; но онъ короновался въ Миланѣ старой игрушкой—желѣзной короной ломбардовъ. Для чего? Чтобы ослѣпить Францію. Для этой же цѣли онъ вооружился мечемъ Карла Великаго въ Ахенѣ и короною Карла V въ Брюсселѣ. Правда онъ этимъ хламомъ привлекъ Генную и генуэзскихъ моряковъ на свою сторону, а ему это было необходимо для честолюбивыхъ плановъ его относительно высадки въ Англію.

Ланфрэ превосходно объяснилъ всѣ увертки его въ этой безумной исторіи. Вначалѣ онъ имѣлъ мысль, смѣлую и совершенно безчеловѣчную — снарядить множество небольшихъ лодокъ. Онѣ погибнутъ въ большомъ количествѣ, но нѣкоторыя изъ нихъ могутъ достигнуть цѣли. Знающіе люди объяснили ему, что невозможно достигнуть успѣха безъ прикрытія флота и что, наконецъ, корабли разной величины не будутъ имѣть возможности пристать къ берегу съ однимъ приливомъ. Это его нѣсколько охладило. Онъ сознался, что всѣ эти приготовленія были только предлогомъ для приготовленія къ большой континентальной войнѣ. Солдаты этого не подозрѣвали; имъ никогда бы не пришло въ голову, что всѣ эти затѣи по снаряженію флота были необходимы для войны съ Германіею. По правдѣ сказать, слишкомъ горько играли великими порывами этихъ благородныхъ сердецъ, вызывая ихъ, заставляя ихъ ждать, надѣяться и снова ждать. Сколько разъ эти герои мысленно принимали смерть и готовились принести себя въ жертву! Для чего? Для той великой задачи, которая когда то фанатизировала Павла, вырвать у англичанъ свободу мореплаванія. Приморскіе населенія, всѣ наши гавани были въ плѣну у англичанъ. Искушеніе завладѣть океаномъ отъ Англіи до Индіи посредствомъ такого короткаго переѣзда было слишкомъ велико. Для этого стоило пожертвовать жизнью. Въ такомъ настроеніи онъ засталъ армію, безъ сомнѣнія первую, которая когда либо существовала на свѣтѣ, и съ гордостью дѣлалъ ей смотръ въ Булонѣ съ высоты небольшаго холма и раздавалъ ей ордена.

Знаменитая картина Давида, находящаяся въ Версалѣ надъ которой долженъ былъ работать Гро и вся школа, блещетъ пестротою красокъ и нѣсколько груба по исполненію, тѣмъ не менѣе прекрасно передаетъ характеръ этой арміи и

лица солдатъ. Послѣдніе не отличались нервною худобою якобинскихъ солдатъ, напротивъ лица ихъ были добродушны и веселы. Чувствуется что всѣ они добрые малые, неспособные на варварства, какъ солдаты явившіеся впослѣдствіи, и гордые сознаніемъ, что имъ принадлежитъ честь состоять въ *великой арміи*, которую они создали и которая торжествовала, пока Наполеонъ не подвергъ ее варварскому разгрому 1808 г. Булоньскія приготовленія очень походили на комедію. Деревья для постройки кораблей, вырубленныя въ нашихъ лѣсахъ, напр. въ Анверскомъ, или въ Суасонскомъ, должны были вылежаться большею частью еще два года, прежде чѣмъ они стали бы годны для морскаго плаванія.

17 сентября 1805 г. Наполеонъ бросилъ наконецъ маску притворства, которое продолжалось столько лѣтъ и все же не было въ состояніи ослабить довѣрчивый пылъ нашихъ войскъ. Онъ объявилъ государственному совѣту, что отправляется въ Германію; онъ приготовился къ походу раньше австрійцевъ, такъ какъ давно собралъ войска въ Булонѣ; въ январѣ 1806 года онъ потребовалъ рекрутовъ, очередь которыхъ наступала въ 1807 году; за тѣмъ потребовалъ еще преобразованія національной гвардіи. Это былъ запоздалый призывъ къ народу. Арміи двинулась изъ Булона и прошла всю Францію въ самой строгой дисциплинѣ, не было ни одного дезертира. Въ другомъ мѣстѣ я разсказалъ, насколько строги были эти закаленные воины къ молодымъ рекрутамъ, которые проходя по Германіи позволили себѣ небольшіе грабежи. Старики сказали: «прежде чѣмъ идти съ нами въ битву, опорожните свои мѣшки».

Міо говоритъ что Франція вовсе не желала войны. Всѣ воротились въ колею труда. Тоже самое можно было бы сказать и про Англію, если бы не постоянная тревога, которую

поддерживалъ Бонапарте своими фантазіями въ Булонѣ и притворымъ приготовленіемъ къ высадкѣ. Англія такъ же какъ и Франція была увлечена работою, но не земледѣльческою, а мануфактурною. Ее охватила революція, въ промышленности произведенная машинами, и самая дѣятельная часть населенія отдавала свои силы и капиталы на новое дѣло.

Этого не могъ понять Питтъ. Онъ думалъ найти Англію такою же, какою онъ оставилъ ее. Отсюда его печальный финалъ и то одиночество, въ которомъ онъ находился въ 1805 г. Если бы не постоянныя застращиванія неловкаго Бонапарте, то Питтъ погибъ бы непремѣнно, въ одиночествѣ, покинутый всѣми. Ни французское, ни итальянское коронованіе, ни раздача нѣмецкихъ земель не могли заставить Англію принять участіе въ войнѣ и бросить новость дня промышленное дѣло, которое открывало впереди магическое обаяніе безконечной перспективы богатствъ.

Недавнія индійскія дѣла, завоеваніе Карнатика, были едва замѣчены. Далекія происшествія, завоеваніе Капской земли, а вскорѣ затѣмъ Явы, интересовали только часть Англіи, ту, которая помѣщала туда своихъ сыновей. Но большинство, тѣ классы, которые по преимуществу посылали своихъ членовъ въ парламентъ, было очень мало чувствительны къ плодамъ этихъ далекихъ завоеваній. Отсюда возрастающее неудовольствіе противъ Питта. Еще въ мартѣ 1803 года, когда произошелъ разрывъ съ Франціею, онъ былъ такъ увѣренъ въ своей силѣ, что отказывался отъ власти, если ему не будетъ предоставлено право переформировать все министерство, замѣстить его своими членами. А нѣсколько мѣсяцевъ спустя, онъ напрасно старался сдѣлаться центромъ группы, былъ отвергнутъ Фоксомъ и имѣлъ огорченіе принять въ свое министерство шесть министровъ Аддингтона и, наконецъ, самого

Аддингтона. Такъ что оказалось, что Питтъ стоялъ въ главѣ министерства, которое онъ самъ смѣнилъ.

Неутѣшительное положенiе это было жестоко осмѣяно Шериданомъ, не оставившимъ незамѣченной коварную поддержку, оказанную вначалѣ Питтомъ сопернику, котораго онъ хотѣлъ замѣнить. Такое обвиненiе въ чрезмѣрной хитрости и ловкости повидимому не особенно задѣло его. Онъ былъ гораздо болѣе пораженъ, когда убѣдился въ своемъ паденiи, въ ослабленiи своего влiянiя и того кредита, которымъ онъ пользовался въ парламентѣ. Одного изъ его друзей обвинили въ злоупотребленiи и онъ напрасно старался выгородить его. Палата оставила его заявленiе безъ вниманiя и наказала виновнаго. Питтъ почувствовалъ точно ударъ кинжала въ сердцѣ. Онъ напрасно старался прикрыть лице волосами. Видно было, какъ этотъ гордый человѣкъ не могъ удержаться отъ слезъ.

Къ довершенiю его отчаянiя, столь презираемый имъ соперникъ, Аддингтонъ, хотѣлъ выйти въ отставку, что окончательно уронило бы Питта передъ королемъ. Питтъ долженъ былъ перенести отвратительное униженiе и просить соперника остаться, сознаваясь передъ Аддингтономъ, котораго онъ такъ презиралъ, что тотъ ему необходимъ.

Въ этихъ неудачахъ, подтачивавшихъ его жизнь, Питтъ имѣлъ одну сильную поддержку, которая въ многомъ ему помогала: это возрастающая дерзость Бонапарте, его оскорбленiя, вызовы, пренебреженiе, которое онъ выказывалъ человѣческимъ правамъ. Надѣвъ на себя желѣзную корону въ Миланѣ, онъ оскорблялъ всю Европу самымъ безсовѣстнымъ образомъ. Его Монитеръ былъ наполненъ оскорбительными статьями для всѣхъ народовъ, для всѣхъ властителей, и онъ самъ диктовалъ эти вызовы. Онъ взялся распоряжаться самымъ возмутительнымъ образомъ во всѣхъ нейтральныхъ

странахъ. Онъ имѣлъ даже мысль схватить короля шведскаго передъ глазами всей Германіи.

Онъ угрожалъ, старался всюду изловить англійскихъ торговцевъ. Увѣряли, будто онъ говорилъ, что схватилъ въ Берлинѣ, передъ глазами короля, самого англійского посланника.

Все это поддерживало самымъ неожиданнымъ образомъ падающее вліяніе Питта: нелюбимый вообще онъ имѣлъ теперь союзника болѣе прочнаго чѣмъ расположеніе общества: *ненависть Бонапарте*. Тѣмъ, которые жаловались, что предъидущія войны стоили очень дорого, онъ хладнокровно отвѣчалъ, что эта война будетъ стоить еще дороже. Онъ сдержалъ слово и, пользуясь неожиданнымъ чудомъ такого громаднаго накопленія богатствъ, создалъ невѣроятный, необъятный планъ, который онъ однако привелъ въ исполненіе — планъ поддержать коалицію, увеличивъ ее несмѣтными полчищами съ сѣвера и выставить противъ Бонапарте армію въ пять сотъ тысячъ человѣкъ.

IV.

Побѣда при Ульмѣ. Пораженіе при Трафальгарѣ. Октябрь 1805 г.

Въ Бонапарте болѣе всего поражаетъ однообразіе его дѣйствій: постоянныя старанія производить неожиданные эффекты, которые, безпрестанно повторяясь, не могли повидимому никого болѣе удивить. А противники его проявляли все ту же любезность, постоянно ждали, опаздывали и попадали въ просакъ. Громадные и легкіе успѣхи имѣли то неудобство, что Наполеонъ и приближенные его получали ложное понятіе о своихъ собственныхъ силахъ; они думали, что не нуж-

даются болѣе въ средствахъ пропаганды убѣжденій, которыя составляли силу революціонныхъ армій, ихъ твердую вѣру. Мы передавали сообщенія Гёте, что въ 92 г. французы, послѣ побѣды при Вальми, снабжали отступающихъ голодныхъ пруссаковъ не только съѣстными припасами, но и революціонными газетами. Въ 97 году мы видѣли, что послѣ фруктидора явилось внезапно нѣсколько новыхъ республикъ. Такія неожиданныя послѣдствія, точно вызванныя электрическимъ токомъ, мановеніемъ огненнаго меча, никогда не могли быть вызваны желѣзнымъ мечемъ Аустерлица, не смотря на побѣду его. Страшная разница происходитъ отъ того, что послѣдній дѣйствуетъ только тамъ, гдѣ онъ разрушаетъ; но онъ не имѣетъ того отдаленнаго вліянія, которое производитъ электрическій мечь революціи.

Другое несчастье: Наполеонъ своими легкими побѣдами создалъ въ арміи глубокое презрѣніе къ духу нѣмецкаго народа и полное незнаніе его характера, такъ что обѣ націи были совершенно чужды другъ другу. Французская армія, красная, упитанная кровью, какою мы видѣли ее въ Булонѣ на картинѣ Давида, слишкомъ легко повѣрила смиренству нѣмцевъ, въ особенности послѣ страннаго событія при Ульмѣ, когда тридцать тысячъ человѣкъ сдались безъ боя. Дѣйствія Наполеона, создавшія это чудо, были очень просты и не глубокомысленны. Армія его была на готовѣ въ Булони и онъ уже купилъ двадцать тысячъ лошадей. Въ теченіи мѣсяца все было переправлено къ Рейну. Множество телѣгъ, взятыхъ по реквизиціи, были нагружены солдатами. Самъ онъ оставался въ Страсбургѣ до послѣдней минуты и, чтобы позабавить австрійцевъ, собранныхъ Макомъ и однимъ изъ эрцгерцоговъ въ Швабіи, онъ приказалъ своей кавалеріи показываться у разныхъ выходовъ Шварцвальда.

Что же дѣлали австрійцы со своею кавалеріею—первою въ мірѣ? Но въ то время никто даже самъ Наполеонъ, не имѣлъ яснаго представленія о томъ какъ употреблять это войско, чтобы развѣдывать, слѣдить за всѣмъ, что дѣлалось кругомъ. Сперва американцы, а потомъ пруссаки, поняли это только въ послѣднее время. Несчастный Макъ, который совершенно несправедливо сдѣлался посмѣшищемъ исторіи, не былъ въ дѣйствительности главнокомандующимъ арміею. Низкаго происхожденія и не высокихъ чиновъ онъ, подобно венгерскому генералу, котораго разбили въ 1866 г., имѣлъ фактически начальниками своими принцевъ и высокопоставленныхъ вельможъ, находившихся при арміи. Всѣ они руководили имъ, внушали ему слѣпую увѣренность въ своихъ силахъ. Ему указывали на Тироль, на Альпы, гдѣ будто бы находились многочисленныя подкрѣпленія. На сѣверѣ стояли французы, это правда; но вѣдь тамъ была Пруссія, которая должна была ихъ задержать и не дать имъ пройти. На востокѣ находились баварцы, на которыхъ впрочемъ нельзя было особенно положиться. Но они стояли между Макомъ и Австріею, которая могла напасть на нихъ, если бы они сдѣлали какія нибудь подозрительныя движенія; наконецъ, на дальнемъ горизонтѣ думали видѣть русскія войска, которыя обѣщались прибыть къ 1-му октября. Что могло быть успокоительнѣе такой картины? При малѣйшемъ противорѣчіи, эти гордые дворяне напомнили бы Маку его неудачи въ Италіи, которыя конечно сдѣлали его нѣсколько робкимъ.

Въ одно утро ему сообщаютъ, что французы занимаютъ высоты, окружавшія его армію. Императоръ посылаетъ ему Сегюра. Все это превосходно разсказано въ мемуарахъ Раппа, придавшаго всему оттѣнокъ эльзаскаго юмора, котораго недоставало Сегюру. Бѣдный Макъ ничего не зналъ и, при

каждомъ новомъ сообщеніи, удивлялся, произносилъ восклицанія. Онъ жилъ точно Робинзонъ на необитаемомъ островѣ и ровно ничего не зналъ о томъ, что происходитъ на свѣтѣ.

Онъ расчитывалъ, что обезпеченъ слѣва пруссаками, которые безъ сомнѣнія не дадутъ пройти ганноверской арміи, принудятъ ее сдѣлать большой кругъ. Ему сообщили, что эта армія подъ начальствомъ Бернадотта, не обращая вниманія на пруссаковъ, повернула имъ спину, какъ бы собираясь вернуться во Францію, но затѣмъ повернувъ на востокъ, отправилась въ Мюнхенъ, который былъ сданъ баварцами. Этотъ корпусъ, къ которому присоединились еще другія силы, составлялъ армію въ сто тысячъ человѣкъ, которую Макъ имѣлъ на востокѣ между собою и Австріею, между тѣмъ какъ съ запада подошла булонская армія и окончательно его заперла, поставила въ безвыходное положеніе.

Въ отчаяніи онъ надѣялся еще на русскихъ, говорилъ, что они должны скоро прибыть; ему доказали, что русскіе были очень далеко. Онъ увѣрялъ, что у него хватитъ припасовъ на восемь дней, но это было несправедливо. Его гибель была несомнѣнна, онъ сдался. Удивительное и небывалое зрѣлище: цѣлая армія была въ плѣну, не имѣя возможности драться. Тридцать тысячъ человѣкъ сдались сразу.

Такое событіе было конечно очень печально для Австріи, но я полагаю, что оно было не менѣе пагубно для здраваго смысла нашей арміи: она составила себѣ очень ложное представленіе о той великой странѣ, въ которую вступала. Невѣроятный успѣхъ вскружилъ голову императору, онъ потерялъ почву подъ ногами и вообразилъ себя побѣдителемъ не только нѣмцевъ, но и англичанъ. Его мысли были скорѣе на морѣ, чѣмъ въ Германіи: онъ торопилъ свой флотъ. Онъ самымъ грубымъ образомъ приказалъ ему спѣшить, упрекалъ

его въ медленности; нѣсколько разъ онъ писалъ Декрэ, морскому министру, вещи самыя жестокія, яростныя.

Наполеонъ вначалѣ былъ предназначаемъ для службы во флотѣ, какъ учрежденіи наиболѣе любимомъ въ Версали, и одинъ изъ членовъ котораго долгое время управлялъ королевой. Вотъ почему Наполеонъ сохранилъ большое пристрастіе къ остаткамъ этого аристократическаго учрежденія во Франціи. Его главный секретарь Шампиньи былъ морскимъ офицеромъ. Нѣсколько *голубыхъ* офицеровъ т. е. не дворянскаго происхожденія, мало по малу подвигались впередъ, но съ медленностью, которая досаждала Наполеону. Быстрые успѣхи сухопутной арміи скрывали отъ него настоящее положеніе дѣлъ и заставили его забыть о техническихъ трудностяхъ морской войны. Кто бы могъ повѣрить, что бывшій артиллерійскій офицеръ нагружалъ свои корабли необученными солдатами, которые нисколько не упражнялись въ морской стрѣльбѣ; иначе сказать торопилъ ихъ идти безоружными на вѣрную смерть.

Такъ много говорятъ о террорѣ 93 года и такъ мало о морскомъ террорѣ Наполеона, который былъ однакоже равно жестокимъ, равно дикимъ и который поражалъ далѣе нежели прибрежья рѣчныхъ устьевъ. Во многихъ департаментахъ, очень отдаленныхъ отъ моря, префекты побуждаемые угрозами Наполеона посылали во всѣ стороны дѣятельную жандармерію, которая набирала молодыхъ крестьянъ, тащила ихъ по дорогѣ къ портамъ и, безъ всякихъ предварительныхъ упражненій, нагружала ими корабли. Насильственный наборъ матросовъ въ Англіи, не смотря на его суровость, имѣлъ хоть-то утѣшеніе, что обѣщалъ несомнѣнную побѣду; во Франціи же подобная мѣра распространяла одно отчаяніе, такъ какъ тѣ, которыхъ забирали насильно, отлично знали, что этимъ бѣдственнымъ путемъ ихъ вели на вѣрную смерть. Сохранилось

много разсказовъ объ ужасной катастрофѣ, но весьма мало о страшныхъ подробностяхъ, которыя предшествовали ей,— объ этой травлѣ на людей. Форгъ, въ своемъ «Сокращенномъ разсказѣ о жизни Нельсона», передаетъ намъ хвастовство, гордыя, надменныя рѣчи Бонапарте. Тьеръ оправдываетъ его, насколько это возможно.

Ланфрэ, въ превосходномъ разсказѣ своемъ, преимущественно занимается адмираломъ Вильневомъ, жалѣетъ о немъ, какъ о жертвѣ злой судьбы и тиранническихъ требованій императора. Вильневъ происходилъ изъ хорошей дворянской семьи Прованса и тѣмъ вѣроятно заслужилъ расположеніе Наполеона и ретроградной партіи, столь вліятельной при дворѣ Гортензіи и Жозефины; Вильневъ былъ храбръ и хорошо образованъ. Съ пятнадцати лѣтъ до сорока одного года онъ быстро прошелъ всю морскую карьеру и дослужился до высокихъ чиновъ. Среди многихъ блестящихъ подвиговъ, онъ имѣлъ одно несчастье: прибыть слишкомъ поздно въ Абукиръ и отплыть оттуда слишкомъ рано, полагая, не безъ основанія, что ничѣмъ не поможетъ несчастью, но только усугубитъ его; а напротивъ, уводя съ собою четыре корабля, онъ спасетъ ихъ отъ погибели.

Воспоминаніе объ Абукирѣ могло остановить Наполеона, вообще склоннаго суевѣрію. Но Вильневъ былъ другомъ императорскаго любимца Декрэ, любившаго его за тѣ сбереженія, которыя онъ дѣлалъ въ морскомъ министерствѣ и которыя отчислялись для сухопутныхъ войскъ.

Въ этомъ случаѣ можно только удивляться этому *homo duplex*. Императоръ, страстно желавшій успѣха своего флота, въ то же время находилъ очень удобнымъ, что копились сбереженія для сухопутнаго войска, побѣды котораго онъ считалъ гораздо болѣе вѣроятными. Своею правою рукою онъ

обкрадывалъ лѣвую. Любезный характеръ Вильнева долженъ былъ тоже способствовать повышенію. Онъ былъ храбръ, но мягокъ и, нѣсколько нерѣшителенъ. Когда Наполеону удалось увлечь Испанію, онъ увидѣлъ въ своемъ распоряженіи два большихъ флота и нетерпѣніе его уже не знало границъ. Медленность Вильнева выводила его изъ себя; онъ упрекалъ его въ малодушіи; наконецъ, онъ назначилъ ему преемника, адмирала Розили, который долженъ былъ смѣнить и отослать во Францію Вильнева. Во избѣжаніе такого оскорбленія, несчастный принужденъ былъ выйдти изъ Кадикса, далъ сраженіе и потерялъ все. Созвали на совѣтъ всѣхъ испанскихъ и французскихъ офицеровъ; они были всѣ одного мнѣнія, что вооруженіе недостаточно, что вообще флотъ еще не подготовленъ. Мнѣніе это послали къ Декрэ, но онъ не далъ ему хода. Крестьяне-матросы не знали какъ управляться съ снастями, не умѣли стрѣлять; ихъ заставляли цѣлиться по старинной методѣ въ мачты, а не въ самый корпусъ корабля, какъ то дѣлали англичане; и такихъ то неумѣлыхъ, несчастныхъ воиновъ поставили противъ яростнаго врага—Нельсона, увѣреннаго въ своей побѣдѣ. Капитанъ Лукасъ и другіе выказали много храбрости, но все было напрасно.

Нельсонъ сказалъ: «Перство или Ветминистеръ». Онъ былъ убитъ. Но его смерть не прекратила этотъ ужасный разгромъ. Наши корабли были до того неповоротливы, что не могли спастись, но ждали своей участи. Цѣлый народъ былъ потопленъ. Императоръ продолжалъ писать угрожающія письма флоту, который уже не существовалъ. Онъ былъ тѣмъ болѣе взбѣшенъ и жестокъ, что сознавалъ, что *во всемъ былъ виноватъ самъ* и что не было никакихъ средствъ загладить случившееся несчастье. Вильневъ въ отчаяніи искалъ спасеніе въ смерти—онъ перерѣзалъ себѣ горло.

V.

Аустерлицъ 2 декабря 1805 г.

Это громадное несчастье имѣло одно хорошее послѣдствіе: оно положило конецъ безумному стремленію посылать армію на море и подвергать ее еще сильнѣйшему пораженію, чѣмъ трафальгарскій разгромъ. Англичане, судившіе о Франціи по той гласности, которая была принята у нихъ, полагали, что она упала духомъ. Но Франція почти не знала о случившимся. Монитёръ не сказалъ ни слова. Другія газеты еще того меньше. Ходили неопредѣленные слухи о какомъ то морскомъ несчастьи. За то у нашихъ враговъ слухи эти распространились очень быстро. Видя радость англичанъ и русскихъ, австрійцы подумали, что войска наши упали духомъ, деморализировались. Но армія наша не знала ни одного слова о несчастьи 20 октября. Она была занята торжествомъ при Ульмѣ и не могла забыть небывалое зрѣлище огромной арміи сдавшейся въ плѣнъ; ей казалось, что она идетъ на встрѣчу побѣдѣ. Одинъ Бонапарте зналъ, какая ему грозила опасность. Приближалось нѣсколько армій, которыя могли окружить его. Гораздо позднѣе при Ваграмѣ, въ 1809 году, онъ высказалъ причины, которыя заставляли его выражать въ то время такую увѣренность: «Вы бы имѣли болѣе успѣха, если бы позволили себя окружить». «О! но вѣдь Ваграмская армія не похожа на Аустерлицкую», отвѣтилъ онъ.

Онъ выказывалъ величайшее спокойствіе. Вступая въ Вѣну, которая была оставлена войсками, онъ не только приказалъ какъ можно лучше обращаться съ жителями, впрочемъ нисколько не враждебными, но облекаясь благородною ролью добродушнаго и благосклоннаго повелителя, поручилъ своимъ

войскамъ защищать и беречь все, что относилось къ наукамъ и искусствамъ. Этими миролюбивыми словами онъ, конечно, хотѣлъ выказать полнѣйшее спокойствіе свое среди опасностей, которыми, какъ эти хорошо видѣли враги, онъ былъ окруженъ. Гибель его казалась несомнѣнною. Русскіе, подъ начальствомъ Кутузова, если и отступали, то лишь для того, чтобы соединиться съ резервными войсками, которыя подходили къ нимъ съ тылу и съ фланговъ; они отступали, но сраженія, которыя они давали были довольно удачныя. Еще другіе русскіе корпуса подходили со стороны Силезіи. Пруссія, не смотря на свои увертки, исполняла однако обѣщаніе, данное Александру, и послала свои войска, которыя приближались, хотя и не особенно поспѣшно.

Все это на сѣверѣ. На югѣ подвигался эрцгерцогъ Карлъ. Массена не имѣлъ достаточно силъ, чтобы задержать его. Эрцгерцогъ перегналъ его на нѣсколько дней ходьбы и, перейдя Италію, вступилъ уже въ Моравію. Такимъ образомъ императоръ находился въ центрѣ, къ которому со всѣхъ сторонъ приближались враги. Тѣмъ не менѣе онъ считалъ свою армію непобѣдимою, однакоже не краснѣя пытался вступить въ переговоры и не отчаявался направить потокъ русской арміи въ новое русло—на покореніе оттоманской имперіи. Полагали, что переговоры Наполеона были военною хитростью, съ цѣлью выиграть время. Но это сомнительно. Такъ какъ онъ смотрѣлъ на все съ точки зрѣнія личной выгоды, то онъ полагалъ довольно основательно, что Александру будетъ гораздо выгоднѣе броситься на Турцію, чѣмъ принимать участіе въ этой безплодной нѣмецкой компаніи.

Онъ писалъ Александру въ выраженіяхъ болѣе чѣмъ учтивыхъ, льстивыхъ и даже нѣсколько смѣшныхъ. Молодой царь, кроткій и учтивый по природѣ, но руку котораго направляли

эмигранты, отвѣтилъ рѣзкимъ, оскорбительнымъ письмомъ; въ немъ онъ называлъ Наполеона *милостивымъ государемъ* (monsieur) и увѣрялъ его *въ истинномъ своемъ почтеніи.* Наполеонъ проглотилъ оскорбленіе и въ то время, когда онъ предлагалъ перемиріе, русскіе сдѣлали сильное нападеніе. Не смотря на это, онъ просилъ свиданія съ Александромъ, который не снизошелъ на исполненіе его просьбы; но только послалъ своего адъютанта молодаго Долгорукова, который, на предложенія отправиться на завоеванія въ другія страны, гордо отвѣтилъ «что Россія довольно велика».

Это произошло 13 ноября. Французы не соединили свои силы, армія Бернадотта еще не успѣла къ нимъ примкнуть, и Наполеонъ имѣлъ всего пятьдесятъ восемь тысячь человѣкъ; русскіе же располагали уже восемьдесятью двумя тысячами. Для нихъ это была самая удобная минута нападенія. 20 ноября обѣ арміи были почти равносильны. У Наполеона было уже сто тысячь человѣкъ. Русско-австрійцы выжидали подвозки съѣстныхъ припасовъ, въ которыхъ ощущался недостатокъ и если бы они выжидали еще долѣе, то вскорѣ, они стали бы гораздо сильнѣе непріятеля. Почему они вдругъ поспѣшили дать сраженіе? Неизвѣстно, говорятъ многіе историки.

Это случилось потому, что молодые военачальники, которые постоянно интриговали противъ эрцгерцога Карла, полагали что онъ останется въ Италіи, и съ неудовольствіемъ смотрѣли на его приближеніе, они захотѣли побѣдить до его прибытія. Другою причиною, не лишенною основанія, было то, что молодой Александръ считалъ себя рыцаремъ прусской королевы и надѣялся своею побѣдою быть единственнымъ спасителемъ ея отъ чудовища Бонапарте; онъ бы лишился этой чести, если бы дождался поддержки Пруссіи, прибытія храбраго гер-

цога Людвига и другихъ, исповѣдовавшихъ тоже культъ королевы. Все это очень романично, скажутъ мнѣ. А клятва, которую королева заставила Александра произнести на могилѣ Фридриха *), дѣлала царя защитникомъ и покровителемъ Пруссіи. Кромѣ того надо вспомнить, что условія, которыя поставилъ Александръ 3 ноября и на которыхъ обѣщалъ помощь своихъ войскъ Пруссіи, были отмѣнены въ декабрѣ; все это доказываетъ, что между ними существовала не только политическая связь, но нѣчто болѣе прочное, тѣсныя узы дружбы, общее поклоненіе и восхищеніе героической красотѣ, которая проповѣдывала войну и славу. Военные историки, трудами которыхъ пользовались и Тьеръ и Ланфрэ, представили съ замѣчательною наглядностью, насколько это дозволяла обширность картины, расположеніе обѣихъ армій и даже отдѣльныхъ корпусовъ, которые принимали участіе въ сраженіи при Аустерлицѣ. Мы не станемъ передавать подробностей непонятныхъ, если не имѣть подъ рукою карты. Мы замѣтимъ однако то, что уже замѣчали и по случаю другихъ менѣе важныхъ дѣлъ, что распоряженія великаго полководца, оправданныя большими успѣхами, сами по себѣ были довольно двусмысленны и возможны только при условіи имѣть въ рукахъ надежное орудіе т. е. армію, съ которою можно рѣшиться на самыя рискованныя дѣйствія. Напримѣръ очищеніе Протценскихъ высотъ и сосредоточеніе французскихъ войскъ въ узкой долинѣ, въ родѣ прохода, откуда они наблюдали свою жертву, которая окружала ихъ со всѣхъ сторонъ,—такое распоряженіе было возможно только, благодаря исключительнымъ свойствамъ арміи: она ничему не удивлялась. Съ другими солдатами было бы слишкомъ большою неосторожностью рѣшиться на что либо подобное.

*) Гарденбергъ т. IX.

Въ часъ по полудни центръ непріятельскихъ войскъ былъ разбитъ; оба фланга еще дрались, но каждый порознь, всякое сообщеніе между ними было прервано. Русская гвардія бросилась занимать Протценскія высоты и смяла французскій батальонъ. Тогда вступаетъ въ дѣло французская гвардія подъ предводительствомъ Раппа, который беретъ въ плѣнъ Репнина, командира кавалергардовъ. Нѣчто болѣе ужасное происходило на прудахъ, покрывавшихъ эту болотистую равнину. Артиллерія, переходя черезъ мостъ, провалилась, такъ что войска, сопровождавшія ее, были откинуты на другой прудъ, покрытый льдомъ. Наполеонъ видѣлъ это несчастье и приказалъ стрѣлять по льду изъ пушекъ, которыя стояли на высотахъ. Ледъ обрушился. Тысячи человѣкъ исчезли подо льдомъ, но не могли потонуть сразу въ этихъ неглубокихъ водахъ; они боролись и крики и стоны ихъ были слышны еще на другой день. Говорятъ, что соединенные войска оставили двадцать семь тысячь труповъ на этой обширной равнинѣ Аустерлица; французы потеряли восемь тысячь человѣкъ. Знаменитая картина Жерара, такъ часто воспроизведенная на разныхъ гравюрахъ, представляетъ почетный пріемъ, оказанный императоромъ плѣнникамъ. Этотъ интересный пріемъ разсказанъ мнѣ во всѣхъ подробностяхъ однимъ свидѣтелемъ, юношей, который запомнилъ малѣйшее обстоятельство съ тою памятливостью, какою отличаются дѣти. Юноша этотъ, сынъ генерала Петіэ, состоялъ въ то время пажемъ при императорѣ и находился возлѣ него; сперва онъ видѣлъ, какъ непріятель ступилъ на ледъ и затѣмъ провалился въ воду. Этого то и ожидалъ Наполеонъ и на него, какъ на охотника, который видитъ что дичь попадается въ его сѣти, нашелъ порывъ веселости. Въ такія минуты Наполеонъ имѣлъ непріятную привычку напѣвать. На этотъ разъ ему пришелъ въ голову опе-

реточный куплетъ по поводу того, какъ дуракъ попалъ въ разставленныя сѣти, съ припѣвомъ: «Ахъ какъ онъ попался!» Диссонансъ этой пошлой пѣсенки, пропѣтой не вѣрнымъ тономъ въ такую ужасную минуту, до того поразилъ юношу, что онъ не забылъ ее во всю жизнь.

Убѣдившись, что успѣхъ сраженія обезпеченъ, Бонапарте спохватился что поздно и время обѣда. Согласно его умѣреннымъ привычкамъ, ему подали курицу и бутылку Шамбертена. Петіэ наливалъ ему вино. Къ маленькому столику Бонапарте привели плѣнныхъ и юноша, стоя за императоромъ, могъ наблюдать любезность, съ которою онъ ихъ принималъ. Однимъ изъ первыхъ былъ Репнинъ, конечно сынъ того жестокаго посланника, который возбудилъ ужасъ всей Варшавы и страшный портретъ котораго намъ нарисовалъ Рюльеръ. Наполеонъ, не заботясь о полякахъ довольно многочисленныхъ въ рядахъ нашей арміи, былъ съ нимъ любезенъ и не задержалъ его. Затѣмъ приблизилась личность весьма поразившая юнаго наблюдателя; это былъ эмигрантъ—теперь русскій генералъ; онъ полагалъ, что наступилъ его послѣдній часъ. Юноша дрожалъ за него. Онъ былъ не мало удивленъ, когда императоръ налилъ ему стаканъ вина и приглашая его выпить сказалъ: «Пейте, господинъ графъ, это придаетъ духа!» Это сейчасъ и увидѣли. Эмигрантъ до этого стакана очень блѣдный, мгновенно оживился. Анекдотъ этотъ поучителенъ; онъ доказываетъ, что съ равнины Аустерлица побѣдитель видѣлъ Парижъ, Жерменское предмѣстье.

При такомъ нѣжномъ настроеніи къ ретроградной партіи, при распиваньи вина съ эмигрантомъ, становится понятнымъ, почему онъ послушался совѣта Талейрана: «поберегите Австрію». Хромой совѣтывалъ моему господину только то, что у господина было на умѣ и что онъ уже сдѣлалъ. Развѣ онъ не ща-

дилъ Австрію еще при Леобенѣ и Кампоформіо? Онъ потребовалъ съ нея денегъ, но не тронулъ внутреннія провинціи. Если онъ отнялъ у нея Тироль въ награду Баваріи, то эта провинція больше поставляла инстургентовъ, чѣмъ рекрутовъ въ регулярныя войска; точно также и Венеція, Фріуль, Далмація, которыя онъ отобралъ у Австріи. Въ сущности же Австрія осталась тѣмъ, чѣмъ была, и мало по малу подготовлялась объявить намъ войну 1809 года.

Въ Европѣ много восхищались сраженіемъ подъ Аустерлицемъ, оно напомнило блестящую и невѣроятную побѣду при Маренго. Между тѣмъ мемуары Нея, въ которыхъ всюду видна больная рука Жомини, доказываютъ, что планъ компаніи не былъ установленъ и измѣнялся во время пути. Быстротѣ похода, которою такъ восторгались, угрожала одно время большая опасность, такъ какъ болѣзни сильно уменьшали число солдатъ; одно время убыло до пятидесяти тысячь. «Мы были спасены, говоритъ Ней, только невѣденіемъ непріятеля». Чего ожидали серьезные поклонники Бонапарте послѣ этой побѣды, которая повергла въ уныніе Австрію, лишила бодрости русскія войска и заставила Пруссію согласиться на то условіе, какое она доселѣ отвергла? Они ожидали одного, что онъ воспользуется выгодами, которыя давала ему аустерлицкая побѣда.

Армія была нетронута, она состояла изъ ста тысячь непобѣдимыхъ солдатъ — первыхъ въ мірѣ. Потери ея не превзошли восьми тысячь человѣкъ. Русскіе отступали въ порядкѣ, но поспѣшно и по гладкому пути, по которому ихъ нельзя было преслѣдовать. Почему? Потому что они ждали отъ Наполеона смѣлости, а не осмотрительной осторожности. Они ожидали, что Наполеонъ направится въ австрійскую Польшу,

которая призывала французовъ, уже цѣлые десять лѣтъ. Если бы тамъ вспыхнуло возстаніе, оно бы безъ сомнѣнія охватило и прусскую и русскую Польшу; но это было дѣломъ героя, а не политика, который вдохновлялся низменными идеалами и помнилъ слова «Поберегите Австрію» т. е. «Поберегите ретроградную партію во всей Европѣ».

VI.

Нерѣшительность Александра. Неудовольствіе Россіи и русской арміи противъ Александра.

Я теперь пріостановлюсь, чтобы сказать нѣсколько словъ объ Александрѣ. Его характеръ, далеко не необыкновенный, отличается общимъ качествомъ того времени — *нерѣшительностью.* Не есть ли это особенность русскаго характера, подвижность славянской натуры? Согласенъ. Но скорѣе можно предположить, что это есть тотъ неопредѣленный сантиментализмъ, который составляетъ основу неустойчивую и неясную, но иногда очень плѣнительную женщинъ южной Германіи. Единственная въ своемъ родѣ прелестная книга доказываетъ это довольно наглядно: (это переписка и разговоръ Александра съ графомъ Адамомъ Чарторижскимъ. Парижъ 1865 г.) Чудесная книга, полная слезъ. Читая ее мнѣ казалось, что я нахожусь въ Флоренціи, въ Санта-Кроцъ, гдѣ Чарторижская плакала, умирая на могилѣ Адама.

Начало книги это сама природа, ея неясная улыбка, которая обѣщаетъ сдѣлаться выразительною. Двое нѣжныхъ восемьнадцати лѣтнихъ юношей гуляютъ въ саду, въ короткое сѣверное лѣто и повѣряютъ другъ другу... что? любовныя

тайны? Нѣтъ. Но героическія и романическія предположенія, надежды быть добродѣтельными, стремиться къ совершенству. Все это передается съ большой таинственностью. Екатерина еще царствуетъ. А если бы она узнала? Молодой царь предается безграничной утопіи: Онъ говоритъ поляку: «къ чему наслѣдственность? Право на престолъ это свободный выборъ народа». Затѣмъ слѣдуетъ громадный пробѣлъ. Это царствованіе и смерть Павла. Сынъ въ отчаяніи вступаетъ на престолъ. Александръ опечаленный на всю жизнь призываетъ Адама Чарторижскаго, т. е. свою молодость мечтательную и добродѣтельную, иначе сказать свою совѣсть. Что говоритъ графъ Адамъ? Ничего романическаго, напротивъ онъ даетъ практическій и политическій совѣтъ: «соедините разрозненныя части Польши въ конституціонное королевство. Пускай Пруссія отдастъ намъ и Варшаву». Галиція присоединится впослѣдствіе. Пруссія вознаградила бы себя на Рейнѣ или присоединеніемъ Ганновера. Въ этомъ планѣ не предвидится столкновенія съ Наполеономъ. Но самое слово Ганноверъ возмущало англійскую партію, всемогущую при прусскомъ дворѣ.

Англичане въ Берлинѣ устроили дѣло менѣе трагично, но послѣдствія ихъ образа дѣйствій были несравненно пагубнѣе; они воспользовались дружбою прусскаго короля и впечатлѣніемъ, какое произвела прелестная прусская королева на молодаго двадцатипятилѣтняго царя. Я уже упоминалъ о смѣлой ловкости королевы, которая поставила на колѣни своего мужа и гостя у могилы Фридриха и заставила ихъ произнести клятву вѣчной дружбы, вѣчнаго союза въ пользу Пруссіи, другими словами: объявить смерть Польшѣ. Планъ Чарторижскаго осуждали потому, что онъ французскій планъ. Напрасно. Если онъ и благопріятствовалъ Напо-

леону, поссоривъ Пруссію и Англію за Ганноверъ, за то съ другой стороны Россія, успокоеная со стороны Польши, могла обратить свое вниманіе на Востокъ и оспаривать его у Наполеона. Но планъ этотъ имѣлъ одинъ недостатокъ. Онъ былъ слишкомъ благоразуменъ. Поляки мечтали о другомъ, болѣе блестящемъ—невозможномъ. Они желали, не имѣя болѣе казаковъ и внѣшнихъ силъ, которыя помогали имъ въ средніе вѣка, господствовать надъ Россіею, т. е. чтобы малая величина поглотила большую, неизмѣримую.

Прибавьте къ этому, что союзъ трехъ большихъ сѣверныхъ державъ, дѣлалъ ихъ усилія безплодными, химерическими. Напротивъ того, если бы Россія занялась побѣдами въ Азіи, то несомнѣнно нуждалась бы въ Польшѣ, какъ въ цивилизованномъ народѣ, который могъ имѣть значительное вліяніе на дѣла. Письма принца Адама въ 1806 году великолѣпны, онѣ проникнуты почтительно свободнымъ духомъ и доказываютъ его природный здравый смыслъ и сердце друга. Для Александра было большою честью имѣть такого друга, хотя измѣнчивость и слабость его характера уже дѣлали для него нестерпимыми умные совѣты друга. Адамъ не боится напоминать ему предостереженія, которыя онъ ему писалъ передъ Аустерлицемъ, предсказывая, что присутствіе его обратитъ армію въ придворную толпу и что масса интригъ стѣснитъ дѣйствія генераловъ. Онъ говоритъ съ удивительною смѣлостью о Пруссіи и объ обязательствѣ принятомъ Александромъ передъ королевой Пруссіи. «Мнѣнія и чувства Вашего Величества по отношенію къ лицамъ, которыхъ Вы удостоивали своимъ довѣріемъ, очень измѣнились, что и было замѣчено въ Берлинѣ... Безграничное предпочтеніе выраженное Вашимъ Величествомъ къ Пруссіи придало русскому правительству нерѣшительность дѣйствій».

Такую же смѣлость сужденій мы видимъ и по отношенію къ Аустерлицу, гдѣ молодой дворъ Александра постоянно оскорблялъ австрійцевъ, переходя въ одно утро отъ полнаго отчаянія къ безграничной самоувѣренности. Одни хотѣли оставить дѣло, не сдѣлавъ ни одного выстрѣла; другіе торопили сраженіемъ, чтобы скорѣе возвратиться домой. Онъ не одобряетъ также Александра за то, что царь подставлялъ свою жизнь опасности, какъ простой солдатъ, и затѣмъ увелъ свою армію сейчасъ послѣ сраженія. «Развѣ можно было предположить, что одно проигранное сраженіе заставитъ русскихъ отступить?» Изъ небольшой записки Александра, въ которой онъ отвѣчаетъ, или скорѣе ни на что не отвѣчаетъ, мы заключаемъ, что строгія, длинныя письма, полныя правды, не были произведеніемъ одного графа Адама, а писались цѣлымъ русско-польскимъ комитетомъ, который старался подавать совѣты Александру, до его страсти къ Пруссіи. Царь выказываетъ сожалѣніе, что такое конфиденціальное письмо переписано на чисто рукою простого писца.

Онъ не обмолвился не однимъ словомъ о чрезвычайно важномъ параграфѣ письма, въ которомъ сквозитъ недовольство Россіи: «въ случаѣ если война перейдетъ за границы имперіи, я не отвѣчаю за поляковъ. Русскіе съ огорченіемъ слѣдятъ за умаленіемъ славы государства и ихъ національное самолюбіе сильно страдаетъ. Если границы будутъ урѣзаны, то въ этомъ обвинятъ Ваше Величество и толки, которые слышатся въ Москвѣ и Петербургѣ, далеко не успокоительнаго характера». Въ первый разъ послѣ столькихъ вѣковъ, мы видимъ громадную Россію возвышающую голосъ; она подняла голову и вставляетъ свое слово въ общее сужденіе.

VII.

Душа великой арміи 1806 *).

Великая армія существовала отъ 1805 до 1808 г. Чтобы обезобразить ее, свести на низшій уровень, Бонапарте долженъ былъ разорвать ее на части. Онъ отнялъ у нея душу, да будетъ это извѣстно. Послѣ Булони и до Аустерлица эта армія великая духомъ сохраняла еще свою иллюзію, свою вѣру: «Чтобы образумить Европу, требовался геній, великій полководецъ; подъ его начальствомъ армія была оружіемъ революціи». Къ чему служили въ такомъ случаѣ тайныя общества, о которыхъ говоритъ Нодье, если убѣжденія арміи были общеизвѣстны? Этихъ обществъ вовсе не существовало тогда.

Ульмское дѣло внушило войскамъ несправедливое презрѣніе къ Германіи, но оно было смягчено убѣжденіемъ: «Мы ее освободимъ». Это были великія мысли. О высотѣ, на которой стоялъ духъ французовъ, можно судить по такому факту: когда послѣ страшныхъ переходовъ, далеко отъ Франціи и не получая оттуда ничего, армія углубилась въ сердце Германіи и проходила черезъ дремучій лѣсъ, то она въ порывѣ героической веселости украсила себя дубовыми вѣтвями. Она однако знала, что три арміи: австрійская, прусская и русская приближались, чтобы окружить ее. На Рейнѣ и на Дунаѣ она видѣла памятники рабства, развалины феодализма, у которыхъ даже великія рѣки, составляющія какъ бы душу страны, протекали стѣсненныя подъ ярмомъ произвола.

---

*) Великое заглавіе, которое я далъ главѣ этой, не можетъ улечься въ рамки ея. *Великая армія*—это подвижной народъ, который мало по малу проявляетъ себя въ превращеніяхъ своихъ, но который, не смотря на развратителя и губителя своего, Бонапарте, долго хранилъ въ себѣ все одну и ту же душу.

Самое ужасное въ этомъ рабствѣ былъ произволъ массы помѣщиковъ, которые ждали всего отъ имперіи и которые тяготѣли надъ Германіею, творя судъ и расправу. Тысячи тайныхъ драмъ разыгрывались вслѣдствіе такого положенія вещей. Столь извѣстный разсказъ о Гаспарѣ Гейзерѣ, воспитанномъ въువ мракѣ и затѣмъ убитомъ, доказываетъ, что при такихъ порядкахъ нечего было надѣяться на справедливость или безопасность.

Нѣмцы, въ литературныхъ произведеніяхъ своихъ, съ ужасомъ описывали это смутное время, полное деспотизма, то время, когда Наполеонъ въ 1804 году проѣзжалъ вдоль береговъ Рейна, по шоссе, которое онъ хотѣлъ обратить въ прекраснѣйшую дорогу въ цѣломъ свѣтѣ. Дальбергъ и другіе указывали ему на замки, построенные на островахъ или на возвышенностяхъ, прекрасныхъ для глаза художника, но весьма опасныхъ для путешественника или торговца, на которыхъ они смотрѣли очень грозно. Бонапарте, вспоминая Ришелье и Кро́мвеля, этихъ разрушителей замковъ, полагалъ, что очистивъ Германію отъ такихъ непосредственныхъ деспотовъ, онъ сдѣлаетъ угодное всему нѣмецкому народу. Такое предпріятіе было очень сложно и щекотливо; при этомъ не обходилось безъ несправедливыхъ исключеній или справедливыхъ, но грубыхъ и слѣпыхъ расправъ. Оправданіемъ такихъ массовыхъ опустошеній можетъ служить то, что въ 1815 тѣ, которые болѣе всего жаловались на такія мѣры, сами къ нимъ прибѣгали, упразднивъ не мало мелкихъ герцогствъ.

Надо замѣтить, что наши воины, вчера якобинскіе солдаты, а сегодня солдаты императорской арміи, очень безцеремонно обращались съ этими маленькими величествами, которыя были однако дороги нѣмцамъ, благодаря древнимъ традиціямъ. Объ этомъ даетъ понятіе одинъ анекдотъ, кото-

рый я знаю изъ первыхъ источниковъ. Молодой французскій хирургъ по фамиліи Мутонъ, квартировалъ въ замкѣ графини ****. Онъ нашелъ, что хозяйка и прислуга оказывали ему недостаточно уваженія, какъ французу и члену великой арміи. Тогда дерзкій глупецъ пишетъ старой дамѣ наглое и оскорбительное письмо; оно начиналось словами: «Графинька де***», остальное въ стилѣ Ваде. Старая дама сдѣлала ужасную вещь: она послала письмо Наполеону. Этотъ послѣдній въ день большаго парада, стоя на возвышенномъ холмѣ, откуда онъ могъ обозрѣвать все, устраиваетъ драматичную сцену. «Гдѣ онъ этотъ негодяй? Пусть его приведутъ! Я велю его разстрѣлять! Я не для того выигралъ сраженіе, чтобы оскорбляли побѣжденныхъ!» Его приводятъ ни живаго, ни мертваго, блѣднаго, еле стоящаго на ногахъ. Всѣ содрогнулись. Но императоръ такъ и оставилъ дѣло, онъ уже забылъ о немъ.

Всѣ эти герцоги и графы изъ неограниченныхъ властителей обратились въ частныхъ лицъ и возненавидѣли Францію и Наполеона до такой степени, что стали нашими злѣйшими врагами и возбуждали противъ насъ Германію, которая перестала признавать даже и то благо, какое сдѣлала для нея ненавистная Франція.

Невыдержанные, часто дерзкіе люди, подобные молодому хирургу, вели себя подобно дѣтямъ и дѣйствовали во многомъ и себѣ во вредъ, переходя отъ крайнихъ лишеній въ другую крайность. Офицеры въ этомъ случаѣ были въ худшемъ положеніи, чѣмъ солдаты, потому что они себѣ не разрѣшали грабить съѣстные припасы. Перемѣнчивое питаніе, то слишкомъ обильное, то совершенно недостаточное, порождало разныя болѣзни, или скорѣе *одну* болѣзнь—дизентерію. Бруссе первый обратилъ на это вниманіе. Славный бретонецъ, родившійся въ Сенъ-Мало, онъ два года былъ солдатомъ. Въ

1803 году, на двадцать первомъ году отъ роду, онъ снова вступилъ въ армію и прославился своею методою леченія, правда очень однообразною; но и болѣзнь представляла мало измѣненій, ее можно было назвать болѣзнью великой арміи. Въ послѣдствіе въ 1808 году, онъ напечаталъ книгу о воспаленіи, которая имѣла большой успѣхъ. Также удачна была метода, совершенно напрасно осмѣянная въ Жиль-Блазѣ, метода Санградо, въ концѣ царствованія Людовика XIV. Послѣ Наполеона, поколѣнія сильно пострадавшія при немъ, признали въ водѣ хорошее цѣлебное средство, лучшее изъ успокоительныхъ лекарствъ и какъ бы всеисцѣляющее средство противъ всякихъ болѣзней. Отсюда произошла гидротерапія и слава Присница въ 1825 году, которому благодарные больные выстроили тріумфальную арку.

Армія занималась литературою. Я сужу объ этомъ не по трудамъ такихъ знаменитостей, какими были Фой и Курье, но по многимъ другимъ, которыхъ я зналъ и которые вполнѣ заслуживали извѣстность, хотя и умерли въ безвѣстности. Фоя, не смотря на полученныя четырнадцать ранъ, за отказъ его подписаться подъ адресомъ и подать голосъ за имперію, постоянно обходили вплоть до Ватерлоо. Но за то на досугѣ, служа въ конной артиллеріи, онъ читалъ Виргилія и Тацита. Тоже можно сказать и о Курье, который такъ увлекся научными изслѣдованіями, что не замѣтилъ возстанія въ Римѣ и чуть не погибъ. Въ Калабріи его ограбили разбойники, отняли деньги и лошадей; но онъ болѣе всего жалѣлъ своего Гомера.

Кромѣ этихъ знаменитыхъ именъ, я знаю еще много личностей, которыя не достигли извѣстности, но блестящій умъ которыхъ доказывалъ, что въ арміи не было недостатка въ образованныхъ и развитыхъ людяхъ. Де Фурси, о которомъ

уже я упоминалъ, былъ весьма любезный человѣкъ, нѣсколько неустойчивый, но весьма способный. Говоря о Сенъ-Симонѣ въ первомъ томѣ), я упоминалъ, какъ одинъ молодой офицеръ слѣдовалъ за нимъ повсюду. Тридцати лѣтъ, въ чинѣ капитана гвардейской артиллеріи, онъ охотно посвящалъ свои досуги поэтическимъ опытамъ, изъ которыхъ многіе содержатъ прекрасные стихи *). Болѣе всего его огорчало ужасное ремесло убивать бомбами неизвѣстныхъ людей, которые, при болѣе близкомъ знакомствѣ, могли стать друзьями. Привычка, рутина, незнаніе какого-нибудь другаго занятія удерживали его при такой обязанности, которую онъ ненавидѣлъ еще до Ваграма 1809 г.

Въ этомъ жестокомъ сраженіи, которое, какъ извѣстно, выиграла артиллерія, двѣ вещи глубоко возмутили Де Фурси. Во первыхъ, то состояніе опьяненія, въ которомъ находилась молодая армія послѣ побѣды; во вторыхъ, въ продолженіи самаго сраженія, его поразило ужасное зрѣлище. Французы и венгерцы, встрѣчавшіеся во многихъ дѣлахъ, прониклись благодаря этому, взаимнымъ уваженіемъ и симпатіею. Среди выжженной солнцемъ равнины, почти охваченной огнемъ, куда прибыли наши летучія баттареи, умиралъ венгерскій гренадеръ, красивый и сильный мужчина. Французскій офицеръ поставилъ ружья въ землю и повѣсилъ на нихъ шинель, чтобы устроить ему тѣнь. Умирающій, въ припадкѣ бреда, напрасно призывая смерть, дрожащей рукою искалъ пистолетъ, чтобы стрѣлять въ своихъ благодѣтелей. Такое зрѣлище и много другихъ не менѣе ужасныхъ, поразили француза въ самое

---

*) Кажется слѣдующіе стихи написаны на полѣ сраженія подъ вдохновеніемъ утѣшительной мысли о томъ, что придетъ день, когда всѣ поколѣнія, умирающія одно вслѣдъ за другимъ, сойдутся снова вмѣстѣ: «И я говорю человѣческимъ поколѣніямъ, которыя существовали каждое въ свой чередъ, которыя порвавъ цѣпи времени, встрѣтятся современниками на поляхъ вѣчности . . .»

сердце. Онъ отказался отъ чиновъ и наградъ, на которыя имѣлъ полное право, и оставилъ свое печальное ремесло.

Я зналъ также солдатъ, людей безъ всякаго образованія, которые своею кротостью, мягкостью нрава, нравственными качествами были, пожалуй, достойнѣе многихъ знаменитостей. Мишель, солдатъ при обозѣ, нынѣ помѣщенный въ инвалидахъ, настоящій святой. Я никогда не встрѣчалъ такой совершенной кротости. Единственнымъ его недостаткомъ была безграничная довѣрчивость, которая дѣлала его мученикомъ нескончаемой благотворительности. Послѣ войны онъ завелъ небольшую лавочку и отдавалъ всю свою выручку. Обманщики прибывали со всѣхъ сторонъ и не знали отказа; то являлся мнимый полякъ, то небывалый генералъ. Мишель давалъ всегда.

При той измѣнчивой, безпокойной жизни, какую вела великая армія, главное зло заключалось въ невозможности, даже для избранной натуры, какого бы то ни было совершенствованія, усвоенія хорошихъ привычекъ. Еслибы, при такой ужасной жизни, Бонапарте поддерживалъ въ арміи, за недостаткомъ добродѣтели, *великую страсть*, то нѣтъ сомнѣнія, что онъ тѣмъ самымъ поддержалъ бы и священный огонь, который послужилъ бы на пользу ему самому. Если бы, оставляя Аустерлицъ, онъ повелъ эту побѣдоносную армію въ австрійскую Польшу, то нѣтъ сомнѣнія, что пожаръ, охватившій бы конечно и прусскую и русскую Польшу, на долго парализовалъ бы сѣверныя державы и непремѣнно создалъ бы въ арміи громадное Sursum corda!

Но такой пожаръ устрашилъ Наполеона. Онъ не смѣлъ приблизиться къ нему. Онъ скорѣе повѣрилъ Талейрану, который говоритъ: «Поберегите Австрію». И онъ, какъ мы увидимъ ниже, оставилъ всякіе великіе вопросы нерѣшенными.

VIII.

Банкъ устраиваетъ съ Наполеономъ штуку. Увраръ заставляетъ Бонапарте и Питта дѣйствовать за одно. 1805 г.

Бонапарте питалъ отвращеніе къ банку и кредиту. Судя по Пале-Роялю, крыльцу его *) и по сценамъ при продажѣ процентныхъ бумагъ, Наполеонъ считалъ, что банкиръ и воръ понятія однозначущія. Кредитъ онъ находилъ подозрительнымъ, какъ свободную силу, которою нельзя овладѣть, которая преодолѣваетъ всякія преграды и не подчиняется ни времени, ни мѣсту, Чтобы пополнить разность между шестью стами милліоновъ государственныхъ доходовъ Франціи и милліардомъ ежегоднаго дохода Англіи, Наполеонъ мечталъ объ одномъ лишь источникѣ, объ однѣхъ контрибуціяхъ, исторгаемыхъ имъ у безсильныхъ странъ, покровителемъ которыхъ онъ себя объявилъ; онъ слѣдовалъ примѣру Робъ-Роя и другихъ разбойниковъ, которые продавали путешественникамъ свою защиту отъ грабителей.

По странной случайности, въ 1804 до 1805 года онъ сдѣлался орудіемъ тѣхъ самыхъ банкировъ, которые внушали ему столько презрѣнія и ненависти. Довольно продолжительный промежутокъ времени, между нарушеніемъ мира (мартъ 1804) и началомъ военныхъ дѣйствій (октябрь 1805), не пропалъ даромъ, банкъ умѣлъ имъ воспользоваться для своихъ цѣлей и нашелъ возможность заставить Бонапарте сослужить ему службу.

Главными финансовыми королями въ то время въ Парижѣ были: знаменитый изобрѣтатель Сегёнъ, химикъ, членъ института, извѣстный промокаемою обувью, благодаря которой милліоны республиканскихъ солдатъ такъ успѣшно шлепали по грязи; Колло, поставщикъ итальянской арміи, снабдившій фондами

---

*) Крыльцо Пале-Рояля было мѣстомъ биржевыхъ сдѣлокъ.

для великаго событія брюмера и котораго можно считать основателемъ имперіи; наконецъ Увраръ, остроумный спекуляторъ, не разъ терявшій все, но благодаря счастливой судьбѣ снова обогащавшійся, человѣкъ неистощимой изобрѣтательности и несравненной смѣлости. Задушевный другъ его Баррасъ, сдѣлалъ ему раззорительную честь, уступилъ ему свою Талліеншу. Увраръ сперва отказался, сказавъ: я не довольно богатъ. Но затѣмъ онъ раздумалъ, рѣшивъ, что ничто такъ не подыметъ его кредитъ, какъ содержаніе такой дорогой красавицы. Уступка совершена была публично въ оперѣ. Желаемое впечатлѣніе получилось. Акціи Униара поднялись въ цѣнѣ. Наполеонъ не любилъ его, чувствуя въ немъ циничную независимую силу, съ которою ничего нельзя было подѣлать.

Еще до начала войны англичане полагали, что Наполеонъ очень нуждается въ средствахъ: «У него сверхсмѣтныхъ доходовъ только и есть то, что платить ему женевскій банкъ, да Испанія. Скоро онъ останется безъ денегъ». Несчастная Испанія, точно обглоданная кость, не давала ничего. Тогда является любезный, ловкій и услужливый Увраръ; онъ берется все устроить, отвѣчаетъ за все, обѣщаетъ даже сдѣлаться магнетизеромъ, поставить на ноги мертвеца. Обѣщая воскресить Испанію, онъ имѣлъ въ виду одну серьезную вещь, талисманъ, который онъ скрывалъ. Чародѣйственныя формулы были ему сообщены вѣроятно амстердамскими фокусниками, хотя онъ и старается замаскировать это въ своихъ воспоминаніяхъ, (онъ ихъ писалъ во время долгихъ годовъ заключенія); банкиры Голландіи разсудили съ большимъ хладнокровіемъ, что англичане, не смотря на свое патріотическое негодованіе, не прочь будутъ совершить выгодную сдѣлку съ непріятелемъ и что времени у нихъ будетъ достаточно. Дѣйствительно прошло около двухъ лѣтъ.

Бонапарте такъ мало смыслилъ въ финансовомъ дѣлѣ, что нужно было обманывать его даже для его личной выгоды, а также и невѣжественнаго министра, котораго онъ выбралъ какъ руководителя собственнаго невѣжества, ханжу Барбе Марбуа. Предложеніе Уврара, конечно извѣстное голландскому банку, походило на мѣсяцъ, который, освѣщая одну сторону, оставляетъ въ темнотѣ другую.

Невѣждамъ и въ томъ числѣ Бонапарте, показали блестящую сторону, вліяніе Франціи на настоящаго короля Испаніи, принца Мира, любимца короля и королевы, который надѣялся, что Бонапарте создастъ ему независимое положеніе, какъ правителя Португаліи.

Этотъ любимецъ обладалъ нѣкоторыми хорошими чувствами, но не отличался ни блестящими способностями, ни энергіею, ни дѣятельнымъ характеромъ. Положеніе двора было настолько незавидно, что у него не было даже средствъ дѣлать небольшія путешествія и приходилось сидѣть на мѣстѣ. Прибавьте къ этому, что страна голодала и цѣна на съѣстные припасы значительно повысилась. Увраръ, великій эмпирикъ, сказалъ, что онъ найдетъ средства всему помочь. Прежде всего онъ былъ принятъ въ это странное семейство. Королева совершенно согласная съ королемъ, старалась выказывать свое расположеніе къ принцу Мира и доказать, что онъ пользовался неограниченнымъ довѣріемъ. И вотъ мы видимъ Уврара, биржевика, принятаго запросто, въ семейномъ кругу короля Испаніи и Индіи.

Онъ является благодѣтелемъ края. Во первыхъ, онъ прекращаетъ голодъ, уговоривъ Бонапарте и англичанъ дозволить вывозъ хлѣба изъ Франціи. Онъ поражаетъ принца блестящею ловкостью, съ которою онъ берется устранить всѣ затрудненія и подготовить возрожденіе страны. Чудо! Деньги

стекаются со всѣхъ сторонъ. Осторожный амстердамскій банкъ соглашается безъ затрудненій одолжить большую ссуду этой монархіи, которую считали раззорившеюся. Восторгъ достигаетъ крайнихъ предѣловъ. Наконецъ потомокъ Карла Пятаго и Филиппа II доходитъ до того, что заключаетъ условіе съ биржевикомъ: «Товарищество Уврара и короля, который обезпечиваетъ первому свободную торговлю съ обѣими Америками на все время войны; добываніе и распредѣленіе золота и серебра; право заключать въ обѣихъ Америкахъ займы, гарантированные казначействомъ, которое обязывается уплачивать ихъ».

Даже море, недружелюбное и суровое, смягчается. Слитки металловъ, піастры, приплываютъ изъ Новаго Свѣта. Испанія, посредствомъ Голландіи, которая удерживаетъ значительные барыши, уплачиваетъ Наполеону обѣщанную субсидію.

Но Увраръ, великій поэтъ; онъ открываетъ новый горизонтъ—огромный, неизсякаемый источникъ испанской церкви въ Европѣ и Америкѣ. При первомъ намекѣ всѣ блѣднѣютъ и пугаются. «Что скажетъ Испанія? Что скажетъ папа?» Принцъ Мира отступаетъ въ ужасѣ, но Увраръ не отступаетъ. Папа пріѣзжаетъ какъ разъ въ то время въ Фонтенебло 1804. Его нисколько не удивляетъ такое ужасное неслыханное предложеніе. Духовенство будетъ обезпечено вѣрными доходами съ имуществъ, которыя въ настоящее время очень непрочны, которыхъ оно вскорѣ лишится.

Какъ сказано такъ и сдѣлано. Смѣлый Увраръ сейчасъ же приводитъ замыселъ въ исполненіе. Онъ посылаетъ своихъ агентовъ въ Америку. Народная вѣра, отвращеніе къ подобнымъ мѣрамъ не можетъ служить препятствіемъ. Операція начинается съ большимъ успѣхомъ. Остается одно затрудненіе: море покрыто англійскимъ флотомъ. Какъ убѣдить Питта?

Питту объясняютъ, что индійская колонія нуждается въ звонкой монетѣ, которую можно добыть лишь посредствомъ Голландіи. Ему говорятъ, что Соединенные Штаты, за невозможностью для Англіи взять на себя доставку, берутся перевезти этотъ цѣнный транспортъ. Лондонъ входитъ въ соглашеніе съ Амстердамомъ, для доставки Наполеону средствъ вести войну съ Англіею. Питтъ конечно вспомнилъ, какъ въ прошломъ столѣтіи, при осадѣ Генуи, англичане продавали своимъ противникамъ бомбы, которыми тѣ въ нихъ стрѣляли. Побѣда— вотъ что удивительнѣе всего, вотъ главное торжество, которое когда либо испытывалъ банкъ. Увраръ любуется двумя врагами Питтомъ и Наполеономъ, которые послушно доставляютъ ему американскіе піастры. Коммерція—высшій законъ управляетъ всѣмъ, войною и религіею; самъ папа уступилъ.

Можно и въ этомъ случаѣ, какъ и во многихъ другихъ, предположить довольно основательно, что Бонапарте временами сходилъ съума, или дѣлался чрезвычайно опрометчивымъ. Какъ я уже говорилъ, его правая рука часто боролась съ лѣвой. Какъ могъ онъ не обдумать, что посылая свой флотъ съ такою поспѣшностью въ Трафальгаръ, онъ, въ случаѣ побѣды, смутитъ голландцевъ еще болѣе чѣмъ англичанъ, которые такъ любезно доставляли ему піастры и слитки металловъ изъ Америки. Если же онъ будетъ побѣжденъ, что и случилось, то осторожные голландцы одумаются и побоятся ввѣрить свои сокровища морскимъ волнамъ, которыя очень легко могутъ потопить ихъ. Уже это одно достаточно глупо. Но вотъ что мы видимъ далѣе. Товарищи Уврара въ Парижѣ, Депрэ и др. искушаютъ Наполеона, предлагая ему снабжать съѣстными припасами его флотъ, т. е. даютъ возможность исполнить задуманную громадную глупость.

Подъ обезпеченіе піастровъ, странствующихъ еще на морѣ,

имъ удается получить соглашеніе Барбе-Марбуа, вступить въ французскій банкъ и наложить свою руку на значительныя цѣнности казначейства. Барбе-Марбуа *) чуетъ опасность, но соглашается. Почему? Потому что главный дѣятель этого предпріятія вѣрный человѣкъ, *вѣрующій*, каждый день посѣщаетъ обѣдню въ Сенъ-Рокъ. Но вотъ слѣдуетъ трафальгарскій разгромъ, онъ останавливаетъ американскіе піастры и топитъ одновременно нашъ флотъ и авантюристку компанію. Она повидимому увлекаетъ за собою казначейство. Въ конторахъ все прежняя давка, но платежи не выдаются. Бонапарте, вѣчно опасающійся Парижа больше всего на свѣтѣ, слышитъ подъ Аустерлицемъ волненіе столицы и насмѣшки Лондона. Словомъ, заключивъ на скоро миръ съ Австріею и подобіе мира съ Пруссіею, онъ спѣшитъ въ обратный путь.

Онъ возвращается въ страшномъ гнѣвѣ. Подобно ребенку, который болѣе всего кричитъ, когда самъ сдѣлалъ большую глупость, онъ старается отомстить за свою оплошность цѣлому свѣту. Онъ прогоняетъ Марбуа и его божьяго человѣка. Онъ вызываетъ Уврара изъ Испаніи и беретъ у него всю наличность компаніи. Чтобы его не обокрали, онъ крадетъ самъ: онъ ихъ разгоняетъ. Новый министръ однако признаетъ, что они спасли государство отъ банкротства, сокративъ на четвертую часть лихоимные договоры, которые Бонапарте заключилъ съ главными сборщиками податей. Бонапарте, разыгравъ страшныя сцены гнѣва, пригрозивъ Уврару, что его разстрѣляютъ, видитъ, что тотъ спокоенъ, и мало по малу успокоивается самъ; онъ ограничивается изгнаніемъ изъ Парижа нѣсколькихъ дамъ

---

*) Барбе-Марбуа очень аккуратный, для того чтобы сдѣлать аккуратными конторщиковъ своихъ, дѣлалъ самъ по утру смотръ всѣмъ бюро своимъ и, найдя Депрэ отсутствующимъ, узналъ, что тотъ поспѣшно ушелъ въ церковь св. Роха къ обѣднѣ. Это внушило Барбе-Марбуа безграничную довѣренность къ Депрэ.

аристократическаго предмѣстья, которыя способствовали распространенію паники. Но г-жа де Люйнь, спасенная своимъ громаднымъ богатствомъ, должна подвергнуться другому унизительному наказанію — ее назначаютъ придворной дамою Жозефины.

Бонапарте угрожаетъ амстердамскому банку и Гопу, которые усмѣхаются. Сокровища ихъ способны такъ легко перелетать всѣ пространства. Тогда, въ сильномъ гнѣвѣ онъ обращается къ Увраръ: «Вы унизили королевство до торговой сдѣлки». Уврара объявляютъ отвѣтственнымъ на восемьдесятъ семь милліоновъ, но онъ даже не моргнулъ. «Хорошо же», говоритъ Бонапарте: «я примусь за Испанію. Съ пятьюстами тысячъ человѣкъ можно смять все». Да, конечно можно убить курицу, которая несла золотыя яица. Кто остается на ногахъ послѣ громадной борьбы? Капиталъ, который побѣдитъ всегда, который подвиженъ и неуловимъ; его нельзя уничтожить и поэтому онъ представляетъ одинъ изъ видовъ свободы. Увѣренность, съ какою держалъ себя Увраръ послѣ крушенія, кажется мнѣ великолѣпной; онъ напомнилъ мнѣ мудреца Эпиктета. Онъ далъ запереть себя въ тюрьму Сенъ-Пелажи, которая стала его Лувромъ, гдѣ все повиновалось ему. Онъ мстилъ, давъ Бонапарте, шедшему на великое безуміе—Москву, очень мудрый совѣтъ, которымъ тотъ не съумѣлъ воспользоваться *).

*) Что Увраръ былъ человѣкомъ дѣйствительно замѣчательнымъ, доказывается еще тѣмъ, что онъ угадалъ, конечно по формѣ плоскодонныхъ судовъ назначенныхъ для плаванія въ мелкихъ водахъ, что Балтійское море, усѣянное мелями вдоль береговъ Германіи, дозволяетъ мелкимъ судамъ плавать совершенно безопасно отъ большихъ кораблей, которые могутъ держаться только въ открытомъ морѣ на глубинѣ. А этого не знали даже послѣ Севастополя французскій и англійскій флоты, которые ничего не сдѣлами съ огромными кораблями своими. Въ 1811 г. Увраръ, знавшій это, писалъ Бонапарте, что великая армія его погибнетъ въ Россіи отъ голода и нищеты, если онъ не устроитъ подвоза припасовъ и подкрѣпленій всякаго рода на судахъ вдоль морскихъ береговъ и потомъ по рѣкамъ. (См. Записки Уврара, т. I).

IX.

Іена.

Наполеонъ, слѣдуя политикѣ, сначала Сіеса и директоріи, считалъ Пруссію вѣрной союзницей и потому неосторожно увеличилъ и обогатилъ ее добычею отнятою у Германіи. Онъ полагалъ, что государство это, какъ мало любимое нѣмцами, сдержитъ ихъ и будетъ отвѣчать ему за сѣверъ. Потомъ, когда онъ увидѣлъ что Пруссія колебалась, онъ обвинилъ ее въ коварствѣ. Онъ былъ не правъ. Если и дѣйствительно Пруссія дѣйствовала двойственно, то это было несравненно менѣе изъ политики, нежели отъ колебаній между двумя партіями короля и двора т. е. королевы, которыя заставляли ее дѣйствовать въ очень различныхъ направленіяхъ.

Пруссія не однороднаго, но очень сложнаго происхожденія, Небольшое ядро ея славянъ, смѣшанныхъ съ нѣмцами, съ очень давняго времени служило убѣжищемъ отъ двухъ тирановъ Австріи и Людовика XIV, которые нелѣпыми преслѣдованіями своими, обогатили эту безплодную страну своимъ терпѣливымъ, выносливымъ и въ то же время энергическимъ и мужественнымъ населеніемъ. Выходцы эти отреклись отъ Франціи, но не пріобрѣли германскихъ свойствъ: мягкость мечтательную, грезящую и поэтическую, которая такъ умиляетъ насъ въ Германіи. Фридрихъ великій, воспитанный нашими выходцами, которые придали ему необычайный закалъ, получавшій помощь англійскихъ субсидій и привлекавшій геніемъ своимъ наиболѣе воинственные элементы Европы, грызъ славянъ и, взявъ сначала Силезію, затѣмъ предложилъ раздѣлъ Польши.

Пруссія, составленная такимъ образомъ изъ разнородныхъ элементовъ, соединилась давленіемъ суроваго воспитанія, которое, начатое очень рано, продолжается неукоснительно и безъ вниманія къ разности натуръ; она, согнувъ Кёльнъ и раздавивъ Познань, выработываетъ существа, которыя кажутся однородными; но если вы вскроете сердца, какое странное разнообразіе увидите вы. Эта противуестественная операція Пруссіи оставляетъ ли расамъ этимъ внутреннее плодородіе ихъ? Я сомнѣваюсь въ томъ. Можно пріобрѣсти изъ другой страны великихъ ученыхъ, даже великаго полководца, замѣчательнаго механика войны. Все это выходитъ не изъ почвы; все это чисто статьи ввоза. Что же касается силы въ цѣломъ, прочности соединенія, то во всѣхъ случаяхъ, когда оба прекрасныя свойства эти присущи какому нибудь созданію, они проявляются въ притягательности, которою одарено оно. Ассимиляціи провинцій Франціи носитъ этотъ характеръ. Даже на островахъ Великобританіи нижняя Шотландія прекрасно ассимилировалась съ Англію, которую такъ прославили великіе шотландцы (Адамъ Смитъ, Вальтеръ Скоттъ и др.). Въ Пруссіи элементы враждебны и менѣе ассимилируются. Все кажется въ ней желѣзнымъ. Но какого желѣза—кованаго ли, которое такъ крѣпко, или литаго, которое такъ ломко?

Возвратимся къ Наполеону; онъ при Аустерлицѣ былъ взволнованъ и гордостью и гнѣвомъ противъ враговъ своихъ. Австрія и Россія до самаго кануна войны старались проводить его. Пруссія приняла и дала убѣжище всему, что только могло спастись при Ульмѣ. Армія ея двигалась впередъ: за или противъ Бонапарте? Французы сомнѣвались въ томъ и сильно негодовали на эту неизвѣстность. Что касается Наполеона, то раненый при Трафальгарѣ, онъ думалъ только объ одномъ

морѣ, объ Англіи. Вотъ почему онъ сдѣлалъ три вещи: онъ захотѣлъ обезпечить себѣ Неаполь и Голландію, оба важные морскіе посты, и ввѣрилъ ихъ братьямъ своимъ, Іосифу и Людовику, людямъ очень неспособнымъ. Сверхъ того онъ принудилъ Пруссію отнять Ганноверъ у англичанъ, актъ очень тиранническій и сильно напугавшій Пруссію и не менѣе того ганноверцевъ, которые никогда не любили пруссаковъ.

Пруссіи не было дано даже часа на то, чтобы принять рѣшеніе, она подписала послѣ Аустерлица. До этой минуты она была раздѣлена между двумя партіями: партіею короля, который съ министромъ своимъ Гаугвицемъ долго слѣдовалъ за Франціею и покорно переносилъ и дары ея и деспотическую дружбу; и партіею королевы и молодаго двора, которую поддерживали Россія и Англія. Королева прекрасная, отважная и предпріимчивая, мечтала быть великимъ человѣкомъ, Маріей Терезіей, Екатериной русской, или быть, какъ мать Александра, всемогущей въ лицѣ сына. Нѣмцы въ этомъ вѣкѣ, натягивали на себя мужественныя роли. И она позировала, обожаемая, какъ свѣтлокудрая *Германія*, идеалъ нѣмецкаго отечества. Оригинальность положенія заключалась въ томъ, что эта молодая партія королевы, напослѣдокъ ставшая партіей патріотической, поддерживала въ то время только однѣ старыя идеи. Напротивъ, такъ ненавидимый министръ Гаугвицъ вмѣстѣ съ королемъ, очень честнымъ человѣкомъ, склонялся къ новымъ идеямъ, враждебнымъ ретроградамъ Германіи. Секуляризація рейнскихъ епископствъ, уничтоженіе такъ многихъ феодальныхъ судей произошли при немъ. Доброта короля распространилась и на поляковъ. Онъ освободилъ плѣнниковъ ихъ и даже выказалъ имъ благосклонность, надѣвъ польскій мундиръ для пріема Домбровскаго, знаменитаго генерала, и въ особенности дозволивъ бракъ одной принцессы своего дома

съ княземъ Радзивиломъ, который искалъ убѣжища въ Берлинѣ. Въ этомъ отношеніи, король и министръ его Гаугвицъ, казались либеральною партіею. Война Франціи съ Австріей, уничтоженіе послѣдней считались многими за смерть среднихъ вѣковъ.

Таково было мнѣніе Іоганна Мюллера, великаго историка швейцарскаго. Война аустерлицкая должна была показаться ему какъ счастливое продолженіе древнихъ побѣдъ родины его надъ австрійцами. Онъ такъ глубоко изучилъ средніе вѣка, онъ такъ хорошо зналъ нравы ихъ, что радовался, такъ говорилъ онъ: «видѣть, что все что было стараго, ржаваго, чего нельзя было поддержать, погибало и погибало отъ Франціи». Іоганъ Мюллеръ не былъ измѣнникомъ, какъ говорили нѣмцы, Во первыхъ онъ былъ не нѣмцемъ, но швейцарцемъ; а во вторыхъ онъ, какъ и король прусскій, «мигалъ» и не могъ хорошо глядѣть въ такое темное время. Король хотѣлъ закрыть Германію для обѣихъ партій; но королева разсчитывала на Александра и клятву, которую она заставила его дать на могилѣ Фридриха. Она толкала своего мужа и поставила его въ опасность, не разсуждая что, быть можетъ, Александръ придетъ слишкомъ поздно. Король погибъ бы, если бы не уступилъ. Онъ былъ принужденъ подъ страхомъ неминуемой войны принять наконецъ Ганноверъ, рискуя раздражить англичанъ. Полагаютъ, что прусскій министръ, котораго Наполеонъ заставилъ проглотить это лекарство, втайнѣ разсчитывалъ проглотить и другое, болѣе пріятное: онъ надѣялся на Гамбургъ, ганзейскіе города, эти прекрасныя окна на рѣки и море, которыя тиранъ принудилъ бы его принять.

Напрасныя надежды. Наполеонъ не только не довѣрялъ Пруссіи, не только посадилъ одного изъ братьевъ своихъ въ Голландію, но еще между Нидерландами и Германіей поста-

вилъ Мюрата и его герцогство Бергъ, маленькое военное государство, которое, казалось, было авангардомъ великой арміи и которое, въ дѣйствительности, обезпечило ему многія крѣпости на нѣмецкой территоріи. Но это еще не все. Пруссія всегда надѣялась, что если онъ расчленитъ германскую имперію, отдѣливъ западную Германію, то онъ отдастъ послѣднюю, но не въ пользу Пруссіи. Рейнская конфедерація, которая кромѣ Вюртемберга, Гессена, Нассау, Берга, заключила въ себѣ и самое большое южногерманское королевство, Баварію, не могла быть поставлена подъ власть Пруссіи, такъ враждебную баварцамъ. Наполеонъ самъ назначилъ себя главою конфедераціи этой, въ іюлѣ 1806 г. и выказалъ большое нерасположеніе къ конфедераціи сѣверогерманскихъ государствъ, которую Пруссія хотѣла основать отдѣльно отъ южной. Колебанія Пруссіи возбуждали постоянно въ Наполеонѣ сомнѣнія въ томъ, будетъ ли она другомъ ему или врагомъ.

Наполеонъ въ это время могъ поздравить себя съ радостью: Питтъ умеръ. Говорятъ, что Аустерлицъ и печаль свели его въ могилу на сорокъ девятомъ году. Бонапарте, плохо знавшій Англію, не воображалъ, что въ ней найдетъ вѣчнаго Питта. Альбіонъ тратилъ много денегъ, мало людей; такъ что война, какою бы раззорительною и раздражающею ни была она, мало изнуряла его. По смерти Питта попытались замѣнить его, создавъ смѣшанное министерство, во главѣ котораго всталъ великій ораторъ Фоксъ—имя славное, но слабый правитель; Фоксъ былъ боленъ и близокъ къ смерти.

Бонапарте воображалъ, что послѣ хорошихъ отношеній, какія были между ними въ бытность Фокса въ Парижѣ, Фоксъ смягчится къ нему. Но на всѣ предложенія и обѣщанія его, Фоксъ давалъ одинъ отвѣтъ: «Англія можетъ договариваться только по соглашенію съ Россіею». Бонапарте слишкомъ тонко

вообразилъ, будто подъ этимъ упорствомъ скрывалась вещь, которую не говорили: дѣла Ганновера, отданнаго Пруссіи. Онъ подумалъ, будто Фоксъ переговорами съ нимъ боялся прогнѣвать короля, по прежнему влюбленнаго въ свой Ганноверъ. «Мы за этимъ не остановимся», сказалъ онъ: «мы возьмемъ Ганноверъ у короля прусскаго и отдадимъ его англійскому». Это было сказано тайно; но въ Англіи, странѣ гласности, все становится явнымъ, все узнается. Въ парламентѣ партія враждебная миру не замедлила говорить объ этомъ и огласить это съ большимъ шумомъ. Это было ударомъ грома для Европы. Однако Бонапарте думалъ, что если придется ради мира отнять Ганноверъ у Пруссіи, то надо вознаградить ее другими странами. Но Ганноверъ этотъ, отъ котораго она прежде такъ упорно отказывалась, который навязали ей силой, сталъ теперь дорогъ ей и она связала съ нимъ національную гордость.

Въ раздраженіи, возбужденнымъ всѣмъ этимъ, выставляли на видъ дикое самовластіе, какое Бонапарте захватилъ надъ Европой: онъ бралъ, въ новыхъ комбинаціяхъ своихъ, необходимыя для вознагражденія земли у дружественныхъ державъ; напр. предлагая Канарскіе острова, отнятые имъ у испанскаго короля для того, чтобы пріобрѣсти Сицилію, которой онъ домогался для себя. Все это не привело ни къ чему. Англія отказалась отъ Ганновера, довольная тѣмъ, что создала въ лицѣ Пруссіи вѣчнаго врага Франціи. Пруссія, которая никогда не приняла бы Ганноверъ по доброй волѣ, но могла принять только по слабости и какъ залогъ, который слѣдовало возвратить при наступленіи мира, была тѣмъ не менѣе предана и покинута англичанами.

Самъ Александръ очень дурно поступилъ въ отношеніи Пруссіи: пользуясь предлогомъ — *колебаніями ея*, онъ очень плохо сдержалъ клятву, данную на могилѣ Фридриха. Быть

можетъ, также родственники Александра, мелкіе нѣмецкіе принцы, которые недолюбливали Пруссію и королеву прусскую, ослабили рвеніе его служить ей. Русская армія не пришла на помощь. «Россія такъ далеко», говорили. Далеко сухимъ путемъ, но очень близко моремъ. Море было открыто и погода благопріятна; можно было послать на помощь цвѣтъ русской арміи.

Какъ бы то ни было, невозможно было избѣжать войны. Національное раздраженіе достигло изумительной степени силы и прусская дворянская молодежь рвалась, закрывъ глаза. Бонапарте, должно сказать, на сколько могъ содѣйствовалъ этому, вызывая тираннiей и насиліями своими такую неровную борьбу. Онъ былъ, какъ мы уже видѣли, очень чувствителенъ къ уколамъ газетъ, брошюръ, памфлетовъ всякаго рода. Городъ Нюрембергъ, занятый Пруссiей, былъ гнѣздомъ этихъ раздражающихъ осъ. Онъ сильно скомпрометиралъ себя передъ Бонапарте, послуживъ убѣжищемъ всѣмъ, кому удалось убѣжать при Ульмѣ. Быстрая и горячая кавалерія Мюрата на этотъ разъ нѣсколько измѣнила себѣ. Она почти настигла бѣжавшихъ и, доскакавъ до воротъ Нюремберга, увидѣла съ яростью, что они открылись для австрійцевъ и закрылись передъ носомъ французовъ. Памфлетисты, которые писали въ другихъ мѣстахъ, въ Берлинѣ, въ Вѣнѣ, какъ Генцъ съ его сильной брошюрой «Порабощеніе Германіи», печатались и продавались въ Нюрембергѣ, который разсылалъ произведенія ихъ повсюду. Книгопродавецъ Пальмъ и нѣкоторые другіе занимались этой опасной торговлей. Наполеонъ въ бѣшенствѣ своемъ, подражалъ Людовику XII, который, за несравненно менѣе смѣлыя выходки, приказалъ похитить газетчиковъ на площадяхъ Амстердама. Баварскій король просилъ за одного книгопрадавца и спасъ его. Но Пальмъ былъ судимъ назначенною комиссіею, осужденъ и разстрѣлянъ.

Этотъ актъ безчеловѣчной тиранніи подложилъ огонь въ порохъ, но еще болѣе сдѣлали это оскорбительныя статьи *Монитера* противъ королевы прусской. Принцъ Людовикъ, двоюродный братъ короля, кипучій и пылкій молодой человѣкъ, полный героизма, сказалъ внѣ себя :«это сама смерть». И онъ понесся на смерть и далъ убить себя въ сраженіи. Онъ былъ однимъ изъ первыхъ. Во главѣ арміи этой, неопытные офицеры которой были большею частью очень молоды, поставили семидесятилѣтняго старца, герцога брауншвейскаго, человѣка замѣчательнаго, но противъ котораго говорили и знаменитый манифестъ его, такъ раздражавшій Францію, и отступленіе при Вальми. Посланный къ Александру, онъ получилъ отъ него на словахъ помощь—армію въ семьдесять тысячъ человѣкъ, которые не явились.

Пруссія, предоставленная собственнымъ силамъ, дала сраженіе наполеоновской арміи, несравненно болѣе сильной и числомъ и привычкой къ войнѣ. Герцогъ Брауншвейгскій, сначала раненый въ голову, лишился зрѣнія и умеръ въ страшныхъ мученіяхъ. Было собственно говоря, всего два сраженія: одно выигранное Даву, не смотря на то, что завистливый Бернадотъ плохо помогалъ ему; другое — сраженіе при Іенѣ, было выиграно самимъ императоромъ. Слѣдующее мало извѣстно, но достовѣрно и подтверждено свидѣтельствомъ пруссака Гарденберга, что огромное большинство побѣжденной арміи, состоявшее изъ буржуазіи, накинулось на офицеровъ своихъ, обвиняя молодыхъ дворянъ этихъ въ трусости, хотя они были виновны только въ неопытности и хвастливости. Они говорили, что пренебрегаютъ мелкими стычками и хотятъ однѣхъ большихъ сраженій. Это побудило Бонапарте сказать: «Я угощу ихъ по желянію *)».

---

*) Записки Раппа стр. 71.

Онъ хотѣлъ сдѣлать торжественный въѣздъ въ Берлинъ, чего онъ не сдѣлалъ въ Вѣнѣ. Въ Постдамѣ онъ съ почтеніемъ посѣтилъ кабинетъ Фридриха великаго и увидѣлъ, что предсмертнымъ чтеніемъ прусскаго монарха была книга Монтескьё «Величіе и упадокъ римлянъ». Бонапарте должно было сильно поразить и раздражить то, что онъ увидѣлъ—что королева прусская въ моментъ Іены читала записки Дюмурье и планы его о вторженіи во Францію. Онъ спустился въ склепъ Фридриха. На могилѣ лежала шпага короля; онъ взялъ ее, говоря: «Это принадлежитъ мнѣ». И такъ съ обѣихъ сторонъ ненависть примѣшалась къ войнѣ и побѣда имѣла видъ мести. Однако побѣдоносная армія не была квартирована въ Берлинѣ; только одна императорская гвардія удостоилась этой чести, и, быть можетъ, даже только одни офицеры. Одинъ изъ нихъ случайно былъ помѣщенъ въ домѣ француза, одного изъ нашихъ старинныхъ эмигрантовъ. Онъ былъ пріятно изумленъ, когда его приняли двѣ дѣвицы, говорившія очень хорошо по французски, быть можетъ, даже слишкомъ хорошо, съ излишне строгою правильностью. Онъ думалъ понравиться и заслужить расположеніе, сказавъ, что благодаритъ судьбу, которая именно его назначила квартировать въ французской семьѣ. «Французской? Нѣтъ,» отвѣчали онѣ ему сухо: «но прусской. Мы прусачки и останемся пруссачками». Онъ самъ передавалъ мнѣ этотъ фактъ, но кротко и безъ злобы.

X.

Берлинскій декретъ. Рабство континента.

Великіе планы консульства, которое вмѣстѣ съ императоромъ Павломъ думало защищать свободу морей, были жестоко

разрушены. Наполеонъ, который, для достиженія цѣли этой, не могъ придумать ничего другаго кромѣ рабства континента, средства сильно раздражавшаго, тѣмъ вооружилъ весь свѣтъ противъ себя. Но справедливое отвращеніе, вызванное системой его, не должно заставить насъ забывать и возмутительную тиранію, какую въ то время захватили англичане надъ всѣми флотами земнаго шара. Они не только прикрываясь правомъ свободнаго входа во всѣ порты, присвоили себѣ морскую полицію, право инквизиціи надъ всею торговлею міра, но входя въ портъ похищали, забирали себѣ лучшихъ матросъ, увѣряя что, это англичане дезертиры съ ихъ флота.

Вотъ система, противъ которой Павелъ вмѣстѣ съ Бонапарте, Испаніей, Голландіей, Даніей и др. соединились на защиту слабыхъ, въ 1802. Планы эти были уничтожены и смертью Павла, отъ котораго избавилась англійская партія, и бѣдствіями Копенгагена и Трафальгара, закрѣпившими цѣпи міра морей; наконецъ тщетными проэктами булонскими, которые придали Франціи ненавистный образъ нападающаго врага, смущавшаго, тревожившаго Англію — этотъ міръ труда. Англичане представлялись каждой націи подъ самой благопріятной личиной, почти задаромъ одною рукою давая одежду, которую машины ихъ могли фабриковать по крайне низкой цѣнѣ, и неся другою колоніальные товары тропиковъ, такъ необходимые въ нашихъ печальныхъ странахъ. Было очень опасно возставать противъ такого естественнаго хода вещей, Павелъ испыталъ это. Александръ жилъ окруженный дворомъ, хорошо расположеннымъ къ англійской партіи. Вліяніе Чарторыжскаго, предлагавшаго отнять у Пруссіи Познань и Варшаву, было непродолжительно и смѣнилось склонностью Александра къ королевѣ прусской, которая была болѣе англичанкой чѣмъ сами англичане. Отсюда кампаніи Аустерлица, за-

тѣмъ Эйлау и Фридланда, когда Россія пришла такъ поздно сражаться и такъ плохо за англійскую партію и защищать Пруссію въ то время, когда та перестала существовать.

Еслибы Бонапарте былъ предусмотрительнѣе, то онъ остался бы вѣренъ своей роли 1802 г., въ которой онъ не заявлялъ ничего другаго, кромѣ принципа свободы морей: Такъ поступили американцы, которые, не смотря на слабость своего тогдашняго флота, не побоялись противиться англичанамъ. Президентъ Джеферсонъ предложилъ и вызвалъ постановленіе о томъ, что каждый американскій матросъ, насильственно вербуемый англичаниномъ, имѣлъ право убивать его. Англія, такъ сильная въ то время, отступила передъ этимъ заявленіемъ. Наполеонъ же, совершенно наоборотъ, забывъ роль свою 1802 г., въ которой онъ защищалъ свободу морей противъ англичанъ провозгласилъ, какъ безумный, тиранію еще худшую нежели англійская. Онъ взялъ на себя запрещать цѣлому міру дорогіе колоніальнюе товары и теплыя одежды по низкой цѣнѣ, повсюду продаваемые англійскими судами. Прибывъ въ Берлинъ и такъ близко отъ Гамбурга, онъ съ негодованіемъ видѣлъ большіе ворота, черезъ которые Англія, изгнанная съ континента, ввозила товары свои по германскимъ рѣкамъ. Онъ приказалъ запретить, жечь повсюду англіийскіе товары, и тѣмъ открылъ просторъ безмѣрной контрабандѣ.

Тогда увидѣли возмутительное зрѣлище, доставившее наслажденіе нашимъ врагамъ: женщины народа съ полунагими дѣтьми становились на колѣни около костровъ, на которыхъ жгли англійскія ткани, молили: «Бога ради, дайте ихъ намъ, вмѣсто того чтобы жечь». Въ Парижѣ превращеніе лавочекъ, которыя вмѣсто кофе, продавали только лимонадъ и тошно-

творныя баваруазы *), не могло быть популярнымъ. Наполеонъ никогда не пріѣзжалъ изъ Сенъ-Клу въ Парижъ; но если бы онъ пріѣхалъ, то на рынкѣ онъ могъ бы слышать, какъ его осыпали ругательствами торговки, которыя, постоянно сидя на открытомъ воздухѣ подъ зонтиками, сильно нуждались въ подкрѣпленіи кофеемъ. Привычка къ нему уже державшаяся цѣлый вѣкъ, со временъ регенства, была ли прихотью, простою чувственностью? Ничуть. Мозгъ, какъ и всякій другой органъ нашъ, требуетъ спеціальной пищи, дѣйствующей прямо на него. Въ нашихъ пасмурныхъ и такъ печальныхъ климатахъ запада, которые, какъ напр. въ Голландіи, Англіи, Германіи и днемъ даютъ ночь тумановъ, средства возбуждающія нервы равняются по дѣйствію своему свѣту и замѣняютъ его. Напримѣръ сахаръ, лишеніе котораго было такъ чувствителвно въ то время,—вмѣстѣ и свѣтъ и алкоголь, онъ возбужденіе силъ, которое даетъ водка.

Мистическое опьяненіе, иллюминатство, которое несетъ оно, можетъ на нѣкоторое время замѣнять средства эти, потомъ вино. Съ 1300—1400 толпы народныя не чувствуютъ болѣе вкуса гостіи; но говорятъ съ гусситами: «Чашу народу!» Колдовство пытается удовлетворить ихъ и въ продолженіе трехъ, четырехъ вѣковъ изобрѣтаетъ самые странные напитки. Наконецъ съ 1700 г. воцаряется кофе и колоніальные товары. Это рай мозга, рай не монашескій и ничуть не праздный, но очень дѣятельный и плодородный. Это Азія и Америка, являющіяся на помощь Европѣ. И онѣ явились во время. Въ моменты великихъ нравственныхъ потрясеній нужно, чтобы природа помогала намъ, все равно какимъ бы то ни было образомъ. Въ утро Жемаппа, въ холодное туманное утро,

*) Баваруаза (bavaroise) питье изъ воды, чая и капилярнаго сиропа.

Марсельеза замѣняла водку, говоритъ Дюмурье. Въ 98 году наканунѣ брюмера она уже оказалась недостаточно сильной. Какая печаль! Мальтусъ въ Англіи и Гренвиль во Франціи написали свои евангелія отчаянія. Отъ Маренго до Астерлица, въ продолженіе пяти лѣтъ бездѣйствія, господствовало не только оцѣпѣненіе, но чрезмѣрное ослабленіе, упадокъ нервной системы и, слѣдовательно, сильная нужда въ возбуждающихъ средствахъ.

Я говорилъ въ другомъ мѣстѣ, насколько сомнительное состояніе идей возбуждало отвращеніе въ душахъ. Повсюду во Франціи и внѣ Франціи лже христіанская реакція по временамъ вызывала тошноту. Каждая нація, даже самая отсталая, считая себя христіанской, носила въ себѣ, сама того не сознавая, примѣсь новыхъ идей, ослаблявшихъ, затушевывавшихъ старыя. Даже Россія сама, этотъ міръ отсталый, глубокій неизвѣстный, готовый къ чуду и ожидавшій его, была поражена тѣмъ, что оно не являлось, что напротивъ, при Цюрихѣ и Аустерлицѣ небо покровительствовало безбожникамъ. Одного прекраснаго письма Чарторыжскаго, въ которомъ онъ выясняетъ русскому царю недовольство Россіи, довольно для того, чтобы предвидѣть измѣненіе въ нравахъ. И дѣйствительно, историкъ Карамзинъ, которому такъ сильно покровительствовала императорская фамилія, пишетъ передъ 1811 г. Александру о томъ насколько измѣнилась Россія и болѣе всего о перемѣнѣ, произведенной въ ней чрезвычайнымъ развитіемъ торговли водкою и пр. *).

Въ цѣлой Европѣ потребность средствъ возбуждающихъ нервы и мозгъ ощущалась все сильнѣе и сильнѣе. Сахаръ, кофе, водка даютъ нуждающемуся въ томъ человѣку сол-

*) Письмо это было передано намъ г. Александромъ Тургеневымъ.

дату и работнику надбавку энергiи, силу изумляющую и почти божественную, ощущенiе присутствiя творческаго духа. Можно судить о томъ, съ какою ненавистью встрѣтили неловкаго тирана, который захотѣлъ вырвать эту чашу у изнемогавшей Европы.

XI.

Наполеонъ передъ лицомъ Польши 1807.

Двѣ вещи преслѣдовали Наполеона, не смотря на всѣ побѣды его: безумiе его, которое я охарактеризовалъ такъ: безумiе дѣлать изъ себя тюремщика цѣлаго свѣта, раздражать всѣ нацiи въ томъ, что всего менѣе измѣнчиво — обыденныя привычки; грѣхъ его, который долженъ былъ привести его на св. Елену, — грѣхъ въ томъ, что онъ былъ *великимъ измѣнникомъ*, и не только въ брюмерѣ, но еще прежде во время Леобена и Кампоформiо. Бонапарте всегда щадилъ деспотизмъ и Австрiю, которая была оплотомъ его въ Европѣ; онъ поднялъ ее при Леобенѣ, при Аустерлицѣ, когда она была придавлена къ землѣ. При страшномъ громовомъ ударѣ его — Аустерлицѣ, когда вся Европа отступала въ остолбенѣнiи, когда русскiй царь въ смятенiи выбиралъ проселочныя дороги и исчезалъ на горизонтѣ, насталъ великiй моментъ извлечь бѣлаго орла изъ могилы и показать его повсюду поблѣднѣвшей Европы, показать Пруссiи, Австрiи и Россiи, что армiи ихъ имѣли арьеръгардомъ привидѣнiе.

«Такой же моментъ насталъ и послѣ Iены?» Не совсѣмъ такой. То была побѣда менѣе блестящая. Затѣмъ неслыханное безумiе объявить себя тюремщикомъ цѣлаго мiра, запереть его для того чтобы вѣрнѣе изгнать изъ него англичанъ

чудивищно-комичное предпріятіе обнять своими короткими руками земной шаръ. Онъ весь отдался неотступной идеѣ, скрывавшей отъ него путь, и даже не видѣлъ Польшу, возставшую за него. И не только прусскую Польшу, черезъ которую онъ проходилъ, но и болѣе далекую Польшу. Изъ Литвы, изъ Вильны, несмотря на разстояніе и препятствія всякаго рода, не смотря на весь ужасъ глубокой грязи, такъ страшной осенью, пришло двѣнадцать тысячъ человѣкъ, которые хотѣли сражаться подъ начальствомъ Наполеона. И на этомъ не остановилось движеніе.

Это было началомъ культа Наполеона. Я съ умиленіемъ видѣлъ возвышенный и послѣдній экстазъ въ Товіанскомъ — пророкѣ и Мицкевичѣ — великомъ поэтѣ. Но надо говорить объ этомъ съ самаго начала. Никогда сердца людей не бились такъ много за Францію. Они приняли ея качества, ея добродѣтели и пороки. Версаль и великій король сдѣлали имъ неизмѣримое зло. Но въ самой гибели, ихъ постоянно поддерживала надежда получить помощь отъ насъ, въ особенности когда директорія и Ларевельеръ-Лепо геройски предложили союзъ всѣмъ народамъ, которые хотѣли освободиться (1796). Тогда въ самомъ Парижѣ двумъ полякамъ, Тремо и Ларошъ, пришла идея создать бродячую Польшу, союзницу армій Франціи, которая слѣдовала бы за ними и сражалась бы вмѣстѣ съ ними. Можно было раздѣлить только почву; но душа Польши, бѣлый орелъ подвижной и свободный собирался летѣть. Это было подражаніемъ прекрасной и истинной идеѣ поляка Коперника, который бросилъ земли въ пространство для того, чтобы она тамъ вращалась во вѣки вѣковъ. Идея понравилась Клеберу, Журдану, Шампіоне. Политика Бонапарте допустила поляковъ не въ французскія войска, но только въ итальянскія. Они служили ему усердно въ Египтѣ. Потомъ

онъ имѣлъ варварство отправить все, что уцѣлѣло отъ нихъ въ Сенъ-Доминго, которое поглотило ихъ. Другіе являлись, но онъ всегда распредѣлялъ ихъ по разнымъ арміямъ, рѣдко допускалъ ихъ сражаться особнякомъ, чтобы не видѣть услуги ихъ и избавить себя отъ благодарности.

Все это должно бы было сильно охладить Польшу? Ни сколько *). Наше прибытіе въ Познань произвело дѣйствіе катаклизма. Населеніе не только кинулось на встрѣчу намъ, но и встало въ ряды, чтобы идти за нами. По выходѣ изъ Познани, оказалось четыре лишнихъ полка. Бонапарте объявилъ, что Костюшко прибудетъ изъ Франціи; но герой этотъ, превосходно понимавшій Наполеона, не только не пріѣхалъ но и настойчиво опровергъ эту официальную ложь. Все равно, импульсъ былъ данъ. Легковѣрный Домбровскій шелъ впереди. Бонапарте боялся только одного — энтузіазма, который заставилъ бы его высказаться. Онъ прибылъ въ Варшаву въ темный октябрьскій вечеръ, какъ скрывающійся преступникъ. При свѣтѣ факеловъ онъ смотрѣлъ уже не прежнимъ Бонапарте обожженнымъ и горѣвшимъ пламенемъ великихъ битвъ Италіи, но блѣднымъ и уже начинавшимъ худосочно жирѣть.

Всѣ плакали. Онъ прошелъ, угрюмый и молчаливый. Остановившись въ ратушѣ, онъ въ отвѣтъ на прочувствованныя рѣчи заговорилъ о климатѣ: «Сколько грязи въ этой странѣ!» Потомъ рѣзко: «Господа, мнѣ надо къ завтрешнему дню столько то ржи и столько то рису». Послѣ этого онъ сказалъ страшное слово, которое передавали различнымъ образомъ, но отъ котораго сжималось сердце: «Никакихъ отговорокъ. Не то я васъ оставлю на русскія полки. Я зажигаю все и ухожу». Другіе увѣряютъ, что онъ сказалъ эти

*) См. Somo-Sierra, 1807.

слова дикаря: «Мнѣ нужно ваша кровь.» Всѣ вздрогнули и онъ повторилъ: «Что мнѣ нужно — ваша кровь». Слово достойное варварскихъ идоловъ Мексики и Карѳагена. Тогда красавица полька, трепеща за Польшу, думала смягчить его сердце и отдалась вампиру. Она возвратилась еще въ 1814 г. въ Фонтенебло, когда онъ покушался отравиться. Онъ заперъ передъ нею дверь. И даже на св. Еленѣ онъ закрылъ сердце свое полякамъ, не признавалъ ихъ услугъ.

Но что думала армія? Грязь и нищенскій видъ страны не нравились ей. И однако многіе говорили за Польшу. Не только Мюратъ, вѣчно ловившій себѣ королевство; но и Даву, голова холодная, умъ практическій, видѣвшій все, что можно было извлечь изъ этого энтузіазма передъ лицомъ русской арміи, которая приближалась. Бонапарте ссылался на то, что не надо навязывать себѣ на шею вражду съ Австріей, поддерживая Польшу. На самомъ дѣлѣ, онъ боялся одного—раздувъ пламя, занести искру его и въ самую французскую армію. Онъ думалъ такъ же какъ и русскій императоръ, что Польша есть очагъ революціи, но не пренебрегалъ ничѣмъ, чтобы убѣдить французовъ, что она страна аристократическая: дворянство, рабы, но нѣтъ народа.

Это была ложь, или сильное преувеличеніе. Во первыхъ былъ ремесленный народъ въ городахъ. У насъ есть записки Килинскаго, варшавскаго героя сапожника. Въ настоящее время г-жа Шуазель описала патріотическій жаръ рабочихъ Польши. Во вторыхъ дворянство было скорѣе большимъ народомъ, чѣмъ кастой. Въ войнахъ турецкихъ масса безчисленныхъ польскихъ кавалеристовъ, все, что носило пику съ значкомъ, было дворянствомъ, безъ исключенія. Въ наше время дворянство находится въ еще болѣе низменныхъ условіяхъ. Одинъ изъ друзей моихъ путешествовавшій въ Польшѣ

десять лѣтъ тому назадъ, говоритъ сколько было дворянства въ этой странѣ: было милліонъ двѣсти тысячъ. Конюхъ снимавшій съ него сапоги былъ дворяниномъ. Дворяне не доходившіе до такого положенія, владѣли небольшимъ клочкомъ земли, были часто очень бѣдны, имѣли одного крестьянина, и, если отпускали его на волю, то умирали съ голода. Крупные вельможи были всегда очень великодушны въ отношеніи освобожденій: Я читалъ *) прекрасную книгу съ превосходными гравюрами, напечатанную въ Италіи, въ честь Черторижскаго прошлаго вѣка, который освободилъ 500.000 однихъ рабовъ. Другіе, менѣе богатые, иногда слѣдовали такому прекрасному примѣру, но новые владыки Польши не дозволяли этого и это задержало освобожденіе крестьянъ.

Не надо давать себѣ обманываться словами. Польша съ милліономъ дворянъ, была демократіей. Это доказываетъ намъ какъ нельзя лучше антипатія Бонапарте къ ней.

XII.

Сраженіе при Эйлау 8 февраля 1807 г.

Наполеонъ сказалъ очень вѣрную вещь, которая объясняетъ всѣ трудности этой компаніи: «Считаютъ только четыре стихіи; но эти страны познакомили меня съ пятой— съ грязью». Правда, что Россія и всѣ сосѣднія съ нею страны къ западу, въ переходныя времена года осень и весну, почти непроходимы. Это болѣе чѣмъ что либо и остановило великую армію. Прибавьте къ этому важную осаду Данцига, на которую Наполеонъ употребилъ тридцать тысячъ человѣкъ.

---

*) Въ польской библіотекѣ.

Прибавьте еще обманчивыя предложенія Австріи, которую корсиканецъ Поццо сильно побуждалъ къ войнѣ, но которую возстаніе галиційскихъ поляковъ поставило бы въ очень затруднительное положеніе.

Александръ, въ войнѣ своей съ Персіею и Турціею, напрасно просилъ у англичанъ въ заемъ сто двадцать милліоновъ, русскія силы были парализованы изъ за недостатка денегъ. Царь напрасно пытался придать войску религіозный характеръ, подобіе крестоваго похода, увѣряя, что Бонапарте проповѣдывалъ коранъ въ Каирѣ. Мистицизмъ этотъ казался страннымъ потому что въ числѣ русскихъ генераловъ былъ Бенингсенъ, то былъ ганноверецъ *очень мягкій* какъ говоритъ г-жа Шуазёль. Фезензакъ, который въ бытность свою плѣнникомъ обѣдалъ за его столомъ, приводитъ одно слово его, доказывающее преданность и привязанность его къ королевѣ прусской. Партія королевы, тогда такъ вліятельная въ Петербургѣ, поддерживала Бенингсена, и конечно по милости ея нѣмецъ съ такою репутаціею, какъ Бенингсенъ, былъ назначенъ главнокомандующимъ.

Какъ могъ Александръ, съ нѣжнымъ сердцемъ его и религіозностью, вѣрившій въ непосредственное вмѣшательство Бога въ дѣла человѣческія, рискнуть ввѣрить армію свою, отвѣтственность такой великой войны въ эти руки обагренныя кровью и совершившія такъ недавно еще, всего пять лѣтъ тому назадъ преступленіе? Этого невозможно понять. Какъ бы то ни было, Бенингсенъ, отступавшій постоянно до 7 февраля, очутился передъ французами между Кенигсбергомъ и Эйлау и былъ принужденъ принять сраженіе. Онъ отрядилъ подъ начальствомъ генерала Лестока всѣхъ пруссаковъ, какіе были у него, для прикрытія небольшой крѣпости. Удивительно здѣсь, что Наполеонъ, въ первый разъ измѣнившій системѣ

которую онъ до сихъ поръ такъ блистательно проводилъ, вмѣсто того, чтобы сосредоточиться и дѣйствовать массами, раздѣлилъ войска и отрядилъ Нея преслѣдовать Лестока и небольшой корпусъ пруссаковъ. Это едва не погубило его, потому что русскіе, съ изумительными натискомъ и упорствомъ, брали и отбивали нѣсколько разъ селеніе Эйлау и уничтожили центръ арміи Бонапарте. Изъ дивизіи Ожеро, составлявшей этотъ центръ, едва осталось тысяча человѣкъ. Русскіе съ героической отвагой дошли даже до подошвы возвышенности (кладбища Эйлау), на которой стоялъ императоръ; онъ былъ изумленъ и вскричалъ: «какая смѣлость».

Съ нимъ была гвардейская артиллерія, которая открыла огонь изъ всѣхъ орудій. Бенингсенъ поставилъ русскихъ длинными колоннами и каждый выстрѣлъ уносилъ цѣлые ряды. Наполеонъ тогда долженъ былъ пожалѣть, зачѣмъ онъ удалилъ Нея и не оставилъ его при себѣ. Здѣсь умѣстенъ любопытный разсказъ г. Фезензака, очень юнаго адъютанта, которому Наполеонъ далъ такъ настоятельно необходимое и важное порученіе, какъ можно скорѣе призвать Нея. Въ такой крайности этотъ ребенокъ былъ посланъ гонцомъ одинъ. Ему пришлось ѣхать вечеромъ по снѣжной пустынѣ покрытой гололедицей, не зная дорогъ; онъ не смѣлъ сказать о затрудненіи своемъ императору, такъ грозному и постоянно раздраженному. Къ счастью у него было двадцать пять луидоровъ; онъ купилъ лошадь, чтобы замѣнить свою, которая захромала; къ счастью, онъ встрѣтилъ офицера знавшаго дорогу; къ счастью онъ не встрѣтилъ казаковъ. Вотъ какова предусмотрительность императора, который хотѣлъ, чтобы *счастье* служило ему, и онъ самъ ничего не дѣлалъ для того.

Это уже исторія Ватерло; та же небрежность и при извѣщеніи Груши. Но Ней счастливѣе, юный гонецъ наконецъ

прибылъ и извѣстилъ его. Уже пруссаки Лестока прибыли на поле сраженія и съ четырехъ часовъ по полудни стали въ одну линію съ Бенингсеномъ. Французская кавалерія обошла русскую слѣва. Ней напалъ съ обычнымъ натискомъ своимъ и заставилъ отступить Бенингсена, который въ хорошемъ боевомъ порядкѣ направился къ Кенигсбергу. То былъ великій урокъ для Наполеона, который въ продолженіе нѣсколькихъ часовъ ждалъ Нея и былъ спасенъ только частыми залпами гвардейской артиллеріи, уничтожившими русскую армію. Никогда еще не было видно болѣе отвратительнаго поля сраженія. Потоки крови на снѣгѣ; Ней поднялъ плечи и сказалъ! «И все это даромъ». И самъ Наполеонъ, видя солдатъ своихъ очень пасмурными, выказалъ сочувствіе къ ихъ волненію и сказалъ: «какой бичь война!» Живописецъ Гро передалъ слово это въ прекрасной картинѣ.

Можно сказать, что всѣ были выбиты изъ строя: отъ холода, ужаса всѣ были неспособны двигаться. Лепикъ, конный гренадеръ, человѣкъ желѣзный, гигантъ, искалъ на другой день непріятеля, чтобы драться, и встрѣтилъ только отставшихъ казаковъ. Французы провозгласили себя побѣдителями и остались завоевателями поля труповъ.

Вечеромъ Наполеонъ пригласилъ къ столу своему офицеровъ артиллеріи. «Какой похоронный ужинъ!» говорилъ мнѣ одинъ изъ приглашенныхъ. «Чтобы идти на ужинъ къ императору, мы проходили между двумя горами труповъ, разорванныхъ членовъ, рукъ, головъ, и это—нашихъ друзей. Никто не хотѣлъ ѣсть, это можно представить себѣ: Одно еще дополнило мѣру отвращенія, довело его до тошноты, то, что каждый развертыя салфетку, нашелъ въ ней банковый билетъ. Такова была деликатность императора. Онъ платилъ намъ деньгами за смерть нашихъ друзей. Разсказывали, что для взятія Дан-

цига Лефебръ получилъ пакетъ въ двадцать пять милліоновъ. А солдаты видя небольшіе свертки золота говорили: «это данцигскій шоколадъ».

XIII.

Фринландъ. Іюнь 1807. Унынiе Александра.

Императоръ Александръ говорилъ, что онъ родился для частной жизни; и дѣйствительно, великія событія его царствованія объясняются внутреннею жизнью его, которая постоянно носилась между любовью и мистицизмомъ. Наиболѣе всего удивляетъ насъ въ этой нѣмецкой душѣ, гдѣ все должно было имѣть оттѣнки, быть туманнымъ, это рѣзкій финалъ, которымъ обрывались иногда страсти его. Напримѣръ, романическая поэзія, которая съ 1802 по 1807 г. поработила его интересамъ Пруссіи и за которую молодые друзья его, русскіе и поляки такъ мужественно упрекали его, какъ мы уже видѣли въ письмѣ Чарторижскаго,—эта поэзія внезапно прекратилась. Въ великомъ тильзитскомъ союзѣ его съ Наполеономъ не было сдѣлано ничего для Пруссіи и даже — вещь щекотливая—онъ принялъ добычу, отнятую у Пруссіи. И все это немедля послѣ сраженія при Фридландѣ. Изумительная нравственная перемѣна, которая поможетъ объяснить военныя событія такъ странныя, быстросмѣнявщіяся, темныя.

Ганноверецъ Бенингсенъ, ненавидимый русскими генералами, завидовавшими ему, сильно нуждался въ томъ, чтобы вліяніе прусской королевы продержалось еще долѣе. Отсюда тотъ религіозный обѣтъ который онъ далъ за здоровье королевы (см. Фезензака), бывшей тогда больной. Кредитъ его кончался. Это и побудило Бенингсена спѣшить, заставило его

измѣнить мудрой системѣ медлительности, которою онъ думалъ, «истощить силы, *перепилить* Бонапарте». Прибавьте къ этому что русскіе, гордясь великимъ мужествомъ, какое они выказали при Эйлау, негодовали на то, что были принуждаемы этимъ нѣмцемъ держаться оборонительной войны, и еще войны очень несчастной: они только что потеряли Данцигъ и конецъ этой осады прибавлялъ къ наполеоновской арміи еще тридцать человѣкъ. Русскіе солдаты, недовольные генераломъ нѣмцемъ, упавшіе духомъ и дурно кормленные, находясь такъ близко отъ границы, дезертировали — дѣло рѣдкое и искали пріюта у крестьянъ *).

Бенингсенъ, утративъ Данцигъ и за неимѣніемъ крѣпостей, окопался въ своемъ лагерѣ подъ Гейльсбергомъ и поставилъ сильныя траншеи; но онъ не могъ сдѣлать достаточные запасы провіанта. Тогда этотъ осторожный человѣкъ принялъ совершенно противуположную методу, сдѣлалъ суворовскій шагъ и поставилъ русскихъ въ положеніе, въ которомъ они выказали всю храбрость свою. Обѣ арміи слѣдовали одна противъ фаса другой по обѣимъ берегамъ рѣки. Наполеонъ, противъ обыкновенія своего и, конечно, соображаясь съ мѣстными условіями, заставлялъ дефилировать различные корпуса арміи своей на очень большихъ разстояніяхъ другъ отъ друга. Русскіе увидѣли одинъ изъ корпусовъ, проходившій почти особнякомъ. Это подало имъ надежду захватить его и они кинулись на него. То былъ корпусъ Нея. Генералъ этотъ, вообще такъ пылкій, теперь выказалъ необычайное хладнокровіе и стойко принялъ натискъ; вскорѣ подоспѣла помощь. Французы, въ свою очередь, стали преслѣдовать русскихъ, но были съ урономъ отбиты отъ укрѣпленнаго лагеря въ Гейльсбергѣ.

---

*) Гарденбергъ т. IX, стр. 416.

На другой день русскіе захотѣли отрѣзать корпусъ Ланна и это очень необдуманно, раздѣливъ свою армію, одна половина которой въ тылу своемъ имѣла рѣку. Наполеонъ не могъ повѣрить такой дерзости; у русскихъ не было другого пути отступленія кромѣ Фридланскаго моста. Бросили Нея на встрѣчу и, хотя русская гвардія сопротивлялась и на мигъ поколебала его, Ней и Дюпонъ захватили пылавшій Фринландъ. Тамъ началось общее бѣгство, страшный безпорядокъ, въ которомъ давили другъ друга, спасаясь единственнымъ путемъ. Въ цѣломъ, двадцать тысячь русскихъ выбыло изъ строя и десять тысячь французовъ.

Бѣдствіе было велико, но я думаю, что Александръ преувеличилъ значеніе его, онъ неблагоразумно приказалъ защищать берега Нѣмана татарами, что заставило думать, будто великая Россія была обезоружена, если прибѣгали къ слабому оружію, лукамъ и стрѣламъ варваровъ этихъ. Онъ выказалъ и при Аустерлицѣ ту же наклонность быстро отчаяваться. Здѣсь онъ терялъ болѣе. Англичане отказывали дать денегъ и шестьсотъ тысячъ человѣкъ русской милиціи не могли быть собраны.

Всѣ эти несчастія обрушились на него изъ источника, указаннаго Чарторижскимъ. Призванный Пруссіей, признанный ею какъ защитникъ и какъ вершитель судебъ Европы, Александръ далъ личному вліянію увлечь себя, но и это всегда очень недѣйствительно. При Аустерлицѣ онъ поздно пришелъ и сражался, когда войско не было въ полномъ составѣ; онъ пришелъ слишкомъ поздно на помощь Пруссіи, послѣ Іены, когда было все погублено; и оба великія сраженія при Эйлау и Фриндландѣ не только не поправили ничего, но еще открыли врагу Польшу. Раздраженный противъ самого себя и своихъ ошибокъ, онъ былъ тоже недоволенъ Англіей и даже немного Пруссіей, несчастья которой принесли и ему не-

счастья. Наконецъ, онъ находился въ томъ странномъ состояніи, когда злобно отрекаются ото всего, что прежде привлекало, и когда любятъ друзей своихъ менѣе чѣмъ враговъ.

XIV.

Тильзитъ. Раздѣлъ европейскаго міра 1807.

Тріумвиры Рима собрались на одномъ островѣ, порѣшили какъ говорятъ, раздѣлъ римскаго міра. То было дѣломъ безумнымъ. Однако въ немъ было хоть это благовидное: покрайней мѣрѣ они дѣлили міръ хорошо извѣстный и въ то время очень свѣтлый, бывшій у нихъ подъ рукою. При Тильзитскомъ дѣлежѣ было совершенно другое дѣло: Бонапарте дѣлилъ міръ, котораго онъ не зналъ. Онъ совершенно не зналъ громадныя массы Россіи, на которыя ему пришлось натолкнуться. Онъ зналъ мало Польшу, изъ которой могъ бы извлечь пользу; не болѣе того зналъ онъ и великую Германію. которую онъ раздавилъ, которую выжималъ вплоть до Лейпцигскаго отмщенія.

Но была еще страна, которую онъ зналъ еще менѣе, что бы о томъ ни говорили — то была Франція сама. Въ ней жила странная двойственность. Дѣло странное и однако неоспоримое. Въ то время, когда Франція, полная дѣятельности, брошенная имъ въ арміи, слѣдовала за нимъ съ боевою яростью, которую можно было еще считать энтузіазмомъ, огромное большинство Франціи, рабочая Франція смотрѣла на него, какъ онъ выкидывалъ свои рискованныя акробатическія штуки, и каждый годъ ожидала, что онъ упадетъ съ натянутаго каната, и каждый разъ говорила: «какъ? Все еще не кончено?» Чего же онъ хотѣлъ на самомъ дѣлѣ? Цѣлую жизнь

онъ мечталъ завоевать востокъ. Казалось, онъ воображалъ, что завладѣвъ Турцію, онъ черезъ Персію дойдетъ прямо до англійской Индіи. Онъ не принималъ въ разсчетъ огромныя разстоянія. Однако въ Тильзитѣ онъ болѣе узналъ русскія силы и потому не сталъ вычеркивать ихъ такъ рѣшительно и предложилъ раздѣлъ Турціи. Но когда онъ увидѣлъ, что царь согласился на это безъ труда, онъ понялъ, что заключилъ невыгодный торгъ и что Россія возьметъ все.

Тогда онъ вдругъ повернулъ въ другую сторону и благодаря великой силѣ воображенія своего, принялся мечтать объ Испаніи вмѣстѣ съ Португаліей, объ испанской Америкѣ, рудникахъ Потозы, — такъ Наполеонъ III бралъ Мексику. Александръ просилъ перемирія. Наполеонъ просилъ свиданія. Онъ надѣялся плѣнить, ослѣпить Александра, привести какою бы то ни было цѣною къ великой цѣли, бывшей его мечтою, страстью, къ *отреченію отъ союза съ англичанами*, къ закрытію русскаго міра для англійской торговли. Онъ разсчитывалъ буквально обойти, обольстить Александра, испытать надъ русскимъ царемъ то обаяніе, которое всегда было присуще ему.

Но было многое, что должно было ослаблять обаяніе это. Въ Наполеонѣ была дисгармонія, фальшивыя ноты; онъ былъ неумѣренъ въ жестахъ и словахъ, часто напыщенъ, часто тривіаленъ, какъ то говорилъ авторъ написавшій лучшій портретъ его, г. де Прадтъ, который называлъ его Юпитеромъ Скапеномъ. И въ самомъ дѣлѣ, тотъ у кого достало бы хладнокровія хорошо разсмотрѣть его, не думая о славѣ его, увидѣлъ бы, что онъ принималъ въ иныя минуты тонъ фальшивый, кричащій и пошлый, который встрѣчаютъ только у жалкихъ комедіантовъ.

Со всѣмъ этимъ онъ сохранилъ еще въ 1807 ту черту,

тотъ даръ, который составилъ всю его карьеру—южный ѣдкій блескъ. Но развѣ свойство это исключительно принадлежало ему, а не другимъ южанамъ тоже? Массена, равный ему по военнымъ талантамъ, очень рано отождествился съ якобинскою Франціею и казался неотесанымъ грубіяномъ. Напротивъ, беарнецъ Бернадотъ и былъ и уже слишкомъ смотрѣлъ человѣкомъ тонкимъ. У Бонапарте былъ недостатокъ: онъ говорилъ какъ нельзя хуже по французски и даже по итальянски *). Это заставило сначала Барраса, а потомъ Карно думать, что онъ не можетъ пойти далеко и потому покровительствовать ему. Онъ очень долго сохранилъ эту манеру говорить. Но въ 1807 г. онъ уже мало сохранилъ слѣдовъ итальянскаго происхожденія своего. Излеченный отъ накожной болѣзни, которою онъ страдалъ очень долго, онъ начиналъ жирѣть, цвѣтъ лица бѣлѣлъ, и вообще лицо его становилось болѣе французскимъ. Но онъ уже утратилъ прежній огонь свой, ту «остроту крови», благодаря которой, какъ онъ говорилъ, онъ одерживалъ побѣды. Теперь онъ воистину начиналъ опускаться.

Если судить по сраженіямъ при Эйлау и Фридландѣ, то хотя послѣднее и было большою побѣдою, все же можно сказать, что онъ начиналъ слабѣть. По гордости или небрежности, онъ не выказалъ большой предусмотрительности и, если онъ окончилъ побѣдой, то потому что исправилъ свои планы,

---

*) Здѣсь я не могу не привести замѣчаніе очень справедливое и тонкое г. Альфреда Мишіэльса. Что языкъ есть для насъ свѣтъ и получаетъ извѣстную силу отъ свѣто-тѣней. Мы гораздо болѣе впечатлительны для языка, который мы понимаемъ наполовину; когда мы его вполнѣ изучимъ, то обаяніе отчасти исчезаетъ. Иностранецъ, который старается говорить нашимъ языкомъ, находитъ нерѣдко вслѣдствіе самаго безсилія своего, формы, которыя нравятся новизною и странностью. Такъ было и съ Бонапарте, и это, даже въ очень поздній періодъ его жизни, придавало ему обманчивую оригинальность, видъ человѣка, рѣзавшаго на прямикъ, человѣка энергической откровенности.

спохватился во время. Онъ самъ говорилъ: «Я старъ, Александръ моложе и воспользуется». Одно оставалось въ немъ очень сильнымъ и, къ несчастью, то не была его превосходная положительная черта—серьезное вниманіе ко всѣмъ подробностямъ, которое онъ выказывалъ во всѣхъ войнахъ Италіи, то было воображеніе все болѣе и болѣе преувеличивавшее и лживое, которое должно было, наконецъ, увлечь его, низвергнуть въ пропасть.

Воображеніе это заставило его принять для свиданія предосторожности, которыя были признаны чрезмѣрными. Онъ не осмѣлился ѣсть у Александра. Одинъ разъ всего онъ спросилъ чаю, но не выпилъ его. Александръ не разсердился за эту обидную осторожность и ѣлъ нѣсколько разъ у Наполеона. Послѣдній видѣлъ около Александра Бенингсена, виновнаго, по разсказамъ пруссаковъ, въ кровавомъ преступленіи. Разумѣется, Александръ не приказалъ бы преступленія. Но Наполеонъ опасался, что который нибудь изъ такихъ ревностныхъ слугъ можетъ принести и его въ жертву. Александръ, вознегодовалъ бы, оплакалъ бы Наполеона, но призналъ бы въ этомъ перстъ Божій, месть за смерть герцога Энгіенскаго. Таково мышленіе мистиковъ.

Возвратимся къ Тильзиту. Наполеонъ приказалъ нашимъ войскамъ кричать: «Да здравствуетъ царь!» и пораженный красотою Александра вскричалъ: «Аполлонъ!» Онъ тѣмъ увѣреннѣе думалъ, что эта прекрасная и женственная наружность ручалась ему въ томъ, что Александръ легко поддастся его обаянію и не будетъ противиться планамъ его. Александръ началъ словами, которыя, онъ зналъ, будутъ болѣе всего пріятны: «Я ненавижу англичанъ столько же, сколько и вы».

«Если это такъ, то міръ заключенъ», отвѣчалъ Наполеонъ. Съ этихъ минутъ, казалось, изліянія новой дружбы

не знали границъ. И побѣдитель самъ предлагалъ все. Во первыхъ: нѣтъ болѣе Польши за исключеніемъ небольшаго герцогства Варшавскаго, отнятаго у Пруссіи и переданнаго нѣмцу, королю саксонскому. Александръ допустилъ новаго друга своего, такъ великодушнаго, дать ему наиболѣе драгоцѣнную добычу, отнятую у союзника Александра же—у Швеціи. Финляндія, которую такъ желала взять Россія со временъ Петра I, считавшая ее пріобрѣтеніемъ наиболѣе желательнымъ и необходимымъ для защиты Петербурга—Финляндія, эта скала гранита стоющаго брильянта, была, съ согласія Александра, отнята у союзника его и подарена ему врагомъ его, Наполеономъ.

Правда, что Наполеонъ, съ своей стороны, за то предалъ ему друзей своихъ на востокѣ. Онъ обѣщалъ не защищать Персію, возставшую на Турцію, нашу самую старинную союзницу, которую онъ обѣщалъ еще вчера защищать: Россія возьметъ у Турціи два княжества, Молдавію и Валахію, т. е. Дунай. «А если Турція не отдастъ?» Ну что же, тогда возьмутъ и самую Турцію. И все это за обѣщаніе, сдержать которое такъ трудно, «что Александръ затворитъ Россію для англійскихъ товаровъ». А Франція, чтó же возьметъ она? За нею признавали только то, что было уже у нея въ рукахъ: Голландію, Неаполь, небольшое королевство Вестфальское, наконецъ, Римъ, который Бонапарте беретъ у папы, и сверхъ того Португалію, которую онъ хочетъ занять войскомъ и уже держитъ въ рукахъ своихъ.

Легкомысліе Бонапарте доказывается тѣмъ, что всѣ гигантскіе замыслы его внезапно измѣнились и въ самомъ существенномъ. Приближенные доказали ему какъ нельзя лучше, что Турція такъ далекая отъ него, такъ близкая къ Россіи, будетъ сначала раздѣлена только для вида, но на самомъ дѣлѣ

вскорѣ будетъ принадлежать одной Россіи. Онъ понялъ это и тогда обратился къ Испаніи, обширному государству, значительная часть котораго, находящаяся за морями, должна была навсегда остаться недоступной для него, а европейская—вступитъ съ нимъ въ упорную борьбу, которую онъ тогда ничуть не предвидѣлъ. Думаютъ, будто Наполеонъ не скрылъ эту перемѣну плановъ, не дѣлалъ тайны изъ своихъ видовъ на Испанію и тѣмъ болѣе разсѣялъ сомнѣнія Александра на счетъ замысловъ его о завоеваніи востока и далъ русскому императору полную свободу питать усиленныя надежды. Какъ мы уже сказали, Наполеонъ давалъ, Александръ обѣщалъ. Наполеонъ самъ обошелъ себя.

XV.

За кулисами Тильзита. Какъ зараждавшееся сопротивленіе пользовалось ослѣпленіемъ Бонапарте.

Александръ, прибывшій въ Тильзитъ встревоженнымъ, колеблющемся, долженъ былъ вскорѣ увидѣть, что, при страсти владѣвшей Наполеономъ, онъ, Александръ, былъ господиномъ положенія. Пароксизмъ желанія маніака, позволявшій Наполеону видѣть только одинъ предметъ — Англію изгнанную съ континента—ярость эта сдѣлали его очень сговорчивымъ на счетъ одного пункта, который повидимому былъ очень близокъ сердцу русскаго царя: *сохраненію Пруссіи*, правда обрѣзанной, введенной въ тѣсныя границы чисто прусскихъ владѣній. Александръ, который два раза не могъ исполнить обѣщаній своихъ, ни сдержать клятву данную королевѣ на могилѣ Фридриха,—Александръ сможетъ ли получить отъ раздраженнаго побѣдителя іенскаго смягченіе смертнаго приговора,

который тотъ несъ Пруссіи? Это было невѣроятно. Въ интересахъ Наполеона такъ была очевидна необходимость не оставлять Англіи такую опасную точку опоры, которая можетъ со временемъ служить на то, чтобы поднять Германію. Но гордость побѣдителя, презрѣніе его къ слабому врагу и болѣе всего желаніе его привлечь на свою сторону Александра заставили его уступить въ дѣлѣ, которое казалось ему дѣломъ простой страсти, воспоминаніемъ сердца. Александръ въ этомъ дѣлѣ выказалъ себя тѣмъ, чѣмъ былъ: тонкимъ, кроткимъ, хитрымъ. Чтобы увѣрить Наполеона въ томъ что, вполнѣ преданный новому другу своему, онъ немного дорожитъ этою связью съ Пруссіею, связью бывшею однимъ воспоминаніемъ, онъ принялъ отъ Наполеона небольшой клочекъ земли, оторванный отъ прусской Польши.

Это могло казаться неделикатнымъ, но въ тоже время доказывало, какъ мало онъ имѣлъ вниманія къ Пруссіи и потому должно было успокоить Наполеона и заставить его думать, что разрывъ между Пруссіею и Россіею былъ окончательнымъ. Послѣ этихъ переговоровъ въ Тильзитѣ пріѣхали король и королева прусскіе. Мужественная королева не колебалась ради государства своего и короля пріѣхать на это свиданіе, отъ котораго бѣжала бы всякая другая женщина. Съ довѣрчивостью и смѣлостью, какія придаетъ красота, она ужинала рядомъ съ Наполеономъ. Гордость ея манеры, очень ясно обнаружившая мысли ея, могла бы все испортить. Наполеонъ предложилъ ей розу, она смѣло спросила: «Это Магдебургъ?» И требуя этотъ важный военный постъ, арсеналъ Пруссіи, она имѣла такой видъ, какъ будто уже приготовляла отмщеніе за Іену и говорила: «Съ этою розою дайте мнѣ лезвее, чтобы я могла пронзить вамъ сердце».

Однако Наполеону указывали уже на странныя перемѣны,

которыя Пруссія со времени пораженія вводила въ провинціяхъ удержанныхъ ею. Партія дворянъ (молодые офицеры), которыхъ буржуазія жестоко обвиняла въ пораженіи при Іенѣ, оказалась такъ слабой, что не могла помѣшать революціи очень разумно буржуазной, которая вдругъ совершилась. Спѣшили. Все дѣло произошло, если можно такъ выразиться, украдкой и подъ глазами непріятеля. Въ два мѣсяца одинъ человѣкъ, Штейнъ, бывшій чиновникъ Фридриха, путешествовавшій по Англіи, сдѣлалъ эти великія перемѣны. Ему дали такую власть, какой до него не имѣлъ ни одинъ человѣкъ; ему ввѣрили вмѣстѣ и внѣшнія и внутреннія дѣла. Сосѣдство Варшавы, заразительность французскихъ реформъ принуждали сдѣлать что нибудь *). И можно было произвести реформы безъ малѣйшей опасности; народъ не былъ нисколько революціоннымъ: онъ любилъ короля, какъ личность благосклонную и безвредную.

И такъ могли сдѣлать всякую реформу, муниципальную и гражданскую, и всегда во имя короля. Бюргеры получили право покупать имѣнія. Съ 1810 крѣпостное право было уничтожено. Старыя муниципальныя корпораціи, корыстныя и несмѣняемыя, которыя увѣковѣчивали себя въ доходныхъ привилегіяхъ, были замѣнены муниципалитетами безплатными, избираемыми ежегодно подъ предсѣдательствомъ королевскаго инспектора и имѣвшими во главѣ своей двухъ бургомистровъ, съ условіемъ, что одинъ изъ нихъ назначался королемъ. Такъ для того, чтобы дать народу ручательство противъ дворянъ повсюду выдвигали короля, какъ защитника гражданской свободы. Однако можно было предвидѣть уже то, что впослѣдствіи все болѣе и болѣе стало явнымъ, что, лишь только

*) Гарденбергъ т. IX стр. 463.

пройдетъ опасность, королевство нетолько будетъ за одно съ дворянствомъ, но даже создастъ другое дворянство, менѣе древнее и болѣе надменное.

Въ тоже время новый военный министръ, ганноверецъ Шарнгорстъ, открылъ буржуазіи высшіе чины въ арміи и уничтожилъ всякое освобожденіе отъ военной службы. При этомъ словѣ—армія, агенты Наполеона, Даву, Дарю насторожили все таки уши. И что же? Пруссія, которая по договору не могла содержать болѣе 49.000 войска, придумала систему короткихъ сроковъ и, такимъ образомъ, безпрестанно замѣняла обученныхъ рекрутъ новыми и въ немногіе годы успѣла образовать армію въ 200.000 для лейпцигскаго сраженія. Какъ могъ Наполеонъ не видѣть этого? Онъ говорилъ: «Нужно много времени на то, чтобы обучить этихъ нѣмцевъ и сдѣлать изъ нихъ солдатъ». Вся предусмотрительность агентовъ его ограничилась требованіемъ изгнанія Штейна, который нашелъ убѣжище въ Россіи и вмѣстѣ съ тѣмъ поле болѣе обширное и грозное для эксплуатаціи.

Перенесенный на эту сцену, Штейнъ, какъ истинный политикъ, мѣнялъ свои средства. Съ одной стороны, за одно съ Арндтомъ и нѣмецкими раціоналистами, онъ организовалъ тугендъ-бундъ, который вмѣстѣ съ гимнастикой проповѣдывалъ померанецъ Янъ,—ассоціація непризнанная королемъ и однако работавшая для него. Но съ другой стороны, Штейнъ, найдя на сѣверѣ *иллюминатовъ*, сошелся съ ними, какъ говоритъ соотечественникъ и другъ его, Гарденбергъ, и отдался подъ покровительство вдовствующей императрицы.

Въ то время, какъ въ Пруссіи воспитаніе молодыхъ людей обращалось въ приготовленіе мощной военной машины для будущаго, въ Россіи реакція приготовляла машину не менѣе страшную. Вдовствующая императрица, которая еже-

годно запиралась въ погребальномъ склепѣ Павла и постоянно терзалась скорбью о смерти его, захотѣла (какъ доброе дѣло, которое должно было умиротворить ее) создать институтъ для пятисотъ молодыхъ дѣвушекъ, которыя, воспитанныя въ извѣстной системѣ и сдѣлавшись потомъ женами и матерями, распространили бы антифранцузскіе принципы въ обществѣ. Тѣ, которые знаютъ насколько сильно вліяніе женщины въ Россіи, хорошо поймутъ значеніе этого великаго орудія *).

---

*) Я переношу это въ настоящій срокъ 1807 г., а г. Ланфрэ говоритъ, что это было послѣ испанскихъ дѣлъ (Байленъ).

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ

Антрактъ послѣ Тильзита. Бѣглый обзоръ земнаго шара. Расы. Черная республика.

Въ короткій промежутокъ времени, отдѣлявшій свиданіе при Тильзитѣ и страшныя кровопролитія въ Испаніи, при Ваграмѣ и подъ Москвой, настала минута передышки, я хочу сказать, остолбенѣнія, когда Европа казалось поняла, какія великія бѣдствія должны были обрушиться на нее, поняла что изъ этого лживаго мира, когда два колосса обнимались повидимому братски, выйдетъ нѣчто зловѣщее, какая нибудь великая катастрофа. Человѣчество безмолствовало. Я хочу возпользоваться этимъ мигомъ безмолвія и, переступя границы Европы, заглянуть въ даль и дать слово естественной исторіи.

Конечно, еслибъ душа земли и геній планеты, которые такъ часто говорятъ только въ лицѣ Европы—черной точки на сѣверо-западѣ,—еслибы они выражались во всей общности и величіи своихъ, то могло бы очень легко случиться что все то, что мы называемъ нашими великими событіями, заняло бы второе мѣсто. Для земли самой великія событія тѣ, ко-

торыя, въ отдаленныя времена, породили новые виды животныхъ *) и которыя въ наше время выдвигаютъ на видное мѣсто въ исторіи человѣческія расы.

Сильно дѣйствующія растенія, которыя усиливаютъ или ослабляютъ дѣятельность человѣческую, должны быть упомянуты въ хорошемъ ли, въ дурномъ ли смыслѣ въ исторіи. Я говорю, объ алкоголическихъ растеніяхъ, о средствахъ возбуждающихъ нервную систему, какъ то: сахаръ, виноградъ, кофе, или противуположныхъ имъ: опіумъ, табакъ. Великія силы, изъ которыхъ каждая появленіемъ своимъ производила энергическую революцію, усилившую или ослаблявшую силы наши.

Я говорю тоже о великихъ бичахъ, объ эпидемическихъ болѣзняхъ, умножающихъ годъ отъ году причины смертности. Такъ холера, замѣченная первый годъ въ Бенгаліи при устьѣ Гангеса въ 1817, пошла далѣе и явилась въ Парижѣ только въ 1832. Такъ желтая лихорадка, vomito negro, мало извѣстная въ прошедшемъ вѣкѣ, разразилась въ нашемъ и въ первый разъ появилась въ Европѣ только въ Испаніи, въ Барцелонѣ. Какъ бы ни была равнодушна Европа ко всему происходящему въ обширномъ мірѣ земли, по крайней мѣрѣ, смерть грозно напоминаетъ ей о немъ. Великія эпидеміи кажутся могильными голосами напоминающими намъ объ общей солидарности обитателей планеты.

---

*) Пусть холодные и индиферентные умы улыбнутся, но я тѣмъ не менѣе въ числѣ великихъ событій земли поставлю то жестокое избіеніе китовъ, какое происходило въ особенности въ прошломъ вѣкѣ,—этихъ колоссовъ морей и однородныхъ съ нами, потому что и у нихъ, какъ и у насъ, есть кровь и молоко. Моря были буквально окрашены кровью отъ этой безумной бойни, въ которой растратили и уничтожили столько богатства и, которою земной шаръ лишился породъ этихъ, по росту по крайней мѣрѣ, бывшихъ на планетѣ самымъ величественнымъ проявленіемъ жизни. См. Ласепеда и др. натуралистовъ.

За то, если въ одни мгновенія кажется будто смерть преобладаетъ, въ другія жизнь сіяетъ или умноженіемъ нѣкоторыхъ расъ, или усиленіемъ дѣятельности ихъ, наконецъ, нѣкоторыми скрещиваніями, выдвигающими ихъ на видъ. Но все это, быть можетъ, есть только слѣдствіе невѣжества, исключительнаго вниманія, сосредоточиваемаго столько времени Европою на себѣ самой, и пренебреженія ея къ другимъ расамъ, существовавшимъ во всѣ времена такъ же, какъ существуютъ онѣ и въ наше время. Смотрите въ Ѳивахъ памятники Рамзеса II (Сезостриса) такъ удивительно выразительные *). Расы эти несравненно болѣе многочисленны нежели наши, которыхъ считаютъ милліардами; сверхъ того онѣ гораздо крѣпче нашихъ и сопротивляются бичамъ эпидемій, уничтожающихъ насъ. Уже этимъ однимъ черныя, желтыя и мѣднокрасныя расы должны быть рано или единственными жителями и обладателями наиболѣе богатыхъ странъ міра, того гибельнаго рая, гдѣ прекращается дѣятельность наша всякаго рода, куда мы являемся для того только, чтобы чахнуть и умереть.

Вообще говорятъ очень мало о коричневой расѣ, такъ промышленной—расѣ низшихъ кастъ Индіи, огромнаго большинства населенія ея. Многіе изъ выходцевъ ея проникли и въ Европу и извѣстны тамъ подъ очень невѣрнымъ именемъ цыганъ (zingaris, bohémiens). Ученый, знающій дѣло и скромный, г. Батальяръ, посвятилъ себя исторіи этого темнаго люда. Весьма вѣроятно, кабиры, кабилы и др. были развѣтвленіями его въ Самоѳракіи, Атласѣ и пр. Эта коричневая раса заключающая въ себѣ наиболѣе презираемыя касты, можетъ наслѣдовать Индію, гдѣ европейцы не живутъ и гдѣ высшія касты, со времени Кляйва до великаго возмущенія

*) Шампольонъ, Лепсіусъ и др.

1857 г. въ продолженіе цѣлаго вѣка, носили на себѣ большую часть бремени общественныхъ бѣдствій. Коричневая раса выжила и выживетъ. Великіе бичи Индіи, культъ смерти, холера, появившаяся въ 1817 году у устьевъ Ганга уменьшили число ихъ очень нечувствительно. Это работники трезвые до того, что довольствуются такимъ низкимъ минимумомъ, котораго ничто не можетъ ни уменьшить, ни понизить, и вотъ почему все скользитъ по нимъ. Они по прежнему работаютъ для крупныхъ рынковъ Азіи—Явы и и Бассоры самой. Настоящая опасность для нихъ заключается въ томъ, чтобы европейцы, узнавъ произведенія ихъ и крайнюю дешевизну ихъ рабочихъ рукъ, не навязали имъ плохіе вкусы Европы, не исказили бы и не погубили индійское искуство *).

Желтая раса, такъ многочисленная и трудолюбивая, обладаетъ тысячью родовъ искусства причудливо-изящныхъ и тонкихъ, въ особенности гончарнымъ, образцы котораго варварскій грабежъ большаго китайскаго музея распространилъ повсюду. Изобиліе и относительная дешевизна подаютъ надежду, что отвратительныя поддѣлки Европы не одержатъ верхъ и не погасятъ искусство Азіи. Съ давнихъ временъ уже миссіи познакомили насъ съ желтою расою, обезображивая ее. Голландцы съ привычками ихъ къ осторожности, съ узкою монополіею, познакомили не лучше. Англичане, болѣе осторожные и хозяева Явы съ 1810, позже конторами своими въ Кантонѣ и Сингапурѣ, и въ особенности важною торговлею опіумомъ, открыли для себя китайскую имперію. Наконецъ Европа ворвалась въ него и научилась понимать его. Японцы, умные и энергичные, представляютъ желтую расу въ новомъ видѣ.

*) Области недавно завоеванныя лучше сохранились, но Кашемиръ уже упадаетъ, проникается дурнымъ европейскимъ вкусомъ, тяжеловѣсностью лондонскаго и капризами парижскаго.

Еслибы китайцы эмигрировали съ своими семействами, то дешевизна и драгоцѣнныя качества ихъ, какъ работниковъ, могли бы навести ужасъ на Европу. Крайнее отвращеніе расъ замедляетъ переселеніе ихъ въ Америку.

Негръ есть тайна. Очень долго думали, что это особая раса. Но свѣдѣнія, какія мы начинаемъ пріобрѣтать объ Африкѣ, даютъ намъ право думать, что это видоизмѣненіе черной расы, преимущественно населяющей западную Африку. На востокѣ, со стороны Абиссиніи, черная раса очень красива и, за исключеніемъ цвѣта кожи, похожа на бѣлыя расы и даже обладаетъ условіями прочности и не измѣняющейся красоты, которыя повидимому исключаютъ старость, какъ то говорили Геродотъ и многіе современные писатели, Шальо и др. Но по мѣрѣ приближенія къ сырымъ поясамъ запада, говоритъ Ливингстонъ, встрѣчаютъ болота, рѣки, множество земноводныхъ животныхъ, какъ-то гиппопотамовъ, животныхъ съ раздутыми формами и безобразно губастыми. Губы, какъ мягкія части, и затѣмъ животъ, первыя обезображиваются чудовищною вздутостью; мозгъ уменьшается въ той же мѣрѣ, какъ увеличивается вздутость эта. Отсюда эти странныя формы, напр. гориллы, а въ человѣческой породѣ—негритянскія расы, сонныя или судорожно подвижныя, какъ обезьяны. Древніе памятники Египта передавали превосходно странныя фигуры эти въ плѣнникахъ и рабахъ Сезостриса-Рамзеса II.

Быть негромъ слова эти означаютъ не столько расу, сколько настоящую болѣзнь, исцѣленіе которой черезъ извѣстный промежутокъ времени совершалось переселеніемъ въ другой климатъ. Уже негры родившіеся въ Америкѣ, имѣютъ менѣе черный оттѣнокъ кожи и становятся замѣтно коричневыми. Свобода и культура изглаживаютъ мало по малу скотоподобіе и приближаютъ чернокожую красоту не къ строгой

красотѣ Эѳіопіи, но къ граціи и трогательной нѣжности Европы *). Что же касается даровъ ума, то достаточно назвать величайшаго импровизатора Европы, Александра Дюма и такъ многихъ неустрашимыхъ и искусныхъ полководцевъ. Но наиболѣе сильно и характерично въ этой расѣ одно—это перемѣна происшедшая въ продолженіе полувѣка въ цѣломъ обществѣ этомъ, которое должно было все создавать, даже обновлять физическія условія свои и сдѣлаться, путемъ изумительнаго превращенія, такъ сказать, новою расою. Нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, если съ нѣкотораго времени великое движеніе это остановилось.

Да хранитъ Богъ Гаити и сохранитъ ему свободное, самопроизвольное движеніе его! Пусть европейцы и сѣвероамериканцы воздержатся и не наложатъ на него тяжелую руку свою, которая, подъ предлогомъ улучшенія и прогресса, испортитъ все и сдѣлаетъ изъ этой оригинальной страны такой же простой штатъ янки, какъ и многіе другіе въ великой американской республикѣ. Это прекрасный опытъ, который не должно подавлять при самомъ началѣ его. Отцы негровъ этихъ такъ много страдали, что на насъ лежитъ въ отношеніи геройски освободившихся сыновъ долгъ уважать свободу ихъ. Сверхъ того, Европа вполнѣ обязана слѣдить съ интересомъ за тѣми, которые, бывъ въ 89 г. рабами, родились

*) Квартеронки, въ ранніе годы съ нѣсколько лиловатымъ румянцемъ, легко затмѣваютъ самыхъ блестящихъ красавицъ Европы. У мулатовъ мы находимъ наиболѣе красивыхъ дѣтей въ мірѣ, съ тонкими чертами, тонкимъ носомъ и классическимъ профилемъ. Я видѣлъ маленькихъ Б... и дѣвицу Г.... дочь историка Гаити, отличавшуюся пикантной парижской красотой. Но наиболѣе оригинальной показалась мнѣ красота одной дѣвицы, (*грифъ*—помѣсь самаго темнаго оттѣнка) дочери М. М.... гаитскаго посланника въ Испаніи и извѣстнаго лѣтописца своей родины. Эта оригинальная красота полная прелести, пикантной и робкой таинственности, и дикости полной очарованія заставляла воскликнуть съ перваго взгляда на нее: «Прекрасна какъ ночь!»

внезапно не отъ библейской и протестанской революціи, но отъ философіи самой, отъ ученія о правахъ человѣка, которое Франклинъ, Пайнъ и Джефферсонъ приняли отъ Франціи XVIII вѣка. Книги ихъ—книги нашихъ учителей; въ особенности Дидеро, который—что такъ сильно чувствуется въ книгѣ Рэйналя, полной смѣси,—совершилъ эту революцію и возрожденіе черной расы.

Книга эта, полная напыщеннаго паѳоса и декламаціи, а мѣстами краснорѣчія и искренняго чувства, была евангеліемъ чернаго міра. Рэйналь, судя по очень немногимъ портретамъ его, которые я всѣ видѣлъ, смотритъ молодымъ человѣкомъ съ краснымъ лицемъ, полнокровнымъ, необузданной натуры и экзальтированнаго темперамента. Путешествуя по Швейцаріи, онъ былъ крайне удивленъ тѣмъ, что не видѣлъ памятника Вильгельму Теллю; онъ взялся за это и, хотя былъ очень небогатъ, поставилъ на островѣ Люцернскаго озера памятникъ Теллю вышиною въ пятьдесятъ футъ. Когда онъ готовилъ великій трудъ свой «Исторію европейскихъ учрежденій въ обѣихъ Индіяхъ», онъ часто ходилъ подогрѣвать жаръ свой у пламеннаго очага—Дидро. Послѣдній, истый волканъ, давалъ ему не только искры, чтобы освѣтить предметъ его, но цѣлыя страницы, настоящіе потоки лавы, жара нѣсколько декламаторскаго, но истины, увы! слишкомъ неопровержимой, объ этой страшной Иліадѣ бѣдствій двухъ свѣтовъ, Стараго и Новаго. Книга эта, самыми недостатками времени своего, имѣла громадное вліяніе. Ее читали, ее распространяли даже тѣ, кого она обвиняла. Можно сказать, что въ этомъ вѣкѣ Франція говорила за весь міръ; книга Рэйналя имѣла на черный міръ то вліяніе, какое Эмиль Руссо имѣлъ на Европу.

Въ Сенъ-Доминго колонисты наши, важные сеньеры ни-

сколько не предвидя то, что должно было произойти, были апостолами Рэйналя, такъ же какъ и Руссо. Герои мулаты, которые, какъ Оже, опираясь на декреты собранія, осмѣлились первые говорить о свободѣ и запечатлѣли кровью своею требованіе свое, видѣли въ Рэйналѣ евангеліе. Рэйналь былъ евангеліемъ негра Туссена Лувертюръ, которому вѣроятно книгу эту далъ г. Байу де Либерта, молодой господинъ его. Туссенъ былъ рабомъ, по крайней мѣрѣ пятидесятилѣтнимъ, очень уважаемымъ, очень разумнымъ, умѣвшимъ кое-какъ читать. Сперва онъ былъ пастухомъ и потому смыслилъ кое-что въ леченіи скота. Онъ сдѣлался правой рукой въ плантаціи; вообще онъ былъ задумчивъ, созерцатель, и читалъ по очереди библію и Рэйналя. Онъ былъ сверхъ того человѣкомъ разсчетливымъ и очень осторожнымъ. Это именно и отличаетъ его отъ прочихъ основателей черной республики, генераловъ Риго, неустрашимаго льва Кристофа и др. И въ хорошемъ и въ дурномъ ему приписываютъ многое сдѣланное другими. Прекрасные историки Гаити гг. Гардуэнъ и Мадіу хорошо познакомили насъ съ нимъ.

Нѣкоторыя интересныя подробности однако, находятся только въ небольшой книгѣ, хвалить которую мнѣ запрещено, но которую впрочемъ хвалила пресса и Франціи и Европы. Г-жа Мишле въ «Запискахъ дѣвочки» разсказываетъ, что отецъ ея, бывшій въ то время молодымъ человѣкомъ, хотя великодушное сердце заставило его стоять за черныхъ, едва не былъ разстрѣлянъ ими по ошибкѣ. Туссенъ пощадилъ его и взялъ сначала наставникомъ къ сыну своему, а потомъ къ себѣ секретаремъ. Какъ ни былъ недовѣрчивъ Туссенъ, но ради собственной пользы, онъ былъ принужденъ высказываться во многихъ вещахъ передъ молодымъ человѣкомъ, образован-

нымъ и къ тому же очевидно чистосердечнымъ *). Г-жа Мишле описываетъ еще торжество Туссена на Копѣ, когда духовенство дало ему нести причастіе подъ бархатнымъ балдахиномъ въ процессіи, праздникъ, устроенный для него дамами бѣлыхъ, и попытки его возобновить обработку земли, заставляя работать негровъ уже болѣе не рабовъ, но солдатъ.

Катастрофа хорошо извѣстна: Наполеонъ, чтобы устроить тронъ сестрѣ своей, составилъ варварскій планъ задушить этотъ зараждавшійся міръ. Нигдѣ тиранія его не проявилась болѣе дикой, нежели въ этомъ покушеніи, въ которомъ онъ похоронилъ остатки армій египетской и итальянской. Человѣкъ, написавшій ему смѣлое письмо (*первый изъ черныхъ первому изъ бѣлыхъ*) былъ захваченъ и отвезенъ въ Европу; онъ погибъ тамъ буквально въ снѣжномъ аду, въ мрачномъ фортѣ Жу, самомъ холодномъ мѣстѣ Франціи. Туссенъ погибъ. Гаити пережило его. Семя, посѣянное тамъ Франціею, выказало геройскую жизненность, въ сопротивленіи наполеоновской Франціи. Конечно, желтая лихорадка тоже запрещала входъ въ Гаити, но еще гораздо прежде чѣмъ могли предвидѣть запрещеніе это, мужество чернаго сердца было уже съ перваго акта заявлено. Всѣ государи земли, дрожавшіе передъ

---

*) Когда весь домъ спалъ, онъ будилъ отца моего (самъ онъ спалъ не болѣе двухъ-трехъ часовъ). Онъ говорилъ сначала о неопредѣленныхъ вещахъ, потомъ мало по малу начиналъ выщупывать молодого человѣка, желая узнать, какое-нибудь слово, какую-нибудь идею. Свѣтлые глаза молодаго человѣка, сіяющій взглядъ его, выразительная южнофранцузская физіономія открывали ясно всю мысль его. Туссенъ, не безъ зависти, воспринималъ этотъ свѣтъ. Самъ онъ не выказывалъ ничего. При тускломъ свѣтѣ небольшой лампы, мрачное лицо его казалось еще чернѣе; онъ былъ зорокъ какъ рысь, выслѣживая взглядомъ; но чуть наблюдали за нимъ, онъ уходилъ въ себя, скрывалъ взглядъ свой. Поднявъ глаза къ небу, онъ закатывалъ зрачки свои, скрывалъ ихъ подъ толстыми вѣками и показывалъ одни бѣлки. Тогда онъ становился отвратительнымъ. Отецъ мой, какъ ни былъ онъ молодъ и мужественнѣнъ, отвращалъ свой взглядъ. Г-жа Мишле *Записки Дѣвочки* стр. 312.

Наполеономъ были унижены: передъ сильнымъ флотомъ, передъ страшной артиллеріей и арміей единственной въ мірѣ, передъ страшнымъ міру знаменемъ, не сморгнулъ только одинъ негръ: черный Кристофъ заряжалъ пушки и стрѣлялъ.

Но истинной французской пушкой восемнадцатаго вѣка, была пушка Дидро и Рэйналя громившая лже Францію, Францію корсиканца и рабства. Тогда хорошо увидѣли какъ много Гаити получило отъ Франціи, потому что не смотря на кровавыя насилія Дессалина противъ бѣлыхъ, которыхъ—что было вполнѣ естественно — такъ ненавидѣли и такъ подозрѣвали, огромное большинство черныхъ поддерживало умѣренныхъ, Петіона и Бойе, мягкость которыхъ лучше выражала общее чувство страны.

Что совершится въ будущемъ? Сдѣлавшись болѣе просвѣщенными, мы, я думаю, поймемъ великую истину того, что сказалъ другъ мой, докторъ Бертильонъ (Diéte de médecine); что наши тропическія колоніи всегда будутъ для насъ ничѣмъ инымъ, какъ кладбищами. Русскіе, если вступятъ въ Индію останутся тамъ еще менѣе продолжительное время, нежели англичане. Послѣдніе падутъ подъ великой задачей своей— колонизировать весь шаръ земной. Придется неизбѣжно европейцамъ уступить этотъ страшный трудъ расамъ болѣе крѣпкимъ. Желтая раса, изобрѣтательная столько же сколько и работящая, черная, превосходящая ее по нравственнымъ качествамъ *), будутъ призваны самими европейцами и расы эти, столько времени изгоняемыя, презираемыя, однѣ будутъ, при истощеніи бѣлой расы, спасеніемъ земнаго шара.

*) Негръ требуетъ воспитанія совершенно различнаго отъ воспитанія бѣлаго: сначала танцы, музыка, потомъ искуства рисованія и письма, и наконецъ, чтеніе, граматика, литертура и пр. Начинать съ чтенія значитъ изсушать ихъ.

КНИГА ПЯТАЯ

Занятіе Рима французами.

О Лиссабонѣ, о Мадритѣ (1808).

I.

Занятіе Рима французами.

Возвратимся къ Наполеону и великой драмѣ Европы. Тильзитское свиданіе, казалось, положило къ ногамъ его цѣлый міръ. Въ опьяненіи гордости онъ сдѣлалъ двѣ вещи, совершенно противорѣчившія одна другой: съ одной стороны довелъ разрывъ съ папой до послѣднихъ крайностей, а съ другой—началъ губительную войну для завоеванія двухъ народовъ, наиболѣе папистскихъ въ Европѣ. Простой здравый смыслъ говорилъ, что для этого послѣдняго предпріятія нужно отсрочить кризисъ римскихъ дѣлъ и не возстановлять противъ себя папскій престолъ. Въ бесѣдѣ своей во время Тильзитскаго свиданія, Наполеонъ, говоря Александру о ссорѣ своей

съ папой, услышалъ, какъ то передаютъ, отъ царя слѣдующее: «Я папа у себя, это гораздо удобнѣе». Это слово тѣмъ болѣе поразило Наполеона, что отвѣчало собственнымъ инстинктамъ его. Воспитанный патерами, большой поклонникъ Людовика XIV, онъ очень рано понялъ, что сильное самовластіе можетъ быть сильно, только опираясь на религіозныя основы, вырости на глубокомъ корнѣ воспитанія въ строжайшемъ подчиненіи.

Какъ только онъ сдѣлался императоромъ, онъ занялся катехизомъ императорскимъ, книгою, изъ которой дѣти должны были учиться, какъ члену символа вѣры «законности неограниченной наполеоновской власти.» Порталисъ совѣтывалъ ему принять катихизисъ Боссюэта. Но то, что была достаточно для Людовика XIV (*Поученіе повиноваться вообще властямъ*) было недостаточно для Наполеона. Онъ самъ диктовалъ легату Капреры главу, въ которой ребенокъ долженъ учиться наполеоновскому символу вѣры—безбожному, идолопоклонническому, обоготворенію одного человѣка *).

Папа узналъ это только 5 мая 1806 г. изъ статьи Журнала Имперіи (Journal de l'Empire **). Одно уже окончательно рисуетъ всѣхъ этихъ честныхъ людей—то, что епископы нашли противъ новаго катехизиса только одно возраженіе, а именно опущеніе статьи, которую Наполеонъ прибавилъ впослѣдствіе: *внѣ церкви нѣтъ спасенія*. Мы уже говорили выше и никто не опровергнулъ этого, что папа, отправляясь въ Парижъ, надѣялся, что тѣмъ заставитъ отдать обрадно себѣ Болонью и легатства. Такъ сговорчивый по отношенію духовнаго дѣла—

---

*) См. Оссонвиль со словъ Консальви, Жофре и др.

**) Онъ не протестовалъ, потому что его удержали дѣла болѣе важныя, говоритъ хладнокровно Оссенвиль; какъ будто могло быть дѣло болѣе важное, нежели это отравленія дѣтства.

катехизиса, онъ былъ удивительно настойчивъ въ дѣлахъ мірскихъ и церковныхъ. Когда послѣ Аустерлица снова отняли венеціанскія области, онъ хотѣлъ получить за то вознагражденіе. Онъ всегда требовалъ своего вымышленнаго права на Неаполь и южно-итальянскія княжества, Беневентъ и др. Пій VII, лично не особенно алчный, былъ окруженъ недостойнымъ дворомъ (Антонелли и др.), характеръ котораго не скрываетъ даже самъ г. Оссонвиль.

Эти интриги заставили папу еще глубже впасть въ неблагодарность противъ благодѣтеля своего, который дѣйствительно возстановилъ его въ Римѣ побѣдою при Маренго и который съ тѣхъ поръ своимъ вліяніемъ на Европу такъ сильно поднялъ католицизмъ. Римскій дворъ вполнѣ преданный Англіи, передъ Іеной еще надѣялся. Послѣ Іены, придя въ отчаяніе, онъ открылъ противъ Бонапарте очень безчестную войну,—это говорилъ самъ Оссонвиль—и мстилъ отказомъ утверждать епископовъ назначаемыхъ императоромъ. Это привело Наполеона въ сильное бѣшенство и онъ въ письмѣ очень неразумномъ, которое написалъ принцу Евгенію для того, чтобы тотъ показалъ его папѣ, говорилъ: «Чего же хотятъ? Обрѣзать мнѣ волосы? Но пусть это хорошо помнятъ: я буду Карломъ Великимъ, а не Людовикомъ Добрымъ».

И такъ война была объявлена между двумя властями, которыя дѣйствовали различными оружіями и средствами. Бонапарте взялъ у папы Анкону, которую бы не то захватили англичане, и сверхъ того главную военную дорогу, которая ведетъ отъ Ломбардіи въ Неополь. Съ своей стороны, папа отказывалъ въ буллахъ епископамъ, назначаемымъ Наполеономъ. Вещь очень не ловкая, говоритъ самъ г. Оссонвиль: это имѣло видъ, будто папа хотѣлъ отмщать за личныя обиды свои на счетъ спасенія христіанскихъ душъ. Наполеонъ и

въ очень многихъ вещахъ затрогивалъ духовенства. Онъ отнялъ имущества у епископовъ-электоровъ Рейна; въ Италіи онъ создавалъ новые капитулы, семинаріи, соединялъ по нѣсколько монастырей въ одинъ. Онъ съ особенною напыщенностью обнародовалъ, что университетъ императорскій есть духовная власть своего рода, имѣющая назначеніе *учить добру и обличать зло.* Высокая функція, составлявшая въ нѣкоторомъ смыслѣ священную власть, глава которой мірянинъ Фонтанъ, получилъ древнее и почетное званіе *великаго магистра.* Наконецъ, нравственная власть, присвоенная университету, была дана ему именно въ тотъ моментъ, когда Наполеонъ думалъ, что папство скоро кончится, 23 января и 17 марта 1808.

Для того чтобы справедливо судить отношенія Бонапарте къ папѣ, нужно вспомнить, что съ тѣхъ поръ, какъ кардиналъ Іоркскій и Стюарты нашли убѣжище въ Римѣ, уже болѣе вѣка тому назадъ, Римъ оттого сталъ въ тоже время городомъ англійскимъ и якобитскимъ. Небольшой дворъ претендента, усиленный разбойниками Неаполя, (Антонелли и др.) и неистовыми эмиссарами Каролины, сильно надавливалъ на папу и принуждалъ его дѣйствовать въ своемъ духѣ. Въ моментъ Тильзита, въ остолбенѣніи, какое навело на Европу событіе такое важное и такъ непредвидѣнное, папа написалъ письмо ангельской кротости, въ которомъ приглашалъ Бонапарте пріѣхать къ нему въ Римъ и остановиться у него въ Ватиканѣ. Но не было никакой возможности сговориться. Г. Оссонвиль самъ сознается (т. II, стр. 390) что все было порвано изъ за двухъ статей, которыхъ Наполеонъ не требовалъ уже болѣе. Все дѣло тянулось съ безконечными измѣненіями. Пій VII самъ сказалъ, по отзывамъ совѣтниковъ

его: «Церкви необходимо подвергнуться преслѣдованію. Если онъ возьметъ Римъ, мы укроемся въ катакомбахъ».

Конецъ 1807 г. чрезвычайно смутенъ, полонъ засадъ, ударовъ изъ за угла. Англичане, встревоженныя Тильзитомъ, секретныя условія котораго были скрыты отъ нихъ, воспользовались имъ какъ предлогомъ еще разъ напасть на Копенгагенъ, который, какъ утверждали они, Бонаперте хотѣлъ захватить; и потому они сами захватили его 7 сентября, забрали весь флотъ стоявшій у береговъ и всю прибрежную артиллерію, около 3,500 пушекъ. Бонапарте въ отместку взялъ два города, которые онъ считалъ, и не безъ причины, англійскими городами: Лиссабонъ и Римъ. Лиссабонъ и Португалія съ 1701 г. были складомъ англійской торговли, а Римъ однимъ изъ главныхъ центровъ европейской дипломатіи ихъ.

Въ январѣ 1808, Наполеонъ писалъ: «Если французы войдутъ въ Римъ и тайно сойдутся съ римлянами, то папство перестанетъ существовать». Но развѣ не было вполнѣ вѣроятнымъ, что націи такъ сильно католическія, испанцы и португальцы, примутъ сторону папы? Не смотря на всѣ предосторожности бонапартовскаго генерала, занятіе Рима разнеслось по Европѣ и надѣлало много шума. Ночью монахи били статуетки Мадонны и увѣряли, будто французы разбили ихъ. Къ тому же папа объявилъ всѣмъ посланникамъ находившимся въ Римѣ о томъ, что онъ называлъ плѣномъ своимъ и говорилъ: «Я теперь какъ плѣнникъ».

II.

Измѣна Испаніи. 1808 г.

Неизмѣннымъ образомъ дѣйствія Наполеона была неожиданность. Это замѣтили въ отношеніи политики его; но и въ свойственномъ ему искуствѣ—въ войнѣ, онъ постоянно повторялся въ этомъ смыслѣ. Военные писатели замѣтили это, какъ полковникъ Леконтъ изъ Лозанны и др. Откуда явилась эта наклонность? Было ли то слѣдствіемъ корсиканской крови, предрасположенія расы этой, или примѣръ знаменитыхъ итальянскихъ кондотьери исторіи, которыхъ онъ конечно изучалъ въ молодости вмѣстѣ съ исторіей Генуи. Наполеонъ повторялся съ невыносимымъ однообразіемъ. Послѣ неожиданнаго захвата Лисабона въ ноябрѣ 1807, произошелъ захватъ Рима въ февралѣ и мартѣ, наконецъ Испаніи въ апрѣлѣ и маѣ.

Какъ ни были пріучены французы къ военной дисциплинѣ, но Ланнъ нашелъ португальское дѣло неблагороднымъ и съумѣлъ отклонить его отъ себя. Жюно, которому его поручили, явился какъ разъ во время для того только, чтобы разыграть смѣшную роль собаки, которая хватаетъ воздухъ въ то время, какъ заяцъ бѣжитъ. Онъ стрѣлялъ изъ пушекъ по флоту, который былъ уже далеко, унося въ Бразилію всѣ сокровища и весь цвѣтъ общества. Это пошло легендой. Европѣ показали геройскую картину народа, который всему мірѣ предпочелъ свободу и, чтобы бѣжать отъ тирана, покидалъ свои могилы, храмы, всѣ воспоминанія свои. Легенда достойная Камоэнса. Едва передохнули, какъ неловкій Бонапарте далъ поводъ къ другой, болѣе потрясающей и возмутительной. То была легенда о захватѣ Рима, о почтенномъ первосвященникѣ-плѣнникѣ, лишенномъ всякаго пріюта, кромѣ

катакомбъ, какъ онъ самъ говорилъ. Всѣ женщины въ Европѣ плакали о томъ, а мужчины негодовали. Вскорѣ полилась кровь.

Тогда разразился погромъ Испаніи—третья легенда, такой безобразный и носившій такую омерзительную личину. Самъ Наполеонъ отвернулся отъ него и предоставилъ сдѣлать все дѣло Савари, привыкшему со смерти герцога Энгіенскаго къ дѣлу палачей. Въ продолженіи двухъ мѣсяцевъ въ Миланѣ Наполеонъ притворялся глухимъ и слѣпымъ, не получалъ никакихъ писемъ, или не отвѣчалъ на нихъ, не желая знать ничего ранѣе, нежели дѣло будетъ сдѣлано. То была омерзительная итальянская штука, сѣверное имброгліо, въ которомъ онъ подавалъ неожиданность за неожиданностью и заставилъ небольшую пьеску, съ игранную съ Португаліей, служить гигантскому замыслу—спрятать себѣ въ карманъ и проглотить двѣнадцать королевствъ Испаніи и американскія владѣнія ея. Жюно, на пути своемъ въ Лиссабонъ, долженъ былъ, пользуясь договоромъ заключеннымъ съ Испаніею, приготовить путь къ вторженію въ Испанію и захвату крѣпостей ея.

Талейранъ отсовѣтывалъ это коварство; но передъ совершеніемъ его, онъ отошелъ въ сторону, уклонился вовремя. Наполеонъ, пріученный встрѣчать ото всѣхъ только одно одобреніе, потерялъ совершенно мѣру того, что можно смѣть дѣлать, не возбуждая слишкомъ сильно негодованія всего европейскаго общества. Мало по малу онъ окружилъ себя личностями слишкомъ хорошо извѣстными въ Европѣ, напр. Ровиго (Савари), котораго онъ упорно посылалъ повсюду, въ Испанію, какъ и въ Россію, гдѣ личность эта была въ особенности ненавистна. Справедливость требуетъ сказать, что уже десять лѣтъ Германія вовсе не была управляема, она была предоставлена своей судьбѣ, подъ властью принца Мира, жалкаго

фаворита, и потому съ двухъ сторонъ пытались захватить ее. Питтъ мечталъ о колоніяхъ и въ 1802 г. англичане, которымъ смерть Павла открывала союзъ съ Россіею путемъ наиболѣе мирнымъ—брака, надѣялись наложить руку на Испанію.

Неистовая фурія, Каролина неаполитинская, по совѣту другой фуріи, Эммы Нельсонъ, выдала дочь свою Антонію за Фердинанда, наслѣдника испанскаго государства. Антонія эта, обладавшая духомъ матери, вскорѣ умерла; но она въ четыре года сдѣлала изъ Фердинанда чудовище честолюбія, врага отца и въ особенности матери, ради фаворита своего, принца Мира. Она интриговала противъ Наполеона. По смерти ея, совѣтники Фердинанда склонили его къ Наполеону. Принцъ Мира самъ не зналъ кого держаться; считая Наполеона побѣжденнымъ, онъ изготовилъ манифестъ о союзѣ съ Англіею и Россіею, затѣмъ послѣ Іены договоръ о захватѣ Португаліи, которую хотѣлъ раздѣлить съ Наполеономъ.

Въ этомъ же мѣсяцѣ (октябрь 1807) Фердинандъ, изъ ненависти къ фавориту и къ матери своей поддерживавшей его, составилъ какъ то говорили, заговоръ, чтобы разыграть въ Мадритѣ трагедію отцеубійства, съ цѣлью самому вступить на престолъ. Это отрицали, но безъ всякихъ доказательствъ; за то есть много вѣроятностей, заставляющихъ признать, что заговоръ отцеубійства существовалъ. Къ тому же никогда еще природа не придавала такого чудовищнаго выраженія преступленія, какое она придала физіономіи Фердинанда. Онъ былъ молодъ, а черты лица его были чертами стараго проклятаго грѣшника. И такъ этотъ добрый сынъ, опасаясь, что принцъ Мира забѣжитъ къ Наполеону прежде него, сдѣлалъ рѣшительный шагъ, донесъ Наполеону на отца. И это не все. Перечитывая письмо съ доносомъ (28 ок. 1807 г.) въ немъ находятъ вещь еще болѣе ужасную: декретъ будущаго короля

Испаніи съ пробѣломъ для числа, вручавшій одному изъ фаворитовъ его управленіе мадритской провинціей по *смерти царствующаго короля,* отца того, кто писалъ декретъ. Король былъ убитъ отчаяніемъ. Въ ужасѣ онъ просилъ совѣта у друга своего, Наполеона, который въ благодарность за довѣріе его, ускорилъ отправленіе войска, посланнаго завладѣть Испаніей.

Наполеонъ видѣлъ, какъ все улыбалось ему. Не только король и Фердинандъ были за него; но народъ и сама Испанія. Этому народу, такъ богатому воображеніемъ и такъ податливому на обаяніе великихъ побѣдъ, Наполеонъ казался Сидомъ; солдаты его встрѣчали хорошій пріемъ, удивленіе. Сама церковь, которая не знала еще ничего о разрывѣ его съ папой, разразившемся не ранѣе марта, видѣла въ немъ возстановителя религіи во Франціи и потому шла ему на встрѣчу. Чего онъ хотѣлъ? Онъ самъ едва ли зналъ это. Позже онъ хвалился тѣмъ, что у него была только одна идея: *воскресить Испанію.* Но чѣмъ? Двадцатью планами, которые противорѣчили одинъ другому.

Положеніе, которое вскорѣ вызвало кровопролитіе и принесло смерть, было въ принципѣ своемъ чѣмъ то странно-безумнымъ, настоящимъ карнаваломъ. Наполеонъ держалъ въ рукѣ своей ужъ я не знаю сколько испанскихъ королей. Прежде всѣхъ стараго Карла IV, который убѣжалъ бы если могъ, который отрекся изъ страха, взялъ назадъ свое отреченіе и искалъ спасенія у Наполеона, т. е. въ самой опасности; потомъ Фердинанда, котораго Испанія обожала, не смотря на звѣрскую наружность его, и который тоже далъ себя опутать лапами паука; наконецъ принцевъ собственной фамиліи, родныхъ по крови или брачнымъ связямъ, Мюрата, который на основаніи нѣсколькихъ темныхъ словъ Наполеона, питалъ надежду овладѣть этимъ обширнымъ королевствомъ.

И въ то же время Наполеонъ тайно предлагалъ корону Испаніи брату своему, Людовику, у котораго хватило здраваго смысла отказаться. Іосифъ то же отказался бы, если бы могъ, но ему не дали времени. Его вызвали и, не спрашивая хотѣлъ онъ или нѣтъ, посадили королемъ Испаніи.

Мы далѣе увидимъ продолжительное страданіе Іосифа, мученика короны, которою онъ собственно говоря, никогда не владѣлъ. То англичане, прикрываясь именемъ Фердинанда захватывали сегодня западъ, завтра югъ; то интриганъ Сультъ дѣлалъ себя чуть не королемъ Андалузіи. Но самымъ тяжелымъ было то, что Наполеонъ, жалѣя о томъ, что отдалъ Испанію, хотѣлъ всѣми средствами вернуть ее. Самою ужасною комедіею, какую когда либо видѣли, былъ способъ, какимъ Савари, безстыдный лжецъ, наполовину надеждами и обѣщаніями, на половину страхомъ, силой и принужденіемъ похитилъ Фердинанда и вытолкалъ его къ границѣ, не смотря на народъ, желавшій остановить короля; потомъ, когда штука была продѣлана и дичь загнана до Байонны, онъ, безстыдно снявъ маску, сказалъ на другой же день Фердинанду: «Домъ Бурбоновъ пересталъ царствовать въ Испаніи.»

Вся Европа вздрогнула отъ ужаса, узнавъ о послѣдовавшей за тѣмъ сценѣ. Начиная съ Атридовъ, ничто въ древнемъ театрѣ не имѣло такого проклятаго, такого отвратительнаго вида, какъ эта мать, которая, увидѣвъ поблѣднѣвшаго жалкаго Фердинанда, сказала ему, чтобы доканать его: «Ты родился отъ прелюбодѣянія, ты только сынъ моего позора, а не наслѣдникъ испанской короны.» И все это было сказано при мужѣ ея, Карлѣ VI, который, махая тростью, осыпалъ незаконнорожденнаго проклятіями и заставилъ его возвратить королевство и только для того, чтобы уступить королевство это императору. Императоръ былъ не доволенъ Фердинандомъ, котораго онъ

называлъ *лукавцемъ*; для лукавца у него были воспоминанія о герцогѣ Энгіенскомъ, о рвахъ Венсенскихъ. Наполеонъ сказалъ ему и повторялъ много разъ, что прикажетъ разстрѣлять его какъ эмигранта. Такимъ образомъ, раздавивъ его страхомъ, онъ отдалъ его подъ присмотръ Талейрана, которому поручилъ забавлять его какими нибудь хорошенькими женщинами. Наконецъ онъ еще глубже забилъ его въ грязь, до такой степени, что Фердинандъ написалъ поздравительное письмо Іосифу, новому королю Испаніи.

Всѣ эти возмутительныя, звѣрства происходили, какъ это думали, безъ свидѣтелей въ замкѣ Маррокъ близь Байонны. Но Испанія была тамъ и слышала все. Объясню. Образовалась юнта для управленія королествомъ во время отсутствія Фердинанда; но юнта эта, предвидя что будетъ не въ безопасности оставаясь въ Мадритѣ, постановила, что собранія ея будутъ происходить въ Сарагоссѣ, центрѣ Арагоніи, провинціи прославленной сопротивленіемъ своимъ. Наполеонъ созвалъ въ Байонѣ лже-представителей Испаніи. Сарагосса воспользовалась этимъ предлогомъ, чтобы сговорится съ друзьями Фердинанда и послать депутатовъ въ Байонну; она выбрала арагонскаго дворянина, человѣка очень энергическаго, молодаго Палафокса, который собралъ свѣдѣнія и узналъ всѣ ужасающія подробности. Онъ разнесъ ихъ по Испаніи вмѣстѣ съ омерзѣніемъ къ Наполеону. Мнѣніе Палафокса было такое: если Фердинандъ останется плѣнникомъ, то надо призвать на королевство великаго военачальника Австріи, эрцгерцога Карла, который былъ нѣсколько сродни испанскимъ Бурбонамъ. Принцъ этотъ съ 1806 г. работалъ надъ переформировкой австрійской арміи. Призвать его, значило соединить противъ Наполеона всѣ элементы сопротивленія—германскіе и испанскіе.

III

Возстаніе Испаніи. Май 1808 г.

Наполеонъ самъ освободилъ Испанію, подавъ сигналъ освобожденія ея рѣзнею въ Мадритѣ. Онъ говорилъ и часто повторялъ это въ письмахъ своихъ, что нѣтъ лучшаго способа для основанія новаго владычества, какъ бунтъ энергически подавленный. 13 вандемьеръ и возстаніе Карла твердо укрѣпили его въ этомъ мнѣніи. Отъѣздъ двухъ остававшихся принцевъ королевскаго дома былъ причиною возстанія въ Мадритѣ. Но оно произошло бы даже и безъ этой причины. Кромѣ раздраженія, кромѣ изумленія вызванныхъ въ народѣ удивительнымъ коварствомъ Наполеона, народъ Мадрита долженъ былъ считать послѣднимъ оскорбленіемъ то, что ему данъ былъ въ государи скоморохъ. Мюратъ съ фантастическими костюмами его казался скоморохомъ народу; его розовое или яблочно-зеленое платье, мѣха, которые онъ носилъ среди лѣта, все казалось въ немъ нелѣпымъ. Императоръ Александръ былъ скандализованъ, видя возлѣ французскаго императора такого комедіанта; а это поражало еще рѣзче среди испанскаго народа, постоянно одѣтаго въ черное. Прибавьте къ этому странную смѣсь одеждъ въ свитѣ Мюрата; уланы, мамелюки его казались крайне странными фигурами, невиданными на улицахъ Мадрита.

Въ ту минуту, когда, испанскіе принцы противъ воли покидали дворецъ, одинъ изъ нихъ заплакалъ и отказался ѣхать Это тронуло народъ, собравшійся на площади, и онъ едва не убилъ одного адъютанта торопившаго отъѣздъ. Но взрыва этого ждали, и Мюратъ за ранѣе принялъ мѣры, онъ располагалъ арміей. Небольшой испанскій гарнизонъ не выступилъ,

за исключеніемъ отряда артиллеріи, офицеры котораго всѣ до одного дали убить себя. Французская кавалерія, уланы, мамелюки преслѣдовали бѣглецовъ въ домахъ. 800 испанцевъ и 400 французовъ—такова, какъ говорятъ, была цифра убитыхъ Самое худшее было то, что Мюратъ, обѣщавшій амнистію тѣмъ, которые возвратятся въ дома свои, на другой же день передумалъ, счелъ принятыя мѣры недостаточными и приказалъ схватить и разстрѣлять еще человѣкъ сто изъ числа испанцевъ, мирно возвратившихся въ дома свои. Мюратъ, по природѣ своей, не былъ кровожаденъ; но испанскій тронъ, который онъ думалъ уже держать въ рукахъ своихъ, ожесточилъ сердце его и здѣсь, какъ вѣрно выразился г. Ланфре: «Мюратъ выказалъ себя вполнѣ королемъ».

Но въ самый день казней Наполеонъ извѣщалъ его изъ Байоны: «Что не онъ будетъ королемъ Испаніи, но Іосифъ». Все равно казни совершенныя Мюратомъ получили высокое одобреніе Наполеона, который писалъ: «Главная часть дѣла сдѣлана, мадритскій урокъ рѣшилъ дѣло, все будетъ скоро кончено». Онъ писалъ это въ серединѣ мая: но 9-го началось уже возстаніе Испаніи. Астурія, самая маленькая изъ провинцій, древняя колыбель пелазговъ, возстала и 24-го героически объявила войну властелину Европы. Испанцы выказали то же величіе души и въ Лондонѣ, гдѣ они объявили, что полагаются только на самихъ себя и просятъ у Англіи только одной нравственной поддержки. Надо прочесть у Торрена, и ни у кого другаго, великолѣпное описаніе этого великаго явленія, изумительнаго единодушія столькихъ и такъ вполнѣ согласовавшихся другъ съ другомъ возстаній провинцій, такъ разнородныхъ по расѣ и по духу. Все въ одно мгновеніе было охвачено огнемъ. Первый взрывъ произошелъ въ западныхъ горахъ, второй—немедля на востокѣ, въ Карфагенскомъ портѣ.

Онъ задержалъ испанскій флотъ, который безъ него отослали бы въ Тулонъ.

Однако я замѣтилъ, что Торрено, въ прекрасномъ и очень длинномъ повѣствованіи своемъ, описываетъ только одинъ взрывъ патріотизма, но не религіознаго фанатизма, и самъ настоятельно говоритъ, что хотѣлъ опровергнуть Наполеона, по словамъ котораго возстаніе было только одною религіозною революціею, подожженною монахами. Но все таки, даже не придерживаясь мнѣнія Наполеона, крайне трудно повѣрить тому, что извѣстіе о плѣнѣ папы въ Римѣ, извѣстіе такъ сильно распространившееся въ цѣлой Европѣ съ марта 1808 г. могло не имѣть никакого дѣйствія въ Испаніи; ни тому, что рѣзня, произведенная отчасти мамелюками нашими, не утвердила народъ въ мысляхъ, будто мы язычники и сарацине. Я знаю хорошо, что первымъ дѣломъ Наполеона и Іосифа было сильно позаботиться объ умиротвореніи церкви; они льстили инквизиціи и высшему духовенству, которые шли имъ на встрѣчу. Но у Торрено самого, страшная исторія Валенціи показываетъ вполнѣ ясно всѣ разнообразныя броженія, волновавшія духовенство.

Городъ этотъ, славящійся прекраснымъ климатомъ и обработанными землями своими, былъ театромъ народной и клерикальной рѣзни, которую можно назвать 2 сентября Испаніи. Разсказъ Торрено совершенно переворачиваетъ всѣ наши понятія въ томъ смыслѣ, что священникъ патріотъ былъ монахомъ францисканцемъ, по имени Риччи; а что священникъ папистъ и зачинщикъ рѣзни былъ достопочтеннымъ каноникомъ мадритскаго собора, имя его было Кальво. Францисканецъ поднялъ революцію въ Валенціи и поддерживалъ ее во всей патріотической чистотѣ ея, когда прибылъ изъ Мадрита каноникъ-папистъ, который и нашелъ мѣсто

уже занятымъ. Францисканецъ былъ вождемъ революціи. Высокій мадридскій іерархъ очень долго употреблялъ всѣ усилія, чтобы переманить въ римскую и іезуитскую партію этого краснорѣчиваго монаха, народнаго трибуна; но это не удалось ему и онъ возненавидѣлъ Риччи на смерть. Въ Валенціи въ то время жило много французовъ торговцевъ виномъ и шелкомъ. Каноникъ Кальво, придумалъ, что если поднять народъ на рѣзню французовъ, то можно будетъ найти случай убить тоже и вождя умѣренныхъ, францисканца Риччи.

Это казалось дѣломъ довольно легкимъ. Населеніе Валенціи видѣло въ этомъ только справедливое возмездіе за великую, рѣзню, совершенную Мюратомъ въ Мадритѣ. Слишкомъ 300 человѣкъ французовъ скрылись въ цитадели. Кальво пошелъ къ нимъ, увидѣлъ, что они испуганы криками народа, и обѣщалъ спасти ихъ. Обѣщаніе это вызвало ихъ изъ убѣжища и всѣ были перерѣзаны у воротъ его. Сцена, произошедшая тогда превзошла даже ужасы Варѳоломеевской ночи. Сострадательные люди, чтобы спасти несчастныхъ жертвъ, принесли наиболѣе почитаемые мощи Валенціи. Благочестивые убійцы умилились и съ этой минуты рѣзали, только давъ жертвамъ время исповѣдаться. Можно угадать что это была за сцена, что за омерзительная смѣсь душеспасительныхъ увѣщаній и отпущеній грѣховъ людей, хрипѣвшихъ подъ кинжалами. Кальво навѣрно разсчитывалъ, что Риччи, вступаясь за жертвы, погибнетъ и самъ. И онъ дѣйствительно едва не погибъ на слѣдующій день, когда онъ доносилъ судьямъ о преступленіяхъ этой ночи, клевреты Кальво привели въ залу засѣданія еще восемь французовъ и зарѣзали ихъ у ногъ самихъ судей.

Судьи, внѣ себя, смогли наконецъ арестовать Кальво и 3 іюля, въ полночь, удушили его въ темницѣ; то былъ смѣлый, ударъ, наведшій ужасъ на убійцъ. Тогда воспользовались ужа-

сомъ этимъ, говоритъ Торрено, и въ продолженіе двухъ мѣсяцевъ 200 чел. *) были задавлены. Множество жителей Валенціи убѣжали въ Сарагоссу, какъ это дѣлалось въ то время во всѣхъ городахъ Испаніи: такимъ образомъ создался центръ сопротивленія, который два раза останавливалъ непріятеля. Европа смотрѣла, удивлялась и сама ободрилась. Двойственное сопротивленіе Испаніи, изъ какихъ бы разнородныхъ элементовъ ни состояло оно—либеральнаго и папистскаго, разожженное монахами, поддерживаемое испанцами, стало всеобщимъ ободряющимъ примѣромъ. Австрія пробудилась и принудила Наполеона раздѣлить силы его и напряженіе борьбы.

IV.

Возмездіе. Пораженія Наполеона при Байленѣ и Цинтрѣ. 1808 г.

Знаменитый генералъ Фой, ораторъ и историкъ, самъ строго осудилъ блестящую исторію свою тѣмъ, что не окончилъ ее. Ему, какъ защитнику арміи передъ партіей, которая возвратилась торжествующей вмѣстѣ съ непріятелемъ, нужно было много мужества и непреклонность добродѣтели, для того

*) М. Гюббаръ, жившій долго въ Испаніи и хорошо изучившій страну эту, очень вѣрно замѣтилъ участіе, какое низшіе классы народа принимали въ кровавыхъ сценахъ возстанія. Въ Валенціи продавецъ спичекъ былъ однимъ изъ главныхъ дѣйствовавшихъ лицъ; въ Коронье—обойщикъ стульевъ. Наиболѣе поражаетъ въ разсказѣ Гюббара превосходное замѣчаніе его, что въ странѣ съ такой дурной администраціей, гдѣ контрабандисты и разбойники во всѣ времена составляли въ нѣкоторомъ смыслѣ сословіе, гдѣ профессіи эти были почти признаны, общій порывъ къ вольной и неправильной военной жизни былъ дѣломъ не особенно удивительнымъ, освобожденіемъ отъ скуки усидчивой жизни, которымъ молодежь и поспѣшила воспользоваться. Возстаніе казалось возвращеніемъ къ естественной жизни Испаніи.

чтобы не впасть въ крайность, въ чрезмѣрное снисхожденіе къ товарищамъ своимъ. Вообще онъ не скрываетъ ничего; онъ выставляетъ въ полномъ свѣтѣ *измѣну Испаніи* и не старается оправдать дѣло это. Но если онъ признаетъ всю гнусность, все безстыдство средствъ, онъ въ то же время сильно возвышаетъ Наполеона, приписывая ему необычайную предусмотрительность. Фой вѣритъ странному письму, написанному Наполеономъ гораздо позже съ цѣлью показать, будто онъ заранѣе все предвидѣлъ, письму курьезному и сочиненному спустя долгое время, какъ это превосходно доказалъ Ланфрэ *).

Фой тоже упорно видвигаетъ на видъ величіе плановъ императора и пользу такого завоеванія для Франціи, завоеванія тѣмъ болѣе желательнаго, что Испаніи, которая, по положенію своему, почти островъ хорошо защищенный моремъ, можетъ со временемъ имѣть страшное давленіе надъ сѣверомъ Франціи. Къ тому же, прибавляетъ онъ, Бонапарте потерпѣвшій неудачу въ Египтѣ, составилъ гигантскій проэктъ захватить Средиземное море съ другаго конца, и посредствомъ береговъ Испаніи овладѣть варварійскими **). Прежде всего нужно было взять Испанію. Но въ то же времи Фой сознается, что употребляемыя средства далеко не отвѣчали обширности подобныхъ замысловъ. Корпусы, посылаемые въ Испанію, были отребіемъ арміи, или состояли изъ ребятъ, молодыхъ рекрутъ. Предпріятіе казалось дѣломъ легкимъ. Ничтожность препятствій, какія встрѣтилъ Увраръ при исполненіи смѣлыхъ плановъ своихъ въ отношеніи имуществъ духовенства, заставляла считать испанцевъ народомъ индиферентнымъ ко всему, охлажденнымъ, придавленнымъ.

---

*) Фой, т. II стр. 410.

**) Фой т. II стр. 209, 211 и 212.

Наполеонъ писалъ на островѣ св. Елены, что планомъ его было единственно возрожденіе Испаніи. Но дѣйствія и письма его 1808 г. говорятъ совершенно противное. Іосифъ, не имѣвшій никакихъ блестящихъ качествъ однако не оттолкнулъ испанцевъ. Министрами его были большею частью люди съ достоинствами; но конституція, которую смастерили въ Байонѣ, была комедіей, шутовствомъ, какъ то доказываетъ Торрено. Изъ писемъ Наполеона къ морскому министру и генераламъ его видно какъ нельзя лучше, что онъ хотѣлъ только обмануть Испанію и сдѣлать изъ нея орудіе войны. Ничто не могло такъ открыть глаза Испаніи, какъ бѣдственная участь испанскихъ корпусовъ, отправленныхъ Наполеономъ на берега Балтики. Къ легендарнымъ разсказамъ объ этомъ адѣ сѣвера присоединялись исторіи вербовки, которая хватала, какъ говорили, молодежь и отправляла ее скованную въ цѣпяхъ.

Наполеонъ такъ мало зналъ состояніе страны, что назначилъ вицекоролемъ Мексики генерала, который уже стоялъ во главѣ одной арміи инсургентовъ. Онъ видѣлъ Испанію только изъ Байонны и не съумѣлъ составить себѣ вѣрное понятіе о топографіи страны, завоевать которую онъ хотѣлъ. Онъ зналъ только разстоянія, но, какъ кажется, очень плохо зналъ, какія крутыя и часто почти непроходимыя дороги раздѣляли разныя мѣстности Испаніи. Въ то время какъ онъ смотрѣлъ на Мадритъ, Сарагоссу и Байонну, гдѣ мы одержали побѣду, открывшую ворота Мадрита новому королю, арміи его терпѣли на границахъ Андалузіи рѣшительное пораженіе, можно сказать *смертельное*, которое, измѣнивъ мгновенно мнѣніе Европы, было началомъ великаго возстанія.

Онъ послалъ генерала Дюпона, очень отличившагося въ войнѣ съ Германіей, на помощь своему флоту, запертому въ

Кадиксѣ. Дюпонъ не достигъ Кадикса и на обратномъ пути къ Мадриту, предписанномъ ему приказами Наполеона, онъ долженъ былъ идти мрачнымъ и крутымъ ущельемъ, описаннымъ Сервантесомъ—Сіерра-Морена—черная гора; эта стѣна, отдѣляющая обѣ Кастиліи и ла-Маншъ отъ южной, мавританской Испаніи. Это мѣсто странное, фантастичное, поражающее необычайностями, къ которымъ ничто не подготовитъ путника. Въ немъ нѣтъ рѣзкихъ и часто величественныхъ чертъ гранитныхъ горъ; это цѣпь умѣренной высоты, повсюду представляющая глазу только сѣрые и пепельнаго цвѣта, наполовину обугленные сланцы, массы порою измѣняющія очертанія свои съ такою мрачною причудливостью, что онѣ могутъ вызвать или ужасъ, или смѣхъ неожиданности. И повсюду невѣроятная сушь. Вода такъ рѣдка тамъ, что иногда каменьщикамъ при постройкѣ приходилось употреблять вино. Зной солнечныхъ лучей, отражаемыхъ сланцами и сосредоточенный въ узкихъ удушливыхъ ущельяхъ, нестерпимѣе нежели въ африканскихъ степяхъ.

Случилось, что вслѣдствіе положительныхъ инструкцій Наполеона, предписанныхъ вопреки намѣстниковъ его, Дюпонъ, на обратномъ пути изъ Кордовы въ Мадритъ, былъ настигнутъ и оставленъ въ этомъ ужасномъ ущельи. Дюпонъ, говоритъ Торрено, былъ натурой артистической, умомъ литературнымъ и блисталъ успѣхами своими въ академіи. Блескъ славы, завоеванный имъ въ аустерлицкой компаніи, вскружилъ ему голову, сдѣлалъ его надменнымъ, требовательнымъ. При первомъ вступленіи его въ Испанію, онъ, получивъ помѣщеніе во дворцѣ одного гранда, выгналъ хозяина и одинъ занялъ весь дворецъ. По возвращеніи въ Андалузію онъ выказалъ много жестокости. Кордова, большой и богатый городъ, открытый со всѣхъ сторонъ, все таки сдѣлалъ видъ, что хо-

тѣлъ сопротивляться, Дюпонъ счелъ себя въ правѣ предать городъ грабежу. Армія его, молодая и дурно дисциплинированная, раздраженная лишеніями и африканскимъ климатомъ, на свое несчастіе предалась всевозможнымъ излишествамъ. Чѣмъ болѣе набивала она мѣшки свои грабежемъ, тѣмъ менѣе становилась она способной къ движенію и дѣйствію. Истомленные этимъ роздыхомъ разврата, солдаты были при выходѣ изъ города, убиты плачевнымъ видомъ тѣлъ зарѣзанныхъ и изуродованныхъ товарищей своихъ. Они увидѣли въ этомъ зрѣлищѣ то, что ожидало ихъ въ этой войнѣ безъ пощады. Я самъ вспоминаю съ ужасомъ картины потрясающихъ сценъ засадъ, рѣзни и гнуснаго звѣрства, выставленныя въ 1808 г. въ Луврѣ на выставкѣ живописи, съ цѣлью заставить проклинать испанцевъ.

Наполеонъ не имѣлъ понятія о ненависти ихъ. Напрасно предупреждалъ его Іосифъ, говорившій, что въ Испаніи за него нѣтъ ни одного человѣка. Даже самъ Савари, человѣкъ пользовавшійся полнымъ довѣріемъ Наполеона, тоже предостерегалъ его и взялъ на себя послать безъ приказа его небольшое подкрѣпленіе Дюпону. Наполеонъ сдѣлалъ ему за то выговоръ, не хотѣлъ ничего видѣть кромѣ Мадрита и небольшихъ успѣховъ, одержанныхъ на сѣверѣ Испаніи. Наконецъ, онъ до такой степени не вѣрилъ въ опасность, что въ послѣднюю минуту, когда Дюпонъ еще могъ пройти роковое ущелье, онъ задерживалъ его, запрещалъ идти. А гроза между тѣмъ приближалась. Испанская армія изъ Андалузіи, подъ предводительствомъ Костяньоса и одного француза эмигранта, подкрѣпленная регулярными войсками, бѣглецами швейцарскихъ полковъ и другихъ, достигла цифры 45.000 и была почти вдвое сильнѣе арміи Дюпона. Послѣдняя была принуждена идти, занимать множество постовъ на узкой, длинной, удуш-

ливой дорогѣ. Она шла, пожираемая жаждой, которая была сильнѣе аравійской и уносила десятую часть ея; она шла перегнувшись подъ тяжелыми вьюками награбленнаго добра. Солдаты, люди большею частью молодые и, по недостатку припасовъ, получавшіе половинные раціоны, далеко не обладали закаленнымъ мужествомъ нашей египетской арміи. Имъ предложили сдаться, и Дюпонъ имѣлъ слабость спросить о томъ мнѣніе военнаго совѣта; словомъ онъ сдался непріятелю.

Тогда случились двѣ вещи очень печальныя: первая, что армія поставила условіемъ сдачи слѣдующіе позорные пункты: первый чтобы не обыскивали въюковъ, т. е. чтобы она сохранила награбленное; второй, что одинъ корпусъ Дюпона, бывшій уже далеко, внѣ преслѣдованія сдастся вмѣстѣ съ арміей. Все это было исполнено; но самымъ худшимъ было то, что туго набитые мѣшки не выдержали и содержимое обнаружилось; то были причастные сосуды и другіе священные предметы, похищенные въ церквахъ Кордои; видъ ихъ довелъ доизступленія ярость фанатиковъ испанцевъ. Пораженіе это было въ сущности неважно для Наполеона, властелина Европы. Одно было сильно преувеличено: радость дѣлала легковѣрными. Казалось, что Наполеонъ погибъ. Въ дѣйствительности же, пораженіе это имѣло серьезныя для него послѣдствія и не мало повліяло на послѣдовавшее за нимъ пораженіе въ Португаліи.

И тамъ безуміе императора приносило плоды свои. Контрибуція ста милліоновъ была вещью невозможной въ такой маленькой странѣ и держала ее въ состояніи возмущенія, болѣе или менѣе признаннаго. Жюно, у котораго было 29.000 человѣкъ не могъ ни сосредоточить ихъ, ни оставить даже одного военнаго пункта безъ прикрытія. И такъ армія эта, разсѣянная по странѣ, была очень слаба. Англичане съ 14.000

человѣкъ, которые высадились недавно, были гораздо сильнѣе. Жюно, правда, имѣлъ въ рукахъ столицу; въ Лиссабонскомъ портѣ у него былъ флотъ Россіи, союзницы Франціи, который держалъ Лиссабонъ подъ выстрѣлами. Но были ли русскіе надежными союзниками? Адмиралъ отказался даже высадить экипажи свои на берегъ, чтобы угрожать городу. Итакъ Жюно пришлось выступить, идти до Цинтры на встрѣчу непріятеля. Англійская армія, превосходившая французскую числомъ, качествомъ пороха*) и оружія, состояла какъ и всегда изъ ирландцевъ, которые закалившись въ Индіи и въ Мальтѣ, не боялись испанскаго солнца. Веллингтонъ поставилъ ихъ и продержалъ тамъ цѣлый день на берегу моря, и это подъ жгучимъ и крутымъ утесомъ.

Фой, раненый въ этомъ дѣлѣ, передаетъ въ краснорѣчивомъ повѣствованіи своемъ о героическихъ усиліяхъ французовъ взобраться по скользкимъ скатамъ каменнаго утеса. Лошади артиллеріи были перебиты, она не могла взобраться на верхъ. Веллингтонъ тѣми же средствами одержалъ побѣду при Ватерло. Здѣсь онъ потерялъ только 800 чел. солдатъ и одного офицера. Жюно потерявшій 1800, выказалъ непреклонное и грозное мужество въ отступленіи. Хотя англичане ждали прихода другой арміи, которая удвоила бы число ихъ, не считая португальскіе войска, они не рѣшились преслѣдовать его. **). Жюно удержался бы въ Лиссабонѣ, если бы русскій адмиралъ не отказался помочь ему и не сдалъ кораблей своихъ англичанамъ, которые удержали ихъ въ Лондонѣ для того, чтобы отдать ихъ обратно при общемъ мирѣ; такъ говорили они. Экипажи возвратились въ Россію.

Это предало Жюно непріятелю и отняло у него всѣ шансы

*) См. Непира, passim.

**) Фой т. IV. стр. 334.

на сопротивленіе. Онъ принялъ сдѣланное англичанами предложеніе перевести на счетъ ихъ армію его въ какой нибудь французскій портъ, не налагая на нихъ никакихъ условій предоставляя ей полную свободу продолжать войну и даже служить въ Испаніи. Это нанесло страшный ударъ Бонапарте; но его нанесъ не столько Веллингтонъ, сколько русскій адмиралъ, который, сдавъ флотъ англичанамъ, показалъ всю ненадежность союза съ Россіею, и тѣмъ разсѣялъ то обаяніе, которое съ самого Тильзитскаго свиданія, держало Европу въ ужасѣ.

V.

Эрфуртская Комедія. Сентябрь-Октябрь 1808.

Ничто не показываетъ, чтобы русскій адмиралъ заслужилъ порицаніе государя своего. Александръ не рѣшился на это; онъ раздражилъ бы мать свою, дворъ и весь міръ. Даже изъ числа министровъ его только одинъ осмѣливался стоять, какъ и императоръ, за союзъ съ Франціею. Французскіе эмигранты и пруссаки имѣли сильное вліяніе при дворѣ вмѣстѣ съ вдовствующею императрицею. Де Местръ и другіе французскіе эмигранты, острыя и дерзкія словечки которыхъ разносились повсюду, благодаря добродушію императора Александра, поговаривали въ шутку о великомъ азіатскомъ средствѣ.

Александръ приводилъ русскимъ доводы о томъ, что союзъ съ Франціею помогъ овладѣть Финляндіею и вскорѣ поможетъ овладѣть княжествами—воротами оттоманской порты. Съ другой стороны, слугамъ Наполеона Савари, Коленкуру, онъ говорилъ, что нельзя рисковать раздражить Россію. Но если кто осмѣливался произнести слово о Польшѣ, то при имени этомъ напоминавшемъ такъ многія конфискаціи, Александръ

прекращалъ разговоръ и хранилъ молчаніе. Въ дѣйствительности Александръ, колеблясь между двумя сторонами, былъ обреченъ играть двойственную роль, желать или дѣлать видъ будто желаетъ союза съ Франціей и часто тайно служить коалиціи.

Въ то время надъ всею Европою носилось густое облако лицемѣрія. Почему-же сами англичане, которыхъ г-жа Сталь называла «рыцарями всемірной свободы», не способствовали плану Палафокса призвать принца Карла въ Испаніи для того чтобы во время скрѣпить лигу Испаніи и Австріи? Потому что у нихъ были свои планы на Испанію, что они хотѣли захватить Кадиксъ, этотъ важный портъ, или вѣрный мостъ въ Америку. Они пропустили удобную минуту и дождались той, когда Австрія была задавлена при Ваграмѣ. Наполеонъ не могъ вѣрить тому, что неловкіе враги его давали ему время передохнуть своими замедленіями. Онъ зналъ, что Австрія держала уже своихъ военныхъ агентовъ въ Севильѣ и думалъ, что устроится соглашеніе для великаго и общаго взрыва противъ него. Въ числѣ столькихъ враговъ онъ видѣлъ иныхъ колеблющихся, невысказавшихся, особенно въ Германіи, и разсудилъ, что для того чтобы заставить ихъ медлить и отступать, нужно показать имъ, въ самомъ сердцѣ Германіи великую фантасмагорію—*русскій союзъ*, показаться въ Эрфуртѣ, въ двухъ шагахъ отъ Пруссіи.

Нельзя было терять ни минуты. Время подвигалось. Прусская королева, сильно ободренная нашими пораженіями, думала ѣхать вмѣстѣ съ королемъ въ Петербургъ, убѣдиться помнитъ ли еще царь свою клятву и захочетъ ли исполнить ее, покровительствуя Пруссіи и принимая участіе въ близкомъ пробужденіи Германіи. Тогда Александръ очутился бы между двумя сиренами: королевой прусской и Наполеономъ, который

напротивъ увлекалъ его къ югу, къ великимъ планамъ восточнымъ. Западъ, съ воспоминаніями его—Фридландомъ и Аустерлицемъ, былъ непріятенъ Александру. Война съ Турціею болѣе манила его.

Въ началѣ сентября Александръ отправился въ Эрфуртъ, а королева прусская прибыла слишкомъ поздно, когда все было уже рѣшено. Наполеонъ, великій комедіантъ, самъ превзошелъ себя, но слишкомъ шаржировалъ роль свою. При такомъ тонкомъ человѣкѣ, какъ Александръ, онъ слишкомъ явно выказалъ свою тревогу, а также и то, какъ много онъ нуждался въ союзѣ съ Россіею. Ланфре замѣчаетъ очень вѣрно: «При Тильзитѣ онъ былъ господиномъ положенія, при Эрфуртѣ онъ былъ въ зависимости отъ него». Наполеонъ призвалъ въ Эрфуртъ всѣхъ нашихъ знаменитыхъ актеровъ того времени. Если онъ бралъ, какъ утверждаютъ, уроки у Тальмы, то онъ могъ бы научиться у него истинно королевскому или императорскому величію и отучиться отъ шаржированной итальянской игры. Онъ хотѣлъ видѣть знаменитыхъ людей Германіи, заставилъ Гете представиться ему и сказалъ ему слово простое и прекрасное. «Вы настоящій человѣкъ». Вмѣстѣ съ царями мысли онъ пригласилъ тоже всѣхъ германскихъ государей и множество принцевъ. Чтобы ослѣпить такую высокую публику онъ приказалъ, несмотря на большія издержки, перевести изъ Парижа всю роскошь того времени: севрскій фарфоръ, гобеленовскіе обои и всѣ рѣдкости дворцовыхъ кладовыхъ.

Александръ, пріѣхавшій съ большою простотою и небольшою свитою, блестѣлъ манерами, любезностью, словами сказанными кстати; онъ воспользовался стихомъ одной трагедіи: «Дружба великаго человѣка есть даръ боговъ». Далеко ли пойдетъ дружба эта? Она принесла Александру два неоцѣнные дара:

Финляндію, Дунайскія княжества, и вмѣстѣ съ тѣмъ измѣну самымъ стариннымъ союзникамъ нашимъ, Швеціи и Турціи. Наполеонъ съ своей стороны получилъ то, чего онъ хотѣлъ въ эту минуту: тщетное и лживое содѣйствіе въ войнѣ его съ Австріей, которое, какъ ни было оно тщетно и лживо, однако обмануло Европу и произвело желаемый эфектъ. Но какой видъ дружбы ни принимала бы Россія, Наполеонъ долженъ бы былъ лучше знать то, въ какой неумолимо враждебной ему средѣ жилъ Александръ. Вдовствующая императрица и супруга Александра, обѣ нѣмки такъ горячо въ душѣ стояли за Англію, что были готовы пожертвовать всѣмъ для того, чтобы повредить Нополеону. Наполеонъ же не могъ представить себѣ всю ненависть ихъ къ Россіи.

Въ 1809 г. онъ сдѣлалъ легкомысленную попытку дѣйствовать интригами, черезъ женщинъ; но агентъ его этого рода, красавица актриса Жираръ была выслана изъ Россіи. Англичане во всемъ дѣйствовали несравненно искуснѣе и счастливѣе Наполеона. Въ то самое время, когда Александръ повидимому держался всего далѣе отъ нихъ, они умѣли окружить его, или лично, или русскими вельможами, которые нетерпѣливо ждали возобновленія торговли съ ними, или наконецъ, нашими эмигрантами, которые составляли интимный кружокъ обѣихъ императрицъ.

VI.

Раздробленіе великой арміи. *Аррабіати.* 1808

Эрфуртскіе политическіе празднества и комедіи дружбы совпали съ событіемъ, погрузившимъ въ печаль всю военную Францію. Великая армія была тою же Франціею, но воен-

ною, отторженною отъ семьи и сверхъ всего этого утратившею идеальное отечество свое—республику, Франціею, мужи которой вели бродячую жизнь по всей Европѣ. Много ли осталось изъ храбрецовъ 92 г., изъ тѣхъ, которые отвѣтили на призывъ: *Отечество въ опасности*? Герои Италіи, Египта легли въ черной могилѣ Санъ-Доминго, какъ и герои Самбры и Мезы, Рейна; ряды побѣдителей Цюриха, Аустерлица сильно порѣдѣли: Но въ арміи жила все таже душа. Вновь прибывшіе новобранцы, неизвѣстно въ силу какого чуда, воплощали въ себѣ предшественниковъ своихъ съ такимъ торжествомъ, что можно было ошибиться. Привычка къ усталости и страданію придавала имъ необыкновенный закалъ. Они были неутомимыми ходоками и пренебрегали отдыхомъ. Мицкевичъ ребенкомъ видѣлъ, какъ они во дворѣ виленской коллегіи проводили ночь около огней, и спросилъ у сѣдобородыхъ героевъ: «Почему они не ложатся?» Они отвѣчали: «Не стоитъ!» Они тѣмъ хотѣли сказать, что скоро отдохнутъ навсегда.

Все, сказанное Сисмонди о французскихъ войскахъ XVI столѣтія, воевавшихъ въ Италіи, еще съ большею справедливостью можетъ быть сказано о великой арміи, громившей Германію. Французовъ, не смотря на все легкомысліе и грабежъ ихъ, жалѣли, когда они уходили *). Они на другой же день исправляли то, что перебили наканунѣ. Наполеонъ не кормилъ ихъ и они были принуждены эксплуатировать страну. Буйные, но не скупые, какъ испанскіе солдаты, менѣе пьющіе и разнузданные, нежели ирландцы Веллингтона, они наконецъ, очень мало заботились о томъ чтобы уносить награбленное, какъ то дѣлали нѣмцы, еще недавно забиравшіе часы карманные и стѣнные въ подарокъ женамъ и дѣтямъ. Они охотно дѣлились

*) Еще въ 1830 г. когда я посѣтилъ при рейнскую Германію.

съ товарищами и Гете въ 92 г. видѣлъ, какъ они дѣлились чѣмъ могли съ непріятелемъ, съ отступавшими пруссаками. Пока можно было, они жили на квартирѣ и тотъ, у кого были деньги, платилъ за другихъ. Квартира эта становилась вторымъ отечествомъ, за неимѣніемъ далекой Франціи, которой не суждено было увидѣть. Часто нѣмецъ хозяинъ становился другомъ. Многіе изъ воиновъ нашихъ сильно печалились, покидая Германію.

Но насколько сильнѣе была печаль ихъ при разлукѣ съ корпусомъ, съ полкомъ, когда раскассированье это порвало вдругъ столько старыхъ привычекъ, столько воспоминаній. Если душа генераловъ была поглощена алчностью, честолюбіемъ, то духъ солдатъ оставался имъ чуждымъ; у солдата не было другихъ надеждъ, какъ жить изо дня въ день, не было другихъ связей кромѣ связей съ товарищами и нерѣдко съ семьей хозяина. Военное товарищество, которое и старая монархія и республика считали прекраснымъ связующимъ средствомъ, соединяло въ одинъ полкъ фламандцевъ, въ другой бретонцевъ въ третій басковъ. Гошъ, Ней и другіе сильно держались за эту систему; но не Бонапарте, который, воспитанный въ аристократической школѣ, не только не благопріятствовалъ военному товариществу, но напротивъ находилъ удовольствіе и политическую выгоду разжигать зависть и соперничество генераловъ своихъ. Привыкшій видѣть въ людяхъ только орудія свои, онъ забылъ, что армія Италіи и Египта великими успѣхами своими обязаны только сильной связи соединявшей ихъ. Великая армія, менѣе однородная, тоже, въ великихъ кризисахъ была громаднымъ орудіемъ, которое изъ многоразличныхъ звуковъ даетъ одну гармонію.

Наполеонъ, въ дни пораженій своихъ, когда великая армія, по прежнему мужественная, но раздробленная, разбитая

очутилась лицомъ къ лицу съ народами, принесшими въ сраженіе единую душу, долженъ былъ вспомнить тотъ день, канунъ Аустерлица, когда армія, проходя лѣсомъ, увѣнчала себя вѣтвями и единодушнымъ движеніемъ предсказала себѣ побѣду. Насильственный разрывъ совершился по переходѣ черезъ Рейнъ, старыя войска, посылаемыя въ Германію, были въ отчаяніи. Молодыя, остававшіяся въ Германіи, чувствовали себя осиротѣлыми, когда ихъ разлучили съ старыми усачами, которые до сихъ поръ водили и учили ихъ. Праздники, которые императоръ устроилъ на походѣ войскамъ отправлявшимся въ Пиринеи, обѣды, спектакли вызывали смѣхъ и слезы. Это было показное веселье, веселье похоронъ. Онъ приказалъ *сочинить пѣсни*, «три рода пѣсенъ». Но ни одна изъ нихъ не была пропѣта.

Ворота Испаніи и окраина земли басковъ ничѣмъ не печалятъ взоръ: фантастическія вершины сулятъ тысячи неожиданностей, тысячи чудесныхъ приключеній. Наполеонъ, приводя туда громадныя массы войска, сначала доставлялъ имъ большіе запасы провіанта. Потомъ все вдругъ прекратилось. Онъ хотѣлъ выжать необходимое изъ Испаніи. Но Испанія растаяла передъ нимъ и ему пришлось выжимать одну пустыню. Онъ безъ труда разсѣялъ испанскія массы, которыя, глупо гордясь Байленомъ, осмѣлились идти противъ него. Самонадѣянность ихъ сильно раздражила его и онъ, думая только объ одномъ—*показать примѣръ*, напустилъ на нихъ жестоко солдатъ и сдѣлалъ солдата дикаремъ. Слѣдствіемъ было разграбленіе Бургоса. Король Іосифъ, бывшій съ нимъ, сильно негодовалъ видя, что по ночамъ бивуачные огни зажигали дорогою мебелью, музыкальными инструментами и пр. и онъ напрасно предупреждалъ о томъ императора *).

*) Міо т. III стр. 119.

Наполеона сильно огорчало то, что армія была такъ очевидно печальна и шла съ неохотой. Обширныя сухія равнины Старой Кастиліи, солончаки ихъ, навѣвавшіе уныніе на самыя мужественныя сердца, казались печальнымъ предзнаменованіемъ. Между старой и новой Кастиліей поднимается довольно высокая горная цѣпь, которую зовутъ Гвадеррама. Ничто не можетъ быть унылѣе этой горной мѣстности и ближайшихъ къ ней мѣстъ, гдѣ короли построили пышную гробницу свою, погребальный дворецъ Эскуріалъ. На вершинѣ горы только одна узкая площадка раздѣляетъ оба склона, къ Дуро и къ Таго. Испанцы поставили передъ этимъ проходомъ, называемымъ Сомо-Сіерро, батарею защищавшую уступы горы. Наполеонъ, дойдя до подошвы горы, былъ пораженъ мрачнымъ видомъ старыхъ солдатъ своихъ, храбрость которыхъ была такъ испытана.

Онъ совершенно вѣрно разсудилъ, что правильная аттака, штурмъ могутъ быть кровопролитны и думалъ овладѣть позиціею, сдѣлавъ кавалерійскую аттаку. Кто то разсказываетъ, что наканунѣ прибыла молодежь изъ Варшавы. Юноши эти были такими новичками, что имъ не довѣрили еще ни лошадей ни ружей, и они учились пѣшіе и съ деревянными ружьями. Наполеонъ увидѣлъ ихъ, нашелъ, что они полны пылу, нетерпѣнія, и сказалъ имъ слово, приведшее ихъ въ восторгъ: «что они будутъ имѣть честь пройти ущелье прежде императорской гвардіи». Она шла подкрѣпить ихъ подъ предводительствомъ храбраго Монбрюна. Около 1850 г. я видѣлъ того лейтенанта, который въ 1808, еще юношей, велъ ихъ и прошелъ первымъ. «Это было волшебство», говорилъ онъ: «послѣ нѣскольких залповъ, испанцы бросили все. Гора вмигъ опустѣла. Взойдя на верхъ, я сказалъ единственному товарищу, который слѣдовалъ за мной: «А другіе»?—Они остались на дорогѣ».

Всего хуже то, что Наполеонъ, только что прибывшій изъ Эрфурта, не захотѣлъ признать ту роль, какую поляки играли въ этомъ дѣлѣ. Онъ приписалъ всю честь ея имени пріятному России со временъ Екатерины II, молодому Сегюру, тому самому, который впослѣдствіе женился на дочери Ростопчина. И никакіе протесты со стороны тѣхъ, которые открыли ему проходъ, не подѣйствовали на него. Сегюръ остался въ бюллетеняхъ *). Прекрасная польская гравюра представляетъ намъ этого человѣка въ сѣромъ сертукѣ, или вѣрнѣе призракъ этотъ, который, не взглянувъ даже на кровавыя тѣла молодыхъ побѣдителей Сомо-Сіерры, прошелъ черезъ ущелье и напалъ на Мадритъ. Но въ какомъ онъ былъ изступленіи гордости и безумной ярости? Это могутъ описать только психіатры. То, что они называютъ *сознательной мономаніей*, порою превосходитъ умопомѣшательство; потому что она заключаетъ въ себѣ не тщетныя мечты, какъ прекрасное и благородное безуміе Донъ-Кихота, но расположеніе, въ которомъ больной становится бѣшенымъ, наносящимъ вредъ самому себѣ, находитъ злостное торжество терзать и ранить самого себя и дѣлать все, что можетъ погубить его. И все это очень часто съ тщеславнымъ и смѣшнымъ краснорѣчіемъ.

Лишь только Наполеонъ вступилъ въ Испанію, какъ съ первыми встрѣченными имъ испанцами пустился въ неистовую болтовню **). Онъ осыпаетъ ихъ ругательствами, онъ вызываетъ ихъ т. е. подстрекаетъ ихъ къ самозащитѣ, къ возста-

---

*) Старый полякъ удивлялся этому и негодовалъ на Тьера, который, не смотря на жалобы его, постоянно держался бюллетеней; но что сталось съ старикомъ этимъ, неизмѣнно фанатичнымъ поклонникомъ Наполеона, когда прибывъ въ Парижъ, онъ прочелъ въ *перепискѣ Наполеона* письмо своего обожаемаго императора, въ которомъ тотъ говоритъ, безъ всякихъ оговорокъ: «не надо говорить о полякахъ, прошу васъ, что бы ни случилось, не надо говорить о полякахъ.

**) На половину французскую, на половину итальянскую. См. Міо.

нію. «Я пришелъ съ солдатами Аустерлица. Кто остановитъ ихъ? Конечно не ваши плохія войска, которыя не умѣютъ сражаться. Права мои на Испанію — права побѣдителя. И такъ какъ я не могу болѣе довѣрять народу, то я приму свои предосторожности; я подчиню всю Испанію военному управленію». Чѣмъ далѣе онъ вступаетъ въ Испанію, тѣмъ болѣе портитъ все. Безъ него тысячи обстоятельствъ благопріятствовали Іосифу: недовѣріе испанцевъ къ англичанамъ, опасеніе что они возьмутъ Кадиксъ и отнимутъ у Испаніи обширныя владѣнія ея въ Америкѣ. Англичанинъ Муръ, покинутый испанцами и по пятамъ преслѣдуемый Сультомъ, погибъ при отступленіи и былъ счастливъ тѣмъ, что могъ отправить свои войска моремъ въ Коронью. Партія немногочисленная, но составленная изъ людей просвѣщенныхъ, какъ прежній министръ Урквійо, совершенно вѣрно угадала, что Фердинандъ будетъ чудовищемъ, и потому оставалась вѣрна Іосифу. Большіе торговые города Андалузіи были расположены къ нему и встрѣчали его. Іосифъ на всѣ мѣста назначалъ испанцевъ и старался убѣдить ихъ въ своей полной преданности Испаніи *).

Наполеонъ, прибывъ въ Мадритъ, какъ безумный, отталкиваетъ сторонниковъ Іосифа. Онъ говоритъ все, что можетъ повредить брату его. Онъ отзывается о немъ, какъ о государѣ уже сверженномъ съ престола. Онъ можетъ и *возстановить его на престолъ*, если только испанцы будутъ вести себя умно. «Договоры и конституція—все уничтожено. Остается

---

*) Я съ удивленіемъ видѣлъ такихъ испанцевъ, которые, какъ старикъ священникъ бургосскій, почтенный Веласко, были до того глубоко проникнуты нашими идеями гуманитарной филантропіи, что я скажу словами Руссо изъ его «Исповѣди», что то были благороднѣйшія сердца, какія только могла произвести природа.

одно право завоеванія». Онъ казнитъ не болѣе десяти человѣкъ и пощадитъ духовные ордена. Онъ уничтожитъ только одну инквизицію. И инквизиція съ этой минуты стала популярной. Испанія не можетъ обойтись безъ нея и это до того, что революціонная юнта принуждена была возстановить ее въ угоду народу.

Въ то время какъ Наполеонъ и Испанія осыпали другъ друга ругательствами и вели такія мудрыя бесѣды, разразилась вѣсть: Германія въ огнѣ. Наполеонъ въ Валладолидѣ узналъ, что она ускользаетъ изъ рукъ его. Письмо баварскаго короля принесло этотъ ударъ. Догъ, котораго обожгутъ раскаленнымъ углемъ для того, чтобы заставить его выпустить добычу, не могъ быть болѣе яростенъ нежели Бонопарте. Вотъ онъ, этотъ ударъ, подготовляемый съ 1806 г.! Вотъ она, въ тиши подготовленная измѣна Германіи! Какъ были правы тѣ, которые говорили ему тогда, вопреки совѣту измѣнника Талейрана: «уничтожайте Австрію». Бѣшенство Наполеона было очень заразительно; германская и итальянская арміи раздѣлили его. Первая, сѣверная армія, болѣе молодая и менѣе привычная къ войнѣ, казалось, задыхалась отъ напора крови, но была очень дурно дисциплинирована. Вторая, старая, находившаяся въ Испаніи, генералы которой на время были отозваны для дѣла при Ваграмѣ и потомъ возвратились въ Испанію для того только, чтобъ идти на Москву, была утомлена, раздражена этими перекидываньями.

Солдаты наши, такъ веселые, такъ терпѣливо сносившіе все во времена республики, сильно измѣнились характеромъ: они остались покорными, но стали *ворчунами*, Испанія много тому способствовала и жестоко измѣнила ихъ. Африканскій климатъ ея, такъ холодный зимой и жгучій лѣтомъ, безконечныя равнины, покрытыя солончаками, изсушили, озлобили

солдатъ нашихъ. Бѣгство, отвращеніе, явный ужасъ испанскаго населенія вызвали одичалость нашихъ солдатъ и нерѣдко дѣлали ихъ безжалостными. Сопротивленіе, звѣрски геройское, Сарагоссы и другихъ городовъ не возбудили въ нихъ удивленія. Карнавалъ монаховъ, примѣшанный ко всему, въ глазахъ французовъ придавалъ такой шутовскій видъ всему. И это не безъ основанія. Какъ? Такіе отчаянные усилія имѣютъ цѣлью только возстановить на престолѣ Фердинанда, возстановить инквизицію!

Бѣшенство—болѣзнь, которая очень легко доводитъ Испанію до неистовства, какъ это видѣли во всѣ времена, въ преслѣдованіяхъ евреевъ и мавровъ,—очень заразительно и передается легко. Это видѣли при упорныхъ осадахъ въ 1808 г. кто тогда неистовствовалъ болѣе — осажденные или нападающіе? При второй осадѣ Сарагоссы, когда Ланнъ наконецъ одержалъ верхъ, характеръ его обнаружился въ усиленной степени злобы и насилія. Этотъ герой итальянскихъ походовъ, который былъ раненъ четыре раза при Арколѣ и не вышелъ изъ сраженія, раздражался собственными ранами, упивался своею кровью; теперь онъ сказалъ городскимъ властямъ Сарагоссы: «Я ручаюсь за безопасность женщинъ и дѣтей? чего же еще хотите?» Они не приняли условія и онъ предалъ городъ грабежу. Таковъ былъ дикій герой ваграмскаго похода. Онъ отправился туда раздраженный до звѣрства. Можно сказать, что онъ не могъ уже овладѣть возраставшимъ бѣшенствамъ своимъ, кипучестью военнаго пыла и страстью къ опасности, уносившей его. Искалъ ли онъ смерти? Этого никто не знаетъ. Раздробленіе великой арміи, огненной душой которой онъ былъ, казалось, сорвало его съ корня и въ мрачномъ свѣтѣ показывало ему будущее.

VII.

Эсслингъ и Ваграмъ. 1809 г.

Наполеона спросили послѣ Ваграма, зачѣмъ онъ не дождался, какъ при Аустерлицѣ, попытки непріятеля окружить его. Онъ отвѣчалъ: «Потому что ваграмская армія не аустерлицкая». Это хорошо знали, даже преувеличивали результаты превращенія. Конечно армія, вслѣдствіе раздробленія своего, утратила многое изъ высокихъ нравственныхъ качествъ своихъ; но она по прежнему обладала великими военными качествами, которыя воспроизводились отчасти даже и въ рекрутахъ 1808 г. Очень плохо разсчитывали время необходимое на то, чтобы передѣлать и снова приспособить этотъ громадный механизмъ; думали, что на это нужно шесть мѣсяцевъ. И не понимали, что для того чтобы увлечь эту молодежь, достаточно было поставить посреди нея живыя знамена, электрическое пламя которыхъ могло охватить все; такимъ знаменемъ, напримѣръ, былъ Ланнъ еще пылавшій взятіемъ Сарагоссы. Никогда еще Наполеонъ не предъявлялъ такого сильнаго запроса на военную ярость этого великаго солдата, который, ослѣпленный ею все болѣе и болѣе, казалось, искалъ смерти; онъ наконецъ и нашелъ ее при Эсслингѣ.

Что же поддерживало Испанію противъ такой холерической, неистовой отваги? Что же при Байленѣ отдало бандамъ ея побѣду и это надъ самыми прославленными войсками Франціи? Вся Европа знала что одно имя *свободы* сдѣлало чудо это. *Свобода* отъ тираніи Наполеона — вотъ былъ всемірный лозунгъ. Австрія, бывшая до этой минуты оплотомъ деспотизма, центромъ ретроградной партіи Европы, могла ли измѣнить роль и языкъ, и принять лозунгомъ борьбы слово это,

такъ ненавистное, взятое у Франціи, у революціи? Она попыталась сдѣлать это и съ успѣхомъ, въ Тиролѣ для отпора баварцамъ. Въ Италіи даже попытались провозгласить это опасное слово; хотѣли организовать нѣсколько очаговъ возстанія. Но все это дѣлалось очень неохотно, съ очень слабымъ успѣхомъ, съ очевиднымъ страхомъ успѣть слишкомъ хорошо. Что же будетъ, говорили между собой всѣ эрцгерцоги, если всѣ наши дунайскіе варвары выучатся понимать и повторять это роковое, чудодѣйственное слово? Австрія, произнося его, сама боялась его, какъ кудесникъ, который трепещетъ отъ страха при заклинаніяхъ своихъ и воззваніяхъ къ нечистой силы.

Всѣ описанія ваграмскаго похода, какія только существуютъ, не удовлетворяютъ меня и даже заключаютъ въ себѣ много противорѣчащихъ свѣдѣній. Передаютъ угрозы Наполеона австрійскому посланнику: онъ говорилъ, что знаетъ какъ нельзя лучше, что Австрія готовится къ войнѣ. И, въ самомъ дѣлѣ, онъ зналъ, что партія войны господствовала въ Вѣнѣ, что императоръ австрійскій, женатый вторично, поддался вліянію молодой жены, сильно подстрекавшей его вооружаться; что его подстрекало къ тому же и высшее общество, даже русскій посланникъ, мало придававшій значенія союзу Александра съ Наполеономъ. Это было очевидно. Рѣчи испанскихъ кортесовъ продавались публично въ Вѣнѣ. Все это было извѣстно Наполеону и потому его нельзя было захватить въ расплохъ, онъ могъ организовать въ двѣ недѣли быстрый переѣздъ генераловъ изъ Испаніи въ Германію, они на почтовыхъ проѣхали Францію отъ Пиринеевъ до Рейна и нашли уже вступившую въ Германію, молодую армію, которую выставляли противъ Австріи.

Ваграмская кампанія, возбудившая такое удивленіе, пред-

ставляетъ однако много пятенъ, которыя заставляютъ думать, что не только армія стала ниже, какъ это говоритъ Наполеонъ, но что и самъ онъ былъ уже не прежнимъ Бонапарте; онъ прежде всего сдѣлалъ ошибку положиться на Бертье въ первыхъ операціяхъ этой опасной войны, гдѣ впереди у него стояла Германія, а позади продолжалась война съ Испаніей. Неловкій Бертье началъ съ того, что развелъ на цѣлыя тридцать лье разстоянія Даву и Массену, которые, по планамъ императора, должны были идти вблизи другъ отъ друга, вдоль обоихъ береговъ Дуная. Наполеонъ, прибывъ наконецъ на мѣсто, увидѣлъ оплошность и исправилъ ее. Эрцгерцогъ Карлъ разсчитывалъ напасть на центръ нашей арміи, составленный изъ нѣмцевъ—баварцевъ; но Наполеонъ лично сталъ посреди нихъ и очаровалъ ихъ довѣріемъ своимъ. Направо отъ нихъ стоялъ Ланнъ съ двумя французкими дивизіями, которыя открыли нѣмцамъ путь къ побѣдѣ и захватили нѣсколько тысячъ плѣнныхъ австрійцевъ. Въ нѣсколько дней кампанія, упрощенная цѣлымъ рядомъ блестящихъ сраженій, была окончена, и Наполеонъ вступилъ въ покинутую Вѣну. Эрцгерцогъ Карлъ былъ отброшенъ въ Богемію; эрцгерцогъ Іоаннъ, не смотря на кой какіе успѣхи, не можетъ помѣшать Евгенію соединиться съ Наполеономъ.

Остановимся теперь на минуту, чтобы бросить взглядъ на молодую армію, которая, несмотря на неопытность свою, одержала такіе успѣхи. Наполеону слѣдуетъ предоставить оцѣнку заслугъ ея. Онъ и сдѣлалъ это. Послѣ Эрфурта онъ раздалъ несчетные дары генераламъ своимъ: герцогства, княжескія владѣнія. Здѣсь, въ Ратисбонѣ, дѣлая смотръ арміи такъ молодой еще, но уже такъ алчной, онъ какъ нельзя лучше угадалъ корыстныя мысли волновавшія солдатъ и которыхъ они не смѣли еще высказывать: «что намъ за выгода отъ

всѣхъ этихъ леновъ розданныхъ генераламъ? Мы будемъ убиты прежде чѣмъ успѣемъ заслужить такія же награды». Императоръ понялъ. Этотъ великій развратитель зналъ, что награды такой высокой степени и такъ рѣдкія не достаточное искушеніе, и потому учредилъ *бароніи.* Бароніи эти даются такъ сказать, по конкурсу, по представленію начальства и даже самихъ войскъ, которыя скрѣпляютъ ихъ своими кликами. Это была военная демократія учрежденная въ нѣдрахъ грабежа, цѣлый міръ надеждъ, поданныхъ каждому.

Необходимость спѣшить съ этой мѣрой была несомнѣнна. Успѣхи Испаніи ободрили патріотовъ сѣверной Германіи, а на югѣ Тироль былъ охваченъ огнемъ. Новый государь его, баварскій король продалъ монастырскія имѣнія и тѣмъ раздражилъ и спустилъ съ цѣпи монаховъ. Монашескій крестовый походъ противъ французовъ пріобрѣлъ страшную силу, когда Римъ, занятый ими, далъ папѣ случай представить себя въ манифестахъ своихъ плѣнникомъ Наполеона. Манифесты эти, распространенные въ Тиролѣ, имѣли какъ и въ Испаніи сильное дѣйствіе съ двухъ сторонъ. Наполеонъ почувствовалъ ударъ и послалъ не менѣе сорока тысячъ человѣкъ въ Тироль съ Лефевромъ, грубымъ солдатомъ, и Руска, прежнимъ начальникомъ саперовъ итальянской арміи, горцемъ будто нарочно созданнымъ для этой войны. При такомъ положеніи сѣвера и юга, Наполеонъ сознавалъ необходимость поразить центръ рѣшительнымъ ударомъ; онъ взялъ Вѣну и готовился перейти черезъ Дунай, прежде нежели эрцгерцогъ Карлъ успѣетъ получить ожидаемое подкрѣпленіе въ пятьдесятъ тысячъ человѣкъ, которыхъ эрцгерцогъ Іоаннъ велъ изъ Италіи.

Минута была неблагопріятная, потому что къ концу мая отъ таянія снѣговъ Дунай разливается и становится бурливымъ и опаснымъ. Острова, напримѣръ Лобау близь Вѣны,

казалось облегчали переправу и даже обѣщали успѣхъ ея. Даже эрцгерцогъ самъ обѣщалъ это, потому что отступилъ не на далекое разстояніе и хотѣлъ аттаковать французовъ, только когда они раздѣлятся и треть арміи ихъ перейдетъ. Такъ и случилась. Когда тридцать тысячъ человѣкъ подъ начальствомъ Массены и Ланна переправились черезъ рѣку около Асперна и Эсслинга, онъ напалъ на нихъ съ семидесятью пятью тысячами войска, уничтожилъ мосты позади ихъ брандерами, лодками, бревнами, словомъ всѣмъ, что несла рѣка. Все это произошло на глазахъ наполеоновской арміи находившейся на островѣ Лобау и на другомъ берегу рѣки.

Положеніе было ужасное. Оба покинутые генерала, Массена и Ланнъ, оказали чудеса храбрости, Массена защищавшій селеніе Асперно отбивалъ его четыре раза. Принцъ Карлъ, чтобы еще разъ собрать своихъ, шелъ впереди со знаменемъ въ рукахъ; Ланнъ тоже, не смотря на малочисленность своего отряда, пытался самъ впереди всѣхъ пробиться сквозь центръ непріятеля. Онъ погибъ въ этомъ дѣлѣ. Ядра, подъ которыми онъ проходилъ, разбили ему оба колѣна. И вотъ Массена одинъ. Ночь проходитъ, настаетъ утро, и тогда увидѣли бѣдствіе. Не было ни съѣстныхъ припасовъ, ни военныхъ снарядовъ. Надо сопротивляться, не давъ ни однаго ружейнаго выстрѣла, цѣлый день отбиваться штыкомъ. Наконецъ, на вторую ночь помощь могла подоспѣть на лодкахъ, и плашкоутныхъ мостахъ. Массена привелъ людей своихъ въ Лобау и вполнѣ заслуженно получилъ титулъ принца Эсслингскаго. Ланнъ такъ жестоко изувѣченный, приговоренный къ ампутаціи обѣихъ бедеръ, то есть къ смерти, былъ тоже перевезенъ туда. Наполеонъ, говорятъ, заплакалъ, думая безъ сомнѣнія, что конецъ этого великаго полководца былъ и концемъ его счастія. Я думаю, что напрасно полагаютъ, будто

Ланнъ передъ смертью упрекалъ Наполеона, онъ сказалъ всего одно слово: «Спасайте армію». Вся армія находилась на островѣ Лобау, ее защищалъ Массена; сверхъ того на правомъ, южномъ берегу увидѣли подходившій корпусъ Даву и вскорѣ корпусъ Евгенія, который велъ свое войско изъ Италіи. Наполеонъ провозгласилъ себя побѣдителемъ и приписалъ несчастный случай внезапной прибыли воды въ Дунаѣ. Однако онъ цѣлыя шесть недѣль не начиналъ военныхъ дѣйствій, съ 22 мая по 6 іюля 1809.

Это роковое промедленіе, которое Европа истолковала во вредъ Наполеону, погубило бы его, еслибы прусскій король имѣлъ мужество двинуться и дать центръ для частныхъ возстаній герцога Брауншвейгскаго, Шилля и другихъ германскихъ патріотовъ. Министръ его, Шангорстъ, завѣрялъ его, что можно немедля выставить 120.000 человѣкъ. Въ такомъ случаѣ его подкрѣпила бы не только Австрія, но даже быть можетъ и Россія. Впрочемъ прусскій король своими безконечными требованіями могъ скорѣе оттолкнуть Россію; онъ не хотѣлъ двинуться, если ему не отдадутъ часть Саксоніи и даже австрійской Польши. Этотъ послѣдній пунктъ могъ совершенно раздражить Александра. Наконецъ, онъ *не хотѣлъ двинуться*, какъ онъ говорилъ прежде чѣмъ Австрія не одержитъ рѣшительную побѣду. И такъ шесть недѣль прошли бездѣйствіи, къ выгодѣ Наполеона. Эти, такъ критическія для него, шесть недѣль были какъ бы отсрочкой великой тяжбы, дня Божьяго суда.

Эта отсрочка вывела на свѣтъ позорное коварство Австріи, которая выставила свободу девизомъ на знаменахъ, но ненавидѣла ее въ сердцѣ своемъ. Этотъ лицемѣрный дворъ, эти надменныя женщины, составлявшія свиту новой императрицы, не были способны лгать до конца, испугались помощи наро-

довъ и приняли помощь только отъ однихъ королей. Короли странно колебались. Король прусскій каралъ собственныхъ сторонниковъ. Одинъ изъ офицеровъ его слѣдилъ все время за эсслингскимъ сраженіемъ, не зная которую сторону приметъ государь его. Русскій царь, который не могъ, какъ прусскій король, найти отговорку въ страхѣ и слабости, не менѣе его казался нерѣшительнымъ. Наполеонъ самъ говорилъ, что не можетъ вѣрить союзу съ Россіей. И дѣйствительно Александръ опасался, что возстановляя поляковъ противъ Австріи, можно вызвать и возстаніе цѣлой Польши. Въ Краковѣ русскіе попытались, но безплодно, не дать французамъ войти въ городъ; они повсюду возстановляли австрійскую администрацію.

Наполеонъ былъ въ Шёнбрунѣ и не хотѣлъ дѣйствовать, пока итальянская армія его была занята осадой Рааба. Въ продолженіи бездѣйствія своего, онъ узналъ, что около 12 іюля англосицилійскій флотъ крейсировалъ у береговъ Италіи, на широтѣ Рима. Онъ понялъ какъ нельзя лучше, что у него хотѣли похитить папу, чтобы употребить священный механизмъ этотъ въ Испаніи, или гдѣ либо въ другомъ мѣстѣ. Онъ объявилъ Римъ императорскимъ городомъ и, не давая генераламъ никакого точнаго и положительнаго приказанія, заставилъ схватить папу и перевезти его въ Тоскану. Онъ давалъ ему два милліона дохода, но уничтожалъ земную власть его и присоединялъ владѣнія его къ французской имперіи. Этотъ актъ, такъ неожиданный при такихъ важныхъ военныхъ событіяхъ, поразилъ Европу изумленіемъ, повергъ католическій міръ въ оцѣпененіе и былъ предвѣстіемъ сраженія, въ которомъ Австрія понесла такой смертельный ударъ. Тогда подумали, что ничто не укроется отъ взглядовъ орла этого, изъ Шенбруна такъ хорошо видѣвшаго то, что дѣлалось въ

Италіи, и такъ быстро разсѣкшаго узелъ, развязать который не могли столь многіе вѣка.

Напротивъ того, австрійскій дворъ былъ олицетвореніемъ нерѣшительности, медлительности, глупости. Дворъ не только не оцѣнилъ искуство и геройство, выказанныя принцемъ Карломъ при Эслингѣ, но враждебная побѣдителю придворная кабала и даже сами братья его дѣйствовали противъ него, подставляли такъ много препятствій въ его штабѣ, что онъ нѣсколько разъ хотѣлъ подать въ отставку. Эрцгерцогъ Іоаннъ, которому не повезло въ Италіи, завидовалъ ему и увѣрялъ, что будучи преслѣдуемъ арміей Евгенія, онъ не могъ соединиться съ Карломъ, который, согласно уговору ихъ, призывалъ его передъ послѣднимъ рѣшительнымъ сраженіемъ. Но Карлъ призывалъ напрасно. Іоаннъ не подоспѣлъ къ Ваграму съ пятидесятью тысячами венгерцевъ, которыхъ онъ навербовалъ въ Венгріи.

Наконецъ, 5 іюля Наполеонъ окончилъ громадныя приготовленія свои, укрѣпилъ Лобау, увеличилъ число мостовъ, редутовъ, собралъ подъ руку Евгенія, Даву и Бернадота. У него было сто пятьдесятъ тысячь человѣкъ, у Карла семьдесять пять. Ночью разразилась страшная буря, но не смотря на нее перешли мосты. Днемъ наступилъ удушливый жаръ, еще усиленный испареніями зрѣлыхъ жатвъ и желтѣвшихъ колосьевъ прибитыхъ къ землѣ. Австрійцы, венгерцы и др. умирали отъ жажды; на ихъ сторонѣ не было воды и они постоянно смотрѣли не идетъ ли эрцгерцогъ Іоаннъ, ведя пятьдесятъ тысячъ подкрѣпленія. Однако французская армія, большею частью очень молодая, въ началѣ поддалась паникѣ, которую Макдональдъ и Удино остановили съ трудомъ. Вѣсть о ней, немедля понесшаяся съ поля сраженія, распространилась на сѣверѣ и Берлинъ задрожалъ отъ радости.

Французская артиллерія поддержала и обезпечила исходъ сраженія, соперничая въ быстротѣ и подвижности съ кавалеріей. Гвардейская артиллерія оказала чудеса храбрости, а большія орудія, оставленныя въ Лобау и прикрывавшія ядрами своими противуположный берегъ, остановили австрійцевъ, которые шли изрубить и совершенно уничтожить четыре дивизіи Массены. И онъ, въ этой великой бойнѣ, несшій на себѣ всю тяжесть сраженія, былъ обреченъ погибнуть, какъ Ланнъ; но онъ спасся какимъ то чудомъ. Древніе, въ великихъ опасностяхъ, приносили человѣческія жертвы Смерти или Марсу (Marti, Morti). Можно сказать, что въ этомъ кризисѣ, Наполеонъ искупилъ себя, принеся въ жертву двѣ души арміи, великаго солдата своего, Ланна, и великаго вождя своего, Массену. Двадцать двѣ тысячи французовъ легли и столько же австрійцевъ. Уцѣлѣвшіе побѣдители, молодые и удивленные побѣдой своей, кинулись послѣ сраженія на припасы австрійскаго лагеря и до того упивались въ продолженіе трехъ дней, что непріятель, если бы вернулся, могъ бы искрошить ихъ какъ его душѣ было бы угодно.

VIII.

Австрійскій бракъ 1810.

Роялисты говорили, что Бонапарте былъ «случайнымъ существомъ, однимъ изъ тѣхъ грибовъ, которые, родясь вчера, должны на завтра умереть». Въ ожиданіи этого времени они старались, какъ только могли, выжать свои выгоды изъ гриба. Они черезъ Жозефину добивались возвращенія своихъ имуществъ. Де-Местръ, корифей ихъ, получилъ отъ покровительствовавшаго ему русскаго двора позволеніе просить у Напо-

леона свиданія. Тотъ не отвѣчалъ и не хотѣлъ видѣть заносчиваго интригана. Наполеонъ, сдѣлавшій такъ много для ретроградной партіи, два раза пощадившій Австрію, возстановившій въ 1802 г. папство, зналъ очень хорошо, что партія эта ожидала и желала его смерти, паденія и съ радостью видѣла его связаннымъ съ безплодною Жозефиною, коронованною, но оподленною позорнымъ дѣломъ Гортензіи, которымъ прогремѣла вся европейская пресса. Жозефина повсюду слѣдовала за Бонапарте, не скрывавшимъ своего отвращенія къ ней.

Всѣ предвидѣли разводъ. Сестры Бонапарте сильно подстрекали его, но въ тоже время боялись появленія иностранной принцессы и хотѣли, чтобы онъ женился на француженкѣ. Это было тоже мыслью лучшихъ царедворцевъ и между прочимъ Нарбонна, который полагалъ, что императоръ долженъ былъ опереться только на Францію. Сестры орудовали это дѣло и очень неделикатно, безпрестанно водя съ собою императора въ институтъ Сенъ-Дени и соблазняя его видомъ красивыхъ молодыхъ дѣвушекъ. Его всего чаще приводили именно въ ту минуту, когда первая красавица, казавшаяся уже императрицей по величественной граціи, раздавала бѣднымъ положенную милостыню заведенія *).

Однако во время эрфуртскаго свиданія, онъ имѣлъ мысль породниться съ Россіей; но мать императора Александра, питавшая отвращеніе къ одной мысли объ этомъ, поспѣшила выдать замужъ великую княгиню, о которой шли переговоры, за одного мелкаго принца Германіи. Въ декабрѣ 1809 г. послѣ Ваграма, Бонапарте, который такъ щедро расплатился

---

*) Я зналъ эту прекрасную и добродѣтельную особу; я получилъ всѣ эти свѣдѣнія отъ г-жи Анжеле, наставницы Сенъ Дени, и г. Вильменя, секретаря Нарбонна.

за сомнительную дружбу царя Финляндіей и княжествами дунайскими, счелъ себя въ такихъ хорошихъ отношеніяхъ съ нимъ, что просилъ руки другой сестры его. Но прежде чѣмъ вступить въ такой союзъ съ Наполеономъ, Александръ хотѣлъ, чтобы онъ подписалъ такое соглашеніе: *что Польша никогда не будетъ возстановлена*, т. е. отнять у поляковъ всю надежду на Францію, а у Наполеона мечъ Польши, мечь опасный который Наполеонъ могъ когда нибудь употребить противъ него. Это значило: «Породнимся, я согласенъ, но прежде положите этотъ мечъ».

Наполеонъ не хотѣлъ сдѣлать этого подъ предлогомъ чести Франціи. Чтобы получить руку русской великой княгини, онъ долженъ былъ положить въ свадебную корзинку Польшу и собственное униженіе. Сверхъ того онъ опасался, что русскій дворъ видѣлъ слишкомъ хорошо сквозь стѣны Сенъ-Клу и зналъ, что вдовствующая императрица требовала чтобы дочери ея каждый день писали ей обо всемъ. И потому, не дожидаясь конца десятидневнаго срока, назначеннаго для отвѣта, онъ порвалъ все и просилъ руки дочери австрійскаго императора.

Это произвело сильное впечатлѣніе; это значило вступить въ союзъ съ ретроградной партіей, главною представительницею которой до сихъ поръ была Австрія. Странное противорѣчіе: онъ только что захватилъ папу въ плѣнъ и, чтобы укрѣпить преобладаніе свое надъ церковью, онъ давалъ пенсіи священникамъ, создалъ лишнихъ пять тысячъ приходовъ и учреждалъ стипендіи въ семинаріяхъ. Но въ то время когда онъ выбиралъ старую партію—Австрію, онъ оттого не сталъ лучше обходиться съ фамиліей, съ которою роднился. Если кто желаетъ видѣть насколько Австрія была расположена къ этому браку, пусть посмотритъ въ Версалѣ посредственную,

но очень вѣрную картину, въ которой жалкій Францъ идетъ на первое свиданіе съ Наполеономъ. Идетъ? Его толкаетъ какое то механическое движеніе, чуждое волѣ его. Этотъ бѣлокурый и розовый призракъ имѣетъ въ себѣ нѣчто странное и возбуждаетъ ужасъ; это мрачный автоматъ, въ которомъ уже теперь можно предугадывать тюремщика Шпильберга.

Бракъ этотъ былъ человѣческой жертвой. Марія Луиза, не смотря на ослѣпительный полнокровный блескъ и свѣжесть двадцати лѣтъ, была какъ мертвая. Ее предавали Минотавру, страшному врагу семьи ея, убійцѣ герцога энгіенскаго. Онъ пожретъ и ее?.. Желтая корсиканская кожа его отъ ожирѣнія приняла бѣловатые, совершенно фантасмагорическіе оттѣнки; дочь сѣвера, роза, нѣсколько пошловатая, какъ ее изображалъ Прюдонъ, пугалась прикосновенія къ ней. Все было устроено съ необычайною поспѣшностью. Предложеніе было сдѣлано 7 марта; 8 подписали контрактъ, 11 бракосочетаніе было совершено въ Вѣнѣ, и принцъ Карлъ, представлявшій Наполеона, былъ повѣнчанъ съ Маріей Луизой, т. е. имѣлъ огорченіе передать ему жертву, какъ добычу отъ своего послѣдняго пораженія.

13 марта, обливаясь слезами, она покинула отца своего и Вѣну. По дорогѣ ее встрѣтила сестра императора и отняла отъ нея австрійскую даму. Наконецъ, послѣ утомительной дороги, она встрѣтила на дорогѣ въ Компьенъ Наполеона, который пренебрегая приличіями, не медля тутъ же въ Компьенѣ овладѣлъ ею, какъ добычей. Все это было очень дико и такого свойства, что могло вмѣсто упроченія связи только нанести новую рану дому, который противъ воли своей жертвовалъ однимъ изъ дѣтей своихъ. Рана была отравленная: Наполеонъ заранѣе сдѣлалъ все, что могъ, чтобы посѣять въ

немъ раздоръ, недовѣріе между членами его, предложивъ дать миръ безъ всякихъ условій только въ томъ случаѣ, если австрійская имперія *будетъ раздѣлена* на три королевства составляющія ее, или если она въ цѣлости перейдетъ къ одному изъ эрцгерцоговъ. Предложеніе коварное, которое въ другомъ семействѣ могло бы вызвать злыя покушенія.

Онъ не имѣлъ никакого понятія о чевовѣческой природѣ, если думалъ, что насильственный бракъ этотъ умиритъ Австрію въ отношеніи того, кто выказалъ себя такимъ жестокимъ врагомъ ея. Францискъ принялъ бракъ этотъ, какъ новое униженіе, и извѣстилъ о немъ другихъ государей только два года спустя, когда думалъ что отпаденіемъ своимъ зарѣзалъ императора Франціи. Наполеонъ тоже вывелъ изъ себя, язвилъ до конца короля прусскаго, который получилъ позволеніе возвратиться въ Берлинъ, только приговоривъ на смерть собственныхъ сторонниковъ своихъ. Такъ копилась на всей землѣ ненависть противъ Наполеона, противъ насъ. И худшимъ изо всего было то, что не предвидѣли конца этой дикой тираніи. Гораздо болѣе вѣрили новымъ успѣхамъ его, которые заклепали бы цѣпи міра. Одинъ прусскій посолъ писалъ (конечно Гарденбергу): «Наполеонъ покоритъ Испанію и быть можетъ побѣдитъ Россію, употребивъ послѣднее средство—возстаніе крѣпостныхъ.»

XI

Наполеонъ ссорится съ братьями, распространяетъ власть свою, грозитъ Россіи. 1810.

Я превосходно помню нѣкоторыя событія 1810 г. Мнѣ было двѣнадцать лѣтъ и, хотя я былъ ребенкомъ, но я какъ нельзя лучше понималъ тревоги и бѣдствія того времени. Два

или три года послѣ женитьбы императора, трагическое событіе потрясло Парижъ и было сочтено великимъ предзнаменованіемъ будущаго. Не забыли страшное и погребальное празднество свадьбы Людовика XVI, когда было задавлено столько людей. Балъ, страшный пожаръ австрійскаго посольства весною 1810 г. произвели еще большее впечатлѣніе, потому что жертвами были сановники и самый дворъ императора, которыхъ погубила катастрофа. Первымъ впечатлѣніемъ было впечатлѣніе природы. Много говорили о посланницѣ матери, которая погибла, ища дѣтей своихъ. Потомъ раздались другія, самыя противуположныя мнѣнія. Дядя мой со стороны матери, чиновникъ казначейства, видѣлъ въ этомъ только несчастную случайность; но очень многіе видѣли въ этомъ предвѣщаніе конца счастья Бонапарте, близкаго паденія власти его. Это было мнѣніемъ отца моего, который, какъ содержатель типографіи, терпѣлъ преслѣдованія, и дяди моего по отцѣ, бывшаго работникомъ у отца.

То была безрадостная надежда такъ какъ на вѣрно угадывали, что столь желанное паденіе колосса не могло совершиться, не навлекая новыхъ страшныхъ бѣдствій. Мы были несчастны. Европа задавленная ради насъ, воображала, что мы плавали въ золотѣ. Но все золото шло на обогащеніе генераловъ, на расточительность армій. Бонапарте, при пылкомъ воображеніи своемъ, преувеличивалъ многія вещи. Открытіе сахара въ виноградѣ, по мнѣнію его, должно было избавить насъ отъ необходимости ввоза колоніальныхъ товаровъ. Ришаръ Ленуаръ и Оберкампфъ съ прядильнями своими, съ холстинками Жуи должны были замѣнить лондонскіе товары. Но что же могли сдѣлать эти дѣятельные, изобрѣтательные люди, когда негдѣ было достать главнаго матеріала, хлопчатой бумаги, если императоръ не нарушитъ собственную систему и

не дастъ *льготу* на ввозъ. Льготы давались кому нибудь изъ привилегированныхъ лицъ, которые позорно перепродавали право свое. Это поднимало въ Европѣ крикъ. Слабые втайнѣ роптали, но сильные, какъ Россія, непремѣнно должны были наконецъ потерять терпѣніе.

Эта таможенная оппозиція была тягостна не менѣе военнаго деспотизма, который принуждалъ нѣмцевъ, посылаемыхъ въ Испанію вмѣстѣ съ нашими войсками, быть или убійцами или жертвами въ рѣзнѣ. Сопротивляясь такому варварству, португальцы подъ покровительствомъ единственныхъ освободителей своихъ, англичанъ, были обречены употребить безчеловѣчное средство: они обратили отечество свое въ пустыни, какъ то сдѣлали русскіе въ 1812 г. Ни что не можетъ дать намъ понятія о кровавомъ адѣ испанской войны 1810 г. объ этой смѣси самыхъ противуположныхъ мнѣній и враждебныхъ другъ другу расъ, которыхъ можно было счесть непримиримыми. Впрочемъ можно прочесть довольно хорошій разсказъ, къ которому рѣдко обращаются; это разсказъ лорда Лондондери, въ совершенствѣ передающій довѣріе къ Англіи португальцевъ и недовѣріе къ ней испанцевъ. Лондондери сознается въ ужасныхъ неиствовствахъ англо-ирландцевъ при взятіи городовъ, или послѣ одержанныхъ побѣдъ. Онъ говоритъ объ общемъ уныніи. Англійскіе офицеры уже искали себѣ мѣстъ въ Англіи.

Португалія опустошалась, превращалась въ пустыню. Французская армія почти шесть мѣсяцевъ не могла получать вѣстей изъ Франціи. Всѣ крѣпости Испаніи были въ рукахъ Наполеона. Но въ цѣлой странѣ, въ деревняхъ, горахъ и ущельяхъ война продолжалась съ звѣрскимъ варварствомъ. Центральная юнта приговорила нашу армію поголовно къ смерти. Убивали каждаго француза. Ней и Ланнъ выказали безпощадную же-

стокость. Въ отмщеніе испанцы заразъ утопили восемь сотъ французовъ и, не нападавшихъ на нихъ. Маршалъ Викторъ разсказываетъ, что солдаты Куэсты, послѣ пораженія, сочли себя погибшими и кричали: не надо пощады. Онъ говоритъ, что двѣнадцать тысячь человѣкъ такъ заставили перерѣзать себя. Ужасающее палачество, въ которомъ французамъ энергически помогали союзники ихъ нѣмцы. Викторъ назвалъ нѣмецкій корпусъ, принявшій участіе въ этой рѣзнѣ и благодарилъ его. *) Наши нѣмцы и швейцарцы зачастую преслѣдовали и убивали нѣмцевъ и швейцарцевъ непріятельской арміи. Безчеловѣчная месть и жестокіе приказы властей превращали каждаго человѣка въ кровожаднаго звѣря. Всѣ убивали и, принужденные убивать, всѣ проклинали тѣмъ злобнѣе тирана.

Страшное положеніе! Хотя ничто еще не поднималось, но такое противуестественное состояніе не могло долго продолжаться. Многіе были убѣждены, что скоро настанетъ срокъ расплаты. Бернадотъ, шуринъ Іосифа, замышлялъ уже двѣ махинаціи, чтобы выплыть надъ потопомъ Европы. Передъ Ваграмомъ, запертый не надолго на островѣ Лобау, онъ заискивалъ въ арміи, въ офицерахъ, которые передавали мнѣ о томъ. Потомъ, имѣя подъ начальствомъ саксонцевъ, онъ осмѣлился пустить бюллетень, въ которомъ приписывалъ имъ чрезмѣрно преувеличенную долю заслугъ въ побѣдѣ. На это отвѣтилъ Наполеонъ оплеухами въ двѣ руки, то есть злобнымъ, ругательскимъ опроверженіемъ, которое отравило еще болѣе ненависть Бернадота и заставило его еще внимательнѣе подстерегать каждый случай бѣжать и освободиться, если возможно.

---

*) См. донесенія Виктора въ *Военномъ Зритель* (Spectateur militaire), февраль—мартъ 1873, статьи капитана Кости де Сарда: Военныя дѣйствія въ Испаніи.

Не иными были и тайныя мысли Мюрата, который, унижаемый императоромъ, спрашивалъ себя дерзновенно: «Если онъ умретъ, кто наслѣдуетъ ему?» Въ Парижѣ друзья Мюрата обсуждали его шансы. Іосифъ, съ которымъ генералы брата его поступали тиранически, сдѣлался испанцемъ въ душѣ и хорошій пріемъ, оказанный ему въ Андалузіи, подалъ ему великія надежды, когда Бонапарте извѣстилъ его, что *требуетъ себѣ весь сѣверъ Испаніи* до Эбро. Потомъ онъ сверхъ того захватилъ югъ, назначивъ Сульта чѣмъ то въ родѣ вице-короля Андалузіи. Это можно было назвать захватомъ цѣлой Испаніи, завоеваніемъ всего королевства Іосифа.

Наполеонъ оказывалъ еще менѣе уваженія Людовику, несчастному королю Голландіи. Людовикъ, конечно, не заслуживалъ уваженія. Въ странѣ задавленной налогами, онъ обезъянничалъ раззорительный штатъ Франціи, создавалъ маршаловъ и пр. Однако деспотическая грубость Наполеона дѣлала Людовика предметомъ жалости. Бонапарте, произведя сына Гортензіи въ великіе герцоги Берга, не удостоилъ даже извѣстить о томъ Людовика и, такимъ образомъ, подтвердилъ все опубликованное англійскими газетами о рожденіи ребенка этого и супружескихъ несчастіяхъ голландскаго короля. Меланхолія Людовика, мистицизмъ его были предметомъ варварскихъ шутокъ Наполеона, который кололъ брата тѣмъ, что тотъ боленъ «злокачественной лимфой». Къ чему эти преслѣдованія, эти низкія оскорбленія? Онъ долженъ былъ прямо сказать, что хочетъ захватить въ добычу королевство Людовика. Голландія была нужна ему для системы его; онъ уже окружалъ ее французскими таможнями, говоря, что она ничто иное какъ аллювіальная земля рѣкъ Франціи—Рейна и Мааса. Онъ сначала захватилъ провинціи Зеландіи и Брабанта, жизненные органы Голландіи. Но завоеваніе это было бы ли-

шено, для него прелести, если бы онъ сдѣлалъ его открыто, безъ коварства. Онъ приказалъ Людовику явиться присутствовать при свадьбѣ его и въ это время отнялъ у него все. Людовикъ былъ такъ взбѣшенъ, что хотѣлъ чтобы Голландія употребилъ средство, которое такъ хорошо удалось ей въ войнѣ противъ Людовика XIV, общее потопленіе страны. Людовикъ Бонапарте съ большимъ трудомъ спасъ свою собственную особу и нашелъ убѣжище въ Австріи, не желая вернуться никогда во Францію.

Въ эту минуту брака и праздника Наполеонъ учредилъ десять государственныхъ тюремъ, какъ говорилъ, «для людей заслуживающихъ смерть, но которыхъ нельзя было предавать суду». Они должны были оставаться въ безсрочномъ заключеніи безъ слѣдствія и суда; и для того чтобы они не возбуждали участіе, онъ прибавлялъ что многіе изъ нихъ были «грабителями обокравшими дилижансы, или людьми служившими агентами полиціи въ чужихъ странахъ». Такъ была раскинута громадная сѣть и тѣмъ болѣе страшная, что не обозначали опредѣленно тѣхъ, кого онъ хотѣлъ поразить и держать въ безсрочномъ заточеніи. Но къ чему были тюрьмы эти? Вся Европа, какъ говоритъ г-жа Сталь, превращалась въ тюрьму. Можно было предположить, что присоединеніе Голландіи имѣло какую нибудь особенную цѣль, какъ то: завладѣть голландскимъ флотомъ, конфисковать прикрываемые имъ англійскіе товары. Ничего такого не было. Къ концу 1810 г. узнали, что присоединеніо это было лишь однимъ шагомъ великой системы общаго захвата, обнимавшей весь сѣверъ, ганзейскіе города, т. е. устья германскихъ рѣкъ, которыя открываютъ доступъ въ Балтику.

И это важное событіе было оповѣщено всего въ двухъ строкахъ герцога Кадорскаго: «Присоединеніе Голландіи по-

вело за собой присоединеніе ганзейскихъ городовъ». Возвышенный лаконизмъ, но чудовищно дерзкій, даже угрожающій! И чтобы лучше подчеркнуть его, Наполеонъ вербуетъ сто двадцать тысячь солдатъ, сорокъ тысячь матросъ; еще онъ объявляетъ безъ всякихъ обиняковъ, что будетъ каждый годъ призывать солдатъ конскрипціей съ тѣмъ, что будетъ отпускать такое же число старыхъ солдатъ. Посланникъ его долженъ былъ безъ всякихъ оговорокъ сдѣлать о томъ заявленіе русскому императору. Австрійскій бракъ и захватъ испанскихъ крѣпостей придали Наполеону столько самоувѣренности, что онъ не побоялся и въ личномъ дѣлѣ раздражилъ царя, которому до этихъ поръ оказывалъ вниманіе. Въ общемъ присоединеніи сѣвера Европы къ Франціи, сдѣланномъ однимъ декретомъ. Наполеонъ не удостоилъ замѣтить, что онъ включилъ и владѣнія герцога Ольденбургскаго, шурина императора Александра, Ольденбургъ—колыбель русской династіи. Поступокъ былъ крайне неполитичнымъ, потому что мелкія таможенныя потребности не оправдывали его нисколько.

Этотъ недостатокъ уваженія и громадныя присоединенія сѣвера Европы, произведенныя такъ быстро, были достаточно яснымъ предостереженіемъ. Встревоженный Александръ укрѣплялъ границы свои и наконецъ рѣшился на крупную мѣру: таможеннымъ тарифомъ онъ запрещалъ французскіе товары всякаго рода, въ то время какъ англійскіе по прежнему допускались, прикрытые нейтральнымъ флагомъ. Это было уже разрывомъ. Если Россія теперь считала себя уже въ правѣ разорвать союзъ, то причиной былъ Наполеонъ; потому что захватывая сѣверъ, онъ не побоялся заявить цѣль и результаты захвата своимъ планомъ великаго канала, который, направляясь отъ Рейна и Эльбы къ Балтикѣ, отнялъ бы у нея характера замкнутаго моря и сдѣлалъ бы его постоянно от-

крытымъ для нашихъ судовъ и, быть можетъ, для нашихъ завоеваній.

И онъ не только не ослаблялъ значеніе плана, возбуждавшаго такъ много опасеній, но объявилъ о немъ въ самыхъ угрожающихъ выраженіяхъ, съ устрашающей напыщенностью. Въ маловажномъ актѣ, которымъ онъ присоединялъ кантонъ валезскій къ Франціи, подъ названіемъ симплонскаго департамента, онъ говорилъ: «англичане нарушили международное право Европы. *Природа измѣнилась.* Я начерталъ планъ канала, который менѣе чѣмъ въ пять лѣтъ соединитъ Балтику съ Сеной. Мнѣ нужны были новыя гарантіи. Первыми, наиболѣе важными, я счелъ присоединеніе къ имперіи устьевъ Шельды, Мааса, Рейна, Эльбы и созданіе внутренняго воднаго пути сообщенія съ Балтикой». Странный и фантастическій декретъ, который, съ одной стороны прорывая Альпы, съ другой угрожалъ уничтоженіемъ плаванія по Сѣверному морю.

X.

Походъ въ Португалію. Россію 1811—1812. Войны пожарами.

Историки, писавшіе мрачную повѣсть о походѣ въ Россію, всѣ забываютъ вещь самую существенную, а именно, что великое бѣдствіе это наступило послѣ гораздо слабѣйшаго пораженія, вынесеннаго въ Португаліи вслѣдствіе той же самой причины, тѣхъ же самыхъ ошибокъ Наполеона. Онъ собственно для того, чтобы замять пораженіе понесенное въ въ Португаліи, выказалъ себя такъ грознымъ на сѣверѣ, присоединилъ Голландію, захватилъ всѣ большія рѣки, которыми

дышетъ Германія, наконецъ такъ дерзко вызывалъ Россіи, провозглашая, что хочетъ пробить себѣ окно въ Балтику. Этимъ угрозамъ Англія дала отпоръ серьозный, жестокій и дѣйствительный. Оба Велеслея-Велингтона, обладавшіе главнымъ вліяніемъ въ Англіи — одинъ въ кабинетѣ, другой въ арміи—примѣняли къ Европѣ свою индійскую методу безпощаднаго опустошенія.

Это видѣли въ Португаліи, гдѣ, не смотря на сопротивленіе сильной партіи, они принудили подъ страхомъ смертной казни каждаго крестьянина разрушать и жечь все въ странѣ. Жители съ большою неохотою совершили требуемое опустошеніе, видя что англійская армія, хорошо снабжена съѣстными припасами, перекочевывая съ однихъ горныхъ высотъ на другія. Всякая другая армія кромѣ ирландской, которую держали въ черномъ тѣлѣ и желѣзной рукой, пришла бы въ негодованіе отъ такой системы опустошенія, свидѣтельствовавшей объ осторожности вождей и тѣмъ самымъ признававшей непобѣдимое превосходство французовъ въ открытомъ полѣ,—системы крайне жестокой, которая жгла союзниковъ вмѣсто того, чтобы защищать ихъ. Система эта, правда, создавала страшно затруднительное положеніе для Массены, она принуждала его подвигаться съ чрезвычайной медлительностью и до такой степени отрѣзала его отъ Франціи, что генералъ Фой, посланный добыть какихъ нибудь извѣстій оттуда, едва могъ пройти подъ защитой двухъ тысячъ солдатъ.

Императоръ, очевидно, смотрѣлъ теперь въ другую сторону и забывалъ Массену. Онъ не долюбливалъ Массену и не требовалъ, чтобы маршалъ Сультъ, ставшій настоящимъ королемъ Андалузіи и стоявшій стражею при кортесахъ въ Кадиксѣ

и островѣ Леонѣ, согласовалъ движенія свои съ движеніями Массены. Массена, которымъ такъ явно пренебрегалъ Наполеонъ и который былъ какъ бы покинутъ имъ на жертву, вслѣдствіе этого встрѣчалъ въ подчиненныхъ своихъ лишь одно неповиновеніе. Ней ослушался его и не открылъ ему переписку свою съ королемъ Іосифомъ и съ Испаніей. Въ то же время Веллингтонъ укрѣплялся близь Лисабона и моря, въ неприступной позиціи Торресъ-Ведраса на грядѣ холмовъ, защищенныхъ батареями. Массена умиралъ отъ голода и напрасно просилъ провіанта у Наполеона, который не слушалъ его. Наконецъ, видя общее неповиновеніе, даже гвардіи императорской, которая отказалась атаковать непріятеля, Массена могъ только отступить. Наполеонъ, униженный этими неудачами, причиной которыхъ онъ отчасти былъ самъ, дошелъ до мысли о жалкомъ средствѣ лишить Іосифа престола и послать въ Испанію Фердинанда съ условіемъ, чтобы тотъ уступилъ ему всѣ провинціи къ сѣверу отъ Эбро.

Это пораженіе въ ту минуту, когда Наполеонъ мечталъ себя вознесеннымъ такъ высоко австрійскимъ бракомъ, побуждало его желать изумить Европу какимъ нибудь великимъ ударомъ; отсюда его наблагоразумные вызовы Россіи. Онъ воображалъ, будто хорошо зналъ императора Александра. Онъ увидѣлъ уже изъ дѣла таможеннаго тарифа, что Александръ на половину возсталъ противъ него, и потому онъ заключилъ, что слѣдуетъ, не теряя времени, пригрозить бывшему союзнику мечемъ. Онъ не предполагалъ, что будетъ война. Но подготовляя вообще войну тѣмъ, что дѣлалъ громадные запасы военныхъ средствъ, онъ не сомнѣвался въ томъ, что заставитъ Александра отступить. И ктобы усомнился въ томъ? И кто можетъ когда узнать какою степенью давленія дворъ

довелъ до энергическаго сопротивленія человѣка съ такимъ нерѣшительнымъ характеромъ? *).

Важность событій снова привела Александра къ религіознымъ и мистическимъ стремленіямъ, такъ свойственнымъ душѣ его. Колеблющаяся душа его, въ которой смѣшивались различныя вліянія, осталась на всю жизнь омраченною чернымъ облакомъ—двумя трагическими событіями. Однимъ изъ нихъ былъ пожаръ Москвы. Онъ постоянно терзался сомнѣніями — былъ ли онъ причиною катастрофы или нѣтъ. Уже видя приближеніе громадныхъ полчищъ, которыхъ велъ на него Бонапарте, онъ все еще не могъ выйти изъ положенія мистическаго выжиданія, которое стало естественнымъ состояніемъ его. Въ три предшествовавшихъ года, не смотря на войны его въ Финляндіи и Молдавіи, самъ онъ дѣйствовалъ очень мало. Политическіе эмигранты и иллюминаты, которые съ каждымъ днемъ все тѣснѣе и тѣснѣе окружали его, указывали ему на десницу Божію, обрушивавшуюся на Наполеона, на непокоренную еще Испанію и на Германію, уже затрепетавшую борьбой, готовую возстать. Эта точка зрѣнія была совершенно ложна въ 1812 г. Напротивъ того увидятъ, насколько нѣмцы, во время страшнаго отступленія нашего изъ Москвы, были намъ вѣрными и сражались за насъ.

Но все равно. Эти лжепророчества придавали кредитъ де Местру, савойскому Эзекіелю, надъ которымъ такъ долго издѣвались и котораго такъ долго отдаляли; теперь де Местръ, поднявшись подъ покровительствомъ вдовствующей императ-

*) Въ книгѣ одной польки, г-жи Шуазель-Гуфье, книгѣ полной интересныхъ и истинныхъ анекдотовъ, мы видимъ, что въ самый моментъ войны 1812 г., когда французская армія уже была въ походѣ и приближалась, Александръ находился въ Вильнѣ, и былъ на балѣ, окруженный дамами и находя для каждой любезныя слова.

рицы, былъ приближенъ къ императору въ качествѣ секретаря. Мы уже видѣли вліяніе, какое пріобрѣтала вдовствующая императрица посредствомъ института для пятисотъ благородныхъ дѣвицъ, приманки приданаго и мѣстъ, которыя легко получались женитьбою на привилегированныхъ воспитанницахъ. Тамъ царилъ мистицизмъ, но онъ былъ сдерживаемъ въ границахъ правительственныхъ; и вмѣстѣ съ тѣмъ царила строгая внѣшняя обрядность. Воспитанницы были живою пропагандою противъ Наполеона, Франціи и ученій ея. Императорская фамилія была сильно и вполнѣ справедливо раздражена австрійскимъ бракомъ и ольденбургскимъ дѣломъ, которое было ведено съ такою грубою поспѣшностью.

Въ немъ чувствовалось, что гнетъ, подъ которымъ задыхался весь міръ, не уважалъ дружественныхъ связей и коснулся даже Россіи, даже императорской фамиліи. Грубость эта казалась зловѣщимъ предзнаменованіемъ. Начали ставить укрѣпленія на нѣкоторыхъ границахъ и думать о вызовѣ изъ Турціи и Финляндіи дѣйствовавшихъ тамъ армій. Не было никакого плана войны, или, если хотите было цѣлыхъ три, между которыми колебались. Нѣмецкій планъ Барклая курляндца, искуснаго генерала: отступать постоянно, ввѣрять защиту пространству, зимѣ и недостатку съѣстныхъ припасовъ. Александръ самъ излагалъ планъ этотъ Нарбонну, посланнику Наполеона. Русскій планъ, привести въ исполненіе который было приказано Кутузову, — рискнуть на одно рѣшительное сраженіе. Третій планъ можно было назвать англійскимъ, потому что англичане въ такихъ обширныхъ размѣрахъ приводили его въ исполненіе въ Португаліи—жечь и раззорять всю страну. Но исполненіе этого плана должно было быть несравненно болѣе жестокимъ въ Россіи, нежели въ болѣе мягкомъ климатѣ. Въ Россіи онъ велъ къ тому, чтобы морить жестокими морозами не только французовъ, но и русскихъ.

Нужно отправляться только отъ истинной и вѣрной идеи: Наполеонъ — франко-итальянецъ къ тому же не зналъ ничего о мірѣ. Въ глубокомъ невѣжествѣ и полнѣйшемъ равнодушіи своемъ къ различнымъ націямъ, по землямъ которыхъ онъ проводилъ пушки свои, онъ, какъ кажется, не составилъ о нихъ другаго понятія, кромѣ понятія Фальстафа, который воображалъ, что достаточно охаректиризовалъ рекрутъ своихъ, давая имъ такое опредѣленіе: «смертные люди». Онъ вступилъ въ Россію, зная очень смутно, что это была страна крѣпостныхъ и воображая, что положеніе въ Россіи точно такое какъ и въ Польшѣ, не имѣя никакого понятія о сложныхъ обстоятельствахъ, которыя и въ наше время дѣлали освобожденіе крѣпостныхъ въ этомъ государствѣ шагомъ крайне затруднительнымъ. Въ Россіи крестьянинъ хотѣлъ свободы только съ землей, съ собственностью, которая принадлежала ему два вѣка тому назадъ; отсюда неизмѣримыя затрудненія, которыя можно было побѣдить только однимъ рѣшительнымъ ударомъ цѣною великаго общественнаго переворота, чего Наполеонъ вовсе не желалъ. Крестьянинъ сохранилъ лишь свою крѣпостную общину, свою церковь, своихъ святыхъ, которые нѣкогда защитили его отъ татаръ. Это было единственною связью небольшихъ сельскихъ обществъ, и это слѣдовало уважать во что бы то ни стало. И потому оказалось дѣломъ крайнѣ труднымъ вести французскую армію въ странѣ не фанатичнаго ханжества, какъ Испанія, но сильно подчиненной мѣстному культу.

Французская армія, какъ то видѣли уже при Ваграмѣ, утратила дисциплину прежнихъ временъ. Перейдя польскую границу, она не получала уже правильно провіантъ, и ей надо было грабить. Вотъ почему она стала бичемъ крестьянина, который возсталъ, но не за нее, а противъ нея. Наполеонъ

самъ до того не зналъ на что рѣшиться, что подавилъ первыя попытки соціальной жакеріи, на которыя донесло ему дворянство. Оно и осталось единственнымъ властелиномъ крестьянъ и, пользуясь религіозною ревностью ихъ, превратило войну въ крестовый походъ противъ Наполеона, который погибъ за колебанія свои. Сверхъ того, что у него не было соціальной предусмотрительности, у него не было и благоразумной осторожности, такъ нужной въ военной администраціи. Его компанія 1807 г. на самыхъ границахъ Россіи, затрудненія, встрѣченныя имъ при Фридландѣ и Эйлау, могли бы заставить его предвидѣть тѣ, которыя онъ встрѣтилъ, углубляясь въ неизмѣримыя пространства Россіи, которая кромѣ суровости сѣверныхъ зимъ останавливала то пропастями грязи, то песками. Это испытали при первыхъ шагахъ. Высокіе и тяжелые фургоны администраціи не могли двигаться и пришлось раздѣлить кладь ихъ на множество небольшихъ телегъ нашихъ возчиковъ изъ Франшъ Конте, которыя не вязнутъ глубоко. Эта перемѣна сильно задерживала движеніе.

Наполеонъ изъ уваженія къ Австріи и даже къ Россіи, не рискнулъ вооружить поляковъ массою, но разсѣялъ ихъ въ цѣлой арміи. Онъ только допустилъ ихъ провозгласить въ Варшавѣ возстановленіе Польши, но не ободрялъ ихъ ничѣмъ; напротивъ того, онъ раззорялъ, истощалъ Литву, то есть насколько могъ, дѣлалъ Литву русской. Но все равно. Воодушевленіе поляковъ было сильно; о немъ можно судить по вдохновеннымъ картинамъ поэтовъ ихъ, когда они увидѣли какъ храбрые полки ихъ вступали въ древнія стѣны Смоленска, города бывшаго такъ долго польскимъ городомъ, а теперь границей и оплотомъ Россіи. Городъ застали объятый пламенемъ, и тамъ въ первый разъ увидѣли примѣненіе новой системы, которая такъ хорошо удалась англичанамъ въ Португаліи.

Наполеонъ былъ раздраженъ, но не принялъ предостереженія; даже самъ смѣлый Мюратъ говорилъ, что надо остановиться. Даву высказался за мнѣніе императора, противъ мнѣнія Мюрата, бывшаго мнѣніемъ почти цѣлой арміи. Пошли далѣе.

Наполеонъ, въ гнѣвѣ своемъ, все менѣе и менѣе останавливалъ пожары и тѣмъ давалъ непріятелю страшное оружіе, заставляя русскихъ думать, будто наша армія, а не русская сожгла все. Это объясняетъ яростную ненависть русскихъ противъ французовъ «поджигателей и враговъ Божіихъ,» и гнѣвное мужество, которые они выказали передъ Москвой. Наполеонъ, который такъ сильно желалъ большаго сраженія, думая, что оно положитъ Россію къ ногамъ его, выказалъ себя передъ Москвой колеблющимся, нерѣшительнымъ, какъ отзываются всѣ историки. Онъ былъ не много боленъ и со времени второй женитьбы своей состарѣлся прежде времени. Побѣда его была неполная, онъ очень мало воспользовался ею, не преслѣдовалъ сильно ослабленныхъ русскихъ, какъ того хотѣли Мюратъ и другіе. Русскіе ушли и потомъ подкрѣпили свои войска и привели ихъ въ боевой порядокъ. Наполеонъ, слѣдуя рутинной системѣ своей, воображалъ, будто выигралъ все, взявъ столицу.

Исторію Сегюра, трудъ реторики часто вдохновенной и всегда нѣсколько декламаторской, самъ по себѣ составляетъ историческій фактъ по году своему—1824. Она появилась среди бонапартическихъ изданій, которыя св. Елена дѣлала такъ популярными. Успѣхъ былъ замѣченъ по ярости генерала Гуржо и другихъ сеидовъ Наполеона.*) То, что молодой Сегюръ,

*) Сегюръ въ молодости былъ осыпанъ милостями Наполеона, который, приблизивъ его къ себѣ, довѣрилъ ему почетно щекотливыя миссіи, какъ напр. принять капитуляцію Ульма. Въ бюллетенѣ о Сомо-Сіеро Наполеонъ упорно называетъ Сегюра, бывшаго тогда въ отсутствіи, и умалчиваетъ о польской молодежи и Монбрюнѣ взявшихъ ущелье. Наполеонъ любилъ эту расу утонченныхъ

получившій отъ него столько милостей ушелъ изъ партіи его и напечаталъ книгу повидимому безпристрастную, которая выставляла ошибки его и мужество и патріотизмъ враговъ его, было пріятно не только ретроградной партіи, но и всѣмъ намъ, безпристрастнымъ судьямъ. Вглядѣвшись пристальнѣе, можно замѣтить что авторъ признавая заслуги обѣихъ сторонъ и удаляясь, сильно охуждая ихъ, отъ англичанъ, Керпортера, Роберта Вильсона, строгихъ критиковъ Россіи, воздавая французамъ должное, высоко поднимаетъ (до значенія великодушнаго дѣла) патріотическое самоотверженіе того, кто сжегъ Москву.*).

Дѣло это было изумительно смѣлымъ, если справедливо показаніе Сегюра, будто это было сдѣлано безъ вѣдома царя. Впрочемъ это опровергаетъ самъ Александръ, сказавшій: «Я сжегъ Москву и я сжегъ бы и Петербургъ, если бы Наполеонъ подступилъ къ нему. «Сегюръ зять Ростопчина во время выхода Исторіи въ свѣтъ, жившій въ Парижѣ и какъ бы изгнанный туда ненавистью русскихъ, конечно главною цѣлью имѣлъ оправданіе и восхваленіе тестя своего, Ростопчина, котораго мы всѣ видѣли въ Парижѣ такъ же какъ и богомольную супругу его, старавшихся разсѣяться и принимавшихъ большое участіе въ увеселеніяхъ парижской жизни. Книга Сегюра и успѣхъ ея конечно могли какъ нельзя лучше сгладить всѣ пути, облегчить возвращеніе Ростопчина въ Россію

придворныхъ, извѣстную свѣтскими успѣхами, какими пользовался Сегюръ, посланникъ въ Россіи при Екатеринѣ. Сегюръ военный министръ, который, желая угодить королевѣ, требовалъ, чтобы каждый офицеръ былъ стариннаго и дворянскаго рода и могъ доказть свое происхожденіе по прямой линіи отъ четырехъ предковъ дворянъ. Это заставило выйти изъ службы всѣхъ офицеровъ, составившихъ себѣ карьеру счастьемъ войны, и въ томъ числѣ Массену. Наши старинныя имена: Фаберы и Шеверы были бы тоже исключены.

---

*) См. записки г.жи Шуазель.

и омыть память его. Это было главною цѣлью автора въ блестящемъ разсказѣ его.

Принадлежатъ ли большіе центральные города исключительно тѣмъ странамъ, столицами которыхъ они называются? Этого нельзя сказать, и еще менѣе о городахъ востока, Казани, Дамаскѣ, товарныхъ складахъ для карвановъ и всей азіатской торговли. Это большіе пріюты, общіе всѣмъ націямъ Громадная и богатая Москва имѣла такой характеръ: персіяне, татары считали себя въ ней какъ дома. Твердыня ея, крѣпкій Кремль, и колоссальныя стѣны внушали кочующимъ торговцамъ много довѣрія, успокоительную мысль о безопасности. Говорили: «Чувствовать себя такъ безопаснымъ какъ въ Кремлѣ.»

Москва была двойственнымъ и тройственнымъ городомъ; кромѣ недвижнаго Кремля, полнаго церквей и общественныхъ зданій, была Москва съ населеніемъ въ сто тысячъ душъ — дворяне и крѣпостные ихъ, которая разъѣзжалась лѣтомъ: затѣмъ торговая Москва отъ двухъ до трехъ сотъ тысячъ душъ, которыя постоянно жили въ ней, чтобы принимать караваны и покупщиковъ. Такъ было въ продолженіе цѣлыхъ вѣковъ, съ тѣхъ поръ какъ прекратились набѣги татаръ. Осѣдлая, восточная Москва состояла изъ богатыхъ купцовъ и мелкихъ мѣщанъ огородниковъ, обработывавшихъ огороды свои даже въ городской чертѣ, подъ защитой валовъ, и постоянно жившихъ на мѣстѣ; это и былъ собственно говоря, городъ. Баре и прислуга ихъ только на зиму появлялись въ Москвѣ, свидѣться и дѣлать свою глухую оппозицію Петербургу; лѣтомъ они возвращались на постоянное мѣстожительство свое, въ великолѣпные дворцы.

Де Местръ въ перепискѣ своей разсматриваетъ странный вопросъ этотъ: «Что сдѣлаютъ, если царь прикажетъ сжечь столицу какъ англо-португальцы сожгли у себя столько селъ —

для того чтобы остановить армію Массены?» Онъ не отвѣтилъ на этотъ вопросъ. Голландецъ по имени Шмидтъ предложилъ пустить зажигательный воздушный шаръ, чтобы какъ молніей поразить и сжечь французовъ. Послѣ сраженія подъ Москвой Ростопчинъ, чтобы все испробовать, принялъ Шмидта и, для облегченія операцій его, помѣстилъ его въ домѣ Репнина, ожесточеннаго врага французовъ, бывшаго плѣнникомъ ихъ при Аустерлицѣ. Тогда торговую Москву, сильно перепуганную и до того обремененную товарами, что она не могла бѣжать, а могла только умирать на мѣстѣ, увѣрили, что дадутъ еще одно сраженіе, чтобы спасти ее.

Къ тому же цѣлый городъ вѣрилъ въ Александра. Еще недавно онъ пріѣзжалъ въ Москву и былъ встрѣченъ добрымъ народомъ съ невѣроятными изъявленіями любви. Казалось, что то были дѣти съ чувствами нѣжными и наивными, чувствами дѣтей къ отцу. Они не только отдали на войну все, что могли отдать, и даже болѣе, но они рвались прикоснуться къ царю, цаловать ноги его. Его встрѣтили въ обширномъ саду. Они потрясали рѣшетку, чтобы дойти до царя. Пришлось сломать рѣшетку и толпа ринулась. Государь и народъ соединились въ нѣжномъ объятіи.

КНИГА ШЕСТАЯ.

Россія. Германія. Франція. 1812—1815.

I.

Катастрофа Москвы. Бѣгство французской арміи.

Лучшимъ авторитетомъ нашимъ при описаніи событій этихъ былъ самъ императоръ Александръ. Онъ сказалъ, говоря о яростномъ сопротивленіи испанцевъ, которымъ онъ впрочемъ очень мало восхищался: «Что русскіе такъ сильно проникнутые духомъ любви къ своей мѣстности, мало способны къ подобному самоотверженію во имя цѣлаго отечества». Онъ сказалъ въ Вильнѣ: «Я сжегъ Москву и сжегъ бы Петербургъ, если бы увидѣлъ приближеніе Бонапарте». Но сожженіе было дѣломъ ужаснымъ и безполезнымъ, потому что французы, оставшись въ Москвѣ, погибли бы тамъ отъ недостатка пищи. Наполеонъ, утративъ кавалерію и не догадавшись добыть себѣ лошадей, что было такъ легко сдѣлать въ Польшѣ и Украйнѣ, долженъ былъ погибнуть, остаться

въ Москвѣ парализованный съ непобѣдимою пѣхотою своею окруженною казаками.

Сжигая Москву, напротивъ, рисковали освободить его и заставить его еще до начала зимы принять единственное разумное рѣшеніе — сдѣлать быстрое отступленіе. Виною была нелѣпая паника большихъ баръ, которые, по словамъ де Местра и другихъ безумцевъ эмиграціи, думали что Бонапарте былъ революціею и несъ ее въ чемоданахъ своихъ, что наконецъ русскіе совсѣмъ готовы понять его и начать чудовищную жакерію. Какъ будто религіозная рознь сама по себѣ не была разрывомъ, пропастью между ними и арміей злодѣевъ? Чтобы закрѣпить разрывъ этотъ приняли ужасное рѣшеніе, безъ сомнѣнія предварительно убѣдивъ Александра, что огонь въ это время года достигнетъ только до жилищъ купцовъ, большею частью иностранцевъ и что бѣдные кварталы, что наконецъ части города населенныя русскими одними, выстроены изъ дерева и потому могутъ быть снова скоро возстановлены. Это совершенно справедливо въ отношеніе домовъ: русскій съ топоромъ такъ быстро ставилъ себѣ домъ. Но люди, сто или двѣсти тысячь безпріютныхъ, что станется съ ними въ суровую зиму? Прежде чѣмъ погубить двѣсти тысячь французовъ, убивали двѣсти тысячь русскихъ.

Это было великимъ преступленіемъ совершеннымъ для того чтобы совершить другое, пустить страшную клевету и увѣрить добродушныхъ русскихъ, что «франко-польская армія сожгла Москву», то есть создать вѣчную ненависть. Кутузовъ, видя насъ запертыми въ Москвѣ и почти безъ кавалеріи, могъ сколько душѣ было угодно, водить армію свою около Москвы и, указывая на море пламени, говорить: «Вотъ дѣло французовъ». А было совсѣмъ не то. Наполеонъ хотѣлъ спасти Москву и первымъ дѣломъ запретилъ грабежъ, но онъ не

смѣлъ настаивать на запрещеніи и тѣмъ послужилъ Кутузову и погубилъ самъ себя. Въ Москвѣ оставалось еще много богатствъ, которыя могли быть спасены. Сверхъ того крестьянинъ, который не смотря на казаковъ, привозилъ въ Москву припасы, привлеченный барышемъ, пересталъ привозить, какъ только увидѣлъ чудовищный безпорядокъ и узналъ, что смѣлая солдатчина грабила его, своего кормильца, свое спасеніе.

Императоръ дозволялъ все. Но почему? Онъ хорошо зналъ, что храбрецы эти возвращавшіеся изъ Испаніи, по крайней мѣрѣ старые солдаты, были очень недовольны тѣмъ, что ихъ погнали на край свѣта въ походъ, который всѣ считали безумнымъ. Это сильно смущало Наполеона и онъ оставался въ Москвѣ, постоянно ожидая, что императоръ Александръ оправдаетъ его, принявъ предложенія его. Наполеона, въ ожиданіи зимы, водили переговорами, ловкою лестью. Когда неосторожный левъ очутится на днѣ ямы, то на него смотрятъ съ удовольствіемъ, но конечно не пытаются выпустить его оттуда. Еслибъ Наполеонъ не погибъ въ Москвѣ, то отступивъ въ Польшу, онъ бы снова пошелъ на Россію. Вильсонъ и англичане находившіеся въ русской арміи грубо упрекали Кутузова въ томъ, что онъ не задавилъ дикаго звѣря. Но надо принять въ соображеніе, что русскіе потеряли цвѣтъ арміи подъ Москвой и теперь пополняли ее рекрутами, большею частью конницей, которая то приходила, то уходила, а иногда и совершенно исчезала; и потому Кутузовъ не могъ положиться на силы арміи и былъ принужденъ слѣдить за французами издали. Онъ самъ сознавался, что даже во время отступленія французовъ одинъ видъ мѣховыхъ шапокъ гренадеръ наводилъ ужасъ на его солдатъ. Съ другой стороны, наши истощенные, голодные и обезсиленные солдаты очень часто пугались бурнаго натиска и ура казаковъ, которые внезапно нападали на

нихъ въ походѣ и на мѣстахъ роздыха. И такъ кромѣ реальныхъ опасностей—голода, снѣга и пр., съ обѣихъ сторонъ играло страшную роль и воображеніе.

Кутузовъ два раза уклонялся къ югу подъ предлогомъ защиты наиболѣе богатыхъ областей имперіи, но въ дѣйствительности для того чтобы дать холоду и голоду время сдѣлать дѣло свое, дать великой арміи время умереть. Сегюръ, котораго такъ сильно критиковали бонапартисты, однако выказалъ въ отношеніи къ нимъ очень странную снисходительность; напр. онъ скрылъ такой капитально важный фактъ, который сохранили намъ предшественники его, Шамбрэ и друг., а именно: долгое колебаніе Наполеона послѣ Мирославца (Малоярославца) и рѣшеніе его избрать самую дурную дорогу, уже опустошенную и на которой ожидала его вѣрная голодная смерть. «Онъ заперся съ Мюратомъ, Бертье, которые передали все. Въ продолженіе часа онъ размышлялъ, молча, поддерживая голову руками. Потомъ онъ рѣшился избрать эту роковую дорогу». (Шамбрэ). Отступая тѣмъ же путемъ, какимъ шелъ на Москву, онъ могъ, давъ нѣсколько сраженій, которыя огласилъ бы побѣдами, обмануть общественное мнѣніе, сказать, что онъ отступилъ добровольно для того, чтобы снова и вскорѣ вернуться. И онъ доводилъ притворство это до того далеко, что даже въ самый бѣдственный моментъ отступленія, онъ приказалъ Нею съ аріергардомъ остановиться, чтобы взорвать стѣны Смоленска, который онъ хотѣлъ, такъ увѣрялъ онъ, осадить при возвращеніи. И обманъ удался ему. Онъ сохранилъ свое обаяніе во Франціи и могъ еще послѣ Москвы, послѣ страшнаго бѣдствія подъ Лейпцигомъ выдать себя за защитника Франціи въ 1814 г., а въ 1815 г. губить французовъ при Ватерло.

Очень многіе люди, мистики и резонеры, видѣли въ немъ

гибельнаго чародѣя въ родѣ Симона кудесника, котораго Богъ допускалъ держаться на воздухѣ на очень значительной высотѣ для того, чтобы онъ упалъ и свернулъ шею. Но какъ могъ Наполеонъ въ нашъ разсуждающій вѣкъ съиграть эту роль чародѣя? Во первыхъ, афишируя великое уваженіе къ разуму, и ради этого вступивъ въ институтъ только какъ членъ отдѣленія механики, и выставляя себя очень положительнымъ во всю итальянскую кампанію. Великое надувательство началось съ Египта, съ ложнаго разрушенія Сенъ-Жанъ д'Акра и необъяснимаго возвращенія. Англичане, считая его агентомъ Бурбоновъ, скрывали четыре мѣсяца перехваченное ими обвиненіе представленное Клеберомъ директоріи, и тѣмъ допустили брюмеръ, а затѣмъ консульство, имперію. Счастливая неосторожность Маренго не удалась и подняла Наполеона до неба; Аустерлицъ, Іена, Фридландъ привели въ уныніе даже Россію и съ этой минуты онъ возмечталъ, что держитъ подъ ключемъ всю Европу. Тогда голова его закружилась отъ романовъ Испаніи и Португаліи, отъ глупаго австрійскаго брака. Въ головоломномъ подъемѣ, голова его кружится еще болѣе, онъ плюетъ на Альпы, на Сѣверное море и говоритъ: «Природа должна измѣниться».

Но ничто не измѣняется, ни природа, ни разумъ. Весь свѣтъ предвидитъ то, что должно случиться, даже вѣтрогонъ Мюратъ. Онъ одинъ не предвидитъ ничего, вмѣсто того чтобы повиноваться разсудку, чародѣй идетъ отъ преступленія къ преступленію для того, чтобы обмануть еще разъ міръ. Наступаетъ страшная зима. Онъ изъ гордости медлитъ отступленіемъ, видитъ, какъ все мретъ вокругъ него, и не смущается. Ней охраняетъ тылъ; но онъ исчезаетъ на нѣсколько дней. Погибъ ли онъ въ буряхъ и мятеляхъ? Наполеонъ все-таки продолжаетъ свою игру. Нужно прочесть не у высоко-

парнаго Сегюра, но у самаго Фезензака, товарища Нея, простой разсказъ героя, который на берегахъ Борисѳена клянется, что рѣка замерзнетъ и можно будетъ перейти, и потомъ засыпаетъ спокойно подъ ружейными выстрѣлами. Въ самыхъ отчаянныхъ дѣлахъ, каждый разъ чуть появляется Ней, непріятель изумляется, останавливается и Франція еще разъ побѣждаетъ.

Великая армія, превращенная въ призракъ, разсѣевается по снѣжной степи. Слѣды ея видны только по могильнымъ насыпямъ надъ мерзлыми тѣлами. Толстый блѣдный человѣкъ продолжалъ свою игру. Ней позади него, покинутый—все равно! Бонапарте слѣдуетъ за своею звѣздой, которая ведетъ его на гибель Франціи. Онъ спасается, не улетая по воздуху какъ кудесникъ, но бѣгствомъ, пѣшій и опираясь на палку. Если онъ вернется во Францію одинъ тѣмъ лучше; не кому будетъ опровергать его ложь. Онъ можетъ обвинять мертвыхъ, зиму, измѣну—все что угодно. Если онъ первый изъ бѣглецовъ вернется во Францію, то ему тѣмъ легче будетъ лгать, увѣрять, что онъ спасетъ насъ еще разъ, и основать традицію, погубившую насъ пятьдесять лѣтъ спустя.

II.

Мале. Октябрь 1812. Настроеніе арміи по возвращеніи.

Октябрь 1812 г. былъ срокомъ возобновленія классовъ въ коллегіи Карла Великаго, старой коллегіи, куда я поступилъ противъ воли. Какъ приходящій ученикъ, я былъ принужденъ прогуливаться по улицѣ до восьми часовъ ожидая, когда откроютъ двери. Я увидѣлъ жандармовъ съ улицѣ Сенъ-Антуана, у воротъ тюрьмы Лафорсъ, находящейся напротивъ улицы. Намъ

сказали, что ночью былъ шумъ, что какой то генералъ Мале, увѣривъ, будто императоръ умеръ въ Москвѣ, захватилъ начальство надъ городомъ. Все это удивляло, но не казалось непріятнымъ слышавшимъ. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ одинъ ученикъ, старый по лѣтамъ и воинственной физіономіи, котораго мы прозвали Регуломъ, принесъ намъ сатиру на императора, которую позже приписали одному повѣсѣ, по имени Нодье, бывшему однако при имперіи чиновникомъ администраціи. Все это волновало очень мало, и не потому чтобы мало ненавидѣли Наполеона, но потому что всѣ разсказы о пораженіяхъ его казались невѣроятными, баснословными. До того сильно зачерствило насъ долгое страданіе, до того пріучило оно насъ къ власти этого бога зла. Привычка дѣлаетъ все. Тѣ, которые на алтаряхъ Мексики проходили сквозь челюсти бога Вицлипуцли, находили это вполнѣ естественнымъ.

Но возвратившись къ Мале надо знать, что трудно было найти заговоръ героя этого, похожаго на республиканцевъ изъ военныхъ, описанныхъ Нодье въ лицѣ полковника Уде; у Мале не было никакихъ сообщниковъ и весь заговоръ *) заключался только въ одной головѣ—его собственной. Какъ же можно было угадать это? Но Мале, бывшій долгое время заключеннымъ, не могъ знать положенія, въ какомъ находилась Франція. Онъ воображалъ, что оно все тоже, какимъ было въ 1800 г. Болѣе, онъ въ одномъ выказалъ нерѣшительность, или человѣчность; онъ не отдалъ приказа убить Савари, министра полиціи. Отъ этого все должно было не удасться. Мале рѣшился пролить кровь только въ послѣднюю минуту, выстрѣлилъ и ранилъ Гюлена, парижскаго губернатора; потомъ онъ далъ арестовать себя.

---

*) Какъ то очень вѣрно сказалъ Ровиго (Савари) министръ полиціи.

Еслибы онъ не былъ арестованъ, то планъ его—возстановить республику подъ властью сената—наврядъ ли понравился бы возвращавшимся генераламъ, которые видѣли въ императорѣ гарантію своей фортуны. Даже, чего никто не могъ воображать и чего не подозрѣвалъ и самъ Мале, послѣдніе пережившіе остатки арміи, погубленной вождемъ своимъ, не были враждебны ему. Они правда не много роптали, выступая въ походъ, но при возвращеніи они умирали молча, боясь слишкомъ сильно огорчить императора. Народъ въ иныя мгновенія, бываетъ способенъ къ изумительному рыцарству. Императоръ, въ ту минуту, когда казаки сильно тѣснили его и когда онъ почти былъ захваченъ въ плѣнъ, роздалъ казну, которая еще оставалась у него, на сохраненіе гренадерамъ гвардіи. Какъ ни было велико искушеніе крайней нужды, они, какъ только очутились въ безопасности, отдали ему все до послѣдней золотой монеты.

Поляки разсказывали мнѣ, что старые гренадеры, когда силы измѣняли, садились на снѣгъ чтобы умереть и, видя императора быстро проѣзжавшаго мимо нихъ въ легкихъ саняхъ, они просили у него хлѣба, но не по французски, чтобы не разрывать ему сердце, они говорили ему по русски: «*Папа клеба*!» Онъ качалъ головой и говорилъ печально: «*Нема клеба*» и потомъ проносился мимо со всею быстротою санной ѣзды. Поляки, передававшіе мнѣ это, сами сильно помогли ему при переходѣ черезъ Березину, который спасъ императора. Они помогли еще при Лейпцигѣ, гдѣ герой ихъ Понятовскій утонулъ. И что же? Послѣ Ганау, императоръ собралъ уцѣлѣвшихъ поляковъ и сказалъ имъ холодно: «Господа, счастье мнѣ измѣнило. Вы свободны не слѣдовать за мной; но вѣдь вамъ некуда болѣе идти». Вотъ все что онъ нашелъ въ сердцѣ своемъ для этихъ геройскихъ сподвижниковъ.

III.

Сраженіе подъ Лейпцигомъ 1813.

Умъ Наполеона былъ до такой степени извращенъ тираніей, что онъ послѣ великаго пораженія своего еще воображалъ, будто всѣ тѣ, кого онъ оскорблялъ, съ кѣмъ обошелся жестоко, останутся вѣрными ему. Онъ удивлялся всему. Онъ воображалъ, будто австрійскій бракъ его, который Австрія считала послѣднимъ злоупотребленіемъ побѣды и который онъ совершилъ такъ грубо, какъ мы это видѣли, ручался ему за тестя. И потому онъ былъ крайне сильно и наивно изумленъ, когда увидѣлъ, что тесть этотъ, бывшій сначала нейтральнымъ, вскорѣ сталъ врагомъ его. И однако чтобы сохранить эту сомнительную дружбу, онъ два раза въ 1807 и 1812 г. отвергъ протянутую руку поляковъ и очень мало воспользовался энтузіазмомъ ихъ. Онъ, отправляясь въ 1814 г. на новую войну съ возставшей Германіей и Россіей, еще воображалъ примирить съ собой Германію тщетной церемоніей провозглашенія молодой императрицы регентшей.

Все разомъ выпадало у него изъ рукъ. Въ Испаніи ему предстояло быть принужденнымъ призвать Фердинанда VII, освобожденнаго изъ заключенія. Въ Италіи онъ пришелъ въ негодованіе, видя, что Мюратъ, который, забывъ обиды свои, такъ мужественно служилъ ему, — что Мюратъ, говорю я, ускользалъ отъ него и пытался спастись одинъ. Всего хуже было то, что даже пасынокъ его Евгеній, который такъ хорошо заявилъ себя при отступленіи изъ Россіи, что Евгеній даже не отвѣчалъ ничего на настоятельные призывы его, и это въ той крайности, въ какой находился Бонапарте. Голландія измѣнила Наполеону и освободилась. И такъ

онъ остался единственно со средствами Франціи. Франція съ изумительною дѣятельностью собрала армію въ триста тысячъ человѣкъ, но армія эта нисколько не походила на ту, которая погибла въ Россіи. Эта новая армія состояла изъ молодыхъ солдатъ, плохо обученныхъ, многочисленной артиллеріи и ничтожной кавалеріи. Слѣдовательно, въ случаѣ побѣды не было никакихъ средствъ преслѣдовать непріятеля. Прибавьте къ этому, что большая часть военнаго матеріала осталась въ отдаленныхъ пунктахъ, гдѣ императоръ держалъ огромные гарнизоны, въ безумной надеждѣ возвратиться завтра.

Жомини, который былъ швейцарцемъ и потому, когда его оскорбили, воспользовался своимъ правомъ иностранца, перешелъ къ Александру, постоянно въ книгахъ своихъ говоритъ о Наполеонѣ съ чувствомъ почтенія и восторга. Но въ прекрасной біографіи Жомини, напечатанной полковникомъ Леконтомъ, который передаетъ разговоры и конфиденціальныя рѣчи его, я увидѣлъ естественное объясненіе послѣднихъ компаній, которыя были такъ превознесены. Императоръ Александръ передалъ австрійскому императору веденіе войны противъ зятя его, а Францискъ передалъ дѣла Шварценбергу, доброму человѣку и знатному вельможѣ, но бездарному генералу. Каждый лѣзъ помогать Шварценбергу, давать ему совѣты.

Жомини, наименѣе сатирическій изъ людей, даетъ намъ пресерьезно забавную картину этого вавилонскаго столпотворенія. Всѣ генеральные штабы цѣлой Европы собрались тамъ, предлагали планы свои и часто заставляли отвергать наиболѣе разумныя мнѣнія *). Бонапарте, у котораго весь совѣтъ былъ въ головѣ его и которому не приходилось отдавать отчета кому бы то ни было, имѣлъ передъ непріятелемъ тысячи пре-

*) См. полковникъ Леконтъ Біографія Жомини.

имуществъ. Единственный рискъ его состоялъ въ томъ, что ему слишкомъ безпрекословно повиновались. Наиболѣе смѣлые изъ генераловъ его измѣняли характеру своему и не брали ничего на себя. Примѣръ: Ней при Бауценѣ не посмѣлъ выступить ранѣе назначеннаго часа и тѣмъ задержалъ побѣду.

Бонапарте, не смотря на то что былъ слабѣе числомъ, хорошо держался, пока Блюхеръ съ своей безумной отвагой не прорвался черезъ линіи, которыя императоръ думалъ удержать. Наконецъ пришла съ сѣвера послѣдняя армія, которой ждали союзники, сто тысячъ человѣхъ подъ начальствомъ Моро и Бернадота. И тогда Наполеонъ увидѣлъ себя окруженнымъ со всѣхъ сторонъ непріятелемъ. Моро, конечно, не чувствовалъ никакихъ колебаній совѣсти; онъ воображалъ, что спасаетъ свободу цѣлаго міра; а Бернадотъ мстилъ за тысячи оскорбленій *). При Лейпцигѣ произошло то, что можно назвать возстаніемъ человѣческаго рода. Никогда еще не было видано подобнаго единодушія.

Леконтъ, какъ мнѣ кажется, блистательно объяснилъ то громадное сраженіе, въ которомъ Шварценбергъ хотѣлъ раздробить союзную армію на пять частей, соединить которыя было почти невозможно. Диспозиція эта была такъ нелѣпа, что можно подумать, будто она была приказана самимъ Наполеономъ. По словамъ Жомини, императоръ Александръ полагалъ, что надо соединить арміи, примкнувъ къ Блюхеру и Бернадоту. Но царь могъ побѣдить упрямство австрійца только угрозой, что обойдется безъ него и будетъ одинъ дѣйствовать съ русскими войсками. Наконецъ 18 октября союзники, усиленные Бернадотомъ и Бенингсеномъ, подавили Наполеона.

---

*) Какъ напр. въ 1809 г. когда Наполеонъ съигралъ такую штуку: нарочно далъ ему знать о сраженіи слишкомъ поздно, для того чтобы выставить его трусомъ.

Еслибы послушали Жомини, то заняли бы единственный путь отступленія, остававшійся Бонапарте, и взяли бы его самого въ плѣнъ.

То было бы великимъ счастіемъ для Европы и для Франціи, которая была бы избавлена отъ двойнаго нашествія и отъ Ватерло. Лейпцигъ имѣлъ почти то же дѣйствіе, какое имѣло отступленіе изъ Москвы. Молодая армія была разстроена, разбита, уничтожена горячимъ преслѣдованіемъ непріятельской конницы.

IV.

Кампанія 1814 г. Отреченіе Наполеона. Свирѣпость его въ Парижѣ.

Какую странную самоувѣренность долженъ былъ имѣть этотъ человѣкъ, когда онъ могъ явиться на границѣ Франціи и сказать: «Я два раза погубилъ Францію: въ Москвѣ и Лейпцигѣ. Милліонъ человѣкъ погибъ. Все равно. Я здѣсь». И онъ сказалъ все это тономъ обвинителя, угрожающимъ, приказывая: «Надо удвоить налоги». И вмѣсто того чтобы поспѣшно призывать изъ Италіи отдаленные гарнизоны, онъ потребовалъ у обнищавшей и истощенной Франціи триста тысячъ человѣкъ! Очень многіе думали, что онъ сошелъ съ ума.

Говорятъ, будто Талейранъ предложилъ ему дикій и романическій планъ: сговориться съ братьями Веллеслей-Велингтонами и сдѣлать ихъ королями Англіи. Но этотъ страшный безумецъ былъ зятемъ австрійскаго императора. Союзные государи для того, чтобы имѣть австрійскую армію, должны были выдвинуть впередъ кое какія мирныя предложенія, на-

примѣръ, предложить Наполеону сохранить прежнюю Францію. Бонапарте хотѣлъ одной войны, завоеваній и возстановленія владычества своего надъ міромъ. Мы уже видѣли, какъ онъ подъ Смоленскомъ говорилъ: «Я ухожу для того чтобы возвратиться».

Для того чтобы получить новую ставку въ 300000 чел. на вѣрный проигрышъ, ему пришлось наконецъ считаться съ Франціей. Онъ созвалъ, но очень поздно, законодательный корпусъ, который, сначала очень покорный, скоро пронюхалъ что ему не довѣряютъ и скрываютъ отъ него предложенія союзниковъ. Франція, наконецъ, пробудилась и рѣшилась спросить Наполеона о своей судьбѣ. Вице-президентомъ собранія былъ адвокатъ изъ Бордо, Лене, человѣкъ суровый и честный, котораго считали республиканцемъ, но который принадлежалъ къ смѣшанному оттѣнку цвѣтовъ, желавшему только одного — спасти Францію все равно какимъ путемъ. Когда Ровиго, прославившійся убійствомъ герцога Энгьенскаго, потребовалъ Лене въ полицію, онъ былъ тамъ великолѣпенъ и заставилъ Ровиго поблѣднѣть словами: «Совѣсть моя говоритъ мнѣ громче васъ».

Бонапарте, потерявъ два мѣсяца съ половиной въ переговорахъ, разругалъ законодательный корпусъ и прогналъ его, т. е. порѣшилъ обойтись безъ Франціи. Союзники, напротивъ, ловкими прокламаціями обращались къ Франціи и увѣряли, будто дѣлаютъ все только для нея одной.

Вся эта кампанія 1814 г. была дурно понята и искажена не только бонапартистами, но и риторами, воображавшими сдѣлать изъ нея пѣснь Иліады. Наполеонъ не удовольствовался тѣмъ, что лгалъ при жизни; онъ на св. Еленѣ принялъ мѣры, чтобы заставить лгать тѣхъ, которые будутъ писать послѣ него. Для того чтобы создать себѣ адвокатовъ у народа

реториковъ, ему было довольно подкупить ихъ словами: «Тѣ, которые будутъ со мной, будутъ защищать меня, только они и будутъ прекрасны». И всѣ захотѣли быть прекрасными. Вотъ каковы литераторы, и здѣсь мы видимъ всю разницу между литераторомъ и историкомъ. Первый ищетъ прежде всего великое единство интереса, которое можно получить, только сосредоточивъ свѣтъ на блестящей сторонѣ и оставляя все прочее въ тѣни, къ прямому ущербу правды. Для литераторовъ существенно было показать героя 1814 г. во образѣ одинокаго льва, который, преслѣдуемый полчищемъ охотниковъ, заставляетъ ихъ отступить. Это давало возможность писать картины какъ Жерико, какъ Делакруа, заставить кричать: «Какъ это прекрасно!»

Все то, что риторы говорятъ въ похвалу Бонапарте, служитъ ему въ осужденіе. Теперь у него было всего сорокъ пять тысячъ человѣкъ. Францiя покинула его и осудила его. Горныя мѣстности были наполнены молодежью укрывавшеюся отъ наборовъ. Работники нашихъ предмѣстій кричали; но очень немногіе говорили. По изумительнымъ переходамъ Бонапарте, иногда въ двадцать лье въ день, видно, что за нимъ могли слѣдовать только неутомимыя ноги молодыхъ крестьянъ. Въ этой странѣ солдатъ, которая съ 92 г. все еще давала солдатъ, всѣ, даже мальчики, дѣти спѣшили идти на войну и на смерть. Тѣ, у кого погибли старшіе братья, еще тѣмъ болѣе спѣшили бѣжать въ армію. «Много мретъ? Тѣмъ лучше, тѣмъ скорѣе я подвинусь въ чинѣ!» Слова эти, приписываемыя императору, показываютъ, что онъ имѣлъ дѣло только съ сельскимъ населеніемъ. «Они храбры и скоро бѣгаютъ, какъ только разобьютъ свои деревянные башмаки». Но это не долго продолжалось. Болѣзни, недостаточная пища скоро деморилизировали молодыхъ крестьянъ и они

возвращались домой. Другіе являлись. Но никогда не было болѣе 40—45.000 человѣкъ.

Небольшіе частные успѣхи Бонапарте только жестоко ухудшали положеніе наше и не служили ни чему. Какую пользу принесли 10.000 чел., которыхъ онъ убилъ при Бріеннѣ, и 5.000 въ Шампоберѣ? Ту—что онъ поднялъ свои требованія до того, что сдѣлалъ миръ невозможнымъ. Правда, что Александръ просилъ перемирія, далъ отступить австрійцамъ и, для того чтобы возобновить войну, долженъ былъ ждать 100.000 армію съ сѣвера, которую посылалъ ему Бернадотъ. Замедленіе непріятеля обмануло Бонапарте до того, что внушило ему безумный планъ обойти непріятеля, чтобы отвлечь его къ Рейну. Непріятель, при многочисленности своей, не обратилъ на это вниманія и продолжалъ идти на Парижъ, слѣдуя мудрому совѣту Поццо и лучшихъ министровъ Александра.

Бонапарте потерялъ двѣ недѣли на эту безумную диверсію въ сторону и на возвращеніе въ Фонтенебло. Онъ добился только усиленія великаго европейскаго союза, которому англичане обѣщали выдать жалованье на 500.000 человѣкъ. И въ эту минуту гибели своей безумецъ говорилъ: «Я ближе къ Мюниху, нежели они къ Парижу»! Онъ говорилъ и повторялъ, что если онъ отступитъ, то Парижу надо продержаться только нѣсколько дней; но онъ не принялъ никакихъ мѣръ для того, чтобы защищать и прокормить такое громадное населеніе. Онъ самъ сильно сомнѣвался въ возможности защиты; потому что въ то же самое время писалъ Іосифу. «*прежде всего увезите императрицу въ безопасное мѣсто*». Эта нерѣшительность была жестока для Парижа, покидаемаго императрицей, Іосифомъ и всѣми .Іосифъ сказалъ: «Я остаюсь», и уѣхалъ.

Парижъ въ эту минуту былъ болѣе нежели Парижемъ. Онъ былъ наполненъ безчисленными толпами искавшихъ убѣжища бѣглецовъ, которые стекались со всѣхъ сторонъ имперіи, изо всѣхъ далекихъ странъ, бывшихъ тогда Франціею, и скрывались въ самыхъ тѣсныхъ норахъ. Союзникамъ довольно было подвигаться къ Парижу громадными массами, оставляя Франціи время распознать себя, покинуть, отречься отъ человѣка—причины всѣхъ бѣдствій ея. Опасность такого терпѣливаго образа дѣйствія заключалась въ томъ, что за Александромъ слѣдовалъ полупредатель—австрійскій императоръ, который помогалъ движенію, затаивая мысль бросить все, если Франція, доведенная до крайности, схватится за средство призвать тестя вмѣстѣ съ дочерью.

Союзники начали дѣйствовать съ твердостью и увѣренностью, только когда Бернадотъ привелъ Александру 100.000, которые обязался выставить сѣверъ; австрійцы оказались въ меньшинствѣ и потому подчиненными. Всего страннѣе видѣть, какъ Ровиго и вообще сеиды императора трудятся изо всѣхъ силъ, чтобы объяснить *интригу*, которою устранили молодую императрицу и маленькаго римскаго короля. «Двухъ невинныхъ, которыхъ нечего было опасаться! «Императоръ, предложивъ отречься въ пользу ребенка, тѣмъ самымъ заявилъ, что ребенокъ этотъ былъ все таки онъ самъ, и что подъ этой мирной маской это былъ все же онъ—вѣчная война.

Это было очевидно для самыхъ недалекихъ людей. Австрійка очень хорошо сдѣлала, что уѣхала. Она и дитя—очень прозрачная маска и грубо выдвинутая пружина—не имѣли ни малѣйшаго шанса обмануть кого бы то ни было. Фанатики, упорно державшіеся за Бонапарте, слѣдовательно, были до послѣдней степени ослѣплены, если не видѣли огромное, исполинское препятствіе, заграждавшее ему путь, изгонявшее

на всегда и его самого и потомства его. Какое это было препятствіе? Ненависть цѣлаго міра. Ненависть сильная и всеобщая. И гдѣ же была она наиболѣе искренней, наиболѣе оскорбительной? Во Франціи—я это могу сказать—гдѣ носили трауръ по убитымъ сынамъ, послѣ Москвы, послѣ Лейпцига и послѣдней кампаніи. Наполеонъ былъ проклятъ во Франціи, говорю я, и тою великаго Франціею, которая не принадлежитъ ни къ какой партіи, но просто обречена на вѣчныя сожалѣнія о погибшихъ.

Я хорошо помню тотъ день, когда намъ назвали Бурбоновъ, которыхъ никто не зналъ. Правда императоръ Александръ прибылъ окруженный эмигрантами, полный идеей о старой Франціи и съ мистическимъ настроеніемъ, въ цѣломъ благопріятнымъ для древней расы Бурбоновъ. Талейранъ, имѣвшій нѣкоторыя причины опасаться возвращенія стараго режима, долженъ былъ присоединиться къ роялистской интригѣ и направлять ее, если могъ. Что же должны были сказать Александру? «Что фамилія эта менѣе чѣмъ всякая другая могла нарушить спокойствіе Европы, будучи фатально миролюбивой, обреченной рокомъ на вынужденный миръ».

Происхода по женской линіи отъ саксонскаго дома, она наслѣдовала толщину его. Толстый Людовикъ XVIII уже престарѣлый, безсильный, не могъ двигаться. Самецъ фамиліи, графъ Артуа, истощенный и ополденный наслажденіями, былъ униженъ до послѣдней степени со времени кампаніи, слѣдовавшей за Кибериономъ, презрѣніемъ вандейцевъ и насмѣшками Шаррета. Страшная маленькая книжка Вобана начинала уже ходить вездѣ по рукамъ; это быть можетъ еще послужило въ пользу фамиліи Бурбоновъ, показавъ, что никогда не найти другой менѣе способной. Сынъ графа Артуа, герцогъ ангулемскій, женатый на безплодной принцессѣ, дочери Людовика XVI,

былъ порядочнымъ человѣкомъ, но казался изуродованнымъ, преждевременно состарѣвшимся отъ распутства отца своего, и въ цѣломъ неспособнымъ ни на что.

Сынъ графа Артуа, герцогъ беррійскій, сильно преданный кутежу, былъ въ тоже время грубымъ солдатомъ, способнымъ внушить Франціи только отвращеніе къ военной жизни. Словомъ—Бурбоны представляли въ самой успокоительной степени всѣ условія неспособности, которыя обѣщали парализовать такую воинственную страну, какъ Франція, и которую считали, и совершенно не справедливо, попрежнему жаждавшей военной славы.

Въ совѣтѣ, въ которомъ императоръ Александръ засѣдалъ вмѣстѣ съ королемъ прусскимъ и австрійскимъ генераломъ Шварценбергомъ, никто не осмѣлился завести рѣчь о регенствѣ императрицы. И самъ австріецъ молчалъ. Вопросъ былъ разрубленъ рѣзкимъ словомъ генерала Десоля: «Призовите регенство... и тигръ возвратится!»

Мармонъ, мужественно давъ послѣднее сраженіе для защиты Парижа, былъ принужденъ муниципальнымъ совѣтомъ подписать капитуляцію города, покинутаго братьями, женою и министрами императора и, можно сказать имъ самимъ, потому что онъ находился въ двухъ шагахъ отъ Парижа. Союзники вступили въ большомъ порядкѣ и національной гвардіи было оставлено оружіе для того, чтобы она охраняла общественную тишину. Александръ, вступивъ въ Парижъ, сказалъ прекрасное и правдивое слово: «Я примирилъ Францію съ Европой».

Однако Бонапарте въ Фонтенебло обдумывалъ безумный и ужасный планъ, который сравнялся бы съ бѣдствіемъ Москвы, даже превзошелъ бы его. Онъ хотѣлъ съ остатками войска вступить въ Парижъ, дать тамъ сраженіе и попытаться из-

гнать оттуда армію цѣлой Европы. Отчаянное дѣло, въ которомъ Парижъ не помогъ бы ему, но которое повело бы за собой разрушеніе Парижа. И онъ, отправивъ семейство свое въ безопасное убѣжище, не принявъ никакихъ мѣръ для защиты Парижа, призывалъ безоружный городъ на бой съ цѣлой Европой.

Очень многія обстоятельства сдѣлали бы это событіе ужаснымъ. Во первыхъ, городъ былъ переполненъ безчисленными толпами, со всѣхъ концовъ имперіи искавшими въ немъ убѣжища. Во вторыхъ, новыя мануфактуры и фабрики, устроенныя въ немъ безъ всякихъ необходимыхъ предосторожностей, въ особенности фабрики химическихъ продуктовъ, въ случаѣ бомбардированія, подвергали городъ опасности страшнаго пожара. Я сохранилъ объ этомъ мучительное воспоминаніе. Мы жили близь одной изъ такихъ фабрикъ и, когда нѣсколько бомбъ упали на предмѣстье Тампля, я былъ при умиравшей матери моей, которую невозможно было перенести. Если бы одна искра попала въ нашу сторону, мы были бы сожжены живьемъ. Вотъ въ какую страшную опасность онъ кинулъ насъ. Къ счастью, генералы его отказались быть сообщниками такого великаго преступленія. Удино, Лефевръ объявили, что не будутъ повиноваться ему; а самъ Ней, генералъ наиболѣе популярный въ арміи со времени Москвы, потребовалъ его отреченія. Ему объявили, что сенатъ голосовалъ его паденіе.

Онъ сдѣлалъ тщетныя попытки отречься въ пользу сына, но никто не поддался на эту уловку; держались капитуляціи, требовавшей чтобы его заточили въ мѣстности, выбранной союзниками. Человѣчно, но очень не благоразумно они выбрали островъ Эльбу, такъ близкій къ Франціи и Италіи. Перечитывая историковъ даже небонапартистовъ, я всегда бывалъ пораженъ, видя, что они на сторонѣ тирана, а не ге-

нераловъ его, которые спасли насъ. Говорятъ: эти люди были обязаны ему своею фортуною. Но развѣ и онъ не былъ обязанъ тѣмъ, которые въ Россіи и повсюду защищали его своею грудью. Это ничего не значитъ, повѣствователи принимали участіе только въ великомъ преступникѣ. Совершенно какъ въ извѣстной эпиграммѣ: «Я плачу о несчастномъ Олофернѣ, такъ безчеловѣчно убитомъ Юдифью».

V.

О характерѣ и сердцѣ Бонапарте.

Я помѣщаю изслѣдованіе объ этомъ въ 1814 г. потому что въ 1815 онъ упалъ такъ низко, что невозможно было ни минуты усомниться въ томъ, что онъ уже не тотъ Бонапарте. Позже на св. Еленѣ онъ—Бонапарте тщательно передѣланный, прикрашенный. Цѣлое поколѣніе наше потратило года, долгія и драгоцѣнныя частицы человѣческой жизни, на чтеніе документовъ болѣе или менѣе поддѣланныхъ о жизни того, кто даже послѣ паденія своего, царилъ въ памяти толпы, какъ богъ побѣды. Онъ имѣлъ ужасающую честь упрочить и усилить недугъ, такъ свойственный человѣческой природѣ,—обоготвореніе грубой силы и поклоненіе успѣху.

Что касается меня, то какъ я ни далекъ отъ повторенія смѣшныхъ сказокъ св. Елены о добросердечіи и чувствительности Бонапарте, я тѣмъ не менѣе отвергаю безчеловѣчныя и безсмысленныя сатиры, которыми роялисты преслѣдовали его въ день паденія. Онѣ до того отвратительны, что я считаю ихъ средствомъ дѣлать людей бонапартистами. *Корсиканскій людоѣдъ* и даже памфлетъ Шатобріана, эти яростныя публикаціи, такъ жадно принятыя въ то время Франціею

облеченною въ трауръ, не попадали въ цѣль именно въ силу чрезмѣрной ярости. Но дѣло другое—книга де Прадта «Варшавское посольство». Эта книга человѣка умнаго, хотя несомнѣнно легкомысленнаго, но которая, по моему мнѣнію, такъ же основательна, какъ и блестяща. Де Прадтъ первый выставилъ, разъяснилъ невѣроятныя противорѣчія, грубые контрасты характера Бонапарте. То, что позже Виньи, Маріо Протъ выразили словомъ, имѣвшимъ такой успѣхъ: трагикъ-комедіантъ (comediante tragediante) де Прадтъ выразилъ словомъ рискованнымъ, но вѣрнымъ: Юпитеръ-Скапенъ.

Эти быстрые переходы отъ театральнаго величія къ тривіальной и буффонской низости роднили его съ посредственными итальянскими актерами, которые не знаютъ искуства хорошо подготовленныхъ переходовъ. Я уже высказалъ въ первой части тѣ причины, которыя поставили его въ такое враждебное положеніе относительно Италіи, въ особенности его равнодушіе къ прекрасному и полнѣйшая прозаичность характера, нимало не чувствительнаго къ обаянію искуства. Одинъ остроумный англичанинъ, Дизраели хотѣлъ доказать, что Бонапарте еврейскаго происхожденія; и такъ какъ Корсика была въ прежнія времена населена семитами Африки: арабами, карфагенянами или маврами, маранами, какъ называютъ ихъ испанцы, то онъ кажется болѣе принадлежитъ послѣдней расѣ, нежели итальянской. Страсть копить деньги, столько милліоновъ сложенныхъ въ погребахъ Тюльери—все это пахнетъ мараной.

Де Прадтъ превосходно описалъ этотъ характеръ: «Императоръ олицетворенная хитрость, хитрость на подкладкѣ силы; но онъ болѣе цѣнитъ хитрость. Для него торжество само по себѣ не значитъ ничего; *одурачитъ*—для него все. «Я человѣкъ тонкій», говорилъ онъ мнѣ разъ сто. «Посмотримъ, чѣмъ

кончилъ этотъ тонкій человѣкъ, когда онъ вернулся въ Вильно одинъ. Сцена такъ наивна, такъ очевидно правдива въ малѣйшихъ подробностяхъ своихъ, что можно безошибочно поклясться въ томъ, что разсказчикъ не могъ и не хотѣлъ прибавить ничего.

«Дверь моей комнаты отворяется и входитъ рослый человѣкъ, опираясь на одного изъ секретарей моихъ. Черная тафта окутывала голову его, лицо его казалось утонуло въ густомъ мѣхѣ. Эта сцена напомнила сцены привидѣній. Я узнаю его и говорю: «А, это вы, Коленкуръ? Гдѣ же императоръ?

— Здѣсь, онъ ждетъ васъ въ гостинницѣ Англія.

— Куда вы отправляетесь?—Въ Парижъ.—А армія?

— Ея нѣтъ, отвѣчалъ онъ, поднимая глаза къ небу.

Я мчусь, я прибѣгаю въ гостинницу и вижу во дворѣ небольшой каретный кузовъ, поставленный на сани, сдѣланные изъ четырехъ на половину разбитыхъ еловыхъ полѣньевъ, Мамелюкъ вводитъ меня въ низкую залу, ставни которой были на половину закрыты, чтобы охранять инкогнито *его*.

«Императоръ ходилъ по комнатѣ, закутавшись въ превосходную шубу, крытую зеленой матеріей съ великолѣпными золотыми застежками. На головѣ у него было что-то въ родѣ мѣховаго капюшона и сапоги были подбиты мѣхомъ. «А, господинъ посланникъ», сказалъ онъ мнѣ со смѣхомъ. Я поспѣшно подошелъ и сказалъ ему: «Вы заставили насъ сильно тревожиться. Но наконецъ вы здѣсь». Я сказалъ это такимъ тономъ, который долженъ былъ показать ему все, что происходило во мнѣ. Несчастный не замѣтилъ этого. Я говорилъ ему о польской арміи. «Какъ! сказалъ онъ: я не видѣлъ никого во время компаніи». Я объяснилъ ему какъ онъ, раз-

сѣявъ польскія силы по всѣмъ войскамъ, сдѣлалъ невидимыми 80,000 человѣкъ *).

«За обѣдомъ, на которомъ присутствовали два министра, онъ говорилъ, смѣясь: «отъ великаго до смѣшнаго одинъ шагъ». И когда они выражали радость свою, что видятъ его невредимымъ послѣ столькихъ опасностей, онъ сказалъ: «Опасностей? Не было ни малѣйшей. Я живу волненіемъ. Чѣмъ болѣе я буторажу міръ, тѣмъ лучше чувствую себя; только короли лѣнивцы жирѣютъ во дворцахъ своихъ, я же на конѣ и въ лагерѣ. Отъ великаго до смѣшнаго одинъ шагъ. Армія моя превосходна. Я всегда билъ русскихъ. Я ѣду набрать еще 300.000. Все, что случилось — пустяки; это слѣдствіе климата. Я вездѣ билъ русскихъ». Онъ говорилъ все это съ самымъ веселымъ видомъ. «Я не могъ остановить морозы. Мнѣ каждый день говорили, что я въ ночь потерялъ 10.000 лошадей. Ну чтожъ такое, пускай!» А слѣдующее повторялось разъ пять шесть: «А, это была великая сцена! Кто ничѣмъ не рискуетъ — не получитъ ничего. Отъ великаго до смѣшнаго одинъ шагъ». Разговоръ въ такомъ духѣ продолжался часа три. Огонь погасъ и холодъ сталъ чувствителенъ, такъ что мы всѣ перезябли. Императоръ не замѣчалъ этого; онъ разгорячался по мѣрѣ того, какъ говорилъ и повторялъ два-три раза сряду: «Отъ великаго до смѣшнаго—одинъ шагъ». Когда онъ собирался ѣхать и каждый напутствовалъ его пожеланіями, онъ сказалъ: «Я никогда еще не чувствовалъ себя такъ хорошо. Когда я схвачусь съ чортомъ, то буду чувствовать себя еще лучше». Разговоръ этотъ такъ сильно поразилъ меня, что я не могу не быть вполнѣ увѣреннымъ въ томъ, что передалъ его съ величайшей вѣроятностью».

---

*) Замѣтьте, что они отчасти спасли его при Березинѣ.

Онъ поразитъ и каждаго, какъ примѣръ самой грубой нечувствительности. Увы, эта страшная гибель 300.000 человѣкъ, погребенныхъ подъ снѣгами, была бо́льшимъ нежели гибелью одной арміи; то была гибель цѣлаго міра; людей, остатковъ реквизиціи, наборовъ двадцати лѣтъ; говоря другими словами, Франціи героической, побѣдительницы міра, которая, ведомая слѣпою вѣрою своею, пришла туда умереть и погрестись подъ снѣгами. Какъ? Все что оставалось отъ нашихъ республиканскихъ армій — итальянской, египетской, нѣмецкой, все было соединено вмѣстѣ для общей катастрофы, и ни одной слезы, ни малѣйшаго сожалѣнія, объ этомъ катаклизмѣ, о гибели этого міра! Прибавьте еще, что цѣлая Франція оплакивала ее много лѣтъ послѣ Москвы. Я передамъ одну вещь странную, но несомнѣнную: черезъ тридцать лѣтъ послѣ Москвы въ богадѣльняхъ старухи матери ждали сыновей и говорили: «Онъ вернется». Даже русскіе сами были тронуты этими сценами смерти, этимъ необъятнымъ бѣдствіемъ. Они вспомнили, что они люди и нашли, что они слишкомъ хорошо отмщены. Нашелся одинъ человѣкъ, одинъ въ цѣломъ человѣчествѣ, человѣкъ такой звѣрской гордости, что видѣли, какъ онъ, чтобы избавиться отъ свистковъ заслуженныхъ его глупостью, прибѣгалъ къ смѣху, къ омерзительной ироніи.

Конечно то былъ желѣзный человѣкъ? Такъ говорили бонапартисты. Нисколько. Онъ былъ безконечно чувствителенъ ко всему, что касалось его собственной безопасности, его собственнаго спасенія. Слѣдующее повѣствованіе о немъ до того печально, позорно и унизительно для человѣческой природы, что я сначала хотѣлъ выпустить его. Какъ могъ человѣкъ, закаленный въ битвахъ, упасть такъ низко до чудовищно смѣшныхъ крайностей самаго позорнаго страха? Это кажется невѣроятнымъ. Онъ самъ просилъ, какъ ручательство безопасности, чтобы комиссары отъ пяти великихъ державъ сопровождали его на островъ Эльбу, такъ что все то, что читатель

прочтетъ, происходило передъ глазами пяти свидѣтелей. Если наиболѣе враждебный Бонапарте свидѣтель, пруссакъ, спѣшилъ замѣчать иныя позорныя обстоятельства, то онѣ были точно также засвидѣтельствованы русскимъ, австрійцемъ, который видѣлъ въ Наполеонѣ зятя своего императора. Русскій и австріецъ были даже настолько человѣчны и доброжелательны, что для успокоенія его, они сами рисковали собой, согласясь на переодѣванья, на обмѣнъ платья, и это, среди опьяненнаго яростью народа, могло кончиться печально для нихъ; обманутый народъ могъ растерзать ихъ.

Близь Валанса Бонапарте встрѣтилъ Ожеро и здѣсь въ первый разъ увидѣлъ всю глубину собственнаго паденія. Ожеро не поклонился ему, но обнявъ его, грубо говорилъ ему «ты» и упрекалъ его въ томъ, куда привело его честолюбіе. Наполеонъ принялъ все въ хорошую сторону и обнялъ его еще разъ. Ожеро ушелъ, не поклонившись. Въ Авиньонѣ тысячи ругательствъ раздались въ толпѣ. Въ Оргонѣ, всѣхъ перепугало зловѣщее зрѣлище висѣлицы, на которой болталась окровавленная кукла. Русскій комиссаръ, ѣхавшій позади, старался усмирить толпу, говоря ей о жалости къ несчастному плѣнному. Бонапарте, очень блѣдный, забился въ глубину кареты и сначала пытался спрятаться за своего спутника, генерала Бертрана. Вскорѣ онъ не могъ выдержать долѣе; страхъ заставилъ его надѣть бѣлую кокарду, ливрею курьера, и онъ поскакалъ впередъ.

Но кареты не могли ѣхать такъ скоро, и это едва не было причиной трагедіи. Въ Сенъ-Канатѣ народъ сдѣлалъ попытку отворить карету, чтобы убить Бертрана, занимавшаго мѣсто императора. Самъ онъ, послѣ напрасной попытки выдать себя за англичанина, предложилъ повернуть назадъ до Ліона и взять другую дорогу. Онъ плакалъ и, какъ ребенокъ, смотрѣлъ нельзя ли выскочить въ окно; но оно было заграждено рѣшеткой и, быть можетъ, охраняемо враждебной тол-

пой. Пришедшая хозяйка, увѣряла, что безъ сомнѣнія хотятъ убить Бонапарте; и онъ самъ, чтобы лучше скрыть себя, одобрялъ убійство. Иногда онъ воображалъ, что комиссары хотятъ отравить его, и не прикасался къ яствамъ ихъ. Наконецъ, что было вѣрнымъ признакомъ мозга сильно потрясеннаго страхомъ, бывали минуты, когда посреди слезъ, онъ вдругъ начиналъ много говорить, любезничалъ и ласкался, словомъ велъ себя такъ, какъ постыдился бы вести себя ярмарочный шутъ.

Въ полночь отправились далѣе и одинъ русскій, адъютантъ комиссара Шувалова, согласился, чтобы успокоить Наполеона, надѣть то платье, въ которомъ тотъ игралъ роль курьера. Бонапарте же самъ взялъ роль австрійскаго генерала, надѣвъ бѣлый мундиръ комиссара Колера и сверху него шинель русскаго, Шувалова. Колеръ везъ Бонапарте въ своей каретѣ и по просьбѣ его для того, чтобы удалить всякое подозрѣніе, на которое бы могъ навести этикетъ, свисталъ и заставлялъ кучера своего курить. Наконецъ, встрѣтили два эскадрона австрійскихъ гусаръ, которые могли сопровождать его и покончили эти терзанія страха. Я передалъ этотъ печальный разсказъ для тѣхъ, которые какъ Монтэнь любятъ замѣчать измѣненія человѣческой природы. Онѣ сильны, но не чудесны и объясняются какъ нельзя лучше физическими причинами *).

*) Шатобріанъ смѣшонъ, принимаясь за объясненіе этого. Онъ заключаетъ. что Бонапарте, какъ духъ зла имѣлъ двойной даръ—обманывать въ двухъ смыслахъ: по временамъ быть безконечно малымъ и потомъ безмѣрно возвышаться. Другіе писатели напишутъ исторію, болѣе медицинскую нежели страстную, любовныхъ похожденій его довольно позднихъ, но черствыхъ и страшно эгоистичныхъ. Такъ, дѣятельная компанія 1814 г. оставила его совершенно изнуреннымъ; отсюда упадокъ силъ его въ Фонтенебло, попытка отравленія (?) и наконецъ, въ Провансѣ, этотъ подлый страхъ смерти. Поправившись и укрѣпившись на островѣ Эльбѣ, онъ снова запасся тамъ энергіей для прекрасной сцены въ Греноблѣ. Безконечная болтовня въ Парижѣ кажется снова разстроила нервы его. Онъ былъ очень нерѣшителенъ въ короткой компаніи 1815 т. и Бернаръ, адъютантъ его, увѣрялъ, что онъ рано оставилъ поле сраженія и остановился только въ десяти миляхъ отъ него.

КНИГА СЕДЬМАЯ.

Реставрація. Бурбоны.

I.

Хартія. Людовикъ XVIII. 1814.

Если Бурбоны, въ такъ многихъ отношеніяхъ стоявшіе ниже Наполеона, показали бы, что они хотя немного походятъ на Генриха IV сердцемъ, то имъ простили бы остальное. Это дѣлало роль ихъ болѣе легкою, нежели то предполагали сначала. Франція, послѣ такого страшнаго царствованія, алкала и жаждала человѣколюбія и была довѣрчива къ малѣйшимъ признакамъ, которые говорили о немъ. Представлялись торжественные случаи и Бурбоны холодно, безтактно пропустили ихъ всѣхъ. Смерть Нея, роялистскій терроръ на югѣ представляли много случаевъ, которыми не съумѣли воспользоваться, и въ особенности такимъ естественнымъ случаемъ вступиться въ итальянскія и испанскія дѣла, остановить пролитіе крови, когда оба народа эти протягивали намъ руки, надѣя-

лись на сострадательное заступничество королей нашихъ. Бурбоны ничего не сдѣлали для нихъ.

Младшая вѣтвь, обладавшая такъ многими личными добродѣтелями, не выказала болѣе человѣколюбія нежели старшая. Ни въ Италіи, ни въ Польшѣ не было сдѣлано ни малѣйшей попытки заступничества. Кровавое подавленіе волненій Сенъ-Мери и прочный успѣхъ его за-долго еще предсказали путь, какимъ другая династія одержитъ 4 декабря 1852 г. торжество, не менѣе продолжительное и которому только одинъ позоръ Метца и Седана могъ положить конецъ. И такъ въ продолженіе шестидесяти лѣтъ, при трехъ разныхъ династіяхъ, вѣкъ этотъ медленно совершилъ дѣло, которое останется прочнымъ: онъ изгладилъ въ сердцахъ французовъ легенду, которая столько вѣковъ заставляла вѣрить *въ сердце королей*, въ доброту ихъ. То, чего логика не могла сдѣлать, то сдѣлалъ опытъ и въ этомъ вѣкѣ Францiя пошла къ республикѣ, къ самоуправленію. Это исторія вѣка въ двухъ словахъ: съ него начинается совершеннолѣтіе человѣка.

Писатели роялисты, говорившіе о революціи, въ своихъ вообще многословныхъ разсказахъ, сокращаютъ и затемняютъ, насколько это возможно, главный фактъ: далъ ли Людовикъ XVIII хартію по собственному побужденію, какъ то говоритъ Капефигъ и другіе? Или, какъ говоритъ съ бо́льшимъ вѣроятіемъ Ламартинъ и другіе, далъ ли онъ ее противъ воли, повинуясь наиболѣе могущественному изъ союзниковъ, который былъ убѣжденъ, что безъ этой уступки страна, такъ сильно взволновавшаяся, не приняла бы мира? Императоръ Александръ говорилъ, что безъ этого онъ не осмѣлится вывести войска изъ Франціи, или что онъ оставитъ въ Парижѣ, по крайней мѣрѣ, тридцать тысячъ человѣкъ. Людовикъ XVIII пріѣхалъ изъ Англіи и благодарилъ принца регента, какъ единствен-

наго устроителя реставраціи. Англичане склонны думать, будто представительное правленіе, естественный плодъ англійской почвы, слишкомъ высокъ для Франціи. Съ другой стороны, эмигранты и глава ихъ, графъ Артуа мечтали только объ одномъ возстановленіи старой монархіи. Они воображали, будто Франція счастлива тѣмъ, что идетъ къ нимъ на встрѣчу и отдается имъ безусловно.

Я помню этотъ день 18 апрѣля 1814 г. великолѣпный весенній день, когда графъ Артуа вошелъ въ Парижъ. Пріятное, блаженное, истасканное и глуповатое лицо его было совершенно неизвѣстно толпѣ народа. Но она усердно насторожила уши при словахъ, которыя онъ повторялъ съ роялистами своими: «Нѣтъ болѣе конскрипцій! Нѣтъ болѣе усиленныхъ налоговъ». Подагрикъ король, сильно завидовавшій ему, послалъ его впередъ въ надеждѣ и весьма основательной, что онъ съ первыхъ же шаговъ сдѣлаетъ какую нибудь глупость, надаетъ обѣщаній, которыхъ невозможно будетъ исполнить. Сверхъ того еще на Артуа должна была пасть непопулярность за нѣкоторыя мѣры, на какія обрекало насъ тогдашнее положеніе; напр. возвращеніе и еще съ громаднымъ матеріаломъ многихъ крѣпостей и гарнизоновъ, которые мы еще держали во всей Европѣ. Артуа исполнилъ это и даже не потребовавъ того, что было привезено изъ старой Франціи: депо Ла-Фера, Валанса и пр.

Но партія его на радостяхъ, что возвращается какою бы то ни было цѣною, не негодовала на него за это и онъ остался по прежнему ея Генрихомъ IV, къ величайшему прискорбію Людовика XVIII. Людовикъ, который прежде, гоняясь за популярностью, выказывалъ притворную нѣжность къ конституціи, увидѣвъ въ 1814 г., что Артуа именно потому пользуется приверженностью партіи роялистовъ, что не

обѣщаетъ ничего другаго, кромѣ, абсолютнаго королевства, Людовикъ XVIII, говорю я, конечно не подумалъ предложить права, которыхъ не требовала его партія. Онъ считалъ дѣломъ прекраснымъ сказать, что онъ только продолжаетъ царствованіе свое на новыхъ условіяхъ. Роялисты историки съ удивленіемъ отзываются о высотѣ и величіи мужества, съ какимъ онъ сопротивлялся благодѣтелю своему, Александру.

Должно сказать къ чести человѣческой природы, что Александръ, испытавъ великое счастіе свергнуть Наполеона и войти въ Парижъ, считалъ долгомъ благодарить Бога за свой успѣхъ поведеніемъ, которое изумляло великодушіемъ. Онъ, казалось, просилъ прощенья въ томъ, что побѣдилъ. Не только онъ не тронулъ нашихъ памятниковъ, но оставилъ намъ даже плоды побѣдъ нашихъ. Когда онъ посѣтилъ инвалидный домъ и увидѣлъ старыхъ солдатъ печальными, ему пришла на умъ рыцарская и утонченно добрая мысль возвратить имъ русскія пушки, взятыя ими при Аустерлицѣ. Онъ ходилъ постоянно окруженный избранными изъ лучшихъ людей Европы: Гумбольдтомъ, Капод'Истріей и Поццо, который, какъ корсиканецъ по рожденію, потребовалъ правъ француза. Въ бытность свою проѣздомъ въ Со, Александръ встрѣтилъ прежняго наставника своего, великаго швейцарскаго патріота Сезаря де Лагарпа.

Это напомнило царю молодость его, мечты, которыя поддерживалъ въ немъ другъ его, Чарторижскій. Къ тому же тотъ несвязный актъ, который былъ названъ хартіей и который, по приказанію Людовика XVIII, былъ написанъ Бёньо и аббатомъ Монтескьу, походилъ нѣсколько на тотъ, который Александръ и прежній другъ его молодости приготовили для Польши. Но давая права, король прибавилъ слово, которое казалось отнимало ихъ всѣ: онъ сказалъ, что «*даровалъ*» ихъ. Новый

король, не имѣвшій за себя никакого обаянія, никакой славы, надменно считалъ себя въ правѣ уничтожить слова «*верховная власть народа*», тѣ слова, которыя такъ часто употреблялъ Бонапарте. Это одно установляло революцію.

Можно было ожидать, что старикъ, такъ долго находившійся въ изгнаніи и родной братъ мученика партіи, долженъ бы былъ внушать уваженіе, тѣмъ болѣе роялистамъ. Но цвѣтущая наружность его, сильная тучность, какъ нельзя яснѣе говорили о равнодушіи его къ несчастіямъ брата. Знали даже, что онъ принималъ сильное участіе подготовляя несчастія королевы; онъ, если не самъ писалъ, то подавалъ мысль писать безъименные памфлеты, которые такъ сильно обезчестили королеву и опозорили тронъ. Онъ имѣлъ репутацію полнѣйшаго эгоиста. Ходили гастрономическія легенды о немъ, о пирамидахъ котлетъ, которыя готовились для него и изъ которыхъ онъ съѣдалъ только послѣднюю, нижнюю, пропитанную сокомъ стекавшимъ на нее съ другихъ. Полнокровіе, естественное послѣдствіе жизни обжорства и неподвижности, могло бы разстроить его здоровье, еслибы его не облегчали фонтанелями. Эти отвлекающія средства сохранили ему прекрасный цвѣтъ лица и даже придавали ему странные порывы возвращающейся молодости, которые проявлялись въ неблагопристойныхъ разсказахъ его и въ неприличныхъ выходкахъ противъ дамъ, въ незаходившихъ далеко безстыдныхъ нападеніяхъ.

Каждый парижанинъ сохраняетъ живое воспоминаніе о поколѣніи, окружавшемъ императора Александра. Гумбольдтъ, послѣ продолжительныхъ путешествій своихъ, остался на многіе годы жить на набережной Лувра, какъ мѣстѣ, наиболѣе удобообитаемомъ на землѣ. Это было поколѣніе не только наиболѣе просвѣщенное, но даже болѣе человѣчное и доброже-

лательное, нежели всѣ послѣдовавшія за нимъ. Капод'Истрія принадлежалъ ему и работалъ, чтобы вскорѣ сдѣлать для Греціи то, что Лагарпъ двѣнадцать лѣтъ тому назадъ сдѣлалъ для Швейцаріи, по крайней мѣрѣ на родинѣ своей, кантонѣ Ваадскомъ.

Людовикъ XVIII по прибытіи своемъ сдѣлалъ великую глупость, безтактность, которая имѣла видъ объявленіи войны арміи и страннаго презрѣнія національной чести. Бонапарте держалъ въ тюрьмѣ Дюпона, который заключилъ капитуляцію Байлена; теперь арестанта освободили и назначили военнымъ министромъ. Бурбоны сами изолировали себя, удаляя изъ Парижа остатки императорской гвардіи, составляя лейбъ гвардію свою исключительно изъ молодыхъ дворянъ. Это было причиной ссоръ и дуэлей съ офицерами, которыхъ отставляли на половинномъ жалованьи. Молодые дворяне и конная національная гвардія могли быть для короля очень плохой защитой. Храбрые какъ отдѣльныя личности, они никуда не годились какъ военный корпусъ; и въ день опасности, они почти всѣ разсѣялись.

Бурбоны не могли бы лучше дѣйствовать, если бы они замышляли возвращеніе Бонапарте. Однако бонапартисты сначала не осмѣливались появляться. Великое движеніе прессы было начато патріотами, Карно и редакторами «Ценсора» (Censeur) Контомъ и Дюнойе. Первый пустилъ памфлетъ, въ которомъ оправдывалъ цареубійцъ отъ взводимыхъ на нихъ клеветъ. «Цензоръ» серьезно задался цѣлью поднять правительство на конституціонную линію. Наконецъ появился «Желтый Карликъ» (Nain jaune) мелкій журналъ, въ которомъ бонапартизмъ разоблачилъ себя и металъ сатирическія стрѣлы противъ смѣшнаго и ненавистнаго правительства.

Единственная вещь, въ которой Александръ выказалъ себя

русскимъ и которую онъ конечно былъ обязанъ сдѣлать для своихъ, какъ искупленіе пожара Москвы, это обѣдня, отслуженная по приказанію его подъ окнами на площади революціи. Во всемъ прочемъ онъ выказывалъ умиленіе и уваженіе въ отношеніе Парижа, какъ столицы западной цивилизаціи *).

II.

Сто дней.

Всѣ хорошо понимали, что Людовикъ XVIII не продержится долго, что такому невоздержному старику можетъ легк грозить какой нибудь внезапный припадокъ, который передастъ престолъ графу Артуа, игрушкѣ ретроградной партіи. Послѣдній, не смотря на природную мягкость и любезныя качества, несомнѣнно долженъ былъ дать увлечь себя этой ненасытной сворѣ эмигрантовъ на путь Испаніи, террора и конфискацій, путь Фердинанда VII. Ужасающая перспектива, которая вполнѣ объясняетъ легкость, съ какою такъ многіе честные люди, только что присягнувшіе Бурбонамъ, приняли Бонапарте, когда онъ вернулся съ острова Эльбы. Исторія слишкомъ мало обратила на это вниманіе и жестоко упрекала

*) Нельзя было быть болѣе доброжелательной, нежели была свита Александра, прибывшая въ Парижъ. По дорогѣ въ Фонтенебло, покрытой казаками, даже произошла вещь необычайная. Знаменитый Платовъ, атаманъ такъ страшный французамъ, во время отступленія ведя къ Парижу этихъ дикихъ наѣздниковъ, встрѣтилъ неожиданно на пустынной дорогѣ, покинутой жителями, маленькаго худаго старика, который приближался къ нему верхомъ на дрянной кляченкѣ. Платовъ сошелъ съ коня и бросился передъ нимъ на колѣни, проливая слезы. Маленькій старикъ былъ Костюшко, и Платовъ, увидѣвъ его, вспомнилъ о жестокой длящейся уже два вѣка разлукѣ между Польшей и казаками— двумя народами одной крови, разлученными гибелью одного и порабощеніемъ другаго.

Францію, геройскихъ солдатъ ея, Нея и др. за переметчивость, которую вполнѣ объясняла измѣнчивость самихъ Бурбоновъ, скажемъ точнѣе, — коварство ихъ исказить хартію, которую они только что дали, измѣнить ей.

Александръ и Австрія рисковали многимъ, оставивъ Бонапарте въ Европѣ и заключивъ его на островѣ Эльбѣ такъ близко отъ Франціи и Италіи. Англичане, напротивъ, хотѣли заключить его посреди южныхъ морей и давно уже въ газетахъ своихъ высказывали сожалѣніе о томъ, зачѣмъ его не заточили на островѣ св. Елены. Этотъ рискъ понимали интриганы, желавшіе соединить Францію съ Испаніей и не посмѣвшіе бы дѣйствовать въ этомъ смыслѣ, даже еслибы Россія и Австрія не вызвали мрачныя тѣни желѣзныхъ береговъ острова Эльбы. Одно, во всякомъ случаѣ, заставляло Бурбоновъ и вообще всѣхъ союзниковъ считать возвращеніе его невозможнымъ, это разсказы комиссаровъ, которые сопровождали его и охраняли отъ ярости провансальскаго населенія. Онъ казался такъ перепуганнымъ этою опасностью, выказалъ признаки страха до того наивнаго, что не могли повѣрить, чтобы онъ рѣшился еще разъ подвергнуться ему.

Тесть мой, человѣкъ съ богатымъ воображеніемъ и сердцемъ, влюбился въ несчастнаго героя и поступилъ секретаремъ къ нему на островѣ Эльбѣ, читалъ и переводилъ англійскія газеты и другія. Онъ смягчалъ ругательства ихъ и выставлялъ на видъ полезныя свѣдѣнія, какія можно было почерпнуть изъ нихъ. Въ цѣломъ, тѣмъ, что по моему мнѣнію могло болѣе всего дать ему толчокъ, бросившій его на это рискованное предпріятіе, были не свѣдѣнія, крайне неопредѣленныя, которыя онъ получалъ черезъ Дюмурьена, Шабулона, Бассано или королеву Гортензію, но очень точный маршрутъ, составленный для него Лавалеттомъ или кѣмъ другимъ

и намѣтившій ему, что позади сильно угрожавшей ему Роны, можно подняться приморскими Альпами, Греноблемъ и наконецъ Дижономъ, подвигаясь среди населенія, настроеніе котораго было совершенно противоположно и въ которомъ преобладали бонапартисты.

Бонапарте нашелъ ловкихъ путеводителей. Онъ прошелъ позади гряды горъ до Гренобля, прошелъ черезъ Ліонъ быстро на сѣверъ, избѣгая центра, юга и запада Франціи, такъ что могъ говорить или вѣрить, будто вся Франція была за него. Его все время ставили лицомъ къ лицу съ солдатами такъ что доставляли ему полную возможность переговоровъ, тогда какъ его слѣдовало бы оставлять въ отдаленіи и говорить только пушечными выстрѣлами. Что же касается до смѣлой выходки, которою такъ восхищались, когда онъ пошелъ одинъ въ Гренобль подставить грудь подъ ружья, то сцена эта произвела эффектъ до того разсчитанный и предвидѣнный, что надо удивляться той важности, какую всѣ историки, даже роялисты придавали ей. Инстинктъ его навѣрно угадывалъ, что французскіе солдаты будутъ поражены этимъ драматическимъ жестомъ, остановятся передъ нимъ и не будутъ стрѣлять по человѣку, который пойдетъ одинъ, даже еслибы у человѣка этого не было обаянія имени.

Все служило Наполеону и до такой степени, что даже не сломали мостовъ въ Ліонѣ подъ пустымъ предлогомъ, что жаль портить такіе прекрасные памятники. Людовикъ XVIII, объявившій въ палатѣ, что останется и будетъ погребенъ подъ развалинами монархіи, съигралъ въ руку Наполеона, убѣжавъ въ Гандъ. Наполеонъ осмѣлился войти въ Парижъ только вечеромъ. Парижъ ненавидѣлъ его. Но въ другихъ мѣстностяхъ колебаніе было безгранично. Эмигранты, хозяева при Бурбонахъ, предсказывали Франціи аграрную революцію, напоми-

павшую конфискаціи Фердинанда VII. Отсюда смущеніе, нерѣшительность Нея, и колебанія Бенжамена Констана, который послѣ того рѣзкаго письма, какое онъ прежде написалъ Наполеону, легко повѣрилъ обѣщаніямъ и явился на призывъ его въ Тюльери. Сисмонди, одинъ изъ честнѣйшихъ людей въ Европѣ, нарочно пріѣхавшій въ это время въ Парижъ, позже сознавался мнѣ, что онъ самъ былъ въ большомъ затрудненіи, видя, что безъ Бонапарте неизбѣжно явилась бы контръ-революція. Однако онъ всегда былъ непріязненъ Бонапарте и, даже во время колебаній своихъ въ его пользу, находилъ его измѣнившимся, опустившимся, жирнымъ, толстобрюхимъ и болтуномъ. Лицо его стало совершенно другимъ. «Я нашелъ, говорилъ Сисмонди, что онъ при блѣдности своей походилъ на вареную телячью голову.»

Бонапарте явно лгалъ, увѣряя, что императрица должна возвратиться. Австрія это правда, такъ же какъ и другія державы свергая Наполеона, не отнимала однако у него послѣднюю надежду и приберегала себя на случай регенства. Наполеонъ былъ обязанъ австрійскому браку одною изъ главныхъ причинъ своей гибели; ему же онъ былъ обязанъ своею безумною самонадѣянностью. Съ одной стороны Наполеонъ не далъ свободы дѣйствія партіи искренно національной; съ другой—онъ терялъ въ разговорахъ время, которое уже могъ употреблять на военныя дѣйствія, напр. на захватъ Бельгіи, который далъ бы ему лишнихъ 50.000 войска.

Это напоминаетъ мнѣ исторіи кондотьеровъ и тирановъ Италіи, которые браками роднились съ княжескими родами, и браки эти завлекли и погубили трехъ изъ этихъ авантюристовъ и тѣмъ доказали, что лучшей приманкой на гибель бываетъ женщина. Къ тому же война приняла теперь совершенно другой образъ. Для Александра, все болѣе и болѣе

уходившаго въ мистицизмъ, она приняла видъ крестоваго похода противъ врага общаго спокойствія и представителя антихристіанскаго принципа.

Если и была для Бонапарте возможность спасенія, то она состояла въ томъ, чтобы онъ искренно выставилъ принципы революціи, но онъ испугался. Франція была менѣе усыплена, нежели то полагали. Актъ, который онъ добавилъ къ государственной конституціи и который даровалъ новыя права, какъ продолженіе двѣнадцатилѣтняго деспотизма, не обманулъ избирателей, призванныхъ имъ для принесенія присяги. Они сказали строго, что онъ долженъ былъ принести изъ изгнанія своего раскаяніе въ прошломъ. Въ день этой присяги церемонія майскаго поля была смѣшна во многихъ отношеніяхъ. Во первыхъ, къ чему это карловингское имя майскаго поля? Къ чему обѣдня съ кардиналами въ красныхъ чулкахъ? Шампольонъ старшій, человѣкъ довольно двусмысленный, прочелъ сомнительный и не полный списокъ голосовъ, который называли спискомъ *почти единогласнаго избранія*.

Но что было страннѣе всего, что едва не лишило церемонію всякой серьезности, это былъ костюмъ императора. Каково было изумленіе видѣть того, который всегда появлялся въ военной формѣ и сапогахъ со шпорами, вдругъ облекшимся въ бѣлыя одежды непорочности, въ костюмъ юнаго Эліасена изъ Гоѳоліи! Прибавьте къ этому, что надъ этой дѣвственной бѣлизной рѣзко выдѣлялась желтая и мрачная физіономія корсиканца. Все казалось театральной ложью и было ею. Худшимъ изо всего было то, что спрашивали: неужели все кончится этой сценой; потому что ожидали другаго. Одни думали, что Марія Луиза возвратится съ ребенкомъ и принесутъ миръ; другіе, что Бонапарте, отрекшись отъ престола, возстановитъ республику подъ управленіемъ избраннаго консула.

Какъ продолженіе этой комедіи онъ въ то время, когда вся Европа шла на него, занимался составленіемъ палаты перовъ. Въ палатѣ депутатовъ у него было не болѣе шестидесяти голосовъ. Это значило, что и Франція такъ же отвергала его, какъ отвергала Европа. Съ 13 марта Европа,—я говорю не только о государяхъ и дипломатахъ, но и народахъ самихъ,—осудила этого демона войны. Изгнаніе его на островъ южнаго океана, св. Елену было уже рѣшено и этому рукоплескали болѣе всего вооруженныя массы, которыя, возвратясь по домамъ въ 1814 г., были снова въ 1815 призваны на то, чтобы исполнить приговоръ, произнесенный надъ ненавистнымъ арестантомъ.

Важное событіе происходило въ сосѣдствѣ нашемъ—реставрація Испаніи, которая подавала Бурбонамъ надежду, что можно исказить и реставрацію во Франціи, обойти обѣщанія хартіи, данныя противъ воли, какъ мы это уже видѣли. Безумное упорство Бонапарте въ его дѣлѣ съ Испаніей побуждало его оттягивать до послѣдней минуты исполненіе плана возвратить свободу Фердинанду и отпустить его, наложивъ на него условія. Бонапарте, который какъ много говорилъ о томъ, что дѣйствовалъ только ради испанцевъ, злобствовалъ противъ нихъ за мужественное сопротивленіе ихъ и не поставилъ никакихъ условій въ пользу народа. Съ другой стороны англичане, которымъ кортесы не дозволяли взять Кадиксъ и американскія колоніи, отмстили, не потребовавъ ничего для Испаніи отъ Фердинанда. Такъ съ обѣихъ сторонъ героическая нація эта была предана безъ всякихъ условій тирану своему, алкавшему мщенія.

24 марта, почти въ ту минуту, когда союзники вступали въ Парижъ, Фердинандъ вступалъ въ Испанію, не получивъ отъ кортесовъ никакихъ обязательствъ, кромѣ клятвы очень

призрачной. Самъ онъ увернулся отъ клятвы довольно двусмысленнымъ письмомъ, которое послалъ передъ своимъ прибытіемъ. Наконецъ, 24 мая въ Валенціи онъ объявилъ уничтоженными всѣ постановленія кортесовъ и отказался дать присягу конституціи. Англійскій министръ, хорошо знавшій его, опасался, чтобы Англія не пришла въ негодованіе на то, что сдѣлала такъ много для возстановленія на престолѣ чудовища, взялъ съ него единственное обѣщаніе, что онъ не будетъ проливать крови. Но это не помѣшало морить патріотовъ медленною агоніею въ *президахъ*—африканскихъ каторгахъ. Это не помѣшало изгнанію двѣнадцати тысячъ человѣкъ и конфискаціи ихъ имѣній. Весь югъ Франціи былъ заселенъ живыми скелетами умиравшими съ голоду. Возстановленная инквизиція усиливала жестокости страшной полиціи, слѣдуя указаніямъ Гравины, нунція Пія VII и духовника дона Карлоса; у него пришлось отнять управленіе монастыремъ молодыхъ монахинь, которыхъ онъ всѣхъ растлилъ.

Эта тиранія въ Испаніи и громадныя конфискаціи ея внушали эмигрантамъ нашимъ сильное соревнованіе. Они изыскивали средства подражать всему этому, не смотря на обѣщанія хартіи, соединясь съ Испаніей, съ Наполеономъ, съ возвращенными Бурбонами и воскрешая такимъ образомъ между тремя націями то, что называлось *семейнымъ договоромъ* и было плодомъ идеи Шуазеля и Людовика XV. Чтобы снова поглотить весь западъ ретроградной партіей, къ договору присоединили Австрію и это такимъ образомъ, что устранили императора Александра, у котораго теперь осталась только одинъ союзникъ—Пруссія. Планъ ханжей павильона Марсанъ, друзей графа Артуа, былъ по природному инстинкту лукавства, принятый Людовикомъ, XVIII противъ Александра, который привелъ его въ Парижъ и принудилъ дать Франціи хартію.

Людовикъ XVIII нашелъ удовольствіе довѣрить исполненіе этого дѣла неблагодарности человѣку, который болѣе чѣмъ кто либо видѣлъ милостей отъ Александра, Талейрану, которому Александръ оказалъ честь дать у себя въ Парижѣ помѣщеніе. Талейранъ былъ очарованъ тѣмъ, что могъ вести интригу вѣнскаго конгресса и тѣмъ примирить себя съ ретроградной партіей. Александръ въ негодованіи, чтобы отмстить, принялъ хорошо Евгенія и всѣхъ Богарне, которые вслѣдствіе этого стали питать самыя безумныя надежды.

Дѣло въ томъ, что Александръ, быть можетъ, изъ воспоминанія о прежней дружбѣ, выказалъ много снисходительности, даже изумительнаго неблагоразумія, назначивъ для Бонапарте мѣстожительство въ родномъ климатѣ изгнанника, предложивъ ему Корсику, потомъ островъ Эльбу, такъ близкій къ Франціи и Италіи. Талейранъ злостно повторялъ англійскія рѣчи, что всего лучше посадить Наполеона за океанъ, на островъ св. Елены, мѣсто гдѣ удобно сторожить его, и гдѣ онъ будетъ находиться въ полу-тюрьмѣ, на базальтовомъ пикѣ, какъ тѣ, на которые англичане засадили столькихъ индійскихъ принцевъ.

III.

Ватерло 18 іюня 1815 г.

Великій историкъ, который обличилъ ложь записокъ св. Елены, Шаррасъ, и Кине, въ небольшой и прекрасной книгѣ своей, можетъ быть не достаточно сильно выказали слѣдующее: *что Франція осудила Бонапарте*, отвергла его; я говорю не о роялистской Франціи, не о Вандеи, Ронѣ, но о великой безпристрастной Франціи, которую составляло громадное большинство населенія. Онъ могъ набрать всего 16.000 рекрутъ.

Небольшое число голосовъ палаты депутатовъ, подавшихъ голосъ за него, какъ нельзя лучше свидѣтельствовало о слабомъ меньшинствѣ, которое еще было за него и приняло участіе въ войнѣ. «При Ватерло было мало народа». Почему? Потому что Франція знала Наполеона и не рѣшалась сражаться для того, чтобы снова вернуть тиранію и вѣчную войну.

Армія Ватерлоская была вполнѣ воинственной арміей, набранной не изъ молодежи, какъ большая часть лейпцигской, но изъ солдатъ загорѣлыхъ и закаленныхъ въ войнѣ. Были плѣнники вернувшіеся изъ Россіи, Испаніи или съ англійскихъ понтоновъ; всѣ были сильно озлоблены, одичавши. Одинъ англичанинъ, разсказывавшій о сраженіи и служившій въ англійской кавалеріи, говоритъ съ какою страстною ненавистью французскіе кирасиры преслѣдовали, кололи англичанъ, которые, благодаря своимъ несравненно лучшимъ лошадямъ, постоянно опережали ихъ. «Я никогда не видѣлъ такихъ враждебныхъ, ни такъ жестко воинственныхъ лицъ,» говорилъ онъ. Наши солдаты были полны не только злобы, но и недовѣрія; они приписывали измѣнѣ всѣ послѣднія пораженія, не ставя ни во что ни вины Наполеона, ни то, что онъ возстановилъ противъ себя все человѣчество.

Многіе переходили къ непріятелю, не какъ Мармонъ in extremis, послѣ упорнаго сопротивленія, но заранѣе и въ критическую минуту, какъ вандеецъ Бурмонъ. Еще худшимъ было то, что Кларкъ, бывшій военнымъ министромъ въ 1814 г., а въ 1815 министромъ Людовика XVIII въ Гандѣ, далъ союзникамъ самыя полезныя для нихъ свѣдѣнія. Посланный имъ офицеръ на память сдѣлалъ союзникамъ разсчетъ, вычисленіе силъ, которыя были съ Наполеономъ, 120.000 чел. Велингтонъ еще ночью зналъ это и принялъ сраженіе только удостовѣрясь,

что пруссаки подоспѣютъ къ нему на помощь въ четыре часа по полудни.

Пруссаки, сначала сильно испуганные успѣхомъ Бонапарте при Флёрусѣ и при Линьи, разсѣялись и въ значительномъ числѣ, какъ говоритъ Мармонъ. Мармонъ, опасно раненый, былъ перевезенъ въ Ахенъ и видѣлъ тамъ 3000 чел. прибѣжавшихъ въ это мѣсто, находившееся на очень далекомъ разстояніи отъ поля сраженія. Мармонъ, судья вполнѣ компетентный и свидѣтельство его сходится съ показаніемъ Шарраса, человѣка положительнаго, который говоритъ, что Наполеонъ, нерѣшительностью своею, потерялъ всѣ выгоды, какія онъ имѣлъ въ началѣ сраженія; что 16 іюня онъ ослабилъ Нея, не далъ ему овладѣть Катрбра и раздавить непріятельскій авангардъ. Эта нерѣшительность водила его отъ Эрлона въ маршахъ и контръ-маршахъ, такъ что онъ не могъ быть полезенъ ни противъ англичанъ, ни противъ пруссаковъ, которые съ приходомъ Бюлова усилились на 30.000 чел.

18 іюня при Ватерло, Бонапарте узналъ изъ перехваченнаго письма, что Блюхеръ придетъ въ четаре часа пополудни. Слѣдовательно, онъ долженъ былъ начать нападеніе гораздо раньше. Погода была дурная, ночью выпалъ сильный дождь; намокшая жатва дѣлала равнину непроходимой для кавалеріи и артилеріи. «Прибавьте еще», говоритъ Мармонъ; «намъ приходилось разсчитывать и то, что у насъ было слишкомъ мало снарядовъ для продолжительнаго сраженія. Наполеонъ завтракалъ въ восемь часовъ, очень поздно для іюня, когда день начинается рано. Петіэ, генералъ кавалеріи, сидя верхомъ видѣлъ, какъ онъ завтракалъ за маленькимъ столомъ, и говорилъ, что всѣ были поражены его блѣдностью, производившей впечатлѣніе чего то фантасамгорическаго. «Видя это

лицо изъ сала, мы всѣ почувствовали», говоритъ онъ: «что это дурное предзнаменованіе.»

Онъ началъ сраженіе только въ одинадцать часовъ по желанію Велингтона, который съ часами въ рукахъ, съ величайшимъ нетерпѣніемъ ждалъ четырехъ часовъ и прибытія пруссаковъ; къ счастью для него, Наполеонъ потерялъ еще нѣсколько часовъ, на приступѣ замка Гугемона, который онъ могъ раздавить артилеріей, если бы не былъ принужденъ беречь порохъ. Но отчего же у него не хватило предусмотрительности заранѣе привезти достаточные запасы?

Французская кавалерія подъ начальствомъ Нея, смявшая и раздавившая англійскую, овладѣла высотами надъ равниной, на которой стоялъ Велингтонъ; но англійская инфантерія своею стойкостью, быстрыми залпами, превосходнымъ оружіемъ и порохомъ, лучшимъ чѣмъ нашъ, остановила французовъ. Теперь настала минута двинуть императорскую гвардію. Но Наполеонъ рѣшался на это, только испробовавъ всѣ другія средства; при Ватерло онъ послалъ ее слишкомъ поздно и она сдѣлала немного. Тяжелая артилерія ея завязла въ грязи. Велингтонъ, видя ее увязшей, парализованной, сдѣлалъ ужасную жертву для того, чтобы еще дольше удержать ее. Онъ напоилъ до пьяна одинъ изъ лучшихъ драгунскихъ полковъ и на разнузданныхъ лошадяхъ пустилъ весь полкъ сверху на французовъ, зная хорошо, что всѣ драгуны будутъ перерѣзаны, но что этою рѣзнею онъ выгадаетъ еще нѣсколько минутъ до прихода пруссаковъ. Бюловъ пришелъ съ 30.000, Блюхеръ долженъ былъ придти съ 80.000.

Здѣсь причина возникшаго сильнаго спора. Наполеонъ обвиняетъ Груши въ замедленіи. Но даже еслибы Груши и шелъ быстрѣе, такъ говоритъ Шаррасъ, то развѣ онъ могъ

бы съ 30.000 остановить 100.000? *) Груши, прибывшій въ десять часовъ, могъ во всякомъ случаѣ только усилить бѣдствіе. Конецъ сраженія и послѣдовавшее смятеніе очень благопріятны для созданія всякихъ картинъ воображенія. Здѣсь поле торжества риторовъ. Даже роялисты, вслѣдствіе своего культа власти какой бы то ни было, стараются защитить Наполеона. «Онъ бросался на смерть, его удержали и онъ не могъ умереть.» Адъютанты его, напр. генералъ Бернаръ, говорятъ совершенно противное. Онъ уѣхалъ очень рано и персидскій конь его безъ роздыха унесъ его за десять лье, въ Филипвиль. Онъ былъ первымъ изъ бѣглецовъ. Онъ, какъ и при возвращеніи изъ Египта, Москвы, Лейпцига, опередилъ всѣхъ и заслужилъ призъ за бѣгъ.

Мы уже видѣли, какъ онъ былъ нервенъ въ Провансѣ. Здѣсь же, въ этой поспѣшности скрыться въ безопасномъ убѣжищѣ, всего ярче выступаетъ черствая нечувствительность и забвеніе чести. Потому что армія не была же уничтожена и говорятъ, что англичане и голландцы потеряли такое же число людей. Черныя массы пруссаковъ, подошедшія вдругъ въ числѣ ста тысячь, произвели панику и заставили Наполеона сказать: «Ихъ слишкомъ много.»**) По дорогѣ, храбрые люди, какъ Мутонъ-Лобау нѣсколько разъ пытались собрать нашихъ солдатъ и снова повести ихъ на непріятеля; но они были поражены въ сердце, упали духомъ. Кто рискнетъ сказать, что еслибы императоръ захотѣлъ остаться, то присутствіе его не остановило бы, не пригвоздило бы къ полю сраженія тѣхъ солдатъ, которыхъ Лобау строилъ въ ряды, которыхъ раненый и окровавленный Камбронъ удержалъ при себѣ и которые хотѣли умереть съ нимъ?

---

*) Шаррасъ глава XV.

**) Слово историческое.

Въ Шарлеруа Наполеонъ сказалъ: «Я остаюсь въ Ланѣ». Въ Ланѣ онъ издалъ лживый манифестъ свой о Ватерло, сожалѣя только объ одномъ, что не обвинилъ Нея въ потерѣ сраженія. Наконецъ онъ рѣшился стать лицомъ къ лицу съ Парижемъ, говоря, что если, Парижъ будетъ въ рукахъ его, то будетъ и все. Но также, какъ и по возвращеніи своемъ съ Эльбы, онъ рискнулъ войти въ Парижъ только вечеромъ и жалко прокрался въ Елисейскія поля, не смѣя войти въ Тюльери. И здѣсь еще роялисты, съ Ламартиномъ во главѣ, защищаютъ Наполеона; они приписываютъ все, что за тѣмъ послѣдовало, интригамъ Фуше, который съ одной стороны сносится съ Велингтономъ, съ другой—толкаетъ Лафайета.

Совершенно напрасно затемняютъ этими тщетными хитросплетеніями фактъ порожденный необходимостью и который ясенъ какъ день. Императоръ, болтая неосторожно, сказалъ о представителяхъ націи: «Еще побѣда—и я заставлю ихъ всѣхъ замолчать. Двѣ побѣды—и я прогоню ихъ.» Онъ сказалъ это въ день отъѣзда своего въ Ватерло.*) Онъ возвращался побѣжденный, въ третій разъ погубивъ Францію и требуя, чтобы она еще разъ ввѣрила ему свое спасеніе. Это было безстыднымъ, нелѣпымъ требованіемъ, когда союзники еще 14 марта сказали, что онъ былъ единственнымъ препятствіемъ миру, что война велась противъ него, а не противъ Франціи.

Повѣрили союзникамъ. Поведеніе Александра въ 1814 г. было по истинѣ великодушно и внушало довѣріе. Онъ отстоялъ противъ закоренѣлыхъ враговъ Франціи сохраненіе ей въ Европѣ значенія великаго государства и на перекоръ эмигрантамъ настоялъ на томъ, чтобы она получила хартію, ко-

*) Ламартинъ самъ сознается въ этомъ, Реставрація г. IV стр. 328.

торая должна была обезпечить внутреннее спокойствіе. Отъ Бонапарте, начиная съ 18 брюмера, не видѣли ничего кромѣ клятвопреступленій и азартныхъ предпріятій безумнаго игрока. Онъ возвращался побѣжденный, осужденный Европою и что же предлагалъ Франціи? Раздѣлить съ нимъ проклятіе, произнесенное надъ нимъ и скрѣпленное пораженіемъ его... Этотъ побѣжденный и осужденный пришелъ сказать: «Вѣрьте мнѣ еще, и я спасу васъ.»

Кажется, что въ эту минуту всѣ остатки ватерлоской арміи, возвращавшіеся какимъ то чудомъ, покинутые Наполеономъ, который нисколько не позаботился объ участи ихъ, должны бы были протестовать противъ него. Но солдаты остались бонапартистами,—странное дѣло—и онъ вскорѣ собралъ вооруженную массу, чтобы дѣйствовать противъ палаты. Да, со стороны Лафайэта было мужественнымъ шагомъ предложить слѣдующій декретъ, который и былъ принятъ: «Палата остается несмѣняемой. Каждый, кто сдѣлаетъ покушеніе распустить ее, будетъ судимъ за государственную измѣну. Національная гвардія будетъ созвана. Министры призываются въ палату». Этимъ декретомъ палата брала на себя правленіе и отнимала его у Бонапарте; она передѣлывала его 18 брюмера.

Что будетъ онъ дѣлать? Ему, уже стѣсненному со всѣхъ сторонъ европейскими арміями, погубленному и пораженіемъ при Ватерло и прокламаціями союзниковъ, которые обѣщали миръ, оставался только одинъ путь — не спасенія, а самоубійства: употребить солдатъ, возвращавшихся къ нему съ прежнею покорностью, на гнусное предпріятіе, о которомъ онъ мечталъ прошлаго года и которое окончилось бы сожженіемъ Парижа; стать противъ палаты, говоря другими словами: противъ Франціи. Къ счастью, у него не хватило отваги на

такое великое преступленіе, на которое онъ пошелъ бы тогда, еслибы не отказъ генераловъ: Нея, Удино, Лефевра и друг. Въ 1815 у него не хватило, говорю я, отваги на такое отчаянное предпріятіе. Трусость его въ Провансѣ и быстрое бѣгство изъ Ватерло сильно размягчили его и, не смотря на порывъ мужества, выказанный имъ въ Греноблѣ, онъ самъ начиналъ судить себя такъ, какъ будетъ судить его потомство.

Люсьенъ, который былъ отчаянной головой, совѣтовалъ ему снова сдѣлать 18 брюмера. Наполеонъ не посмѣлъ и трусливо держался за такую мѣру: просить чтобы пять комиссаровъ обсудили съ министрами его средства спасенія, — чего? Его династіи. Здѣсь припоминается невольно, срывается съ языка потокъ ругательствъ конвента и слово его 9 термидора: «Какъ трудно убить тирана!» Но Робеспьеръ, свирѣпый и безкорыстный, несравненно менѣе заслуживалъ это проклятіе. Бонапарте, съ безумнымъ омерзительнымъ упорствомъ, требовалъ сохраненія династіи своей, хотѣлъ, чтобы Франція въ опасности призвала для защиты и спасенія ея, австрійскаго ребенка породы эпилептиковъ, котораго портреты въ сущности изображенія полупомѣшаннаго. Люсьенъ осмѣлился настаивать на этомъ и вызвалъ страшное слово Лафайэта; то былъ приговоръ, которымъ гибельная династія эта оставалась на всегда заклейменной и который былъ гнѣвнымъ отвѣтомъ на слова тирана въ брюмерѣ: «Что вы сдѣлали съ Франціею». Люсьенъ разносилъ даже въ палатѣ перовъ свое наглое предложеніе призвать эту маленькую куклу, т. е. самого Наполеона. И даже въ этой палатѣ былъ осмѣянъ.

Силла говорилъ, что когда рубашка полна вшей, то нечего больше дѣлать, какъ сжечь ее. Вѣрное сравненіе. Наиболѣе цѣпкій изо всѣхъ паразитовъ—тиранъ. Вотъ почему итальянцы, рѣшая участь своихъ тирановъ, всегда слѣдовали

только одной аксіомѣ Силлы. Наполеонъ отрекся отъ престола для своего сына. Онъ былъ до того наглъ въ упорствѣ своемъ, что когда ему говорили о томъ, что и братья его должны за себя отказаться отъ короны, онъ вышелъ изъ себя, протестовалъ съ крикомъ. Наконецъ, узнавъ, что сами перы отвергали регентство, онъ говорилъ, что не отречется. Нужно было буквально взять его за плечи и вытолкать изъ Франціи.

А затѣмъ началась новая комедія. Всю дорогу до Рошфора онъ хотѣлъ увѣрить, будто приговоръ его, произнесенный 5 мая цѣлою Европою, могъ быть отмѣненъ только одною Англіею. Ему ничего не обѣщали, ему не отвѣчали. Но съ величайшею безтактностью его заточили на св. Еленѣ; такъ что обманщикъ могъ обратить такіе высокіе подмостки въ Кавказъ, эксплуатировать состраданіе общества и подготовлять безконечною ложью второе кровавое повтореніе всѣхъ бѣдствій имперіи.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

КНИГА ПЕРВАЯ.

ФРАНЦІЯ. ИТАЛІЯ. РОССІЯ.

КНИГА ВТОРАЯ.

АНГЛІЯ. ФРАНЦІЯ. РОССІЯ.

КНИГА ТРЕТЬЯ.

ГЕРМАНІЯ.

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ.

КНИГА ПЯТАЯ.

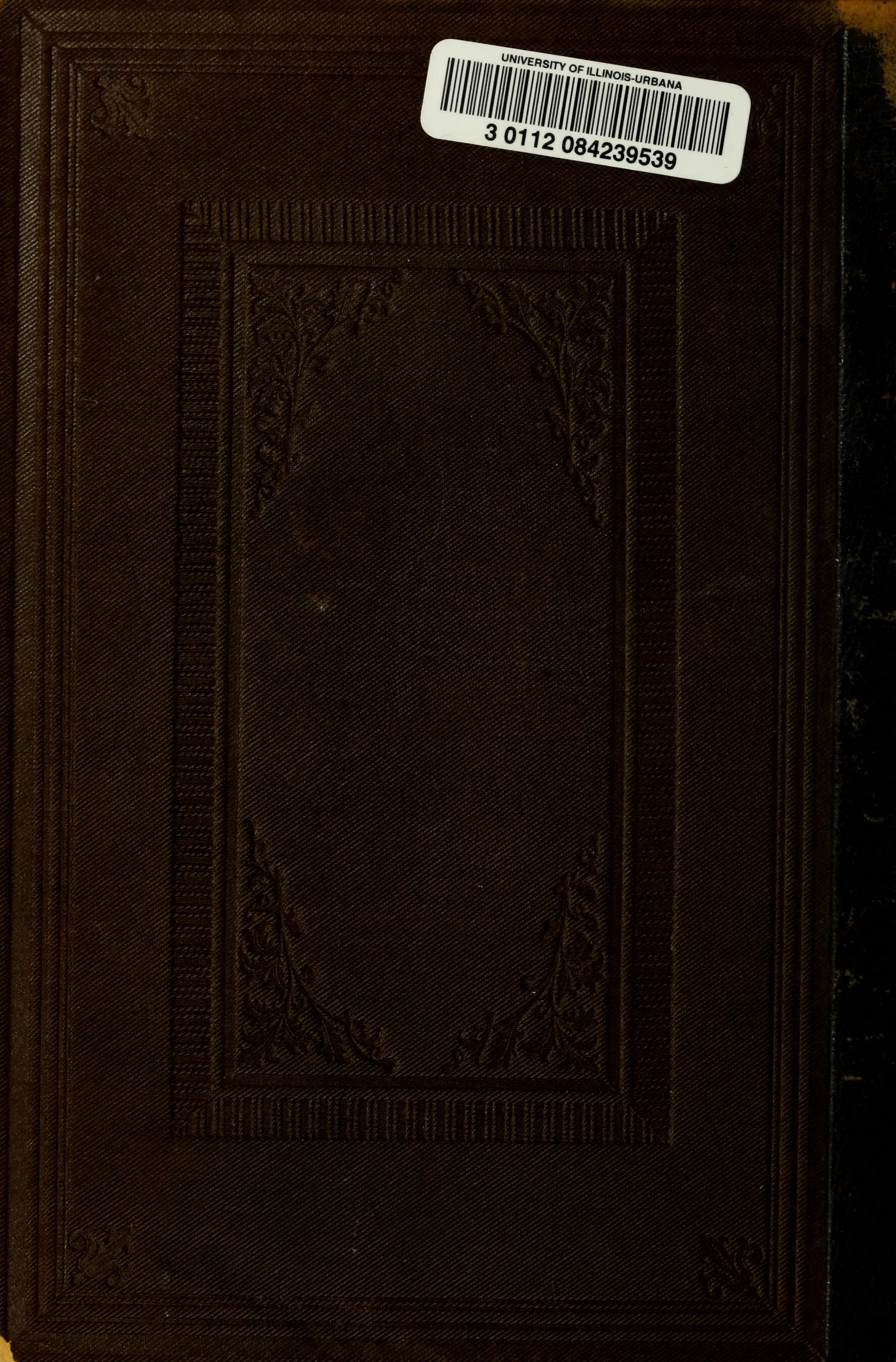
Занятіе РИМА, ЛИСАБОНА, МАДРИТА 1808.

КНИГА ШЕСТАЯ.

РОССІЯ. ГЕРМАНІЯ. ФРАНЦІЯ.

КНИГА СЕДЬМАЯ.

РЕСТАВРАЦІЯ. БУРБОНЫ.


UNIVERSITY OF ILLINOIS-URBANA
3 0112 084239539